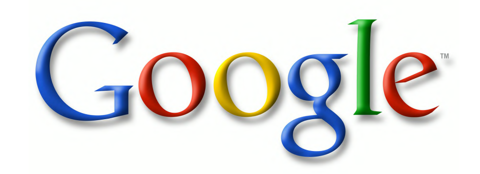

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE
RI
TAS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXX. — ТОМЪ CCXXXIV. — 1/14 ІЮЛЯ 1905

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

3462

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1905.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1905-го года.

(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ

и

КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ

ВО ФРАНЦІИ

Среди вопросовъ текущей жизни во Франціи ни одинъ не имѣетъ такого глубокаго государственнаго значенія, какъ вопросъ о системѣ народнаго просвѣщенія. Собственно говоря, для Франціи это—гамлетовскій вопросъ: „быть или не быть?“ — но онъ таится такъ глубоко въ нѣдрахъ народной жизни, что извнѣ трудно и догадаться о его существованіи. Съ точки зрѣнія формальной логики, послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ республиканскаго режима казалось бы, что тутъ не можетъ быть никакихъ затрудненій, что основная задача воспитанія должна быть разрѣшена въ духѣ соціальнаго прогресса. Поэтому настоящая проблема не бросается въ глаза поверхностному наблюдателю. За-границею большинство и не подозрѣваетъ, какой сложный психологическій моментъ переживаетъ въ настоящее время Франція, и какое историческое значеніе имѣетъ начавшаяся въ ней борьба идей. Между тѣмъ, отдѣльные моменты этого кризиса ..стны повсюду и во многихъ вызываютъ серьезное изумленіе. ..еменамъ до насъ доходятъ отрывки горячихъ преній изъ ..ента и изъ французской прессы, въ которыхъ консерва.. защищаютъ свободу преподаванія, а радикалы оказы..ся сторонниками государственной монополіи и требуютъ за-

крытія частныхъ учебныхъ заведеній. Мы смутно чувствуемъ, что положеніе вещей представляется въ какомъ-то новомъ свѣтѣ, но a priori не можемъ догадаться, чѣмъ вызывается такая перестановка понятій, и на чьей сторонѣ должны быть наши симпатіи. Другіе, не менѣе знаменательные симптомы проявляются въ литературѣ. За послѣднее время, изъ среды такъ-называемыхъ „націоналистовъ“ поднимаются голоса протеста противъ свободной мысли, голоса ненависти къ научной истинѣ, и начинается такая экзальтація узко-національныхъ и религіозныхъ инстинктовъ, которой никакъ нельзя было бы ожидать на родинѣ Вольтера и энциклопедистовъ. Среди молодыхъ писателей стóитъ лишь познакомиться съ Морисомъ Барресомъ и Леономъ Додэ, сыномъ знаменитаго Альфонса Додэ, чтобы ужаснуться узкости и фанатизму ихъ взглядовъ. Значительно выше ихъ въ умственной іерархіи — Брюнетьеръ, извѣстный критикъ, членъ Французской академіи и директоръ „Revue des Deux Mondes“; онъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ поразительныхъ по своей тенденціи статей, въ которыхъ доказываетъ „банкротство науки“ и старается направить мысль „по стезямъ вѣры“. Наконецъ, еще выше, въ сонмѣ великихъ ученыхъ, насъ поражаетъ личность Жюля Сури, который съ колоссальною эрудиціей по анатоміи и физіологіи нервной системы и съ нравственными качествами настоящаго аскета науки соединяетъ религіозный фанатизмъ и расовую нетерпимость. Примѣръ Жюля Сури, быть можетъ, самый изумительный. Будучи полнымъ атеистомъ, онъ остается ярымъ католикомъ, и какъ самъ говоритъ, — по политическимъ и соціальнымъ убѣжденіямъ. Онъ давно уже не вѣруетъ, но продолжаетъ посѣщать церковь и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, „повторяя жестъ предковъ“ и стараясь сохранить возможную гармонію съ историческимъ прошлымъ Франціи. На фонѣ современной жизни эти явленія представляются черезчуръ неожиданными, чтобы, познакомившись съ ними, не спросить себя, откуда берутся такія вѣянія. Лѣтъ 20—30 тому назадъ, подобные взгляды вызвали бы осужденіе и негодованіе всей либеральной интеллигенціи. Но какая разница съ поколѣніемъ Тэна, Ренана, Прево-Парадоля, Абу и др., которые были французами до мозга костей, и въ то же время науку и научную истину ставили выше всякихъ „національныхъ“ инстинктовъ! А въ наше время, приведенные нами примѣры представляются хотя выдающимися, но далеко не единичными: за тѣми вождями мысли стоитъ цѣлая армія фанатичныхъ и реакціонныхъ публицистовъ, прикрывающихся знаменемъ „націонализма“.

Но чѣмъ болѣе присматриваешься къ этимъ явленіямъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что создалось новое міровоззрѣніе и что оно является результатомъ воспитанія. Если же теперь прислушаться къ тѣмъ ожесточеннымъ преніямъ, которыя вызываетъ вопросъ о системѣ народнаго просвѣщенія, то станетъ очевиднымъ, что въ этомъ вопросѣ выражается глубокій психологическій кризисъ, переживаемый Франціей. Многое въ этомъ кризисѣ еще неясно, но отдѣльные элементы его уже опредѣлились, и въ настоящемъ очеркѣ мы хотѣли бы сгруппировать относящіеся сюда факты, которые за-границею мало извѣстны, а между тѣмъ во внутренней жизни Франціи играютъ громадную роль. Безъ знанія этихъ фактовъ нельзя понять текущихъ событій французской жизни, а совокупность ихъ представляетъ тѣмъ болѣе любопытную картину, что на этомъ фонѣ отдѣльныя явленія, какъ, напримѣръ, міросозерцаніе Брюнетьера или Сури, получаютъ особую рельефность и создаютъ моменты въ исторіи идей нашего времени.

I.

Роль клерикальной школы во Франціи.

Первый фактъ, который мы считаемъ необходимымъ выяснить, это—общій характеръ народнаго просвѣщенія во Франціи. Быть можетъ, многимъ это покажется излишнимъ. Республика существуетъ во Франціи уже тридцать слишкомъ лѣтъ, и, казалось бы, само собою разумѣется, что французская школа должна быть республиканскою. Таково общепринятое мнѣніе, причемъ многіе, основываясь на двухъ-трехъ громкихъ фразахъ, считаютъ ее не только республиканскою, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, антирелигіозною. Развѣ не извѣстно всѣмъ, что во Франціи преподаваніе катехизиса изъято изъ школьныхъ программъ? Развѣ не говорили въ свое время, что Жюль Ферри изгналъ христіанство изъ Франціи?

Въ виду такихъ укоренившихся мнѣній, мы и считаемъ необходимымъ привести факты, доказывающіе какъ-разъ противное, а именно, что вплоть до самаго послѣдняго времени, до закона 1903 года, французская школа развивалась въ анти-республиканскомъ и узко-католическомъ духѣ. Режимъ, который въ 1903 г. подвергся радикальному измѣненію, былъ созданъ еще въ 1850 г. закономъ Фаллу, установившимъ явочный порядокъ открытія школъ съ минимальнымъ законнымъ цензомъ. Это былъ режимъ полной

свободы народнаго просвѣщенія, который съ внѣшней точки зрѣнія какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ принципомъ либеральной политики. Однако, на практикѣ онъ привелъ къ совершенно неожиданному, характерному для Франціи результату, а именно, къ увеличенію числа школъ, принадлежавшихъ монашескимъ орденамъ, и къ уменьшенію числа свѣтскихъ школъ. De facto, эта свобода оказалась благопріятною только монахамъ...

Вотъ та доминирующая черта, которая характеризовала режимъ народнаго просвѣщенія во Франціи до самаго послѣдняго времени. Быть можетъ, многимъ изъ нашихъ читателей покажется неправдоподобнымъ, чтобы перемѣна формы правленія въ 1870 году не измѣнила если не букву закона, то, по крайней мѣрѣ, духъ школьнаго режима. Неужели и послѣ утвержденія республики свѣтская школа не могла выдержать свободной конкурренціи монашеской школы? Но, помимо того, что мы докажемъ то цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ, мы должны напомнить, что въ первое время послѣ утвержденія республики правительство было республиканскимъ лишь по имени, и страна, потрясенная войною, коммуною, жаждавшая твердаго государственнаго порядка, относилась къ республикѣ съ глубокимъ недовѣріемъ. Въ парламентѣ власть находилась въ рукахъ консервативнаго и прямо-таки реакціоннаго большинства, которое было готово вернуться къ монархіи. Только съ 1886 г., благодаря усиліямъ искреннихъ республиканцевъ, правительство републики вступило въ борьбу съ монашескими орденами, но эта борьба на почвѣ свободной конкурренціи оказалась безуспѣшною. При такихъ условіяхъ естественно, что духъ народнаго просвѣщенія оставался тѣмъ же, какимъ онъ былъ при имперіи. Мы находимъ прямое подтвержденіе этого факта въ оффиціальной статистикѣ. Вотъ данныя, касающіяся народныхъ школъ (enseignement primaire):

	Число школъ (частныхъ) [1]:	
Года.	Принадл. свѣтск. лицамъ.	Принадл. монашеск. орденамъ.
1843	*14.130*	**2.988**
1866	10.523	6.691
1877	5.841	6.685
1882	4.478	8.160
1887	3.936	9.565
1892	3.446	11.825
1897	*2.850*	**13.225**

За двадцать лѣтъ республиканскаго режима, съ 1877 по

[1]) Statistique de l'enseignement primaire. T. VI. 1900.

1897 г., число школъ, принадлежавшихъ конгрегаціямъ, увеличилось съ трехъ до тринадцати тысячъ! Вотъ что̀ скрывалось подъ формулой полной свободы преподаванія! Для завершенія картины слѣдуетъ прибавить, что съ середины этого періода, съ 1886 года, правительство уже вступило въ борьбу съ ними. До того, наряду съ частными школами, къ которымъ относится приведенная статистика, и часть правительственныхъ школъ находилась въ рукахъ католическаго духовенства. Начиная съ 1886 и до 1897 г., правительство понизило число послѣднихъ съ 11.265 до 5.387, передавъ ихъ въ руки свѣтскихъ учителей, и одновременно увеличило общее число свѣтскихъ государственныхъ школъ съ 51.732 до 62.192. Однако, правительственная конкурренція оказалась безсильною противъ конгрегацій; послѣднія же, напротивъ, совершенно захватили частные пансіоны, число которыхъ безостановочно таяло, и за тотъ же промежутокъ времени сократилось на половину (съ 5.841 до 2.850!). Не менѣе убѣдительною представляется и статистика средней школы (enseignement secondaire):

Число школъ для мальчиковъ (частныхъ) [1]:

	1876 г.	1887 г.	1898 г.
1) принадл. свѣтскимъ лицамъ	494	302	202
2) принадл. монашеск. орденамъ	309	349	438

Количество учениковъ:

	1876 г.	1887 г.	1898 г.
1) въ свѣтскихъ школахъ.	31.249	20.174	*9.725*
2) въ конгрегац. школахъ	46.816	50.085	*67.643*

Послѣднія цифры прямо-таки поразительны. Въ 1876 г. число воспитанниковъ у конгрегаціонистовъ превышало число воспитанниковъ свѣтскихъ школъ въ $1^1/_2$ раза, а въ 1898 г. оно превышаетъ въ 7 разъ! Не даромъ Рибо, въ отчетѣ, который сопровождаетъ эти данныя, говоритъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ о банкротствѣ свѣтской школы, задавленной конкурренціей своей соперницы.

Торжество послѣдней выступитъ еще рельефнѣе, если мы сравнимъ развитіе клерикальныхъ пансіоновъ съ развитіемъ государственныхъ коллежей (гимназій) и лицеевъ за тотъ же періодъ. Какъ ни велико было число низшихъ школъ, принадлежавшихъ конгрегаціонистамъ въ 1897 г. (13.225),—ему можно было противопоставить въ пять разъ бо̀льшее число правительственныхъ школъ (62.192) Въ сферѣ же средняго образованія развитіе правительственной иниціативы представляется гораздо болѣе слабымъ:

---

[1]) Statistique de l'enseignement secondaire. 1887 et 1899.

	1876 г.	1887 г.	1898 г.
Число лицеевъ и коллежей	333	346	339.
Число учениковъ	79.231.	89.899.	86.321.

Итакъ, число правительственныхъ школъ (339) было ниже числа клерикальныхъ (438). Съ теченіемъ времени средняя школа перешла уже прямо-таки наполовину въ руки конгрегацій. На основаніи этихъ данныхъ можно сказать, что режимъ народнаго просвѣщенія во Франціи съ изданія закона Фаллу и до самаго послѣдняго времени характеризовался однимъ выдающимся явленіемъ,—ростомъ клерикальной школы, котораго не остановила ни перемѣна формы правленія, ни начатая съ 1886 г. „лаицизація" правительственныхъ школъ—превращеніе ихъ въ свѣтскія школы.

Вотъ какой внутренній процессъ скрывался подъ квази-либеральною формулой свободы преподаванія. Конечно, это—явленіе совершенно специфическое, болѣе возможное только въ католической странѣ, гдѣ монашескіе ордена не ограничивались созерцательнымъ образомъ жизни, а брали на себя также задачу преподаванія. Между тѣмъ, необходимо себѣ еще усвоить, что во Франціи на ряду съ бѣлымъ духовенствомъ, существующимъ на основаніи конкордата и получающимъ отъ правительства содержаніе по бюджету культовъ, есть многочисленныя и богатыя конгрегаціи, связанныя исключительно съ римской куріей. Если вы встрѣтите въ Парижѣ на улицѣ вереницу дѣтей въ сопровожденіи аббата, то не слѣдуетъ заключать, что это—непремѣнно воспитанники конгрегаціонистовъ. Это могутъ быть и воспитанники свѣтскаго пансіона, въ которомъ воспитатели — аббаты, принадлежащіе къ бѣлому духовенству. Послѣ изгнанія ордена іезуитовъ изъ Франціи, ихъ бывшіе пансіоны формально преобразовались въ свѣтскія школы, но зато съ подставными лицами во главѣ ихъ и съ составомъ профессоровъ, тайно принадлежащихъ къ ордену. Конечно, за такими школами статистика не можетъ услѣдить, но въ общемъ, когда мы говоримъ о „клерикальной" школѣ, отличительнымъ признакомъ послѣдней является не господствующій въ ней религіозный духъ и даже не преобладаніе духовнаго элемента надъ свѣтскимъ въ составѣ профессоровъ, а исключительно принадлежность послѣдняго къ монашескому ордену. Эта категорія учебныхъ заведеній и представляетъ ту силу, которая развивалась независимо отъ правительства, въ тѣсномъ общеніи съ римской куріей, и на которую еще Гамбетта указалъ въ своей знаменитой фразѣ: „Клерикализмъ—вотъ нашъ врагъ". Пророческія слова: тайный врагъ республиканскаго строя становился съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе.

Желательно, въ дополненіе этой картины, привести еще нѣсколько данныхъ о развитіи монашескихъ орденовъ во Франціи; только тогда можно будетъ судить о ихъ дѣйствительной силѣ. Во время Великой Революціи всѣ ордена были объявлены закрытыми и всѣ принадлежавшія имъ земли конфискованы; но, начиная съ Реставраціи, они возстановились одинъ за другимъ и, несомые волной всеобщаго прогресса, въ короткое время достигли небывалаго процвѣтанія. Предъ 1789 годомъ во Франціи насчитывалось до 60.000 монаховъ, а сто лѣтъ послѣ революціи, въ 1900 году, число ихъ достигло 200.000! Еще поразительнѣе ростъ ихъ матеріальнаго могущества. Въ 1850 году, по оффиціальному кадастру, за признанными закономъ конгрегаціями считалось недвижимостей круглымъ числомъ на 43.000 000 фр.; въ 1880 г. ихъ недвижимая собственность равнялась уже 421.000.000, а въ 1899 оцѣнка достигла 795.000.000 фр. Тутъ, конечно, всякіе комментаріи излишни. Что же касается тайныхъ конгрегацій, возникшихъ безъ оффиціальнаго разрѣшенія, то богатство послѣднихъ труднѣе исчислить; но нѣкоторыя отрывочныя данныя проливаютъ и тутъ яркій свѣтъ. Вотъ, напримѣръ, конгрегація ассомпсіонистовъ: недвижимая ея собственность въ періодъ между 1880 и 1900 гг. увеличилась съ 780.000 до 3.900.000 фр.! Одинъ орденъ іезуитовъ обладалъ въ 1880 г. недвижимостями на 42.209.245 фр. Въ этомъ году онъ былъ воспрещенъ и формально прекратилъ свое существованіе. Но что же?! Черезъ двадцать лѣтъ за подставными лицами, представлявшими этотъ орденъ, числилось болѣе 48.000.000 фр.

Такимъ образомъ, пока республика поддерживала, по ея мнѣнію, либеральный принципъ свободы преподаванія, внутри страны шла глухая работа и упорная пропаганда реакціонной партіи.

Мы привели факты, въ которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться и противъ которыхъ трудно было бы спорить. Ростъ конгрегаціонныхъ школъ и развитіе конгрегацій—налицо. Тѣмъ не менѣе, обнаруженіе этихъ фактовъ столь неожиданно, что оно требуетъ объясненія. Чѣмъ объясняется такой успѣхъ клерикальной пропаганды, среди враждебнаго ей прогресса научныхъ знаній и демократическаго строя жизни?

Съ перваго взгляда это кажется парадоксальнымъ. Можетъ ли быть, чтобы одна и та же страна обнаружила сильное движеніе впередъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи и, одновре-

менно, склонность къ умственной реакціи? Между тѣмъ, оба движенія существовали, только въ разныхъ слояхъ націи, и для того, чтобы понять ихъ взаимное противодѣйствіе, остается лишь прослѣдить, какъ зародилась эта реакція.

Въ этомъ отношеніи намъ будетъ достаточно привести нѣсколько фактовъ, которые были отмѣчены Тэномъ въ его дневникѣ, относящемся къ 1863—65 гг. Мы говоримъ о дневникѣ, который онъ велъ во время своей поѣздки по Франціи въ качествѣ члена экзаменаціонной коммиссіи сенъ-сирской военной школы, который не предназначался для печатанія и былъ изданъ лишь послѣ его смерти. Здѣсь мы находимъ слѣдующія краснорѣчивыя строки: „Городъ Реннъ.—Въ городскомъ лицеѣ было до 700 учениковъ. Епископъ открылъ клерикальный пансіонъ. Немедленно половина учениковъ перешла туда, и лицей едва влачитъ существованіе.—Тулуза.—Вчера осматривалъ городъ подъ руководствомъ Б., профессора исторіи. По дорогѣ онъ говорилъ про мѣстныя дѣла. Въ Тулузѣ 77 монастырей на сто тысячъ жителей и три громадныхъ клерикальныхъ пансіона, изъ которыхъ одинъ имѣетъ болѣе 500 учениковъ. То же самое въ Пуатье: 38 монастырей на 35.000 жителей. Лицей упалъ наполовину отъ ихъ конкурренціи... Вплоть до такой дыры, какъ Ретель, они все берутъ и вездѣ подрываютъ муниципальную школу...—Безансонъ.—Это—гнѣздо капуциновъ. Кардиналъ-архіепископъ здѣсь сильнѣе императора. Ни одно назначеніе не проходитъ иначе, какъ черезъ его руки. Городская школа набираетъ до 200 учениковъ изъ среды окрестныхъ торговцевъ и крестьянъ; рядомъ съ нею два большихъ клерикальныхъ пансіона берутъ всѣхъ молодыхъ людей города.—Марсель.—Ларемберъ, который совершаетъ такое же турнэ, какъ и я, также пораженъ вліяніемъ духовенства... Здѣсь они—настоящіе хозяева. Никто не можетъ съ ними конкуррировать, потому что даваемое ими воспитаніе имѣетъ не массовый, а индивидуальный характеръ. У нихъ учитель, не имѣя своей семьи, всецѣло преданъ корпораціи, и вся его энергія, вся его мысль направлена къ успѣху учебнаго заведенія.—Мецъ.—У іезуитовъ 500 учениковъ. Другіе большіе пансіоны іезуитовъ находятся въ Парижѣ, въ Пуатье, въ Тулузѣ, въ Ліонѣ, въ Амьенѣ и еще въ нѣсколькихъ маленькихъ городахъ. Бывшіе либералы, члены магистратуры, инженеры, военные,—всѣ отдаютъ туда своихъ дѣтей, потому что это въ модѣ, потому что тамъ питаніе и уходъ лучше; потому что тамъ пріобрѣтаются связи и протекціи; потому что такой-то этимъ путемъ нашелъ богатую невѣсту, и т. д.“.

Такія замѣтки проходятъ красною нитью по всему дневнику Тэна и въ концѣ-концовъ приводятъ его къ слѣдующему заключенію: „Католическая церковь во Франціи представляетъ изъ себя прежде всего свѣтскую власть, правительственную машину. Религіозное чувство, нравственное, мистическое или художественное, существуетъ въ Германіи, въ Италіи, въ Англіи; здѣсь оно почти совсѣмъ отсутствуетъ или проявляется спорадически въ зачаточномъ видѣ. Это—могущественная и правильно дисциплинированная корпорація, которая раздаетъ мѣста и требуетъ повиновенія... духъ ея—духъ стяжанія и господства“ [1]).

Вотъ что̀ писалъ Тэнъ въ шестидесятыхъ годахъ. Между тѣмъ, въ то время не могло быть и рѣчи о правительственной оппозиціи католической церкви. Послѣдняя считалась оплотомъ имперіи, и ей нечего было бояться за свое существованіе. И тѣмъ не менѣе, уже тогда дѣятельность клерикальныхъ школъ была аггрессивная, завоевательная,—уже тогда конгрегаціонисты старались подорвать свѣтскую школу... Если обратить вниманіе на этотъ завоевательный характеръ клерикальной школы, который проявлялся даже въ самыя мирныя времена, то станетъ очевиднымъ, что ея успѣхи въ той или другой средѣ объясняются прежде всего условіями ея организаціи. Вся сила послѣдней заключается въ томъ, что конгрегаціонисты отрѣшены отъ семьи, отъ мелочныхъ интересовъ обыденной жизни и живутъ идеей. Нѣтъ болѣе сильнаго двигателя въ жизни, чѣмъ идея, и, надо добавить,—въ смыслѣ интенсивности великія прогрессивныя идеи стоятъ наравнѣ съ такъ-называемыми маніями или аберраціями мысли. Варѳоломеевская ночь была такимъ же продуктомъ идеи, какъ и 4-е августа 1789 г. Какая же идея служитъ двигателемъ конгрегаціи? Идея господства клириковъ надъ мірянами. Мы не беремся разобрать въ немногихъ словахъ, какъ она сложилась исторически и психологически. Для этого потребовалось бы цѣлое изслѣдованіе. Но элементы ея образованія для насъ совершенно ясны. Католическая церковь, взявъ на себя миссію не только духовной, но и свѣтской власти, слила воедино maximum внѣшняго альтруизма, въ смыслѣ полнаго подчиненія Богу,—съ одною изъ самыхъ эгоистическихъ страстей,—со страстью властвованія. Быть можетъ, первоначально этотъ эгоизмъ былъ безсознательнымъ, но фактъ тотъ, что онъ тѣсно сплелся и развивался вмѣстѣ съ организаціей католической церкви. Было бы интересно прослѣдить ея психологію въ различныя эпохи, потому что послѣдняя

---

[1]) Taine, Carnets de Voyage. 1863—1865.

несомнѣнно должна была измѣняться, и очень можетъ быть, что эгоистическій элементъ не всегда доминировалъ. Мы далеки отъ того, чтобы отрицать цивилизаторскія заслуги католицизма въ средніе вѣка, и легко допускаемъ, что въ то время властвованіе надъ мірянами принимало дѣйствительно благородныя формы. Но, съ другой стороны, для насъ совершенно ясно, что съ постепенной эманципаціей мірянъ, моральный характеръ властвованія долженъ былъ понизиться, а эгоистическій элементъ его долженъ былъ проявиться въ полной силѣ. Мы не можемъ найти лучшаго сравненія, какъ сказать, что съ теченіемъ вѣковъ эгоистическій элементъ развился въ католицизмѣ въ настоящую моральную эпидемію, которая и составляетъ, одновременно, его силу и его опасность.

Подъ вліяніемъ окружающей среды, въ атмосферѣ конгрегаціи даже лучшіе члены ея, понимающіе властвованіе въ самомъ альтруистическомъ смыслѣ, подчиняются гипнозу конечной цѣли и дѣлаются неразборчивыми въ средствахъ. Въ этомъ заключается опасность конгрегаціи для современнаго государства. Съ другой стороны, моральная эпидемія проявляется въ томъ подъемѣ духа, въ томъ живомъ, всепоглощающемъ интересѣ къ своему дѣлу, который характеризуетъ педагогическую дѣятельность конгрегаціонистовъ и составляетъ ихъ безспорную силу. Для нихъ педагогія—не ремесло, а искусство. Всѣ, кто воспитывался въ ихъ заведеніяхъ или знакомъ съ ихъ системой воспитанія, единогласно утверждаютъ, что они относятся къ каждому ребенку, какъ скульпторъ—къ задуманной имъ статуѣ. Они влагаютъ въ него свою душу. Для этого, первое условіе — чтобы ребенокъ сблизился съ однимъ изъ патеровъ настолько, чтобы послѣдній сдѣлался его другомъ и руководителемъ. Если такое сближеніе невозможно, если воспитанникъ обнаруживаетъ черезчуръ строптивый характеръ, то его удаляютъ изъ заведенія, не останавливаясь передъ матеріальной невыгодой такого шага. Но часто ли это бываетъ? Какой ребенокъ устоитъ противъ ласковаго слова и открытаго желанія относиться къ нему какъ къ взрослому? Что̀ болѣе всего претитъ мальчику въ свѣтской школѣ—это холодный формализмъ дисциплины. Отъ него требуютъ знанія 4 — 5 уроковъ въ день, не задаваясь вопросомъ, что̀ его интересуетъ. У патеровъ, наоборотъ, прежде всего пытаются пробудить въ немъ интересъ къ наукѣ, а на лѣность или случайныя уклоненія смотрятъ сквозь пальцы. Ренанъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ бытность его въ семинаріи St.-Nicolas du Chardonnet, гдѣ воспитывались, вмѣстѣ

съ будущими патерами, дѣти знатнѣйшихъ семей Франціи, „не существовало никакихъ наказаній; чтеніе отмѣтокъ и замѣчаній, сдѣланныхъ начальникомъ заведенія, было единственной санкціей, передъ которой всѣ трепетали... Еженедѣльное собраніе по пятницамъ, когда происходило чтеніе отмѣтокъ, производило поразительное и единственное въ своемъ родѣ впечатлѣніе. Всѣ жили въ ожиданіи этого дня“ [1]). Такъ сильно можетъ быть нравственное воздѣйствіе педагога, когда онъ умѣетъ взяться за дѣло. Но для этого необходимо, чтобы онъ самъ увлекался своей задачей. По словамъ Ренана, въ той же семинаріи, по старому регламенту полагалось каждый вечеръ полчаса духовнаго чтенія, но Дюпанлу, начальникъ заведенія, взялъ эти полчаса для себя. „Онъ замѣнилъ чтеніе бесѣдою съ воспитанниками, во время которой вступалъ съ ними въ самое тѣсное общеніе. Всякое событіе внутренней жизни семинаріи, все, что касалось его самого или кого-нибудь изъ воспитанниковъ, являлось темою оживленнаго обмѣна мнѣній [2]). Но для этого надо имѣть настоящее призваніе. Очень интересно въ этомъ отношеніи прочесть книгу извѣстнаго проповѣдника Дюлака, подъ заглавіемъ: „Іезуиты“, въ которой, наряду съ казуистическими аргументами въ пользу іезуитскаго ордена, собраны безспорные факты, доказывающіе ихъ педагогическія способности. Чрезвычайно характерна слѣдующая деталь. Молодой патеръ, занимающійся литературой или математикой съ младшимъ классомъ, уже не покидаетъ его до конца курса. Онъ самъ совершенствуется въ преподаваніи по мѣрѣ того, какъ предметъ становится болѣе труднымъ. Быть можетъ, это не всегда сразу удается, но зато, по крайней мѣрѣ, онъ не теряетъ связи съ своими учениками и живо интересуется ихъ успѣхами. Затѣмъ, стòитъ лишь прочесть описаніе рекреацій, чтобы понять, что для людей, все честолюбіе и вся жизнь которыхъ заперты въ четырехъ стѣнахъ семинаріи, перерывы между уроками являются настоящимъ удовольствіемъ, во время котораго ихъ мысль не отвлекается личными или семейными заботами, а невольно обращается къ тѣмъ же ученикамъ. Вотъ чтò дѣлаетъ ихъ несравненными воспитателями. Можетъ ли съ нимъ конкуррировать свѣтская—частная или правительственная школа? Сравните положеніе патеровъ-воспитателей съ положеніемъ учителей народныхъ училищъ, плохо оплачиваемыхъ, обреченныхъ на очень скромное соціальное положеніе и зачастую обремененныхъ семьей.

---

[1]) Renan, Souvenirs d'enfance et de jeunesse, pp. 178—179.

[2]) Renan. Ibid.

Для первыхъ, педагогія—призваніе; для послѣднихъ, въ полномъ смыслѣ слова—крѣпостной трудъ. Представьте теперь, что въ странѣ съ католическимъ населеніемъ тѣмъ и другимъ предоставлена одинаковая свобода открывать школы. Можетъ ли быть сомнѣніе, которая изъ двухъ системъ—ceteris paribus—восторжествуетъ? Такимъ образомъ, торжество клерикальнаго воспитанія среди враждебнаго ему демократическаго строя современной Франціи объясняется совершенно наглядно, можно сказать, механически, какъ результатъ извѣстнаго рода соціальныхъ силъ, развивающихся въ извѣстной средѣ. Само по себѣ существованіе такого коллективнаго фактора не должно удивлять соціолога. Давно уже признано, что ассоціація людей даетъ не простое сложеніе ихъ индивидуальныхъ силъ, а порождаетъ новые факторы. Удивителенъ въ данномъ случаѣ лишь характеръ послѣдняго. Ассоціація, которая въ исторіи XIX вѣка служила такимъ могущественнымъ орудіемъ прогресса, создала во Франціи орудіе реакціи. Съ этой точки зрѣнія, послѣдняя, еще незаконченная страница французской исторіи заключаетъ въ себѣ чрезвычайно рѣдкое и тѣмъ болѣе любопытное явленіе.

II.

Духъ клерикальнаго воспитанія.

Клерикальное воспитаніе въ современной Франціи заслуживаетъ нашего вниманія не только по своей организаціи, но и по своему духу. Съ этой точки зрѣнія клерикальныя школы представляются вдвойнѣ могущественными и вдвойнѣ интересными. Дѣло въ томъ, что конгрегаціонисты — не простые обскуранты, враги просвѣщенія. Въ такомъ случаѣ, они не были бы опасны, и при всемъ превосходствѣ ихъ организаціи вліяніе ихъ не шло бы дальше школьной скамьи. Напротивъ, ихъ дѣйствительное превосходство надъ обыкновеннымъ типомъ политиковъ-реакціонеровъ заключается въ томъ, что они сами — люди мысли, хотя мысли и извращенной. Они сознаютъ, что всякая попытка остановить прогрессъ мысли есть логическій non-sens. Остановить ея развитіе такъ же трудно, какъ задержать силы природы, но зато ее можно регулировать и направлять. Поэтому они и стремятся не къ тому, чтобы задержать мысль, а къ тому, чтобы развивать ее въ извѣстномъ направленіи, котораго она потомъ уже не могла бы покинуть. Задача въ высшей степени благодарная! Они достигаютъ того, что разъ подчиненныя имъ силы природы ра-

ботаютъ въ ихъ же пользу. Обыкновенный реакціонеръ поступаетъ какъ человѣкъ первобытной культуры, который строилъ плотину передъ самой своей землею, чтобы задержать горный потокъ. Послѣдній разбивался о камни, пока плотина была крѣпка, и искалъ себѣ новаго русла. Конгрегаціонистъ поступаетъ какъ современный агрономъ, который канализируетъ потокъ, направляетъ его теченіе, и когда вода доходитъ до его земли, она служитъ ему могущественнымъ двигателемъ.

Въ чемъ же выражается это подчиненіе мысли? Не такъ давно, лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ, было бы трудно дать на то опредѣленный отвѣтъ. Въ то время клерикальное воспитаніе дѣйствовало еще какъ весенніе соки въ растительномъ царствѣ. Оно оставалось скрытымъ отъ взоровъ наблюдателя. Но съ тѣхъ поръ эти соки проявились въ роскошныхъ, яркихъ цвѣтахъ, и теперь мы видимъ ихъ на каждомъ шагу. Первымъ толчкомъ къ обнаруженію этой скрытой энергіи явилось дѣло Дрейфуса. Тогда впервые открылась пропасть между мышленіемъ прогрессивной интеллигенціи и новой партіи „націоналистовъ". Съ перваго взгляда такое дѣленіе казалось случайнымъ, даже абсурднымъ. Почему одни — „націоналисты"? Тѣ и другіе могли быть горячими патріотами, хотя и расходясь въ субъективной оцѣнкѣ фактовъ. Но съ тѣхъ поръ выяснилось, что различіе между ними не случайное, а основанное на двухъ совершенно разныхъ системахъ мышленія, явившихся результатомъ различнаго воспитанія. Дѣло Дрейфуса дало поводъ высказаться и помогло этому умственному теченію объективироваться въ наглядныхъ, рельефныхъ формахъ. Теперь мы можемъ характеризовать плоды воспитанія, даваемаго конгрегаціонистами, словами самихъ „націоналистовъ".

„Лейтмотивомъ" всѣхъ ихъ теорій является идея „традиціи". Подъ этимъ скромнымъ именемъ скрывается цѣлая система. Традиція въ устахъ либеральнаго политика значитъ опытъ прошлаго, освѣщающій движеніе впередъ и удерживающій отъ неосторожныхъ скачковъ въ сторону. Въ этомъ смыслѣ традиціонная политика соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ каждой страны. Но традиція въ устахъ реакціонера значитъ цѣпь, приковывающая человѣка къ его прошлому. Въ этомъ смыслѣ понимаютъ традицію и конгрегаціонисты. Они поняли, что стóитъ лишь развивать въ человѣкѣ прирожденные наслѣдственные инстинкты, чтобы свести до минимума его умственную свободу. Кто внушилъ имъ эту глубокую психологическую идею? Никто,—она явилась продуктомъ анонимнаго коллективнаго творчества, блестящимъ дока-

зательствомъ того, что среда, въ смыслѣ, принятомъ современной соціологіей, не менѣе реальный факторъ, чѣмъ индивидуумъ.

Противопоставить разрушительному потоку свободной мысли цѣлый рядъ преградъ въ видѣ наслѣдственныхъ инстинктовъ, загромоздить умъ ребенка такими понятіями, которыя сами собою регулировали бы этотъ потокъ—вотъ и вся ихъ задача.

Замѣтьте, въ этомъ дѣлѣ имъ помогаетъ сама природа. Если бы они хотѣли бороться съ антиклерикальными мыслителями на почвѣ научныхъ теорій, то имъ пришлось бы прививать своимъ ученикамъ новыя идеи, новую аргументацію. Гораздо легче развивать то, что уже существуетъ въ зародышѣ. Тутъ сама природа будетъ работать за человѣка. Теперь обратите вниманіе на почву, которую они воздѣлываютъ. Всѣмъ извѣстно, что никакой прогрессъ не совершается безъ разрушенія, которое всегда дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ на буржуазные классы. Человѣку свойственно дорожить тѣмъ немногимъ, что онъ пріобрѣлъ. Особенно это проявляется во Франціи, странѣ, одаренной естественными богатствами и раньше другихъ достигшей средняго уровня благосостоянія. Тэнъ совершенно справедливо замѣтилъ, что „французская буржуазія осуществила свой скромный идеалъ еще въ началѣ XIX-го столѣтія". Послѣ страшной бури 1789 года, она въ свою очередь сдѣлалась консервативною. Дальнѣйшій прогрессъ, съ его разрушительными силами, съ его неизвѣстнымъ будущимъ, легко могъ сдѣлаться для нея настоящимъ пугаломъ. Этой тенденціей и воспользовались конгрегаціонисты. При каждомъ удобномъ случаѣ они выставляли на видъ опасность соціализма, интернаціонализма и другихъ страшилищъ буржуазіи, и культивировали врожденный консерватизмъ французовъ, ихъ привязанность къ арміи, къ извѣстной узко понимаемой національной и сословной чести и къ буржуазному строю государственнаго управленія. Вся задача конгрегаціонистовъ заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать изъ этихъ традиціонныхъ понятій рядъ кумировъ, не подлежащихъ критикѣ, и въ то же время рядъ естественныхъ преградъ свободному теченію мысли. Эту задачу они выполнили въ совершенствѣ, какъ доказало дѣло Дрейфуса. Было бы глубокимъ заблужденіемъ предполагать, что дѣло Дрейфуса раздѣлило Францію на два лагеря. Оно лишь проявило наружу раздѣленіе, которое уже давно таилось. Весь цивилизованный міръ поразился, съ какою яростью часть французовъ подняла крикъ: „Не троньте нашихъ кумировъ,—арміи, суда и національной чести!" За границею, для большинства такъ и осталось непонятнымъ, почему французы потеряли хладнокровіе

въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь дѣло Дрейфуса посѣяло раздоръ въ семьяхъ, разссорило старыхъ друзей, породило фанатическую вражду классовъ! Стоило произнести заколдованное имя Дрейфуса, чтобы самый спокойный на видъ французъ начиналъ горячиться и готовъ былъ потерять голову! На эту тему не было никакой возможности противорѣчить или спорить. Вотъ объективный результатъ, который всѣмъ извѣстенъ, всѣмъ бросался въ глаза. Тогда уже во Франціи поднимались голоса протеста, говорившіе, что это безобразное явленіе—продуктъ клерикальнаго воспитанія,—но это казалось непонятнымъ. Какъ могло религіозное воспитаніе довести массу до такого патологическаго состоянія? Съ тѣхъ поръ многое уяснилось; теперь мы видимъ, что воспитаніе, даваемое конгрегаціонистами, дѣйствовало не на логику, а на прирожденные инстинкты, и патологическій результатъ его становится вполнѣ понятнымъ. Мы уже упомянули, что можемъ объяснить его словами самихъ націоналистовъ. Дѣйствительно, все, что было сказано до сихъ поръ о духѣ клерикальнаго воспитанія, находитъ свое подтвержденіе въ такихъ же объективныхъ данныхъ, какъ и число клерикальныхъ школъ. Совершенно безсознательно и помимо своей воли, они формулируютъ обвиненіе противъ своихъ учителей. Возьмемъ сначала книгу Мориса Барреса: „Les amitiés françaises“ [1]), появившуюся въ прошломъ году. Самое названіе ея характерно: „Французскія симпатіи“. Въ немъ чувствуются доведенные до крайности національные инстинкты. Въ этой книгѣ, представляющей собою родъ дневника, Барресъ разсказываетъ, какъ онъ воспитываетъ своего сына въ духѣ націонализма. Съ наивною искренностью онъ открываетъ намъ все содержаніе традицій, которымъ конгрегаціонисты питаютъ своихъ учениковъ. Нельзя не восхищаться глубокимъ психологическимъ основаніемъ ихъ труда.

„Когда сидишь на берегу моря,—такъ начинаетъ Барресъ свою книгу,—и смотришь на массу дѣтей, играющихъ въ пескѣ, можешь подумать, что они такъ же похожи другъ на друга, какъ безчисленные крабы, съ которыми они забавляются... На самомъ дѣлѣ, каждый ребенокъ имѣетъ свою умственную структуру, каждый является продуктомъ не только физіологическихъ силъ, но также разнообразныхъ нравственныхъ и политическихъ вліяній. Вотъ маленькіе нормандцы,—они происходятъ изъ древней Дакіи; вотъ бретонцы, въ которыхъ живетъ память о кельтахъ; вотъ лотарингцы, перенесшіе напоръ германскихъ племенъ; вотъ го-

[1]) Maurice Barrès, Les amitiés françaises, 1904.

спода и вотъ рабы; вотъ дѣти, рожденныя въ хорошихъ условіяхъ, и вотъ дегенераты; вотъ продукты пресыщенной, утонченной культуры, и вотъ свѣжія, сильныя головы"...

Кто не согласится съ этою психологическою, глубоко-научной точкой зрѣнія? Она безусловно правильна. Но какъ примѣнить ее къ практическимъ условіямъ воспитанія? Вѣдь не всѣ наслѣдственные инстинкты одинаково хороши? Вѣдь надо же дать себѣ отчетъ, которые изъ нихъ могутъ существовать въ современныхъ условіяхъ жизни, и которые должны измѣниться, приспособиться къ новой средѣ. Это, повидимому, дѣло разума, критической мысли. Барресъ смотритъ совсѣмъ иначе. Онъ—фанатикъ традицій, онъ совсѣмъ не сознаетъ темныхъ сторонъ прошлаго. Для него „вся проблема первоначальнаго воспитанія заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать развитію того, что̀ они имѣютъ отъ рожденія", а такъ какъ все прошлое ему рисуется въ радужномъ свѣтѣ, то это развитіе, въ его глазахъ, есть не что̀ иное, какъ „расцвѣтъ врожденной красоты, который, по выраженію св. Амвросія, долженъ совершаться „in hymnis et canticis". Надо сознаться, реакціонеры, клерикалы во Франціи—не простые обскуранты. Это—настоящіе Маккіавелли. Они прибѣгаютъ къ поэтическимъ сравненіямъ, изображая, какъ душа ребенка отдается вліянію національныхъ и наслѣдственныхъ напѣвовъ, какъ она сама начинаетъ вторить въ униссонъ, и какъ изъ этихъ стройныхъ молодыхъ голосовъ слагается гармоническій хоръ цѣлой націи. А тутъ же, на слѣдующей страницѣ, они не брезгаютъ и самыми матеріалистическими аргументами, заимствуемыми у своихъ противниковъ. „Вѣдь жизнь сама по себѣ,—говоритъ Барресъ,—не имѣетъ смысла. Вѣдь если мы откажемся отъ того принципа, который дисциплинировалъ нашихъ отцовъ, и къ которому приспособлено наше мышленіе, то у насъ не будетъ никакого основанія предпочитать одну истину другой въ богатой сокровищницѣ философскихъ системъ. Придется выбирать наудачу, гадая: „орелъ или рѣшетка"... Вотъ до какой тонкости доходитъ эта въ полномъ смыслѣ слова іезуитская казуистика! Какъ будто, какъ ни прикинь—и съ точки зрѣнія вѣрующаго человѣка, и съ точки зрѣнія философа, отрицающаго абсолютную истину, — наслѣдственные напѣвы представляютъ единственно-реальную атмосферу воспитанія. Только при этомъ условіи можно достигнуть того желаннаго результата, о которомъ самъ Барресъ говоритъ съ наивною гордостью: „Когда начинается борьба идей въ душѣ ребенка, я стараюсь поддерживать вліяніе его предковъ. Такимъ путемъ создается культура, отъ которой ему никогда не

отдѣлаться". Съ своей точки зрѣнія онъ безусловно правъ. На его примѣрѣ, на примѣрѣ Брюнетьера, Коппэ, Леона Додэ и другихъ корифеевъ „націонализма" мы видимъ, что есть традиціонные „лейтмотивы", которые навсегда остаются въ головѣ и которыхъ никакая критика не можетъ искоренить.

Какіе же именно напѣвы окружаютъ нашего Барреса? Объ этомъ можно судить по одному названію главъ: „Филиппъ на развалинахъ замка Водемонъ", „Филиппъ въ Домреми, на родинѣ Жанны д'Аркъ", „Филиппъ въ Лурдѣ"... Если бы эту картину создалъ не наивный апломбъ убѣжденнаго націоналиста, то ее можно было бы счесть пародоксомъ или ошибкою. Но это не парадоксъ и не ошибка. Это—совершенно искреннее убѣжденіе, которое развивается детально въ каждой главѣ. Какое значеніе имѣетъ для ребенка картина стараго зàмка? „Исторія,—говоритъ Барресъ,—эта *маленькая*, *проблематическая* наука можетъ оказать разнаго рода услуги. Я требую отъ нея прежде всего, чтобы она дала намъ возможность распространить нашу чувствительность (sic!) на прошедшіе вѣка и ощутить болѣе гордости и болѣе уничиженія, чѣмъ можетъ вмѣстить жизнь одного человѣка". Какая ненависть къ наукѣ и какая экзальтація чувства! Излишне добавлять, что при такомъ критеріумѣ прошлое рисуется въ совершенно искаженномъ видѣ и въ исключительно розовомъ свѣтѣ. Отъ всей мрачной эпохи среднихъ вѣковъ съ ихъ кортежемъ кровавыхъ войнъ, голодовокъ и эпидемій, до маленькаго Филиппа доходятъ лишь опереточныя фигуры рыцарей и трубадуровъ. Онъ уже привыкаетъ сожалѣть объ этомъ невозвратномъ „славномъ" прошломъ, прежде чѣмъ научится понимать, что̀ это была за эпоха.

Какіе же „лейтмотивы" звучатъ въ Домреми и въ Лурдѣ? Торжество мистицизма надъ разумомъ! Вѣдь можно горячо любить поэтическую фигуру Жанны д'Аркъ, но любить ее на реальномъ фонѣ ея эпохи, прекрасно сознавая, какіе соціальные факторы создали тотъ подъемъ національнаго духа, который выразился въ ея подвигѣ. Но не это интересуетъ Барреса. Онъ не хочетъ и допустить мысли о томъ, что мистическіе голоса, которые слышались Жаннѣ, сливались со звономъ колоколовъ. Онъ отрицаетъ показанія ея современниковъ. Для него это были настоящіе голоса, и онъ отвергаетъ всякія объясненія, „потому что невѣдѣніе пріятно человѣку, котораго леденитъ слишкомъ ясное созерцаніе дали" (sic!). Такое же „пріятное невѣдѣніе" онъ культивируетъ и въ Лурдѣ. Трудно повѣрить, что такъ разсуждаетъ человѣкъ далеко не заурядный по своимъ природнымъ

дарованіямъ, человѣкъ, обладающій безспорнымъ поэтическимъ талантомъ и принадлежащій къ высшимъ классамъ французскаго общества. Между тѣмъ, тутъ не можетъ быть, съ нашей стороны, ни тѣни превратнаго толкованія. Онъ самъ старательно формулируетъ свою точку зрѣнія. „Посѣщеніе Лурда,—говоритъ онъ,—это—прогулка для чувства. Она невольно противополагается въ моемъ умѣ тому холодному, правильному парку à la française, въ которомъ молодой Ренанъ размышлялъ надъ письмами своей резонерки-сестры. *Здѣсь сердце не даетъ воли разуму*". Въ этихъ словахъ все сказано. Это—альфа и омега націоналистическаго воспитанія.

Да, мы забыли привести еще одну неизбѣжную нотку, которая завершаетъ этотъ аккордъ впечатлѣній. Мы говоримъ о посѣщеніи маленькимъ Филиппомъ Эльзаса. Глава, посвященная культу реванша, озаглавлена: „Молитвы, которыя не могутъ слиться". Мѣсто дѣйствія—маленькая церковь въ мѣстечкѣ Нидерброннъ, гдѣ Барресъ съ сыномъ присутствуютъ на траурной мессѣ за павшихъ при Фрешвиллерѣ. Въ церкви находятся и ученики мѣстныхъ школъ. „За кого они будутъ молиться,—спрашиваетъ Филиппъ, указывая на школьниковъ,—за французовъ или за нѣмцевъ?" И отецъ, въ восторгѣ отъ этого наивнаго разграниченія загробныхъ интересовъ, увѣряетъ сына, что французъ, хотя бы онъ и сдѣлался германскимъ подданнымъ, мыслитъ и молится иначе, чѣмъ нѣмецъ, и что молитвы ихъ не могутъ слиться. Въ подкрѣпленіе своей мысли онъ разсказываетъ какую-то апокрифическую исторію о томъ, какъ одинъ нѣмецкій офицеръ послѣ сраженія при Вёртѣ плюнулъ въ лицо плѣнному французскому офицеру... Можно ли придумать болѣе возмутительный пріемъ, чтобы экзальтировать чувствительность ребенка? И вотъ еще одинъ „лейтмотивъ" въ душѣ Филиппа,—мотивъ непримиримой ненависти къ нѣмцамъ.

Книга Барреса для насъ безконечно цѣнна. Она иллюстрируетъ на конкретномъ примѣрѣ ту самую теорію клерикальнаго воспитанія, къ которой мы пришли путемъ общихъ соображеній. Барресъ и не подозрѣваетъ, что онъ выдаетъ своихъ единомышленниковъ головою, объясняя, какъ зарождаются тѣ мысли и чувства, которыя мы находимъ въ зрѣломъ видѣ въ произведеніяхъ Брюнетьера, Леметра, Коппэ, Леона Додэ и др. націоналистовъ. Возьмемъ, напримѣръ, послѣднюю книгу Леона Додэ: „Встревоженная Франція" [1]). Это—сборникъ статей на полити-

[1]) Léon Daudet, La France en alarme, 1904.

ческія и соціальныя темы, въ которомъ встрѣчаются теоріи и взгляды для нашего времени совершенно неожиданные. A priori и не сообразишь, какъ можно придти къ такимъ заключеніямъ. Если же посмотрѣть на это творчество съ патологической точки зрѣнія, какъ на результатъ экзальтаціи наслѣдственныхъ инстинктовъ, то многое останется понятнымъ.

Въ одной изъ статей Додэ доказываетъ превосходство легенды надъ исторіей. „Конечно,—говоритъ онъ,—благодаря такому количеству историковъ и добросовѣстныхъ комментаторовъ, отъ насъ не ускользнула ни одна деталь, касающаяся его (Наполеона) антуража, его родныхъ, его друзей, его симпатій и антипатій. Но легенда, разъ она утвердилась,—она пожираетъ плоды этого анализа... Легенда упрощаетъ! Легенда сохраняетъ свѣжесть чувства и колоритъ мечты. Конечно, легенда имѣетъ всѣ слабыя стороны любви, ея увлеченія, ея ошибки, но зато она имѣетъ и ея интуитивную увѣренность и ея способность схватывать главныя черты, устраняя все второстепенное. Освѣщеніе, даваемое легендою, вѣрно, какъ *инстинктъ*, ярко, какъ свѣтъ на картинахъ Рембрандта... Правда, этотъ свѣтъ образуетъ иногда ореолъ или вѣнокъ, въ которомъ не замѣтно терніевъ, но *послѣднему можно лишь радоваться*, потому что легенда оживляетъ, между тѣмъ какъ анализъ убиваетъ... Анализъ, повторяю, еще разъ, долженъ быть скромнымъ слугою легенды"...

Какъ объяснить себѣ такой абсурдный тезисъ въ серьезной критической статьѣ, касающейся произведеній извѣстнаго историка Массона? Кому же нужна такая исторія, искаженная легендою? Тому, кто, по словамъ Барреса, требуетъ отъ исторіи, чтобы она прежде всего говорила его чувству, „расширяла его чувствительность"... Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, анализъ часто убиваетъ воображеніе. Но къ такому заключенію можно придти не логикою мысли, а логикою чувства, сентиментальными прогулками въ Домреми и въ Лурдѣ, „гдѣ сердце не даетъ воли разуму".

Другое, не менѣе характерное патологическое состояніе обнаруживается въ отношеніи Додэ къ наукѣ и къ вѣрѣ. „Нѣтъ и не можетъ быть антагонизма между наукою и вѣрою,—утверждаетъ Додэ,—потому что наука относится къ сферѣ разума, а вѣра—къ сферѣ чувства". Но, спрашивается, развѣ сфера чувства не можетъ быть болѣе или менѣе регулируема разумомъ? „Нѣтъ,—отвѣчаетъ Додэ,—наука, каковы бы ни были ея превращенія въ будущемъ, никогда не измѣнитъ природу человѣка настолько, чтобы онъ могъ обойтись безъ идеала, безъ этой кра-

сивой картинки (belle image), которая находится внѣ сферы его воздѣйствія".

Конечно, если человѣкъ не можетъ обойтись безъ какого-то миража, если онъ столь болѣзненно привязанъ къ своимъ иллюзіямъ, то обширная сфера его жизни останется внѣ воздѣйствія разума,—но развѣ это не патологическое состояніе, не родъ невроза, созданный экзальтаціей чувства? Какъ это характерно съ точки зрѣнія развитія наслѣдственныхъ инстинктовъ! Какъ ясно тутъ сказываются плоды воспитанія въ духѣ Барреса!

Но этого мало. Преобладаніе чувства надъ разумомъ ведетъ не только къ ограниченію мысли, но и къ произволу ничѣмъ не сдерживаемыхъ инстинктовъ. Темпераментъ затмеваетъ разсудокъ, и въ результатѣ получается фанатическая нетерпимость, болѣзненная ненависть ко всѣмъ, кто мыслитъ иначе. Въ этомъ отношеніи въ книгѣ Додэ есть поразительные примѣры. Додэ, этотъ сынъ литературной семьи, въ которой лишь вліяніе матери олицетворяло клерикальный духъ, клеймитъ такихъ высокихъ, благородныхъ мыслителей, какъ Левъ Толстой и Ренанъ, именами схизматика и отступника. „Всякій апостатъ—предатель,—говоритъ онъ про Ренана.—Ему были довѣрены ключи храма, а онъ заказалъ себѣ другіе, фальшивые, и когда его прогнали, далъ ихъ людямъ, которые хотѣли богохульствовать и осквернять храмъ... Ренанъ, этотъ отступникъ, не перестаетъ еще расточать свой ядъ... Онъ оскверняетъ всякій энтузіазмъ, заставляетъ мертвыхъ вставать изъ гроба, онъ—тотъ, передъ кѣмъ крестятся, когда встрѣчаютъ его въ сумеркахъ, на перекресткѣ путей мысли... Вокругъ его мрачнаго памятника собираются современныя вѣдьмы: корыстолюбіе, фанатизмъ, *страсть къ анализу, невѣріе*, и продолжаютъ споръ, который ихъ учитель велъ съ улыбкой скептицизма на устахъ". Мы привели слова Додэ по возможности близко къ оригиналу, чтобы выдвинуть все безобразіе его мысли и неприличіе ея выраженія по отношенію къ Ренану, который, и послѣ отдѣленія отъ католической церкви, сохранилъ глубокую нѣжность къ своимъ бывшимъ учителямъ и никогда не отзывался о религіи иначе, какъ съ оттѣнкомъ самаго теплаго чувства. Неужели Додэ не читалъ воспоминаній и писемъ Ренана? Нѣтъ, его просто ослѣпляетъ необузданная ненависть къ поборникамъ свободной мысли. Въ этомъ отношеніи всякій, кто выходитъ изъ подчиненія догматамъ вѣры, всякій, кто проявляетъ самостоятельное, критическое мышленіе, вызываетъ съ его стороны самое рѣзкое осужденіе. Эта нетерпимость распространяется не только на ученыхъ, но и на литераторовъ

вообще. Вотъ что̀ онъ пишетъ про Ибсена: „Творчество Генрика Ибсена—не что̀ иное, какъ расколъ, уклоненіе отъ истинной вѣры, какъ, впрочемъ, и большая часть современныхъ взглядовъ на тѣ глубокія моральныя проблемы, которыя постоянно тревожатъ человѣка... Всякое произведеніе, которое не опирается на вѣру, неизбѣжно уклоняется въ сторону... Ибсенъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ дѣлаетъ одно и то же: онъ дѣлитъ свою моральную тревогу на части, которыя пытаются соединиться въ одно цѣлое, но безуспѣшно... Къ нему примѣнима старая испанская поговорка: „*проклятъ*, потому что не имѣлъ вѣры“.

Какъ назвать такое отношеніе къ Ренану, Толстому, Ибсену, къ мыслителямъ, которые если и заблуждаются, то во всякомъ случаѣ искренностью своихъ убѣжденій и своимъ неуклоннымъ стремленіемъ къ истинѣ давно уже снискали всеобщее уваженіе? Чѣмъ объяснить ненависть къ нимъ со стороны Додэ? Конечно, патологическимъ основаніемъ его собственныхъ убѣжденій.

Но вліяніе иллюстрированной Барресомъ системы воспитанія сказывается не только въ развитіи отдѣльныхъ инстинктовъ,—оно идетъ далѣе и объединяетъ ихъ въ цѣлую систему. Мало-по-малу создается своеобразная односторонняя логика, какъ мы видимъ это на примѣрѣ Брюнетьера. Брюнетьеръ, какъ мыслитель, гораздо сильнѣе Додэ. То, что̀ у послѣдняго проявлялось въ формѣ инстинктивныхъ порывовъ мысли, получаетъ у Брюнетьера логическую основу.

Иначе говоря, Брюнетьеръ не ограничивается отдѣльными, болѣе или менѣе краснорѣчивыми доводами,—онъ хочетъ связать ихъ съ цѣлымъ міросозерцаніемъ и дать имъ философское основаніе. Съ точки зрѣнія генезиса и развитія идей эта попытка представляетъ живѣйшій интересъ. Какъ ни знаменательны были симптомы, которые мы отмѣтили въ мышленіи Барреса и Додэ, только здѣсь они достигаютъ своей полной силы. Намъ невольно вспоминаются слова Ле-Дантека, который въ послѣднемъ своемъ произведеніи: „Наслѣдственныя вліянія“, доказываетъ, что вся наша логика есть результатъ извѣстнаго атавизма и передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе привычки мыслить. Если она и кажется намъ неизмѣняемой и какъ бы существующею независимо отъ индивидуальнаго мышленія, то̀ лишь потому, что на длинномъ пути ея образованія мы не замѣчаемъ всѣхъ колебаній, уклоненій, ошибокъ, сопровождавшихъ ея развитіе. Но и теперь, несмотря на общность законовъ логики, не всѣ примѣняютъ ихъ одинаково. Есть люди, которые никогда не могутъ понять другъ друга вслѣдствіе коренного различія въ привычкѣ мыслить. Въ

этомъ отношенія воспитаніе играетъ громадную роль, и мы имѣемъ полное право сказать, что если логика, въ тѣсномъ смыслѣ слова, должна быть одна и та же для всѣхъ, то логика отдѣльныхъ индивидуумовъ, въ широкомъ смыслѣ слова, можетъ совершенствоваться или ухудшаться. Съ этой точки зрѣнія произведенія Брюнетьера представляютъ шагъ впередъ въ развитіи интересующаго насъ міросозерцанія. У него національные инстинкты доходятъ до образованія новой привычки мыслить, которая въ педагогическомъ отношеніи можетъ имѣть громадное и прямо-таки гибельное вліяніе. Эта привычка заключается въ утилизаціи позитивизма для оправданія своей точки зрѣнія.

До сихъ поръ всѣ клерикальные мыслители, всѣ защитники религіознаго міросозерцанія смотрѣли на позитивистовъ какъ на своихъ прямыхъ враговъ. Позитивизмъ грозилъ свести религію до степени соціальнаго явленія, подлежащаго детерминизму міровой исторіи. Но позитивисты пока еще не осуществили своей угрозы. Исторія религій находится лишь въ зачаткѣ. Между тѣмъ, многіе аргументы позитивизма могутъ быть съ успѣхомъ обращены противъ притязаній философіи на абсолютную истину. Вѣдь позитивизмъ приковываетъ мысль человѣка къ постепенной эволюціи его расы. Онъ отнимаетъ у науки надежду на сколько-нибудь близкое раскрытіе міровыхъ загадокъ. Онъ обрекаетъ человѣчество на долгое блужданіе въ полумракѣ неполнаго знанія. Въ этомъ отношеніи позитивизмъ можетъ быть симпатиченъ всѣмъ врагамъ свободной мысли, а одновременно и всѣмъ тѣмъ, чьи традиціи заключаются въ культѣ религіознаго чувства.

Но для того, чтобы воспользоваться аргументами позитивизма противъ науки, надо ослабить ихъ дѣйствіе противъ религіи. Съ точки зрѣнія Огюста Конта это будетъ натяжка, но къ ней можно привыкнуть, и въ этомъ-то и заключается образованіе новой привычки мыслить.

Мы можемъ прослѣдить, какъ создается эта привычка, какъ мало-по-малу выковывается своеобразная логика Брюнетьера. Его отправная точка зрѣнія легко выражена въ статьѣ: „Враги французской души", появившейся еще въ 1899 г. „Для того, чтобы характеризовать сущность французскихъ традицій, — говоритъ онъ, — намъ надо подняться въ исторіи не до эпохи Карла Великаго, не до Клодвига, а гораздо выше, до самихъ галловъ, до того, кто сказалъ: „Duas res pleraque Gallia industriosissime prosequitur, rem militarem et argute loqui" [1]). У насъ есть *воен-*

[1]) У большинства галловъ есть два любимыхъ занятія: военное искусство и краснорѣчіе.

ныя традиціи; у насъ есть *литературныя*, интеллектуальныя традиціи и съ тѣхъ поръ, какъ появилось христіанство, у насъ есть *религіозныя* традиціи".

Уже въ этой статьѣ авторъ становится открыто на точку зрѣнія позитивистовъ. Но какъ воспользоваться ихъ выводами? Брюнетьеръ подходитъ къ интересующей его проблемѣ то съ той, то съ другой стороны, характеризуя католицизмъ то какъ историческій, то какъ соціальный фактъ. „Я буду говорить о нашихъ религіозныхъ традиціяхъ, — заявляетъ онъ читателю,— не въ качествѣ вѣрующаго и не въ качествѣ журналиста, а въ качествѣ историка. И я констатирую, какъ общепризнанный историческій фактъ, что подобно тому, какъ Англія идентифицировалась въ исторіи съ протестантизмомъ или Россія съ православіемъ, точно такъ же и Франція идентифицировалась съ католицизмомъ".

Но значитъ *ли* это, что католицизмъ столь же благодѣтеленъ для Франціи, какъ протестантизмъ для Англіи? Для всякаго безпристрастнаго позитивиста это былъ бы, по меньшей мѣрѣ, вопросъ. Развѣ католицизмъ не привелъ къ упадку Испанію, съ которою онъ столь же тѣсно идентифицировался? Но Брюнетьеръ закрываетъ на это глаза. „Я констатирую,—продолжаетъ онъ, довольствуясь совершенно одностороннимъ освѣщеніемъ фактовъ,—что въ теченіе двѣнадцати вѣковъ роль покровительницы католицизма принадлежала Франціи. Отсюда я заключаю, что все, что̀ мы сдѣлаемъ, все, что̀ мы допустимъ сдѣлать противъ католической церкви, пойдетъ въ ущербъ нашему міровому вліянію, будетъ противорѣчить всей нашей исторіи и окажется враждебнымъ основнымъ свойствамъ французской души".

Одновременно въ другой статьѣ: „О геніѣ латинской расы", онъ дѣлаетъ попытку построить свою аргументацію на выводахъ соціологіи. „Если англичане достигли такого могущества, — говоритъ онъ,—то именно потому, что они развивали свои природныя качества". Основываясь на этомъ примѣрѣ, онъ убѣждаетъ французовъ культивировать въ себѣ геній латинской расы. Чѣмъ же характеризуется послѣдній? Универсальностью своихъ концепцій въ области права, архитектуры, краснорѣчія и т. д. Мы не хотимъ вдаваться во всѣ подробности этой остроумной, но чрезвычайно условной аргументаціи. Довольно будетъ намѣтить, что универсальность въ представленіи Брюнетьера граничитъ съ католицизмомъ, съ моральною и умственною дисциплиною вселенской церкви и противополагается индивидуальному критеріуму свободной мысли. Конечно, и тутъ есть большая натяжка. Ничто

не доказываетъ, что міровоззрѣніе католической церкви есть единственно-возможное универсальное міровоззрѣніе, и что французы должны быть ему вѣрны изъ опасенія попасть въ дебри индивидуализма. Вѣдь самыя универсальныя формы искусства и литературы не разъ уже смѣнялись другими. Но Брюнетьеръ пользуется одностороннимъ освѣщеніемъ этого соціальнаго факта для того, чтобы доказать, что католицизмъ есть національное міровоззрѣніе француза.

Однако, мало-по-малу ему удалось перейти отъ этихъ отрывочныхъ силлогизмовъ къ болѣе общей концепціи. Послѣдняя развивается въ тѣхъ статьяхъ, которыя недавно появились особымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „На стезяхъ вѣры“ [1]). Здѣсь уже авторъ не хватается за тотъ или другой тезисъ позитивизма, а говоритъ о позитивизмѣ вообще въ его исторической роли и въ его примѣненіи къ данной цѣли.

Позитивизмъ опровергъ основную идею мыслителей XVIII-го вѣка, ихъ увѣренность въ силу индивидуальнаго разума. Позитивизмъ доказалъ, что не человѣкъ создаетъ семейную, общественную и національную атмосферу своей жизни, а наоборотъ, самъ является ея продуктомъ. Позитивизмъ открылъ ограниченность и начало мышленія и его зависимость отъ данной среды. Вотъ почему,—заключаетъ Брюнетьеръ,—въ ихъ вѣчной борьбѣ противъ субъективной мысли, вѣрующіе, къ какому бы вѣрованію они ни принадлежали, не найдутъ лучшаго союзника, чѣмъ Огюстъ Контъ и его послѣдователи.

Конечно, но при одномъ условіи: при условіи, что они не будутъ обращать тѣхъ же аргументовъ противъ религіи, какъ это дѣлаетъ Огюстъ Контъ. Для него религія есть такой же соціальный фактъ, такой же продуктъ извѣстной среды, какъ и всякое другое явленіе духовной жизни народовъ. Съ этой точки зрѣнія религіи могутъ измѣняться и смѣняться точно такъ же, какъ и философскія теоріи. Задача Брюнетьера заключалась въ томъ, чтобы отдѣлить первыя отъ послѣднихъ. Утилизація позитивизма должна была состоять въ томъ, чтобы 1) доказать ограниченность философскихъ теорій, признавъ ихъ продуктомъ субъективнаго разума, и 2) открыть въ религіи другую творческую силу, которая подъ формулою объективнаго соціальнаго начала приближалась бы къ откровенію.

Первое положеніе вывести сравнительно легко. Огюстъ Контъ высказался категорически, что „горделивыя притязанія человѣ-

---

[1]) Ferdinand Brunetière, Sur les chemins de la croyance, 1904.

ческаго ума на полное господство надъ жизнью ни разу не достигли осуществленія и имѣли лишь отрицательную силу въ ниспроверженіи отсталыхъ воззрѣній". На этомъ тезисѣ и основывается Брюнетьеръ, съ цѣлью доказать, что „не разумъ управляетъ міромъ", и оставляетъ, однако, въ тѣни другое слѣдствіе, а именно, что и не вѣра управляетъ міромъ, а неразумная стихійная сила.

Гораздо труднѣе вывести второе положеніе, которое безусловно чуждо общей концепціи позитивизма. Для этого надо сдѣлать скачокъ за предѣлы положительнаго знанія. Утомивъ читателя безконечными разсужденіями на тему объ относительности послѣдняго, Брюнетьеръ заключаетъ совершенно произвольно, что мы имѣемъ право оперировать этими относительно-реальными понятіями лишь поскольку мы вѣримъ въ ихъ связь съ абсолютно-реальнымъ, непознаваемымъ міромъ. Однимъ словомъ, онъ утверждаетъ, что все наше положительное знаніе покоится на метафизической презумпціи сходства феноменальнаго міра съ объективнымъ непознаваемымъ міромъ. Отсюда уже ясно, что сущность этого непознаваемаго міра допускаетъ не только метафизическія, но и религіозныя концепціи. Такимъ образомъ, за предѣлами положительнаго знанія, Брюнетьеръ открываетъ совершенно независимую отъ него сферу духовной жизни, которую онъ считаетъ выше первой, основываясь на томъ, что въ ней творческимъ началомъ является не индивидуальный разумъ, а соціальныя силы.

Этотъ выводъ покоится на совершенно ложномъ толкованіи фактовъ. Позитивисты основываютъ свое міровоззрѣніе не на гипотезѣ, а на фактѣ. Ихъ основаніе было бы метафизическимъ, еслибы они утверждали, что относительно-реальный міръ явленій есть отраженіе какого-то другого міра. Но этого они никогда не утверждали. Они отправляются отъ того простого факта, что всякое явленіе внѣшняго міра имѣетъ свою познаваемую, субъективно-реальную сторону. Какова же можетъ быть объективная сущность явленія—этого вопроса они не затрогивали, да собственно говоря, для нихъ онъ и не имѣетъ никакого значенія. Вѣдь ихъ цѣль заключается въ познаніи не вещи „въ себѣ", а отношенія между вещами. Поэтому они и не нуждаются въ метафизическомъ основаніи своего относительно-реальнаго міровоззрѣнія.

Но самое понятіе относительно-реальныхъ явленій далеко еще не ясно для всѣхъ и каждаго, благодаря чему Брюнетьеръ не можетъ играть словами и увѣрять своихъ читателей, что за

основными тезисами позитивизма скрывается возможность не только метафизическихъ, но и религіозныхъ концепцій. И разъ выведя религію на эту совершенно новую почву, онъ переноситъ сюда всѣ аргументы позитивизма. Онъ постоянно напираетъ на то, что религія, какъ соціальный фактъ, есть непосредственное выраженіе моральнаго и соціальнаго сознанія каждаго народа, самый могущественный факторъ его духовнаго единства.

Мы нарочно остановились на деталяхъ этой абстрактной аргументаціи, чтобы показать, какъ мало-по-малу крѣпнетъ и развивается логическая основа клерикальнаго міровоззрѣнія. Человѣку свойственно приспособляться къ той средѣ, въ которой онъ живетъ. За утвержденіемъ природныхъ инстинктовъ слѣдуетъ вполнѣ естественно ихъ логическое оправданіе, и какъ бы одностороння ни была эта логика, для людей, въ которыхъ уже говоритъ глухой голосъ инстинктовъ, и которые живутъ въ данной атмосферѣ, она имѣетъ всѣ шансы успѣха. Съ этой точки зрѣнія логика Брюнетьера является вѣнцомъ клерикальнаго воспитанія. Спорить съ нимъ и съ его единомышленниками нѣтъ никакой возможности, потому что у нихъ чувство доминируетъ надъ разумомъ и имъ пріятно такое одностороннее освѣщеніе вещей. Послѣднее произведеніе Брюнетьера есть не что иное, какъ призывъ, громкій, смѣлый призывъ закрывать глаза на одну сторону вопроса и смотрѣть только на другую. При этомъ условіи патологическое міросозерцаніе націоналистовъ еще усилится своеобразной логической конструкціей. Это—новое, усовершенствованное орудіе въ рукахъ націоналистовъ, бороться съ которымъ можно не разумомъ, а только силою, какъ и дѣлаетъ настоящее радикальное министерство, выступая противъ кандидатуры Брюнетьера на академическіе посты.

III.

Вліяніе наслѣдственныхъ факторовъ.

Въ заключеніе этого этюда мы хотѣли бы показать, на какую почву падаетъ ученіе націоналистовъ, и какіе размѣры можетъ принять клерикальная опасность при существующемъ атавизмѣ и природныхъ свойствахъ французской націи. Въ этомъ отношеніи личность и идеи Жюля Сури представляютъ живой примѣръ. Жюль Сури, авторъ знаменитаго изслѣдованія „Структура

и функціи центральной нервной системы" является однимъ изъ самыхъ выдающихся ученыхъ нашего времени. Французская академія наукъ, присуждая ему премію Монтіона, признала его трудъ „стоящимъ внѣ всякаго сравненія съ подобными изслѣдованіями въ другихъ странахъ" по глубинѣ анализа и поразительной эрудиціи автора. Въ настоящее время онъ состоитъ директоромъ практической школы высшихъ наукъ при Сорбоннѣ, въ которой и самъ читаетъ лекціи по физіологіи нервной системы. Всѣ, кто знакомъ съ его трудами и кто хоть разъ побывалъ на его лекціи, уносилъ неизгладимое воспоминаніе объ этомъ аскетѣ науки, личность котораго дышитъ полнымъ отрѣшеніемъ отъ мірской суеты. Во время лекціи его маленькіе проницательные глаза закрываются, онъ всецѣло отдается теченію своей мысли, и вся его некрасивая фигура, утопающая въ какомъ-то невѣроятномъ мѣшкообразномъ сюртукѣ, кажется смѣшнымъ и въ то же время величественнымъ пережиткомъ другой эпохи, когда подобные ему мыслители уходили отъ міра въ тишину монашеской кельи. Его мысль свободно вращается въ тѣхъ извилинахъ нашего мозгового аппарата, гдѣ многообразные периферическіе рефлексы проникаютъ въ индивидуальное самосознаніе, и которыя онъ самъ называетъ акрòполисомъ науки. И вотъ этотъ-то ученый, достигшій высшихъ предѣловъ человѣческаго знанія и поражающій силою своего анализа, при ближайшемъ ознакомленіи съ его политическими взглядами, оказывается узкимъ и фанатичнымъ націоналистомъ. Трудно найти болѣе любопытный психологическій казусъ, чѣмъ соединеніе этихъ двухъ противоположностей въ мышленіи Жюля Сури. Быть одновременно атеистомъ, матеріалистомъ и нетерпимымъ, фанатичнымъ католикомъ—кажется съ перваго взгляда какимъ-то парадоксомъ. Между тѣмъ этотъ парадоксъ представляетъ лишь заостренное до крайнихъ предѣловъ патологическое состояніе всѣхъ націоналистовъ и клерикаловъ во Франціи.

Съ этой точки зрѣнія идеи Жюля Сури представляютъ для насъ громадный интересъ.

Въ сферѣ науки онъ не знаетъ другого мѣрила, кромѣ пыт, ливой критической мысли. При этомъ онъ прекрасно сознаетъ чего можно отъ нея требовать и гдѣ находятся естественныя границы человѣческаго познанія. „Наука никогда не откроетъ объективной сущности вещей,—говоритъ Сури,—потому что человѣкъ знаетъ лишь ихъ субъективную феноменальную сторону. Онъ знаетъ лишь отношеніе между вещами, а не ихъ абсолютную сущность. Но и этого знанія ему достаточно, для того,

чтобы извлечь изъ него законъ мірового детерминизма, для того, чтобы понять, что въ мірѣ нѣтъ ни плана, ни цѣли, а лишь безконечное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій". На основаніи этого матеріала онъ объясняетъ себѣ образованіе міровъ, появленіе жизни на землѣ, происхожденіе человѣка изъ длинной цѣпи животныхъ организмовъ и развитіе его нервной системы вплоть до появленія сознательной мысли. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ заключенію, что сознаніе есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ чувствительности, результатъ „химическихъ соединеній элементовъ воды, земли и воздуха, столь же необходимыхъ, какъ и соединеніе минераловъ, которые, быть можетъ, лишены сознанія" [1]). Изученію этихъ соединеній, образующихъ матеріальный субстрактъ психическихъ явленій, Сури посвятилъ всю свою жизнь. Его основной трудъ есть анатомическое и физіологическое изслѣдованіе нервной системы у безпозвоночныхъ и у позвоночныхъ, которое заключаетъ въ себѣ, по словамъ автора, исторію человѣческаго ума, унаслѣдовавшаго всѣ измѣненія этихъ механизмовъ въ теченіе длинной эволюціи животныхъ видовъ на землѣ.

Характеризуя сущность своихъ выводовъ, онъ самъ называетъ себя атеистомъ въ томъ смыслѣ, что его научная концепція обходится безъ всякаго трансцендентальнаго, божественнаго принципа, и матеріалистомъ съ тою лишь оговоркою, что въ матеріи онъ видитъ не абсолютную сущность, а феноменальный, доступный человѣческому познанію субстрактъ явленій. Такова точка зрѣнія, таково положеніе, занятое Жюлемъ Сури въ наукѣ.

И вотъ, наряду съ философіей, постигающей индивидуальную жизнь, какъ одну изъ волнъ безбрежнаго океана, онъ проповѣдуетъ слѣдующую узкую и условную мораль этой самой жизни: „Поступайте такъ, какъ поступали ваши отцы и матери. Если вамъ посчастливилось избрать карьеру философа или монаха, клирика или солдата, отрекитесь отъ міра, отъ всего, что принадлежитъ къ міру, и въ ожиданіи конечнаго избавленія—смерти—культивируйте въ себѣ преемственное общеніе умершихъ и живущихъ. Прислушивайтесь къ печальному голосу предковъ, который говоритъ въ васъ; почитайте и защищайте землю, въ которой ваша мать покоится вѣчнымъ сномъ; *хотя бы вы были атеистомъ, оставайтесь католикомъ и французомъ*. Дѣло не въ томъ, чтобы вѣровать, а въ томъ, чтобы жить, какъ живутъ

[1]) Jules Soury, Campagne nationaliste, 1902, p. 47.

вѣрующіе, т.-е. въ постоянной экзальтаціи того идеала, который питалъ души вашего отца и матери".

Какъ же примиряется въ немъ научный атеизмъ съ религіозной концепціей жизни? Точно такъ же, какъ это объясняетъ Леонъ Додэ, — полнымъ разобщеніемъ сферы знанія и сферы чувства. Ученый, говоритъ Сури, можетъ отрицать всѣ догматы религіи, но это не мѣшаетъ ему идти въ церковь и отдаваться наплыву религіознаго чувства. „Что мнѣ нравится въ религіи,— говоритъ онъ далѣе,—это не метафизическая вѣра въ тотъ или другой непостижимый догматъ, а самый жестъ, унаслѣдованный отъ предковъ, преклоненіе колѣнъ на полу храма, крестное знаменіе, ощущеніе тепловатой воды, которой касается рука у входа, слова литаній, произносимыя машинально, *безъ смысла*, и убаюкивающій шопотъ молитвъ, въ которыхъ соединяются родственныя души".

Съ этой горячей привязанностью къ традиціямъ и къ поэзіи прошлаго Сури соединяетъ фанатическую ненависть ко всему, что имъ грозитъ измѣненіемъ или уничтоженіемъ. „Сражаться за идеалъ предковъ, за спасеніе ихъ настоящихъ потомковъ, сражаться за честь своей націи или касты, вотъ,—говоритъ онъ,— въ чемъ заключается для меня героическая функція человѣка. Я принадлежу къ партіи войны: войны противъ всего, что мы ненавидимъ, противъ отрицанія національныхъ традицій, противъ измѣны отечеству со стороны протестантовъ и франмасоновъ еще болѣе, чѣмъ со стороны евреевъ, которые, по крайней мѣрѣ— не французы; войны для защиты всего, что мы любимъ,—земли, въ которой покоятся наши предки, католической церкви и французской арміи".

Какъ странно звучатъ эти слова нетерпимости и ненависти въ устахъ мирнаго ученаго! какъ поражаетъ такая экзальтація самыхъ узкихъ, условныхъ понятій—традиціи расы и кастовой чести! Между тѣмъ, это не случайное увлеченіе въ пылу полемики, а глубокое убѣжденіе Жюля Сури, стоящее въ тѣсной связи со всѣмъ его міросозерцаніемъ. Дѣло въ томъ, что привязанность къ традиціямъ прошлаго представляетъ для него единственный смыслъ существованія въ мірѣ, гдѣ властвуетъ физическій законъ подбора видовъ и эволюціи расъ. Съ точки зрѣнія детерминиста и атеиста это вполнѣ послѣдовательно. Въ мірѣ, гдѣ нѣтъ нравственнаго закона, полное, гармоническое развитіе своего существа представляетъ единственную raison d'être какъ растенія, такъ и человѣка. Поэтому Сури видитъ для французовъ единственную цѣль существованія въ развитіи

природныхъ свойствъ своей расы и въ борьбѣ за свою индивидуальность, но это вполнѣ логическое воззрѣніе принимаетъ у него невѣроятную окраску подъ вліяніемъ экзальтаціи его чувствъ. Голосъ предковъ заглушаетъ въ немъ его собственную трезвую, спокойную мысль, и въ пылу слѣпого обожанія и столь же слѣпой ненависти онъ совершенно теряетъ изъ виду возможность дальнѣйшей эволюціи какъ національнаго характера, такъ и національныхъ инстинктовъ. Когда-то Франція жила идеалами военной славы и католическаго мистицизма, но съ тѣхъ поръ условія жизни совершенно измѣнились. Между тѣмъ Сури упрямо отвергаетъ требованія новаго времени и продолжаетъ утверждать, что въ государственномъ организмѣ Франціи есть лишь двѣ живыя силы: армія и католическая церковь!

Для него, для его трезваго, научнаго мышленія это такъ неожиданно, что производитъ впечатлѣніе какого-то локальнаго затемнѣнія мысли или гипноза. И вотъ, великій ученый, озаренный чуткимъ, благороднымъ сердцемъ, какъ гражданинъ, оказывается отрѣзаннымъ отъ современной дѣйствительности, погруженнымъ въ какую-то галлюцинацію и не только безполезнымъ, но прямо-таки вреднымъ членомъ общества!

А между тѣмъ онъ самъ не испыталъ на себѣ прямого вліянія клерикальной школы. Тѣмъ интереснѣе для насъ его автобіографія, въ которой на каждой страницѣ проявляются наслѣдственныя вліянія, объясняющія, почему французскій ребенокъ предрасположенъ къ воспріятію клерикальныхъ идей, и какой благодарный объектъ онъ представляетъ для развитія наслѣдственныхъ инстинктовъ. Въ настоящемъ состояніи теоріи наслѣдственности нѣтъ надобности доказывать, что индивидуумъ старой расы приноситъ съ собою на свѣтъ болѣе сложный и болѣе обширный наслѣдственный багажъ, чѣмъ индивидуумъ молодой расы. Это уже сдѣлалось аксіомою. Мы думаемъ, что эту мысль можно выразить иначе, сказавъ, что индивидуумъ старой расы испытываетъ болѣе сильное и болѣе опредѣленное вліяніе своихъ предковъ, чѣмъ индивидуумъ молодой расы. Если принять во вниманіе, что наша психика есть продуктъ двухъ факторовъ, внѣшняго міра и реагирующаго на него организма, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что чѣмъ болѣе организмъ обремененъ наслѣдственностью, тѣмъ опредѣленнѣе будутъ его рефлексы и создающаяся изъ нихъ психика. Всякій, кто живалъ среди французовъ или англичанъ, согласится съ нами, что имъ труднѣе отрѣшиться отъ своей національной точки зрѣнія, чѣмъ русскому или даже нѣмцу. Они труднѣе ассимилируютъ, труднѣе воспринимаютъ иностранные нравы

или языкъ. Дѣло въ томъ, что они отъ рожденія болѣе богаты наслѣдственными рефлексами, чѣмъ мы. Съ этой точки зрѣнія можно понять, какъ создается типъ французскаго мыслителя, который Жюль Сури анализируетъ и раскрываетъ въ самомъ себѣ съ поразительной ясностью. Онъ родился въ Парижѣ, въ семьѣ бѣднаго ремесленника, работавшаго, подобно Спинозѣ, надъ изготовленіемъ оптическихъ инструментовъ. Естественнымъ образомъ и мальчикъ Жюль съ дѣтства предназначался къ тому же ремеслу, и по окончаніи начальнаго училища, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, поступилъ ученикомъ къ оптику Луи Бодеру. Но, посѣщая по вечерамъ курсы физики и химіи, которые могли быть ему полезны для его ремесла, онъ почувствовалъ влеченіе къ болѣе широкому образованію, изучилъ латинскій языкъ и, окончивъ свое ремесленное обученіе, поступилъ довольно поздно въ лицей „Луи-ле-Гранъ“. По окончаніи курса лицея и по сдачѣ экзамена въ Сорбоннѣ уже не было и рѣчи о ремесленной карьерѣ, но, въ виду недостатка средствъ, положеніе молодого Сури было весьма затруднительнымъ. Самое выгодное для него было поступить въ Высшую Нормальную школу и избрать педагогическую дѣятельность, но его остановила перспектива интерната и необходимость покинуть родительскій домъ. Не желая разставаться съ родителями, онъ избралъ археологическій институтъ, хотя послѣдній и не открывалъ ему никакой обезпеченной карьеры въ будущемъ. Однако, этотъ выборъ оказался удачнымъ. Выдающіяся способности молодого Сури привлекли къ нему вниманіе профессоровъ и сильную поддержку со стороны Ренана, между тѣмъ какъ его умственный кругозоръ расширялся далеко за предѣлы археологіи, обнимая уже анатомію и физіологію нервной системы, которую онъ изучалъ въ клиникахъ Сальпетріеръ подъ руководствомъ Вуазена и Жюля Люи.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, что развитіе Жюля Сури не происходило подъ исключительнымъ вліяніемъ одной школы, какъ, напримѣръ, воспитываются молодые люди въ іезуитскихъ и другихъ клерикальныхъ пансіонахъ. Ни начальная школа, ни лицей, ни археологическій институтъ не олицетворяли клерикальнаго духа. И тѣмъ не менѣе, подъ давленіемъ наслѣдственныхъ инстинктовъ, въ немъ развивался клерикальный мыслитель.

Онъ самъ отмѣчаетъ отдѣльные элементы, изъ которыхъ сложилось его міросозерцаніе: глубокій пессимизмъ жизни, т.-е. укоренившуюся вѣками привычку смотрѣть на жизнь, какъ на рядъ лишеній и испытаній, естественную потребность въ идеалѣ, ко-

торый могъ бы замѣнить недостающую жизнерадостность, и горячую привязанность къ немногимъ свѣтлымъ сторонамъ этого мрачнаго существованія—къ отцу, къ матери и къ традиціямъ семьи.

Эти элементы представляются чрезвычайно характерными для французской жизни.

Правда, глубокій пессимизмъ, который проникаетъ все міросозерцаніе Сури, уже не представляетъ теперь обыденнаго явленія. Для того чтобы понять его настроеніе, надо перенестись въ ту отдаленную эпоху, когда въ стѣнахъ средневѣкового Парижа цѣлыя поколѣнія горожанъ жили подъ страхомъ кровавыхъ войнъ, эпидемій, голодовокъ и въ тяжелой борьбѣ за существованіе вырабатывали въ себѣ „христіанское смиреніе" передъ жизнью, которая освѣщалась лишь блѣднымъ ореоломъ религіознаго мистицизма. Правда, за послѣдніе полвѣка условія существованія въ городахъ западной Европы коренныиъ образомъ измѣнились къ лучшему, лучъ яркаго весенняго солнца проникъ въ жилища рабочихъ и жизнерадостная энергія смѣнила прежнее угнетенное настроеніе,—тѣмъ не менѣе, французская буржуазія сохранила кое-что отъ этой тяжелой жизненной школы. Мы не скажемъ, чтобы она сохранила пессимизмъ или мистицизмъ жизни, но можемъ съ увѣренностью сказать, что она сохранила трудовой принципъ жизни. Взглядъ на жизнь какъ на тяжелое испытаніе и какъ на тяжелый трудъ—это два разныя развѣтвленія одного и того же ствола, и всякій, кто знакомъ съ французской провинціей, кто видалъ, какимъ автоматомъ труда и бережливости способенъ быть средній французъ, пойметъ Жюля Сури, когда тотъ говоритъ о „суровой концепціи жизни" и о презрѣніи жизненныхъ наслажденій.

Въ эпоху юности Сури, въ окружавшей его семейной атмосферѣ, эти наслѣдственные рефлексы трудового механизма функціонировали гораздѣ сильнѣе, чѣмъ теперь. Въ томъ уголкѣ стараго Парижа, гдѣ онъ родился, еще жилъ духъ вѣкового пессимизма, угнетавшаго рабочіе классы. Онъ самъ передаетъ такую характерную деталь, что въ ихъ родѣ была привычка или традиція умирать не дома, а въ богадельнѣ или въ больницѣ. „Только рабамъ, пришельцамъ или метисамъ, т.-е. людямъ безъ семейныхъ, кастовыхъ и національныхъ традицій,—говоритъ Сури— эта геенна—земля—можетъ казаться какимъ-то эльдорадо". Какъ человѣкъ старой расы, носящій въ себѣ воспоминаніе о долгихъ вѣкахъ упорной борьбы, Сури относится съ глубокимъ презрѣніемъ къ оптимизму соціалистовъ, къ ихъ мечтамъ о счастливой, легкой жизни.

Такимъ образомъ, не предрѣшая вопроса, насколько эти наслѣдственные рефлексы еще живы въ новомъ поколѣніи французовъ—по всей вѣроятности, не проникая въ индивидуальное самосознаніе, они сохраняются въ безсознательной трудовой энергіи,—мы должны признать, что для Жюля Сури они явились основаніемъ всего его міросозерцанія, тѣмъ мрачнымъ фономъ, на которомъ тѣмъ яснѣе выдѣлялся второй элементъ міросозерцанія—жажда идеала.

Собственно говоря, одинъ неразрывно связанъ съ другимъ, какъ двѣ стороны одной и той же медали. Жажда идеала является прямымъ послѣдствіемъ жизненной неудовлетворенности. Весьма важно имѣть это въ виду, для того чтобы понять, что идеалъ, о которомъ будетъ рѣчь, и къ которому взываютъ націоналисты, не есть широкій общечеловѣческій идеалъ, а тотъ конкретный идеалъ, съ которымъ они сроднились въ теченіе своей вѣковой исторіи, который они унаслѣдовали отъ предковъ вмѣстѣ съ ихъ психическимъ механизмомъ, однимъ словомъ—идеалъ католической религіи. Въ этомъ смыслѣ Сури толкуетъ слова Ренана: „Человѣкъ нашей, арійской расы долженъ строить свой идеалъ, какъ паукъ дѣлаетъ свою паутину". Въ этомъ смыслѣ сказалъ и Леонъ Додэ уже цитированную нами фразу: „Человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи обойтись безъ идеала, безъ этой „красивой картинки", которая находится внѣ сферы его воздѣйствія". Въ этомъ смыслѣ Баррѐсъ, Брюнетьеръ и другіе націоналисты утверждаютъ, что настоящій французъ не можетъ не быть католикомъ.

Только теперь, когда мы видимъ глубокое, наслѣдственное основаніе этой потребности, мы можемъ оцѣнить ея дѣйствительную силу. Жюль Сури представляетъ для насъ рѣдчайшій экземпляръ давно вымершаго типа, въ которомъ еще была видна прямая связь между тѣмъ и другимъ элементомъ міросозерцанія.

Его примѣръ объясняетъ намъ, почему многіе французы, потерявъ вѣру, остаются привязанными къ традиціямъ, къ морали, къ поэзіи католицизма. Прежній пессимизмъ уже давно покинулъ сферу самосознанія, но въ безсознательныхъ тайникахъ души еще остается выработанный вѣками психическій механизмъ, который требуетъ той же иллюзіи, того же утѣшенія.

Но нигдѣ этотъ атавизмъ не проявляется съ большею силою, чѣмъ въ самомъ Жюлѣ Сури. „Чѣмъ дольше я живу,—говоритъ онъ,—тѣмъ болѣе я люблю жизнь монаховъ, и несмотря на то, что я не имѣю утѣшенія въ вѣрѣ, я чувствую себѣ истиннымъ христіаниномъ во всемъ, что̀ касается правила жизни; я чувствую

себя членомъ той церкви, въ которой я родился, и въ которой я умру,—римско-католической, апостольской церкви".

Онъ самъ даетъ идеальный діагнозъ своего душевнаго состоянія, примѣняя къ себѣ формулу Экснера: „Es denkt in mir". Дѣйствительно, въ немъ думаетъ и чувствуетъ монахъ, точно также какъ въ большинствѣ французскихъ націоналистовъ подъ вліяніемъ извѣстнаго воспитанія говоритъ и дѣйствуетъ рядъ предковъ. И этотъ голосъ предковъ, который зоветъ назадъ, какъ нельзя рельефнѣе иллюстрируетъ возможность католической реакціи во Франціи.

Наконецъ, третій элементъ, который оказалъ сильное вліяніе на міросозерцаніе Сури, имѣетъ для нашего времени еще болѣе жизненное значеніе. Мы говоримъ о его горячей привязанности къ отцу и къ матери, а въ ихъ лицѣ—къ традиціямъ семьи. Какова психологическая связь этого чувства съ атавизмомъ французской націи, мы не беремся разобраться, но фактъ тотъ, что нельзя встрѣтить француза, для котораго его мать не была бы исключительнымъ существомъ и „святою женщиною". Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого преувеличенія, когда Жюль Сури говоритъ, что „для человѣка нѣтъ бо̀льшаго несчастья, чѣмъ потерять свою мать"... „Мы знали, что она умретъ,—говоритъ онъ,—но мы этому не вѣрили. Мы желали видѣть ее живою, желали всею силою нашего эгоизма. Теперь, разъ она умерла, мы сами умремъ скорѣе... Весь міръ представляется намъ въ другомъ видѣ. Мы впервые сознаемъ, что это лишь банальное убѣжище для временной остановки. Ничто насъ болѣе не трогаетъ. Мы продолжаемъ жить по инерціи, стараясь дѣлать это какъ можно лучше, чтобы почтить дорогую намъ память единственнаго существа, которое насъ любило". Въ этихъ словахъ выражается чисто французскій взглядъ и свойственныя большинству французовъ чувства. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что та же экзальтированная любовь переносится и теперь на всю атмосферу семейной жизни, на семейныя и расовыя традиціи. И вотъ еще одинъ могущественный факторъ, который, независимо отъ клерикальнаго воспитанія, привязываетъ человѣка къ его прошлому и развиваетъ въ немъ наслѣдственные инстинкты.

Подъ вліяніемъ этихъ трехъ факторовъ и выработалось то правило жизни, которое Жюль Сури резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „единственная норма, которая существуетъ для человѣка, это—традиціи его предковъ, обычаи его семьи, правила жизни, передаваемыя отъ отцовъ къ дѣтямъ. Повинуясь инстинктамъ любви и преклоненія передъ тѣми, отъ кого онъ

произошелъ, человѣкъ исполняетъ свой долгъ, весь свой долгъ". И прямымъ послѣдствіемъ этой узкой расовой морали является ненависть ко всѣмъ носителямъ другого идеала, къ протестантамъ, не менѣе чѣмъ къ евреямъ, ко всѣмъ носителямъ новыхъ идей, къ соціалистамъ точно также, какъ къ франмасонамъ. Въ завершеніе характеристики самого Жюля Сури слѣдуетъ прибавить, что въ современныхъ условіяхъ онъ не видитъ шансовъ для конечнаго торжества своего идеала. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ должнымъ бороться за него, бороться безъ надежды на побѣду, въ силу инстинктивнаго стремленія человѣка къ самозащитѣ. И среди этой мрачной жизни, которая для него не имѣетъ ни смысла, ни цѣли, онъ избираетъ себѣ героически девизъ: умереть съ достоинствомъ—decenter mori!

На фонѣ современной жизни трагическая личность Жюля Сури воплощаетъ въ себѣ весь кризисъ, переживаемый Франціей. Атеистъ и католикъ: съ одной стороны—вся сила критической мысли, съ другой стороны—полное господство наслѣдственныхъ инстинктовъ. Который изъ двухъ принциповъ одержитъ верхъ? Это—загадка будущаго. Но чего можно ожидать отъ людей средняго развитія, которые воспитывались въ клерикальной школѣ, когда такой сильный мыслитель безъ всякаго школьнаго вліянія оказывается рабомъ наслѣдственныхъ инстинктовъ? Когда знакомишься съ личностью Жюля Сури, когда видишь на его примѣрѣ психическій атавизмъ французской расы,—становится понятнымъ и патологическое состояніе, овладѣвшее французами во время процесса Дрейфуса, и голоса ненависти къ наукѣ и къ прогрессу, раздающіеся теперь изъ лагеря націоналистовъ, и возможность роковой для будущаго страны католической реакціи во Франціи.

Но для того, чтобы оцѣнить настоящее положеніе вещей, надо имѣть въ виду тѣ мѣры, которыя приняло республиканское правительство для борьбы съ реакціей.

Самая послѣдовательность этихъ мѣръ представляется съ нашей точки зрѣнія чрезвычайно характерною: она открываетъ намъ, какъ силою вещей законодатель былъ принужденъ бороться не съ идеями, а съ патологическимъ основаніемъ послѣднихъ, и является, такъ сказать, провѣркою высказаннаго нами взгляда.

Насколько государство безсильно противъ идей, настолько оно способно проявить свое вліяніе на соціальную среду, въ которой онѣ зарождаются. Такою средою въ данномъ случаѣ являются конгрегаціи и клерикальныя школы. Законъ 11-го іюля

1901 года остановилъ свободное развитіе конгрегацій, возложивъ на нихъ обязанность испрашивать разрѣшеніе государственной власти. Само собою разумѣется, что въ будущемъ такое разрѣшеніе врядъ ли будетъ дано, но и по отношенію къ тѣмъ конгрегаціямъ, которыя уже существовали безъ формальнаго разрѣшенія, закону было сообщено обратное дѣйствіе. Послѣдовало закрытіе цѣлаго ряда конгрегацій и выселеніе ихъ изъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ были закрыты и принадлежавшія имъ школы при громкихъ протестахъ всего клерикальнаго міра. Но эта мѣра оказалась безусловно недостаточною. При существованіи режима Фаллу, частныя лица могли открывать школы и поручать въ нихъ преподаваніе патерамъ. Вторымъ этапомъ въ этомъ направленіи явился законъ 1903 года, который отмѣнилъ явочный порядокъ открытія школъ и установилъ принципъ предварительнаго разрѣшенія. Однако и эта мѣра не достигала конечной цѣли. Во-первыхъ, въ странѣ оставался обширный очагъ клерикализма въ школахъ тѣхъ конгрегацій, которыя существовали на основаніи старыхъ грамотъ. Во-вторыхъ, оставались открытыми многочисленные обходы закона посредствомъ подставныхъ лицъ и анонимныхъ обществъ во главѣ новыхъ школъ.

Подъ вліяніемъ этихъ затрудненій въ радикальномъ лагерѣ началась сильная агитація въ пользу изъятія школьнаго дѣла отъ частныхъ лицъ и установленія государственной монополіи.

Всѣмъ еще памятны возникшія по этому поводу горячія пренія, въ которыхъ консерваторы защищали свободу преподаванія, а либералы требовали ея уничтоженія. Однако принятіе такой насильственной мѣры оказалось излишнимъ, благодаря проведенію новаго закона, который дополнилъ предыдущій и измѣнилъ юридическую конструкцію всего дѣла. Только законъ 7-го іюля 1904 г. и явился радикальною мѣрою, проведя тотъ принципъ, что „всякое лицо, принадлежащее къ монашеской конгрегаціи, лишается права преподавать во Франціи“.

Съ перваго взгляда онъ могъ показаться страннымъ и даже недѣйствительнымъ. Вѣдь и внѣ конгрегаціи могутъ найтись фактическіе клерикалы и реакціонеры, какъ мы только-что видѣли на примѣрѣ Сури? Въ дѣйствительности, однако, такая постановка вопроса единственно-возможная и безусловно правильная. Только теперь примѣненіе закона 1903 г. станетъ нормальнымъ. Дѣйствительно, разрѣшеніе на открытіе школы можетъ быть подчинено лишь формальнымъ условіямъ. Нельзя же входить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ разсмотрѣніе по существу, является ли проситель республиканцемъ или реакціонеромъ?

Вѣдь это была бы система произвола. Такимъ формальнымъ условіемъ и будетъ непринадлежность къ религіозной конгрегаціи, распространяемая на начальника школы и на учителей. А затѣмъ, хотя бы они, каждый въ отдѣльности, по своему внутреннему убѣжденію, были клерикалами или ретроградами, это уже правительства не касается. Тутъ государство безсильно. Всякій разъ, какъ государство посягало на индивидуальную мысль, на свободу совѣсти, оно дѣлало ошибку, и законъ 1903 г., вмѣнявшій въ обязанность давать разрѣшеніе лишь истиннымъ республиканцамъ, не установляя формальнаго признака этого понятія, грозилъ превратиться въ систему произвола. Но коллективныя формы существованія подлежатъ прямому воздѣйствію государства и съ точки зрѣнія соціологіи представляютъ не фикцію, не совокупность индивидуальныхъ дѣйствій ихъ членовъ, а самостоятельный, могущественный факторъ, реальную среду, въ которой зарождаются идеи. Принадлежность къ такой средѣ и есть формальный признакъ, совершенно независящій отъ внутренняго убѣжденія.

Такимъ образомъ, силою вещей правительство было принуждено перенести свое воздѣйствіе съ индивидуума на среду; какъ бы подтверждая высказанное нами мнѣніе, что въ этой средѣ, въ ея моральной атмосферѣ, въ ея патологическомъ вліяніи заключается главный источникъ зла. Поэтому мы должны признать, что для борьбы съ реакціей сдѣлано все, что можно было сдѣлать. Разрушенъ главный очагъ заразы, въ которомъ „атавизмъ" французской расы становился препятствіемъ къ ея прогрессу. Правда, бывшіе конгрегаціонисты и на свѣтской каѳедрѣ сохранятъ свой прежній духъ, но это зло не можетъ развиваться, оно исчезнетъ вмѣстѣ съ настоящимъ поколѣніемъ. Самое главное—что новые, молодые конгрегаціонисты будутъ лишены возможности вырабатывать изъ своей среды учителей. Оставаясь въ немногочисленныхъ конгрегаціяхъ, существующихъ на основаніи старыхъ грамотъ, они будутъ обречены на созерцательный образъ жизни и лишены прямого вліянія на молодежь. Но дѣйствіе этого закона скажется лишь въ будущемъ. Пока же намѣченные нами элементы реакціи остаются въ полной силѣ. Ихъ надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ всѣхъ текущихъ событій во Франціи. Оставаясь скрытыми въ нѣдрахъ народной жизни, они проявляются наружу въ самыхъ неожиданныхъ разнообразныхъ формахъ. Такимъ проявленіемъ была послѣдняя книга Брюнетьера „На стезяхъ вѣры". Такимъ проявленіемъ былъ недавній скандалъ, поднятый разоблаченіемъ доносовъ въ арміи. Опубликован-

ные по этому поводу документы привлекли вниманіе не только системою доносовъ, практиковавшихся въ военномъ министерствѣ для убѣжденія въ республиканской благонадежности офицеровъ, но и содержавшимися въ этихъ доносахъ свѣдѣніями: громадное количество офицеровъ оказалось въ рядахъ антиреспубликанской, реакціонной партіи. Поставленный на очередь вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства несомнѣнно вызоветъ новое проявленіе клерикальной реакціи. Такимъ образомъ, подъ внѣшнимъ разнообразіемъ политическихъ и общественныхъ явленій скрывается все та же проблема: борьба „атавизма" старой расы съ необходимостью прогресса и приспособленія къ новымъ жизненнымъ условіямъ. Въ этой борьбѣ рѣшающее значеніе принадлежитъ школѣ, а отъ разрѣшенія ея зависитъ критическій для Франціи вопросъ,—опустится ли она на уровень Испаніи, или вступитъ въ новый фазисъ романской культуры?..

Н. Костылевъ.

Парижъ.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНѢ 1877-78 ГОДОВЪ.

1877-ой годъ.

IV *).

8 ноября—6 декабря.

8 ноября.—Получена телеграмма князя Карла изъ Порадима: румынскимъ батареямъ въ Калафатѣ удалось, послѣ 5-ти-часовой стрѣльбы, потопить турецкій броненосецъ. Бомба пробила мостикъ, попала въ передовой трюмъ, произвела взрывъ и броненосецъ затонулъ.

Получена телеграмма Цесаревича, что вчера, въ 9 час. утра, турки атаковали наши передовыя позиціи Пиргосъ, Ханъ-гюльчесма и между Чифликомъ и Трестеникомъ, но послѣ упорнаго боя были отбиты на всѣхъ пунктахъ къ 6 час. вечера.

Въ числѣ раненыхъ—генеральнаго штаба полковникъ Штрикъ, въ шею.

---

[1]) См. выше: май, стр. 5.

9 ноября.—Холодъ, дождь, туманъ. Получена телеграмма князя Карла о взятіи румынами Рахова 7-го ноября. Командовалъ румынами полковникъ Сланичано. Потеря серьезная: убито 5 офиц. и 76 нижн. чиновъ, ранено 4 офиц. и 139 нижн. чиновъ.

Отъ Гурко получено свѣдѣніе, что Орханія и Этрополь сильно заняты: собирается атаковать.

Вчера привели 30 человѣкъ плевнинскихъ дезертировъ. Всѣ исхудалые, оборванные, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что съѣстные припасы на исходѣ, зарядовъ мало (только патроновъ достаточно), больныхъ и раненыхъ много; отъ нашего артиллерійскаго огня вредъ весьма чувствительный. Въ числѣ дезертировъ были два породистыхъ негра изъ Судана, взятыхъ въ солдаты, по ихъ словамъ, насильно, три мѣсяца тому назадъ. Этихъ негровъ Великій Князь отправляетъ въ Петербургъ, въ свой дворецъ.

Вчера, по мысли князя Имеретинскаго, посланъ полковникъ Фрезе къ командиру гренадерскаго корпуса И. С. Ганецкому, съ спеціальною цѣлью придерживать его за фалды. По словамъ князя Имеретинскаго, И. С. Ганецкій все время горячится и суетится, и никто его успокоить не можетъ. Своего начальника штаба не слушаетъ, такъ какъ отъ подчиненныхъ ему лицъ ни мнѣній, ни совѣтовъ не принимаетъ. Къ нему нужно приставить человѣка непремѣнно изъ главной квартиры, отъ высшаго начальства: тогда будетъ слушать, хотя бы это былъ корнетъ.

Выборъ палъ на Фрезе, какъ на человѣка веселаго, уживчиваго, покладистаго, который съумѣетъ и съ Ганецкимъ поладить, и самолюбіе его начальника штаба не задѣть.

10 ноября.—Сегодня у насъ завтракалъ князь Карлъ: сіяетъ, счастливъ, что румынамъ удалось взять Рахово. Великій Князь провозгласилъ тостъ за румынскую армію; князь Карлъ отвѣтилъ тостомъ за Великаго Князя и нашу армію.

Вчера былъ весьма интересный случай, заслуживающій подробнаго описанія.

Два офицера, прикомандированные къ штабу Тотлебена (л.-гв. литовскаго полка поручикъ Рябининъ 2-й и л.-гв. волынскаго полка поручикъ Куткинъ) ѣхали обратно въ Тученицу изъ Медована, гдѣ были на полковомъ праздникѣ л.-гв. литовскаго полка 8-го ноября и тамъ заночевали. Вчера, въ 3 часа дня, вслѣдствіе густого тумана, заблудились и попали въ турецкія траншеи. Долго ѣхали вдоль траншей съ тыловой стороны, видѣли солдатъ въ башлыкахъ, которыхъ въ туманѣ сочли

за своихъ, а тѣ тоже не обращали на нихъ вниманія. Въѣхали, наконецъ, въ какое-то укрѣпленіе и окликнули по-русски солдатъ, намѣреваясь разспросить, куда они попали. Турки подошли, что-то загалдѣли и окружили ихъ. Наши молодцы тотчасъ нашлись: выхватили платки и замахали ими, а затѣмъ навязали ихъ себѣ на рукава. Подошелъ турецкій офицеръ и спросилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, что имъ надо. Они надумали отвѣтить ему, что присланы генераломъ Каталеемъ просить о прекращеніи огня до завтрашняго вечера на этомъ участкѣ, по случаю полковыхъ праздниковъ двухъ гвардейскихъ полковъ. Турецкій офицеръ послалъ доложить пашѣ, а нашихъ офицеровъ и сопровождавшаго ихъ казака пригласилъ слѣзть съ лошадей. Собралась цѣлая кучка турецкихъ офицеровъ, окружила ихъ и завела оживленный разговоръ: кто по-французски, кто по-нѣмецки, кто даже по-русски и, конечно, на всѣхъ трехъ языкахъ черезъ пень-колоду. Нѣкоторые по нѣскольку разъ спрашивали: „Царь? миръ?“ Наконецъ, пріѣхалъ паша, серьезный и осанистый: выслушалъ нашихъ офицеровъ, приказалъ имъ сѣсть верхомъ и слѣдовать за нимъ. Поѣхали съ замирающими сердцами, не зная, повѣрятъ ли ихъ выдумкѣ. Неудобство положенія усложнялось еще тѣмъ, что на одномъ изъ нихъ была сумка съ бумагами, въ числѣ коихъ—подробная дислокація гренадерскаго корпуса на лѣвомъ берегу Вида. Тутъ же, на глазахъ турецкаго конвоя, офицеръ снялъ сумку съ себя и передалъ казаку, чтобы повѣсилъ ее черезъ плечо, въ надеждѣ, что на немъ не обратятъ вниманія. Доѣхавъ до какой-то палатки, уже совершенно въ виду Плевны, паша приказалъ имъ всѣмъ слѣзть и вмѣстѣ съ казакомъ войти въ палатку. По этому поводу они нашли умѣстнымъ вломиться въ амбицію и протестовать, говоря, что казаку нельзя быть въ одной палаткѣ съ ними: его мѣсто при лошадяхъ. Это турки поняли и велѣли казаку выйти.

Спустя нѣкоторое время, вошелъ въ палатку тотъ же паша, подробно ихъ опросилъ, все записалъ, составилъ еще какую-то записку и, отославъ ее, объявилъ, что теперь надо переждать отвѣта отъ Османа-паши. Вошло еще нѣсколько турецкихъ офицеровъ. Завязался опять общій разговоръ на ломаномъ смѣшеніи языковъ. Угостили кофе и галетами; угостили также и казака. Офицеры старались поддерживать непринужденную бесѣду, а между тѣмъ все время душа уходила въ пятки: а что, какъ вдругъ съ нашей стороны откроютъ огонь? Тогда обманъ вполнѣ обнаружится, и за него придется дорого поплатиться. Къ счастью, этого не случилось.

Ждали очень долго. Самому пашѣ наскучило: онъ написалъ и послалъ вторую записку. Истощивъ всѣ темы для общей бесѣды, турки заговорили между собою по-своему и начали пересмѣиваться. При этомъ паша раза два повторилъ тѣ два-три русскихъ слова, которыя наши офицеры крикнули турецкимъ солдатамъ, когда подъѣхали. Хотя въ этихъ словахъ и не было ничего особеннаго, но нашимъ все-таки стало жутко: очевидно, рѣчь шла все время о нихъ. Наконецъ, они рѣшились попросить, чтобы имъ дали какой-нибудь отвѣтъ и отпустили поскорѣе: ихъ ждутъ. „Подождите еще немножко, отвѣтъ будетъ",—отвѣчалъ паша, продолжая пересмѣиваться со своими. Однако, написалъ и отправилъ третью записку. Наконецъ, около 8 часовъ вечера, привезли отвѣтъ. Паша прочелъ его и объявилъ, что Османъ-паша согласенъ, но если съ нашей стороны будетъ хотя одинъ выстрѣлъ, то и турки откроютъ огонь. Камень съ души свалился. Офицеры едва смогли заставить себя встать, проститься и поблагодарить, не торопясь, съ соблюденіемъ всѣхъ восточныхъ церемоній. Овладѣвъ собой, они медленно сѣли на коней, еще разъ раскланялись и поѣхали шагомъ, подъ конвоемъ. Турки довели ихъ до сторожевой цѣпи, указали направленіе, а сами поѣхали вправо и влѣво по цѣпи, вѣроятно для предупрежденія часовыхъ, чтобы не стрѣляли.

Ѣхали наши офицеры минутъ десять и услышали русскій говоръ и стукъ топоровъ: солдатики сторожевой цѣпи прусскаго полка рубили кустарникъ на дрова. Томленіе кончилось: они были дома.

Великій Князь, узнавъ объ этомъ приключеніи, пожелалъ сегодня видѣть обоихъ офицеровъ и выслушать ихъ разсказъ. Я записалъ его подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Великій Князь поблагодарилъ обоихъ за находчивость, оговоривъ, однако, что по настоящему слѣдовало бы ихъ наказать за злоупотребленіе парламентерствомъ.

11 ноября.—Сегодня, несмотря на туманъ, поѣхали на редутъ смотрѣть бомбардированіе Плевны. Разумѣется, ничего не видали.

Подъ впечатлѣніями взятія Карса и нашихъ недавнихъ успѣховъ, у Великаго Князя возродилась несчастная мысль опять штурмовать Плевну для ускоренія ея сдачи. Старикъ Непокойчицкій тоже сочувственно относится къ этой легкомысленной и опасной идеѣ. М. Д. Скобелевъ горячо работаетъ въ этомъ же направленіи. Прихожу въ ужасъ при мысли о возможности осу-

ществленія этого безумія. Это значитъ—поставить всю участь кампаніи на одну карту, которая почти навѣрняка будетъ бита.

Во-первыхъ, у насъ только одинъ Скобелевъ и умѣетъ водить войска на штурмъ. Онъ и самъ это знаетъ, потому такъ и подзадориваетъ къ штурму. Въ случаѣ успѣха—конечно, онъ сдѣлается и въ глазахъ всей Россіи тѣмъ же полубогомъ, какимъ онъ уже сдѣлался для своихъ подчиненныхъ, и не только солдатъ, но и офицеровъ. Во-вторыхъ, у насъ едва хватаетъ войскъ для тѣснаго обложенія Плевны: нѣтъ ни одного лишняго человѣка. Резерва—никакого: ни для плевнинскихъ войскъ, ни общаго. Слѣдовательно, въ случаѣ неудачи—придется снять блокаду. Въ-третьихъ, туркамъ штурмъ на руку: они уже увѣрены, что отобьютъ его опять. Если 25 гвардейскихъ батальоновъ едва могли взять Горный Дубнякъ, занятый 5—7 турецкими таборами,—какіе же шансы взять Плевну, уже трижды отъ насъ отбившуюся? Въ-четвертыхъ, наши войска сами извѣрились въ штурмахъ. Прикажутъ—конечно, пойдутъ, но не только безъ увѣренности, но даже безъ надежды на успѣхъ.

Совершенно увѣренъ, что то же самое скажутъ всѣ наши генералы, кромѣ Скобелева.

Содрогаюсь при мысли о возможности повторенія прежнихъ увлеченій. Лучше сидѣть подъ Плевной хоть до весны, только не искушать судьбу. Плевна падетъ сама собою: надо только вооружиться терпѣніемъ.

13 ноября, воскресенье.—Получены два радостныхъ извѣстія: взяты съ боя правецкая позиція (11-го) Раухомъ и г. Этрополь (12-го)—Дандевилемъ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій—новый фантастическій планъ, составляющій пока глубочайшій секретъ. Сидѣть здѣсь и терпѣливо выжидать паденія Плевны—наскучило. Явилась такая мысль: если Гурко удастся занять Софію, то ѣхать къ нему (предоставивъ Тотлебену покончить съ Плевной) и вмѣстѣ съ нимъ идти отъ Софіи къ Казанлыку, въ тылъ арміи Реуфа-паши, осаждающей Шипку.

Это такое же наѣздничество, какъ поѣздка наша въ Тырновъ вслѣдъ за передовымъ отрядомъ того же Гурко, впереди всего 8-го армейскаго корпуса и подъ прикрытіемъ одного только эскадрона лейбъ-казаковъ.

Если эта мысль осуществится, то это равносильно оставленію поста главнокомандующаго. Немыслимо управлять общимъ ходомъ военныхъ дѣйствій, находясь при отрядѣ, предпринимающемъ дальній и кружный обходъ.

Еслибы въ Великомъ Князѣ не было прирожденной непосѣдливости и неугомонности, то онъ самъ бы понималъ, что главнокомандующему нельзя обращаться въ искателя сильныхъ ощущеній и вообще новыхъ впечатлѣній. Главнокомандующему надо мѣнять мѣсто пребыванія лишь въ крайней необходимости. Множество дѣлъ, отъ него зависящихъ, всѣ остановятся съ его отъѣздомъ, въ особенности при установившемся уже обыкновеніи ѣхать впередъ съ однимъ летучимъ штабомъ, оставляя далеко позади себя всѣ полевыя управленія. Къ сожалѣнію, всѣ эти соображенія не имѣютъ цѣны въ глазахъ Великаго Князя. Ему наскучило подъ Плевной: всѣ позиціи, до траншей включительно, онъ объѣздилъ, кровавые уроки позабыты, ибо заслонились новѣйшими успѣхами и особенно взятіемъ Карса. Не будь здѣсь Государя и Тотлебена, онъ не устоялъ бы передъ соблазномъ четвертаго штурма Плевны. А такъ какъ мало надежды на Высочайшее согласіе штурмовать, то и явилась мысль уѣхать изъ-подъ Плевны къ Гурко.

Одинъ Непокойчицкій могъ бы сдерживать порывы Великаго Князя и направлять съ пользою для дѣла его энергію. Но онъ такъ влюбленъ въ него, что самъ покоряется его обаянію и почти никогда ему не прекословитъ. Даже удивительно, до чего податливъ этотъ старый, многоопытный и несомнѣнно умный человѣкъ. Обаятельная личность Великаго Князя совершенно загипнотизировала его: у него нѣтъ своей воли.

При такихъ условіяхъ наши дѣла всегда будутъ висѣть на волоскѣ. Одна вздорная случайность, вродѣ неудачи 8 іюля подъ Плевной, можетъ все испортить. Ибо, при отсутствіи обдуманности и послѣдовательности, мы легко теряемся, а вслѣдствіе этого спѣшимъ и второпяхъ дѣлаемъ такіе промахи, поправлять которые потомъ трудно и долго.

Великій Князь уже третій день ведетъ какіе-то таинственные разговоры съ Непокойчицкимъ и Нелидовымъ. Послѣдній ѣдетъ завтра въ Бухарестъ, по Высочайшему повелѣнію, для переговоровъ съ княземъ Горчаковымъ. По слухамъ изъ императорской главной квартиры, Государь собирается уѣхать въ Петербургъ, какъ только будетъ взята Плевна.

Сегодня получилъ письмо отъ Тэвиса (нашего шпіона) изъ Константинополя. Пишетъ, что возобновилъ старое знакомство съ Клапкой и даже поселился рядомъ съ нимъ. Клапка старается поддержать въ туркахъ духъ борьбы „à outrance", но духъ этотъ уже сильно падаетъ (письмо писано еще до взятія Карса). Въ Константинополѣ — сильное волненіе: Махмудъ-Дамадъ отравленъ;

почти открыто поговариваютъ о низверженіи султана. Клапка хочетъ принудить его призвать опять къ дѣламъ Митхада-пашу. Тэвисъ уже являлся великому визирю, который принялъ его весьма привѣтливо и даже, будто бы, предложилъ поступить въ турецкую армію прежнимъ чиномъ генералъ-лейтенанта, съ прикомандированіемъ къ главному штабу. Онъ просилъ отвѣчать ему черезъ Парижъ „да" или „нѣтъ".

По докладѣ этого письма Великому Князю, онъ возилъ его сегодня же читать Государю и, по возвращеніи, приказалъ отвѣчать согласіемъ. Посему я телеграфировалъ: „Paris. Monmartre. Rue Lepic, 93. Madame Angèle Vallier. Oui".

Посмотримъ, выйдетъ ли изъ этого толкъ.

14 ноября.—Буря съ мокрымъ снѣгомъ и дождемъ. У насъ въ кибиткѣ весь день 2° тепла. Топить нашу земляную печку невозможно; вѣтеръ вгоняетъ дымъ назадъ въ кибитку.

Генералъ-контролеръ Черкасовъ заболѣлъ черною оспою.

О проектѣ ѣхать вслѣдъ за „Гуркинымъ-генераломъ" (такъ прозвали его солдаты) сегодня ничего не слыхать.

Всю ночь и сегодня весь день свирѣпствуетъ снѣжная буря. Ночью и рано утромъ температура въ нашей кибиткѣ упала до 0.

Вчера вечеромъ была получена телеграмма Государя: „Саша телеграфируетъ, что турки снова наступали на Мечку и Пиргосъ. Подробности ему еще не были извѣстны".

Сегодня получено извѣстіе, что вся позиція 12-го корпуса у Трестеника и Мечки была сильно атакована турками, но атака отбита великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Государь пожаловалъ великому князю орденъ св. Георгія 3-й степени.

16 ноября.—Получилъ копію съ телеграммы сербскаго уполномоченнаго князю Милану: котораго именно числа она отправлена—не видно, а самого Катаржи не видалъ. Судя по содержанію — не ранѣе 13-го, ибо въ ней упоминается о взятіи Этрополя.

„Бѣлградъ, его высочеству князю сербскому:

„По приказанію е. и. в. главнокомандующаго представляю в. в. слѣдующій планъ кампаніи:

„Сербскія войска, выступивъ изъ Княжеваца, перейдутъ границу и двинутся по дорогамъ на Софію и на Акпаланку. Первымъ предметомъ дѣйствій долженъ быть Пиротъ: главныя силы должны наступать туда черезъ Мериноцы, Яловинъ-Изворъ и

Церево. Посему, для своего обезпеченія, необходимо занять Бабину-Главу, овладѣть проходомъ св. Николая и укрѣпить его. Достигнувъ Пирота, нужно послать нѣсколько отрядовъ для овладѣнія берковацкимъ проходомъ на софійской дорогѣ и для открытія связи съ гвардейскою кавалеріею, имѣя неослабно въ виду главную цѣль—Софію. Я уже сообщалъ в. в. о взятіи Правца и Этрополя. Надо ожидать, что въ скоромъ времени попадутъ въ наши руки Орханія и ея проходъ.—Полковникъ Катаржи".

По имѣющимся свѣдѣніямъ, сербская армія состоитъ изъ 4-хъ корпусовъ [1]): 1) шумадійскій Протича, около 5.000 чел.; 2) моравскій изъ 13.000 чел.; 3) дринскій, Ранко-Алимпича, 12.000 чел., и 4) тимокскій, Хорватовича, 12.000 чел. Всего 28.000 чел. при 140 орудіяхъ. Кавалеріи почти вовсе нѣтъ.

Сегодня погода чудная. По этому случаю состоялась поѣздка на тученицкій редутъ, куда пріѣхалъ и Государь со свитою. Посмотрѣли, какъ стрѣляютъ сосредоточенными залпами по Плевнѣ, позавтракали и вернулись домой.

17 ноября.—Сегодня заходилъ Катаржи къ Левицкому для переговоровъ по поводу предстоящей сербской кооперацiи. Слушая ихъ, я убѣдился, что положеніе сербской арміи довольно печальное, а свѣдѣнія Катаржи — весьма недостаточныя. Ясно одно, что ни прочной организаціи, ни денегъ нѣтъ и что военное содѣйствіе сербовъ невозможно безъ денежной отъ насъ субсидіи, которая въ принципѣ уже предрѣшена.

Получены подробныя свѣдѣнія о взятіи Этрополя и Орханіи, о несчастномъ, но геройскомъ дѣлѣ лейбъ-драгунъ подъ Навачиномъ и о занятіи Румынами Ломъ-Паланки.

18 ноября.—Получена слѣдующая телеграмма Стюарта изъ Бухареста: Ахмедъ-Эюбъ назначается вмѣсто Реуфа-паши, который принимаетъ начальство надъ сосредоточенною въ Адріанополѣ резервною арміей, около 150.000 чел. Мехмедъ-Али-паша въ Софіи: тамъ 6 таборовъ и ожидается еще 9 изъ Берковаца, Врацы, Тетевеня и со стороны Балканъ, а также гарнизоны Акпаланки, Бабиной-Главы, Ниша, 2 табора изъ Ускюба и 12 сирійскихъ. 1-го ноября прошла черезъ Новибазаръ 2-я боснійская дивизія, состоящая изъ 1 баталіона стрѣлковъ, 4-хъ баталіоновъ граничаровъ, 8 баталіоновъ редифа, 2 полковъ регулярной конницы, 650 башибузуковъ и черкесовъ, 4-хъ батарей и 2-хъ горныхъ орудій.

---

[1]) Корпуса дѣлятся на бригады различнаго состава.

20 ноября.—Получено извѣстіе, что турки очистили безъ боя сильно укрѣпленныя позиціи у Врачеша и Лютикова и отступили въ Софіи. 17-го ноября наши войска заняли оставленныя позиціи, а 18-го—Арабъ-Конакъ. 18-го же отрядъ генералъ-маіора Арнольди занялъ черкесскую Кривину на р. Цибрѣ и Кутловицу на шоссе изъ Ломъ-Паланки въ Берковацъ, войдя въ связь съ румынами, занимающими Ломъ-Паланку, и съ нашимъ отрядомъ, занимающимъ Врацу.

Отъ Анжелы Валльé (парижскаго агента нашего шпіона Тэвиса) получено извѣстіе, немедленно сообщенное Гурко: Мехмеду-Али приказано идти съ 48 таборами на освобожденіе Плевны, изъ Орханіи и Берковаца.—Это или запоздалое извѣстіе, или просто вздоръ.

21 ноября.—Вчера вернулся изъ Петербурга флигель-адъютантъ полковникъ Кладищевъ и привезъ самыя возмутительныя свѣдѣнія о тамошнихъ сплетняхъ и пересудахъ.

Великаго Князя громко и рѣзко бранятъ, не стѣсняясь. Войну клянутъ. Къ неудачамъ нашихъ войскъ относятся съ злораднымъ торжествомъ, какъ будто это войска непріятельскія. Высшіе сановники не только потворствуютъ этому растлѣнному направленію, но сами подаютъ примѣръ. Изъ среды *высшаго* общества пущена въ ходъ злобная острота: „нынѣшняя война — неудачный пикникъ дома Р“. Къ военнымъ бюллетенямъ придираются: то ропщутъ на недостаточность свѣдѣній, то на извѣщенія, что все спокойно и ничего новаго нѣтъ. А по поводу одной телеграммы, въ которой было сказано между прочимъ: „всюду холодъ и ненастье, на Балканахъ снѣгъ идетъ“, сейчасъ же сочинили и пустили въ ходъ ругательное четверостишіе, о которомъ предпочитаю умолчать.

Про Непокойчицкаго говорятъ, что онъ, купно съ еврейскимъ товариществомъ, моритъ армію голодомъ. О Левицкомъ— что онъ получилъ взятку отъ Османа-паши, и поэтому Плевна не сдается. Всей этой безсмыслицѣ охотно вѣрятъ.

По словамъ Кладищева, весьма видная роль въ распространеніи гнусныхъ сплетенъ принадлежитъ раненымъ офицерамъ, привезеннымъ въ Петербургъ. Они очень озлоблены, что имъ награды долго не выходятъ, тогда какъ адъютантамъ и ординарцамъ Великаго Князя ихъ даютъ немедленно. Это справедливо: адъютанты и ординарцы увѣшаны орденами, а строевые офицеры до сихъ поръ не получили наградъ даже за вторую Плевну, т.-е. за 18-е іюля. Для ординарцевъ и адъютантовъ сочинено

здѣсь очень мѣткое прозвище (пущено въ ходъ, кажется, капитаномъ С.): „Тряпичкины-очевидцы“.

Кладищевъ, издавна дружный съ Левицкимъ, откровенно и при мнѣ высказалъ ему, какое озлобленіе существуетъ противъ него въ Россіи. На него взваливаютъ отвѣтственность рѣшительно за все. Отказаться отъ своего мѣста ему, между тѣмъ, нельзя, ибо тогда уже никого и никогда не разубѣдишь въ томъ, что онъ чуть не преступникъ. Ему слѣдовало бы уйти въ строй, какъ ему уже давно совѣтовалъ Раухъ, но онъ не рѣшается. А между тѣмъ это единственный почетный выходъ изъ того невыносимаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ своею былою заносчивостью и рѣзкостью.

22 ноября.—Сегодня у насъ завтракалъ Государь.

Вечеромъ около 9 ч. получена телеграмма Деллингсгаузена, что сегодня въ 3 ч. дня онъ получилъ донесеніе князя Святополкъ-Мирскаго: тѣснимый турками, онъ отступилъ съ позиціи у дер. Марени и отбивается подъ Еленою отъ турокъ, окружающихъ его съ трехъ сторонъ. Деллингсгаузенъ послалъ ему въ помощь 4-ю стрѣлковую бригаду и два полка 11-й пѣхотной дивизіи, а Радецкій выдвинулъ въ Тырновъ два баталіона волынскаго полка съ батареею. Въ то же время турки атаковали и нашу кесаревскую позицію на османъ-базарской дорогѣ, но нашъ кесаревскій авангардъ удержался.

Получивъ эту телеграмму, Великій Князь немедленно приказалъ передвинуть на османъ-базарскую дорогу одну бригаду 26-й пѣх. дивизіи изъ Чаиркіоя и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Цесаревича поддержать Деллингсгаузена чѣмъ можно.

Ночью меня разбудилъ самъ Непокойчицкій, вручилъ вторую телеграмму Деллингсгаузена и велѣлъ идти съ нею къ Великому Князю. Телеграмма эта, переданная въ 11 ч. 55 м. вечера, гласила:

„Получена записка отъ начальника еленинскаго отряда отъ 4 ч. пополудни: „13 и 15 стрѣлковые баталіоны, по моему приказанію, послѣ привала въ Федабеѣ, двинутся къ позиціи къ Яковцамъ, о чемъ вмѣстѣ съ симъ отправлено приказаніе“.— Сейчасъ получилъ отъ Ванновскаго увѣдомленіе, что и 2-я бригада 26-й пѣх. дивизіи у Водицы будетъ смѣнена завтра войсками Цесаревича, и тогда я направлюсь также на поддержку еленинскаго отряда“.

Великій Князь, котораго я разбудилъ, прочелъ эту телеграмму и оставилъ ее у себя.

23 ноября.—Теплая буря. Цѣлый рядъ телеграммъ съ еленинской дороги.

Деллингсгаузенъ телеграфировалъ:

1) Отъ 6 ч. сегодняшняго утра: „Телеграфное сообщеніе съ Еленой возстановлено. Князь Мирскій телеграфируетъ, что вчера съ 7 ч. утра до 3 пополудни отбивался отъ непріятеля силою отъ 20 до 30.000, а въ 3 часа пополудни начали очищать Елену и отступили съ боемъ на заблаговременно укрѣпленную позицію впереди ущелья у дер. Яковцы. Потери весьма значительны. На подкрѣпленіе князя Мирскаго, кромѣ охотскаго полка и 4-й стрѣлковой бригады, направлены камчатскій полкъ и полкъ кавалеріи 13-й дивизіи. Якутскій полкъ дѣйствуетъ со стороны Златарицы. 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи прибыла въ Кадыкіой и съ разсвѣтомъ (т.-е. сегодня) двинется къ Шеремету".

2) Отъ 11 ч. 25 м. утра:

„Телеграфъ дѣйствуетъ отъ Тырнова только до монастыря св. Николая, гдѣ учрежденъ перевязочный пунктъ. Все, что было свободныхъ войскъ на османъ-базарской дорогѣ, отправлено князю Мирскому, и съ минуты на минуту жду подхода бригады 26-й дивизіи изъ Чаиркіоя, которую тотчасъ отправлю къ нему. Отрядъ попрежнему занимаетъ позицію у Яковцы и бой повидимому не возобновленъ, такъ какъ выстрѣловъ съ той стороны не слышно. На сдѣланный мною князю Мирскому запросъ отвѣта еще не получилъ. Сію минуту получено донесеніе князя Мирскаго, что непріятель съ 8½ ч. утра началъ сильно наступать".

Одновременно получена телеграмма Радецкаго отъ 11 час. 30 м. утра:

„Генералъ Деллингсгаузенъ телеграфируетъ, что все, что у него было свободнаго, направлено къ Мирскому, который и съ этимъ едва-ли удержится, такъ какъ на него наступаютъ отъ 20 до 30 тысячъ. Послать что-либо еще изъ шипкинскаго отряда я не имѣю возможности и посылку одного-двухъ баталіоновъ считаю совершенно безполезною. Единымъ средствомъ для удержанія наступленія непріятеля, по моему мнѣнію, можетъ быть движеніе частей 11 и 13 корпусовъ во флангъ и тылъ наступающихъ турокъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи кавалеріи, я лишенъ возможности содержать связь между Тырновомъ и Дреновомъ и Габровомъ. Прошу ваше высочество прислать пока кавалерійскій полкъ, какъ для этой цѣли, такъ и для развѣдокъ, которыя, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, крайне необходимы".

Великій Князь отвѣчалъ Радецкому, что назначить требуемый полкъ не можетъ, а предлагаетъ Деллингсгаузену назначить его изъ состава своихъ войскъ; въ случаѣ же крайности—обратиться къ Цесаревичу.

Соотвѣтствующаго содержанія телеграммы были посланы Цесаревичу и Деллингсгаузену.

Цесаревичъ телеграфировалъ отъ 2-хъ ч. пополудни, что на смѣну 26-й пѣх. дивизіи присланы: въ Чаиркіой—2-я бригада 1-й пѣх. дивизіи съ уланскимъ полкомъ, на ковачицо-водицкую позицію—1-я бригада 32-й пѣх. дивизіи. Кромѣ того, въ Ковачицу посланъ 1-й пѣх. невскій полкъ, а остальныя войска 13-го корпуса заняли позицію по Баничкину-Лому:

Сегодня же получена телеграмма Гурко изъ Осикова отъ 10 ч. 40 м. утра:

„Турки, очищая деревни и города передъ наступленіемъ моихъ войскъ, убиваютъ жителей, болѣе зажиточныхъ уводятъ съ собой, грабятъ, сжигаютъ и разоряютъ занимаемые нами районы. Надъ нашими ранеными, случайно попадающими въ ихъ руки, продолжаютъ неистовствовать. Прошу разрѣшенія объявить и приводить въ исполненіе репрессивныя мѣры. Думаю, что терроръ надо уничтожать терроромъ же“.

Содержаніе этой телеграммы было немедленно передано Государю въ Порадимъ по телеграфу.

Получены сверхъ того телеграммы Гурко: 1) о занятіи 21 ноября златицкаго перевала колоннами генералъ-маіора Курнакова и полковника графа Комаровскаго; 2) о блестящемъ отраженіи, 21-го же ноября, цѣлаго ряда ожесточенныхъ турецкихъ атакъ на Арабъ-Конакъ, занятый отрядомъ командующаго л.-гв. московскимъ полкомъ, флигель-адъютанта полковника Гриппенберга. Отрядъ состоялъ только изъ четырехъ баталіоновъ: два баталіона л.-гв. московскаго полка, л.-гв. 2-й стрѣлковый баталіонъ, двѣ роты стрѣлковъ его величества и двѣ роты стрѣлковъ императорской фамиліи. Турокъ было не менѣе 12 таборовъ. Атаки начались около $10^1/_2$ ч. утра и продолжались до 3 ч. пополудни. Нашъ отрядъ потерялъ около 150 челов. Въ числѣ убитыхъ—поручикъ 2-й батареи л.-гв. 2-й арт. бригады Типольтъ и л.-гв. московскаго полка портупей-юнкеръ Гавеманъ. Въ числѣ раненыхъ — л.-гв. московскаго полка капитанъ де-Лаваль-Велькъ, поручикъ Димитріевъ и подпоручикъ Войницкій: послѣдній умеръ отъ ранъ.

Въ заключеніе настоящаго, богатаго тревожными извѣстіями дня, поздно вечеромъ получена телеграмма князя Име-

ретинскаго изъ Тученицы: „Баронъ Криденеръ телеграфируетъ: командиръ румынскаго баталіона гривицкаго редута заявилъ, что явились два турецкихъ офицера и заявили ему, что сегодня ночью будетъ наступленіе турокъ на нашъ правый флангъ, противъ гривицкаго редута и на софійское шоссе. Всѣхъ предупредилъ“.

Ночь—воровская. Ни зги не видно. Грязь ужасающая. Буря такъ и воетъ.

24 ноября.—Румынское свѣдѣніе оказалось вздорнымъ: никакого наступленія турокъ не было. Мало того: даже два офицера-перебѣжчика оказались вымышленными.

Утромъ, по полученіи дополнительныхъ телеграммъ отъ Гурко и Деллингсгаузена, Великій Князь телеграфировалъ Государю въ Порадимъ:

„Сейчасъ получилъ телеграмму Деллингсгаузена, что онъ выѣхалъ самъ къ отряду Мирскаго. Донесенія будетъ посылать черезъ Тырновъ.

„Гурко доноситъ, что л.-гв. московскаго полка поручикъ Войницкій умеръ отъ ранъ. Потери 21 ноября: въ московскомъ полку нижнихъ чиновъ убито 30, ранено 81; стрѣлковомъ вашего величества баталіонѣ ранено 4, л.-гв. 2-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ убито 15, ранено 38; баталіонѣ императорской фамиліи ранено 2; л.-гв. 2-й артил. бригадѣ убитъ 1, ранено 4. Всего убито 46, ранено 129 нижнихъ чиновъ. Плѣнные турки показали, что ихъ потеря—1.300 чел. Убитые турки и теперь лежатъ на полѣ сраженія въ огромномъ числѣ.

„Всѣ плѣнные, взятые у Златицы, Арабъ-Конака и Лютикова, единогласно показываютъ: въ Арабъ-Конакѣ самъ Мехмедъ-Али-паша съ 20—25 таборами; въ Златицѣ—5, у Лютикова—отъ 5 до 10 таборовъ. Всего противъ Гурко—отъ 30 до 40 таборовъ. Изъ Берковаца онъ уже нѣсколько дней не имѣетъ свѣдѣній. Онъ проситъ занять Врацу бригадою пѣхоты. Я направилъ туда костромской полкъ съ батареею, который долженъ былъ выступить изъ Никополя вчера, прибыть 29 ноября въ Альтемиръ, а 2 декабря можетъ прибыть во Врацу“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Великій Князь составилъ и послалъ слѣдующую телеграмму Гурко въ Осиково, вслѣдъ:

„Пришли поскорѣе реляцію о сраженіи 21 ноября и сообщи мнѣ подробное распредѣленіе войскъ по колоннамъ и гдѣ какая колонна находится. Пока дѣла подъ Еленою не разъяснятся, займи крѣпкія позиціи, укрѣпись и не двигайся болѣе впередъ.

Имѣешь ли ты подвижной резервъ: онъ необходимъ на всякую случайность; даже долженъ ты имѣть въ виду возможность движенія этого резерва къ Плевнѣ или даже на востокъ черезъ Ловчу".

Телеграмма Великаго Князя Деллингсгаузену въ Тырновъ, вслѣдъ:

„Я надѣюсь, что вы удержите дальнѣйшее наступленіе турокъ, а при благопріятныхъ условіяхъ отбросите ихъ назадъ. Но если бы пришлось отойти еще назадъ, то вы должны удержать Тырновъ, укрѣпить его и обратить во вторую Плевну".

Затѣмъ получены двѣ телеграммы Радецкаго:

Первая, отъ $12^{1}/_{2}$ ч. дня:

„Противъ непріятеля, наступающаго со стороны Елены, собрано на яковецкой позиціи подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Деллингсгаузена:

„Два полка 9-й дивизіи, сѣвскій и орловскій.

„Два полка 11-й дивизіи, камчатскій и охотскій.

„4-я стрѣлковая бригада.

„У Минде расположенъ якутскій полкъ.

„Къ Шеремету подошла 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи.

„Къ Тырнову прибыли два баталіона волынскаго полка и $2^{1}/_{2}$ полка кавалеріи.

„Для противодѣйствія прямому наступленію войскъ сосредоточено хотя и достаточно, но, судя по послѣдней телеграммѣ изъ Тырнова, они могутъ не удержаться противъ непріятеля, обходящаго оба фланга позиціи у Яковцевъ въ значительныхъ силахъ. Во избѣжаніе неудачнаго для насъ исхода дѣла, слѣдствіемъ котораго можетъ быть оставленіе безъ боя шипкинскаго и ханкіойскаго переваловъ, имѣю честь убѣдительнѣйше просить ваше высочество приказать 13-му корпусу немедленно двинуться во флангъ непріятелю. На османъ-базарской дорогѣ турки, повидимому, ограничиваются однѣми демонстраціями".

Вторая, отъ 5 ч. 20 м. дня:

„Если наши войска принуждены будутъ отступить къ Тырнову, то я съ 11-ю баталіонами и горными орудіями двинусь на Травну съ тѣмъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, ударить во флангъ и тылъ туркамъ. На шипкинской позиціи останутся три полка 24-й дивизіи, баталіонъ брянцевъ, баталіонъ волынцевъ, шесть дружинъ и артиллерія. Все-таки почтительнѣйше прошу ваше высочество направить 13-й корпусъ, какъ я о томъ просилъ".

Уже по полученіи первой телеграммы Радецкаго, Великій

Князь тотчасъ собственноручно телеграфировалъ Цесаревичу, прося его направить 13-й корпусъ согласно просьбѣ Радецкаго (копію этой телеграммы Великій Князь мнѣ не передавалъ).

Цесаревичъ отвѣчалъ телеграммою отъ 8 ч. 50 м. вечера, полученною ночью:

„Я нахожу, что растянутое положеніе 12-го корпуса подвергнетъ серьезной опасности переправу и наши склады у Батина, госпитали и склады въ Бѣлѣ, въ виду того, что у непріятеля еще 14-го ноября обнаружены значительныя силы у Рущука и нѣтъ указанія, чтобы не было войскъ и у Разграда. 12-му корпусу придется, оберегая линію въ 60 верстъ, оставить свои нынѣшнія позиціи и отойти къ Батину, протянувъ правый флангъ до Водицы. Мало-мальски серьезное наступленіе турокъ отъ Разграда вынудитъ правый флангъ нашъ къ отступленію черезъ Бѣлу за Янтру и ограничиться обороною переправъ у Батина и пассивною обороною у Бѣлы на *лѣвомъ* берегу Янтры, ибо позиція на правомъ берегу тянется на 18 верстъ. Это обстоятельство довожу до свѣдѣнія вашего и затѣмъ буду ожидать приказаній вашего высочества: направить ли, несмотря на это, на османъ-базарскую дорогу цѣлый 13-й корпусъ, или же можно будетъ отрядить одну только дивизію.—Генералъ-адъютантъ Александръ“.

Великій Князь ночью же съ 24-го на 25-ое отвѣчалъ на эту телеграмму:

„Съ такими доводами совершенно согласенъ, и потому полагаю ограничиться сборомъ одной дивизіи твоихъ войскъ у Чаиркіоя и отложить мысль демонстративнаго движенія по османъ-базарской дорогѣ. Когда дивизія соберется у Чаиркіоя, дай мнѣ знать; она будетъ служить резервомъ за твоимъ правымъ флангомъ и будетъ готова, въ случаѣ нужды, поддержать лѣвый флангъ 11-го корпуса и вообще, въ случаѣ крайности, и резервомъ для Тырнова.—Николай“.

По второй телеграммѣ Радецкаго Великій Князь, въ ночь съ 24 на 25 ноября, горячо поблагодарилъ его за энергическую распорядительность и затѣмъ послалъ еще слѣдующую телеграмму:

„Такъ какъ вы имѣли въ виду, въ случаѣ отступленія Мирскаго въ Тырновъ, двинуть во флангъ непріятелю 11 баталіоновъ, то, зная, что онъ вчера еще держалъ позицію у Яковцевъ, не можете ли отправить въ Тырновъ, въ видѣ резерва, бригаду пѣхоты. Златарица нами взята и турки отступили оттуда на

Беброво. Если согласны и находите возможнымъ, то прошу исполнить это тотчасъ и увѣдомить меня шифромъ.—Николай".

Изъ Тырнова въ теченіе настоящаго дня получены еще слѣдующія телеграммы:

Отъ Г. М. Немиры, отъ 1 ч. 10 м. дня:

„На яковецкой позиціи тихо. Видны только турецкіе разъѣзды съ противоположныхъ высотъ. 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи, выступившая изъ Шеремета на Златарицу, повидимому, еще не завязала дѣла, ибо выстрѣловъ не слышно".

Отъ него же, отъ 3 ч. 25 м. дня:

„Непріятель наступаетъ на позицію у Яковцевъ. Бой начался. Минде атакуется якутскимъ полкомъ. Туда же направлена 1-я бригада 26-й дивизіи. Командующій корпусомъ проситъ прислать на поддержку войска изъ Сельви".

Слѣдующая телеграмма отъ него же, отъ 5 ч. дня:

„Въ 3 часа турки вдругъ пріостановили атаку и прекратили огонь. Оказалось, что отрядъ, двинутый отъ Шеремета на Златарицу, выбилъ оттуда турокъ и двинулся вслѣдъ за ними на Беброво, угрожая такимъ образомъ правому флангу и тылу главныхъ силъ, наступавшихъ на Яковцы отъ Елены. Это движеніе, очевидно, и заставило турокъ прекратить атаку".

И, наконецъ, телеграмма отъ командующаго 26-ю пѣх. дивизіею:

„Два баталіона якутцевъ въ $11\frac{1}{2}$ ч. утра заняли Минде безъ выстрѣла. Въ $12\frac{1}{2}$ ч. дня 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи и третій баталіонъ якутскаго полка двинулись прямо на Златарицу. Туда же наступаютъ и остальные два якутскіе баталіона отъ Минде".

Ночью съ 24 на 25 ноября опять извѣстіе отъ румынскаго генерала Черната, что надо ожидать ночного нападенія турокъ [1]).

Такимъ образомъ, сегодня третій день безпрерывной почти тревоги. И днемъ, и ночью Великій Князь безпрестанно требуетъ меня къ себѣ для составленія телеграммъ Государю, начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ и т. д. Неожиданное (у насъ всѣ турецкія наступленія неожиданны!) наступленіе турокъ на Елену произвело большой переполохъ. Мы вѣдь по обыкновенію безъ стратегическаго резерва. Его никогда и не будетъ, потому что мы не въ состояніи удерживаться отъ фатальнаго стремленія его израсходовать. Какъ мотъ, не знающій покоя до тѣхъ поръ, пока не исчезъ послѣдній грошъ, такъ и мы: стоило намъ обза-

---

[1]) Это извѣстіе опять не подтвердилось, какъ и бо̀льшая часть извѣстій изъ румынскаго источника.

вестись хотя небольшимъ резервомъ—сейчасъ же являлась мысль его куда-нибудь издержать. Снаряжая экспедицію Гурко въ Балканамъ, мы отдали туда всѣ свободныя войска и опять остались ни съ чѣмъ.

Случился теперь еленинскій сюрпризъ—пришлось хватать войска по кусочкамъ отовсюду и посылать на подкрѣпленіе Мирскому, ослабляя рущукскій и шипкинскій отряды до послѣдней степени.

Великое счастье, что нашъ противникъ столь неискусенъ и близорукъ!

Сегодня вернулся изъ Плевны посланный туда княземъ Имеретинскимъ болгаринъ, самъ плевнинскій старожилъ, знающій лично всѣхъ тамошнихъ обывателей, какъ болгаръ, такъ и турокъ, знающій даже многихъ турецкихъ солдатъ. Сынъ его и теперь находится въ Плевнѣ, поддерживаетъ наружно-добрыя отношенія къ туркамъ и состоитъ у нихъ на счету благонадежнаго гражданина.

Этимъ, повидимому, вполнѣ достовѣрнымъ болгариномъ, прожившимъ въ Плевнѣ нѣсколько дней, доставлены слѣдующія свѣдѣнія.

Продовольствія хватитъ еще на 25—30 дней, ибо дача отпускается уменьшенная. Раздача дневныхъ порцій аккуратно производится какъ солдатамъ, такъ и жителямъ. Магазины строго охраняются. Ежедневно раздается 60.000 порцій: около 40.000 офицерамъ и солдатамъ, 15.000—больнымъ и раненымъ, и 5.000—нестроевымъ чинамъ и мѣстнымъ жителямъ. По недостатку корма, скотъ падаетъ сильно, скоро совсѣмъ его не будетъ. Каждую издыхающую скотину спѣшатъ заколоть. Уже теперь, по нуждѣ, начали ѣсть свиней. Мельницы остановились, вслѣдствіе преграждения плотинами (по мысли и приказанію Тотлебена) ручьевъ тученицкаго и гривицкаго: молоть зерно теперь негдѣ. Патроновъ еще достаточно, но зарядовъ совсѣмъ мало: остатокъ тщательно берегутъ. На случай штурма приготовляютъ цилиндрическія жестянки, начиненныя пулями,—самодѣльную картечь. Настроеніе въ войскахъ невеселое. Но такъ какъ теперь байрамъ (постъ), то крѣпятся, ибо жертвы въ посту—дѣло богоугодное. Османъ-паша увѣрилъ войска, что къ окончанію поста, къ 6-му декабря, подойдетъ 100.000-ная армія на выручку; если же нѣтъ, то будемъ пробиваться; а если и это не удастся, то положимъ оружіе.

И сегодня весь день буря, да еще съ густымъ туманомъ, несмотря на рѣзкій вѣтеръ. Грязь невылазная. По ночамъ—тьма кромѣшная.

25 ноября.—Сегодня Великій Князь передалъ мнѣ три телеграммы Государя: Первая, отъ 23 ноября, 10 ч. 35 м. вечера:

„Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ отряда Мирскаго. Изъ телеграммы Саши ты видѣлъ, что онъ еще до полученія твоего приказанія принялъ съ своей стороны мѣры, которыя ему предписывались. Да поможетъ намъ Богъ какъ тамъ, такъ и здѣсь".

Вторая, отъ 11 ч. 20 м. утра 24 ноября:

„Надѣюсь, что съ прибывшими подкрѣпленіями Мирскому удастся удержаться на позиціи и, можетъ быть, перейти самому въ наступленіе. Жду съ нетерпѣніемъ подробныхъ донесеній Гурко. Каковъ Бобринскій?" (Тяжело раненный.)

Третья, отъ 1 ч. 50 м. настоящаго дня:

„Надѣюсь, что движеніе лѣвой колонны отъ Златарицы на Беброво заставитъ турокъ отступить отъ Елены. Очень сожалѣю о значительныхъ потеряхъ въ людяхъ и орудіяхъ. Если завтра [1]) дождя не будетъ, прибуду къ редуту въ 12 часовъ, въ противномъ случаѣ останусь здѣсь".

На первыя двѣ телеграммы Великій Князь отвѣчалъ самъ и копій мнѣ не передавалъ. Третья Высочайшая телеграмма служитъ отвѣтомъ на слѣдующую, отправленную Государю сегодня утромъ:

„Деллингсгаузенъ телеграфировалъ ночью изъ Тырнова, что вчерашняя атака турокъ на яковецкую позицію была лишь усиленною рекогносцировкою. Отряду Мирскаго онъ приказалъ держаться до крайности. Положеніе отряда весьма облегчилось, вслѣдствіе взятія Златарицы нашею лѣвою колонною.

Потери наши въ бою 22-го ноября точно неизвѣстны, но по первоначальнымъ свѣдѣніямъ отъ князя Мирскаго—весьма серьезны. Убито и ранено до 50 офицеровъ и 1.800 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ офицеровъ—новый командиръ орловскаго полка полковникъ Клевезаль, но изъ депеши не видно, убитъ онъ или раненъ. Потеряно 11 орудій, въ томъ числѣ 4 подбитыхъ. Остальныя нельзя было увезти вслѣдствіе убыли лошадей. Другихъ подробностей пока нѣтъ.—Николай".

Затѣмъ получена телеграмма Цесаревича отъ 10 ч. 40 м. сегодняшняго утра:

„Вчера (т.-е. 24-го ноября) на линіи отъ Дуная до Опаки все было спокойно, но противъ Поломарчи и Ковачицы непріятель выставилъ съ утра 5 таборовъ съ нѣсколькими орудіями и значительную часть кавалеріи: перестрѣлка продолжалась до суме-

---

[1]) Т.-е. 26-го. Предполагалось устроить на редутѣ георгіевскій парадъ.

рекъ, а затѣмъ турки отступили. Согласно требованію Деллингсгаузена, къ нему отправлены: 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи, прибыла 23-го ноября въ Кесарево и оттуда въ Шереметъ; 2 бригада 26 пѣх. дивизіи и бригада 11 кавалер. дивизіи выступили 24-го, ночевали въ Чаиркіоѣ, а сегодня (25-го) прибудутъ въ Шереметъ. Позиціи 26 дивизіи заняты войсками 13-го корпуса, имѣя правофланговый отрядъ въ Кадыкіоѣ. У Кесарева была слышна вчера (т.-е. 24-го) оживленная перестрѣлка, до 3 ч. дня. Судя по выстрѣламъ, наши удержали позицію. Деллингсгаузенъ сообщилъ, что противъ него—отъ 30 до 40.000 турокъ. Болѣе 30 тыс. турки послали 14-го ноября противъ 12-го корпуса. Столько же у нихъ должно быть и у Разграда, съ авангардами у Карахасанкіоя и Папкіоя. Я сегодня послалъ начальника штаба въ 13-й корпусъ, чтобы условиться о способѣ содѣйствія, которое должно быть оказано 11-му корпусу.—Генералъ-адъютантъ Александръ".

Получена отвѣтная телеграмма Радецкаго на вчерашнюю, предписывавшую ему образовать у Тырнова резервъ изъ одной бригады:

„Во исполненіе приказанія вашего высочества, бригада будетъ направлена на Тырновъ, въ общій резервъ. Но тогда уже шипкинскій отрядъ потеряетъ всякую подвижность и долженъ будетъ ограничиться только одною обороною Шипкинскаго перевала".

Получена телеграмма Деллингсгаузена изъ Тырнова отъ 2 ч. 40 м. дня:

„Радецкій ничего больше выслать не можетъ. 2-я бригада 26-й дивизіи, по смѣнѣ войсками 13-го корпуса, выступила сегодня (т.-е. 25-го) въ 5 ч. утра изъ Водицы и слѣдуетъ въ резервъ къ Шеремету. Непріятеля вчера (т.-е. 24-го) было: у Елены до 30, у Златарицы до 10 тысячъ. Златарицкій отрядъ занимаетъ въ настоящее время Златарицу и Минде. Сію минуту получилъ извѣстіе, что бой на яковецкой позиціи начинается".

Вечеромъ Деллингсгаузенъ донесъ, что артиллерійская и ружейная перестрѣлка у Яковцевъ прекратилась около 4-хъ ч. дня.

Получена еще телеграмма и отъ Гурко изъ Осикова, что 23-го ноября турки возобновили попытку атаковать нашъ правый флангъ, но были отбиты тремя баталіонами финляндцевъ и однимъ баталіономъ павловцевъ, съ потерею 27 нижнихъ чиновъ.

26 ноября.—Предположенный въ Высочайшемъ присутствіи

георгіевскій парадъ не состоялся. И слава Богу: не время и не мѣсто для парадовъ!

Сегодня получена телеграмма Деллингсгаузена объ артиллерійскихъ потеряхъ въ сраженіи у Марени и Елены 22-го ноября. Непріятелю досталось: 11 орудій 4-хъ ф. калибра (изъ нихъ 4 подбитыхъ), 10 передковъ, 6 зарядныхъ ящиковъ, 1 запасный лафетъ, 44 чел. прислуги, 116 лошадей и сбруя на 84 лошади.

Для разслѣдованія причинъ пораженія подъ Еленою Великій Князь послалъ сегодня ординарца своего (!) л.-гв. гродненскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистра Цурикова. Ему поручено: именемъ Великаго Князя поблагодарить войска и разузнать, отчего кавалерія прозѣвала наступленіе турокъ?

Ординарческое ли это дѣло?! И который уже разъ на адъютантовъ и ординарцевъ возлагаются порученія, совершенно не соотвѣтствующія ихъ скромному служебному положенію. Вспоминается случай посылки ординарца полевой конной артиллеріи штабсъ-капитана князя Оболенскаго, для объявленія командиру 9 корпуса генералъ-лейтенанту барону Крюденеру—неудовольствія главнокомандующаго послѣ 2-й Плевны! Ординарецъ, по словамъ очевидцевъ, исполнилъ это порученіе съ полнымъ апломбомъ. Каково положеніе старика корпуснаго командира!

Получены двѣ телеграммы Цесаревича:

1) Отъ 12 час. 50 мин. пополудни:

„На постахъ все тихо и спокойно. На правомъ флангѣ, на ковачицкой позиціи, была вялая перестрѣлка. Противъ уланскихъ постовъ у Красне показался-было непріятель, но отошелъ.

„Въ 12-мъ корпусѣ дѣлать передвиженія войскъ пока не полагаю. Въ 13-мъ корпусѣ собраны уже въ Чаиркіоѣ нарвскій и копорскій полки, а въ Копривицѣ—невскій и софійскій. Съ авангардныхъ позицій я приказалъ смѣнить сегодня же софійскій полкъ нѣжинскимъ. Софійскій полкъ прибудетъ въ Церковну завтра или послѣ-завтра, и тогда подвижной резервъ въ составѣ дивизіи будетъ вполнѣ готовъ, а тремя полками можно распоряжаться уже и теперь.

„Чувствуется большой недостатокъ кавалеріи въ отрядѣ. Теперь, съ уходомъ бригады 11-й кавал. дивизіи, передовая линія протянулась далеко къ югу. Въ Кадыкіой, для связи съ Кесаревомъ, приданы баталіону эскадронъ и сотня, такъ что чаиркіойскому резерву придать кавалерію нѣтъ рѣшительно никакой возможности, даже для прикрытія движенія его, если онъ будетъ потребованъ на османъ-базарскую дорогу.

„Въ случаѣ, что 1-я пѣхотная дивизія будетъ потребована

въ Кесарево, то 1-й бригадѣ 32-й дивизіи, занимающей Косабину, Ковачицу и Водицу, приказано удержать эту позицію и при возможности переходить въ наступленіе. Если же 1-ю дивизію потребуютъ въ Тырнову, то генералъ-маіору Горшкову приказано перейти на чаиркіойскую позицію. Сообщеніе съ Деллингсгаузеномъ поддерживается.—Генералъ-адъютантъ Александръ".

2) Отъ 3 час. 30 мин. пополудни:

„Положеніе отряда моего далеко не завидное. Все, что только возможно, отняли; резервовъ—никакихъ. Въ случаѣ серьезной атаки непріятеля успѣхъ весьма сомнительный съ нашей стороны. Все отъ меня зависящее сдѣлаю, и будемъ держаться, сколько возможно, но неровёнъ часъ. Я постоянно просилъ подкрѣпленій, и постоянно мнѣ отказывали, или брали, что было. Теперь одна надежда на Бога.—Саша".

Сегодня же (въ которомъ часу—не знаю, и поэтому не могу судить, есть ли это отвѣтъ на телеграмму Цесаревича, или же наоборотъ, вышеприведенная телеграмма его есть отвѣтная на нижеприведенную). Великій Князь послалъ Цесаревичу слѣдующую собственноручную телеграмму:

„Поздравляю тебя съ твоимъ именинникомъ [1]). По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, намъ необходимо держать ухо востро. Турки намѣреваются сдѣлать теперь же общее наступленіе со всѣхъ сторонъ. Войска, отбросившія насъ отъ Елены, въ числѣ 40 тысячъ, подъ начальствомъ Реуфа-паши,—собраны изъ рущукскихъ войскъ и Стамбула. На тебя полагаютъ наступленіе, по частнымъ слухамъ, сообщеннымъ изъ Лондона—изъ Сарнасуфляра и Эски-Джумы по направленію на Церковну. Увѣренъ, что ты съумѣешь ихъ удержать и наказать. Богъ съ тобою.—Николай".

Одновременная телеграмма великому князю Владиміру Александровичу въ Брестовацъ:

„Поздравляю молодого кавалера съ кавалерскимъ праздникомъ. Да поможетъ тебѣ Господь снова проучить врага, который замышляетъ наступленіе на насъ со всѣхъ сторонъ.—Николай".

Телеграмма генералу Гурко въ Осиково:

„Противъ Мирскаго до 40 тысячъ войскъ Реуфа-паши, собранныхъ частями изъ рущукской арміи и Стамбула. Получены свѣдѣнія, что турки намѣреваются атаковать всю мою армію со всѣхъ сторонъ, не исключая и тебя. Да поможетъ намъ Богъ

[1]) 26 ноября были именины великаго князя Георгія Александровича.

выдержать. Поздравляю тебя и новыхъ орденскихъ кавалеровъ съ праздникомъ.—Николай".

Отъ кого Великій Князь получилъ эти тревожныя свѣдѣнія—мнѣ неизвѣстно. Но подъ вліяніемъ этихъ свѣдѣній онъ былъ сегодня совсѣмъ нездоровъ.

27 ноября.—Государь съ утра запросилъ Великаго Князя телеграммою:

„Каковъ ты сегодня? Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Деллингсгаузена и Гурко".

Великій Князь отвѣчалъ:

„Деллингсгаузенъ доноситъ, что вчера, 26-го, въ Яковцахъ и Златарицѣ была лишь незначительная артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Отъ Гурко новаго ничего нѣтъ, большой подвижной резервъ уже сформированъ. Мнѣ лучше. Если завтра будетъ такъ же и ничто меня не задержитъ, постараюсь пріѣхать къ тебѣ къ завтраку".

Поздно вечеромъ Великій Князь получилъ собственноручную записку Тотлебена: „По показаніямъ перебѣжчиковъ, Османъ-паша собирается выходить изъ Плевны или въ эту, или въ слѣдующую ночь. Съ нашихъ батарей и траншей дѣйствительно замѣчено, что передовыя турецкія траншеи опустѣли, что турецкія войска отовсюду отходятъ къ Плевнѣ и далѣе къ р. Виду. Всѣ начальники предупреждены, всѣ мѣры приняты".

Около 1 часу ночи Непокойчицкій самъ зашелъ въ нашу кибитку, далъ прочесть эту записку и предупредилъ, что Великій Князь собирается съ утра выѣхать на передовыя позиціи. Распорядившись, чтобы верховыя лошади были къ утру готовы, мы легли спать.

28 ноября.—Холодный, немного вѣтреный день (термометръ на нулѣ). Рано утромъ былъ туманъ, который, впрочемъ, скоро разошелся.

Какъ встали, такъ узнали о подтвержденіи вчерашнихъ свѣдѣній Тотлебена. Еще ночью, въ началѣ 4-го часа, тученицкій телеграфистъ Свѣнцицкій телеграфировалъ флигель-адъютанту полковнику Чингисхану: „Со всѣхъ пунктовъ обложенія Плевны получены донесенія о движеніи непріятеля; затѣмъ дезертиръ показалъ, что Османъ намѣренъ сегодня ночью оставить Плевну. Кромѣ того, получено извѣстіе, что кришинскій редутъ оставленъ турками, и что они строятъ второй мостъ черезъ Видъ.

Утромъ пришло уже оффиціальное донесеніе, что турки атаковали гренадерскій корпусъ.

Великій Князь рѣшилъ сперва ѣхать на скобелевскую позицію. Но, получивъ телеграмму Государя, что онъ ѣдетъ на тученицкій редутъ, объявилъ, что надо отправиться туда же и тамъ ожидать Государя. Съ тѣмъ мы и выѣхали около $9^1/_2$ час. утра.

Получивъ по дорогѣ телеграмму Скобелева о занятіи имъ (безъ боя) кришинскихъ редутовъ, Великій Князь завернулъ сперва къ Тотлебену въ Тученицу. Отъ него мы узнали, что турки очистили также гривицкій и опанецкій редуты, которые уже заняты: первый—нашими, а опанецкій редутъ—румынскими войсками. Тогда Великій Князь предложилъ Тотлебену и князю Имеретинскому ѣхать вмѣстѣ на тученицкій редутъ и тамъ ожидать Государя. Пріѣхали, но, убѣдившись, что оттуда ничего не видно, стали искать мѣста, удобнаго для наблюденія за ходомъ боя. По дорогѣ Великій Князь все время отдавалъ приказанія встрѣчавшимся войскамъ: „Вы идите тоже туда, въ тылъ непріятелю"; или: „Что же вы нейдете? Вамъ тоже надо идти туда". Съ такими же приказаніями разсылалъ и адъютантовъ, и ординарцевъ, напр.: „Поѣзжай, скажи командиру 4-го корпуса, что же онъ нейдетъ? чтобъ тоже шелъ!" Наконецъ, князь Имеретинскій не выдержалъ и сказалъ: „Ваше высочество, позвольте имъ подождать, пока придетъ приказаніе отъ корпуснаго командира: всѣ распоряженія уже сдѣланы и будутъ исполнены. Вѣдь обстановка выяснилась только за четверть часа до вашего пріѣзда къ намъ, и тогда только были отданы соотвѣтствующія приказанія. Неудивительно, что онѣ еще не исполнены".

Это немного успокоило Великаго Князя. Рѣшилъ ѣхать въ Радишево и остановиться тамъ на телеграфной станціи, чтобы имѣть возможность получать донесенія и разсылать приказанія. Только-что тронулись—новое рѣшеніе: свернуть влѣво на виднѣвшійся вдали холмъ, откуда, по мнѣнію Великаго Князя, все должно быть видно. Но на пути къ этому холму оказалось множество препятствій. Во-первыхъ, наши собственныя траншеи, вдоль линіи которыхъ мы долго путались, отыскивая мѣсто для переѣзда. Кончили тѣмъ, что поѣхали гуськомъ по дну рва и выбрались, наконецъ, въ поле пѣшкомъ, переведя лошадей въ поводу черезъ наши насыпи и рвы.

Въ полѣ, отдѣлявшемъ наши передовыя траншея отъ турецкихъ, тамъ и сямъ лежали еще трупы, или, вѣрнѣе, скелеты нашихъ бѣдныхъ солдатиковъ, штурмовавшихъ Плевну 30 августа. Скелеты были, однако, одѣты, даже кепи лежали рядомъ съ ними. Въ числѣ скелетовъ одинъ въ офицерскомъ мундирѣ, но, конечно, уже нельзя было разобрать, какого полка.

Выѣхали, наконецъ, на намѣченный издали холмъ. Оказалось, что и съ него ничего не видно. Объ установленіи сообщенія съ телеграфною станціею, чтобы всѣ знали, гдѣ находятся главнокомандующій и начальникъ отряда обложенія со своими начальниками штабовъ—позабыли. Левицкій два раза напоминалъ Непокойчицкому, но безъ результата. Наконецъ, князь Имеретинскій самъ распорядился послать казаковъ на ближайшую телеграфную станцію. Но это ни къ чему не повело, такъ какъ мы переѣзжали цѣлый день съ мѣста на мѣсто, и найти насъ можно было только случайно.

Увидавъ вдали другой холмъ, поѣхали туда. Оказалось, что онъ находится уже за линіей турецкихъ укрѣпленій. Начали прыгать и перелѣзать черезъ нѣсколько брустверовъ и рвовъ, держа лошадей въ поводу. При этомъ ежеминутно предостерегали другъ друга отъ валявшихся во множествѣ нашихъ же неразорвавшихся гранатъ. Стоило какой-нибудь лошади удачно наступить на ударную трубку—былъ бы взрывъ.

Турецкія укрѣпленія оказались прибранными начисто: ни одной валяющейся сумки или манерки. Въ нашихъ же траншеяхъ было разбросано много разныхъ вещей и еще больше—всякой дряни. И тылъ нашихъ траншей былъ сильно загаженъ—по русскому обыкновенію; въ тылу же турецкихъ траншей было почти совсѣмъ чисто.

Наконецъ, увидали у себя подъ ногами заколдованную Плевну. Тамъ было тихо и, казалось, совершенно пусто. Вдали, верстахъ въ четырехъ, на Опанецкихъ высотахъ, виднѣлась масса румынскихъ войскъ; влѣво—наступающія между Плевною и за Видомъ войска Скобелева; а вправо и гораздо ближе къ намъ—наступалъ 9-й корпусъ барона Криденера. Пушечная и ружейная пальба, все время раздававшаяся изъ-за р. Вида, вдругъ прекратилась, но никто не зналъ, почему. Къ намъ прибѣжали изъ Плевны нѣсколько человѣкъ болгаръ и съ низкими поклонами, наперерывъ стали разсказывать, что турки еще вчера вечеромъ собрались въ путь, запрягли всю артиллерію и обозъ и всю ночь проходили сквозь Плевну, къ мосту черезъ Видъ. Одинъ изъ этихъ болгаръ очень хорошо говорилъ по-нѣмецки.

Выслушавъ ихъ, поѣхали въ Плевну, причемъ Великій Князь объявилъ, что мы будемъ тамъ ночевать, хотя до ночи было еще очень далеко и мы еще ровно ничего не знали объ исходѣ боя. Только-что это неожиданное рѣшеніе было объявлено—подъѣхалъ какой-то саперный полковникъ и доложилъ Великому Князю, что въ Плевну ворвались кучки нашихъ и румынскихъ

солдатъ-мародеровъ и приступили къ грабежу; что вслѣдствіе этого раненые турки открыли по мародерамъ огонь изъ домовъ. Немедленно въ Плевну былъ посланъ комендантъ главной квартиры, генералъ-маіоръ Штейнъ, съ наличными жандармами, а барону Криденеру послано приказаніе послать въ распоряженіе Штейна галицкій пѣхотный полкъ. При этомъ Штейну все-таки было приказано приготовить въ Плевнѣ квартиру для Великаго Князя со свитою. Отправивъ Штейна, поѣхали вдоль окраины Плевны къ р. Виду. По пути туда, прежде всего получили румынское донесеніе объ окончаніи боя и о сдачѣ Османа-паши. Не рѣшались, однако, вполнѣ вѣрить послѣднему (что бой кончился—было ясно съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась пальба), въ виду испытанной малонадежности румынскихъ донесеній. Черезъ 1/4 часа встрѣтили казака, везшаго турецкое знамя, и съ нимъ адъютанта командира 4-го корпуса, генералъ-лейтенанта Зотова. Этотъ адъютантъ доложилъ, что бой конченъ, что вся турецкая армія сдалась командиру гренадерскаго корпуса Ганецкому и что даже совсѣмъ по близости стоитъ часть турецкихъ войскъ, уже положившая оружіе. Что̀ сталось съ Османомъ—адъютантъ не зналъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя было уже сомнѣваться въ полной побѣдѣ. Снявъ шапки, мы всѣ перекрестились и прокричали восторженное ура.

Двинулись дальше. Вдругъ видимъ, что вправо отъ насъ, шагахъ въ 300, неподвижно стоитъ нѣсколько баталіоновъ. Присмотрѣлись, подъѣхали ближе,—оказывается, турки! Составили ружья въ козлы и спокойно стоятъ и сидятъ около нихъ. Нашихъ—никого. Узнавъ о сдачѣ своихъ передовыхъ войскъ, турки сами составили ружья и ожидаютъ плѣна. Къ нимъ приставили одного казачьяго офицера и одного казака и велѣли передать „плѣнные“ баталіоны барону Криденеру, когда подойдутъ его войска.

Доѣхавъ до дороги, спускающейся къ мосту черезъ р. Видъ, Великій Князь, для сокращенія пути, предпочелъ спуститься прямикомъ съ крутого берега къ рѣкѣ. Спѣшились и спустились съ величайшимъ трудомъ по мокрой, вязкой кручѣ, держа лошадей въ поводу. Очутившись, наконецъ, въ долинѣ, переѣхали вбродъ рѣку Видъ и два рукава и — выѣхали почти къ тому же мосту. Вдали, въ разстояніи около версты, виднѣлась масса войскъ. Подъѣхалъ М. Д. Скобелевъ и доложилъ Великому Князю, что Османъ-паша, дѣйствительно, взятъ въ плѣнъ и притомъ раненымъ, и что онъ, Скобелевъ, самъ его видѣлъ. Вотъ когда мы грянули самое восторженное ура! Вслѣдъ затѣмъ

подъѣхалъ и самъ герой дня, И. С. Ганецкій, котораго Великій Князь горячо обнялъ и расцѣловалъ. Затѣмъ начался объѣздъ войскъ. Восторгъ гренадеръ былъ въ полномъ смыслѣ слова неописанный: лица офицеровъ и солдатъ сіяли, ура кричали всѣ оглушительно и безъ конца. Поблагодаривъ гренадеръ, Великій Князь направился къ румынамъ и натолкнулся на отвратительную картину. Вся румынская пѣхота, какая тутъ была, вразсыпную занималась грабежомъ. Тащили ружья, сумки, шашки, расхватывали турецкую рухлядь съ повозокъ, увозили на себѣ пушки. Великій Князь крикнулъ на грабителей—никакого вниманія. Два румынскихъ офицера свиты Великаго Князя оставались совершенно безучастны, пока онъ не крикнулъ имъ, чтобъ немедленно уняли своихъ и потребовали къ нему старшаго начальника. Подъѣхалъ бригадный командиръ: Великій Князь жестоко распекъ его по-французски и, приказавъ тотчасъ же возстановить порядокъ, поѣхалъ дальше. Но какъ я узналъ потомъ — грабежъ не прекратился, а продолжался до поздняго вечера.

Мы же повернули обратно по плевнинской дорогѣ къ мосту, такъ какъ Ганецкій доложилъ, что тамъ оставленъ раненный Османъ-паша. По обѣ стороны пути стояли массами турки, повозки, скотъ. Поле было усѣяно брошенными ружьями и патронами. Понять не могу, какъ эти патроны не взрывало подъ ногами нашихъ лошадей. По пути къ мосту натолкнулись опять на безобразную сцену: румыны угоняли плѣнныхъ турокъ въ свой лагерь и увозили туда же брошенныя орудія. Они и подошли лишь тогда, когда все было кончено: всю тяжесть боя вынесли на себѣ 3-я гренадерская и часть 2-й гренадерской дивизіи. Великій Князь подозвалъ къ себѣ румынскаго полкового командира (подполковника) и спросилъ, знаетъ ли онъ его. Получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ ему остановить своихъ и вернуть заграбленныя орудія и плѣнныхъ. Румынъ, даже не приложивъ руку къ козырьку, отвѣчалъ: „C'est impossible, Monseigneur". Великій Князь вспыхнулъ. „Quand je l'ordonne, c'est possible et que ce soit fait! Votre nom?"

Вскорѣ подъѣхалъ самъ князь Карлъ, которому Великій Князь и сообщилъ фамилію этого наглеца (я ее не разслышалъ). Взыскано ли съ него или нѣтъ—неизвѣстно.

Мнѣ показалось, что не только этотъ полковой командиръ, но и большинство румынскихъ офицеровъ и солдатъ были пьяны: вѣроятно, напились передъ боемъ для храбрости.

Вскорѣ по соединеніи съ княземъ Карломъ, мы переѣхали

черезъ Видъ по мосту (прочному, на каменныхъ устояхъ) и увидѣли ѣхавшую намъ навстрѣчу коляску: въ ней сидѣлъ Османъ-паша, очень красивый и моложавый. На переднемъ сидѣньи, противъ него, сидѣлъ докторъ. Великій Князь тотчасъ подъѣхалъ къ нему, подалъ руку и высказалъ ему по-французски свое уваженіе къ его храбрости и славной оборонѣ Плевны; мы же всѣ въ одинъ голосъ, не сговорившись, закричали: „Браво, Османъ-паша!“ Онъ былъ видимо очень взволнованъ такимъ пріемомъ и поручилъ своему доктору передать Великому Князю по-французски (самъ онъ плохо понимаетъ этотъ языкъ и знаетъ на немъ лишь нѣсколько словъ), что онъ тронутъ его вниманіемъ и очень благодаренъ. Послѣ Великаго Князя къ Осману подъѣзжали, называли себя, жали руку и говорили любезности: князь Карлъ, Непокойчицкій, Тотлебенъ и другіе старшіе генералы. Когда было названо имя Тотлебена, Османъ-паша встрепенулся, взглянулъ на него пристально, низко наклонилъ голову и съ особымъ чувствомъ отвѣтилъ на его рукопожатіе.

Затѣмъ, такъ какъ, по словамъ доктора, рана Османа-паши еще не была перевязана—Великій Князь разрѣшилъ ему ѣхать въ Плевну, на свою квартиру, и тамъ переночевать. Коляска Османа повернула обратно, а вслѣдъ за нею поѣхали шажкомъ и мы. Тутъ я познакомился съ его начальникомъ штаба, Тевфикъ-пашой, котораго М. Д. Скобелевъ взялъ подъ свое покровительство и пригласилъ къ себѣ ночевать. Я сказалъ Тевфику нѣсколько комплиментовъ, но онъ былъ такъ огорченъ и разстроенъ, что отвѣчалъ полусловами, съ растерянною улыбкой.

Тутъ же мы увидѣли главную массу турецкихъ плѣнныхъ. Они стояли сплошною, безпорядочною, необозримою толпою къ югу отъ дороги. Большинство имѣло жалкій видъ и смотрѣло или мрачно, или равнодушно. Но были между ними и довольныя, даже сіяющія лица. Люди, лошади, волы, повозки, пушки—все стояло въ перемѣшку. Тутъ же валялись массами брошенные ружья, штыки, обнаженныя шашки, сумки, мѣшки, патроны и т. п. На многихъ повозкахъ лежали раненые; около другихъ стояли толпы солдатъ, ѣвшихъ рисъ. Мы долго ѣхали среди густой толпы плѣнныхъ: они съ тупымъ равнодушіемъ, покорно разступались, давая намъ дорогу. Ни одного свирѣпаго или злобнаго взгляда! Эти люди, которые выдержали столько мѣсяцевъ осады, которые еще сегодня утромъ съ самозабвеніемъ шли героями въ атаку, — теперь имѣли забитый, смиренный, жалкій видъ. Грустно было смотрѣть на эту подавленную несчастьемъ храбрую армію.

Выбравшись, наконецъ, изъ толпы, мы въѣхали въ заколдованную Плевну. Это—лучшій изъ всѣхъ видѣнныхъ мною доселѣ болгарскихъ городовъ. Дома и заборы каменные; въ числѣ домовъ нѣсколько большихъ двухъ-этажныхъ, совсѣмъ европейской архитектуры. Разрушенныхъ домовъ мало: большая часть совершенно невредимы. Улицы довольно широкія и мощеныя, но мостовая обратилась въ густой грязный кисель. Проѣхавъ всю Плевну, мы не замѣтили никакихъ признаковъ присутствія массы больныхъ и раненыхъ. Между тѣмъ, послѣ оказалось, что почти всѣ дома и подвалы переполнены ими. Въ послѣдующіе дни ежедневно открывали умирающихъ и раненыхъ турокъ, валявшихся въ погребахъ какъ со свѣжими, такъ и съ разложившимися трупами. Выяснилось, что раненыхъ и больныхъ вовсе не лечили, а просто оставляли на произволъ судьбы. А вчера, 27-го ноября, передъ выступленіемъ, ихъ даже заперли, „для порядка“. По словамъ болгаръ, такое обращеніе съ больными и ранеными было правиломъ. Такимъ образомъ, турецкіе солдаты, впередъ зная, что въ случаѣ выбытія изъ строя будутъ оставлены безъ помощи и призрѣнія—все-таки не падали духомъ и храбро сражались, безропотно повинуясь начальству. Какой великолѣпный боевой матеріалъ! Съ такими солдатами, при правильной организаціи и при искусныхъ, заботливыхъ начальникахъ—можно чудеса дѣлать.

Сегодня, когда полученъ былъ приказъ сдаваться,—передъ многими турецкими таборами задымились костры: турки сожгли большую часть своихъ знаменъ, чтобы они намъ не достались. Это не то, что пресловутый Базенъ, который, сдавая Мецъ и всю армію въ плѣнъ нѣмцамъ,—чуть не при описи сдалъ имъ французскія знамена.

Благодаря тому, что въ Плевнѣ не оказалось ни одного незараженнаго дома, — намѣреніе ночевать тамъ было оставлено. Уже смерклось, когда мы оттуда выѣхали и, направившись по ловчинскому шоссе, вернулись въ 9 час. вечера домой, пробывъ почти 12 часовъ верхомъ безъ пищи и питья.

Только-что я сошелъ съ лошади, какъ Великій Князь приказалъ мнѣ составить и дать къ подписи двѣ телеграммы: Государю и циркулярную—во всеобщее свѣдѣніе. Вотъ онѣ:

„Порадимъ, Государю Императору:

„Имѣю счастіе поздравить ваше императорское величество со славною новою побѣдою. Послѣ пятичасового жаркаго боя, вся армія Османа-паши взята въ плѣнъ и положила оружіе къ ногамъ вашего величества. Самъ Османъ-паша, легко раненный

въ ногу, взять въ плѣнъ. Вся артиллерія, весь обозъ, всѣ склады и лагери достались въ наши руки. Вся армія въ полномъ составѣ въ плѣну. Постараюсь привести въ извѣстность трофеи завтра. Наша потеря относительно невелика. Много пострадали и болѣе всѣхъ отличились астраханскій, мой сибирскій и самогитскій гренадерскіе полки. Всѣ вообще войска вели себя блистательно.—Николай".

Вслѣдъ за этою телеграммою была послана другая: 1) Государю; 2) Императрицѣ въ Царское-Село; 3) Наслѣднику въ Брестовацъ; 4) великому князю Михаилу Николаевичу въ Тифлисъ; 5) начальнику главнаго штаба въ Петербургъ; 6) генералу Дрентельну и 7) русскому консулу Стюарту въ Бухарестъ; 8) одесскому градоначальнику; 9) Радецкому на Шипку; 10) Гурко въ Осиково, вслѣдъ; 11) Циммерману въ Чернаводы; 12) Деллингсгаузену въ Тырновъ; 13) Карцову въ Ловчу:

„Сегодня, 28-го ноября, въ 7½ час. утра, вся армія Османапаши атаковала нашъ гренадерскій корпусъ, занимавшій линію обложенія на лѣвомъ берегу Вида, съ цѣлью пробиться. Атака была ведена съ отчаянною храбростью: часть турецкихъ войскъ врывалась даже въ наши траншеи и батареи. Но всѣ усилія непріятеля сломить нашихъ гренадеръ были напрасны. Послѣ пятичасового жаркаго боя турки были отброшены. Окруженный надвинувшимися на него со всѣхъ сторонъ войсками нашими, храбрый защитникъ Плевны, Османъ-паша, раненный въ ногу, сдался въ плѣнъ со всею своею арміей. Привести въ извѣстность число плѣнныхъ и трофеи пока нѣтъ возможности. Могу лишь сказать, что въ наши руки попало все, что было въ Плевнѣ. У насъ потери пока еще не приведены въ извѣстность, но для достигнутаго результата невелики. Больше всѣхъ отличились и пострадали астраханскій, мой сибирскій и самогитскій гренадерскіе полки.—Николай".

Сверхъ того, Непокойчицкій телеграфировалъ нашему консулу въ Бухарестъ, чтобы онъ передалъ эту депешу по-французски въ Цетинье и Бѣлградъ.

По отправкѣ этихъ телеграммъ, сѣли ужинать. Весь вечеръ повсемѣстно гремѣло „Боже Царя храни" и перекатывалось неумолкаемое восторженное ура. Долго я не могъ заснуть въ эту ночь отъ массы пережитыхъ за день впечатлѣній и отъ радостнаго волненія. Государя съ его свитою мы сегодня такъ и не видали. Пріѣхавъ на тученицкій редутъ и никого тамъ не найдя, онъ довольно скоро, впрочемъ, получилъ радостное извѣстіе. Великій Князь послалъ къ Государю съ докладомъ о побѣдѣ

своего любимаго ординарца и крестника, л.-гв. уланскаго полка, поручика Дерфельдена. Но еще до его прибытія Государь узналъ о плѣненіи Османа-паши со всею арміей отъ помощника коменданта главной квартиры, скромнаго кавалерійскаго полковника Моравскаго. Онъ ѣхалъ обратно въ Боготъ съ какимъ-то порученіемъ и, повстрѣчавшись Государю случайно, въ восторгѣ замахалъ фуражкою, крича прерывающимся голосомъ: „Ваше императорское величество! Плевна взята, вся армія и самъ Османъ въ плѣну!" Государь воскликнулъ: „Не можетъ быть! Почемъ ты знаешь?" Моравскій перекрестился:

— „Ей-Богу правда. Самъ видѣлъ!"

Въ порывѣ радости, Государь тутъ же поздравилъ его флигель-адъютантомъ. Бѣдный Моравскій совершенно опалѣлъ отъ неожиданнаго счастья.

Недолго, впрочемъ, этотъ простецъ носилъ царскіе вензеля. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его произвели въ генералы, чтобы съ почетомъ удалить изъ царской свиты, въ которой онъ былъ не подъ масть и самъ чувствовалъ себя неловко.

Государь назначилъ и Дерфельдена флигель-адъютантомъ, но на другой или на третій день, послѣ тонкаго намека Великаго Князя на то, какъ не повезло его любимцу Христи [1]).

Отвѣтная телеграмма Государя изъ Порадима пришла сегодня же въ 10-ти час. вечера:

„Поздравляю отъ души съ полнымъ нашимъ успѣхомъ и спасибо тебѣ и всѣмъ моимъ молодцамъ. Завтра въ 12 час. хочу прибыть прямо въ Плевну и отслужить тамъ передъ войскомъ благодарственный молебенъ. Предоставляю тебѣ выбрать мѣсто за городомъ и сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія, выславъ туда и моихъ лошадей. Сожалѣю, что не могъ обнять тебя сегодня же".

Что̀ телеграфировалъ на это Великій Князь собственноручно—я не знаю, но только къ 11 час. вечера была получена слѣдующая телеграмма Государя:

„Никакого сбора войскъ для молебна я не хочу дѣлать, а отслужить намѣренъ передъ тѣми, которыя ближе будутъ къ Плевнѣ, куда во всякомъ случаѣ я пріѣду завтра въ 12 часамъ".

29 ноября.—Сегодня состоялся торжественный молебенъ на гривицкомъ шоссе, на турецкомъ редутѣ № 5, гдѣ была ставка Османа-паши, въ присутствіи Государя и Великаго Князя со свитами и всѣхъ вблизи расположенныхъ войскъ.

---

[1]) Уменьшительное отъ имени—Христофоръ.

Государь сіялъ радостью и осыпалъ всѣхъ своими милостями. Изъ своихъ рукъ пожаловалъ: Великому Князю Георгія 1-й степени, Непокойчицкому и Тотлебену—2-й степени, Ганецкому и князю Имеретинскому—3-й степени, Левицкому—4-й степени. Послѣдній скромно стоялъ въ сторонѣ; ему и въ голову не приходило, что онъ можетъ удостоиться какой-либо награды, тѣмъ болѣе, что стоустая молва давно избрала его козломъ отпущенія за всѣ бывшія неудачи. Вдругъ Государь обвелъ глазами свиту и позвалъ: „Левицкій!" Тотъ растерянно подошелъ. Государь подалъ ему георгіевскій крестъ. Левицкій, окончательно растерявшись, не рѣшался даже принять крестъ, а только сказалъ взволнованнымъ голосомъ: „Ваше величество, за что? Я недостоинъ!" Государь улыбнулся. „А ты забылъ наше совѣщаніе въ сентябрѣ, на которомъ ты первый подалъ голосъ, чтобъ намъ оставаться здѣсь?" Левицкій отвѣчалъ: „Забылъ, ваше величество!" Государь отвѣтилъ: „А я этого не забылъ и никогда не забуду".

Левицкій былъ такъ потрясенъ этою неожиданною милостью, что весь день въ себя придти не могъ.

Только къ $5^1/_2$ час. пополудни мы вернулись въ Боготъ, усталые, голодные, но счастливые.

Государь съ Великимъ Княземъ, высшими чинами и со своею свитою завтракалъ въ Плевнѣ и затѣмъ милостиво принялъ Османа-пашу, долго бесѣдовалъ съ нимъ и, въ знакъ уваженія къ его храбрости, возвратилъ ему саблю.

30 ноября.—Сегодня у Государя въ Порадимѣ—большой военный совѣтъ. Туда поѣхали Великій Князь, Непокойчицкій, Тотлебенъ, князь Масальскій, князь Имеретинскій и Левицкій. Послѣдніе трое, однако, не были приглашены на совѣщаніе. Участвовали только Великій Князь, князь Карлъ, Непокойчицкій, военный министръ, Тотлебенъ и Обручевъ.

На этомъ совѣщаніи рѣшено:

1) Усилить западный отрядъ Гурко 9-мъ арм. корпусомъ и 3-ю гвард. пѣх. дивизіею. Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій обойти турецкія позиціи у Арабъ-Конака и Лютикова и, оттѣснивъ армію Мехмеда-Али, наступать къ Софіи и далѣе, вдоль южнаго склона Балканъ, къ Казанлыку, съ цѣлью выйти въ тылъ турецкой шипкинской позиціи. Если же Мехмедъ-Али отступитъ къ Филиппополю, то преслѣдовать его и гнать далѣе къ Адріанополю. Оба пути наступленія должны привести къ одной и той же цѣли: туркамъ придется бросить Шипку и отступать къ Адріанополю.

2) Усилить шипкинскій отрядъ Радецкаго 11-мъ корпусомъ и частью 4-го корпуса подъ начальствомъ Скобелева, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти войска тоже перешли въ наступленіе, когда Гурко перевалитъ черезъ Балканы.

3) Плевнинскій отрядъ расформировать, направивъ, какъ выше сказано, часть его къ Гурко и часть къ Радецкому, часть 4-го корпуса на подкрѣпленіе Цесаревичу и оставивъ гренадерскій корпусъ въ общемъ резервѣ.

4) Рущукскому отряду Цесаревича оставаться въ прежнемъ положеніи, отчасти для маскированія наступательныхъ дѣйствій, отчасти для прикрытія линіи сообщенія Систово-Тырновъ. Присоединить къ рущукскому отряду всѣ отряды наши, находящіеся въ Журжевѣ, Ольтеницѣ и Каларашѣ, замѣнивъ ихъ въ этихъ пунктахъ румынскими войсками.

Сегодня привезли изъ Плевны въ Боготъ Османа-пашу. Для него заранѣе была поставлена особая кибитка, рядомъ съ нашимъ столовымъ шатромъ, и у кибитки поставленъ офицерскій караулъ. Съ приближеніемъ коляски Османа-паши, которую конвоировала румынская кавалерія, караулъ взялъ на плечо, а когда коляска остановилась—Осману-пашѣ была отдана честь съ барабаннымъ боемъ. Османъ, видимо тронутый, приложилъ руку къ фескѣ. Сопровождавшій его драгоманъ Макѣевъ объяснилъ ему, что по Высочайшему повелѣнію ему отдается такая же честь, какъ русскому фельдмаршалу. Османъ поблагодарилъ и при помощи своего доктора (турка, говорящаго по-французски), Макѣева и нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ — съ трудомъ вылѣзъ изъ коляски. Ходить онъ еще не можетъ. Вмѣстѣ съ нимъ помѣщенъ и его докторъ.

Привезли также и прочихъ плѣнныхъ пашей. Ихъ оказалось всего десять, изъ нихъ двухъ младшихъ подарили румынамъ. По словамъ Макѣева, турки очень этимъ возмущены: самъ Османъ сказалъ ему, что этимъ двумъ пашамъ придется, по возвращеніи изъ плѣна, выйти въ отставку, какъ опозореннымъ. Турки вообще смотрятъ на румынъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Румыны же со своей стороны оченъ обижены, что имъ дали только двухъ пашей, и то самыхъ младшихъ: они убѣждены, наперекоръ очевидности, что намъ безъ ихъ содѣйствія не удалось бы взять Плевну. Замѣчательное самомнѣніе!

Подъ вечеръ получено радостное извѣстіе еще объ одномъ важномъ успѣхѣ нашего оружія: отряду Цесаревича удалось сегодня блистательно отбить ожесточенную турецкую атаку, направленную главнымъ образомъ на лѣвый флангъ рущукскаго

отряда, какъ ближайшій къ самому чувствительному мѣсту—къ систовской переправѣ.

Объ этомъ важномъ событіи немедленно было донесено Государю и сообщено повсемѣстно слѣдующею телеграммою:

„Вчера, 29 ноября, съ 4-хъ часовъ пополудни турки начали переправляться большими силами черезъ Ломъ у деревни Красной. Къ вечеру переправилось уже болѣе 30-ти таборовъ. Сегодня, 30 ноября, утромъ турки атаковали всѣми силами корпусъ великаго князя Владиміра Александровича, направивъ главный ударъ на Мечку. Послѣ упорнѣйшаго боя, корпусъ великаго князя блистательно отбилъ турокъ съ фронта и перешелъ въ общее наступленіе, а между тѣмъ, по приказанію Наслѣдника-Цесаревича, лично присутствовавшаго въ сраженіи, подоспѣвшая бригада 35-й дивизіи ударила на лѣвый флангъ непріятеля. Дѣло было по истинѣ блестящее. Подробности дополнительно.

„На прочихъ мѣстахъ театра войны новаго ничего нѣтъ. У Яковцевъ и Златарицы войска наши попрежнему стоятъ на позиціи въ виду непріятеля.

„Противъ Лютикова, Арабъ-Канака и Златицы войска наши также занимаютъ прежнія позиціи.—Николай".

Въ 9 час. вечера Государь отвѣтилъ:

„Благодарю отъ души. Ты поймешь, какъ я счастливъ и что сердце мое преисполнено благодарности къ Богу за новую Его милость. Сашѣ съ радостью вручу санъ Георгія 2-й степени и потому прошу ничего ему объ этомъ не говорить, равно и Владиміру, которому назначаю шпагу съ бриллiатами".

Вслѣдъ за симъ была получена телеграмма Радецкаго съ Шипки:

„Непріятель и его орудія до сихъ поръ еще на позиціи. Еслибъ я имѣлъ нѣсколько бòльшія силы, то движеніемъ въ обходъ фланговъ и занятіемъ деревни Шипки можно было бы предупредить свозъ орудій и удобное его отступленіе".

Къ сегодняшнему вечеру были собраны свѣдѣнія о нашихъ потеряхъ и трофеяхъ въ приснопамятный день 28-го ноября и Государю донесено слѣдующею телеграммою:

„Наша потеря въ гренадерскомъ корпусѣ въ день взятія Плевны 28 ноября:

„Убито: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 582.

„Ранено: штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 40, нижнихъ чиновъ 1.207.

„Контужено: оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 3.

„Всего штабъ- и оберъ-офицеровъ 57, нижнихъ чиновъ 1.792.

„Потеря турокъ 28 ноября, по показанію Тевфикъ-паши, болѣе 4.000.

„Наши трофеи—плѣнныхъ: пашей 10, штабъ-офицеровъ 128, оберъ-офицеровъ 2.000; нижнихъ чиновъ: пѣхоты, за вычетомъ 4.000 потери, около 36.000; кавалеріи 1.200. Орудій взято 77.

„Число больныхъ и раненыхъ, не участвовавшихъ въ бою 28 ноября, еще неизвѣстно; число знаменъ—тоже.

„Знамя, отбитое съ бою, взялъ рядовой астраханскаго гренадерскаго Наслѣдника Цесаревича полка Егоръ Ждановъ.

„Плѣнные паши привезены сегодня въ Боготъ. Къ юртѣ Османа-паши я приказалъ поставить офицерскій караулъ, который при встрѣчѣ отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ.—Николай“.

Въ 9 час. вечера сегодня скончался, ко всеобщему сожалѣнію, тяжело раненый гусарскій полковой адъютантъ, юный поручикъ графъ Бобринскій. Великій Князь, не желая огорчать Государя этимъ извѣстіемъ на ночь, отложилъ телеграмму о смерти Бобринскаго до утра.

1 декабря.—Сегодня уже выступили изъ-подъ Плевны: 2-я пѣхотная дивизія въ Корцелово (на Янтрѣ), въ распоряженіе Цесаревича, и командиръ 4-го армейскаго корпуса со своимъ штабомъ, 30-ю пѣхотною дивизіею, 9-мъ драгунскимъ казанскимъ и 9-мъ гусарскимъ кіевскимъ полками—въ Тырновъ, на подкрѣпленіе Радецкаго.

Великій Князь, получивъ дополнительную телеграмму Цесаревича о сраженіи 30 ноября, телеграфировалъ Государю:

„Вчерашняя атака турокъ на корпусъ Великаго Князя Владиміра была ведена, по крайней мѣрѣ, 60-ю баталіонами и преимущественно на лѣвый флангъ и на центръ. Противъ праваго фланга были только слабыя демонстраціи. Мечку непріятель атаковалъ шесть разъ, но каждый разъ былъ отбрасываемъ съ огромнымъ урономъ. Къ часу дня подошла къ правому флангу 12-го корпуса 1-я бригада 35-й дивизіи. Ей было послано приказаніе немедленно взять во флангъ боевую линію турокъ. Когда бригада эта вступила въ бой и открыла огонь, то весь 12-й корпусъ перешелъ въ наступленіе и гналъ непріятеля по направленію на Красное до наступленія темноты. Турки отступали на Красное только потому, что путь на Чифликъ былъ имъ отрѣзанъ нашими войсками. Потеря турокъ должна быть очень велика: поле сраженія усѣяно тѣлами убитыхъ и брошенными

ранеными. Наши потери еще не приведены въ извѣстность, но нѣсколько менѣе понесенныхъ 14-го ноября, хотя въ бою участвовало больше войскъ, чѣмъ тогда. Въ свитѣ Великаго Князя Владиміра двое ранены: одна пуля упала около него самого. Поведеніе войскъ выше всякой похвалы.—Николай".

На эту телеграмму Государь отвѣтилъ:

„Видно, что вчерашнее дѣло было серьезное и успѣхъ полный. Ты поймешь, сколь я счастливъ. Ѣду сейчасъ къ молебну. Крайне сожалѣю о бѣдномъ Бобринскомъ. Пріѣхалъ ли его отецъ? До свиданія завтра въ 12 часовъ".

По случаю расформированія отряда обложенія Плевны, номинальный начальникъ этого отряда, князь Кáрлъ Румынскій, составилъ прощальный приказъ, который я, по просьбѣ князя Имеретинскаго, перевелъ съ французскаго языка на русскій. Вотъ онъ:

„Приказъ по войскамъ отряда обложенія Плевны. № 31. Порадимъ 2-го декабря 1877 года.

„Офицеры и солдаты русской арміи! Ваша стойкость, ваши геройскія усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Плевна, которую непріятель мнилъ неприступною твердынею и непреоборимою преградою побѣдоносному шествію вашему, которая стоила христіанскому воинству столькихъ потоковъ благородной крови,—наконецъ пала.

„Цѣль, для которой былъ сформированъ отрядъ обложенія,—достигнута. Прощаясь нынѣ съ доблестными русскими войсками, начальство надъ которыми его величество Государь Императоръ удостоилъ мнѣ ввѣрить,—я горячо благодарю всѣхъ, отъ генерала до солдата, за самоотверженное исполненіе каждымъ своего долга.

„Вы сражались все время на глазахъ вашего августѣйшаго повелителя и вашего рыцаря-главнокомандующаго, его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича. Они были свидѣтелями вашего геройскаго поведенія. Поэтому—не мнѣ воздавать вамъ должную хвалу.

„Но я не могу не высказать вамъ, что вы служили примѣромъ доблести и высшихъ воинскихъ добродѣтелей моимъ юнымъ войскамъ, которыя, пріявъ огненное крещеніе въ союзѣ съ славною русскою арміей, — навсегда соединились съ вами узами военнаго братства. Я надѣюсь, что и вы сохраните о румынахъ, вашихъ боевыхъ товарищахъ, столь же доброе воспоминаніе, какое они навсегда сохранятъ о васъ.

„Съ глубокимъ сожалѣніемъ слагая сегодня съ себя на-

чальство надъ отрядомъ и прощаясь съ вами, я отъ души желаю вамъ и въ предстоящей еще борьбѣ за наше святое дѣло столь же блестящихъ успѣховъ, какъ и тѣ, которые вами уже такъ доблестно завоеваны.

„На прощанье провозгласимъ еще разъ вмѣстѣ, единогласно и единодушно: — Да здравствуетъ его величество Императоръ Всероссійскій! Ура!"

Подлинный подписалъ начальникъ отряда обложенія Плевны— Карлъ.

Сегодня за завтракомъ этотъ приказъ былъ прочитанъ вслухъ, послѣ чего исполнены гимны нашъ и румынскій.

Планъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій вызываетъ необходимость перемѣщенія и нашей главной квартиры. Государь со своею главною квартирою уѣдетъ на дняхъ въ Петербургъ: это рѣшено. Наслѣдника и великаго князя Владиміра Александровича хочетъ взять съ собою. Начальникомъ рущукскаго отряда предполагается назначить или Тотлебена, или князя Дондукова-Корсакова, а начальникомъ штаба этого отряда, во всякомъ случаѣ, князя Имеретинскаго.

Намъ слѣдовало бы, выждавъ перехода Балканъ войсками Гурко, перейти въ Ловчу или Сельви, а затѣмъ, когда Гурко, наступая вдоль южнаго склона Балканъ, минуетъ эти пункты— перейти въ Габрово и наконецъ въ Шипку. Но Великій Князь уже проговорился, что лелѣетъ другую мысль: ему хочется переѣхать въ Орханію, чтобы слѣдовать вмѣстѣ съ войсками Гурко.

Если онъ это исполнитъ, то фактически не будетъ главнокомандующимъ, ибо, при нахожденіи на крайнемъ правомъ флангѣ, невозможно общее руководство военными дѣйствіями, въ особенности же по мѣстнымъ условіямъ и въ зимнее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Гурко лишится всякой самостоятельности, развѣ что главнокомандующій, братъ Государя, постоянно будетъ у него надъ душой.

Богъ дастъ, еще удастся отклонить Великаго Князя отъ этой несчастной мысли.

2 декабря.—Сегодня состоялся въ Высочайшемъ присутствіи парадъ гренадерскому корпусу и другимъ частямъ войскъ, участвовавшимъ во взятіи Плевны. Къ сожалѣнію, я не могъ быть на этомъ историческомъ парадѣ, ибо былъ заваленъ спѣшною работою.

3 декабря.—Вчера поздно вечеромъ Великій Князь получилъ отъ Государя слѣдующую телеграмму:

„Прочитавъ сообщенное тобою послѣднее донесеніе Гурко, нахожу также крайне желательнымъ немедля приступить къ исполненію плана дѣйствій, о которомъ мы условились. Признаюсь, не легко мнѣ съ вами разставаться. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь съ нами“.

Государь уѣзжаетъ завтра къ Наслѣднику и оттуда въ Россію.

Сегодня утромъ получена интересная депеша „Agence Havas“, изъ Вѣны, отъ вчерашняго вечера; вотъ ея содержаніе въ русскомъ переводѣ:

„Константинополь, среда (т.-е. 30 ноября).—Паденіе Плевны произвело сильное впечатлѣніе на Порту. Опять возникъ вопросъ о смѣнѣ великаго визиря. Увѣряютъ, что Шакиру-пашѣ предписано замѣнить въ Софіи Мехмеда-Али, какъ отказавшагося, по недостаточности силъ, отъ совокупнаго движенія съ Сулейманомъ, когда послѣдній двинулся по направленію на Тырновъ. Ходитъ слухъ, что Мухтаръ также будетъ смѣщенъ. Христіане повидимому вовсе не расположены вступать въ національную стражу. Въ греческихъ и армянскихъ церквахъ прибиты воззванія против военной службы“.

Я потому привожу дословно текстъ этой телеграммы, что она очень всѣхъ порадовала. Нелидовъ говорилъ мнѣ сегодня, что Государь склоненъ заключить миръ, если турки будутъ его просить, но перемирія—ни въ какомъ случаѣ не будетъ.

Послѣ-завтра отправляютъ въ Россію Османа-пашу. Куда—еще неизвѣстно, ибо выборъ мѣста предоставленъ министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы онъ сообщилъ свое рѣшеніе телеграммою въ Кишиневъ, бессарабскому губернатору. Османа повезетъ туда адъютантъ Великаго Князя, штабсъ-капитанъ Бибиковъ.

Османъ-паша просилъ позволенія телеграфировать о своемъ плѣненіи въ Константинополь. Разумѣется, ему это позволили. Сегодня я снялъ на память копію съ этой исторической телеграммы:

„Constantinople.—Riza-bey, maumtoz-effendi-zode, secrétaire du grand-visir.

„Vous ne devez pas ignorer, que depuis un mois et demi nous étions assiégés. Ne recevant pas depuis lors aucun secours et manquant complétement de vivres—j'ai pris la résolution, avec mes troupes, de frayer chemin à travers les rangs de l'armée russe. Mais, malgré touts mes efforts n'ayant pu réussir, suis tombé avec ma garnison prisonnier de guerre. Bravoure de mes soldats ayant été appréciée, j'ai trouvé l'accueil le plus bien-

veillant de S. M. l'Empereur, ainsi que de la part de son auguste frère. Ayant reçu légère blessure, à la jambe gauche, me porte assez bien. Ne connaissant pas encore endroit, où serai envoyé, vous écrirez lettres détaillées à mon arrivée à la résidence, qui me sera désignée.—Osman" [1]).

Сегодня я просилъ Великаго Князя дать солдатскій георгіевскій крестъ корреспонденту „Новаго Времени" В. И. Немировичу-Данченко, въ награду за его храбрость во время обложенія Плевны: онъ почти безотлучно находился на позиціи Скобелева и ежедневно былъ въ огнѣ. Великій Князь согласился и, приказавъ мнѣ привести его къ нему, лично вручилъ Немировичу крестъ. Конечно, онъ былъ въ полномъ восторгѣ.

4 декабря.—Вчера вечеромъ Великій Князь получилъ отъ Государя (изъ Брестовацa, под. въ 6 ч. вечера 3 декабря) слѣд. телеграмму:

„Вручилъ условленныя награды обоимъ братьямъ (т.-е. Цесаревичу и Великому Князю Владиміру). Ты поймешь ихъ радость и мою. Здѣсь послѣ 30 ноября все спокойно. Жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій отъ Деллингсгаузена и Гурко".

Сегодня узналъ, что Цесаревичъ отказался ѣхать въ Россію до окончанія войны. Высоко-доблестный поступокъ! Сколь многіе простые смертные, не исключая и весьма-высокопоставленныхъ, спятъ и видятъ, какъ бы поскорѣе уѣхать въ Петербургъ подъ благовиднымъ предлогомъ. А наслѣдникъ престола, проникнутый высокимъ сознаніемъ долга, предпочитаетъ остаться на своемъ тяжеломъ, скучномъ и неблагодарномъ посту. Краснорѣчивый урокъ, но едва-ли онъ устыдитъ желающихъ отсюда вырваться: самое большое, если наиболѣе осторожные изъ нихъ будутъ сдерживать свои вожделѣнія.

Штабъ бывшаго отряда обложенія Плевны все время усиленно занятъ отправкою плѣнныхъ: около одной трети ихъ уже отправлено. Дѣло это шло сперва черезъ пень-колоду вслѣдствіе того, что Великій Князь отдавалъ прямыя приказанія на этотъ счетъ разнымъ лицамъ, помимо и безъ вѣдома Тотлебена. Приказанія

---

[1]) „Константинополь, Риза-бею, маумтозъ-эффенди-зодъ, секретарю великаго визиря:

„Вамъ небезъизвѣстно, что въ продолженіе полутора мѣсяцевъ мы были осаждены. Не получая съ тѣхъ поръ никакой помощи и совершенно истощивъ продовольственные запасы, я съ моими войсками рѣшился пробиться сквозь русскую армію. Несмотря на всѣ усилія, мнѣ это не удалось, и я со всѣмъ гарнизономъ по-

скрещивались и приводили къ путаницѣ и безпорядку, что̀, конечно, отражалось на участи плѣнныхъ: первые два—три дня они, буквально, голодали. Теперь Великій Князь пересталъ интересоваться этою новинкою, и дѣло наладилось.

Сегодня графъ Протасовъ-Бахметевъ, Левицкій и я, въ сопровожденіи драгомана Макѣева, были съ визитомъ у Османа-паши. Пробыли у него недолго, чтобы не безпокоить своимъ любопытствомъ и чтобы не мѣшать ему поговорить съ Тевфикъ-пашой, который пришелъ вслѣдъ за нами, чтобы проститься со своимъ начальникомъ: его уже увозятъ. Весь разговоръ нашъ заключался въ комплиментахъ храбрости Османа и его арміи. Мы высказали ему, что всѣ русскіе всегда уважаютъ храбрыхъ и доблестныхъ враговъ, и что въ Россіи, куда онъ теперь поѣдетъ, всѣ постараются скрасить ему тяжесть плѣна, насколько возможно. Въ заключеніе мы пожелали ему счастливаго пути, добраго здоровья и скораго возвращенія на свободу.

Все это передавалъ ему Макѣевъ. Османъ отвѣчалъ любезностями, но весьма односложными. Во время визита онъ лежалъ на походной кровати, мы сидѣли около него на табуретахъ, а его докторъ и Тевфикъ-паша стояли.

Великій Князь заходилъ къ Осману три раза. Османъ просилъ Великаго Князя принять на память его боевого коня, котораго Великій Князь и принялъ съ благодарностью, но, кажется, ничѣмъ его не отдарилъ: по крайней мѣрѣ, я ничего объ этомъ не слышалъ.

Отъ Макѣева узналъ, что возвращенная Государемъ Осману-пашѣ сабля—не та, которая была пожалована ему султаномъ за отраженіе штурма 30-го августа. Жалованная сабля не успѣла до него дойти и, по слухамъ, лежитъ въ Софіи.

Вчера только полученъ точный списокъ взятыхъ въ Плевнѣ въ плѣнъ турецкихъ генераловъ: ферикъ (генералъ-лейт.) Адель-паша; ливы (генералъ-маіоры): Тахиръ-паша [1]), Тевфикъ-паша (начальникъ штаба и начальникъ инженеровъ), Ахметъ-паша (начальникъ артиллеріи), Атыфъ, Садыкъ, Таиръ-Эміръ, Гуссейнъ-Вашри и Эхемъ—паши. Всего съ Османомъ 10 пашей.

палъ въ плѣнъ. Во уваженіе къ храбрости моихъ солдатъ, я былъ чрезвычайно благосклонно принятъ какъ его величествомъ Императоромъ, такъ и его августѣйшимъ братомъ. Будучи легко раненъ въ лѣвую ногу, чувствую себя довольно хорошо. Такъ какъ мѣсто моего пребыванія мнѣ еще неизвѣстно, прошу написать мнѣ подробно уже по прибытіи моемъ по назначенію.—Османъ".

[1]) Номинальный начальникъ штаба.

Сегодня отецъ и старшій братъ умершаго отъ ранъ поручика графа Владиміра Бобринскаго увезли его тѣло въ Россію.

Сегодня утромъ Великій Князь получилъ слѣдующія телеграммы:

1) Отъ Цесаревича изъ Брестовца:

„Отъ всей души благодарю за поздравленіе, а въ особенности за лестныя слова. Благодарю Бога, что Онъ не оставилъ насъ и съ честью вывелъ насъ изъ труднаго и тяжелаго положенія, въ которомъ мы находились. Только вчера узналъ о высшей военной наградѣ, тобою полученной. Отъ всего сердца поздравляю и обнимаю“.

2) Отъ великаго князя Владиміра Александровича, изъ Абланова:

„Счастливъ и радъ, что Господь сподобилъ дважды отразить настойчивыя атаки непріятеля. Да будетъ милость Его на насъ и впредь. Обнимаетъ тебя счастливѣйшій изъ корпусныхъ командировъ“.

Вскорѣ затѣмъ получена и телеграмма Государя изъ Брестовца, отъ 1 ч. настоящаго дня:

„Саша увѣдомитъ тебя о нѣсколькихъ наградахъ, которыя я далъ здѣсь. Прикажи Тотлебену и Имеретинскому отправиться сюда немедля. Сейчасъ отправляюсь далѣе; телеграфируй мнѣ сегодня во Фратешти, завтра—въ Бухарестъ“.

Въ дополненіе къ этой телеграммѣ получена телеграмма отъ генерала Струкова изъ Петрошанъ: „Государь Императоръ прибудетъ сюда въ три часа. Поѣздъ готовъ до Фратешти, гдѣ ночлегъ“.

Государю послано сегодня три телеграммы:

1) Въ Брестовацъ:

„Деллингсгаузенъ донесъ, что вслѣдствіе усиленія турокъ противъ нашего хаинкіойскаго отряда и въ виду произведенной противъ него непріятелемъ усиленной рекогносцировки, онъ направилъ туда бригаду 26-й дивизіи. Еленинскій и златарицкій отряды расположились на позиціяхъ впереди этихъ пунктовъ, выдвинувъ авангарды къ Беброву“.

„Князь Миланъ сербскій телеграфируетъ мнѣ отъ 2-го декабря, что онъ вынужденъ снова поднять оружіе противъ турокъ и становится лично во главѣ своей арміи“.

2) Во Фратешти:

„Вчера, 3-го декабря, на Шипкѣ была перестрѣлка, въ которой у насъ ранено 20 нижнихъ чиновъ. Отъ Деллингсгаузена и Гурко новаго ничего нѣтъ. 9-й корпусъ выступилъ сегодня

по назначенію (т.-е. на подкрѣпленіе Гурко). Османа отправляю завтра въ Кишиневъ съ Бибиковымъ (адъютантъ Великаго Князя). До настоящаго дня всѣ паши и 20.000 плѣнныхъ уже отправлены".

5 декабря. — Сегодня утромъ Бибиковъ увезъ Османа-пашу въ Кишиневъ.

Ночью Великій Князь потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ составить и отправить Государю (во Фратешти) слѣдующую телеграмму:

„Наши передовыя войска, преслѣдуя турокъ, захватили телеграфную линію отъ Елены до Беброва, взяли запасы галетъ, нѣсколько плѣнныхъ, заняли Беброво и достигли разъѣздами Ахмедли. Турки потеряли много убитыхъ и раненыхъ. Наша потеря 12 человѣкъ, въ томъ числѣ тяжело раненъ нарвскаго гусарскаго полка поручикъ Апушкинъ. Пожаръ въ Еленѣ прекращенъ нашими войсками: сгорѣло только 40 домовъ".

Отвѣтъ отъ Государя на эту телеграмму былъ полученъ уже подъ вечеръ, изъ Бухареста, отъ 4 ч. 45 м. пополудни:

„Остался чрезвычайно доволенъ переправою въ Батинѣ. Здѣсь пріемъ восторженный. Радуюсь занятію Беброва, жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій. Не забудь благодарить императора Вильгельма за золотой вѣнокъ къ ордену „pour le mérite", который онъ тебѣ посылаетъ".

Цесаревичъ, на запросъ Великаго Князя (текстъ коего мнѣ неизвѣстенъ) отвѣтилъ слѣдующей телеграммою:

„Когда поѣдемъ съ Владиміромъ, рѣшительно не знаю. Напишу тебѣ на-дняхъ. Очень желалъ бы знать, куда направится гвардейскій корпусъ и что предполагаетъ предпринять. Мнѣ необходимо знать для собственныхъ соображеній и разсчета времени".

Телеграмму эту Великій Князь передалъ сегодня вечеромъ на храненіе, но что отвѣтилъ—не сказалъ.

Сегодня же получены двѣ интересныхъ телеграммы агентства Гавасъ: 1) изъ Аѳинъ, отъ 4-го, о народной уличной манифестаціи въ пользу объявленія Турціи войны: участники разогнаны полиціей и жандармами; 2) изъ Константинополя, отъ 1-го декабря, черезъ Вѣну.

Обнародовано посланіе султана турецкому „парламенту" во вкусѣ и тонѣ англійскихъ тронныхъ рѣчей, очевидно, англійскаго издѣлія. Привожу переводъ съ французскаго текста депеши:

Султанъ, упомянувъ о войнѣ, начатой Россіею, добавилъ, что

нѣкоторая часть его подданныхъ возмутилась, не взирая на дарованіе имъ правъ, обезпечивающихъ равноправность всѣхъ національностей, вѣроисповѣданій и языковъ. Румынія объявила Турціи войну безъ всякаго законнаго повода и тѣмъ усугубила затруднительность положенія. Но, не взирая на все это, страна энергически защищается, патріотизмъ турокъ и храбрость войскъ вызываютъ удивленіе всего міра. Султанъ вновь обращается къ патріотизму и содѣйствію народа для защиты законныхъ правъ Порты. Образованіе ополченія будетъ вскорѣ закончено: немусульманскіе подданные султана сами выражаютъ желаніе принять участіе въ защитѣ отечества. Конституція даровала всѣмъ турецкимъ подданнымъ равныя права и налагаетъ на всѣхъ равныя обязанности. А посему весьма естественно, что немусульманскіе подданные султана должны быть привлечены къ воинской повинности, составляющей первый долгъ и основу равноправія: правительство уже рѣшило, что воинская повинность должна ложиться не на однихъ только мусульманъ, но на всѣхъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданія. Единственное спасеніе имперіи—въ конституціи: султанъ желаетъ, чтобы всѣ его подданные могли вкусить блага прогресса и современной цивилизаціи. Султанъ настаиваетъ на преобразованіи финансовъ съ цѣлью выполненія лежащихъ на Турціи обязательствъ; на правильномъ распредѣленіи и взиманіи податей; на пересмотрѣ системы администраціи, судоустройства и судопроизводства; на реформѣ землевладѣнія и вакуфовъ; наконецъ, на преобразованіи жандармеріи. Къ несчастью, осуществленіе всѣхъ этихъ реформъ задерживается войною. Масса беззащитныхъ женщинъ и дѣтей подверглась возмутительнымъ, варварскимъ насиліямъ. Но султанъ надѣется, что въ будущемъ ничто не помѣшаетъ правильному отправленію правосудія. Муниципальный законъ, изданный въ прошломъ году, уже приведенъ въ исполненіе. Новые законопроекты, выработанные государственнымъ совѣтомъ, будутъ предложены на обсужденіе палатъ: такъ, напр., законы о производствѣ выборовъ, о правахъ и обязанностяхъ министровъ, объ устройствѣ судовъ. Сверхъ того, палаты будутъ спрошены по вопросамъ объ устройствѣ вилайетовъ, о законахъ печати, о податяхъ. Будетъ доложено о положеніи дѣла разработки тѣхъ 16-ти законопроектовъ, которые обсуждались въ послѣднюю сессію. Султанъ обращаетъ особое вниманіе палатъ на смѣту предстоящихъ расходовъ и прибавляетъ: внутреннія преобразованія, уже совершенныя, несмотря на войну, служатъ доказательствомъ искренности нашихъ намѣреній; въ обезпеченной свободѣ преній палаты имѣютъ наи-

лучшее средство раскрыть истину по всѣмъ вопросамъ, предлагаемымъ на ихъ обсужденіе.

Въ заключеніе султанъ говоритъ:

Наши отношенія съ дружественными державами—самыя сердечныя.

Кому нужна эта постыдная комедія англійскаго сочиненія? Кого этими благоглупостями благоудивить хотятъ?

Великій Князь говорилъ, что въ Петербургѣ вчера только установился санный путь. У насъ снѣгъ идетъ почти ежедневно, но только увеличиваетъ и безъ того глубокую грязь. Все время легкій морозъ по ночамъ и до 3° тепла днемъ. Такъ какъ у насъ въ кибиткѣ выше 5° не бываетъ, то Левицкій все стремится переѣхать въ землянку, но встрѣчаетъ рѣшительное несогласіе съ моей стороны. Великій Князь забавляется этимъ разногласіемъ и подтруниваетъ надъ Левицкимъ, что я его притѣсняю.

6 декабря.—Сегодня Тотлебенъ съ княземъ Имеретинскимъ и всѣмъ бывшимъ штабомъ отряда обложенія Плевны ѣдутъ въ Брестовацъ, къ Цесаревичу.

Характерно, что офицеры генеральнаго штаба всегда стремятся уйти изъ главной квартиры куда угодно. Причина вполнѣ понятна: во всякомъ отрядѣ офицеръ генеральнаго штаба на виду и въ серьезной работѣ, а въ главной квартирѣ—совершенно заслоненъ адъютантами и ординарцами Великаго Князя. Имъ даются всѣ видныя и серьезныя порученія, а офицеры генеральнаго штаба или корпятъ надъ бумагами, или принуждены слоняться безъ дѣла.

Фрезе вчера вернулся отъ Ганецкаго, который отъ него въ такомъ восторгѣ, что приписываетъ ему успѣхъ сраженія 28-го ноября и хочетъ представить его къ георгіевскому кресту.

Сегодня съ ранняго утра началась адская снѣжная метель, продолжавшаяся весь день и не утихшая и къ ночи. Вѣтеръ такъ и рветъ, снѣгъ крутитъ, морозъ усиливается.

Вчера получены извѣстія отъ агентства Гавасъ: Мехмедъ-Али-паша замѣненъ Шакиромъ-пашой; первый уже прибылъ въ Константинополь. Турецкія газеты, отъ 2-го декабря, говорятъ уже въ менѣе воинственномъ тонѣ. Въ Пештѣ 2-го декабря былъ туркофильскій митингъ: собралось до 8.000 чел.; постановили требовать отъ правительства, чтобы оно положило предѣлъ развитію русскихъ успѣховъ, хотя бы силою оружія. Президентъ совѣта, которому была послана депутація, ее однако не

принялъ. Князь Миланъ 2-го декабря выѣхалъ изъ Бѣлграда въ Алексинацъ; моравскій отрядъ въ тотъ же день перешелъ границу и занялъ Сѣканицу и Топольницу. Всѣ эти свѣдѣнія сообщены сегодня Гурко въ Осиково телеграммою.

Государю донесено сегодня въ Бухарестъ, вслѣдъ:

„Деллингсгаузенъ донесъ, что непріятель отступилъ по всей линіи и наши войска заняли прежнее расположеніе: Джулунъ, Златарицу, Елену, имѣя авангарды въ Кесаревѣ, Бещи-Малѣ, Бебровѣ и Буйновцѣ. Ахмедли занято турецкимъ отрядомъ всѣхъ родовъ оружія. У Цесаревича все спокойно: Тотлебенъ съ Имеретинскимъ ѣдутъ туда сегодня. Арнольди донесъ отъ 3-го декабря, что 30-го ноября, 1-го и 2-го декабря турецкая пѣхота съ кавалеріей и двумя орудіями пыталась наступать изъ Берковца на Боровцы для овладѣнія мостомъ черезъ Клиссу, но отражена двумя эскадронами харьковскихъ уланъ. Отъ Гурко новаго ничего нѣтъ".

Вслѣдъ за отправкою этой телеграммы, получена телеграмма Гурко, что, по донесенію изъ Врацы отъ 4-го декабря, турки, послѣ упомянутыхъ неудачныхъ попытокъ, оставили Берковацъ и отступили къ Софіи, бросивъ въ Берковцѣ одно орудіе. Вслѣдъ затѣмъ туда вступилъ разъѣздъ л.-гв. уланскаго его величества полка подъ командою флигель-адъютанта ротмистра графа Берга.

Объ этомъ тотчасъ же было донесено Государю, съ добавленіемъ, что дѣло отправки плѣнной плевнинской арміи приходитъ къ концу. Османъ-паша отправленъ вчера, двое пашей и 9.000 плѣнныхъ переданы румынамъ.

7 декабря.—Только сегодня, послѣ цѣлаго ряда напоминаній, получены точныя свѣдѣнія о нашихъ потеряхъ въ сраженіи при Марени и Еленѣ 22-го ноября, которыя и сообщены немедленно начальнику главнаго штаба слѣдующими двумя телеграммами:

1) „Убито и взято въ плѣнъ (отдѣлить эти цифры невозможно) всего: 24 офиц. и 658 нижн. чиновъ".

2) „Ранено всего: 31 офиц. и 1.149 нижн. чиновъ".

Въ виду неизвѣстности фамилій офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, Великій Князь телеграфировалъ Убри, нашему послу въ Берлинѣ, чтобы онъ попросилъ князя Рейсса (германскаго посла въ Константинополѣ) узнать и сообщить фамиліи плѣнныхъ, а также о состояніи здоровья тѣхъ изъ нихъ, которые ранены.

Сегодня у Великаго Князя было совѣщаніе: Непокойчицкій, М. Д. Скобелевъ и Левицкій. Рѣшено: 3-й стрѣлковой бригадѣ 9-го декабря выступать въ Ловчу, а 16-й пѣхотной дивизіи, 10-го декабря, въ Сельви.

Отъ Государя получена телеграмма со станціи Рѣманъ, отъ 5 ч. пополудни:

„Прошу передать мое поздравленіе л.-гв. стрѣлковому баталіону императорской фамиліи съ ихъ праздникомъ и спасибо за молодецкую службу. Продолжаемъ путь благополучно".

Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Въ отрядѣ Гурко новаго ничего нѣтъ. Вездѣ, особенно на Балканахъ, снѣжныя вьюги. Въ горахъ, занимаемыхъ войсками Гурко, такой туманъ, что въ пяти шагахъ ничего не видно. Все это сильно замедляетъ движеніе войскъ, но тѣмъ не менѣе всѣ колонны идутъ по назначенію".

Гурко послана въ Осиково слѣдующая телеграмма:

„Нашъ греческій посланникъ телеграфируетъ изъ Аѳинъ: отъ султана скрываютъ неудачи въ Орханіи и окрестностяхъ, почему онъ настаиваетъ на наступленіи. 27-го ноября стараго стиля къ Мехмеду-Али подошли 12 баталіоновъ съ Шипки, что довело его армію до 43 баталіоновъ при 50 орудіяхъ. Значительная часть его войскъ—мобилизованная національная гвардія. Семь баталіоновъ было почти уничтожено, вѣроятно когда они атаковали московскій полкъ (21-го ноября) и отправлено въ Софію, гдѣ, кромѣ того, находятся только 1 баталіонъ, 2 эскадрона, 3 батареи. Армія, стоящая противъ васъ, деморализована".

Великій Князь посылалъ какую-то собственноручную телеграмму Цесаревичу, отъ котораго и получилъ подъ вечеръ слѣдующій отвѣтъ:

„Благодарю сердечно за именинника и поздравляю тоже съ нашимъ баталіоннымъ праздникомъ. Пока лучше оставить конвой тамъ. Рѣшительно ничего не могу сказать, сколько времени останусь и куда поѣду. Переговоривши съ Тотлебеномъ, напишу тебѣ".

Вторая часть телеграммы мнѣ непонятна. Можно лишь догадываться, что Государь передъ отъѣздомъ въ Россію о чемъ-то условился съ Наслѣдникомъ и притомъ отчасти по предварительному соглашенію съ Великимъ Княземъ, отчасти же и безъ вѣдома послѣдняго.

Уже ночью получена отъ Государя телеграмма изъ Яссъ:

„Радуюсь занятію Берковца. Надѣюсь, что кавалерія будетъ вскорѣ замѣнена подошедшею пѣхотою. Здѣсь также снѣгъ и довольно сильный морозъ. Прошу телеграфировать мнѣ завтра въ Бирзулу".

М. Газенкампфъ.

ПЕРВЫЙ КЛІЕНТЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Черная медвѣжья шкура, украшающая полъ моего кабинета, напоминаетъ мнѣ кліента,—перваго кліента въ моей жизни. Обстоятельства сдѣлали меня случайнымъ адвокатомъ, а его—случайнымъ преступникомъ. Я не искалъ его, онъ не искалъ меня, но все сложилось такъ, что мы встрѣтились на жизненномъ пути, и я нечаянно оказалъ ему услугу.

Я живо помню перваго своего кліента.

Это былъ коренастый якутъ, съ широкимъ лицомъ, узкими, косыми глазами, выражающими сразу и робость, и недовѣрчивость, и лукавство. Черныя, сросшіяся на переносицѣ брови, орлиный носъ и бѣлые крѣпкіе зубы, сверкавшіе изъ-подъ рѣдкихъ усовъ, дѣлали его похожимъ на татарина. Слишкомъ выдающіяся скулы и низкій лобъ говорили о монгольскомъ происхожденіи. Въ общемъ, это былъ чистѣйшій представитель расы. Въ своей ушастой шапкѣ, кожаныхъ штанахъ, рубахѣ изъ оленьихъ шкуръ, въ сапогахъ изъ сыромятной кожи, съ загнутыми вверхъ носками и безъ каблуковъ—онъ былъ похожъ на воина Аттилы, изъ старинныхъ гравюръ. Недоставало только лука за плечами и аркана въ рукахъ.

И вотъ этотъ воинъ Аттилы, не понимавшій ни слова по-русски, очутился подъ судомъ и слѣдствіемъ.

Человѣкъ этотъ выросъ въ тайгѣ и зналъ только то, что

говорили ему вой пурги, грохотъ льдовъ на днѣ горной рѣчки, шумъ лѣсовъ, безлюдныхъ и безбрежныхъ, какъ небо, разстилающееся надъ ними, въ блескѣ звѣздныхъ ночей... Онъ зналъ хорошо, чтò говорятъ слѣдъ звѣря въ сугробахъ лѣсной опушки, крикъ птицы на вершинѣ старой сосны, вой волка на днѣ каменнаго ущелья, движенье облаковъ на тихой лазури лѣтняго дня, и многое другое. Но не зналъ онъ ничего о томъ, чтò говорятъ законы Россійской Имперіи.

„Но развѣ эти законы,—могъ бы спросить житель тайги,—выработанные культурными людьми для культурныхъ людей,—понятны для обитателя лѣсовъ, который чувствуетъ, думаетъ и страдаетъ иначе, чѣмъ обитатель селъ и городовъ?“

На этотъ вопросъ ему отвѣтили бы, что нельзя отговариваться невѣдѣніемъ законовъ, даже непонятныхъ и сложныхъ.

Такія мысли промелькнули у меня въ умѣ, когда я въ первый разъ увидѣлъ моего будущаго кліента, Петра Габышева, по-якутски Атасыка, передъ лицомъ судебнаго слѣдователя.

— Спроси его,—говорилъ слѣдователь переводчику, молодому якуту, только-что окончившему одноклассное училище,—признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что 15 сентября, на урочищѣ „Олбутъ“, онъ въ запальчивости и раздраженіи, однакоже не случайно, лишилъ жизни Ивана Сивцова, по прозванію Соймара, ударомъ палки по головѣ?

Переводчикъ, паренекъ лѣтъ четырнадцати, съ умнымъ и утомленнымъ отъ чрезмѣрнаго вниманія лицомъ,—повторилъ вопросъ по-якутски и, выслушавъ длиннѣйшую отповѣдь обвиняемаго, сказалъ:

— Не виноватъ, говоритъ... Это всѣ они по злобѣ на меня показываютъ, говоритъ... Они всѣ—родственники Соймара, говоритъ.... Торговали водкой, говоритъ, и боятся, какъ бы имъ за это не было худо... Потому неправду показываютъ... Врутъ все, говоритъ.

Слѣдователь слушалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Его доброе лицо, съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ, какъ-то нервно подергивалось; надъ бровями появлялись морщины, глаза загорѣлись огонькомъ досады.

— Кто же убилъ Соймара? Вѣдь свидѣтели видѣли его вмѣстѣ съ обвиняемымъ... Видѣли, какъ они водку пили, какъ ссорились. Самъ онъ себя убилъ, что-ли?..

— Не могу знать, говоритъ... Свидѣтели водкой торговали, оттого и показываютъ, говоритъ...

Слѣдователь быстро перелистываетъ толстое дѣло, начатое

еще засѣдателемъ и переданное ему, первому мировому судьѣ (онъ же слѣдователь и нотаріусъ) округа, гдѣ съ 1-го іюля 1897 года введена судебная реформа. Когда онъ открывалъ мировой судъ въ городѣ, въ присутствіи всѣхъ нотаблей округа и улуса,—онъ говорилъ, что отнынѣ будетъ дѣйствовать судъ гласный, скорый и милостивый, и вѣрилъ тому, что̀ говорилъ.

Но потомъ, когда отъ земскаго засѣдателя стали поступать кипы старыхъ дѣлъ—наслѣдіе дореформеннаго суда,—когда изъ этихъ дѣлъ выяснилось, что въ разныхъ пунктахъ округа, этакъ на разстояніи верстъ восьмисотъ, ждутъ вскрытія, во временныхъ могилахъ, нѣсколько труповъ,—онъ пересталъ вѣрить тому, что̀ говорилъ, и усомнился въ скорости новаго суда.

Одинъ изъ этихъ труповъ лежалъ уже мѣсяцевъ десять на урочищѣ Олбутъ и ждалъ вскрытія, во временной могилѣ. Чтобы добраться до него, нужно было переплыть одну огромную рѣку, одну средней величины рѣку и четыре малыхъ рѣчки; нужно было перевалить черезъ два „гольца“ или „камня“ и проѣхать черезъ сорокаверстную полосу „вѣковѣчной“ тайги, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни мостовъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ давнихъ и самыхъ дальнихъ труповъ, и потому первый мировой судья округа и рѣшилъ начать съ него свою слѣдовательскую дѣятельность.

Въ сопровожденіи окружного врача, своего письмоводителя, которымъ въ это время былъ я, и двухъ якутовъ проводниковъ мировой судья переплылъ всѣ встрѣчныя рѣки и рѣчки, перевалилъ черезъ всѣ встрѣчные гольцы и камни; проѣхалъ верхомъ на дикомъ пугливомъ конѣ, по еле замѣтной тропѣ, полосу тайги; добрался до урочища Олбутъ и приступилъ къ допросу свидѣтелей и обвиняемаго, такъ какъ вскрытія нельзя было произвести въ тотъ день.

Не имѣя возможности способствовать тому, чтобы судъ былъ скорый, судья хотѣлъ способствовать тому, чтобы судъ былъ милостивый, и старался подготовить для этого почву. При первыхъ же допросахъ онъ понялъ, что свидѣтели и обвиняемый мѣрятъ судъ новый мѣркою суда стараго. Они думали, что „судъ наѣхалъ“ не для того, чтобы выяснить дѣло и воздать каждому по заслугамъ, а для того, чтобы затемнить дѣло и завести волокиту лѣтъ на десять.

Поэтому они говорили неохотно и уклончиво. Они хотѣли убѣдить судью, что Соймаръ самъ себя убилъ, и говорили это для того, чтобы уменьшить размѣръ „дани“. Большого труда и немало дипломатическаго искусства понадобилось для того, чтобы заставить свидѣтелей говорить правду.

Правда заключалась въ томъ, что на урочище Олбутъ прибылъ русскій купецъ, культурный человѣкъ, для назиданія котораго преимущественно и были составлены законы и который еще менѣе могъ отговариваться незнаніемъ ихъ, чѣмъ якутъ.

Онъ превосходно зналъ, что водку запрещено продавать въ „стойбищахъ" инородцевъ, однако продавалъ ее, чтобы при помощи ея выгоднѣе купить соболей.

Атасыка и Соймаръ продали купцу бѣлку, добытую ими въ лѣсахъ, купили водки и напились. Напившись, они повздорили, повздоривши—подрались, и вотъ—Соймаръ лежитъ во временной могилѣ съ расколотымъ черепомъ, а Атасыка отданъ подъ строжайшій надзоръ общества.

Когда „судъ наѣхалъ", общество засадило Атасыку въ пустой амбаръ, чтобы показать свою строгость.

Выпущенный изъ амбара, Атасыка впалъ въ мрачное настроеніе и не хотѣлъ признать очевидныхъ и доказанныхъ фактовъ.

— Скажи ему,—сказалъ судья переводчику,—что ему лучше всего сознаться. Тогда и наказаніе будетъ гораздо легче...

Переводчикъ переводилъ такъ усердно, что на лбу у него выступали капли пота, но Атасыка не сходилъ съ разъ занятой позиціи.

— Не могу знать... А только свидѣтели все врутъ на меня... Я не пилъ водки съ Соймаромъ, не ругался... Напрасно показываютъ...

Судью раздражало это упорство, лишившее его надежды способствовать тому, чтобы судъ былъ милостивый и чтобы возбудить довѣріе въ сердцахъ этихъ людей, привыкшихъ къ волокитѣ, наѣздамъ и поборамъ.

— Что̀ дѣлать!—обратился онъ ко мнѣ.—Запишите то, что̀ онъ говоритъ... Можетъ быть, до суда онъ одумается...

Сколько рѣкъ, горъ и лѣсовъ проѣхали мы, представители европейской культуры, для того, чтобы способствовать правильному ходу правосудія,—но врядъ ли этотъ ходъ былъ правиленъ, благодаря поведенію обвиняемаго, отягчавшему свое положеніе безъ всякой нужды, вопреки здравому смыслу. Упорство его происходило отъ традиціоннаго недовѣрія къ старому суду и къ законамъ, невѣдѣніемъ которыхъ онъ не могъ отговариваться.

II.

Вечеромъ, лежа на полу „лѣтника“ на душистомъ сѣнѣ, мы дѣлились впечатлѣніями дня. Упрямство Атасыки, не понимавшаго своей очевидной выгоды,—удивляло насъ. Судья склонялся къ тому мнѣнію, что виновный дѣйствовалъ съ умысломъ, сознательно, а не въ пьяномъ видѣ и въ запальчивости.

— Вѣроятно, между ними были какіе-нибудь старые счеты изъ-за промысла или женщинъ... Еслибы онъ дѣйствовалъ безъ умысла, то навѣрное признался бы. Дѣяніе слѣдуетъ квалифицировать не по 1455, а по 1454 статьѣ уложенія.

Врачъ, знающій лучше край и его населеніе, не соглашался съ этимъ.

— Нѣтъ, онъ нагрезилъ съ пьяныхъ глазъ... А не признается потому, что не имѣетъ довѣрія къ намъ, людямъ культурнымъ, которыхъ онъ считаетъ своими естественными врагами за то, что они хотятъ ему навязать свои обычаи, законы, языкъ и взгляды; за то, что они вносятъ чуждую струю въ его простую, несложную, почти дикую жизнь...

— Но вѣдь якуты все болѣе и болѣе входятъ въ сферу вліянія пріисковъ,—возразилъ я.

— Они берутъ сами то, что̀ имъ нравится въ укладѣ пріисковой жизни. А мы со своими обычаями, порядками и школами грозимъ имъ коренной ломкой устоевъ ихъ самобытной жизни, и они инстинктивно реагируютъ противъ культурнаго вліянія высшей расы... Что̀, батенька, пріиска̀! Якутъ везетъ туда свои продукты, получаетъ чистыя денежки, возвращается въ свои лѣса и горы и живетъ такъ, какъ жили дѣды. Это связь чисто экономическая... А мы, вотъ, хотимъ, чтобы эти инородцы переняли нашъ языкъ, нашъ укладъ жизни, хотимъ связать ихъ съ нами, такъ сказать, морально...

— Надо сказать правду, что прежній, дореформенный судъ не способенъ былъ внушить довѣріе къ себѣ...

— О, да!.. Что̀ это за судъ, гдѣ дѣла вершились ссыльными? Они занимались по вольному найму во всѣхъ канцеляріяхъ... Судили, собственно говоря, они, а начальство, занятое кутежами, лишь подписывало бумаги... Это былъ въ полномъ смыслѣ бумажный судъ. Только земскій засѣдатель, производившій слѣдствіе, могъ видѣть свидѣтелей, слышать живое слово...

При упоминаніи о старыхъ порядкахъ, мнѣ припомнились

дѣльцы суда до-реформеннаго. Это были уголовные ссыльные изъ привилегированныхъ, занимавшіеся въ судахъ по вольному найму. Жадные, искусившіеся въ крючкотворствахъ, они наводили страхъ на мирныхъ обывателей, и тѣ несли имъ дань при малѣйшемъ намекѣ на возможность имѣть дѣло съ судомъ.

— Похлопочите ужъ!—говорили они писцамъ. — Отъ роду не судился!.. сдѣлайте какъ-нибудь получше.

Конечно, эти „хлопоты" не мало стоили обывателямъ, отъ роду не судившимся, и отбивали охоту судиться даже у обиженныхъ.

Судья былъ искренно огорченъ упорствомъ Атасыки. Сколько трудовъ было употреблено на то, чтобы добраться до Олбута и произвести слѣдствіе при той же обстановкѣ, при какой было совершенно преступленіе!

Цѣлый день съ утра до вечера пришлось ѣхать верхомъ по невозможной дорогѣ. Не привыкшій къ верховой ѣздѣ судья упалъ съ коня и чуть не сломалъ себѣ ногу. Единственнымъ удовлетвореніемъ для него было то, что онъ, житель столицы, очутился вдругъ въ заправской „вѣковѣчной" сибирской тайгѣ, въ дикой безлюдной пустынѣ, о какой онъ мечталъ еще мальчикомъ, когда читалъ повѣсти Майнъ-Рида.

Въ тихій іюльскій вечеръ мы выѣхали изъ сельскаго управленія Нюректейскаго наслега, гдѣ судья разбиралъ дѣла (по пути) и направились къ большой рѣкѣ, первой изъ тѣхъ, которыя надо было переплыть, чтобы добраться до временной могилы безвременно погибшаго Соймара.

По берегу рѣки тянулись заливные луга. Туманы сизой пеленой стлались по травѣ, вились надъ сырыми равнинами, ползли, повисая сѣдыми клочьями на зеленыхъ кустахъ ольхи и тальника. Вокругъ насъ были ряды скошеннаго сѣна, топкія болота, косматыя кочки, стволы полусгнившихъ деревьевъ. Черныя стѣны горъ, окаймлявшихъ рѣчную долину по лѣвому берегу, казалось, давили насъ своею тѣнью и закрывали отъ насъ заходящее солнце. Горы праваго берега, которыя намъ предстояло перевалить, тоже чернѣли косматой гривой сосноваго бора. Все вокругъ было пасмурно, непривѣтливо и хмуро.

Вдругъ на поворотѣ дороги, заросшей кустами по краямъ, блеснула стальная лента рѣки, и видъ мгновенно измѣнился. Тѣ же хмурыя горы, казалось, ожили въ блескѣ угасающаго дня.

Хрустальная масса воды концентрировала въ себѣ и отражала отъ себя весь свѣтъ солнца и неба. Это была протока рѣки, омывающая большой островъ „Звѣриный".

На островѣ не было ни одного хищнаго звѣря, по крайней мѣрѣ четвероногаго. Огромный, верстъ пятнадцать въ длину, затопляемый ежегодно водою, онъ давалъ баснословные урожаи сѣна и хлѣба и былъ житницей той мѣстности. Когда-то онъ былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ, но кочевники, поселившись на немъ осѣдло, вырубили лѣсъ и превратили кочковатыя болота въ луга и нивы.

Селенія якутовъ были разбросаны по острову отдѣльными, разрозненными усадьбами, такъ что не оправдывали своего оффиціальнаго названія. На самомъ высокомъ, наименѣе подвергаемомъ наводненію мѣстѣ, возвышалась каменная церковь съ бѣлыми стѣнами и зеленымъ куполомъ, выстроенная подрядчикомъ-скопцомъ на средства богатаго якутскаго старшины, въ нѣкоторомъ родѣ владѣтельнаго князя острова. Тутъ же тянулось огороженное плетнемъ кладбище. Домà „князьцовъ“ (богатыхъ и вліятельныхъ людей) походили на помѣщичьи усадьбы. Это были просторныя и высокія деревянныя постройки съ крылечками, а иногда крытыми верандами, окруженныя двухъ-этажными амбарами для храненія товаровъ и продуктовъ, перевозкой которыхъ на пріискà, между прочимъ, также занимались жители острова „Звѣринаго“. Дома небогатыхъ обывателей были тоже русскаго типа; только кое-гдѣ виднѣлись ветхія національныя жилища якутовъ—юрты, съ покатыми стѣнами, съ земляными крышами, поросшими травою и бурьяномъ. Огромные стога только-что скошеннаго сѣна высились на ровныхъ зеленыхъ полянахъ. Желтыя нивы зрѣющаго хлѣба перемѣшались съ черными полосами пара. Пахло свѣжескошеннымъ сѣномъ и сыростью.

Едва только пріѣхалъ судья въ сельское управленіе острова „Звѣринаго“, гдѣ назначена была ночевка, послѣ переправы черезъ протоку, какъ явились тяжущіеся.

Тяжбы были одно изъ любимыхъ занятій почтенныхъ островитянъ, въ часы досуга. Обезпеченные хлѣбомъ, сѣномъ, звѣринымъ промысломъ (въ лѣсахъ за рѣкой) и извозомъ на пріискà, жители богатаго острова имѣли много свободнаго времени, которое, между прочимъ, употребляли на споры и домашнія дрязги. Потребности тѣла съ избыткомъ удовлетворяла суровая, но щедрая природа; потребности души—пирушки, споры и тяжбы.

Островитяне имѣли слишкомъ много досуга, и потому пользовались малѣйшимъ поводомъ, чтобы воспринимать высшій даръ навязанной имъ культуры — водку. Для этого справлялись именины всѣхъ живыхъ и мертвыхъ родственниковъ. На именинахъ пили за здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ зна-

комыхъ; пили за здоровье еще не родившихся дѣтей и за поминъ души еще не умершихъ стариковъ; пили по поводу „большой воды“ („теперь будемъ съ хлѣбомъ!“) и по поводу „малой воды“ („въ домахъ меньше сырости будетъ!“). Въ свободное отъ выпивокъ время ссорились, сплетничали и судились.

Пріѣздъ судьи и доктора взволновалъ всѣхъ почтенныхъ островитянъ. Они обрадовались случаю посудиться и полечиться.

Леченіе было не послѣднимъ дѣломъ въ ихъ жизни, такъ какъ рѣка, дававшая имъ богатство, заливая поля и нивы,— надѣляла ихъ болѣзнями.

Отъ рѣки, охватывающей островъ серебристымъ кольцомъ движущихся водъ, поднимались туманы и окутывали плодородныя нивы и заливные луга сырою мглою.

Въ лунныя весеннія ночи изъ болотъ, оставшихся отъ наводненія, нерѣдко затоплявшаго всѣ дома, кромѣ церкви,—выходили безчисленные безформенные призраки и висли на зеленыхъ кустахъ, и стлались, какъ дымъ выстрѣловъ, надъ плодородной землей, и прокрадывались въ жилища... Всю ночь стояли они сизыми тучками надъ лугами и съ проблескомъ зари обильною росой падали на травы.

Отъ сырости и гнили въ жилищахъ, выстроенныхъ на болотѣ и затопляемыхъ въ половодье, люди заболѣвали туберкулезомъ и лихорадкой.

Врачъ, единственный цѣлитель огромнаго округа, не имѣлъ времени часто пріѣзжать на островъ, и его мѣсто занималъ вольнопрактикующій шаманъ.

Пріѣзду судьи предшествовала молва о немъ, и много страннаго для туземцевъ было въ этой молвѣ. Молва гласила, что „первый судья—или очень хитрый человѣкъ, или очень добрый, необыкновенно добрый“.

— А можетъ быть, онъ совсѣмъ не судья, а тайно посланъ узнать, какъ живутъ люди въ нашей дальней сторонѣ!—говорили бравые островитяне.

— Слыханое ли дѣло, чтобы судья не судилъ, не кричалъ на виновныхъ, не стращалъ тюрьмой, а мирилъ? Раньше, бывало, пріѣдетъ засѣдатель, и первое дѣло — кричитъ и лупитъ ямщиковъ; второе — пьетъ съ „тойонами“ [1]), а третье — пишетъ и пишетъ“. Мы боимся, какъ бы онъ чего худо не написалъ, и говоримъ: „Эй, перестань писать и получи отступного“... Онъ перестаетъ и прячетъ дѣло въ дорожный ящикъ. Черезъ годъ

[1]) Тойонъ —господинъ, богачъ, знатный человѣкъ (як.).

опять пріѣзжаетъ и пишетъ... Лѣтъ черезъ пять дѣло такъ толстѣетъ, что еле помѣщается въ дорожномъ ящикѣ... А тамъ, глядишь, виноватый померъ и писать больше не о чемъ!.. А этотъ судья совсѣмъ мало пишетъ, а больше говоритъ... Говоритъ: „помиритесь, не ссорьтесь, грѣшно ссориться!"—и говоритъ лучше попа. Вотъ на Кочегарѣ двухъ враговъ помирилъ, двухъ братьевъ. Они уже лѣтъ двадцать судятся и другъ друга въ каторгу засудить не могутъ. Одинъ попроситъ засѣдателя, а другой—вдвое попроситъ... Такъ шло годами. А этотъ какъ заговорилъ, обоихъ слеза прошибла—и они помирились... Двадцать лѣтъ ссорились, а въ одинъ часъ помирились... Чудно!

Услышавъ такія рѣчи, островитяне захотѣли посмотрѣть необыкновеннаго судью, посудиться у него и увидѣть, какъ это онъ въ одинъ часъ ухитряется мирить людей, ссорившихся двадцать лѣтъ.

У сельскаго правленія встрѣтила пріѣзжихъ толпа народа. Впереди стояли культурные представители островного населенія, въ черныхъ сюртукахъ, съ медалями на толстыхъ шеяхъ, а подальше — воины Аттилы. Всѣ сняли шапки и привѣтствовали судью, который не пишетъ, а говоритъ, который не судитъ, а миритъ.

Всѣ были очень разочарованы, когда судья сказалъ, что онъ ѣдетъ на слѣдствіе, а потому мирить ихъ будетъ уже на обратномъ пути. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ письменныя прошенія, къ великой радости просителей, горѣвшихъ нетерпѣніемъ посудиться.

— Спасибо за привѣтствіе, господа!.. Надѣньте шапки, надѣньте... А дѣла разберу, когда вернусь съ Олбута.

— Спасибо, тойонъ!.. хорошо судилъ... учугей... [1]) по-божьи судилъ... мы слыхалъ... благоддары!—послышалось изъ толпы.

Тяжущіеся ушли по домамъ, а больные выразили твердое желаніе поговорить съ врачомъ. Это были такіе больные, страданій которыхъ не могъ облегчить вольно практикующій шаманъ.

— Судиться можно подождать, а лечиться—нельзя!—сказалъ, смѣясь, врачъ и пригласилъ больныхъ къ себѣ тотчасъ же.

Одинъ изъ этихъ злополучныхъ паціентовъ шамана, якутъ, довольно сносно объяснявшійся по-русски,—держалъ такую рѣчь къ врачу:

— Вотъ, ваше благородіе,—я много водки пью, шибко много. И не желалъ бы пить, хвораю отъ этого, а пью. Потому что

[1]) Учугей—ладно.

(онъ понизилъ голосъ), скажу вамъ прямо, во мнѣ сидитъ чортъ! Онъ меня худому и научаетъ. Я говорю: „Не буду пить водки!“ А онъ говоритъ: „Пей!“ Я говорю: „Ну, выпью!“ А онъ: „И я съ тобой!“ И громко такъ говоритъ, даже въ ушахъ звонъ стоитъ. А посторонніе люди говорятъ, что ничего не слышатъ. Я спрашиваю: „Слышите, вотъ онъ заговорилъ?“ Люди смѣются и отвѣчаютъ: „Не слышимъ“. Разъ я хотѣлъ его попугать и говорю: „Я пойду въ церковь!“ А онъ: „И я съ тобой!“—„Я буду исповѣдываться!“ А онъ: „И я съ то тобой!“ Ишь, язви тебя, думаю, даже церкви не боится! Ни молитвы, ни исповѣди... Я и сказалъ: „Я буду причащаться!“ Онъ и замолчалъ... Причастія побоялся. Вотъ онъ какой!

— Шаманъ не лечилъ тебя?—спросилъ врачъ.

— Какое не лечилъ? Лечилъ! Да не боится онъ шамана. Нѣсколько разъ шаманъ рычалъ по-медвѣжьи, лаялъ по-собачьи и кричалъ по-совиному и даже бубномъ его по головѣ лупилъ...

— Какъ его? Чорта, что-ли?..

— Ну, да... черезъ меня, то-есть. Онъ билъ меня по головѣ, а больно было тому, кто во мнѣ... Дай, пожалуйста, лекарства, чтобы его совсѣмъ выгнать, или чтобы хотя онъ сталъ смирнѣе.

Глаза больного выражали испугъ; руки тряслись. Видно, онъ черезчуръ часто справлялъ именины и поминки и дошелъ до галлюцинацій.

— Ничего не пожалѣю, только усмири его немного!—просилъ онъ, озираясь и ворочая воспаленными глазами.

Врачъ увелъ больного въ смежную комнату, чтобы осмотрѣть его и придумать, какъ усмирить „чорта“, котораго не могъ изгнать шаманъ.

III.

Урочище Олбутъ, гдѣ жила часть родовичей того же наслега, который обиталъ на островѣ „Звѣриномъ“, было совсѣмъ мало подвержено культурнымъ вліяніямъ. Отъ центра русской культуры данной мѣстности—окружного города—урочище было отдѣлено рѣками, горами и тайгой.

Какая это была дикая и величественная тайга!

Мощныя сосны, въ три-четыре обхвата, уходили высоко въ ясную лазурь неба своими косматыми вершинами. Онѣ стояли далеко одна отъ другой, давая бѣжище подъ своей тѣнью кустамъ. Цѣлыя поляны среди кустовъ синѣли отъ спѣлыхъ ягодъ

черники и голубицы; вѣтви шиповника, тянувшагося зеленой зубчатой стѣной, были усыпаны уже покраснѣвшими завязями.

Проѣзжая по этому бору, похожему на огромный храмъ съ бурыми колоннами, зелеными капителями и голубымъ куполомъ я вспоминалъ поэтическія строки Мицкевича и Ленартовича о литовскихъ лѣсахъ.

Я представлялъ себѣ этотъ дѣвственный, нетронутый топоромъ дровосѣка боръ—въ бурю. Я представлялъ себѣ, какъ перекликаются сосны черезъ горы и лощины, какъ мощный говоръ ихъ громовыми раскатами идетъ по рѣчной долинѣ, какъ тучи бросаютъ на серебристыя струйки горныхъ рѣчекъ свою хмурую тѣнь...

Еле замѣтная тропа вилась между стволовъ. Она была загромождена корнями деревьевъ и глыбами камней. Наши лошади то-и-дѣло спотыкались.

Верстъ пятнадцать дорога шла въ гору, а потомъ стала спускаться внизъ, къ рѣкѣ Чарѣ. День былъ ясный. Свѣтло-бирюзовое сибирское небо дышало тепломъ и лаской. Когда при спускѣ дорога стала ровнѣе, нашъ передовой ямщикъ пустилъ поводья и началъ пѣть. Рѣзкіе горловые звуки со странными переливами, и довольно монотонные, огласили тишину лѣса.

Якутъ пѣлъ про то, что̀ видѣлъ, про то, что̀ думалъ. Онъ выражалъ свои непосредственныя впечатлѣнія, и я понималъ то, что̀ онъ пѣлъ. Его пѣсня имѣла нѣкоторое отношеніе къ судебной реформѣ, только-что введенной въ краѣ, и потому я ее запомнилъ:

День хорошій, солнце грѣетъ
И лѣсъ темный не шумитъ,
Ягоды уже краснѣютъ,
Ручей весело журчитъ.
Время лучшее настало:
Радуйся, соха-народъ! [1])
Мы судью тебѣ веземъ,
Сами весело поемъ!
Вѣкъ такого ты не видѣлъ.
Этотъ судья не обидѣлъ
Еще никого! Эге-кай, ого-кай!

Мы тоже испытывали среди этой дѣвственной природы подъемъ духа. Докторъ всю дорогу пѣлъ. Ему пріятно было вырваться изъ душной городской больницы въ тайгу, куда не могли за нимъ послѣдовать стаціонарные и амбулаторные боль-

[1]) Соха—якутъ.

ные, рецепты, отчеты, рапорты и отношенія, надоѣвшіе ему до смерти. Судья полной грудью вдыхалъ въ себя живительный ароматъ сосноваго бора.

Въ полдень былъ сдѣланъ привалъ на ровной полянкѣ, поросшей мягкой, точно бархатной муравой, подъ большимъ засохшимъ деревомъ. Нижнія вѣтви дерева и столбъ, вкопанный въ землю, для привязыванья лошадей,—были увѣшаны кусками ситца, кожи, пучками конскаго хвоста и гривы. Это были жертвы якутовъ „хозяину мѣста", властелину этой горы и бора, расположеннаго между двумя рѣками, Леной и Чарой.

Нѣкогда здѣсь было кладбище, воздушное кладбище шамановъ. Они были похоронены не въ землѣ, а надъ землей, на деревьяхъ. Настало иное время. Пришли русскіе люди—„нюча"— и уничтожили могилы на деревьяхъ. Деревянныя корыта, гдѣ были спрятаны покойники, были раскрыты или разсыпались...

„Нюча" уничтожили воздушныя кладбища, но не могли уничтожить шаманизма. И вотъ древнее сухое дерево служитъ своего рода лѣснымъ храмомъ, гдѣ приносятся убогія жертвы убогому, свергнутому съ престола, лѣсному богу.

Ямщики разложили костеръ. Пока они жарили шашлыкъ, мы собирали ягоду. Голубицы было такъ много, что можно было собирать ее горстями. Въ Европѣ ее утилизировали бы, сдѣлали бы даже изъ нея вино, а здѣсь она осыпалась, и некому, кромѣ медвѣдей, было ее собирать.

Было тихо и ясно въ лѣсу и на душѣ хорошо. Зеленые куполы сосенъ бросали на ярко освѣщенные ряды кустовъ причудливыя тѣни.

— Вотъ прелесть! — воскликнулъ судья, на берегу Чары, тихой, пустынной рѣки.—Какъ далеко отъ людей, отъ ихъ мелочной жизни! Какъ здѣсь славно: вверху небо, по обѣимъ сторонамъ—скалы и лѣсъ, и ни одного человѣческаго жилища!.. Идеальная пустыня!

За Чарой, которую мы переплыли на лодкѣ, опять начались сосновый боръ, луга, болота, рѣчки. Наконецъ, къ вечеру мы добрались до жилища „князьца", помѣщичьяго дома, окруженнаго березовой рощей, кладями хлѣба, конюшнями и амбарами (въ одномъ изъ которыхъ потомъ былъ посаженъ, усердія ради, строптивый Атасыка).

На слѣдующій день утромъ тѣло Соймара было вынуто изъ временной могилы, устроенной въ очень живописной мѣстности, на границѣ сосноваго бора, уходившаго по горамъ въ золотоносныя долины Витима, и огромнаго луга, спускавшагося по покатымъ равнинамъ къ рѣкѣ.

Здѣсь въ лощинѣ, неподалеку отъ ручья, была могила Соймара. Бравый поселенецъ, Никита, долгое время занимавшійся спиртоношествомъ и видавшій виды, руководилъ работами по отрытію могилы и устройству операціоннаго стола. Онъ же за пять рублей и бутылку водки, обѣщанные старостой (князьцомъ тожъ), взялся исполнять обязанности фельдшера при вскрытіи. Помогалъ ему „подгородній" якутъ, тоже вкусившій всѣхъ благъ культуры на пріискахъ.

Мѣстные же жители боялись подходить близко къ мѣсту производства вскрытія. Нѣсколько любопытныхъ рабочихъ, бывшихъ неподалеку на покосѣ, собрались въ кучку на пригорочкѣ и смотрѣли издалека на браваго Никиту и врача, которые, засучивъ рукава рубахъ, потрошили Соймара.

Трупъ прекрасно сохранился въ мерзлой почвѣ, только слегка покрылся цвѣлью, похожей на мохъ. Надо было дать тѣлу оттаять. Врачъ и слѣдователь закурили папиросы и усѣлись на травѣ, поодаль отъ сколоченнаго изъ кольевъ и досокъ операціоннаго столика, а бравый Никита разсказывалъ приличныя случаю воспоминанія изъ своихъ похожденій.

— Эге-ге!.. Я ужъ привыкъ къ этимъ покойничкамъ!.. Слава Богу! двадцать лѣтъ бродяжилъ по тайгѣ; по спиртоношеству чего не насмотришься!.. Идешь, къ примѣру, по тропѣ и видишь: изъ-подъ снѣга торчитъ обглоданная рука, али нога. „Кто бы это могъ быть?"—спросишь себя, и идешь дальше, и уже на зимовьѣ узнаешь, что тамъ Ивана Непомнящаго „пришили"... Разъ я даже лежалъ въ ямѣ съ такимъ покойничкомъ, только кислымъ. Козаки стали меня настигать, а при мнѣ золотишко было. Да не въ золотѣ дѣло, а въ жизни. Казаки нашего брата убиваютъ, чтобы не представлять золота въ казну. Если они меня живымъ возьмутъ, то и золото должны представить, потому что я и самъ могу заявить, что золото они отъ меня отобрали. Легче и проще убить спиртоноса.

— Чисто по-американски!—сказалъ врачъ.

— Вѣрнѣе, по-азіатски!—добавилъ судья.

— Уже два раза они въ меня стрѣляли, да мимо. Бѣгу что̀ есть силы и вижу—этакъ въ сторонѣ—яма, наполовину прикрытая валежникомъ. Видно, яму вырыли хищники, золота искавши, а направо отъ ямы — чаща. Я сразу смекнулъ, какъ сдѣлать: поворотилъ въ чащу, такъ что казаки меня не видѣли, а потомъ упалъ на землю и поползъ назадъ къ ямѣ. Казаки вдарились въ чащу, а я доползъ до ямы и прыгнулъ туда. Уткнулся я во что-то мягкое, слизкое и вонючее. Что̀ такое? — думаю. Поси-

дѣлъ съ четверть часа, закрывши глаза, чтобы привыкнуть къ темнотѣ, а потомъ сталъ щупать и осматривать то, на чемъ лежу. Нащупываю вродѣ какъ бы руки человѣка, потомъ лицо, по лицу ползаютъ черви... Одежда на ёмъ, на человѣкѣ, сгнила, духъ идетъ особенный... А дѣлать нечего, подвинуться некуда... Пришлось живому въ могилѣ сидѣть и благодарить Бога за удачу. Такъ пролежалъ я часа три, до ночи. Ночью вышелъ, и когда увидѣлъ свѣтъ луны и зеленый лѣсъ, то чуть съ ума отъ радости не сошелъ. Мнѣ уже казалось, что я тамъ въ ямѣ помру и останусь навѣки, съ золотомъ въ поясѣ и съ покойникомъ вмѣсто подушки... Перекрестившись, взялъ я свой кинжалъ и началъ землю копать около ямы и сыпать въ яму, чтобы прикрыть покойника... одёжей, похоронить, значитъ. Работалъ часа два и присыпалъ-таки немного. Копаю, а самъ думаю: „Вотъ какъ меня въ спину стрѣлятъ!“ Послѣ такихъ-то приключеніевъ, что значитъ для меня поработать при вскрытіи! Покойничекъ—свѣжій, какъ огурчикъ.

Свѣжаго покойничка положили на столъ. Врачъ вскрывалъ, а слѣдователь писалъ актъ вскрытія. Я фигурировалъ въ качествѣ понятого; Никита помогалъ врачу и балагурилъ, съ трубкою въ зубахъ; „подгородній“ якутъ носилъ воду, подавалъ инструменты и вообще прислуживалъ, завязавъ платкомъ носъ, хотя запаха не было. Зрители-якуты сидѣли на пригоркѣ поодаль и внимательно смотрѣли на работу „наѣхавшаго суда“. Съ тѣхъ поръ какъ основанъ былъ поселокъ на урочищѣ „Олбутъ“, обитатели его не видѣли такого страннаго зрѣлища.

Солнце ярко свѣтило; трава зеленѣла; сосны бросали на тѣло Соймара, группу дѣйствующихъ лицъ и группу зрителей свои узорчатыя золотистыя тѣни; ягодные кусты качали синими кистями. Пахло свѣжескошеннымъ сѣномъ и смолой. Все было тихо, полно мира и красоты.

Вдругъ рѣзкій крикъ вòрона прозвучалъ надъ нашими головами. Судья вздрогнулъ и уронилъ перо; якуты посмотрѣли вверхъ; Никита выругался.

— Ишь, язви ихъ! чуютъ падаль за сто верстъ... Не хуже чѣмъ пріисковые казаки спиртоноса.

Вòронъ покружился надъ нашими головами и опустился на вершину ближайшей сосны. На его крикъ прилетѣли еще три. Они сѣли на вѣтку и спокойно посматривали на необычайную сценку на опушкѣ лѣса, издавая рѣдкое и какъ бы насмѣшливое карканье.

— Это черти, а не вòроны! — сказалъ тихо якутъ, обра-

щаясь къ Никитѣ. — Они хотятъ посмотрѣть на своего пріятеля...

„Подгородній“ якутъ указалъ глазами на покойника.

Окончивъ дѣло, мы вернулись въ домъ князьца, гдѣ еще надо было допросить послѣдняго свидѣтеля, бывшаго гдѣ-то на покосѣ. Судья написалъ священнику, прося отпѣть Соймара, поручилъ доставить неявившагося свидѣтеля на „Звѣриный“ островъ, и мы уѣхали обратно тою же дорогой: черезъ рѣку, гору и великолѣпный сосновый боръ.

На закатѣ солнца мы услышали сзади топотъ коня. Это ѣхалъ недопрошенный свидѣтель. Пріѣхавъ къ князьцу послѣ отъѣзда судьи, онъ поскакалъ за нимъ въ догонку и настигъ насъ недалеко отъ дерева шамановъ.

Онъ поговорилъ съ проводниками, и тѣ остановились.

— Господинъ!—сказалъ проводникъ судьѣ.—Этотъ человѣкъ свидѣтель и проситъ, нельзя ли его допросить сейчасъ же... Теперь горячее время, сѣнокосъ... Трудно ему будетъ ѣхать въ городъ. Спроси его. Я переведу.

Судья слѣзъ съ лошади, надѣлъ цѣпь, для пущей оффиціальности, и усѣлся на кочкѣ; подлѣ него поставили вмѣсто стола кожаную суму, снятую съ лошади. Судья раскрылъ дѣло и записывалъ то, что̀ говорилъ ему свидѣтель черезъ переводчика. По внѣшности и костюму это былъ такой же воинъ Аттилы, какъ Атасыка. Говорилъ онъ привѣтливо и смотрѣлъ на судью почтительно, но безъ робости. Онъ такъ торопился, что держалъ за поводъ свою лошадь, которая испуганно косилась на незнакомаго человѣка съ золотой цѣпью на шеѣ.

— Что онъ такъ торопится? — спросилъ судья у переводчика.

— А это отъ медвѣдей, господинъ!

— Какихъ медвѣдей?

— Тамъ около рѣки, недалеко отъ переправы на Олбутъ, есть мѣсто, гдѣ ходитъ медвѣдь. Дорога тамъ узкая. Онъ дорогу и запираетъ, такъ что приходится пережидать его или просить, чтобы онъ ушелъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ мы узнали, что когда медвѣдь „запираетъ дорогу“, то путешественники - аборигены боятся нападать на него, а пережидаютъ, пока онъ самъ не уйдетъ. Частью отъ скуки, частью по традиціи, они въ этихъ случаяхъ упражняются въ краснорѣчіи и убѣждаютъ медвѣдя уйти съ дороги и пропустить ихъ домой.

— Ну, какая тебѣ польза отъ того, что ты насъ не пу-

стишь?—говорятъ ораторы медвѣдю.—Съѣшь нашихъ лошадей? Такъ вѣдь онѣ—тощи, какъ весеннія щуки. Кости да кожа. Лучше тебѣ поискать добычи пожирнѣе и сдѣлать намъ одолженіе... Тогда люди о тебѣ будутъ говорить хорошо... Никто не станетъ тебя ругать и желать содрать съ тебя шкуру.

Качаясь на сѣдлѣ, на обратномъ пути на островъ, я думалъ объ этомъ своеобразномъ уголкѣ земли, гдѣ тѣла, подлежащія вскрытію, лежатъ по цѣлымъ годамъ во временныхъ могилахъ, гдѣ для того, чтобы произвести слѣдствіе, надо проѣзжать лѣса, горы, рѣки, рискуя сломать шею; гдѣ свидѣтели скачутъ въ догонку за судьями и допрашиваются подъ зеленымъ куполомъ сосны, гдѣ, наконецъ, медвѣди запираютъ дорогу и путешественники вступаютъ съ ними въ дипломатическіе переговоры...

IV.

Финалъ всѣхъ этихъ странствованій врача и слѣдователя черезъ лѣса и горы закончился въ камерѣ мирового судьи, гдѣ засѣдала первая выѣздная сессія окружного суда.

Это было первое гласное разбирательство дѣлъ (общей подсудности) въ захолустномъ городкѣ, и всѣмъ его обывателямъ было интересно узнать, что̀ изъ этого выйдетъ.

Открытія сессіи окружного суда всѣ ожидали съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ открытія суда мирового, о которомъ здѣсь никто, кромѣ ссыльныхъ, не имѣлъ понятія. Когда послѣ молебна о. протоіерей, а затѣмъ судья произнесли рѣчи, въ которыхъ порицали старый, дореформенный судъ за его медленность, всѣ присутствовавшіе удивились тому, что теперь открыто порицается то, передъ чѣмъ раньше надо было преклоняться. Еще не вышедшіе въ тиражъ дѣятели этого суда, земскій засѣдатель и бывшій столоначальникъ, иронически улыбались, какъ бы говоря: „Посмотримъ, будете ли вы судить скорѣе и милостивѣе“.

Пріѣздъ сессіи вызвалъ сенсацію въ захолустномъ городѣ и даже въ округѣ, въ особенности среди инородческаго населенія.

Жители ближайшихъ деревень и улусовъ съѣхались посмотрѣть на дебютъ суда скораго, милостиваго и праваго, о которомъ отецъ-протоіерей наговорилъ столько интересныхъ вещей. Онъ говорилъ рѣчь по-якутски, и якуты съ большимъ вниманіемъ слушали то, что̀ онъ говорилъ. Но слова его какъ-то не укладывались въ ихъ головахъ. Они не вѣрили, что новый судъ не будетъ дѣлать „наѣздовъ“ на улусы и тянуть дѣла до тѣхъ поръ, пока тяжущіеся помрутъ.

— Кто себѣ врагъ?—говорили они между собой.—Суды будутъ другіе, а будутъ ли люди другіе?.. Сколько ни было у насъ засѣдателей, всѣ—на одинъ ладъ. Одни уѣзжали, другіе пріѣзжали... одни были черные, другіе—рыжіе, третьи—русые, а дѣло вели одинаково...

И они скептически покачивали головами.

Первое же засѣданіе выѣздной сессіи суда значительно поубавило этотъ скептицизмъ: якуты убѣдились, что судъ судитъ скоро. Судились люди, совершившіе преступленіе мѣсяцевъ пять тому назадъ, между тѣмъ какъ при старыхъ судахъ они ждали бы суда по два, по три года. Публика чрезвычайно зорко слѣдила за процедурой суда и была поражена тѣмъ, что судъ не дѣлаетъ никакой разницы между людьми „черными" и людьми „бѣлыми". Исправника, бывшаго свидѣтелемъ по одному дѣлу, посадили на одну скамью съ другими свидѣтелями башкирами, которые раньше никогда не осмѣлились бы сѣсть въ присутствіи исправника.

— Эгэ!—говорили якуты шопотомъ.—Теперь исправникъ не тойонъ, а судъ—тойонъ!

Это былъ переломъ вѣками установившихся взглядовъ, своего рода потрясеніе основъ.

Народъ переставалъ бояться суда и начиналъ чувствовать къ нему довѣріе.

Люди, еще недавно переѣзжавшіе рѣки, лѣса и горы для того, чтобы укрыться отъ суда, теперь переѣзжали рѣки, лѣса и горы, чтобы посмотрѣть, какъ судятся другіе и, при случаѣ, посудиться и самимъ.

Медовый мѣсяцъ реформъ былъ продолжительнѣе въ этой далекой окраинѣ, чѣмъ въ центрахъ.

Атасыку привезло на судъ общество, которому онъ былъ отданъ подъ надворъ. Онъ одѣлся чище: въ сѣрый суконный кафтанъ, посеребренный поясъ, такъ что смотрѣлъ благообразнѣе, чѣмъ во время слѣдствія, но былъ такъ же мраченъ и угрюмъ. Узкіе глаза его выражали подозрительность.

Я былъ назначенъ въ эту сессію защитникомъ отъ суда и читалъ дѣла въ канцеляріи, когда Атасыку привели на судъ.

— Не хотите ли взять на себя защиту и этого субъекта?—спросилъ меня товарищъ прокурора.—Мнѣ искренно жаль его: онъ отрицаетъ очевидные факты и тѣмъ отягчаетъ свою участь. Вы, можетъ быть, уговорите его признаться, что онъ дрался съ Соймаромъ и въ дракѣ нанесъ ему ударъ...

Но уговорить Атасыку было нелегко. Все, чего я могъ

добиться отъ него черезъ переводчика, это было обѣщаніе не порочить свидѣтелей и признать, что онъ пилъ водку съ Соймаромъ, но какъ вышла ссора и драка—онъ не помнитъ.

На скамьѣ подсудимыхъ онъ чувствовалъ себя очень неловко и смотрѣлъ исподлобья, какъ звѣрь въ клѣткѣ, на судей, сидѣвшихъ за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, на разодѣтыхъ городскихъ дамъ, занимавшихъ первыя скамьи, и сѣрую массу своихъ земляковъ, толпившихся у дверей, но съ интересомъ слѣдившихъ за переводчикомъ, образованнымъ якутомъ, переводившимъ суду показанія свидѣтелей и обвиняемаго.

Когда переводчикъ ошибался и переводилъ неточно, въ толпѣ якутовъ происходило движеніе. Это была весьма строгая и внимательная аудиторія, а главное, она понимала все, что̀ говорили свидѣтели, лучше, чѣмъ люди, принимавшіе активное участіе въ судоговореніи и рѣшавшіе судьбу обвиняемаго. По-якутски понимали только секретарь—порядочно, и я, защитникъ обвиняемаго—немного. Судьи и прокуроръ не понимали ни слова изъ того, что̀ говорили свидѣтели. Выходило, что они судили не на основаніи того, что̀ говорили очевидцы преступленія, а на основаніи того, что̀ говорилъ обо всемъ этомъ переводчикъ.

Переводчикъ выбивался изъ силъ, чтобы передать возможно точнѣе рѣчи свидѣтелей. При малѣйшей ошибкѣ, сзади него раздавался шопотъ аудиторіи:

— Невѣрно переводитъ!.. Не такъ онъ сказалъ... вотъ какъ надо перевести!—исправляла вполголоса аудиторія.

Иногда переводчикъ не понималъ вопроса, судьи не понимали отвѣта, свидѣтели не понимали, чего отъ нихъ требуютъ. Вслѣдствіе такого взаимнаго непониманія, допросъ свидѣтелей тянулся неимовѣрно долго.

Изъ этихъ показаній нельзя было понять, отчего возникла между Соймаромъ и подсудимымъ драка. По словамъ свидѣтелей, они жили мирно, выпивали дружно и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начали драться.

— Кто приказалъ имъ драться,—свидѣтельствовалъ одинъ якутъ,—я не знаю. Одинъ подумалъ нехорошо, другой подумалъ еще хуже... Оттого и начали драться... А раньше думали хорошо и никогда не дрались...

— Отчего же они вдругъ подумали нехорошо?—спросилъ я.—Отъ водки?

— Кто его знаетъ! Мы тоже водку пьемъ, а думаемъ такъ же хорошо, какъ трезвые... Водка говоритъ разно: одному скажетъ ладно, другому—неладно...

Экспертъ-врачъ нашелъ, что смерть Соймара произошла отъ здоровеннаго удара по головѣ, отъ котораго хотя мгновенной смерти не послѣдовало, но черепъ треснулъ.

На мой вопросъ, могъ ли поправиться потерпѣвшій при немедленной медицинской помощи—экспертъ не далъ положительнаго отвѣта.

Было очевидно, что роковой ударъ нанесъ не кто иной, какъ Атасыка.

Наконецъ, послѣ рѣчи прокурора, поддерживавшаго обвиненіе ex officio, настала моя очередь говорить, и вотъ въ общихъ чертахъ сущность того, что̀ я сказалъ.

Я не оспаривалъ самаго факта, т.-е. того, что мой кліентъ во время начавшейся безъ всякаго намѣренія на убійство драки, нанесъ Соймару удары, отъ которыхъ тотъ впослѣдствіи умеръ, хотя если бы было оказана ему своевременно медицинская помощь, то могло случиться иначе. Я построилъ защиту на общихъ причинахъ увеличенія преступности въ краѣ, на вліяніи культуры па инородцевъ, и, между прочимъ, сказалъ:

„Въ семидесятыхъ годахъ инородческое населеніе нашего округа отъ мирнаго пастушескаго образа жизни, отъ скотоводческаго хозяйства, безъ всякой постепенности въ ходѣ экономической эволюціи, перешло на службу пріисковъ, если такъ можно выразиться. Своеобразный укладъ пріисковой жизни, гдѣ главный стимулъ дѣятельности—это легкая нажива на счетъ ближняго,—не особенно благопріятно отразился на развитіи инородцевъ. Съ другой стороны, метрополія посылала и посылаетъ въ далекую колонію, въ землю якутовъ отребье своихъ городовъ, наводняя область уголовными ссыльными. Якуты переняли многія отрицательныя стороны нашей культуры: водку, карты, эксплоатацію человѣка человѣкомъ и проч. Они наивно подражаютъ своимъ учителямъ, уголовнымъ ссыльнымъ, до прихода которыхъ въ нашъ край жители не знали, что̀ такое замки“.

Затѣмъ я указалъ на то, что фактъ запирательства подсудимаго не можетъ быть истолкованъ въ невыгодномъ для него смыслѣ, по той простой причинѣ, что это происходитъ отъ недовѣрія къ старому, дореформенному суду. Это недовѣріе и мѣшаетъ подсудимому признать фактъ и принести чистосердечное раскаяніе. Въ частности, изъ сопоставленія свидѣтельскихъ показаній, я вывелъ заключеніе, что подсудимый не враждовалъ съ Соймаромъ, и потому не можетъ имѣть мѣста предположеніе, что подсудимый дѣйствовалъ съ намѣреніемъ. Нѣкоторые свидѣтели показали, что Соймаръ первый повалилъ Атасыку на землю,

а затѣмъ между ними началась драка палками. Опьяненіе обоихъ героевъ этой драки достаточно доказано. Водка имъ сказала, по выраженію одного изъ свидѣтелей, худое слово, а они разсердились другъ на друга, а не на водку.

Сгруппировавъ всѣ эти смягчающія вину обстоятельства, я ходатайствовалъ о возможно снисходительномъ отношеніи къ продукту культурнаго воздѣйствія пріисковъ...

Подсудимый, ободренный моей рѣчью, словъ которой онъ не понималъ, понимая лишь, что она клонилась къ его защитѣ,— смягчился и въ своемъ послѣднемъ словѣ сказалъ:

— Виноватъ я. Водку пилъ—не думалъ драться, а выпилъ— забылъ обо всемъ... Какъ дрался, чего дѣлалъ—не помню... Пожалѣйте меня праведные судьи и всѣ знатные люди.

Онъ поклонился суду и сѣлъ, повѣсивъ голову.

— А все равно уйдетъ въ каторгу!—сказалъ подошедшій ко мнѣ земскій засѣдатель.—Развѣ перемѣнятъ статью.

Человѣку, привыкшему къ бумажному формализму, привыкшему судить по статьямъ книги, а не обстоятельствамъ жизни, казалось, что злосчастный Атасыка не заслуживалъ снисхожденія.

Но судъ думалъ иначе: онъ приговорилъ Атасыку къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ и къ церковному покаянію по усмотрѣнію его духовнаго начальства. Мѣра пресѣченія была измѣнена: надзоръ общества былъ замѣненъ заключеніемъ подъ стражу, впредь до представленія залога въ сто рублей.

Осужденнаго окружили казаки и повели въ мѣстный „караульный домъ". Онъ бросалъ на меня умоляющіе взгляды.

— Дешево отдѣлался!—сказалъ мнѣ засѣдатель. — Видно, статью перемѣнили... Поздравляю!

Атасыка, котораго я посѣтилъ въ караульномъ домѣ, остался приговоромъ доволенъ, но такъ какъ „въ распутицу" его нельзя было отправить въ областной городъ для отбыванія наказанія, то ему приходилось сидѣть лишнихъ два мѣсяца до открытія навигаціи. Родственники Атасыки обрадовались тому, что его не засудили въ каторгу, достали денегъ и просили меня походатайствовать, чтобы его выпустили подъ залогъ.

Я отправился къ предсѣдателю, и черезъ часъ Атасыка очутился на волѣ.

V.

Торжество открытія школы въ деревнѣ Амга удалось на славу. Я былъ приглашенъ на это торжество въ числѣ городской знати.

Крестьяне деревни Амга—русскіе по племени, но почти якуты по языку—задумали, по иниціативѣ о. протоіерея, устроить у себя церковно-приходскую школу. Для того, чтобы добыть денегъ, они обложили самихъ себя, по общественному приговору, налогомъ. Налогъ брался по пяти копѣекъ съ каждаго пуда, доставляемаго крестьянами на пріискѝ, по такъ называемому общественному подряду. Годика черезъ три послѣ введенія налога, составился изрядный капиталецъ, на который и была открыта школа, пока въ наемномъ помѣщеніи.

На этотъ мѣстный праздникъ просвѣщенія собралась изъ города и окрестныхъ деревень и улусовъ вся „интеллигенція", какъ назвалъ гостей въ своей рѣчи о. протоіерей. Здѣсь были: исправникъ, земскій засѣдатель, священникъ, дьяконъ, псаломщики и учителя съ женами, и учительницы съ мужьями, словомъ—представители административной, духовной и педагогической сферъ.

День былъ праздничный и притомъ теплый.

Крестьянъ и якутовъ было такъ много, что негдѣ имъ было помѣститься въ зданіи, и многіе стояли на дворѣ и смотрѣли въ окна школьнаго зданія.

О. протоіерей говорилъ рѣчь.

Онъ говорилъ по-русски, а вновь назначенный учитель переводилъ эту рѣчь по частямъ на якутскій языкъ. Рѣчь на двухъ языкахъ тянулась очень долго, но крестьянамъ, похожимъ на якутовъ, и якутамъ, похожимъ на крестьянъ,—она очень понравилась. Не избалованы они были рѣчами, и потому внимательно слушали рѣчь о. протоіерея.

Протоіерей указалъ имъ на то, что они невѣжественны, темны, суевѣрны, не имѣютъ правильнаго понятія о религіи, не знаютъ ничего о томъ, что̀ дѣлается въ другихъ земляхъ и странахъ и какъ живутъ другіе люди на свѣтѣ.

Съ этимъ всѣмъ слушатели охотно соглашались и говорили между собой вполголоса:

— Это правда!.. Онъ вѣрно говоритъ!..

О. протоіерей въ такомъ свѣтѣ выставилъ имъ блага, которыя сулитъ имъ школа, что слушатели пришли въ восторгъ и сказали въ одинъ голосъ:

— Спасибо, батюшка, что выхлопоталъ намъ школу! Теперь мы тоже будемъ какъ люди...

Послѣ рѣчи, волостной голова пригласилъ къ себѣ всѣхъ участниковъ торжества „хлѣба-соли откушать", и тогда вся знать, а за нею и народъ изъ селъ и улусовъ, повалили въ

домъ головы Общество разбилось на двѣ половины и расположилось въ двухъ смежныхъ помѣщеніяхъ: такъ называемая интеллигенція (по платью!), въ залѣ, образовала нѣчто вродѣ „палаты господъ“ (какъ мы назвали шутя), а простой народъ, въ „черной“ половинѣ дома, рядомъ съ кухней, образовалъ „палату общинъ“.

Въ обѣихъ половинахъ за обильной закуской и выпивкой было мало рѣчей, зато было много веселья. Краткую рѣчь о пользѣ просвѣщенія и вредѣ невѣжества сказалъ (въ „палатѣ господъ“) исправникъ, передъ тѣмъ какъ предложить выпить за здоровье иниціаторовъ и жертвователей на школу. Еще болѣе краткую рѣчь на ту же тему сказалъ улусный писарь послѣ того, какъ всѣ выпили.

Ораторъ сравнилъ два учрежденія, которыя онъ почему-то назвалъ „казенными“—кабакъ и школу—и нашелъ, что открытіемъ послѣдней кабакъ посрамленъ и уничтоженъ.

— Ей Богу такъ!—сказалъ онъ въ заключеніе.—Еще ни разу столько народу не собиралось на открытіе кабака, какъ теперь собралось на открытіе школы... Много славныхъ кабаковъ открывалось на моей памяти: напримѣръ, кабакъ Савостьянова, кабакъ Кирибенскаго и другихъ почетныхъ людей, а народу не бывало столько... Говорю вамъ фактично!..

Ораторъ хотѣлъ говорить дальше, но супруга потянула его за полы сюртука, и онъ сѣлъ.

На другой половинѣ дома народъ проводилъ время веселѣе. Здѣсь не говорили рѣчей о пользѣ просвѣщенія, а пѣли пѣсни, старинныя русскія пѣсни. Дьяконъ, псаломщикъ, я, землемѣръ, проживавшій тогда въ Амгѣ по дѣламъ службы, и нѣсколько учителей и учительницъ предпочли пѣсни рѣчамъ и утвердились на той половинѣ, гдѣ былъ народъ.

Крестьяне, похожіе на якутовъ, говорили по-русски очень плохо, но пѣли настолько хорошо, что всѣмъ стало весело и всѣхъ потянуло присоединиться къ импровизированному хору.

Вся молодежь изъ „палаты господъ“ перебралась къ народу, и веселье полилось неудержимымъ потокомъ. Нашелся какой-то гармонистъ съ гармоніей „итальянкой“ и скрипачъ съ деревенской, чуть ли не самодѣльной скрипкой, и молодежь начала плясать русскую. Обитатели селъ и улусовъ плясали свои несложные танцы съ такимъ неудержимымъ весельемъ, пѣли свои простыя пѣсни съ такимъ заразительнымъ увлеченіемъ, что трудно было противостоять искушенію присоединиться къ хору или хороводу. Молодежь (изъ чистой половины), шутя, назвала это общее увеселеніе „сліяніемъ съ народомъ“.

с

Живя на далекихъ окраинахъ, я сдѣлалъ наблюденіе, что жители медвѣжьихъ угловъ, этихъ „станковъ“, населенныхъ „государевыми“ ямщиками, рыбачьихъ заимокъ, ютящихся на краю тундры, пріисковыхъ „зимовьевъ“, — скорѣе страдаютъ избыткомъ веселья, чѣмъ недостаткомъ его. Праздновавшіе открытіе школы крестьяне слушали свои простыя пѣсни съ бо̀льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ большихъ, шумныхъ, но холодныхъ городахъ слушаютъ оперу... У нихъ были здоровые нервы, здоровые мускулы и здоровое воображеніе. Гдѣ не хватало реальныхъ красокъ, тамъ приходило на помощь воображеніе и раскрашивало неприглядную дѣйствительность въ радужные цвѣта.

— Вотъ это хорошо!—сказалъ интеллигентамъ, пришедшимъ изъ „палаты господъ“, старикъ крестьянинъ.—Вы не брезгаете народомъ... Мы это шибко любимъ и поминать васъ станемъ... Хорошо.

О. діаконъ въ нѣсколько пріемовъ сумѣлъ дисциплинировать сначала нѣсколько нестройный хоръ.

— Споемте нашу сибирскую пѣсню!—предложилъ онъ, и затянулъ:

Славное море—священный Байкалъ!
Славный корабль—омулевая бочка!
Эй, Баргузинъ, пошевеливай валъ,
Мо̀лодцу плыть недалечко...

Въ это мгновеніе подошелъ ко мнѣ молодой якутъ и сказалъ ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Господинъ! къ тебѣ одинъ человѣка дѣло есть... Онъ тамъ, въ другой изба ожидаетъ.

Не желая заставлять ожидать человѣка и имѣя въ виду освѣжиться, я вышелъ вслѣдъ за якутомъ. Въ другой избѣ предсталъ передо мной Атасыка въ своемъ повседневномъ костюмѣ, дѣлавшемъ его такъ похожимъ на воина Аттилы изъ старинныхъ гравюръ.

Онъ смущенно поклонился по-якутски, кивнувъ головой подрядъ нѣсколько разъ и сказалъ переводчику, который меня привелъ, вполголоса нѣсколько словъ. Въ рукахъ у него была свернутая медвѣжья шкура. Между мной и переводчикомъ произошелъ такой діалогъ:

— Господинъ!—началъ переводчикъ.—Онъ говоритъ (переводчикъ указалъ на Атасыку): „Ты сдѣлалъ мнѣ добро. Когда ты пріѣзжалъ на Олбутъ съ судьей, я думалъ, что ты на меня сердитъ и говоришь обо мнѣ судьѣ худо. А теперь на судѣ ты говорилъ обо мнѣ судьямъ хорошо, и судьи не стали обо мнѣ

думать, что я послѣдній человѣкъ, и судили меня хорошо, какъ судитъ отецъ... Я человѣкъ бѣдный, но я такъ же честенъ, какъ и богатые: возьми отъ меня въ подарокъ шкуру медвѣдя... Пожалуйста, возьми!

— Я не могу взять,—возразилъ я, обращаясь къ переводчику.—Я его защищалъ даромъ, а не за деньги... Меня судъ назначилъ его защищать, и потому я не имѣю права брать платы...

Переводчикъ передалъ мои слова. По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, лицо Атасыки омрачалось.

— Зачѣмъ ты меня обижаешь?—сказалъ онъ, обращаясь прямо ко мнѣ.—Развѣ я послѣдній человѣкъ? Что скажутъ обо мнѣ почетные люди нашего общества?!.. А можетъ быть, ты брезгаешь моимъ подаркомъ? Можетъ быть, этого мало?..

Дѣло принимало щекотливый оборотъ, и мнѣ теперь надо было доказывать, что этого вовсе не мало, а этого не нужно.

— Возьмите!—сказалъ мнѣ крестьянинъ, хозяинъ избы, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ.—Не отказывайтесь: этимъ вы его обижаете... Если бы онъ принесъ вамъ деньги, то, дѣйствительно, вы могли бы не взять... А это—подарокъ, самый настоящій ихній гостинецъ. Медвѣжину дарить они почитаютъ за честь.

Я согласился, и мой первый кліентъ просіялъ. На лицѣ его заиграла веселая улыбка.

— Благодары, господинъ, спасибо!

Онъ благодарилъ меня, точно я оказалъ ему большую услугу тѣмъ, что принялъ „гостинецъ“.

Я поручилъ хозяину избы уложить медвѣжину въ нашъ экипажъ и, побесѣдовавъ съ Атасыкой о его здоровьѣ и дѣлахъ,—ушелъ въ „палату „общинъ“.

Прошли года. Много кліентовъ, и „казенныхъ“, и платныхъ, записано въ мой алфавитный списокъ. Но ни одинъ изъ нихъ не оставилъ въ моей памяти такого воспоминанія, какъ этотъ кліентъ, первый въ моей жизни,—этотъ полудикарь, знавшій хорошо, что говорятъ слѣды звѣря въ сугробахъ лѣсной опушки, вой волка на днѣ каменнаго ущелья, шумъ сосноваго бора, но не знавшій ничего о томъ, что говорятъ законы Россійской Имперіи...

А. К—въ.

ЕВРЕИ-ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЫ

— Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Т. I и II. Спб. 1904.

Несмотря на то, что еврейскій вопросъ не сходитъ со столбцовъ нашей періодической печати, дѣйствительное состояніе еврейскихъ массъ—экономическое и культурное, равно какъ и отношенія, въ чертѣ еврейской осѣдлости, между евреями и христіанами, выросшее на почвѣ ихъ ежедневныхъ дѣловыхъ и сосѣдскихъ сношеній, — извѣстны русскому обществу въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ. Помимо причинъ народно-психологическаго характера, извѣстную роль въ этомъ обстоятельствѣ играло отсутствіе систематическихъ изслѣдованій объ экономическомъ и культурномъ состояніи евреевъ. Этотъ пробѣлъ въ настоящее время заполненъ, благодаря указанному выше изданію еврейскаго колонизаціоннаго общества, заключающему въ себѣ сводку матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи, собранныхъ, главнымъ образомъ, черезъ посредство мѣстныхъ жителей, а не путемъ экспедиціоннымъ, и потому уже не свободныхъ отъ многихъ крупныхъ недостатковъ. Это изданіе должно быть разсматриваемо поэтому лишь какъ предварительный очеркъ экономическаго положенія русскихъ евреевъ, за которымъ должно слѣдовать спеціальное изслѣдованіе, детально выясняющее различныя стороны предмета. Весьма желательно, чтобы въ этомъ изслѣдованіи русскіе дѣятели соединились съ еврейскими. Это было бы полезно для самаго изслѣдованія, потому что земская статистика выработала и прекрасныя программы изученія экономическаго положенія народа, и кадры опытныхъ изслѣдователей.

I.

Хотя попытки изслѣдованія экономическаго положенія русскихъ евреевъ предпринимались неоднократно, но лишь новѣйшее изданіе колонизаціоннаго общества представляется настолько законченнымъ и доступнымъ, что каждый получаетъ возможность составить нѣкоторое понятіе о предметѣ и нарисовать, хотя, правда, лишь въ общихъ чертахъ, картину занятій (кромѣ торговли) еврейскаго населенія Россіи и характерныхъ чертъ его промышленной дѣятельности. На этотъ разъ мы ограничиваемся задачею — ознакомить читателей съ сельско-хозяйственной дѣятельностью еврейскаго населенія. Хотя это занятіе и не играетъ видной роли въ дѣлѣ экономическаго обезпеченія еврейскихъ массъ, но вопросъ о томъ, чего можно ожидать отъ еврея, какъ отъ земледѣльца, имѣетъ немаловажный интересъ, потому что одно время наше правительство энергично стремилось къ пріобщенію евреевъ къ земледѣлію, и что съ упраздненіемъ ограничительныхъ законовъ пятимилліонная еврейская масса, втиснутая въ настоящее время въ узкія рамки торгово-промышленной дѣятельности, не можетъ не предпринимать попытокъ расширить сферу приложенія своего труда и выступить на поле сельскохозяйственной дѣятельности. Ознакомленіе съ земледѣльческими занятіями русскихъ евреевъ представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и особое удобство, заключающееся въ томъ, что по отношенію большей части еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ изслѣдованіи еврейскаго колонизаціоннаго общества примѣненъ былъ методъ подворнаго опроса населенія, доставляющій наиболѣе полныя и провѣренныя данныя. Статьи „Сборника“ по данному предмету принадлежатъ Б. Д. Бруцкусу и Я. Г. Этингеру.

Сельскимъ хозяйствомъ, какъ сказано выше, евреи занимаются мало. По приблизительному подсчету въ Царствѣ Польскомъ и 15 губерніяхъ черты еврейской осѣдлости,—сельскохозяйственной дѣятельности отдаютъ свои силы до 9.000 семей въ земледѣльческихъ колоніяхъ, занимающихся, главнымъ образомъ, собственно хлѣбопашествомъ; около 8.000 лицъ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ отдѣльныхъ имѣній, дѣятельность которыхъ подробно изслѣдована не была; около 22.000, занимающихся различными спеціальными культурами, на площади около 20.000 десятинъ и до 13.000 человѣкъ, нанимающихся въ сельско-хозяйственные рабочіе. Считая и членовъ

земледѣльческихъ семей, можно положить, что отъ сельско-хозяйственныхъ занятій получаютъ средства существованія около 150.000 евреевъ.

Земледѣльческія занятія евреевъ слагались не только подъ вліяніемъ свободнаго ихъ стремленія къ той или другой дѣятельности, но и подъ давленіемъ законодательства и административныхъ распоряженій, поощрявшихъ или ограничивавшихъ приложеніе еврейскаго труда къ обработкѣ земли. Ограничительное вліяніе законодательства на земледѣльческія занятія евреевъ выражалось прежде всего въ томъ, что евреи имѣли право постояннаго пребыванія лишь въ опредѣленныхъ губерніяхъ, за предѣлы коихъ они могли отлучаться лишь для временныхъ надобностей. Въ границахъ этихъ губерній, въ первую половину истекшаго вѣка, евреи имѣли право арендовать и пріобрѣтать землю, и правительство даже стремилось къ тому, чтобы евреи пріобщились къ сельско-хозяйственному промыслу. Въ этихъ видахъ имъ было предоставлено право переходить въ земледѣльческое званіе и отводились для поселенія казенныя земли—сначала въ рѣдко-населенныхъ новороссійскихъ губерніяхъ, а затѣмъ—въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ. Правительство не только поощряло поселеніе евреевъ на казенныхъ земляхъ освобожденіемъ ихъ на 25 лѣтъ отъ подушной подати, на 10 лѣтъ отъ земскихъ повинностей и на время отъ 25 до 50 лѣтъ отъ рекрутской повинности, но и вынуждало евреевъ къ поселенію въ рѣдко-населенныхъ южныхъ степныхъ губерніяхъ мѣрами прямого насилія. Это послѣднее обстоятельство, въ совокупности съ такой приманкой для мирнаго еврейскаго племени, какъ льгота по воинской повинности, привели къ тому, что вновь устраиваемыя колоніи были заполнены жителями, совершенно неподготовленными къ сельско-хозяйственному промыслу и нечувствующими къ нему никакого влеченія. Евреи занялись поэтому въ колоніи, главнымъ образомъ, тѣми же промыслами, къ какимъ они привыкли на мѣстѣ первоначальнаго ихъ мѣстожительства, и мѣра пріученія ихъ къ хозяйству при посредствѣ поселенныхъ среди нихъ для образца хозяевъ-нѣмцевъ въ первое время давала очень мало положительныхъ результатовъ. Приспособленіе еврейскихъ колонистовъ къ совершенно новому для нихъ занятію происходило лишь медленно и постепенно. Въ западныхъ губерніяхъ, къ тому же, евреямъ отводились не совсѣмъ удобныя лѣсистыя угодья, требующія тяжелаго труда для приведенія ихъ въ культурное состояніе, и это еще болѣе отда-

ляло поселенцевъ отъ того, чтобы серьезно заняться обработкой земли.

Въ 1859 году прекращенъ былъ отводъ евреямъ казенныхъ земель, а въ 60-хъ годахъ было воспрещено перечисленіе евреевъ въ земледѣльческое званіе и дозволенъ обратный переходъ евреевъ-земледѣльцевъ въ мѣщане. Люстраціоннымъ коммиссіямъ, производившимъ въ 1872 г. окончательную нарѣзку надѣловъ государственнымъ крестьянамъ,—въ виду извѣстій о слабомъ развитіи сельскаго хозяйства въ колоніяхъ западныхъ губерній,—было предписано оставлять евреямъ лишь ту землю, которую они сами обрабатываютъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ еврейскія колоніи лишились, вслѣдствіе этого распоряженія, лишь участковъ отсутствующихъ семей, и потеряли, такимъ образомъ, 11% состоявшей при колоніяхъ земли. Но въ юго-западномъ краѣ, какъ общее правило, отъ евреевъ отбиралась вся пахотная и сѣнокосная земля. При этомъ основывались на показаніяхъ крестьянъ о занятіи евреевъ сельскимъ хозяйствомъ; а такъ какъ крестьяне полагали, что отрѣзанныя у евреевъ угодья будутъ переданы имъ, то ихъ показанія далеко не отличались должнымъ безпристрастіемъ. Значительная часть отобранной у евреевъ земли перешла даже въ собственность люстраторовъ. Всего изъ 47.000 десятинъ у колонистовъ было отрѣзано 29.000, или 62%. Оставленная у евреевъ (въ подворное владѣніе) земля обложена была выкупными платежами. Отрѣзка у юго-западныхъ колоній большей части земли привела къ тому, что нѣкоторыя колоніи совершенно опустѣли, а изъ другихъ ушла большая часть жителей. Введеніе въ 1874 г. всеобщей воинской повинности уничтожило послѣдній стимулъ, искусственно удерживавшій евреевъ при землѣ; изданіемъ же въ 1864 г. закона, запрещавшаго евреямъ (и полякамъ) пріобрѣтать землю въ девяти западныхъ губерніяхъ и „Временныхъ Правилъ" 1882 г., запретившихъ аренду и покупку евреями земель во всемъ районѣ черты осѣдлости и не дозволявшихъ евреямъ даже селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ—создавались условія, прямо отвращавшія евреевъ отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ.

Ограничительные законы привели къ тому, что количество земли, состоявшей въ пользованіи евреевъ, значительно сократилось, но они не уничтожили совершенно того явленія, съ которымъ призваны были бороться. Судя по неполнымъ оффиціальнымъ даннымъ, можно полагать, что площадь земли, принадлежащей евреямъ (не считая колонистовъ) въ чертѣ еврейской осѣдлости, сократилась на 40%. На аренду „Временныя

Правила" 1882 г. повліяли, конечно, еще болѣе; тѣмъ не менѣе, и въ настоящее время въ пятнадцати губерніяхъ черты осѣдлости,—преимущественно въ бессарабской, черниговской, гродненской, могилевской, херсонской и минской,—евреи арендуютъ до 600.000 десятинъ земли. Противозаконная аренда евреями земли можетъ широко распространяться, конечно, подъ условіемъ крупной выгоды отъ того для собственниковъ арендуемыхъ угодій и при возможности для собственника оберечь арендатора отъ полицейскихъ преслѣдованій. Поэтому евреи арендуютъ по преимуществу имѣнія крупныхъ собственниковъ и нерѣдко даже лицъ, занимающихъ высокіе административные посты. Собственники, конечно, не безкорыстно позволяютъ себѣ нарушать законъ: они вознаграждаютъ себя за это выгодными условіями аренды. Интересно, что въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ права аренды, какъ и пріобрѣтеніе евреями земли, ограничены лишь запрещеніемъ совершенія сдѣлокъ на крестьянскія угодья, въ арендѣ у евреевъ находится менѣе 40.000 десятинъ. Въ собственности евреевъ здѣсь состоитъ около 300.000 дес., что составляетъ 5—6% всей частновладѣльческой земли этого района. Въ пятнадцати губерніяхъ черты осѣдлости евреи владѣютъ 450.000—500.000 десятинъ земли, или не болѣе 1,5% общей площади частнаго землевладѣнія. Около ³/₄ еврейскихъ владѣній находятся въ новороссійскихъ губерніяхъ. Хотя большая, вѣроятно, половина имѣній, принадлежащихъ евреямъ и ими арендуемыхъ, имѣетъ мелкіе размѣры, но въ общемъ еврейское землепользованіе принадлежитъ къ разряду крупныхъ. Это видно изъ того, что 95% площади земли, состоящей во владѣніи и арендѣ у евреевъ, принадлежитъ имѣніямъ выше 100 дес., и средній размѣръ такого крупнаго имѣнія равняется 700 десятинамъ.

Точныхъ свѣдѣній о способахъ эксплоатаціи земель, находящихся въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, не имѣется. Можно только съ извѣстной степенью вѣроятности утверждать, что около ²/₅ состоящей въ пользованіи евреевъ земли принадлежитъ лѣснымъ дачамъ, и что болѣе ¹/₅ собственныхъ и арендованныхъ евреями имѣній находится въ личномъ управленіи собственниковъ и арендаторовъ.

Эти свѣдѣнія относятся къ чертѣ еврейской осѣдлости. Въ остальной Россіи евреямъ принадлежитъ около 750.000—800.000 десятинъ, и 75% этой площади относятся на долю лѣсовъ. Такимъ образомъ, евреи пріобрѣтаютъ земельныя угодья во внутреннихъ губерніяхъ, какъ и въ чертѣ осѣдлости, главнымъ образомъ ради эксплоатаціи лѣсовъ, и потому-то ихъ земельная

собственность сосредоточивается въ нечерноземной полосѣ Россіи; $^{2}/_{3}$ этой собственности находятся въ смоленской (306.000 дес.) и псковской (190.000 дес.) губерніяхъ.

II.

Другую группу земельныхъ собственниковъ составляютъ еврейскіе колонисты. Слѣдуетъ отличать четыре различныхъ группы еврейскихъ колоній (кромѣ Царства Польскаго): въ новороссійскихъ губерніяхъ, въ сѣверо-западномъ краѣ, юго-западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ. Въ новороссійскомъ краѣ находится 21 колонія въ херсонской губерніи, 17 колоній въ екатеринославской губерніи и 6 колоній въ бессарабской. Начнемъ свой обзоръ съ херсонскихъ колоній, лучше всего изслѣдованныхъ.

Въ 21 херсонскихъ колоніяхъ числится 3.252 приписныхъ семьи; на мѣстѣ же, въ моментъ изслѣдованія, находилось 3.187 семей общей численностью въ 18.802 души. При колоніяхъ состоитъ 42,3 тыс. десятинъ надѣльной земли и 15,3 тыс. десятинъ запасной. Надѣльная земля была распредѣлена между домохозяевами, въ моментъ образованія колоній, по 30 десятинъ на дворъ; она отдана въ наслѣдственное владѣніе и распредѣлена между ними въ настоящее время крайне неравномѣрно: $^{1}/_{5}$ часть наличныхъ дворовъ колоній вовсе не имѣетъ земли; $^{1}/_{4}$ часть владѣетъ участками отъ 5 до 10 десятинъ; $^{1}/_{4}$ часть—участками отъ 10 до 20 десятинъ, $^{1}/_{7}$ часть—участками менѣе 5 десятинъ и $^{1}/_{6}$ часть—участками болѣе 20 десятинъ. Послѣдняя группа сохранила неподѣленными первоначальные тридцати-десятинные участки, и въ ея рукахъ сосредоточено 44% всей земли. Неравномѣрность землевладѣнія, рисуемая приведенными цифрами относительно распредѣленія земли между домохозяевами, покажется, впрочемъ, не столь значительной, если принять въ разсчетъ рабочій составъ семей. Почти всѣ безземельныя семьи имѣютъ по одному работнику-мужчинѣ, а въ двухъ многоземельныхъ группахъ $^{1}/_{3}$ часть семей имѣетъ по два такихъ работника. Въ самой многоземельной группѣ насчитывается, впрочемъ, много (13%) семей, не имѣющихъ вовсе мужчинъ рабочаго возраста. Что касается безземельныхъ, то нѣкоторая ихъ часть находится, вѣроятно, временно въ такомъ положеніи. Это—тѣ молодые колонисты, которые послѣ женитьбы отдѣлились отъ родителей. Современемъ они, вѣроятно, получатъ часть отцовской земли.

Состояніе сельскаго хозяйства въ общемъ итогѣ по колоніямъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

На 3.187 наличныхъ семей имѣется 42,3 тыс. десятинъ надѣльной и 17,7 тыс. десятинъ арендованной, всего 60.000 десятинъ земли или, въ среднемъ, 19 десятинъ на домохозяина. Засѣвается изъ этой площади 11 десятинъ, остальная земля находится подъ усадьбами, выгономъ и временнымъ сѣнокосомъ, подъ который запускается часть пашни. Въ системѣ хозяйства евреи подражаютъ хищническимъ пріемамъ русскихъ крестьянъ. Вспахиваютъ землю они не плугомъ, а преимущественно буккеромъ, который не взрыхляетъ, а лишь царапаетъ землю. Пашня засѣвается почти безпрерывно; для возстановленія производительныхъ силъ почвы не примѣняется ни смѣна между пашней и выгономъ, ни паровая обработка полей, ни ихъ удобреніе; 99% площади посѣвовъ заняты односторонне истощающими почву зерновыми хлѣбами. Жатва производится машинами, а молотьба — катками. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, появились признаки поворота къ болѣе раціональнымъ системамъ, выразившіеся пока въ томъ, что многіе домохозяева стали вспахивать землю плугомъ и притомъ осенью,—что имѣетъ важное значеніе для сохраненія въ почвѣ влаги при засушливомъ климатѣ Новороссіи. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ эти пріемы обработки примѣняются къ бо́льшей половинѣ пахотной земли. Средній сборъ хлѣба въ колоніяхъ равняется 34 пудамъ съ десятины; онъ на 3,5 пуда выше урожая крестьянскихъ полей и на 7 пудовъ менѣе, чѣмъ собираютъ со своей земли нѣмцы-колонисты того же района. Стоимость собраннаго зерна, за вычетомъ посѣвныхъ сѣмянъ и расхода зерна на кормъ лошадей, опредѣляется въ 600.000 руб., а за вычетомъ 100.000 руб. въ уплату за арендованную землю она составитъ 500.000 руб., или 155 руб. на наличную семью. Колонисты получаютъ еще доходъ отъ продуктивнаго скота, имѣющагося у нихъ въ количествѣ 1,6 коровы и 2,3 штукъ прочаго скота на семью. Доходъ этотъ не превышаетъ 60 руб. и общій доходъ отъ сельскаго хозяйства поднимается, такимъ образомъ, до 215 руб. на семью. Изъ этого дохода должны быть уплачены казенные, земскіе, сельскіе и страховые платежи, въ суммѣ 19 руб., и на содержаніе семьи останется около 200 руб., или 33 руб. на душу. Въ такомъ почти размѣрѣ Ѳ. А. Щербиной опредѣлены, какъ извѣстно, потребительныя нужды семьи воронежскаго крестьянина. При вполнѣ равномѣрномъ распредѣленіи между домохозяевами собственной и арендованной земли, херсонскіе еврейскіе колонисты получили бы поэтому отъ

сельскаго хозяйства средства для поддержанія своего существованія на уровнѣ средняго крестьянскаго двора черноземной Россіи. Но посѣвы отдѣльныхъ дворовъ крайне неравномѣрны. Тогда какъ 14% домохозяевъ засѣваютъ, въ среднемъ, по 44 десятины, а 16% по 15 десятинъ, т.-е. выше средней нормы (11 десятинъ на домохозяина),—20% имѣютъ въ посѣвѣ 8 десятинъ, 23%—3½ десятины, а 28% еврейскихъ колонистовъ вовсе не производятъ посѣвовъ. Нѣкоторые малосѣющіе домохозяева—при небольшой семьѣ—могутъ удовольствоваться доходомъ отъ сельскаго хозяйства; но бо́льшая часть ихъ должна прибѣгать къ промысловымъ заработкамъ.

Этими послѣдними—исключительно или наряду съ сельскимъ хозяйствомъ—занято въ херсонскихъ колоніяхъ 51% наличныхъ домохозяевъ, а 49% послѣднихъ довольствуются доходами отъ своего хозяйства или добываютъ средства существованія, нанимаясь въ сельскіе работники къ сосѣдямъ. Исключительно промысламъ отдаютъ свои силы 430 еврейскихъ семей, или 13,5% всего ихъ числа; комбинируютъ промысловыя занятія съ земледѣльческими 1.194 семьи, или 37,5% домохозяевъ. Интересно, что во всѣхъ земельныхъ группахъ колонистовъ распредѣленіе домохозяевъ между тѣми, кто занимается исключительно сельскимъ хозяйствомъ, исключительно промыслами или комбинируетъ оба занятія,—почти одинаково; около половины хозяевъ каждой группы знаютъ только земледѣліе, ⅙—⅑—только промыслы и отъ ⅓ до ⅖—соединяютъ оба занятія. Не составляютъ исключенія изъ этого правила даже дворы безземельные, половина которыхъ занимается только сельскимъ хозяйствомъ, а третья часть—хозяйствомъ и промыслами. Возможность для безземельныхъ колонистовъ спеціализироваться на сельскомъ хозяйствѣ объясняется тѣмъ, что имъ сдаются въ аренду на льготныхъ условіяхъ находящіеся при колоніяхъ запасные участки. Они пользуются этой льготой, и половина безземельныхъ арендуетъ, въ среднемъ, по 19 десятинъ на семью. Это соотвѣтствуетъ площади средняго хозяйственнаго участка еврейскаго колониста, на которомъ производится, какъ мы видѣли, посѣвъ, въ 11 десятинъ. Такъ какъ безземельныя семьи, судя по неполнымъ, впрочемъ, даннымъ нашихъ матеріаловъ, довольно мелки, то доходъ отъ посѣва 11-ти десятинъ можетъ оказаться достаточнымъ для содержанія семьи земледѣльца, и она не станетъ искать дополнительныхъ заработковъ. Кромѣ половины безземельныхъ домохозяевъ, ограничивающихся сельско-хозяйственной дѣятельностью, 34% безземельныхъ дворовъ прилагаютъ

свои силы къ землѣ наряду съ другими занятіями,—причемъ земледѣліемъ имъ приходится заниматься по преимуществу, конечно, въ качествѣ наемныхъ работниковъ. Исключительно же промысламъ отдаютъ свои силы лишь 15% безземельныхъ домохозяевъ еврейскихъ колоній.

Широкое участіе безземельнаго населенія еврейскихъ колоній въ сельско-хозяйственной дѣятельности служитъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ довольно распространеннаго у насъ мнѣнія, что евреи органически отвращаются отъ занятія земледѣліемъ. Если судить по этому одному признаку, то можно, пожалуй, утверждать, что евреи сильнѣе тянутся къ землѣ, нежели нѣмцы-земледѣльцы. По крайней мѣрѣ, изъ числа нѣмецкихъ колонистовъ бердянскаго уѣзда таврической губерніи, владѣющихъ землею подворно, какъ и херсонскіе евреи,—посѣвъ хлѣбовъ (на арендованной землѣ) наблюдается лишь у 37% безземельныхъ. Большой процентъ безземельныхъ посѣвщиковъ-евреевъ объясняется, впрочемъ, обычаемъ отдачи имъ въ аренду на льготныхъ условіяхъ запасныхъ общественныхъ участковъ.

Вышеприведенныя числа относятся къ цѣлымъ еврейскимъ семьямъ. Если же взять членовъ этихъ семей, то окажется, что изъ 9.092 лицъ обоего пола (обнимающихъ все рабочее населеніе колоній), назвавшихъ при переписи свою профессію, 73% занимались исключительно земледѣліемъ въ качествѣ хозяевъ, членовъ ихъ семей или наемныхъ работниковъ, 18,5% комбинировали земледѣліе съ промысломъ и 8,5% отдавали всѣ свои силы неземледѣльческимъ занятіямъ разнаго рода. Причастными къ сельско-хозяйственной дѣятельности оказались, такимъ образомъ, 81,5% жителей колоній. Этимъ также достаточно выражаются земледѣльческія склонности населенія колоній, отношенія котораго къ землѣ стѣснены разными ограничительными законами, вродѣ запрещенія аренды христіанскихъ земель, жительства въ христіанскихъ деревняхъ и т. п. Но имѣющіяся въ нашихъ матеріалахъ данныя, вмѣстѣ съ свѣдѣніями другихъ источниковъ о хозяйствѣ христіанъ, даютъ возможность провести довольно детально параллель между евреями и христіанами-земледѣльцами южнаго—степного—района и установить сравнительную хозяйственную состоятельность тѣхъ и другихъ. Матеріаломъ для насъ будутъ служить данныя таврической земской статистики (относящіяся, впрочемъ, къ срединѣ 80-хъ годовъ) относительно трехъ материковыхъ (мелитопольскаго, днѣпровскаго и бердянскаго) уѣздовъ вообще и удобно сгруппированныя для нашей цѣли свѣдѣнія, касающіяся $25^1/_8$ тысячъ русскихъ кре-

стьянъ-домохозяевъ днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ, и 7 1/4 тыс. семей нѣмцевъ-колонистовъ подворниковъ послѣдняго уѣзда [1]). При пользованіи этими матеріалами слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что земельныя и посѣвныя группы, принятыя въ таврической земской статистикѣ, не совсѣмъ совпадаютъ съ группами матеріаловъ о херсонскихъ еврейскихъ, и мы можемъ только приблизительно точно перевести однѣ группы въ другія.

III.

По размѣрамъ посѣвовъ еврейскіе-херсонскіе колонисты распадаются на нѣсколько въ количественномъ отношеніи различныхъ группъ. Съ посѣвомъ до 5 дес. въ колоніяхъ насчитываются 22% домохозяевъ, отъ 5 до 10 дес.—20%, отъ 10 до 20 дес.—16%, и болѣе 20 дес.—14%; 28% колонистовъ не имѣютъ самостоятельнаго посѣва. Изъ этихъ разсчетовъ слѣдуетъ заключеніе, что чѣмъ крупнѣе площадь посѣва, тѣмъ меньше число единицъ, входящихъ въ составъ группъ; мелкіе и средніе посѣвы здѣсь преобладаютъ надъ крупными. Въ русскихъ селеніяхъ материковыхъ уѣздовъ таврической губ. наблюдаются иныя отношенія. Посѣвы до 5 дес. имѣются у 1/8 части домохозяевъ, отъ 5 до 10 дес.—почти у 1/4 части, отъ 10 до 25 дес.—у 2/5 домохозяевъ, и посѣвы выше 25 дес.—у 1/6 части ихъ. Послѣдняя группа посѣвщиковъ представляетъ рѣзкое отклоненіе отъ прямой пропорціональности между площадью посѣвовъ и числомъ хозяевъ, ее примѣняющихъ. Это отклоненіе значительно уменьшится, если высшую группу посѣвщиковъ образовать, какъ это сдѣлано для еврейскихъ колоній, изъ хозяевъ, засѣвающихъ не 25, а 20 дес. и болѣе. Предполагая, что предпослѣдняя группа (10—25 дес.) потеряетъ вслѣдствіе этого въ пользу высшей 1/4 часть своего состава, или 10% общаго числа домохозяевъ, мы будемъ имѣть въ этихъ двухъ группахъ 30% и 27% (въ высшей группѣ) общаго числа русскихъ земледѣльцевъ. Въ нѣмецко-болгарскихъ колоніяхъ даннаго района, владѣющихъ, какъ и херсонскіе евреи, землею наслѣдственно, не замѣчается и этого отклоненія. Тамъ существуетъ полный параллелизмъ между ростомъ посѣвной площади группъ и числомъ хозяевъ, входящихъ въ составъ послѣднихъ. Въ трехъ низшихъ группахъ (однородныхъ съ группами русскихъ посѣвщиковъ)

[1]) Сб. стат. свѣд. по таврической губ. Т. II, V, IX.

число сѣющихъ составляетъ послѣдовательно 6%—7%—28%, а вмѣстѣ съ лицами непроизводящими посѣва (9%), это составитъ половину населенія колоній; другая его половина состоитъ изъ домохозяевъ, высѣвающихъ 25 дес. и болѣе. Кромѣ послѣдовательнаго возрастанія состава посѣвныхъ группъ, нѣмецко-болгарскія поселенія отличаются, какъ мы видимъ, отъ русскихъ и еврейскихъ также незначительнымъ процентомъ, падающимъ на низшія посѣвныя группы.

Преобладаніе крупныхъ посѣвовъ среди колонистовъ таврической губ. находитъ себѣ простое объясненіе въ условіяхъ ихъ землевладѣнія. Нѣмцы, составляющіе бóльшую часть этой категоріи земледѣльцевъ, не допускаютъ свободнаго раздѣла отцовскаго участка между наслѣдниками и заботятся о томъ, чтобы первоначальные семейные участки, площадью въ 60 дес., дробились возможно менѣе. Благодаря такому обыкновенію, въ нѣмецкихъ колоніяхъ бердянскаго уѣзда, съ населеніемъ въ 7¼ тысячъ домохозяевъ, число семей, владѣющихъ до 10 дес. пашни, составляетъ лишь 10%, общаго числа хозяевъ, владѣющіе 10—15 дес. образуютъ 17%, имѣющіе 15—30 дес. составляютъ 26% дворовъ, а домохозяева съ болѣе крупными участками составляютъ 37% населенія. Процентъ владѣльцевъ увеличивается здѣсь вмѣстѣ съ ростомъ площади владѣнія, между тѣмъ какъ въ еврейскихъ колоніяхъ среднія группы землевладѣльцевъ преобладаютъ надъ крайними. Послѣдняго рода отношенія наблюдаются и среди русскихъ крестьянъ материковыхъ уѣздовъ таврической губ. Такъ, 25⅓ тыс. домохозяевъ бердянскаго и днѣпровскаго уѣздовъ, для которыхъ имѣется надлежащая группировка данныхъ подворныхъ переписей, распредѣляются между четырьмя земельными группами такимъ образомъ, что на долю двухъ крайнихъ группъ приходится приблизительно по ⅙ части общаго числа поселянъ, а на долю двухъ среднихъ группъ (5—10 и 10—20 дес. пашни)—по ⅓ части. Въ еврейскихъ колоніяхъ крайнимъ группамъ принадлежитъ та же доля цѣлаго; но, благодаря большему числу безземельныхъ, на долю среднихъ группъ приходится не по ⅓, а по ¼ общаго числа дворовъ.

Несмотря на сходство русскихъ земледѣльцевъ и евреевъ въ отношеніи распредѣленія между ними земли, относительное число домохозяевъ, составляющихъ различныя посѣвныя группы, далеко у нихъ не одинаково. Распредѣленіе еврейскихъ колонистовъ по посѣвнымъ группамъ слѣдуетъ, какъ мы видѣли, такому порядку, что по мѣрѣ увеличенія посѣва уменьшается

(медленно) число хозяевъ, его практикующихъ. Среди русскихъ земледѣльцевъ наблюдается обратное явленіе; и во всякомъ случаѣ здѣсь существуетъ тенденція къ болѣе крупнымъ посѣвамъ, чѣмъ среди евреевъ.

Въ среднемъ, на одного домохозяина въ еврейскихъ колоніяхъ приходится 13 дес. надѣльной и 6 дес. арендованной, всего 19 дес.; изъ нихъ подъ посѣвъ отводится 11 дес., или около 60%. Средній русскій крестьянинъ материковыхъ уѣздовъ таврической губ. пользуется 19 дес. надѣльной и 3 дес. арендованной, всего 22 дес., изъ коихъ засѣвается 16 дес., или $^2/_3$. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ этого района засѣвается меньшая доля владѣній, чѣмъ въ русскихъ и даже въ еврейскихъ селеніяхъ. Мѣра эксплоатаціи земли, если ее выразить площадью, отводимою подъ посѣвъ, въ еврейскихъ и христіанскихъ обществахъ, какъ видитъ читатель, приблизительно одинакова. Въ направленіи хозяйственной дѣятельности христіанъ и евреевъ не усматривается, поэтому, существенныхъ различій, и если, тѣмъ не менѣе, мы наблюдаемъ рѣзкую разницу въ составѣ группъ, производящихъ мелкіе и крупные посѣвы, если мелкихъ посѣвщиковъ среди евреевъ больше, а крупныхъ — меньше, нежели среди русскихъ, если болѣе состоятельные евреи засѣваютъ относительно менѣе, а менѣе состоятельные—болѣе того, что наблюдается въ русскихъ селеніяхъ, то причину неодинаковой напряженности тамъ и здѣсь въ разныхъ земельныхъ группахъ хозяйственной энергіи можно искать во внѣшнихъ и во внутреннихъ условіяхъ хозяйственной дѣятельности населенія, облегчающихъ или затрудняющихъ доступъ къ землѣ малосостоятельнымъ лицамъ.

Въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ преобладаетъ общинное владѣніе землей, доступъ къ надѣльной землѣ открытъ почти для всего населенія, и это обстоятельство привело къ тому, что хотя малоземельныя семьи здѣсь почти вовсе устранены отъ аренды владѣльческихъ угодій, но дворовъ, не производящихъ посѣва, насчитывается здѣсь всего 8%, между тѣмъ какъ среди евреевъ неимѣющіе посѣва составляютъ 28% всего числа колонистовъ. Въ еврейскихъ колоніяхъ, зато, есть другое условіе, облегчающее хозяйственную дѣятельность малосостоятельныхъ семей: наличность запасныхъ участковъ, сдающихся малоземельнымъ (по крайней мѣрѣ, безземельнымъ) на льготныхъ условіяхъ. Участки эти составляютъ большую часть арендкаго фонда и ими обезпечивается возможность пополненія недостатка надѣльной земли именно для тѣхъ группъ населенія, которымъ всего труднѣе

конкуррировать—въ борьбѣ за арендуемыя угодья—съ болѣе состоятельными домохозяевами.

Но кромѣ этого соціальнаго условія, есть и индивидуально-хозяйственныя тенденціи, дѣйствующія въ томъ же направленіи; онѣ заключаются въ слабомъ, сравнительно, стремленіи болѣе крупныхъ еврейскихъ колонистовъ къ обработкѣ земли за свой страхъ. Эта тенденція проявляется, во-первыхъ, въ широкомъ развитіи сдачи многоземельными домохозяевами въ аренду своихъ угодій. Сравнивая въ этомъ отношеніи еврейскихъ колонистовъ и нѣмецкихъ, увидимъ, что въ еврейскихъ селеніяхъ сдача земли увеличивается вмѣстѣ съ ростомъ землевладѣній и число сдатчиковъ, начиная съ 17%, числа домохозяевъ въ низшей земельной группѣ, доходитъ до 49% въ группѣ высшей; въ нѣмецкихъ колоніяхъ бердянскаго уѣзда всѣ земельныя группы (кромѣ первой) даютъ почти одинаковый (около 20) процентъ сдатчиковъ. Русскіе крестьяне бердянскаго и днѣпровскаго уѣздовъ не представляютъ такого рѣзкаго отличія отъ евреевъ. Процентъ сдатчиковъ у нихъ, какъ и у евреевъ, повышается отъ мелкихъ земельныхъ группъ къ крупнымъ, и въ каждой группѣ тамъ и здѣсь почти одинаковъ; исключеніе составляетъ высшая группа, дающая въ еврейскихъ селеніяхъ около половины сдатчиковъ, а въ русскихъ—около $^{2}/_{5}$. Во всякомъ случаѣ, оказывается, что тогда какъ у нѣмецкихъ колонистовъ бердянскаго уѣзда самая многоземельная группа домохозяевъ насчитываетъ 20% сдатчиковъ, а среди русскихъ крестьянъ днѣпровскаго и мелитопольскаго уѣздовъ 40%,—изъ многоземельныхъ домохозяевъ еврейскихъ колоній къ сдачѣ въ аренду своихъ угодій прибѣгаетъ цѣлая половина, и половина этой половины отчуждаетъ всю свою пахотную землю. О бо̀льшемъ развитіи сдачи земли у еврейскихъ состоятельныхъ домохозяевъ сравнительно съ русскими и нѣмецкими свидѣтельствуетъ еще болѣе тотъ фактъ, что тогда какъ земля, сданная многоземельными еврейскими домохозяевами, составляетъ $^{1}/_{4}$ часть площади владѣній этой группы, у русскихъ она не превышаетъ $^{1}/_{8}$ части. а у нѣмцевъ—$^{1}/_{16}$.

Меньшая склонность къ земледѣльческимъ занятіямъ многоземельныхъ еврейскихъ колонистовъ сравнительно съ средне- и малоземельными, проявляется еще въ томъ фактѣ, что процентъ домохозяевъ, не производящихъ посѣвъ, во всѣхъ земельныхъ группахъ одинаковъ, несмотря на то, что обладаніе тридцатидесятиннымъ участкомъ, напр., составляетъ болѣе благопріятное условіе для этого промысла, нежели распоряженіе пятидесятиннымъ надѣломъ, и что естественнѣе было бы наблюдать обратную

пропорціональность между процентомъ домохозяевъ, не имѣющихъ посѣва, и площадью принадлежащихъ имъ угодій. Такая обратная пропорціональность наблюдается въ обществахъ русскихъ и нѣмецкихъ земледѣльцевъ. Полный отказъ отъ посѣва здѣсь, кромѣ того, распространенъ мало, и это указываетъ уже на большую склонность къ сельскому хозяйству русскихъ и нѣмцевъ, сравнительно съ евреями вообще. Тогда какъ во всѣхъ земельныхъ группахъ еврейскихъ земледѣльцевъ приблизительно $^1/_4$ часть не производитъ посѣва хлѣбовъ, число не сѣющихъ домохозяевъ у крестьянъ днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ колеблется по земельнымъ группамъ между 1,5 (у высшей) и 17 (у низшей земельной группы) процентами.

Распредѣленіе между домохозяевами живого и мертваго инвентаря свидѣтельствуетъ о тѣхъ же явленіяхъ слабой хозяйственной организаціи евреевъ-земледѣльцевъ сравнительно съ христіанами и меньшей склонности къ сельскому хозяйству многоземельныхъ евреевъ-колонистовъ сравнительно съ малоземельными.

Число головъ рабочаго скота, приходящихся на одного домохозяина, колеблется по земельнымъ группамъ еврейскихъ колонистовъ очень мало: у самыхъ малоземельныхъ его находится 2 головы, а у наиболѣе многоземельныхъ—2,7 штуки на семью. У русскихъ крестьянъ днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ эти колебанія больше (отъ 2 до 4,5 головъ на хозяина), и въ двухъ многоземельныхъ группахъ обезпеченность рабочимъ скотомъ выше того, что̀ наблюдается въ еврейскихъ колоніяхъ: въ группѣ 10—15 дес. пашни на дворъ на одного домохозяина приходится 3,1 шт. рабочаго скота, а въ слѣдующей—4,5 штуки; тогда какъ въ еврейскихъ колоніяхъ соотвѣтствующіе показатели обезпеченности живымъ инвентаремъ суть: 2,3 и 2,7. Относительно нѣмецкихъ колоній придется повторить то же самое. Пахотныхъ орудій въ еврейскихъ колоніяхъ приходится, въ среднемъ, по 0,77 на одного сѣющаго хлѣбъ домохозяина; въ христіанскихъ колоніяхъ каждый сѣющій хозяинъ имѣетъ, въ среднемъ, по одному такому орудію. Въ еврейскихъ колоніяхъ пахотныя орудія находятся лишь у 37% всѣхъ домохозяевъ, причемъ у трехъ высшихъ группъ процентъ хозяевъ съ пахотными орудіями колеблется въ предѣлахъ 41—49%.

Въ христіанскихъ селеніяхъ бердянскаго и мелитопольскаго уѣздовъ пахотными орудіями владѣютъ 62% домохозяевъ; данныхъ о распредѣленіи этихъ орудій между хозяевами различныхъ земельныхъ группъ не имѣется.

Соотвѣтственно указанному различію евреевъ и христіанъ въ

отношеніи содержанія живого и мертваго инвентаря, эти группы земледѣльцевъ различаются и по числу домохозяевъ, обрабатывающихъ землю наемнымъ трудомъ. У евреевъ насчитывается въ $2^1/_2$ раза больше (27% всего числа сѣющихъ домохозяевъ) посѣвщиковъ, прибѣгающихъ къ этому труду, нежели у христіанскихъ земледѣльцевъ бердянскаго и мелитопольскаго уѣздовъ (11%). Число евреевъ, сѣющихъ наемнымъ трудомъ, по мѣрѣ роста землевладѣнія понижается съ 38 до 22%. Это служитъ доказательствомъ, что въ основѣ даннаго явленія лежитъ, главнымъ образомъ, недостатокъ собственнаго инвентаря.

Всѣ разсмотрѣнныя выше данныя приводятъ къ заключенію, что—какъ мелкіе земледѣльцы—евреи херсонской губерніи представляются болѣе слабыми въ хозяйственномъ отношеніи сравнительно съ христіанами. Въ средѣ самихъ еврейскихъ колонистовъ наблюдается больше равномѣрности въ распредѣленіи между домохозяевами положительныхъ и отрицательныхъ признаковъ хозяйственнаго порядка. Явленіе это обусловливается съ одной стороны наличностью аренднаго земельнаго фонда, назначеннаго преимущественно для малоземельныхъ поселянъ, съ другой — слабо выраженнымъ, сравнительно, стремленіемъ болѣе крупныхъ колонистовъ-землевладѣльцевъ къ обработкѣ за личный счетъ собственныхъ и арендованныхъ угодій. О причинахъ этого различія мы поговоримъ ниже; въ настоящій же моментъ остановимся ненадолго на другихъ районахъ еврейскихъ земледѣльческихъ поселеній. Здѣсь мы замѣтимъ, въ общемъ, тѣ же характерныя черты еврейскаго земледѣлія, хотя отсутствіе аналогичныхъ данныхъ для христіанскаго населенія не представляетъ возможности опредѣленныхъ сравнительныхъ заключеній.

Въ южной степной полосѣ имѣется другой районъ земледѣльческихъ еврейскихъ поселеній — въ маріупольскомъ и александровскомъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Подворнаго изслѣдованія этого района, обнимающаго 1.400 семей, произведено въ послѣднее время не было; но, судя по болѣе раннимъ изысканіямъ и по нѣкоторымъ общимъ даннымъ, собраннымъ для интересующаго насъ изданія, можно положить, что хозяйственное состояніе этого района, въ общемъ, сходствуетъ съ положеніемъ херсонскихъ колонистовъ.

Въ южной полосѣ есть еще шесть еврейскихъ колоній, состоящихъ изъ 800 домохозяевъ коренного населенія: это—районъ бессарабской губерніи, рѣзко отличающійся отъ двухъ предшествующихъ въ томъ отношеніи, что колоніи основаны не на казенной, а на купленной землѣ, и характеризуются поэтому

значительнымъ малоземельемъ. Всего земли въ этихъ колоніяхъ около 3.000 десятинъ, что соотвѣтствуетъ 5,5 дес. на земельный дворъ.

Незначительная площадь собственнаго владѣнія колонистовъ, при условіяхъ экстенсивнаго хозяйства южныхъ степей, составляетъ, конечно, весьма неблагопріятное условіе для серьезной хозяйственной дѣятельности. Правда, колонія арендуютъ около 3.000 десятинъ чужихъ земель, совершая условіе на словахъ и притомъ на имя христіанъ. Но къ арендѣ прибѣгаютъ преимущественно зажиточные домохозяева, а при исключительно земледѣльческомъ характерѣ окрестнаго христіанскаго населенія малоземельные евреи и при болѣе сильномъ стремленіи къ занятію сельскимъ хозяйствомъ врядъ ли могли обезпечить себѣ достаточное для этого количество земли. Многіе изъ нихъ къ тому же, нуждаясь въ деньгахъ, вынуждены сдавать въ аренду и отдавать въ залогъ свои земельные участки. Бо̀льшая половина бессарабскихъ евреевъ имѣетъ менѣе 4 дес. земли на дворъ и всего 10% владѣютъ болѣе, чѣмъ 8-ю десятинами. При такихъ условіяхъ лишь немногіе колонисты лично исполняютъ всѣ операціи обработки посѣвовъ. Бо̀льшая ихъ часть вспахиваетъ землю чужимъ трудомъ, а при посѣвѣ пшеницы и ячменя (занимающихъ половину посѣвной площади) они рѣдко выполняютъ своимъ трудомъ и остальныя хозяйственныя операціи. Всего болѣе еврейскія семьи работаютъ при культурѣ кукурузы, занимающей почти половину еврейскихъ посѣвовъ. Настоящіе хлѣборобы находятся въ значительномъ числѣ, главнымъ образомъ, въ колоніи Домбровены, состоящей изъ 139 земельныхъ дворовъ, и гдѣ на земельнаго домохозяина приходится, въ среднемъ, 8,5 дес. земли. Этой колоніи принадлежитъ и болѣе $^2/_3$ арендованной колонистами земли.

При описанныхъ условіяхъ землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ еврейскихъ колоніяхъ бессарабской губерніи, не-земледѣльческіе промыслы должны составлять главный источникъ средствъ существованія колонистовъ, а среди этихъ промысловъ на первомъ мѣстѣ по числу лицъ слѣдуетъ поставить торговлю, которой отдаютъ свои силы — самостоятельно или наряду съ земледѣліемъ—36% еврейскихъ семей.

Второе мѣсто занимаютъ представители различныхъ отдѣловъ чернорабочихъ—по сельско-хозяйственному найму, извозу и т. д.,— привлекающихъ 22% колонистовъ, а третье мѣсто — ремесло (портные, сапожники, шорники), занимающіе силы 12% колонистовъ. Бо̀льшая половина торговцевъ занимается скупкою и под-

возомъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ мѣстныхъ земледѣльческихъ произведеній, и самое содержаніе рабочаго скота въ колоніяхъ имѣетъ въ виду болѣе промышленныя цѣли, чѣмъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ.

IV.

Въ десяти западныхъ губерніяхъ находится 248 земледѣльческихъ еврейскихъ поселеній съ 30,6 тыс. коренного населенія; сплошному подворному изслѣдованію изъ нихъ были подвергнуты 139 болѣе крупныхъ селеній съ 25,2 тыс. жителей. Въ виду того, что это изслѣдованіе обнимаетъ 82% евреевъ-колонистовъ—результаты его могутъ быть распространены на все земледѣльческое еврейское населеніе даннаго района.

Первоначально поселились въ этихъ колоніяхъ 3.250 семей, но окончательно основались здѣсь лишь 2.160 семей. Къ моменту переписи это первоначальное ядро колонистовъ разрослось почти до 6.000 семей; изъ нихъ около 2.000 семей оставило колоніи; на ихъ мѣсто, впрочемъ, прибыло 1.200 семей, и все населеніе 139 колоній составляютъ въ настоящее время 30.000 человѣкъ. Подворной переписи изъ нихъ подверглись лишь 25,2 тыс. душъ коренного населенія, изъ коихъ 1,7 тыс. душъ находилась во временной отлучкѣ. Изъ числа 139 поселеній, 95 основаны на надѣльной землѣ, 32 — на собственной и 12—на арендной. Въ шести сѣверо-западныхъ (литовскихъ и бѣлорусскихъ) губерніяхъ находится 93 колоніи съ 2.000 хозяйствъ и 14.000 населенія; въ четырехъ юго-западныхъ губерніяхъ—46 колоній съ 2.084 семействами и 11.000 жителей. Въ сѣверо-западномъ краѣ дѣйствительное число семей нѣсколько выше показаннаго, потому что при переписи за одинъ дворъ считались здѣсь двѣ или три семьи, владѣвшія сообща землей. Общее владѣніе земельными угодьями ведетъ, вѣроятно, происхожденіе отъ тѣхъ временъ, когда правительство искусственно соединяло двѣ мелкихъ еврейскихъ семьи въ одно хозяйство, руководствуясь соображеніемъ о бо́льшей выгодности крупныхъ семей.

Во владѣніи сѣверо-западныхъ колонистовъ находится 20.000 дес. земли, въ томъ числѣ 13,4 тыс., или 66%,—надѣльной, 29%—собственной и 5%—арендованной; колонисты юго-западныхъ губерній владѣютъ 11.000 дес., изъ коихъ надѣльная составляетъ всего 37%, собственная—56% и арендованная—7%. Еврейскія колоніи образованы были на землѣ, покрытой лѣсомъ; послѣдній постепенно выкорчевывался или самими евреями, или

крестьянами, которымъ земля отдавалась во временное пользованіе. Процессъ обращенія лѣсной площади подъ сельское хозяйство медленно совершался въ юго-западныхъ губерніяхъ, и здѣсь у еврейскихъ колонистовъ находится еще 15% лѣсовъ; подъ пашней здѣсь считается 38%, а подъ усадьбами и огородами—10% общей площади. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ пашня занимаетъ 57%, а усадьбы и огороды — 4,5% площади колоніальныхъ владѣній. У крестьянъ этого района пахотная земля занимаетъ такую же площадь надѣла; что же касается юго-западнаго края, то крестьяне распахали гораздо болѣе земли, чѣмъ евреи: у послѣднихъ подъ пашней находится 38%, а вмѣстѣ съ огородами—48% земли, а у крестьянъ распахано 66% ихъ надѣла.

Какъ новички въ сельскомъ хозяйствѣ, евреи западныхъ губерній подражали въ пріемахъ культуры крестьянамъ. Они ввели трехпольный сѣвооборотъ, пріобрѣли деревянныя бороны и сохи въ сѣверо-западныхъ, и плуги — въ юго-западныхъ губерніяхъ, молотятъ хлѣбъ цѣпами или лошадьми, и т. п. Впрочемъ, евреи не строго придерживаются трехполья съ свободнымъ паромъ, и если только представляется возможность арендовать выгоны, они не гоняютъ скотъ на свои пары и обезпечиваютъ себѣ такимъ образомъ, свободу посѣвовъ. Удобреніе полей практикуется вездѣ, даже въ черноземныхъ губерніяхъ; но по причинѣ малаго количества у колонистовъ скота примѣненіе его весьма ограничено. По свойству нечерноземныхъ почвъ, для надлежащаго удобренія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ слѣдуетъ держать $1^1/_2$ головы скота на десятину пашни; у колонистовъ же имѣется его лишь $^1/_2$ головы на десятину. При недостаткѣ удобренія для всей своей земли колонисты стараются лучше удобрить огороды и ближайшую пашню. А такъ какъ плохо удобряемая земля не обѣщаетъ сносныхъ урожаевъ, то худшіе участки пашни евреи не обрабатываютъ, а либо сдаютъ крестьянамъ изъ доли урожая, либо оставляютъ въ залежи. Евреи, вообще, съ бо̀льшимъ разсчетомъ относятся къ хозяйству, чѣмъ крестьяне, и не обрабатываютъ того участка, который не обѣщаетъ достаточнаго, по ихъ мнѣнію, вознагражденія за трудъ (напр., 15 коп. за день). Промышленный характеръ націи, облегчающій примѣненіе силъ въ разныхъ другихъ занятіяхъ, позволяетъ евреямъ примѣнять къ хозяйству такія правила коммерческаго разсчета. Они умѣютъ использовать и выгоды расположенія своихъ владѣній близъ городовъ. Они получаютъ изъ города удобреніе и вводятъ интен-

сивное хозяйство, основанное на культурѣ картофеля и содержанія большаго количества скота.

Въ послѣднее время среди колонистовъ замѣчается стремленіе къ улучшенію хозяйства, въ видѣ распространенія травосѣянія, искусственныхъ удобреній, замѣны сохи плугомъ и т. п.

Въ обслѣдованныхъ колоніяхъ сѣверо-западныхъ губерній на одинъ дворъ коренного населенія приходится, въ среднемъ, 8 дес., а въ юго-западныхъ колоніяхъ—4 дес. земли. Если же исключить безземельныхъ (13% коренного населенія въ первомъ районѣ и 17% — во второмъ), то средній земельный участокъ возрастетъ, приблизительно, на десятину. По разсчету на мужскую душу (вмѣстѣ съ безземельными) это составитъ 2,3 дес. въ сѣверо западныхъ и 1,4 дес. въ юго-западныхъ губерніяхъ. Приблизительно такое же количество надѣльной земли (нѣсколько развѣ болѣе) имѣетъ въ своемъ пользованіи и крестьянское населеніе соотвѣтствующаго района [1]). Что касается основного земельнаго фонда, то еврейское населеніе западныхъ губерній, въ отношеніи занятія сельскимъ хозяйствомъ, находится, слѣдовательно, въ одинаковомъ положеніи съ своими сосѣдями-христіанами. Но оно рѣзко отличается отъ нихъ въ томъ отношеніи, что оно лишилось законной возможности дополнять этотъ фондъ путемъ покупки или аренды земли. Фактически, впрочемъ, евреи не эксплоатируютъ и всей той земли, какая находится въ ихъ владѣніи. Хотя нѣкоторая часть колонистовъ и арендуетъ чужія угодья, но другая, бо̀льшая часть сдаетъ свою землю въ аренду. Покрывая сдачу арендой и наоборотъ, все-таки окажется, что въ арендѣ у окрестныхъ крестьянъ находится 1/10, а вмѣстѣ съ землей отсутствующихъ колонистовъ — 20% еврейскихъ пахотныхъ угодій. Сдача евреями въ аренду своихъ угодій отчасти объясняется указаннымъ выше отношеніемъ къ хозяйству евреевъ, учитывающихъ сравнительныя выгоды, какія они могутъ получить отъ занятія земледѣліемъ и промысломъ; отчасти же это зависитъ отъ большой задолженности колонистовъ окрестному населенію, причемъ обезпеченіемъ долга служатъ отдаваемые ими въ закладъ сѣнокосные и пахотные участки. „Вопреки установившимся предразсудкамъ объ экономическомъ преобладаніи евреевъ, — говоритъ по этому предмету „Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ“,—колонисты обычно бываютъ кругомъ въ долгу у сосѣднихъ крестьянъ, которымъ они

---

[1]) См. „Матеріалы по вопросу о движеніи благосостоянія сельскаго населенія“.

часто вынуждены за безцѣнокъ закладывать свои поля и особенно сѣнокосы" (стр. 148 — 9). Для должной оцѣнки описываемаго явленія сдачи колонистами въ аренду своихъ земель слѣдуетъ имѣть въ виду тотъ фактъ, что $^4/_5$ сданной пахотной земли находится въ испольной арендѣ, при которой хозяинъ участка получаетъ арендную плату не деньгами, а урожаемъ. Это даетъ ему хотя часть зерна для прокормленія семьи и солому для его скота.

Въ соотвѣтствіи съ фактомъ сдачи еврейской земли въ аренду крестьянамъ находится и явленіе меньшей, сравнительно съ крестьянами, обезпеченности колонистовъ рабочимъ скотомъ. Основываясь на данныхъ военно-конскихъ переписей и мѣстнаго изслѣдованія еврейскихъ колоній, разсматриваемое нами изданіе показываетъ, что процентъ безлошадныхъ домохозяевъ у колонистовъ сѣверо-западныхъ губерній вдвое выше, а число лошадей на дворъ—въ $1^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ у крестьянъ.

Подворное распредѣленіе рабочаго скота колонистовъ обнаруживаетъ еще тотъ интересный фактъ, что число лошадей, приходящихся на дворъ, мало зависитъ отъ того, сколько у домохозяевъ находится земли. Это служитъ доказательствомъ, что лошадь еврейскій колонистъ содержитъ не только для полевыхъ работъ, но и ради промышленныхъ цѣлей. И дѣйствительно, значительная часть евреевъ занимается извозомъ и скупкою крестьянскихъ произведеній, которыя доставляются затѣмъ на лошадяхъ покупателей на станціи желѣзныхъ дорогъ.

Распредѣленіе земли между домохозяевами-колонистами весьма неравномѣрно. $^1/_8$ часть въ сѣверо-западныхъ и $^1/_6$ — въ юго-западныхъ губерніяхъ вовсе не имѣютъ земли, а 10% въ первомъ районѣ и 44% во второмъ—имѣютъ ея не болѣе 2,5 дес. на дворъ. Безземельные и совершенно малоземельные домохозяева составляютъ, такимъ образомъ, больше 60% колонистовъ юго-западныхъ губерній, и въ виду такихъ данныхъ неудивительно, если половина евреевъ послѣдняго района не ведетъ хозяйства за свой счетъ; впрочемъ, почти третья часть этихъ безхозяйныхъ сдаетъ свою землю исполу, и имѣетъ, такимъ образомъ, собственное зерно и солому. Въ литовскихъ губерніяхъ, гдѣ колонисты лучше обезпечены землею, сельскимъ хозяйствомъ за свой страхъ занимаются 76% домохозяевъ коренного населенія. Посѣвы еврейскихъ колонистовъ невелики: въ ковенской губерніи они составляютъ, въ среднемъ, 4,2 дес., въ юго-западныхъ губерніяхъ—2,3 дес. на сѣющаго домохозяина (объ остальныхъ губерніяхъ свѣдѣній не имѣется). Въ ковенской губерніи

средній посѣвъ домохозяина находится въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ площадью его надѣла и колеблется по различнымъ земельнымъ группамъ отъ 0,7 (у колонистовъ, владѣющихъ до 2,5 дес.) до 8 дес. (у хозяевъ, имѣющихъ болѣе 20 дес.) на сѣющій дворъ. Въ юго-западныхъ колоніяхъ эти колебанія очень незначительны (отъ 1,9 до 3,7 дес.). Малоземельные домохозяева въ юго-западныхъ колоніяхъ засѣваютъ (по разсчету на сѣющаго домохозяина) въ два-три раза болѣе земли сравнительно съ малоземельными колонистами ковенской губерніи. Это представляется возможнымъ потому, что черноземная почва земли въ юго-западномъ краѣ допускаетъ отведеніе подъ посѣвъ почти всей площади владѣнія. Въ отношеніи многоземельныхъ хозяевъ обоихъ районовъ наблюдается совершенно обратное явленіе: многоземельные колонисты въ юго-западныхъ губерніяхъ засѣваютъ вдвое меньшую площадь, нежели въ ковенской губерніи. Незначительное развитіе запашекъ среди многоземельныхъ колонистовъ юго-западнаго края доказываетъ слабое стремленіе этихъ колонистовъ къ сельско-хозяйственному промыслу.

Характернымъ для еврейскаго хозяйства въ западныхъ губерніяхъ является фактъ большого числа лицъ, вспахивающихъ землю подъ посѣвъ при помощи наемнаго инвентаря. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ къ найму постороннихъ лицъ (преимущественно окрестныхъ крестьянъ) прибѣгаютъ 40% сѣющихъ домохозяевъ, а въ юго-западныхъ — 69%. Къ найму пахарей въ одинаковой почти мѣрѣ прибѣгаютъ и мелкіе, и болѣе крупные землевладѣльцы. Эти факты приводятъ насъ къ заключенію, что даже для большей части сѣющихъ колонистовъ юго-западныхъ губерній сельское хозяйство не представляется настолько выгоднымъ или интереснымъ занятіемъ, чтобы ему стоило отдавать трудъ главнаго работника, который поэтому, можетъ быть, и не научился управлять сохою. Правда, больше, чѣмъ хлѣбопашествомъ, еврейскіе колонисты западныхъ губерній занимаются огородничествомъ, и огороды находятся у 9/10 земельныхъ домохозяевъ. Но это занятіе, которому отдаетъ свои силы женская часть населенія колоніи, не имѣетъ промышленнаго характера, и овощи (преимущественно картофель, затѣмъ свекла, морковь, брюква, фасоль, лукъ, мало огурцовъ, еще меньше капусты) выращиваются лишь для собственнаго потребленія. Той же цѣли, въ большинствѣ случаевъ, служатъ и посѣвы колонистами хлѣбовъ; а принимая во вниманіе, что, судя по размѣру запашекъ, полное обезпеченіе продовольствія имѣетъ съ своихъ полей лишь 1/5 часть домохозяевъ ковенской губерніи и 1/4 часть колони-

стовъ юго-западнаго края, мы получимъ ясное понятіе о томъ, какое важное значеніе въ хозяйственной жизни евреевъ западнаго края должны играть неземледѣльческія занятія. И дѣйствительно, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ лишь $^1/_5$ часть домохозяевъ кореннаго населенія колоній,—а въ юго-западныхъ губерніяхъ всего $^1/_{14}$—часть занимаются исключительно сельскимъ хозяйствомъ; остальное же коренное населеніе колоній, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ въ каждомъ районѣ, имѣетъ какое-либо другое занятіе неземледѣльческаго характера, или участвуетъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ качествѣ наемныхъ работниковъ въ экономіяхъ черноземнаго края. Сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, впрочемъ, насчитывается въ обоихъ районахъ всего 115: „конкурренція крестьянъ дѣлаетъ наемъ на сельско-хозяйственныя работы евреевъ невыгоднымъ". Промыслами занимается большая половина трудоспособнаго (18—60 лѣтъ) населенія обоего пола. $^1/_5$ промышленниковъ занята чернорабочимъ трудомъ — вродѣ сплава лѣса, грузки товаровъ, каменныхъ ломокъ и т. п., $^1/_6$ — тяжелыми работами ремесленнаго характера — плотничествомъ, кузнечествомъ, каменными работами и др., и $^1/_{12}$ — извозомъ. Тяжелымъ работамъ, слѣдовательно, отдаютъ свои силы 45% промышленниковъ. Ремесла другого характера, какъ-то: портновство, сапожничество и другія, привлекаютъ къ себѣ $^1/_5$ часть промышленниковъ. Есть цѣлыя колоніи плотниковъ, каменьщиковъ, гонтовщиковъ, странствующихъ деревенскихъ портныхъ; есть кустари, зимой приготовляющіе шапки, шорныя издѣлія и др., а лѣтомъ развозящіе ихъ по ярмаркамъ. 160 евреевъ имѣютъ небольшія мельницы, кожевенные, смолокуренные и др. заводы. Болѣе $^1/_4$ части промышленниковъ занимаются торговлей, преимущественно скупкою продуктовъ крестьянскаго хозяйства. 400 человѣкъ въ обоихъ районахъ находятся на службѣ или учительствуютъ въ еврейскихъ школахъ.

За отсутствіемъ подворнаго изслѣдованія крестьянскаго хозяйства соотвѣтствующихъ районовъ, мы не можемъ произвести сравненія промышленныхъ занятій евреевъ и христіанъ. Если же обратиться къ ближайшей къ сѣверо-западному району смоленской губерніи, для которой (6 уѣздовъ) существуетъ подробное изслѣдованіе 80-хъ гг., то окажется, что по числу домохозяевъ, имѣющихъ заработокъ внѣ собственнаго сельскаго хозяйства, эта губернія почти не отличается отъ района еврейскихъ колоній: въ послѣднихъ исключительно земледѣлію отдаютъ свои силы нѣсколько менѣе $^1/_5$ части (19%) домохозяевъ, въ первой — нѣсколько болѣе $^1/_5$ части (22%). Что же касается состава

промысловъ, привлекающихъ русскихъ и евреевъ, то существенное различіе между ними заключается въ томъ, что среди смоленскихъ крестьянъ, работающихъ внѣ своего хозяйства, насчитывается не мало (7—8%) сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, что они даютъ очень небольшой процентъ кустарей и ремесленниковъ въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова (портныхъ и т. п.), и, главное, что лишь очень небольшая ихъ часть занимается торговлей.

Для полноты нашего обзора земледѣльческихъ еврейскихъ колоній будетъ нелишнимъ сообщить, что евреи-колонисты, въ числѣ 2,5 тыс. семей, находятся еще въ различныхъ губерніяхъ Царства Польскаго; что въ пользованіи этихъ семей состоитъ до 15 тыс. десятинъ земли, изъ коихъ 1/6 часть принадлежитъ арендованнымъ угодьямъ, а 5/6 состоятъ изъ надѣльной и купленной земли. Свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи этихъ колонистовъ крайне скудны и отрывочны.

V.

До сихъ поръ мы вели рѣчь о занятіяхъ евреевъ хлѣбопашествомъ, — но не мѐньшее, если не бо̀льшее число евреевъ отдаетъ свои силы спеціальнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Число такихъ лицъ (не считая крупныхъ предпринимателей и простыхъ арендаторовъ садовъ ради сбора готоваго урожая) въ чертѣ еврейской осѣдлости, на основаніи отвѣтовъ корреспондентовъ колонизаціоннаго общества, опредѣляется въ 13—14 тыс., изъ коихъ 4/5 занимаются огородничествомъ и садоводствомъ, а 1/8—табаководствомъ. Подъ всѣми спеціальными культурами занято около 20 тыс. десятинъ земли, изъ коихъ 75%—арендованной. Только 2/5 всей земли находится въ чертѣ городовъ и мѣстечекъ, а 3/5 ея состоитъ въ сельскихъ районахъ. Такое положеніе, когда хозяину, для занятія своимъ дѣломъ, приходится начать съ нарушенія закона и вѣчно находиться подъ дамокловымъ мечомъ естественныхъ юридическихъ послѣдствій этого акта, не можетъ не отражаться на доходахъ хозяина, находящагося во вредной зависимости отъ землевладѣльца и мѣстной администраціи, и на пріемахъ самой культуры.

Болѣе половины евреевъ, занимающихся спеціальными культурами, и болѣе трети земли, состоящей подъ этими послѣдними, находится въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, гдѣ широко

распространено еврейское огородничество. Огородничество преобладаетъ надъ садоводствомъ и въ юго-западныхъ губерніяхъ; занятіе же садоводствомъ распространено среди евреевъ преимущественно въ хотинскомъ уѣздѣ бессарабской губерніи, славящемся высокимъ состояніемъ этой отрасли хозяйства. На бессарабскую губернію приходятся и ³/₄ евреевъ-виноградарей, изъ общаго числа таковыхъ около 800 человѣкъ, а также бо̀льшая половина евреевъ-табаководовъ.

Пріемы культуры евреевъ невысоки, такъ какъ во всѣхъ отрасляхъ,—кромѣ развѣ табаководства, которымъ евреи занимаются издавна,—они подражаютъ пріемамъ окрестныхъ крестьянъ. Работы исполняются или наемнымъ, или семейнымъ трудомъ. Въ табачныхъ плантаціяхъ въ Малороссіи или на виноградникахъ бессарабской губерніи примѣняется, въ большинствѣ случаевъ, трудъ наемныхъ рабочихъ; табачныя плантаціи Бессарабіи воздѣлываются почти исключительно трудомъ женщинъ и дѣтей самихъ плантаторовъ. Примѣненіе къ данному дѣлу труда мужчины-хозяина зависитъ отъ того, сколь великъ ожидаемый доходъ и сто̀итъ ли отказаться ради него отъ другого, выгоднаго занятія.

Несмотря на скромныя абсолютныя числа евреевъ, занятыхъ спеціальными отраслями хозяйства, соотвѣтствующая дѣятельность евреевъ не можетъ считаться ничтожной, если ее разсматривать съ мѣстной точки зрѣнія. Такъ, мелкое промышленное огородничество въ Литвѣ и Бѣлоруссіи находится почти исключительно въ рукахъ евреевъ; табаководство въ бессарабской губерніи, да и во всемъ приднѣстровскомъ районѣ, находится, главнымъ образомъ, въ ихъ же рукахъ. Точно также и молочное хозяйство, коимъ въ чертѣ еврейской осѣдлости занимается около 8 тыс. евреевъ, во многихъ мѣстностяхъ находится въ исключительномъ вѣдѣніи евреевъ; многіе корреспонденты колонизаціоннаго общества изъ сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго сообщаютъ, что всѣ землевладѣльцы ихъ районовъ сдаютъ свой молочный скотъ въ аренду евреямъ.

Заключеніе, естественно вытекающее изъ того, что̀ было выше говорено о земледѣльческой дѣятельности евреевъ, состоитъ въ томъ, что общій характеръ отношенія евреевъ къ сельскохозяйственному промыслу отличается отъ характера отношеній къ нему со стороны крестьянъ. Послѣдніе всѣмъ своимъ прошлымъ подготовлялись для занятія хозяйствомъ, и устраненіе ихъ отъ этого промысла связано съ ломкою ихъ быта. Поэтому, если у крестьянина есть земля, или если, не имѣя своей собственной

земли, онъ можетъ нанять чужую, то, какъ общее правило, онъ станетъ ее обрабатывать, не производя предварительнаго разсчета о томъ, что̀ онъ можетъ получить отъ нея въ вознагражденіе за свой трудъ. Еврей историческимъ своимъ прошлымъ подготовлялся къ другому отношенію къ дѣлу. Это прошлое вырабатывало въ немъ коммерческаго человѣка, разсчитывающаго расходы и доходы предпріятія, и этотъ элементъ разсчета онъ вноситъ въ свою сельско-хозяйственную дѣятельность. Не пріобрѣтя спеціальной привычки и любви къ хозяйству, имѣя зато коммерческія способности вообще, онъ прилагаетъ свои силы и средства къ земледѣлію по разсчету того, получитъ ли онъ отъ этого промысла столько же, сколько онъ можетъ добыть, занимаясь другимъ, доступнымъ ему дѣломъ, и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на вопросъ, отдаетъ земледѣлію только часть своихъ силъ и средствъ, или предпочитаетъ, вмѣсто собственной обработки, сдать свой участокъ въ аренду. Смѣна нѣсколькихъ поколѣній земледѣльцевъ выработаетъ, можетъ быть, и у евреевъ-колонистовъ отношеніе къ земледѣльческому промыслу, сходное съ отношеніемъ къ нему русскаго крестьянина. Этого можно ожидать въ особенности потому, что пріобрѣтеніе болѣе или менѣе обезпеченныхъ средствъ существованія на полѣ торгово-промышленной дѣятельности, вслѣдствіе конкурренціи растущей массы безземельныхъ въ Россіи, становится болѣе и болѣе затруднительнымъ. Но въ прошедшемъ въ районахъ еврейскихъ поселеній имѣли мѣсто обратныя отношенія. Бѣдность этихъ районовъ представителями промышленнаго труда открывала первымъ евреямъ-поселенцамъ поле выгоднаго приложенія силъ въ области ремесла и торговли. Въ томъ же направленіи развитія торгово-промышленныхъ занятій толкали еврейскихъ колонистовъ и вынесенныя ими изъ города формы матеріальной культуры. Евреи не знали домотканой одежды и должны были покупать многое изъ того, что̀ исконная крестьянская семья производила дома, а для пріобрѣтенія средствъ для этихъ покупокъ свободные члены семьи должны были прибѣгать къ подсобнымъ неземледѣльческимъ занятіямъ. Подсобныя занятія имѣли и крестьянскія семьи, но тогда какъ, благодаря натуральному хозяйству, русскіе земледѣльцы производили холсты, сукна, овчины для собственнаго потребленія—евреи покупали для себя подобные предметы, а продавали продукты своего промышленнаго труда или самый этотъ трудъ, и еврейскія колоніи пріобрѣтали, поэтому, характеръ земледѣльческо-промышленныхъ поселеній. Въ настоящее время это выражается тѣмъ, что цѣлая половина, напримѣръ,

семей херсонскихъ колонистовъ отдается промышленнымъ занятіямъ, но изъ нихъ лишь 1/4 часть, или 13,5% всего числа колонистскихъ семей, занимается исключительно промыслами и торговлей, а 37% всѣхъ колонистовъ соединяютъ промыселъ съ земледѣліемъ. Этимъ достаточно характеризуется серьезность, такъ сказать, земледѣльческаго характера херсонскихъ евреевъ-колонистовъ, и совершенно правильнымъ слѣдуетъ признать мнѣніе нашихъ „Матеріаловъ", что эти колонисты „совершенно освоились съ земледѣльческимъ трудомъ", и что „обсуждать нынѣ, спустя много десятковъ лѣтъ послѣ поселенія евреевъ, хозяйственную жизнь колоній съ точки зрѣнія способности евреевъ къ земледѣлію, представляется несообразнымъ" (стр. 50).

Какъ на важный факторъ, вліявшій на отношеніе евреевъ къ земледѣльческому промыслу въ прошедшемъ, и который будетъ оказывать соотвѣтствующее вліяніе въ будущемъ—„Сборникъ Матеріаловъ" о евреяхъ указываетъ на степень производительности земледѣльческаго труда. Въ настоящее время эта производительность, какъ извѣстно, очень низка, и чтобы удовольствоваться обычнымъ доходомъ мелкаго земледѣльца, нужно обладать довольно низкимъ уровнемъ потребностей. Уровень этотъ въ сельскихъ мѣстностяхъ ниже, нежели въ городахъ, и еврей, какъ представитель городской культуры, чувствуетъ на землѣ стѣсненіе при такомъ доходѣ, который удовлетворяетъ исконнаго сельскаго жителя. Расходы евреевъ превышаютъ расходы крестьянъ еще въ силу нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ первыхъ. Евреи много тратятъ денегъ на леченіе; обученіе ихъ дѣтей обходится въ 9—10 р. въ годъ на каждаго мальчика. Расходъ этотъ тѣмъ тяжелѣе для бѣдной еврейской семьи, что обученіе ребенка продолжается очень долго (около восьми лѣтъ), что спеціальная еврейская школа не даетъ учащемуся никакихъ знаній, помогающихъ въ борьбѣ за существованіе, и что она скорѣе уменьшаетъ шансы побѣды въ этой борьбѣ, потому что долголѣтнее безпрерывное пребываніе ребенка въ отвратительной обстановкѣ хедерской школы значительно подрываетъ его здоровье и физическія силы. Крупный расходъ еврейской семьи связанъ съ выдачею дѣвушки замужъ. Еврейская невѣста простыхъ классовъ должна имѣть приданое въ нѣсколько сотъ рублей, потому что еврейская женщина не имѣетъ, подобно русской крестьянкѣ, самостоятельной цѣнности, какъ работница, или потому что на это приданое разсчитываютъ какъ на средство образованія самостоятельнаго хозяйства новобрачныхъ.

По всѣмъ указаннымъ выше причинамъ, средняя еврейская

семья должна имѣть больше денегъ, чѣмъ средняя семья крестьянская. Согласно изслѣдованіямъ Ѳ. А. Щербины, воронежскій крестьянинъ расходуетъ 35 руб. въ годъ на душу. По наблюденіямъ въ виленской губ., еврей-земледѣлецъ тратитъ 55 руб. на душу. Этой разницей личныхъ расходовъ еврея и крестьянина объясняется и тотъ фактъ, что, при одинаковомъ доходѣ, крестьянинъ-земледѣлецъ можетъ больше затратить на производительныя цѣли и окажется поэтому болѣе устойчивымъ въ хозяйственномъ отношеніи, чѣмъ еврей. Отъ той же причины зависитъ и большая задолженность еврейскихъ колонистовъ ихъ сосѣдямъ-крестьянамъ.

В. В.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

РОССІИ

I.

Переселеніе на Руси—явленіе старое, самобытное. Оно было извѣстно во всѣ эпохи исторической жизни нашего государства и составляло одну изъ видныхъ страницъ въ лѣтописяхъ его, служа первымъ пособникомъ въ дѣлѣ „собиранія земли русской“. Переселеніемъ росло и крѣпло государство русское и созидалось единство народности на всемъ пространствѣ его; переселеніемъ вносились въ далекія пустынныя окраины начала мирнаго земледѣльческаго труда и насаждались гражданскія формы быта. О колонизаціонныхъ способностяхъ русскаго народа правительство хорошо было освѣдомлено, и только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, что оно всегда шло на встрѣчу событіямъ, закрѣпляя за „высокою государевой рукою“ одну окраину за другой и расширяя предѣлы государства.

Переселеніе изстари держалось главнѣйшаго направленія — съ запада на востокъ и частью съ сѣвера на югъ и выражалось въ двоякой формѣ,—въ формѣ правительственной колонизаціи и колонизаціи самовольной. Первая, однако, не имѣла въ прежнее время постояннаго характера, являясь скорѣе случайною и незначительною по размѣрамъ. Всѣ распоряженія московскаго правительства сводились въ этомъ отношеніи обыкновенно

къ частичнымъ отправкамъ небольшого числа „пашенныхъ“ крестьянъ въ новый край. Дѣлу правительственной колонизаціи помогали преимущественно служилые, ратные люди, покорявшіе край. Эти ратные люди, по завоеваніи края, большею частью оставались въ немъ, выписывали свои семьи и садились на пашню сами, или селили на пожалованныхъ земляхъ своихъ крѣпостныхъ. Но главную роль въ исторіи заселенія окраинъ играла колонизація самовольная. Эта послѣдняя въ народномъ сознаніи шла всегда рука объ руку съ правительственною колонизаціею и обыкновенно значительно опережала ее какъ по времени, такъ и по достигнутымъ результатамъ. Передъ размѣрами этой колонизаціи переселеніе „по прибору“, „вызову“ и „по указу“ отъ правительства представлялось иногда совершенно ничтожнымъ.

Не всегда, однако, переселеніе имѣло мирныя колонизаціонныя цѣли. Объ этомъ можно судить по многочисленнымъ челобитнымъ инородческихъ племенъ, которыя слались московскимъ государямъ о выдачѣ имъ оберегательныхъ грамотъ „оттѣхъ русскихъ людей отъ насильства“. Но инородческія племена были слабы, чтобы оберечь себя „отъ насильства“ русскихъ людей; слабо было и правительство прежняго времени, чтобы остановить движеніе „вольныхъ, охочихъ людей“ въ новый край.

Вторая половина XVI-го и XVII-ое столѣтіе особенно замѣчательны въ исторіи заселенія приволжскихъ окраинъ и Зауралья. Туда массами приливали бѣглецы со всѣхъ концовъ Россіи, гонимые различными побужденіями. Иной шелъ какъ ослушникъ „царевой воли“, прикрѣплявшей его къ землѣ; другой въ далекихъ лѣсахъ и степяхъ разсчитывалъ сохранить неприкосновенною свою „старую вѣру“; иному хотѣлось избавиться отъ записи въ рекрутскій наборъ или отъ „насильства“ воеводъ. Особенно всякаго рода „сходцевъ“ много было въ нижнемъ Поволжьѣ и Оренбургскомъ краѣ. Въ докладѣ тайнаго совѣтника Неплюева отъ 1774 г. указывается сенату: „всѣ крестьяне, что̀ ихъ ни есть въ Исетской Провинціи, не суть тамошніе природные, но сходцы изъ разныхъ мѣстъ.... почему всѣ тѣ слободы такими гулящими людьми, и какъ чаятельно и не безъизвѣстно, по бо̀льшей части или едва не всѣ помѣщичьими населены“. Въ указѣ сената отъ 22 ноября 1784 г. сообщаетс́я, что при ревизіи, производившейс́я въ Астрахани, явились „изъ подлыхъ людей, объявляющихъ о себѣ, что не знаютъ они своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родилися, которыхъ по указамъ и ревизіи высылать оттоль велѣно въ Петербургъ на поселеніе, а они по привычкѣ жить кругомъ Астрахани, отъ той высылки бѣгутъ въ Персію

и басурманятся, также въ степи на Кубанскую сторону, на рѣку Куму и на Бухарскую сторону, за Яикъ, и тамъ промысломъ звѣринымъ питаяся, звѣрски въ отчаяніи живутъ“.

Роль правительства въ дѣлѣ самовольнаго заселенія окраинъ бѣжавшимъ туда тяглымъ населеніемъ была не изъ легкихъ. Съ одной стороны, интересы закрѣпленія этихъ окраинъ и объединеніе ихъ съ коренною Россіею требовали направленія туда русскаго земледѣльца; съ другой, различныя внутреннія причины и нерѣдко соображенія, что „въ государеву казну съ тѣхъ крестьянъ (бѣглыхъ) оброковъ и никакихъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ нейдетъ“, обязывали отрицательно относиться къ подобному способу ухода крестьянъ съ насиженныхъ мѣстъ и принимать противъ этого ухода строгія запретительныя мѣры. „И ты бъ въ Перми Великой и въ Чердыни, и у Соликамской, и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ пристойно, — говорится въ грамотѣ 1683 г. на имя стольника и воеводы Барятинскаго, — велѣлъ поставить заставы крѣпкія, чтобы съ Руси въ Сибирь никакого чину людей конныхъ и пѣшихъ, безъ Нашихъ Государскихъ проѣзжихъ грамотъ никого не пропустить, для того что изъ поморскихъ и русскихъ городовъ многіе люди вышли и нынѣ идутъ въ Сибирь; а буде которые люди какого чина нибудь на заставахъ, безъ Нашихъ Государскихъ грамотъ, объявятся, и ихъ отсылать на прежнія ихъ мѣста, кто откуда пришелъ“. Почти полстолѣтія спустя, по поводу проникшаго въ населеніе слуха о дозволеніи по Высочайшему указу селиться около Царицынской линіи и обнаружившагося бѣгства туда „по такому злому вымышленному разглашенію изъ многихъ мѣстъ“ однодворцевъ и крестьянъ, состоялся именной указъ 1728 г., въ которомъ выражено, чтобы „во всѣхъ городахъ и уѣздахъ публиковать печатными листами изъ сената, что такого позволительнаго указа не токмо никогда не бывало, но и многими другими указами такіе побѣги чинить запрещено, и для поимки тѣхъ бѣглецовъ заставы учинены, которыхъ велѣно ловить и, чиня наказаніе, бивъ кнутомъ, отсылать на прежнія жилища, а пущихъ заводчиковъ и подговорщиковъ казнить смертью“.

Несомнѣнно однако, что подобныя запрещенія не приводили къ ожидаемымъ результатамъ, и первыми нарушителями этихъ распоряженій были тѣ же царскіе воеводы, о чемъ достаточно было освѣдомлено и центральное правительство. Воеводы понимали, какъ дорого обходится казнѣ и народу переселеніе, предпринимаемое самимъ правительствомъ, и какіе ничтожные результаты давало оно. По поводу отправки въ Сибирь изъ Соль-

вычегодска 30-ти хлѣбопашныхъ семей въ 1590 г. наказомъ воеводѣ поставлялось въ обязанность наблюдать, напр., чтобы „у каждаго хозяина было три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по два гуся, да по пятеру куровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха совсѣмъ для пашни, да телѣга, да сани и всякая житейская рухлядь" и сверхъ того на каждую семью указано было выдать по 25 руб. Заготовленіе подобнаго имущества и сборъ денежныхъ средствъ на подъемъ переселенцевъ возлагались нерѣдко, въ видѣ повинности, на мѣстное населеніе. При такихъ условіяхъ и при нежеланіи иногда самого населенія слѣдовать на новыя мѣста даже по вызовамъ правительства, когда переселяющимся давались казенныя подводы и корма и на мѣстахъ водворенія предоставлялись различныя льготы, трудно было ожидать скораго заселенія окраинъ путемъ правительственныхъ мѣропріятій; а между тѣмъ на окраинахъ надо было и „государеву пашню" пахать, и „государевы издѣлія" выполнять, надо было набирать и ратныхъ людей, и стрѣльцовъ. Поэтому воеводы, вопреки строгимъ указамъ о высылкѣ бѣглыхъ и препровожденіи „съ ихъ крестьянскими животы и съ хлѣбомъ на прежнія жилища", обыкновенно не выдавали ихъ и оставляли на пашнѣ, а правительство, отчасти изъ нежеланія подрывать развивавшуюся колонизацію, отчасти изъ сознанія, что „такое большое число бѣглецовъ трудно выслать безъ огромныхъ конвоевъ", мирилось съ подобнымъ явленіемъ и въ концѣ концовъ узаконяло пребываніе самовольныхъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Вышеприведенный указъ сената характерно опредѣляетъ судьбу бѣглыхъ, объявившихся при ревизіи въ Астрахани: „а по разсмотрѣніи дѣла можетъ быть за потребно разсуждено будетъ тамъ въ Астрахани ихъ въ перепись написать и поселить по рѣкѣ Волгѣ на пустыхъ мѣстахъ, которыя никакой пользы, будучи пустыми, не приносятъ, а поселенные во всякомъ случаѣ потребны". По докладу т. с. Неплюева сенатомъ также испрошено было Высочайшее повелѣніе, чтобы крестьянъ, поселившихся въ Исетской Провинціи до ревизіи 1719 г., и бѣглыхъ, записавшихся въ казаки, „хотя помѣщики и другіе владѣли и крѣпости на нихъ имѣютъ, для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ, и чтобъ той Провинціи не опустошить... изъ тѣхъ слободъ не высылать и никому не отдавать, а быть тѣмъ всѣмъ крестьянамъ въ той Провинціи вѣчно", записавшимся же въ казаки „быть имъ, какъ оные нынѣ есть, въ казакахъ".

Въ такихъ запрещеніяхъ самовольнаго ухода крестьянъ и

въ періодическихъ признаніяхъ совершившагося факта переселенія проходитъ почти вся исторія нашего законодательства и распоряженій правительства по части переселенія до самаго послѣдняго времени, когда сооруженіе сибирской желѣзной дороги и сознанная необходимость усиленнаго заселенія Сибири побудили правительство широко раскрыть двери послѣдней для пріема новыхъ насельниковъ и тѣмъ отвѣтить потребностямъ земледѣльческаго населенія въ переселенія. А потребности эти были всегда значительными и по размѣрамъ своимъ почти никогда не укладывались въ рамки создававшихся правительствомъ условій для переселенія. Въ этомъ кроется объясненіе причинъ, которыя вызывали постоянно самовольный массовый уходъ крестьянъ со старины.

II.

Главнѣйшія побужденія, заставлявшія населеніе стремиться на новыя мѣста, въ различныя историческія эпохи жизни государства были неодинаковы; неодинаковымъ поэтому представляется и отношеніе къ нимъ и къ самому переселенію правительства. Въ прежнее время уходъ крестьянъ въ окраины вызывался чисто внутренними политическими обстоятельствами,— прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, возникновеніемъ раскола, установленіемъ рекрутской повинности и т. п., — а при такихъ условіяхъ правительство никоимъ образомъ не могло мириться и создавать для переселенія надлежащую, болѣе широкую организацію, такъ какъ оно не желало, чтобы крестьянство путемъ переселенія избавлялось отъ подчиненія тому укладу народно-государственной жизни, который былъ установленъ самимъ правительствомъ. Съ теченіемъ времени, однако, причины эти начали постепенно утрачивать свое значеніе, и въ послѣднее полустолѣтіе, съ отмѣною крѣпостной зависимости, почти совершенно отпали. Взамѣнъ ихъ выросталъ и окрѣпъ для земледѣльческаго населенія новый, не менѣе существенный и сильный поводъ къ переселенію, обусловливавшійся „утѣсненіемъ въ землѣ“, которое начало испытываться у крестьянъ, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и высокаго поднятія арендныхъ цѣнъ на сосѣднія частно-владѣльческія земли. Съ безошибочностью можно утверждать, что въ настоящее время означенная чисто экономическая причина является, за незначительными исключеніями, главнѣйшимъ двигателемъ, побуждающимъ крестьянъ переселяться; и данныя опроса новоселовъ, производившагося въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ Сибири, вполнѣ подтверждаютъ это положеніе, указывая, что до 75—80% всѣхъ переселяющихся идутъ отъ недостаточности земельныхъ надѣловъ, плохихъ качествъ ихъ или отъ случающагося мѣстами недорода хлѣбовъ. И по мѣрѣ того, какъ полнѣе и шире выяснялось значеніе этой причины, правительство все болѣе отрѣшалось отъ установившагося взгляда на переселеніе, какъ явленіе только терпимое, и все чаще стало дѣлать попытки, направленныя къ упорядоченію крестьянскихъ переселеній и къ цѣлесообразной постановкѣ переселенческаго дѣла, согласно пользамъ и нуждамъ населенія и видамъ и цѣлямъ самого правительства. Однако, дѣятельность его въ этомъ отношеніи долгое время не могла принять опредѣленнаго выраженія и характеризовалась постоянными колебаніями почти до послѣднихъ лѣтъ истекшаго столѣтія.

Уже въ концѣ XVIII-го столѣтія встрѣчаются отдѣльныя распоряженія правительства, которыя по смыслу представляются какъ бы первообразомъ взглядовъ и началъ, положенныхъ въ основаніе послѣдующихъ мѣропріятій по части переселеній. Такъ, указъ сената отъ 17-го октября 1776 г. опредѣляетъ переселеніе 2.000 душъ малоземельныхъ экономическихъ крестьянъ на земли, „оставшіяся отъ волжскихъ казаковъ“ по астраханской дорогѣ, „въ такія селенія, гдѣ людей мало, а земель съ большимъ излишествомъ“. Въ этомъ указѣ приведены и соотвѣтственные объяснительные мотивы состоявшагося распоряженія о переселеніи. „Какъ за симъ переводомъ,—говорится въ немъ, — оставшіе на прежнихъ жилищахъ крестьяне воспользуются оставшею отъ тѣхъ переведенныхъ землею и имѣть оной будутъ въ своемъ владѣніи безъ недостатка, а съ тѣмъ купно минуютъ въ земляхъ утѣсненія“. Именной Высочайшій указъ, данный сенату 25 іюня 1781 г., о добровольномъ переводѣ до 44.000 душъ экономическихъ крестьянъ въ юго-восточныя и южныя губерніи, какъ на основанія для такого перевода, указываетъ на „пространство, плодоносіе и положеніе въ одномъ изъ лучшихъ климатовъ“ земель тѣхъ губерній и, сверхъ того, на размноженіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ „людей, жителей разныхъ селеній, паче же экономическіе крестьяне не имѣютъ достаточно земли“.

Съ теченіемъ времени подобныя попытки направлять малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ въ мѣстности, обильныя землями, все болѣе учащаются, отдѣльныя распоряженія по этому предмету въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ приводятся въ связь и въ 1842—1843 г. пріобрѣтаютъ въ „Уставѣ о благо-

устройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ" и дополнительныхъ къ нему правилахъ цѣльный характеръ широкой общегосударственной мѣры. Такая постановка дѣла о переселеніяхъ обязана главнѣйшимъ образомъ первому по времени министру государственныхъ имуществъ графу Киселеву, который въ заботахъ о хозяйственномъ преуспѣяніи казенныхъ крестьянъ, поступившихъ въ вѣдѣніе вновь учрежденнаго министерства государственныхъ имуществъ, обратилъ особенное вниманіе на дѣло переселенія. Признавая дѣйствовавшія ранѣе постановленія по этому предмету недостаточно обезпечивающими интересы переселяющихся, онъ въ измѣненіе и дополненіе ихъ выработалъ новыя правила, удостоенныя Высочайшаго утвержденія 8 апрѣля 1843 г.

По мысли графа Киселева, положенной въ основаніе правилъ, переселеніемъ государственныхъ крестьянъ преслѣдовалась двоякая цѣль: „чтобы сельскимъ обществамъ, нуждающимся въ землѣ, предоставить, съ выходомъ переселенцевъ, потребное количество оной на остальныя души, и чтобы излишнія руки въ однихъ мѣстахъ обратить къ воздѣлыванію пространствъ, впустѣ лежащихъ". При такихъ условіяхъ переселеніе допущено было только изъ малоземельныхъ обществъ, гдѣ угодій приходилось менѣе пяти десятинъ на душу, и съ такимъ разсчетомъ, чтобы цифра оставшагося населенія не превышала указаннаго отношенія къ земельному надѣлу. Переселеніе въ многоземельныя губерніи Европейской Россіи производилось съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, а въ сибирскія губерніи—мѣстныхъ палатъ, но въ томъ и другомъ случаѣ не иначе, какъ по просьбѣ самихъ переселяющихся и съ согласія общества. Для водворенія назначались мѣстности, въ которыхъ имѣлось достаточно свободныхъ земель. Въ такихъ мѣстностяхъ заранѣе нарѣзывались участки, площадью отъ 4 до 5 тысячъ десятинъ, къ осмотру которыхъ допускались довѣренные отъ лицъ, уже получившихъ разрѣшеніе на переселеніе, а въ Сибири — и до полученія этого разрѣшенія. Земли отводились въ общинное пользованіе, съ надѣломъ по 15 десятинъ на душу, но въ извѣстныхъ случаяхъ допускалось образованіе и семейныхъ участковъ, отъ 30 до 60 десятинъ на дворъ. Желающимъ до выхода съ мѣста жительства не воспрещалось отказаться отъ переселенія и удержать за собою прежнія земли. Сельскія общества, въ пользу которыхъ отходили земельные участки переселявшихся, обязывались въ вознагражденіе за то выдавать послѣднимъ пособія на передвиженіе, по взаимному соглашенію. Продажа имущества на старинѣ допускалась только по полученіи разрѣшенія

на переселеніе, причемъ выходящіе члены общества сохраняли за собою право снять хлѣбъ, посѣянный на своихъ участкахъ, и изъ общественныхъ магазиновъ получить все количество зерна, какое по числу ихъ душъ причиталось изъ наличныхъ запасовъ.

Къ мѣстамъ водворенія переселенцы отправлялись подъ надзоромъ особыхъ проводниковъ и во время пути должны были получать готовое продовольствіе отъ обывателей, склонявшихся къ тому окружными начальниками, могли пользоваться безвозмездно квартирами въ придорожныхъ селеніяхъ и правомъ пастьбы скота на общественныхъ пастбищахъ и безплатнаго перевоза черезъ рѣки. Заболѣвшіе въ пути доставлялись въ ближайшіе города и лечились на счетъ казны. Палаты государственныхъ имуществъ обязаны были оказывать переселяющимся „всевозможныя пособія и ограждать ихъ отъ притѣсненій всякаго рода“.

На мѣстахъ водворенія переселенцы размѣщались по квартирамъ въ сосѣднихъ селеніяхъ; для нихъ заранѣе отправленными членами семей своевременно производились запашки и посѣвы хлѣбовъ на участкахъ и заготовлялось въ потребномъ количествѣ сѣно, а казна закупала рабочій скотъ и земледѣльческія орудія. Послѣднихъ выдавалось безплатно не менѣе одного плуга на восемь домохозяевъ, а рабочаго скота—по парѣ воловъ на семью. На домообзаведеніе отпускался безвозмездно лѣсъ по сто корней на каждую семью, и сверхъ того выдавалось безвозвратно денежное пособіе въ размѣрѣ 20 рублей, или при неотпускѣ лѣса—35 рублей; затѣмъ ссужались сѣмена для посѣва въ поляхъ, съ условіемъ возврата ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ случаѣ недостатка воды на участкѣ или отсутствія близлежащихъ мельницъ, на счетъ хозяйственнаго капитала министерства государственныхъ имуществъ устраивались для новоселовъ колодцы и возводились мельницы. Переписка о перечисленіи переселенцевъ возлагалась на палаты государственныхъ имуществъ, которыя обязывались всѣ требуемые для такого перечисленія документы представлять въ казенныя палаты.

Переселенцамъ предоставлялась шестилѣтняя льгота отъ воинскаго постоя, освобожденіе на три набора отъ рекрутской повинности и на восемь лѣтъ отъ платежа всѣхъ податей и денежныхъ и натуральныхъ повинностей, кромѣ оброчной подати, которая въ послѣдніе четыре года взималась въ половинномъ размѣрѣ; наконецъ, съ переселившихся слагались всѣ личныя недоимки въ государственныхъ податяхъ, недоимки же по земскимъ повинностямъ перелагались на прежнія общества.

Кромѣ переселенія на свободныя казенныя земли, дѣйство-

вавшими правилами допускался переходъ отдѣльныхъ семей въ другія, хотя бы и малоземельныя общества, причемъ соблюдался порядокъ, который перешелъ затѣмъ въ „Положеніе“ 19 февраля 1861 г. Изъ многоземельныхъ губерній переселеніе на казенныя земли разрѣшалось только въ особо уважительныхъ случаяхъ и притомъ въ однѣ сибирскія губерніи.

Въ приведенномъ законодательномъ актѣ нельзя не видѣть всей опекунской заботливости, которую проявило министерство государственныхъ имуществъ по отношенію къ переселенцамъ, за время управленія казенными крестьянами. Постановленія „Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“ и распоряженія министерства при графѣ Киселёвѣ входили во всѣ подробности устройства переселенцевъ и старались оградить ихъ отъ всѣхъ неблагопріятныхъ случайностей. Произведенныя въ 80-хъ и 90-хъ годахъ хозяйственно-статистическія изслѣдованія Сибири выяснили, между прочимъ, тотъ фактъ, что дѣло переселенія при графѣ Киселевѣ было весьма удовлетворительно и прочно поставлено. Если и встрѣчались случаи неудачныхъ переселеній, когда нѣкоторыя изъ новыхъ поселеній приходили въ разстройство и даже совсѣмъ распадались, то случаи эти, сравнительно, были нечасты и обусловливались главнымъ образомъ отводомъ плохихъ мѣстъ подъ водвореніе.

Съ 1831 по 1866 г., т.-е. въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ, слѣдовавшихъ преимущественно за учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, переселилось на изложенныхъ выше основаніяхъ 57.442 семьи, въ количествѣ 320.000 душъ обоего пола, изъ которыхъ значительнѣйшее большинство, почти до 93%, вышли изъ центральныхъ губерній Россіи. Вначалѣ переселенцы направлялись въ южныя губерніи: воронежскую, харьковскую, тамбовскую, затѣмъ въ юго-восточныя: саратовскую, астраханскую, оренбургскій край и области сѣвернаго Кавказа, а въ 50-хъ годахъ преимущественно въ Западную Сибирь и енисейскую губернію. Въ одной Западной Сибири водворилось такимъ образомъ до 100.000 душъ казенныхъ крестьянъ.

На нужды переселенческаго дѣла ежегодно отпускались въ распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ, начиная съ 1839 и по 1865 г., особые кредиты, размѣръ которыхъ составлялъ около 142.000 руб. въ годъ.

III.

Хотя „Уставомъ" строго воспрещалось самовольное переселеніе казенныхъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе оно не прекращалось и шло обычнымъ порядкомъ наряду съ правительственною колонизаціею. Въ самовольномъ переселеніи участвовали крестьяне всѣхъ наименованій, и этотъ видъ переселенія давалъ окраинамъ, надо думать, еще бо́льшее число насельниковъ, чѣмъ уходившихъ съ предварительнаго разрѣшенія правительства. Оффиціальными данными установлено, что въ началѣ 40-хъ годовъ изъ тамбовской губерніи самовольно выселялось, напр., до 1.000 душъ ежегодно, изъ полтавской за семь лѣтъ ушло свыше 2.000 душъ. Распоряженіями правительства, которое находило, что возвращеніе на родину самовольныхъ переселенцевъ „привело бы ихъ къ совершенному разстройству, не принося при этомъ никакой пользы казнѣ", всѣ подобные переселенцы обыкновенно оставлялись на мѣстахъ новаго жительства. Нѣкоторымъ изъ нихъ отводились казенныя земли, однако безъ предоставленія льготъ и пособій; инымъ предоставлялось причисляться къ обществамъ старожиловъ, съ переводомъ на нихъ недоимокъ по прежнимъ обществамъ и съ обязательствомъ отбывать рекрутскую повинность на новыхъ мѣстахъ. Въ 1845 г. на такихъ основаніяхъ устроены, напр., были всѣ самовольные переселенцы, прибывшіе безъ соблюденія требованій „Устава" въ губерніи оренбургскую, самарскую, тобольскую и томскую.

При широкой организаціи правительственной помощи переселенцамъ, существованіе подобнаго явленія надо приписать, несомнѣнно, тому обстоятельству, что „Уставъ", будучи продуктомъ своего времени, касался только одной группы крестьянъ—государственныхъ. Всѣ владѣльческіе крестьяне стояли внѣ дѣйствія этого „Устава" и составляли, какъ извѣстно, едва ли не самое главное ядро лицъ, самовольно уходившихъ съ родины. Такими выходцами изъ крѣпостныхъ почти исключительно былъ заселенъ, напр., въ то время міусскій округъ Области Войска Донского и нѣкоторыя другія мѣстности Новороссійскаго края. По отношенію къ крѣпостнымъ роль правительства всецѣло замѣнялась властью и усмотрѣніемъ помѣщиковъ, которымъ и предоставлялось право переселять своихъ людей. Помѣщики, въ случаѣ надобности, переводили своихъ людей изъ имѣній въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ въ малолюдныя помѣстья или на купленныя для этой цѣли пустопорожнія земли, а иногда и прямо прода-

вали крѣпостныхъ „на своз“, для водворенія на земляхъ, принадлежащихъ постороннимъ владѣльцамъ. Для такого переселенія со стороны помѣщиковъ достаточно было одного заявленія въ земскій судъ и соблюденія правила, чтобы переселяемыми были внесены подати и исполнена рекрутская повинность за текущій годъ. По отношенію къ крѣпостнымъ законъ допускалъ вмѣшательство правительственной власти только въ двухъ случаяхъ: онъ не дозволялъ самовольнаго переселенія владѣльческихъ крестьянъ и требовалъ обязательнаго перевода ихъ помѣщиками въ другія вотчины, когда земли у нихъ приходилось менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу. Какъ переселяли своихъ крѣпостныхъ помѣщики, на какихъ основаніяхъ устраивали ихъ на новыхъ мѣстахъ и, наконецъ, какое мѣсто въ общемъ колонизаціонномъ движеніи занималъ этотъ видъ переселенія,—свѣдѣній объ этомъ не имѣется. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что подобные переводы крестьянъ въ нѣкоторыя мѣстности, особенно на Уралъ и въ южныя новороссійскія губерніи, производились въ довольно широкихъ размѣрахъ. Въ этомъ случаѣ допускалась также предварительная отправка работниковъ на новыя мѣста для заготовки земли подъ пашню и постройки избъ и отъ односельцевъ давалась „подмога“, при отправкѣ переселяющихся, натурою или деньгами.

Болѣе широкое право въ дѣлѣ переселенія владѣльческихъ крестьянъ правительство оставило за собою лишь по отношенію къ небольшой группѣ такъ называемыхъ половниковъ вологодской губерніи. Эти послѣдніе переселялись правительствомъ на свободныя казенныя земли или приписывались къ многоземельнымъ обществамъ государственныхъ крестьянъ, съ согласія таковыхъ, когда окажется, что они не заключили установленныхъ закономъ условій съ владѣльцами половническихъ земель. Въ томъ и другомъ случаѣ переселенцы получали извѣстныя льготы и пособія примѣнительно къ установленнымъ для переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ. Приписку къ многоземельнымъ обществамъ казенныхъ крестьянъ съ надѣломъ землею и безъ согласія обществъ законъ допускалъ также для лицъ, обязанныхъ избрать родъ жизни.

Такимъ образомъ, въ дореформенное время, когда до половины земледѣльческаго населенія Россіи было несвободнымъ, законодательство наше признавало за крестьянами всѣхъ категорій, не исключая и помѣщичьихъ, право на переселеніе, а въ извѣстныхъ случаяхъ это переселеніе даже вмѣняло въ обязанность имъ. Право же это исключительно основывалось на соот-

ношеніи размѣровъ душевого надѣла къ нормамъ его, которыя признавались необходимыми для хозяйственнаго обезпеченія семьи. Такое положеніе дѣла побуждало какъ правительство, такъ и самихъ землевладѣльцевъ постоянно заботиться, по мѣрѣ сгущенія населенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, о переселеніи избытка его на новыя свободныя земли. Это цѣлесообразное начало, положенное въ основаніе земельной политики государства въ прежнее время, въ значительной степени способствовало поднятію и упроченію того благосостоянія, которымъ пользовалось сельское населеніе временъ императора Николая I. Но вскорѣ въ направленіи переселенческаго дѣла произошелъ существенный поворотъ и впервые рѣзкое отступленіе отъ указанныхъ руководящихъ началъ допустилъ великій освободительный актъ 19 февраля 1861 года.

IV.

По „Положенію" 19 февраля крестьяне получали личную свободу и обязывались выкупать въ собственность предоставленные имъ земельные надѣлы, становясь, такимъ образомъ, крестьянами-собственниками и выходя изъ-подъ опеки помѣщиковъ. Вмѣстѣ съ такимъ выходомъ они, однако, не сливались съ остальнымъ населеніемъ крестьянъ государственныхъ, такъ какъ у этихъ послѣднихъ земли считались принадлежащими казнѣ. При такихъ условіяхъ ни помѣщики, ни правительство не считали болѣе своею обязанностью заботиться о судьбѣ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и весь приростъ населенія ихъ долженъ былъ находить удовлетвореніе уже безъ всякаго правительственнаго воздѣйствія. Всѣ законоположенія объ устройствѣ лицъ сельскаго состоянія, изданныя въ дополненіе и развитіе „Положенія" 19 февраля, не содержатъ никакихъ указаній относительно переселенія крестьянъ, оставаясь, такимъ образомъ, вѣрными началамъ, выраженнымъ въ этомъ „Положеніи". „Положеніе" же это устанавливало только правила для перехода крестьянъ изъ одного общества въ другое и нигдѣ не говорило о переселеніи.

Другимъ существеннымъ отступленіемъ отъ прежде принятыхъ основаній въ дѣлѣ обезпеченія населенія землею являлось допущеніе для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, такихъ земельныхъ надѣловъ, размѣръ которыхъ, при существующихъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства, совсѣмъ не отвѣчалъ представленію о такомъ обезпеченіи. Противъ надѣла, бравшагося въ дореформенное время за норму при устройствѣ лицъ

сельскаго состоянія, крестьянскіе душевые надѣлы во многихъ черноземныхъ губерніяхъ ограничены были 2—3 дес. на ревизскую душу, затѣмъ допущены были несоотвѣтственно малые надѣлы, какъ четвертные, дарственные, и, наконецъ, цѣлыя группы лицъ, устройство которыхъ закономъ не было предусмотрѣно, остались совсѣмъ безъ земли. Къ числу таковыхъ относились батраки и бобыли, не пользовавшіеся, въ мѣстностяхъ съ подворнымъ владѣніемъ, усадебнымъ или полевымъ надѣломъ въ селеніяхъ крестьянъ, бывшіе вольные люди, проживавшіе на помѣщичьихъ земляхъ, неполучившіе надѣла дворовые люди и др.

Столь существенныя отступленія, указывая на безповоротное рѣшеніе правительства снять съ себя хозяйственныя заботы и попеченія о сельскомъ населеніи, не замедлили повести за собой и дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи. Въ 1866 г. государственные крестьяне были переданы въ вѣдѣніе общихъ крестьянскихъ учрежденій и къ нимъ примѣнены были основныя начала „Положенія“ 19 февраля. Такимъ образомъ „Уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“, хотя и не отмѣненный послѣдующими законоположеніями, фактически пересталъ дѣйствовать, какъ законъ. Съ того времени для крестьянъ всѣхъ наименованій закрылся доступъ къ законному переселенію и все понятіе о немъ свелось къ простому переходу крестьянъ изъ одного общества въ другое, на основаніи ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ“. Исключеніе допущено было только для государственныхъ крестьянъ, въ случаѣ, если при производствѣ поземельно-устроительныхъ работъ оказался бы у нихъ недостатокъ въ землѣ или выяснились неудобства землевладѣнія. Право на переселеніе сохранено было также за половниками вологодской губерніи и лицами, обязанными избрать родъ жизни, или установлено въ позднѣйшіе 1861—1868 годы по спеціальнымъ узаконеніямъ для нѣкоторыхъ немногихъ видовъ сельскаго состоянія, какъ для крестьянъ мелкопомѣстныхъ имѣній, горнозаводскихъ мастеровыхъ, однодворцевъ западныхъ губерній, отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ и нѣкоторыхъ другихъ. Хотя законоположеніями объ этихъ послѣднихъ лицахъ переселяющимся на казенныя земли предоставлялись извѣстныя льготы и пособія, тѣмъ не менѣе точныхъ и опредѣленныхъ правилъ о порядкѣ переселенія ихъ нигдѣ не указывалось и на практикѣ примѣненіе этихъ частныхъ узаконеній должно было представлять значительныя затрудненія.

Такимъ образомъ, послѣдствіемъ освободительной реформы явилось то общее положеніе, что крестьяне, получившіе тѣ или

иные земельные надѣлы, лишены были права на переселеніе на казенныя земли. Хотя въ періодъ времени отъ 1858 до 1866 г. правительство принимало мѣры къ заселенію нѣкоторыхъ окраинныхъ мѣстностей Россіи, какъ Приамурскаго края, сѣверныхъ предгорій западнаго Кавказа и Черноморскаго округа, но мѣры эти, какъ частныя, притомъ вызванныя особыми соображеніями политическаго свойства, не говорили за возбужденіе общаго вопроса о переселеніяхъ. Съ характеромъ болѣе общаго значенія являлось узаконеніе 30 іюля 1865 г., которымъ допускалось переселеніе государственныхъ крестьянъ на земли Кабинета Его Величества и водвореніе ихъ, съ разрѣшенія алтайскаго горнаго правленія, на свободныхъ участкахъ, но и оно было издано лишь по соображеніямъ, главнымъ образомъ, выгодности такого переселенія для нуждъ и потребностей горныхъ заводовъ. Между тѣмъ, постоянные случаи самовольнаго ухода крестьянъ изъ мѣстъ приписки указывали, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи существовали побудительныя причины, которыя приводили къ необходимости переселеній. Въ одномъ положеніи малоземелья, вслѣдствіе изложенныхъ выше причинъ, оказалось послѣ выдачи уставныхъ грамотъ до 1.000.000 душъ крестьянъ. Отводъ земельныхъ надѣловъ не на наличныя, а на ревизскія души привелъ, равнымъ образомъ, къ тому, что весь естественный приростъ населенія со времени послѣдней ревизіи 1857 г. и до 1861 г., т.-е. до времени составленія уставныхъ грамотъ, земли не получилъ. Если, сверхъ того, принять во вниманіе, что нѣкоторыя категоріи безземельныхъ крестьянъ остались совсѣмъ неустроенными въ поземельномъ отношеніи и въ то же время размѣры установленнаго податного обложенія оказались по многимъ мѣстностямъ неотвѣчающими доходности крестьянскихъ земель, то тяготѣніе крестьянства къ переселенію станетъ совершенно понятнымъ. „Есть мѣстности,—говорилось въ запискѣ о переселеніяхъ рязанскаго губернскаго предводителя дворянства, представленной въ 70-хъ годахъ министру внутреннихъ дѣлъ,—въ которыхъ крестьяне дѣйствительно пришли въ крайнюю нищету отъ недостатка полевыхъ и другихъ угодій, и неисходное положеніе отдѣльныхъ семействъ и даже цѣлыхъ обществъ заставляетъ ихъ искать гдѣ бы то ни было средствъ къ существованію. Эти исключительныя несчастныя семьи, поселки и деревни зародились вслѣдствіе допущенныхъ при введеніи Положенія 19 февраля 1861 г. безобразныхъ надѣловъ". Но рядомъ съ этими чисто экономическими причинами на переселеніе вліяли также и вся совокупность бытовыхъ условій жизни русскаго на-

рода, вытекавшихъ изъ его исторіи, и изстари сложившееся стремленіе его къ разселенію по окраинамъ.

Поэтому послѣ освобожденія крестьянъ переселенія не только не прекратились, но подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, вызванныхъ изданіемъ Положенія 19 февраля, которое кореннымъ образомъ измѣнило патріархально-вотчинный строй быта населенія, и вслѣдствіе постояннаго уменьшенія размѣровъ крестьянскаго душевого владѣнія, приняли еще болѣе широкіе размѣры. Однако правительство, озабоченное осуществленіемъ великихъ реформъ, долгое время не хотѣло считаться съ этимъ явленіемъ, и если принимало тѣ или иные мѣры, направленныя къ упорядоченію переселенія, то мѣры эти не говорили за ясно сознанное убѣжденіе въ государственномъ и экономическомъ значеніи переселенія, а скорѣе за временную потребность распутать годами нарождавшійся хаосъ въ переселенческомъ дѣлѣ по какой-либо мѣстности.

При такихъ условіяхъ въ теченіе почти трехъ десятилѣтій, считая отъ начала 60-хъ годовъ, крестьяне въ исканіи новыхъ мѣстъ были предоставлены самимъ себѣ и предпринимали переселеніе на собственный рискъ и страхъ. Броженіе, выразившееся въ формѣ ухода съ насиженныхъ мѣстъ, все увеличивалось и незамѣтно охватывало всю коренную крестьянскую Россію, продолжавшую самостоятельно выполнять свою важную историческую миссію разселенія населенія по огромной территоріи государства. Стѣсняемые выполненіемъ требованій ст. 130 Общ. Пол., крестьяне, подъ видомъ ухода на заработки, выправляли паспорта, распродавали свое имущество, забирали семью и въ наскоро сколоченной повозкѣ отправлялись въ путь, иногда украдкой по ночамъ, изъ опасенія встрѣчи съ начальствомъ. Многіе, не зная назначенія путей, ведущихъ къ намѣченной цѣли, и не смѣя спросить кого-либо, подолгу блуждали въ дорогахъ, и бывали случаи, что вмѣсто одной мѣстности или даже губерніи—попадали совершенно въ другую. Придорожные обыватели, боясь отвѣта за „страннихъ людей“, рѣдко давали пріютъ имъ; поэтому остановки по ночамъ дѣлались въ открытомъ полѣ, въ лѣсу или за околицей селеній. При истощеніи средствъ, переселенцы двигались „Христовымъ именемъ“ или нанимались въ работы къ крестьянамъ. Цѣлые мѣсяцы, иногда годы проходили въ такомъ передвиженіи до новыхъ мѣстъ, куда семьи новоселовъ приходили нерѣдко совершенно обезсилѣвшими, обнищавшими и неспособными не только къ устройству собственнаго хозяйства, но даже къ труду.

Шестидесятые и семидесятые годы отмѣчены особенно сильнымъ движеніемъ переселенцевъ въ Оренбургскій край, который являлся тогда первымъ этапомъ по пути въ Сибирь. Молва о земельныхъ богатствахъ этого края, послужившая поводомъ къ изданію особыхъ льготныхъ законовъ для пріобрѣтенія башкирскихъ земель, побудила крестьянъ искать себѣ земельнаго простора и приволья тамъ же, гдѣ это приволье продавалось всѣмъ, желавшимъ воспользоваться изданіемъ сказанныхъ законовъ. Переселенцы пошли и какъ бы сознательно отвѣтили на призывъ уфимскаго дворянства, возбуждавшаго въ это время вопросъ объ искусственномъ привлеченіи крестьянъ-переселенцевъ на ихъ пустовавшія бездоходныя земли. Въ Оренбургскомъ краѣ осѣдали не только направлявшіеся сюда выходцы изъ другихъ губерній, но нерѣдко и шедшіе въ далекую Сибирь и остановившіеся здѣсь, вслѣдствіе утомленія отъ продолжительнаго пути или истощенія средствъ. Къ концу семидесятыхъ годовъ число такихъ переселенцевъ по оренбургской и уфимской губерніямъ насчитывалось до 118.000 душъ. За крайне ограниченнымъ количествомъ казенныхъ земель, нарѣзавшихся для цѣлей поселенія, и плохимъ качествомъ участковъ, переселенцы устраивались преимущественно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и частью на земляхъ башкиръ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1883 г., изъ всего числа выходцевъ, прибывшихъ въ уфимскую губернію, до 75% оказалось, такимъ образомъ, водворившимися на частновладѣльческихъ земляхъ и до 19% въ дачахъ башкиръ-вотчинниковъ, и только около 6% осѣло на казенныхъ земляхъ или приписалось къ обществамъ старожиловъ. Землевладѣльцы съ охотою уступали переселенцамъ свои участки, купленные за безцѣнокъ на льготныхъ условіяхъ и остававшіеся большею частью безхозяйными. Являясь на дѣвственныя, плодородныя земли, новоселы наскоро совершали съ владѣльцами ихъ договорныя условія и приступали къ постройкамъ. Условія эти носили самый разнообразный характеръ, до домашнихъ и словесныхъ актовъ включительно. Для переселенцевъ прежде всего нужна была земля, а не эти условія, смыслъ которыхъ для нихъ былъ мало понятенъ, и они вѣрили въ силу хотя бы и словесныхъ договоровъ. Послѣдствія, однако, показали, насколько легковѣрны были новоселы, когда многіе изъ нихъ, уплативъ за приторгованную землю значительную часть договоренной суммы и обзаведясь прочною домашнею осѣдлостью, въ концѣ концовъ, по настоянію владѣльцевъ, должны были уходить съ участковъ, какъ лишенные правъ на нихъ, бросать имущество и почти совершенно разоряться.

Съ такимъ же легковѣріемъ отнеслись переселенцы и къ водворенію на башкирскихъ земляхъ. Владѣльцы обширныхъ вотчинныхъ дачъ — башкиры не отставали отъ частныхъ владѣльцевъ въ желаніи наиболѣе выгоднымъ образомъ использовать свои земли, и это желаніе доходило до того, что они, въ нарушеніе всѣхъ правилъ и распоряженій правительства, позволили новоселамъ приселяться къ себѣ „на умершія души" или устраиваться цѣлыми колоніями на своихъ душевыхъ надѣлахъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, оренбургскій генералъ-губернаторъ сообщалъ министерству внутреннихъ дѣлъ, что на башкирскихъ земляхъ „существуютъ цѣлыя селенія изъ переселенцевъ, состоящія болѣе чѣмъ изъ 800 душъ. Подобныя селенія, какъ учредившіяся безъ разрѣшенія правительства, остаются безъ общественнаго управленія, безъ приписки къ волостямъ и безъ начальства". Новоселы, хотя и сознавали отчасти все безправіе своего положенія, тѣмъ не менѣе, продолжали строиться и селиться въ смутной надеждѣ, что, обзаведясь осѣдлостью, они явятся тѣми же припущенниками башкиръ-вотчинниковъ, какими явились осѣвшіе въ прежнее время переселенцы.

Такое положеніе дѣла побудило администрацію уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ сдѣлать попытку къ упорядоченію крестьянскихъ переселеній въ Оренбургскій край. По соглашенію съ министерствомъ государственныхъ имуществъ были выработаны особыя правила о переселеніи въ оренбургскую [1]) и самарскую губерніи и сообщены для руководства губернаторамъ въ циркулярѣ отъ 13-го апрѣля 1868 г.

На основаніи этихъ правилъ, желающіе поселиться въ одной изъ названныхъ губерній допускались мѣстнымъ управленіемъ государственными имуществами къ осмотру казенныхъ участковъ и, по выборѣ таковыхъ, снабжались отъ управленія особыми разрѣшительными свидѣтельствами, которыя служили замѣною пріемныхъ приговоровъ. Избранные участки зачислялись за переселенцами на одинъ годъ со дня выдачи упомянутыхъ свидѣтельствъ. Отводъ земель возлагался на мѣстныя управленія государственными имуществами и производился по перечисленіи переселенцевъ по мѣсту новаго водворенія. Для этого послѣдняго требовалось представленіе ими въ мѣстную казенную палату увольнительнаго свидѣтельства отъ волостного старшины и свидѣтельства на право водворенія на казенномъ участкѣ.

Означенный порядокъ былъ установленъ для крестьянъ „всѣхъ

---

[1]) Оренбургская губернія въ то время была еще нераздѣльною съ уфимскою.

наименованій", которые желали переселиться „единично или, по крайней мѣрѣ, не въ большомъ числѣ" семей, но для переселенія „цѣлыми обществами и вообще большими массами" требовалось предварительное разрѣшеніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ томъ же циркулярѣ указывалось на полезность разсылки его въ волостныя правленія, дабы „распоряженіе это, облегчивъ крестьянскому населенію ознакомленіе съ порядкомъ и условіями переселенія, тѣмъ самымъ содѣйствовало бы къ воздержанію желающихъ переселиться отъ напраснаго отправленія въ такія мѣстности, гдѣ водвореніе ихъ, по неимѣнію тамъ свободныхъ казенныхъ земель, невозможно".

Обнародованіе циркуляра, устанавливавшаго новыя правила въ дѣлѣ переселенія, какъ и можно было ожидать, послужило толчкомъ еще къ большему броженію въ умахъ крестьянъ, которое замѣчалось въ то время, вслѣдствіе ходившихъ среди населенія различныхъ слуховъ о „новой волѣ", „общемъ передѣлѣ земель" и т. п. Указаніе на „переселеніе" понято и истолковано было многими, какъ вызовъ и даже принужденіе къ выселенію. Были случаи, что иные подавали прошенія объ оставленіи ихъ на старыхъ мѣстахъ. Пошли толки о „земляхъ царицы", о „степяхъ Тавріи", куда, будто бы, переселяютъ народъ, и движеніе повсемѣстно стало разрастаться. Усиленію этого движенія немало способствовалъ также неурожай, охватившій нѣкоторыя изъ западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній.

Въ виду этого, не далѣе, какъ черезъ три недѣли, былъ опубликованъ новый циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 4-го мая 1868 г., который хотя и не отмѣнялъ изданныхъ правилъ о переселеніи, но дополнительными разъясненіями о неуклонномъ соблюденіи дѣйствующихъ правилъ объ увольненіи изъ прежнихъ обществъ и требованіемъ недопущенія самовольнаго ухода со старины, подъ угрозою строгой отвѣтственности не только самихъ переселяющихся, но и должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія, въ значительной степени затруднилъ и сократилъ примѣненіе ихъ на дѣлѣ. Мѣстною администраціею приняты были экстренныя мѣры, въ видѣ разъясненія циркулярныхъ распоряженій на сходахъ, невыдачи паспортовъ на отлучку и разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на поселеніе въ Оренбургскомъ краѣ, даже возвращенія переселенцевъ съ пути и т. п. Путемъ принятыхъ мѣръ движеніе стало ослабѣвать, но въ то же время опасеніе новаго усиленія его побудило почти совсѣмъ прекратить на дѣлѣ примѣненіе правилъ 13-го апрѣля 1868 года.

V.

При такомъ направленіи дѣла, дальнѣйшія мѣры правительства по части переселенія сводятся, главнымъ образомъ, къ узаконенію и устройству быта уже осѣвшихъ на новыхъ мѣстахъ переселенцевъ.

Послѣдствіемъ хлопотъ и ходатайствъ мѣстнаго управленія Оренбургскимъ краемъ объ обезпеченіи быта водворившихся въ немъ переселенцевъ явились два, одинъ за другимъ слѣдовавшіе, закона: 9-го апрѣля 1869 г. „о мѣрахъ къ водворенію въ оренбургской губерніи издавна проживающихъ тамъ переселенцевъ изъ другихъ губерній" и 6-го февраля 1871 г.—о распространеніи этихъ мѣръ на губернію уфимскую и на проживающихъ въ ней, а также въ оренбургской губерніи, горнозаводскихъ мастеровыхъ казенныхъ и частныхъ заводовъ и бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Законъ 9-го апрѣля 1869 г. касается проживающихъ въ оренбургской губерніи крестьянъ, бывшихъ государственныхъ, которые, слѣдуя по полученнымъ разрѣшеніямъ въ Сибирь и на Амуръ, остановились въ названной губерніи или издавна водворились въ ней и арендуютъ казенныя или частныя земли, и крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ съ дарственнымъ надѣломъ. Тѣмъ и другимъ онъ предоставляетъ, въ случаѣ заявленнаго желанія, перейти въ разрядъ мѣстныхъ крестьянъ, съ причисленіемъ къ одному изъ ближайшихъ обществъ, съ согласія послѣдняго, или къ волости, и съ переводомъ на ихъ личную отвѣтственность числившихся по прежнимъ обществамъ недоимокъ въ податяхъ и рекрутской повинности. Переписка по дѣламъ о подобныхъ перечисленіяхъ возлагалась на губернское присутствіе. Тѣмъ же закономъ предоставлялось означеннымъ переселенцамъ образовывать изъ себя отдѣльныя общества, при условіи пріобрѣтенія ими въ собственность участковъ земли, въ размѣрѣ не менѣе $^1/_4$ высшаго или указнаго надѣла по той мѣстности, гдѣ они проживаютъ. Такое устройство переселенцевъ допускалось только для лицъ, прибывшихъ въ губернію до дня обнародованія закона, а согласно позднѣйшему узаконенію— до 6-го февраля 1871 г.

Приведенныя постановленія, однако, не достигли своей цѣли, такъ какъ переселенцы продолжали попрежнему прибывать и увеличивать собою неустроенный элементъ въ краѣ. По сообщенію оренбургскаго генералъ-губернатора, въ теченіе менѣе, чѣмъ двухъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за изданіемъ законовъ, прибыло въ

край „до 10.000 душъ бродячаго безземельнаго населенія, состоящаго изъ крестьянъ, которые остаются безъ приписки къ обществамъ и не имѣютъ средствъ выйти изъ края обратно". Въ свою очередь, хотя значительное число изъ ранѣе прибывшихъ переселенцевъ получило законное право считаться жителями оренбургской и уфимской губерній, тѣмъ не менѣе оно лишено было прочнаго земельнаго устройства и осталось въ томъ же неопредѣленномъ положеніи, какъ и до изданія упомянутыхъ законовъ. Окончательно устроенными могли считаться только тѣ немногія лица, которыя получили пріемные приговоры отъ сельскихъ обществъ или же участки казенной земли. Такое положеніе дѣла въ связи съ наплывомъ новыхъ переселенцевъ и невозможностью безъ окончательнаго разоренія и значительныхъ ущербовъ для казны возвращать ихъ обратно на родину ставило въ затруднительное положеніе мѣстную администрацію, вынужденную силою вещей допускать дальнѣйшее пребываніе на новыхъ мѣстахъ всѣхъ пришельцевъ и возбуждать передъ правительствомъ рядъ вопросовъ и отдѣльныхъ ходатайствъ объ устройствѣ ихъ.

Въ виду всего этого, въ 1873 г. при министерствѣ государственныхъ имуществъ была учреждена особая коммиссія изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ для обсужденія вопросовъ, касающихся устройства переселенцевъ въ Оренбургскомъ краѣ. На основаніи заключеній этой коммиссіи, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ внесено было представленіе въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, удостоенное Высочайшаго утвержденія 28 января 1876 г.

Новое „Положеніе" шло значительно далѣе предшествовавшихъ постановленій и опредѣляло устройство въ оренбургской и уфимской губерніяхъ всѣхъ „прибывшихъ туда изъ другихъ губерній переселенцевъ". Изъ числа таковыхъ, согласно I-й статьѣ, оно разрѣшало водвореніе на свободныхъ казенныхъ земляхъ кромѣ лицъ, имѣвшихъ уже право на это водвореніе по существующимъ узаконеніямъ: безземельнымъ крестьянамъ, не воспользовавшимся надѣломъ по уставнымъ грамотамъ и владѣннымъ записямъ, бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, принадлежавшимъ къ обществамъ, которые получили въ даръ ¼ высшаго или указнаго надѣла, бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, уволеннымъ изъ своихъ обществъ до выдачи владѣнныхъ записей, и затѣмъ изъ прочихъ переселенцевъ тѣмъ, которые, получивъ увольненіе изъ прежнихъ обществъ, прибыли въ Оренбургскій край до обнародованія „Положенія".

Остальнымъ переселенцамъ, которые проживали по увольнительнымъ свидѣтельствамъ или срочнымъ паспортамъ на земляхъ, купленныхъ или нанимаемыхъ у башкиръ и другихъ частныхъ владѣльцевъ, съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдлости, и пожелали бы окончательно водвориться въ краѣ, предоставлено причислиться къ ближайшей волости безъ испрошенія пріемнаго приговора или же составить изъ себя отдѣльныя сельскія общества. Такое образованіе обществъ допускалось для всѣхъ переселенцевъ какъ при условіяхъ, опредѣленныхъ уже закономъ 9 апрѣля 1869 г., т.-е. при покупкѣ въ собственность участка земли не менѣе 1/4 высшаго или указнаго на душу надѣла, такъ и при условіяхъ арендованія земли. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ требовалось, чтобы крестьяне держали въ кортомѣ по письменнымъ договорамъ, на сроки не менѣе 12-ти лѣтъ, земельный участокъ, составляющій на каждую душу не менѣе одного высшаго или указнаго надѣла, установленнаго по той мѣстности „Положеніями" 19 февраля. Сверхъ того, всякое образованіе обществъ законъ обусловливалъ наличностью не менѣе сорока душъ мужескаго пола.

Относительно той группы переселенцевъ, которые, получивъ разрѣшеніе на переселеніе въ Сибирь, остались въ краѣ, за истощеніемъ средствъ къ дальнѣйшему слѣдованію, и не пріобрѣли осѣдлости, постановлено, что они должны приписаться къ мѣстнымъ сельскимъ или городскимъ обществамъ, или къ волостямъ, въ 6-ти-мѣсячный срокъ со дня обнародованія закона, а лица, пришедшія послѣ обнародованія его,—со дня заявленія желанія остаться въ краѣ, съ тѣмъ, чтобы всѣ неисполнившіе этого требованія были приписаны по мѣсту своего настоящаго жительства распоряженіемъ начальства.

Переписка по дѣламъ о перечисленіи переселенцевъ Оренбургскаго края возлагалась, какъ и предшествовавшимъ закономъ, на мѣстныя губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; при этомъ разрѣшалось также состоявшія за перечисленными недоимки въ казенныхъ платежахъ и сборахъ переводить на нихъ долгомъ по мѣсту новаго жительства, съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой за переселенцевъ отвѣтственности.

Такимъ образомъ, хотя разсматриваемый законъ не имѣлъ общаго для всѣхъ заселяемыхъ мѣстностей значенія, но по отношенію къ Оренбургскому краю значеніе его сказалось уже въ томъ, что онъ расширялъ кругъ лицъ, которымъ предоставлялось право на отводъ надѣловъ изъ казенныхъ оброчныхъ ста-

тей. Для осуществленія этого права, по точному смыслу закона, признавалось достаточнымъ только факта „прибытія“ въ край перечисленныхъ въ ст. 1-й крестьянъ, причемъ время этого прибытія для большинства изъ нихъ не обусловливалось какими-либо сроками и, слѣдовательно, они не лишались правъ на казенную землю и въ случаѣ фактическаго переселенія послѣ изданія закона 23 января. Но, допуская водвореніе на казенныхъ земляхъ, „Положеніе“ не опредѣляло, однако, ближайшаго порядка, какимъ это водвореніе могло происходить. При такомъ положеніи дѣла и при несоотвѣтственно-маломъ запасѣ свободныхъ земель, предназначавшихся для цѣлей поселенія, трудно было разсчитывать, чтобы всѣ предусматриваемыя закономъ лица были обезпечены казенною землею, и въ дѣйствительности значительная часть ихъ хотя и была перечислена по мѣсту новаго жительства, но оказалась неустроенною въ поземельномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, приведенное „Положеніе“, устанавливая тотъ или иной порядокъ устройства всѣхъ переселенцевъ оренбургской и уфимской губерній, представляется серьезною попыткою въ разрѣшеніи переселенческаго вопроса въ краѣ.

По тѣмъ же соображеніямъ усиленнаго наплыва переселенцевъ и необходимости устройства ихъ быта на новыхъ мѣстахъ послѣдовало изданіе двухъ позднѣйшихъ узаконеній—9 ноября 1876 г. и 13 мая 1878 г., изъ которыхъ первое касалось переселенцевъ тобольской и томской губерній, „водворившихся тамъ съ давняго времени“, а второе—проживавшихъ въ самарской губерніи на нанимаемыхъ удѣльныхъ земляхъ крестьянъ другихъ губерній. Тѣмъ и другимъ предоставлено было въ порядкѣ, установленномъ для переселенцевъ Оренбургскаго края, перечислиться по мѣсту новаго жительства, а арендаторамъ удѣльныхъ земель самарской губерніи, сверхъ того, и образовать изъ себя отдѣльныя сельскія общества, съ переводомъ на личную отвѣтственность перечисляемыхъ недоимокъ по прежнимъ обществамъ и съ разсрочкою уплаты таковыхъ для переселенцевъ тобольской и томской губерній на четыре года.

Въ довершеніе мѣръ, принятыхъ по Оренбургскому краю, въ концѣ 70-хъ годовъ возбужденъ былъ вопросъ, по ходатайству оренбургскаго генералъ-губернатора, объ облегченіи способовъ устройства переселенцевъ на башкирскихъ и частновладѣльческихъ земляхъ оренбургской губерніи путемъ выдачи имъ денежныхъ ссудъ для покупки означенныхъ земель изъ особыхъ суммъ, которыя, въ размѣрѣ 250.000 руб., предположено было позаимствовать изъ продовольственнаго капитала башкиръ оренбург-

ской губерніи. Предположенія эти вмѣстѣ съ проектомъ правилъ о выдачѣ ссудъ были внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и удостоены Высочайшаго утвержденія 22-го мая 1879 г.

Положеніе это предоставляло право на полученіе ссудъ тѣмъ переселенцамъ, которые пожелали бы пріобрѣсти въ собственность земли, арендуемыя ими въ оренбургской губерніи у башкиръ или частныхъ лицъ, съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдлости и учрежденіемъ отдѣльнаго общественнаго управленія. Для полученія ссудъ требовалось, чтобы арендуемыя земли покупались цѣлымъ обществомъ крестьянъ-переселенцевъ, въ количествѣ не свыше одного высшаго или указнаго на каждую душу мужского пола надѣла, опредѣленнаго для той мѣстности „Положеніемъ" 19 февраля, и по цѣнѣ не свыше установлявшейся съ этою цѣлью оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ. Размѣръ ссудъ опредѣлялся въ 95% покупной цѣны участка,—остальную часть покупщики должны были внести въ казначейство изъ своихъ средствъ. Ссуды погашались въ теченіе двадцати-шести лѣтъ платежемъ ежегодно изъ 7% съ суммы капитальнаго долга. Обезпеченіемъ ссудъ служили наложеніе запрещенія на купленный участокъ земли, круговая порука членовъ общества и установленіе порядка увольненія отдѣльныхъ членовъ его до окончательнаго погашенія долга на условіяхъ, соблюдаемыхъ относительно состоящихъ на выкупѣ обществъ. Ссуды испрашивались чрезъ мѣстныя крестьянскія учрежденія, на основаніи приговора, постановленнаго съ участіемъ всѣхъ полноправныхъ домохозяевъ общества, и утверждались еще оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

За семидесятые годы, о которыхъ по отчетамъ губернаторовъ имѣются болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, переселенцы выходили главнымъ образомъ изъ густо населенныхъ земледѣльческихъ губерній центральной полосы Россіи: орловской, тульской, рязанской, тамбовской, пензенской, воронежской и курской. Меньшее, но тѣмъ не менѣе значительное число ихъ дали также среднія и восточныя губерніи, расположенныя по рѣкамъ Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Наиболѣе слабое движеніе замѣчалось изъ губерній западныхъ, юго-западныхъ и малороссійскихъ. Весь размѣръ движенія, направлявшагося въ однѣ южныя и юго-восточныя степныя губерніи Европейской Россіи, указывается за упомянутый періодъ времени въ огромной цифрѣ — 182.000 душъ обоего пола. Если имѣть въ виду, что цифра эта не обнимаетъ движенія, происходившаго въ шестидесятые годы, и что значительное число переселенцевъ одновременно слѣдовало также въ Сибирь

и на сѣверный Кавказъ, то можно съ безошибочностью утверждать, что за оба разсматриваемыя десятилѣтія размѣры всего выселенія должны превышать приведенную цифру, по крайней мѣрѣ, втрое или вчетверо.

Переселеніе держалось двухъ направленій: восточнаго и южнаго. Первое—сильнѣйшее въ предѣлахъ Европейской Россіи—шло въ губерніи оренбургскую и уфимскую (118 т. д.) и частью въ самарскую и астраханскую; второе—болѣе слабое—въ губерніи новороссійскія и въ область Войска Донского, гдѣ за семидесятые годы водворилось также до 50.000 душъ обоего пола. Изъ числа сибирскихъ губерній главнымъ пріёмникомъ земледѣльческаго населенія служила томская губернія и преимущественно Алтайскій округъ ея. Съ 1870 по 1880 г. водворившихся и перечисленныхъ переселенцевъ насчитывалось въ ней свыше 17.000 душъ обоего пола, но, несомнѣнно, цифра эта не обнимала всего дѣйствительнаго размѣра вселенія, такъ какъ по учету, произведенному въ 1880 г., только въ двухъ южныхъ округахъ губерніи оказалось до 24.000 переселенцевъ, которые оставались безъ перечисленія. Усиленно двигались переселенцы также и въ области сѣвернаго Кавказа. Здѣсь они мѣстомъ для водворенія избирали отчасти западную часть ставропольской губерніи, но преимущественно Кубанскую Область. Только на однѣ войсковыя территоріи послѣдней ежегодно направлялось свыше 20.000 душъ, и въ началѣ 80-хъ годовъ цифра пришлаго населенія, осѣвшаго въ качествѣ арендаторовъ войсковыхъ земель, опредѣлялась до 270.000 душъ обоего пола.

Всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ устанавливаютъ, что главнымъ двигателемъ, заставлявшимъ крестьянъ переселяться, являлось, съ одной стороны, возрастающее малоземелье, съ другой—непомѣрное возвышеніе наемныхъ и продажныхъ цѣнъ на земли. Оба эти обстоятельства, въ связи съ несовершенною техникою земледѣлія у крестьянъ, въ свою очередь указывали, что при настоящихъ экономическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ многія мѣстности во внутреннихъ губерніяхъ Россіи прокормить населеніе не могли. Этою причиной объясняется и первенствующая роль во всѣхъ выселеніяхъ центральной полосы Россіи, такъ какъ въ этой полосѣ оказывались и наименьшіе средніе надѣлы у крестьянъ, и наиболѣе высокія арендныя и покупныя цѣны на землю. Что касается губерній степныхъ и полустепныхъ, то значительное выселеніе изъ нихъ обусловливалось главнымъ образомъ распространенностью здѣсь крестьянскихъ хозяйствъ съ недостаточными четвертными и дарствен-

ными надѣлами и сверхъ того мѣстными природными особенностями, неблагопріятно вліявшими иногда на урожаи хлѣбовъ. Послѣдствія неурожаевъ, напр., особенно сильно отражались на самарской губерніи, гдѣ послѣ неурожайныхъ годовъ движеніе всегда замѣтно возрастало и ослабѣвало послѣ годовъ урожайныхъ. Выселеніе изъ губерній промысловыхъ и нечерноземныхъ представлялось совершенно ничтожнымъ и по весьма понятнымъ причинамъ. Въ губерніяхъ этихъ многоземелье и малоземелье не играютъ существенной роли въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и недостатки земельнаго надѣла и плохія качества его крестьяне восполняютъ уходомъ на заработки, который является такимъ образомъ какъ бы особымъ видомъ временнаго переселенія. Значительнымъ препятствіемъ къ выселенію служило здѣсь также обремененіе малоцѣнной крестьянской земли податями и налогами, вслѣдствіе чего сельскія общества старались препятствовать выселенію своихъ односельцевъ, не желая принимать на себя бремя новыхъ повинностей, оставляемыхъ на надѣлахъ.

Совокупность изложенныхъ обстоятельствъ показываетъ, что законоположенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, опредѣляя незначительный кругъ лицъ, которымъ дозволялось водвореніе и устройство на казенныхъ земляхъ, не обнимали всего существа переселенческаго дѣла. Данныя того времени свидѣтельствуютъ, что изъ числа переселявшихся только ничтожная часть могла, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, водворяться на казенныхъ земляхъ. Всѣ же остальные лишены были этого права и вынуждены были подчиняться всѣмъ невыгодамъ непрочнаго водворенія на частновладѣльческихъ, башкирскихъ и иныхъ земляхъ и оставлять незанятыми заготовлявшіеся для цѣлей водворенія казенные участки. Почти изъ 300.000 десятинъ, предназначенныхъ подъ водвореніе переселенцевъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи за время производства систематической нарѣзки участковъ, съ 1868 и по 1880 г. было отведено только 127.000 десятинъ, что при надѣлѣ отъ 5-ти до 15-ти десятинъ доставило устройство не болѣе 14 тысячамъ душъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что при наплывѣ переселенцевъ не всѣ считавшіеся незаселенными казенные участки на дѣлѣ оказывались таковыми и, напр., въ 1880 г. обнаружено было, что значительное число свободныхъ оброчныхъ статей, расположенныхъ въ екатеринославской, таврической и херсонской губерніяхъ, было занято самовольными переселенцами, которые проживали тамъ по частнымъ условіямъ съ съемщиками земель и успѣвали устроиться цѣлыми поселеніями иногда по нѣскольку десятковъ дворовъ.

VI.

Такимъ образомъ, основнымъ положеніемъ для всего разсмотрѣннаго періода слѣдуетъ признать отсутствіе общихъ организаціонныхъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію крестьянскихъ переселеній. Отъ принятія подобныхъ мѣръ удерживало правительство главнымъ образомъ господствовавшее въ то время воззрѣніе, что устроенное въ поземельномъ отношеніи населеніе не должно болѣе нуждаться въ правительственныхъ заботахъ о его благосостояніи. Къ этому присоединялось еще опасеніе возбудить среди крестьянъ превратные толки о значеніи этихъ мѣръ и несбыточныя надежды на дополнительную прирѣзку земли. Характернымъ выраженіемъ такого взгляда на переселенческій вопросъ является отзывъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, Валуева, по поводу ходатайства черниговскаго губернскаго земства о предоставленіи нуждающимся крестьянамъ черниговской губерніи правъ водворенія на казенныхъ земляхъ оренбургской и уфимской губерній. Въ отзывѣ этомъ указывалось на необходимость относиться къ поступающимъ ходатайствамъ о переселеніи на казенныя земли „съ величайшею осторожностью, дабы тѣмъ внушить населенію, что правительство, разъ устроивъ поземельный бытъ сельскаго населенія, не считаетъ себя обязаннымъ продолжать это устройство и раздавать цѣнныя казенныя земли для удовлетворенія временныхъ и случайныхъ потребностей“. Вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялось, что отклоненіе подобныхъ ходатайствъ имѣетъ особое значеніе еще „вслѣдствіе повсемѣстно наблюдаемаго настроенія сельскаго населенія, которое на основаніи ложныхъ слуховъ и злонамѣренныхъ толкованій вездѣ ожидаетъ новой нарѣзки земли, въ видахъ дополненія надѣловъ“. Между тѣмъ въ дѣйствительной жизни наблюдалось теченіе, показывавшее, что приступали къ переселенію на новыя мѣста и водворялись—самовольно или съ участіемъ правительственныхъ лицъ и учрежденій—не одни крестьяне тѣхъ разрядовъ, которымъ по закону предоставлялось право переселенія, а преимущественно другія лица, относительно которыхъ въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ не содержалось никакихъ опредѣленныхъ правилъ и указаній. Въ теченіе пяти почти лѣтъ, съ 1876 по 1881 г., въ министерство государственныхъ имуществъ поступило однихъ прошеній болѣе, чѣмъ отъ 4.000 семей, объ отводѣ участковъ казенной земли, но большинство этихъ ходатайствъ, за отсутствіемъ, будто бы, законныхъ основаній къ ихъ

удовлетворенію, оставлено было безъ послѣдствій. Нерѣдко случалось, что и имѣвшіе право на переселеніе крестьяне, не выжидая результатовъ просьбъ своихъ, а иногда и безъ подачи прошеній, распродавали свое имущество на родинѣ и уходили на новыя мѣста, водворяясь на казенныхъ, башкирскихъ, казачьихъ или частно-владѣльческихъ земляхъ, или приселяясь къ обществамъ старожиловъ. Къ началу 80-хъ годовъ ежегодный размѣръ переселенческаго движенія на востокъ достигалъ уже 40.000 душъ, и въ этомъ движеніи самостоятельное переселеніе всегда преобладало надъ правительственнымъ, превосходя его въ нѣсколько разъ. Такой характеръ и размѣры переселенія указывали на необходимость дальнѣйшаго упорядоченія переселенческаго движенія и пополненія существующихъ законоположеній правилами, которыя устраняли бы несоотвѣтствіе между законодательствомъ и требованіями жизни.

Въ связи съ этимъ нѣкоторые изъ губернаторовъ среднихъ и южныхъ губерній Россіи, ссылаясь на недостатокъ и недоброкачественность земельныхъ надѣловъ у крестьянскаго населенія и указывая на затруднительность однѣми запретительными мѣрами сдержать попытки этого населенія къ переселенію, возбуждали передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ходатайства объ облегченіи условій и способовъ перехода на новыя мѣста нуждающихся въ землѣ лицъ. Подобныя же заявленія и соображенія были высказаны во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи орловской губерніи за 1880 годъ, и по поводу ихъ состоялась Высочайшая отмѣтка: „Обратить серьезное вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ“.

Въ виду этого въ маѣ 1881 г. состоялся указъ объ учрежденіи особой коммиссіи для составленія проекта общаго закона о переселеніяхъ. Находя, однако, что выработка соотвѣтственныхъ предположеній по этому предмету потребуетъ значительнаго времени, министерство признало нужнымъ ограничиться предварительно изданіемъ, по взаимному соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, временныхъ по настоящему вопросу правилъ. Съ этою цѣлью въ комитетъ министровъ были представлены предположенія названныхъ вѣдомствъ о порядкѣ разрѣшенія переселеній и упорядоченіи движенія переселенцевъ.

Представленіе это выражаетъ значительную перемѣну во взглядахъ на переселенческій вопросъ и на отношеніе къ нему администраціи. Наряду съ заявленіемъ о невозможности оставлять долѣе переселенческое дѣло „въ его настоящемъ неопре-

дѣленномъ положеніи", въ представленіи высказывалось желаніе „удовлетворить безъ особой огласки выразившейся потребности отдѣльныхъ группъ земледѣльческихъ классовъ къ водворенію на новыхъ мѣстахъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ поясненіе должнаго порядка и основаній удовлетворенія такой потребности, указывалось на несовершенства прежней системы обозначенія въ законѣ категорій крестьянъ, которые имѣли бы право на переселеніе, а также заявлялось о неудобствахъ предварительно намѣчать мѣста выхода переселенцевъ или допускать переходъ таковыхъ на основаніи цифровыхъ соотношеній между числомъ переселяющихся и остающихся въ обществѣ. Установленіе подобныхъ нормъ, по мнѣнію министровъ, при отсутствіи точныхъ и подробныхъ изслѣдованій, явилось бы совершенно произвольнымъ и, лишая возможности перехода на новыя мѣста иногда дѣйствительно нуждающихся лицъ, привело бы къ необходимости прибѣгать къ постояннымъ отступленіямъ отъ принятыхъ правилъ. Въ виду такихъ соображеній и во избѣжаніе превратныхъ толкованій крестьянъ о значеніи проектируемыхъ мѣръ, было признано наиболѣе цѣлесообразнымъ сохранить выдачу разрѣшеній на переселеніе за центральными органами, и въ основаніе такой выдачи полагать производство черезъ мѣстныя крестьянскія учрежденія изслѣдованій экономическаго быта просителей. При этомъ для лицъ, получившихъ право на переселеніе, предположено было допустить нѣкоторыя облегченія, по примѣру предоставленныхъ оренбургскимъ переселенцамъ, и освободить ихъ отъ стѣснительныхъ формальностей представленія пріемныхъ приговоровъ отъ обществъ, куда они переходили, и обязательной уплаты, при выходѣ со старины, числящихся на семействѣ увольняемаго податей и недоимокъ.

Составленныя въ такомъ опекунскомъ духѣ предположенія были утверждены 10-го іюля 1881 г. и получили силу временныхъ правилъ, не подлежавшихъ обнародованію.

Согласно сказаннымъ правиламъ, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ было предоставлено разрѣшать, по взаимному ихъ соглашенію, ходатайства о переселеніи крестьянъ, „хотя и неимѣющихъ по дѣйствующему закону на то права, но экономическое положеніе коихъ къ тому вынуждаетъ". Для водворенія переселенцевъ назначались ранѣе образованные участки, а равно предположенные къ образованію изъ оброчныхъ статей въ многоземельныхъ губерніяхъ: херсонской, екатеринославской, таврической, саратовской, самарской, оренбургской и уфимской. Участки эти подлежали отводу въ кратко-

срочное, отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ, пользованіе, въ размѣрѣ не болѣе высшаго или указнаго по мѣстности надѣла и во всякомъ случаѣ не свыше восьми десятинъ на душу, съ уплатою оброка, сообразно дѣйствительному доходу, получавшемуся казною съ земель до водворенія на нихъ переселенцевъ. Всѣ недоимки въ казенныхъ податяхъ и выкупныхъ платежахъ, числившіяся за переселенцами по прежнимъ обществамъ, разрѣшалось переводить на личную ихъ отвѣтственность, съ разсрочкою уплаты этихъ недоимокъ и текущихъ поземельныхъ платежей на такое число лѣтъ, въ теченіе которыхъ признано будетъ возможнымъ взыскать ихъ.

Для содѣйствія переселенцамъ, направлявшимся въ юго-восточныя губерніи и въ Западную Сибирь, министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено образовать, въ видѣ опыта, переселенческую контору при одномъ изъ перевозовъ черезъ Волгу, въ составъ которой должны были входить представители отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и земствъ самарскаго и симбирскаго. На обязанность конторы возлагалось сообщеніе переселенцамъ свѣдѣній о свободныхъ участкахъ, назначенныхъ подъ заселеніе, о продажныхъ цѣнахъ на частновладѣльческія земли, указаніе маршрутовъ до мѣстъ водворенія, призрѣніе заболѣвшихъ въ пути и посредничество между переселенцами и частными землевладѣльцами при покупкѣ земель.

Независимо отъ того, правила коснулись и оренбургскихъ переселенцевъ. Дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 28 января 1876 г. положенія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія относительно лицъ, получившихъ право водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ оренбургской и уфимской губерній, при условіи законнаго увольненія изъ прежнихъ обществъ и прибытія въ край до обнародованія закона, было распространено на всѣхъ переселенцевъ, которые, имѣя таковое увольненіе, прибыли въ названныя губерніи до 1 января 1882 г.

Приведенныя правила установили такимъ образомъ право переселенія не для отдѣльныхъ разрядовъ крестьянъ, а для всѣхъ лицъ, „коихъ экономическое положеніе къ тому вынуждаетъ“. Такое опредѣленіе явилось естественнымъ слѣдствіемъ того положенія вещей, что хозяйственное обезпеченіе крестьянской семьи не всегда обусловливалось наличностью и величиною одного только душевого владѣнія крестьянъ, а нерѣдко различными экономическими особенностями, присущими данной мѣстности. До крестьянской реформы, при слабомъ развитіи среди населенія мѣстныхъ

и отхожихъ промысловъ, благосостояніе этого населенія основывалось и зависѣло почти исключительно отъ одной земли, и поэтому только количествомъ этой послѣдней, состоявшей во владѣніи крестьянъ, опредѣлялись права ихъ на переселеніе. Въ позднѣйшее время, хотя значеніе надѣльной земли, какъ основы крестьянскаго благосостоянія, не утратилось по прежнему, тѣмъ не менѣе все чаще стали встрѣчаться случаи, когда, при существованіи побочныхъ занятій и арендѣ посторонниxъ земель, душевой надѣлъ пересталъ уже являться главнымъ и единственнымъ средствомъ для содержанія семьи.

Приведенными основными положеніями временныхъ правилъ создавался такимъ образомъ общій канцелярскій порядокъ для всего крестьянскаго населенія въ дѣлѣ переселенія, и въ этомъ отношеніи въ правилахъ этихъ нельзя не усматривать внутренней связи съ руководящими началами, положенными въ основаніе дѣйствовавшихъ въ дореформенное время законовъ о переселеніи. Эта связь проходитъ еще далѣе, если принять во вниманіе, что правительство рѣшилось одновременно вступить и на практическій путь оказанія помощи переселенцамъ, открывая особую переселенческую контору въ главномъ пунктѣ остановокъ и скопленія переселенцевъ при Волгѣ—въ Батракахъ, переведенную впослѣдствіи въ г. Сызрань.

Придавая существенное значеніе дѣятельности названной конторы, министерство внутреннихъ дѣлъ въ томъ же году испросило на учрежденіе ея особый кредитъ изъ средствъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ 60 тыс. руб. Цѣлью и назначеніемъ этого кредита, по предположеніямъ министерства, должно было служить, кромѣ устройства и содержанія конторы, оказаніе медицинской и продовольственной помощи переселенцамъ во время остановокъ ихъ въ Батракахъ и облегченіе способовъ къ дальнѣйшему передвиженію неимущихъ изъ нихъ путемъ выдачи денежныхъ пособій. Дѣятельности конторы въ этомъ отношеніи придавался „чисто благотворительный характеръ“, ибо, по мнѣнію министерства, „своевременно оказанная помощь даетъ возможность сберечь много силъ, пропадающихъ иначе безслѣдно“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, объ образованіи конторы поставлены были въ извѣстность всѣ подвѣдомственныя министерству внутреннихъ дѣлъ учрежденія (циркуляръ 29 сент. 1881 г.) и имъ вмѣнено „въ непремѣнную обязанность безотлагательное исполненіе всѣхъ могущихъ къ нимъ поступить законныхъ требованій конторы“; уѣздной же полиціи поручалось освѣдомлять контору о всѣхъ проходящихъ переселенческихъ партіяхъ и на-

править тѣ изъ нихъ, которыя слѣдовали въ восточныя губерніи или въ Сибирь безъ опредѣленно-намѣченной цѣли, за указаніями къ ней.

Учрежденная на приведенныхъ основаніяхъ и снабженная особою инструкціею контора открыла свои дѣйствія въ концѣ 1881 г. Уже въ слѣдующемъ 1882 г. число всѣхъ прошедшихъ черезъ Батраки переселенцевъ зарегистровано было ею свыше 15 тыс. душъ. Хотя въ послѣдующіе годы размѣры движенія замѣтно возрастали, тѣмъ не менѣе удаленное положеніе конторы отъ главныхъ центровъ выселенія и отъ другихъ значительныхъ пунктовъ переправы черезъ Волгу лишало ее возможности выполнять во всемъ объемѣ, сообразно выяснявшимся требованіямъ и нуждамъ дѣла, возлагавшіяся на нее задачи. Поэтому еще въ 1883 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ возбуждался вопросъ о переводѣ названной конторы въ Оренбургъ, какъ конечный пунктъ желѣзной дороги, гдѣ скоплялись сходившіеся съ разныхъ мѣстъ переселенцы, но вопросъ этотъ, будучи поставленъ въ связь съ происходившею разработкою основного закона о переселеніяхъ, не получилъ разрѣшенія въ то время. Вскорѣ за проведеніемъ уральской желѣзной дороги до Тюмени и отклоненіемъ главнаго направленія переселенческаго движенія въ Сибирь воднымъ путемъ на Пермь, значеніе сызранской конторы сильно упало и съ средины 80-хъ годовъ она дѣйствовала въ составѣ всегда почти одного только члена, расходуя на нужды переселенческаго дѣла самыя незначительныя средства изъ отпускавшагося ей кредита, рѣдко превышавшія 1—2 тыс. руб. въ годъ.

По точному смыслу временныхъ правилъ дѣйствіе ихъ распространялось только на многоземельныя губерніи Европейской Россіи, вслѣдствіе чего Сибирь оказалась въ числѣ мѣстностей, не регулированныхъ никакими законодательными нормами въ отношеніи переселенія. Между тѣмъ, съ самаго начала 80-хъ годовъ стало замѣчаться усиленное движеніе туда переселенцевъ, достигавшее въ первую половину десятилѣтія 10—12 тыс. душъ въ годъ. Всѣ эти переселенцы слѣдовали въ Сибирь исключительно по паспортамъ или другимъ документамъ безъ разрѣшенія правительства и устраивались на новыхъ мѣстахъ самостоятельно или путемъ приписки къ обществамъ старожиловъ. Только водвореніе въ Алтайскомъ округѣ производилось по правиламъ 30-го іюля 1865 г., спеціально относившимся до него. Съ 1886 г. движеніе въ Сибирь начинаетъ еще болѣе усиливаться и достигаетъ 15—38 тыс. въ годъ. Въ виду этого, по хода-

тайству нѣкоторыхъ губернаторовъ, было признано возможнымъ примѣнять въ отдѣльныхъ случаяхъ и къ переселенцамъ, направлявшимся въ Сибирь, правила 10-го іюля 1881 г. Однако подобнымъ разрѣшеніемъ, послѣдовавшимъ во второй половинѣ десятилѣтія, воспользовались лишь немногія, сравнительно, группы крестьянъ,—большинство же лицъ, о которыхъ своевременныхъ ходатайствъ не было возбуждаемо, продолжали слѣдовать самостоятельно.

VII.

Въ числѣ „самовольно“ переселявшихся или возбуждавшихъ ходатайства о разрѣшеніи переселенія встрѣчалось значительное число лицъ, которымъ ни временныя правила, ни другія дѣйствовавшія постановленія не предоставляли правъ водворенія на казенныхъ земляхъ, по той лишь причинѣ, что они носили званіе мѣщанъ, хотя по роду своихъ занятій нерѣдко ничѣмъ не отличались отъ окружающаго крестьянскаго населенія. Послѣдовательность въ проведеніи установленныхъ началъ, однако, требовала, чтобы новый законъ могъ одинаково примѣняться ко всему вообще земледѣльческому населенію, а не къ отдѣльнымъ сословнымъ группамъ его. Поэтому Высочайше утвержденнымъ 17-го февраля 1884 г. положеніемъ комитета министровъ дѣйствіе временныхъ правилъ было распространено также на „лицъ, хотя и не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, но издавна занимающихся хлѣбопашествомъ, какъ главнымъ источникомъ средствъ къ пропитанію себя и семействъ, и по быту своему не отличающихся отъ крестьянъ“.

Одновременно съ изданіемъ временныхъ правилъ, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ выработкѣ общаго закона о крестьянскихъ переселеніяхъ, согласно упомянутому выше указу 1881 г. Съ этою цѣлью была образована особая коммиссія изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ.

По разсмотрѣніи вопроса, коммиссія пришла къ убѣжденію, что обнаружившееся въ послѣдніе годы среди крестьянъ стремленіе къ переходу на новыя мѣста составляетъ „явленіе не случайное, а вполнѣ естественное, вызванное совокупностью экономическаго положенія и поземельныхъ отношеній крестьянъ на стародавнихъ мѣстахъ ихъ жительства“. Признавая поэтому, что правильная организація переселеній можетъ „сохранить не только немало народныхъ капиталовъ отъ непроизводительной затраты,

но и множество человѣческихъ жизней", коммиссія высказала, что переселеніе всецѣло должно быть подчинено руководительству государственной власти. Такое соображеніе положено было въ основаніе трудовъ коммиссіи и проектировавшихся ею правилъ по настоящему вопросу.

Въ дѣлѣ переселенія, по мнѣнію коммиссіи, слѣдуетъ различать губерніи малонаселенной степной и нечерноземной полосы, въ которыхъ, за отсутствіемъ общаго малоземелья или существованіемъ обезпечивающихъ населеніе мѣстныхъ и отхожихъ заработковъ, особой надобности въ выселеніи не испытывается. Въ этихъ губерніяхъ могутъ встрѣтиться только отдѣльныя мѣстности, гдѣ при недостаткѣ удобныхъ для хлѣбопашества земель замѣчается недостатокъ и въ заработкахъ. Въ такихъ случаяхъ надлежитъ прибѣгать не къ переселенію, а къ разселенію въ предѣлахъ тѣхъ же губерній на остатки свободныхъ казенныхъ земель или на земли частныхъ владѣльцевъ, которые пожелали бы принять къ себѣ переселенцевъ.

Иное положеніе представляютъ густонаселенныя черноземныя и центральныя губерніи, въ которыхъ земледѣліе составляетъ главное и почти исключительное занятіе населенія. Для этихъ губерній, въ виду испытываемаго малоземелья и невозможности устранить или ослабить значеніе его мѣстными средствами, является необходимою организація дальнихъ переселеній. Сообразуясь, однако, съ тѣмъ, что запасъ свободныхъ казенныхъ земель, сравнительно съ числомъ сельскихъ обывателей, нуждающихся въ переселеніи, довольно ограниченъ, коммиссія полагала право на таковое предоставить, подъ условіемъ выраженнаго желанія, лишь „наиболѣе стѣсненнымъ въ землѣ крестьянамъ безъ различія ихъ наименованій", которые получили недоброкачественныя земли или имѣютъ не болѣе $^1/_8$ высшаго или указнаго надѣла на наличную душу. Въ послѣднемъ случаѣ выселеніе предполагалось разрѣшать до той степени, пока количество земли у оставшихся членовъ общества не достигнетъ на наличную душу $^2/_3$ высшаго или указнаго надѣла. Затѣмъ возможнымъ считалось допускать переселеніе и крестьянъ съ надѣлами отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ дес., но лишь въ случаѣ признаннаго стѣсненнаго ихъ экономическаго положенія.

При распредѣленіи переселенцевъ между губерніями водворенія, коммиссія проектировала большинство изъ нихъ, приблизительно около $^3/_4$ всего числа, направлять въ Западную Сибирь и около $^1/_4$ въ губерніи Европейской Россіи, съ предоставленіемъ участковъ въ общинное или, по усмотрѣнію пере-

селенцевъ, въ подворное владѣніе и съ отводомъ надѣла въ Сибири отъ 8 до 15 дес. на наличную мужескаго пола душу, а во внутреннихъ губерніяхъ—примѣнительно къ размѣрамъ высшаго по мѣстности надѣла, установленнаго „Положеніемъ“ 19-го февраля. За оставляемые въ пользу обществъ земельные надѣлы признавалось справедливымъ обязывать эти общества къ выдачѣ переселяющимся особыхъ „выводныхъ платъ“, по опредѣленію уѣздныхъ земскихъ собраній, и сверхъ того, если переселеніе совершалось съ согласія общества, къ уплатѣ всѣхъ числящихся за выходящими членами недоимокъ и текущихъ податей и повинностей, а если согласія на увольненіе не послѣдовало, то только къ уплатѣ послѣднихъ, съ оставленіемъ недоимокъ на личной отвѣтственности переселенцевъ.

Водворяющимся на казенныя земли предполагалось предоставить извѣстныя льготы при передвиженіи и устройствѣ на новыхъ мѣстахъ, заключающіяся въ перевозкѣ переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ по воинскому тарифу и въ освобожденіи ихъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по водвореніи отъ платежа всѣхъ казенныхъ сборовъ и въ теченіе трехъ послѣдующихъ—отъ взноса половины этихъ сборовъ. Независимо отъ того, къ содѣйствію переселенцамъ проектировалось привлечь и земства тѣхъ губерній, въ которыя направлялось переселеніе, путемъ предоставленія новоселамъ разсрочки въ земскихъ сборахъ и заимообразнаго отпуска хлѣба и сѣмянъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей. Наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ желательнымъ признавалось выдавать нуждающимся семьямъ правительственныя пособія на передвиженіе и устройство на новыхъ мѣстахъ.

По вопросу объ организаціи переселенія коммиссія полагала ближайшее завѣдываніе этимъ дѣломъ на мѣстахъ возложить на соединенныя присутствія изъ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ. Уѣздныя присутствія обязывались, по проекту, составленіемъ списковъ всѣхъ сельскихъ обществъ, подходящихъ по размѣрамъ своихъ надѣловъ подъ вышеуказанныя условія, и приведеніемъ въ извѣстность числа душъ, имѣющихъ право ходатайствовать объ устройствѣ ихъ на казенныхъ земляхъ. Свѣдѣнія эти должны были доставляться въ министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, по соглашенію съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, зависѣло затѣмъ распредѣленіе между губерніями запаса свободныхъ земель, предназначенныхъ въ данномъ году для заселенія, и увѣдомленіе о причитающемся на

каждую губернію количествѣ участковъ, съ точнымъ обозначеніемъ размѣра ихъ и мѣстности, гдѣ они расположены. Земли эти, въ свою очередь, распредѣлялись губернскими присутствіями между уѣздами и соотвѣтствующія сельскія общества извѣщались о числѣ лицъ, подлежащихъ переселенію. Въ случаѣ численнаго перевѣса желающихъ переселиться, на сельскіе сходы возлагалось опредѣленіе дворовъ, которымъ предоставлялось право перехода на новыя мѣста. Объ излишкѣ или недостаткѣ переселенческихъ душевыхъ участковъ по уѣзду сообщалось губернскимъ присутствіямъ, которыя передавали нераспредѣленные участки въ другіе уѣзды. Въ такомъ же порядкѣ поступали министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ по отношенію къ цѣлымъ губерніямъ.

По распредѣленіи земель между переселенцами, уѣздныя присутствія составляли изъ послѣднихъ особыя партіи, снабжавшіяся „выходными свидѣтельствами“ на предметъ передвиженія до участковъ и водворенія на нихъ; при этомъ означеннымъ партіямъ предоставлялось отправлять предварительно своихъ выборныхъ для осмотра будущихъ мѣстъ поселенія. Передъ отправкою переселенцевъ, уѣздныя присутствія сообщали имъ подробный маршрутъ пути, входили въ сношеніе съ мѣстными по пути слѣдованія властями объ оказаніи имъ, „въ случаѣ нужды, всякаго содѣйствія и покровительства“ и, наконецъ, выдавали нуждающимся семьямъ назначенныя отъ казны пособія.

Озабочиваясь упорядоченіемъ переселеній на казенныя земли, коммиссія усматривала вмѣстѣ съ тѣмъ, что и въ многоземельныхъ сельскихъ обществахъ встрѣчается немало домохозяевъ съ надѣлами въ одну и менѣе десятины, не подходящихъ подъ предположенныя ею условія, но въ то же время испытывающихъ крайнюю нужду въ улучшеніи своего положенія. Для такихъ лицъ и въ потребныхъ случаяхъ также для крестьянъ малонаселенныхъ губерній она признавала полезнымъ организовать переселенія на частно-владѣльческія земли. Однако, предположенія ея въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе закончившейся въ то время разработки проекта учрежденія крестьянскаго поземельнаго банка, ограничились лишь установленіемъ нѣкоторыхъ положеній, касавшихся самостоятельныхъ долгосрочныхъ арендъ сельскими обывателями владѣльческихъ земель, съ правомъ выкупа ихъ и съ облегченіемъ нотаріальныхъ формальностей при покупкѣ. По мнѣнію коммиссіи, правительство могло принимать на себя посредничество въ дѣлѣ переселенія крестьянъ на владѣльческія земли лишь въ случаѣ, если владѣлецъ изъявитъ со-

гласіе отдать свою землю въ арендное содержаніе переселенцамъ на срокъ отъ 12 до 36 лѣтъ, съ правомъ досрочнаго выкупа ея во всякое время по заранѣе опредѣленной цѣнѣ. Заявленія лицъ, предоставляющихъ свои земли подъ водвореніе переселенцевъ на указанныхъ условіяхъ, должны были разсматриваться въ уѣздныхъ соединенныхъ присутствіяхъ, которыя входили въ предварительное соглашеніе съ владѣльцами относительно главнѣйшихъ основаній найма и выкупа земель. Окончательные договоры объ арендованіи земли составлялись по приходѣ переселенцевъ на мѣсто, и затѣмъ на участокъ налагалось запрещеніе. Въ случаѣ желанія крестьянъ воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ выкупа арендуемой земли, они представляли въ крестьянскія учрежденія постановленный по этому предмету общественный приговоръ и квитанцію мѣстнаго казначейства во взносѣ всей причитающейся за землю покупной суммы.

Переселявшіеся на владѣльческія земли никакими пособіями, по проекту, не пользовались. Желательнымъ признавалось только допущеніе для нихъ 2-хъ-лѣтней льготы отъ платежа подушной подати, считая со дня водворенія. Затѣмъ для всѣхъ вообще переселенцевъ коммиссія полагала установить порядокъ, который облегчалъ бы стѣснительныя условія выхода изъ прежнихъ обществъ, и съ этою цѣлью проектировала отмѣну представленія пріемныхъ приговоровъ отъ обществъ, куда переходили переселенцы, обязательства уплаты состоящихъ на нихъ при увольненіи недоимокъ и оклада текущаго года и, наконецъ, по отношенію къ крестьянамъ-собственникамъ, отмѣну статей 173 и 174 Пол. о выкупѣ, какъ затрудняющихъ выходъ отдѣльныхъ членовъ требованіемъ ручательства обществъ въ исправномъ взносѣ выкупной ссуды за участокъ увольняемаго.

VIII.

Послѣ канцелярской разработки изложенныхъ предположеній, признано было полезнымъ передать вопросъ на обсужденіе особаго совѣщанія изъ лицъ, близко ознакомленныхъ съ положеніемъ переселенческаго дѣла на мѣстѣ. Совѣщаніе это было созвано въ томъ же 1881 г. и извѣстно подъ названіемъ „совѣщанія свѣдущихъ людей". При разсмотрѣніи упомянутаго проекта, оно въ значительной мѣрѣ разошлось съ заключеніями коммиссіи какъ по основнымъ воззрѣніямъ на существо переселенче-

скаго вопроса, такъ и относительно практической постановки дѣла.

Совѣщаніе находило, что дѣйствовавшее доселѣ законодательство о переселеніяхъ предоставляло право перехода на новыя мѣста извѣстнымъ группамъ крестьянъ лишь при условіи послѣдовавшаго на то разрѣшенія правительственной власти и обязательнаго отвода казенной земли подъ поселеніе. Изъ такихъ же основаній исходила и правительственная коммиссія, при обсужденіи настоящаго вопроса. По проекту коммиссіи, только для крестьянъ, водворяющихся на частно-владѣльческихъ земляхъ, допускалось свободное переселеніе по паспортамъ, когда непосредственное участіе правительства въ судьбахъ ихъ замѣнялось простымъ посредничествомъ для заключенія сдѣлокъ съ частными землевладѣльцами. Но этотъ видъ переселенія ограниченъ въ своихъ размѣрахъ, и поэтому вся тяжесть вопроса перенесена коммиссіею на переселеніе, совершаемое съ помощью и по указаніямъ правительства, т.-е. на тотъ видъ его, гдѣ вопросъ о переселеніи постоянно смѣшивается съ вопросомъ о водвореніи на казенныхъ земляхъ и понятіе о личной свободѣ крестьянъ—съ представленіемъ объ опекѣ, соотвѣтствовавшей эпохѣ 60-хъ годовъ. Между тѣмъ, переселеніе и водвореніе, хотя имѣютъ ближайшую связь между собою, однако совсѣмъ не тождественны и за каждымъ переселяющимся нельзя еще признавать права на отводъ казенной земли, такъ какъ онъ можетъ водвориться и не на казенныхъ земляхъ. Такое смѣшеніе понятій, по мнѣнію совѣщанія, имѣло послѣдствіемъ, что переселеніе, какъ таковое, представляется явленіемъ, не предусмотрѣннымъ закономъ, и остается невыясненнымъ, какъ относиться къ нему: какъ къ дѣйствію дозволенному, терпимому, или какъ прямо противозаконному. Однако переселеніе, умалчиваемое въ законѣ, съ каждымъ годомъ все болѣе разрастается и принимаетъ размѣры, небывалые въ дореформенное время. Очевидно, явленіе это создается условіями самой жизни, и отсутствіе законныхъ нормъ, въ которыя укладывалось бы оно, порождаетъ все бо́льшую неурядицу въ жизни. При такомъ положеніи законъ не можетъ хранить долѣе молчаніе, „а долженъ высказаться" и въ положительномъ для переселенія смыслѣ, такъ какъ всякое воспрещеніе его „было бы равносильно закрѣпленію крестьянъ къ землѣ" и, не достигая цѣли, принесло бы существенный вредъ государству какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Но, высказываясь опредѣленно, законъ не можетъ исходить изъ представленія, „что крестьянинъ

лишенъ права располагать собою, что всякое его дѣйствіе становится правомѣрнымъ только по полученіи санкціи отъ власти, на которую возложена надъ нимъ опека". Подобное представленіе о крестьянахъ упразднено „Положеніемъ" 19 февраля, установившимъ начала его личной свободы и снявшимъ тяготѣвшую надъ нимъ опеку. Возстановленіе этой опеки являлось бы поэтому несправедливымъ и, кромѣ того, послужило бы въ ущербъ интересамъ государства, поведя къ значительному сокращенію переселеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не вызывалось бы и особою надобностью, такъ какъ совершающееся нынѣ переселеніе, лишенное всякой правительственной опеки и даже, наоборотъ, обставленное различными стѣсненіями и препятствіями, достаточно показываетъ, что „крестьяне вполнѣ способны безъ всякихъ попечителей и опекуновъ благополучно совершать самыя рискованныя предпріятія, требующія большой отваги и рѣшительности".

По приведеннымъ соображеніямъ совѣщаніе признавало, что въ основу переселенческаго законодательства должно быть положено признаніе права каждаго лица на переселеніе, но съ такими лишь ограниченіями, чтобы осуществленіе этого права не нарушало правильнаго и свободнаго теченія жизни. Однако, допуская свободу переселеній, оно находило въ то же время, что государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ переселенческаго движенія, такъ какъ для него не безразлично, какъ крестьяне будутъ устраиваться на новыхъ мѣстахъ, т.-е. съ затрудненіями, когда имъ пришлось бы подолгу бродить въ безплодныхъ поискахъ осѣдлости, или безъ затрудненій, когда это устройство достигалось бы тотчасъ же по приходѣ въ новый край. Поэтому на государствѣ должна лежать обязанность оказывать содѣйствіе всѣмъ переселенцамъ, безотносительно къ ихъ имущественному состоянію и къ избранному ими направленію на тѣ или иныя земли. Съ государственной и экономической точки зрѣнія должно оправдываться переселеніе лицъ всѣхъ состояній и во всѣхъ его видахъ, коль скоро оно возникаетъ изъ потребностей жизни. Для неимущихъ переходъ на новыя мѣста является однимъ изъ наилучшихъ средствъ обезпеченія ихъ быта, а лица состоятельныя представляютъ наиболѣе сильныхъ и надежныхъ колонизаторовъ, устраиваясь въ то же время на мѣстахъ водворенія безъ всякаго пособія отъ казны и оставляя на родинѣ достаточный земельный просторъ, вслѣдствіе уменьшенія спроса на арендную землю, снимаемую ими въ болѣе значительномъ противъ неимущихъ количествѣ.

Но содѣйствіе, по мнѣнію совѣщанія, не можетъ быть обращаемо въ поощреніе, т.-е. въ прямое вмѣшательство государства въ дѣло переселенія, съ цѣлью искусственнаго усиленія его путемъ установленія особыхъ льготъ. Размѣры движенія опредѣляются потребностями самого населенія, и нѣтъ основанія нарушать это естественное начало, особенно при той крупной цифрѣ переселяющихся, какой достигло движеніе послѣдняго времени. Поощреніе можетъ быть оправдываемо только исключительными обстоятельствами, какъ необходимостью по политическимъ соображеніямъ скорѣйшаго заселенія окраинъ и потребностью въ улучшеніи экономическаго положенія крестьянъ, въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, при невозможности дать имъ полезное примѣненіе на мѣстѣ. Имѣя въ виду, однако, что обезсилѣвшіе въ хозяйственномъ отношеніи крестьяне часто не въ состояніи предпринять переселеніе на собственныя средства, представлялось бы согласнымъ съ государственными пользами оказывать имъ, въ случаѣ надобности, матеріальную помощь. Подобная помощь оправдывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что она выводитъ неимущаго крестьянина изъ обстановки, обусловливающей его бѣдность, и даетъ ему возможность вновь поставить прочно свое хозяйство, чѣмъ обезпечиваетъ исправное выполненіе лежащихъ на нёмъ повинностей.

Исходя изъ изложенныхъ соображеній, совѣщаніе пришло къ заключенію, что законодательство, касаясь переселенія, съ одной стороны, „какъ факта жизни народной", и съ другой—„какъ орудія въ рукахъ правительства для достиженія извѣстныхъ государственныхъ цѣлей", должно распадаться: на а) общій законъ, который, устраняя всѣ существующія нынѣ препятствія къ переселенію, установлялъ бы порядокъ правительственнаго содѣйствія всѣмъ переселяющимся на свой счетъ и страхъ, и б) законъ спеціальный о льготномъ переселеніи, совершаемомъ съ помощью и по указаніямъ правительства, съ цѣлью улучшенія экономическаго быта крестьянъ и для достиженія другихъ государственныхъ цѣлей.

Признавая затѣмъ, что переселеніе представляется полезнымъ для государства только при условіи прочнаго водворенія крестьянъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе находило, что такому условію, кромѣ случаевъ приселенія къ существующимъ обществамъ, наиболѣе всего отвѣчаютъ казенныя земли. Но, имѣя въ виду незначительный запасъ этихъ земель въ предѣлахъ Европейской Россіи, оно полагало направлять сюда исключительно лицъ, совершающихъ переселеніе съ пособіемъ отъ правительства, пре-

доставляя всѣмъ остальнымъ водворяться на казенныхъ земляхъ Сибири, Средней Азіи или Закавказья, или на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій. При этомъ по отношенію въ частновладѣльческимъ землямъ, въ видахъ прочнаго устройства переселенцевъ, совѣщаніе высказалось за установленіе такихъ правилъ водворенія, которыя ограждали бы новоселовъ „отъ произвола“ владѣльцевъ и „отъ полной экономической зависимости отъ нихъ“.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи переселеній на основаніи общаго закона, совѣщаніе находило цѣлесообразнымъ для облегченія и устройства переселенцевъ, снабжать ихъ при выходѣ особымъ „переселенческимъ свидѣтельствомъ“, которое, замѣняя паспортъ и увольнительное свидѣтельство, заключало бы въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для приписки къ мѣсту новаго водворенія. Выдачу подобнаго свидѣтельства предположено было производить чрезъ волостного старшину, на сроки не свыше двухъ лѣтъ, и подъ условіемъ выполненія требованій ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ“, кромѣ обязательства уплаты недоимокъ по казеннымъ податямъ и повинностямъ, которыя могли зачисляться долгомъ на переселенцѣ и записываться въ этомъ случаѣ въ выдаваемое ему свидѣтельство. Душевой надѣлъ переселяющагося сдавался въ общество, обязывавшееся платить за землю всѣ причитающіеся сборы, и оставался въ пользованіи его, впредь до перечисленія одннообщественника или возвращенія его обратно, когда онъ снова вступалъ въ прежнія права по владѣнію мірскою землею.

Содѣйствіе лицамъ, предпринявшимъ переселеніе на свой счетъ и страхъ, должно было выражаться, по мысли совѣщанія, въ освобожденіи отъ сборовъ на переправахъ, мостахъ и шоссейныхъ дорогахъ, въ устраненіи случайныхъ препятствій при передвиженіи, въ сообщеніи свѣдѣній о предстоящемъ пути и объ условіяхъ водворенія на новыхъ мѣстахъ и въ поданіи помощи при заболѣваніяхъ. Обязанности по оказанію такого содѣйствія возлагались на правительственныя, земскія и городскія учрежденія.

Подводя подъ понятіе переселенія всѣ случаи выхода крестьянъ изъ общества и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе проектировало рядъ правилъ для водворенія переселенцевъ, какъ на земляхъ различныхъ наименованій, такъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ. По проекту, водвореніе считалось законнымъ, если оно производилось на основаніи пріемнаго приговора городского, сельскаго или станичнаго общества, разрѣшенія, даннаго казною или кабинетомъ на занятіе свободной земли, или особаго акта, дозволяющаго устройство на землѣ

частнаго лица или учрежденія или утверждающаго за переселенцемъ право собственности на земельный участокъ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ переселенцы могли водворяться путемъ приселенія къ существующимъ городамъ и селеніямъ, а также устройства отдѣльныхъ хуторовъ, поселковъ и деревень, съ причисленіемъ къ мѣстному обществу или волости, или съ образованіемъ особаго общественнаго управленія, если селеніе состояло не менѣе, какъ изъ сорока наличныхъ душъ мужского пола. Лицамъ, поселившимся законнымъ порядкомъ, предоставлялась трехлѣтняя льгота отъ платежа казенныхъ сборовъ и зачисленныхъ по свидѣтельству недоимокъ прежнихъ лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія взимались съ разсрочкою въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Водвореніе на казенныхъ земляхъ допускалось только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи и не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей власти, вѣдающей землями, и по ходатайству самихъ крестьянъ, указывавшихъ въ прошеніяхъ мѣсто будущаго своего поселенія. Съ этою цѣлью казенныя земли приводились въ извѣстность и годныя изъ нихъ нарѣзались участками, не свыше какъ на 500 душъ, и предоставлялись переселенцамъ съ отводомъ надѣла, размѣръ котораго въ Средней Азіи и Закавказскомъ краѣ опредѣлялся по соглашенію министерства государственныхъ имуществъ съ главнымъ начальствомъ края, а въ Западной и Восточной Сибири — по 15 дес. на наличную душу мужского пола и сверхъ того по 6 дес. на прибылое и ссыльное населеніе. Переселенцы облагались государственною оброчною податью и не могли выкупать и отчуждать надѣльную землю, составлявшую „неотчуждаемую собственность мірского общества". Такой же порядокъ устанавливался для водворенія на земляхъ Кабинета Его Величества, съ тѣмъ лишь различіемъ, что оброчная подать отчислялась въ доходъ Кабинета.

Водвореніе на казачьихъ земляхъ могло производиться только путемъ приписки къ мѣстнымъ обществамъ крестьянъ-собственниковъ или зачисленія по пріемному приговору въ казачье сословіе, или же, наконецъ, устройства на земляхъ частныхъ лицъ, съ припискою къ ближайшей крестьянской волости.

Водвореніе на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій допускалось въ предѣлахъ губерній оренбургской, уфимской, ставропольской и въ областяхъ казачьихъ войскъ, а въ случаѣ оказавшейся надобности, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Переселенцы считались законноводворившимися, если пріобрѣли въ собственность

доставляя всѣмъ остальнымъ водворяться на казенныхъ земляхъ Сибири, Средней Азіи или Закавказья, или на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій. При этомъ по отношенію къ частновладѣльческимъ землямъ, въ видахъ прочнаго устройства переселенцевъ, совѣщаніе высказалось за установленіе такихъ правилъ водворенія, которыя ограждали бы новоселовъ „отъ произвола“ владѣльцевъ и „отъ полной экономической зависимости отъ нихъ“.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи переселеній на основаніи общаго закона, совѣщаніе находило цѣлесообразнымъ для облегченія и устройства переселенцевъ, снабжать ихъ при выходѣ особымъ „переселенческимъ свидѣтельствомъ“, которое, замѣняя паспортъ и увольнительное свидѣтельство, заключало бы въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для приписки къ мѣсту новаго водворенія. Выдачу подобнаго свидѣтельства предположено было производить чрезъ волостного старшину, на сроки не свыше двухъ лѣтъ, и подъ условіемъ выполненія требованій ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ“, кромѣ обязательства уплаты недоимокъ по казеннымъ податямъ и повинностямъ, которыя могли зачисляться долгомъ на переселенцѣ и записываться въ этомъ случаѣ въ выдаваемое ему свидѣтельство. Душевой надѣлъ переселяющагося сдавался въ общество, обязывавшееся платить за землю всѣ причитающіеся сборы, и оставался въ пользованіи его, впредь до перечисленія однообщественника или возвращенія его обратно, когда онъ снова вступалъ въ прежнія права по владѣнію мірскою землею.

Содѣйствіе лицамъ, предпринявшимъ переселеніе на свой счетъ и страхъ, должно было выражаться, по мысли совѣщанія, въ освобожденіи отъ сборовъ на переправахъ, мостахъ и шоссейныхъ дорогахъ, въ устраненіи случайныхъ препятствій при передвиженіи, въ сообщеніи свѣдѣній о предстоящемъ пути и объ условіяхъ водворенія на новыхъ мѣстахъ и въ поданіи помощи при заболѣваніяхъ. Обязанности по оказанію такого содѣйствія возлагались на правительственныя, земскія и городскія учрежденія.

Подводя подъ понятіе переселенія всѣ случаи выхода крестьянъ изъ общества и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе проектировало рядъ правилъ для водворенія переселенцевъ, какъ на земляхъ различныхъ наименованій, такъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ. По проекту, водвореніе считалось законнымъ, если оно производилось на основаніи пріемнаго приговора городского, сельскаго или станичнаго общества, разрѣшенія, даннаго казною или кабинетомъ на занятіе свободной земли, или особаго акта, дозволяющаго устройство на землѣ

частнаго лица или учрежденія или утверждающаго за переселенцемъ право собственности на земельный участокъ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ переселенцы могли водворяться путемъ приселенія къ существующимъ городамъ и селеніямъ, а также устройства отдѣльныхъ хуторовъ, поселковъ и деревень, съ причисленіемъ къ мѣстному обществу или волости, или съ образованіемъ особаго общественнаго управленія, если селеніе состояло не менѣе, какъ изъ сорока наличныхъ душъ мужского пола. Лицамъ, поселившимся законнымъ порядкомъ, предоставлялась трехлѣтная льгота отъ платежа казенныхъ сборовъ и зачисленныхъ по свидѣтельству недоимокъ прежнихъ лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія взимались съ разсрочкою въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Водвореніе на казенныхъ земляхъ допускалось только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи и не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей власти, вѣдающей землями, и по ходатайству самихъ крестьянъ, указывавшихъ въ прошеніяхъ мѣсто будущаго своего поселенія. Съ этою цѣлью казенныя земли приводились въ извѣстность и годныя изъ нихъ нарѣзались участками, не свыше какъ на 500 душъ, и предоставлялись переселенцамъ съ отводомъ надѣла, размѣръ котораго въ Средней Азіи и Закавказскомъ краѣ опредѣлялся по соглашенію министерства государственныхъ имуществъ съ главнымъ начальствомъ края, а въ Западной и Восточной Сибири—по 15 дес. на наличную душу мужского пола и сверхъ того по 6 дес. на прибылое и ссыльное населеніе. Переселенцы облагались государственною оброчною податью и не могли выкупать и отчуждать надѣльную землю, составлявшую „неотчуждаемую собственность мірского общества“. Такой же порядокъ устанавливался для водворенія на земляхъ Кабинета Его Величества, съ тѣмъ лишь различіемъ, что оброчная подать отчислялась въ доходъ Кабинета.

Водвореніе на казачьихъ земляхъ могло производиться только путемъ приписки къ мѣстнымъ обществамъ крестьянъ-собственниковъ или зачисленія по пріемному приговору въ казачье сословіе, или же, наконецъ, устройства на земляхъ частныхъ лицъ, съ припискою къ ближайшей крестьянской волости.

Водвореніе на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій допускалось въ предѣлахъ губерній оренбургской, уфимской, ставропольской и въ областяхъ казачьихъ войскъ, а въ случаѣ оказавшейся надобности, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Переселенцы считались законноводворившимися, если пріобрѣли въ собственность

доставляя всѣмъ остальнымъ водворяться на казенныхъ земляхъ Сибири, Средней Азіи или Закавказья, или на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій. При этомъ по отношенію къ частновладѣльческимъ землямъ, въ видахъ прочнаго устройства переселенцевъ, совѣщаніе высказалось за установленіе такихъ правилъ водворенія, которыя ограждали бы новоселовъ „отъ произвола" владѣльцевъ и „отъ полной экономической зависимости отъ нихъ".

Обращаясь къ вопросу объ организаціи переселеній на основаніи общаго закона, совѣщаніе находило цѣлесообразнымъ для облегченія и устройства переселенцевъ, снабжать ихъ при выходѣ особымъ „переселенческимъ свидѣтельствомъ", которое, замѣняя паспортъ и увольнительное свидѣтельство, заключало бы въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для приписки къ мѣсту новаго водворенія. Выдачу подобнаго свидѣтельства предположено было производить чрезъ волостного старшину, на сроки не свыше двухъ лѣтъ, и подъ условіемъ выполненія требованій ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ", кромѣ обязательства уплаты недоимокъ по казеннымъ податямъ и повинностямъ, которыя могли зачисляться долгомъ на переселенцѣ и записываться въ этомъ случаѣ въ выдаваемое ему свидѣтельство. Душевой надѣлъ переселяющагося сдавался въ общество, обязывавшееся платить за землю всѣ причитающіеся сборы, и оставался въ пользованіи его, впредь до перечисленія однообщественника или возвращенія его обратно, когда онъ снова вступалъ въ прежнія права по владѣнію мірскою землею.

Содѣйствіе лицамъ, предпринявшимъ переселеніе на свой счетъ и страхъ, должно было выражаться, по мысли совѣщанія, въ освобожденіи отъ сборовъ на переправахъ, мостахъ и шоссейныхъ дорогахъ, въ устраненіи случайныхъ препятствій при передвиженіи, въ сообщеніи свѣдѣній о предстоящемъ пути и объ условіяхъ водворенія на новыхъ мѣстахъ и въ поданіи помощи при заболѣваніяхъ. Обязанности по оказанію такого содѣйствія возлагались на правительственныя, земскія и городскія учрежденія.

Подводя подъ понятіе переселенія всѣ случаи выхода крестьянъ изъ общества и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе проектировало рядъ правилъ для водворенія переселенцевъ, какъ на земляхъ различныхъ наименованій, такъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ. По проекту, водвореніе считалось законнымъ, если оно производилось на основаніи пріемнаго приговора городского, сельскаго или станичнаго общества, разрѣшенія, даннаго казною или кабинетомъ на занятіе свободной земли, или особаго акта, дозволяющаго устройство на землѣ

частнаго лица или учрежденія или утверждающаго за переселенцемъ право собственности на земельный участокъ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ переселенцы могли водворяться путемъ приселенія къ существующимъ городамъ и селеніямъ, а также устройства отдѣльныхъ хуторовъ, поселковъ и деревень, съ причисленіемъ къ мѣстному обществу или волости, или съ образованіемъ особаго общественнаго управленія, если селеніе состояло не менѣе, какъ изъ сорока наличныхъ душъ мужского пола. Лицамъ, поселившимся законнымъ порядкомъ, предоставлялась трехлѣтняя льгота отъ платежа казенныхъ сборовъ и зачисленныхъ по свидѣтельству недоимокъ прежнихъ лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія взимались съ разсрочкою въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Водвореніе на казенныхъ земляхъ допускалось только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи и не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей власти, вѣдающей землями, и по ходатайству самихъ крестьянъ, указывавшихъ въ прошеніяхъ мѣсто будущаго своего поселенія. Съ этою цѣлью казенныя земли приводились въ извѣстность и годныя изъ нихъ нарѣзались участками, не свыше какъ на 500 душъ, и предоставлялись переселенцамъ съ отводомъ надѣла, размѣръ котораго въ Средней Азіи и Закавказскомъ краѣ опредѣлялся по соглашенію министерства государственныхъ имуществъ съ главнымъ начальствомъ края, а въ Западной и Восточной Сибири — по 15 дес. на наличную душу мужского пола и сверхъ того по 6 дес. на прибылое и ссыльное населеніе. Переселенцы облагались государственною оброчною податью и не могли выкупать и отчуждать надѣльную землю, составлявшую „неотчуждаемую собственность мірского общества". Такой же порядокъ устанавливался для водворенія на земляхъ Кабинета Его Величества, съ тѣмъ лишь различіемъ, что оброчная подать отчислялась въ доходъ Кабинета.

Водвореніе на казачьихъ земляхъ могло производиться только путемъ приписки къ мѣстнымъ обществамъ крестьянъ-собственниковъ или зачисленія по пріемному приговору въ казачье сословіе, или же, наконецъ, устройства на земляхъ частныхъ лицъ, съ приспискою къ ближайшей крестьянской волости.

Водвореніе на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій допускалось въ предѣлахъ губерній оренбургской, уфимской, ставропольской и въ областяхъ казачьихъ войскъ, а въ случаѣ оказавшейся надобности, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Переселенцы считались законноводворившимися, если пріобрѣли въ собственность

доставляя всѣмъ остальнымъ водворяться на казенныхъ земляхъ Сибири, Средней Азіи или Закавказья, или на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій. При этомъ по отношенію въ частновладѣльческимъ землямъ, въ видахъ прочнаго устройства переселенцевъ, совѣщаніе высказалось за установленіе такихъ правилъ водворенія, которыя ограждали бы новоселовъ „отъ произвола“ владѣльцевъ и „отъ полной экономической зависимости отъ нихъ“.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи переселеній на основаніи общаго закона, совѣщаніе находило цѣлесообразнымъ для облегченія и устройства переселенцевъ, снабжать ихъ при выходѣ особымъ „переселенческимъ свидѣтельствомъ“, которое, замѣняя паспортъ и увольнительное свидѣтельство, заключало бы въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для приписки къ мѣсту новаго водворенія. Выдачу подобнаго свидѣтельства предположено было производить чрезъ волостного старшину, на сроки не свыше двухъ лѣтъ, и подъ условіемъ выполненія требованій ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ“, кромѣ обязательства уплаты недоимокъ по казеннымъ податямъ и повинностямъ, которыя могли зачисляться долгомъ на переселенцѣ и записываться въ этомъ случаѣ въ выдаваемое ему свидѣтельство. Душевой надѣлъ переселяющагося сдавался въ общество, обязывавшееся платить за землю всѣ причитающіеся сборы, и оставался въ пользованіи его, впредь до перечисленія однообщественника или возвращенія его обратно, когда онъ снова вступалъ въ прежнія права по владѣнію мірскою землею.

Содѣйствіе лицамъ, предпринявшимъ переселеніе на свой счетъ и страхъ, должно было выражаться, по мысли совѣщанія, въ освобожденіи отъ сборовъ на переправахъ, мостахъ и шоссейныхъ дорогахъ, въ устраненіи случайныхъ препятствій при передвиженіи, въ сообщеніи свѣдѣній о предстоящемъ пути и объ условіяхъ водворенія на новыхъ мѣстахъ и въ поданіи помощи при заболѣваніяхъ. Обязанности по оказанію такого содѣйствія возлагались на правительственныя, земскія и городскія учрежденія.

Подводя подъ понятіе переселенія всѣ случаи выхода крестьянъ изъ общества и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе проектировало рядъ правилъ для водворенія переселенцевъ, какъ на земляхъ различныхъ наименованій, такъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ. По проекту, водвореніе считалось законнымъ, если оно производилось на основаніи пріемнаго приговора городского, сельскаго или станичнаго общества, разрѣшенія, даннаго казною или кабинетомъ на занятіе свободной земли, или особаго акта, дозволяющаго устройство на землѣ

частнаго лица или учрежденія или утверждающаго за переселенцемъ право собственности на земельный участокъ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ переселенцы могли водворяться путемъ приселенія къ существующимъ городамъ и селеніямъ, а также устройства отдѣльныхъ хуторовъ, поселковъ и деревень, съ причисленіемъ къ мѣстному обществу или волости, или съ образованіемъ особаго общественнаго управленія, если селеніе состояло не менѣе, какъ изъ сорока наличныхъ душъ мужского пола. Лицамъ, поселившимся законнымъ порядкомъ, предоставлялась трехлѣтняя льгота отъ платежа казенныхъ сборовъ и зачисленныхъ по свидѣтельству недоимокъ прежнихъ лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія взимались съ разсрочкою въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Водвореніе на казенныхъ земляхъ допускалось только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи и не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей власти, вѣдающей землями, и по ходатайству самихъ крестьянъ, указывавшихъ въ прошеніяхъ мѣсто будущаго своего поселенія. Съ этою цѣлью казенныя земли приводились въ извѣстность и годныя изъ нихъ нарѣзались участками, не свыше какъ на 500 душъ, и предоставлялись переселенцамъ съ отводомъ надѣла, размѣръ котораго въ Средней Азіи и Закавказскомъ краѣ опредѣлялся по соглашенію министерства государственныхъ имуществъ съ главнымъ начальствомъ края, а въ Западной и Восточной Сибири—по 15 дес. на наличную душу мужского пола и сверхъ того по 6 дес. на прибылое и ссыльное населеніе. Переселенцы облагались государственною оброчною податью и не могли выкупать и отчуждать надѣльную землю, составлявшую „неотчуждаемую собственность мірского общества". Такой же порядокъ устанавливался для водворенія на земляхъ Кабинета Его Величества, съ тѣмъ лишь различіемъ, что оброчная подать отчислялась въ доходъ Кабинета.

Водвореніе на казачьихъ земляхъ могло производиться только путемъ приписки къ мѣстнымъ обществамъ крестьянъ-собственниковъ или зачисленія по пріемному приговору въ казачье сословіе, или же, наконецъ, устройства на земляхъ частныхъ лицъ, съ припискою къ ближайшей крестьянской волости.

Водвореніе на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій допускалось въ предѣлахъ губерній оренбургской, уфимской, ставропольской и въ областяхъ казачьихъ войскъ, а въ случаѣ оказавшейся надобности, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Переселенцы считались законноводворившимися, если пріобрѣли въ собственность

доставляя всѣмъ остальнымъ водворяться на казенныхъ земляхъ Сибири, Средней Азіи или Закавказья, или на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій. При этомъ по отношенію къ частновладѣльческимъ землямъ, въ видахъ прочнаго устройства переселенцевъ, совѣщаніе высказалось за установленіе такихъ правилъ водворенія, которыя ограждали бы новоселовъ „отъ произвола“ владѣльцевъ и „отъ полной экономической зависимости отъ нихъ“.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи переселеній на основаніи общаго закона, совѣщаніе находило цѣлесообразнымъ для облегченія и устройства переселенцевъ, снабжать ихъ при выходѣ особымъ „переселенческимъ свидѣтельствомъ“, которое, замѣняя паспортъ и увольнительное свидѣтельство, заключало бы въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для приписки къ мѣсту новаго водворенія. Выдачу подобнаго свидѣтельства предположено было производить чрезъ волостного старшину, на сроки не свыше двухъ лѣтъ, и подъ условіемъ выполненія требованій ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ“, кромѣ обязательства уплаты недоимокъ по казеннымъ податямъ и повинностямъ, которыя могли зачисляться долгомъ на переселенцѣ и записываться въ этомъ случаѣ въ выдаваемое ему свидѣтельство. Душевой надѣлъ переселяющагося сдавался въ общество, обязывавшееся платить за землю всѣ причитающіеся сборы, и оставался въ пользованіи его, впредь до перечисленія однообщественника или возвращенія его обратно, когда онъ снова вступалъ въ прежнія права по владѣнію мірскою землею.

Содѣйствіе лицамъ, предпринявшимъ переселеніе на свой счетъ и страхъ, должно было выражаться, по мысли совѣщанія, въ освобожденіи отъ сборовъ на переправахъ, мостахъ и шоссейныхъ дорогахъ, въ устраненіи случайныхъ препятствій при передвиженіи, въ сообщеніи свѣдѣній о предстоящемъ пути и объ условіяхъ водворенія на новыхъ мѣстахъ и въ поданіи помощи при заболѣваніяхъ. Обязанности по оказанію такого содѣйствія возлагались на правительственныя, земскія и городскія учрежденія.

Подводя подъ понятіе переселенія всѣ случаи выхода крестьянъ изъ общества и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе проектировало рядъ правилъ для водворенія переселенцевъ, какъ на земляхъ различныхъ наименованій, такъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ. По проекту, водвореніе считалось законнымъ, если оно производилось на основаніи пріемнаго приговора городского, сельскаго или станичнаго общества, разрѣшенія, даннаго казною или кабинетомъ на занятіе свободной земли, или особаго акта, дозволяющаго устройство на землѣ

частнаго лица или учрежденія или утверждающаго за переселенцемъ право собственности на земельный участокъ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ переселенцы могли водворяться путемъ приселенія къ существующимъ городамъ и селеніямъ, а также устройства отдѣльныхъ хуторовъ, поселковъ и деревень, съ причисленіемъ къ мѣстному обществу или волости, или съ образованіемъ особаго общественнаго управленія, если селеніе состояло не менѣе, какъ изъ сорока наличныхъ душъ мужского пола. Лицамъ, поселившимся законнымъ порядкомъ, предоставлялась трехлѣтняя льгота отъ платежа казенныхъ сборовъ и зачисленныхъ по свидѣтельству недоимокъ прежнихъ лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія взимались съ разсрочкою въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Водвореніе на казенныхъ земляхъ допускалось только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи и не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей власти, вѣдающей землями, и по ходатайству самихъ крестьянъ, указывавшихъ въ прошеніяхъ мѣсто будущаго своего поселенія. Съ этою цѣлью казенныя земли приводились въ извѣстность и годныя изъ нихъ нарѣзались участками, не свыше какъ на 500 душъ, и предоставлялись переселенцамъ съ отводомъ надѣла, размѣръ котораго въ Средней Азіи и Закавказскомъ краѣ опредѣлялся по соглашенію министерства государственныхъ имуществъ съ главнымъ начальствомъ края, а въ Западной и Восточной Сибири — по 15 дес. на наличную душу мужского пола и сверхъ того по 6 дес. на прибылое и ссыльное населеніе. Переселенцы облагались государственною оброчною податью и не могли выкупать и отчуждать надѣльную землю, составлявшую „неотчуждаемую собственность мірского общества“. Такой же порядокъ устанавливался для водворенія на земляхъ Кабинета Его Величества, съ тѣмъ лишь различіемъ, что оброчная подать отчислялась въ доходъ Кабинета.

Водвореніе на казачьихъ земляхъ могло производиться только путемъ приписки къ мѣстнымъ обществамъ крестьянъ-собственниковъ или зачисленія по пріемному приговору въ казачье сословіе, или же, наконецъ, устройства на земляхъ частныхъ лицъ, съ припискою къ ближайшей крестьянской волости.

Водвореніе на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій допускалось въ предѣлахъ губерній оренбургской, уфимской, ставропольской и въ областяхъ казачьихъ войскъ, а въ случаѣ оказавшейся надобности, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Переселенцы считались законноводворившимися, если пріобрѣли въ собственность

доставляя всѣмъ остальнымъ водворяться на казенныхъ земляхъ Сибири, Средней Азіи или Закавказья, или на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій. При этомъ по отношенію къ частновладѣльческимъ землямъ, въ видахъ прочнаго устройства переселенцевъ, совѣщаніе высказалось за установленіе такихъ правилъ водворенія, которыя ограждали бы новоселовъ „отъ произвола“ владѣльцевъ и „отъ полной экономической зависимости отъ нихъ“.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи переселеній на основаніи общаго закона, совѣщаніе находило цѣлесообразнымъ для облегченія и устройства переселенцевъ, снабжать ихъ при выходѣ особымъ „переселенческимъ свидѣтельствомъ“, которое, замѣняя паспортъ и увольнительное свидѣтельство, заключало бы въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для приписки къ мѣсту новаго водворенія. Выдачу подобнаго свидѣтельства предположено было производить чрезъ волостного старшину, на сроки не свыше двухъ лѣтъ, и подъ условіемъ выполненія требованій ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ“, кромѣ обязательства уплаты недоимокъ по казеннымъ податямъ и повинностямъ, которыя могли зачисляться долгомъ на переселенцѣ и записываться въ этомъ случаѣ въ выдаваемое ему свидѣтельство. Душевой надѣлъ переселяющагося сдавался въ общество, обязывавшееся платить за землю всѣ причитающіеся сборы, и оставался въ пользованіи его, впредь до перечисленія одноообщественника или возвращенія его обратно, когда онъ снова вступалъ въ прежнія права по владѣнію мірскою землею.

Содѣйствіе лицамъ, предпринявшимъ переселеніе на свой счетъ и страхъ, должно было выражаться, по мысли совѣщанія, въ освобожденіи отъ сборовъ на переправахъ, мостахъ и шоссейныхъ дорогахъ, въ устраненіи случайныхъ препятствій при передвиженіи, въ сообщеніи свѣдѣній о предстоящемъ пути и объ условіяхъ водворенія на новыхъ мѣстахъ и въ поданіи помощи при заболѣваніяхъ. Обязанности по оказанію такого содѣйствія возлагались на правительственныя, земскія и городскія учрежденія.

Подводя подъ понятіе переселенія всѣ случаи выхода крестьянъ изъ общества и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе проектировало рядъ правилъ для водворенія переселенцевъ, какъ на земляхъ различныхъ наименованій, такъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ. По проекту, водвореніе считалось законнымъ, если оно производилось на основаніи пріемнаго приговора городского, сельскаго или станичнаго общества, разрѣшенія, даннаго казною или кабинетомъ на занятіе свободной земли, или особаго акта, дозволяющаго устройство на землѣ

частнаго лица или учрежденія или утверждающаго за переселенцемъ право собственности на земельный участокъ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ переселенцы могли водворяться путемъ приселенія къ существующимъ городамъ и селеніямъ, а также устройства отдѣльныхъ хуторовъ, поселковъ и деревень, съ причисленіемъ къ мѣстному обществу или волости, или съ образованіемъ особаго общественнаго управленія, если селеніе состояло не менѣе, какъ изъ сорока наличныхъ душъ мужского пола. Лицамъ, поселившимся законнымъ порядкомъ, предоставлялась трехлѣтная льгота отъ платежа казенныхъ сборовъ и зачисленныхъ по свидѣтельству недоимокъ прежнихъ лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія взимались съ разсрочкою въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Водвореніе на казенныхъ земляхъ допускалось только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи и не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей власти, вѣдающей землями, и по ходатайству самихъ крестьянъ, указывавшихъ въ прошеніяхъ мѣсто будущаго своего поселенія. Съ этою цѣлью казенныя земли приводились въ извѣстность и годныя изъ нихъ нарѣзались участками, не свыше какъ на 500 душъ, и предоставлялись переселенцамъ съ отводомъ надѣла, размѣръ котораго въ Средней Азіи и Закавказскомъ краѣ опредѣлялся по соглашенію министерства государственныхъ имуществъ съ главнымъ начальствомъ края, а въ Западной и Восточной Сибири — по 15 дес. на наличную душу мужского пола и сверхъ того по 6 дес. на прибылое и ссыльное населеніе. Переселенцы облагались государственною оброчною податью и не могли выкупать и отчуждать надѣльную землю, составлявшую „неотчуждаемую собственность мірского общества". Такой же порядокъ устанавливался для водворенія на земляхъ Кабинета Его Величества, съ тѣмъ лишь различіемъ, что оброчная подать отчислялась въ доходъ Кабинета.

Водвореніе на казачьихъ земляхъ могло производиться только путемъ приписки къ мѣстнымъ обществамъ крестьянъ-собственниковъ или зачисленія по пріемному приговору въ казачье сословіе, или же, наконецъ, устройства на земляхъ частныхъ лицъ, съ припискою къ ближайшей крестьянской волости.

Водвореніе на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій допускалось въ предѣлахъ губерній оренбургской, уфимской, ставропольской и въ областяхъ казачьихъ войскъ, а въ случаѣ оказавшейся надобности, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Переселенцы считались законноводворившимися, если пріобрѣли въ собственность

участокъ земли не менѣе высшаго, по мѣстности, душевого надѣла на каждую наличную мужского пола душу или сняли въ аренду такой же участокъ на девятилѣтній срокъ, съ правомъ поселенія и выкупа его въ этотъ срокъ. Для такого выкупа они обязывались внести въ мѣстное казначейство всю причитающуюся за землю сумму или часть ея, если съ владѣльцемъ вошли въ соглашеніе относительно разсрочки уплаты денегъ. Право на выкупъ арендуемой земли прекращалось, за истеченіемъ девятилѣтняго срока. Въ случаѣ водворенія переселенцевъ безъ соблюденія установленныхъ правилъ, если они прожили осѣдло на арендуемой землѣ болѣе двухъ лѣтъ и къ нимъ не было предъявляемо владѣльцемъ требованій о выселеніи, какъ къ самовольно поселившимся, за ними признавалось право на аренду и выкупъ земли.

По вопросу о переселеніи, предпринимаемомъ съ содѣйствіемъ правительства, совѣщаніе находило, что означенное переселеніе является особенно необходимымъ для улучшенія быта крестьянъ, экономическое положеніе которыхъ при малоземельи пришло въ упадокъ, вслѣдствіе высокихъ арендныхъ цѣнъ на сосѣднія земли и отсутствія мѣстныхъ и отхожихъ заработковъ. Но, считая толкованіе, данное правительственною коммиссіею понятію о малоземельи, слишкомъ узкимъ, оно полагало наиболѣе цѣлесообразнымъ воздержаться отъ опредѣленія въ законодательномъ порядкѣ нормъ надѣла, какъ основаній для разрѣшенія и содѣйствія переселенію. Для водворенія неимущихъ переселенцевъ совѣщаніемъ предполагалось назначать казенныя земли въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ центральнымъ, густонаселеннымъ губерніямъ, съ нарѣзкою участковъ примѣнительно къ среднему надѣлу окрестныхъ государственныхъ крестьянъ. Водворившимся проектировалось предоставить льготу въ податяхъ, одинаковую съ установленною для государственныхъ крестьянъ, при переселеніи ихъ въ порядкѣ поземельнаго устройства, и заключающуюся въ освобожденіи въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ отъ платежа всѣхъ казенныхъ сборовъ и отъ взноса половины этихъ сборовъ въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ. Въ случаѣ надобности, признано было необходимымъ выдавать нуждающимся семьямъ денежныя пособія на передвиженіе и устройство на новыхъ мѣстахъ, въ размѣрѣ, соображаемомъ съ дальностью разстоянія участковъ и хозяйственными условіями ихъ. Выдачу означенныхъ пособій совѣщаніе не находило возможнымъ, однако, ставить въ зависимость отъ усмотрѣнія земствъ или сельскихъ обществъ. По мнѣнію совѣщанія, расходы по оказанію денежной помощи переселенцамъ должны всецѣло отно-

ситься на средства казны, такъ какъ переселеніе имѣетъ не мѣстное, а обще-государственное значеніе и, независимо отъ устройства нуждающихся въ землѣ лицъ, направлено также къ поднятію благосостоянія остающихся въ прежнихъ обществахъ крестьянъ, съ каковой цѣлью, между прочимъ, было бы несогласно установленіе для послѣднихъ обязательнаго сбора въ пользу выходящихъ односельчанъ. Размѣромъ денежныхъ ассигнованій и количествомъ предназначаемыхъ подъ водвореніе земельныхъ участковъ должны опредѣляться и размѣры переселенія съ пособіемъ отъ правительства.

Находя предположенную организацію переселеній связанною главнымъ образомъ съ нарѣзкою и отводомъ казенныхъ земель, совѣщаніе признавало необходимымъ сосредоточить это дѣло въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, возложивъ на него обязанности по проектированной правительственною коммиссіею разверсткѣ участковъ между губерніями и назначенію ихъ для переселенцевъ. Ближайшее завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ въ губерніяхъ выхода крестьянъ оно полагало поручить губернскимъ земскимъ управамъ, какъ учрежденіямъ постояннымъ и сосредоточивающимъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи населенія, а въ уѣздахъ—уѣзднымъ земскимъ управамъ, съ участіемъ одного изъ членовъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и съ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ въ соединенныхъ засѣданіяхъ управы и присутствія. Въ видахъ достиженія большаго единства въ дѣйствіяхъ уѣздныхъ учрежденій и съ цѣлью оказанія матеріальной помощи переселенцамъ и содѣйствія при передвиженіи, совѣщаніе находило полезнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ командировать въ означенныя губерніи особыхъ временныхъ уполномоченныхъ отъ министерства государственныхъ имуществъ.

Общее завѣдываніе дѣломъ устройства переселенцевъ въ губерніяхъ водворенія предполагалось возложить, при участіи особыхъ членовъ отъ упомянутаго министерства, на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, какъ несущія близкія уже обязанности по приpискѣ и образованію изъ переселенцевъ новыхъ сельскихъ обществъ. Наконецъ, въ конечныхъ пунктахъ переселенческихъ трактовъ предположено было учредить конторы, по образцу сызранской, для сообщенія свѣдѣній объ участкахъ земли и объ условіяхъ поселенія на нихъ и для оказанія медицинской помощи проходящимъ переселенцамъ.

Въ заключеніе, совѣщаніе высказалось за полезность обнародованія закона о переселеніяхъ, съ цѣлью ослабить броженіе,

которое можетъ быть вызвано въ населеніи превратнымъ толкованіемъ его, но съ пріуроченіемъ времени этого обнародованія къ осеннимъ мѣсяцамъ или къ рѣшенной правительствомъ отмѣнѣ подушной подати или къ пониженію выкупныхъ платежей, когда у многихъ лицъ отпало бы желаніе подняться на переселеніе. Такая отсрочка, по мнѣнію совѣщанія, оправдывается и необходимостью принятія со стороны министерства государственныхъ имуществъ подготовительныхъ мѣръ, вызываемыхъ закономъ о переселеніи.

Всѣ вышеприведенныя предположенія совѣщанія, однако, не составляли единогласнаго сужденія всѣхъ членовъ его, а лишь мнѣніе большинства. По окончаніи занятій въ 1882 г., совѣщаніе представило три проекта правилъ о переселеніи, сообразно тремъ группамъ, на которыя распалось оно, при обсужденіи разсматриваемаго вопроса. Всѣ члены совѣщанія единогласно признавали только необходимость изданія правилъ, регулирующихъ крестьянскія переселенія, но въ отношеніи подробностей этихъ правилъ расходились не только съ проектомъ правительственной коммиссіи, но и въ мнѣніяхъ между собой. Разногласіе это касалось даже самыхъ основныхъ сторонъ дѣла, какъ вопроса о существѣ льготъ для переселяющихся, о правѣ водворенія различныхъ категорій крестьянъ на казенныхъ земляхъ, о порядкѣ опредѣленія этого права и т. п. Въ виду этого выработанныя совѣщаніемъ свѣдущихъ людей предположенія были переданы на заключеніе губернаторовъ.

IX.

По полученіи отзывовъ и по сношеніи съ подлежащими министерствами, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой представилъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ о главнѣйшихъ началахъ для положенія ихъ въ основаніе переселенческаго закона.

Въ докладѣ этомъ графъ Толстой указывалъ, что потребность выселенія части крестьянъ въ другія мѣстности представляется настоятельною лишь въ двѣнадцати главнымъ образомъ среднихъ, частью южныхъ и средневолжскихъ губерніяхъ. Что касается прочихъ губерній, то въ однѣхъ изъ нихъ, за достаточнымъ количествомъ надѣльной земли, потребности въ выселеніи не замѣчается, а въ другихъ, при обиліи свободныхъ земель, переселеніе нуждающихся въ землѣ лицъ можетъ быть замѣняемо разселеніемъ въ предѣлахъ тѣхъ же губерній. То же раз-

селеніе является желательнымъ и въ западныхъ губерніяхъ Россіи, откуда выселеніе не можетъ быть допущено по политическимъ соображеніямъ, чтобы „не дать усилиться въ тѣхъ мѣстностяхъ враждебнымъ Россіи элементамъ". Далѣе министръ внутреннихъ дѣлъ заявлялъ, что обнародованіе общаго закона о переселеніяхъ, которымъ предоставлялись бы крестьянамъ различныя льготы, неминуемо вызоветъ среди населенія сильное броженіе и „подниметъ на переселеніе массы крестьянъ, вовсе не нуждающихся въ томъ", вслѣдствіе чего такое движеніе причинитъ администраціи „чрезвычайныя затрудненія", тѣмъ болѣе, что правительство не располагаетъ еще достаточнымъ запасомъ заготовленныхъ и годныхъ для поселенія участковъ казенныхъ земель.

Признавая при такихъ условіяхъ допущеніе свободы переселенія не только „вреднымъ, но и прямо невозможнымъ", графъ Толстой наиболѣе цѣлесообразнымъ полагалъ разрѣшать выходъ крестьянъ на новыя мѣста лишь въ мѣрѣ дѣйствительно назрѣвшей потребности, и для этого проектировалъ принять слѣдующія мѣры.

Въ губерніяхъ Европейской Россіи всѣ освобождающіяся казенныя земли, которымъ не будетъ дано другого назначенія, обращать подъ водвореніе переселенцевъ исключительно изъ наиболѣе нуждающихся крестьянъ, по выбору администраціи. Означеннымъ переселенцамъ предоставить „возможно широкія" льготы въ денежныхъ платежахъ и облегченія при передвиженіи и отбываніи воинской повинности, а наиболѣе нуждающимся выдавать денежныя ссуды на путевые расходы и первоначальное обзаведеніе, съ разсрочкою уплаты этихъ ссудъ на десять лѣтъ и съ отпускомъ на этотъ предметъ ежегодно потребныхъ суммъ изъ средствъ государственнаго казначейства.

Относительно Западной Сибири предоставить министру государственныхъ имуществъ принять мѣры къ приведенію въ извѣстность годныхъ для водворенія земель и къ образованію изъ нихъ такого количества участковъ, которое могло бы „удовлетворить постоянно возрастающей на нихъ потребности". Для переселяющихся въ Сибирь допустить извѣстныя льготы, опредѣленіе которыхъ, за невозможностью выяснить предварительно существо ихъ, предоставить соглашенію подлежащихъ министерствъ, въ зависимости отъ ходатайства мѣстной власти. Для содѣйствія переселенцамъ, направляющимся въ Сибирь, образовать на главныхъ путяхъ переселенческаго движенія, а также въ гг. Томскѣ и Тобольскѣ, особыя переселенческія конторы, сна-

бженныя для исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей денежными средствами.

Для единообразнаго направленія переселенческаго дѣла и для принятія всѣхъ необходимыхъ въ этомъ дѣлѣ мѣръ образовать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особое учрежденіе изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ, съ предоставленіемъ этому учрежденію болѣе или менѣе широкихъ исполнительныхъ правъ. Завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ на мѣстахъ возложить на учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, кромѣ губерній, гдѣ представится надобность въ образованіи особыхъ учрежденій. Для упорядоченія движенія переселенцевъ предоставить администраціи право воспрещать выдачу паспортовъ и распродажу крестьянскаго имущества и останавливать переходъ на новыя мѣста во всѣхъ случаяхъ, когда она убѣдится, что „переселеніе предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли".

26 апрѣля 1884 года повелѣно было разсмотрѣть докладъ этотъ въ особомъ совѣщаніи изъ министровъ: императорскаго двора, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и путей сообщенія.

Вполнѣ раздѣляя основные взгляды, выраженные во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Толстого, совѣщаніе нашло лишь необходимымъ внести въ него нѣкоторыя исправленія, исключивъ слова: „возможно широкія", при опредѣленіи льготъ, даруемыхъ переселенцамъ, и „на десять лѣтъ", предположенныхъ срокомъ уплаты выданныхъ ссудъ. Сверхъ того, признано было болѣе цѣлесообразнымъ, вмѣсто учрежденія переселенческихъ конторъ, командировать на мѣста особыхъ довѣренныхъ лицъ, снабженныхъ надлежащими инструкціями, и общее завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ возложить на министерство внутреннихъ дѣлъ, при участіи представителей отъ министерствъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, не учреждая для этого особаго центральнаго органа.

17 мая 1884 года приведенныя общія положенія были Высочайше одобрены, какъ планъ дѣйствій подлежащихъ министерствъ, причемъ было выражено, чтобы переселенія были всецѣло направляемы правительствомъ.

Л. Чарушинъ.

ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ

РОМАНЪ.

Flammen. Roman von Wilhelm Hegeler. Berlin, 1905.

II *).

Художникъ Гебгардъ, какъ было условлено, явился въ назначенный день къ Грабаусу, чтобы вмѣстѣ отправиться на журфиксъ, гдѣ имъ предстояло встрѣтиться съ госпожею Маріею-Луизою Платенъ.

— Какъ фамилія хозяйки?—спросилъ Грабаусъ художника.

— Графиня Борке. Предупреждаю, что большинство людей, собирающихся у нея, немножко помѣшаны, такъ что ты не удивляйся.

Электрическій трамвай останавливалась почти у самаго дома графини, и черезъ минуту они уже были у цѣли. На вѣшалкѣ въ узкой передней висѣло уже множество пальто, цилиндровъ и дамскихъ шляпъ. Когда они вошли, Гебгардъ сейчасъ же подвелъ Грабауса къ хозяевамъ, которые стояли въ первой комнатѣ, представилъ его и затѣмъ, обмѣнявшись съ графомъ нѣсколькими словами, внезапно исчезъ. Слегка разсердившись на его безцеремонность, Грабаусъ оглянулся на исчезнувшаго проводника, и почти не разслышалъ вопроса графини, когда она

---

*) См. выше: іюнь, стр. 637.

очень любезно, но нѣсколько боязливо подвела его къ одной изъ группъ.

— Вы позволите мнѣ познакомить васъ кое съ кѣмъ?— спросила она и назвала нѣсколько именъ, но такъ неразборчиво, что Грабаусъ ни одного не разслышалъ.

— Вы уже часто бывали на нашихъ вечерахъ?—спросила его дама, съ которой его только-что познакомили.

— Нѣтъ, сегодня первый разъ. Я уже шесть лѣтъ какъ не былъ въ Берлинѣ.

— Эти вечера у графини для меня настоящій праздникъ духа. Тутъ можно встрѣтить столь рѣдкое сочетаніе интеллигентности и красоты, граціи и почтенности.

Нѣсколько удивленный—не столько самыми словами, сколько тѣмъ тономъ, какимъ они были сказаны,—Грабаусъ посмотрѣлъ въ лицо своей собесѣдницы. По своей внѣшности она не могла претендовать ни на одно изъ названныхъ ею качествъ. Съ виду это была или старая дѣва, или несчастная въ замужествѣ женщина. На ея неуклюжемъ, жалкомъ тѣлѣ висѣло платье изъ легкаго чернаго шолка, составленное изъ безчисленныхъ складокъ и сборокъ. Самонадѣянная, слащавая и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливая улыбка казалась непріятной гримасой на ея очень обыденномъ, грязновато-румяномъ лицѣ. При этомъ ея тусклые глаза съ вызывающимъ кокетствомъ разглядывали его въ лорнетъ.

— Мы слушали здѣсь чтеніе самыхъ знаменитыхъ представителей искусства и науки,—продолжала она.—Можетъ быть, и вы артистъ?

— Нѣтъ. Но не будете ли вы любезны сообщить, кого мы сейчасъ услышимъ!

— Сегодня баронъ фонъ-Толь будетъ читать на тему: „Ницше, великій пробудитель сердецъ“. Вы вѣдь знаете барона фонъ-Толя?

— Не знаю.

— Онъ очень извѣстенъ въ высшемъ обществѣ. Необыкновеннаго ума человѣкъ—и притомъ чрезвычайно изященъ.—Но вотъ онъ, посмотрите.

Она указала на высокаго, довольно полнаго господина съ круглымъ лицомъ. На нѣсколько сдавленномъ носу его торчало пенснэ безъ оправы. Сверкающія стекла, огромный бѣлый воротникъ, пестрый галстухъ и къ тому еще черные усики, причесанные вверхъ волосокъ къ волоску,—все это настолько бросалось въ глаза, что остальныя черты лица казались какъ бы пустымъ фономъ для всѣхъ этихъ достопримѣчательностей. Ба-

ръ прислонился къ двери и, постукивая золотымъ карандашомъ объ зубы, покровительственно смотрѣлъ сверху внизъ на стоявшаго передъ нимъ стараго господина.

— А кто тотъ, съ кѣмъ онъ говоритъ?—спросилъ Грабаусъ.

— Это графъ Страквистъ, родственникъ знаменитаго поэта. Онъ славится своей благотворительностью—никогда не пройдетъ мимо нищаго, не подавъ ему.

Въ эту минуту къ нимъ подошла хромая, очень немолодая барышня съ осунувшимся, болѣзненно-блѣднымъ лицомъ, дернула собесѣдницу Грабауса за рукавъ и сказала:

— Здравствуйте, Пшютъ.

— Здравствуйте, милая, какъ поживаете?

— Благодарю. Я читала вашу послѣднюю статью. Страшно умно написано.

— Вы находите? Позвольте вамъ представить доктора—простите, я не разслышала вашей фамиліи,—обратилась она къ Грабаусу.

Когда Грабаусъ назвалъ себя, барышня опять прошла, прихрамывая, дальше, и Грабаусъ спросилъ, кто она такая.

— Это замѣчательно интересный человѣкъ. Представьте, она уже двадцать лѣтъ больна злѣйшей чахоткой. Всѣ врачи давно отказались отъ нея, а все-таки она жива, бодра, весела и восхищаетъ всѣхъ своей любезностью.

— Ее зовутъ „трупомъ въ отпуску", — прибавилъ вполголоса толстый, гладко выбритый актеръ, который съ улыбкой поклонился, проходя мимо нихъ въ сосѣднюю комнату.

— Какъ вамъ не стыдно!—крикнула ему вслѣдъ Пшютъ.—Его-то вы навѣрное знаете—это нашъ знаменитый актеръ на характерныя роли. Онъ недавно перешелъ въ христіанство по убѣжденію. Графиня была его крестной матерью. На рѣдкость добрый человѣкъ. Но я хотѣла разсказать вамъ про фрейлейнъ Палдову,—представьте себѣ, она продолжаетъ жить только благодаря своей магнитической силѣ. Иногда она лежитъ по цѣлымъ днямъ какъ въ столбнякѣ, съ запрокинутымъ языкомъ, не ѣстъ, не пьетъ и не дышетъ. А послѣ того она иногда начинаетъ пророчествовать. А васъ уже представили молодой графинѣ?

— Нѣтъ еще.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте это сдѣлать мнѣ. Но, простите мое невѣжество,—невозможно знать всѣхъ знаменитостей,—на какомъ поприщѣ вы прославились?

— Я приватъ-доцентъ философіи въ Іенѣ,—но совершенно не знаменитость.

— Ваше имя, однако, мнѣ такъ знакомо. Я вѣроятно гдѣ-нибудь читала о васъ. А вотъ и графиня.

Въ это время молодая графиня, худенькая молодая дѣвушка, съ болѣзненнымъ лицомъ и красивыми волосами, подходила къ матери. Направляясь къ ней, Грабаусъ заглянулъ въ большую комнату рядомъ, и тамъ замѣтилъ въ углу Гебгарда; онъ наклонился и говорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ изъ-за стоявшихъ вокругъ людей. Около него стоялъ пожилой господинъ съ сѣдыми волосами и черными усами, очень стройный, съ мужественнымъ и въ то же время добрымъ лицомъ. Это былъ первый человѣкъ, который показался интереснымъ Грабаусу среди всѣхъ присутствующихъ. Тѣмъ временемъ они приблизились къ молодой графинѣ.

— Позвольте вамъ представить, дорогая графиня, доктора Гарауса—знаменитаго профессора изъ Іены,—сказала Пшютъ.

Грабаусъ поклонился и прибавилъ:

— Фрейлейнъ Пшютъ ошиблась. Меня зовутъ не Гараусъ, а Грабаусъ. Я вовсе не знаменитый профессоръ, а самый обыкновенный приватъ-доцентъ.

— Вы изъ Іены? —спросила молодая графиня съ застывшимъ выраженіемъ лица.—Значитъ, вы живете въ одномъ городѣ съ моимъ смертельнымъ врагомъ—профессоромъ Геккелемъ?

— Геккель? Чтò онъ вамъ сдѣлалъ дурного?

— Онъ пишетъ отвратительныя книги — онъ невѣжественный и дерзкій человѣкъ; я его ненавижу.

Она произнесла это чрезвычайно спокойно и заложила руки за спину. Помолчавъ двѣ, три секунды и не давая времени Грабаусу придти въ себя отъ удивленія, она продолжала:

— Не удивляйтесь, господинъ докторъ, моей односложности и дикости. Я все еще не могу привыкнуть къ западной культурѣ.

— А гдѣ же вы прежде жили, графиня?

— Я два года прожила на Цейлонѣ — отчасти для поправленія здоровья, отчасти для изученія буддизма и теософіи. Боже, какъ тамъ хорошо, среди благородной тишины храмовъ!—Вамъ уже дали чаю?

Она подошла къ столу, на которомъ стояли чашки съ чаемъ и корзинки съ печеньемъ.

— Это настоящій цейлонскій чай—единственное, чтò мнѣ здѣсь кажется роднымъ.—Вамъ дать рому или молока?

— Нѣтъ, только сахару.

Грабаусъ обратилъ вниманіе на то, что какъ только онъ хотѣлъ взять изъ рукъ молодой дѣвушки чашку чаю, она быстро

поставила чашку на столъ. Въ это время къ ней приблизился одинъ изъ гостей, и она отошла, разговаривая съ нимъ. Грабаусъ едва успѣлъ отпить глотокъ чаю, какъ къ нему снова подскочила Пшютъ и спросила.

— Ну, что, вы очарованы графиней? Не правда ли, она замѣчательный человѣкъ? Замѣтили вы ея руки?

— Она ихъ всегда держитъ за спиной.

— Вы это замѣтили? Какой вы наблюдательный! Она никому—даже родителямъ—не даетъ руки, — развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что изъ рукъ ея исходятъ магнитическіе лучи. Она можетъ исцѣлять ими.

— Да неужели? — сказалъ Грабаусъ, придя въ дурное настроеніе отъ стольких чудесъ.

— Клянусь вамъ. Я сама это испытала. Я пришла сюда со страшной головной болью, и нѣсколько самыхъ слабыхъ пассовъ совершенно излечили меня. Но каждый разъ, когда графиня исцѣляетъ кого-нибудь, она страшно слабѣетъ. Говорила она вамъ о Цейлонѣ? Ее туда послали—она вѣдь совсѣмъ, совсѣмъ больна. Но при этомъ она—поразительный человѣкъ. Пойдемте, сядемъ впереди.

Въ это время раздался слабый звукъ колокольчика, и всѣ двинулись впередъ. Только нѣсколько стариковъ расположились поудобнѣе въ креслахъ въ первой комнатѣ. Грабаусъ, волей-неволей, сѣлъ рядомъ съ Пшютъ, на одномъ изъ стоявшихъ полукругомъ плетеныхъ стульевъ.

На маленькой до смѣшного каѳедрѣ стояла графиня и озиралась вокругъ себя съ застѣнчивой улыбкой; отъ времени до времени она звонила въ маленькій колокольчикъ, точно надѣясь, что это положитъ конецъ шопоту и передвиганію стульевъ. Когда наконецъ всѣ сѣли, она сказала:

— Я объявляю нашъ сегодняшній вечеръ — или, вѣрнѣе, имѣя въ виду, что собираемся днемъ,—наше сегодняшнее собраніе открытымъ, и передаю слово — ахъ, нѣтъ, я должна еще что-то объявить.

Она сообщила, что черезъ нѣсколько дней состоится концертъ одного слѣпого органиста при участіи нѣсколькихъ знакомыхъ обществу мужчинъ и дамъ, и выразила надежду, что всѣ посѣтятъ этотъ концертъ, на который можно у нея получить билеты. Затѣмъ, она еще дала отчетъ о прошедшемъ четвергѣ, выразила увѣренность, что всѣ вынесли изъ тогдашняго собранія много отрадныхъ впечатлѣній, и наконецъ—передала слово барону фонъ-Толю.

Когда она кончила, всѣ опять задвигали стульями. Пшютъ все время совершенно безцеремонно болтала со своимъ сосѣдомъ и показывала ему разныхъ знаменитостей. Она была очень щедра въ своемъ распредѣленіи лавровъ, и каждый разъ удивлялась тому, что Грабаусъ не знаетъ называемыхъ ею именъ.

— Взгляните туда, позади,—тамъ сидитъ красавица фрау Платенъ. Находите вы, что она дѣйствительно такъ красива? Вонъ тамъ въ углу, рядомъ съ господиномъ Гебгардомъ.

Грабаусъ могъ только очень смутно разглядѣть сидѣвшую на указанномъ мѣстѣ женщину: часть ея лица скрывалась широкими полями шляпы.—Марія-Луиза, Марія-Луиза!—прозвучало въ немъ, какъ отголосокъ вчерашняго дня, но уже замирающимъ, потерявшимъ волшебную силу тономъ. Онъ поглядѣлъ въ уголъ съ почти холоднымъ любопытствомъ.

— Красивы у нея собственно только глаза, — шептала Пшютъ.—Или, можетъ быть, вамъ нравятся такія лица?

Грабаусъ только нахмурилъ лобъ въ отвѣтъ, и указалъ глазами на барона; взглянувъ въ послѣдній разъ въ зеркало и поправивъ на галстухѣ золотую булавку, изображавшую черепъ, лекторъ вошелъ на каѳедру. Онъ небрежно облокотился рукой на нее, вынулъ карандашъ изъ кармана, поглядѣлъ на него, какъ бы ища вдохновенія, потомъ вдругъ сталъ выпаливать цѣлые потоки словъ.

Въ высшей степени раздраженный всѣмъ видѣннымъ, Грабаусъ сталъ осматривать общество. Всѣ эти люди вокругъ него были заняты исключительно собой, тѣмъ чтобы сѣсть поудобнѣе, чтобы изобразить на лицѣ глубокомысліе или заманить кого-нибудь кокетствомъ. Никогда еще онъ не наблюдалъ такого яснаго отраженія внутренней лживости на лицахъ и въ движеніяхъ, какъ на этотъ разъ. „Чтò это за люди?—думалъ онъ съ истиннымъ возмущеніемъ.—Ничего въ нихъ нѣтъ подлиннаго. Даже ихъ глупое увлеченіе, ихъ безсмысленная вѣра въ чудеса—напускная“. Онъ взглянулъ на барона, который, повидимому, хотѣлъ изобразить изъ себя не оратора, а causeur'а. Онъ дѣлалъ видъ, что импровизируетъ, и потому нарочно колебался, какъ бы подыскивалъ слова, даже слегка заикался,—хотя для Грабауса не было сомнѣнія въ томъ, что онъ знаетъ каждое слово своего доклада наизусть. При этомъ онъ каждую фразу начиналъ съ „я“ и продолжалъ съ „Ницше“. Все, чтò онъ говорилъ, было ни умно ни глупо. Но даже еслибы онъ говорилъ самыя поразительныя вещи, изъ его суетныхъ устъ и Платоновская мудрость звучала бы обезьяничаньемъ.

„Господи!—подумалъ Грабаусъ съ возрастающимъ гнѣвомъ,— и вотъ ради чего Ницше всю свою жизнь избѣгалъ людей. Вотъ къ чему сводятся безсмертіе и слава! Сдѣлаться достояніемъ умничающихъ фатовъ — вотъ участь самыхъ великихъ людей. Но нѣтъ, это вѣдь только карикатуры. Настоящіе люди не здѣсь".

Налетѣвшій порывъ вѣтра прошумѣлъ у окна и, улетѣвъ, унесъ съ собой мысли Грабауса. Ему мучительно захотѣлось очутиться въ лѣсу, вздохнуть на просторѣ полной грудью и помечтать объ ожидавшемъ его новомъ дѣлѣ. Еслибы изъ этого что-нибудь вышло, еслибы ему дѣйствительно дали каѳедру въ польскомъ университетѣ? Стать нравственнымъ завоевателемъ враждебно настроенной націи—вотъ это истинная радость! „Еслибы это осуществилось, я извѣдалъ бы величайшее счастье на землѣ.— Да, она, можетъ быть, дѣйствительно красива,—промелькнуло у него вдругъ въ головѣ, когда взглядъ его упалъ на тонкій профиль фрау Платенъ, — но какое мнѣ дѣло до красоты? Любовь, женщины—пусть этимъ развлекаются люди, у которыхъ ничего другого нѣтъ въ жизни. Она, дѣйствительно, красива. Марія-Луиза, Марія-Луиза! Но какая при этомъ кокетка, какъ медленно она стягиваетъ шведскую перчатку и гладитъ свою бѣлую ручку. Все-таки моя жена лучше ихъ всѣхъ. Она, по крайней мѣрѣ, откровенна и не ломается. Зарабатывай деньги, доставай хлѣбъ и платья—больше ничего ей не нужно. Ну, да теперь можно надѣяться, что обстоятельства ихъ будутъ хороши.— Теперь дѣти идутъ спать. Малютка молится обо мнѣ. А какъ было бы хорошо сидѣть теперь дома и ѣсть на ужинъ картофель собственной посадки!.."

Баронъ закончилъ свой короткій докладъ, и по общему восторгу можно было бы подумать, что всѣ присутствующіе не только впервые узнали отъ него о Ницше, но и что слова его были для всѣхъ откровеніемъ новой истины. Дамы, которыя все время разсѣянно слушали, занятыя кокетничаньемъ, теперь бѣшено апплодировали. Нѣкоторыя повскакали съ мѣстъ отъ чрезмѣрнаго возбужденія и окружили барона. Даже въ сосѣдней комнатѣ проснулись спавшіе во время доклада старички и тоже стали апплодировать. Кругъ людей вокругъ барона все увеличивался. Пшютъ стояла въ первомъ ряду, но и самые отдаленные единодушно хвалили докладчика.

Оставшись вдругъ одинъ среди пустоты, такъ какъ всѣ устремились къ барону, Грабаусъ подошелъ къ художнику, который остался въ своемъ углу съ фрау Платенъ и нѣсколькими незнакомыми Грабаусу людьми.

— А вѣдь онъ замѣчательно читалъ,—сказалъ Гебгардъ.— Такая манера чтенія подъ стать любому профессору.

— Хороша похвала, нечего сказать,—возразилъ Грабаусъ.

— Во всякомъ случаѣ мы узнали еще кое-что новаго. Я уже такъ много слышалъ чтеній и разсужденій о Ницше, что никогда не могъ собраться читать его самого. Но позвольте, фрау Платенъ, представить вамъ моего друга, доктора Грабауса.

Грабаусъ поклонился Маріи-Луизѣ, не поглядѣвъ на нее болѣе внимательно. Потомъ его познакомили еще съ нѣсколькими господами, въ томъ числѣ съ тѣмъ, который уже раньше обратилъ на себя его вниманіе своей привлекательной наружностью; это былъ майоръ, фамилію котораго онъ не разслышалъ.

Оставшись опять одинъ, онъ сталъ внимательно разглядывать Марію-Луизу. На ней была шляпа съ широкими полями, украшенная страусовыми перьями. Бархатный лифъ оранжеваго цвѣта былъ покрытъ тяжелымъ желтоватымъ кружевомъ, еще болѣе смягчавшимъ мягкій тонъ бархата—цвѣта осенней листвы. Черное шолковое платье, падавшее широкими трубчатыми складками, придавало ея стройной фигурѣ граціозную медлительность движеній. Весь этотъ туалетъ произвелъ на Грабауса только впечатлѣніе чего-то темнаго и свѣтлаго, блѣдно-золотистаго, очень красиваго и драгоцѣннаго. Онъ только сразу обратилъ вниманіе, хотя тоже вскользь, что она держится очень прямо и даже слегка выгибается назадъ. Такимъ образомъ она, хотя и не была выше ростомъ, чѣмъ Гебгардъ, все-же смотрѣла на него нѣсколько сверху внизъ и какъ бы ограждалась отъ него. Но выраженіе ея при этомъ не было высокомѣрнымъ. Напротивъ того, у нея было очень открытое лицо и живые, блестящіе глаза. Грабаусъ чувствовалъ, глядя на нее, прежде всего, крайнее изумленіе—до того ея красота была другой, чѣмъ онъ ожидалъ. Въ ней не было ничего ослѣпительнаго или поражающаго. Красота лица создавалась прежде всего гармоніей чертъ, ихъ одухотворенной живостью, которая въ свою очередь была порождена глубокой тихой замкнутостью. Грабаусу казалось очаровательнымъ это соединеніе естественности и унаслѣдованной, безсознательно проявлявшейся старой культуры. Въ общемъ она казалась ему болѣе обаятельной, нежели красивой.

Онъ еще внутренно подыскивалъ окончательное опредѣленіе для ея красоты, когда майоръ, имени котораго онъ не разслышалъ, обратился къ нему и сказалъ:

— Я преклоняюсь передъ всякимъ, кто умѣетъ свободно говорить. Я этимъ даромъ не обладаю, хотя пора бы къ старости ужъ научиться этому. У насъ былъ разъ полковой командиръ, который, какъ и я, совершенно не былъ ораторомъ. Блестящій офицеръ, пріятный собесѣдникъ, а когда приходилось— ну, хоть тостъ произнести въ день рожденія императора—кончено! Послѣ первыхъ же двухъ-трехъ словъ начиналъ путаться, умолкалъ, и наступала томительная тишина. Мы не знали, куда дѣваться: командиръ блѣднѣлъ, вытиралъ потъ съ лица, начиналъ съизнова, опять останавливался—и наконецъ долженъ былъ все-таки вынуть изъ кармана приготовленную бумажку и читать по ней. Да, краснорѣчіе—истинный даръ божій.

— Люди дѣйствія—плохіе ораторы, это ужъ давно замѣчено. Въ сущности, это странно. Рѣшимость въ дѣйствіи и на словахъ—одного и того же происхожденія. Но, конечно, сильно чувствовать — вовсе не значитъ болтать о своихъ чувствахъ.

Майоръ кивнулъ головой въ знакъ согласія и, слегка нагнувшись къ Грабаусу, спросилъ довѣрчивымъ тономъ:

— Скажите, Ницше — это писатель, котораго необходимо знать? Я не варваръ, но фронтовая служба такъ утомляетъ за день, что потомъ трудно читать и вникать въ серьезное чтеніе. Теперь-то у меня побольше времени—но у меня ужъ составился кругъ писателей, которыхъ я перечитываю вновь отъ времени до времени. И я рѣдко когда прибавляю кого-нибудь новаго къ ихъ числу. Можетъ быть, это признакъ старости.

— Почему? Когда имѣешь старыхъ друзей, незачѣмъ искать новыхъ.

Майоръ кивнулъ головой, какъ-то особенно обрадовавшись этимъ словамъ, и продолжалъ оживленнымъ голосомъ:

— Да, лѣтъ двадцать-пять тому назадъ я учился здѣсь въ академіи и жилъ вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ; мы оба тогда бредили Шопенгауэромъ. Мы много гуляли тогда Подъ-Липами, но вовсе не въ настроеніи, подобающемъ молодцоватымъ поручикамъ, а съ глубокимъ отчаяніемъ въ душѣ. Мы даже собирались выйти въ отставку. Но на это суровая дѣйствительность наложила свое veto. Служи или помирай — другого выхода не было.

Онъ улыбнулся, и вокругъ его сѣрыхъ стальныхъ глазъ обрисовались глубокія гусиныя лапки, а изъ-подъ темныхъ усовъ сверкнули крѣпкіе, красивые зубы. Это придавало его загорѣлому, мужественному лицу выраженіе большой искренности и доброты; Грабаусъ чувствовалъ къ нему все бóльшую симпатію.

— Все-таки это было хорошее время,—продолжалъ майоръ.— Мы чувствовали себя очень ничтожными, и въ то же время какими-то великанами. Во всякомъ случаѣ жизнь не была будничной. А въ нашемъ пессимизмѣ былъ виноватъ, главнымъ образомъ, нашъ сидячій образъ жизни. Когда вскорѣ послѣ того меня отрядили на маневры въ кавалерійскій полкъ, я былъ самъ пораженъ, до чего мнѣ вдругъ сдѣлалось весело на душѣ. Свѣжій осенній воздухъ и постоянная ѣзда верхомъ излечили меня— тѣмъ болѣе, что лошадь, которая мнѣ досталась отъ эскадроннаго начальника, была довольно породистая.

Во время разговора майоръ нѣсколько разъ переглянулся съ Маріей-Луизой и разъ даже кивнулъ ей. Въ выраженіи его лица Грабаусъ прочелъ заботливость и гордость отца, который радуется успѣху своей дочери. Онъ сравнилъ ихъ лица, и нашелъ даже фамильное сходство—только не въ глазахъ, потому что глаза Маріи-Луизы казались ему въ эту минуту совершенно особенными, похожими на росистые цвѣтки, озаряющіе своимъ блескомъ все лицо; но тонкій прямой носъ и въ особенности мягкія очертанія губъ могли быть наслѣдіемъ отъ отца. Теперь, когда заходящее солнце освѣтило полнымъ свѣтомъ ея задумчивое лицо, она дѣйствительно выдѣлялась какимъ-то свѣтлымъ видѣніемъ среди другихъ женщинъ, казалась совершенствомъ среди всѣхъ половинчатыхъ существъ въ залѣ. Отъ нея вѣяло такой нетронутостью, что ее трудно было принять за замужнюю женщину. Во всякомъ случаѣ она, вѣроятно, очень недавно вышла замужъ,—но Грабаусъ тщетно искалъ среди окружающихъ ея мужа.

Вмѣсто мужа около нея стоялъ художникъ, слегка склонивъ голову впередъ, съ сверкающими глазами и почти боязливо-напряженными чертами, явно свидѣтельствующими, что онъ пустилъ въ ходъ весь свой запасъ пламенности, ума и сообразительности, чтобы выказать себя съ выгодной стороны передъ женщиной, которой онъ поклонялся. Отъ времени до времени онъ бросалъ на Грабауса быстрый взглядъ, который говорилъ:— Вѣдь красива она, красива?

Такъ какъ майоръ заговорилъ въ это время съ какой-то дамой, то Грабаусъ приблизился къ группѣ около Маріи-Луизы, оставаясь, однако, скромно позади. Но Гебгардъ тотчасъ же повернулся къ нему:

— Представь себѣ,—сказалъ онъ,—фрау Платенъ не нравится Берлинъ. Она находитъ его скучнымъ, прозаичнымъ, непривѣтнымъ, уродливымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого я не сказала. Я только сказала, что онъ—другой, нежели я ожидала. Онъ дѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ. Можетъ быть, это и хорошо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

— Вы такъ говорите потому, что вращаетесь среди слишкомъ трезвыхъ людей, въ придворныхъ и военныхъ кругахъ. Если бы вы побывали въ обществѣ художниковъ, вы вынесли бы другое впечатлѣніе. Вѣдь въ Берлинѣ есть очень интересное артистическое общество

— Нѣтъ, не хочу. Я хочу наслаждаться искусствомъ, а не знакомиться съ художниками. Не то я и въ нихъ разочаруюсь. Мы одинъ разъ были на первомъ представленіи въ театрѣ—во второй разъ я уже не пойду.

— Почему?

— Марія-Луиза, подойди сюда, дитя мое!—подозвалъ ее въ эту минуту майоръ.

— Простите, на минутку...

Она съ улыбкой вышла изъ разступившагося передъ нею круга, а художникъ увелъ своего друга въ уголъ и спросилъ его, упоенный видомъ любимой женщины:

— Ну, что̀, хороша она? Теперь ты меня понимаешь? Или все еще считаешь меня варваромъ за то, что я ее люблю? Да что̀ любовь!—я ее обожаю, я ею восторгаюсь, какъ художникъ, любуюсь ея линіями и красками. Я хотѣлъ бы написать ее въ костюмѣ à la Гэнсборо, съ левреткой, идущей рядомъ съ ней,—на фонѣ мечтательнаго осенняго парка. Молодость, сладкая грусть, благородное изящество, все это сливающееся въ одно общее настроеніе—и падающая золотисто-багровая листва, а въ воздухѣ серебристый тонъ—нѣжный и въ то же время красочный. Боже, Боже! Она вѣдь уѣзжаетъ.

Онъ вскочилъ, увидавъ, что майоръ прощается.

— Мы ее проводимъ. Пойди и ты съ нами. Я ни на шагъ не отойду отъ нея. Но ты скажи еще поскорѣе графинѣ нѣсколько любезностей относительно ея вечера. Что-нибудь о духовномъ наслажденіи—и какъ можно расплывчатѣе. Чѣмъ меньше она пойметъ, тѣмъ болѣе будетъ довольна.

Прошло еще нѣсколько времени, прежде чѣмъ дѣйствительно стали расходиться. Грабаусъ поблагодарилъ графиню въ крайне запутанныхъ восторженныхъ выраженіяхъ, съ замысловатыми сравненіями и открывающими горизонты періодами, изъ которыхъ онъ самъ едва смогъ выпутаться. Графиня дала ему гектографированную записку съ программой чтенія въ слѣдующій четвергъ, и онъ ушелъ изъ дома графини въ гораздо лучшемъ

настроеніи, чѣмъ ожидалъ. Симпатичный майоръ и Марія-Луиза примирили его со всѣми прочими гостями. На опустѣвшей улицѣ уже горѣли фонари. Вся компанія пошла пѣшкомъ по направленію къ „Тиргартену"; Марія-Луиза шла впереди, по ея правую руку—Фрицъ Гебгардъ, по лѣвую—Грабаусъ, а сзади—майоръ съ нѣсколькими знакомыми. Общество уже дошло до „Тиргартена", а никакого общаго разговора не завязывалось. Всѣ трое молча наслаждались ночной прохладой, мягкимъ свѣтомъ звѣздъ и прянымъ ароматомъ блекнущихъ листьевъ. Но позади загорѣлся оживленный споръ. Вдругъ чей-то голосъ воскликнулъ:

— Это намъ лучше всего сможетъ разъяснить Гебгардъ... Гебгардъ! будьте любезны, можно васъ попросить къ намъ на минуту? Намъ нужно ваше компетентное мнѣніе.

Гебгарду пришлось послѣдовать зову.

— На какой премьерѣ вы были?—спросилъ Грабаусъ, продолжая идти вдвоемъ съ Маріей-Луизой.

Она назвала пьесу.

— Въ такомъ случаѣ я вполнѣ понимаю ваше разочарованіе. Пьеса вѣдь провалилась.

— Дѣло не въ этомъ,—быстро возразила она.—Мнѣ пьеса скорѣе понравилась. Но непріятно мнѣ было скорѣе по причинѣ—до нѣкоторой степени личнаго характера.

— Васъ оскорбила самая борьба между недоброжелательствомъ публики и силой таланта? Такъ ли я васъ понялъ?

— Да. И особенно по отношенію къ этому автору. Я его знала, читала его произведенія и воображала его сильнымъ и гордымъ. И вдругъ я увидѣла его передъ толпой: онъ стоялъ такой блѣдный и несчастный, съ такимъ выраженіемъ отчаянія на лицѣ!.. Въ этомъ и состояло мое разочарованіе. Мнѣ поэтому бы и не хотѣлось лично знать художника, произведенія котораго мнѣ нравятся. Такимъ, каковъ онъ среди творческой работы, я его все равно не увижу. А пустой глиняный сосудъ—на что онъ мнѣ? Впрочемъ, я, кажется, напрасно говорю вамъ все это. Вы сочтете меня очень ужъ наивной. Если бы вы были берлинцемъ, я бы съ вами ни за что не говорила объ этомъ. Но вашъ другъ сказалъ, что вы пріѣхали изъ Іены,—поэтому я и довѣрилась вамъ. Въ Іенѣ вы почти нашъ сосѣдъ. Мы вѣдь тоже пріѣхали сюда только погостить. Мы живемъ въ Веймарѣ.

Грабаусъ остановился и сказалъ:

— Не поразительно ли это? Я пробылъ здѣсь четыре дня и велъ самые разнообразные разговоры съ разными людьми,—а первый человѣкъ, который говоритъ моимъ языкомъ, языкомъ

моей духовной родины—именно вы. Вы живете въ Веймарѣ? Сколько разъ я тамъ бывалъ, и никогда васъ не встрѣчалъ. И познакомились мы именно въ Берлинѣ.

Грабаусъ услышалъ голосъ майора, который крикнулъ Маріи-Луизѣ, что она идемъ слишкомъ длинной дорогой.

— Кажется, вашъ отецъ зоветъ васъ,—сказалъ Грабаусъ своей спутницѣ.

Но она уже обернулась и крикнула въ отвѣтъ майору:

— Когда я иду впереди, всегда выходитъ длиннѣе. Но теперь такъ пріятно ходить, что не бѣда.

Майоръ указалъ палкой, куда слѣдуетъ повернуть.

— Направо,—сказалъ онъ.

Марія-Луиза и Грабаусъ повернули направо. Потомъ Марія-Луиза повернулась къ своему спутнику и спросила:

— Чтò вы сказали: мой отецъ?..

— Ну, да—развѣ майоръ...

По его растерянности она поняла, что онъ дѣйствительно считалъ майора ея отцомъ. Она разсмѣялась тихо и весело, какъ совсѣмъ молоденькая дѣвушка.

— Неужели же у меня столь мало внушительная наружность? А между тѣмъ у меня есть сынъ, который скоро пріѣдетъ изъ кадетскаго корпуса,—сынъ шестнадцати лѣтъ.

— Простите, я скорѣе бы повѣрилъ, что вамъ шестнадцать лѣтъ, чѣмъ тому, что у васъ сынъ такихъ лѣтъ.

— Хорошо, я не буду хвастать. Это не мой сынъ, а пасынокъ—сынъ мужа отъ перваго брака. Но то, что вы приняли меня за дочь моего мужа, я могу объяснить только темнотой.

— Нѣтъ, уже раньше, въ освѣщенной залѣ...

Но она какъ будто не слышала его словъ,—можетъ быть, не хотѣла слышать, и продолжала оживленно говорить.

— Мой сынъ тоже иногда недостаточно почтителенъ ко мнѣ. Недавно, когда онъ былъ въ отпуску дома, онъ нашелъ у меня одну книгу,—очень невинную естественно-научную книгу—и удивился: „Неужели ты собираешься это читать, мама? Ты не поймешь. У нашего учителя естественной исторіи тоже есть эта книга, но намъ онъ ее не даетъ—говоритъ, что не поймемъ: „оставайтесь при Моисеевой исторіи творенія, господа, это по крайней мѣрѣ нѣчто твердое“. Ну, а если мы, кадеты старшаго класса, не можемъ понять, то гдѣ ужъ тебѣ!“ И мальчишка сказалъ это мнѣ съ самымъ чистосердечнымъ выраженіемъ лица.

— Чтò же вы отвѣтили?

— Я стала, конечно, на материнскую точку зрѣнія,—ска-

зала ему, чтобы онъ остерегался мужского самомнѣнія. Не то ему плохо придется, если онъ случайно женится на умной женщинѣ.

Грабаусъ шелъ рядомъ съ Маріей-Луизой, испытывая такое глубокое блаженство, что ему было почти больно отъ напряженности чувства. Каждое ея слово казалось ему прекраснымъ, правдивымъ, очаровательнымъ, и онъ чувствовалъ, что въ ней еще скрыты цѣлыя сокровища ума и красоты. Онъ точно глядѣлъ сквозь разрывающійся покровъ облаковъ на снѣжныя высоты, то надѣясь, что солнце освѣтитъ вершину горы, то боясь, что облака стянутся и все скроютъ. Прислушиваясь къ голосамъ позади, трепеща, чтобы кто-нибудь изъ остальной компаніи не присоединился къ нимъ, онъ, самъ того не замѣчая, все ускорялъ шаги, и Марія-Луиза бодро шла, не отставая отъ него.

— Какъ пріятно,—сказала она,—вдыхать ясный осенній воздухъ!.. Вотъ видите, я пробыла въ Берлинѣ цѣлый мѣсяцъ, а самое пріятное впечатлѣніе за все время—это наша теперешняя прогулка по „Тиргартену“. А это удовольствіе я могла имѣть и дома, гуляя въ нашемъ паркѣ. Теперь я знаю, что, живя въ тишинѣ у себя дома, я ничего не теряла—и это сознаніе меня очень радуетъ. Мой мужъ считаетъ нашу жизнь въ Веймарѣ слишкомъ однообразной для меня. У насъ довольно ограниченный кругъ знакомыхъ,—и онъ полагаетъ, что нехорошо для меня видѣть всегда только однихъ и тѣхъ же людей, что нужны новыя впечатлѣнія. Онъ такъ часто это повторялъ, что я повѣрила. И чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе, онъ взялъ меня съ собой въ Берлинъ. Я дѣйствительно видѣла здѣсь много прекраснаго. Но уже мнѣ хочется скорѣе вернуться домой... Многое, казавшееся мнѣ издали большимъ, теперь представляется маленькимъ. Я вполнѣ увѣрилась въ томъ, что̀ собственно всегда знала,—что истинное счастье—въ тишинѣ и уединеніи, въ томъ, чтобы быть какъ можно дальше отъ всего, что̀ люди называютъ жизнью.

Но Грабаусъ прервалъ ее съ такой горячностью, точно что-то давно затаенное и давившее его душу съ силой вырвалось, наконецъ, на свободу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не въ этомъ счастье!—взволнованно говорилъ онъ.—То, что̀ вы говорите—самообманъ. Къ чему жить, если убѣгать отъ жизни? Если не пользоваться своими силами, то на что̀ онѣ? Зачѣмъ тогда чувствовать ихъ напоръ? Нѣтъ, не слѣдуетъ сторониться отъ жизни и прикрывать свою убогость словами о томъ, что все—суета. Я тоже укрылся въ своемъ

гнѣздѣ, и мнѣ кажется, что я проспалъ всѣ эти долгіе годы и только теперь проснулся. А между тѣмъ я не жилъ въ праздности. Но я часто ложился спать, утомленный только будничностью жизни и тѣмъ, что въ ней не было ничего яркаго. И какъ часто я просыпался съ чувствомъ: зачѣмъ вставать, вѣдь сегодня такой же день, какъ вчера? Проклятое, безплодное, пустынное время! И послѣ того, какъ я работалъ, читалъ, думалъ до того, что у меня голова кружилась, мной овладѣвалъ безумный страхъ: мнѣ казалось, что все это продѣлываетъ не я, и даже не частица меня. Мнѣ казалось, что я похороненъ. Но теперь я проснулся. Теперь я увидѣлъ, что міръ полонъ красоты и чудесъ, и что жизнь—великое благо. Я хочу жить всѣми фибрами души. Я никогда не паду духомъ, всѣ дороги будутъ мнѣ открыты, всѣ возможности будутъ использованы. И если я даже при этомъ погибну,—чтò за бѣда! Все-таки я не поддался, все-таки боролся. Только бы выплыть въ море на всѣхъ парусахъ! И въ тысячу разъ лучше погибнуть среди океана, чѣмъ сгнить въ гавани!

Онъ кончилъ и они молча пошли дальше по блѣдно освѣщенной дорогѣ. Прохладный ночной вѣтеръ раскачивалъ деревья и кусты, разсыпалъ у ногъ ихъ золотистые листья и покрывалъ рябью темную воду, въ которую глядѣли звѣзды, сверкая какъ расплавленное серебро. Все вокругъ было мягко и тихо. А впереди, за мощными верхушками деревьевъ, высилось небо, побагровѣвшее отъ безчисленныхъ огней большого города.

Послѣ долгаго молчанія, Марія-Луиза, наконецъ, сказала:

— Вы такъ говорите, имѣете право такъ говорить, потому что вы—мужчина. Женщины же не могутъ сами создавать свою жизнь. Онѣ ее принимаютъ готовой, и должны быть благодарны, если ихъ жизнь направляетъ добрая, заботливая рука.

Грабаусъ остановился и, глядя на темную воду, изъ глубины которой какъ бы всплывали вверхъ серебристыя искры, сказалъ:

— Знаете, мы едва ли увидимся еще когда-нибудь. Поэтому лучше въ эти немногія минуты говорить все до конца. То, чтò я сказалъ—все это... Еще часъ тому назадъ, я проклиналъ общество людей. Я жаждалъ одиночества, какъ вы. Въ одиночествѣ такъ хорошо. Чувствуешь себя свободнымъ и сильнымъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, становишься бѣднымъ. Перестаешь вѣрить, потому что не видишь. Дверь, которую всегда держатъ на запорѣ, скрипитъ, когда ее открываютъ. И сердце, которое перестаетъ раскрываться, сжимается. Оно пусто и все-же въ немъ нѣтъ мѣста.

Онъ замолчалъ, потомъ, поглядѣвъ въ лицо Маріи-Луизы,

продолжалъ такимъ голосомъ, точно говорилъ не онъ, а что-то болѣе мощное въ немъ:

— Все дѣло въ томъ, чтобы въ надлежащій моментъ найти надлежащаго человѣка. Одинъ часъ—столь мимолетный—можетъ стать путеводной звѣздой для всей жизни.

Она ничего не отвѣтила, но остановилась, и они стояли другъ противъ друга, не глядя въ лицо, пока остальная часть общества не нагнала ихъ. И когда послѣ этого всѣ стали прощаться, Марія-Луиза протянула ему руку молча.

Грабаусъ получилъ письмо отъ жены, въ которомъ она сообщала, что дома всѣ здоровы, и удивлялась, что мужъ ничего не пишетъ объ ея матери и сестрахъ. Что онъ былъ у нихъ сейчасъ же по пріѣздѣ—въ этомъ она не сомнѣвалась. А между тѣмъ Грабаусъ все время откладывалъ этотъ непріятный визитъ, а потомъ просто забылъ о немъ. Теперь необходимо было исправить свою оплошность.

Его тесть, бывшій пѣвецъ королевской оперы, или, вѣрнѣе, его теща, Констанція Бухбиндеръ, — мужъ ея въ сущности не игралъ никакой роли въ семьѣ, — жила на Шенебергской набережной. У нея были не только собственныя четыре дочери, изъ которыхъ только старшая была замужемъ, но всегда еще жили на полномъ пансіонѣ нѣсколько барышенъ изъ зажиточныхъ провинціальныхъ семей, пріѣхавшихъ въ Берлинъ заниматься музыкой, живописью или чѣмъ-нибудь другимъ, или же просто пріятно провести зиму въ столицѣ. Такимъ образомъ, домъ всегда былъ полонъ дамъ.

Бывшему пѣвцу было около пятидесяти лѣтъ; онъ былъ одутловатъ, страдалъ одышкой и очень медленно двигался. Деспотъ по натурѣ, онъ все-таки былъ подъ башмакомъ у своей жены. Собственно говоря, онъ былъ почти посторонній человѣкъ въ этой семьѣ, единственный мужчина въ этомъ царствѣ амазонокъ, и доставлялъ только лишнія хлопоты своимъ присутствіемъ. Онъ очень блестяще началъ свою карьеру, но его талантъ постепенно заглохъ среди будничной жизни. Онъ разжирѣлъ и обрюзгъ. Его музыкальность служила ему теперь только для того, чтобы давать уроки пѣнія пансіонеркамъ жены и по воскреснымъ вечерамъ играть для танцевъ. Плата за уроки и маленькая пенсія изъ какого-то фонда—вотъ все, что̀ онъ со своей стороны вносилъ въ хозяйство. Вся тяжесть заботъ о семьѣ всегда лежала на его женѣ. Въ девятнадцать лѣтъ она была красивой дѣвушкой

съ маленькимъ приданымъ, съ сентиментальными мечтами о счастьи, и вышла замужъ по любви за пѣвца, имѣвшаго тогда большой успѣхъ. Но любовь, приданое, сентиментальность—все это было поразительно быстро уничтожено суровой дѣйствительностью. Констанція сама еще едва вышла изъ полудѣтскаго возраста, когда поняла, что отецъ ея дѣтей — самъ большое дитя. Такъ какъ онъ по своей артистической беззаботности очень быстро спустилъ всѣ деньги, то ей пришлось бороться съ нуждой, и она, наконецъ, рѣшилась взять въ домъ пансіонерокъ. Дочери подростали и, благодаря ея вліянію, становились очень благоразумными и практичными дѣвушками. Три старшія, Елена, затѣмъ вторая, жена Грабауса, и третья, Берта, сдали экзаменъ на учительницъ, а самая младшая, которая была и красивѣе, и легкомысленнѣе старшихъ, была только фребеличкой. Необходимость заботиться о себѣ развила во всѣхъ сестрахъ преждевременную самостоятельность. Онѣ еще признавали до нѣкоторой степени авторитетъ матери, но отцу не выказывали ни малѣйшаго уваженія. И это пренебрежительное отношеніе къ отцу онѣ переносили на всѣхъ мужчинъ. Онѣ хотя и гнались за женихами, но въ глубинѣ души считали мужчинъ безсердечными эгоистами и низшими существами, которые, по какому-то недоразумѣнію, въ силу какого-то предразсудка, занимаютъ первенствующее положеніе, которое въ сущности должны были бы занимать женщины.

Грабаусъ пошелъ къ нимъ обѣдать въ воскресенье. Вся семья уже сидѣла за столомъ въ длинной и мрачной столовой. Въ широкое окно во дворъ глядѣлись пасмурныя, грустныя сумерки, смѣшиваясь съ желтоватымъ свѣтомъ висячей лампы. Подали супъ. Пѣвецъ, засунувшій салфетку за воротникъ, отложилъ ложку и сказалъ:

— Вашъ супъ...

— Чѣмъ тебѣ супъ не нравится? — довольно нелюбезно спросила жена.

— Ваша Аугуста, вѣрно, опять влюбилась?

— Ахъ, папа, Аугусты уже нѣтъ съ перваго числа! Теперешнюю горничную зовутъ Линой!—поправила отца младшая дочь, Френцхенъ.

— Аугуста или Лина, не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, супъ слишкомъ солонъ. Послушай, Генрихъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ зятю,—на дняхъ со мной случился смѣшной анекдотъ. Я долженъ тебѣ его разсказать.

Но при словѣ „разсказать“, жена его сдѣлала ему знакъ

замолчать. Его разсказы обыкновенно не годились для ушей молодыхъ дѣвушекъ.

— Ну, я разскажу тебѣ это въ другой разъ.—Да вѣдь ты ужъ, кажется, достаточно нарѣзала мяса, мама. Вотъ этотъ кусочекъ недуренъ,—можешь дать его мнѣ.

Ему положили на тарелку облюбованный имъ кусокъ, и онъ, наконецъ, замолчалъ.

Ближе къ концу стола сидѣли молодыя дѣвушки—три дочери дома и четыре пансіонерки. Лена разсказала о своемъ катаньи на велосипедѣ въ это утро, въ компаніи нѣсколькихъ знакомыхъ. Она говорила, что было очаровательно, что листья дубовъ по дорогѣ сверкали какъ золото, и что всѣ мчались, какъ безумные.

— Горнеманъ тоже ѣздилъ съ вами?—спросила Берта, вторая сестра.

— Конечно.

— Почему конечно? Ему могло вѣдь что-нибудь помѣшать.

— Ну, знаешь ли!..—съ упрекомъ возразила Лена.—Мы съ нимъ ѣздили взапуски. Страшно устала,—такъ что дыханіе захватило.

Она весело засмѣялась своимъ широкимъ ртомъ, и темные добродушные глаза засверкали отъ удовольствія. Сегодня жизнь ей улыбалась; завтра, быть можетъ, она будетъ чувствовать себя несчастной въ зависимости отъ того,—за нею или за другой будетъ ухаживать интересующій ее въ данное время молодой человѣкъ.

— Ты тоже ѣздишь на велосипедѣ?—спросилъ Грабаусъ свою belle-soeur Берту.

— Нѣтъ!—отвѣтила она съ нѣсколько злобной усмѣшкой.—Я нахожу это неженственнымъ.

— Ты просто не умѣешь,—въ этомъ все дѣло,—дерзко возразила ей Френцхенъ.

— Вотъ какъ! Грабовскій десять разъ предлагалъ научить меня, но мнѣ не хочется. Вообще, ѣзда на велосипедѣ выходитъ теперь изъ моды для дамъ.

— Кто это Грабовскій?

— Очень милый и порядочный человѣкъ,—объяснила Грабаусу его теща.—Ассистентъ доктора Лейснера. Ты увидишь его сегодня вечеромъ.

— Какъ можно интересоваться зубнымъ врачомъ?—сказала Лена, качая головой.

— Почему же не интересоваться? Вы какъ думаете, фрейлейнъ Рикхенъ?

Берта обратилась при этомъ съ злой улыбкой къ одной изъ пансіонерокъ, некрасивой дѣвушкѣ, которая покраснѣла и смущенно улыбнулась, показывая криво разставленные зубы.

— Все дѣло въ томъ, каковъ человѣкъ, а не въ томъ, чѣмъ онъ занимается.

— А по-моему, самое главное, сколько у него денегъ,— сказала Френцхенъ.

— Ну и взгляды!—замѣтилъ Грабаусъ полушутливо, полувозмущенно; другія сестры объяснили ему, что Френцхенъ, вообще, настоящая американка по своей практичности.

— Да развѣ я не права?—защищалась Френцхенъ. — Воздухомъ и любовью нельзя прожить. Выйти замужъ съ тѣмъ, чтобы опять терпѣть нужду—благодарю покорно!

Она скорчила презрительную и возмущенную гримасу.

— Ну, да, квартира окнами на улицу, въ лучшей части города, и не меньше пяти комнатъ,—на меньшее ты не согласна, не правда ли?—спросила Берта.

— И чтобы непремѣнно было электрическое освѣщеніе. Электрическая лампа надъ постелью—какой восторгъ!

— Нѣтъ, послушайте-ка эту дѣвчонку! — Старый пѣвецъ громко расхохотался.—О томъ, кто рядомъ...

— Тссъ!..—остановила его жена.

И барышни приняли возмущенный видъ и сидѣли съ серьезными, неподвижными лицами. Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ возстановился общій разговоръ.

Послѣ обѣда Грабаусъ поговорилъ еще спокойно съ тещей около часа. Она разспросила его про жену и дѣтей, и потомъ сама навела разговоръ на искусство. Гдѣ-то въ уголкѣ ея озабоченной души жила еще любовь къ искусству. У нея не было денегъ, чтобы посѣщать театры, концерты и выставки, не было времени читать книги, но она любила, по крайней мѣрѣ, говорить обо всемъ этомъ.

Къ вечеру въ гостиную снова вошли барышни, которыя тѣмъ временемъ переодѣлись. Черезъ нѣсколько времени стали раздаваться непрерывные звонки, и гостиная наполнилась молодежью.

Вечеръ начался по обыкновенію съ музыки. Пансіонеркамъ, которыя брали уроки пѣнія, хотѣлось, конечно, показать, какіе онѣ сдѣлали успѣхи. Потомъ стали разносить чай и бутерброды, а послѣ того начались танцы.

Странное настроеніе нашло на Грабауса, когда онъ сѣлъ поодаль отъ другихъ и сталъ глядѣть на танцующія пары. Къ

мыслямъ о Маріи-Луизѣ примѣшивались, сначала понемногу, потомъ все сильнѣе, воспоминанія о давно минувшихъ дняхъ. Въ памяти ожили воскресные вечера, которые и онъ проводилъ студентомъ въ этомъ домѣ. Развѣ все не осталось здѣсь по старому? Теперь, какъ и тогда, старый пѣвецъ сидѣлъ у рояля, барабаня танцы, и сосалъ кончикъ потухшей сигары, а его жена суетливо бѣгала взадъ и впередъ, какъ насѣдка вокругъ своихъ цыплятъ; какъ и тогда, дѣвушка вносила поочередно то подносъ съ бутербродами, то подносъ съ стаканами пива и зельтерской воды. А этотъ Грабовскій! Тогда, кажется, тоже бродилъ по комнатѣ элегантный зубной врачъ съ такимъ элегическимъ лицомъ, точно онъ чувствовалъ на себѣ боль, которую выносили его паціенты. А эти два вольноопредѣляющіеся, которые шептались другъ съ другомъ и отъ времени до времени утирали потъ съ лица. А этотъ господинъ изъ провинціи! Теперь его зовутъ Горнеманомъ, и онъ—инженеръ. Тогда онъ былъ врачъ, и носилъ другое, столь же прекрасное имя. Но другой разницы между ними не было. У этого такой же видъ, какъ у его предшественника, такіе же широкіе сапоги, и онъ танцуетъ вальсъ съ такимъ же напряженнымъ серьезнымъ лицомъ, точно танцы—тяжкая работа, а не удовольствіе. И когда онъ отдыхалъ, обмахиваясь платочкомъ, и при этомъ слѣдилъ глазами за Леной, которая танцовала съ другимъ, то на его нахмуренномъ лицѣ ясно выражалась мысль: сдѣлать предложеніе или не сдѣлать? Увы, и онъ, вѣроятно, рѣшитъ не дѣлать... „Бѣдная Лена!—подумалъ Грабаусъ.—Она единственная между ними, у которой есть живыя чувства. Другія сестры умѣютъ только считать“.

Но имъ овладѣлъ искренній ужасъ, когда онъ вдругъ увидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ Берту, поглощенную разговоромъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Они сидѣли въ самомъ отдаленномъ, тихомъ углу, между книжнымъ шкапомъ и столикомъ для цвѣтовъ, въ тѣни того же араукарія, подъ которымъ онъ часто сидѣлъ со своей невѣстой. У собесѣдника Берты были свѣтлые волосы, красивые мечтательные глаза и лицо его было совсѣмъ другое, чѣмъ у остальныхъ суетливыхъ и шумныхъ молодыхъ людей.

Грабаусъ глядѣлъ на нихъ, и ему казалось, что онъ ясно слышитъ ихъ разговоръ: молодой человѣкъ говорилъ взволнованно, дрожащимъ голосомъ, точно изъ души его выливались давно затаенныя въ ней слова; а Берта слушала его, дѣлая видъ, что она очень заинтересована разговоромъ, и все-таки отъ времени до времени бросала скучающій взглядъ на танцующихъ,

точно жалѣя, что она не среди нихъ. И чѣмъ дольше Грабаусъ глядѣлъ на нихъ, тѣмъ больше ему казалось, что это онъ самъ сидитъ на мѣстѣ незнакомаго юноши и разсказываетъ любимой дѣвушкѣ, что̀ онъ думалъ и пережилъ наединѣ. Неужели же все въ жизни повторяется, неужели всѣ должны пережить тѣ же надежды и тѣ же разочарованія?

Онъ почувствовалъ странную симпатію къ незнакомому юношѣ,—ему казалось, что его долгъ придти ему на помощь, открыть ему глаза и предостеречь его.

Танцы кончились. Всѣ стали искать, гдѣ сѣсть. Берта и ея собесѣдникъ встали и вскорѣ были отдѣлены другъ отъ друга. Черезъ нѣсколько времени Берта вошла въ сосѣднюю комнату и присѣла къ Грабаусу.

— Ты, кажется, молча наблюдаешь?—спросила она.

— Что̀ тебѣ разсказывалъ молодой человѣкъ, съ которымъ ты такъ оживленно говорила?

— Представь себѣ, онъ мнѣ стихи читалъ.

— Стихи? Съ которыхъ это поръ ты стала любить стихи?

— Я очень люблю стихи, — особенно такіе. Они мнѣ посвящены.

— Вотъ какъ. Кто этотъ молодой человѣкъ?

— Студентъ-юристъ. Онъ изучаетъ, главнымъ образомъ, политическую экономію—можетъ быть, будетъ готовиться къ профессурѣ. На это, конечно, нужны средства. Своихъ денегъ у него нѣтъ, но у него очень богатые родственники.

Грабаусъ съ удивленіемъ взглянулъ на Берту.

— Ты, кажется, серьезно интересуешься имъ?

Она нѣсколько смущенно разсмѣялась и вскочила.

— А ты бы хотѣлъ знать?

„Значитъ, я не ошибся“,—подумалъ Грабаусъ. И ему представилось, что и Констанція вѣроятно въ свое время говорила о немъ въ томъ же тонѣ, какъ теперь Берта, что она разсчитывала, какіе шансы на успѣхъ можетъ имѣть философія. У него тоже не было своего состоянія, но имѣлась стипендія. Это, вѣроятно, и побудило ее выйти за него замужъ.

„Бѣдный наивный юноша,—подумалъ онъ,—неужели и тебѣ предстоитъ то же, что̀ и мнѣ? Неужели и ты отдашь свое сердце этому ограниченному существу и захочешь сдѣлать изъ ея жалкой душонки душу святой Варвары? Проклятіе нашему невѣдѣнію, нашей молодости! Чѣмъ мы чище, тѣмъ беззащитнѣе. И къ тебѣ, какъ и ко мнѣ, явится твой будущій тесть, грубо коснется твоего нѣжнаго чувства и дастъ тебѣ непрошенное благословеніе“.

Грабаусу бросилась кровь въ лицо, когда онъ вспомнилъ объ этомъ посѣщеніи: старикъ явился въ его маленькую студенческую комнату съ торжественнымъ выраженіемъ на своемъ въ обычное время плутовскомъ веселомъ лицѣ и былъ похожъ на „каменнаго гостя“ въ „Донъ-Жуанѣ“. Онъ сталъ говорить о соблазнахъ столичной жизни и о пользѣ ранняго брака. Сначала слова его не имѣли успѣха, потому что молодой студентъ не чувствовалъ за собой никакихъ грѣховъ; онъ сталъ говорить въ виду этого все яснѣе, пока наконецъ Грабаусъ не выдалъ ему своей тайны. Тогда онъ простеръ руку и сказалъ:

— Вы сдѣлали хорошій выборъ. Старшая лучше всѣхъ. Пойдите, поговорите съ ней. Вы не будете обмануты въ вашихъ надеждахъ. Я знаю, что Лена васъ любитъ. — Онъ даже не зналъ хорошенько, о которой дочери идетъ рѣчь.

Гнѣвное чувство стыда и возмущенія снова загорѣлось въ сердцѣ Грабауса. Онъ все простилъ своему тестю—кромѣ этого посѣщенія. Уже тогда его первой мыслью было: бѣжать, скорѣе бѣжать! Теперь все прекрасное и поэтичное загрязнено. Въ ту минуту въ душу его закралось подозрѣніе, но потомъ—потомъ именно это посѣщеніе и побудило его сдѣлать предложеніе.

Около полуночи Грабаусъ случайно сѣлъ рядомъ съ тещей и Френцхенъ. Черезъ нѣсколько времени къ нимъ подсѣла и Берта.

— Ты тоже хочешь отдохнуть?—спросилъ Грабаусъ.

— Мнѣ кажется некрасивымъ, когда слишкомъ разгорячишься.

— Она думаетъ, что блѣдность ей больше къ лицу,—сказала Френцхенъ.

— Не говори глупостей!

— Что̀ у тебя вышло съ фрейлейнъ Рикхенъ?—спросила мать.—Вы, кажется, опять повздорили?

— Зачѣмъ она бѣгаетъ за Грабовскимъ?—рѣзко сказала Френцхенъ.—Это такъ смѣшно!

— Конечно, смѣшно, — сказала Берта, — тѣмъ болѣе, что ему она совсѣмъ не нравится. Онъ ей сказалъ сегодня, чтобы она пришла къ нему на пріемъ,—что онъ починитъ ей зубы—безвозмездно.

— Когда онъ это сказалъ? Все это ты выдумала.

— Что̀ ты, Френцхенъ! Да вѣдь это только доказываетъ, что онъ ею не интересуется. Когда нравится молодая барышня, ей не предлагаютъ починить зубы,—это было бы безтактно.

Берта сказала это съ такимъ невинно-убѣжденнымъ видомъ,

что трудно было рѣшить, говоритъ ли она серьезно, или только дразнитъ сестру.

Когда незнакомый молодой блондинъ подошелъ къ Бертѣ и пригласилъ ее танцовать, Грабаусъ спросилъ:

— Чтò же, наклевывается, кажется, женихъ?

— Какъ знать?—со вздохомъ сказала фрау Бухбиндеръ.— Этого молодого человѣка никакъ нельзя разгадать.

— Да развѣ можно разгадать мужчинъ? Они такъ глупы, что намъ ихъ не понять,—прибавила Френцхенъ.

— Онъ уже вторую зиму бываетъ у насъ. Меня все это очень безпокоитъ. Берта такъ привязалась къ нему.

— Почему же тебѣ не послать къ нему папу?

— Ахъ, дитя мое, я такъ неохотно прибѣгаю къ этому средству.

— Для меня тебѣ этого дѣлать не придется. Если онъ самъ не захочетъ, такъ Богъ съ нимъ. Но Берта совсѣмъ помѣшалась—до того ей хочется выйти за него замужъ. Да оно, дѣйствительно, звучитъ недурно: Берта фонъ-Элленъ.

— Чтò? Какъ его зовутъ?—спросилъ Грабаусъ совершенно опѣшивъ.

— Вольфъ фонъ-Элленъ.

— Изъ Веймара?

— Да.

— Значитъ, я сегодня познакомился съ его сестрой.

— Его сестра замужемъ за майоромъ.

— Ну, да, значитъ, это онъ.

Грабаусъ быстро поднялся, подошелъ къ брату Маріи-Луизы, поздоровался съ нимъ и уже весь вечеръ не отходилъ отъ него.

— Хотите, пойдемте въ кафе и поболтаемъ еще часокъ?— предложилъ Грабаусъ брату Маріи-Луизы, котораго мысленно называлъ уже „братомъ Вольфомъ“, до того ему понравился молодой человѣкъ. — Какъ это поразительно! — сказалъ онъ.— Вчера я познакомился съ вашей сестрой, а сегодня—съ вами. Это что-нибудь да значитъ. Нужно непремѣнно понять—чтò.

Въ кафе Вольфъ фонъ-Элленъ сидѣлъ сначала задумчивый и смущенный. Прежняя его разговорчивость въ обществѣ Берты смѣнилась полнымъ молчаніемъ. Но Грабаусъ не унывалъ, увѣренный, что сможетъ поспорить съ Бертой въ умѣньи расположить къ себѣ человѣка. Дѣйствительно, ему удалось своимъ дружелюбіемъ побѣдить сдержанность молодого человѣка. Онъ сталъ

говорить—сначала еще нерѣшительно, потомъ все болѣе довѣрчиво—о своей жизни и о борьбѣ, которую ему пришлось уже выдержать въ жизни. Видно было, что онъ жаждалъ открыть свою душу, и теперь обрадовался, встрѣтивъ теплое отношеніе къ себѣ. Грабаусу онъ все болѣе нравился и казался достойнымъ братомъ Маріи-Луизы.

Вольфъ фонъ-Элленъ учился въ Берлинѣ уже два года, и сначала велъ такую же беззаботно-веселую жизнь, какъ другіе знакомые ему студенты. Но отчасти случайно, отчасти по внутреннему побужденію онъ ближе ознакомился съ соціальнымъ вопросомъ, и это сразу измѣнило всю его жизнь. Онъ отошелъ отъ всѣхъ прежнихъ друзей и знакомыхъ, поселился въ бѣдномъ кварталѣ, въ сѣверной части Берлина, въ очень маленькой бѣдной комнаткѣ, сырой и полутемной. Онъ долгое время избѣгалъ встрѣчаться съ прежними знакомыми, которые смѣялись надъ его планами общественнаго переустройства, и почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ, кромѣ своей квартирной хозяйки, простой работницы, привлекавшей его своей жаждой образованности. Онъ хотѣлъ жить какъ пролетарій и упрямо искоренялъ въ себѣ всѣ привычки прежней избалованной жизни. Его угнеталъ страшный открытый вопросъ о нуждѣ рабочаго класса. Онъ ходилъ на рабочія собранія и въ рабочіе клубы, но все, что онъ тамъ слышалъ, не удовлетворяло его, — онъ не видѣлъ никакой надежды освѣтить окружавшій его мракъ. Такъ онъ прожилъ болѣе года; иногда только на него нападали приступы острой жажды радости, жизни для себя. Онъ отправлялся тогда куда-нибудь за городъ или уходилъ въ „Тиргартенъ“, шелъ слѣдомъ за какой-нибудь молодой дѣвушкой, смѣхъ которой звучалъ для него гимномъ освобожденія. Или же онъ открывалъ заколоченный ящикъ, вынималъ книгу, и когда онъ читалъ ее, ему представлялось, что въ немъ просыпается другой человѣкъ,—плѣнникъ, рвущійся на свободу. И ему казалось, что этотъ плѣнникъ—онъ самъ, его жаждущая свободы душа.

Годъ тому назадъ, зимой, одинъ знакомый ввелъ его къ Бухбиндерамъ. Воскресные вечера у нихъ были его единственнымъ развлеченіемъ, единственной связью съ міромъ, отъ котораго онъ прежде такъ тщательно сторонился. Но поѣздки въ аристократическую часть Берлина были въ его глазахъ измѣной его убѣжденіямъ. Болѣе изящный сюртукъ, который онъ надѣвалъ, отправляясь въ гости, казался ему украденнымъ у неимущихъ. И теперь онъ все еще терзался сомнѣніями, мучился вопросомъ, имѣетъ ли онъ право на удовольствіе, когда столько людей голодаетъ.

Грабаусъ сталъ ему доказывать, что горе и нужда всегда будутъ въ мірѣ, но что это не должно уничтожать радость, которая имѣетъ полное право на существованіе. Въ каждую данную минуту кто-нибудь на землѣ страдаетъ, но это не должно лишать насъ способности наслаждаться всѣмъ, что есть радостнаго въ мірѣ. Здоровый человѣкъ долженъ умѣть и выносить безропотно страданія, и наслаждаться счастьемъ. Это нужно, чтобы сохранять силы для борьбы.

— Въ наше время,—говорилъ Грабаусъ,—болѣе, чѣмъ когда-либо нужны бодрые, радостные люди, ибо только въ радостномъ сердцѣ могутъ возникнуть творческая сила и энергія. Достаточно на землѣ жалобъ и возмущенія. А гдѣ добрые, отважные люди, которые дѣйствительно сдѣлали бы что-нибудь для улучшенія условій жизни? Неужели вы думаете, что, надрывая силы плохимъ питаніемъ и жизнью въ полутьмѣ, вы этимъ поможете людямъ? Вы только грабите себя, никого не обогащая. Вы думаете, что можно отбросить всѣ привычки воспитанія, не принося этимъ ущерба своимъ духовнымъ силамъ? Поймите, я вовсе не осуждаю васъ: хорошо, что вы вняли голосу, звавшему васъ помогать страждущимъ и голодающимъ. Теперь вы уже никогда не пройдете равнодушно мимо чужого страданія, никогда не будете относиться съ насмѣшкой къ борьбѣ обездоленныхъ. Но голосъ, который громко говоритъ въ васъ: въ тебѣ есть еще нѣчто бо́льшее—тоже правъ. Это—голосъ вашей души, вы обязаны внять ему.

Молодой человѣкъ сначала мрачно смотрѣлъ на Грабауса, погруженный въ свои мысли, потомъ взоръ его все свѣтлѣлъ, и онъ весь раскраснѣлся отъ радости. Онъ долго молчалъ, потомъ сказалъ:

— Все, что вы говорите, я тоже чувствовалъ, и часто говорилъ себѣ. Но я не вѣрилъ своимъ собственнымъ доводамъ—мнѣ нуженъ былъ толчокъ извнѣ. Я все надѣялся, что встрѣчу человѣка,—такого, какъ вы,—который оправдаетъ меня передъ самимъ собой. И какъ странно, что я познакомился съ вами именно въ столь важную для меня минуту жизни.

— Я вѣдь говорилъ, что это болѣе чѣмъ простая случайность,—весело сказалъ Грабаусъ.—И у меня къ тому же такое чувство, точно мы ужъ Богъ вѣсть какъ давно знакомы. Бываютъ часы, которые исчисляются не минутами, бываютъ люди, которые... Ну, словомъ, если вы ничего противъ этого не имѣете,—я бы очень охотно сталъ вашимъ другомъ.

— Я этого желаю всей душой,—отвѣтилъ Вольфъ, схвативъ

руку Грабауса и крѣпко пожимая ее. Счастливая улыбка, вдругъ озарившая его лицо, придавала ему поразительное сходство съ сестрой.—Когда я выходилъ отъ Бухбиндеровъ,—сказалъ онъ,—я предчувствовалъ, что меня ожидаетъ сегодня еще большая радость.

Грабаусъ пошелъ проводить своего новаго друга, и когда онъ простился съ нимъ у его дома, Вольфъ пошелъ въ свою очередь провожать его. Это они продѣлали нѣсколько разъ. Все возникало еще что-нибудь новое, о чемъ имъ хотѣлось поговорить. Уже начинало свѣтать, когда они, наконецъ, разошлись. Грабаусъ уговаривалъ молодого фонъ-Эллена не только выѣхать изъ своей прежней комнатки, но и покинуть Берлинъ. Зачѣмъ томиться въ этой каменной пустынѣ, гдѣ такъ трудно найти, среди милліоновъ, нѣсколькихъ настоящихъ людей? Онъ убѣждалъ его переѣхать въ Іену, гдѣ при его содѣйствіи Вольфъ сможетъ кромѣ юридическихъ занятій слушать общенаучныя лекціи. Это предложеніе было принято молодымъ человѣкомъ съ радостью, и когда они разстались, переѣздъ Вольфа въ Іену былъ дѣломъ окончательно рѣшеннымъ. О Бертѣ и о всей семьѣ Бухбиндеровъ они оба не упомянули ни словомъ, но Грабаусъ чувствовалъ, что въ этомъ и не было надобности, что его другъ самъ высвободится изъ разставленныхъ ему сѣтей.

Но зато Грабаусъ узналъ еще нѣчто весьма для него интересное. Вольфъ ему разсказалъ, что его сестра съ мужемъ собираются быть въ ближайшее воскресенье на общественномъ балу въ рейхстагѣ. Грабаусъ собирался уѣхать уже во вторникъ, но теперь твердо рѣшилъ остаться и поглядѣть на Марію-Луизу хоть издали въ воскресенье.

Когда онъ легъ и потушилъ свѣчу, то послѣдняя картина, мелькнувшая передъ нимъ, когда онъ засыпалъ, была связана съ Маріей-Луизой. Онъ видѣлъ передъ собой большую мраморную залу, толпу людей, оркестръ музыки и сверкающіе огни. И среди всего этого самой прекрасной и сіяющей была она—Марія-Луиза. Самъ же онъ, прислонившись къ колоннѣ, стоялъ, погруженный въ созерцаніе ея лица,—какъ бѣдный уличный мальчикъ, который стоитъ на темной улицѣ и глядитъ въ окна освѣщенной праздничной залы, томясь желаніемъ радости, едва не плача и все-таки испытывая жгучую радость.

На слѣдующее утро Грабаусъ получилъ письмо такого содержанія: „Дорогой другъ, приходите ко мнѣ сегодня днемъ вы-

пить чашку чая. Я покинута всѣми и страшно несчастна. Привѣтъ. Ваша Магги Тёнъ.—Пожалуйста, приходите, не обманите!“

Около пяти часовъ Грабаусъ направился на Кирхштрассе. Когда онъ позвонилъ, старуха Марушка осторожно открыла только щелку въ двери и сердито оглядѣла его своими недовѣрчивыми цыганскими глазами, прежде чѣмъ впустить.

— Ахъ, это вы! Я пойду, скажу барышнѣ. Можетъ быть, она тогда встанетъ.

— Развѣ она еще въ постели?

— Она ужъ два дня какъ не вставала. Говоритъ, что не для чего. Мы ужъ и доктора звали.

— Развѣ она больна?

— Не то чтобы больна, но у нея былъ сердечный припадокъ. Докторъ говоритъ, что сердце здоровое, только переутомленное. Да и не удивительно!

Старуха провела его въ гостиную, гдѣ были спущены шторы. Она зажгла свѣтъ и снисходительно пододвинула ему кресло.

— Присядьте пока. Барышня, вѣрно, скоро выйдетъ.

Прошло, однако, еще довольно много времени, прежде чѣмъ открылась дверь и вошла Магги. Она безмолвно остановилась у порога, вытерла платочкомъ послѣднюю слезу изъ глазъ и медленно опустила узкую руку на свое лиловое платье. Углы ея рта устало опустились, лицо было блѣдное, цвѣта пожелтѣвшаго шолка; глаза, окруженные черными тѣнями, казались огромными и черными какъ уголь. Несмотря на всю свою печаль, она была чрезвычайно красива въ эту минуту. Растроганный чуть не до слезъ ея скорбнымъ видомъ, Грабаусъ подошелъ къ ней и, передавая ей букетъ розъ, сказалъ:

— Магги, не приходите въ такое отчаяніе!

— Ахъ, милый другъ, какъ я вамъ благодарна за то, что вы пришли! Теперь, по крайней мѣрѣ, у меня есть передъ кѣмъ излить мое горе. Зачѣмъ я еще жива? Я уже четыре дня не встаю съ постели, лежу въ темнотѣ и не могу никого видѣть. Ахъ, какъ у меня болитъ сердце! Я такъ устала! Я такъ больна!

Она опустилась на стулъ у маленькаго столика, отирая платочкомъ слезы, которыя не переставали литься у нея изъ глазъ. Грабаусъ нѣжно гладилъ ея руку, стараясь успокоить ее. Марушка безмолвно вошла и принесла чай.

— Принесите и рому для доктора Грабауса.

Но такъ какъ Грабаусъ не пилъ рома, то Магги влила двѣ ложечки себѣ въ чай. Она глубоко вздохнула съ искренней душевной мукой и, глядя на своего гостя затуманенными отъ слезъ глазами, сказала:

— Какъ можно быть такимъ жестокимъ! Онъ въ двухъ словахъ сообщаетъ мнѣ, что между нами все кончено, что онъ меня больше не любитъ. И онъ полагаетъ, что я тоже сейчасъ же разлюблю его. Я даже не порвала его письма. Оно лежитъ у меня на столѣ. Я лишилась чувствъ.

— Магги, онъ недостоинъ вашей любви!

— Недостоинъ! Развѣ любовь объ этомъ спрашиваетъ? Любишь человѣка—вотъ и все. И въ этомъ счастье. Есть на свѣтѣ человѣкъ, ради котораго живешь. Вѣдь и въ отсутствіи мнѣ все-таки казалось, что онъ здѣсь, въ моей комнатѣ. Я не была одна. А теперь я чувствую себя такой одинокой! Какая мука лежать въ постели безъ сна и все время—днемъ и ночью—слушать тиканье часовъ! И сердце тоже стучало все время въ тактъ часамъ. Ужасно, ужасно! Отъ этого не умираешь, но чувствуешь, какъ постепенно точно разбиваешься на кусочки. Я такъ устала, такъ пала духомъ! И какъ продолжать жить въ такомъ состояніи?

— Магги! Грѣшно приходить въ такое отчаяніе. Вы такъ молоды, прекрасны, очаровательны...

— Это вы говорите, чтобы утѣшить меня. На самомъ дѣлѣ, я сдѣлалась уродомъ.

— Нѣтъ,—искренно возразилъ онъ.—Вы менѣе всего уродъ. Когда вы вотъ стояли тамъ,—я даже былъ пораженъ,—вы были истинно очаровательны. Страданіе сдѣлало васъ еще болѣе красивой.

— Неужели?

Ея лицо невольно озарилось счастливой улыбкой. Она налила себѣ еще чашку чая, влила въ нее три ложечки рома и выпила почти залпомъ.

— Дѣйствительно, не стоитъ горевать,—сказала она вдругъ измѣнившимся голосомъ.—Нужно быть веселой, легкомысленной,—вѣдь жизнь такъ коротка! Ну, а теперь разскажите что-нибудь о себѣ. Какъ это случилось, что вы еще въ Берлинѣ?

Грабаусъ сталъ разсказывать. Такъ какъ ему, однако, не хотѣлось говорить Магги о Маріи-Луизѣ, то онъ объяснилъ отсрочку своего отъѣзда тѣмъ, что обѣщалъ сдѣлать докладъ въ одномъ литературно-научномъ обществѣ; это была правда. Онъ назвалъ тему своего доклада, распространился объ основной идеѣ. Магги слушала его очень невнимательно; слезы все обильнѣе катились изъ ея глазъ, и чѣмъ дольше онъ говорилъ, тѣмъ болѣе она нервно двигалась и вздыхала. Наконецъ, она схватила его за руку.

— Я даже не поблагодарила васъ за розы,—сказала она.— Онѣ такъ дивно пахнутъ. Но зачѣмъ вы меня такъ балуете? Розы теперь не для меня. Мнѣ больше къ лицу вѣнокъ изъ иммортелей. Мнѣ часто за это время снилось, что я лежу въ гробу. И мнѣ было такъ хорошо. Смерть вѣдь прекрасна.

— Что вы говорите, Магги? Неужели вы серьезно хотите умереть?—съ ужасомъ спросилъ Грабаусъ.

— Вы мнѣ не вѣрите? Если бы вы знали, какъ часто я думаю о смерти. Уже въ дѣтствѣ мнѣ хотѣлось умереть; я предчувствовала, что жизнь моя будетъ печальная. Какія у меня радости въ жизни? Родителей у меня нѣтъ. Всѣ кругомъ мнѣ измѣняютъ. Будь теперь зима, я бы выбѣжала и легла въ снѣгъ. Говорятъ что это такая пріятная смерть... А вы еще не вѣрите, что я дѣйствительно хочу умереть!

Возмущенная его недовѣріемъ, она налила себѣ еще чашечку—наполовину чая, наполовину рома—и быстро выпила ее.

— Неужели вы считаете меня легкомысленной—такой, какъ другія актрисы? Вы думали, что я говорю на вѣтеръ! Вотъ увидите, я скоро умру, и вамъ же будетъ жалко меня. Докторъ меня изслѣдовалъ—и такимъ тономъ сказалъ, что причина моей болѣзни не въ сердцѣ, что я поняла его: у меня легочная болѣзнь. Я навѣрное скоро умру отъ чахотки,—тогда вы ужъ не станете говорить, что я не серьезно говорю о смерти.

Она стала громко рыдать, какъ безутѣшный ребенокъ, и Грабаусу стоило большого труда успокоить ее. Наконецъ она поддалась его уговорамъ, осушила слезы и сказала, вдругъ возвысивъ голосъ:

— Хорошо, я не буду больше плакать,—да у меня ужъ и слезъ нѣтъ. И зачѣмъ плакать? Его любовь дала мнѣ много радости,—можетъ быть, даже больше, чѣмъ ему—моя. А теперь—ха-ха-ха!—теперь я буду смѣяться.

Она засмѣялась нѣсколько неестественнымъ смѣхомъ и прихлебнула изъ чашки, въ которой было больше рома, нежели чая.

— Да что, собственно, случилось? Кому какое дѣло до того, что разбито сердце у несчастной дѣвушки,—что ея бѣдное, молодое сердце глубоко страдаетъ? Но неужели ему все равно, что онъ разлюбилъ меня? Какъ онъ меня не пожалѣетъ?! Меня, которая такъ горячо его полюбила и теперь осуждена на безъисходную муку?

Сказавъ это, она вдругъ вскочила и, сдѣлавъ отстраняющій жестъ рукой, неожиданно заговорила совсѣмъ другое.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы онъ меня жалѣлъ. Не хочу!

Совершенно растерявшись отъ изумленія, Грабаусъ молча глядѣлъ на нее. Ея слова казались ему такими знакомыми. Онъ все это уже слыхалъ,—только не могъ припомнить теперь, отъ кого и гдѣ. Магги продолжала страстныя изліянія своей скорби. Теперь она уже не только говорила, но дѣлала разные жесты, то складывала руки на груди, то закрывала и открывала глаза и лицо ея поражало выразительностью мимики. Все это было очаровательно, но очень удивляло Грабауса, казалось ему наполовину правдой, наполовину комедіантствомъ. И слова ея странно противорѣчили одни другимъ. Они звучали то цитатой изъ Гёте, то тирадой изъ Сарду. Потомъ она стала постепенно успокаиваться, сѣла на диванъ рядомъ со своимъ новымъ другомъ и уже только потихоньку рыдала.

— Будьте добры ко мнѣ!—Я говорю отъ души.—Будьте мягки и милы со мной! Мнѣ нужно, чтобы меня любили. Я такъ одинока!—Дайте мнѣ еще чашечку чая.

Онъ налилъ ей еще чашку и сталъ поить ее, какъ ребенка. Потомъ она опустила голову ему на грудь, едва слышно вздохнула нѣсколько разъ и закрыла глаза. Грабаусъ сидѣлъ почти не двигаясь и прислушиваясь къ ея ровному дыханію, доказывавшему, что она заснула. Такъ прошло минутъ десять. Тогда онъ осторожно положилъ ея голову на подушку и хотѣлъ тихонько выйти изъ комнаты. Но когда Магги услышала легкій скрипъ двери, она приподнялась и съ изумленіемъ спросила:

— Развѣ вы уже собираетесь уходить?

— Я долженъ, Магги. Пора.

— Подождите еще минутку. Вы еще не попрощались со мной.

Онъ снова подошелъ къ ней и участливо спросилъ:

— Вамъ лучше теперь?

Она протерла глаза, зѣвнула и сказала довольно веселымъ голосомъ:

— Я, кажется, глубоко заснула.—Но послушайте, завтра я играю. Приходите въ театръ. Обѣщаете?

— Я условился съ однимъ пріятелемъ провести вечеръ вмѣстѣ,—сказалъ Грабаусъ.

— Такъ приведите и его. Я пришлю два билета. Потомъ мы вмѣстѣ поужинаемъ и поболтаемъ еще. Мнѣ не хотѣлось бы поѣхать домой сейчасъ же послѣ спектакля.

— Я съ удовольствіемъ приду, если вы позволите привести моего пріятеля. Онъ очень милый молодой человѣкъ.

— Неужели есть милые люди—среди мужчинъ?—элегическимъ тономъ спросила Магги. Но потомъ она вскочила и

восторженно воскликнула:—Конечно есть! Вѣдь вотъ вы такой хорошій! Вы такъ славно утѣшили меня. Я вамъ истинно благодарна. Вы отнеслись ко мнѣ серьезно,—и я въ этомъ очень нуждаюсь. Всѣ обращаются со мной какъ съ легкомысленнымъ ребенкомъ. Но вѣдь вы—вы вѣрите глубинѣ моихъ чувствъ?

— Да,—отвѣтилъ Грабаусъ, едва удерживаясь отъ улыбки.

Магги протянула ему руку, и онъ ушелъ.

Никогда еще Грабаусъ не занимался такъ тщательно своимъ туалетомъ, какъ въ этотъ разъ, и никогда не былъ такъ неувѣренъ въ себѣ. Онъ расчесалъ волосы и бороду, въ третій разъ вымылъ руки, и осмотрѣлъ себя въ зеркалѣ, какъ молодая дѣвушка, держа высоко въ рукѣ свѣчу. Потомъ онъ вдругъ отставилъ свѣчу и сѣлъ на стулъ въ глубокомъ раздумьи.

„Что все это означаетъ?—подумалъ онъ.—Неужели я сдѣлался фатомъ и надѣюсь ей больше понравиться, если я наряжусь какъ обезьяна? Зачѣмъ мнѣ вообще идти на этотъ балъ? То, что было хорошо разъ, не повторяется. Она окружена толпой людей, должна исполнять свою роль свѣтской женщины, а я—я навѣрное буду держаться натянуто, замкнуто и уйду глубоко разочарованный. Тотъ единственный моментъ внезапно отдѣлилъ насъ отъ всѣхъ окружающихъ, отъ всякихъ условностей. И если я хочу видѣть ее такой, какова она въ дѣйствительности, лучше пойти въ „Тиргартенъ" или смотрѣть на звѣзды.

Раздался стукъ въ дверь, и въ комнату вошелъ молодой фонъ-Элленъ.

— Какъ, уже во всемъ парадѣ?

— Да. Я не могъ въ точности разсчитать, сколько времени нужно, чтобы добраться сюда,—это такъ далеко отъ меня. А я хотѣлъ придти лучше слишкомъ рано, чѣмъ опоздать. Но вы, пожалуйста, не торопитесь. У насъ еще много времени.

Онъ снялъ пальто, и такъ какъ оба соломенныхъ стула были заняты платьемъ и книгами, то усѣлся на краю кровати. Эти нѣсколько дней уже измѣнили его. Лицо его расцвѣло и казалось особенно свѣжимъ послѣ того, какъ онъ провелъ цѣлый день, гуляя по потсдамскому парку.

— Какъ вы себя чувствуете во фракѣ? — спросилъ Грабаусъ.—Нѣсколько не по себѣ съ непривычки?

— Да, немножко. Удивительно, до чего мы зависимъ отъ всего внѣшняго. Я вѣдь съ моей хозяйкой въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Считаюсь какъ бы членомъ семьи. Она обо

всемъ мнѣ разсказываетъ, совѣтуется со мной. Когда я былъ боленъ, она за мной ухаживала. Ея дѣти считаютъ мою комнатку своимъ царствомъ, играютъ въ ней, карабкаются ко мнѣ на колѣни. Но сегодня все измѣнилось. Передъ уходомъ я хотѣлъ еще закусить и позвонилъ. Хозяйка вошла. Увидавъ меня во фракѣ, она съ испугомъ поставила лампу на столъ. Младшій ребенокъ по привычкѣ подбѣжалъ ко мнѣ, но старшая сестра остановила его. „Ты съ ума сошелъ!—крикнула она.—Ты запачкаешь господина фонъ-Эллена“. Всегда меня называли „дядей“, теперь я вдругъ сдѣлался господиномъ фонъ-Элленомъ. И самое глупое то, что и я въ эту минуту смотрѣлъ на нихъ другими глазами. Никогда дѣтишки не казались мнѣ до такой степени грязными и запущенными. Потомъ мнѣ даже стало стыдно.

— Такова природа человѣка. Мы постепенно становимся дѣйствительно таковы, какими кажемся.

Среди разговора Грабаусъ кончилъ свой тщательный туалетъ, и такъ какъ дѣйствительно было еще рано, то заказалъ еще бутылку вина и бутербродовъ. Пока они подкрѣплялись, они сразу завели разговоръ, увлекшій ихъ очень далеко отъ предстоящаго вечера. Когда Вольфъ взглянулъ на часы, оказалось, что прошелъ уже цѣлый часъ, и что нужно торопиться. Они уже надѣли пальто, когда Грабаусъ вдругъ сказалъ:

— А что, если бы совсѣмъ не пойти? Не лучше ли отыскать какое-нибудь тихое кафе и продолжать тамъ нашъ разговоръ?

— Но я обѣщалъ сестрѣ придти, и кромѣ того—я хотѣлъ бы повидать еще разъ фрейлейнъ Тёнъ.

— Развѣ она тамъ будетъ?

— Она, по крайней, мѣрѣ обѣщала...

— Въ такомъ случаѣ, конечно, дѣло другое,—со смѣхомъ сказалъ Грабаусъ.

— Да вѣдь это только... мы говорили о Грильпарцерѣ въ тотъ вечеръ послѣ театра. И я теперь хотѣлъ бы подѣлиться съ ней одной мыслью, которая пришла мнѣ въ голову.

— Идемте же скорѣе. Я только пошутилъ. Само собой разумѣется, что мы будемъ на вечерѣ.

Они быстро добѣжали до конца улицы и сѣли въ конку. Очень внушительные осанистые лакеи отобрали у нихъ билеты при входѣ въ рейхстагъ. На вѣшалкахъ въ передней уже почти не было свободнаго мѣста.

— Развѣ уже началось?—спросилъ Грабаусъ.

— Нѣтъ, но сейчасъ начнутъ,—отвѣтила женщина, которой они вручили наконецъ свои пальто и шляпы.

Они быстро взбѣжали по лѣстницѣ. Передъ ними открылся залъ съ мраморными колоннами и стѣнами. Толпа людей почти исчезала въ этомъ огромномъ пространствѣ. Грабауса охватило чувство своего ничтожества. Въ разныхъ мѣстахъ стояли группы разговаривающихъ людей, старыхъ дамъ, старавшихся замѣнить пышностью туалетовъ и длиной шлейфовъ отсутствіе красоты и молодости, молодыхъ женщинъ съ нѣжно-розовыми лицами и плечами, мужчинъ во фракахъ, съ напускнымъ выраженіемъ интересности на лицахъ, офицеровъ въ парадной формѣ. Въ первый разъ общественный балъ устраивался въ залахъ рейхстага. Но вся эта болтающая, свободно двигающаяся толпа чувствовала себя здѣсь повидимому какъ дома. Изрѣдка только кто-нибудь говорилъ:—„Очень мило, очень красиво. Не мало, вѣрно, денегъ стоило". Но большинство было, повидимому, гораздо болѣе занято собой, чѣмъ видомъ залъ. Въ одномъ углу Грабаусъ неожиданно увидѣлъ директора департамента, Вальбольда. Онъ казался совершенно невзрачнымъ среди блестящихъ мундировъ. Какъ всегда, одна его рука была засунута въ карманъ панталонъ, и Грабаусу ясно представлялся огромный ключъ, которымъ онъ игралъ. Вальбольдъ оживленно говорилъ съ какимъ-то человѣкомъ, повидимому о дѣлахъ, и глаза его были полузакрыты. Только когда по близости проходила красивая женщина въ глубокомъ декольтэ, взоръ его оживлялся, какъ у гастронома, которому неожиданно попался въ ротъ лакомый кусокъ.

Вдругъ кто-то хлопнулъ Грабауса по плечу.

— Здравствуй, здравствуй. Ты еще здѣсь? А я думалъ, что ты давно вернулся въ свое гнѣздо.

Грабаусъ узналъ Гебгарда, пожалъ ему руку, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, художникъ уже куда-то исчезъ.

— Мы, надѣюсь, еще увидимся,—крикнулъ онъ ему вслѣдъ.

Грабаусъ взялъ подъ руку Вольфа, и они врѣзались вдвоемъ въ толпу, озираясь по сторонамъ. Вдругъ Грабаусъ увидѣлъ Марію-Луизу.

— Ваша сестра вонъ тамъ, въ первыхъ рядахъ,—сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Кого вы увидали? Фрейлейнъ Тёнъ?

Грабаусъ отрицательно покачалъ головой. Онъ чувствовалъ, какъ кровь прилила ему къ сердцу и онъ весь похолодѣлъ.

— Вонъ тамъ стоитъ ваша сестра. Развѣ вы не хотите подойти къ ней?

— Конечно хочу, я только не зналъ, гдѣ она,—равнодушно отвѣтилъ Вольфъ.

Имъ пришлось сдѣлать большой кругъ, чтобы дойти туда. Много рядовъ стульевъ, много людей, прорывавшихся впередъ, раздѣляли ихъ отъ группы, среди которой находилась Марія-Луиза. Наконецъ Вольфъ тоже увидалъ сестру и направился къ ней. Грабаусъ медленно пошелъ за нимъ, не замѣчая ничего вокругъ себя, видя только впереди высокую, стройную фигуру. Съ каждымъ шагомъ, приближавшимъ его къ ней, сердце его сильнѣе стучало.

Въ послѣдніе дни онъ часто останавливался на улицѣ передъ витринами большихъ магазиновъ, гдѣ выставлены были бальные туалеты. Прежде онъ бы прошелъ мимо нихъ совершенно равнодушно, но теперь витрины съ нарядами привлекали его взоры съ магической силой. Его фантазіи рисовался образъ Маріи-Луизы во всѣхъ этихъ бѣлыхъ, розовыхъ, кремовыхъ и другого цвѣта платьяхъ. Но когда онъ ее увидѣлъ теперь въ туалетѣ изъ бирюзоваго шолка, изъ котораго выступали ея нѣжныя, бѣлыя какъ мраморъ плечи, и въ качествѣ единственнаго украшенія—тонкую бархатку на шеѣ съ большимъ брилліантомъ по срединѣ, онъ ясно почувствовалъ, что только это платье она и могла надѣть.

Вольфъ поздоровался съ сестрой и шуриномъ. Марія-Луиза протянула руку Грабаусу. Онъ ей низко поклонился, но не могъ произнести ни слова. Майоръ съ искренней радостью пожалъ ему руку.

— Какъ это хорошо, что вы здѣсь! Мы сможемъ выразить вамъ сейчасъ же нашу благодарность. Но, скажите, есть у васъ мѣсто? Хорошо бы намъ сидѣть всѣмъ рядомъ. Только позвольте...

Майоръ сталъ называть множество именъ, обремененныхъ титулами и почетными званіями, и Грабаусу долгое время приходилось все только кланяться направо и налѣво.

— Вольфъ, ты бы постарался раздобыть нѣсколько стульевъ,— обратился майоръ къ своему шурину, окончивъ представленія.

Въ то время какъ Вольфъ услужливо пошелъ исполнить порученіе майора, Марія-Луиза обратилась къ Грабаусу. Едва замѣтное смущеніе слышалось въ ея тонѣ, когда она сказала послѣ короткаго колебанія:

— Какъ странно, что вы встрѣтились съ моимъ братомъ!

— Да, странно! — отвѣтилъ онъ, едва рѣшаясь взглянуть на нее.

Съ галереи раздались звуки трубъ, и публика стала быстро

занимать мѣста. Вольфъ нашелъ только одинъ стулъ и приставилъ его къ концу ряда. На него сѣлъ Грабаусъ, очутившись такимъ образомъ очень близко отъ Маріи-Луизы; ихъ раздѣляли только четыре человѣка, но все-таки онъ не могъ ее видѣть. Въ то время какъ бурные звуки музыки, какъ гнѣвно вздымающіяся волны, ударялись о мраморныя стѣны, его охватила безграничная душевная мука. Ему казалось, что Марія-Луиза на вѣки отдалена отъ него, и что всѣ люди, громкія имена которыхъ ему называли,—люди ея, а не его круга,—стоятъ между ними какъ стѣна. Чтò онъ такое, и чѣмъ онъ могъ стать? Если будущее ему улыбнется, то его имя будетъ окружено почетомъ. Онъ можетъ стать выдающимся ученымъ, и тогда она будетъ относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ, можетъ быть будетъ интересоваться его книгами, но все-же ихъ будетъ раздѣлять глубокая пропасть. Онъ будетъ всегда для нея человѣкомъ другого міра.

Послѣдній трубный звукъ отзвучалъ, какъ угасаетъ послѣдній знойный лучъ солнца. Наступила тишина. Слышался только легкій шумъ электричества, и отъ времени до времени стукъ передвигаемаго стула. Тишина становилась все болѣе и болѣе глубокой. Съ мраморныхъ колоннъ, съ бѣлоснѣжныхъ стѣнъ, съ высокаго купола лились потоки благоговѣйнаго трепета, и свѣтская зала преобразилась сама собой въ храмъ. Раздались звуки Бетховенскаго: „Небеса славятъ Господа". Мощно и въ то же время съ какой-то трепетной робостью, съ ликованіемъ и нѣжностью понеслись звуки мужскихъ голосовъ, наполняя огромную залу волнами свѣта, побѣды и радости. Сердце Грабауса воспрянуло при этихъ звукахъ, уносившихъ его ввысь. Ему казалось, что ликующій хоръ возвѣщаетъ славу Маріи-Луизы. Пусть она витаетъ въ недосягаемыхъ для него даляхъ, — достаточное блаженство уже знать ее и глядѣть на нее, какъ на далекую сіяющую звѣзду.

Пѣніе гимновъ и кантатъ длилось, однако, слишкомъ долго, чтобы удержать вниманіе публики. Всѣ уже стали поглядывать на програму, и нѣкоторыя дамы съ неудовольствіемъ задвигались на стульяхъ, очевидно думая, что вѣдь не ради этого почтеннаго хора онѣ надѣли столько брилліантовъ.

Всѣ вздохнули свободнѣе, когда выступила солистка. Ея пѣніе вызвало шумные апплодисменты. Но все-таки, когда одинъ господинъ сказалъ своему сосѣду: „Не апплодируйте слишкомъ настойчиво, а то она еще вздумаетъ биссировать", то эти слова вполнѣ выражали общее настроеніе.

Но она все-таки биссировала, и публика выслушала ее съ корректнымъ вниманіемъ. Но когда замеръ послѣдній звукъ, вся толпа хлынула въ сосѣднюю комнату, гдѣ разставлены были буфеты. Марія-Луиза и ея компанія сѣли за столикъ, приготовленный для нихъ Гебгардомъ. Лакей принесъ шампанское и холодныя закуски. Около Маріи-Луизы сидѣлъ старый генералъ, который говорилъ съ восторгомъ о великомъ прошломъ, когда еще Бисмаркъ произносилъ рѣчи въ рейхстагѣ. Молодой блѣдный графъ съ женственнымъ лицомъ и тонкимъ голосомъ рѣзко критиковалъ архитектуру рейхстага.—Это изобиліе мрамора и эти гигантскія дорическія колонны подходятъ для людей въ пестрыхъ декоративныхъ костюмахъ,—говорилъ онъ,—а не для современныхъ нѣмцевъ.

Вольфъ, который все еще безпокойно искалъ глазами Магги, съ трудомъ поддерживалъ разговоръ съ молодой барышней изъ Потсдама.

— Я сегодня провелъ цѣлый день въ Потсдамѣ,—сказалъ онъ ей.

— Въ Потсдамѣ?—отвѣтила барышня.

— Я бродилъ по паркамъ. Конечно, я заходилъ и въ замки. Больше всего мнѣ понравился Санъ-Суси.

— Санъ-Суси?—отвѣтила барышня.

— Тамъ все еще сохранилось въ старомъ видѣ. Тамъ вѣетъ еще духъ стараго Фрица.

— Стараго Фридриха Великаго?—отвѣтила барышня.

— Вы вѣдь, конечно, знаете Санъ-Суси?

— Санъ-Суси—да, снаружи. Я была съ мамой въ новомъ дворцѣ.

Мама, старая толстая маленькая генеральша, съ копной фальшивыхъ сѣдыхъ волосъ на головѣ, была гораздо разговорчивѣе. Она точно освѣдомилась, кто онъ и откуда, и потомъ сказала:

— Удивительно, до чего изъ газетъ ничего нельзя узнать. Постоянно читаешь о томъ, что въ рейхстагѣ всѣ спорятъ и не соглашаются съ мнѣніемъ другъ друга. А вотъ о томъ, что у нихъ такой прекрасный хоръ, въ газетахъ не пишутъ. Мнѣ было очень пріятно слушать, какъ они согласно поютъ.

Разубѣдить генеральшу въ томъ, что хоръ состоитъ не изъ членовъ парламента, было очень трудно, и Грабаусъ оставилъ ее при ея убѣжденіи. Ко всему, что̀ говорилось и происходило вокругъ него, онъ былъ почти глухъ и слѣпъ,—до того вся душа его была преисполнена близостью Маріи-Луизы. Она спросила

его черезъ весь столъ, какъ ему понравилось пѣніе хора,—и звуки ея голоса долго продолжали звучать въ его ушахъ. Какое ему дѣло до хора? Онъ только зналъ, что ея голосъ поразительно звучитъ, что ея глаза все освѣщаютъ и все затмеваютъ собой, какъ солнце.

Изъ большой залы раздались звуки вальса. Всѣ поднялись. Марія-Луиза тоже встала и ушла подъ-руку со старымъ генераломъ, который ступалъ на цыпочкахъ и шелъ еще молодцоватымъ шагомъ, какъ боевая лошадь, заслышавшая знакомые звуки марша. Маленькая, толстая генеральша обратилась къ Грабаусу и сказала:

— А теперь покажите мнѣ знаменитостей. Меня очень интересуютъ знаменитые люди.

— Простите,—отвѣтилъ Грабаусъ, — я не могу вамъ быть полезнымъ, потому что не знаю никого изъ знаменитостей. Я вообще здѣсь знаю двухъ-трехъ людей, но вамъ можетъ показать всѣхъ мой другъ.

Быстро рѣшившись, онъ схватилъ художника за руку, представилъ его генеральшѣ и объяснилъ ему ея желаніе. Гебгардъ услужливо предложилъ ей руку и пошелъ съ ней по заламъ.

Когда Грабаусъ вошелъ въ танцовальную залу, его остановилъ Вольфъ.

— Уже одиннадцать часовъ, а я ея все еще не видѣлъ,— прошепталъ онъ съ отчаяніемъ въ голосѣ, поглядывая при этомъ съ страдальческимъ видомъ на свою сосѣдку, которая стояла подлѣ него съ равнодушнымъ лицомъ хорошо воспитанной дѣвушки.

Грабаусъ прислонился къ одной изъ колоннъ, и въ то время, какъ то вблизи, то вдали мелькало бирюзовое платье Маріи-Луизы, выдѣлявшееся своимъ изысканнымъ цвѣтомъ среди всѣхъ другихъ пестрыхъ туалетовъ, настроеніе у него было такое, какого онъ ожидалъ: томительное, близкое къ рыданіямъ и все-же блаженное. Онъ былъ убѣжденъ, что оно останется такимъ же до конца вечера. Окруженная столькими людьми, развѣ она удѣлитъ ему хоть немного времени? Но когда онъ ее увидѣлъ среди маленькой группы, рядомъ съ мужемъ, и замѣтилъ, что она отказала офицеру, подошедшему пригласить ее танцовать, онъ быстро направился къ ней черезъ толпу. У него было такое чувство, какъ у человѣка, который бросается въ горящій домъ, чтобы во что бы то ни стало вынести оттуда самое дорогое ему существо. При видѣ его, майоръ протянулъ ему руку.

— Мы все время искали васъ,—сказалъ онъ.—Уже скоро

полночь, а мы совсѣмъ не говорили съ вами. А моя жена весь день твердила мнѣ о томъ, какъ мы должны быть вамъ благодарны. Скажи же, что̀ ты хотѣла сказать! Но не будь такой застѣнчивой, какъ иногда, когда ты не рѣшаешься сказать то, что̀ нужно.

— Я полагаю, что докторъ Грабаусъ хорошо знаетъ, что̀ я ему хочу сказать,—отвѣтила Марія-Луиза,—и понимаетъ также, что я не могу говорить, когда каждую минуту мѣшаютъ посторонніе люди. Пойдемте, сядемъ.

Она подошла къ стулу, сѣла и попросила его сѣсть подлѣ нея.

— Я васъ прошу, — сказалъ Грабаусъ,—не говорите мнѣ о благодарности. За что̀ меня благодарить?

— Мы вамъ чрезвычайно обязаны — я въ особенности. Вы мнѣ вернули брата.

— Я ничего для этого не сдѣлалъ,—только сказалъ ему то, что̀ онъ самъ давно чувствовалъ. Все случилось бы и безъ меня.

— Мы всѣ его уговаривали. Намъ онъ не вѣрилъ. Меня, свою сестру, онъ прямо чуть не выгналъ въ прошломъ году.

— Тогда, можетъ быть, было еще слишкомъ рано?

— Можетъ быть. Но вы не представляете себѣ, до чего я безпокоилась о немъ. Можетъ быть, даже совершенно напрасно. Но таковы мы, женщины: то, что̀ намъ кажется въ другихъ прекраснымъ и достойнымъ подражанія, пугаетъ насъ, когда это касается близкихъ людей, за которыхъ мы чувствуемъ себя отвѣтственными.

— Вы, дѣйствительно, напрасно тревожились.

— Я уже говорила это себѣ. Теперь, когда онъ вернулся къ намъ, я это ясно вижу. Но подумайте, что̀ было бы, еслибы онъ навсегда обрекъ себя на такую жалкую участь!

— Навсегда!—вотъ въ чемъ все дѣло,—возразилъ Грабаусъ. —Когда люди дѣлаютъ что-либо необыкновенное, ихъ сейчасъ же пугаютъ этимъ словомъ. Къ нимъ являются боязливые и говорятъ: теперь-то еще ничего, но что̀ если это будетъ продолжаться? А дѣло въ томъ, что ничего не остается неизмѣннымъ, что всегда сама собой приходитъ реакція. Природа достигаетъ гармоніи посредствомъ контрастовъ. И если только поступки человѣка порождаются здоровыми инстинктами, всегда слѣдуетъ ему простить односторонность и чрезмѣрное увлеченіе. Но относительно близкихъ людей намъ всегда хочется, чтобы они не сходили съ прямой дороги, не ушиблись и не пострадали. А между тѣмъ вѣдь мы знаемъ, что нормальные люди всегда были только подражателями и ничего порядочнаго не сдѣлали.

— Какой серьезный разговоръ среди бала!—произнесъ чей-то голосъ.

За ними стоялъ Гебгардъ. Марія-Луиза обернулась къ нему нѣсколько нетерпѣливымъ, нервнымъ жестомъ.

— Простите, фрау Платенъ, что я прерываю вашъ разговоръ. Но я такъ удивленъ, что мой другъ еще въ Берлинѣ, и не могу не высказать ему этого.

— У меня завтра докладъ въ одномъ научномъ обществѣ,— отвѣтилъ Грабаусъ.

— Такъ это наука задержала тебя въ Берлинѣ?

— Кто эта красивая дама, которая танцуетъ съ моимъ братомъ?—спросила Марія-Луиза Грабауса.

— Эта дама—фрейлейнъ Тёнъ, актриса нѣмецкаго театра. Вашего брата познакомилъ съ нею я, а меня познакомилъ вотъ этотъ мой другъ.

Художникъ тоже съ удивленіемъ взглянулъ на танцующую парочку, видимо очень занятую другъ другомъ. Они никого не замѣчали и быстро приближались, вальсируя, къ разглядывающей ихъ группѣ.

— Да, дѣйствительно—фрейлейнъ Тёнъ. Но простите меня, фрау Платенъ, я какъ разъ вижу тамъ...

Гебгардъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и постарался какъ можно скорѣе исчезнуть. Грабаусъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Вольфъ и Магги провальсировали мимо нихъ съ раскраснѣвшимися лицами, сверкающими глазами и, повидимому, очень увлеченные другъ другомъ.

— Какъ они очаровательно танцуютъ! — сказала Марія-Луиза.—Я такъ рада видѣть его снова танцующимъ. Я бы не повѣрила, что это возможно. И какой онъ веселый, сіяющій!

— Вы, кажется, тоже любите танцовать?

— Да, очень люблю,—отвѣтила она и быстро поднялась.

— Ахъ, а я такой плохой танцоръ!

— Все-таки попытайтесь. Вы навѣрное сможете протанцовать вальсъ, въ особенности этотъ, мой любимый. Вы вѣдь его знаете?

— Я долженъ сознаться, къ моему стыду...

— Какъ, вы не знаете вальса изъ „Фрейшюца"? Не знаете очаровательной исторіи о томъ, какъ Веберъ его сочинилъ?

— Нѣтъ.

— Вся опера была уже у него готова, недоставало только вальса, и ему не приходилъ въ голову ни одинъ тактъ. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ очень раздраженный, и въ

это время вошла къ нему его хозяйка, м-мъ Нудельбекенъ. Вдругъ у него прозвучала въ ушахъ мелодія вальса,—онъ схватилъ толстую даму за талію, сталъ вертѣть ее и при этомъ напѣвать: „Мадамъ Нудельбекенъ... мадамъ Нудельбекенъ... мадамъ Нудельбекенъ"... Это и была мелодія вальса. Попробуйте и вы.

Она ловкимъ движеніемъ приподняла шлейфъ платья, въ то время какъ онъ трепетно обнялъ ее за талію. Онъ былъ плохимъ танцоромъ, но еслибы въ эту минуту Марія-Луиза потребовала отъ него, чтобы онъ прошелся по канату, протянутому на высотѣ башни, онъ бы исполнилъ это съ совершенствомъ. Онъ уже не былъ самимъ собой, а существомъ съ неограниченной силой и чувствовалъ себя способнымъ на все, что угодно. Они скользили по гладкому и въ то же время мягкому, поддающемуся движенію ногъ, мраморному полу. Марія-Луиза слегка наклонила голову на правое плечо и съ улыбкой на полу-открытыхъ губахъ напѣвала въ полголоса: „Мадамъ Нудельбекенъ, мадамъ Нудельбекенъ, мадамъ Нудельбекенъ". Онъ крѣпко обхватилъ ее за талію, и у него было такое чувство, точно онъ не кружится на твердой почвѣ, а поднимается все выше и выше съ этимъ легкимъ существомъ, и что люди исчезаютъ все глубже и глубже внизу. Онъ бы не могъ остановиться самъ, и когда музыка оборвалась, онъ продолжалъ нестись, пока Марія-Луиза не низвела его медленно на землю, остановившись подлѣ мужа.

— А!—произнесла она, глубоко вздохнувъ.—Это вы называете быть плохимъ танцоромъ?

— Дитя, дитя! — сказалъ маіоръ:—какой это былъ нескончаемый танецъ!

Грабаусъ поблагодарилъ ее глубокимъ поклономъ и — случайно ли это было, или ему показалось — онъ почувствовалъ, отпуская ея руку, короткое пожатіе. Въ эту минуту подошли еще нѣсколько людей, и онъ смогъ незамѣтно уйти. Онъ прошелъ мимо толпы людей, миновалъ сосѣднюю залу, гдѣ лакеи убирали опустѣвшіе столы, затѣмъ комнату, гдѣ у зеленыхъ столовъ сидѣли въ удобныхъ позахъ группы разговаривающихъ, еще одну комнату, гдѣ вспугнулъ занятую нѣжнымъ разговоромъ влюбленную парочку, и вошелъ въ темную, освѣщенную только нѣсколькими свѣчами, залу. Это была зала засѣданій рейхстага. Онъ сѣлъ на первый попавшійся стулъ, какъ разъ тамъ, гдѣ обыкновенно сидѣли члены оппозиціи. Большая полутемная зала, слабо освѣщенная сверху матовымъ свѣтомъ, дрожащіе блики на полированномъ дубовомъ деревѣ, пустыя галереи и множество пустыхъ мѣстъ, при этомъ тишина, въ которой слышались отго-

лоски взволнованныхъ рѣчей, — все это было очень странно и почти таинственно. Онъ сѣлъ, опираясь на руки, и обхватилъ руками голову. Такъ онъ глядѣлъ въ пространство, въ сильномъ волненіи; бушующія въ его сердцѣ силы грозили устойчивости всего его существа.

Говорятъ, что всемірная выставка въ Чикаго была открыта тѣмъ, что рука ребенка нажала электрическую кнопку. Въ тотъ моментъ, когда слабый дѣтскій палецъ соединилъ провода, задвигались машины, заходили колеса, полилась потоками вода—и проснулись милліоны дремлющихъ человѣческихъ чувствъ.

То же произошло и съ Грабаусомъ. Пожатіе руки Маріи-Луизы воспламенило всю его душу; все, что казалось незыблемымъ, пришло въ движеніе. Для него не было теперь ничего твердаго, невозможнаго, недостижимаго. Его честолюбіе, его дѣятельность, его жена и дѣти, Марія-Луиза и ея мужъ,—все это столь устойчивое еще такъ недавно—расплывалось, какъ туманъ, какъ дымъ. Возникъ новый міръ, съ новыми неясными образами. Грабаусъ откинулся назадъ, вытянулъ впередъ руки и едва слышно произнесъ ея имя. Въ этой залѣ, въ которой звучало много громкихъ и знаменательныхъ рѣчей, быть можетъ, никогда еще не раздавались слова, исходящія изъ такого пламеннаго сердца.

III.

— Знаете, братъ Вольфъ,—сказалъ Грабаусъ молодому фонъ-Эллену, взявъ его подъ руку,—изъ васъ должно выйти что-нибудь путное. Имѣя такую сестру, какъ ваша, и пользуясь ея любовью,—ну, продолжайте разсказывать. Такъ что же ваша сестра сдѣлала послѣ смерти отца?

Оба друга предприняли въ субботній день длинную прогулку изъ Іены, и теперь бодро шагали по глинистой дорожкѣ, которая вела въ расположенный по близости лѣсъ. Была уже осень. Послѣдніе лучи заходящаго солнца пробивались сквозь сѣрый туманъ, и верхушки виднѣвшейся издали вишневой аллеи пламенѣли какъ горящіе кусты.

— Да, послѣ смерти отца,—началъ Вольфъ, но сейчасъ же остановился и спросилъ:—Вамъ не скучно? Я вѣдь уже разъ разсказывалъ вамъ все это.

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не скучно,—нетерпѣливо сказалъ Грабаусъ.

— Отецъ мой умеръ какъ разъ когда долженъ былъ занять постъ министра. Онъ уже давно управлялъ дѣлами министер-

ства и назначеніе ожидалось со дня на день, какъ вдругъ, въ придачу къ его астмѣ, онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и черезъ недѣлю умеръ. Вы не можете себѣ представить, что̀ это значитъ для маленькой резиденціи. Только-что мы были первыми людьми въ городѣ—и вдругъ превратились въ ничто. Положеніе такое, точно затушили въ домѣ огни и сидишь въ потемкахъ. Я самъ, хотя еще былъ тогда глупымъ мальчишкой, замѣтилъ разницу отношеній къ намъ. Разъ я сказалъ сестрѣ о томъ, что все измѣнилось, и она мнѣ тогда отвѣтила: „Послушай, Вольфъ, научись смотрѣть на все открытыми глазами. Намъ придется еще много терпѣть. Отецъ намъ ничего не оставилъ и мы бѣдны. Но все-таки держи голову высоко и гордись своимъ отцомъ—онъ былъ первымъ человѣкомъ въ городѣ. Но для мамы это ужасно, и потому не дай Богъ, чтобы она что-нибудь замѣтила. Мы должны разыгрывать передъ нею комедію".—Какъ же это сдѣлать?—„Ужъ это я устрою,—отвѣтила она.—Ты мнѣ только помоги. Прежде всего, будь дома всегда веселымъ и бодрымъ, угождай мамѣ, радуй ее хорошими отмѣтками и т. д. Было бы даже хорошо, еслибы ты берегъ свое платье. Объ остальномъ ужъ я позабочусь". И она стала вести хозяйство прямо на диво. Иногда мнѣ казалось, что она не знаетъ, какъ свести концы съ концами, но никто ничего не замѣчалъ. Она продолжала быть веселой, какъ будто ничего не случилось. Разъ мать мнѣ сказала: „Еслибы я не знала Лизу, я могла бы подумать, что она безсердечная дѣвушка. Ходитъ въ траурныхъ платьяхъ, а съ виду совершенно не грустная".—Вотъ мы и стали ограничивать себя, насколько только могли, но такъ, чтобы мама не замѣчала. Когда она иногда удивлялась сокращеніямъ въ хозяйствѣ, сестра смѣялась и говорила, что такъ гораздо уютнѣе. Лакея она сейчасъ же разсчитала, на что мама охотно согласилась. Но ей трудно было рѣшиться отпустить камеристку. Тогда сестра сама стала причесывать ее каждое утро. И такъ она во всемъ поступала. Я прежде бралъ частные уроки французскаго языка—теперь она мнѣ ихъ стала давать. Она иногда сама варила и гладила. Затѣмъ пришлось сдать внаймы первый этажъ. Еслибы мама знала, что это дѣлается ради денегъ, она была бы страшно несчастна. Но Марія-Луиза сказала ей, что ей жутко жить въ большомъ домѣ одной съ матерью, безъ мужчинъ. Я еще тогда былъ мальчикомъ, и мама сама подала мысль о сдачѣ внаймы. И когда послѣ того явился мой зять, съ которымъ Лиза уже давно вела переговоры, то мама была совершенно счастлива и была твердо увѣрена, что все устроено ею.

— Вашъ зять долго былъ съ вами знакомъ, прежде чѣмъ сдѣлался женихомъ вашей сестры?

— Почти цѣлый годъ. Это было замѣчательно пріятное время. Я помню, какъ онъ въ первый разъ былъ торжественно приглашенъ къ чаю. Потомъ онъ сталъ бывать все чаще и чаще. Мнѣ онъ очень нравился. Онъ всегда относился ко мнѣ какъ къ взрослому, и это, конечно, очень располагало меня къ нему. Разъ сестра меня спросила, какъ мнѣ собственно нравится майоръ? Я разсмѣялся и сказалъ:—Неужели ты думаешь, что я ничего не замѣчаю? Я все знаю.—Она покраснѣла и сказала: „Что же ты знаешь, глупый мальчикъ?"—Да вѣдь совершенно ясно,—отвѣчалъ я,—что майоръ—мы его всегда звали между собой майоромъ—хочетъ жениться на мамѣ.—Сестра вздрогнула, сказала: „Ты съ ума сошелъ!" и выбѣжала изъ комнаты. Я нѣсколько смутился, но все-таки ничего не понялъ. Черезъ два дня послѣ того, мнѣ сестра сказала тономъ, котораго я никогда въ жизни не забуду: „Вольфъ, майоръ просилъ моей руки; я къ нему очень хорошо отношусь и дала ему согласіе".

— Ну, а что же вы сказали?

— Я? Все это было такъ неожиданно, что я растерялся, бросился на шею сестрѣ и разрыдался, а потомъ выбѣжалъ изъ комнаты. У насъ въ саду было великолѣпное грушевое дерево. Я часто взбирался на него. Но въ тотъ день я влѣзъ на самый верхъ и сталъ раскачиваться. Слечу внизъ, такъ слечу, думалъ я. Но я не слетѣлъ,—только груши посыпались на землю и дерево сотряслось до самыхъ корней. Мысль о томъ, что кто-нибудь можетъ жениться на моей сестрѣ, казалась мнѣ ужасной. И къ тому еще—майоръ. Я былъ тогда еще глупымъ мальчикомъ, но у меня уже было смутное чувство рискованности, почти неестественности такого брака. Мой зять вѣдь на тридцать лѣтъ старше сестры. Ну, а все-таки имъ хорошо живется. Они совершенно счастливы.

Грабаусъ и Вольфъ дошли до вершины. Узкая тропинка вела вдоль лѣса. На далекомъ горизонтѣ плылъ среди сѣрыхъ облаковъ темно-красный полный мѣсяцъ; въ эту минуту онъ какъ разъ стоялъ надъ одинокой сосной и казался краснымъ макомъ. Передъ нимъ открывался далекій видъ черезъ глубокія долины къ далекой опушкѣ лѣса. Дорога вела въ лѣсъ, гдѣ было такъ темно, что они едва могли видѣть другъ друга. Тогда Грабаусъ вдругъ сказалъ, точно отвѣчая самъ себѣ на сложныя, противорѣчивыя мысли:

— А все-таки это очень странно.

— Ахъ!—отвѣтилъ Вольфъ съ наивной убѣжденностью:— это странно только для стоящихъ далеко, для людей, которые видятъ только фактъ, только то, что человѣкъ пятидесяти-двухъ лѣтъ женится на дѣвушкѣ двадцати-одного года. Но кто знаетъ обоихъ, кто знаетъ, какъ еще внутренно молодъ зять, и каковъ характеръ моей сестры, тому ясно, что они должны быть счастливы. У сестры моей удивительно счастливая натура. Собственно говоря, у нея нѣтъ никакихъ желаній. Когда она попадаетъ въ общество веселыхъ людей, она веселится болѣе, чѣмъ кто-либо. Вы вѣдь видѣли ее на балу? Но она не нуждается въ праздникахъ,—дома, въ тишинѣ, она чувствуетъ себя также хорошо. Собственно говоря, она—человѣкъ, всецѣло живущій для другихъ. Единственная ея слабость—та, что она всегда о комъ-нибудь хлопочетъ. Даже тогда, послѣ смерти отца, когда мы должны были разсчитывать каждый грошъ, у нея была еще масса бѣдняковъ, которымъ она помогала. Мы взяли къ себѣ въ домъ одного моего школьнаго товарища, который потерялъ родителей. Потомъ она еще хлопотала цѣлую недѣлю, чтобы пристроить служившую у насъ прежде дѣвушку. Какъ теперь вижу ея радостное лицо, когда ей удавалось что-нибудь сдѣлать для другихъ.

Они молча продолжали путь, пока не пришли къ опушкѣ лѣса. Мѣсяцъ тѣмъ временемъ поднялся выше и серебрился сквозь покровъ облаковъ. Откуда-то изъ глубины долинъ раздавался отъ времени до времени вечерній звонъ. Изъ невидимой глубины виднѣлся слабый свѣтъ огней, покрывавшихъ небо красноватымъ отблескомъ.

Грабаусъ указалъ туда пальцемъ.

— Это, вѣрно, Веймаръ?

Они оба стояли, погруженные въ созерцаніе. Вдругъ раздался издалека ликующій звукъ, нарушившій тишину сумерекъ; это былъ свистъ локомотива. Передъ ними вспыхнула красная змѣйка въ облакѣ бѣлыхъ клубовъ дыма, быстро взвилась и исчезла за горой. Но издали она еще нѣсколько разъ повторила ликующій звукъ.

Точно увлеченный вдаль этимъ призывомъ, Грабаусъ въ одну секунду мысленно перенесся въ Веймаръ. Онъ открылъ дверь большого дома, вошелъ въ комнату, гдѣ у стола, при свѣтѣ лампы, сидѣла Марія-Луиза. Она поднялась и съ удивленіемъ посмотрѣла на поздняго гостя. Онъ подошелъ къ ней, смиренно взялъ ее за руку и сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Я тоскую по вашей близости, Марія-Луиза. Я хотѣлъ бы быть однимъ изъ бѣдняковъ, къ которымъ вы такъ добры.

Но она протянула ему руки, посмотрѣла на него съ любовью и усадила его около себя.

Грабаусъ уже двѣ недѣли какъ вернулся въ Іену. Наружно все вошло въ прежнюю колею, но внутренно пламя, зажегшееся въ его груди, продолжало горѣть все ярче и ярче и освѣщало всю его жизнь. Прежде въ жизни его смѣнялись чувства и свѣтлые часы, смотря по тому, складывались ли обстоятельства по его желанію, или противъ него; теперь же его окружало вѣчное сіяніе.

Все ему удавалось превыше мѣры. Онъ нѣсколько боялся свиданія съ женой, но Констанція измѣнилась послѣ его возвращенія. То, что всемогущій „тайный совѣтникъ“ обѣщалъ похлопотать о ея мужѣ, было для нея вѣрнымъ залогомъ его будущей успѣшной карьеры. Когда же черезъ нѣсколько дней пришло письмо отъ отца Грабауса, который писалъ, что Вальбольдъ отозвался очень мило о Генрихѣ и намекалъ на какой-то сюрпризъ, Констанція стала считать назначеніе мужа профессоромъ въ Пруссію дѣломъ вполнѣ рѣшеннымъ. Укачивая на колѣняхъ своихъ дѣтей и поочередно лаская ихъ, она внутренно соображала, сколько онъ будетъ получать жалованья, сколько получитъ подъемныхъ, а потомъ и пенсіи. Человѣкъ, имѣющій право на пенсію, былъ въ ея глазахъ идеаломъ совершенства. Папочка сдѣлался теперь первымъ человѣкомъ въ семьѣ, и даже Малютка, со свойственной ей чуткостью, поняла, что произошла перемѣна, и стала болѣе осторожно относиться къ рукописямъ отца, которыя прежде такъ безцеремонно пачкала чернилами.

У Грабауса было чувство, что именно теперь, когда онъ внутренно отошелъ отъ своей жены, онъ долженъ болѣе заботиться о ея благополучіи. Онъ поэтому набросился на работу съ торопливостью крестьянина, который, видя издали приближеніе грозы, торопится убрать въ амбары остатокъ жатвы. И въ немъ тоже незамѣтно поднялась въ тишинѣ минувшихъ годовъ богатая жатва; онъ чувствовалъ это въ своей расширяющейся отъ полноты ощущеній груди. Кромѣ многочисленныхъ маленькихъ работъ, которыя должны были дать ему непосредственный заработокъ, онъ предпринялъ теперь большую работу, къ которой долго не рѣшался приступать. Теперь же онъ храбро взялся за нее, и такъ быстро и твердо писалъ, какъ будто его направляла чья-то незримая рука.

Въ университетѣ его тоже ждалъ пріятный сюрпризъ. Хотя

назначенный имъ курсъ былъ далекъ отъ общихъ интересовъ, все-же на него записалось большое число студентовъ. И Грабаусъ началъ читать съ такимъ жаромъ, внесъ такъ много общечеловѣчнаго въ свою ограниченную область, что слушатели не только шумно апплодировали ему каждый разъ, но и являлись на каждую лекцію все въ бо́льшемъ количествѣ. Такъ протекали дни среди работы, но при этомъ душа Грабауса была переполнена блаженствомъ. Все его существо было охвачено пламенемъ, которое увеличивало полноту его силъ и пожирало до самаго основанія все темное, смутное въ немъ, всѣ его сомнѣнія и колебанія.

Грабаусъ въ первый разъ поѣхалъ къ Платенамъ въ Веймаръ съ Вольфомъ. Констанція была нездорова, и Грабаусъ не очень настаивалъ на томъ, чтобы и она поѣхала съ ними. Они застали майора больнымъ. Онъ лежалъ на диванѣ; у него былъ опять припадокъ ишіасъ. Эта болѣзнь мучила его уже нѣсколько лѣтъ и въ свое время была причиной его выхода въ отставку. Кромѣ майора и его жены, они застали брата майора, врача, который жилъ вмѣстѣ съ ними.

Докторъ Платенъ, или дядя Рудольфъ, какъ его звали въ семьѣ, имѣлъ только кое-какія общія семейныя черты съ братомъ, но ихъ можно было замѣтить только при близкомъ знакомствѣ. Въ остальномъ же онъ совершенно былъ не похожъ на майора. Вздернутыя губы надъ жесткой сѣдой бородой придавали его лицу ворчливое выраженіе. Глубокія поперечныя морщины прорѣзывали его мощный лобъ, и казалось, что стѣнки его лба состоятъ изъ болѣе твердыхъ и крѣпкихъ костей, чѣмъ у другихъ людей. Онъ былъ меньше ростомъ, чѣмъ майоръ, держался нѣсколько сутуло. Когда онъ ходилъ или стоялъ, то большей частью закладывалъ руки за спину и глядѣлъ на кончики сапогъ. Если же онъ смотрѣлъ кому-нибудь въ лицо, то съ такой проницательностью и силой, что становилось жутко отъ взора этого нѣмого наблюдателя.

Когда посѣтители вошли въ комнату, дядя Рудольфъ поднялся съ своего кресла, стоявшаго въ самомъ темномъ углу комнаты, крѣпко сжалъ при представленіи руку Грабауса, чуть не раздавивъ ему пальцы, и затѣмъ опять безмолвно усѣлся въ своемъ креслѣ. За все время до обѣда и за столомъ онъ сказалъ всего нѣсколько словъ, и то скорѣе промычалъ что-то нечленораздѣльное. Но отъ времени до времени Грабаусъ чувствовалъ на себѣ его пронизывающій тяжелый взглядъ, и это портило его радость отъ близости любимой женщины. Онъ тщетно

старался быть веселымъ. Все время его не оставляла мысль: что за непріятный человѣкъ! И чего онъ хочетъ? Что въ немъ происходитъ? Какъ Марія-Луиза можетъ выносить его общество?

Послѣ обѣда пошли гулять. Иней покрывалъ деревья и кусты, и широкій лугъ разстилался серебристо-сѣрымъ плюшевымъ ковромъ. Послѣ долгихъ стараній Грабаусу удалось очутиться съ Маріей-Луизой позади другихъ вдвоемъ. Онъ поспѣшилъ сказать то, что все время было у него на языкѣ:

— Какой странный человѣкъ вашъ деверь!

— Къ нему нужно привыкнуть,—съ улыбкой отвѣтила Марія-Луиза.—Онъ сразу не можетъ понравиться. Но чѣмъ больше его знаешь, тѣмъ больше начинаешь его цѣнить.

— Можетъ быть. Но пока я не могу его понять. Его молчаніе прямо пугаетъ.

— Онъ по природѣ замкнутый человѣкъ и къ тому же испыталъ много тяжелаго въ жизни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у него умерли отъ дифтерита его двое дѣтей. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ заниматься медициной.

— Онъ вдовецъ,—я этого не подумалъ бы,—сказалъ Грабаусъ.—Я былъ увѣренъ, что онъ закоренѣлый холостякъ.

— Онъ развелся съ женой. Это тоже подѣйствовало на него подавляющимъ образомъ. Онъ—драгоцѣнный человѣкъ въ тяжелыя минуты жизни. Тогда только узнаешь, какой онъ преданный, добрый человѣкъ. Но въ другіе часы, конечно...

Она не докончила, но, пройдя нѣсколько шаговъ, вернулась къ той же темѣ; видно было, что она немало думала о Рудольфѣ, старалась понять его.

— Мнѣ кажется,—сказала она,—что люди, которые сами несчастны, не могутъ и дать счастья другимъ. Его же главное несчастіе въ томъ, что разсудокъ заглушилъ въ немъ сердце. Вы понимаете меня?

— Кажется, понимаю.

— У разсудка, по моему, злой взглядъ. Если смотрѣть на жизнь только глазами разсудка, то ничего другого въ ней не увидишь, кромѣ разсчета, низости, нужды—и въ концѣ жалкую смерть. Чувство скрашиваетъ эту картину. Мы, женщины, уступаемъ мужчинамъ въ умственномъ отношеніи. Но мы вникаемъ въ жизнь душевно, это—наше преимущество. Мы судимъ не такъ рѣзко,—но въ общемъ, можетъ быть, болѣе правильно. Вы не согласны со мной?

— Развѣ мы судимъ о чемъ-либо однимъ только разсудкомъ? Сердце всегда принимаетъ участіе въ сужденіяхъ. Разсудокъ

даетъ неокрашенныя понятія—и образы становятся темными или свѣтлыми, пріобрѣтаютъ краски и оттѣнки только подъ вліяніемъ чувства.

— И это вѣрно,—возразила Марія-Луиза.—Зачѣмъ, въ сущности, описывать вамъ такъ пространно моего деверя! Составьте себѣ сами представленіе о немъ. Какъ бы я радовалась, еслибы вы современемъ подружились съ нимъ. Это было бы большимъ облегченіемъ для него—онъ такъ одинокъ,—а также...

— Облегченіемъ для васъ?—спросилъ Грабаусъ.

— Откровенно говоря—да. Это было бы хорошо для моего мужа и для меня. Онъ оказываетъ на насъ—вамъ, быть можетъ, даже трудно этому повѣрить—очень большое и странное вліяніе. Онъ хоть и сдержанъ и такъ скупъ на слова, все-же однимъ своимъ присутствіемъ производитъ впечатлѣніе постояннаго вопрошающаго ко всему отношенія. Иногда вернешься домой въ веселомъ настроеніи духа послѣ чего-нибудь пріятнаго, чувствуешь даже какую-то вызывающую радость, а взглянешь на его неподвижное лицо, увидишь его недовѣрчивый взглядъ—и всякая радость становится сомнительной, блѣдной. Онъ приводилъ насъ обоихъ въ подавленное состояніе духа. Мы долгое время молчали объ этомъ, потомъ одновременно сознались другъ другу въ отношеніи къ Рудольфу. Это и было причиной нашей поѣздки въ Берлинъ.

— Но теперь его вліяніе можетъ возобновиться.

— Никогда,—возразила Марія-Луиза.—Теперь, когда я знаю, въ чемъ заключается его вліяніе, я знаю и какъ ему противодѣйствовать. Я просто смѣюсь надъ нимъ.

Въ тотъ же вечеръ Грабаусъ имѣлъ случай ближе познакомиться съ докторомъ Платеномъ, затѣявъ съ нимъ споръ. Когда они вернулись домой съ прогулки, Грабаусъ сталъ хвалить изящную обстановку дома Платеновъ. Особенно понравился ему салонъ Маріи-Луизы въ стилѣ empire, и когда онъ узналъ, что бо̀льшая часть мебели—наслѣдство отъ дѣда Маріи-Луизы, а нѣкоторые предметы найдены и куплены ею самой на аукціонахъ, его восторгъ еще усилился. И до того ему нравилось все связанное съ любимой женщиной, что онъ уже сталъ восхищаться всѣмъ безъ разбора. Увидавъ висѣвшую въ углу миніатюру, онъ и ее нашелъ очаровательной, хотя опытный глазъ, разглядѣвъ ее при свѣтѣ, понялъ бы, что работа довольно плохая. Дядю Рудольфа, повидимому, раздражалъ чрезмѣрно восторженный гость. Когда потомъ всѣ перешли въ комнату майора и Марія-Луиза зажгла свѣчи въ бронзовыхъ канделябрахъ, Грабаусъ сталъ снова восхищаться.

— Какъ хорошо, что у васъ не газовое освѣщеніе! По моему—естественный свѣтъ куда красивѣе.

Въ отвѣтъ на это, докторъ Платенъ, сидѣвшій уже нѣсколько времени насупившись въ своемъ креслѣ, сказалъ вдругъ довольно сердито:

— Не все ли равно, чортъ возьми, какое освѣщеніе въ домѣ!

Но Грабаусъ, очень возбужденный всѣми ощущеніями и воинственно настроенный противъ доктора Платена, набросился на него:

— По-вашему это безразлично? Да развѣ хоть что̀ бы то ни было на свѣтѣ безразлично?

Докторъ Платенъ еще болѣе нахмурилъ брови и отвѣтилъ насмѣшливымъ тономъ:

— Ваши слова можно съ тѣмъ же успѣхомъ перевернуть и сказать, что все, что бы то ни было, безразлично.

— Ты такъ привыкъ считать все неважнымъ, — сказала Марія-Луиза, обращаясь къ Рудольфу,—что на твоемъ надгробномъ памятникѣ когда-нибудь сдѣлаютъ такую надпись: „Мнѣ совершенно все равно, живъ ли я, или умеръ“.

— Это совершенно вѣрно.

— Что жъ,—сказалъ Грабаусъ, — противъ такого взгляда на жизнь трудно спорить. Но счастья это не даетъ.

— Счастья? Да развѣ кто-нибудь на свѣтѣ счастливъ?

— Я!—воскликнулъ Вольфъ, вскакивая съ мѣста.

— Ты имѣешь теперь на это основаніе, вернувшись къ сытой жизни.

— Однако...

— Да и вообще—сколько тебѣ, собственно, лѣтъ?

— Меня ты не можешь упрекнуть въ чрезмѣрной молодости,—сказалъ майоръ, вмѣшиваясь въ разговоръ.—Но и я долженъ сказать, оглядываясь на жизнь: были грустные дни, было много печальныхъ годовъ,—но все же я былъ бы неблагодаренъ, если бы сказалъ, что былъ несчастенъ въ жизни.

— Это ты говоришь совершенно искренно?

Завязался горячій споръ. Всѣ сплотились и стали защищать жизнь противъ нападокъ доктора Платена: Вольфъ—съ увѣренностью молодости, которая видитъ настоящее озареннымъ своими свѣтлыми надеждами на будущее, майоръ—несмотря на физическія страданія и затаенное грустное настроеніе—изъ чувства справедливости, а Марія-Луиза—изъ женской потребности видѣть во всемъ хорошую сторону и утѣшать: ей хотѣлось внести свѣтъ

своими словами въ мрачную душу Рудольфа.. Но горячѣе всѣхъ говорилъ Грабаусъ. Въ немъ послѣ долгаго сна пробудилась полнота душевныхъ силъ; во всякомъ несчастіи онъ видѣлъ теперь только преграду, которую считалъ себя способнымъ побѣдить, и ненавистническое отношеніе къ жизни казалось ему поэтому безуміемъ. Онъ спорилъ страстно и также впадалъ въ крайности, какъ и его противникъ. Вся душа его была полна Маріей-Луизой, и онъ восхвалялъ красоту міра, какъ человѣкъ, стоящій въ свѣту, говорилъ бы, обращаясь къ другому, притаившемуся въ темнотѣ и моргающему глазами, жалуясь на темноту и стужу. Но всѣ его слова были напрасны. Докторъ Платенъ разрушалъ своими озлобленными словами всѣ образы, приводимые Грабаусомъ. Красота природы—какъ бы не такъ! Кто наблюдаетъ природу вблизи—видитъ въ ней только борьбу за существованіе. Жизнерадостность здоровыхъ людей—какъ бы не такъ! А болѣзни? А старость? Счастье производительной работы—ну да! А тупое рабство милліоновъ, работающихъ изъ-за сухой корки хлѣба? Счастье дружбы, идеаловъ, любви, самопожертвованія—пышныя фразы! Въ дѣйствительности все—обманъ, зависть, ненависть, эксплоатація.

Споръ уже утратилъ первоначальную объективность. Сами того не замѣчая, спорщики стали говорить грубости другъ другу. Одинъ нападалъ на безплодный пессимизмъ, другой—на оптимистическое вранье. Майоръ тщетно пытался ихъ примирить. Наконецъ онъ налилъ вина въ стаканы и предложилъ разгоряченнымъ спорщикамъ чокнуться и выпить. Но прежде чѣмъ выпить, докторъ Платенъ сказалъ съ раскраснѣвшимся отъ гнѣва лицомъ:

— Я могу только сказать, что въ моей жизни не было ни одного дня, который я хотѣлъ бы снова пережить. И если бы людей не удерживалъ низменный инстинктъ жизни...

Грабаусъ отставилъ стаканъ и возразилъ:

— А я говорю: если бы я теперь заболѣлъ, если бы на меня обрушились всѣ несчастія жизни, я бы все-таки продолжалъ славить жизнь, которая влечетъ человѣка къ невѣдомой цѣли.

Наконецъ споръ прекратился. Но, прощаясь другъ съ другомъ, оба, Грабаусъ и докторъ Платенъ, почувствовали, что они—непримиримые враги, и что имъ лучше не встрѣчаться.

Съ нѣм. З. В.

ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКА

по

МЕЧНИКОВУ

На природу человѣка могутъ быть двѣ точки зрѣнія. Наиболѣе яркими представителями первой изъ нихъ были древніе греки. Человѣческая природа представлялась имъ идеаломъ красоты и совершенства. Эта точка зрѣнія нашла себѣ у нихъ наиболѣе полное выраженіе въ томъ, что они представляли себѣ боговъ въ образѣ людей. То же самое направленіе мы видимъ,— говоритъ И. И. Мечниковъ,—и въ греческой философіи, когда послѣдняя стремилась найти обоснованіе для морали въ свойствахъ человѣческой природы. „Метріопатіей“ называлась такая научная доктрина, задача которой заключалась въ томъ, чтобы разрѣшить, чтò такое нравственная жизнь, основываясь на свойствахъ человѣческой природы. Трудность въ томъ и заключалась, чтобы узнать, чтò же именно свойственно человѣческой природѣ.

Полною противоположностью первой точкѣ зрѣнія на природу человѣка является другая, нашедшая наиболѣе полное себѣ выраженіе въ буддійской и христіанской религіяхъ. Согласно этой точкѣ зрѣнія, человѣческая природа является чѣмъ-то крайне несовершеннымъ. Согласно буддійскимъ или христіанскимъ воззрѣніямъ, человѣческое тѣло есть нѣчто презрѣнное, нечистое, жалкое, оно—темница для духа. Эти двѣ точки зрѣнія можно прослѣдить въ продолженіе всей исторіи человѣчества. Въ періоды его расцвѣта, какъ, напр., во время эпохи Возрожденія, верхъ беретъ первая — греческая точка зрѣнія. Ее можно видѣть у философовъ XVIII-го вѣка, энциклопедистовъ; наконецъ, эту точку зрѣнія можно отмѣтить у Дарвина и Спенсера. Точно также

до настоящаго времени можно прослѣдить и противоположную точку зрѣнія. Посмотримъ,—задаетъ себѣ вопросъ И. Й. Мечниковъ,—какъ же смотритъ на природу человѣка современная наука?

Мечниковъ раздѣляетъ живыя существа на виды совершенные, гармонично организованные, приспособленные къ условіямъ своего существованія, и на виды неудовлетворительно организованные. Примѣромъ перваго ему служатъ чудныя приспособленія цвѣтовъ, служащія къ опыленію ихъ насѣкомыми, а также организація и нравы осъ-землекопателей. Примѣромъ несовершенства организаціи ему служитъ непреодолимое стремленіе нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и перелетныхъ птицъ къ свѣту, влекущее за собою для этихъ живыхъ существъ самыя гибельныя послѣдствія. Какъ извѣстно, вокругъ полей для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ зажигаютъ костры, въ которыхъ массы послѣднихъ и погибаютъ. Общеизвѣстный также фактъ, насколько гибельными для перелетныхъ птицъ являются огни большихъ маяковъ: перелетныя птицы неудержимо стремятся къ нимъ и падаютъ, разбившись о рѣшетки и толстыя стекла маячныхъ фонарей. Той или другой организаціи должно соотвѣтствовать и психическое состояніе этой организаціи. Такъ, Мечниковъ предполагаетъ, что существо вродѣ пчелы, прекрасно приспособленное къ собиранію меда, должно быть оптимистомъ, а какой-нибудь неуклюжій жукъ, который не въ состояніи пробраться въ цвѣтокъ къ пыльцѣ и сладкому соку, по крайней мѣрѣ, въ этотъ моментъ долженъ быть пессимистично настроенъ. Въ природѣ недостаточное приспособленіе къ условіямъ существованія не представляетъ рѣдкости. Выраженное въ достаточно сильной степени, оно ведетъ вѣдь къ вымиранію соотвѣтственнаго вида живыхъ существъ, а изъ исторіи жизни на землѣ мы знаемъ, какое громадное количество видовъ исчезло съ лица земли. „Задолго до появленія человѣка на землѣ,—говоритъ Мечниковъ,—существовали существа счастливыя, прекрасно приспособленныя къ условіямъ обстановки, въ которой имъ приходилось жить, и существа несчастныя, которыя слѣдовали влеченію своихъ вредныхъ инстинктовъ и кончали тѣмъ, что или портили, или даже окончательно губили свою жизнь. Еслибы эти существа могли мыслить и сообщить намъ свои размышленія по этому поводу, то очевидно, что хорошо приспособленныя, какъ, напр., орхидеи или осы-землеройки, оказались бы въ рядахъ оптимистовъ. Они объявили бы, что міръ устроенъ самымъ совершеннымъ образомъ, что достаточно только слѣдовать своимъ природнымъ инстинктамъ,

чтобы добиться удовлетворенія и полнаго счастья. Наоборотъ, существа неудовлетворительно организованныя, плохо приспособленныя къ условіямъ своего существованія, высказались бы опредѣленными пессимистами. Помилуйте, вотъ божья коровка, которую ея пристрастіе къ меду и голодъ заставляютъ лѣзть въ цвѣтокъ, и которая наталкивается только на неудачи. Или вотъ насѣкомыя, которыхъ инстинктъ ихъ направляетъ прямо въ огонь, и которыя сжигаютъ свои крылья и должны погибнуть. Очевидно, что они заявили бы намъ, что міръ сотворенъ самымъ возмутительнымъ образомъ, и что лучше всего было бы, еслибы онъ совсѣмъ не существовалъ. Въ какую же изъ этихъ двухъ группъ живыхъ существъ мы должны помѣстить человѣка? Соотвѣтствуетъ ли его природа тѣмъ условіямъ, въ которыхъ онъ долженъ жить, существуетъ ли гармонія между отдѣльными отправленіями его организма?"

Разрѣшенію этой-то задачи и посвящена послѣдняя большая работа И. И. Мечникова.

Тщательное изслѣдованіе строенія человѣка и животныхъ окончательно доказало тѣсное родство его съ высшими или человѣкообразными обезьянами. Разница въ строеніи костей, мышцъ, зубовъ, внутреннихъ органовъ, которую мы находимъ между человѣкомъ и высшими обезьянами, не столь значительна, сколько разница между тѣми же самыми высшими обезьянами (гориллой, шимпанзе, орангъ-утангомъ) и другими обезьянами. За послѣднія сорокъ лѣтъ каждое новое изслѣдованіе, какъ, напр., изслѣдованіе развитія высшихъ обезьянъ, подтверждало этотъ выводъ. Въ самое послѣднее время изученіе кровяныхъ сыворотокъ дало новые факты, подтверждающіе то же самое.

Свѣже выпущенная кровь человѣка и животныхъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ скоромъ времени свертывается, то-есть изъ жидкаго состоянія переходитъ въ студнеобразное; благодаря этому и происходитъ, главнымъ образомъ, остановка кровотеченій. Эта красная студенистая масса, получившаяся отъ свертыванія крови, такъ называемый кровяной сгустокъ, въ скоромъ времени начинаетъ сморщиваться и выдѣлять изъ себя капли прозрачной жидкости соломенно-желтаго цвѣта. Это и есть, такъ называемая, кровяная сыворотка, получившая въ послѣднее время такую извѣстность, такъ какъ кровяныя сыворотки отъ спеціально-подготовленныхъ животныхъ пріобрѣли такое значеніе при леченіи заразныхъ болѣзней. При изученіи сыворотокъ выяснился слѣдую-

щій интересный фактъ. Если мы какому-нибудь животному, напр. кролику, будемъ впрыскивать подъ кожу сыворотку, полученную отъ другого животнаго, напр. отъ морской свинки, то послѣ нѣсколькихъ повторныхъ впрыскиваній сыворотка перваго животнаго—кролика—получитъ совершенно новое свойство, которымъ до того она не обладала. А именно, отъ прибавленія первой сыворотки къ сывороткѣ второго животнаго получается бѣлый осадокъ, т.-е. отъ смѣшиванія двухъ прозрачныхъ жидкостей получается мутная смѣсь, при отстаиваніи дающая, какъ мы сказали уже, осадокъ. Это свойство сыворотки перваго животнаго—совершенно новое, такъ какъ если мы возьмемъ сыворотку отъ кролика, не подвергавшагося предварительнымъ впрыскиваніямъ сыворотки отъ морской свинки, то такая сыворотка никакого осадка не дастъ. Смѣсь получится такая же прозрачная, какой была и сыворотка до смѣшиванія. Это новое свойство сыворотки потому получаетъ большой интересъ, что оно очень специфично, т.-е. сыворотка приготовленнаго животнаго даетъ осадокъ обыкновенно только съ сывороткой того животнаго, впрыскиванію котораго оно подвергалось. Такъ, если мы впрыскивали, напр., козѣ сыворотку человѣка, то сыворотка такой козы будетъ давать осадокъ только съ сывороткой, добытой отъ людей, но не съ сывороткой другихъ животныхъ, какъ, напр., лошади, собаки и т. д. Этотъ опытъ имѣетъ въ томъ смыслѣ большое значеніе, что даетъ возможность отличать сыворотку опредѣленнаго животнаго отъ другихъ. Пріемъ этотъ уже получилъ практическое примѣненіе въ судебной медицинѣ. Этотъ способъ изслѣдованія интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность узнавать близкое родство между видами. Такъ, сыворотка, полученная отъ впрыскиванія животному человѣческой сыворотки, не дастъ осадка при прибавленіи къ ней сыворотки не только отъ животныхъ вообще, но и отъ большинства обезьянъ. Съ сывороткой же человѣкообразныхъ обезьянъ такой осадокъ получится. Грюнбаумъ, который производилъ въ Ливерпулѣ многочисленные опыты въ этомъ направленіи, говоритъ, что ему было совершенно невозможно отличить осадокъ, получаемый отъ прибавленія сыворотки человѣкообразныхъ обезьянъ, отъ того осадка, который получается отъ прибавленія человѣческой сыворотки. Эти осадки не разнились ни по своему качеству, ни по количеству. Это явленіе доказываетъ, что между организмами человѣка и высшихъ обезьянъ существуютъ не только поверхностныя аналогіи въ строеніи, но и глубокое внутреннее сродство.

„Такимъ образомъ, — говоритъ Мечниковъ,—нельзя сомнѣ-

ваться въ томъ, что человѣкъ есть животное, принадлежащее къ группѣ высшихъ обезьянъ (приматовъ) и связанное тѣснымъ родствомъ съ нынѣ живущими обезьянами этой группы".

Интереснымъ является то обстоятельство, что человѣкъ имѣетъ болѣе общихъ чертъ съ зародышами обезьянъ, чѣмъ со взрослыми обезьянами. Точно также молодыя обезьянки имѣютъ болѣе чертъ сходства съ человѣкомъ, чѣмъ взрослые. Человѣкъ въ отношеніи строенія тѣла представляетъ какъ бы остановку развитія по сравненію съ обезьянами. Въ то время какъ у человѣка и у молодыхъ обезьянокъ та часть черепа, которая является вмѣстилищемъ мозга, больше по сравненію съ лицомъ,—у взрослыхъ обезьянъ сильно развиваются челюсти и вообще кости лица. То же найдено недавно и по отношенію къ волосамъ, покрывающимъ тѣло обезьянъ и человѣка. Какъ извѣстно, все тѣло человѣка, за исключеніемъ опредѣленныхъ мѣстъ, покрыто короткими маленькими волосками, причемъ особенно бѣдна ими спина. По изслѣдованіямъ послѣдняго времени (Деникера), оказалось такое же расположеніе волосъ и у зародышей обезьянъ (гориллы), и только въ послѣднее время утробной жизни зародышъ гориллы покрывается такими же длинными волосами на спинѣ, какъ и у взрослаго животнаго. Такимъ образомъ, человѣкообразныя обезьяны уклонились, пошли въ извѣстномъ направленіи впередъ отъ того первоначальнаго типа, которому человѣкъ остался, такъ сказать, болѣе вѣренъ. „Изъ всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ,—говоритъ Мечниковъ,—можно заключить, что человѣкъ представляетъ изъ себя остановку въ развитіи высшей обезьяны предыдущей эпохи, нѣчто вродѣ обезьяньяго „урода",—конечно, не съ эстетической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія исключительно зоолога. На человѣка можно смотрѣть какъ на ребенка-„чудо" высшей обезьяны, ребенка, родившагося съ мозгомъ и умственными способностями, гораздо болѣе развитыми, чѣмъ у его родителей".

Подтвержденіе этому Мечниковъ находитъ въ новыхъ теоріяхъ, которыми объясняется происхожденіе видовъ, а именно въ такъ-называемой мутаціонной теоріи Гуго де-Вриса. Согласно этой теоріи, происхожденіе новыхъ видовъ объясняется внезапнымъ появленіемъ среди живыхъ существъ опредѣленнаго вида рѣзкихъ отклоненій отъ ихъ сородичей. Отклоненія эти передаются по наслѣдству, и если они окажутся полезными, то обладатели этихъ новыхъ свойствъ окажутся побѣдителями въ борьбѣ за существованіе,—и такимъ образомъ возникнетъ новый видъ живыхъ существъ. Мечниковъ отмѣчаетъ появленіе такихъ рѣзкихъ

отклоненій и у человѣка. Какъ примѣръ, онъ приводитъ появленіе людей, одаренныхъ феноменальною способностью къ счисленію, въ самой неинтеллигентной средѣ. Первые люди,—говоритъ онъ, — были, по всей вѣроятности, геніальными дѣтьми, родившимися отъ высшихъ обезьянъ.

Нѣмецкій анатомъ Видерсгеймъ подвелъ такой итогъ нашимъ современнымъ знаніямъ о строеніи человѣка. Онъ нашелъ, что пятнадцать органовъ человѣка представляютъ собою значительный шагъ впередъ по сравненію съ соотвѣтственными органами человѣкообразныхъ обезьянъ. Наряду съ этими прогрессирующими органами, Видерсгеймъ нашелъ семнадцать органовъ, представляющихъ явленія регресса, и не менѣе ста-семи органовъ рудиментарныхъ, т.-е. представляющихъ собою остатки органовъ, бывшихъ когда-то полезными отдаленнымъ предкамъ человѣка, теперь же не имѣющихъ для него никакого значенія.

Человѣческое тѣло, съ точки зрѣнія внѣшней формы, является идеаломъ красоты. Искусство не могло придумать ничего болѣе красиваго. Но, — говоритъ Мечниковъ, — невозможно обобщать этотъ выводъ относительно всей природы человѣка. Красивымъ тѣло бываетъ только во время молодости и зрѣлаго возраста. Въ старости же и мужчина, и женщина, дѣлаются болѣе или менѣе безобразными.

Затѣмъ, Мечниковъ приступаетъ къ подробному перечисленію тѣхъ крупныхъ недостатковъ, которые онъ находитъ въ организаціи человѣка.

Все тѣло человѣка покрыто маленькими волосками. Эти волоски, конечно, не могутъ защищать насъ отъ холода и представляютъ остатокъ того обильнаго волосяного покрова, которымъ были когда-то одѣты наши очень отдаленные животные предки. Этотъ волосяной покровъ, не принося существенной пользы, можетъ въ то же время явиться источникомъ значительнаго вреда. Эти маленькіе волоски задерживаютъ пыль и грязь. Особенно чехлы, окружающіе ихъ корешки, являются прибѣжищемъ для множества иногда вредоносныхъ микробовъ. Такимъ образомъ, эти волоски являются исходнымъ пунктомъ для чирьевъ и нагноеній.

Послѣдняя пара коренныхъ зубовъ, такъ-называемые зубы мудрости, точно также не являются необходимыми для жеванія и отсутствуютъ у значительнаго числа людей. Появляются они поздно, очень скоро послѣ своего прорѣзыванія они подвергаются порчѣ. А между тѣмъ эти почти безполезные органы

являются источникомъ заболѣваній, страданій, и описаны даже случаи смерти, причиной которой были нагноенія, источникомъ которыхъ были эти зубы.

Особенно рѣзкимъ примѣромъ вреда рудиментарныхъ органовъ является червовидный отростокъ. У нѣкоторыхъ животныхъ, особенно у грызуновъ, онъ достигаетъ большихъ размѣровъ и участвуетъ въ пищевареніи, но у человѣка онъ столь незначительныхъ размѣровъ, что его роль не можетъ быть значительна, а между тѣмъ онъ является мѣстомъ возникновенія опаснаго заболѣванія—воспаленія червовиднаго отростка, которое въ 9—10 проц. даетъ смертельный исходъ.

Но не только рудиментарные органы, какъ зубы мудрости и червовидный отростокъ, или органы регрессирующіе, какъ, напр., слѣпая кишка, которая у человѣка значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ у нѣкоторыхъ животныхъ,—нужно считать за излишніе. Мало того, даже тѣ части кишечнаго канала, которыя отличаются своими размѣрами и развитіемъ, и ихъ считаетъ Мечниковъ безполезнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ намъ нашими предками-животными. „Можно утверждать, — говоритъ Мечниковъ,—что не только червовидный отростокъ и слѣпая кишка, но и вся толстая кишка человѣка, т.-е. очень значительная часть всѣхъ кишекъ вообще, является излишнею для нашего организма, и удаленіе ея повлекло бы за собою очень счастливые результаты. Толстая кишка особенно сильно развита у травоядныхъ животныхъ. Безполезная для перевариванія пищи животнаго происхожденія, она несомнѣнно полезна при усвоеніи пищи растительной. Съ другой стороны, толстая кишка играетъ роль, соотвѣтствующую роли мочевого пузыря. Какъ въ мочевомъ пузырѣ скопляется моча, такъ толстыя кишки служатъ мѣстомъ, гдѣ накапливаются непереваренные остатки пищи. Толстая кишка развита въ значительной степени только у млекопитающихъ. Большая часть млекопитающихъ представляютъ собою животныхъ быстро передвигающихся. Это для нихъ необходимо или ради того, чтобы догнать добычу, или ради того, чтобы избѣжать преслѣдованія. Въ виду этого имъ было бы крайне неудобно, во время бѣгства отъ врага или во время преслѣдованія добычи, останавливаться для испражненія. Возможность задерживать испражненія въ объемистомъ резервуарѣ являлась очень важной выгодой въ борьбѣ за существованіе. Что касается птицъ,—говоритъ Мечниковъ,—то онѣ живутъ, такъ сказать, въ воздухѣ, не нуждаются въ остановкахъ для выбрасыванія непереваренныхъ остатковъ отъ пищеваренія. Но

толстая кишка является органомъ не только безполезнымъ, но и прямо вреднымъ. Застаивающіяся въ ней большія количества непереваренныхъ остатковъ отъ пищи являются почвой, на которой развиваются массы бактерій. Послѣднія развиваютъ въ толстыхъ кишкахъ вредные продукты, которые всасываются организмомъ и отравляютъ его. Кромѣ того, толстыя кишки являются мѣстомъ развитія такихъ опасныхъ болѣзней, какъ дизентерія. Злокачественныя опухоли точно также часто развиваются въ толстыхъ кишкахъ.

Однимъ изъ тѣхъ органовъ, которые особенно часто поражаются злокачественными опухолями, является желудокъ. А между тѣмъ, люди могутъ обойтись безъ желудка. Извѣстно нѣсколько случаевъ полнаго удаленія желудка посредствомъ операціи, и эти люди оставались живы и удовлетворительно питались. Точно также извѣстны случаи удаленія двухъ-третей толстой кишки безъ дурныхъ послѣдствій для больныхъ. Особенно поучителенъ одинъ случай, въ которомъ оказалось, что старуха жила долгіе годы послѣ того, какъ у нея атрофировалась толстая кишка, совсѣмъ не участвовавшая въ пищевареніи. Вполнѣ понятно,— говоритъ Мечниковъ, — почему органы пищеваренія человѣка представляютъ такъ много примѣровъ ненужныхъ и исчезающихъ частей. Человѣкъ когда-то употреблялъ болѣе грубую и менѣе питательную пищу. Вотъ къ перевариванію такой грубой пищи и приспособлены наши органы пищеваренія. Между тѣмъ съ успѣхами культуры люди стали ѣсть болѣе питательную и, благодаря кулинарнымъ процедурамъ, уже подготовленную къ усвоенію пищу. Въ виду этого извѣстныя части пищеварительныхъ органовъ оказались ненужными и находятся въ настоящее время на пути къ уничтоженію. Подобное же мы видимъ и у нѣкоторыхъ животныхъ, поставленныхъ въ исключительно благопріятныя условія для питанія. Такъ, ленточныя глисты живутъ въ кишечномъ каналѣ другихъ животныхъ и со всѣхъ сторонъ окружены питательною жидкостью, содержащею уже переваренныя вещества, которыя достаточно для глисты всосать черезъ стѣнки своего тѣла. И дѣйствительно, у этихъ глистъ нѣтъ совсѣмъ пищеварительныхъ органовъ. Въ томъ же направленіи идетъ процессъ и у человѣка, но, конечно, находится въ другой стадіи.

Наконецъ, Мечниковъ упоминаетъ, какъ неудовлетворительно дѣйствуютъ тѣ инстинкты, которые должны были бы руководить человѣкомъ при выборѣ пищи. Какъ только ребенокъ начинаетъ ползать, онъ подбираетъ съ полу всѣ предметы, какіе только

можетъ забрать, и тотчасъ отправляетъ ихъ въ ротъ. Въ виду этого и случаи отравленія—не рѣдкость. Наконецъ, рѣзкимъ примѣромъ заблужденій инстинкта можетъ служить стремленіе людей отравлять себя алкоголемъ, эѳиромъ, опіумомъ и морфіемъ. Алкоголизмъ можетъ служить лучшимъ примѣромъ, насколько гибельны противорѣчія между инстинктомъ, руководящимъ нами въ выборѣ пищевыхъ веществъ, и инстинктомъ сохраненія жизни.

Точно также долго останавливается Мечниковъ на несовершенствахъ, наблюдаемыхъ въ органахъ размноженія. Какъ извѣстно, всякія кровотеченія считаются болѣзненнымъ явленіемъ. Между тѣмъ женщины подвержены ежемѣсячнымъ періодическимъ кровотеченіямъ. Мечниковъ утверждаетъ, что эти періодическія кровотеченія есть результатъ отклоненій условій нашей жизни отъ условій жизни первобытныхъ людей. Тогда, нужно предполагать, женщина дѣлалась беременной до появленія мѣсячныхъ и во всю ея жизнь мѣсячныя не могли проявиться, такъ какъ періодъ кормленія грудью непосредственно смѣнялся новой беременностью.

Половые органы человѣка особенно богаты рудиментами, такъ какъ человѣкъ происходитъ отъ двуполыхъ животныхъ, и половые органы каждой особи заключаютъ въ себѣ недоразвившіеся зачатки половыхъ органовъ другого пола.

Наконецъ, мучительность родового акта является крупнымъ недостаткомъ организаціи половой сферы.

Особенно же Мечниковъ останавливается на тѣхъ отклоненіяхъ, которыя представляетъ собою половой инстинктъ. Появляется онъ у мальчиковъ еще тогда, когда половые органы не достигли своего полнаго развитія, что является причиной болѣзненныхъ проявленій—онанизма. Остается этотъ инстинктъ уже послѣ того, какъ половые органы атрофировались. Особенно современныя условія жизни вносятъ много ненормальнаго въ половую жизнь человѣка. Въ то время какъ половая зрѣлость наступаетъ еще тогда, когда организмъ не достигъ своего полнаго развитія, между двѣнадцатью и четырнадцатью годами (у мужчинъ), средній возрастъ вступленія въ бракъ у культурныхъ народовъ отодвигается до двадцати-четырехъ—двадцати-девяти лѣтъ. Изъ этихъ цифръ видно, насколько расходится время вступленія въ бракъ и время появленія полового чувства.

Далѣе Мечниковъ отмѣчаетъ извращеніе инстинкта сохраненія своего рода въ видѣ такого широкаго распространенія мѣръ для избѣжанія дѣторожденія.

У первобытныхъ народовъ большую роль играетъ убиваніе

или бросаніе на произволъ дѣтей. Несомнѣнно, то же явленіе, конечно въ замаскированномъ видѣ, распространено и у болѣе культурныхъ расъ.

Одна изъ самыхъ интересныхъ главъ въ книгѣ Мечникова,—это та, которая посвящена измѣненіямъ, которымъ подвергается инстинктъ сохраненія жизни въ разные возрасты. Мечниковъ отмѣчаетъ, что въ молодые годы инстинктъ этотъ слабо развитъ. Молодые люди мало дорожатъ жизнью, легко жертвуютъ ею. Пессимистическія теоріи точно также созданы главнымъ образомъ молодыми людьми. Такъ, Шопенгауэръ, когда онъ опубликовалъ свою знаменитую теорію пессимизма, былъ всего тридцати-одного года, а Гартманъ, будучи всего двадцати-шести лѣтъ отъ роду, заявилъ, что жизнь есть зло, и чѣмъ скорѣе мы отъ нея освободимся, тѣмъ лучше. Наоборотъ, представители оптимистическихъ теорій—люди болѣе или менѣе престарѣлые. Чѣмъ люди болѣе подвигаются къ преклонному возрасту, тѣмъ они болѣе начинаютъ цѣнить жизнь, и, наконецъ, въ извѣстный моментъ, это стремленіе къ жизни, эта любовь къ жизни смѣняется инстинктивнымъ страхомъ смерти.

„Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ Мечниковъ,—что среди другихъ инстинктовъ человѣкъ обладаетъ однимъ, который заставляетъ его цѣнить жизнь и ужасаться передъ смертью. Этотъ инстинктъ постепенно развивается вмѣстѣ съ годами. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко и удивительнымъ образомъ отличается отъ всѣхъ другихъ инстинктовъ. Послѣ того какъ голодъ, жажда, половой инстинктъ удовлетворены, появляется ощущеніе сытости, которое можетъ достигнуть степени пресыщенія и даже усталости. Такое состояніе длится нѣкоторое время, чтобы потомъ смѣниться новымъ пробужденіемъ этихъ инстинктовъ. Совсѣмъ не то наблюдается по отношенію къ инстинкту жизни. Этотъ инстинктъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ развивается поздно и постепенно усиливается въ продолженіе всего теченія жизни: дѣти и юноши всегда стремятся скорѣе сдѣлаться взрослыми. Но, достигнувъ зрѣлаго возраста, человѣкъ никогда не стремится состарѣться. Съ тяжелымъ чувствомъ замѣчаютъ появленіе первыхъ морщинъ и сѣдыхъ волосъ. Вмѣсто того, чтобы испытывать удовлетвореніе по поводу того, что значительная часть жизненнаго пути пройдена, люди ощущаютъ большую печаль, видя себя ближе къ смерти. Старость—такая, какою она обыкновенно проявляется—характеризуется безобразностью и чѣмъ-то отталкивающимъ и даже устрашающимъ. И несмотря на все, что̀ дѣлаетъ старость ужасной, безполезной и въ самой лучшей обста-

новкѣ только терпимой, несмотря на ослабленіе и души, и тѣла у стариковъ, инстинктъ жизни сохраняется у нихъ съ полной силой. Мечниковъ часто посѣщалъ богадельни, и ему пришлось убѣдиться, что всѣ обитатели ихъ желаютъ еще долго жить. Въ Сальпетріэръ очень много женщинъ преклоннаго возраста: семидесятилѣтнія—почти на положеніи молодыхъ. Все честолюбіе девяностолѣтнихъ старухъ заключается въ томъ, чтобы достигнуть ста лѣтъ. Стремленіе жить замѣчается у всѣхъ.

Яркій расцвѣтъ стремленія жить въ тотъ моментъ, какъ приближается смерть, ощущается особенно мучительно. Смерть тогда кажется еще непонятнѣе и ужаснѣе. Въ виду этого человѣчество съ незапамятныхъ временъ стремилось отыскать ключъ къ этой загадкѣ. Вопросъ о смерти есть главное содержаніе и религіи, и философіи. „Религія,—говоритъ Гюйо,—есть главнымъ образомъ размышленіе о смерти. Еслибы мы не должны были умирать, среди людей, конечно, были бы распространены суевѣрія, но не было бы ни суевѣрій, возведенныхъ въ систему, ни религіи“. Точно также, дальше говоритъ Мечниковъ, уже нѣкоторые философы древности высказали мысль, что философія есть не что̀ иное, какъ размышленіе о смерти.

Такимъ образомъ, по словамъ Мечникова, нельзя не признать, что человѣческая природа, столь замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, представляетъ многочисленныя и глубокія несовершенства, которыя являются источникомъ стольких несчастій. Человѣкъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ живыхъ существъ, которыя прекрасно приспособлены къ условіямъ своего существованія, какъ приспособлены, напр., орхидеи къ оплодотворенію ихъ насѣкомыми, или осы-землеройки къ выращиванію своего потомства. Наоборотъ, человѣческая природа напоминаетъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыхъ инстинктъ толкаетъ ихъ летѣть на огонь и которыя обжигаютъ себѣ крылья.

Что̀ же человѣчество сдѣлало, чтобы примирить несовершенства своей природы?

Какъ было сказано выше, главное содержаніе и религіи, и философіи заключается въ томъ, чтобы найти исходъ изъ того безвыходнаго положенія, въ которое человѣкъ поставленъ несовершенствами своей природы. Двѣ главы своей книги посвящаетъ Мечниковъ изложенію и критикѣ этихъ попытокъ. Всѣ религіи, начиная съ самыхъ первобытныхъ, для того, чтобы примирить человѣка съ неизбѣжностью смерти, имѣютъ только одинъ доводъ, а именно—вѣру въ загробную жизнь. Доводъ, который совершенно не удовлетворяетъ Мечникова. Нельзя привести ни одного убѣдительнаго факта въ подтвержденіе возможности для

духа существовать независимо отъ тѣла;—въ виду этого число людей изъ образованныхъ классовъ, не признающихъ существованія загробной жизни, все увеличивается,—говоритъ онъ.

За исключеніемъ своего главнаго назначенія, которое заключается въ томъ, чтобы дать утѣшеніе человѣчеству, осужденному на сознаніе неизбѣжности смерти, религіи занимались еще рядомъ другихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ несовершенствъ человѣческой природы. Во всѣ времена они пытались регулировать вопросы питанія и размноженія человѣчества, а также предупреждать и лечить всевозможныя болѣзни. Что касается этихъ гигіеническихъ предписаній, то для нѣкоторыхъ изъ нихъ можно найти раціональныя основанія, но большинство изъ нихъ имѣетъ только историческій интересъ.

Попытки религіозныхъ ученій предлагать мѣры къ борьбѣ съ заразными болѣзнями легко объясняются тѣмъ, что сами болѣзни большинствомъ религіозныхъ ученій признаются за навожденіе злыхъ духовъ. Такъ, даже Мартинъ Лютеръ признавалъ сверхъестественное происхожденіе болѣзней: „Вотъ уже вопросъ, относительно котораго,—говоритъ онъ,—не можетъ быть сомнѣній, что чума, лихорадка и другія тяжелыя болѣзни суть дѣло рукъ дьявола“. Но религіозныя предписанія, направленныя къ борьбѣ съ заразными болѣзнями, замѣнены нынѣ научно-обоснованными предписаніями медицины и гигіены.

Наконецъ, и всѣ попытки философіи примирить человѣка со смертью не могутъ удовлетворить Мечникова, такъ какъ они всѣ сводятся къ одному совѣту, а именно: примириться съ неизбѣжнымъ.

Единственно, отъ чего можно ждать помощи, это—наука. И успѣхи науки въ XIX-мъ вѣкѣ грандіозны. Особенно велики успѣхи науки въ вопросѣ борьбы съ болѣзнями, а именно существованіе болѣзней и было главнымъ факторомъ, способствовавшимъ выработкѣ пессимистическаго міровоззрѣнія. Конечно, остается еще очень много сдѣлать, но то, что уже достигнуто, является громаднымъ результатомъ, а главное, мы въ состояніи на основаніи уже достигнутаго предвидѣть еще новыя завоеванія науки.

Но на это возражаютъ: „Да, наука въ состояніи помочь человѣку, когда онъ страдаетъ отъ той или другой болѣзни, но вопросъ не въ этомъ. Болѣзнь есть только эпизодъ въ жизни человѣка, въ то время какъ основные вопросы ея не разрѣшены наукой. Недостаточно вылечить человѣка отъ дифтеріи или болотной лихорадки. Нужно разрѣшить вопросъ, что его ожидаетъ и почему онъ долженъ старѣться и умереть въ тотъ моментъ, когда у него наибольшая потребность жить. Вотъ тутъ,

говорятъ противники науки, выступаетъ съ полной ясностью безсиліе ея и здѣсь начинается благодѣтельная роль религіи и философіи. А такъ какъ наука постоянно вноситъ сомнѣніе къ догмамъ вѣры и постоянно критикуетъ философскія системы, то въ виду этого, говорятъ противники науки, наука не только не полезна, но вредна". Нападки на науку начались давно. Первымъ блестящимъ противникомъ науки былъ Руссо, а теперь наиболѣе выдающимся является гр. Л. Н. Толстой. Мечниковъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ выводы Толстого: „Наука не можетъ разрѣшить вопроса, въ чемъ заключается истинный смыслъ жизни". Въ виду того, что столько и въ томъ числѣ такіе выдающіеся люди нападаютъ на науку, невольно является вопросъ,—дѣйствительно, не вредна ли наука на самомъ дѣлѣ. Можетъ это стремленіе людей къ свѣту знанія быть такъ же гибельно для человѣческаго рода, какъ для бѣдныхъ ночныхъ бабочекъ гибельно ихъ стремленіе къ огню.

Но Мечниковъ не можетъ примириться съ такимъ рѣшеніемъ и думаетъ, что наука въ состояніи дать отвѣтъ на самые роковые вопросы человѣческаго существованія. Что же извѣстно современной наукѣ о старости и о смерти?

Неизбѣжность смерти для всего живого является одной изъ самыхъ банальныхъ истинъ, а между тѣмъ за послѣднее время являются голоса, которые высказываютъ сомнѣніе въ возможности обобщать это положеніе на всѣхъ живыхъ существъ. Ученымъ, впервые высказавшимъ это сомнѣніе, былъ Вейсманъ. Живыя существа можно раздѣлить на двѣ большихъ группы: на существа одноклѣточныя и существа, состоящія изъ множества клѣтокъ. Что касается второй группы живыхъ существъ, къ которой принадлежитъ и человѣкъ, то для нея неизбѣжность смерти несомнѣнна; не то для первой группы, къ которой принадлежатъ микроскопическія существа, состоящія всего изъ одной клѣтки. Является вопросомъ, существуетъ ли для такого существа естественная, не насильственная смерть. Если мы будемъ наблюдать за жизнью такого существа, то увидимъ, что оно двигается, поглощаетъ пищу, а черезъ нѣкоторый промежутокъ времени увидимъ, что такое существо раздѣлилось на два новыхъ—тождественныхъ съ нимъ—существа. Какъ индивидуальность, прежнее одноклѣточное существо перестало существовать, распавшись на два новыхъ, но ничего похожаго на смерть мы тоже не найдемъ, такъ какъ и послѣ дѣленія тѣло этого существа продолжаетъ существовать, только раздѣленное на двѣ части. Такимъ образомъ, смерть, съ этой точки зрѣнія, является привилегіей существъ болѣе высокаго и сложнаго строенія.

То же самое разсужденіе мы можемъ распространить и на старость. Каждому извѣстны проявленія старости, какъ они выражаются на человѣкѣ. Тѣ же самыя проявленія мы можемъ констатировать у высшихъ животныхъ, даже у птицъ; наконецъ, даже у деревьевъ мы можемъ видѣть явленія, которыя мы можемъ отождествлять съ дряхлостью. Но если мы обратимся къ одноклѣточнымъ существамъ-инфузоріямъ, амебамъ или бактеріямъ, то намъ будетъ трудно найти такія явленія, которыя мы могли бы отождествить со старостью. Мы увидимъ, какъ такое существо живетъ, размножается дѣленіемъ, и такъ повторяется многое число разъ. Но затѣмъ можно наблюдать, какъ послѣ ряда послѣдовательныхъ дѣленій инфузоріи дѣлаются все меньше и меньше по величинѣ,—онѣ вырождаются, но онѣ обладаютъ средствомъ опять возвратить себѣ прежніе размѣры и здоровье. Для этого два существа должны слиться въ одно; процессъ этотъ называется копуляціей и за нимъ слѣдуетъ опять быстрое размноженіе простымъ дѣленіемъ этихъ инфузорій, вернувшихъ себѣ такимъ способомъ прежніе размѣры и молодость. Ничего подобнаго не существуетъ для существъ многоклѣточныхъ, и всѣ они обречены на постепенное увяданіе—старость.

Мечниковъ ставитъ себѣ задачей бороться со старостью. Но для того чтобы бороться съ чѣмъ-нибудь, надо знать то, съ чѣмъ приходится бороться. Что же такое старость съ точки зрѣнія современной науки?

Давно уже замѣчено, что мясо старыхъ животныхъ отличается жесткостью. Про него говорятъ, что оно какъ подошва. И въ этомъ сравненіи есть большая доля правды. Мясо оттого дѣлается такимъ жесткимъ, что въ немъ развивается много той же самой ткани, изъ которой состоитъ подошва. Характерное свойство старости заключается въ томъ, что при ней самые цѣнные, благородные элементы организма атрофируются, а ихъ мѣсто занимаетъ развившаяся соединительная ткань. Каждый важный для жизни органъ состоитъ изъ особенныхъ характерныхъ для него клѣтокъ, которыя и выполняютъ лежащую на этомъ органѣ работу: такъ мозгъ состоитъ изъ нервныхъ клѣтокъ, печень изъ печеночныхъ клѣтокъ, и эти важные для жизни элементы заложены въ основу, состоящую изъ соединительной ткани. Послѣдняя играетъ роль скелета, опоры, которая поддерживаетъ и охраняетъ отъ механическихъ поврежденій болѣе важные элементы. Но при старости число благородныхъ элементовъ уменьшается, а ихъ мѣсто занимаетъ разросшаяся соединительная ткань. Интересно, что тотъ же самый процессъ мы имѣемъ и при хроническихъ воспаленіяхъ,—и при нихъ благородные эле-

менты исчезаютъ и замѣняются разросшейся соединительной тканью. И это является подтвержденіемъ мысли Мечникова, что та старость, которую мы видимъ вокругъ насъ, есть болѣзненное явленіе, а смерть, которою умираетъ громадное большинство современныхъ намъ людей, есть смерть насильственная.

Всѣмъ извѣстна теорія Мечникова, объясняющая явленія старости. Въ человѣческомъ организмѣ есть цѣлый классъ клѣтокъ, напоминающихъ своей формой и строеніемъ свободно живущихъ одноклѣточныхъ существъ. Назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, защищать организмъ отъ проникающихъ въ него бактерій, съ другой—чтобы пожирать умершія клѣтки организма. И вотъ старость, по Мечникову, объясняется тѣмъ, что эти клѣтки начинаютъ нападать на ослабленныя разными вредными вліяніями благородныя клѣтки организма, на тѣ клѣтки, безъ которыхъ мы не можемъ существовать. Въ подтвержденіе этого Мечниковъ приводитъ свои наблюденія и наблюденія его учениковъ надъ тѣмъ, какъ въ центральной нервной системѣ, въ почкахъ онъ видѣлъ благородные элементы органовъ, пожираемые этими блуждающими клѣтками.

Онъ даже предлагаетъ бороться съ явленіями старости, приготовивъ такую сыворотку, которая вредно дѣйствовала бы на эти блуждающія клѣтки и уменьшала бы ихъ энергію, направленную въ столь невыгодномъ для насъ направленіи.

Но если блуждающія клѣтки нападаютъ на самыя драгоцѣнныя клѣтки нашего организма, то это потому, что послѣднія ослаблены вслѣдствіе различныхъ вредныхъ вліяній. Что же это за вредныя вліянія? Наиболѣе частой причиной какъ перерожденія клѣтокъ внутреннихъ органовъ, такъ и развитія на ихъ мѣстѣ соединительной ткани, являются алкоголизмъ и сифилисъ. На ихъ долю приходится около половины рѣзкихъ измѣненій внутреннихъ органовъ, аналогичныхъ измѣненіямъ происходящимъ отъ старости, но только констатированныхъ въ болѣе ранніе года. Сифилисъ и алкоголь дѣйствуютъ на благородные элементы организма какъ яды и ослабляютъ ихъ, а блуждающія клѣтки, какъ не такіе нѣжные элементы, менѣе страдаютъ отъ этихъ ядовъ, и этимъ объясняется побѣда ихъ надъ болѣе благородными элементами. Въ остальныхъ же случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ явленія гибели важныхъ для жизни элементовъ и замѣны ихъ разросшейся соединительной тканью и гдѣ не было ни сифилиса, ни алкоголизма,—причина другая.

Эта причина, по Мечникову, заключается въ громадной массѣ бактерій, развивающихся въ ненужной толстой кишкѣ человѣка. Эти бактеріи, развиваясь на счетъ непереваренныхъ

остатковъ пищи, размножаются въ громадныхъ количествахъ и производятъ вредныя, отравляющія насъ вещества, которыя изъ кишечника всасываются въ кровь и разносятся по всему организму. Правда, пытались доказать, что эти обитатели нашего кишечнаго канала необходимы для пищеваренія и такимъ образомъ являются полезными гостями для насъ. Но эти доводы, по мнѣнію Мечникова, не доказательны, а между тѣмъ фактъ, что они являются источникомъ вредныхъ для организма веществъ—несомнѣненъ. Развитіе толстой кишки имѣло своимъ послѣдствіемъ нѣкоторыя выгодныя стороны для млекопитающихся животныхъ; но это развитіе толстой кишки сопровождалось сокращеніемъ срока жизни. Птицы, у которыхъ нѣтъ толстой кишки и у которыхъ бактеріальная флора кишечника значительно болѣе бѣдна, чѣмъ у млекопитающихъ,—соотвѣтственно этому обладаютъ значительно большей продолжительностью жизни. Между птицами есть одно очень знаменательное исключеніе: страусы отличаются отъ другихъ птицъ значительнымъ развитіемъ толстой кишки и соотвѣтственно съ этимъ обильной бактеріальной флорой кишечнаго канала. Сообразно съ этимъ и продолжительность жизни страусовъ значительно короче, чѣмъ другихъ птицъ, значительно меньшихъ его по размѣрамъ.

Разъ выяснено, въ чемъ заключается причина преждевременной болѣзненной старости, мы должны бороться съ этими вредными факторами. Конечно, несмотря на всѣ успѣхи современной хирургіи, мы не можемъ разсчитывать на то, чтобы вредная для человѣчества толстая кишка удалялась хирургическимъ путемъ, но возможенъ еще другой путь борьбы съ тѣмъ вредомъ, который человѣку приносятъ размножающіяся въ кишечномъ каналѣ бактеріи. Эти бактеріи попадаютъ въ нашъ кишечникъ безъ нашего вѣдома вмѣстѣ съ непрокипяченной водой или съ плохо вымытыми сырыми фруктами. Это, такъ сказать, дикія бактеріи,—и является чрезвычайно страннымъ, что человѣкъ, который съ такимъ стараніемъ удаляетъ всякихъ вредныхъ существъ изъ окружающаго, не обращаетъ никакого вниманія на цѣлый міръ живыхъ существъ, населяющихъ его внутренности. Безусловно необходимо замѣнить этихъ бактерій, подчасъ прямо опасныхъ, а по мнѣнію Мечникова—вредныхъ, другими бактеріями—полезными, такъ сказать, домашними. Такими бактеріями являются бактеріи молочнокислаго броженія, развивающіяся при закисаніи молока. Вслѣдствіе ихъ жизнедѣятельности молоко закисаетъ въ простоквашу. Полезное свойство этихъ бактерій заключается въ томъ, что онѣ производятъ изъ молочнаго сахара, заключеннаго въ молокѣ, кислоты, а послѣдняя мѣшаетъ вред-

нымъ бактеріямъ развиваться. Съ этой точки зрѣнія употребленіе кислаго молока является въ высшей степени полезнымъ.

Въ виду всего этого, говоритъ Мечниковъ, можно признать, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ удастся видоизмѣнить старость. Вмѣсто болѣзненной и отталкивающей она будетъ физіологическимъ увяданіемъ, которое можно будетъ выносить. Удастся также увеличить и продолжительность жизни. Но этого мало. Можно предполагать, что когда людямъ сдѣлается доступной физіологическая старость, измѣнится и ихъ отношеніе къ смерти. Выше мы видѣли, какъ мѣняются инстинкты живого существа съ измѣненіемъ его возраста. Смерть, которою теперь умираютъ люди, есть смерть насильственная. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда теперь мы видимъ старика, тихо скончавшагося безъ какихъ бы то ни было страданій, все-таки на вскрытіи обыкновенно находятъ рѣзкое измѣненіе, разрушеніе того или другого органа. Для насъ понятнымъ является трагическое противорѣчіе между разрушающимся тѣломъ и жаждой жизни. Мы можемъ предполагать, что когда смерть будетъ результатомъ равномѣрнаго увяданія организма, вмѣстѣ съ ослабѣваніемъ жизненныхъ процессовъ будетъ ослабѣвать и инстинктъ стремленія жить, этотъ инстинктъ замѣнится другимъ, а именно стремленіемъ умереть. Мечниковъ приводитъ примѣръ насѣкомыхъ, называемыхъ эфемерами, которыя въ состояніи личинки энергично защищаютъ свою жизнь, въ состояніи же взрослаго насѣкомаго, все назначеніе котораго заключается въ томъ, чтобы положить яйца, никакого стремленія избѣжать опасности не замѣчается. Можно себѣ представить, что на исходѣ физіологической старости человѣкъ будетъ съ такимъ же спокойствіемъ и удовлетвореніемъ ждать смерти, съ какимъ ежедневно онъ ожидаетъ наступленія сна.

Мечниковъ рисуетъ такую идиллическую картину будущности человѣчества. Жизнь будетъ раздѣляться на два періода: одинъ посвященный размноженію и своей семьѣ, и другой, когда способность воспроизведенія заглохнетъ, цѣликомъ посвященный на благо человѣчества. Старики будутъ сохранять всю свою интеллектуальную мощь и будутъ драгоцѣнными руководителями общественной жизни.

Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе книги Мечникова. Перейдемъ теперь къ обсужденію его основныхъ выводовъ.

Прежде всего остановимся на его раздѣленіи живыхъ существъ на два отдѣла—на виды прекрасно, гармонично органи-

зованные и на виды неудовлетворительно организованные; къ послѣднимъ, по его мнѣнію, относится и человѣкъ. По нашему мнѣнію, нѣтъ возможности согласиться съ такимъ раздѣленіемъ. Среди живыхъ существъ мы можемъ найти виды процвѣтающіе въ данный моментъ и виды вымирающіе, но чтобы среди живыхъ существъ мы могли найти такихъ, которыя представляли бы грубые недостатки и ошибки въ своемъ строеніи, это представляется маловѣроятнымъ. Если какой-нибудь видъ вымираетъ, это еще не значитъ, чтобы въ его организаціи открылась какая-нибудь ошибка; это обозначаетъ только, что въ данной мѣстности появился другой видъ животныхъ, имѣющій передъ первымъ преимущество въ борьбѣ за существованіе. При этомъ не нужно думать, что побѣждающій видъ лучше организованъ, чѣмъ побѣждаемый. Приведемъ слѣдующій примѣръ: какъ извѣстно, на небольшихъ островахъ, расположенныхъ среди океана, не существуетъ обыкновенно летающихъ насѣкомыхъ, а только ползающія. Это обусловливается тѣмъ, что на такихъ островахъ вѣтеръ сноситъ въ море всѣхъ насѣкомыхъ, пытающихся летать, и оттого выжить на такомъ островѣ могутъ только ползающія.

Примѣръ, приводимый Мечниковымъ, показываетъ, до какой степени гибельный факторъ можетъ быть по отношенію къ жизни извѣстнаго вида случайнымъ и совсѣмъ несвязаннымъ съ той или другой степенью совершенства въ организаціи. Мечниковъ ничего не говоритъ про несовершенства въ организаціи птицъ, онъ даже ставитъ ихъ въ примѣръ человѣку и млекопитающимъ, такъ какъ онѣ не обладаютъ толстой кишкой. Однако эти существа гибнутъ тысячами, привлекаемыя роковымъ для нихъ свѣтомъ маяковъ. То обстоятельство, что электрическій свѣтъ, зажигаемый для своихъ цѣлей людьми, оказывается гибельнымъ для птицъ, не доказываетъ нисколько несовершенства природы птицъ.

Не нужно забывать, до какой степени на шаткой почвѣ находимся мы, когда говоримъ о тѣхъ или другихъ несовершенствахъ организаціи. Мечниковъ часто останавливается на вопросѣ о ненужности того или другого органа. Какіе же доводы можемъ мы привести, чтобы судить объ этой ненужности? Первый доводъ, которымъ обосновываютъ ее, состоитъ въ томъ, что въ настоящее время намъ неизвѣстны функціи, которыя органъ выполняетъ. Шаткость довода сама бросается въ глаза: изъ того, что намъ ничего неизвѣстно о томъ, для чего служитъ какой-нибудь органъ, можно сдѣлать только одинъ выводъ—о несовершенствѣ нашихъ знаній. Особенно открытія послѣдняго времени поучительны въ этомъ отношеніи. Такъ, цѣлый рядъ железъ могъ считаться совершенно ненужнымъ,—оказалось, однако, что онѣ

безусловно необходимы для жизни. Въ этомъ отношенiи особенно поучителенъ примѣръ щитовидной железы: функцiя ея была совершенно неизвѣстна, и поэтому можно было заключать о совершенной ея ненужности. Изслѣдованiя показали, что если ее удалить, то наступаетъ рядъ крайне тяжелыхъ болѣзненныхъ явленiй. Особенно неудобно самому Мечникову основываться на подобномъ доводѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ много сдѣлалъ для выясненiя роли блуждающихъ кровяныхъ шариковъ (фагоцитовъ), а между тѣмъ еще недавно роль ихъ была совершенно неизвѣстна, и ихъ можно было бы считать за совершенно безполезныя образованiя.

На первый взглядъ кажется, что относительно рудиментарныхъ органовъ, какъ, напр., червовидный отростокъ и др., мы можемъ съ большимъ правомъ отрицать какое бы то ни было ихъ значенiе, такъ какъ относительно ихъ ясно, что они не выполняютъ той роли, какую они выполняли когда-то у предковъ животнаго. Но и въ этомъ отношенiи дѣло усложняется тѣмъ, что какой-нибудь органъ можетъ быть рѣзко уменьшеннымъ по сравненiю съ тѣмъ, какимъ онъ былъ у предковъ этого животнаго; къ тому же, можетъ быть ясно, что этотъ органъ уже не выполняетъ той роли, какую онъ когда-то выполнялъ, но это не исключаетъ возможности того, чтобы онъ взялъ на себя другое назначенiе.

Другой доводъ, на который опирается часто Мечниковъ, желая доказать безполезность извѣстнаго органа, заключается въ томъ, что этотъ органъ, безъ рѣзко замѣтнаго вреда для организма, можно удалить. Всякому, кто нѣсколько болѣе знакомъ съ патологическими явленiями, вполнѣ ясна поспѣшность такого заключенiя. Организмъ устроенъ такимъ образомъ, что въ случаѣ, если въ немъ какой-либо органъ перестаетъ работать, роль его обыкновенно въ значительной степени берутъ на себя другiе органы. Такъ, въ случаѣ вырѣзыванiя желудка большую часть его работы берутъ на себя кишки. Въ случаѣ заболѣванiя почекъ роль ихъ берутъ на себя кожа и кишки. Такимъ образомъ, если послѣ удаленiя какого-нибудь органа мы не замѣтимъ, сколько-нибудь значительныхъ разстройствъ, то это зависитъ не оттого, что этотъ органъ излишенъ и ненуженъ организму, а оттого, что прекрасно выработанъ аппаратъ, замѣщающiй этотъ органъ, въ случаѣ недостаточной его дѣятельности. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношенiи можетъ служить намъ селезенка. Мечниковъ первый не будетъ утверждать, что это—излишнiй органъ, такъ какъ селезенка состоитъ изъ блуждающихъ клѣтокъ, которымъ такое большое значенiе придаетъ онъ; однако, селезенку много разъ вырѣзывали безъ какого-либо

ущерба для организма. Изъ всего этого можно заключить, насколько мало имѣютъ подъ собой почвы всѣ утвержденія объ излишности и ненужности тѣхъ или другихъ органовъ.

Другимъ крупнымъ доводомъ, служащимъ Мечникову для доказательства несовершенства человѣческой природы, являются неправильности и извращенія инстинктовъ, наблюдаемыхъ у человѣка. Но не нужно забывать, насколько измѣнчивы, непрочны инстинкты въ зависимости отъ измѣненія тѣхъ условій, въ которыхъ находится животное. Инстинктъ дѣйствуетъ правильно обыкновенно только до тѣхъ поръ, пока не измѣняется обстановка, въ которомъ находится животное. Особенно долго въ этомъ отношеніи Мечниковъ останавливается на отклоненіяхъ, представляемыхъ половымъ инстинктомъ у человѣка. Для сравненія мы можемъ привести слѣдующее: какъ извѣстно, въ неволѣ слоны перестаютъ размножаться. Животное осталось въ томъ же климатѣ, въ той же странѣ. Разница только въ томъ, что оно находится въ неволѣ, и этого достаточно для того, чтобы половой инстинктъ исчезъ совсѣмъ. Какъ извѣстно, люди необыкновенно рѣзко мѣняютъ условія своего существованія при переходѣ изъ города въ деревню, отъ сельскаго хозяйства къ работѣ на фабрикахъ, отъ условій первобытной жизни къ культурѣ. Такъ что надо скорѣе удивляться прочности инстинктовъ человѣка, чѣмъ тому, что встрѣчаются тѣ или другія отклоненія. Тѣмъ болѣе, что многое, что̀ въ жизни первобытныхъ народовъ мы считаемъ за уродливыя отклоненія, является неизбѣжнымъ результатомъ тѣхъ условій, въ которыхъ они живутъ, и въ этихъ условіяхъ—цѣлесообразно.

Такимъ образомъ, мы не можемъ признать обоснованными тѣ доводы, которые приводятся въ пользу несовершенства человѣческой природы. Болѣе вѣрной и плодотворной является точка зрѣнія, признающая человѣческую природу за идеалъ совершенства. По крайней мѣрѣ для нашего современнаго пониманія ничего не можетъ быть прекраснѣе и совершеннѣе человѣка.

Намъ пришлось самимъ слышать, какъ Мечниковъ на публичной лекціи въ „Свободномъ русскомъ университетѣ“ въ Парижѣ излагалъ свои взгляды о природѣ человѣка, вошедшіе потомъ въ книгу, которой и посвящена эта статья. Мы не запомнимъ, чтобы намъ пришлось слушать болѣе блестящаго лектора, чѣмъ И. И. Мечниковъ. Вся лекція была прочитана необыкновенно ярко, о̀бразно, съ огнемъ. Къ слову сказать, намъ не пришлось и видѣть нигдѣ такой симпатичной аудиторіи, какъ въ парижскомъ русскомъ университетѣ. И, несмотря на весь ея блескъ, эта лекція оставила во мнѣ неудовлетворительное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что эта лекція не удовлетворяла требованіямъ,

которыя мы, ученики русской научной школы, предъявляемъ къ такимъ лекціямъ. Когда маститый ученый-естественникъ читаетъ передъ аудиторіей молодежи, то мы прежде всего ждемъ, что онъ представитъ въ своей лекціи образецъ строгаго, послѣдовательнаго логическаго мышленія, который навсегда врѣзался бы въ память слушателя. Это есть самое дорогое, что онъ можетъ вынести изъ аудиторіи. Лекція И. И. Мечникова была необыкновенно блестяща, но изъ нея можно было извлечь все, что угодно, только не примѣръ строгаго и послѣдовательнаго мышленія. Эта лекція, также какъ и книга, представляетъ собой блестящій букетъ, — цѣлый фейерверкъ гипотезъ. Только-что выдвинута одна гипотеза, какъ за ней тотчасъ же выдвигается вторая, третья. На первой, еще недостаточно обоснованной гипотезѣ строится еще новая. Клодъ Бернаръ однажды сказалъ, что ученый, для того, чтобы объяснить и связать факты, можетъ дѣлать совсѣмъ маловѣроятныя предположенія во время своей работы, только бы эти предположенія позволили ему подвинуться впередъ въ его изслѣдованіи. Но это далеко не заставляетъ ученаго дѣлиться со всѣми своими зачастую крайне неосновательными предположеніями, возникающими въ его головѣ во время изслѣдованія.

Конечно, нѣкоторыя гипотезы Мечникова крайне интересны, какъ, напр., его теорія старости, по которой послѣдняя зависитъ оттого, что блуждающія клѣтки нападаютъ на самые цѣнные элементы нашего организма, или теорія преждевременнаго одряхлѣнія, зависящая отъ вреднаго вліянія многочисленнаго бактеріальнаго населенія нашего кишечника. Но цѣна такихъ теорій заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, насколько онѣ окажутся полезными для дальнѣйшаго хода изслѣдованія. Если онѣ явятся исходнымъ пунктомъ новыхъ работъ, если онѣ поведутъ къ открытію новыхъ фактовъ и обобщеній, значеніе ихъ будетъ велико, въ противномъ случаѣ—нѣтъ. Пока же, какъ ни блестящи эти теоріи, по поводу ихъ можно сказать, что онѣ еще далеко не достаточно обоснованы.

Но чѣмъ дальше мы слушали лекцію, тѣмъ ярче для насъ выступала другая ея сторона—чувство протеста и возмущенія противъ того, съ чѣмъ тысячи и милліоны мирятся, какъ съ чѣмъ-то неотвратимымъ и неизбѣжнымъ. Мы говоримъ о той старости и той смерти, жертвами которыхъ являются современные люди. Мы говорили уже, что центральнымъ, самымъ важнымъ выводомъ книги Мечникова является утвержденіе, что наша старость есть неестественное, болѣзненное явленіе, а наша смерть есть смерть насильственная. Конечно, это не есть новый вы-

водъ,—наоборотъ, онъ вытекалъ неизбѣжно изъ всѣхъ работъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ, и его высказывали болѣе или менѣе ясно всѣ, кому только ни приходилось заниматься этими вопросами. Особенно поражаетъ то, когда умираетъ великій человѣкъ въ полномъ разгарѣ своей общественной или научной дѣятельности, хотя бы и въ преклонныхъ годахъ по нашей современной мѣркѣ. Вѣдь смерть отъ воспаленія легкихъ или отъ кровоизліянія въ мозгъ отъ разорвавшейся артеріи въ тотъ моментъ, когда человѣкъ не только хочетъ жить, но и весь преисполненъ стремленіемъ осуществить рядъ неисполненныхъ плановъ, является въ такой же мѣрѣ насильственной, какъ и смерть отъ удара дубиной по головѣ.

По поводу протеста Мечникова противъ старости и смерти невольно приходитъ на память другая крупная личность, выдвинутая русской жизнью—Л. Н. Толстой. Его философскія и публицистическія произведенія находятъ откликъ во всемъ мірѣ. Когда онъ выступаетъ съ протестомъ противъ какого-либо изъ проявленій общественной жизни, то та философская система, на которой онъ его обосновываетъ, можетъ вызвать противъ себя много крупныхъ возраженій. Когда же дѣло доходитъ до тѣхъ мѣръ, которыя, по мнѣнію Толстого, необходимы, чтобы побороть зло, то уже онѣ обыкновенно совершенно не выдерживаютъ критики. И несмотря на все это, вліяніе Толстого на современное человѣчество громадно и все болѣе и болѣе сказывается. Пускай его философская система неудовлетворительна, пускай средства, которыя онъ предлагаетъ для борьбы со зломъ, таковы, что не могутъ имѣть успѣха,—самое главное заключается въ яркости и силѣ его протеста противъ такихъ явленій жизни, съ которыми человѣчество мирится какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ и неотвратимымъ. Толстой толкаетъ и будитъ людей. Каждый вмѣсто тѣхъ причинъ, которыми Толстой объясняетъ зло, найдетъ свои обоснованія. Отыскивая выходъ, каждый пойдетъ по своей дорогѣ, сообразно своему кругозору и своимъ силамъ. Значеніе же Толстого заключается въ томъ, что оно открываетъ людямъ глаза, вселяетъ въ нихъ энергію и силу.

Совершенно такъ же представляешь себѣ и значеніе той стороны дѣятельности Мечникова, которая вылилась въ послѣдней его книгѣ. Какъ мы говорили выше, самымъ важнымъ въ ней является утвержденіе, что старость—такая, какую мы видимъ вокругъ насъ,—есть болѣзнь, а смерть, которая постигаетъ окружающихъ насъ, есть смерть насильственная. И раньше Мечникова высказывались эти взгляды, значеніе же его заключается въ томъ, что книга его способна распространить эту точку зрѣнія въ

широкихъ кругахъ, вселить въ нихъ стремленіе бороться съ этими печальными явленіями и вѣру въ успѣшность этой борьбы.

Какъ мы говорили выше, мы не считаемъ твердо установленной теорію Мечникова относительно происхожденія старости и дѣйствительными—средства борьбы съ нею, предлагаемыя имъ. Вредное вліяніе толстой кишки на организмъ человѣка и гибельное значеніе населяющихъ ее микробовъ не доказаны. Поэтому мы не можемъ придавать такого рѣшающаго значенія попыткамъ видоизмѣнить населеніе нашихъ кишекъ, какъ это предлагаетъ Мечниковъ. Съ болѣзненными проявленіями старости и преждевременною смертью нужно бороться, но только эта борьба должна быть направлена не въ томъ направленіи, въ какомъ думаетъ Мечниковъ. Какъ ни интересны проявленія старости, нужно думать, что непосредственное изученіе ихъ самихъ по себѣ врядъ ли обѣщаетъ большіе практическіе результаты. Самъ Мечниковъ указываетъ, какую большую роль среди причинъ, вызывающихъ преждевременное одряхлѣніе и смерть, занимаютъ заразныя болѣзни. Современная наука придаетъ имъ первенствующее значеніе среди другихъ болѣзненныхъ факторовъ, и остальные отступаютъ далеко на второй планъ. Такимъ образомъ, борьба съ заразными болѣзнями и уничтоженіе послѣднихъ близко приблизили бы насъ къ той цѣли, которую ставитъ И. И. Мечниковъ. А тутъ мы подходимъ къ вопросу объ общихъ соціальныхъ проблемахъ. Ни одинъ отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ, ни отдѣльная небольшая группа людей не могутъ быть счастливы, если рядомъ существуютъ обездоленныя группы. Каждый новый шагъ по пути изученія причинъ развитія заразныхъ болѣзней, а также по пути проведенія въ жизнь гигіеническихъ мѣропріятій, все болѣе выясняетъ ту связь, которая существуетъ между интересами отдѣльныхъ лицъ и всего человѣчества. Солидарность интересовъ отдѣльныхъ людей является необходимостью не только съ точки зрѣнія требованій нравственности, но и съ точки зрѣнія вѣрно понятыхъ интересовъ самой отдѣльной личности. Нелѣпо думать, что можно какимъ-либо образомъ оградиться отъ болѣзней, когда рядомъ живутъ въ униженіи и нищетѣ народныя массы, среди которыхъ возбудители заразы находятъ себѣ удобное поле для распространенія.

Но не только равномѣрное распространеніе благосостоянія и просвѣщенія имѣетъ значеніе въ этомъ вопросѣ,—дальнѣйшій прогрессъ и здѣсь сводится къ всестороннему гармоническому росту человѣческой личности.

Александръ Яроцкій.

ДЖОНЪ ТАЛЬБОТЪ

изъ

САНТА-УРСУЛЫ

РАЗСКАЗЪ.

— Gertrude Atherton. The bell in the fog and other stories. London, 1905.

I.

Какъ всегда, сенора прислала поутру Джону Тальботу оффиціальное приглашеніе отобѣдать у нея въ „Оливковомъ Ранчо“, по случаю дня его рожденія. Хотя онъ круглый годъ бывалъ у сеноры разъ въ недѣлю, и предлагаемое ею угощеніе состояло исключительно изъ чашки шоколада или освѣжающаго питья, но для этого дня у нея рѣзали индѣйку, и старая кухарка приготовляла такое множество горячихъ блюдъ и старинныхъ сладостей, что Тальботъ чувствовалъ себя несчастнымъ человѣкомъ въ теченіе трехъ дней. Но онъ скорѣе согласился бы страдать въ теченіе цѣлой недѣли, чѣмъ отказаться отъ этого празднества и связаннаго съ нимъ представленія о семейной жизни.

Сенора и завѣдующій миссіей священникъ—были единственными друзьями Тальбота въ Санта-Урсулѣ, хотя, вслѣдствіе причинъ политическаго характера, онъ часто бывалъ въ гостиныхъ мѣстечка и обсуждалъ съ ихъ разноплеменными обитателями разныя дѣла и злобы дня, доходившія до этого отдаленнаго уголка Калифорніи. А между тѣмъ, за исключеніемъ кратковре-

менныхъ поѣздокъ въ Санъ-Франциско, Сакраменто и въ южные города, онъ прожилъ въ Санта-Урсулѣ ровно двадцать-три года.

Почему же и послѣ того какъ онъ сталъ богатымъ человѣкомъ, онъ все еще оставался въ этой забытой Богомъ норѣ? Прогуливаясь взадъ и впередъ по корридорамъ миссіи, Тальботъ не безъ юмора спрашивалъ себя объ этомъ на сороковомъ году отъ рожденія, какъ онъ уже и ранѣе неоднократно спрашивалъ себя о томъ же.

Для нѣкоторыхъ людей глубокое спокойствіе, теплая, дремотная красота всей окружающей картины—послужили бы положительнымъ отвѣтомъ. Два монаха, въ коричневыхъ рясахъ, проходили мимо него, перебирая четки. Вдали, за аркадами корридора, съ возвышенности, на которой стояло длинное бѣлое зданіе миссіи, открывался видъ на необозримую долину съ запада и съ юга, перерѣзываемую съ сѣверной стороны горнымъ хребтомъ Санта-Барбары. Солнце казалось мѣдно-краснымъ на темной синевѣ небесъ, и подъ его лучами обширныя, покрывавшія долину оливковыя плантаціи—напоминали серебряное море. Листва деревьевъ искрилась и отливала серебромъ, сливаясь съ синевою горизонта, рѣзко оттѣняемой темною массою горъ.. Тальботъ увидѣлъ, какъ птица словно окунулась въ море зелени, и когда она снова поднялась вверхъ, ему подумалось, что съ крыльевъ ея должны упасть блестящія капли. Онъ невольно вздохнулъ, подумавъ, что тамъ, въ тѣни деревьевъ и темныхъ гротовъ, должно быть очень прохладно, гораздо прохладнѣе, чѣмъ во время переѣзда въ восемь миль подъ жгучими лучами полуденнаго калифорнскаго солнца... Но тутъ онъ вспомнилъ, что „зала“ въ ранчо сеноры — также темная и прохладная, и что предстоящій ему путь пролегаетъ отчасти вдоль рѣки, мимо ивъ и хлопчато-бумажныхъ плантацій. Большая доза философіи была солью его жизни въ Санта-Урсулѣ.

Одна изъ отдаленныхъ отъ кряжа высокихъ горныхъ вершинъ, находившаяся на разстояніи одной мили отъ миссіи, густо поросла лѣсомъ; узкая, извивающаяся тропинка вела на верхъ ея, и мало кто зналъ объ ея существованіи. Джону Тальботу была хорошо извѣстна тропинка и то, къ чему она вела: озеро на самой вершинѣ горы, такое прозрачное и свѣтлое, что въ немъ отражалась каждая игла окружавшихъ его сосенъ.

А на востокѣ отъ миссіи, за рѣкою, окаймленною бахромою ивъ и плантаціями хлопка, въ концѣ длинной пыльной дороги, пролегавшей по полямъ и холмамъ, находился старинный домъ, именуемый „Оливковымъ Ранчо“.

Тальботъ былъ современнымъ дѣловымъ человѣкомъ. Ему принадлежали оливковыя плантаціи, миніатюрный отель на горѣ, земля, на которой возникло мѣстечко съ единственною лавкою, общественнымъ „салономъ", почтовою конторою и домами гражданъ, изъ которыхъ далеко не всѣ могли назваться почтенными. Тальботъ былъ также и общественнымъ дѣятелемъ, такъ какъ онъ уже два года состоялъ представителемъ своего округа и о немъ говорили какъ о будущемъ сенаторѣ. Нельзя сказать, чтобы люди, среди которыхъ онъ жилъ такъ долго, любили его, такъ какъ онъ былъ сдержанъ и никого не похлопывалъ по плечу. Кромѣ того, предполагалось, что онъ подписывается въ Санъ-Франциско на газету, которую не раскладываетъ у себя на столѣ, и что въ одной изъ комнатъ миссіи у него имѣется обширная библіотека. Что же до сосѣдей — всѣ могли видѣть, что онъ близокъ лишь съ однимъ падре. И несмотря на это, онъ пользовался общимъ довѣріемъ и уваженіемъ въ качествѣ человѣка, который въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ ни разу не измѣнилъ своему слову и не воспользовался правомъ сильнѣйшаго; даже тѣ, кого обижало его уклоненіе отъ всякой фамильярности, чувствовали, что достоинство и интересы ихъ штата будутъ сохранны въ его рукахъ. Не исключая и наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ очередного начала, всѣ пришли къ убѣжденію, что было бы недурно провести его въ конгрессъ. Пускай сначала онъ пробудетъ два-три срока въ палатѣ депутатовъ, а затѣмъ, если онъ оправдаетъ ихъ ожиданія и окажется полезнымъ, они употребятъ всѣ усилія для того, чтобы провести его въ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ Санта-Урсулѣ имѣлась лишь одна улица, но ея „салонъ" былъ центромъ на сто миль въ окружности. Когда первый гражданинъ мѣстечка сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ „Тальботъ изъ Санта-Урсулы" — имя, полученное имъ въ отличіе отъ двоихъ, носившихъ ту же фамилію, сотоварищей-депутатовъ, — обитатели мѣстечка безмѣрно возгордились имъ. Мѣстныя газеты поспѣшили упрочить за нимъ это званіе, которое онъ сохранилъ до конца своей жизни.

Послѣ избранія Тальбота въ сенатъ, округъ его впервые узналъ изъ газетнаго интервью о томъ, что именитый гражданинъ его былъ по рожденію англичаниномъ. Онъ эмигрировалъ съ родителями въ Америку, когда ему было всего четырнадцать лѣтъ, а такъ какъ въ этой мѣстности часть населенія состояла изъ нѣмцевъ, ирландцевъ, шведовъ, мексиканцевъ и итальянцевъ, національность его не играла въ его жизни никакой роли. Кромѣ

того, если не считать оказанной ему дядею поддержки, онъ самъ составилъ себѣ состояніе и былъ американцемъ съ ногъ до головы.

Англія осталась для него мирнымъ сномъ, долиною отдохновенія, которая бываетъ обыкновенно на закатѣ жизни, но у него она страннымъ образомъ оказалась на зарѣ ея. У него сохранился въ памяти лишь одинъ, относившійся къ тому времени, эпизодъ, но этотъ эпизодъ страннымъ образомъ повліялъ на всю его жизнь.

Сегодня онъ вновь пришелъ ему на память, хотя казалось бы, что подобныя воспоминанія были неумѣстны въ это жаркое утро въ длинномъ бѣломъ зданіи миссіи, серебристые колокола котораго сзывали когда-то сотни индѣйцевъ на молитву. Они громко звонили и теперь, но немногіе отзывались на ихъ призывъ. И тѣмъ не менѣе, онъ задумался о прошломъ. Мать его, вдова, держала лавку въ своей родной деревнѣ. Съ пяти лѣтъ онъ ходилъ въ школу и болѣе интересовался книжками, нежели борьбою съ товарищами на лужайкѣ; онъ быстро росъ и былъ слабаго здоровья, покуда Новый Свѣтъ не сдѣлалъ изъ него другого человѣка. Но онъ любилъ книжки, мальчики были добры къ нему, и въ общемъ онъ былъ доволенъ своею жизнью до того дня, какъ мать его однажды велѣла ему надѣть его праздничное платье и пойти съ нею въ церковь—посмотрѣть свадьбу.

Онъ презрительно фыркнулъ, такъ какъ у него была въ рукахъ интересная книга; но онъ привыкъ слушаться приказаній матери, поэтому онъ кое-какъ одѣлся наскоро и послѣдовалъ за нею и нѣсколькими пожилыми ея пріятельницами въ каменную церковь, находившуюся на другомъ концѣ деревни. Выходила замужъ дѣвица изъ знатнаго дома, и по этому случаю всѣ маленькія дѣвочки, которыхъ зналъ Джонъ, были одѣты въ бѣлыя платья и усыпали цвѣтами дорогу вплоть до воротъ зáмка. Джону показалось все это „вздоромъ“ и тратою цвѣтовъ, но все-же онъ не безъ любопытства остановился въ толпѣ у церковной ограды.

Невѣста была одною изъ замѣчательнѣйшихъ красавицъ своего времени, но не одна красота ея заставила Джона разинуть ротъ и вытаращить глаза, когда она подъѣхала въ открытомъ экипажѣ, а затѣмъ, выйдя изъ него, прошла пѣшкомъ отъ воротъ до храма. Онъ и раньше видѣлъ красавицъ, но никогда не видѣлъ онъ такого взгляда и осанки, какіе бываютъ лишь у существъ высшей природы, такого непередаваемаго выраженія гордости, такой стройной, изящной фигуры, такого поворота головы, на которой, вмѣсто подвѣнечнаго вѣнка, словно сіяла

звѣзда. Ничто подобное не снилось ему и во снѣ, а между тѣмъ она была не ангеломъ, а человѣкомъ. Онъ глубоко перевелъ духъ и окинулъ взглядомъ деревенскихъ красавицъ, напомнившихъ ему красныя ядреныя яблоки. И мать его, увы, ничѣмъ не отличалась отъ нихъ.

По окончаніи обряда, когда невѣста двинулась къ выходу, онъ снова впился въ нее глазами, и замѣтилъ, что въ ея свитѣ были и другія подобныя ей созданія. Это открытіе наполнило его сердце изумленіемъ и страннымъ чувствомъ надежды. Онъ вырвался отъ матери и четверть мили бѣжалъ за коляскою, стараясь наглядѣться досыта. Невѣста замѣтила его и, улыбаясь, кинула ему розу изъ своего букета. Она и до сихъ поръ у него хранилась.

Прошло болѣе недѣли, прежде чѣмъ онъ сознался матери, что намѣренъ, когда выростетъ, жениться на „лэди". Но когда нѣсколько дней спустя онъ въ часъ вечерняго отдыха повторилъ это заявленіе, мать рѣшительно приказала ему выкинуть подобныя мысли изъ головы: люди въ ихъ положеніи не женятся на „лэди". И когда съ рѣзкою прямотою, которую она считала въ данномъ случаѣ полезною, она объяснила ему почему этого не бываетъ, Джонъ былъ такъ огорченъ, какъ только можетъ быть огорченъ четырнадцатилѣтній мальчуганъ. Вскорѣ, однако, рѣшивъ эмигрировать въ Америку, мать объявила ему объ этомъ намѣреніи и прибавила полу-шутя:

— А можетъ быть, твое желаніе и исполнится. Тамъ, говорятъ, всѣ люди равны, и если ты будешь умнымъ мальчикомъ и заработаешь много денегъ, то можешь жениться или не жениться на комъ захочешь.

Она, конечно, сейчасъ же забыла о своихъ словахъ,— но Джонъ не забылъ ихъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Нью-Іоркъ, м-ссъ Тальботъ умерла, а выписавшій ихъ братъ ея помѣстилъ Джона на два года въ школу. Однажды онъ приказалъ ему уложиться: они отправлялись въ Калифорнію въ качествѣ золотоискателей. Купивъ удобную переселенческую повозку, они присоединились къ партіи золотоискателей, готовившейся отправиться въ долины на поиски Эльдорадо. Во время этого достопамятнаго путешествія Джонъ чувствовалъ себя героемъ романа,—у нихъ было не менѣе трехъ стычекъ съ индѣйцами и двое изъ бѣлыхъ оказались скальпированными. Вспоминая это время, Тальботъ молодѣлъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ жизни эпизодовъ, когда все случается именно такъ, какъ должно было случиться.

Онъ пробылъ съ дядею въ домикѣ Санъ-Іоакимо цѣлый годъ, и хотя имъ не такъ везло, какъ другимъ, они все-же вернулись въ Санъ-Франциско съ нѣсколькими лишними тысячами въ карманѣ. Тамъ мистеръ Квикъ открылъ игорный домъ, при помощи котораго разбогатѣлъ быстрѣе, чѣмъ на своемъ пріискѣ, гдѣ, говоря по правдѣ, онъ зачастую проигрывалъ ночью болѣе, нежели успѣлъ заработать днемъ. Но въ качествѣ добраго дяди, если и не совсѣмъ добродѣтельнаго гражданина, онъ скоро отослалъ Джона въ Санта-Урсулу, съ тѣмъ, чтобы тотъ присмотрѣлъ ранчо по близости отъ миссіи. Молодой человѣкъ такъ и не узналъ, что собственность эта была выиграна на зеленомъ полѣ у донъ-Роберто Ортега, одного изъ самыхъ отчаянныхъ игроковъ въ Калифорніи. Его доля состояла изъ пятидесяти тысячъ акровъ, среди которыхъ были небольшія оливковыя плантаціи; онъ засадилъ оливковыми деревьями и двѣнадцать тысячъ акровъ, составившихъ собственность дяди. Они рѣшили стать компаньонами, причемъ старшій назначилъ младшаго своимъ наслѣдникомъ. Наслѣдовать ему не пришлось, однако, ничего, такъ какъ дядя его женился на мексиканкѣ, зарѣзавшей своего супруга и сбѣжавшей съ деньгами, отложенными на непредвидѣнный случай. Но Джонъ упорно работалъ, закупалъ товаръ въ Санъ-Франциско, снабжалъ чуть ли не весь штатъ оливками и масломъ, и въ концѣ концовъ—разбогатѣлъ.

А идеалъ его? Одни лишь индѣйцы временно изгнали его изъ памяти молодого человѣка. Ни золотые пріиски, ни краткій, но бурный періодъ жизни въ Санъ-Франциско, ни тяжелый трудъ среди оливковыхъ плантацій, ни возрастающія богатство и популярность—не изгнали изъ его памяти желанія, родившагося въ церковной оградѣ его родной деревни. Женщина съ серебристымъ смѣхомъ нанесла смертельный ударъ этому желанію, и вотъ почему красивый, мужественный, мало поддавшійся вліянію времени, онъ въ сорокъ лѣтъ былъ холостякомъ.

Въ первые годы по пріѣздѣ въ миссію, онъ не встрѣчалъ такой женщины; мѣстечка еще не существовало, а единственное ранчо въ окрестностяхъ стояло запертымъ. Онъ охотно работалъ цѣлыми днями и съ пользою проводилъ вечера въ обществѣ образованныхъ священниковъ, подъ руководствомъ которыхъ онъ изучалъ законовѣдѣніе и свою любимую науку—политическую экономію. Хотя юноша былъ очень красивъ, съ загорѣлымъ, тонкоочерченнымъ лицомъ и стройною фигурою, священникамъ никогда не приходило въ голову, что въ немъ—наряду съ любознательнымъ мозгомъ—уживается самое романтическое сердце.

Онъ никогда не говорилъ о женщинахъ и только однажды выразилъ друзьямъ свое удовольствіе по поводу того, что онъ больше не увидитъ этихъ ужасныхъ созданій изъ Санъ-Франциско, и добродушнымъ падре не приходило въ голову, что онъ цѣлыми часами мечтаетъ объ изящной женщинѣ, которая вознаградитъ его впослѣдствіи за всѣ его труды и сдѣлаетъ его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Ему было двадцать лѣтъ и ранчо уже принадлежало ему, когда онъ встрѣтилъ Дельфину Карильо. Донъ-Роберто Ортега своевременно умеръ, не успѣвъ спустить въ карты вторую половину своего имѣнія, и бывшая слабаго здоровья вдова его покинула ихъ ранчо въ окрестностяхъ Монтерэ, съ тѣмъ, чтобы снова отогрѣться на жгучемъ солнцѣ юга. Съ нею пріѣхалъ и сынъ ея, донъ-Энрико,—и Джонъ видѣлъ, какъ онъ днемъ и ночью постоянно куда-то скакалъ во весь опоръ и порою забѣгалъ по дорогѣ въ миссію, чтобы выпить стаканъ вина.

Это былъ блестящій кабаллеро, стройный и смуглый, съ большими миндалевидными глазами и длинными волосами на небольшой головѣ. Онъ носилъ костюмы изъ яркаго шолка, рубашки съ кружевными жабо и серебряные шнуры на своемъ сомбреро. Его длинные желтые сапоги были тоже съ серебряною шнуровкой и сѣдло такъ изукрашено тѣмъ же металломъ, что лишь мѣстный конь могъ выдерживать подобную тяжесть. Джонъ презрительно поглядывалъ на разряженнаго кабаллеро, мысленно сравнивая его съ комедіантомъ и наѣздникомъ изъ цирка; тѣмъ не менѣе, ему было очень интересно взглянуть на жизнь калифорнскихъ аристократовъ, о которой онъ много слышалъ. Когда падре Ортега, кузенъ вдовы, сообщилъ ему, что недѣли черезъ двѣ въ домѣ ея состоится большой съѣздъ и онъ уже просилъ позволенія привезти на балъ, которымъ открываются празднества, своего молодого друга,—Джонъ принялся мечтать съ юношескою радостью о предстоящихъ увеселеніяхъ.

Онъ воспользовался отсрочкою для того, чтобы съѣздить въ Санъ-Франциско, гдѣ пріобрѣлъ себѣ необходимый въ свѣтскомъ обществѣ гардеробъ; это были не мѣстныя, но выписанныя изъ Америки вещи, и еслибы Джонъ обладалъ всѣмъ богатствомъ сѣвернаго края, онъ и тогда бы не рѣшился вырядиться въ шолкъ и кружева.

Почтовая карета не доходила до Санта-Урсулы, но за двадцать миль отъ дому его встрѣтилъ слуга съ лошадью для него самого и кабріолетомъ для его вещей. Выкупавшись въ заливѣ, чтобы смыть съ себя дорожную грязь, онъ вскочилъ на свою

крупную сѣрую кобылу и поѣхалъ легкимъ галопомъ по направленію къ своему ранчо. Онъ готовъ былъ пѣть отъ удовольствія, такъ какъ утро было чудесное, онъ сидѣлъ на одномъ изъ лучшихъ коней въ цѣломъ краю и на сердцѣ у него было такъ легко, какъ у юноши, которому только-что улыбнулось счастье. Онъ безъ страха готовился къ вступленію въ общество, такъ какъ къ этому времени онъ уже усвоилъ присущую американцамъ независимость и самоувѣренность; онъ могъ считать себя человѣкомъ образованнымъ, былъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ и намѣревался завоевать богатство и успѣхъ. Не мудрено, что ему хотѣлось пѣть.

Джонъ уже проѣхалъ миль восемь-десять, не встрѣтивъ ни души въ этой пустынѣ, какъ вдругъ онъ сдержалъ лошадь и прислушался. Онъ спускался въ узкое ущелье, среди котораго протекала горная рѣчка. Съ наружной стороны ущелья шла дорога, и изъ-за холмовъ, составлявшихъ стѣны ущелья, до слуха Джона доносились звуки веселыхъ, молодыхъ, беззаботныхъ голосовъ.

Онъ вспомнилъ, что гости донны-Мартины уже должны были съѣзжаться, и сейчасъ же угадалъ, что это, по всей вѣроятности, нѣкоторые изъ нихъ. Въ тѣ времена калифорнская молодежь ѣздила не иначе какъ верхомъ, и переѣздъ въ сорокъ миль подъ жгучими лучами полуденнаго солнца былъ для нея ни почемъ. Джонъ, бывшій наименѣе самоувѣреннымъ изъ смертныхъ, порадовался, что на немъ новый сѣрый костюмъ изъ лѣтней матеріи, и что онъ смылъ съ себя въ заливѣ дорожную пыль.

Показавшаяся на вершинѣ холма компанія начала спускаться въ ущелье. Джонъ приподнялъ фуражку, и кабаллеро сняли свои сомбреро. Покуда они подъѣзжали—Джонъ залюбовался блестящею картиною. Онъ потерялъ сознаніе дѣйствительности, забылъ о своихъ оливкахъ, ему вспомнились разсказы священниковъ объ увеселеніяхъ и великолѣпіи калифорнскихъ „доновъ“, прежде чѣмъ американцы завладѣли ихъ страною.

Кабаллеро были разодѣты въ шолкъ, и разнообразіе его оттѣнковъ напоминало іюньскій садъ въ полномъ цвѣту. Ихъ бѣлье и серебро были ослѣпительны, а золотистая масть коней казалась отраженіемъ солнца. Лошади съ серебристыми хвостами и гривами казались нарочно созданными для этихъ блестящихъ всадниковъ. Дѣвушки менѣе поражали великолѣпіемъ костюмовъ,—на нихъ были платья болѣе нѣжныхъ оттѣнковъ, а на головахъ онѣ носили вмѣсто сомбреро—шолковыя покрывала. Зато увидѣвъ ихъ вблизи, Джонъ позабылъ о кабаллеро: длинныя черныя

косы, большіе темные глаза и бѣлая кожа—дѣлали, буквально, всѣхъ женщинъ красавицами; но хотя Джонъ любилъ красоту даже въ видѣ оливковыхъ деревьевъ и пурпурныхъ гранатовъ, не красота испанокъ взволновала его кровь и заставила забиться его сердце. Едва ли не въ первый разъ послѣ достопамятнаго дня свадьбы, ему пришлось увидать вблизи изящныхъ, благовоспитанныхъ женщинъ, и убѣжденіе, что часъ его насталъ, наполнило его одновременно и торжествомъ, и страхомъ, покуда онъ слѣдилъ за кавалькадою, спускавшеюся съ холма среди золотистой травы и густой зелени ущелья. Вскорѣ онъ узналъ донъ-Энрико Ортега, любезно съ нимъ заговорившаго при встрѣчѣ. Молодой человѣкъ въѣхалъ въ воду и далъ своей лошади напиться. Они уже видались въ миссіи, и хотя донъ-Энрико смотрѣлъ на завоевателей какъ на низшую расу, Джонъ былъ въ его глазахъ не хуже всякаго другого; притомъ Ортега не желалъ ни съ кѣмъ ссориться и былъ хорошо воспитанъ.

— А, донъ-Жуанъ!—воскликнулъ онъ:—вы ѣздили въ Эрба-Буэна—теперь вы называете его Санъ-Франциско, не такъ ли? А я встрѣчаю нашихъ гостей, пожелавшихъ сдѣлать намъ честь своимъ посѣщеніемъ. Если позволите, я познакомлю васъ съ ними, такъ какъ вы—другъ моего кузена—падре Ортега.

Общество разсѣялось вдоль рѣки; костюмы всадниковъ казались пестрою, извивавшеюся по ущелью лентою. Донъ-Энрико съ торжественностью представилъ Джона поочередно всѣмъ своимъ гостямъ. Кабаллеро поспѣшили съ пылкою неискренностью завѣрить его въ своей дружбѣ.

Дѣвушки весело сверкнули глазами и показали свои ослѣпительные зубы при видѣ голубоглазаго американца, сохраняя, однако, всю недоступность, свойственную ихъ полу и расѣ.

Въ ихъ жилахъ текла лучшая испанская кровь, и какъ бы на него ни было пріятно смотрѣть, американецъ всегда оставался для нихъ американцемъ.

Дѣвушки казались очень похожими другъ на друга въ ребозо, обрамлявшихъ ихъ лица, и Джонъ сразу влюбился во всѣхъ. Позднѣе онъ сдѣлаетъ между ними выборъ; въ эту минуту онъ былъ слишкомъ счастливъ для того, чтобы загадывать о бракѣ, но онъ рѣшилъ покорить сердце одной изъ нихъ.

Онъ выѣхалъ изъ ущелья вмѣстѣ съ ними, всѣ онѣ были съ нимъ любезны и болтали о предстоящихъ въ „Оливковомъ Ранчо“ увеселеніяхъ.

Джонъ замѣтилъ, что донъ-Энрико упорно держался около одной изъ молодыхъ дѣвушекъ и даже ѣхалъ съ нею нѣсколько

впереди. Она была очень высока, стройна и такъ граціозна, что пригибалась почти къ самой шеѣ лошади, когда имъ попадались на пути черезчуръ низко растущія вѣтви деревъ. Джону захотѣлось увидѣть ея лицо.

— Это Дельфина Карильо,—сказала ѣхавшая съ нимъ рядомъ сенорита, слѣдя за направленіемъ его взгляда,—кажется, она выходитъ за него замужъ. Онъ очень влюбленъ и ей тоже нравится, но, впрочемъ, это еще не рѣшено.

Быть можетъ, именно потому, что этотъ очаровательный цвѣтокъ труднѣе всего было сорвать, мысли Джона сосредоточились на прекрасной дѣвушкѣ, и онъ принялся разспрашивать о ней свою спутницу. Оказалось, что красавица была дочерью богатаго ранчеро изъ Санта-Барбары и покорительницею всѣхъ сердецъ въ краю.

— Она смѣнила Хуаниту Итурби-и-Монкада, и многіе кабаллеро сватаются за нее, но она ни на кого не обращаетъ вниманія; мнѣ кажется, что ей нравится донъ-Энрико. Онъ такъ чудно поетъ, сеноръ,—не удивительно, если она любитъ его. Онъ каждую ночь даетъ ей серенады, а она любитъ музыку.

„Такъ оно и должно быть, — подумалъ Джонъ, — вѣдь у него совсѣмъ пустая голова“.

Ему не пришлось увидѣть ее до вечера. Падре Ортега явился на балъ въ своей коричневой рясѣ, а Джонъ—во фракѣ, и оба казались не у мѣста среди этихъ ярко оперенныхъ птицъ.

Донья-Мартина, толстая, смуглая, съ усиками, вся увѣшанная алмазами, сидѣла у стѣны съ другими сенорами ея лѣтъ. На нихъ были тяжелыя красныя и желтыя атласныя платья, а на сеноритахъ—легкія шолковыя ткани, развѣвавшіяся при каждомъ ихъ движеніи.

Донья-Мартина поздоровалась съ нимъ, и онъ сразу обратилъ свое вниманіе на танцы, въ которыхъ не могъ принять участія.

Въ эту минуту по срединѣ залы танцовала дѣвушка, и Джонъ инстинктивно почувствовалъ, что это была Дельфина Карильо. Подобно другимъ дѣвицамъ, она носила волосы зачесанными наверхъ подъ высокимъ гребнемъ, и ея бѣлое платье было отдѣлано испанскимъ кружевомъ. Ноги ея были, конечно, очень малы; онѣ виднѣлись изъ-подъ ея слегка приподнятаго платья, и она танцовала, какъ бы носимая легкимъ вѣтеркомъ, колеблющимъ вѣтку вьющагося растенія. При входѣ Джона она только-что начала танецъ, и зрители молча стояли вдоль стѣнъ, но черезъ нѣсколько минутъ среди молодыхъ людей пробѣжалъ рокотъ

восторга,—они принялись хлопать въ ладоши и притопывать, и наконецъ, не помня себя, запустили руки въ карманы и стали, по мексиканскому обычаю, бросать къ ея ногамъ золотыя монеты. Но она, ничего не замѣчая, продолжала носиться, какъ существо, сотканное изъ свѣта и воздуха, и только ноздри ея слегка раздувались.

Красота ея была поразительна. Джонъ, какъ ни былъ онъ молодъ, понялъ, что онъ едва ли увидитъ еще когда-нибудь подобную красавицу. Лицо ея не было одухотвореннымъ, но въ смыслѣ очертаній и колорита оно было безупречно. Громадные черные глаза оттѣнялись такими шелковистыми и длинными рѣсницами, что можно было удивляться, какъ онѣ не путаются. Бѣлизна кожи гармонировала съ нѣжнымъ румянцемъ щекъ и яркою окраскою губъ тонко очерченнаго подвижнаго рта; въ совершенныхъ линіяхъ всей ея фигуры, въ ея плечахъ, рукахъ и ногахъ была та выразительность, которой, быть можетъ, недоставало ея лицу. Джонъ замѣтилъ ея короткую верхнюю губу, надменный вырѣзъ ноздрей, ея осанку, полную затаенной гордости.

И Джонъ полюбилъ ее разъ и навсегда. Она явилась ему живымъ воплощеніемъ мечтаній его романтическаго сердца. Въ первую минуту онъ похолодѣлъ при мысли о преградахъ, стоявшихъ между нимъ и этимъ исключительнымъ существомъ, но онъ былъ юнымъ завоевателемъ и жизнь до сихъ поръ милостиво улыбалась ему. Онъ собрался съ духомъ и попросилъ, чтобы его представили ей.

Глаза ея безучастно скользнули по его лицу, но глубина его восхищенія невольно привлекла ея вниманіе, и хотя, очевидно, она не любила разговаривать, она раза два улыбнулась, а когда она улыбалась, лицо ея, буквально, ослѣпляло своею красотой.

— Какъ вы удивительно танцуете, сеньорита! Но неужели вы не устали?

— Нѣтъ.

— Вамъ было пріятно доставить намъ такое громадное удовольствіе?

— Да.

— Вы такъ привыкли къ комплиментамъ—я знаю, какъ ваши кабаллеро умѣютъ ихъ говорить, но все-таки вы позволите мнѣ сказать вамъ, что ничего прекраснѣе я не видалъ,—а я порядочно постранствовалъ на своемъ вѣку.

— Да?

— Мнѣ хотѣлось бы умѣть танцовать для того, чтобы я могъ танцовать съ вами.

— Вы не танцуете?—Тонъ ея выражалъ вѣжливое презрѣніе, хотя слова были едва слышны.

— Можетъ быть... можетъ быть, вы не откажетесь просидѣть со мной этотъ танецъ?

— О, нѣтъ!

Она казалась такою же изумленною, какъ еслибы Джонъ предложилъ ей запереться съ нею на весь вечеръ въ ея комнатѣ, и, медленно отвернувшись отъ него, она опустила руку на плечо донъ-Энрико. Черезъ минуту она уже кружилась по комнатѣ въ его объятіяхъ, и Джонъ замѣтилъ, что румянецъ на ея щекахъ сгустился.

„Не можетъ быть, чтобы она влюбилась въ эту куклу,— подумалось ему,—нѣтъ, это невозможно!“

Въ теченіе слѣдующихъ дней онъ убѣдился, однако, что ему предстоитъ горячая борьба.

Онъ принималъ участіе во всѣхъ увеселеніяхъ; общество танцовало каждый вечеръ; среди плантацій хлопка и въ горахъ постоянно устраивались „меріенды“. Скачки, бои быковъ, всевозможныя игры, посѣщенія миссіи—смѣняли другъ друга. Джону также выпало на долю удовольствіе—дать у себя балъ при лунномъ свѣтѣ въ тѣни оливковыхъ деревьевъ.

Вниманіе донъ-Энрико къ его прекрасной гостьѣ было очевидно и упорно. Каждую ночь онъ давалъ ей серенады. Джонъ, которому не спалось, разъѣзжая ночью въ окрестностяхъ ранчо, слышалъ эти сладкія теноровскія клятвы, раздававшіяся подъ окномъ Дельфины, и начиналъ такъ ругаться, что пугалъ ночныхъ птицъ.

Онъ тоже старался быть какъ можно чаще съ Дельфиною; Энрико хмурился порою, но онъ слишкомъ презиралъ всѣхъ американцевъ для того, чтобы опасаться серьезнаго соперничества со стороны одного изъ нихъ. Джону удалось нѣсколько разъ поговорить съ нею наединѣ, и онъ убѣдился, что природа мало позаботилась о внутреннемъ содержаніи этой прекрасной оболочки. Она почти ничего не читала и думала не болѣе чѣмъ читала. Умъ ея занимался исключительно конкретными предметами; она была кротка, несмотря на свою гордость, и не эгоистична, не взирая на богатство и успѣхъ, но въ качествѣ товарища, она врядъ ли могла дать многое человѣку. Тѣмъ не менѣе, Джонъ, будучи натурою пылкою и цѣльною, отнесся къ этому безразлично; притомъ она была его первою любовью. Еслибы вмѣсто того, чтобы держать себя съ достоинствомъ, она глупо хихикала,—онъ и тогда бы не разочаровался. Въ своей

красотѣ и обаятельности она воплощала его идеалъ, второю половиною котораго было честолюбіе.

Его оливковыя деревья были забыты, и онъ проводилъ часы разлуки въ безумной ѣздѣ по окрестностямъ, причемъ онъ такъ же не жалѣлъ лошадей, какъ еслибы онъ былъ калифорнцемъ по происхожденію. Иногда, тронутая юношескимъ восторгомъ, свѣтившимся въ его глазахъ, Дельфина предлагала ему два-три относившихся къ нему вопроса: поразительная милость со стороны такой скупой на слова дѣвушки. Однажды, когда въ тѣни деревьевъ онъ снялъ ее съ лошади, она подарила его взглядомъ, отъ котораго Джонъ бѣжалъ безъ оглядки—изъ опасенія разыграть передъ всѣми дурака. Несмотря на весь пылъ своей страсти, онъ не чувствовалъ себя несчастнымъ, находя волненія любви, надежды и опасенія столь же сладостными, какъ и необычайными.

Но кризисъ наступилъ.

Дельфина выразила желаніе увидѣть озеро на вершинѣ одиноко стоящей горы. Его открыли индѣйцы, но избалованные калифорнцы ничего не знали о немъ. Общество, собравшееся въ длинной галереѣ „Каза Ортега", очень удивилось, когда Дельфина приказала донъ-Энрико проводить ихъ нынче вечеромъ на гору.

— Но, senorita mia!—воскликнулъ Энрико, поблѣднѣвъ отъ страха при мысли, что его богиня можетъ разсердиться:—туда нѣтъ тропинки, и я не знаю дороги, и она такая же отвѣсная, какъ башня миссіи...

Джонъ выступилъ впередъ.

— Существуетъ тропинка, проложенная индѣйцами,—я не разъ взбирался по ней. Она очень узка и крута, конечно...

Глаза Дельфины, только-что гнѣвно сверкнувшіе на Энрико, улыбнулись Джону.

— Мы ѣдемъ съ вами,—объявила она,—сегодня же, потому что будетъ луна. И я поѣду съ вами впереди.

И теперь, двадцать лѣтъ спустя, Тальботъ, глядя на пустынную, какъ прежде, гору, говорилъ себѣ, что это была счастливѣйшая ночь въ его жизни. Они опередили прочихъ на нѣсколько саженъ и имъ пришлось ѣхать очень близко другъ къ другу—плечомъ къ плечу. Стояла полная луна, но сквозь вѣтви деревьевъ лишь по временамъ проникалъ одинокій серебряный лучъ. Еслибы не веселые, раздававшіеся позади голоса, они могли бы подумать, что ихъ окружаетъ первобытная тишь.

Никогда Дельфина не была такъ обаятельна; она даже понемногу разговорилась, но ея утонченное кокетство не нужда-

лось въ словахъ. Однимъ наклоненіемъ головы, интонаціей голоса она могла выразить больше, чѣмъ любая женщина, въ распоряженіи которой имѣются мозги и цѣлый словарь словъ. Джонъ чувствовалъ, что голова у него идетъ кругомъ, но еще сохранилъ достаточно разсудка, чтобы сдержаться, ожидая той минуты, когда они останутся наединѣ.

Озеро казалось увеличеннымъ отраженіемъ самой луны, такъ какъ темныя деревья бросали тѣнь лишь у берега.

Красота окружающаго была такъ изумительна, что въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ общество безмолвно созерцало ее и на вершинѣ горы царила прежняя вѣковая тишина. Наконецъ кто-то воскликнулъ: „Ay, yi"—и затѣмъ поднялся цѣлый хоръ восклицаній: „Dios de mi alma!"—„Dios de mi vida!"—„Ay de mi, de mi, de mi!.."

Всѣ, даже Энрико—были поглощены зрѣлищемъ. Джонъ, схвативъ лошадь Дельфины за поводья, увлекъ ее въ лѣсъ. И тутъ слова его полились потокомъ.

— Я долженъ, долженъ говорить, — шепталъ онъ безумно, съ трудомъ сдерживая голосъ:—у меня почти не было ни случая, ни возможности завоевать вашу любовь, но я не могу ждать долѣе, я долженъ сказать, что я люблю васъ. Я люблю васъ... Я хочу на васъ жениться! О, я задыхаюсь!

Онъ рванулъ себя за воротникъ; ему казалось, что гора подъ нимъ колеблется.

— Ай! — проговорила Дельфина, откинувъ голову назадъ. Затѣмъ она засмѣялась.

Она не имѣла намѣренія быть жестокой, но Джонъ, при звукѣ ея смѣха, поблѣднѣлъ и задрожалъ съ головы до ногъ. Даже въ лѣсномъ сумракѣ можно было видѣть, до какой степени онъ блѣденъ. Она перестала смѣяться и ласково заговорила съ нимъ.

— Бѣдный юноша, мнѣ жаль, что я заставила васъ страдать, но я не могу быть вашею женою. Никогда я не могла бы полюбить американца, они не похожи на нашихъ мужчинъ— такихъ красивыхъ, ловкихъ, нарядныхъ. Вы мнѣ нравитесь, потому что вы—очень милый мальчикъ, но я выхожу замужъ за Энрико. Поэтому не думайте больше обо мнѣ.

Затѣмъ, такъ какъ онъ все еще стоялъ съ застывшимъ взоромъ, дѣвушка, тронутая юношескою агоніей страданія въ его лицѣ, нагнулась къ нему, ласково проговоривъ:

— Можете поцѣловать меня одинъ разъ. Вы для меня— еще мальчикъ, поэтому я вамъ и позволяю!

И онъ поцѣловалъ ее съ такою силою отчаянія и страсти, что дѣвушка была изумлена, и никогда уже впослѣдствіи ей не пришлось переживать ничего подобнаго.

Джонъ не вернулся въ „Каза Ортега"; онъ скрывался у себя въ рощѣ, покуда кавалькада неслась по направленію къ миссіи.

Въ концѣ недѣли Дельфина уѣхала домой, а три мѣсяца спустя вернулась сюда—женою Энрико Ортега.

Тальботъ слегка улыбнулся, вспоминая эти давно погребенныя юношескія страданія. Вслѣдъ за мѣсяцами безумнаго отчаянія потянулись долгіе унылые годы, полные отвращенія ко всему въ жизни, за исключеніемъ работы. Онъ не могъ рѣшиться продать ранчо и бѣжать отъ этихъ мѣстъ, гдѣ его постигъ тяжелый ударъ,—онъ былъ молодъ, и ему доставляло болѣзненное удовольствіе бередить свою рану.

Онъ не видѣлъ Дельфину въ продолженіе трехъ лѣтъ. За это время она имѣла уже троихъ дѣтей и начала полнѣть. Но она все еще была очень хороша, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Джонъ тщательно избѣгалъ ея.

Но годы шли съ необычайною быстротою. Донья-Мартина умерла. Умерли шестеро изъ цѣлаго десятка дѣтей Дельфины. Умеръ наконецъ и донъ-Энрико, оставивъ свое значительно уменьшившееся помѣстье, вдову и четырехъ дѣвочекъ—на попеченіе Джона Тальбота. Это произошло послѣ четырнадцатилѣтняго супружества и шестилѣтнихъ дружескихъ отношеній, завязавшихся между Тальботомъ и хозяевами „Оливковаго Ранчо". Однажды Энрико, приведенный въ отчаяніе захватами его земель нѣкоторыми „скваттерами", вспомнилъ объ американцѣ, ставшемъ теперь самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ краѣ, и обратился къ нему за совѣтомъ. Тальботъ пріискалъ ему адвоката, одолжилъ нужную сумму, и скваттеры были выселены. Признательность Энрико не знала границъ; онъ затащилъ его къ себѣ, и съ теченіемъ времени они стали друзьями.

Ортега съ Дельфиною хорошо ужились. Она оказалась примѣрною женою, любящею матерью и прекрасною хозяйкою, какъ это полагалось по традиціямъ. Изъ него вышелъ добрый, снисходительный мужъ, и хотя у нихъ было немного предметовъ для разговора, бесѣды ихъ всегда отличались дружелюбіемъ. Съ годами Энрико не поумнѣлъ, но онъ остался радушнымъ хозяиномъ, хорошимъ игрокомъ на билліардѣ, и даже слегка интересовался политикой. Скоро Джонъ пріобрѣлъ привычку проводить по два вечера въ недѣлю въ „Оливковомъ Ранчо",

и никогда не забывалъ привозить сластей для дѣвочекъ, полюбившихъ его едвали не болѣе, чѣмъ отца.

А любовь его? Онъ часто думалъ, что она погребена подъ мавзолеемъ изъ жира, образовавшимся вокругъ Дельфины Карильо. Она вѣсила двѣсти фунтовъ, и ея черные волосы и бѣлые зубы являлись единственными остатками ея былой красоты. Лицо у нея было широкое, смуглое, и хотя она сохранила свою величественную осанку и двигалась съ лѣнивою граціей былыхъ временъ, все-же она казалась тѣмъ, чѣмъ была: испанкою среднихъ лѣтъ, матерью многихъ дѣтей. Перемѣна совершалась постепенно, и Джонъ не страдалъ отъ нея. Памятью онъ обладалъ хорошею, и когда порою ему вспоминалась молодость и единственная страсть его жизни, въ груди у него поднималось рыданіе—отголосокъ пережитой имъ агоніи, но это былъ именно отголосокъ. Иногда онъ удивлялся: почему онъ не полюбилъ другую, почему его честолюбивое желаніе взять въ жены женщину знатнаго рода—умерло вмѣстѣ съ первою его страстью? Онъ заключалъ изъ этого, что его способность сильно чувствовать—перегорѣла на медленномъ огнѣ страданій, и онъ уже сталъ неспособенъ къ новой любви. Бракъ безъ любви не привлекалъ его, судя по тѣмъ наблюденіямъ, какія ему приходилось дѣлать.

Иногда, прощаясь съ толстою, смуглою женщиною, посылавшею ему привѣтъ рукою, стоя въ амбразурѣ двери, которую она всю занимала своею особою, онъ со вздохомъ вспоминалъ очаровательное видѣніе своей юности. Но вздохи становились все рѣже и рѣже; могила въ его сердцѣ не только поросла травою, но сенора Ортега сдѣлалась для него самымъ близкимъ и необходимымъ другомъ. Она восполняла сердечностью все то, чего ей недоставало по умственной части, хотя съ годами она и въ этомъ отношеніи значительно развилась. Мало-по-малу у него вошло въ привычку говорить съ нею о своихъ честолюбивыхъ замыслахъ и надеждахъ, въ особенности теперь, послѣ смерти Энрико, когда они проводили вдвоемъ цѣлые часы. Послѣ смерти Энрико, Тальботъ принялъ на себя управленіе имѣніемъ, и вдова не входила ни въ какія подробности относительно получаемаго съ него весьма крупнаго дохода. Одна за другою дочери ея вышли замужъ, и Тальботъ далъ имъ всѣмъ приданое. Онѣ были хорошенькія, и Тальботъ любилъ ихъ, такъ какъ каждая изъ нихъ наслѣдовала какую-нибудь черту Дельфины Карильо, и если онѣ напоминали ему горе его юности, то напоминали

вмѣстѣ съ тѣмъ и ея восторги. Сенора не помнила ни того, ни другого.

Въ этомъ году она осталась совсѣмъ одинокой. Двѣ дочери ея жили въ столицѣ Мексики, одна вышла замужъ за испанскаго консула и уѣхала съ нимъ въ Испанію; послѣдняя жила въ Санъ-Франциско и собиралась, какъ только домашнія обстоятельства позволятъ ей, навѣстить своихъ сестеръ. Тальботъ, когда онъ не былъ въ отъѣздѣ, разъ въ недѣлю навѣщалъ сенору и каждый разъ привозилъ ей романъ или иллюстрированный журналъ.

— Въ чемъ трагедія?—говорилъ себѣ Тальботъ, расхаживая по корридорамъ миссіи въ утро своего сорокалѣтія,—въ томъ ли, что я не могъ жениться на ней въ то время, когда сходилъ по ней съ ума, или въ томъ, что я могу жениться на ней теперь, когда я уже не хочу этого?

Онъ зналъ, что сенора была очень одинока въ своемъ большомъ домѣ, и, можетъ быть, въ тайникахъ ея существа смутно шевелилось желаніе имѣть добраго и преданнаго спутника жизни.

Индѣецъ-слуга подвелъ ему коня; онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на прохладную галерею въ зданіи миссіи и вышелъ на солнце.

Тальботъ былъ немногимъ тяжелѣе, чѣмъ въ дни своей юности, но онъ ѣхалъ медленнѣе, такъ какъ его любимая сѣрая лошадь была уже немолода. Для него прошли тѣ дни, когда онъ объѣзжалъ дикихъ мустанговъ, и онъ любилъ животное, которое вело себя именно такъ, какъ полагалось четвероногому спутнику его жизни.

Дорога, шедшая среди блѣднозеленыхъ плантацій хлопка и плакучихъ ивъ, окаймлявшихъ берега рѣки—почти пересохшей, была сравнительно прохладна и тѣниста, но послѣ поворота ему пришлось сдѣлать болѣе пяти миль подъ палящимъ солнцемъ по холмамъ, выжженнымъ отъ зноя и казавшимся желтыми, какъ чеканное золото. Небо походило на темносиній металлъ съ отверстіемъ по срединѣ для огненнаго озера. Въ сожженныхъ поляхъ чуялось трепетаніе зноя и горы млѣли въ пурпурной дымкѣ. Тальботъ держалъ во рту виноградный листъ, онъ уже давно закалился на солнцѣ, но все-же онъ желалъ теперь, какъ желалъ этого и ранѣе, чтобы рожденіе его было зимою.

Часа черезъ полтора онъ достигъ полей, окружавшихъ „Каза Ортега". Тутъ онъ поѣхалъ быстрѣе, такъ какъ по пути встрѣчалось много старыхъ дубовъ, и атмосфера была на двадцать градусовъ прохладнѣе. Слуга-мексиканецъ вышелъ къ нему навстрѣчу. Тальботъ сошелъ съ лошади и прошелъ нѣсколько остававшихся до дому саженъ пѣшкомъ. Онъ вздохнулъ, вспо-

мнивъ, какъ въ прошломъ году, въ день его рожденія, здѣсь еще была младшая изъ дѣвушекъ—Эрминія, которая ждала его на этомъ мѣстѣ, чтобы поздравить и поцѣловать его. Ему захотѣлось вернуть ихъ всѣхъ четырехъ, и онъ пожалѣлъ о томъ, что теперь онѣ ушли навсегда изъ его жизни.

„Каза Ортега" былъ очень длинный домъ; сенора ежегодно приказывала бѣлить его, и недостающія красныя черепицы на кровлѣ постоянно возобновлялись,—поэтому онъ не имѣлъ того вида грусти и запустѣнія, который свойственъ большинству старыхъ домовъ.

Длинная, со столбами веранда прилегала къ переднему фасаду; на ней были разставлены цвѣтные стулья, придававшіе ей веселый видъ; но она была пуста, и Тальботъ прошелъ прямо въ залу—тоже длинную комнату, строго меблированную въ старинномъ стилѣ. Напротивъ двери висѣлъ портретъ Дельфины Карильо.

Тальботъ рѣдко позволялъ себѣ глядѣть на него, и если бы только смѣлъ—онъ попросилъ бы, чтобы его убрали. Могила въ его сердцѣ поросла травою, но онъ зналъ, что существуютъ призраки.

Сенора сидѣла въ углу полутемной прохладной залы и сейчасъ же поднялась съ мѣста. Она двинулась къ нему на встрѣчу съ тою же граціей и величественнымъ видомъ, которыми онъ до сихъ поръ не могъ не восхищаться. Но она была очень смугла и прежняя чарующая улыбка затерялась среди широкихъ щекъ и двойного подбородка. Она носила свою полноту такъ же непринужденно, какъ легкій черный кашемиръ—зимою и кисею—лѣтомъ, причемъ единственнымъ украшеніемъ ея костюма была брошка—миніатюрный портретъ ея мужа. Даже глаза ея уже не казались громадными, а пушистыя рѣсницы выпали отъ пролитыхъ ею слезъ, такъ какъ на кладбищѣ миссіи было шесть дѣтскихъ могилокъ, а сенора нѣжно любила своихъ дѣтей. Ей исполнилось всего тридцать-девять лѣтъ, но она не сохранила никакихъ слѣдовъ молодости; все ея существо выражало собою, что жизнь ея была кончена, и какое-то спокойное примиреніе съ этимъ фактомъ. Тальботъ часто спрашивалъ себя: не тяготитъ ли ее по временамъ ея одиночество? Но она ничѣмъ этого не выказывала, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что посѣщеніе церкви и чтеніе книгъ—наполняютъ ея жизнь.

— Очень жарко, не такъ ли? — проговорила она своимъ нѣжнымъ, очень тихимъ голосомъ.—Вы очень красны, но черезъ нѣсколько времени это пройдетъ. Здѣсь прохладно, не правда ли?

— Да, я чувствую себя на десять лѣтъ моложе противъ того, какъ чувствовалъ себя четверть часа тому назадъ. Увы, было время, когда и я могъ шесть часовъ подъ-рядъ выдерживать ѣзду подъ калифорнскимъ солнцемъ, но теперь...

— Да, съ каждымъ годомъ мы старѣемся. Прошло уже двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я гостила въ этомъ домѣ и мы устраивали меріенды и танцовали ночи напролетъ. И вы были тогда худощавымъ юношей съ длинными руками и ногами и пробивающимися усиками.

Еще въ первый разъ она упомянула объ ихъ молодости, и онъ изумленно поглядѣлъ на нее. Но лицо ея было такъ же спокойно, какъ если бы она предлагала ему цыплятъ подъ чилійскимъ соусомъ. Онъ взглянулъ на портретъ, казавшійся въ полутемной комнатѣ живымъ, и ему почудилось въ глазахъ его—почти трагическое выраженіе.

„Какъ она *можетъ* это выносить?" — подумалъ онъ невольно.

— Вы похорошѣли,—продолжала она любезно;—американцы не старѣются, какъ испанцы или женщины, имѣвшія десять человѣкъ дѣтей. Толстѣешь, опускаешься... Горя было немало.

— Вы хорошо сохранились, сенора! — воскликнулъ Тальботъ, запнувшись на первомъ комплиментѣ, сдѣланномъ имъ за эти двадцать лѣтъ.

Она спокойно улыбнулась и слегка повела головою,—слово: покачала—было бы для нея черезчуръ рѣзко.

— Передо мною—зеркало и—мой портретъ. И я объ этомъ не горюю, донъ-Жуанъ. Когда женщина схоронила шестерыхъ дѣтей, ей все равно: стара она или нѣтъ. Чѣмъ скорѣе я состарѣюсь, тѣмъ скорѣе умру и увижу крошекъ... Я люблю и Энрико,—прибавила она,—хотя въ молодости я больше его любила. Онъ былъ всегда очень добръ, но онъ, какъ и я, состарѣлся и растолстѣлъ. Только вы похорошѣли, мой другъ. И это—одна изъ причинъ, почему я всегда такъ бываю рада видѣть васъ... Вы напоминáете мнѣ то время, когда всѣ мы были молоды и счастливы...

Старый Марсіа доложилъ, что обѣдъ поданъ, и Тальботъ, поднявшись съ чувствомъ облегченія, предложилъ руку сенорѣ. Во время превосходнаго и очень пикантнаго обѣда она не упоминала о прошломъ, но говорила объ урожаѣ, и съ глубокимъ интересомъ выслушивала политическія соображенія Тальбота. Она знала, что политика становится главною цѣлью жизни ея друга, и хотя она предчувствовала, что современемъ эта политика отни-

меть его у нея, сенора все-же поощряла его въ этомъ направленіи: она уже давно перестала жить для себя.

Покончивъ со сладкими блюдами, они прошли на веранду и лѣниво перебрасывались замѣчаніями, покуда не задремали оба въ своихъ креслахъ.

Вначалѣ тяжелый обѣдъ какъ-то одурманилъ мозги Тальбота, но затѣмъ ему приснилась его молодость, и сцены, героиней которыхъ была Дельфина Карильо, выступили изъ своихъ поблекшихъ рамъ на яркій свѣтъ его воспоминаній: онъ снова переживалъ восторги и муки тѣхъ дней.

Тальботъ проснулся сразу. Сенора все еще спала, и лицо ея было во снѣ такъ же спокойно-безмятежно, какъ и на яву. Она казалась такою смуглою, толстою и широкою, что Тальботъ, еще находившійся подъ впечатлѣніемъ сна, рѣшительно поднялся и, войдя въ залу, остановился передъ портретомъ. Онъ былъ написанъ талантливымъ художникомъ,—фигура словно отдѣлялась отъ полотна, алый, обольстительно изогнутый ротъ улыбался, глаза сіяли торжествомъ молодости и побѣдъ, кожа была такою же бѣлою, какъ цвѣтъ луны ночью на поляхъ...

Тальботу вспомнилась ночь, когда онъ держалъ ее въ объятіяхъ,—ее, не ту женщину, что̀ дремлетъ на верандѣ,—и онъ невольно простеръ руки къ портрету.

— А я думалъ, что все прошло!—вырвалось у него испуганнымъ шопотомъ;—но я отдалъ бы душу и все, чего добился въ жизни, для того, чтобы она на одинъ часъ вышла изъ рамы и полюбила меня...

— Что̀ вы говорите?—произнесъ тихій голосъ.—Я заснула, не правда ли? Не позвоните ли вы въ маленькій колокольчикъ, чтобы Марсіа принесъ намъ шоколадъ? Здѣсь не будетъ слишкомъ жарко, или лучше на верандѣ?

— Лучше на верандѣ. Теперь стало прохладнѣе, и мнѣ какъ-то недостаетъ воздуху...

Ему хотѣлось уѣхать, но онъ прихлебывалъ шоколадъ и слушалъ разсказы о своихъ пріемныхъ дочеряхъ. Сенора безконечно гордилась внучатами и въ домѣ была масса ихъ фотографій. Около шести часовъ онъ пожалъ ей руку и вскочилъ въ сѣдло. Проѣзжая по аллеѣ, онъ, какъ всегда, оглянулся съ полдороги. Она все еще стояла на верандѣ и, ласково улыбаясь ему, махала смуглою рукою.

Это было послѣднее его свиданіе съ сенорой.

II.

Черезъ день Тальботу пришлось уѣхать въ Санъ-Франциско, а когда онъ вернулся, сенора лежала въ постели; она заболѣла сильною простудою. Онъ послалъ ей кипу книгъ и газетъ, ящикъ шоколадныхъ конфектъ, и въ разгаръ выборной борьбы временно забылъ объ ея существованіи. Была осень 1868 года, и онъ считался въ числѣ пламенныхъ сторонниковъ Гранта. Интересъ его къ политикѣ все возросталъ по мѣрѣ успѣховъ знаменитаго генерала, и наконецъ онъ заявилъ, что приметъ участіе въ слѣдующихъ выборахъ въ конгрессъ. Дня два спустя, умеръ представитель ихъ округа, и Тальботу сейчасъ же предложили занять его мѣсто.

Когда въ концѣ ноября онъ отправился въ Вашингтонъ, сенора все еще лежала въ постели, страдая отъ сильнаго кашля и простуды. Онъ заѣхалъ узнать объ ея здоровьи и передать ей привѣтъ черезъ старика Марсіа. Книгопродавцу въ Санъ-Франциско было приказано постоянно снабжать сенору книгами.

Во время пребыванія въ Вашингтонѣ, полнаго захватывающаго интереса, Тальботъ лишь изрѣдка вспоминалъ о ней. Убѣдившись, что нашелъ свое настоящее призваніе, онъ рѣшилъ посвятить политикѣ остатокъ своей жизни. Волненіе въ странѣ было велико, пылкая южная кровь взывала о возмездіи, и ходили слухи, что Грантъ будетъ убитъ южанами въ самый день избранія его президентомъ. Этого не случилось, и Тальботъ радовался, что ему удалось быть въ этотъ день въ Вашингтонѣ. Онъ написалъ сенорѣ подробный отчетъ о воинственномъ настроеніи города и о блестящихъ празднествахъ въ сенатѣ, но она уже перестала быть для него чѣмъ-то необходимымъ въ его жизни.

Будучи холостымъ, красивымъ и богатымъ человѣкомъ, онъ скоро пустился на всѣхъ парусахъ по общественному морю. Въ первый разъ со времени увеселеній въ „Оливковомъ Ранчо“, ему пришлось бывать въ обществѣ. Санъ-Франциско былъ въ сущности пародіей на свѣтскость, но Вашингтонъ представилъ для него большой интересъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ не одну женщину, напомнившую ему его первый полудѣтскій идеалъ, вывезенный изъ Англіи и не походившій на Дельфину Карильо; другой Дельфины Карильо не существовало въ цѣломъ мірѣ.

Сессія была тяжелая, продолжительная, и онъ отдавалъ всѣ силы своего ума на великое дѣло организаціи страны, но при этомъ зачастую спрашивалъ себя: не пора ли ему жениться, не

долгъ ли его по отношенію къ самому себѣ — исполнить свое задушевное желаніе? Красивая, изящная, хорошо воспитанная жена могла быть большою радостью въ его жизни. За послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ, онъ могъ жениться на любой красивой дѣвицѣ въ Санъ-Франциско, но промежутокъ между пылкою любовью молодости и представлявшимися ему затѣмъ „партіями", внушилъ ему отвращеніе къ такъ называемымъ „подходящимъ бракамъ". Теперь Калифорнія была далеко, въ Вашингтонѣ жизнь складывалась иначе; ему исполнилось всего сорокъ лѣтъ, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ умственныхъ и физическихъ силъ. Неужели онъ не сможетъ снова полюбить? Оставаясь наединѣ съ красивою женщиною въ ея будуарѣ, любуясь прелестною дѣвушкою среди блѣднаго освѣщенія оранжереи, онъ тщетно старался вызвать въ себѣ прежній трепетъ надежды и страха. Онъ рѣшилъ, что объяснится при первомъ же признакѣ зарождающагося чувства, но онъ былъ заинтересованъ и — только. Ничто не могло вызвать въ немъ желаннаго прилива страсти: море ушло въ свои берега.

Отъ сеноры нельзя было ждать писемъ,— она ненавидѣла перья и чернила, и писала одинъ разъ въ мѣсяцъ коротенькія письма своимъ дочерямъ.

Падре Ортега былъ слишкомъ старъ для того, чтобы заниматься перепиской,— поэтому Тальботъ имѣлъ извѣстіе изъ Санта-Урсулы лишь отъ своего майордома, ежемѣсячно посылавшаго ему отчетъ объ оливковыхъ плантаціяхъ и дѣлахъ по дому. Къ сожалѣнію, онъ не былъ многорѣчивъ, и Тальботъ, несмотря на то, что дважды освѣдомлялся о состояніи здоровья сеноры, ни разу не получилъ отъ него отвѣта до самаго конца сессіи. Около этого времени майордомъ прислалъ свой отчетъ, въ концѣ котораго находилась слѣдующая приписка: „Сенора умираетъ. У нея чахотка—скоротечная, по всей вѣроятности. Можете застать ее въ живыхъ, а можете и не застать. Мы всѣ очень о ней жалѣемъ, такъ какъ она со всѣми ладила и была очень добра".

Оставалось еще три недѣли до окончанія сессіи, но комитетъ Тальбота, въ сущности, уже закончилъ свое дѣло, и онъ могъ считать себя свободнымъ. Онъ передалъ бразды правленія одному изъ своихъ сотоварищей-демократовъ и выѣхалъ въ Калифорнію въ тотъ же день, какъ получилъ извѣстіе. Онъ забылъ красивыхъ вашингтонскихъ дамъ, всѣ свои планы. Стремленіе поспѣть къ смертному одру стараго друга оказалось самымъ сильнымъ, не терпящимъ отлагательства... Ему казалось, что поѣздъ еле тащится.

Воспоминанія, преслѣдовавшія его во время долгаго жаркаго пути, не были сентиментальнаго характера. Будь они такими, онъ отогналъ бы ихъ, такъ какъ они не вязались бы съ печальною дѣйствительностью. Умиралъ его старый другъ—самый необходимый, самый симпатичный, какого онъ когда-либо имѣлъ.

Онъ понялъ, что она все-же незамѣнима для него, что съ ея смертью онъ будетъ очень одинокъ. Память его постоянно возвращалась къ сенорѣ, къ ея доброму, широкому, смуглому лицу, и онъ смигнулъ съ рѣсницъ не одну слезу, думая, что ему не придется болѣе обращаться къ ней за сочувствіемъ, и онъ уже не станетъ скрашивать своими посѣщеніями ея одинокую жизнь. Менѣе всего онъ былъ подготовленъ къ тому, что̀ ожидало его въ „Оливковомъ Ранчо“.

Тальботъ пріѣхалъ ночью. Падре Ортега оказался въ отъѣздѣ, и за исключеніемъ того, что сеньора еще жива, онъ ничего не могъ узнать о ней, и сейчасъ же послалъ къ ней нарочнаго съ письмомъ, извѣщая ее, что будетъ завтра въ одиннадцать часовъ утра.

Снова длинный, утомительный переѣздъ по выжженнымъ солнцемъ полямъ и холмамъ. До дня его рожденія оставалось всего недѣли три. Подъѣзжая къ дубовой аллеѣ, онъ замѣтилъ висѣвшій на верандѣ гамакъ, въ которомъ кто-то лежалъ: очевидно, женщина, такъ какъ изъ гамака свѣшивалась до самаго полу тяжелая черная коса.

„Навѣрное это не сенора,—подумалъ онъ, — сенора въ гамакѣ?..“

И тутъ онъ внезапно вспомнилъ, что за время болѣзни она должна была похудѣть.

Руки его дрожали, покуда онъ слѣзалъ съ лошади и привязывалъ ее, и, сознавая свою блѣдность, онъ долго съ этимъ возился. Но онъ привыкъ владѣть собою, и черезъ минуту уже твердо шелъ впередъ и поднимался по ступенямъ веранды. Тѣмъ не менѣе, подойдя къ гамаку, онъ убѣдился, что долженъ призвать на помощь все свое самообладаніе.

Сеноры не было,—вмѣсто нея въ гамакѣ лежала Дельфина Карильо. Это не была великолѣпная, полная силъ красавица прежнихъ лѣтъ, но некрасивая смуглость кожи исчезла вмѣстѣ съ жиромъ, кожа ея побѣлѣла, на щекахъ горѣли алыя пятна. Глаза казались громадными и ротъ пріобрѣлъ прежнюю выразительность и тонкія очертанія, хотя углы губъ и опустились. На ней былъ бѣлый капотъ съ массою кружевъ у шеи, и, будучи

тѣнью самой себя, она все-же была прекрасна и казалась женщиною лѣтъ двадцати-шести.

— Дельфина!—прошепталъ онъ.—Дельфина!

Онъ долженъ былъ присѣсть—колѣни его дрожали. Кровь шумѣла у него въ головѣ, и послѣ первой минуты захватывающаго блаженства имъ овладѣло острое чувство сожалѣнія, вызванное утратою добраго стараго друга—сеноры. Онъ невольно оглядѣлся вокругъ. Куда дѣвалась она, эта другая женщина? Даже душа, глядѣвшая изъ большихъ глазъ лежавшей въ гамакѣ женщины, была прежняя.

Дельфина молча глядѣла на него нѣсколько секундъ, затѣмъ она проговорила со вздохомъ:—А вѣдь это Жуанъ!

Она приподнялась и быстро заговорила:

— Слушайте, я сначала не узнала васъ, я по временамъ забываюсь, и тогда Марсіа все говоритъ мнѣ, что я—та, прежняя Дельфина. И даже въ то время, когда я бываю въ полной памяти, мнѣ также это кажется, можетъ быть, потому, что я одна; мнѣ нечего вспоминать, и мнѣ пріятны такія мечты... Когда я заболѣла, ко мнѣ пріѣзжала Эрминія, но затѣмъ я написала ей, что поправляюсь, такъ какъ она съ мужемъ хотѣла ѣхать въ Мексико. И чѣмъ хуже мнѣ становится, тѣмъ болѣе я радуюсь, что моихъ дѣвочекъ нѣтъ здѣсь. То, что̀ мнѣ представляется въ забытьи — такъ отрадно; оно возвращаетъ меня къ молодымъ, счастливымъ годамъ. Я радуюсь, что умираю не такъ, какъ всѣ старые люди, а именно такимъ образомъ... Вы не можете себѣ представить, Жуанъ, какъ я бываю иногда счастлива! Помните, какъ вы бывали здѣсь за два мѣсяца до моей свадьбы? Я вижу васъ, Энрико, всѣхъ друзей моихъ и себя—такою веселою, красивою, вспоминаю, какъ всѣ кабаллеро сходили по мнѣ съ ума... И блестящіе костюмы, и чудныхъ коней—все вспоминаю...

Она остановилась, но затѣмъ продолжала:

— И часто я думаю о васъ, часто... Какъ странно, вѣдь я въ то время любила Энрико, но когда вы уѣхали въ Вашингтонъ, я очень по васъ скучала и все читала и перечитывала, что̀ о васъ писали въ газетахъ... Энрико уже давно умеръ, а любовь моя умерла еще ранѣе,—я говорю о той любви, изъ-за которой я вышла за него замужъ;—конечно, я любила его, потому что любить мужа — моя обязанность. Но когда вернулась моя молодость, я почему-то больше всего думаю о васъ. И я такъ хотѣла, такъ хотѣла васъ видѣть, но не звала васъ потому, что вы очень заняты и честолюбивы, и я знала, что черезъ годъ вы пріѣдете, и потому была счастлива. Не плачьте, другъ

мой,—видите, я не плачу,—отрадно быть снова молодой... Часто я не понимаю, какъ я могла тогда не полюбить васъ? Вы— такой теперь красавецъ, но въ то время вы были мальчикомъ, а я восхищалась нашими кабаллеро; они—такіе нарядные, любезные, и мы не знаемъ другихъ мужчинъ. Въ то время я мало думала, затѣмъ у меня было много дѣтей и горя, но въ глубинѣ души я всегда чувствовала, что у меня чего-то нѣтъ, чего-то самаго главнаго. Часто я вздыхала, сама не зная: отчего? Но теперь, передъ смертью, я много думаю, и теперь я знаю, что еслибы я дѣйствительно была молода и здорова, я полюбила бы васъ и была бы съ вами вполнѣ счастлива, и умъ былъ бы у меня настоящій. Въ дѣйствительности, *я никогда не жила.* И теперь я это знаю...

Она откинулась назадъ, задыхаясь; ея тихій голосъ сталъ почти неслышнымъ. Она указала на бутылку съ питьемъ. Джонъ приподнялъ больную въ своихъ объятіяхъ и поднесъ стаканъ къ ея губамъ. Легкая краска выступила на ея щекахъ, она подняла руки и обвилась ими вокругъ его шеи.

— Жуанъ,—прошептала она умоляюще,—вы когда-то любили меня и плакали, такъ какъ я принесла вамъ горе... Повѣрьте въ то, что я стала прежнею дѣвушкою, и полюбите меня, какъ тогда! Я скоро умру, а это сдѣлаетъ меня невыразимо счастливою.

— Мнѣ будетъ нетрудно повѣрить въ это,—отвѣтилъ онъ, —слишкомъ нетрудно. Не было ли все прошедшее, дѣйствительно, сномъ, а настоящая жизнь начинается лишь теперь—на порогѣ вѣчности?..

Съ англ. О. Ч.

ПРЕЗИДЕНТЪ РУЗЕВЕЛЬТЪ

И

ВНУТРЕННЯЯ ЕГО ПОЛИТИКА

Ровно полстолѣтія тому назадъ, когда принципіальная разница между двумя тогдашними политическими партіями Сѣверо-Американскаго Союза, вигами и тори, сошла на ничто, и „платформы“ (программы) этихъ партій, различествуя въ изложеніи, представляли въ сущности одно и то же,—возникла третья партія, съ уничтоженіемъ рабства какъ главнымъ ея лозунгомъ, и произошло совершенное распаденіе прежнихъ аффиліацій, съ возникновеніемъ двухъ новыхъ партій—на совершенно новыхъ началахъ. Такое же положеніе, повидимому, переживаетъ политическая жизнь Соединенныхъ-Штатовъ и въ настоящую минуту. За пятьдесятъ лѣтъ существованія современныхъ республиканской и демократической партій, послѣ рѣшеннаго навсегда войной 1861—1865 годовъ вопроса о рабствѣ, между ними возникали серьезныя принципіальныя различія, по временамъ существенно обострявшіяся; въ 1896 году эти различія болѣе или менѣе стушевались, зато появился на сценѣ вопросъ серебряный;—въ 1900 году къ нему присоединился и новый вопросъ объ имперіалистской политикѣ, вызванный результатами испано-американской войны. Событія шли своимъ чередомъ, и за послѣднее четырехлѣтіе и эти два вопроса,—такіе жгучіе, такіе, казалось, всеобъемлющіе—восемь и четыре года тому назадъ,—успѣли совершенно

выдохнуться и потерять всякое практическое значеніе настолько, что въ національныхъ платформахъ обѣихъ партій въ послѣдней выборной кампаніи по обоимъ этимъ вопросамъ не оказалось никакой разницы—слова и фразы различны, но сущность совершенно одинакова.

Республиканская партія стоитъ на той же политической почвѣ, что и восемь, и четыре года тому назадъ, а демократы, отказавшись формально и отъ своихъ воззрѣній на вышеупомянутые вопросы, и отъ своихъ вожаковъ того времени, не выставили ни одной новой идеи, такъ что въ эту кампанію 1904 года вопросъ шелъ уже не о принципахъ, а только о личностяхъ претендентовъ на должности президента и вице-президента Союза. Предварительные пути обѣихъ партій, прежде чѣмъ онѣ пришли къ однимъ и тѣмъ же выводамъ, существенно различествовали между собою, и кампанія изобиловала разными необычными инцидентами, вродѣ кандидатуры Хёрста и телеграммы Паркера національной демократической конвенціи, такъ что хроникеру кампаніи остается только выяснить и очертить эту разницу въ путяхъ;—что же касается разницы въ принципахъ, то она исчезла, и заурядный избиратель просто подавалъ голосъ за наиболѣе симпатичнаго ему кандидата—Рузевельта или Паркера. Вся суть свелась, въ концѣ-концовъ, къ ихъ личностямъ. Такова была наружная, показная сторона этого послѣдняго американскаго политическаго конфликта. Онъ не обладаетъ ни интересомъ, ни живостью: разъ такой конфликтъ принимаетъ исключительно личный характеръ, онъ теряетъ свое общее значеніе, какъ для самой страны, такъ и для остального міра. Но, помимо этой наружной стороны, кампанія имѣла и другую, внутреннюю, которая, на мой взглядъ, чрезвычайно многозначительна и заключается въ томъ, что консервативные элементы страны оказались въ такомъ большинствѣ въ обѣихъ партіяхъ, что успѣли устранить всѣ болѣе или менѣе радикальныя вліянія отъ какого бы то ни было активнаго воздѣйствія и на кампанію, и на выборъ кандидатовъ. Въ средѣ республиканской партіи не было организованной оппозиціи такому результату, но въ демократической ему предшествовала многосторонняя и серьезная борьба. Поэтому я и скажу предварительно нѣсколько словъ объ этой президентской кампаніи 1904-го года, и начну именно съ этой послѣдней партіи.

I.

Съ безповоротнымъ рѣшеніемъ вопросовъ о рабствѣ негровъ и степени независимости отдѣльныхъ штатовъ относительно общегосударственныхъ, федеральныхъ дѣлъ,—главной принципіальной разницей между республиканцами и демократами оставался протекціонизмъ первыхъ и фритрэдерство—вторыхъ. Въ 1892 г., съ вторичнымъ выборомъ въ президенты Кливелэнда и безусловнаго большинства демократовъ въ обѣ палаты конгресса, они получили полную возможность осуществлять свои фритрэдерскія тенденціи на практикѣ въ какой бы то ни было степени. Принимая національную платформу демократовъ въ президентскую кампанію 1892 г. въ серьёзъ, страна была готова къ всевозможнымъ экспериментамъ въ фритрэдерскомъ направленіи,—на пути къ нимъ не было ни малѣйшихъ препятствій, и многія отрасли промышленности, основанныя на покровительственныхъ пошлинахъ, ожидали съ покорностью смертельнаго для себя удара. Теперь уже установлено, что именно страхъ такого удара и вызвалъ финансовый и промышленный кризисъ 1893—1896 годовъ, такъ какъ въ рѣшительную минуту демократы абсолютно спасовали, и, отмѣнивъ тарифъ Макъ-Кинлэя, ввели тарифъ Вильсона-Гормана, отличавшійся отъ перваго только деталями, а никакъ не сущностью. Получивъ въ свои руки управленіе страной на платформѣ прямого обязательства введенія свободы торговли и парализовавъ промышленность страны, они оставили въ силѣ тотъ же протекціонный тарифъ, слегка понизивъ пошлины въ нѣкоторыхъ отросляхъ и даже возвысивъ ихъ въ другихъ, какъ, напр., въ сахаро-рафинадной. Во всей исторіи американскаго тарифнаго законодательства нѣтъ другого примѣра такой непонятной непослѣдовательности, такой больше чѣмъ странной игры съ торжественными, всенародными обязательствами. Едвали подлежитъ сомнѣнію, что этотъ фактъ надолго устранилъ съ политической арены Соединенныхъ-Штатовъ борьбу между протекціонистами и фритрэдерами какъ серьезный факторъ;—страна поняла, что какъ бы извѣстная политическая партія ни ратовала за „открытіе дверей" иностраннымъ мануфактурамъ, въ ея средѣ всегда найдутся достаточно сильные элементы, которые, въ союзѣ съ открытыми протекціонистами, всегда будутъ въ состояніи разбить дѣйствительныхъ сторонниковъ свободы торговли. Весь политико-экономическій строй страны долженъ

существенно измѣниться, прежде чѣмъ эти послѣдніе могутъ разсчитывать на введеніе хоть сколько-нибудь радикальныхъ измѣненій въ существующихъ тарифахъ, не говоря уже о свободѣ торговли въ широкомъ смыслѣ. Благодаря этому, къ президентской кампаніи 1896 г. демократы остались бы совершенно на мели въ принципіальномъ смыслѣ, безъ какого бы то ни было серьезнаго разногласія съ республиканцами, еслибъ не внезапное появленіе на политической аренѣ Брайяна и его серебрянаго вопроса. Вопросъ этотъ по своему существу—чисто-финансовый и былъ навязанъ странѣ какъ политическое яблоко раздора совершенно насильно. Въ исторіи Союза не было другого такого рѣзкаго и остраго перехода отъ благосостоянія и общаго довольства къ финансово-промышленному кризису, безработицѣ и поѣданію долголѣтнихъ сбереженій, какъ тѣ, которыми ознаменовалась администрація Кливелэнда 1892—1896 годовъ; бывшимъ у кормила правленія демократамъ было необходимо объясненіе такого небывалаго феномена, и серебряный вопросъ явился козломъ отпущенія, несмотря на серьезнѣйшія предостереженія наиболѣе интеллигентныхъ и знающихъ людей всѣхъ партій. Страстность и стремительность натиска „сильверитовъ" прямо отуманила страну;—они успѣли не только перетасовать самымъ существеннымъ образомъ личный составъ всѣхъ партій, расколоть ихъ навсегда, хотя и въ неравной степени, но и убѣдить почти половину націи, что воспослѣдуетъ чуть ли не всемірный политико-экономическій и политическій потопъ, если ихъ идеи не будутъ приняты страной. Несмотря на жестокое пораженіе 1896 г., они оказались въ состояніи поддерживать серебряный гипнозъ и въ теченіе всего слѣдующаго четырехлѣтія, такъ что и въ 1900 году тотъ же насильственный биметаллизмъ оказался „гвоздемъ" національной платформы демократовъ, успѣвшихъ тѣмъ временемъ поглотить популистовъ какъ третью партію, и тотъ же Брайянъ былъ опять назначенъ кандидатомъ совершенно объединенной на этотъ разъ оппозиціи въ президенты Союза. Между тѣмъ, за четырехлѣтіе 1896—1900 гг. произошла испано-американская война, и появился новый, чрезвычайно важный и дѣйствительно чисто политическій вопросъ о вполнѣ опредѣлившейся къ началу президентской кампаніи 1900 года имперіалистской политикѣ республиканской партіи. Вопросъ этотъ, конечно, не имѣлъ ничего общаго съ вопросомъ о биметаллизмѣ,—тѣмъ не менѣе, національная конвенція демократовъ поставила ихъ на одну доску, такъ что сознательный политическій анти-имперіалистъ вынужденъ былъ вотировать въ то

же время и за свободную чеканку серебра. Подсчетъ и анализъ поданныхъ въ президентскую кампанію 1900 года голосовъ доказали безусловно, что свыше милліона избирателей не могли переварить этого требованія и отказались отъ подачи голоса,—а въ результатѣ Брайянъ и его платформа были побиты еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ 1896 году. Съ этими-то двумя яркими уроками въ своемъ самомъ непосредственномъ прошломъ, демократическая партія приступила къ послѣдней президентской кампаніи 1904 года.

За восемь лѣтъ — 1896 — 1904 гг. — весьма значительное число демократовъ перешло въ ряды республиканской партіи. Въ 1896 году „золотые" демократы, т.-е. противники серебра въ средѣ демократической партіи, имѣли свою платформу и тикетъ; въ 1900 году они открыто голосовали за Макъ-Кинлэя. Эта фракція, не столько многочисленная, какъ вліятельная, особенно во всѣхъ сѣверныхъ и западныхъ штатахъ, вотировала за Рузевельта и въ 1904 году. Опасность принятія страной серебряной валюты, какъ ни отдаленна она была въ дѣйствительности, пересилила въ ихъ глазахъ всѣ другія чисто-политическія соображенія, аффиліаціи и традиціи всего ихъ прошлаго. Я довольно хорошо знакомъ съ личнымъ составомъ этой фракціи— люди переходили въ ряды своего недавняго непріятеля совершенно открыто, обыкновенно мотивируя этотъ переходъ въ газетахъ, и хотя въ этомъ составѣ не было выдающихся политикановъ съ національной репутаціей, онъ, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно заключалъ въ себѣ наиболѣе интеллигентныхъ и независимо думающихъ людей — судей, адвокатовъ, мануфактуристовъ, купцовъ,—во многихъ мѣстностяхъ безспорную соль ихъ демократической партіи. Я лично думаю, что эта потеря была для нея до-нельзя чувствительной, во многихъ случаяхъ прямо незамѣнимой, какъ ни старались партійные вожаки умалить ея значеніе. Утрата демократической партіей этихъ самостоятельныхъ элементовъ въ президентскія кампаніи 1900 и 1904 годовъ имѣла на ихъ исходъ то же рѣшающее вліяніе, что и утрата республиканской партіей въ 1884 году фракціи мюгвюмповъ, принесшая за собою пораженіе Блэна Кливелэндомъ. Интеллигентный избиратель, лично извѣстный въ своей мѣстности какъ лицо независимое отъ своей партійной организаціи, смѣло объявляющій о своемъ добровольномъ переходѣ въ непріятельскій дотолѣ политическій лагерь, имѣлъ обыкновенно въ этой мѣстности гораздо больше вліянія, чѣмъ цѣлая дюжина прямо заинтересованныхъ въ раздѣлѣ общественнаго пирога про-

фессіональныхъ политикановъ. Въ подсчетѣ голосовъ такіе переходы всегда даютъ себя чувствовать болѣе или менѣе осязательно, и, будучи особенно частыми въ теченіе президентской кампаніи 1900 года, они, тѣмъ не менѣе, открыли глаза вожакамъ демократовъ, только когда положеніе сдѣлалось уже совершенно безнадежнымъ относительно исхода этой кампаніи,—зато они уже немедленно послѣ этихъ выборовъ взялись за работу, дабы одолѣть, наконецъ, сильверитовъ въ своей собственной средѣ, и, повидимому, успѣли въ этомъ къ началу президентской кампаніи 1904 года. Ошеломленный своимъ вторичнымъ, еще болѣе рѣшительнымъ пораженіемъ, Брайянъ вынужденъ былъ заявить публично, что не будетъ болѣе искать назначенія демократической партіей въ кандидаты въ президенты, и хотя не отказался лично отъ своихъ сильверитскихъ вожделѣній, но не препятствовалъ, по крайней мѣрѣ публично, начавшейся въ средѣ демократовъ реорганизаціи партіи на новыхъ началахъ. Политиканы штата Нью-Іорка сразу стали во главѣ этой реорганизаціи. Штатъ этотъ, по числу принадлежащихъ ему голосовъ въ избирательной коллегіи, всегда имѣлъ рѣшающее значеніе въ президентскихъ выборахъ—безъ него демократы не могутъ разсчитывать на побѣду, и потому на нѣсколькихъ національныхъ совѣтахъ партіи это главенство и было ему безмолвно предоставлено. Къ сожалѣнію, въ средѣ демократической партіи Нью-Іорка царствовалъ совершеннѣйшій разладъ, и одолѣли, въ концѣ-концовъ, самые нежелательные въ ней элементы въ смыслѣ ихъ популярности въ народныхъ массахъ:—Огюстъ Бельмонтъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ денежныхъ воротилъ Wall Street'а, эксъ-губернаторъ и эксъ-сенаторъ Дэвидъ Хиллъ, чрезвычайно беззастѣнчивый и безпринципный политиканъ, когда-то очень успѣшный, но за послѣднее время сданный-было въ политическій архивъ, наконецъ—представители Таммани-Голла. Мнѣ всегда казалось, что одной этой комбинаціи было совершенно достаточно, дабы безповоротно утопить любую платформу и любого кандидата. Тѣмъ не менѣе, она оказалась живучей и очень дѣятельной, и уже на созванной очень рано демократической конвенціи штата Нью-Іорка успѣла дать тонъ всей послѣдующей національной кампаніи. Принятая этой конвенціей платформа является замѣчательнымъ документомъ по своей крайней неопредѣленности, по тому искусству, съ которымъ ея составители сумѣли обойти всѣ безъ исключенія серьезные вопросы — о трёстахъ, объ имперіализмѣ, о валютѣ, объ отношеніяхъ капитала къ труду. Громкія, но ничего не значащія,

ничего не опредѣляющія фразы,—толкуйте ихъ въ какую угодно сторону, выводите изъ нихъ какія угодно заключенія! И Богу свѣча, и чорту кочерга! И тѣмъ не менѣе, очевидная необходимость въ реорганизаціи и объединеніи партіи была настолько сильна, что всѣ консервативные элементы демократической партіи всѣхъ оттѣнковъ, противные Брайяну и радикализму, весьма быстро сплотились по всему Союзу подъ этимъ вновь выкинутымъ знаменемъ неопредѣленности и безсодержательности,—и элементы эти оказались въ огромномъ большинствѣ почти вездѣ.

Двукратное пораженіе Брайяна, очевидная недостижимость на практикѣ его серебряныхъ теорій, рѣзкость и опредѣленность другихъ его требованій, утрата партіей многихъ самыхъ вліятельныхъ и уважаемыхъ ея членовъ,—все это неотвратимо дѣйствовало на демократическія массы, и толкало ихъ на противоположный всему этому путь, который оказался искусно подготовленнымъ Бельмонтомъ, Хилломъ и К°, и давалъ, повидимому, нѣкоторую надежду на успѣхъ. Надежда эта подогрѣвалась и тѣмъ обстоятельствомъ, что было извѣстно, что энергично подготовленный консервативными элементами демократической партіи за все послѣднее четырехлѣтіе въ кандидаты въ президенты Союза, судья верховнаго суда штата Нью-Іорка Альтонъ Паркеръ вполнѣ одобрилъ принятую демократической конвенціей этого штата платформу. Кандидатура эта подготовлялась чрезвычайно искусно, послѣдовательно и энергично, хотя и трудно понять, почему былъ выставленъ именно онъ. За исключеніемъ чисто судебныхъ сферъ своего штата, Паркеръ былъ почти совершенно неизвѣстенъ. Кто такой Паркеръ? Почему именно Паркеръ? Такіе вопросы слышались вездѣ и всюду въ теченіе всей кампаніи. Всю свою жизнь онъ сначала занималъ мелкіе судебные посты въ своемъ графствѣ, затѣмъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, былъ назначенъ однимъ изъ верховныхъ судей штата—никогда не принималъ никакого видимаго участія ни въ конвенціяхъ своей партіи, ни въ политическихъ кампаніяхъ, никогда ничего не писалъ, никогда не говорилъ публично, и въ политическомъ, и во всякомъ другомъ отношеніи былъ абсолютнымъ сфинксомъ для народныхъ массъ. Что̀ онъ думаетъ о трёстахъ, объ имперіализмѣ, о золотой валютѣ, о рабочемъ вопросѣ? Было извѣстно, что онъ оба раза голосовалъ за Брайяна—и только. Горсть личныхъ друзей—людей почти безъ исключенія съ неособенно чистыми политическими репутаціями—выдвинула его впередъ, восхваляя его гражданскія доблести, но только таинственно пожимала плечами, когда ихъ спрашивали

о его политическомъ credo. И до, и послѣ назначенія, Паркеръ хранилъ самое упорное молчаніе—даже его знаменитая телеграмма конвенціи въ Санъ-Луисѣ не открыла публикѣ, чтò именно онъ самъ думаетъ о золотѣ и серебрѣ, а только констатировала всѣмъ извѣстный фактъ. Общественное мнѣніе страны не могло не придти, въ концѣ-концовъ, къ тому заключенію, что Паркеръ не чтò иное, какъ оппортунистъ чистѣйшей воды, готовый идти по теченію согласно обстоятельствамъ, что онъ, какъ и демократическая партія вообще въ настоящую кампанію, не представляетъ собою чего-либо хоть сколько-нибудь опредѣленнаго. Я склоненъ думать, что именно этотъ фактъ и былъ главной причиной его феноменальнаго пораженія на выборахъ 8-го ноября. Онъ сумѣлъ захватить формальную организацію своей партіи, ея политикановъ и слѣпо слѣдующіе за ними во всякомъ конфликтѣ элементы, но ея болѣе или менѣе самостоятельно мыслящее и дѣйствующее меньшинство, на этотъ разъ очень значительное, отказалось слѣдовать за подобной неопредѣленностью, и или совсѣмъ воздержалось отъ подачи голоса, или голосовало за Рузевельта.

Вожаки радикальныхъ элементовъ демократической партіи, конечно, сообразили все вышеизложенное и оцѣнили тенденціи большинства еще задолго до того, какъ все это было уяснено себѣ массами. Помимо Брайяна и его приверженцевъ, въ средѣ демократической партіи на этотъ разъ появилась новая радикальная фракція съ новымъ предводителемъ. Вильямъ Хёрстъ, молодой, сравнительно, человѣкъ—ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ — пожелалъ сдѣлаться президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ, какъ представитель демократовъ. Въ политической исторіи Союза значится немало выскочекъ, по временамъ игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль—Хёрстъ, на мой взглядъ, далеко превосходитъ ихъ всѣхъ своей наглостью, своей откровенностью. Судя по всѣмъ даннымъ, весь его умственный и нравственный багажъ состоитъ исключительно изъ ненасытнаго честолюбія и поразительнаго самомнѣнія. Онъ не умѣетъ ни говорить, ни писать, никогда не выдался хоть чѣмъ-либо на общественномъ поприщѣ, неспособенъ къ какой-либо серьезной усидчивой работѣ, по своимъ личнымъ привычкамъ—не чтò иное, какъ снобъ, свѣтскій хлыщъ, ведущій роскошную, пріятную свѣтскую жизнь въ Вашингтонѣ. Два года назадъ, въ одномъ изъ наиболѣе продажныхъ дистриктовъ города Нью-Іорка, онъ былъ выбранъ въ федеральную палату представителей, какъ демократъ, но посѣщалъ конгрессъ только очень рѣдко, на нѣ-

сколько минутъ,—очевидно, только для того, чтобы заявлять время отъ времени о своемъ существованіи. Его покойный отецъ, эксъ-сенаторъ отъ штата Калифорніи въ федеральномъ сенатѣ, оставилъ ему огромное состояніе, оцѣнивавшееся въ 30—40 милліоновъ долларовъ и сдѣланное имъ во время золотой и первой желѣзно-дорожной горячки тихоокеанскаго побережья; молодой Хёрстъ сначала очень успѣшно прожигалъ жизнь на разные манеры въ Санъ-Франциско, Нью-Іоркѣ и въ Европѣ, потомъ, въ одинъ прекрасный день, когда это времяпрепровожденіе ему надоѣло, вздумалъ сдѣлаться журналистомъ и или купилъ, или основалъ большія ежедневныя газеты въ городахъ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, Чикаго, Санъ-Франциско и Лосъ-Анжелесѣ. Его можно смѣло назвать отцомъ „желтаго журнализма" въ Америкѣ. Неизвѣстно, насколько газеты эти оплачивались — милліоновъ Хёрста хватило на многіе годы и убыточнаго издательства,—но несомнѣнно то, что сотни и даже тысячи обыкновенныхъ газетъ не могутъ надѣлать ничего подобнаго тому шуму, который ежедневно производили изданія Хёрста. Ихъ motto—сенсаціонализмъ, сенсаціонализмъ во что бы то ни стало. Завѣдуютъ ими всегда очень талантливые, хотя и безусловно безпринципные люди—у нихъ наилучше оплачиваемые редакторы и репортеры по всѣмъ отраслямъ, свои собственныя телеграфныя и телефонныя проволоки по всему Союзу, спеціальные корреспонденты во всѣхъ большихъ центрахъ Стараго Свѣта—управленіе не останавливается ни передъ какими расходами, не ограничено никакою моралью, ни даже страхомъ уголовнаго суда. Ему ничего не стоитъ выдумать самую грязную, самую непозволительную исторію, оклеветать публично самаго невиннаго человѣка или учрежденіе. Если на земномъ шарѣ не происходитъ ничего изъ ряда вонъ выходящаго, Хёрстовская газета не стѣснится изобрѣсти цѣликомъ какую-нибудь мѣстную сенсацію, убійство, похищеніе, растрату. Американская „Associated Press" обыкновенно очень сдержанна и обстоятельна—Хёрстъ давно уже разстался съ ея услугами для своихъ изданій и наполнялъ ихъ исключительно собственными „спеціальными" извѣстіями и новостями.

Послѣдніе два года передъ выборами газеты эти выставили кандидатуру Хёрста въ президенты—и начали предварительную кампанію. Онѣ нападали на всѣхъ и на все, — въ особенности на болѣе или менѣе опредѣленныя фракціи въ средѣ своей собственной демократической партіи, пытаясь разбить такъ или иначе начинавшіе объединяться консервативные элементы; един-

ственнымъ лозунгомъ было—набирать себѣ сторонниковъ гдѣ бы то ни было и какой бы то ни было цѣной. Помимо разнообразныхъ, большею частью ультра-радикальныхъ заявленій по разнымъ политическимъ вопросамъ и безусловнаго поддерживанія трэдъюньонизма, Хёрстъ не предложилъ странѣ никакой опредѣленной платформы, ничего такъ или иначе оформленнаго и точнаго, — это было просто осужденіе всего существующаго, и призывъ къ выбору именно его въ президенты — наглая, ничѣмъ не прикрытая пропаганда отдѣльной личности.—Выберите меня, — а затѣмъ хоть трава не рости!—На эту пропаганду Хёрстъ извелъ до двухъ милліоновъ долларовъ, его агенты ревниво слѣдили за выборами делегатовъ, покупали ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, гдѣ только это было возможно, и добились-таки того, что ко времени открытія національной конвенціи до двухсотъ ея членовъ оказались купленными, — они обошлись Хёрсту приблизительно въ десять тысячъ долларовъ за голосъ. До чего открыто велась эта покупка—было доказано демократической конвенціей штата Калифорніи. Конвенція эта засѣдала два дня,—въ первый была принята платформа и выбрано бюро, причемъ оказалось, что у приверженцевъ Хёрста не хватило около десяти голосовъ, такъ какъ кандидатъ противниковъ былъ выбранъ въ предсѣдатели именно такимъ большинствомъ. За ночь эти недостающіе голоса были найдены и куплены—по десяти долларовъ каждый,—и на слѣдующій день полная делегація въ пользу Хёрста на національную конвенцію была выбрана именно этимъ недостававшимъ наканунѣ числомъ голосовъ. Это былъ самый откровенный, самый вопіющій политическій скандалъ,—тѣмъ не менѣе, делегація была допущена національной конвенціей, такъ какъ всѣ требуемыя формальности были соблюдены, и голосовала единогласно за Хёрста.

Независимая демократическая пресса сначала относилась къ этой куплѣ съ пренебреженіемъ и насмѣшками, затѣмъ назвала ее непозволительной дерзостью, оскорбленіемъ чести американскаго народа, но къ концу кампаніи стала обнаруживать прямо страхъ передъ возможностью назначенія Хёрста;—конечно, вся „желтая пресса“ удесятерила дѣйствительныя силы его сторонниковъ и число купленныхъ делегатовъ; передъ самой конвенціей въ демократическихъ массахъ произошло нѣчто вродѣ паники—такъ сильно пресса эта кричала о вполнѣ, якобы, уже обезпеченномъ ею успѣхѣ. Даже серьезные, вполнѣ, казалось бы, освѣдомленные люди покачивали головами и остерегались высказываться опредѣленно — такую массу пыли успѣли напу-

стить въ глаза американской публики Хёрстовскія газеты. Ничто не могло такъ блистательно доказать поразительную политическую и общественную деморализацію американскаго народа, вызванную торговопромышленнымъ кризисомъ 1893—1896 годовъ и испано-американской войной, какъ этотъ комическій страхъ цѣлой націи передъ возможностью откровенной, нахальной покупки мѣста въ Бѣломъ-Домѣ за наличныя деньги беззастѣнчивымъ, смѣлымъ билліонеромъ-претендентомъ, не имѣвшимъ на это абсолютно никакихъ правъ, кромѣ безграничной власти золота надъ современными политическими дѣльцами. Это былъ какой-то гипнозъ,— и страна вздохнула спокойно только тогда, когда телеграфъ разнесъ вѣсть о томъ, что изъ тысячи делегатовъ конвенціи оказались купленными Хёрстомъ только около двухсотъ!

Хотя въ исторіи президентской кампаніи 1904 года фракцію Хёрста и принято называть радикальной, но едвали подлежитъ сомнѣнію, что она отнюдь не заслуживаетъ такой чести. Въ ея составѣ было не больше двухъ-трехъ десятковъ наивныхъ искреннихъ людей,—остальные были просто наемники, которые едвали стѣснились бы продать свои голоса тому же Паркеру, еслибъ онъ счелъ ихъ покупку желательной. Тѣмъ не менѣе, кандидатура Хёрста несомнѣнно и разъединила, и ослабила тѣ радикальные элементы демократической партіи, которые, подъ предводительствомъ Брайяна, руководили ею за послѣднія восемь лѣтъ. Элементы эти, за отказомъ Брайяна выступить кандидатомъ, остались и безъ организаціи, и безъ предводителя. Фракція Хёрста держалась вмѣстѣ только его золотомъ; она не имѣла ничего общаго ни съ фракціей Брайяна,—къ тому же очень, сравнительно, немногочисленной,—ни съ судьбами демократической партіи вообще. Они были за Хёрста,—а затѣмъ, если онъ не могъ быть назначенъ кандидатомъ, подавали голосъ по собственному усмотрѣнію — ихъ организація не шла дальше кандидатуры одного Хёрста. Еслибъ они могли соединиться съ другими элементами принципіальной радикальной оппозиціи, они могли бы затормазить всю работу національной конвенціи демократовъ, собравшейся 4-го іюля въ городѣ Санъ-Луисѣ. Включая фракцію Хёрста, такихъ радикальныхъ элементовъ было нѣсколько больше одной трети всей конвенціи, и они могли бы, дѣйствуя заодно, продиктовать и платформу партіи, и даже кандидатовъ—или сдѣлать конвенцію недѣйствительной и необязательной для партіи, требующей большинства двухъ-третей голосовъ для законности какого-либо рѣшенія. Но Хёрстъ нисколько

не интересовался исходомъ помимо своей собственной кандидатуры, и потому его фракція не сыграла абсолютно никакой роли. Ея безсиліе было опредѣлено первымъ же голосованіемъ, и послѣ него консервативное большинство не обращало на нее ни малѣйшаго вниманія, сосредоточивъ всѣ свои усилія на то, чтобы привлечь Брайяна и его фракцію въ пользу Паркера;— такой союзъ обезпечивалъ ему нужное большинство двухъ третей голосовъ всей конвенціи. Передъ нею, въ нѣсколькихъ публичныхъ рѣчахъ, Брайянъ открыто и энергично высказался противъ кандидатуры Паркера,—и для того, чтобы заручиться его согласіемъ на эту кандидатуру, консервативному большинству пришлось поступиться заготовленной имъ платформой и сгладить ее согласно требованіямъ Брайяна.

Этотъ характерный эпизодъ—борьба одного человѣка съ значительнымъ большинствомъ всей конвенціи, продолжавшаяся двое сутокъ и окончившаяся безусловной его побѣдой—поднялъ весьма существенно упавшій-было довольно низко престижъ Брайяна и доказалъ, что и въ этой конвенціи, почти поголовно ему враждебной, онъ все-таки оказался первенствующимъ лицомъ. Достигнутый, такимъ образомъ, компромиссъ окончательно обезличилъ всю платформу, причемъ вопросъ о валютѣ былъ совершенно упущенъ,—вопросы же о тарифѣ, о трѣстахъ, объ имперіализмѣ получили такую редакцію, что ничѣмъ въ сущности не отличались отъ положеній относительно ихъ платформы республиканской партіи. Брайянъ, не будучи въ состояніи провести свои завѣтныя идеи, не допустилъ и противниковъ до чего-либо опредѣленнаго,—онъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ обезличилъ консервативное большинство настолько, что и вся платформа оказалась не чѣмъ инымъ, какъ ничего не значащимъ фарсомъ. На мой взглядъ, Брайянъ оказался гораздо дальновиднѣе своихъ противниковъ: согласившись на ихъ кандидата, онъ въ то же время окончательно дискредитировалъ консервативное большинство въ глазахъ массъ своей партіи и принудилъ его собственными руками вырыть свою же политическую могилу. Бельмонтъ, Хиллъ и К° получили свое дѣтище Паркера, но при условіи неизбѣжнаго пораженія, благодаря той платформѣ, на которую его поставилъ Брайянъ.

Въ такомъ видѣ платформа была принята конвенціей, единогласно,—какъ единогласно же, на первомъ же голосованіи, былъ назначенъ кандидатомъ и Паркеръ.

Будучи извѣщенъ о текстѣ платформы и о своемъ назначеніи въ кандидаты, Паркеръ немедленно прислалъ конвенціи слѣ-

дующую телеграмму: „Я полагаю, что золотая валюта установлена твердо и безповоротно, и буду дѣйствовать соотвѣтственно, если буду избранъ. Такъ какъ платформа не упоминаетъ объ этомъ вопросѣ, конвенція должна быть освѣдомлена о моемъ къ нему отношеніи, и если оно не одобряется большинствомъ, прошу принять мой отказъ отъ назначенія, дабы другое лицо могло быть назначено, прежде чѣмъ конвенція закончится“. Послѣ долгаго совѣщанія вожаковъ, конвенція отвѣтила на эту телеграмму слѣдующимъ образомъ:

„Платформа, принятая конвенціей, не упоминаетъ о валютѣ, потому что вопросъ этотъ не можетъ играть никакой роли въ настоящей кампаніи,—а только такіе вопросы и перечислены въ платформѣ. Поэтому во взглядѣ, изложенномъ въ вашей телеграммѣ, нѣтъ ничего, что̀ могло бы препятствовать человѣку, его раздѣляющему, принять назначеніе на этой платформѣ“.

Такимъ образомъ, и волки оказались сыты, и овцы остались цѣлы. Ни національная демократическая конвенція 1904 г., ни Паркеръ не одобрили золотой валюты;—первая просто признала ее неподлежащей обсужденію въ настоящую кампанію, а второй—только твердо установленной, хотя прежде оба дважды голосовали противъ нея.

Эпизодъ съ этими телеграммами создалъ у насъ цѣлую огромную литературу предмета. Нѣтъ во всей странѣ ни одного журнала, ни одной газеты, которые не обсуждали бы его съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Сторонники Паркера провозгласили его чуть ли не величайшимъ человѣкомъ всего міра за его твердость и прямодушіе. На меня же лично эпизодъ этотъ произвелъ самое непріятное, самое тяжелое впечатлѣніе, какъ блистательный образчикъ того отвратительнаго лицемѣрія, которое царствуетъ у насъ вездѣ и всюду. Это какая-то недостойная игра въ прятки, обморачиваніе и публики, и самихъ себя, по поводу самыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ.

Развѣ прилично національной конвенціи великой политической партіи великой и свободной страны, подобно глупому страусу, прятать свою голову въ кусты? Развѣ прилично кандидату въ президенты умышленно молчать нѣсколько лѣтъ относительно всего, что̀ касается предполагаемаго имъ управленія страной, дабы уловить нѣсколько лишнихъ голосовъ, и, когда лицемѣріе верховнаго совѣта партіи приперло его наконецъ къ стѣнѣ, ссылаться не на свое собственное мнѣніе, а на „твердо установленное“ кѣмъ-то положеніе?

„Въ многоглаголаніи нѣсть спасенія“—къ сожалѣнію, въ

настоящую кампанію обѣ партіи совершенно упустили изъ виду эту истину. Платформа демократической партіи состоитъ изъ 28 параграфовъ и занимаетъ собою $7^1/_2$ страницъ убористой печати,—а республиканской 26 параграфовъ и 6 страницъ. Демократическая платформа длиннѣе, потому что партія не у дѣлъ, и посвятила около двухъ страницъ уличеніямъ своихъ политическихъ противниковъ въ разныхъ преступленіяхъ по должности. Это, впрочемъ, обычное явленіе въ американской политикѣ— партія не у дѣлъ всегда уличаетъ въ чемъ-нибудь партію въ силѣ.

Въ кандидаты въ вице-президенты былъ назначенъ безъ всякой оппозиціи Дэвисъ, архи-милліонеръ изъ штата Западной Вирджиніи, желѣзнодорожникъ, дѣлецъ и открытый другъ капитала и трёстовъ. Ему 82 года; онъ ничѣмъ никогда не выдавался на общественномъ поприщѣ, кромѣ своихъ безспорныхъ дѣловыхъ успѣховъ, и его назначеніе было сдѣлано въ надеждѣ, что онъ щедро удѣлитъ отъ своихъ богатствъ въ пользу фонда кампаніи. Паркеръ—человѣкъ хотя и состоятельный, но далеко не богатый въ современномъ американскомъ смыслѣ этого понятія, а политическія кампаніи стòятъ теперь огромныхъ денегъ, и изысканіе необходимыхъ средствъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ успѣха.

Такъ какъ платформы партій въ сущности тождественны,— личности кандидатовъ получаютъ особенное значеніе. Какъ уже было упомянуто выше, о судьѣ Паркерѣ американскій народъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго понятія, и его предшествовавшія аффиліаціи въ политическомъ мірѣ сыграли немалую роль въ мало-по-малу образовывавшихся о немъ представленіяхъ нашего общественнаго мнѣнія. По моимъ наблюденіямъ, заурядный американецъ относится очень безразлично къ тому, что̀ думаетъ извѣстный кандидатъ по поводу разныхъ отвлеченныхъ, такъ сказать, этическихъ вопросовъ. Такъ, напр., вопросъ объ имперіализмѣ никогда не интересовалъ наши массы — только самое незначительное меньшинство сознаетъ его значеніе. Наоборотъ, вопросъ объ отношеніи извѣстнаго кандидата къ трёстамъ, къ организованному труду, къ правительственному регулированію желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ тарифовъ занимаетъ эти массы до чрезвычайности. Правильно или нѣтъ, о Паркерѣ очень скоро сложилось такое мнѣніе, что онъ—врагъ юньонизма и другъ трёстовъ и всякихъ другихъ монополій. Какъ предсѣдателю верховнаго суда штата Нью-Іорка, ему пришлось рѣшить нѣсколько крупныхъ принципіальныхъ дѣлъ

по поводу правоспособности рабочихъ союзовъ—въ этихъ рѣшеніяхъ публика усмотрѣла односторонность, стремленіе ограничить союзы, осудить нѣкоторые изъ наиболѣе чувствительныхъ ихъ средствъ къ самообоpонѣ. Огромное распространеніе въ прессѣ и народныхъ массахъ получило сдѣланное имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ публичное заявленіе о томъ, что чернорабочій долженъ бы былъ довольствоваться заработной платой не свыше одного доллара въ день. Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе укоренялось убѣжденіе и въ томъ, что онъ въ душѣ союзникъ трёстовъ, такъ какъ всѣ его политическіе друзья, въ особенности же люди, хлопотавшіе о его назначеніи въ кандидаты, являются представителями различныхъ монополій и, конечно, не хлопотали бы о немъ такъ усердно, еслибъ не были увѣрены въ его дѣйствительныхъ симпатіяхъ. Говорили много и объ его холодности, неотзывчивости къ человѣческимъ слабостямъ; утверждали, что если онъ, вѣроятно, и нелицепріятный судья, то долгое судейство зачерствило его душу, и сдѣлало его сухимъ формалистомъ. Вообще, его личность не только не возбуждала энтузіазма, но не могла принести ему даже и заурядной популярности.

Національныя демократическія конвенціи никогда не отличались особеннымъ порядкомъ—въ нихъ обыкновенно преобладаютъ южане, а они отличаются и своей неукротимостью, и предубѣжденіемъ противъ всякихъ формальностей. Описываемая конвенція не только не составляла исключенія въ этомъ отношеніи, но и отличалась особеннымъ безпорядкомъ. Ея предсѣдателемъ былъ выбранъ Шарпъ Вильямсъ, вожакъ демократовъ въ федеральной палатѣ представителей, членъ ея отъ штата Миссисипи, человѣкъ очень образованный, находчивый и остроумный, но физически очень слабый и совсѣмъ безголосый—онъ не былъ въ состояніи справиться съ буйными элементами въ зрительныхъ трибунахъ, и они своимъ безпрестаннымъ вмѣшательствомъ, своими свистками, шиканьемъ и апплодисментами обратили конвенцію въ какой-то Бэдламъ. Къ сожалѣнію, среди тысячи делегатовъ не оказалось ни одного первокласснаго оратора—Брайянъ былъ очень утомленъ, его голосъ надорванъ, и вся конвенція прошла очень вяло и не дала ни одной вспышки энтузіазма или увлеченія. Вообще, демократы, повидимому, работали спустя рукава,—у нихъ съ самаго начала не было серьезной надежды на возможность побѣды.

II.

За послѣднее десятилѣтіе республиканская партія упрочила и усилила свою партійную организацію до небывалаго еще въ исторіи американской политики совершенства въ смыслѣ централизаціи власти. Національная конвенція 1900 года, назначившая на второй тэрмъ покойнаго Макъ-Кинлэя, была лишена всякаго интереса, такъ какъ и платформа, и кандидатъ, были окончательно предрѣшены до ея собранія, нисколько и ни въ чемъ не зависѣли отъ ея усмотрѣнія, и она была въ сущности только ратификаціонной формальностью, требуемой политическими обычаями страны. Единственнымъ ея актомъ, не вполнѣ предопредѣленнымъ національной партійной организаціей, оказалось назначеніе въ вице-президенты Рузевельта. Федеральные сенаторы отъ штата Пенсильванія — Квэй и отъ штата Нью-Іорка—Платтъ, давніе политическіе союзники и единомышленники, не пожелали въ то время окончательно стушеваться, и достигли своей цѣли—удаленія Рузевельта съ политической арены штата Нью-Іорка, въ которомъ онъ былъ губернаторомъ и яблокомъ партійнаго раздора, наперекоръ желаніямъ Макъ-Кинлэя и его друзей. Партійная организація уступила имъ не потому, что не могла одолѣть ихъ вліянія, а потому, что не считала вопроса существеннымъ; только благодаря неожиданной смерти Макъ-Кинлэя, конфликтъ этотъ получилъ такое серьезное значеніе и для исторіи Союза, и для будущаго республиканской партіи. Рузевельтъ еще болѣе скрѣпилъ и усилилъ ея организацію,—мало-по-малу онъ одолѣлъ одинъ за другимъ всѣ оппозиціонные ему элементы и, къ іюню 1904 года, ко времени созыва новой національной конвенціи, оказался абсолютнымъ диктаторомъ своей партіи. Никогда еще ея организація не была такъ компактна, такъ эффектна,—никогда еще Бѣлый-Домъ въ Вашингтонѣ не бывалъ такимъ всестороннимъ, такимъ абсолютнымъ хозяиномъ политическаго положенія страны.

Еще задолго до созыва національной конвенціи республиканской партіи 1904 года ея личный составъ былъ намѣченъ едвали не до послѣдняго человѣка, платформа была составлена и оба кандидата назначены—ни той, ни имъ не предвидѣлось ни малѣйшей оппозиціи. Вожаки партіи, такъ называемые у насъ политическіе „боссы", предрѣшили и покончили заблаговременно всю эту работу, которая предполагалась быть результатомъ совѣщанія

именно свободной національной конвенціи выбранныхъ партіей делегатовъ. Въ дѣйствительности же, делегаты эти съѣзжались только чтобы ратификовать совершившіеся факты, уже вполнѣ готовую работу другихъ людей, безъ какой бы то ни было возможности возраженія противъ нея или принятія въ ней активнаго участія. Хуже всего было то, что все это было досконально извѣстно не только вожакамъ и делегатамъ, но и всей странѣ. Конвенція не возбуждала ни малѣйшаго интереса съ чьей бы то ни было стороны. Было извѣстно, что платформа составлена и формулирована окончательно федеральнымъ сенаторомъ отъ штата Массачузетса, Лоджемъ, и что предназначенный свыше быть предсѣдателемъ конвенціи бывшій военный министръ Рутъ въ своей первой рѣчи обрисуетъ положеніе республиканской партіи и обоснуетъ и освѣтитъ предлагаемую платформу. Лоджъ и Рутъ—самые выдающіеся, самые талантливые современные американскіе политиканы—и оба закадычные друзья Рузевельта и его самые вліятельные совѣтники. Программа эта и была разыграна какъ по нотамъ. Не было ни возраженій, ни свободнаго обсужденія — все шло какъ по маслу, подготовленное и предрѣшенное. „Гвоздемъ" и платформы, и рѣчи Рута оказались успѣхи республиканской политики: народное благосостояніе, престижъ Союза въ международныхъ дѣлахъ—весьма краснорѣчивое славословіе настоящему режиму и мудрости и честности президента Рузевельта. Для всего этого имѣлись нѣкоторыя основанія; тѣмъ не менѣе, читая протоколы конвенціи и всѣ произнесенныя на ней хвастливыя рѣчи, невольно приходишь къ тому заключенію, что весь этотъ театральный эффектъ сильно отдаетъ и преувеличеніемъ, и мишурой,—дѣйствительно великіе люди въ американской исторіи никогда прежде не прибѣгали къ подобнымъ банальнымъ пріемамъ. Говорили только отборнѣйшіе ораторы, царствовалъ во всемъ изумительный порядокъ, не приключилось ни одной вспышки, ни малѣйшей задоринки; каждое слово, произнесенное съ трибуны, было предварительно обдумано, взвѣшено и одобрено синклитомъ вожаковъ; это было театральное представленіе, превосходно разученное и разыгранное опытными первоклассными артистами. Даже время открытія, перерывовъ и закрытія было опредѣлено заранѣе въ точности. Это была самая короткая, самая безцвѣтная изъ всѣхъ національныхъ конвенцій, когда-либо происходившихъ въ американскомъ Союзѣ.

Всякій независимый избиратель, не состоящій въ партійномъ рабствѣ, долженъ былъ неизбѣжно глубоко призадуматься надъ

рѣзкой разницей между республиканской и демократической національными конвенціями 1904 года. Первая поражаетъ своей безполезностью, своей абсолютной ненужностью. Зачѣмъ было съѣзжаться на конвенціи графствъ и штатовъ, выбирать делегатовъ, интриговать и входить во всѣ эти огромные расходы, если дюжина вожаковъ предрѣшила все напередъ самымъ безапелляціоннымъ образомъ? Делегаты оказались не только несвободными, но и съ герметически завязаннымъ ртомъ. Даже многія республиканскія газеты отозвались на это политическое рабство самыми злыми каррикатурами. Появилось и немало серьезныхъ сомнѣній въ томъ, не устарѣла ли настоящая система организаціи партій и не утратили ли національныя конвенціи—этотъ выработанный почти столѣтнимъ опытомъ, практическій, неписанный методъ приведенія американской конституціи въ исполненіе—свое первоначальное значеніе? Не исключаетъ ли онъ, при современной обстановкѣ, свободное народное участіе въ руководствѣ партійной дѣятельности, и если да, то какъ его замѣнить или исправить?

Демократическая конвенція была несомнѣнно свободной—но, можетъ быть, только по наружности. Въ ней, кромѣ назначенія Паркера, и то лишеннаго практическаго значенія, ничто не произошло такъ, какъ предполагало большинство. Зато въ ней царствовалъ хаосъ, и результаты ея работы были, пожалуй, еще менѣе удовлетворительны въ практическомъ смыслѣ. Демократическая партія очевидно раскололась на непримиримыя фракціи;—стремленіе объединить ихъ, найти общую почву и такимъ образомъ водворить между ними гармонію обезличило ихъ и привело къ безсильной, практически никуда негодной и ничего не выражающей платформѣ.

Платформа республиканцевъ не выдвинула ни одного новаго вопроса, не освѣтила ни одного серьезнаго принципа. Возникшее было въ рядахъ партіи въ нѣсколькихъ западныхъ штатахъ, въ особенности въ Эйоуэ, недовольство нѣкоторыми статьями слишкомъ высокаго протекціоннаго тарифа было подавлено съ большой суровостью еще до конвенціи, и передовой адвокатъ этого недовольства, губернаторъ Куммингсъ, оставленъ не у дѣлъ. Платформа просто восхваляла дѣла своей партіи, пѣла благодарственный гимнъ Рузевельту и просила націю оставить власть въ его рукахъ и на слѣдующее четырехлѣтіе на тѣхъ же основаніяхъ, которыя выразились его управленіемъ въ теченіе прошлаго тэрма. Она была принята конвенціей безъ малѣйшихъ возраженій, и такъ же единогласно были назначены

въ кандидаты—въ президенты Рузевельтъ и въ вице-президенты Фэрбанксъ, федеральный сенаторъ отъ штата Индіаны.

Говорятъ, что сначала назначеніе кандидата въ вице-президенты предполагалось оставить на благоусмотрѣніе конвенціи, дабы самостоятельнымъ рѣшеніемъ хотя бы этого второстепеннаго вопроса хоть сколько-нибудь признать ея дѣйствительную законную юрисдикцію. Но еще задолго до ея созыва стало выясняться, что въ такомъ случаѣ окажется весьма вѣроятнымъ назначеніе въ кандидаты члена федеральной палаты представителей отъ штата Иллинойса, Хитта, человѣка лично непріятнаго Рузевельту. Тогда программа эта была измѣнена, и делегаціи отъ штата Нью-Іорка внушено высказаться публично за Фэрбанкса, чѣмъ и было окончательно предрѣшено его назначеніе. Фэрбанксъ — человѣкъ съ долгимъ и серьезнымъ политическимъ прошлымъ, и хорошо извѣстенъ всему Союзу,—но и онъ страдаетъ непримиримымъ партизанствомъ и считается однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ Рузевельта.

Теодоръ Рузевельтъ давно стоитъ въ первомъ ряду самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Союза, и мнѣ уже много разъ приходилось писать о немъ. Проведенные имъ въ Бѣломъ Домѣ три съ половиною года не даютъ никакихъ основаній къ тому, чтобы хоть сколько-нибудь измѣнить уже данную мною его характеристику. Онъ прежде всего—человѣкъ импульса, и почти невозможно предвидѣть, какъ онъ поступитъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Однако уже выяснилось окончательно то, что онъ гораздо лучшій политиканъ въ практическомъ смыслѣ, чѣмъ это предполагалось. Сдѣлавшись президентомъ, онъ не только бросилъ свою роль политическаго enfant terrible и пересталъ антагонизировать вожакамъ своей собственной партіи,—что̀ онъ дѣлалъ постоянно, будучи губернаторомъ штата Нью-Іорка,—но и очень искусно заслужилъ ихъ довѣріе и даже благорасположеніе, несмотря на непримиримыя различія въ ихъ личностяхъ во многихъ случаяхъ. Это умѣнье ладить съ ними, добиться ихъ общей поддержки и съ ихъ помощью подавлять время отъ времени появляющіеся оппозиціонные элементы—доказало неподозрѣвавшіяся въ немъ доселѣ организаціонныя способности и гибкость характера. Рузевельтъ довольно часто мѣняетъ своихъ министровъ, иногда довольно неожиданно для публики, и его назначенія нерѣдко кажутся эксцентричными,—тѣмъ не менѣе, всѣ эти перемѣны несомнѣнно укрѣпляли партійную организацію и въ этомъ отношеніи всегда были очень цѣлесообразны. Зато сравнительная независимость самихъ министровъ несомнѣнно

значительно уменьшилась,—за исключеніемъ министра иностранныхъ дѣлъ Хэя, сумѣвшаго удержать за собою свое англофильское вліяніе, которымъ онъ широко пользовался еще при Макъ-Кинлэѣ,—современные министры перестали представлять собою извѣстную программу или систему, тѣмъ болѣе, что Рузевельтъ часто дѣлаетъ самостоятельныя распоряженія, особенно въ дѣлѣ личныхъ назначеній.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Рузевельтъ безусловно честный человѣкъ, повидимому, вполнѣ искренно стремящійся къ искорененію многочисленныхъ злоупотребленій въ сложной федеральной правительственной машинѣ, и что въ этихъ видахъ онъ по временамъ мало передъ чѣмъ останавливается,—тѣмъ не менѣе, хотя сколько-нибудь значительнаго успѣха въ этомъ направленіи онъ не имѣлъ, такъ какъ такой успѣхъ не подъ силу одному человѣку обыкновеннаго калибра, хотя бы и президенту Союза, при современномъ общемъ упадкѣ дѣловой и всякой другой морали въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ дѣятельности Рузевельта, какъ президента, ярко выдѣляются три эпизода, каждый изъ которыхъ, на мой взглядъ, ясно доказываетъ, что онъ, во-первыхъ, человѣкъ почти исключительно импульса, а во-вторыхъ, что онъ серьезно склоненъ къ диктаторству, къ попранію законныхъ ограниченій его власти и общепринятыхъ общественныхъ требованій.

Когда углекопная стачка 1902 года упорно не поддавалась обычнымъ въ такихъ случаяхъ мѣропріятіямъ и грозила сдѣлаться серьезнымъ государственнымъ бѣдствіемъ, онъ остановилъ ее и внезапно и прямо по-диктаторски, создавъ ни однимъ закономъ не установленную спеціальную коммиссію съ правомъ разрѣшить споръ обязательно для обѣихъ сторонъ. Мѣра эта удалась только въ томъ отношеніи, что работа немедленно возобновилась и угольный кризисъ благополучно миновалъ,—но не только прочнаго, а и какого бы то ни было дѣйствительнаго рѣшенія спора не послѣдовало, такъ какъ обѣ стороны остались недовольны рѣшеніями коммиссіи и не подчинились ея требованіямъ, такъ что все дѣло и до сихъ поръ тянется въ разнообразныхъ судахъ и отнюдь не можетъ считаться законченнымъ. Тѣмъ не менѣе, острый кризисъ былъ успѣшно устраненъ, также какъ и казавшееся неизбѣжнымъ кровопролитіе;—Рузевельтъ взялъ на себя отвѣтственность дѣйствія внѣ закона, и эта смѣлость только подняла его репутацію въ глазахъ массъ,—хотя и была, и останется осужденной какъ диктаторство въ глазахъ всѣхъ почитателей законности.

Сознавая все значеніе трёстовъ и монополій въ нашей современной экономической и политической жизни, Рузевельтъ постоянно пытается ограничить нѣкоторыя, наиболѣе опасныя, стороны ихъ дѣятельности. Дабы организовать постоянное надъ ними правительственное наблюденіе, онъ создалъ новое министерство—промышленности и торговли—и назначилъ очень способныхъ и ловкихъ людей и министромъ, и начальниками департаментовъ въ немъ. Но министерство это, само по себѣ, совершенно безсильно, и, повидимому, покуда по крайней мѣрѣ, довольствуется ролью отлично обставленнаго статистическаго бюро. Безъ энергичной помощи министерства юстиціи оно не можетъ завести ни одного дѣла, — а это послѣднее безспорно хромаетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Рузевельтъ перемѣнилъ уже нѣсколькихъ министровъ юстиціи—но всѣ они, не исключая и настоящаго, не проявляютъ большого желанія выступить открыто противъ трёстовъ. Было начато нѣсколько изслѣдованій и судебныхъ дѣлъ, разрѣшено окончательно верховнымъ судомъ Союза только одно—о компаніи сѣверныхъ бумажныхъ цѣнностей—„Northern Securities Company"— и то только на бумагѣ. Дѣло это, очень у насъ громкое, состоитъ въ незаконной консолидаціи двухъ сѣверо-западныхъ трансконтинентальныхъ дорогъ, „Northern Pacific" и „Great Northern", съ нѣсколькими восточными желѣзнодорожными линіями, и хотя верховный судъ и призналъ ее противозаконной и подлежащей упраздненію на практикѣ, она все еще существуетъ во всей своей первоначальной цѣлостности, и, по всѣмъ видимостямъ, такъ и останется въ дѣйствіи. Преслѣдованіе мясного трёста, не въ мѣру жаднаго, окончательно провалилось во всѣхъ инстанціяхъ—публика прямо обвиняетъ оба министерства—и юстиціи, и промышленности и торговли—не только въ вялости и неумѣлости этого преслѣдованія, но и въ умышленности ихъ ошибокъ и пораженій. Въ настоящее время идетъ очень громкое преслѣдованіе—и федеральное, и нѣсколькихъ штатовъ, въ особенности Канзаса и Тексаса—противъ отца всѣхъ американскихъ трёстовъ, знаменитой „Standard Oil Company". Штаты, можетъ быть, и выживутъ его на нѣкоторое время изъ своихъ предѣловъ, хотя и это болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ успѣшная чисто экономическая конкурренція съ нимъ останется прямо невозможной вслѣдствіе его громадныхъ промышленныхъ и торговыхъ преимуществъ на общемъ рынкѣ страны, преимуществъ, съ которыми ни одна отдѣльная мѣстность не въ состояніи бороться; простое же признаніе закономъ неправильности его дѣйствій не можетъ имѣть

никакого практическаго результата. Федеральное же преслѣдованіе окажется еще болѣе смѣшнымъ фарсомъ, чѣмъ покойное уже преслѣдованіе мясного трёста.

Не довольствуясь этими дѣлами, Рузевельтъ взялся и за правительственное регулированіе нѣкоторыхъ междуштатныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ и приданіе спокойно спящей уже около десятилѣтія „Interstate Commerce Commission“ болѣе активнаго значенія. Но и это его начинаніе встрѣтило упорное противодѣйствіе и въ федеральномъ сенатѣ, и даже въ министерствѣ;—его настоящій морской министръ и близкій личный другъ Поль Мортонъ оказался лично виновнымъ въ самыхъ нахальныхъ дискриминаціяхъ въ пользу большихъ грузоотправителей на контролируемой имъ желѣзнодорожной системѣ „Atchison, Topeka & Santa Fe“, одной изъ значительныхъ въ Америкѣ, а приглашенные Рузевельтомъ для личныхъ совѣщаній президенты нѣсколькихъ самыхъ крупныхъ дорогъ единогласно высказались противъ — не только цѣлесообразности, но и практической возможности ограниченія ихъ свободы дѣйствій.

И въ эпизодѣ преслѣдованія „Northern Securities Company“, какъ и въ эпизодѣ углекопной стачки, Рузевельтъ лично руководилъ дѣломъ, и также не разъ преступалъ прямые законы и въ своемъ нетерпѣніи игнорировалъ очень многое. Партизанская пресса восхваляла его храбрость, и не подлежитъ сомнѣнію, что его личная популярность въ народныхъ массахъ постоянно подогрѣвалась этими его донъ-кихотскими экскурсіями въ міръ трёстовъ и монополій. Но въ практическомъ смыслѣ результаты оказывались въ каждомъ случаѣ только плачевными.

Третьимъ выдающимся эпизодомъ въ дѣятельности Рузевельта, какъ президента, оказалось приглашеніе на обѣдъ въ Бѣлый Домъ директора негритянской технической школы въ штатѣ Алабамѣ, въ мѣстечкѣ Тускеджи, негра Букера Вашингтона. Приглашеніе это вызвало во всей странѣ настоящую бурю, которая, хотя нѣсколько и поулеглась теперь, черезъ два года послѣ эпизода, тѣмъ не менѣе, все еще часто даетъ о себѣ знать весьма чувствительно, и, по моему мнѣнію, не успокоится окончательно, пока Рузевельтъ не умретъ. Русскому читателю, въ особенности либеральному, невозможно понять все значеніе этого пустого, повидимому, эпизода, во всей его полнотѣ. Негръ и до сихъ поръ составляетъ яблоко раздора между Сѣверомъ и Югомъ. Этотъ послѣдній вполнѣ примирился съ его освобожденіемъ и экономическими его послѣдствіями, но, повидимому, никогда не примирится съ идеей равенства негра съ бѣлымъ, какъ политиче-

скаго, такъ и, въ особенности, общественнаго. Теперь негръ безусловно лишенъ избирательныхъ правъ на Югѣ и, какъ общественный дѣятель, какъ чиновникъ, немыслимъ тамъ почти повсемѣстно. Сѣверъ ворчалъ и ворчитъ и теперь противъ этого узаконеннаго беззаконія, но ничего не предпринялъ, да, по всѣмъ видимостямъ, ничего не предприметъ и въ будущемъ. Дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ улучшеніе отношеній между Сѣверомъ и Югомъ признается обѣими сторонами не только желательнымъ, но и необходимымъ для дальнѣйшаго процвѣтанія Союза. Поколѣніе, вынесшее на своихъ плечахъ междоусобную войну 1861—1865 годовъ, почти совсѣмъ сошло уже со сцены, и настоящіе дѣятели, и, въ особенности, молодежь, уже не пропитаны горечью пораженія на Югѣ и чувствомъ превосходства на Сѣверѣ; имъ легче понимать другъ друга, легче столковаться и работать за-одно. Испано-американская война и искусная политика Макъ-Кинлэя въ теченіе ея и послѣ нея чрезвычайно способствовали этому постепенному примиренію, облегчили и ускорили его; можно было надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ всѣ слѣды этой жестокой и кровавой распри исчезнутъ и страна опять окончательно объединится. Нужно знать кипучую, неукротимую натуру настоящаго американскаго южанина, его нервность, подозрительность и предразсудки, дабы понимать всю ту осторожность, даже утонченную деликатность, которую необходимо было проявлять федеральнымъ общественнымъ дѣятелямъ республиканской партіи для того, чтобы не портить этого сближенія, такъ важнаго для всей страны. Макъ-Кинлэй отлично понималъ все это, постоянно дѣйствовалъ соотвѣтственно этому и несомнѣнно довелъ бы дѣло сближенія до благополучнаго конца, еслибы не былъ убитъ. Своимъ приглашеніемъ Букера Вашингтона къ обѣду Рузевельтъ опять отдалилъ это сближеніе на неопредѣленное время и, въ то же время, несомнѣнно повредилъ дѣлу негритянской расы въ Америкѣ вообще, возбудивъ противъ нея самое острое чувство на всемъ Югѣ и отчасти и на Сѣверѣ. Югъ принялъ это за вызовъ, хуже—за пощечину. Въ политическомъ смыслѣ этотъ обѣдъ былъ грандіознѣйшей безтактностью, непростительной импульсивностью, чрезвычайно опасною въ такомъ крупномъ общественномъ дѣятелѣ. Что Рузевельтъ сознаетъ это и самъ, ясно изъ того, что съ нѣкоторыхъ поръ упорно распространяется новая версія всего эпизода, идущая прямо изъ Бѣлаго-Дома и состоящая въ томъ, что никакого предварительнаго приглашенія къ обѣду не было, а что президентъ, заинтересовавшись завязавшимся разговоромъ и не имѣя возможности

отложить его до другого раза, за близкимъ отъѣздомъ Вашингтона изъ столицы, желалъ тогда же окончить этотъ разговоръ и необдуманно оставилъ его къ обѣду, который былъ, между тѣмъ, поданъ, такъ какъ это былъ единственный путь къ достиженію цѣли. Дабы освѣтить этотъ эпизодъ вполнѣ, необходимо прибавить, что Буверъ Вашингтонъ не только не пользуется симпатіями интеллигентныхъ негритянскихъ сферъ въ Америкѣ, но и, наоборотъ, рѣзко осуждается ими за всю его дѣятельность. Его открыто обвиняютъ въ томъ, что онъ продался бѣлымъ, играетъ въ ихъ руку; что, проповѣдуя исключительно ремесленное образованіе для негровъ, какъ рѣшеніе расовой проблемы Америки, онъ сознательно ставитъ ихъ въ положеніе низшей расы, способной только на ручной трудъ, и тѣмъ лишаетъ ихъ по справедливости принадлежащаго имъ мѣста въ человѣческой семьѣ народовъ. Пригласивъ его обѣдать съ собой, Рузевельтъ не угодилъ ни бѣлымъ, ни чернымъ, и только вызвалъ ненужную, вредную рознь, броженіе, которое не можетъ не задержать весьма существенно излеченія старыхъ ранъ, изнурительныхъ для всего государственнаго организма. Я лично никогда не симпатизировалъ Югу, но, будучи врагомъ всякаго насилія, всякой централизаціи, признаю за нимъ безусловное право на его обычаи и даже предразсудки, и нисколько не удивляюсь, что онъ счелъ себя кровно обиженнымъ.

Популисты, какъ третья политическая партія, со времени ихъ несчастной коалиціи съ демократами въ кампанію 1896 года, постепенно утратили всякое значеніе; въ настоящую кампанію они имѣли самостоятельный тикетъ далеко не во всѣхъ штатахъ. Ихъ кандидатомъ въ президенты былъ Ватсонъ, изъ штата Джорджіи, бывшій въ 1896 году самостоятельнымъ кандидатомъ популистовъ въ вице-президенты, человѣкъ энергичный и искренній, но и онъ не только не могъ вдохнуть душу въ мертвое тѣло популизма, но и даже придать своей кампаніи хоть какой-нибудь, хоть мѣстный интересъ. Онъ свирѣпо возставалъ противъ Паркера, представлялъ его прямымъ кандидатомъ интересовъ Wall Street'а и трёстовъ, и если и не успѣлъ привлечь избирателей въ свою пользу,—несомнѣнно уменьшилъ, болѣе или менѣе существенно, число поданныхъ за Паркера голосовъ. Интересно то, что остатки популистовъ, повидимому, ничего не имѣли противъ Рузевельта и республиканской партіи, но проявили удивительную злобу къ своимъ недавнимъ союзникамъ—демократамъ.

Прогибиціонисты также участвовали въ кампаніи съ своимъ обычнымъ кандидатомъ въ президенты Свалдоу, и по обыкновенію не играли никакой роли, благодаря крайней односторонности и непрактичности своей платформы.

Соціалисты выставили два тикета — соціально-рабочій и соціалистическій, съ извѣстнымъ Юджиномъ Дебсомъ, какъ кандидатомъ въ президенты. Послѣ крайне неудачной великой желѣзнодорожной стачки 1894 года, Дебсъ основалъ соціалистическую земледѣльческую колонію въ штатѣ Юго, тоже окончившуюся въ скоромъ времени полнымъ распаденіемъ и большими убытками основателямъ и участникамъ. Затѣмъ онъ довольно долго не появлялся на общественной аренѣ—и выплылъ опять, какъ кандидатъ въ президенты, на соціалистическомъ тикетѣ, послѣ того какъ назначеніе Паркера оттолкнуло отъ нея радикальные элементы демократической партіи.

III.

Прошлая политическая кампанія была безспорно самой вялой и безцвѣтной изъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ мнѣ пришлось принимать участіе за четверть вѣка моей жизни въ Америкѣ. Отсутствіе какихъ-либо дѣйствительныхъ принципіальныхъ различій между партіями дѣлало какой-либо серьезный споръ невозможнымъ; воображаемые противники, разъ они обладали достаточнымъ развитіемъ, не могли не видѣть, что спорить можно было только о формѣ, а отнюдь не о существѣ. Поэтому ни обычной народной борьбы, ни даже сколько-нибудь замѣтнаго возбужденія въ народныхъ массахъ совсѣмъ не было,—публичные митинги не посѣщались, было гораздо меньше дебатовъ, даже обычная на всякихъ выборахъ спеціальная партійная пресса выпускалась въ гораздо меньшихъ размѣрахъ и не находила обычныхъ читателей. Борьба была, и довольно свирѣпая, но почти исключительно между партійными организаціями, между профессіональными политиканами и кандидатами на разныя должности,—она не отзывалась замѣтно на народонаселеніи страны. Исключеніе составляли тѣ штаты и мѣстности, гдѣ національные выборы совпадали съ мѣстными; во многихъ мѣстахъ эти послѣдніе были даже чрезвычайно оживлены, какъ читатель усмотритъ ниже, именно благодаря безцвѣтности и безсодержательности національныхъ платформъ.

Единственный, нѣсколько оживившій кампанію, инцидентъ случился въ самомъ ея концѣ, недѣли за двѣ до выборовъ.

Предсѣдателемъ исполнительнаго комитета республиканской партіи былъ Кортелью, сначала личный секретарь президентовъ Макъ-Кинлэя и Рузевельта, затѣмъ назначенный послѣднимъ министромъ вновь учрежденнаго министерства торговли и промышленности, молодой человѣкъ очень способный и бойкій, необычайно быстро поднявшійся изъ простыхъ клерковъ въ министры. Когда въ теченіе кампаніи выяснилось, что республиканцы гораздо лучше снабжены деньгами для успѣшной политической работы, чѣмъ демократы, Паркеръ выступилъ въ газетахъ съ открытымъ обвиненіемъ Кортелью въ томъ, что онъ, пользуясь, какъ министръ, своимъ знаніемъ дѣлъ разныхъ сомнительныхъ трёстовъ, вынуждаетъ ихъ на пополненіе своего кампанейскаго фонда по мѣрѣ надобности. Обвиненіе это, вѣроятно, имѣло нѣкоторыя основанія,—но доказать его, конечно, не было возможности, и самъ Рузевельтъ немедленно выступилъ съ самымъ энергичнымъ публичнымъ же его опроверженіемъ. Эпизодъ этотъ вызвалъ очень горячую полемику между крайними партизанами,—но врядъ ли имѣлъ какое-либо вліяніе на исходъ кампаніи. Взяточничество всякаго рода теперь такъ распространено въ Америкѣ, не только въ политической, но и въ частной жизни, что имъ у насъ никого не удивишь, а въ политикѣ давно уже все рѣшительно считается дозволительнымъ. Что въ массахъ партій господствовало недовольство работой національныхъ конвенцій, что массы эти всевозможными способами пытались выразить свое неодобреніе диктаторству вожаковъ республиканцевъ и непрактичному и неудачному компромиссу вожаковъ демократовъ—было блистательно доказано результатами выборовъ. Серьезный анализъ выборной статистики, дѣйствительно, даетъ нѣкоторые чрезвычайно интересные выводы, которые и являются единственнымъ поучительнымъ факторомъ настоящей кампаніи.

Общее число поданныхъ во всей странѣ голосовъ равняется на этотъ разъ только 13.508.496—на цѣлыхъ 460.078 голосовъ меньше, чѣмъ было подано въ президентскую кампанію 1900 года, четыре года тому назадъ, и на 405.998 меньше, чѣмъ въ президентскую кампанію 1896 года, восемь лѣтъ тому назадъ. Высчитывали, что въ 1900 г. свыше милліона избирателей воздержались отъ подачи голоса, благодаря непримиримому недовольству платформами обѣихъ партій,—нынче это число больше чѣмъ удвоилось и по той же причинѣ. Ростъ народонаселенія шелъ за эти восемь лѣтъ своимъ чередомъ, и еслибъ свойственная всѣмъ прежнимъ президентскимъ выборамъ пропорція роста въ числѣ подаваемыхъ каждые четыре года го-

лосовъ была удержана, число поданныхъ въ 1904 году голосовъ должно бы было быть не менѣе 16½ милліоновъ, т.-е на 3 милліона больше, чѣмъ было подано въ дѣйствительности. Эти 3 милліона гражданъ воздержались отъ голосованія, потому что не одобряли ни самохвальства республиканцевъ, ни безсодержательности демократовъ. Это тѣ самостоятельно мыслящіе элементы, не состоящіе въ партійной крѣпостной зависимости, которые выжидаютъ подходящаго времени для того, чтобы выступить съ новыми, самостоятельными требованіями, съ новой платформой, которой связанныя по рукамъ и по ногамъ старыя партіи неспособны дать;—такое же точно явленіе замѣчалось и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, передъ распаденіемъ виговъ и тори и организаціей современныхъ политическихъ партій. Теперь и эти партіи впали въ рутину и все больше и больше перестаютъ давать удовлетвореніе мыслящимъ людямъ, для которыхъ не существуетъ партійный бичъ;—господствующая партія, республиканская, осталась у дѣлъ, но и за нее подано было значительно меньше половины всѣхъ избирательныхъ голосовъ, которыхъ, какъ уже было упомянуто выше, должно бы было быть около 16½ милліоновъ. За республиканца Рузевельта было подано 7.627.632 голоса; за демократа Паркера—5.080.054; за соціалиста Дебса—391.587; за прогибиціониста Сваллоу—260.303; за популиста Ватсона—114.637; за рабочаго соціалиста Коррегана—33.453. Извѣстно, что за Дебса голосовало около 300.000 демократовъ-радикаловъ, отнюдь не соціалистовъ по своимъ убѣжденіямъ, но не могшихъ переварить Паркера и голосовавшихъ за Дебса, чтобы выразить свой протестъ.

Рузевельтъ выбранъ 33 штатами съ 336 членами въ избирательной коллегіи,—тогда какъ за Паркера подали голоса 13 штатовъ съ 140 членами. Въ 1900 г. Макъ-Кинлэй былъ выбранъ 28 штатами съ 292 голосами противъ Брайяна съ 17 штатами съ 155 голосами. Въ настоящую кампанію избирательная коллегія увеличилась на 29 голосовъ, согласно новому распредѣленію между штатами представителей въ коллегіи, вызванному всеобщей переписью 1900 года. Исключительно штаты Юга голосовали за Паркера—весь остальной Союзъ высказался за Рузевельта.

Что личная популярность Рузевельта, особенно между молодежью, популярность, не имѣющая ничего общаго съ платформой республиканской партіи, сыграла главную роль на выборахъ 8-го ноября—доказывается тѣмъ фактомъ, что въ цѣлыхъ пяти штатахъ, давшихъ ему, въ общемъ, 335.000 большинства, губер-

наторами и другими штатными чинами выбраны демократы большинствомъ, въ общемъ, превышающимъ 100.000 голосовъ. Въ той же приблизительно пропорціи идутъ большинства, поданныя въ его пользу, сравнительно съ большинствами штатныхъ тикетовъ почти во всѣхъ штатахъ, гдѣ происходили штатные выборы, начиная съ штата Нью-Іорка, гдѣ большинство республиканскаго губернатора было слишкомъ на 100.000 голосовъ меньше большинства Рузевельта. Однѣ мѣстныя причины не могутъ объяснить этого явленія, такъ какъ оно, при разныхъ мѣстныхъ условіяхъ, проявилось, однакоже, вездѣ одинаково.

Выборы штатныхъ легислатуръ, избирающихъ новыхъ сенаторовъ въ федеральный сенатъ, были, въ общемъ, такъ же благопріятны республиканской партіи, какъ и прямые выборы въ федеральную палату представителей, такъ что въ будущую сессію конгресса почти двѣ-трети членовъ обѣихъ его палатъ будутъ республиканцы. Въ конгрессѣ не осталось ни одного члена третьихъ партій, и господство республиканцевъ въ обѣихъ отрасляхъ управленія—законодательной и исполнительной—вполнѣ обезпечено.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ весьма прискорбный фактъ въ современной американской политикѣ, вполнѣ выясненный послѣдними выборами,—это то, что вліяніе федеральнаго сената въ совѣтахъ обѣихъ партій сдѣлалось въ сущности всесильнымъ. Рузевельтъ сдѣлался диктаторомъ именно благодаря тому, что всецѣло соединился съ сенатомъ и манипулируетъ партійной организаціей при его посредствѣ и помощи. Прежніе президенты имѣли обыкновеніе не только мѣшаться лично въ партійную политику въ штатныхъ дѣлахъ, но и ссорились о вліяніи въ нихъ съ мѣстными федеральными сенаторами—Рузевельтъ предоставилъ ихъ вполнѣ въ распоряженіе этихъ послѣднихъ, и этимъ заручился ихъ безусловной поддержкой во всѣхъ національныхъ дѣлахъ. Національная конвенція республиканской партіи и оказалась такой ручной именно потому, что признанные Рузевельтомъ политическіе „боссы“ въ каждомъ штатѣ выбрали составы делегацій сообразно этому соглашенію; единственнымъ исключеніемъ былъ штатъ Висконсинъ, гдѣ губернаторъ-реформаторъ Лафоллетъ боролся за вліяніе съ федеральными сенаторами штата и прислалъ и свою делегацію на національную конвенцію. Хотя она и была правильной въ смыслѣ законности, ее, однако, не допустили до участія—это былъ единственный конфликтъ въ средѣ республиканской партіи, ярко подчеркнувшій систему Рузевельта править политикой своей партіи посредствомъ федеральныхъ се-

наторовъ. Съ теоретической точки зрѣнія такая система казалась бы и желательной, и благоразумной, такъ какъ, повидимому, препятствуетъ излишней централизаціи,—но на практикѣ она вызвала тотъ порядокъ, что, благодаря контролю федеральнаго патронажа въ своихъ штатахъ,—патронажа многочисленнаго и чрезвычайно выгоднаго,—федеральные сенаторы сдѣлались въ сущности такими же диктаторами въ дѣлахъ штатныхъ, какимъ оказался президентъ въ дѣлахъ національныхъ. А почти всѣ современные федеральные сенаторы—адвокаты съ огромной корпоративной практикой, то-есть, другими словами, представляютъ собою мозгъ нашихъ трёстовъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ законодательной борьбѣ противъ этихъ послѣднихъ американскій народъ имѣетъ противъ себя въ сущности весь федеральный сенатъ—и его же абсолютное вліяніе и на штатныя легислатуры. По моему крайнему разумѣнію, одного этого факта совершенно достаточно, дабы уничтожить значеніе Рузевельта, какъ возможнаго реформатора и нашихъ современныхъ политическихъ методовъ, и все возрастающаго вліянія трёстовъ и всевозможныхъ монополій. Безъ энергичной, искренней помощи федеральной законодательной власти, конгресса, президентъ совершенно безсиленъ,—а онъ самъ же укрѣпилъ и усилилъ значеніе сената и сдѣлалъ изъ него надежнѣйшаго покровителя и защитника власти капитала. Съ самаго занятія Рузевельтомъ поста президента Союза, стали ходить упорные слухи о томъ, что „Wallstreet“ и трёсты вообще будутъ всячески противодѣйствовать его назначенію въ кандидаты въ 1904 г.; утверждали даже, что кандидатура Паркера была именно дѣтищемъ этой оппозиціи,—но я никогда не придавалъ никакого значенія этимъ слухамъ и толкамъ, считая ихъ только ширмой, отводомъ глазъ;—наши денежные воротилы гораздо дальновиднѣе всѣхъ подобныхъ наивностей,—они давно поняли Рузевельта и отлично знаютъ, что его имъ нечего бояться. Онъ самъ побьетъ всякое свое же начинаніе, именно благодаря неспособности обнять сразу всѣ стороны даннаго предмета и воздѣйствовать на него послѣдовательно и систематично, обезпечивъ своевременно фланги и тылъ.

П. А. Тверской.

Апрѣль 1905 г.
Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

НАШЕ ЗЕМСТВО

и

ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКІЯ МѢРОПРІЯТІЯ

ОЧЕРКЪ.

Экономическія мѣропріятія земствъ расширялись и постепенно расширяются, что видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ. Въ 1896 году на содѣйствіе экономическому благосостоянію назначалось 671.000 рублей, а это составляло 1,0 % всего земскаго бюджета. Въ 1900 году цифра ассигнованій возросла до 2.301.000 (2,6% бюджета) [1], а въ 1903 году ассигновано 3.564.000 рублей, что составляло уже 3,4% бюджета [2].

Больше всего расходовалось на улучшеніе производительности въ сельскомъ хозяйствѣ (около 50%), затѣмъ слѣдуетъ ассигновка на развитіе кустарныхъ промысловъ (19%), на содержаніе агрономическаго персонала (13%) и на улучшеніе естественныхъ условій сельскаго хозяйства (11%). Оборотные капиталы земства, предназначенные на осуществленіе коммерческихъ, предпріятій, имѣющихъ своей задачей содѣйствіе сельско-хозяйственной промышленности, и выдачу всякаго рода ссудъ, составляли въ 1895 году 678.000 руб., а въ 1902 году—5.598.000 рублей.

---

[1]) Доходы и расходы 34-хъ губерній по смѣтамъ на 1900 г. Изд. Департ. окладн. сборовъ.

[2]) Расходы земствъ 34-хъ губерній по смѣтамъ на 1903 г. Сарат. Зем. Нед. 1904 г. № 4.

Всѣ эти цифры до нѣкоторой степени показываютъ, какое значеніе пріобрѣтаютъ въ земской дѣятельности экономическія мѣропріятія.

Путемъ долгаго опыта выработанъ существующій типъ земской школы; земская медицина такимъ же долгимъ путемъ постепенно выработала наиболѣе цѣлесообразныя формы помощи заболѣвшимъ обывателямъ. Работа эта еще далеко не закончена. Жизнь движется впередъ, усложняется, а отсюда рождается потребность въ постоянныхъ пересмотрахъ существующей организаціи, дабы не отстать отъ жизни, отъ ея потребностей. Почти ежегодно въ той или другой земской губерніи происходятъ съѣзды врачей, учащихся и т. д. Намѣчаются новые пути, систематизируются указанія накопившагося опыта, пересматриваются съ точки зрѣнія вновь возникшихъ интересовъ существующія мѣропріятія.

Экономическія мѣропріятія—молодая отрасль земскаго хозяйства. Приходится прокладывать новые пути, идти подчасъ ощупью. Промахи и даже крупныя ошибки поэтому неизбѣжны. Тѣмъ не менѣе, за послѣднія 10—15 лѣтъ земствомъ сдѣлано немало, и экономическія мѣропріятія ждутъ своего изслѣдователя, который безпристрастно разсмотрѣлъ бы судьбу ихъ, значеніе для народнаго благосостоянія и условія для устойчиваго и успѣшнаго проведенія въ жизнь въ связи съ мѣстными особенностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось бы, какія изъ мѣропріятій обречены заранѣе на прозябаніе и представляютъ увлеченіе тѣмъ или другимъ моднымъ теченіемъ. Не менѣе важно выяснить, какое положеніе должно занять земство по отношенію къ вновь возникающимъ кооперативнымъ организаціямъ,—мелкимъ сельскохозяйственнымъ обществамъ, сельскимъ потребительскимъ лавкамъ, ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, кредитнымъ товариществамъ и производительнымъ товариществамъ разнаго рода. Не слѣдуетъ ли земствамъ нѣкоторыя изъ своихъ мѣропріятій, особенно коммерческаго характера, передать этимъ добровольнымъ союзамъ, или же, напротивъ, развивать эти мѣропріятія за страхъ и рискъ собранныхъ со всего населенія капиталовъ? Подобнаго рода вопросы требуютъ тщательнаго и объективнаго разсмотрѣнія. Матеріалъ о земскихъ мѣропріятіяхъ чрезвычайно обширенъ. Кромѣ журналовъ, докладовъ и отчетовъ, въ которыхъ имѣется иногда прекрасно разработанный матеріалъ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ издало „Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству“ (три огромныхъ тома), составленный Г. П. Сазоновымъ. Обзоръ содержитъ свѣдѣнія за 1865—1895 годы. В. А. Крандіевскимъ составленъ обзоръ земскихъ мѣропріятій въ области сельскаго хозяйства за 1892—1893 гг. Полтавская губернская управа выпустила въ свѣтъ „Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній

Россіи (1865—1892 гг.). Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ издавало періодически обстоятельные обзоры дѣятельности земствъ. Мы не говоримъ уже о цѣломъ рядѣ статей какъ въ общей, такъ и въ спеціальной печати.

Не задаваясь широкими задачами использовать весь этотъ матеріалъ, мы попытаемся разсмотрѣть лишь нѣкоторыя изъ указанныхъ мѣропріятій.

Значеніе экономическихъ мѣропріятій не слѣдуетъ преувеличивать. Причины оскудѣнія крестьянскаго хозяйства лежатъ глубоко. Область воздѣйствія земства крайне ограничена.

Въ сводѣ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ—въ книгѣ „Крестьянскій правопорядокъ"—ярко очерчены тѣ причины, которыя тормозятъ проявленіе хозяйственной предпріимчивости, а слѣдовательно и улучшеніе земледѣльческой культуры. Подавляющее число комитетовъ признало, что главной причиной отсталости является крестьянское право, проникнутое началами административнаго попечительства и сословной обособленности, которое рѣзко отдѣляетъ преобладающее большинство населенія страны отъ прочаго, сравнительно незначительнаго меньшинства. Въ докладѣ подготовительной коммиссіи лохвицкаго уѣзднаго комитета слѣдующими правдивыми словами обрисовано существующее положеніе: „Безпристрастное изслѣдованіе современной сельской жизни съ полной убѣдительностью указываетъ, что при такихъ порядкахъ оставаться невозможно. Экономическое положеніе и хозяйство такъ же безотрадно, какъ и неразрывно съ нимъ связанная и въ сильной мѣрѣ его обусловливающая личность крестьянина, какъ гражданина. Внимательное наблюденіе за крестьянской жизнью убѣждаетъ въ томъ, что вся существующая нынѣ опека надъ хозяйственной, бытовой и правовой жизнью деревни загнала ее внутрь—и только. Нужды села и волости, выражаемыя въ приговорахъ, контролируемыхъ начальствомъ и часто имъ же внушаемыхъ, вовсе не выражаютъ тѣхъ потребностей и нуждъ, которыя сложились и живутъ въ населеніи. О нуждѣ можно заставить не говорить, но этимъ уничтожить ее нельзя. И въ крестьянской средѣ, загнанной всякой опекой, выработалась привычка молчать и чувствовать и думать втихомолку. Это влечетъ за собой усиленіе розни между крестьянами и болѣе полноправными, сравнительно съ ними, классами и порождаетъ озлобленіе. Трудно себѣ представить, къ какимъ затрудненіямъ это можетъ повести. Реформа существенно необходима, и не въ видѣ частныхъ поправокъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ, а широкая, способная исправить разомъ всѣ недостатки теперешняго положенія, обновивъ сельскую общественную жизнь". Въ этой области земство безсильно,

если не считать довольно призрачнаго права доводить до свѣдѣнія центральнаго правительства о ненормальномъ положеніи вещей.

Не менѣе сильное вліяніе на хозяйственное благополучіе населенія имѣетъ экономическая политика государства, обусловленная, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вовлеченіемъ Россіи въ міровой обмѣнъ товаровъ.

Земство не въ состояніи остановить повсемѣстнаго перехода отъ обычныхъ натуральныхъ формъ къ денежнымъ. Обольщенія на этотъ счетъ были бы крайне печальны. Необходимо трезво взглянуть на положеніе и по возможности смягчать тѣ болѣзненные подчасъ процессы, которые сопровождаютъ нарожденіе новаго строя. Здоровому организму роды не опасны. Не слѣдуетъ затрачивать народныхъ средствъ на предпріятія, которыя заранѣе обречены на гибель. Важно и необходимо каждую копѣйку использовать возможно цѣлесообразнѣе, поддерживая, развивая и вызывая къ жизни тѣ мѣры, которыя не противорѣчатъ новому строю хозяйства. Слѣдуетъ не задерживать роды, чѣмъ истощается организмъ, а, напротивъ, ускорять ихъ. Задача земства—идти не противъ требованій жизни, а за ними. Развитіе самосознанія и самодѣятельности—одно изъ главнѣйшихъ условій для прочнаго проведенія въ жизнь экономическихъ мѣропріятій. Съ этой точки зрѣнія народное образованіе должно быть поставлено на первое мѣсто. Значеніе его, какъ фактора экономическаго преуспѣянія, безспорно [1]). Взаимодѣйствіе между степенью развитія народнаго образованія и высотой благосостоянія населенія—самое тѣсное. Они относятся другъ къ другу одновременно—какъ причина и слѣдствіе. Но опять-таки не слѣдуетъ преувеличивать значенія образованія, или, лучше сказать, той грамотности, которая пріобрѣтается въ народной школѣ. Воспитываетъ и развиваетъ весь укладъ жизни. Весьма важно поддерживать возникающія организаціи, которыя развиваютъ самодѣятельность и инициативу, т.-е. такія качества, которыя, вслѣдствіе многовѣковой опеки, отсутствуютъ въ населеніи. Такими организаціями являются мелкія сельско-хозяйственныя общества, потребительскія лавки, кредитныя товарищества и другіе виды свободно возникающихъ союзовъ. Несмотря на кратковременность своего существованія, мелкія сельско-хозяйственныя общества развили крайне полезную и разностороннюю дѣятельность. Многія изъ нихъ если не открыли, то проектируютъ организовать потребительскія лавочки, кредитныя операціи и т. д. Практическія мѣропріятія показываютъ, что нужды деревни ясно сознаны. Вообще, въ дѣятельности обществъ чувствуется біеніе пульса живой общественной жизни.

---

[1]) См. Янжулъ. Экономическая оцѣнка народн. образованія.—Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ: „Нужды деревни“, изд. Н. Н. Львова и А. А. Стаховича.

Въ послѣднее время многія земства приступили къ устройству телефонныхъ сообщеній. Значеніе этого мѣропріятія трудно учесть и выразить въ цифрахъ. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того, что это—вполнѣ культурное начинаніе, имѣющее немалое экономическое значеніе. Въ остзейскихъ губерніяхъ и въ Финляндіи никто не считаетъ телефонное сообщеніе ненужной роскошью. При теперешнемъ денежномъ строѣ хозяйствъ особое значеніе пріобрѣтаютъ пути сообщенія и быстрая и своевременная освѣдомленность о положеніи рынка. Земство находится въ постоянномъ общеніи съ населеніемъ. Общеніе это происходитъ при посредствѣ цѣлаго ряда служащихъ—врачей, агрономовъ, фельдшеровъ, учителей и т. д. Облегченіе способовъ сношеній ихъ съ управой, несомнѣнно, должно отразиться и на интересахъ населенія. Деревня наша полна всякаго рода нестроеній. При существованіи телефона случаи грубаго произвола должны уменьшиться: всякій по телефону можетъ сообщить въ городъ о происшедшемъ случаѣ. Современная обстановка деревни не удовлетворяетъ потребностямъ даже невзыскательнаго человѣка. Изъ деревни бѣгутъ всѣ, кто только можетъ. Деревня бѣдна мѣстными силами, что̀, разумѣется, отражается и на дѣятельности земства. Заботы о благоустройствѣ деревни—ближайшая задача земства: культурность деревни привлечетъ силы и разовьетъ жизнь, и въ общемъ отразится на экономическомъ благополучіи населенія. Появленіе телефона въ деревнѣ, какъ намъ кажется, не должно пройти безслѣдно. Противники телефона обыкновенно указываютъ на народное образованіе, медицину, дорожное дѣло и т. д., какъ на отрасли, которыя далеко еще не приведены въ блестящій видъ. Если стать на эту точку зрѣнія, то земство должно сначала идеально поставить народное образованіе, а тогда только взяться за медицину, затѣмъ приняться за устройство дорогъ и т. д. Едвали кто будетъ защищать подобную точку зрѣнія. Земство углубляетъ и расширяетъ существующія мѣропріятія и въ то же время проводитъ въ жизнь новыя начинанія. И въ общей, и въ специальной печати („Русск. Вѣд.“, „Сар. Зем. Нед.“) вопросъ о земскихъ телефонахъ подвергся обсужденію. Новое начинаніе расширяетъ сферу вліянія земства и заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія.

Земледѣліе—главнѣйшее занятіе нашего населенія, но способы обработки и эксплоатаціи земли далеко не совершенны. Крупные землевладѣльцы въ большинствѣ случаевъ ведутъ вполнѣ раціональное хозяйство, крестьяне же придерживаются устарѣлыхъ „прадѣдовскихъ“ пріемовъ, крайне невыгодныхъ, а то и прямо хищническихъ. Въ результатѣ поля все болѣе и болѣе истощаются и засоряются негод-

ными травами. Какъ общее правило, наблюдается крайне печальный фактъ: урожаи съ крестьянскихъ полей на 25—30% ниже экономическихъ.

Созданіе агрономической организаціи, какъ показалъ опытъ многихъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, весьма плодотворно. Устройство показательныхъ полей, демонстративныхъ опытовъ борьбы съ вредителями сельскаго хозяйства, чтеній и т. д., не проходитъ для населенія безслѣдно. Намъ лично извѣстны факты, какъ послѣ бесѣды о раціональномъ садоводствѣ, сопровождавшейся демонстраціей пріемовъ посадки, обрѣзки, прививки и т. д., въ населеніи пробудился живѣйшій интересъ; старые сады были приведены въ порядокъ и началось усиленное развитіе новыхъ.

Мѣропріятія экономическаго характера, какъ мы говорили выше. требуютъ крайней осторожности. Поэтому весьма полезно учрежденіе экономическихъ совѣтовъ. Въ составъ послѣднихъ должны входить какъ гласные, по выбору собранія, такъ и всѣ наличные представители агрономическихъ силъ губерніи, практики-хозяева и выборные отъ крестьянъ. Подобный составъ является наиболѣе желательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ извѣстнымъ коррективомъ недостатковъ существующей системы земскаго представительства и отсутствія мелкой земской единицы. Приглашеніе спеціалистовъ по садоводству, скотоводству, пчеловодству (гдѣ послѣднее развито) является вполнѣ продуктивной затратой.

Въ оффиціальномъ изданіи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ мы находимъ слѣдующія строки: „Земство представляетъ собою организацію, которая сама по себѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она предусмотрѣна общимъ земскимъ положеніемъ, мало приспособлена къ разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ оказаніемъ воспособленія сельскому хозяйству въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ, и къ осуществленію относящихся сюда мѣропріятій. Поэтому постоянно расширяющіеся размѣры дѣятельности земства въ данной области потребовали спеціальной для того, иногда очень сложной, организаціи, получившей названіе агрономической. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ такую организацію можно признать вполнѣ уже сформировавшеюся. Въ другихъ она только формируется и переживаетъ ту или другую переходную стадію. Наконецъ, имѣются земства, которыя въ подобной организаціи вовсе пока не ощущаютъ надобности, такъ какъ задачи, для выполненія которыхъ она служитъ, еще не выдвинуты на очередь, или же объемъ ихъ крайне незначителенъ. Въ составъ вполнѣ сформировавшихся агрономическихъ организацій обыкновенно входятъ: коллегіальные органы совѣщательнаго характера по сельско-хозяйственной части (сельско-хозяйственные или экономиче-

скіе совѣты, комитеты, бюро, правильные періодическіе съѣзды сельскихъ хозяевъ и агрономовъ и т. п.), такіе же коллегіальные исполнительные органы (экономическія или сельско-хозяйственныя бюро, коммиссіи и т. п.) и приглашаемые на службу земствами агрономы и спеціалисты по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. При многихъ общихъ чертахъ, функціи перечисленныхъ органовъ въ отдѣльныхъ случаяхъ весьма разнообразны. Такъ, задача коллегіальныхъ совѣщательныхъ органовъ заключается преимущественно въ обсужденіи и разработкѣ различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ мѣръ на пользу сельскаго хозяйства. Самый, однако, объемъ подобнаго рода функцій далеко не всегда одинаковъ. При своемъ зарожденіи коллегіальные совѣщательные органы лишь содѣйствуютъ управамъ въ подготовкѣ докладовъ, касающихся воспособленія сельскому хозяйству, для земскихъ собраній. Поэтому, при слабыхъ размѣрахъ такого воспособленія и несложности относящихся сюда мѣръ, учрежденные совѣщательные коллегіальные органы сплошь и рядомъ впослѣдствіи ничѣмъ не проявляютъ своего существованія и даже фактически вовсе не существуютъ, за невыборомъ въ составъ ихъ членовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ объ ихъ существованіи, повидимому, забываютъ, и земскія собранія дѣлаютъ новыя постановленія объ учрежденіи коллегіальныхъ совѣщательныхъ органовъ подъ новымъ наименованіемъ. Рядомъ же съ этимъ, въ другихъ случаяхъ, функціи совѣщательныхъ органовъ постепенно расширяются, равно какъ и ихъ составъ. Можно лишь сказать, что значеніе ихъ въ этомъ отношеніи усиливается по мѣрѣ расширенія объема дѣятельности земства въ области воспособленія сельскому хозяйству. Точно также увеличивается и число земствъ, располагающихъ подобнаго рода коллегіальными органами. Къ 1901 г. изъ 34 губернскихъ земствъ не располагали ими только 7 земствъ (въ 1898 г.—9)—бессарабское (учрежд. въ 1902 г.), владимірское, воронежское, калужское, рязанское, тверское (упраздн. въ 1898 г.) и таврическое. Въ періодъ съ 1898 г. по 1901 г. они учреждены олонецкимъ и полтавскимъ земствами. Коллегіальныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ при уѣздныхъ земствахъ въ 1898 г. было 149, а къ 1901 г.—199. Наибольшее число вновь учрежденныхъ коллегіальныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ приходится на губерніи: черниговскую—6, харьковскую—5, екатеринославскую, калужскую и нижегородскую—по 4 [1]).

Изъ другихъ мѣропріятій для улучшенія сельскаго хозяйства крестьянъ слѣдуетъ упомянуть объ отдачѣ сельско-хозяйственныхъ

[1]) Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Выпускъ 5. Изд. министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

машинъ и орудій—куколеотборниковъ, сѣялокъ и т. д. въ арендное пользованіе населенія. Земство не несетъ никакихъ тратъ—стоимость орудій погашается платой за пользованіе ими.

Скотоводство повсемѣстно падаетъ. Причинъ—много; отсутствіе выпасовъ и хроническія голодовки—главнѣйшія изъ нихъ. Въ Малороссіи волъ замѣняется лошадью. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ охотно приходило на помощь земству, но приплодъ отъ сименталовъ, швицовъ и породистыхъ украинскихъ производителей быстро вырождается въ мѣстную „тосканскую" породу. Симентала трудно прокормить полугнилой соломой съ крышъ. Очевидно, что производителями могутъ пользоваться болѣе или менѣе зажиточные классы населенія, рядовой же крестьянинъ не польстится на казеннаго бугая. Когда распространится многопольная система и населеніе перейдетъ къ стойловому содержанію скота, тогда сименталы окажутся на своемъ мѣстѣ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Теперь нерѣдко земство расходуетъ крупныя суммы на улучшеніе скотоводства и коневодства, собранныя со всего населенія,—фактически же эти мѣропріятія нужны болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ.

При недостаткѣ и дороговизнѣ земли, особенно въ губерніяхъ густо-населенныхъ, особое значеніе пріобрѣтаетъ приведеніе въ культурное состояніе песчаныхъ и неудобныхъ пространствъ, укрѣпленіе овраговъ и осушеніе заболоченныхъ пространствъ.

Правильная организація кредита чрезвычайно важна какъ для крупныхъ, такъ и для мелкихъ хозяйствъ. Въ нѣкоторыхъ земствахъ выдаются ссуды на покупку земли. Какъ извѣстно, крестьянскія надѣльныя и потомственныя казачьи земли могутъ переходить лишь въ руки однообщественниковъ. На этой почвѣ возникаютъ крайне ненормальныя явленія. Переселенецъ можетъ продать свою землю ограниченному кругу покупателей. Большинство принадлежитъ къ „голотѣ", а потому земля переходитъ къ „панъ-отцу" по сильно пониженной цѣнѣ. Въ данныхъ случаяхъ помощь земства ничѣмъ не замѣнима. Операціи этого рода полтавскаго уѣзднаго земства заслуживаютъ вниманія. Ссуды начали выдавать съ 1894 года; до января настоящаго года выдано 379 ссудъ на сумму 57.965 руб., на которые пріобрѣтено 570 десятинъ земли. Разумѣется, оборотный капиталъ далеко не можетъ удовлетворить всей потребности, но, къ сожалѣнію, рессурсы земства крайне ограничены. Полтавское губернское земство обладаетъ такъ называемымъ Александровскимъ капита-

ломъ въ 330 тысячъ рублей, но значеніе этого капитала—по тѣмъ же причинамъ—незначительно. Всего за счетъ этого капитала пріобрѣтено 2.802 десятины земли.

Большое, сравнительно, распространеніе имѣютъ мелкопромышленныя ссуды за счетъ кредита государственнаго банка, ссуды подъ залогъ хлѣба и кредитъ вещный при покупкѣ сельско-хозяйственныхъ орудій изъ земскихъ складовъ. Обыкновенно всѣ эти операціи не объединены, для каждаго рода ссудъ существуютъ особые капиталы, образованные самымъ разнообразнымъ путемъ; одни—изъ займа страхового капитала за 4% годовыхъ; другіе оперируютъ за счетъ суммъ, отпускаемыхъ государственнымъ банкомъ за 6% годовыхъ; третьи, наконецъ, образованы путемъ отчисленія прибылей и внесеніемъ извѣстныхъ ассигновокъ въ смѣту. Одна изъ ближайшихъ задачъ земства — объединить всѣ эти операціи. Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности выработало проектъ земскихъ кассъ съ довольно широкими функціями. Образцовые уставы до настоящаго времени не опубликованы, и потому трудно судить, насколько широкъ будетъ просторъ для дѣятельности кассъ. Нѣкоторые земскіе дѣятели находятъ, что открытіе кассы свяжетъ руки, тогда какъ операціи за счетъ собственныхъ капиталовъ на существующихъ началахъ позволятъ слѣдовать за потребностями жизни, ибо измѣненія достигаются простымъ постановленіемъ земскаго собранія, тогда какъ въ первомъ случаѣ необходимо руководствоваться существующимъ уставомъ.

Сельское населеніе занято полевыми работами 5—6 мѣсяцевъ въ году. Использовать наиболѣе выгоднымъ способомъ свободное время весьма важно. Въ фабричномъ районѣ, вблизи большихъ городовъ можно найти работу. Въ долгую осень и зиму крестьяне занимаются всякаго рода *домашними промыслами*: ткутъ полотно, чинятъ мертвый инвентарь и т. д. При благопріятныхъ условіяхъ развивается изъ домашнихъ промысловъ такъ называемая *кустарная промышленность*, т.-е. производство издѣлій на рынокъ. До послѣдняго времени лишь земство, болѣе или менѣе близкое населенію и знакомое съ его нуждами, помогало развитію этого рода промышленности. Все вниманіе государства поглощено развитіемъ фабричной промышленности, для поддержанія которой приносились и приносятся колоссальныя жертвы. Къ сожалѣнію, помощь земства не всегда направлена на тѣ производства, которыя, при современныхъ условіяхъ, являются жизненными и могутъ конкуррировать съ фабричной промышленностью. Полагать, что всѣ виды кустарныхъ производствъ могутъ конкуррировать съ фабричными—большое заблужденіе, которое въ области практическихъ мѣропріятій можетъ принести одни лишь горькія разочарованія.

Въ такомъ именно положеніи находится ткачество, которое почти повсемѣстно распространено какъ домашній промыселъ. Нерѣдко можно услышать и въ земскихъ собраніяхъ, и въ литературѣ указаніе на то, что въ Англіи, въ странѣ, по преимуществу крупной текстильной промышленности, существуютъ кустари-ткачи,—что извѣстныя брюссельскія кружева производятся кустарями, что ліонскій бархатъ выдѣлывается кустарями же и т. д. Очевидно, что въ данномъ случаѣ кроется крупное недоразумѣніе, если не простое незнаніе. Нашъ ткачъ—человѣкъ въ большинствѣ случаевъ неграмотный, незнакомый съ техникой своего производства, безъ всякаго художественнаго чутья. Ліонскій ткачъ работаетъ дома на станкѣ, пользуясь при этомъ электрической энергіей. Англійскіе кустари удовлетворяютъ изысканнымъ вкусамъ лордовъ. Ихъ издѣлія высокой художественности и доброты разсчитаны на опредѣленный, ограниченный сбытъ и оплачиваются высоко. Ничего подобнаго нельзя сказать о нашихъ ткачахъ, побывавшихъ даже въ мастерскихъ. Извѣстный профессоръ и общественный дѣятель г. Туганъ-Барановскій помѣстилъ въ „Экономической газетѣ" (№ 17 за текущій годъ) интересное письмо изъ Лохвицы—„Кустари и земство". Бывшій правовѣрный марксистъ, г. Туганъ-Барановскій въ настоящее время принимаетъ дѣятельное участіе въ мѣстномъ кустарномъ комитетѣ и живо интересуется кустарными промыслами.

„Для сѣраго деревенскаго ткача роскошная ткацкая школа полтавскаго губернскаго земства (въ Дегтяряхъ) является совершенно чуждымъ учрежденіемъ.

„Такихъ ткацкихъ школъ, хотя менѣе роскошно обставленныхъ, въ полтавской губерніи нѣсколько. Несмотря на это, масса ткачей не имѣетъ никакого представленія объ усовершенствованныхъ пріемахъ ткачества и никогда не слыхала, напр., о станкѣ-самолетѣ.

„Техническія школы, конечно, дѣло полезное. Но однѣхъ ихъ, очевидно, мало. И если земство не сдѣлаетъ дальнѣйшаго шага и не позаботится о созданіи организаціи, долженствующей распространять техническія знанія за предѣлами школы и непосредственно знакомить массу населенія, самихъ кустарей, съ улучшенными пріемами производства, то всѣ эти школы будутъ больше служить для украшенія земскихъ отчетовъ, чѣмъ для дѣйствительной пользы народа. Между тѣмъ, именно мѣстное деревенское ткачество заслуживаетъ того, чтобы о поднятіи его техники позаботилось земство.

„Мнѣ казалось, что прежде всего нужно направить усилія на распространеніе среди ткачей стана-самолета. Земство могло бы пригласить инструкторовъ по ткацкому дѣлу, которые, разъѣзжая изъ села въ село со станомъ-самолетомъ (и иными усовершенствованными

орудіями ткачества), знакомили бы мѣстныхъ ткачей съ новыми пріемами ткачества. Для облегченія пріобрѣтенія ткачами новыхъ орудій производства, земство могло бы открывать ткачамъ соотвѣтствующій кредитъ.

„Лохвицкая земская управа согласилась съ этими предложеніями, и земское собраніе ассигновало нужныя средства. Дѣло началось. Первоначально я пригласилъ въ инструкторы уже состоявшую на земской службѣ мастерицу, кончившую курсъ въ школѣ губернскаго земства. Она умѣла хорошо ткать ткани изъ фабричной пряжи, но къ работѣ на грубой деревенской пряжѣ не привыкла. Вѣроятно, по этой причинѣ ткачи отнеслись къ работѣ на новомъ станѣ съ большимъ недовѣріемъ.

„Моя инструкторша объѣздила нѣсколько селъ безъ всякаго успѣха: ткачи признали станъ-самолетъ никуда негоднымъ, и ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ завести таковаго у себя.

„Тогда мнѣ пришла въ голову счастливая мысль оставить ученыхъ мастерицъ и выбрать инструкторомъ какого-нибудь смышленаго ткача-кустаря. Мой выборъ оказался удачнымъ. Правда, приглашенный въ инструкторы ткачъ первоначально плохо справлялся со станомъ-самолетомъ; но такъ какъ эта наука немудреная, то скоро онъ вполнѣ освоился съ новымъ станомъ и, будучи человѣкомъ очень неглупымъ, сдѣлалъ цѣлый рядъ улучшеній въ станѣ, въ смыслѣ приспособленія его къ тканью крестьянской пряжи. Я назначилъ ему небольшую премію за распространеніе среди ткачей становъ-самолетовъ и металлическихъ ткацкихъ бердъ. Дѣло пошло въ ходъ.

„Кромѣ становъ-самолетовъ, мой инструкторъ распространялъ также металлическія ткацкія берда. Таковыхъ у насъ былъ выписанъ большой запасъ, и ткачи раскупали ихъ очень охотно—всего ихъ было куплено на наличныя деньги 34 штуки.

„Кромѣ стана-самолета и металлическаго берда, ткацкій инструкторъ можетъ знакомить населеніе и съ другими вспомогательными орудіями ткачества—какъ, напр., съ вращающимися сновальнями, которыя чрезвычайно ускоряютъ и облегчаютъ снованье; онъ можетъ продавать ткачамъ фабричную пряжу, давать ткачамъ рисунки скатертей и другихъ узорчатыхъ тканей, знакомить съ пріемами работы этихъ тканей и т. д., и т. д. Вообще такой инструкторъ, если онъ человѣкъ сколько-нибудь толковый, можетъ оказать очень большое вліяніе на характеръ и технику ткацкаго промысла. Болѣе интеллигентные и грамотные ткачи обнаруживаютъ большую готовность учиться. Въ хату, куда пріѣзжаетъ инструкторъ, набирается масса народа, и всѣ съ величайшимъ интересомъ смотрятъ на работу на новомъ станѣ.

„Мой непродолжительный опытъ привелъ меня къ убѣжденію въ крайней важности, въ ряду другихъ земскихъ мѣропріятій по помощи кустарной промышленности, организаціи разъѣзжающихъ земскихъ кустарныхъ инструкторовъ. Но дѣло это можетъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если оно не приметъ бюрократическаго характера и если инструкторъ будетъ близко стоять къ кустарямъ; всего лучше, если онъ будетъ самъ изъ кустарей. Только въ живой связи съ народной массой земство можетъ успѣшно выполнять свое великое дѣло. Никакой чиновникъ—все равно, будетъ ли онъ получать жалованье изъ земской или государственной казны—не поможетъ деревнѣ, если онъ не будетъ участвовать въ ея жизни. Всякая земская организація, имѣющая въ виду помощь кустарямъ, должна прежде всего позаботиться о томъ, чтобы привлечь къ участію въ ней самихъ кустарей. Кустари были бы самыми полезными членами всякихъ кустарныхъ комитетовъ, экономическихъ бюро и прочихъ земскихъ и неземскихъ учрежденій, вѣдающихъ кустарную промышленность; они внесли бы въ эти учрежденія ту живую струю, которой недостаетъ многимъ изъ этихъ комитетовъ и бюро, подчасъ напоминающихъ департаментскія канцеляріи. Вообще, большая ошибка думать, что бюрократическій духъ свойственъ только государственнымъ учрежденіямъ".

Намъ кажется, что опытъ г. Туганъ-Барановскаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Созданіе школъ съ дорогой администраціей не достигаетъ цѣли. Полтавское уѣздное земство затратило большія средства на ткацкія школы и послѣ пятилѣтняго опыта пришло къ грустному результату. Собраніе постановило реорганизовать Руновщинскую мастерскую, по возможности упростивъ ее.

Нѣкоторые земскіе дѣятели полагаютъ, что въ ткацкія школы можно вдохнуть жизнь. Такой живой водой является, по мнѣнію полтавской губернской управы, введеніе національныхъ рисунковъ, орнаментировка издѣлій въ малорусскомъ духѣ. Не отрицая извѣстной практичности подобнаго направленія дѣла, все-же можно выразить сомнѣніе, чтобы мастерскія бюрократическаго характера, далекія отъ населенія, проявили признаки жизнеспособности.

Ткачъ-инструкторъ могъ бы съ успѣхомъ пропагандировать и малорусскій орнаментъ.

Во всякомъ случаѣ ткацкія мастерскія далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, и слѣдуетъ обстоятельно обсудить вопросъ, прежде чѣмъ открывать мастерскія подобнаго типа.

Иначе населеніе относится къ рукодѣльнымъ мастерскимъ. Жизненность ихъ—внѣ сомнѣнія. Мастерскія не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. Обыкновенно мастерскія являются дополнительными классами земской школы. Принимаются лишь окончившіе курсъ послѣд-

нихъ. Число учащихся достигаетъ нерѣдко до 40 и больше человѣкъ. Организація несложна, расходы небольшіе. Плата мастерицы рѣдко превышаетъ 300 руб., оборудованіе несложно. Такимъ образомъ, при наличности помѣщенія содержаніе обходится 400—500 рублей, а то и значительно дешевле. Крупнымъ недостаткомъ является отсутствіе занятій по общеобразовательнымъ предметамъ. Желательны, въ крайнемъ случаѣ, вечернія дополнительныя занятія раза три въ недѣлю, организація чтеній и т. д. Крестьяне цѣнятъ эти мастерскія за то, что въ нихъ пріобрѣтается умѣнье, необходимое въ каждомъ хозяйствѣ. Для болѣе талантливыхъ ученицъ портняжно-швейное мастерство является профессіональнымъ занятіемъ, обезпечивающимъ существованіе.

Корзиночныя мастерскія даютъ вѣрный заработокъ своимъ бывшимъ ученикамъ. Къ сожалѣнію, постановка дѣла не всегда правильна. Очень часто земскія мастерскія носятъ характеръ частныхъ, гдѣ ученики, присматриваясь къ работѣ мастера, постепенно пріобрѣтаютъ необходимый навыкъ. Мастеръ и ученики получаютъ издѣльно плату и не столько заботятся объ ученьи, какъ о томъ, чтобы возможно больше заработать. Такая постановка едва ли желательна. Результаты весьма плачевны. Ученики уходятъ, научившись кое-какъ дѣлать корзины и простѣйшія вещи. Работы часто неудовлетворительны и бракуются покупателями. Изъ другихъ спеціальныхъ и правильно организованныхъ заведеній необходимо упомянуть о сельско-хозяйственныхъ школахъ, практическихъ школахъ садоводства, маслодѣлія и т. д., находящихся въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, ремесленныхъ школахъ (вѣдомства министерства финансовъ) и т. п. Всѣ эти школы субсидируются правительствомъ, и все-таки содержаніе ихъ обходится земству довольно дорого. Окончившіе прилагаютъ свои знанія въ крупныхъ экономіяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. д. Въ крестьянскую среду рѣдко кто изъ нихъ возвращается. Школы эти вызваны запросами болѣе или менѣе крупнаго землевладѣнія и промышленной буржуазіи. Разумѣется, отрицать пользы этихъ школъ нельзя. Профессіональное техническое образованіе развито у насъ слабо. Весь вопросъ заключается въ томъ, слѣдуетъ ли земству открывать ихъ, или обязанность эта должна быть возложена на государство.

Такъ называемыя „крестьянскія" земства—пермское и вятское—произвели интересный опытъ пріурочить спеціальныя знанія къ земской школѣ. По нашему мнѣнію, опытъ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

„Поднять качество работника, повысить его смѣтливость и энергію, снабдить необходимыми сподручными знаніями, дать ему возможность

производительно использовать пропадающій даромъ зимній досугъ,—говоритъ статсъ-секретарь А. Н. Куломзинъ въ своей книгѣ: „Доступность начальной школы въ Россіи",—все это важнѣйшія коренныя мѣры, какими только и можно вызвать дѣйствительный прочный подъемъ любой отрасли хозяйственной дѣятельности". Земскія школы въ этомъ отношеніи могутъ сыграть немалую роль, но необходимо только, чтобы преподаваніе ремеслъ и сельско-хозяйственной техники было отдѣлено отъ обученія грамотѣ и составило особый дополнительный классъ".

Большинство мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности высказалось за присоединеніе „техническихъ" классовъ къ общеобразовательной школѣ, за школьныя хозяйства, сады, огороды и пасѣки, за снабженіе школьныхъ библіотекъ соотвѣтствующими сочиненіями, а также за сельско-хозяйственную подготовку учителей и учительницъ народныхъ школъ въ учительскихъ семинаріяхъ, а равно на дополнительныхъ лѣтнихъ курсахъ при спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ школахъ и образцовыхъ хозяйствахъ. По поводу послѣдняго пожеланія слѣдуетъ замѣтить, что подготовка учителей къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ, садомъ, огородомъ, пчелами, могла бы сдѣлать ихъ людьми болѣе нужными и болѣе „своими" въ деревнѣ, сблизила бы ихъ съ учениками, иногда, при умѣломъ веденіи школьныхъ хозяйствъ, могла бы служить даже къ улучшенію матеріальнаго положенія учащихъ. Но едва ли возможно каждаго сельскаго учителя, а тѣмъ болѣе каждую учительницу, обязать къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ: такое дѣло требуетъ любви, доброй воли и знанія.

Для спеціальнаго же обученія дѣтей сельскому хозяйству, а тѣмъ болѣе ремеслу, нужны, во всякомъ случаѣ, особые классы, особые учителя; для ремеслъ—и особыя помѣщенія. Разсчитывать, какъ нѣкоторые комитеты, на преподаваніе сельскаго хозяйства и ремеслъ мимоходомъ, при помощи ариѳметическихъ задачниковъ, въ которыхъ задачамъ дано „сельско-хозяйственное" содержаніе, или на урокахъ объяснительнаго чтенія, подбирая тексты, рисующіе „картины жизни крестьянской семьи, раціонально ведущей свое хозяйство", врядъ ли возможно. Серьезному практическому дѣлу и учить надо серьезно и практически, въ спеціальной школѣ или въ хорошо поставленныхъ дополнительныхъ классахъ общей начальной школы. Если спеціальная школа имѣетъ преимущества въ смыслѣ большей прочности профессіональнаго обученія, то спеціальные классы при начальныхъ школахъ стóятъ дешевле и доступны несравненно большему числу дѣтей.

Тогда не будетъ основаній опасаться, что обученіе мастерству

только будетъ отнимать время у общеобразовательныхъ предметовъ и окажется призрачнымъ.

Въ пермской губерніи подобнаго рода отдѣленія начали открываться лѣтъ семь тому назадъ. Эти отдѣленія съ теоретическими и практическими въ нихъ занятіями учащихся все болѣе и болѣе начинаютъ привлекать къ себѣ симпатіи крестьянскаго населенія. Теперь встрѣчаются даже такіе факты, что приходится нѣкоторымъ желающимъ поступить въ четвертыя отдѣленія отказывать „за недостаткомъ мѣстъ“.

Курсъ обученія въ четвертыхъ сельско-хозяйственныхъ отдѣленіяхъ двухлѣтній. Въ этихъ отдѣленіяхъ проходится курсъ естествознанія и сельскаго хозяйства, какъ главный основной предметъ, и кромѣ того Законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ, исторія и географія, какъ повторительный курсъ народной школы, съ нѣкоторыми пополненіями.

Всѣ преподаватели четвертыхъ отдѣленій имѣютъ среднее сельскохозяйственное образованіе. При отдѣленіяхъ учреждены должности помощниковъ преподавателей, замѣщенныя лицами, имѣющими званіе народнаго учителя.

Дополнительныя отдѣленія находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и открываются съ разрѣшенія послѣдняго. Въ текущемъ году оканчивающимъ предоставлено право на пользованіе льготой 2-го разряда по воинской повинности.

Четвертыя отдѣленія при начальныхъ училищахъ могутъ положить прочное начало популяризаціи научныхъ знаній въ деревнѣ. Учителя дополнительныхъ отдѣленій въ пермской губерніи имѣютъ право устраивать систематическія чтенія по естествознанію для деревенскаго населенія въ формѣ живыхъ бесѣдъ, не стѣсненныхъ ни выборомъ матеріала, ни формою изложенія.

Знанія, почерпнутыя въ дополнительныхъ отдѣленіяхъ, будутъ примѣнены въ собственномъ хозяйствѣ, какъ бы мало оно ни было. Это—не „спеціалистъ“, котораго рѣшился пригласить частный владѣлецъ. Эти же отдѣленія разрѣшаютъ вопросъ о высшемъ типѣ земской школы: центръ тяжести дополнительныхъ отдѣленій—въ общеобразовательныхъ предметахъ.

Склады сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ и желѣза въ ряду экономическихъ мѣропріятій занимаютъ особое мѣсто. Каждое отдѣльное мѣропріятіе только тогда можетъ правильно развиваться, когда ясно сознано, къ чему должны быть направлены всѣ усилія. Открывая склады, земство руководствовалось желаніемъ рас-

пространить среди населенія улучшенныя сельско-хозяйственныя машины и сѣмена при помощи возможно льготнаго кредита. Интересы массы населенія стояли на первомъ мѣстѣ. Крестьяне не умѣютъ разобраться въ предлагаемыхъ въ частныхъ складахъ орудіяхъ, не знаютъ, откуда выписать ихъ. Крупные хозяева менѣе нуждаются въ услугахъ складовъ. Каждый изъ нихъ знаетъ, какія орудія ему нужны, знаетъ, откуда и выписать ихъ. Земскій складъ приноситъ и имъ значительную пользу—регулируя и понижая цѣны. Несмотря на отсутствіе коммерческихъ задачъ, послѣднія иногда постепенно начинаютъ играть преобладающую роль въ дѣятельности складовъ. Такое направленіе въ корнѣ противорѣчитъ основнымъ задачамъ складовъ. Земскіе склады оперируютъ за счетъ земскихъ суммъ, собранныхъ со всего населенія. Общественныя суммы требуютъ особенно тщательнаго къ себѣ отношенія. Земскіе склады, пока обороты ихъ невелики, легко поддаются отчету и контролю. По мѣрѣ своего развитія, когда въ предпріятіе завязываются все большіе и большіе капиталы, увеличивается и рискъ. Въ торговомъ дѣлѣ безъ послѣдняго обойтись, разумѣется, нельзя. Затрудненія при контролѣ (фактическомъ, а не бумажномъ) возрастаютъ. Приходится создавать цѣлые штаты служащихъ, основывать все дѣло на довѣріи, такъ какъ выборный персоналъ не настолько великъ, чтобы значительную часть времени удѣлять складамъ. Довѣріе необходимо въ каждомъ дѣлѣ, но несомнѣнно также, что земская денежка подлежитъ строгому учету и контролю. Тамъ, гдѣ является отвѣтственность за десятки тысячъ рублей, нельзя обойтись общимъ наблюденіемъ и направленіемъ дѣла. Необходимо вникать въ каждую мелочь. И мы нерѣдко видимъ, что складамъ удѣляется масса времени и вниманія въ ущербъ другимъ весьма важнымъ отраслямъ земскаго хозяйства.

Гарантіей могущихъ быть убытковъ, всегда возможныхъ въ коммерческихъ мѣропріятіяхъ, является начисленіе прибылей на продаваемые товары. Изъ этихъ же поступленій отчисляется необходимая сумма на содержаніе складовъ. Администрація обходится дорого. Такъ, намъ извѣстенъ складъ, обороты котораго простираются до 80 тысячъ рублей, а на содержаніе расходуется 2.200 рублей, при чемъ оплата труда служащихъ собственно въ канцеляріи управы и почти всецѣло занятыхъ дѣлопроизводствомъ и счетоводствомъ складовъ не посчитана въ эту сумму.

Слишкомъ высокій процентъ прибыли подрывалъ бы значеніе склада, ибо одна изъ главныхъ его задачъ—создать спросъ, вызвать частную инициативу, регулировать и понижать цѣны. Вообще, задача склада—распространеніе орудій за возможно пониженную цѣну.

Наряду съ земскими складами обыкновенно возникаютъ и частные,

гдѣ населеніе пользуется такими же льготами, какъ и въ земскихъ. Большое заблужденіе думать, что земскіе склады убьютъ частные. Вотъ почему стремленіе увеличивать обороты не должно входить въ кругъ прямыхъ задачъ земскихъ складовъ. Все вниманіе необходимо сосредоточить на самомъ тщательномъ выборѣ сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ и т. д. и отпускѣ по возможно пониженной цѣнѣ. При этомъ главное вниманіе должно быть сосредоточено на массовомъ покупателѣ—крестьянахъ. Словомъ, складъ долженъ носить характеръ агрономическаго, а не коммерческаго мѣропріятія.

Для распространенія машинъ и орудій среди населенія недостаточно еще открыть складъ. Цѣны на орудія слишкомъ высоки. Небольшіе, сравнительно, земскіе склады всецѣло зависятъ отъ извѣстныхъ крупныхъ фирмъ и поставщиковъ. Послѣдніе диктуютъ условія, и волей-неволей приходится соглашаться съ ними. Заводы игнорируютъ мелкихъ заказчиковъ, предпочитая имѣть дѣло съ фирмами, ведущими дѣло на широкую ногу. Зачастую земскіе склады получаютъ меньшую скидку, чѣмъ торговцы. Отдѣльные склады безсильны и не могутъ бороться съ этими неблагопріятными условіями.

Объединеніе въ одну организацію многихъ земскихъ складовъ можетъ сильно измѣнить дѣло. При большихъ оптовыхъ заказахъ заводы охотно пойдутъ на уступки и предоставятъ земствамъ тѣ выгоды, которыми теперь пользуются лишь крупныя фирмы. Въ этихъ видахъ при орловской губернской управѣ уже нѣсколько лѣтъ функціонируетъ посредническое бюро. Въ послѣднее время вопросъ о совмѣстной закупкѣ орудій, желѣза и сѣмянъ обсуждался въ Москвѣ, а затѣмъ, въ іюлѣ этого года, въ Орлѣ. На совѣщаніи выработанъ проектъ устава, который, надо думать, при теперешнемъ направленіи внутренней политики, будетъ утвержденъ. Въ газетахъ сообщался слухъ, что на соединенныя средства предположено открыть земскій заводъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Если слухъ окажется вѣрнымъ, то цѣны на орудія должны значительно понизиться. Къ сожалѣнію, таможенная политика, искусственно повышая стоимость чугуна, желѣза и стали, тѣмъ самымъ поднимаетъ значительно цѣны и на издѣлія изъ нихъ. И въ данномъ случаѣ нашъ многострадальный крестьянинъ платитъ обильную дань на поддержаніе и развитіе отечественной крупной промышленности.

Весьма благодарной задачей является стремленіе нѣкоторыхъ земствъ развить кустарное производство сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Такъ, въ вятской и пермской губерніяхъ развито производство вѣялокъ, боронъ и т. д. Къ сожалѣнію, лишь немногія земства обратили на это серьезное вниманіе. Зачастую выписываются такіе

предметы, производство которыхъ легко можно было бы организовать на мѣстѣ.

Мы коснулись лишь немногихъ и, какъ намъ кажется, наиболѣе типичныхъ экономическихъ мѣропріятій. Болѣе или менѣе исчерпывающее разсмотрѣніе потребовало бы цѣлаго изслѣдованія. Такъ, мы прошли молчаніемъ ссыпку хлѣба, поставку обуви и мѣшковъ интендантству, организацію хлѣбныхъ ломбардовъ, покупку лошадей для безлошадныхъ хозяйствъ и т. д.

Изученіе экономическихъ мѣропріятій показываетъ, что земство въ теперешнемъ его видѣ мало приспособлено для продуктивной работы въ этой области. Сословная организація, недовѣріе правительства къ дѣятельности земствъ, ограниченность средствъ, подавленность и темнота населенія парализуютъ зачастую то или другое начинаніе или придаютъ ему своеобразную окраску. Весьма немногія земства обратили вниманіе на положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, на улучшеніе условій переселеній. На мѣропріятія другого характера иногда затрачиваются приличныя суммы. Такъ, одно изъ земствъ (если не ошибаемся, тамбовское) ассигновало 40 тысячъ рублей на улучшеніе коневодства.

Впрочемъ, нужно оговориться, что большинство земствъ не заслуживаетъ упрека въ проведеніи мѣръ, необходимыхъ главнымъ образомъ для крупнаго землевладѣнія.

Второй причиной, обусловливающей неуспѣхъ многихъ экономическихъ мѣръ, является отчужденность земства отъ населенія. Въ данной области съ наибольшей остротой ощущается потребность въ мелкой земской единицѣ. Записка 18-ти членовъ московскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности утверждаетъ,—и съ этимъ согласится каждый, кто близко знакомъ съ дѣйствительностью,—что населеніе считаетъ земство чѣмъ-то стоящимъ внѣ его. „Чтобы пріобщить весь русскій народъ къ общественной самодѣятельности и органически связать его съ земствомъ, необходимо приблизить земскія учрежденія къ деревнѣ, сдѣлать такъ, чтобы дѣятельность ихъ протекала на глазахъ сельскаго населенія и при ближайшемъ участіи возможно бо̀льшаго числа уполномоченныхъ этого послѣдняго; необходимо создать мелкую земскую единицу. Созданіе мелкой земской единицы вызывается многочисленными запросами жизни, все болѣе выдвигаемыми земскою дѣятельностью и настоятельно требующими своего разрѣшенія. Необходимость болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, земской единицы ощущается рѣшительно во всѣхъ областяхъ земскаго дѣла—школьной, санитарной, медицинской, ветеринар-

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1905.

Историческій день 6-го іюня.—Рѣчь кн. С. Н. Трубецкого и комментаріи къ ней.—Рефератъ П. А. Некрасова о „Новой Палатѣ“.—Финляндія и государственная дума.—Министерство полиціи.—Характерное дѣло.—„Московская Недѣля“ и тульская брошюра.—Послѣднія положенія комитета министровъ.

6-ое іюня навсегда останется памятнымъ днемъ въ исторіи Россіи. Государемъ Императоромъ были приняты и выслушаны люди, уполномоченные—не формально, но фактически—говорить отъ лица значительной части русскихъ гражданъ. Они принесли съ собою петицію на Высочайшее имя, составленную, 25-го мая, въ Москвѣ и одобренную, два дня спустя, с.-петербургскою городскою думою. Вотъ текстъ этого замѣчательнаго документа, заимствуемый нами изъ № 153 „Русскихъ Вѣдомостей“.

„Ваше Императорское Величество.

Въ минуту величайшаго народнаго бѣдствія и великой опасности для Россіи и самаго престола Вашего мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ, отложивъ всякую рознь и всѣ различія, насъ раздѣляющія, движимые одной пламенной любовью къ отечеству. Государь, преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіями Вашихъ совѣтниковъ Россія ввергнута въ гибельную войну. Наша армія не могла одолѣть врага, нашъ флотъ уничтоженъ и, грознѣе опасности внѣшней, разгорается внутренняя усобица. Увидавъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Вашимъ всѣ пороки ненавистнаго и пагубнаго приказнаго строя, Вы положили измѣнить его и предначертали рядъ мѣръ, направленныхъ къ его преобразованію. Но предначертанія эти были искажены и ни въ одной области не получили надлежащаго исполненія. Угнетеніе личности и общества, угнетеніе слова и всякій произволъ множатся и растутъ. Вмѣсто предуказанной Вами отмѣны усиленной охраны и административнаго произвола полицейская власть усиливается и получаетъ неограниченныя полномочія, а подданнымъ Вашимъ преграждается путь, открытый Вами, дабы голосъ правды могъ восходить до Васъ. Вы

положили созвать народныхъ представителей для совмѣстнаго съ Вами строительства земли, и слово Ваше осталось безъ исполненія донынѣ, несмотря на все грозное величіе совершающихся событій; а общество волнуютъ слухи о проектахъ, въ которыхъ обѣщанное Вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказный строй, замѣняется сословнымъ совѣщаніемъ. Государь, пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими. Пусть рѣшатъ они, въ согласіи съ Вами, жизненный вопросъ государства, вопросъ о войнѣ и мирѣ, пусть опредѣлятъ они условія мира, или, отвергнувъ его, превратятъ эту войну въ войну народную. Пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную болѣе, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи и сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго. Пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй. Государь! Въ рукахъ Вашихъ честь и могущество Россіи, ея внутренній миръ, отъ котораго зависитъ и внѣшній миръ ея, въ рукахъ Вашихъ держава Ваша, Вашъ престолъ, унаслѣдованный отъ предковъ. Не медлите, Государь. Въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша предъ Богомъ и Россіей".

Первымъ обратился съ рѣчью къ Государю Императору кн. С. Н. Трубецкой, профессоръ философіи въ московскомъ университетѣ, одинъ изъ ближайшихъ друзей покойнаго Влад. Серг. Соловьева.

„Позвольте выразить Вашему Величеству,—сказалъ онъ,—нашу глубокую искреннюю благодарность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ—общественныхъ и земскихъ дѣятелей—чуть ли не измѣнниками престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство—любовь къ отечеству и сознаніе долга передъ Вами.

Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычной формѣ, то вѣрьте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознаніе общей опасности, которая велика, Государь.

Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и въ несокрушимое могущество Россіи; но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ Царя. И когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что Царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое

убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово „измѣна" произнесено; и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ,— и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ „господахъ" вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплоатируется. Одни натравляютъ народъ на помѣщиковъ, другіе—на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и растетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что вначалѣ облекается въ патріотическія формы,—тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій—это путь, указанный Вами, Государь,—созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія и, наконецъ, оно должно служить „преобразованію государственному", какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что̀ объединяетъ всѣхъ насъ, что̀ объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ идти по намѣченному Вами пути.

Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные—равно и безъ различія—чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое Отечество, въ Васъ—своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ Русскій Царь—не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій,— а Царь всея Руси, такъ и выборные люди отъ всего населенія, призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе.

Далѣе, народное представительство должно служить дѣлу „преобразованія государственнаго". Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а „приказный строй". Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ

державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между имъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами.

Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо открыть самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь.

Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи".

Гласный с.-петербургской городской думы М. П. Федоровъ высказалъ слѣдующее:

„Позвольте, Ваше Величество, присоединить къ тому, что̀ сейчасъ было высказано княземъ Трубецкимъ, еще и то, что̀ тревожитъ и волнуетъ города. Городъ и деревня такъ близки другъ другу, что всякая невзгода деревни отражается и на благосостояніи города; бѣднѣетъ деревня, и мы страдаемъ.

Мы не можемъ не безпокоиться о задачахъ ближайшаго будущаго: какъ бы Ваше Величество ни разрѣшили вопросъ войны и мира, война все-таки когда-нибудь кончится, и тогда настанетъ необходимость залечивать нанесенныя ею раны—экономическія и финансовыя; мы предвидимъ, что нашъ бюджетъ долженъ будетъ увеличиться ради этого на много милліоновъ въ годъ. Чтобы достать эти милліоны, чтобы найти источникъ для покрытія этихъ расходовъ, нужно начать огромную культурную работу, нужно озаботиться о подъемѣ производительныхъ силъ страны, а это только возможно тогда, когда будетъ призвано къ жизни все, что̀ есть даровитаго и талантливаго въ народѣ, и возбуждена широкая самодѣятельность общества.

У Вашего Величества есть, правда, люди и люди талантливые, но ихъ немного, и они могутъ присматриваться къ потребностямъ и нуждамъ народнымъ только изъ своихъ кабинетовъ и канцелярій, тогда какъ предстоящая работа потребуетъ людей, стоящихъ у самой жизни. Вотъ почему и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей, мысли которыхъ передалъ здѣсь князь Трубецкой".

Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣтить:

„Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви къ Родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко Мнѣ.

„Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ Моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

„Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля—воля Царская—созывать выборныхъ отъ народа — непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.

„Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.

„Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія.

„Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

„Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ".

Кромѣ кн. Трубецкого и М. П. Федорова, въ представленіи участвовали земскіе гласные: московскіе—Ѳ. А. Головинъ (предсѣдатель московской губернской земской управы) и кн. Пав. Д. Долгоруковъ, псковской—гр. П. А. Гейденъ, саратовскій—Н. Н. Львовъ, тамбовскій—Ю. А. Новосильцовъ, тверскіе—И. И. Петрункевичъ и Ф. И. Родичевъ, тульскій—кн. Г. Е. Львовъ (предсѣдатель тульской губернской земской управы), харьковскій—Н. Н. Ковалевскій, ярославскій—кн. Д. И. Шаховской, и с.-петербургскіе городскіе гласные бар. П. Л. Корфъ и А. Н. Никитинъ. „Въ составѣ этой исторической депутаціи"—справедливо замѣчаетъ „Русь"—„находилось нѣсколько лицъ, обычно подвергающихся самымъ грубымъ нападкамъ реакціонной печати... Земля избрала и верховная власть приняла людей высокодостойныхъ этого двойного довѣрія, но чьи имена съ наглостью, свойственною ободряемымъ и натравляемымъ рептиліямъ, трепали еще очень и очень недавно „Московскія Вѣдомости" и союзные имъ органы клеветничества... Со столбцовъ газетъ злобныя и лживыя аттестаціи въ весьма недавнее еще время, при В. К. Плеве, поднимались гораздо выше, въ административныя сферы, и неразборчивая рука фанатика бюрократіи давила аттестованныхъ, чѣмъ только могла давить. Менѣе года назадъ поднадзорные, политически неблагонадежные, они вчера приняты были въ Фермерскомъ дворцѣ... Черезъ многое пришлось пройти многимъ земскимъ дѣятелямъ, отстаивавшимъ правду и законъ въ русской землѣ противъ безпардоннаго, нечестнаго беззаконія русской бюрократіи".

Глубокое, потрясающее впечатлѣніе произвела въ широкихъ кругахъ столь же продуманная, сколько и прочувствованная рѣчь князя С. Н. Трубецкого. Ярко, въ немногихъ, но вѣскихъ словахъ обрисовавъ причины зла, отъ котораго страдаетъ Россія, онъ указалъ путь, ведущій впередъ, къ добру и свѣту. Отсюда тревога, поднявшаяся среди сторонниковъ тьмы и неправды. Сначала они пустили въ ходъ „пріемъ ироніи", приписывая князю Трубецкому и его товарищамъ страхъ передъ *земской* неурядицей, осужденіе „вреднаго направленія", принятаго нѣкоторыми земскими и городскими учрежденіями [1]). Убѣдясь, что слишкомъ ужъ очевидна искусственность и фальшь подобнаго пріема, они перешли въ открытое нападеніе, соединенное съ самозащитой (говоримъ: *самозащитой*, потому что все, противъ чего возставалъ кн. Трубецкой, поддерживала, одобряла или вдохновляла реакціонная печать). Какъ ведется нападеніе, къ какимъ средствамъ прибѣгаетъ защита—этому достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Слова кн. Трубецкого: „предначертанія верховной власти урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ"—истолковываются исключительно въ смыслѣ упрека министру внутреннихъ дѣлъ, медлящему созывомъ представителей, и затѣмъ дѣлается попытка доказать, что этотъ упрекъ не заслуженъ, что работа первостепенной важности не могла быть закончена въ болѣе короткое время. Всѣ эти аргументы бьютъ мимо цѣли. Дѣло не столько въ томъ, допущена или не допущена медленность въ созывѣ представителей,—сколько въ томъ, въ чьи руки попадаетъ исполненіе реформъ —въ руки искреннихъ ихъ друзей или въ руки враговъ, тайныхъ, а иногда и явныхъ? На этотъ вопросъ, прямо и ясно поставленный кн. Трубецкимъ, не можетъ быть двухъ различныхъ отвѣтовъ: достаточно припомнить, сколько совершилось въ послѣднее время, на бумагѣ, отступленій отъ системы, почти четверть вѣка сряду господствовавшей въ нашемъ оффиціальномъ мірѣ—и какъ мало измѣнился до сихъ поръ личный составъ этого міра. Кн. Трубецкой безусловно правъ—и доказательствомъ его правоты служитъ, между прочимъ, именно эскамотажъ, производимый надъ его мыслью.

„Страшное слово: *измѣна*"—читаемъ мы дальше въ рѣчи кн. Трубецкого—„произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ—и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ *господахъ* вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплоатируется. Одни натравляютъ народъ на помѣщиковъ, другіе—на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы". Неправда—возражаетъ московская газета,—„неправда, что народъ ищетъ измѣнни-

[1]) См. „Московскія Вѣдомости", №№ 154 и 156.

ковъ среди генераловъ и чиновниковъ; среди нихъ стараются найти измѣнниковъ только радикалы. Народъ инстинктивно ищетъ измѣнниковъ среди людей, умышленно создающихъ правительству всевозможныя затрудненія въ видѣ стачекъ, открытыхъ бунтовъ, подрыва кредита, сношеній съ непріятелемъ... Народъ дѣйствительно натравливаютъ на помѣщиковъ; но кто это дѣлаетъ? Кто совѣтовалъ—поправъ всѣ законы собственности,—отнять землю у помѣщиковъ и раздать крестьянамъ? Кто, какъ не слушатели этихъ совѣтовъ, ходятъ по деревнямъ, благо у нихъ много свободнаго времени, и подстрекаютъ населеніе къ грабежамъ? Кто натравливаетъ общество на учителей, какъ не либеральная печать, представляющая учителя какимъ-то извергомъ, пожирающимъ дѣтей живьемъ"?—Претендуя на возстановленіе правды, вся эта тирада представляетъ собою сплошное ея нарушеніе. Печать, какъ радикальная, такъ и либеральная—въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между тою и другою—нигдѣ не искала и не ищетъ измѣны и измѣнниковъ: она констатировала и констатируетъ неспособность, легкомысліе, отсутствіе чувства долга, злоупотребленіе властью — но винитъ въ этомъ не столько отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, сколько режимъ, на почвѣ котораго они воспитались и подъ покровомъ котораго они дѣйствовали... или бездѣйствовали. Не ищетъ измѣнниковъ и народъ, даже въ своихъ стихійныхъ эксцессахъ; не вѣрятъ въ измѣну и „черныя сотни", когда предпринимаютъ избіеніе евреевъ, студентовъ или гимназистовъ. Пропагандою этой вѣры занимается одна лишь реакціонная печать. Образецъ пріемовъ, къ которымъ она при этомъ прибѣгаетъ, мы видѣли выше. Одинъ изъ нихъ—сваливанье въ одну кучу самыхъ разнородныхъ обвиненій: стачки, фактически даже у насъ переставшія считаться преступленіемъ, ставятся рядомъ съ открытымъ бунтомъ, отказъ въ поддержкѣ правительства приравнивается... къ сношеніямъ съ непріятелемъ! Слѣдуя принципу: calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose, обвинители разсчитываютъ на то, что изъ нагромождаемыхъ подозрѣній западетъ хоть что-нибудь въ душу довѣрчивыхъ читателей... Другой полемическій пріемъ — смѣшеніе небольшой доли истины съ очень крупной долей вымысла. Въ публичныхъ чтеніяхъ, въ печати, на съѣздахъ говорилось, въ послѣднее время, о необходимости выкупа части помѣщичьихъ земель, для увеличенія крестьянскихъ надѣловъ: и вотъ, подъ перомъ самозванныхъ „охранителей" это предложеніе, прямо примыкающее къ крестьянской реформѣ 1861 года, превращается въ „попраніе права собственности", въ стремленіе *отнять* землю у помѣщиковъ. Третій пріемъ—это намекъ, отъ котораго можно, въ случаѣ надобности, и отречься. Кого имѣетъ въ виду газета, когда говоритъ о „слушателяхъ совѣтовъ", ходящихъ

по деревнямъ, *„благо у нихъ много свободнаго времени"*, и подстрекающихъ населеніе къ „грабежамъ"? Для насъ не существуетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подчеркнутыя слова направлены противъ студентовъ: студенты—обычные слушатели профессоровъ; студенты, вслѣдствіе прекращенія занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣютъ много свободнаго времени. Но прямо они не названы — и для беззастѣнчиваго обвинителя остается открытой лазейка, черезъ которую онъ можетъ уйти отъ отвѣтственности... Четвертый пріемъ можетъ быть названъ сознательнымъ недоразумѣніемъ. Совершенно очевидно, что, говоря о натравливаніи *народа* на учителей, кн. Трубецкой имѣлъ въ виду исключительно учителей начальной школы, которые одни только непосредственно соприкасаются съ народомъ. Не можетъ быть, чтобы этого не понимала московская газета; но ей нужно было взвести новое обвиненіе на либеральную печать—и вотъ, она замѣняетъ слово *народъ* словомъ *общество*, и сказанное о народныхъ учителяхъ примѣняетъ къ учителямъ средней школы, о которыхъ вовсе не помышлялъ кн. Трубецкой. И на послѣднихъ, впрочемъ, никогда никого не натравливала либеральная печать, очень хорошо понимая, что недостатки учителей всецѣло зависятъ отъ недостатковъ учебной системы.

Предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ о способѣ образованія и порядкѣ дѣйствій народнаго представительства, разсматриваемыя, со второй половины мая, въ совѣтѣ министровъ, будутъ утверждены, повидимому, безъ передачи на обсужденіе особаго совѣщанія, проектированнаго Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля. Обнародованіе закона, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ Россія, состоится, по всей вѣроятности, весьма скоро. Излишне было бы, поэтому, входить въ подробный разборъ проекта, составленнаго гофмейстеромъ Булыгинымъ — тѣмъ болѣе излишне, что о содержаніи его нѣтъ до сихъ поръ достовѣрныхъ свѣдѣній. Любопытно отмѣтить, какъ долго и упорно держалась, въ извѣстныхъ сферахъ, надежда на то, что все или почти все останется попрежнему. Характернымъ проявленіемъ этой надежды служитъ отвѣтъ, данный однимъ изъ членовъ сформировавшагося въ Москвѣ „союза русскихъ людей", П. А. Некрасовымъ, на вопросъ, сдѣланный ему по выслушаніи его реферата на современную тему [1]). Вопросъ былъ поставленъ такъ: нужна ли „Новая Палата", т.-е., по терминологіи г. Некрасова, собраніе выборныхъ, имѣющее стать рядомъ съ „Старой Палатой" (государственнымъ совѣтомъ). „Я думаю",—сказалъ г. Некрасовъ,—„что хорошая

[1]) См. фельетонъ въ № 10514 „Новаго Времени".

палата, съ доблестнымъ большинствомъ, нужна и желательна, а плохая —конечно нѣтъ. Судя по нынѣшней спутанности взглядовъ и понятій, скорѣе можно ожидать образованія палаты послѣдняго типа, чѣмъ добропорядочной". Достаточно ясной представляется уже первая часть отвѣта: если желательна только *хорошая* палата—хорошая, конечно, на вкусъ говорящаго, — а возможна и *плохая*, то лучше обойтись вовсе безъ палаты. Вторая часть отвѣта идетъ еще дальше, находя избраніе плохой палаты, въ настоящую минуту, не только *возможнымъ*, но и *вѣроятнымъ*. И такъ смотритъ на дѣло членъ „союза русскихъ людей", не отрицающаго, въ принципѣ, ни необходимости, ни даже своевременности реформъ! Если въ словахъ г. Некрасова отразился взглядъ „союза", въ засѣданіи котораго онъ читалъ свой рефератъ, то болѣе послѣдовательными, чѣмъ члены этого союза, должны быть признаны единомышленники г. Грингмута, рекомендующіе отложить реформы (*какія* реформы — это вообразить себѣ нетрудно!) до окончанія войны. „Союзъ", столь мало довѣряющій русскому народу и русскому обществу, не имѣетъ права именовать себя союзомъ *русскихъ людей*, точно также какъ партія, отстаивающая неограниченность произвола, не въ правѣ называться *монархическою* партіею. Подходящее прозвище для послѣдней найдено уже давно: она была и остается партіей *реакціонной*, а соприкасающійся, но не сливающійся съ нею „союзъ русскихъ людей" представляетъ собою, быть можетъ, зерно будущей *консервативной* партіи.

Заслуживаетъ вниманія еще одна черта въ рефератѣ г. Некрасова. Отвѣчая на вопросъ, одна ли нужна палата или нѣсколько, референтъ высказался за нѣсколько палатъ — центральную и мѣстныя, причемъ послѣднія должны рѣшать тѣ вопросы, которые по закону будутъ признаны относящимися къ компетенціи провинціальныхъ учрежденій. Мѣстныя *законопроективныя* (!) палаты, по мнѣнію г. Некрасова, „необходимы для закономѣрной децентрализаціи законодательства. У центра есть важныя нужды — интересы цѣлаго; мѣстныя нужды кажутся ему микроскопическими, являясь въ его глазахъ пылью, по законамъ перспективы". Еслибы подъ именемъ мѣстныхъ палатъ разумѣлись здѣсь губернскія земскія учрежденія, противъ мысли г. Некрасова нельзя было бы возразить ни слова; существованіе центральнаго народнаго представительства, конечно, не устраняетъ надобности въ мѣстныхъ органахъ самоуправленія, а наоборотъ, можетъ только способствовать широкому ихъ развитію и плодотворной дѣятельности. Согласиться съ г. Некрасовымъ можно было бы и въ такомъ случаѣ, еслибы онъ имѣлъ въ виду созданіе областного представительства, въ районахъ болѣе крупныхъ, чѣмъ губернія, и вмѣстѣ съ тѣмъ объединенныхъ сходствомъ этнографическаго состава или общностью

интересовъ, матеріальныхъ или духовныхъ. Съ земскими учрежденіями, однако, „мѣстныя палаты" г. Некрасова, очевидно, не совпадаютъ, потому что въ сферу дѣйствій земства функціи *законодательныя* не входятъ и входить не могутъ. Объ автономіи областей, хотя бы и заключенной въ сравнительно тѣсные предѣлы, г. Некрасовъ, столь же очевидно, не помышляетъ: она шла бы въ разрѣзъ съ основными взглядами „русскихъ людей", въ специфическомъ смыслѣ этого слова. Что же такое, въ концѣ концовъ, „мѣстныя законопроективныя палаты", что такое ожидаемая отъ нихъ „закономѣрная децентрализація законодательства"? Единственнымъ возможнымъ разрѣшеніемъ этой загадки кажется намъ раздробленіе законодательной иниціативы между нѣсколькими собраніями, дѣйствующими независимо одно отъ другого и отъ центральной палаты и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе зависимыми отъ администраціи. „Децентрализація законодательства", такимъ образомъ понимаемая — то же самое, что централизація власти. Нельзя же было бы, въ самомъ дѣлѣ, допустить совмѣстное существованіе нѣсколькихъ законодательствъ, несогласованныхъ между собою—и согласующая, т.-е. рѣшающая роль оказалась бы въ рукахъ правительства. Измѣнилась бы форма, но содержаніе осталось бы прежнее. По истинѣ данаевыми были бы дары, уготовляемые для Россіи ораторомъ „союза русскихъ людей". Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мысль г. Некрасова отстаетъ даже отъ законодательныхъ актовъ, плохо соблюдаемыхъ, но все-же не отмѣненныхъ. „Всѣмъ конституціямъ, требующимъ независимости суда отъ верховной власти, можно сказать: судьи, не заслоняйте солнца правды того государства, которому вы служите!" Въ этомъ восклицаніи г. Некрасова воскресаетъ точка зрѣнія, надъ которою почти полвѣка тому съумѣли возвыситься составители нашихъ судебныхъ уставовъ.

Извѣстный афоризмъ о соприкосновеніи крайностей нашелъ недавно неожиданное подтвержденіе въ различныхъ взглядахъ на отношеніе Финляндіи къ переустроенной Россіи. Проектъ гофмейстера Булыгина допускаетъ участіе въ государственной думѣ представителей отъ финляндскаго сейма (по три отъ каждаго сословія) при разсмотрѣніи законопроектовъ, общихъ для имперіи и великаго княжества финляндскаго, а также законопроектовъ, относящихся къ одной Финляндіи, но затрогивающихъ и общегосударственные интересы. Право имѣть представителей въ всероссійскомъ государственномъ учрежденіи признаютъ за Финляндіей, съ другой стороны, и резолюціи собиравшагося недавно въ Петербургѣ съѣзда журналистовъ, предоставляющія Финляндіи „опредѣлить свои отношенія къ Россіи на тѣхъ началахъ,

какія счелъ бы нужнымъ выработать финляндскій сеймъ, избранный на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія половъ". Противъ обоихъ мнѣній, сходящихся между собою на одномъ пунктѣ и далеко расходящихся по всѣмъ остальнымъ, возражаетъ профессоръ Вреде, въ интересной статьѣ, помѣщенной въ № 22 „Права". Останавливаясь сначала на резолюціи съѣзда журналистовъ, онъ напоминаетъ, что Финляндія имѣетъ свою старинную конституцію, измѣненіе которой, хотя бы и къ лучшему, возможно только въ порядкѣ, установленномъ основными законами великаго княжества. Финляндія—продолжаетъ г. Вреде—„находится, въ этомъ отношеніи, въ совершенно иныхъ условіяхъ, нежели имперія. Россія не имѣетъ конституціоннаго строя, вслѣдствіе чего народное представительство можетъ быть организовано въ ней почти любымъ способомъ. Въ Финляндіи сеймъ, избранный на тѣхъ началахъ, о которыхъ говорится въ резолюціи съѣзда журналистовъ, или вообще иначе, чѣмъ предписываютъ основные законы края, не имѣлъ бы никакой законной власти и не могъ бы принимать рѣшеній, обязательныхъ для финскаго народа". Столь же категорически г. Вреде высказывается и противъ участія представителей Финляндіи въ русской государственной думѣ. Потребность въ законахъ, общихъ для имперіи и для великаго княжества, встрѣчается весьма рѣдко, да и въ этихъ исключительныхъ случаяхъ обязательную силу для Финляндіи законы могутъ получить лишь по утвержденіи ихъ въ обычномъ порядкѣ. Возможна, пожалуй, совмѣстная подготовка такихъ законовъ, но самое принятіе ихъ должно происходить особо для каждой страны, согласно ея конституціи. На участіе въ разрѣшеніи тѣхъ немногихъ вопросовъ, по которымъ неизбѣжно согласіе между имперіей и великимъ княжествомъ (напр. порядокъ престолонаслѣдія, внѣшняя политика), Финляндія, по словамъ г. Вреде, никогда не претендовала и не претендуетъ: ихъ всегда рѣшала самостоятельно имперія. „Финляндцы надѣются"—такъ заканчивается статья г. Вреде,—„что обновленная Россія будетъ уважать финляндскую конституцію". Мы раздѣляемъ эту надежду и продолжаемъ думать, что участіе представителей Финляндіи въ общеимперской государственной думѣ сдѣлается желательнымъ и возможнымъ только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда прочно, на широкихъ началахъ, установится новый порядокъ въ Россіи и приблизится къ нему, безъ принужденія извнѣ, политическій строй великаго княжества. Недостатки этого строя хорошо сознаются въ самой Финляндіи; коренное преобразованіе его—вопросъ времени. Необходимо только, чтобы инціатива перемѣны шла отъ тѣхъ, кто въ ней непосредственно заинтересованъ. Для диктовки, хотя бы заимствованной изъ самыхъ лучшихъ прописей,

здѣсь не должно быть мѣста. Навязывать финляндцамъ формулу, модную, въ данный моментъ, среди русскаго общества, значило бы забывать поговорку: „въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ“.

Чаще, чѣмъ когда-либо, повторяются въ послѣднее время случаи изданія важныхъ законодательныхъ актовъ внѣ установленнаго закономъ порядка. Мы видѣли, мѣсяцъ тому назадъ, что именно такъ было упразднено министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ; теперь намъ приходится занести въ нашу хронику другую аналогичную мѣру—учрежденіе министерства полиціи. Въ Высочайшемъ указѣ 21-го мая нѣтъ этого слова, но несомнѣнно имѣется на лицо соотвѣтствующее ему содержаніе. Разъ что товарищу министра, завѣдующему полиціей, предоставлено разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, входящихъ, по закону, въ кругъ власти министра, разъ что ему дано и право всеподданнѣйшаго доклада, и право непосредственнаго сношенія со всѣми правительственными мѣстами и лицами, онъ несомнѣнно является министромъ, если не по имени, то на самомъ дѣлѣ. Обыкновенный товарищъ министра исполняетъ указанія своего принципала, замѣняя его только во время его отсутствія или болѣзни; всѣ отрасли управленія, образующія компетенцію министерства, остаются въ вѣдѣніи и распоряженіи министра, хотя бы ближайшее руководство нѣкоторыми изъ нихъ и было возлагаемо на одного изъ товарищей. Совсѣмъ не то мы видимъ въ данномъ случаѣ: полиція, продолжая составлять предметъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, не только фактически, но и юридически изъята изъ вѣдѣнія министра. Этого мало: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціею, получаетъ возможность вмѣшательства въ сферу дѣйствій другихъ министерствъ и даже высшихъ государственныхъ установленій. Онъ облеченъ правомъ высшаго надзора за порядкомъ содержанія подъ стражей лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ—и, слѣдовательно, раздѣляетъ это право съ министромъ юстиціи, въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ мѣста заключенія. Онъ уполномоченъ закрывать съѣзды, разрѣшаемые какъ установленіями министерства внутреннихъ дѣлъ, *такъ и установленіями другихъ вѣдомствъ*—и, слѣдовательно, можетъ отмѣнить распоряженіе любого министерства, съ согласія котораго собрался тотъ или другой съѣздъ. Отъ него зависитъ закрытіе, на срокъ до одного года, всякаго рода обществъ, собраній, союзовъ и тому подобныхъ учрежденій, въ какомъ бы порядкѣ ни послѣдовало ихъ открытіе и къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали. Въ этомъ отношеніи онъ не только поставленъ выше отдѣльныхъ министровъ, но приравненъ къ коми-

тету министровъ, отъ котораго одного, по общему правилу, могли исходить, до сихъ поръ, распоряженія о закрытіи законно учрежденныхъ обществъ (если въ ихъ уставахъ не предусмотрѣнъ другой порядокъ прекращенія ихъ дѣйствій). Поколеблены, такимъ образомъ, основы нашей бюрократической іерархіи, нарушено нормальное отношеніе властей, созданы поводы для множества недоразумѣній и конфликтовъ. Проще было бы, повидимому, учредить министерство полиціи,—т.-е., внести въ государственный совѣтъ проектъ, его учреждающій. Быть можетъ, этому помѣшало сознаніе, что нигдѣ и никогда министерство полиціи не приводило къ цѣли, не служило опорой для государственнаго порядка; быть можетъ, нѣкоторую роль сыграла и недобрая память, оставленная третьимъ отдѣленіемъ—этою спеціально русскою разновидностью министерства полиціи. Дѣло, однако, не въ названіи. Для всѣхъ ясно, что товарищъ министра, самостоятельный и полноправный, ничѣмъ не отличается отъ министра; столь же ясно и то, что значеніе полицейскаго вѣдомства обусловливается не положеніемъ, номинально отводимымъ ему въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, а характеромъ и объемомъ принадлежащихъ ему полномочій. Третье отдѣленіе, упраздненное въ 1880-мъ году, воскресло весьма скоро въ лицѣ департамента полиціи; министръ внутреннихъ дѣлъ унаслѣдовалъ не только титулъ, но и функціи шефа жандармовъ. Нѣсколько лѣтъ, даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, расширеніе власти товарища министра, завѣдующаго полиціей, вызвало бы, поэтому, только тѣ формальныя возраженія, которыя сдѣланы нами выше; теперь оно возбуждаетъ рядъ другихъ вопросовъ, несравненно болѣе серьезныхъ. Какъ согласить его съ указомъ 12-го декабря и рескриптомъ 18-го февраля? Какъ объяснить, что вмѣсто возвѣщеннаго укрѣпленія законности мы присутствуемъ при новыхъ ея нарушеніяхъ, при новомъ обостреніи произвола? Какъ совмѣстить колоссальный ростъ полицейскаго усмотрѣнія съ ожидаемымъ преобразованіемъ государственнаго строя? Мыслимо ли такое преобразованіе, пока не только сохраняются, но даже обостряются характернѣйшія черты старой системы? Недаромъ же въ адресахъ, резолюціяхъ, заявленіяхъ всякаго рода необходимымъ условіемъ, необходимой предпосылкой коренной реформы выставляется признаніе и проведеніе въ жизнь тѣхъ элементарныхъ правъ личности, на игнорированіи которыхъ зиждется полицейское всевластіе. Въ такое время, какое мы переживаемъ теперь, репрессія, внѣ-законная и внѣ-судебная, не только возмущаетъ общественную совѣсть: она не достигаетъ даже своей ближайшей цѣли. „Нарушенія порядка“ повторяются такъ часто, нарушителей оказывается такъ много, что всего и всѣхъ мѣры предупрежденія и пресѣченія коснуться все равно не могутъ. Принимаемыя болѣе или менѣе случайно, онѣ тяжело отзываются на

отдѣльныхъ лицахъ, не приводя ни къ какимъ общимъ результатамъ.

Съ особенною ясностью несостоятельность и несправедливость полицейскаго режима отражается въ лишеніи свободы, практикуемомъ, какъ общее правило, по отношенію къ подозрѣваемымъ въ политическомъ преступленіи. Примѣровъ этому слишкомъ много: приведемъ одинъ изъ нихъ, только-что оглашенный въ печати. Вотъ что̀ пишетъ „Руси“ присяжный повѣренный М. В. Беренштамъ: „Поздно вечеромъ 14-го апрѣля ко мнѣ явились съ обыскомъ. Тщательный осмотръ всей квартиры не далъ почти никакихъ результатовъ: въ составленный по поводу обыска протоколъ занесено, что ничего явно-предосудительнаго у меня не найдено. Всѣ письма, замѣтки, рукописи и пр. были, конечно, отобраны. Среди нихъ находились и бумаги, относящіяся къ съѣзду адвокатовъ въ Петербургѣ. Производившія обыскъ лица ихъ даже не просматривали и о содержаніи ихъ не знали. Тѣмъ не менѣе, въ силу даннаго полицейскому приставу предписанія, я былъ арестованъ и отправленъ въ тюрьму. 25 апрѣля дѣло обо мнѣ передано жандармскому управленію. 30 апрѣля мнѣ сдѣлали первый допросъ. Мнѣ предъявили обвиненіе по 126-й ст. угол. улож. и пояснили, что преступнымъ сообществомъ, въ принадлежности къ коему обвиняюсь я, является союзъ адвокатовъ. Никакого другого обвиненія мнѣ не предъявляли. Спрашивали меня по поводу бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ съѣзду адвокатовъ и оказавшихся у меня при обыскѣ. Допросъ закончился тѣмъ, что мнѣ объявили постановленіе о дальнѣйшемъ содержаніи меня подъ стражей. Послѣ допроса я провелъ въ тюрьмѣ еще ровно четыре недѣли—до 28-го мая. За это время меня ни разу не допрашивали. 28-го мая меня доставили въ жандармское управленіе, гдѣ и объявили постановленіе о замѣнѣ содержанія подъ стражей особымъ надзоромъ полиціи“.

Изъ сопоставленія фактовъ, приведенныхъ въ письмѣ М. В. Беренштама, явствуетъ, что въ моментъ обыска и ареста противъ него не было собрано никакихъ опредѣленныхъ данныхъ. Въ принадлежности къ союзу адвокатовъ онъ въ это время не обвинялся, такъ какъ иначе относящіяся сюда бумаги несомнѣнно обратили бы на себя вниманіе полицейскихъ властей; въ чемъ-либо другомъ онъ также заподозрѣнъ не былъ, потому что иначе поводы къ подозрѣнію не могли бы быть обойдены при позднѣйшемъ его допросѣ. Остается предположить, что его просто считали неблагонадежнымъ—основаніе, очевидно, болѣе чѣмъ недостаточное для принятія такихъ мѣръ, какъ обыскъ и арестъ (въ одиночной камерѣ). Далѣе: цѣлыхъ десять дней *дѣло* объ арестованномъ не передается въ жандармское управленіе; еще пять дней проходитъ между этой передачей и допросомъ обви-

няемаго. *Двѣ недѣли*, слѣдовательно, ему остаются неизвѣстными причины, по которымъ онъ лишенъ свободы (для обыкновенныхъ обвиняемыхъ такое положеніе не можетъ, по общему правилу, продолжаться болѣе однихъ сутокъ). Послѣ допроса его держатъ подъ стражей еще четыре недѣли, не вызывая его болѣе къ слѣдователю, что̀ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи какихъ бы то ни было новыхъ обвинительныхъ данныхъ. Спрашивается, что̀ мѣшало оставить его на свободѣ съ самаго начала или, по меньшей мѣрѣ, освободить его вслѣдъ за первымъ (и единственнымъ) допросомъ? Опасаться бѣгства обвиняемаго не было причины; бѣжать расположены только тѣ, кто дѣйствовалъ втайнѣ,—а союзъ адвокатовъ образовался совершенно открыто. Столь же мало вѣроятны, по той же причинѣ, были сношенія обвиняемаго съ его „сообщниками". Образъ дѣйствій полиціи по отношенію къ М. В. Беренштаму нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ рутины, окрѣпшей въ теченіе многихъ, многихъ лѣтъ и воспитавшей полнѣйшее равнодушіе къ праву, свободѣ, достоинству „обыкновенныхъ гражданъ". Чего стоютъ одни обыски, производимые поздно вечеромъ или ночью, безъ всякаго вниманія къ семейному положенію обыскиваемаго! Чего стоитъ состояніе неизвѣстности, въ которомъ недѣлями, мѣсяцами пребываютъ люди близкіе къ обвиняемому! Противъ порядка вещей, допускающаго и оправдывающаго такія нравственныя пытки, высказался недавно даже комитетъ министровъ—и все-таки онъ продолжаетъ существовать, скорѣе укрѣпляясь, чѣмъ ослабѣвая.

Кстати о союзѣ адвокатовъ. За принадлежность къ нему привлеченъ къ отвѣтственности по ст. 126 угол. уложенія [1]), кромѣ М. В. Беренштама, еще присяжный повѣренный М. М. Винаверъ. По словамъ „Права", остальные члены союза подали въ жандармское управленіе заявленіе о принадлежности ихъ къ союзу, объясняя, что если въ этомъ заключаются признаки преступленія, то они виновны наравнѣ съ названными выше лицами и подлежатъ одинаковой съ ними отвѣтственности. Не явствуетъ ли отсюда, что пора съузить понятіе о политическомъ преступленіи, расширивъ предѣлы законной дѣятельности, личной и коллективной? Провозгласить свободу союзовъ и собраній—значило бы сразу уменьшить число политическихъ процессовъ, безъ всякаго вреда для общественнаго спокойствія и порядка. Потребность соединяться для общихъ цѣлей слишкомъ велика, чтобы ее могли подавить полицейскія мѣры. Союзъ адвокатовъ—только одинъ

[1]) На основаніи ст. 126 новаго уголовнаго уложенія виновный въ участіи въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя, наказывается каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ или ссылкою на поселеніе.

изъ многихъ, образовавшихся въ послѣднее время. Преслѣдовать нѣсколькихъ членовъ союза, не трогая остальныхъ, было бы явною несообразностью; преслѣдовать всѣхъ—значило бы создать цѣлый рядъ чудовищно-крупныхъ процессовъ, безъ всякой надежды остановить широко разросшееся движеніе. Слабыми, устарѣвшими плотинами нельзя предупредить разливъ рѣки, въ періодъ таянія снѣга; предоставленная самой себѣ, она скорѣе войдетъ въ берега.

Растущимъ чувствомъ солидарности, продиктовавшимъ образъ дѣйствій адвокатовъ, внушено и другое аналогичное заявленіе, идущее отъ сотрудниковъ „Московской Недѣли"—еженедѣльной газеты, основанной кн. С. Н. Трубецкимъ. Первые три нумера ея были задержаны цензурой, и кн. Трубецкому объявлено о привлеченіи его къ уголовной отвѣтственности, послѣ чего редакція рѣшила временно пріостановить изданіе. Главные сотрудники его — бо̀льшею частью извѣстные земскіе и городскіе дѣятели—выразили желаніе отвѣчать на судѣ вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ, такъ какъ статьи, послужившія поводомъ къ преслѣдованію, написаны по общему ихъ согласію. Отказать въ исполненіи этого желанія будетъ нелегко: новое уголовное уложеніе (ст. 307) примѣняетъ къ проступкамъ печати общее правило (ст. 51), въ силу котораго соучастниками признаются всѣ непосредственно учинившіе преступное дѣяніе или *участвовавшіе въ его выполненіи*. Чрезвычайно поучителенъ можетъ быть, при такихъ условіяхъ, процессъ „Московской Недѣли", если только ему суждено состояться: въ газетахъ появилось извѣстіе, что прокуроръ московской судебной палаты не находитъ въ инкриминированныхъ статьяхъ ничего подходящаго подъ дѣйствіе уголовнаго закона... Судебныя преслѣдованія не освобождаютъ печать отъ административнаго гнета. Часто, очень часто появляются запретительные циркуляры, мало согласованные съ ст. 140-ой и налагающіе на печать молчаніе о многомъ, что̀ особенно полезно было бы доводить до всеобщаго свѣдѣнія. За неисполненіе требованія одного изъ этихъ циркуляровъ пріостановлена на мѣсяцъ газета „Русь"—пріостановлена именно въ такое время, когда каждый день приноситъ съ собою важныя событія, когда вдвойнѣ тяжело каждое ограниченіе гласности. Невольно припоминаются слова, сказанныя кн. Трубецкимъ 6-го іюня: „было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ — и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія"...

Въ то самое время, когда встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія о̀рганъ кн. С. Н. Трубецкого, поощреніемъ, очень далеко идущимъ, пользуется изданіе, посвященное „натравливанью" одной части населенія противъ другой. Въ тульской губерніи, по словамъ корреспон-

дента „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 154), разсылалась въ большомъ количествѣ экземпляровъ брошюра, озаглавленная: „*Доброе и правдивое* слово къ простымъ русскимъ людямъ“, но по содержанію своему заслуживавшая эпитетовъ прямо противоположныхъ. Напечатана она была въ типографіи губернскаго правленія и названа изданіемъ тульскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Оказалось, однако, что это названіе „не соотвѣтствуетъ дѣйствительности“, о чемъ, отъ имени комитета, и появилось заявленіе въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Путеводною нитью для раскрытія „настоящей дѣйствительности“ послужила надпись на корректурномъ оттискѣ брошюры, сдѣланная рукою редактора неоффиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей“, г. Крапухина: „отпечатать 10 тыс. экземпляровъ, изъ которыхъ 200 отослать г. Малицкому (автору брошюры, преподавателю духовной семинаріи), а остальные—по чайнымъ и другимъ мѣстамъ такимъ же по губерніи. Деньги взять съ попечительства за наборъ и печать, а съ чайныхъ—за бумагу“. По объясненію г. Крапухина, г. Малицкій сдалъ рукопись прямо губернатору, а тотъ приказалъ передать ее въ типографію для набора. Когда наборъ былъ сдѣланъ и корректура продержана, губернаторъ, въ присутствіи г. Малицкаго, сдѣлалъ то самое распоряженіе, которое значится на корректурномъ оттискѣ и написано рукой г. Крапухина. Надпись: „Изданіе губернскаго комитета попечительства о народной трезвости“ явилась въ виду того, что губернаторъ въ то же время—предсѣдатель этого комитета... Исторія выяснилась, но только послѣ отъѣзда губернатора (г. Шлиппе); въ бытность его въ Тулѣ никто изъ членовъ губернскаго комитета не имѣлъ смѣлости поднять голосъ противъ узурпаціи его имени и его правъ. Брошюра вышла мѣсяца два тому назадъ, возбудила въ мѣстномъ обществѣ много толковъ, но комитетъ молчалъ... Въ этой исторіи все своеобразно: и самый фактъ напечатанія брошюры, по распоряженію губернской администраціи, на счетъ учрежденій попечительства народной трезвости, и обязательная покупка ея чайными, и обращеніе губернскаго комитета въ издателя sans le savoir et sans le vouloir, и продолжительное молчаніе комитета, и внезапное возвращеніе ему дара слова. Сколько аналогичныхъ, можетъ быть еще болѣе характерныхъ эпизодовъ остается подъ спудомъ, впредь до „перемѣны обстоятельствъ“! Какая богатая жатва предстоитъ будущимъ провинціальнымъ лѣтописцамъ!

Среди событій первостепенной важности, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ, мало замѣченнымъ осталось положеніе комитета министровъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ стѣсненій, тяготѣвшихъ до сихъ

ноуръ надъ губерніями Царства Польскаго. Еще недавно такія мѣры, какъ увеличеніе правъ польскаго языка (въ школѣ, присутственныхъ мѣстахъ и частныхъ обществахъ), какъ приступъ къ земской и городской реформѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя будутъ приняты для центральныхъ губерній, произвели бы сильное и, конечно, благопріятное впечатлѣніе среди поляковъ; теперь онѣ не удовлетворятъ почти никого. Запоздалость, въ подобныхъ случаяхъ—синонимъ недостаточности. Болѣе чѣмъ когда-либо выступаетъ на видъ необходимость дальнѣйшихъ, гораздо болѣе рѣшительныхъ преобразованій, предпринять и довершить которыя суждено, по всей вѣроятности, государственной думѣ.

Ничего не предрѣшаетъ положеніе комитета министровъ по еврейскому вопросу: учреждено только особое внѣвѣдомственное совѣщаніе, съ обычнымъ составомъ, и ему поручено „установить важнѣйшія составныя части еврейскаго вопроса, разрѣшеніе коихъ могло бы дать главныя основанія для пересмотра всего законодательства о евреяхъ, для представленія таковыхъ на разсмотрѣніе имѣющаго быть созваннымъ, согласно Высочайшему рескрипту 18 февраля, собранія избранныхъ отъ населенія людей и для дальнѣйшаго затѣмъ направленія настоящаго дѣла на уваженіе государственнаго совѣта“. Слѣдуетъ надѣяться, что въ народномъ представительствѣ, призываемомъ, такимъ образомъ, къ участію въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса, найдется мѣсто и для самихъ евреевъ. Только тогда евреи, говоря словами кн. Трубецкого, могутъ почувствовать себя „русскими гражданами, не обездоленными и не безправными“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1905

Значеніе и послѣдствія цусимскаго боя.—Запоздалое крейсерство.—Газетные толки о войнѣ и мирѣ.—Паденіе франко-русскаго союза и марокскій конфликтъ.—Политическіе кризисы въ Скандинавіи и Венгріи.

Казалось бы, что послѣ гибели нашего флота въ Корейскомъ проливѣ общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны выяснилось съ достаточною опредѣленностью: на морѣ, какъ и на сушѣ, мы побѣждены не численнымъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ и не выдающимися талантами ихъ вождей, а всецѣло и исключительно надменнымъ невѣжествомъ нашихъ собственныхъ распорядителей, многолѣтнимъ систематическимъ отрицаніемъ и преслѣдованіемъ всякихъ умственныхъ потребностей и интересовъ народныхъ массъ, невысокимъ нравственнымъ уровнемъ всего нашего военно-административнаго персонала, неспособностью, привычною пассивностью или небрежностью командировъ и понятною растерянностью, недовѣріемъ и упадкомъ духа среди несчастныхъ исполнителей, рядовыхъ офицеровъ и солдатъ. Эти общія причины нашихъ неудачъ не могутъ исчезнуть въ ближайшемъ будущемъ, и потому ожидать благопріятнаго поворота въ дальнѣйшемъ ходѣ войны при существующихъ условіяхъ было бы безразсудно.

Какъ ни старались наши фальшивые патріоты умалить значеніе цусимской катастрофы, объясняя ее разными несчастными стихійными обстоятельствами и непреодолимыми техническими трудностями боя, но и они должны были признать, что это было одно изъ позорнѣйшихъ пораженій, какія когда-либо испытывала Россія. Въ сущности, это была не битва, а одностороннее истребленіе могущественной эскадры, лишенной почему-то съ самаго начала способности бороться на равныхъ правахъ и оказывать надлежащее сопротивленіе непріятелю. Извѣстныя до сихъ поръ подробности этого колоссальнаго разгрома устанавливаютъ рядъ совершенно невѣроятныхъ фактовъ.

Во-первыхъ, оказывается, что эскадра, имѣвшая своей задачею разбить или разстроить японскій флотъ, чтобы добраться до Владивостока,—страдала не только недостаткомъ угля, но и недостаткомъ боевыхъ снарядовъ. Если можно еще понять рѣшимость остаться въ послѣдній моментъ безъ достаточнаго количества угля и, тѣмъ не менѣе, идти впередъ навстрѣчу роковой судьбѣ, то недостатокъ боевыхъ принад-

лежностей, привезенныхъ изъ Кронштадта или изъ Либавы, является уже чѣмъ-то безусловно загадочнымъ. Какъ же думали сражаться наши адмиралы, не запасшись боевыми снарядами въ достаточномъ изобиліи? Или заранѣе предполагалось обречь эскадру на гибель и уступить часть броненосцевъ адмиралу Того?

Во-вторыхъ, командовавшій нашимъ флотомъ адмиралъ Рожественскій, извѣстный своею строгостью къ подчиненнымъ, не считалъ нужнымъ ни разу, за всѣ семь мѣсяцевъ плаванія, привлечь подвластныхъ ему адмираловъ и командировъ къ совмѣстному обсужденію предстоящихъ военныхъ дѣйствій и даже передъ послѣднимъ выходомъ къ Корейскому проливу не сообщилъ никому своего плана,—если вообще какой-нибудь планъ былъ выработанъ имъ или его штабомъ,—такъ что начальники отдѣльныхъ частей эскадры и командиры отдѣльныхъ судовъ остались безъ всякаго руководства въ самомъ началѣ битвы, когда былъ раненъ адмиралъ Рожественскій. Результатомъ этой непостижимой скрытности командовавшаго адмирала и его штаба было то, что подчиненные ему командиры вынуждены были дѣйствовать вразбродъ и кидались безпомощно въ разныя стороны, не зная въ точности, куда направиться и что̀ предпринять, а такое состояніе легко вызывало панику при непрерывной убійственной стрѣльбѣ непріятельскихъ орудій.

Въ-третьихъ, при Цусимѣ произошло еще нѣчто худшее, чѣмъ уничтоженіе эскадры: четыре могучихъ броненосца были добровольно отданы японцамъ, причемъ первоначальные намеки на бунтъ команды, требовавшей, будто бы, этой постыдной сдачи, оказались ложными. Три другихъ корабля, подъ начальствомъ адмирала Энквиста, ушли самовольно на югъ и искали спасенія у Филиппинскихъ острововъ, вмѣсто того, чтобы помочь оставшимся на мѣстѣ судамъ и сдѣлать попытку прорваться къ Владивостоку,—какъ это удалось единственно лишь небольшому крейсеру „Алмазъ“ и двумъ миноносцамъ—жалкимъ остаткамъ грозной „армады“, посланной для поддержанія славы русскаго имени на Дальнемъ Востокѣ.

Какимъ же образомъ случилось, что предположенная слава, которую такъ краснорѣчиво заранѣе воспѣвали мнимо-патріотическія газеты, внезапно уступила мѣсто сплошному, небывалому еще позору? Оффиціальная телеграмма генерала Линевича отъ 28 мая даетъ нѣкоторое понятіе о ходѣ боя и объ отдѣльныхъ его эпизодахъ, но оставляетъ многое еще неяснымъ. „Вечеромъ 12-го мая, — сказано въ этой депешѣ,—крейсеръ „Уралъ“ обнаружилъ переговоры непріятеля по безпроволочному телеграфу. 14-го утромъ эскадра генералъ-адъютанта Рожественскаго въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ, имѣя транспорты по серединѣ, подходила къ восточному Корейскому проливу. Въ лѣвой колоннѣ шли броненосцы, въ правой—крейсера“. Значитъ,

отъ вечера 12-го мая до утра 14-го, эскадра была уже предупреждена о возможномъ нападеніи непріятельскаго флота и имѣла возможность подготовиться къ событіямъ, и если транспорты были всетаки оставлены въ серединѣ между двумя рядами военныхъ судовъ, то это было сдѣлано сознательно, хотя даже профанъ могъ бы предвидѣть явныя неудобства и опасности такого расположенія силъ эскадры. „Въ седьмомъ часу утра—говорится далѣе—увидѣли съ правой стороны крейсеръ „Идзуми", шедшій почти параллельнымъ курсомъ съ эскадрой. Въ одиннадцатомъ часу усмотрѣли слѣва отрядъ крейсеровъ „Касаги", „Ніитаки", „Читоза", „Тсусима", идущіе сходящимися курсами по направленію въ проливъ. Въ это время „Владиміръ Мономахъ" по сигналу перешелъ на правый траверзъ транспортовъ и открылъ огонь по „Идзуми", который, отвѣчая ему, скрылся во мглѣ. Въ 11 часовъ 20 минутъ второй броненосный отрядъ по сигналу открылъ огонь по японскимъ крейсерамъ, причемъ было замѣчено попаданіе въ крейсеръ „Ніитака" или „Тсусима". Японцы отвѣчали на огонь, повернули влѣво и скрылись въ туманѣ". Итакъ, потребовалось четыре часа — отъ седьмого до одиннадцатаго, — чтобы рѣшиться отогнать шедшій почти рядомъ съ эскадрою японскій развѣдочный крейсеръ, которому дана была, такимъ образомъ, возможность обстоятельно разсмотрѣть наши суда и получить всѣ нужныя свѣдѣнія для передачи адмиралу Того; затѣмъ понадобился цѣлый часъ для того, чтобы наши броненосцы начали стрѣльбу противъ слѣдовавшихъ за ними четырехъ непріятельскихъ крейсеровъ, причемъ отмѣчено „попаданіе" только въ одинъ крейсеръ, безъ причиненія ему существеннаго вреда, и, слѣдовательно, всѣ остальные выстрѣлы съ нашей стороны не попадали въ цѣль или снаряды выпускались безъ опредѣленной цѣли, безъ того сосредоточенія огня на одномъ предметѣ, которое постоянно практикуется у японцевъ и которому, кажется, не трудно было научиться у нихъ въ теченіе настоящей кампаніи. Эта необыкновенная медлительность дѣйствій или какъ бы намѣренная бездѣятельность нашей эскадры при первой встрѣчѣ съ японскими военными сýдами особенно поражаетъ насъ, когда мы вспомнимъ, съ какою поспѣшною стремительностью та же эскадра дѣйствовала противъ гулльской рыбацкой флотиліи, или какъ наши вспомогательные крейсера энергично разстрѣливаютъ и топятъ попадающіеся имъ на пути иностранные торговые пароходы, причиняя этимъ огромные убытки нашему государственному казначейству, безъ малѣйшей къ тому надобности. Очевидно, адмиралъ Рожественскій, подобно генералу Куропаткину, рѣшилъ предоставить противнику выборъ момента и мѣста битвы. И адмиралъ Того, подобно Куроки и Ойямѣ, не преминулъ воспользоваться предоставленною ему иниціати-

вою. Японскій крейсеръ, безпрепятственно наблюдавшій нашу эскадру въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, аккуратно исполнилъ свою задачу и вскорѣ привелъ съ собою весьма внушительныя силы. Въ двадцать минутъ второго часа, „развѣдочный непріятельскій отрядъ опять показался слѣва, повидимому идя на соединеніе съ главными силами. Въ часъ сорокъ минутъ показалась непріятельская эскадра, состоящая изъ четырехъ броненосцевъ, шести крейсеровъ (включая и названный выше „Идзуми") и нѣкоторыхъ другихъ судовъ, всего восемнадцать кораблей, шедшихъ большимъ ходомъ на встрѣчу. Туманъ уже разсѣялся, но горизонтъ былъ мглистый, вѣтеръ южный... Сѣроватая окраска японскихъ судовъ, сливаясь съ мглой, дѣлала ихъ малозамѣтными". Даже эта легко достижимая „малозамѣтность" для врага осталась почему-то недоступною нашимъ судамъ, упорно окрашеннымъ въ рѣзкій черный цвѣтъ, съ ярко-желтыми трубами: простая мысль о перемѣнѣ окраски предполагала бы все-таки нѣкоторое элементарное творчество, нѣкоторую способность отступить отъ освященной высшимъ начальствомъ рутины, а между тѣмъ наши командиры, вѣроятно, желали и надѣялись остаться „малозамѣтными" для японцевъ по пути къ Владивостоку.

Активная роль злополучнаго флота въ разгорѣвшемся боѣ продолжалась очень недолго. „Наша эскадра открыла огонь, продолжая идти тѣмъ же курсомъ, а транспорты уклонились вправо и отошли отъ эскадры, имѣя слѣва крейсерскій отрядъ и сзади—развѣдочный. Первый броненосный отрядъ повернулъ влѣво и сталъ во главѣ второго броненоснаго отряда". Изъ этого видно, что всѣ наши крейсеры были съ самаго начала обречены на бездѣйствіе ради охраны транспортовъ, и что забота объ этихъ транспортахъ совершенно подавляла сознаніе роковой важности боя; и здѣсь, какъ и у генерала Куропаткина, маленькія побочныя соображенія ставились впереди главнѣйшей, исключительной цѣли, которой должно было бы подчиняться все остальное. Оттого двадцать-два японскихъ судна, дѣйствуя сознательно и сосредоточенно, по опредѣленному плану, противъ нашихъ разрозненныхъ двадцати-шести кораблей, успѣли сразу обезпечить себѣ полный успѣхъ. „Стрѣльба японцевъ—какъ сообщаетъ оффиціальное донесеніе—была очень мѣткая; они, буквально, засыпали наши суда снарядами и сосредоточили огонь преимущественно на нашихъ адмиральскихъ и головныхъ корабляхъ, стрѣляли фугасными снарядами, сносили трубы, рангоутъ и всѣ надстройки, производили пожары и уже послѣ этого начинали громить бронебойными снарядами". Съ нашей стороны, значительное преимущество въ численности броненосцевъ оставалось совершенно неиспользованнымъ, и чрезмѣрная заботливость о транспортахъ только ускорила гибель всей эскадры

вмѣстѣ съ охраняемыми ею транспортами. „Маневрированіе нашей эскадры—по словамъ того же телеграфнаго отчета—стѣснялось присутствіемъ транспортовъ". Съ самаго начала битвы, приблизительно черезъ полчаса послѣ открытія огня, отъ японской эскадры отдѣлились семь крейсеровъ для обстрѣливанія транспортовъ, среди которыхъ „произошло замѣшательство, вслѣдствіе желанія уйти изъ-подъ перекрестнаго огня". На помощь транспортамъ нѣсколько разъ отдѣлялись „Дмитрій Донской" и „Владиміръ Мономахъ". Тѣмъ временемъ главные удары были направлены противъ нашихъ броненосцевъ, изъ которыхъ прежде всего пострадали „Ослябя" и „Суворовъ". Японскіе крейсеры систематически, по очереди, разстрѣливали наши сильнѣйшія суда, оказавшіяся почему-то вполнѣ беззащитными. Къ тремъ часамъ „Ослябя" пошелъ ко дну, перевернувшись килемъ вверхъ. Вскорѣ за нимъ вышелъ изъ строя и „Суворовъ", у котораго были сбиты обѣ мачты, трубы, всѣ надстройки; „повидимому, онъ не имѣлъ возможности управляться и стоялъ въ сторонѣ отъ района маневрированія эскадры, но не переставалъ поддерживать энергичный огонь". Въ это время адмиралъ Рожественскій, раненый въ самомъ началѣ боя, перешелъ съ своимъ штабомъ на миноносецъ „Буйный". Вмѣсто „Суворова" во главѣ эскадры сталъ „Бородино". Около четырехъ часовъ дня, „Сисой Великій" тоже вышелъ изъ строя и тушилъ большой пожаръ въ носовой и средней частяхъ, но продолжалъ стрѣлять по легкимъ японскимъ крейсерамъ, старавшимся отрѣзать наши транспорты и крейсера. На броненосцѣ „Императоръ Александръ III" былъ виденъ большой пожаръ, который, однако, удалось потушить. Послѣ семи часовъ „Бородино" повернулся на правую сторону и, менѣе чѣмъ въ три минуты, пошелъ ко дну. Вечеромъ того же 14-го мая оставшіеся еще броненосцы повернули влѣво, стараясь сблизиться съ отрядомъ нашихъ крейсеровъ, изъ которыхъ одни пошли на югъ, а другіе направились на сѣверъ; но эта попытка соединиться съ крейсерами, уходившими въ разныя стороны, была предпринята уже тогда, когда вся эскадра могла считаться погибшею. „Съ наступленіемъ темноты бой продолжался", т.-е. японцы добивали остатки нашего флота; на этомъ моментѣ останавливается сообщеніе генерала Линевича.

Замѣчательно, что почти цѣлый день наши суда „энергично" стрѣляли, даже находясь въ крайне печальномъ состояніи; о „Бородинѣ" сказано, что онъ „лихо продолжалъ вести бой",—и вся эта энергическая, лихо направляемая пальба за цѣлый день не вывела изъ строя ни одного непріятельскаго корабля, между тѣмъ какъ наши броненосцы и крейсера уничтожались съ поразительною быстротою. Поневолѣ приходится заключить, что наши стрѣ-

ляли большею частью мимо цѣли, на воздухъ или въ море, наугадъ или на-авось, стараясь причинить какъ можно меньше ущерба японскому флоту; сами японцы были поражены ничтожествомъ своихъ потерь сравнительно съ громадностью достигнутаго результата, и потому настойчивыя указанія оффиціальныхъ репортеровъ на неустанную лихую стрѣльбу нашихъ судовъ производятъ крайне странное впечатлѣніе. Чѣмъ больше было выпущено нами снарядовъ за цѣлый день, тѣмъ хуже для нашей флотской артиллеріи, ибо безплодность стрѣльбы свидѣтельствовала бы о непрерывной паникѣ, которая, по всей вѣроятности, дѣйствительно овладѣла нашею злосчастною эскадрою послѣ того какъ вынужденъ былъ устраниться отъ командованія тяжело раненый адмиралъ Рожественскій; только безотчетною паникою можно объяснить и бѣгство части крейсерскаго отряда, и неслыханный фактъ сдачи четырехъ броненосцевъ японцамъ. Ночью и утромъ 15-го мая дѣло истребленія нашего флота доведено было до конца.

Что касается капитуляціи адмирала Небогатова и его офицеровъ, то объ этомъ мы имѣемъ лишь краткое оффиціальное подтвержденіе, ничего пока не разъясняющее, но бросающее грустный свѣтъ на многолѣтнюю систему назначеній и повышеній должностныхъ лицъ въ морскомъ вѣдомствѣ: „Въ виду возникшихъ въ обществѣ и печати разнорѣчивыхъ слуховъ по поводу сдачи непріятелю броненосцевъ „Императоръ Николай I", „Орелъ", „Адмиралъ Сенявинъ" и „Генералъ-адмиралъ Апраксинъ", главный морской штабъ сообщаетъ, что контръ-адмиралъ Небогатовъ и командиры этихъ судовъ, по возвращеніи изъ плѣна въ Россію, подлежатъ преданію суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ статьею 279 военно-морского устава о наказаніяхъ". Въ указанной здѣсь статьѣ военно-морского устава говорится: „Кто, командуя флотомъ, эскадрою, отрядомъ судовъ или кораблемъ, спуститъ предъ непріятелемъ флагъ, или положитъ оружіе, или заключитъ съ нимъ капитуляцію, не исполнивъ своей обязанности по долгу присяги и согласно съ требованіями воинской чести и правилами морского устава, тотъ подвергается: исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ; если таковыя дѣйствія совершены безъ боя или несмотря на возможность защищаться: смертной казни". Такимъ образомъ, на важный постъ командира цѣлой эскадры, отправленной на Дальній Востокъ для поддержанія чести и славы Россіи, былъ выбранъ человѣкъ, котораго само назначившее его вѣдомство признаетъ теперь способнымъ нарушить долгъ присяги и требованія воинской чести. Это значитъ, что можно дослужиться до адмирала и получить мѣсто командующаго эскадрой не только безъ необходимыхъ для этого спеціальныхъ знаній и опыта, но и не обладая даже элементарными военными и человѣческими качествами—чув-

ствомъ личнаго достоинства, сознаніемъ долга и отвѣтственности предъ своимъ отечествомъ и народомъ. Высшіе военно-морскіе чины, призванные распоряжаться и руководить подчиненными, оказываются вдругъ доступными низменнымъ порывамъ трусости и паники: можно ли представить себѣ болѣе чудовищное сочетаніе качествъ и обязанностей должностныхъ лицъ? И такія лица имѣли успѣхъ на службѣ, выдвигались впередъ и играютъ первыя роли на высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы не въ одномъ морскомъ вѣдомствѣ, а во всѣхъ отрасляхъ правительственной дѣятельности. Такова вообще система управленія, въ которой всецѣло господствуютъ личные интересы властвующихъ, старательно огражденные отъ общественнаго контроля, и для которой интересы государства и отечества остаются лишь условными, ни къ чему не обязывающими формулами. Извѣстные всѣмъ способы хозяйничанья въ области обширнаго морского бюджета, ярко освѣщенные послѣдовательнымъ рядомъ крупныхъ и мелкихъ катастрофъ, не мѣшали тѣмъ же распорядителямъ попрежнему стоять во главѣ, истрачивать казенные милліоны безъ пользы для дѣла, назначать завѣдомыя бездарности на крупные посты, вытѣснять способныхъ и честныхъ людей, какъ неудобныхъ и безпокойныхъ, давать ходъ сомнительнымъ или темнымъ аферамъ, и только позоръ цусимскаго боя вызвалъ, наконецъ, существенныя перемѣны въ составѣ высшей военно-морской администраціи, хотя общій ея характеръ ни въ чемъ не измѣнился. Такъ же точно до самаго послѣдняго времени продолжали существовать и намѣстничество, и комитетъ Дальняго Востока съ ихъ главными дѣятелями и состоящими при нихъ канцеляріями, и только послѣ окончательной гибели всего русскаго флота упразднены, наконецъ, эти ненормальныя, такъ дорого обошедшіяся государству учрежденія, которыя никогда не могли бы возникнуть при правильномъ общемъ режимѣ.

Если нужны были еще какія-нибудь доказательства полной дезорганизаціи нашего военно-морского административнаго персонала, то ихъ вновь потрудились доставить наши вспомогательные крейсеры, которые даже послѣ цусимской катастрофы, на обратномъ пути изъ негостепріимныхъ японско-китайскихъ водъ, занялись, какъ ни въ чемъ не бывало, грозною ревизіею встрѣчаемыхъ торговыхъ кораблей и безпощаднымъ потопленіемъ ихъ при обнаруженіи на нихъ такъ называемой контрабанды. Между тѣмъ еще въ прошломъ году, по поводу инцидента съ „Knight Commander“, наше правительство вынуждено было формально обѣщать Англіи распорядиться, чтобы наши крейсеры воздерживались на будущее время отъ самовольнаго уничтоженія нейтральныхъ судовъ; а такъ какъ наше морское вѣдомство не имѣло правильныхъ сношеній съ судами, находившимися въ отда-

ленныхъ моряхъ, то британскому адмиралтейству предоставлено было самому сообщить нашимъ крейсерамъ соотвѣтственныя инструкціи отъ имени русскаго начальства, черезъ посредство командировъ или офицеровъ британскихъ эскадръ. Тогда уже было совершенно ясно, что крутыя мѣры противъ частныхъ иностранныхъ пароходовъ причиняютъ вредъ только намъ самимъ, а вовсе не Японіи или Англіи, и можно было думать, что всѣ командиры нашихъ судовъ получили надлежащія указанія въ этомъ смыслѣ, для избѣжанія непріятныхъ конфликтовъ. Однако, эти новыя указанія и инструкціи, на которыя въ свое время ссылалось министерство иностранныхъ дѣлъ въ отвѣтъ на протесты британской дипломатіи, до сихъ поръ еще не дошли до нашихъ вспомогательныхъ крейсеровъ, какъ видно изъ дѣйствій командировъ „Дона", „Днѣпра" и „Терека", а сами эти командиры не считали нужнымъ сообразоваться съ измѣнившимся положеніемъ дѣлъ послѣ гибели нашего флота, сохраняя какъ будто увѣренность, что хозяевами на морѣ являемся мы, а не японцы и не англичане. И опять пришлось нашимъ дипломатамъ говорить объ отсутствіи сношеній съ крейсерами, и вновь предоставлено было англійскимъ судамъ ловить эти крейсеры для передачи имъ нужныхъ предписаній, причемъ враждебная намъ лондонская пресса получила благодарный матеріалъ для разсужденій на тему о великодушіи Англіи, не желающей пользоваться нашими несчастіями и причинять намъ на этотъ разъ излишнія затрудненія. Даже такая простая вещь, какъ сообщеніе необходимыхъ инструкцій командирамъ военныхъ кораблей по важному и жгучему вопросу объ условіяхъ захвата иностранныхъ судовъ, оказывается какъ бы не по силамъ существующей военно-морской администраціи, и за это приходится расплачиваться милліонами изъ скудныхъ народныхъ средствъ...

Нѣкоторые наивные патріоты удивляются тому кажущемуся равнодушію, съ какимъ наше общество относится, будто бы, къ тяжелымъ внѣшнимъ ударамъ, обрушивающимся на насъ почти безъ перерыва въ теченіе полутора года; но можно ли назвать равнодушіемъ такое состояніе, которое выражается въ повсемѣстныхъ волненіяхъ, возбуждаемыхъ одною руководящею мыслью, одною мучительною заботою,—о спасеніи Россіи посредствомъ необходимаго коренного переустройства ея государственнаго быта? Компетентные люди отлично понимали и предвидѣли, что при данномъ административно-политическомъ строѣ мы не можемъ имѣть ни разумной внѣшней политики, ни прочнаго внутренняго порядка и спокойствія, ни цѣлесообразной военной организаціи, ни хорошаго флота, ни дѣльныхъ офицеровъ и адмира-

ловъ; понимали это и тѣ, которымъ пришлось быть невольными участниками военныхъ событій, и даже тѣ, которые своею неустанною мнимо-патріотическою ложью толкали страну на путь опасныхъ приключеній. Съ необыкновеннымъ—быть можетъ, безсознательнымъ—цинизмомъ „Новое Время" разоблачило недавно, что оно знало о негодности балтійской эскадры передъ отправленіемъ ея въ походъ, и что объ этомъ съ болью въ сердцѣ говорилъ издателю названной газеты погибшій нынѣ командиръ броненосца „Александръ III", Бухвостовъ, въ августѣ прошлаго года. Бухвостовъ откровенно высказывался въ томъ смыслѣ, что весь нашъ флотъ никуда не годится, что онъ вовсе не нуженъ Россіи, что „постройка этихъ громадъ—только разореніе казнѣ и нажива строителямъ, и къ добру она никогда не поведетъ". Если намъ нуженъ флотъ—продолжалъ онъ,—то только миноносный, для защиты нашихъ береговъ, а съ броненосцами намъ дѣлать нечего. Вы смотрите и думаете, какъ тутъ все хорошо устроено. А я вамъ скажу, что тутъ совсѣмъ не все хорошо. Вы желаете намъ побѣды. Нечего и говорить, какъ мы ее желаемъ. Но побѣды не будетъ! Я боюсь, что мы растеряемъ половину эскадры по пути, а если этого не случится, то насъ разобьютъ японцы. У нихъ и флотъ исправнѣе, и моряки они настоящіе. За одно я ручаюсь: мы всѣ умремъ, но не сдадимся"... Эскадра добралась благополучно до Корейскаго пролива, не растерявъ своихъ судовъ,—но предсказаніе Бухвостова исполнилось въ точности, и самъ онъ погибъ со всѣмъ экипажемъ,—„со всею этою симпатичною, мужественною молодежью, напоминавшею скорѣе взрослыхъ дѣтей, чѣмъ закаленныхъ моряковъ". И газета, настойчиво требовавшая отправленія этой массы симпатичныхъ людей на вѣрную смерть, проливаетъ теперь крокодиловы слезы по поводу ихъ ужасной судьбы. Бухвостовъ не могъ не идти, какъ должны были безпрекословно идти и подчиненные ему юные офицеры, какъ обязанъ былъ идти и самъ Рожественскій, если ему данъ былъ категорическій приказъ; но покойный командиръ „Александра III" не обманывалъ себя и другихъ, а говорилъ чистосердечную правду, тогда какъ „Новое Время" скрывало эту правду отъ своихъ читателей и замѣняло ее завѣдомо-лживыми фразами о неминуемой будущей побѣдѣ.

Съ такою же искренностью газета возстаетъ теперь противъ толковъ о мирѣ и упорно настаиваетъ на продолженіи войны, доказывая необходимость ея успѣшнаго и почетнаго конца. Газета не можетъ не понимать, что, кромѣ желанія побѣды, которое несомнѣнно было и у Рожественскаго, и у Куропаткина, и у Бухвостова, и у всѣхъ другихъ участниковъ и руководителей войны, нужно еще многое другое для достиженія и обезпеченія торжества,—нужны

извѣстныя реальныя условія, которыхъ до сихъ поръ намъ, очевидно, недоставало. Умалчивая объ истинныхъ причинахъ нашихъ бѣдствій и не задаваясь вопросомъ о скорѣйшемъ устраненіи этихъ причинъ, газетные патріоты предлагаютъ слѣдовать по прежнему пути и совѣтуютъ во что бы то ни стало добиваться военныхъ успѣховъ тѣми же средствами, которыя понынѣ приводили лишь къ пораженіямъ. Кого обманываютъ эти мнимые патріоты своимъ пустымъ, самоувѣреннымъ фразерствомъ? Если полумилліонная армія, доказавшая свое умѣнье сражаться и умирать, испытала до сихъ поръ однѣ неудачи и горькія разочарованія, то можно ли серьезно говорить о непремѣнномъ заключительномъ торжествѣ при дальнѣйшемъ веденіи войны? Развѣ въ чемъ-нибудь измѣнились условія и порядки на театрѣ военныхъ дѣйствій, способы назначенія и возвышенія начальниковъ, умственный и нравственный уровень войскъ и офицеровъ, организація штабовъ и т. п.? Развѣ непопулярная и ненавистная по существу манчжурская война стала вдругъ національною? Развѣ появились новые даровитые генералы и полководцы, окруженные ореоломъ славы и способные внушить арміи и странѣ довѣріе къ своимъ военнымъ планамъ? Или общій порядокъ въ государствѣ представляется настолько благополучнымъ, что народъ можетъ спокойно стремиться къ безконечному продолженію кроваваго дѣла, начатаго самовольными предпринимателями на Дальнемъ Востокѣ? Ни одинъ добросовѣстный публицистъ, хотя бы проникнутый патріотизмомъ въ стилѣ „Новаго Времени", не можетъ стоять за войну при настоящихъ условіяхъ, ибо никакой миръ не можетъ быть позорнѣе того, что̀ намъ принесла и приноситъ война.

Въ Европѣ все сильнѣе даетъ себя чувствовать устраненіе Россіи изъ числа активныхъ великихъ державъ, способныхъ поднимать свой голосъ въ текущихъ вопросахъ международной политики. Поглощенная изнурительною азіатской войною и мучительнымъ внутреннимъ кризисомъ, Россія никому не можетъ служить опорою и ни для кого не является уже грознымъ пугаломъ; она какъ будто потеряла свою цѣну на общемъ политическомъ рынкѣ, гдѣ недавно еще господствовало неограниченное довѣріе къ ея могуществу и авторитету.

Въ теченіе многихъ лѣтъ вся внѣшняя политика Германіи опредѣлялась заботами о прочной дружбѣ съ Россіею, и измѣнившееся теперь положеніе вещей съ наибольшею рѣзкостью выразилось въ новомъ свободномъ „курсѣ" нѣмецкой дипломатіи. Франція осталась безъ союзниковъ, и прежній двойственный союзъ, предназначенный служить противовѣсомъ чрезмѣрному преобладанію Германіи, фактически пересталъ существовать. Для политической предпріимчивости

германской націи открываются новые горизонты, и личное честолюбіе императора Вильгельма II, не сдерживаемое уже никакими внѣшними соображеніями, становится крупнымъ факторомъ въ ходѣ международныхъ событій. Съ необыкновенною ловкостью онъ задѣлъ больное мѣсто Франціи, сохраняя видъ безусловнаго миролюбія,—и затронутый имъ мароккскій вопросъ, который на первыхъ порахъ казался незначительнымъ и второстепеннымъ, разросся мало-по-малу въ нѣчто очень сложное. Французы, успѣвшіе уже привыкнуть къ дружескому ухаживанію нѣмцевъ, поняли по-своему неожиданное германское вмѣшательство въ дѣла Марокко; они представили себѣ, что на этой почвѣ и этимъ путемъ берлинскій кабинетъ желаетъ побудить Францію искать прочнаго непосредственнаго сближенія съ Германіею. Нельзя было ничего имѣть противъ такого обоюднаго соглашенія, хотя оно предполагало и нѣкоторыя уступки въ пользу нѣмцевъ; и чтобы облегчить задачу, рѣшено было пожертвовать министромъ иностранныхъ дѣлъ Делькассѐ, который считался главнымъ препятствіемъ къ компромиссу. Делькассѐ былъ олицетвореніемъ тѣсной франко-русской дружбы и солидарности; онъ поэтому не годился для новыхъ политическихъ комбинацій, предполагавшихъ нѣкоторый поворотъ въ сторону Берлина. Делькассѐ ушелъ, и его мѣсто временно занялъ самъ глава кабинета, дѣловитый практикъ и финансовый миротворецъ Рувье. Новый руководитель французской дипломатіи предложилъ Германіи откровенно высказать свои пожеланія, чтобы подготовить почву для взаимно-выгодной сдѣлки, и онъ былъ крайне удивленъ и разочарованъ вѣжливымъ отказомъ нѣмцевъ вступить по этому поводу въ какое-либо предварительное соглашеніе. Перемѣна министра не имѣла ожидаемыхъ послѣдствій; Германія упорно стояла за формальное право и не допускала никакихъ компромиссовъ. Французы были озадачены, и ими вдругъ овладѣла сильнѣйшая тревога: не думаютъ ли нѣмцы предпринять войну?

Трудно было объяснить мотивы этого внезапнаго и серьезно-сосредоточеннаго интереса Германіи къ международному положенію Марокко. Имѣя за собою согласіе двухъ наиболѣе заинтересованныхъ державъ, Англіи и Испаніи, французское правительство предложило мароккскому султану свои услуги для установленія внутренняго культурнаго порядка въ странѣ и для введенія общеполезныхъ реформъ; берлинскій кабинетъ, съ своей стороны, признаетъ этого султана вполнѣ независимымъ повелителемъ, не подлежащимъ чьей-либо односторонней опекѣ, и отрицаетъ право Франціи навязывать ему опредѣленную программу преобразованій. По внушенію Германіи, султанъ выразилъ желаніе созвать конференцію державъ, участвовавшихъ въ мадридскомъ договорѣ 1880 года относительно Ма-

рокко, и мысль объ этой конференціи для обсужденія культурно-реформаторскихъ проектовъ настойчиво поддерживается германскою дипломатіею. Французы находили, что, прежде чѣмъ идти на подобное международное совѣщаніе, нужно имѣть готовую программу, или, по крайней мѣрѣ, точно установить тѣ пункты, по которымъ возможно соглашеніе или которые остаются спорными; нѣмцы же утверждали, что всякое предварительное соглашеніе противорѣчило бы принципу независимости султана и нарушало бы смыслъ мадридской конвенціи 1880 года, — хотя, конечно, для независимости марокскаго султана было бы еще лучше, еслибы не было ни конвенціи, ни конференціи постороннихъ державъ по дѣламъ Марокко.

Нѣмецкіе дипломаты увѣряють, что они стоятъ на почвѣ строгаго международнаго права и охраняютъ существующіе формальные договоры, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, изъ одного лишь уваженія къ отвлеченному праву; въ то же время они заранѣе устанавливаютъ для Марокко обязанность имѣть „открытыя двери" для иностранной торговли и не допускать никакой иной экономической политики въ сношеніяхъ съ чужими государствами. Франція соглашается и на „открытыя двери" для всѣхъ націй, но недоумѣваетъ, для чего нужна конференція; Германія защищаетъ идею конференціи, чтобы подъ прикрытіемъ международнаго права отнять у французовъ руководящую роль въ дѣлахъ Марокко. Около этихъ сухихъ формальныхъ пререканій вертится весьма существенный, все болѣе обостряющійся дипломатическій споръ, въ которомъ всѣ преимущества остаются на сторонѣ Берлина. Франція вынуждена согласиться на конференцію безъ предварительнаго опредѣленія ея программы, и по мѣрѣ французской уступчивости возрастаетъ престижъ германской дипломатіи и ея руководителя, канцлера Бюлова, получившаго, кстати, княжескій титулъ.

Въ марокскомъ вопросѣ нѣмцы наглядно показали, насколько измѣнилось общее международное положеніе съ апрѣля прошлаго года, т.-е. со времени подписанія англо-французскаго соглашенія, относившагося, между прочимъ, и къ Марокко. Дѣло, очевидно, не въ личностяхъ министровъ, не въ Делькассé или Рувье, а въ фактической перемѣнѣ группировки великихъ державъ, причемъ Франція является уже вполнѣ изолированною на материкѣ Европы. Паденіе франко-русскаго союза совершилось само собою, но оно выяснилось для всего міра въ послѣднее время, при дѣятельномъ участіи Германіи. Этотъ союзъ былъ съ самаго начала порожденіемъ близорукаго оппортунизма, скрывавшаго въ себѣ непримиримыя внутреннія противорѣчія, и французскіе министры, бывшіе горячими его привер-

женцами, ничего не сдѣлали для того, чтобы облагородить выраженный въ немъ культъ внѣшней силы попытками сближенія въ области извѣстныхъ нравственныхъ и политическихъ принциповъ. Делькассé былъ искреннимъ поклонникомъ блестящихъ внѣшнихъ сторонъ союза, и французское правительство, за-одно съ значительною частью націи, несомнѣнно способствовало могущественному развитію и процвѣтанію всѣхъ отрицательныхъ особенностей режима, приведшаго насъ къ нынѣшнимъ бѣдствіямъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя быть признательнымъ французской республикѣ и ея правителямъ за искуственное поддержаніе чужихъ иллюзій, которыя столь печально отражались на внутренней жизни союзной страны.

Политическая унія, связывавшая Швецію и Норвегію въ теченіе почти цѣлаго столѣтія подъ властью королей изъ фамиліи Бернадотта, расторгнута рѣшеніемъ норвежскаго представительнаго собранія, 7 іюня (нов. ст.), вслѣдствіе невозможности совмѣстить личные взгляды короля Оскара II съ требованіями норвежской конституціи и съ насущными интересами націи. Пользуясь политическою автономіею, имѣя свое отвѣтственное правительство и свою армію, подъ общимъ управленіемъ конституціоннаго короля, Норвегія долго и тщетно добивалась права имѣть заграницею своихъ отдѣльныхъ консульскихъ представителей, для спеціальной охраны норвежскихъ торговыхъ интересовъ, которые часто не только не совпадаютъ съ шведскими, но прямо противорѣчатъ имъ: шведы держатся протекціонизма, а норвежцы стоятъ за свободу торговли. Король упорно отказывалъ въ своемъ утвержденіи восходившимъ до него законопроектамъ и постановленіямъ норвежскаго стортинга по вопросу о консулахъ, а стортингъ, въ свою очередь, упорно стоялъ на своемъ и систематически возобновлялъ свои требованія; наконецъ, въ виду послѣдней отрицательной резолюціи короля, норвежскій совѣтъ министровъ, или „государственный совѣтъ", вышелъ въ отставку въ полномъ составѣ; король сообщилъ, что онъ не принимаетъ отставки, такъ какъ онъ не можетъ найти никакихъ другихъ министровъ, согласныхъ съ его мнѣніемъ; такимъ образомъ, создалось такое положеніе, что существовавшее правительство перестало функціонировать, а новое не могло быть организовано королемъ; поэтому стортингъ рѣшилъ, что за отказомъ короля отъ образованія новаго министерства конституціонная королевская власть перестала дѣйствовать въ Норвегіи и бывшіе министры должны временно взять на себя управленіе страною; „унія съ Швеціею прекращается, ибо король пересталъ исполнять свои обязанности, какъ норвежскій король". Въ подробно мотивированномъ

адресѣ къ королю стортингъ объясняетъ логическую неизбѣжность принятаго рѣшенія, выражаетъ наилучшія чувства къ нему лично и ко всей королевской фамиліи, какъ и къ братскому шведскому народу, и въ заключеніе проситъ содѣйствовать назначенію одного изъ принцевъ норвежскимъ королемъ. Мужественное рѣшеніе стортинга возбудило единодушный энтузіазмъ въ Норвегіи; король назвалъ этотъ шагъ революціоннымъ и незаконнымъ, но вынужденъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ, несмотря на готовность многихъ шведскихъ консерваторовъ довести дѣло до войны. Чрезвычайное собраніе шведскаго сейма 21 іюня одобрило предложеніе правительства вступить въ переговоры съ цѣлью обезпеченія дальнѣйшаго мирнаго сожительства обоихъ народовъ, и престарѣлый король, ни за что не желавшій допустить существованія особыхъ норвежскихъ консульствъ, долженъ былъ, противъ воли, признать существованіе особой самостоятельной Норвегіи.

Къ подобной же развязкѣ неудержимо клонится и многолѣтній венгерскій кризисъ. Императоръ Францъ-Іосифъ, отличающійся еще болѣе упорнымъ характеромъ, чѣмъ король Оскаръ II, никакъ не можетъ согласиться на то, чтобы военные начальники обращались къ войскамъ на ихъ національномъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ; между тѣмъ мадьяры считаютъ употребленіе чужихъ командныхъ словъ въ венгерской арміи не только безсмысленнымъ, но и оскорбительнымъ для своего національнаго достоинства; чехи, хорваты и другія народности также требуютъ употребленія родного языка въ военной службѣ, но въ этомъ императоръ и король остается непреклоннымъ. Венгрія могла сдѣлаться почти вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ; она имѣетъ своего конституціоннаго короля, въ лицѣ австрійскаго императора, имѣетъ свое законодательство, свой парламентъ, свое управленіе, свою монетную систему, свою экономическую и таможенную политику, свою національную армію,—все это допускаетъ Францъ-Іосифъ; но одно только онъ признаетъ совершенно немыслимымъ,—чтобы мадьярами командовали на венгерскомъ языкѣ. Имперія давно превратилась въ сложную систему отдѣльныхъ государствъ и автономныхъ областей; такою же пестрою по составу является и армія, но императоръ твердо убѣжденъ, что спасительное внѣшнее единство исчезнетъ въ тотъ день, когда начальники заговорятъ съ солдатами на понятномъ имъ языкѣ. Императоръ Францъ-Іосифъ скорѣе готовъ потерять Венгрію, чѣмъ сдѣлать такую уступку, и эта непонятная настойчивость борьбы противъ общаго національнаго требованія служитъ, въ сущности, единственнымъ источникомъ непрерывныхъ министерскихъ кризисовъ и неурядицъ, волнующихъ мадьяръ за послѣдніе годы. Послѣ графа Стефана Тиссы назначенъ теперь

главою министерства старый генералъ, баронъ Фейервари, имѣющій столь же мало шансовъ на успѣхъ, какъ и его предмѣстники; парламентъ и вся страна заранѣе высказываются противъ правительства, не отвѣчающаго конституціоннымъ условіямъ, и результаты предвидятся прежніе—тѣ же шумные парламентскіе скандалы, которые потомъ приписываются парламентаризму вообще, тѣ же безплодныя волненія и безпорядки,—но зато въ венгерскихъ войскахъ всетаки употребляются и будутъ употребляться тѣ же нѣмецкія командныя слова, какъ и въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, согласно неизмѣнному желанію императора Франца-Іосифа...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1905 г.

I.

— Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія. Выпускъ I (подъ ред. О. Б. Гольдовскаго, В. П. Потемкина и И. Н. Холчева—издателя). Спб. 1905.

Подъ этимъ заглавіемъ задумана и предпринята серія выпусковъ по вопросамъ научной психологіи. Вопросы эти, въ постановкѣ составителей данной книги, возбуждаютъ живѣйшій интересъ и заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе. Въ первомъ выпускѣ, въ видѣ програмнаго введенія, помѣщена (въ переводѣ) статья бреславльскаго профессора Вилліама Штерна — „Прикладная психологія. Изученіе свидѣтельскихъ показаній". Въ началѣ своей статьи Штернъ выясняетъ значеніе прикладной психологіи, которую онъ тщательно отгораживаетъ, какъ отъ ярыхъ поклонниковъ или защитниковъ интуиціи, такъ и отъ ихъ антиподовъ „психологистовъ". „Каждой наукѣ, — говоритъ онъ, — которая стремится стать „прикладной", приходится защищать себя, такъ сказать, на два фронта: съ одной стороны—противъ предразсудковъ такъ-называемаго „здраваго смысла", съ другой—противъ излишняго „интеллектуализма". Для перваго—всякая способность служить практической жизни дается самой же жизнью: онъ утверждаетъ, что обычай, переживающій поколѣнія, рутина и опытъ, въ соединеніи съ житейскимъ знаніемъ людей, врожденнымъ тактомъ и чуткостью интуитивныхъ воспріятій, являются исключительными и вполнѣ достаточными двигателями нашей культуры. „Интеллектуализмъ", напротивъ, надѣется одними общими понятіями и отвлеченными началами теоріи исчерпать всю

пеструю массу индивидуальностей и конкретныхъ явленій дѣйствительности; расчлененный предметъ аналитическихъ операцій вполнѣ замѣняетъ для него живую цѣлокупность существованія, — холодная объективность и безразличіе его готовы устранить изъ жизни всякую любовь и ненависть, всякую оцѣнку и участіе, всякое оправданіе и осужденіе — какъ противорѣчіе требованіямъ чистой истины". Дѣйствительно только научно-обоснованное построеніе психологіи, стоящее въ опредѣленной и положительной связи съ различными областями реальной, практической дѣятельности. Штернъ не настаиваетъ на томъ, чтобы каждый дѣятель, напримѣръ, суда или школы, былъ спеціалистомъ-психологомъ: однако, слѣдовало бы требовать, по его мнѣнію, отъ юристовъ, педагоговъ и т. д. болѣе глубокихъ психологическихъ познаній, пониманія закономѣрности, господствующей въ душевной жизни, умѣнья различать ея типическіе феномены, улавливать ихъ связь и соотношенія, чтобы все это приводило ихъ къ убѣжденію, что во всѣхъ вопросахъ организаціоннаго или преобразовательнаго характера необходимо справляться съ психологіей и слѣдовать ея опредѣлительнымъ показаніямъ.

Устанавливая объемъ и предѣлы прикладной психологіи, Штернъ даетъ такое опредѣленіе ея существеннѣйшаго признака: „Психологизмомъ" мы называемъ то воззрѣніе, которое стремится сдѣлать психологію *основою всякаго гуманитарнаго знанія*—включая въ его область и нормативныя науки, и, по возможности, даже общую философію; не ограничиваясь этимъ, оно объявляетъ ее главнымъ и опредѣляющимъ факторомъ самой *практической жизни*—поскольку въ послѣдней проявляется наше *духовное* начало. Сторонники „психологизма" разсуждаютъ, обыкновенно, слѣдующимъ образомъ. Психологія есть наука о духѣ. Гуманитарное знаніе, — какъ показываетъ самое его обозначеніе,—предметомъ своимъ имѣетъ извѣстныя проявленія и потребности человѣческаго духа—другими словами, то, основныя, производящія причины чего лежатъ въ психической жизни человѣка; строго-прагматическое изслѣдованіе такихъ явленій необходимо должно опираться на послѣднюю доступную намъ первооснову. Очевидно отсюда, что гуманитарное знаніе естественно покоится на психологіи. Помимо того, существуютъ области практической жизни, гдѣ приходится имѣть дѣло съ душою человѣка, чтобы вліять на нее; но такъ какъ, прежде чѣмъ мочь, надобно знать,—то понятно, что для успѣха подобной дѣятельности необходимо строить ее на знаніи духа,—т.-е. психологіи. Такъ же точно, напримѣръ, техникъ, чтобы умѣть обращаться съ желѣзомъ и пользоваться имъ, долженъ знать физическія и химическія свойства этого металла".

Сфера приложенія психологіи простирается ровно настолько же,

насколько обширна реальная область духовной жизни человѣка. Критеріемъ истиннаго смысла и дѣйствительной цѣли жизни служитъ не безстрастное воззрѣніе на окружающее, а субъективная его оцѣнка, непосредственное, личное къ нему отношеніе. Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ такъ формулируетъ значеніе психологіи для задачъ практической жизни: „Право и обязанность такъ или иначе оцѣнивать человѣка и активно къ нему относиться—равно какъ и руководящія нормы такого поведенія — устанавливаетъ не психологія, а этика. Но при изысканіи и изслѣдованіи данныхъ, на основѣ которыхъ возникаетъ морально обязательное отношеніе, а также при выборѣ способовъ, какими вѣрнѣе всего достигается требуемая цѣль, вступаетъ въ свои права и теоретическое знаніе духовной природы человѣка".

Прикладной наукой, такимъ образомъ, психологія становится или какъ опора для психологическаго сужденія, т.-е., какъ „психогностика", или же какъ ученіе о средствахъ психическаго воздѣйствія, т.-е. какъ „психотехника". Особую пользу *общей* психогностики авторъ полагаетъ тамъ, гдѣ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, происходитъ судъ между живыми людьми, т.-е., гдѣ составляется моральная ихъ оцѣнка, при одобреніи или порицаніи, обвиненіи или оправданіи чего-либо съ этической точки зрѣнія, при этомъ имѣются въ виду не всѣ психическія свойства субъекта, а преимущественно опредѣленная группа душевныхъ его функцій. Дифференцированіе, распознаваніе типическихъ формъ и проявленій духовной жизни на различныхъ стадіяхъ развитія, которыя не поддаются примитивнымъ средствамъ субъективной оцѣнки, составляетъ одну изъ главныхъ задачъ *частной* психогностики. „Практическое значеніе дифференціальной психогностики выясняется всего нагляднѣе опять-таки въ вопросахъ моральной оцѣнки... Какое вопіющее насиліе, напримѣръ, творили въ теченіе цѣлыхъ столѣтій надъ дѣтьми—исходя изъ мнимой аналогіи между ребенкомъ и взрослымъ человѣкомъ! Къ дѣтямъ предъявляли одинаковыя со взрослыми требованія ригористической морали; въ нихъ предполагали ту же способность, тѣ же пріемы оцѣнки явленій, такую же сложность актовъ сознательнаго выбора; въ лучшемъ случаѣ, воображали, что при помощи воспитанія и примѣра легко можно привить ребенку весь строй вполнѣ зрѣлаго характера. Если же на практикѣ подобное представленіе оказывалось ошибочнымъ, то въ этой неудачѣ видѣли, просто-на-просто, несчастный случай, встрѣчаясь съ которымъ, приходится или прибѣгнуть къ наказанію, или слегка измѣнить свои педагогическіе пріемы. Словомъ, на дѣтей смотрѣли, какъ на маленькихъ взрослыхъ, или какъ на субъектовъ, въ которыхъ подготовляется уже полная зрѣлость природы; въ нихъ не

признавали самостоятельной величины съ характерными особенностями внутреннихъ склонностей. Теперь дѣло обстоитъ иначе — настолько иначе, что новое столѣтіе называютъ уже вѣкомъ дѣтей. Однимъ изъ главныхъ требованій народившагося направленія является то, чтобы ребенка старались понять въ существенныхъ его свойствахъ, чтобы инстинктивныя его склонности, симпатіи и антипатіи принимались, какъ вполнѣ нормальные признаки переживаемой имъ стадіи развитія. Условіемъ для этого являются не только догадливое материнское чувство или тонкій педагогическій тактъ, но и научное знаніе дѣтской души—какъ статики ея, такъ и динамики. И психологія дѣтей—будь она систематическаго или же біографическаго характера — можетъ оказаться въ высшей степени плодотворной по своимъ выводамъ".

Общія соображенія объ изученіи дѣтской психики Штернъ распространяетъ и на другія спеціальныя группы психическихъ явленій. Нравственно-нормальный человѣкъ судитъ, напримѣръ, преступника съ высоты трибунала: часто ли случается, чтобы онъ почелъ для себя обязательнымъ ознакомиться съ личностью обвиняемаго, съ тѣми индивидуальными данными, которыя направляютъ волю и дѣятельность преступника? Часто бываетъ на судѣ, что флегматикъ сурово относится къ вспыльчивости сангвиника, и наоборотъ;—различіе человѣческихъ темпераментовъ почти не принимается во вниманіе.

Авторъ считается съ возможностью недоразумѣнія: не вытекаетъ ли изъ „tout compendre" психологіи—„tout pardonner" психологизма?— Нисколько, замѣчаетъ онъ: „Психологія преступника или ребенка отнюдь не должна имѣть своимъ послѣдствіемъ ниспроверженіе объективнаго права порицать, осуждать или наказывать; она обязана только стремиться къ тому, чтобы основою такого сужденія была не формула, подставленная по субъективной аналогіи, а сама психологическая дѣйствительность. При такихъ условіяхъ, понятіе добра и зла, сообщенное намъ этикой, какъ критерій, остается въ полной своей силѣ; оно лишь теряетъ субъективный характеръ и становится точнѣе и отчетливѣе".

Такимъ образомъ, авторъ выдвигаетъ требованіе необходимости изученія всего многообразія духовной жизни—дарованія, интересовъ, темпераментовъ, психическихъ и тѣлесныхъ силъ, умственныхъ способностей, воли и т. д., чтобы устанавливать опредѣленныя данныя для сужденія о людяхъ во всѣхъ случаяхъ реальной жизни: при совершеніи суда, выборѣ карьеры, прохожденіи школы извѣстнаго типа и т. д. Далѣе, необходима этіологія, т.-е. знаніе того, въ какой зависимости стоятъ индивидуальныя особенности человѣка; наконецъ, стоитъ на очереди вопросъ о выработкѣ симптоматологіи и діагно-

стики, которыя дали бы возможность безошибочно относить индивидуумъ къ той или иной категоріи психическихъ типовъ. Таковы проблемы психогностики; представляя же рядъ извѣстныхъ пріемовъ, при помощи которыхъ явится возможность разрѣшать весьма важные практическіе вопросы, эта наука явится тѣмъ, что̀ авторъ опредѣляетъ словомъ „психотехника": она сводится къ циклу правилъ, какъ пользоваться извѣстными психическими функціями (напр., памятью) и какъ къ нимъ относиться. Эти правила создадутъ впослѣдствіи цѣлую систему указаній и методовъ. „Такъ, напримѣръ, новая психологія переутомленія приведетъ, быть можетъ, когда-нибудь къ коренному пересмотру вопросовъ—о продолжительности учебныхъ занятій, о распредѣленіи уроковъ, о домашнихъ работахъ и т. д.; психологія свидѣтельскихъ показаній установитъ необходимыя предосторожности при допросѣ свидѣтелей, устранитъ причины извѣстныхъ ошибокъ и введетъ въ школу разумный принципъ воспитанія памяти".

Мы потому такъ долго остановились на основныхъ мысляхъ статьи Штерна, помимо ея общаго интереса, что кружокъ психологовъ, составившій первый выпускъ „Проблемъ психологіи", придаетъ ей руководящее значеніе въ смыслѣ популяризаціи задачъ прикладной психологіи и увеличенія числа лицъ, интересующихся этимъ предметомъ. Тѣми же свойствами сжатости, ясности и доступности и тою же програмностью отличается помѣщенная вслѣдъ за первой и вторая статья Штерна—изученіе свидѣтельскихъ показаній. Особое вниманіе удѣляетъ здѣсь авторъ организаціи массоваго эксперимента, къ которой приглашаются представители всѣхъ спеціальностей, заинтересованныхъ въ проблемѣ свидѣтельскихъ показаній. На желательность совмѣстными усиліями выработать програму международнаго опыта указываетъ и г. О. Гольдовскій въ своей интересной статьѣ—„Психологія свидѣтельскихъ показаній", гдѣ онъ, между прочимъ, приводитъ рядъ любопытныхъ примѣровъ ошибокъ воспріятія. „Международный опытъ,—говоритъ г. Гольдовскій,—даетъ возможность наиболѣе солидно разрѣшить споръ между сторонниками эксперимента и скептиками, которые возлагаютъ свои надежды на интуицію, тактъ, житейскій опытъ, а не на сухой подсчетъ".

Такимъ скептикомъ въ нѣкоторомъ отношеніи, но, конечно, далекимъ отъ отрицанія научныхъ наблюденій въ этой области вообще, является А. Ѳ. Кони въ слѣдующей статьѣ — „Свидѣтели на судѣ (Замѣтки и воспоминанія судьи)". Начавъ съ указанія, что наше время называютъ временемъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, А. Ѳ. Кони предостерегаетъ отъ увлеченія многими переоцѣнками и, въ частности, скептически относится къ практическому значенію психологическаго опыта въ области правосудія въ томъ смыслѣ, какъ этотъ опытъ по-

нимается Штерномъ, а вслѣдъ за нимъ и г. Гольдовскимъ. „Экспериментальная психологія—наука новая и въ высшей степени интересная,—говоритъ г. Кони.—Если и считать ея отдаленнымъ началомъ берлинскую рѣчь Гербарта „о возможности и необходимости примѣненія въ психологіи математики", произнесенную въ 1822 году, то, во всякомъ случаѣ, серьезнаго и дружнаго развитія она достигла лишь въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Молодости свойственна увѣренность въ своихъ силахъ и нерѣдко непосильная широта задачъ. Отъ этихъ завидныхъ свойствъ не свободна и экспериментальная психологія, считающая, что труднѣйшіе изъ вопросовъ права, науки о воспитаніи и ученія о душевныхъ болѣзняхъ, не говоря уже о психологіи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, могутъ быть разрѣшены при помощи указываемыхъ ею пріемовъ и способовъ. Но „старость ходитъ осторожно—и подозрительно глядитъ". Эта старость, т.-е. вѣковое изученіе явленій жизни въ связи съ задачами философскаго мышленія, не спѣшитъ присоединиться къ побѣднымъ кликамъ новой науки. Она сомнѣвается, чтобы сложные процессы душевной жизни могли быть выяснены опытами въ физіологическихъ лабораторіяхъ и чтобы уже настало время для вывода на прочныхъ основаніяхъ общихъ научныхъ законовъ даже для простѣйшихъ явленій этой жизни". Устанавливая рядомъ живыхъ и яркихъ примѣровъ, что̀ важно знать судьѣ и съ чѣмъ слѣдуетъ считаться при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, авторъ полагаетъ центръ тяжести правосудія въ томъ, что у судей есть служебный опытъ и навыкъ, „что ихъ умъ изощренъ къ воспріятію впечатлѣній ежедневно развертывающейся передъ ними житейской драмы" и что, поэтому, образы, вытекающіе изъ показаній свидѣтелей и объясненій подсудимаго и сторонъ, въ соединеніи съ совѣстливымъ судомъ присяжныхъ, могутъ въ болѣе полной мѣрѣ обезпечить истинныя требованія правосудія, чѣмъ указанія и методы психологическаго эксперимента. „Поэтому тамъ,—говоритъ г. Кони,—гдѣ экспериментальная психологія съ требованіемъ указываемыхъ ею опытовъ выступаетъ на замѣну совокупной работы здраваго разсудка присяжныхъ, знанія ими жизни и простого совѣстливаго отношенія къ своимъ обязанностямъ—тамъ слѣдуетъ сказать суду присяжныхъ, что его пѣсенка спѣта. Да и вообще не послѣдовательнѣе ли было бы въ такомъ случаѣ преобразовать судъ согласно мечтаніямъ криминальной психологіи, замѣнивъ и профессіональныхъ и выборныхъ общественныхъ судей смѣшанною коллегіею изъ врачей, психіатровъ, антропологовъ и психологовъ, предоставивъ тѣмъ, кто нынѣ носитъ незаслуженное имя судей, лишь формулировку мнѣнія этой коллегіи".

Едва ли, по мнѣнію автора, психологическій экспериментъ измѣ-

нить что-либо въ ходѣ и устройствѣ современнаго, уголовнаго по преимуществу, процесса, какъ въ смыслѣ судопроизводства, такъ и съ точки зрѣнія судоустройства. Въ торжествѣ психологическаго эксперимента авторъ усматриваетъ возможность „колебанія основъ" какъ суда вообще, такъ и суда присяжныхъ въ частности, и выражаетъ надежду, что послѣдній, переживъ „месть враговъ и клевету друзей", переживетъ и новую, грозящую ему *теоретическую опасность*—„и останется еще надолго не только органомъ, но и школою общественнаго воспитанія". Написанная съ обычнымъ мастерствомъ и блескомъ аргументаціи, статья А. Ѳ. Кони возбуждаетъ критическое отношеніе къ вопросу о практической приложимости новѣйшей теоріи психологическаго эксперимента, но въ то же время приводимыя имъ „доказательства отъ противнаго" изъ его богатой судейской практики даютъ цѣнный матеріалъ именно для той психологіи, о которой пока мечтаютъ молодые психологи. Таковы наблюденія автора, сложившіяся въ цѣлую отчетливую систему, надъ психологической природой свидѣтельскихъ показаній, сознательной и безсознательной лжи, замѣчанія относительно памяти, вниманія, значенія племенныхъ особенностей свидѣтеля, языка и т. п. Если вопросъ о приложимости психологическаго эксперимента, какъ ее понимаютъ представители теоріи, оставить пока открытымъ, то надо признать, что работа г. Кони вызоветъ большой интересъ къ знакомству съ новой теоріей.

Кромѣ отмѣченныхъ статей, находимъ въ этой книгѣ: А. Н. Бернштейна—„Воспоминаніе и дѣйствительность", г. Крамера—„Вліяніе душевныхъ болѣзней и смежныхъ съ ними состояній на качество свидѣтельскихъ показаній", г. Маркса Лобзина—„Свидѣтельскія показанія дѣтей школьнаго возраста и отношеніе ихъ къ дѣйствительности", г. Ив. Холчева.—„Воспріятіе и дѣйствительность". Статья г. Лобзина заключаетъ въ себѣ описаніе ряда опытовъ и способовъ ихъ организаціи, весьма несложной, но приводящей къ любопытнымъ результатамъ. „Нужно принять какъ общее правило,—говоритъ г. Холчевъ,—что люди воспринимаютъ не факты, а картины, которыя они себѣ составляютъ о воспринятомъ происшествіи. Составленіе же этой картины будетъ зависѣть въ значительной мѣрѣ не отъ воспринятыхъ только фактовъ, а отчасти и отъ субъективныхъ моментовъ воспринимающаго: развитіе умственное и соціальное настроеніе—все это окраситъ извѣстнымъ образомъ составленную имъ картину. Но индивидуальными особенностями не исчерпывается вопросъ о несоотвѣтствіи воспріятій и дѣйствительности и постоянныхъ конфликтахъ между ними. На долю общихъ соціальныхъ и политическихъ условій воспитанія народа принадлежитъ немалая часть этихъ причинъ. Намъ, русскимъ, больше, чѣмъ кому-либо, извѣстны эти при-

чины, мы больше, чѣмъ кто-нибудь, страдаемъ отсутствіемъ ясныхъ, полныхъ и точныхъ воспріятій вещей, мы больше другихъ живемъ общими идеями и схемами, мы не знаемъ конкретнаго міра во всей красотѣ его реальныхъ мелочей, мы не любимъ его. Таково наше какъ общее, такъ и спеціальное образованіе, такова наша общественная и политическая жизнь.

„Продолжая нашъ логическій путь, мы приходимъ отъ спеціальнаго вопроса къ общему, широкому выводу: непривычка и неумѣніе воспринимать міръ отчетливо и полно вообще—лишаетъ многихъ радостей бытія, а русскаго гражданина дѣлаетъ пессимистомъ или безпочвеннымъ фантазеромъ и космополитомъ".

Уже изъ этого бѣглаго обзора читатель можетъ видѣть, насколько жизненны и важны сами по себѣ тѣ вопросы, изученію которыхъ посвящаютъ себя авторы отмѣченной книги. Нельзя не пожелать имъ успѣха и не выразить надежды, что задуманная ими серія выпусковъ встрѣтитъ сочувственный пріемъ среди широкаго круга образованной и ищущей образованія публики.

II.

— Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи проф. спб. университета Ѳ. Зѣлинскаго. Спб. 1905.

Проф. Зѣлинскій—убѣжденный и пламенный поборникъ античной культуры. Античный міръ для него, по его собственному признанію, не тихій и отвлекающій отъ современной жизни музей, а „живая часть новѣйшей культуры", которая живетъ и движется тѣми же идеями, родоначальницей которыхъ была античность. „Изучая, такимъ образомъ, античность, если можно такъ выразиться, съ наклономъ къ современности, я,—говоритъ авторъ,—намѣтилъ планъ гигантскаго научнаго зданія, которое бы обнимало и біографію, и біологію тѣхъ идей, совокупность которыхъ составляетъ современную умственную культуру. Конечно, мнѣ было ясно, что выполненіе этой задачи превышаетъ силы отдѣльной личности; все-же я черпалъ энергію и бодрость для своихъ научныхъ изслѣдованій въ созерцаніи моего, пока еще чисто призрачнаго зданія, и убѣжденъ, что оно можетъ сослужить такую же службу и другимъ".

Статьи, вошедшія въ этотъ сборникъ (кромѣ одной), задуманы авторомъ, какъ составныя части этого зданія, сохраняющія между собой внутреннюю связь. Красной нитью проходитъ по нимъ одна коренная мысль. Истинное міросозерцаніе можетъ быть построено

только на началахъ, завѣщанныхъ античностью, которая представляется автору „сводомъ здоровыхъ темъ, повторявшихся съ тѣхъ поръ въ неисчислимыхъ варіаціяхъ до нашихъ временъ и имѣющихъ повторяться, пока живъ будетъ міръ". Эта принципіальная точка зрѣнія автора ложится въ основу предлагаемаго читателю ряда очерковъ популярно-философскаго и историко-литературнаго характера. Очерки эти весьма разнообразны и по темамъ, и по глубинѣ разработки, и по степени внутренней убѣдительности, но всѣ они написаны красиво, увлекательно и читаются съ неостывающимъ вниманіемъ. Античный міръ, жизнерадостный, сильный, здоровый, сіяющій полнотой жизни и жаждой счастья, въ яркихъ картинахъ встаетъ подъ перомъ талантливаго автора, и читатель невольно поддается его увлеченію, забывая оборотную сторону медали—узаконенность насилія, рабства, тиранніи, наряду съ высокимъ пониманіемъ односторонне развитыхъ принциповъ индивидуальной и общественной морали. Въ этомъ отношеніи книга проф. Зѣлинскаго можетъ сослужить, дѣйствительно, хорошую службу. Античностью теперь мало интересуются, и современный молодой читатель въ своихъ представленіяхъ о ней нерѣдко попадаетъ въ положеніе философа Мениппа, который переселился въ царство тѣней и не только не нашелъ сразу Сарданапала, но не могъ даже различить, гдѣ Агамемнонъ, гдѣ Аяксъ. гдѣ Ахиллъ. „Гдѣ Сократъ?"—спрашиваетъ онъ у Эака,—„Видишь этого лысаго человѣка?"—указываютъ ему.—„Да они всѣ лысы"...—„Старика со вздернутымъ носомъ?"—„Да они всѣ курносы",—говоритъ недоумѣвающій Мениппъ, оглядываясь на пустые черепа... Г. Зѣлинскій сразу заинтересовываетъ своей книгой, направляя мысль на серьезное изученіе предмета. Но иное дѣло „наклонъ къ современности", котораго все время не упускаетъ изъ вида авторъ. Энергично звучитъ призывъ автора къ античности, какъ сокровищницѣ идей, нужныхъ человѣчеству для его поступательнаго движенія, но едва ли этотъ призывъ встрѣтитъ горячій откликъ въ молодыхъ поколѣніяхъ, которымъ по преимуществу посвящается книга. Теперь все, что живетъ и мыслитъ въ Россіи, какъ и во всей Европѣ, напряженно смотритъ впередъ, съ бурной тревогой стремится навстрѣчу великимъ соціальнымъ и политическимъ реформамъ, и, обгоняя закономѣрный ходъ исторіи, ждетъ откровеній, событій необыкновенныхъ, непредугаданныхъ. Культурная мысль, общественное чувство, у насъ въ Россіи—истомленная національная душа—все обратилось къ будущему, словно ожидая пришествія пророка, который словомъ грозы и вдохновенія разсѣялъ бы страхъ малодушныхъ, поддержавъ въ колеблющихся сладостную вѣру въ свѣтлое будущее человѣчества. Античность, принаряженная, скрашенная искусной рукой худож-

ника, влечетъ къ созерцанію, къ примиренію съ дѣйствительностью, къ погруженію въ міръ общечеловѣчности, искусства, красоты...

Независимо отъ переживаемаго нами времени, особенный характеръ котораго не можетъ не отразиться на преобладаніи тѣхъ или иныхъ интересовъ общества, кто же станетъ отрицать громадное значеніе греко-римской античности въ исторіи европейской культуры? Возвысивъ, облагородивъ наслѣдіе, полученное отъ болѣе раннихъ культуръ, эта античность завѣщала грядущимъ вѣкамъ рядъ идей, отмѣченныхъ высокимъ общечеловѣческимъ характеромъ, выразившимъ въ то же время высшую степень цѣльнаго и здороваго жизнепониманія. Но идеи, что сѣмена цвѣтовъ: онѣ глохнутъ на камнѣ и даютъ пышный расцвѣтъ, встрѣчая благодатную почву. Прекрасныя сами по себѣ, онѣ пріобрѣтаютъ руководящее значеніе лишь въ томъ случаѣ, если обнаруживается ихъ органическая связь съ интересами эпохи, съ ближайшими идеалами человѣческаго счастья, во имя которыхъ *въ данный моментъ* совершается борьба. Воскрешая картины античной жизни, авторъ искусно осмысливаетъ ихъ и, наглядно и мѣтко формулируя идеи, выясняетъ ихъ генезисъ и развитіе. Но, будучи оторваны отъ античной почвы, эти идеи, въ своемъ схематическомъ, отвлеченномъ видѣ, могутъ показаться, съ точки зрѣнія руководящихъ идей иной эпохи, слишкомъ элементарными, перешедшими въ разрядъ самыхъ обыкновенныхъ истинъ, составляющихъ слишкомъ общую подпочву современнаго, крайне дифференцированнаго міросозерцанія.

Въ частности, рекомендуемое авторомъ глубокое (превышающее общеобразовательныя цѣли) изученіе античности (отнюдь не смѣшиваемое нами съ пресловутой классической системой) для русскаго юношества, весьма мало просвѣщаемаго по части изученія своей родины, ея исторіи и литературы,—явилось бы, по нашему мнѣнію, роскошью, желательною для многихъ, необходимою для меньшинства. Наступленіе вѣка глубокихъ соціальныхъ переустройствъ заставляетъ по необходимости обращаться къ изученію многихъ и спеціальныхъ доктринъ, имѣющихъ въ виду выработку активнаго, жизнеприложимаго міросозерцанія. Неизбѣжный, въ подобные переживаемымъ нами моменты, процессъ броженія и борьбы стараго съ новымъ, авторъ опредѣляетъ, какъ „скитаніе мыслей и чувствъ", отъ котораго такъ пріятно удалиться подъ сѣнь античности, привлекательной и мирной. Эта тенденція явственно звучитъ въ словахъ автора. „Всякая эпоха живетъ своей жизнью, и всякая жизнь интересна,—говоритъ г. Зѣлинскій по поводу процесса изветшанія и обновленія идей.—Все же обреченному жить въ эпоху скитанія мыслей и чувствъ пріятно и отрадно обращаться къ тому времени, когда здоровое не было еще

пошлымъ, а интересное—болѣзненнымъ, когда идеи, ставшія позднѣе ходячей монетой, еще только вырабатывались и, появляясь на свѣтъ, были насыщены той магнетической силой, которую создаетъ соединеніе двухъ элементовъ: здоровья и новизны. Въ этомъ именно и заключается прелесть античности для тѣхъ, кто умѣетъ ее понимать".

Отмѣчая значительную степень увлеченія автора предметомъ своей книги, мы отнюдь не имѣемъ въ виду умалять ея серьезныхъ и крупныхъ достоинствъ. Даже болѣе: книга г. Зѣлинскаго важна не только какъ цѣнный вкладъ въ нашу популярно-образовательную литературу, но и какъ противовѣсъ тому искаженному пониманію античности, какое создалось благодаря уродливой катковско-толстовской постановкѣ у насъ классическаго образованія. Но отъ высокаго пониманія античности, основаннаго на продолжительномъ и глубокомъ изученіи ея, до признанія ея универсальной обязательности—громадное разстояніе, и, право, не будетъ слишкомъ большимъ преступленіемъ, если иной средній читатель, воздавъ должное книгѣ почтеннаго автора, вспомнитъ при концѣ безсмертныя слова Ахилла:

О Одиссей! утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся.
Лучше-бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными тѣнями царствовать мертвый.

Изъ статей, вошедшихъ въ настоящую книгу, съ особымъ интересомъ читаются: „Идея нравственнаго оправданія", „Ифигенія", „Воскресшіе поэты" (Вакхилидъ, Геродъ, Менандръ), „Антигона", „Происхожденіе комедіи", „Гейдельбергъ" (личныя впечатлѣнія автора, работавшаго тамъ въ университетской библіотекѣ и наблюдавшаго нравы этого оригинальнаго города, исполнены глубокаго интереса и занимательности). Нѣкоторыя статьи нѣсколько эскизны, отрывочны, кое-гдѣ грѣшатъ неудачными сопоставленіями античнаго съ современнымъ. Послѣднее особенно относится къ статьѣ про „нечистую силу", гдѣ авторъ указываетъ, впрочемъ, полушутя, полусерьезно, на вытѣсненіе въ наше время античныхъ суевѣрій въ области любовныхъ чаръ, „конкуррентками"—Сплетней, Доносомъ, Подвохомъ, Клеветой и т. д., какъ будто эти средства не были въ такомъ же ходу у древнихъ, наряду съ самыми грубыми суевѣріями, и какъ будто послѣднія исчезли въ нашей еще въ общемъ мало культурной средѣ. Но образцомъ полемическаго таланта автора служитъ его интересная статья: „Ницше и античность", гдѣ авторъ едва ли не сливается съ германскимъ философомъ основной чертой своего міросозерцанія—индивидуализмомъ по формулѣ: не въ массѣ, а въ отдѣльныхъ со-

вершенныхъ личностяхъ—соль земли. По крайней мѣрѣ, все его ученіе объ античности проникнуто характеромъ своеобразно-аристократическаго индивидуализма.

III.

— П. А. Берлинъ. Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители (Будущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерство европейцевъ). Изданіе Г. Θ. Львовича. Спб. 1905.

Книга г. Берлина выдвигаетъ интересный и важный вопросъ объ отношеніи такъ называемыхъ некультурныхъ народовъ къ представителямъ европейской цивилизаціи. Не претендуя на глубину научнаго изслѣдованія, авторъ умѣлымъ подборомъ примѣровъ иллюстрируетъ свою основную мысль о разлагающемъ вліяніи цивилизаціи на духовный и матеріальный бытъ дикарей. Останавливаясь на первыхъ страницахъ книги, на выясненіи основныхъ понятій, г. Берлинъ сопоставляетъ мнѣнія авторитетныхъ историковъ культуры и приходитъ къ выводу, что подъ культурою въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ту искусственную соціальную среду, которую создаетъ вокругъ себя человѣкъ своими *орудіями*, подобно тому, какъ, въ зачаточномъ видѣ, животныя создаютъ ее своими *органами*. Примыкая, такимъ образомъ, ко мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые допускаютъ существованіе зародышевыхъ, инстинктивно-обычныхъ формъ культуры въ зоологическомъ мірѣ, авторъ понимаетъ культуру, какъ выраженіе процесса безсознательнаго техническаго творчества, достигшаго у людей высокой степени развитія и обезпечившаго имъ извѣстное господство надъ силами природы, подорвавъ тѣмъ самымъ вѣру въ ихъ слѣпую обоготворенность. На мѣсто вѣры является знаніе, наука. Постепенное разростаніе и усложненіе культуры ведетъ къ росту общественныхъ силъ на счетъ силъ природныхъ, пріобрѣтающихъ служебное значеніе, и служитъ постояннымъ и дѣятельнымъ факторомъ, разрушающимъ основы прежняго быта и міросозерцанія. „Подъ воздѣйствіемъ этого объективнаго развитія культуры пробуждается работа пытливой, критической мысли, которая по мѣрѣ роста власти человѣка надъ природой становится все сильнѣе и сознательнѣе, а благодаря этому, безсознательный процессъ культурнаго развитія, достигнувъ извѣстнаго пункта, начинаетъ будить сознательную работу мысли и изъ внѣшняго процесса развитія культуры переходитъ въ процессъ развитія цивилизаціи".

Такимъ образомъ, цивилизація является у автора продуктомъ процесса развитія культуры. Различіе между культурой и цивилизаціей, кажется автору, есть различіе не по существу, а скорѣй по степени.

Формулировка г. Берлина въ этомъ пунктѣ не весьма убѣдительна. „Культура охватываетъ больше процессъ борьбы человѣка съ природой и процессъ безсознательнаго созданія соціальной среды, тогда какъ цивилизація включаетъ въ себя уже борьбу за переустройство общественнаго строя, согласно господствующимъ въ данное время идеаламъ истины и справедливости, подготовляемымъ въ свою очередь ходомъ развитія культуры". Неясность въ представленіяхъ автора объ этомъ различіи возникла, главнымъ образомъ, отъ того, что, взявъ исходной точкой происхожденіе культуры изъ ея зачаточныхъ формъ въ зоологическомъ мірѣ, онъ смотритъ на цивилизацію, какъ на результатъ процесса развитія культуры, чѣмъ создается возможность представленія цивилизаціи, какъ чего-то отдѣльнаго и позднѣйшаго сравнительно съ культурой.—Не вѣрнѣе ли понимать оба эти понятія, какъ двѣ стороны одного и того же процесса, изъ которыхъ первая характеризуется преобладаніемъ въ развитіи внѣшнихъ, матеріальныхъ формъ быта, а вторая—духовныхъ? Конечно, подъ „формами" культуры и цивилизаціи мы понимаемъ тѣ или иные объекты культуры не сами по себѣ, но въ ихъ возможности стать явленіями культуры или цивилизаціи, реализація которыхъ обусловливается работой нашихъ стремленій и желаній.

Далѣе авторъ приводитъ примѣры жестокости, которая проявлялась цивилизованными людьми по отношенію къ дикарямъ на всемъ протяженіи исторіи ихъ столкновеній, и опредѣляетъ основныя соціальныя и психологическія черты, которыя дѣлятъ дикарей и людей цивилизаціи на два лагеря и мѣшаютъ имъ мирно ужиться въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ жизни. Особенно рельефно высказывается эта рознь въ области экономической, гдѣ коммунистическій строй хозяйства, составляющій характерную черту дикарей, дѣлалъ неизбѣжнымъ рѣзкій конфликтъ съ индивидуалистическимъ хозяйственнымъ строемъ цивилизованнаго общества. Въ то время какъ у некультурныхъ людей, въ предѣлахъ одной объединенной группы, имущество считается общимъ и зачастую до послѣдней степени исчезаетъ различіе между „моимъ" и „твоимъ",—хозяйственный строй цивилизованнаго общества всецѣло опирается на частную собственность и въ основѣ своей предполагаетъ экономную затрату энергіи, экономизація которой, во всѣхъ ея видахъ, совершается дикаремъ въ самыхъ элементарныхъ формахъ инстинктивнаго приспособленія. „Ясное дѣло, — говоритъ авторъ,—что при такихъ условіяхъ между двумя полюсами экономическаго міра, наивнымъ коммунистомъ-дикаремъ и хищническимъ индивидуалистомъ-европейцемъ, невозможно перекинуть мостъ регулярнаго мѣнового сношенія, тѣмъ болѣе, что дикари не понимаютъ всеміpнаго экономическаго языка,—денегъ. Обмѣнъ предполагаетъ

равноцѣнность вступающихъ въ актъ обмѣна благъ, иначе изъ обмѣна онъ превращается просто-на̀-просто въ обманъ, и торговыя сношенія цивилизованныхъ людей съ дикарями представляютъ не что̀ иное, какъ беззастѣнчивый, наглый обманъ"...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ выясняетъ, какъ, при разрушеніи хозяйственнаго уклада первобытнаго общества, въ его міросозерцаніе, привычки и складъ характера вносятся новые элементы, лишающіе дикаря его прежняго духовнаго равновѣсія и поселяютъ въ его психическомъ мірѣ рядъ непримиримыхъ противорѣчій, среди которыхъ несоотвѣтствіе между дѣйствіями христіанъ-цивилизаторовъ и ихъ проповѣдью религіи и морали является наиболѣе разрушительнымъ. Это противорѣчіе дѣлаетъ ихъ проповѣдь совершенно безплодною. Съ религіозно-нравственной стороны вліяніе цивилизаціи на дикіе народы оказалось, по мнѣнію автора, двойственнымъ: „цивилизація, съ одной стороны, внесла въ жизнь дикарей новые элементы, новыя нравственныя заповѣди и этимъ самымъ столкнула два моральныхъ уклада, пробудила въ дикарѣ извѣстную критическую работу мысли, заставила его, быть можетъ, впервые, задуматься надъ нравственными вопросами,—не сдѣлавъ, съ другой стороны, ничего для того, чтобы воспитать мысль и чувство дикаря къ самостоятельному разрѣшенію этихъ вопросовъ, и заставила его принять новыя нравственныя начала не за совѣсть, а за страхъ". Оттого религіозно-нравственная миссія оказалась печальна и безплодна.

Единственный спасительный выходъ для нарождающихся дикарей г. Берлинъ видитъ въ постепенномъ и раціональномъ пріобщеніи ихъ къ цивилизаціи, которое, заключалось бы въ медленномъ и заботливомъ пріученіи ихъ къ болѣе производительнымъ, при данномъ соотношеніи соціально-географическихъ условій, формамъ хозяйства. Авторъ вспоминаетъ при этомъ рядъ примѣровъ, какъ понимали свои задачи наши отечественные цивилизаторы канцелярскаго типа, которые, не сообразуясь съ особенностями всего прошлаго нашихъ кочевниковъ, стремились (и продолжаютъ стремиться и теперь) во что бы то ни стало превратить ихъ въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ. „Чрезвычайно при этомъ любопытно, что образцы хозяйственныхъ формъ, усвоить которые приказывалось инородцамъ, заимствовались изъ Германіи. Полудикарямъ-инородцамъ изъ петербургскихъ канцелярій предписывалось чуть ли не въ 24 часа покинуть прежній бытъ и перейти къ новому, придуманному нѣмцами, передовымъ культурнымъ народомъ!"

Съ отдѣльными частностями читатели едва ли согласятся,—напримѣръ, по вопросу объ условіяхъ непримѣнимости къ дикарямъ христіанской морали, о возможности „раціональной постановки" смѣшенія

расъ и др.; наряду съ примѣрами изъ жизни дикарей (понятіе, точно не формулированное авторомъ) указываются факты изъ исторіи цивилизаторской дѣятельности европейцевъ въ Китаѣ; наконецъ, что касается источниковъ, г. Берлинъ ссылается на авторитеты далеко не одинаковаго достоинства. Но въ общемъ книга его заслуживаетъ полнаго сочувствія, какъ попытка отвѣтить на важный и давно уже назрѣвшій вопросъ.

IV.

— **Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ, издаваемый подъ редакціей секретаря общества Б. Ф. Адлеръ.** (Т. I, 1904). Спб. 1905.

Нельзя не привѣтствовать рѣшенія антропологическаго общества приступить къ изданію своихъ трудовъ въ видѣ „Ежегодника". Сообразно цѣлямъ общества, направленнымъ на изученіе человѣка въ его жизненныхъ проявленіяхъ на землѣ въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, „Ежегоднику" предстоитъ занять особое мѣсто, наряду съ такими почтенными изданіями, какъ „Этнографическое Обозрѣніе" и „Живая Старина", посвящаемыми по преимуществу описательной этнографіи и разработкѣ духовной культуры и уже имѣющими за собой столь крупныя заслуги въ дѣлѣ развитія въ обществѣ этнографическихъ интересовъ. Въ соотвѣтствіи съ задачами антропологическаго общества, редакція „Ежегодника" не предполагаетъ однако придавать ему характеръ только соматической антропологіи. Въ первый томъ вошли, какъ работы чисто соматическаго, такъ и этнологическаго и этнографическаго характера, даже статья по фольклору. Основной статьей „Ежегодника" является магистерская диссертація покойнаго Д. А. Коропчевскаго—„Значеніе „географическихъ" провинцій въ этногенетическомъ процессѣ". „Начатая покойнымъ работа,—говоритъ редакторъ,—доведена была до десятаго листа; остальная часть осталась въ рукописи въ первоначальномъ видѣ, въ какомъ Д. А. ее написалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вслѣдствіе этого вторая часть лишена той окончательной отдѣлки и переработки, согласно позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, какую бы имъ, конечно, придалъ Д. А. Этотъ недостатокъ не умаляетъ крупнаго достоинства работы, вышедшей изъ-подъ пера человѣка, чутко прислушивавшагося къ научному формированію антропологіи въ теченіе 35 лѣтъ и намѣтившаго вѣхи русской научной этнографіи".

И въ этомъ видѣ работа Коропчевскаго имѣетъ значительный общій интересъ. При слабомъ развитіи въ русскомъ обществѣ научныхъ свѣдѣній о человѣкѣ въ зависимости отъ окружающихъ его

условій, при обширности и спеціальномъ характерѣ европейской литературы объ этомъ предметѣ, при неустойчивости въ этой области научной терминологіи, работѣ Коропчевскаго предстояло стать крупнымъ, объединяющимъ трудомъ, отчетливо намѣчавшимъ основныя проблемы и, до извѣстной степени, пути къ ихъ разрѣшенію. Если въ нѣкоторыхъ частяхъ авторъ и не успѣлъ воспользоваться новѣйшими изслѣдованіями, то общій планъ работы, расположеніе матеріала, сводка литературы—все это заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія. Въ первой главѣ авторъ останавливается на классификаціонныхъ терминахъ современной антропологіи; во второй—разсматриваетъ различныя воззрѣнія на дѣйствія географической среды, въ связи съ изученіемъ происхожденія и развитія этническихъ типовъ (вопреки ученію о типахъ расовыхъ), устанавливая положеніе, что „географическая среда дѣйствуетъ измѣняющимъ образомъ на человѣческій организмъ, и что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій, при постоянномъ дѣйствіи благопріятствующихъ имъ условій, могутъ поддерживаться въ потомствѣ и становиться признаками мѣстной человѣческой группы“. Въ дальнѣйшемъ авторъ подробно останавливается на ученіи Морица Вагнера о происхожденіи видовъ путемъ изолированія ихъ въ пространствѣ; ученіе это, горячимъ сторонникомъ котораго является Коропчевскій, носитъ вполнѣ географическій характеръ, такъ какъ оно основывается не только на связи естественной группы съ мѣстомъ ея обитанія, но и на необходимости особой области для образованія типическихъ особенностей группы. Ученіе Вагнера встрѣтило въ европейской наукѣ рядъ общихъ и частныхъ возраженій, которыя не успѣлъ отмѣтить Коропчевскій, но изложеніе этого ученія само по себѣ можетъ имѣть для читателя значительный интересъ. Въ послѣднихъ главахъ авторъ разсматриваетъ условія образованія племенныхъ типовъ сѣверо-западной и средней, сѣверо-восточной и южной Америки, Австраліи, Океаніи и юго-восточной Азіи. Полезнымъ дополненіемъ труда Коропчевскаго служитъ статья Н. М. Могилянскаго, объединяющая научные взгляды покойнаго ученаго, краткій некрологъ котораго сообщенъ въ этой же книжкѣ Д. А. Клеменцемъ.

Кромѣ отмѣченныхъ, находимъ статьи: гг. Чепурковскаго („Къ вопросу о наслѣдованіи и варіаціи у различныхъ антропологическихъ типовъ“), Бодуэна-де-Куртенэ („Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія въ связи съ антропологіей“), а также гг. Адлера, Бѣлынецкаго-Бируля, Руссова и Ларіонова.

V.

— **Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, написаннымъ Н. Денисюкъ. Вып. I (1856—1863 гг).**

Щедринъ принадлежитъ къ числу писателей, не то чтобы забываемыхъ въ наше смутное время, но во всякомъ случаѣ мало изучаемыхъ съ точки зрѣнія освѣщенія совершающейся на нашихъ глазахъ политической и общественной борьбы. Причина этому—отчасти въ вынужденномъ эзоповомъ языкѣ нашего сатирика, требующемъ для современнаго читателя комментаріевъ, отчасти въ той быстротѣ событій и тревожномъ настроеніи, которыя затрудняютъ возможность дѣлать историческія справки и подыскивать параллели. Между тѣмъ Салтыковъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногочисленныхъ у насъ дѣятелей литературы, которые способны были уловить въ пестромъ хаосѣ разнороднѣйшихъ явленій и событій глубокій и, для своего времени, тайный смыслъ происходившаго. Своимъ врагамъ Салтыковъ не столько былъ страшенъ обличеніями, сколько загоравшейся отъ нихъ вѣрой въ торжество ненавистныхъ его противникамъ освободительныхъ началъ, своею ненавистью къ тому общественному строю, историческимъ недоразумѣніемъ вкоренившемуся въ Россіи, который заключилъ русскую жизнь въ тяжкія условія насилія, неправды, нищеты, варварства. Встрѣченный восторженной поддержкой такихъ умовъ, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, Салтыковъ нещадно бичевалъ по преимуществу тѣ стороны русской жизни, развитію которыхъ особенно благопріятствовали внѣшнія условія; въ борьбѣ съ ними, онъ принесъ въ жертву публицистикѣ свой громадный беллетристическій талантъ (проявившійся столь ярко въ „Господахъ Головлевыхъ"), представивъ для изученія эпохи незамѣнимый и замѣчательный матеріалъ, оцѣнка котораго еще вся въ будущемъ. По мнѣнію комитета министровъ, опубликованному въ свое время, Салтыковъ проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ „вредное направленіе—осмѣяніе и стараніе выставить въ ненавистномъ свѣтѣ существующій общественный, государственный и экономическій строй какъ у насъ, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, наряду съ этимъ не скрывая симпатіи къ крайнимъ соціалистическимъ доктринамъ". Лучшая часть русскаго общества переводила эту оцѣнку на свой языкъ и видѣла въ литературной дѣятельности замѣчательнаго сатирика подвигъ великаго гражданскаго мужества и пламенной любви къ родинѣ.

Литература о Салтыковѣ пока бѣдна. Какъ объединяющій трудъ,

существуетъ пока единственная книга покойнаго А. Н. Пыпина. Поэтому заслуживаютъ вниманія даже изданія компилятивнаго характера, не предназначающіяся для историко-литературныхъ цѣлей,—къ числу которыхъ относится и книга г. Денисюкъ. „Въ предлагаемыхъ книгахъ (авторомъ задумано четыре выпуска) мы собрали все,—говоритъ г. Денисюкъ,—что̀ разбросано въ различныхъ газетахъ и журналахъ, по интересующему насъ вопросу, причемъ, конечно, дали мѣсто въ нашемъ изданіи только тѣмъ статьямъ и замѣткамъ, которыя представляютъ, съ объективной точки зрѣнія, какой-нибудь литературный интересъ. Кромѣ того, въ предлагаемое изданіе не войдутъ статьи біографическаго характера, такъ какъ цѣлью нашей книги является, какъ мы уже сказали, желаніе дать матеріалъ для комментаріевъ сочиненій нашего писателя. Взамѣнъ этихъ пропущенныхъ статей нами приложенъ біографическій очеркъ Щедрина, сообщающій, въ главныхъ чертахъ, факты жизни и литературной дѣятельности сатирика, въ связи съ современной ему общественной обстановкой. Для болѣе полнаго пониманія приводимыхъ здѣсь критическихъ статей сдѣланы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, примѣчанія, выясняющія литературную физіономію автора данной статьи или о̀ргана, въ которомъ эта статья была напечатана. Для читателей, незнакомыхъ съ иностранными языками, сдѣланы переводы встрѣчающихся на этихъ языкахъ фразъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это могло бы затруднить пониманіе автора, а также помѣщены и другія мелкія поясненія, историческія справки, раскрыты нѣкоторые псевдонимы и т. д.“.

Эти слова автора обнаруживаютъ всѣ особенности, которыми отличается его книга: она предназначается преимущественно для возбужденія интереса къ сочиненіямъ Салтыкова,—но біографическій очеркъ составленъ для такого изданія нѣсколько бѣгло; недостаточны и примѣчанія для цѣли автора—„дать матеріалъ для комментаріевъ“ къ сочиненіямъ Салтыкова. Въ первый выпускъ вошли статьи Добролюбова, Чернышевскаго, Анненкова, Дружинина, Эдельсона и др., статьи изъ „Отечественныхъ Записокъ“, „Библіотеки для Чтенія“, „Голоса“, „Сына Отечества“ и нѣк. др. Изданіе съ внѣшней стороны выполнено очень внимательно; къ нему приложена автотипія съ извѣстнаго портрета, исполненнаго въ свое время экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ.

VI.

— **Сергѣй Маковскій. Собраніе стиховъ. Книга первая. Спб. 1905.**

За послѣднее десятилѣтіе читающая публика привыкла видѣть поэзію на ущербѣ, и многимъ начинаетъ казаться, что надолго изсякли родники могучихъ вдохновеній и живыхъ, блещущихъ волшебствомъ истиннаго паѳоса пѣсенъ. Темныя тучи русской жизни сдавили и въ этой области творческія силы страны и словно обвѣяли гнетущимъ кошмаромъ поэтическія грезы. Особенно бѣдна талантами, такъ называемая, общественная стихія въ поэзіи: съ могучей силой вырвавшись на волю въ Некрасовской музѣ „мести и печали", она словно истощилась, напоминая о себѣ по временамъ въ тусклыхъ перепѣвахъ на гражданскія темы, звучащихъ призывными кличами, въ которыхъ слышатся страданіе и скорбь, но — увы! — не завороженныхъ тайной поэтическаго обаянія. И, можетъ быть, не безъ связи съ направленіемъ новѣйшихъ философскихъ теченій, оказавшихъ своеобразное вліяніе на поэтовъ Запада,—можетъ быть, подъ вліяніемъ несбывшихся своевременно надеждъ нашего политическаго идеализма,—русская поэзія отразила въ себѣ всѣ признаки охватившей значительную часть общества реакціи, утомленія, жажды успокоенія и отдыха и, въ исканіи новыхъ путей, подверглась процессу внутренняго перерожденія. Для большинства поэтовъ внѣшній міръ переставалъ служить предметомъ реальнаго интереса, превращаясь въ сокровищницу символовъ, при помощи которыхъ поэты изображали свои душевныя состоянія, „настроенія". По мѣрѣ удаленія отъ реальнаго, внѣшняго міра развивался особый родъ индивидуализма, въ которомъ анализъ ощущеній, иногда намѣренно укрываясь отъ свѣта критической мысли, искалъ откровенія въ сумеркахъ души, въ безсознательной борьбѣ стремленій и желаній, въ логическихъ противорѣчіяхъ, еле ощутимыхъ движеніяхъ духа. Изощряя тонкость и чуткость самовоспріятія, если можно такъ выразиться, этотъ процессъ неминуемо приводилъ къ культу собственнаго „я", которое пріобрѣтало мало-по-малу всѣ признаки самообожествленія и помѣщало себя въ центрѣ планетной системы. Если то, что у прежнихъ поэтовъ служило конкретнымъ содержаніемъ, утрачивало свое значеніе для представителей этого направленія, зато у нихъ, безспорно, выигрывала въ своемъ значеніи форма, которая достигала, путемъ тщательной и упорной работы, невиданныхъ прежде степеней виртуозности и звуковыхъ эффектовъ. Пышные, съ прихотливо разрушенной гармоніей, образы, звонкіе, гремящіе, неожиданные переливы строфъ и созвучій, филигранная от-

дѣлка, капризный „аморальный“ эстетизмъ, туманъ неразрѣшимыхъ философскихъ проблемъ и загадокъ—вотъ признаки того направленія, которое выступило, подъ флагомъ грифовъ, скорпіоновъ и иныхъ символическихъ чудовищъ, и уже, повидимому, отшумѣло, не устоявъ въ своемъ гордомъ индифферентизмѣ передъ властными призывами ломающей оковы новой жизни. По крайней мѣрѣ, голоса талантливѣйшихъ изъ нихъ начинаютъ отзываться на реальныя человѣческія скорби...

Декаденты-символисты едва ли признáютъ г. Маковскаго своимъ, хотя, несомнѣнно, онъ обязанъ имъ очень многимъ. Болѣе отзывчивый и чуткій къ тому, что̀ творится въ его собственной душѣ, чѣмъ во внѣшнемъ мірѣ, онъ взялъ у нихъ гибкость и красоту формы, свободный тэмпъ, оригинальность музыкальной фразировки, но вложилъ свое индивидуальное содержаніе, — извѣстную глубину мысли и чувства, искренность и рѣдкую артистичность выраженій, оборотовъ, образовъ, проникнутыхъ непринужденностью, свободой воображенія и свѣжестью настроенія... Мы затрудняемся опредѣлить степень дарованія г. Маковскаго, но намъ думается, что такъ въ избранной области можетъ писать лишь настоящій поэтъ,—съ органическимъ влеченіемъ къ творчеству.

Но есть въ его поэзіи черта, проводящая слишкомъ замѣтную грань между нимъ и новѣйшими представителями символизма.

Г. Маковскій менѣе всего — молніеносный зигзагъ, хаосъ, разрушеніе, менѣе всего оргіастъ и пророкъ; поэзія страсти—не его удѣлъ, и даже столь обычныя у поэтовъ изліянія любви принадлежатъ къ менѣе удачнымъ его стихотвореніямъ. Нарядная и красивая, поэзія его ясна, понятна, полна возвышеннаго раздумья и мечтательности, прозрачной и нѣжной.

Проснулось озеро. Воздушны очертанья
холмовъ. Ужъ ночи нѣтъ, и всюду свѣтъ проникъ.
Ужъ воздухъ дышитъ имъ, и сводъ небесъ великъ,
какъ замыселъ Творца въ предвѣчный день созданья.

И такъ прекрасенъ міръ, весь—нѣжность и сіянье,
весь—трепетъ юности. Какъ будто въ этотъ мигъ,
не вѣдая ни зла, ни счастья, ни страданья,
изъ тьмы невѣдомой впервые онъ возникъ...

Поэтическое міросозерцаніе г. Маковскаго подернуто дымкой легкаго философскаго разочарованія, сосредоточеннаго въ лирикѣ души, ея воспріятій и переживаній. Міръ своимъ реальнымъ содержаніемъ мало интересуетъ поэта, но въ немъ такъ много разлито красоты, что поэтъ не можетъ не остановиться передъ ней въ восторженномъ со-

зерцаніи. Но, какъ и все въ мірѣ, красота эта—вѣковѣчная загадка, передъ которой нѣмѣетъ мысль:

И жизнь и смерть таинственны равно,
и красота—лишь символъ безконечный
того, что намъ постигнуть не дано.

Чудесное—вездѣ. Душа поэта сознаетъ себя на грани двухъ міровъ, равно прекрасныхъ, но непостижимыхъ:

Не спрашивай, о чемъ волна морская
поетъ, шумя на берегу нѣмомъ,
и отчего въ безмолвіи ночномъ
звѣзда небесъ горитъ, не угасая.

Не спрашивай. Люби, не понимая.
Любовь—печаль. Въ невѣдѣньи земномъ—
предчувствіе о вѣдѣньи иномъ,
въ земной тоскѣ—отрада неземная.

И если-бъ вѣдалъ ты, о чемъ волна
на берегу поетъ неутомимо,
и отчего звѣздами ночь хранима,
и если-бъ зналъ, зачѣмъ обречена
душа твоя въ невѣдѣньи томиться,
не могъ бы ты ни вѣрить, ни молиться.

Явленія быстро смѣняются и исчезаютъ, все существующее—тлѣнъ и бренность, но, съ другой стороны, поэта успокаиваетъ мысль о призрачности всего земного и недостижимости разгадки мірозданія: „непостижимость—рай познанья моего“, „мое невѣдѣнье таинственно и свято“, говоритъ поэтъ въ мечтательномъ полузабвеньи, выражая желаніе, характеризующее, впрочемъ, довольно значительную группу современныхъ поэтовъ,—„пусть грезой будетъ жизнь и жизнью греза станетъ“.

Отсюда понятенъ и источникъ фаталистическаго отношенія къ жизни:

Плывемъ, не зная, что̀ насъ манитъ,
какая сила гонитъ насъ,
какое счастье насъ обманетъ
когда-нибудь, въ послѣдній разъ.

Не все-ль равно? Пусть цѣль—далёко;
для нашей скорби нѣтъ преградъ.
Мы будемъ плыть. Мы дѣти рока.
Мы не воротимся назадъ.

Лиризмъ г. Маковскаго отличается тою особенностью, что поэтъ не столько мыслитъ, или, если угодно, чувствуетъ образами, непосредственно выражая предметъ своихъ ощущеній, сколько *реально*

мечтаетъ о томъ, что̀ переживаетъ его душа и какимъ непостижимымъ для него явленіямъ она открыта. Свое личное тонетъ у него во всеобщемъ міровомъ, вѣчномъ, и это смягчаетъ впечатлѣніе отъ слишкомъ пристальнаго вниманія къ собственному „я“.

Между прочимъ, весьма знаменательно въ нашъ вѣкъ „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“ стихотвореніе, въ которомъ авторъ обращается къ „современнику“:

Безумцамъ новизны не вѣрь, поэтъ! Забудь
о новомъ. Всѣ творцы идутъ путемъ единымъ.
Отъ сердца глубины къ невѣдомымъ глубинамъ,
во имя вѣчнаго и къ вѣчному—тотъ путь.

Не бойся старыхъ словъ. Собой безстрашно будь.
И старыя слова, сѣдымъ крыламъ орлинымъ
подобныя, взнесутъ тебя къ роднымъ вершинамъ;
ихъ царственный полетъ не можетъ обмануть.

Въ порывѣ—творчество. Ни мыслей устарѣлыхъ,
ни словъ отверженныхъ, ни чувствъ отжившихъ нѣтъ,
когда вѣщаетъ ихъ и вѣритъ имъ поэтъ.

Не чувства отжили, но въ душахъ омертвѣлыхъ,
въ сердцахъ, исполненныхъ гордыни и тоски,
изсякли вѣчныхъ чувствъ живые родники.

Конечно, было бы напрасно оцѣнивать поэта съ точки зрѣнія общественныхъ или гражданскихъ мотивовъ,—тревога, порывъ не въ поэтической натурѣ г. Маковскаго. Съ недостижимыхъ высотъ поэтъ нигдѣ не роняетъ стиха ободренія, надежды, призыва, и въ этомъ отношеніи поэзія его слишкомъ субъективна. Вся въ мягкихъ, покойныхъ тонахъ, съ нѣжными пейзажами, настроеніями мечтательной нѣги, безпредметной грусти, поэзія г. Маковскаго, несомнѣнно, встрѣтитъ сочувственный пріемъ у той части читателей, которая будетъ искать въ ней поэтическаго забвенья отъ жизненныхъ бурь, страстей и сомнѣній, того, что̀ такъ удачно выразилъ французскій поэтъ:

Le sommeil, le repos, le nirvâna des brâhmes,
Instants qui sont pour nous, par leur oubli profond,
Les meilleurs après ceux dans lesquels nous aimâmes.

Matière inerte et sourde en tout qui tout se confond,
Toi qui n'a pas de chair douloureuse et subtile,
Quand tu m'ouvres ton sein, j'y descends jusqu'au fond...

Но люди сильной воли и могучихъ порывовъ, не знающіе устали въ кипучей борьбѣ обновляющихся силъ страны, еще ждутъ своего поэта...

VII.

- П. Соловьева (Allegro). Иней. Рисунки и стихи. Спб. 1905.

Г-жа Соловьева пользуется извѣстностью талантливой поэтессы; ея стихотворенія издавна находятъ себѣ пріютъ на страницахъ лучшихъ журналовъ. Въ этой со вкусомъ изданной книгѣ, носящей нѣсколько символическое заглавіе „Иней", читатель знакомится не только съ поэтическимъ творчествомъ автора, но и съ его талантомъ, какъ художницы. Рисунки исполнены перомъ въ новѣйшемъ стилѣ; многіе изъ нихъ оригинальны, милы, но не въ нихъ основное достоинство книги. Стихотворенія г-жи Соловьевой отличаются прежде всего изяществомъ формы, благородствомъ настроенія; ихъ содержаніе—міръ нѣжныхъ и тонкихъ движеній мыслей и сердца, порывовъ къ прекрасному и далекому, міръ свѣтлыхъ надеждъ, воздушныхъ мечтаній. Женственно и красиво:—этими двумя словами можно опредѣлить цѣлый рядъ пьесъ, вродѣ, напримѣръ,—„Въ склепѣ", „Петербургъ", „Вечерняя заря", „Въ зимнюю ночь" и др.

Весенній солнца лучъ сквозь низкое окно
Скользнулъ въ угрюмый мракъ нѣмого подземелья,
И на холодный полъ горячее пятно
Онъ бросилъ, какъ призывъ забытаго веселья.

Улыбкой блѣдною отвѣтили кресты,
Померкшимъ серебромъ бѣлѣя на покровахъ,
Вѣнковъ увядшіе, истлѣвшіе листы
Почуяли сквозь сонъ дыханье рощъ лавровыхъ.

Пріотворилась дверь... съ порывомъ вѣтерка
Привѣтъ весны слетѣлъ на тихія могилы,
И чья-то нѣжная и тонкая рука
Весенніе цвѣты на камень положила.

И снова стихло все, но яркіе цвѣты
Въ холодномъ сумракѣ нѣжнѣй благоухали,
Какъ позабытыя, но вѣчныя мечты,
И мертвымъ о любви и радости шептали.

Стремленіе автора къ прекрасному и свѣтлымъ сторонамъ бытія находитъ себѣ удовлетвореніе въ красотѣ природы и томъ сложномъ мірѣ чувствъ, мыслей и желаній, къ которому онъ чутко прислушивается и для котораго ищетъ возвышенныхъ и музыкальныхъ выраженій. Красота природы не сама по себѣ привлекаетъ автора, хотя и изъ этой области есть у него нѣсколько хорошенькихъ картинокъ,—но лишь какъ отправная точка для полета въ міръ таинственныхъ

сновъ и горнихъ откровеній. На параллелизмѣ реальнаго и воображаемаго міровъ построена символика автора, неясная, воздушная, говорящая полунамеками, полувздохами, полумечтами...

Погляди, деревья встали
И вблизи и вдалекѣ.
Погляди, какія дали
На серебряной рѣкѣ.

Сквозь жемчужныя сплетенья
Въ серебристо-синей мглѣ,
Видишь, ангеловъ движенья
Вдругъ застыли на стеклѣ.

Въ сочетаньи небываломъ
Здѣсь земля и небеса,
И глазамъ, глазамъ усталымъ
Вновь доступны чудеса.

Стремленіе автора въ потусторонній міръ нигдѣ не приводитъ его къ мрачному пессимизму и отчаянію; большею частью оно разрѣшается тихой молитвой и надеждой на Бога. Кое-гдѣ читатель можетъ встрѣтить намекъ, что авторъ, отнюдь не ищущій бури, направляетъ свои исканья, подкрѣпленныя молитвой, въ мирную обитель, граничащую съ эдемомъ:

Руку дай, дитя, тропою хвойною
Забредемъ далеко мы, туда,
Гдѣ насъ жизнь загадкой безпокойною
Не найдетъ, не встрѣтитъ никогда.

Гдѣ мгновенья стынутъ, не мѣняются,
Гдѣ не вянутъ тихіе цвѣты,
Гдѣ въ прозрачномъ небѣ поднимаются
Тонкихъ елей стройные кресты.

Тамъ, забывъ стремиться въ даль неясную,
Къ тишинѣ душою ты прильнешь
И молитву первую, безгласную
Ты съ моей молитвою сольешь.

Грусть одиночества, дѣлающая дни „тусклыми“, воспоминаніе о прошломъ, робкое томленье и грезы любви служатъ темами очень многихъ стихотвореній; автору знакомы „мертвые часы душевной лѣни“, когда „мысли тускнутъ, замеревъ“,—и другіе, часы раздумья, полные противорѣчивыхъ чувствъ и загадки:

Море любитъ землю, вѣчно негодуя,
Переходятъ въ ропотъ поцѣлуи моря,—

Такъ тебѣ на встрѣчу радостно иду я,
Но въ душѣ упреки, въ сердцѣ столько горя.

Мы живемъ и дышимъ жизнью не одною:
Ты—понять не можешь, я—сказать не въ силахъ...
Такъ не властно море пѣнною волною
Отдохнуть, смирившись, на земныхъ могилахъ.

Наряду съ такими превосходными пьесами, какъ „Слѣпой" (драматическая поэма въ четырехъ картинахъ) или „Старый домъ", у г-жи Соловьевой встрѣчаются стихотворенія холодныя, не дающія ни образа, ни настроенія; тщательная, въ общемъ, отдѣлка стихотвореній встрѣчаетъ, мѣстами, неодолимыя препятствія, оставляя выраженія и обороты вродѣ—„птица вдругъ *проплакала* ночная", „все слышнѣй во мракѣ *зоркомъ* чьи-то вздохи и слова", „оттого сердцемъ, *жизнію* раненымъ, мнѣ умершихъ мгновеній не жаль"; въ строеніи стиха также встрѣчаются недочеты, особенно непріятные тамъ, гдѣ логическое удареніе расходится съ музыкальнымъ. Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, почти безукоризненной формы въ поэмѣ „Слѣпой", равно интересной и по замыслу, и по исполненію; мѣстами эта пьеса глубоко трогаетъ читателя своей искренностью и задушевностью; и въ ней соблюдена отличающая г-жу Соловьеву нѣжная и воздушная прозрачность образовъ.—Евг. Л.

VIII.

— **Крестьянскій строй.** Т. I. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого при участіи редакціи газеты „Право". Спб. 1905 г.

Крестьянамъ принадлежитъ такое видное мѣсто въ общественномъ строѣ Россіи и положеніе ихъ у насъ настолько ненормально, что всякое оживленіе преобразовательныхъ стремленій выдвигаетъ на первый планъ крестьянскій вопросъ. Ненормальность положенія крестьянъ обусловливается не только тѣмъ, что реформы шестидесятыхъ годовъ не вывели окончательно этотъ классъ русскихъ гражданъ изъ прежняго приниженнаго положенія и не уравняли его въ правахъ съ прочимъ населеніемъ Россіи. Сведеніе крестьянскаго вопроса къ вопросу юридическому было, правда, очень популярной идеей нашей публицистики и законодательнаго творчества послѣднихъ пятнадцати лѣтъ; при чемъ одни желали расширенія юридическихъ крестьянскихъ правъ, а другіе стремились къ ихъ ограниченію. Въ формахъ крестьянскаго правопорядка видѣли главную причину не только политическаго, но и экономическаго угнетенія крестьянъ; а уравненіе по-

слѣднихъ въ правахъ съ другими сословіями (при условіи преобразованія нашего политическаго строя вообще) считалось достаточнымъ средствомъ для того, чтобы ввести жизнь бо́льшей половины русскаго народа въ русло правильнаго и болѣе или менѣе спокойнаго теченія и стереть крестьянскій вопросъ съ лица русской земли. Гораздо меньшая часть русскаго общества усматривала въ крестьянскомъ вопросѣ столь же важные экономическіе, какъ и политическіе элементы; но и она, однако, находила, что удовлетворенію тѣхъ и другихъ требованій должно предшествовать преобразованіе нашего государственнаго строя, каковое почиталось, такимъ образомъ, необходимымъ и возможнымъ независимо отъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Еще меньшая или, по крайней мѣрѣ, менѣе видная группа русскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей не только ставила крестьянскій вопросъ, какъ вопросъ соціальный, но и не полагала возможнымъ политическія преобразованія отдѣлять отъ экономическихъ и достигать политическаго освобожденія русскаго общества, не ставя вмѣстѣ съ тѣмъ на разрѣшеніе и вопроса объ удовлетвореніи главнѣйшихъ экономическихъ нуждъ крестьянъ. Первыя же вѣянія свободы безапелляціонно разрѣшили эти разногласія.

Первоначально эти вѣянія проявились въ средѣ привилегированнаго общества, и активные представители послѣдняго выразили это провозглашеніемъ чисто политической программы. Но въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года произошла грандіозная манифестація петербургскихъ рабочихъ, послѣ чего движеніе распространилось на рабочіе классы страны—сперва городскіе, затѣмъ сельскіе—и приняло здѣсь явно экономическую и даже соціальную окраску. Пока дѣло ограничивалось классами наемныхъ рабочихъ—осложненіе движенія экономическими чертами только усиливало чисто политическое теченіе, потому что препятствія, встрѣчаемыя рабочими въ осуществленіи ихъ экономическихъ требованій, неминуемо толкали ихъ на политическую борьбу. Но когда движеніе распространилось на классъ мелкихъ земледѣльцевъ, и крестьяне заявили притязаніе на помѣщичьи земли, политическому теченію предстояло или включить въ программу экономическія требованія крестьянъ, или идти на рискъ вооружить противъ себя наиболѣе многочисленный классъ русскаго населенія. На этомъ мотивѣ предполагаемаго недовольства крестьянъ однѣми политическими реформами основаны и надежды реакціонеровъ на неудачу освободительнаго движенія, и въ этомъ смыслѣ началась уже ихъ агитація среди темныхъ элементовъ деревни. Тѣмъ болѣе необходимымъ сдѣлалось дополненіе либеральныхъ политическихъ программъ пунктами экономическаго характера, и среди русскаго интеллигентнаго общества начало широко распространяться сознаніе того, что очередная задача

преобразованія нашего строя—не чисто политическая, а соціальная. При такомъ пониманіи задачъ русскаго общественнаго быта, политическія реформы становятся первымъ шагомъ только потому, что безъ нихъ оказывается невозможнымъ удовлетворить остальныя требованія момента, и прежде всего экономическія требованія крестьянъ.

Послѣ всего сказаннаго не слѣдуетъ удивляться тому, что крестьянскій вопросъ привлекаетъ въ послѣднее время бòльшее и бòльшее вниманіе общества, что книжный рынокъ обогащается новыми и новыми сочиненіями по крестьянскому вопросу, причемъ отдѣльными изданіями появляются не только новыя работы, но и сборники статей уже печатавшихся въ журналахъ. Крестьянскому вопросу посвященъ и сборникъ, названный въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Задуманъ этотъ сборникъ въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года, и его цѣлью было оказать посильное противодѣйствіе проектируемой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ реформѣ узаконеній о крестьянахъ въ духѣ обособленія послѣднихъ отъ прочихъ классовъ населенія, причемъ это обособленіе рекомендовалось, какъ дальнѣйшее развитіе началъ, положенныхъ въ основу реформы 19-го февраля. Нужно было доказать неправильность такого сближенія крѣпостническихъ тенденцій новаго времени съ освободительнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, и въ этихъ видахъ признано было необходимымъ „уяснить въ общественномъ сознаніи историческія судьбы нашего крестьянства, смыслъ и значеніе освободительной реформы и тѣ пути, которые она намѣтила для дальнѣйшаго развитія неисчерпаннаго уничтоженіемъ крѣпостного права крестьянскаго вопроса. Необходимо было выяснить, насколько отъ этихъ путей уклонился весь ходъ законодательства о крестьянахъ въ послѣдовавшее сорокалѣтіе и въ какомъ отношеніи къ реформѣ 19-го февраля стоятъ“ новыя предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ, „составляющія лебединую пѣснь бюрократическаго творчества. Въ этихъ цѣляхъ и задуманъ былъ настоящій сборникъ“. Послѣ того, какъ извѣстно, обстоятельства рѣзко измѣнились. Единственный сильный представитель „бюрократическаго творчества“, министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Плеве, закончилъ свое служебное поприще; безпримѣрный крахъ бюрократическаго руководительства судьбами великаго народа на полѣ войны и безсиліе бюрократіи прекратить волненія внутри страны совершенно дискредитировали принципъ бюрократическаго самовластія въ глазахъ самихъ бюрократовъ и поставили ребромъ вопросъ о полномъ преобразованіи нашихъ государственныхъ порядковъ. Вмѣстѣ съ этимъ не можетъ не быть сданнымъ въ архивъ и проектъ покойнаго министра, и борьба съ этимъ проектомъ становится, по нашему мнѣнію, совершенно безцѣльной. Это, однако, не говоритъ въ пользу того, чтобы задуманный ранѣе

трудъ по исторіи крестьянскаго дѣла потерялъ свое значеніе. Крестьянскій вопросъ есть одинъ изъ первыхъ, съ которымъ придется имѣть дѣло новому государственному строю. Уясненіе этого вопроса съ принципіальной и исторической стороны представляется, поэтому, во всякомъ случаѣ необходимымъ; мы считаемъ, вслѣдствіе этого, вполнѣ умѣстнымъ появленіе разсматриваемаго сборника, хотя и не согласны съ издателями въ томъ, что ихъ сборникъ необходимъ въ качествѣ орудія борьбы съ проектомъ, который они сами считаютъ „лебединою пѣснью бюрократическаго творчества".

Разсматриваемый сборникъ состоитъ изъ четырехъ статей: исторія образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянъ, А. С. Лаппо-Данилевскаго; крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII-го и въ первой половинѣ XIX-го вѣка, В. И. Семевскаго; исторія составленія положенія 19 февраля А. А. Корнилова и исторія крестьянскаго вопроса послѣ 1861 г. до момента составленія предположеній о преобразованіи узаконеній о крестьянахъ при покойномъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, И. М. Страховскаго. Второй томъ „Крестьянскаго строя" предполагается посвятить разбору этихъ предположеній. Статья А. С. Лаппо-Данилевскаго заключаетъ въ себѣ преимущественно исторію великорусскихъ крестьянъ, которая доведена въ ней до начала XIX-го столѣтія. Указавъ въ самыхъ общихъ чертахъ—лишь насколько это необходимо для соблюденія „требованія исторической перспективы"—на положеніе сельскихъ классовъ въ древней Руси, авторъ описываетъ затѣмъ историческія судьбы государственныхъ и владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ и въ Россійской имперіи, отводя, конечно, гораздо больше мѣста разряду владѣльческихъ крестьянъ. Быть можетъ вслѣдствіе этого обстоятельства, статья о государственныхъ крестьянахъ представляется какъ бы не совсѣмъ отдѣланною. Статья В. И. Семевскаго представляетъ переработанное и дополненное по новымъ источникамъ введеніе къ извѣстному его сочиненію: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вв.". Въ немъ излагается исторія крестьянскаго вопроса при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I въ печатной и рукописной литературѣ, особенно подробно излагаются взгляды на крестьянскій вопросъ декабристовъ и дается краткій очеркъ положенія владѣльческихъ крестьянъ при обоихъ императорахъ. Гдѣ оставляетъ крестьянскій вопросъ В. И. Семевскій, тамъ его начинаетъ А. А Корниловъ, которому принадлежитъ статья „Крестьянская реформа 19 февраля". Въ этой статьѣ авторъ почти не останавливается на роли печати въ подготовленіи реформы, высказывая, въ противность мнѣнію другихъ писателей, что роль эта не могла быть значительной уже потому, что печать была допущена къ обсу-

жденію крестьянской реформы послѣ того, какъ были выработаны главныя ея основанія, и что со статьями о реформѣ выступали преимущественно лица, еще ранѣе изложившія свои мысли въ частныхъ запискахъ, въ устныхъ и письменныхъ заявленіяхъ на засѣданіяхъ губернскихъ комитетовъ. Общіе принципы и частныя положенія этой важнѣйшей реформы въ нашей исторіи вырабатывались за предѣлами печатнаго слова, при помощи литературы непечатной (записки, представлявшіяся правительству и обращавшіяся въ обществѣ), путемъ кабинетной работы мысли государственныхъ людей, стоявшихъ во главѣ движенія, обсужденія вопроса въ правительственныхъ коммиссіяхъ и дворянскихъ комитетахъ, созванныхъ для подготовки реформы. Такой способъ скрытой разработки важныхъ вопросовъ не только бюрократіей, но и самимъ обществомъ—благодаря извѣстнымъ порядкамъ нашего государственнаго строя—составляетъ, впрочемъ, обыкновенное явленіе и предшествующей, и послѣдующей эпохи. Въ силу указаннаго обстоятельства цѣлыя важныя теченія нашей общественной мысли протекають почти неотмѣченными литературой и остаются малоизвѣстными не только слѣдующимъ поколѣніямъ, но подчасъ и массамъ современниковъ. Оттого-то у насъ такъ легко порывается преемственная связь стараго и молодого поколѣній. Крестьянская реформа, какъ извѣстно, въ свое время не была окончательно завершена, и Положеніе 19 февраля заключаетъ черты и новаго, и стараго духа. Въ статьѣ И. М. Страховскаго: „Крестьянскій вопросъ въ законодательныхъ и законосовѣщательныхъ коммиссіяхъ послѣ 1861 г.“, излагается послѣдующая исторія крестьянскаго дѣла, которая должна бы, казалось, заключаться въ доведеніи начатой реформы до ея логическаго конца. Но судьба рѣшила иначе. Въ пореформенной исторіи крестьянскаго вопроса авторъ различаетъ три періода: „время пассивнаго отношенія къ существу крестьянскаго вопроса“, которое авторъ видитъ въ уравненіи крестьянъ въ правахъ со всѣмъ населеніемъ; время борьбы прогрессивнаго и реакціоннаго теченій съ перевѣсомъ послѣдняго и „періодъ попечительныхъ заботъ о внутреннемъ устройствѣ крестьянъ на началахъ, установленныхъ въ предшествующемъ періодѣ“. Сколько-нибудь подробно авторъ останавливается на юридической сторонѣ крестьянскаго вопроса.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе перваго тома „Крестьянскаго строя“. Второй томъ, какъ сказано выше, будетъ посвященъ разбору трудовъ редакціонной коммиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, касающихся также исключительно крестьянскихъ правъ. Но крестьянское дѣло далеко не исчерпывается вопросомъ о гражданскихъ и политическихъ правахъ сельскаго населенія, каковая сторона представляется даже наиболѣе легкой для разрѣшенія. Гораздо

затруднительнѣе разрѣшать соціальные экономическіе вопросы крестьянскаго быта, потому что они не представляютъ такой простоты, какъ вопросы права, ихъ разрѣшеніе невозможно безъ широкихъ соціальныхъ преобразованій всей страны, и что историческій опытъ западной Европы не даетъ образцовъ для ихъ разрѣшенія. Эти вопросы требуютъ самостоятельной творческой работы общественной мысли. Будемъ же надѣяться, что они не замедлятъ привлечь къ себѣ достаточное вниманіе изслѣдователей, и новыя государственныя учрежденія не остановятся въ недоумѣніи передъ мрачной таинственностью надвигающагося соціальнаго вопроса.

IX.

— А. А. Корниловъ. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Спб. 1905.

Книга, названная въ заголовкѣ этой замѣтки,—составленная изъ статей, печатавшихся въ разныхъ журналахъ, и принадлежащая одному изъ авторовъ, участвовавшихъ въ составленіи сборника, только-что нами разсмотрѣннаго,—по ея содержанію составляетъ какъ бы дополненіе послѣдняго. Самая большая ея статья, „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—59 гг.“ (служившая матеріаломъ для статьи г. Корнилова въ сборникѣ „Крестьянскій строй“), посвящена тому моменту въ исторіи подготовки законодательнаго акта объ освобожденіи крестьянъ, когда правительство, побудивъ самихъ рабовладѣльцевъ пойти навстрѣчу этому необходимому историческому факту, возложило на нихъ разработку проектовъ его осуществленія. Этотъ моментъ не былъ описанъ въ извѣстномъ трудѣ проф. Иванюкова: „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“, который обращался къ заключеніямъ губернскихъ комитетовъ лишь какъ къ исходной точкѣ работъ редакціонныхъ коммиссій, и разсматриваемый трудъ А. А. Корнилова пополняетъ, поэтому, одинъ изъ пробѣловъ въ нашей небогатой сводными работами литературѣ по данному вопросу. Значеніе дворянскихъ комитетовъ въ исторіи освобожденія крестьянъ опредѣляется, впрочемъ, не столько матеріальнымъ содержаніемъ составленныхъ ими „Положеній“, сколько тѣмъ, что обсужденіе вопроса въ комитетахъ способствовало, во-первыхъ, выясненію и разработкѣ взглядовъ немногихъ лицъ, искренно желавшихъ блага народу и оказавшихъ существенное вліяніе на правительство; во-вторыхъ, содѣйствовало распространенію мнѣнія о необходимости эмансипаціи въ массѣ дворянства и подготовляло общество къ реформѣ. Что касается направленія работы

г. Корнилова, то, не ограничиваясь изложеніемъ хода дѣлъ въ губернскихъ комитетахъ, онъ поставилъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ задачу „выяснить внутреннюю связь рѣшеній, принятыхъ въ различныхъ комитетахъ, и образовавшихся въ нихъ направленій съ предшествовавшимъ движеніемъ въ дворянской средѣ и въ правительственныхъ сферахъ, и съ мѣстными условіями, вліявшими на образованіе и развитіе тѣхъ или другихъ интересовъ и связанныхъ съ ними идей и убѣжденій" (стр. 309). Мѣстныя условія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, рѣзко отразились на предположеніяхъ дворянскихъ комитетовъ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерній. Въ центральныхъ черноземныхъ, исключительно земледѣльческихъ губерніяхъ, съ весьма плодородной почвой и густымъ крѣпостнымъ населеніемъ, которому владѣльцы обязаны были помогать въ случаѣ неурожаевъ и другихъ бѣдствій, но которое нельзя было эксплоатировать инымъ способомъ, кромѣ примѣненія его силъ къ обработкѣ земли, въ которой ощущался недостатокъ,—помѣщики дорожили не столько крестьянскимъ трудомъ, сколько своими землями, и стремились къ тому, чтобы крестьяне были освобождены безъ земли. Владѣльцы нечерноземныхъ районовъ получали доходъ не столько отъ земли, сколько отъ промысловыхъ заработковъ своихъ крѣпостныхъ. Имъ важно было поэтому получить вознагражденіе за утрату этого источника дохода, которое дало бы имъ и денежныя средства для обработки земли наемнымъ трудомъ, и удержать на мѣстахъ освобождаемыхъ крестьянъ, какъ рабочую силу для будущихъ ихъ хозяйствъ. Они стояли, поэтому, за освобожденіе крестьянъ съ землей и за выкупъ ихъ личности.

Вторая большая статья сборника посвящена „судьбѣ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ". Собственно говоря, крѣпостное право вмѣстѣ съ вотчинной властью помѣщиковъ было упразднено въ Польшѣ Наполеоновской конституціей 1807 г.; но земля, на которой жили и которую обрабатывали крестьяне, была признана помѣщичьей собственностью, и крестьянамъ предоставлялось пользоваться ею по добровольнымъ соглашеніямъ съ владѣльцами. Новая конституція Царства Польскаго, данная русскимъ правительствомъ, признала личную свободу крестьянъ, но и возстановила вотчинную власть помѣщика. Поземельныя же отношенія крестьянъ оставались нетронутыми до 1846 г., когда, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ галиційской рѣзни, изданъ указъ, запретившій помѣщикамъ произвольно изгонять крестьянъ, обрабатывающихъ для себя не менѣе 1½ дес. земли, присоединять освобождающіеся крестьянскіе участки къ владѣльческимъ землямъ и возвышать повинности крестьянъ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи основной идеи этого указа должны были быть переводъ крестьянъ съ барщины на денежный оброкъ и уничтоженіе вотчин-

ной власти помѣщиковъ; но нерасположеніе къ реформѣ мѣстнаго общества и мѣстной власти помѣшало ея завершенію; а когда, послѣ подавленія польскаго возстанія 1863 года, было приступлено къ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ Царствѣ Польскомъ, и осуществленіе этого было поручено виднѣйшимъ дѣятелямъ реформы 1861 г.—Милютину, Черкасскому, Самарину, Соловьеву, Кошелеву—крестьянскій вопросъ въ Царствѣ Польскомъ былъ разрѣшенъ радикальнѣе, чѣмъ въ Россіи. Такъ, крестьяне получили въ собственность всѣ земли, находившіяся въ ихъ владѣніи въ моментъ изданія Положенія 19 февраля 1864 г., и тѣ, которыя неправильно были изъяты изъ ихъ пользованія. Вознагражденіе помѣщикамъ за эти земли рѣшено было уплатить не изъ средствъ освобождаемыхъ крестьянъ, а путемъ возвышенія налоговъ на поземельную собственность всѣхъ категорій. Общественное управленіе крестьянъ было построено на началѣ участія въ немъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій. Милютинъ и его сотрудники-славянофилы задались цѣлью „вывести на историческую сцену въ преобразуемой странѣ крестьянство, какъ новый, самостоятельный, свободный и сознательный элементъ общественной жизни", а для достиженія этого, кромѣ обезпеченія экономической независимости и нѣкотораго самоуправленія крестьянъ, нужно было позаботиться и объ ихъ образованіи. Организація школьнаго дѣла была, поэтому, третьимъ моментомъ реформы, проводимой Милютинымъ. Онъ желалъ школы, независимой отъ всякихъ политическихъ тенденцій, и въ этихъ видахъ, „устранивъ изъ школы всякое непосредственное къ ней отношеніе пановъ и ксендзовъ, передалъ завѣдываніе ею въ руки вновь созданныхъ гминныхъ и сельскихъ сходовъ. Предполагалось, что освобожденные крестьяне сами устремятся къ просвѣщенію". Изъ всѣхъ этихъ предначертаній удавшеюся слѣдуетъ считать лишь аграрную реформу. Что же касается развитія самоуправленія и образованія польскихъ крестьянъ, то, по извѣстнымъ всѣмъ причинамъ, русскія реформы привели какъ разъ къ обратному тому, что̀ предполагалось ихъ иниціаторомъ. „Въ бытность мою коммиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Царствѣ Польскомъ,—пишетъ А. А. Корниловъ, — я самъ имѣлъ случай неоднократно убѣдиться, какъ трудно иногда бываетъ составить сходъ для обсужденія какого-либо дѣла. Уѣздной администраціи приходится принудительно заставлять свободныхъ людей пользоваться своимъ правомъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ — печальный результатъ реформы, долженствовавшей вывести на историческую сцену крестьянство, какъ сознательную политическую силу".

Къ исторіи крестьянскаго дѣла въ эпоху освободительныхъ реформъ относятся еще двѣ небольшія статьи сборника: „Вопросъ объ

административномъ устройствѣ крестьянъ во время разработки крестьянской реформы" и біографическій очеркъ: „Ю. Ѳ. Самаринъ". Послѣдняя, большая статья сборника посвящена общественной, литературной и государственной дѣятельности Николая Ивановича Тургенева. Статью эту нельзя считать совершенно оторванной отъ остального содержанія сборника, потому что основная идея, воодушевлявшая Тургенева, была—борьба съ крѣпостнымъ правомъ. Эта очень интересная статья, въ которой авторъ довольно подробно останавливается на тайномъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Тургеневъ, „не столько даетъ біографію этого замѣчательнаго дѣятеля первой половины XIX столѣтія, сколько выясняетъ общественное значеніе и развитіе его идей въ связи съ тѣмъ общественнымъ движеніемъ, въ которомъ онъ принималъ непосредственное участіе и которое, несомнѣнно, исторически связано съ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ".

X.

— С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи. Спб. 1905.

Отдѣльныя статьи, составляющія содержаніе книжки С. Н. Прокоповича, рѣзко различаются по своему характеру. Статьи: „Общества взаимопомощи", „Забастовки" и „Всеобщая забастовка 1905 г."—представляютъ простые своды фактическихъ данныхъ по соотвѣтствующимъ предметамъ, настолько скудныхъ, что по отношенію къ нимъ становится излишней и мало возможной научная разработка. Статьи „Фабричное законодательство" и „Отвѣтственность предпринимателей" заключаютъ, напротивъ того, критическій и, такъ сказать, соціологическій разборъ законовъ, относящихся къ рабочему вопросу. Данныя, заключающіяся въ статьяхъ перваго рода, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ отсталости Россіи въ промышленномъ отношеніи. Говоря вообще, „помощь неимущимъ первоначально организуется на началахъ благотворительности". Съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній число лицъ, не обезпеченныхъ имущественно, настолько возрастаетъ, что оказаніе имъ помощи становится не подъ силу благотворительности, а моральный характеръ рабочаго настолько измѣняется, что онъ теряетъ желаніе становиться въ положеніе нищаго. Тогда получаетъ широкое развитіе организація взаимопомощи съ бо̀льшимъ или меньшимъ участіемъ государства. Этотъ моментъ давно наступилъ на Западѣ, но „экономическая отсталость Россіи настолько велика, что мы до сихъ поръ не вышли изъ періода филантропической организаціи помощи неимущимъ". Кассы взаимопомощи распро-

странены среди нашихъ рабочихъ крайне мало, преимущественно на окраинахъ, а также въ горной промышленности и въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, гдѣ эти кассы, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ не принадлежатъ къ свободнымъ рабочимъ организаціямъ и видная роль въ ихъ управленіи принадлежитъ хозяевамъ. Широкое развитіе профессіональныхъ рабочихъ организацій было у насъ невозможно уже по причинѣ крайне подозрительнаго отношенія къ нимъ власти. Но въ самые послѣдніе годы, въ видахъ отвлеченія рабочихъ отъ политической пропаганды, полиція, какъ извѣстно, стала покровительствовать и даже сама устраивать общества взаимопомощи рабочихъ, пытаясь вмѣстѣ съ тѣмъ регулировать ихъ дѣятельность такимъ образомъ, чтобы не допускать ихъ переступить границы экономической борьбы съ предпринимателями. Но два крупныхъ рабочихъ движенія послѣднихъ лѣтъ показали ясно, что при данныхъ политическихъ условіяхъ рабочія организаціи, даже благословляемыя полиціей, при живой ихъ работѣ неизбѣжно становятся опасными для охраняемыхъ властью порядковъ. Мы говоримъ здѣсь о всеобщихъ забастовкахъ въ крупныхъ городахъ на югѣ Россіи въ 1903 г., въ которыхъ очень видную роль играли полицейскія рабочія организаціи, руководитель коихъ былъ послѣ того подвергнутъ административной ссылкѣ, и о трагически окончившейся политической манифестаціи въ январѣ текущаго года, организованной тѣмъ самымъ „Собраніемъ русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ", которое было учреждено съ цѣлью „возбужденія и укрѣпленія въ средѣ членовъ-рабочихъ русскаго національнаго самосознанія" и состояло „подъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ с.-петербургскаго градоначальника" (Прокоповичъ, стр. 42). Послѣ того полиція дѣлаетъ попытку, въ защитѣ отживающаго режима, опереться на неорганизованные открыто темные элементы народа, возстановляя одни слои населенія противъ другихъ. Врядъ ли можно, однако, сомнѣваться въ томъ, что окончательнымъ результатомъ и этой политики будетъ ускореніе процесса политическаго развитія страны.—Данными пріемами въ среду самыхъ темныхъ слоевъ населенія вносятся политическіе вопросы, и немного потребуется времени для того, чтобы эти вопросы были разрѣшены здѣсь не въ томъ направленіи, какое желательно реакціи, а—какъ и среди фабричныхъ рабочихъ—сообразно истиннымъ интересамъ трудящихся, т.-е. въ духѣ устраненія путъ, связывающихъ общественную самодѣятельность.

Отсутствіе профессіональныхъ рабочихъ организацій оказало, конечно, соотвѣтствующее вліяніе на развитіе стачечнаго движенія въ Россіи, которое лишь въ послѣднее время стало пріобрѣтать организованный характеръ. Авторъ начинаетъ свою лѣтопись стачекъ съ 1870 г., который нѣкоторыми считается даже исходнымъ пунктомъ

стачечнаго движенія въ Россіи, и заканчиваетъ ее срединою восьмидесятыхъ годовъ, а для послѣдующаго времени останавливается на тѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ проявляется уже классовая солидарность рабочихъ и нѣкоторыя политическія тенденціи. Къ этимъ движеніямъ авторъ относитъ петербургскія стачки 1896 г., стачки на югѣ въ 1903 г. и всеобщую забастовку въ 1905 г. Онъ пользуется для своего описанія газетнымъ матеріаломъ, но, кажется, использовалъ его неполно.

Положительныя мѣропріятія власти для удовлетворенія рабочихъ заключались въ изданіи охранительныхъ по отношенію къ нимъ законовъ. Общее заключеніе автора о нашемъ фабричномъ законодательствѣ таково, что оно создавалось подъ вліяніемъ стачекъ и главной его цѣлью была не охрана рабочаго класса, сама по себѣ, а полицейскія соображенія о поддержаніи общественнаго порядка и спокойствія. Этимъ объясняется тотъ интересный фактъ, что защитникомъ рабочихъ во время составленія фабричныхъ законовъ (и, какъ мы слышали отъ фабричныхъ инспекторовъ, при ихъ примѣненіи) являлось то самое вѣдомство, которое безжалостно расправлялось съ рабочими во время стачекъ (стр. 106). Въ томъ и другомъ случаѣ, это вѣдомство преслѣдовало исключительно интересы полицейскаго порядка: давленіемъ на фабрикантовъ въ спокойное время оно надѣялось предупредить активное выраженіе недовольства рабочихъ, а давленіемъ на рабочихъ во время забастовокъ оно стремилось скорѣе прекратить „безпорядки". Заключеніе автора послѣ всего, имъ изложеннаго, таково, что дальнѣйшіе успѣхи рабочаго дѣла въ Россіи будутъ зависѣть, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, отъ систематически-организованной дѣятельности самого рабочаго класса, которая сдѣлается возможной лишь послѣ пріобрѣтенія имъ политическихъ правъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть, поэтому, прежде всего вопросъ политическій, и нашему пролетаріату надлежитъ образовать самостоятельную политическую партію. Авторъ пытается намѣтить и программу этой послѣдней. Въ виду непорвавшейся еще связи фабричныхъ рабочихъ съ землею, вреднаго вліянія на положеніе рабочихъ экономической необезпеченности крестьянъ и въ виду того политическаго преобладанія, какое получатъ у насъ крестьяне при введеніи всеобщаго избирательнаго права, авторъ включаетъ въ программу рабочей партіи и такія требованія, которыя отвѣчаютъ интересамъ крестьянъ, создавая, такимъ образомъ, какъ бы общую программу партіи трудящихся классовъ Россіи. Намъ кажется, что интересы страны требуютъ, а соціальныя условія допускаютъ болѣе глубокое проведеніе принципа объединенія трудящихся классовъ Россіи. У насъ естественно образованіе единой партіи трудящихся, лишь

раздѣляемой на отдѣлы или фракціи, соотвѣтственно профессіямъ, отдѣльнымъ районамъ и т. п. Такое объединеніе и будетъ, вѣроятно, совершаться по мѣрѣ политическаго развитія рабочаго класса. Лишь послѣ того, какъ заимствованный съ Запада лозунгъ зародыша рабочей партіи въ Россіи: „пролетаріи всѣхъ странъ—соединяйтесь"—замѣнится лозунгомъ: „всѣ трудящіеся Россіи—соединяйтесь"—можно будетъ сказать, что развитіе политическаго самосознанія русскихъ рабочихъ завершилось. Формальное объединеніе трудящихся и даже образованіе партіи пролетаріата представляется намъ, впрочемъ, главной задачей ближайшаго будущаго. Что же касается нынѣшняго дня, то существенно необходимымъ кажется намъ обращеніе возможно бо̀льшаго количества сосредоточенныхъ въ городахъ сознательныхъ силъ на распространеніе политическаго самосознанія въ массахъ сельскаго населенія. При обычномъ у насъ обмѣнѣ населенія между городомъ и деревней выполненіе этой задачи не представляетъ, по крайней мѣрѣ для рабочихъ города, существенныхъ затрудненій.—В. В.

Въ теченіе іюня въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авдѣевъ, В. Н. — Із Кнігі Гор. 4 тетр. и 1 свитокъ. Кисловод. 904 (т.-е. Изъ Книги Горъ).

Бѣлозерскій, Н.—Аѳ. П. Щаповъ, какъ педагогъ. № 1. Спб. 905. Ц. 25 к.

Бахаревъ, Е.—Стихотворенія. Томскъ, 904. Ц. 40 к.

Багашевъ, И. — Минеральные источники Забайкалья. М. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Бауманъ, В. —Курсъ маркшейдерскаго искусства. Ч. II, съ 120-ью черт. Спб. 905. Ц. 2 р. 20 к.

Балабановъ, М.—Фабричные законы. Сборникъ законовъ, распоряженій и разъясненій по вопросамъ русскаго фабричнаго законодательства. Кіевъ, 905. Ц. 75 к.

Билимовичъ, Ал. Д.—Годъ войны и наши финансы. Кіевъ, 905.

Бобылевъ, Д. М.—Волостные писаря Пермской губерніи. Пермь, 905.

Головинъ, К. Ф.—Внѣ партій. Опытъ политической психологіи. Спб. 905. Цѣна 2 руб.

Головачевъ, П.—Сибирь: Природа—Люди—Жизнь. 2-е изд. М. 905. Цѣна 1 р. 50 к.

Гредескулъ, Н. А.—На темы дня. Двѣ рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Харьковскаго Юридическаго Общества 19 марта 1905 г. Харьк. 905.

Геничинъ, И. Ѳ.—Прибалтійскіе напѣвы. Стихотворенія. Рига, 905. Ц. 1 р.

Дымовъ, Осипъ.—Солнцеворотъ. Спб. 905.

Добролюбовъ, Александръ.—Изъ книги невидимой. Изд. „Скорпіона". М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Дубинскій, М.—Сумерки жизни. Стихотв. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 75 к.

Жиота, Б.—Русскіе финансы и война. Съ польск. Краковъ, 905.

Ибсенъ, Генрихъ.—Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Перъ Гюнтъ; Союзъ молодежи; Кесарь и Галилеянинъ. Перев. съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. Стр. 691. М. 905. Ц. 2 р.

Кропотовъ, Г. — Сводныя статистическія таблицы экономическаго положенія крестьянъ Саратовской губерніи на 1 января 1902 года. Объяснительная записка и схематическая карта губерніи. Сарат. 904.

Костромской (П. Соколовъ).—Въ глухой тайгѣ. Спб. 904.

——— Концертъ съ благотворительной цѣлью. Этюдъ изъ современной жизни. Спб. 905. Ц. 40 к.

Крыловъ, И. А. — Полное собраніе сочиненій, подъ ред. В. В. Каллаша. Т. III: Почта духовъ (ч. III и IV).—Журнальныя статьи и письма. Спб. 905.

Костомарова, Александра.—Двѣ лиліи, Спб. 904. Ц. 1 р.

——— Осенніе цвѣты, покрытые снѣгомъ. Стихотв. Спб. 902.

Карышевъ, Н.—Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ. М. 905. Ц. 1 р.

Красовъ, А. — О преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Опытъ краткаго методическаго руководства по предмету Закона Божія. Вятка, 904. Ц. 25 к.

Лермонтовъ, М. Ю.—Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Арс. Введенскаго. Т. III: Юношескія стихотворенія и поэмы. Спб. 905.

Левитскій, В. Ф., и *Алексѣенко*, М. М.—К. К. Гаттенбергеръ, проф. Харьк. университета. Харьк. 905. Ц. 80 к.

Липскій, В. И.—Горная Бухара. Результаты 3-лѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію, въ 1896, 1897 и 1899 г. Ч. III. Спб. 905.

Мускатблитъ, Ф.—Битва при Ляоянѣ. Критич. оч. съ 6 рис., 5 карт. и 1 черт. Од. 905. Ц. 30 к.

Мировичъ, Н. — Страница изъ исторіи великой французской революціи (Г-жа Роланъ). Съ предисловіемъ Н. Карѣева. Съ 2-мя портретами. М. 905. Ц. 1 руб.

Норовъ, В.—Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. II: Финансовые результаты винной монополіи. Организація виннаго хозяйства. Спб. 905. Ц. 1 р.

Олоньонъ, Кл.—Сибирь и ея экономическая будущность. Съ франц. А. Погрузова. Спб. 905. Ц. 2 р.

Оствальдъ, В.—Школа химіи. Общедоступное введеніе въ изученіе химіи. 2-я часть. Перев. съ нѣм. О. Писаржевской. Од. 905. Ц. 1 р.

Островскій, А. Н. — Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. М. И. Писарева. Т. V. Стр. 517. Съ иллюстр.—Т. VI. Стр. 513. Съ портретомъ автора.—Т. VII. Стр. 536. Съ портр. Мартынова. — Т. VIII. Стр. 571. Съ портр. Васильева. — Т. IX. Стр. 720. Съ иллюстр. — Т. X. Стр. 612. Съ портр. автора. Ц. за 10 том. 16 р. Изд. фирмы „Просвѣщеніе". Спб. 905.

Пуришкевичъ, В.—За кѣмъ. Пьеса въ 1 д. 2-е изд. Спб. 904. Ц. 30 к.

Подъячевъ, С.—Среди рабочихъ. Спб. 905. Ц. 75 к.

——— Мытарства: 1) Московскій работный домъ. 2) По этапу. Спб. 905. Цѣна 75 к.

Потѣхинъ, А. А. — Сочиненія. Т. VII: Молодые побѣги. Т. VIII: Около денегъ; Порченая. Т. IX: Судъ людской—не Божій;—Шуба овечья—душа человѣчья;—Чужое добро въ прокъ не идетъ;—Мишура. Т. X: Новѣйшій ора-

куль;—Отрѣзанный ломоть;—Виноватая;—Закулисныя тайны. Спб. 905. Ц. 12 т. 12 рублей.

Погодинъ, А. Л.—Почему не говорятъ животныя? Къ вопросу о происхожденіи языка. Варш. 905.

Прокоповичъ, С. Н. — Къ рабочему вопросу въ Россіи. Спб. 905. Ц. 1 р.

Семеновъ, Леонидъ.—Собраніе стихотвореній. Спб. 905.

Спенсеръ, Гербертъ. — Введеніе въ философію. Въ краткомъ изложеніи И. М. Любомудрова. 3-е изд. съ біографіей Г. Спенсера. Ковровъ, 905. Цѣна 40 коп.

Сакулинъ, П.—А. Н. Пыпинъ. М. 905.

Сабинина, М.—Изъ жизни земли. Съ 6 рис. Спб. 905. Ц. 25 к.

Сазоновъ, Г. П. — Народное представительство безъ народа. Спб. 905. Цѣна 30 к.

Сумцовъ, Н. Ө.—Изъ Украинской старины. Харьк. 905. Ц. 2 р.

Тищенко, Ө.—Люди темные. Быль, разсказанная крестьяниномъ. М. 905. Цѣна 10 к.

Фармаковскій, В. И. — Охрана здоровья учащихся. Сводъ практическихъ свѣдѣній, относящихся къ сбереженію здоровья дѣтей, посѣщающихъ школу. 9-е изд. Од. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Цвидинекъ-Зюденгорстъ, О., фонъ.—Теорія и политика заработной платы, въ особенности изслѣдованіе вопроса объ установленіи минимума заработной платы. Съ нѣм. Б. Авиловъ. М. 905. Ц. 2 р.

Чалхушьянъ, Гр.—Армянскій вопросъ въ Россіи. Рост.-на-Д. 905. Ц. 10 к.

Чернышевскій, Н. Г.—Статьи по крестьянскому вопросу („Современникъ", 1857—1859 гг.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 905. Ц. 2 р.

Шалабановъ, Д. П.—Организація обществ.-промышленнаго питомника плодовыхъ деревьевъ. Спб. 905.

Юшкевичъ, проф. В. А. — Наполеонъ I на поприщѣ гражданскаго правовѣдѣнія и законодательства. Изд. 2-е. М. 905. Ц. 1 р.

Яковлевъ, Сергѣй.—Александра Николаевна Стрекалова. Біограф. очеркъ. М. 904.

Янжулъ, Екат. — Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. 3-е исправл. и дополн. изданіе. Спб. 905. Ц. 2 р.

Askenasy, S.—Uniwersytet Warszawski. W. 905.

Brancoff, D. M.—La Macédoine et sa population chrétienne. Avec 2 cartes ethnographiques. Paris, 905.

René, C.—Russland und die Ostasiatische Frage. Berl. 905. M. 1, 60.

— Библіотека „Всходовъ": 1) Море и его обитатели, составл. Э. Пименовой, съ 175 рис., ц. 1 р. 2) Черная смерть, пов. А. Алтаева, съ 11 рис., цѣна 40 к. 3) Подъ солнцемъ Индіи, путев. письма Э. Геккеля, перев. съ нѣм. И. Игнатьева, съ 70 рис., ц. 35 к. 4) Потѣшные люди, пов. А. Зарина, съ 7 рис. ц. 30 к. 5) Въ странѣ цвѣтовъ, В. Сѣрошевскій, пов., съ 90 рис., ц. 50 к. 6) Янъ Гусъ изъ Гусинца, пов. А. Алтаева, съ 6 рис., ц. 40 к. 7) Антошка, пов. К. Станюковича, съ 23 рис., ц. 80 к. 8) Малайскій архипелагъ, А. Уоллеса, перев. п. р. В. Львова, съ 31 рис., ц. 40 к. 9) Маленькій Джорджъ, Мэкъ Стюартъ, разск. съ 5 рис., перев. З. Р., ц. 20 к. 10) А. В. Кольцовъ, К. Д. Носкова, съ 12 рис., ц. 20 к. 11) Похожденіе Тима, пов. К. Уиггинъ, съ англ. Е. Бэръ, съ 6 рис., ц. 20 к. 12) Скрипачъ, пов. А. Зарина, ц. 50 к. 13) Ассанъ-

Хизъ, пов. А. Алтаева, ц. 75 к. 14) Дѣти напрокатъ; миссъ Брэддонъ, ц. 25 к. 15) Въ горахъ Тибета, С. Рингардтъ, съ 40 рис., ц. 60 к. 16) И. Игнатьевъ, Колумбово яйцо. Физика въ опытахъ. Сборникъ научныхъ развлеченій, съ 138 рис., ц. 1 р. Спб. 905.

— Библіотека Хозяина. № 49: В. Н. Сомовъ (Николаевъ), Барбарисъ. Спб. 905. Ц. 30 к.

— Ежегодникъ министерства финансовъ. Выпускъ 1904 года. Спб. 905.

— Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьянъ Олонецкой губерніи. Иллюстриров. изданіе. Петрозаводскъ, 905. Стр. 109+161+325+155. Ц. 4 руб.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VIII. Библіографич. указатель литературы по статистикѣ землевладѣнія. Спб. 904. Стр. 121 и V.

— Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ. О писателяхъ. Собранные и записанные А. Мошинымъ разсказы очевидцевъ объ А. Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ, Некрасовѣ, Достоевскомъ, Салтыковѣ, Л. Н. Толстомъ и Гюи де-Мопассанѣ. Спб. 905. Ц. 20 к.

— Нѣкоторыя данныя о кн. С. В. Волконскомъ и его отношеніяхъ къ крестьянской реформѣ. Ряз. 905.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Н.-Новгородѣ за 1904 г. Н.-Новг. 905.

— Почтово-Телеграфная Статистика за 1903 г., съ краткимъ обзоромъ дѣятельности почтово-телеграфнаго вѣдомства за тотъ же годъ. Спб. 905.

— Протоколы по крестьянскому дѣлу. Засѣданія съ 8 декабря 1904 г. по 30 марта 1905 г. Спб. 905.

— Ремесла и промыслы Херсонской губерніи. Херс. 905.

— Сводъ статистическихъ данныхъ по желѣзодѣлательной промышленности. Вып. XII. Спб. 904. Изд. Ред. „Вѣстника Финансовъ". Ц. 1 р.

— Севастополь и его оборона. Посвящается памяти его защитниковъ. Съ 5 рис. и 2 карт. Спб. 905. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 30 к.

— Сельско-хозяйственная текущая статистика: 1904 годъ. Вып. 1.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1903 годъ. Н.-Н. 905.

— Статистическій обзоръ Калужской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1902 и за 1903 г. Годъ VII и VIII. Кал. 904.

— Статистическое описаніе Калужской губерніи. Т. II; вып. 2: Лихвинскій уѣздъ. Кал. 904.—Т. V: Малоярославецкій уѣздъ. Кал. 904.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Hermann Bahr. Sanna. Schauspiel in fünf Aufzügen. Berlin, 1905 (S. Fischer, Verlag).

Современная драма построена на превознесенiи сильной личности, на утвержденiи жизни, т.-е. на проповѣди полноты ощущенiй. Только тѣ пьесы находятъ откликъ въ современной публикѣ, въ которыхъ поются гимны свободному человѣку. Современная драма—отъ Ибсена до Гауптмана—превратилась изъ прежней психологической, направленной на анализъ сложныхъ процессовъ души, въ драму воли. Единственный доминирующiй въ ней вопросъ—слѣдующiй: какъ утвердить могущество человѣка въ жизни, черезъ какiя высоты—и черезъ какiя паденiя—ведетъ путь къ самоутвержденiю личности? Прежняя трагедiя судьбы, также какъ и драма совѣсти, поднимающая вопросъ о добрѣ и злѣ въ поступкахъ и чувствахъ, отошли на второй планъ передъ проблемой личности. И эта основная идея раздѣляетъ современную драму на двѣ категорiи. Къ одной относятся драмы внутренняго самоутвержденiя путемъ созерцательнымъ, путемъ признанiя первенства внутреннихъ переживанiй передъ всѣмъ тѣмъ, что̀ даетъ мiръ внѣшнихъ ощущенiй. Такова вся символическая драма, таковъ Вилье-де-Лиль Аданъ, ставящiй воображенiя выше дѣйствительности, таковъ театръ Метерлинка; въ немъ дѣйствiе сосредоточено на безсознательной жизни души, и конецъ драмы наступаетъ, когда выступаютъ наружу факты дѣйствительности. Вторая категорiя современныхъ драмъ основана на самоутвержденiи человѣка въ области воли, въ господствѣ надъ реальнымъ мiромъ, въ проявленiи власти и свободы духа. Ибсенъ, Гауптманъ и длинный рядъ драматурговъ между ними—проповѣдники волевого индивидуализма, противоположнаго мистическому. Но оба разряда драмъ—только разныя стороны одной и той же проблемы личности. Она поднята и во всѣхъ другихъ областяхъ отвлеченной мысли и художественной литературы. Наиболѣе дерзновенно ее поставилъ Ницше, и черезъ его влiянiе она сдѣлалась и центромъ драмы, гдѣ она выступаетъ особенно сильно и убѣдительно.

Въ нѣмецкой драмѣ одинъ изъ наиболѣе громкихъ проповѣдниковъ сильной личности—Германъ Баръ. Его пьесы имѣютъ большой успѣхъ именно тѣмъ, что изображаютъ людей, созидающихъ свою жизнь своей волей, наперекоръ всему, что̀ создаетъ воля толпы. Въ нѣсколькихъ драмахъ—„Силачъ“ („Der Athlet“), „Властелинъ жизни“ („Der Meister“)—Баръ воплотилъ свой идеалъ свободнаго и сильнаго чело-

вѣка, которому принадлежитъ будущее. Во имя сильныхъ людей онъ же проповѣдуетъ и радость жизни, т.-е. властный, безъ колебаній и компромиссовъ, захватъ всего, что жизнь можетъ принести. Эта тема лежитъ въ основѣ новой драмы Бара: „Занна". Основной пріемъ автора въ этой драмѣ остается тѣмъ же, что и въ прежнихъ. Чтобы показать, что нужно созидать свою жизнь своей волей, Баръ показалъ своего „силача" и своего „мастера" въ такихъ жизненныхъ положеніяхъ, въ которыхъ ихъ свободная воля наиболѣе ломается, и на ихъ пораженіи въ жизни онъ основываетъ ихъ нравственное торжество. Центръ тяжести этихъ пьесъ—въ испытаніяхъ, т.-е. въ противодѣйствіи жизни правамъ свободной и сильной личности. Выводомъ же изъ его пессимистическаго отношенія къ дѣйствительности становится проповѣдь иного идеала жизни, еще неосуществленнаго, открывающагося только сознанію отдѣльныхъ просвѣтленныхъ людей. Точно также и въ „Заннѣ" проповѣдуется радость жизни путемъ обличенія жизненныхъ компромиссовъ, губящихъ возможность радости. И эта драма, какъ и двѣ предыдущія, крайне пессимистична въ изображеніи дѣйствительности, но въ идеалѣ она ведетъ къ утвержденію жизни, къ возстановленію правъ на радость, на проявленіе личности.

„Занна" производитъ двойственное впечатлѣніе. Фабула драмы банальна, сентиментальна. Молодая дѣвушка любитъ лейтенанта, который не можетъ жениться на ней, не имѣя, чѣмъ уплатить требуемый залогъ. Богатый дядя Занны не даетъ нужныхъ денегъ, и бракъ разстраивается. Лейтенантъ, болѣе покорный судьбѣ, болѣе готовый на компромиссы, отказывается отъ любимой дѣвушки, но она, болѣе пламенная и мятежная, не признаетъ смиренія. Убѣдившись, что противъ нея не только родители, но и слабовольный юноша, котораго она любитъ, Занна не согласна подчиниться обстоятельствамъ, выйти замужъ за богатаго старика—и бросается изъ окна. Самоубійство, какъ слѣдствіе разочарованія въ любви—одинъ изъ наиболѣе использованныхъ мотивовъ въ литературѣ вообще и въ драмѣ въ частности. Но въ „Заннѣ" есть много другого, очень интереснаго—есть цѣлая коллекція чудаковъ и убѣжденныхъ добродѣтельныхъ пошляковъ—мужчинъ и женщинъ. Всѣ они вмѣстѣ хорошо иллюстрируютъ основную мысль автора. Баръ доказываетъ, выводя ихъ на сцену, что жизнь, основанная не на радостномъ торжествѣ молодыхъ, жаждущихъ счастья силъ, полна уродства и создаетъ безсмысленныя аномаліи, извращенія здоровой радости жизни. Эта сторона драмы такъ интересно разработана, что и банальность самой фабулы пріобрѣтаетъ нѣсколько иной оттѣнокъ, кажется намѣренной. Самая типичная, самая схематичная исторія разбитаго молодого существованія, противопоставленная искаженной радости жизни въ оригинальныхъ типахъ, кажется наиболѣе доказательной.

Во имя удобствъ жизни, люди сознательно убиваютъ ея радость:— это коренное заблужденіе, ведущее къ роковымъ послѣдствіямъ, иллюстрируется на примѣрѣ семьи синдика въ маленькомъ австрійскомъ городкѣ. Житейское благоразуміе, требующее компромиссовъ, обрѣзывающее жизнь ради прочности мелкаго существованія, воплощено въ лицѣ жены синдика, Каролины. Она въ свое время вышла замужъ по любви и такъ истрадалась въ борьбѣ съ житейскими трудностями, что хочетъ избавить своихъ дочерей отъ своей печальной участи. Она поэтому убиваетъ въ нихъ всѣ порывы къ молодому властному счастью. Одна изъ ея дочерей, старшая, уже сдѣлалась жертвой материнскихъ заботъ; ей не позволили выйти замужъ по влеченію; она покорилась и теперь живетъ безрадостная въ родительскомъ домѣ, убивая свою тоску въ музыкѣ; но, по мнѣнію матери, это лучше, чѣмъ необезпеченный бракъ, и она увѣрена, что спасла дочь. Каролина все дѣлаетъ, чтобы поднять благосостояніе семьи. Въ домѣ живетъ старикъ дядя—восьмидесятилѣтній, наполовину выжившій изъ ума старый жуиръ. Каролина всячески угождаетъ ему, выноситъ капризы старика, чрезвычайно неудобные въ домѣ, гдѣ есть молодыя дѣвушки, и всячески старается предотвратить помѣщеніе старика въ спеціальную лечебницу. Ей нужна его денежная поддержка для веденія дома,—и этому приносится въ жертву всякая деликатность чувства. Но это еще наименьшій изъ компромиссовъ; гораздо бо̀льшимъ является испорченная жизнь старшей дочери. Мать не сознаетъ, однако, своей вины передъ Луизой, и продолжаетъ свою систему относительно и другихъ дочерей. Ея мужъ, синдикъ Тростъ, раздѣляетъ ея практическіе взгляды на жизнь—пока ему не открываетъ глаза судьба младшей дочери, героини драмы,— шестнадцатилѣтней Занны.

Занна—воплощеніе радости жизни. Въ душѣ ея „все поетъ и пламенѣетъ“, какъ она сама говоритъ своей печальной старшей сестрѣ, разсказывая о своей любви, и она не согласна жертвовать собой ради практическихъ соображеній. Она не любитъ мать—„эту мрачную старую женщину, которая сидитъ въ сумеркахъ на креслѣ, какъ злая птица“,—и боится ея вліянія. Она вѣритъ въ себя, въ свою любовь. Лейтенантъ, влюбленный въ нее и полюбившійся ей, приходитъ къ нимъ въ домъ; его дядя, докторъ, пользующій старика, надѣется устроить счастье молодой пары, уговорить старика заплатить залогъ. Старикъ милъ съ лейтенантомъ, смѣется его шуткамъ,—но когда докторъ объясняетъ ему положеніе дѣлъ, онъ отказываетъ въ деньгахъ—отказываетъ безсмысленно, тутъ же предлагая дать деньги, если лейтенантъ женится на младшей сестрѣ, четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ съ сильно развращеннымъ всѣмъ, что̀ она видитъ кругомъ себя, воображеніемъ. Отказъ жениться на дѣвочкѣ онъ принимаетъ за своеволіе, и тѣмъ болѣе не согласенъ уплатить залогъ. Этимъ рѣ-

шена судьба Занны. Со всѣхъ сторонъ ей доказываютъ, что нужно покориться, отказаться отъ недостижимаго. Но Занна тверда, увѣренная что тотъ, кого она любитъ, такъ же непоколебимъ, какъ она. Она свое счастье завоюетъ. Послѣ ухода лейтенанта, она совершенно спокойна; мать даже думаетъ, что она вовсе не страдаетъ. „Молодость все стерпитъ",—говоритъ себѣ въ утѣшеніе Каролина. Только Луиза, въ приливѣ по-новому охватившаго ее горя о своей разбитой жизни, молитъ отца помочь Заннѣ, спасти ее. Она знаетъ, что отреченіе убиваетъ душу. Но пока Занна еще полна радости. Ей позволено поговорить съ лейтенантомъ на балу у штатгальтера, и она знаетъ, что ее и его спасетъ сила ихъ любви. Балъ у штатгальтера, составляющій содержаніе третьяго акта драмы, даетъ выпуклую картину отрицательныхъ типовъ, убивающихъ здоровую радость жизни. Старикъ Фурніанъ, восьмидесятилѣтній дядя, уже ярко выступаетъ въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ. Онъ преслѣдуетъ служанку своими ухаживаніями, любуется своимъ сверкающимъ кольцомъ, все вспоминаетъ о томъ, какъ его какой-то кардиналъ назвалъ святымъ человѣкомъ, и при этомъ всѣхъ подозрѣваетъ въ желаніи ограбить его. Этотъ слабоумный тиранъ подчиняетъ своей волѣ молодыхъ членовъ семьи и самъ наслаждается, потворствуя своимъ инстинктамъ. Онъ стоитъ во главѣ „отравителей радости", изображенныхъ въ драмѣ Бара. Отнимая радость жизни у тѣхъ, кому она принадлежитъ по праву, они искажаютъ, уродуютъ ее. Насколько прекрасна любовь Занны къ юношѣ, которому она отдаетъ свои свѣжія, яркія чувства, настолько похожденія старика—каррикатура на радость. А его желанія свершаются,—Занна же, лишенная естественнаго права на радостную жизнь, погибаетъ. Вотъ постоянный припѣвъ во всей драмѣ, состоящей изъ противопоставленій торжествующихъ уродливыхъ отравителей радости и погибающихъ жертвъ житейскихъ компромиссовъ. Другой типъ на ряду съ Фурніаномъ—школьный инспекторъ Цингерль. Ему пятьдесятъ лѣтъ—и за него прочатъ шестнадцатилѣтнюю Занну на томъ основаніи, что „бѣднымъ людямъ нельзя быть разборчивыми". То, что Занна любитъ другого, не смущаетъ мать.—„Отъ любви не умираютъ",—необдуманно говоритъ она, не предвидя, что на этотъ разъ ея житейская мудрость не оправдается. Школьный инспекторъ интересно обрисованъ во второмъ дѣйствіи, въ сценѣ, гдѣ онъ приноситъ рѣдкостный подарокъ семьѣ Тростовъ — цвѣтущій кактусъ. Цингерль ищетъ сильныхъ ощущеній для своихъ притупленныхъ нервовъ и находитъ ихъ только въ зрѣлищѣ смерти. Онъ съ упоеніемъ разсказываетъ о томъ, какъ наканунѣ присутствовалъ при трудной агоніи какой-то старой женщины, какъ она три часа кричала, прежде чѣмъ ей наконецъ закрыли глаза. У него слуга пріученъ вывѣдывать про умирающихъ и докладывать ему во-время о готовя-

щихся желанныхъ зрѣлищахъ.—„Многое уясняется, когда глядишь, какъ умираетъ человѣкъ",—говоритъ онъ—и всѣ восхваляютъ христіанскія чувства, побуждающія школьнаго инспектора оказывать умирающимъ поддержку своимъ присутствіемъ. Несовсѣмъ по-христіански только то, что послѣ бдѣній у ложа умирающихъ, онъ непремѣнно посылаетъ къ канонику за какимъ-то опредѣленнымъ виномъ и пирожками,—находя особую прелесть въ тонкой ѣдѣ именно въ подобныхъ случаяхъ. Всѣ его вкусы отмѣчены тѣмъ же характернымъ оттѣнкомъ жестокости и тяготѣнія къ уродливому или неживому. Онъ восторгается цвѣткомъ кактуса, потому что онъ похожъ, по его словамъ, на уродливаго маленькаго паука, и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ даритъ этотъ цвѣтокъ Заннѣ и ея младшей сестрѣ Ганаль, радуясь, когда дѣвочка колетъ себѣ пальцы, касаясь растенія. Ему также пріятно поставить цвѣтокъ въ бѣленькую дѣвичью комнатку Занны, какъ бы отравляя ея полудѣтскую жизнь близостью уродливаго растенія. А младшей дѣвочкѣ онъ даритъ изображеніе мученицы Агаты въ золотомъ медальонѣ, объясняя подробно, какимъ мученіямъ подвергалась святая мученица. Этотъ старикъ съ его особыми вкусами причастенъ къ радости—нечистой и отталкивающей, и его доля радости—та, которую онъ хочетъ отнять у бѣдной Занны. О своемъ желаніи жениться на Заннѣ Цингерль говоритъ не съ ней, а съ ея матерью, и считаетъ дѣло рѣшеннымъ. Возможность несогласія, даже протеста со стороны дѣвушки—только лишняя приманка для этого любителя всякихъ страданій, и большихъ, и маленькихъ.

Въ третьемъ дѣйствіи всѣ эти и другіе „отравители радости" сходятся въ пестрой толпѣ, объединенной общимъ пониманіемъ жизни и одинаковыми стремленіями, на балу у штатгальтера. Мать Занны расцвѣтаетъ, испытывая всѣ удовлетворенія, которыя составляютъ для нея смыслъ жизни; имъ-то она и приноситъ въ жертву всѣ истинныя радости своихъ дѣтей. Штатгальтеръ особенно любезенъ съ ея дочерью Занной,—и ея тщеславіе удовлетворено. Разбитое счастье дочери кажется ей теперь тѣмъ болѣе несущественнымъ происшествіемъ, что вниманіе, удѣленное дѣвушкѣ хозяиномъ бала, должно вызвать общій интересъ къ ней. Общество на балу, дамы, комментирующія вниманіе штатгальтера къ скромной дѣвушкѣ, самъ величественный сановникъ, который даритъ улыбки и милостивыя слова, всѣ гости, священно выполняющіе законы свѣтскаго этикета, составляютъ фонъ самодовольнаго прозябанія, замѣняющаго для этихъ рабовъ условности истинную радость жизни. На этомъ балу Заннѣ наносится ударъ, съ которымъ она при всей своей волѣ къ счастью не можетъ справиться. Она сильна относительно своихъ духовныхъ враговъ,—въ этой роли выступаетъ и ея мать, несмотря на все свое желаніе блага своей дочери. Несмотря на требованія матери, Занна, однако, не только не

цѣнитъ вниманія штатгальтера, но даже отказывается отъ его приглашенія пойти съ нимъ танцовать, говоря, что она обѣщала уже этотъ танецъ лейтенанту. Но штатгальтеръ настаиваетъ на своемъ приглашеніи и уводитъ ее отъ лейтенанта; послѣднему, конечно, остается отвѣтить согласіемъ на просьбу штатгальтера уступить ему свою даму. Но того, что штатгальтеръ говорилъ ей, Занна не можетъ передать матери, когда та съ нетерпѣливымъ любопытствомъ разспрашиваетъ ее: она не слушала его, занятая мыслью о лейтенантѣ. Наконецъ, подъ звуки пѣнія одной изъ приглашенныхъ дамъ, Занна говоритъ съ лейтенантомъ и узнаетъ отъ него, что онъ покоряется родителямъ любимой дѣвушки и отказывается отъ нея. Занна—въ полномъ ужасѣ: всѣ ея надежды рушились, когда она не находитъ поддержки у того, кого любитъ. У нея хватаетъ только силы и гордости, чтобы рѣзко оборвать разговоръ съ лейтенантомъ. Онъ говоритъ ей, что его долгъ—уйти отъ нея, чтобы не компрометтировать ее. Занна, ждавшая смѣлыхъ словъ вѣрной любви, рѣзко вышучиваетъ этого охранителя ея чести и проситъ поскорѣе уйти и оставить ее въ покоѣ. Еще одно испытаніе ждетъ дѣвушку на роковомъ для нея балу. Ея измученный видъ привлекаетъ вниманіе любителя всего болѣзненнаго и страдальческаго, т.-е. школьнаго инспектора Цингерля; онъ подходитъ къ ней, совѣтуетъ ей дать волю своимъ слезамъ, излить передъ нимъ свое горе, вмѣсто того чтобы таить его въ душѣ и еще болѣе страдать отъ этого. Подъ вліяніемъ его мнимо участливыхъ словъ Занна начинаетъ безудержно рыдать; тогда онъ, довольный достигнутымъ результатомъ, утѣшаетъ ее. Только когда онъ отъ общихъ утѣшеній переходитъ къ разговору о себѣ, о своей привязанности, о томъ, что онъ можетъ предложить ей въ жизни, она съ ужасомъ начинаетъ понимать, къ чему онъ клонитъ разговоръ; при его попыткѣ ласково погладить ея руку, она съ ужасомъ гонитъ его прочь; а когда онъ продолжаетъ свои приставанія, она зоветъ на помощь отца. Отецъ и мать Занны подходятъ къ ней, но Цингерль не смущается; онъ спокойно, съ доброй улыбкой, заявляетъ имъ, что немножко ухаживалъ за милой Занной, что она пока сопротивлялась, но что это упрямство ничего не значитъ—оно пройдетъ. Его поведеніе, его спокойная увѣренность въ своей силѣ, пугаетъ Занну; ей страшно за свое будущее. Она ни въ комъ не видитъ сочувствія. Мать явно надѣется сломить ея упрямство,—и только отецъ въ разговорѣ съ докторомъ высказываетъ первыя сомнѣнія въ правильности своихъ требованій отъ дочери. Вправѣ ли родители ломать ея жизнь, вмѣсто того чтобы помочь ей достигнуть счастья? Докторъ успокаиваетъ Троста, говоритъ о необходимости отреченія и смиренія въ жизни,—но Тростъ не убѣжденъ и боится за младшую дочь, боится, что и Занна, какъ бѣдная Луиза, будетъ навсегда не-

счастна. Въ одномъ онъ ошибается:—Занну слишкомъ пугаетъ пассивная участь Луизы, чтобы согласиться на нее.—Или полная радость жизни, или смерть,—рѣшаетъ она. Вернувшись домой послѣ вечера, она машинально выслушиваетъ увѣщанія матери и нѣсколько растерянныя объясненія отца, который чувствуетъ глубину ея горя и смутно боится чего-то страшнаго. Онъ сознаетъ свою вину передъ Занной, кается въ томъ, что практическія заботы изсушили его и его жену, и что они дѣтямъ не могутъ дать самаго важнаго—душевнаго тепла. Когда отецъ уходитъ, Луиза, потрясенная повтореніемъ своей судьбы въ жизни младшей сестры, старается утѣшить Занну, объяснить, что лейтенантъ не могъ иначе поступить, не могъ не уступить обстоятельствамъ, несмотря на свою любовь. Занна только говоритъ, что такая любовь ей не нужна, и убѣгаетъ въ другую комнату. Слышится звукъ раскрываемаго окна. Луиза—въ нервномъ припадкѣ и не можетъ сразу крикнуть или броситься къ сестрѣ; когда она, задыхаясь отъ усилій, зоветъ наконецъ на помощь—уже поздно. Занна выбросилась изъ окна. Она мертва. Сестры и отецъ мечутся, обезумѣвшіе отъ ужаса и горя; мать въ безсиліи опускается на стулъ со словами: „Какой позоръ, какой позоръ! Бѣдное мое дитя!“ Первая мысль этой рабы общественной нравственности обращена къ постороннимъ; самое важное для нея—мнѣніе такихъ же рабовъ, какъ она сама.

Самое интересное въ драмѣ Бара—послѣднее дѣйствіе: сцены въ гостиной у Тростовъ на второй день послѣ смерти Занны; „общество“ приходитъ съ выраженіями соболѣзнованія къ родителямъ умершей дѣвушки, тѣло которой выставлено въ сосѣдней комнатѣ. „Отравители радости“ тутъ всѣ въ полномъ составѣ, и они выступаютъ во всемъ своемъ уродствѣ въ сосѣдствѣ съ своей мертвой жертвой. У матери, которая хоронитъ молодую дочь,—по-своему сильно ею любимую,—есть, однако, въ этотъ день много удовлетвореній: штаттальтеръ не только прислалъ чудный вѣнокъ на гробъ, но и самъ пришелъ поклониться праху Занны. Каролина благодаритъ его искренно, осчастливленная оказанной ей честью. Всѣ вокругъ говорятъ о необыкновенной любезности штаттальтера и убѣждаютъ родителей умершей въ томъ, что ихъ должно утѣшать общее сочувствіе. Каролина, дѣйствительно, находитъ въ этомъ утѣшеніе: „Да,—говоритъ она,—мы очень счастливы въ этомъ отношеніи; намъ со всѣхъ сторонъ выказываютъ столько теплаго участія“. И въ отвѣтъ на это, одна изъ присутствующихъ дамъ говоритъ: „Такимъ образомъ, среди горя испытываешь иногда истинно отрадныя чувства“. Эти двѣ фразы, матери и гостьи, рисуютъ всю извращенность понятій, которыми живетъ толпа среднихъ людей. Они уничтожаютъ—для себя и для своихъ близкихъ—истинную радость и замѣщаютъ ее мелкими, уроди-

выми удовлетвореніями. Конечно, неотлученъ отъ покойницы старый Цингерль. Онъ просидѣлъ, не отходя отъ нея, всю ночь, вызывая общіе восторги такими глубокими христіанскими чувствами—и теперь, по обыкновенію, посылаетъ къ канонику за виномъ и пирожками, чтобы подрѣпиться излюбленнымъ лакомствомъ. Благодарность за вниманіе къ покойницѣ онъ, однако, отстраняетъ: „За это не благодарятъ,—говоритъ онъ.—Это вознаграждается самой собой. Вотъ она лежала тутъ цѣлую ночь передо мной,—такая тихая, точно спящая... и совершенно беззащитная,—охраняемая только смертью. Да, это странное чувство—начинаешь многое понимать по иному. Благодарить за это нечего". Кошмарный Цингерль подчеркиваетъ своими нечистыми радостями ужасъ смерти молодой дѣвушки. Кошмаръ разрастается дальше, усугубляясь поведеніемъ двухъ сестеръ умершей Занны. Луиза, обезумѣвшая отъ горя, играетъ передъ покойницей на рояли всѣ свои любимыя пьесы, чувствуя умершую Занну еще болѣе близкой себѣ, чѣмъ живую. Младшая сестра, дѣвочка Ганзль, уже развращенная средой, въ которой живетъ, потрясена смертью сестры; она чувствуетъ и себя обреченной на безрадостность,—т.-е. на такую же смерть, какъ Занна, или какъ мертвая при жизни Луиза. Все это жертвы искаженной жизни, предоставляющей радости только тѣмъ, кто уже испытываетъ ее или опошленной компромиссами и условностями, или извращенной порочностью. Торжествуетъ Фурніанъ, который теперь объявляетъ, что не пожалѣетъ денегъ на самыя парадныя похороны Занны; торжествуетъ Цингерль, который уже особенно ласковъ съ Ганзль: въ присутствіи покойницы онъ особенно расположенъ къ умиленной нѣжности. И только одинъ безумный голосъ протеста противъ всего этого искаженнаго строя жизни раздается изъ устъ отца Занны. Онъ прозрѣлъ, понялъ свою вину передъ дочерью, понялъ вину всѣхъ рабовъ мнимаго долга передъ загубленными—безрадостными жизнями. Онъ осыпаетъ упреками лейтенанта—за его малодушіе, и стараго дядю—за его упрямство. Старикъ бормочетъ что-то о долгѣ передъ государствомъ, передъ обществомъ, но обезумѣвшій отъ горя отецъ кричитъ: „Нѣтъ, старикъ, все дѣло въ томъ только, чтобы жить... жить!"

Этимъ протестомъ во имя радости жизни заканчивается пьеса, очень современная по замыслу, интересная по выполненію,—главнымъ образомъ, по изображенію уродливыхъ явленій жизни, какъ результата ненормальныхъ принциповъ, которыми живетъ среднее человѣчество. Наиболѣе слабы въ драмѣ сама героиня и лейтенантъ,—но они нужны автору только какъ схема, для противопоставленія имъ торжествующихъ „отравителей радости". Послѣдніе обрисованы въ драмѣ достаточно сильно.

II.

Feth. Gedichte; *Polonskij.* Gedichte. Autorisierte Verdeutschung von *Fr. Fiedler.* Leipzig. Verl. von Ph. Reclam jun.

Извѣстный нѣмецкій переводчикъ русскихъ поэтовъ, Ф. Фидлеръ, знакомитъ въ двухъ послѣднихъ сборникахъ нѣмецкихъ читателей съ поэзіей Фета и Полонскаго. У Фета г. Фидлеръ выбралъ для перевода все наиболѣе конкретное, его пѣсни о природѣ, о любви, оставляя въ сторонѣ его поэзію мистическихъ настроеній. Для популяризаціи поэта у иностранныхъ читателей этотъ выборъ, пожалуй, благоразуменъ—тѣмъ болѣе, что всѣ знаменитыя, вошедшія въ хрестоматіи стихотворенія, какъ „Печальная береза", „Шопотъ, робкое дыханье" и т. д., въ точности переданы переводчикомъ. Достоинства перевода г. Фидлера—тѣ же, какъ и въ другихъ прежнихъ его работахъ: большая добросовѣстность и умѣнье передать всѣ оттѣнки смысла. Мелодичность оригинальнаго стиха и особенность красокъ не всегда сохраняются,—но этого и трудно требовать при передачѣ на другой языкъ. Во всякомъ случаѣ, нѣмецкій читатель можетъ себѣ составить ясное понятіе по переводу г. Фидлера о тѣхъ мотивахъ поэзіи Фета, которые сказались въ выбранныхъ переводчикомъ стихотвореніяхъ.

Намъ кажется, что изъ двухъ послѣднихъ переводныхъ сборниковъ г. Фидлера большій успѣхъ долженъ имѣть у нѣмецкихъ читателей томикъ стиховъ Полонскаго, соединяющихъ отпечатокъ славянства съ мотивами, близкими и понятными европейскому читателю. Если всмотрѣться въ творчество Полонскаго и прослѣдить судьбу его поэзіи, отношеніе къ ней русскаго общества, то вмѣстѣ съ отзывчивостью поэта къ окружающей его жизни выясняется также общекультурное—міровое содержаніе его поэзіи. Онъ писалъ болѣе пятидесяти лѣтъ—отъ 1844 года, когда появился его первый сборникъ—поэту въ то время было, впрочемъ, двадцать-четыре года—и до его смерти въ 1898 г. И за все это время онъ и отражалъ русскую дѣйствительность своего времени, и хранилъ вѣрность святынямъ собственной души—очень своеобразнымъ и тихимъ святынямъ, далекимъ отъ шумныхъ и людныхъ храмовъ. Поэзія Полонскаго подчинялась бездумно законамъ искусства и стремилась выразить духовность бытія. Въ теченіе значительной части жизни поэта стремленіе это шло въ разрѣзъ съ духомъ времени, и Полонскій встрѣчалъ больше равнодушія и порицаній, чѣмъ пониманія и сочувствія. Начало пути его было еще болѣе свѣтлымъ. Онъ выступилъ въ праздничную пору русской поэзіи, когда не считалось празднымъ пѣть о тайнѣ міра, о человѣкѣ въ связи съ природой, о внутреннемъ смыслѣ жизни. Еще

слышны были отголоски Пушкинской и Лермонтовской музы въ поэзіи Тютчева, Майкова, Фета. Но историческій законъ нагналъ на русскую жизнь новую волну. „Культъ красоты“ смѣнился тяготѣніемъ къ гражданскимъ мотивамъ; также выросло и окрѣпло поколѣніе поэтовъ, созданныхъ новыми вкусами. Полонскій въ полномъ расцвѣтѣ таланта попалъ въ эпигоны отжившей эпохи и долженъ былъ выслушивать отъ Писарева совѣтъ „подумать да поучиться“, а отъ Добролюбова, за нѣсколько лѣтъ до того, похвалы за отсутствіе мистицизма, за отреченіе отъ нелѣпыхъ сказокъ нини, а также упреки за недостаточность гражданскаго пыла. Среди измѣнившейся вокругъ него жизни Полонскій не шелъ одиноко своимъ путемъ. Онъ не принадлежитъ къ числу одинокихъ умовъ и гордыхъ душъ. Ему нужно было постоянно чувствовать свою близость къ великому единству, сознавать себя частью стихіи—сливаться въ поэтическомъ провидѣніи съ природой, сливаться въ жизни и въ помыслахъ съ общей жизнью страны, съ тѣмъ, чѣмъ волнуются всѣ: „Писатель, если только онъ—Волна, а океанъ—Россія,—Не можетъ быть не возмущенъ,—Когда возмущена стихія“. Это характерное для Полонскаго стихотвореніе есть въ переводномъ томикѣ г. Фидлера. Полонскій возмущался и радовался однѣми печалями и радостями съ чуждымъ ему по духу поколѣніемъ. Критики 60-хъ и позднѣйшихъ годовъ находятъ у него много достойнаго похвалъ. „На кораблѣ“ нравилось Добролюбову намеками на борьбу съ общественнымъ зломъ; позднѣйшимъ критикамъ полюбились стихотворенія объ узникахъ и узницахъ,—знаменитое „Что мнѣ она, не жена, не любовница...“ (хорошо переведенное г. Фидлеромъ, такъ же какъ и другія характерныя стихотворенія Полонскаго) и „Литературный врагъ“, гдѣ примирительницей поэта съ его литературнымъ противникомъ является тюрьма, прикрывшая недавняго врага, какъ щитомъ.

И по этому легкому пути единенія посредствомъ откликовъ на злобы дня Полонскій шелъ охотно, иногда находя искренніе отвѣтные звуки въ душѣ, иногда же пользуясь своей необычайной легкостью стиха для исписыванія безконечнаго числа страницъ вялыми, мало художественными стихотвореніями, доказывавшими лишь его отзывчивость на интересы дня. Война съ Турціей создала множество патріотическихъ стихотвореній Полонскаго, гдѣ поэтъ громилъ политику „коварнаго Альбіона“, посылалъ проклятія „ренегату христіанину“, ставшему турецкимъ пашой, воспѣвалъ болгарку, рабыню султанскихъ женъ, и проникался ненавистью къ политическимъ врагамъ Россіи. Повинуясь инымъ требованіямъ общественности, онъ пѣлъ о голодѣ въ духѣ Некрасовской поэзіи, о всепобѣдности науки, о гордой „натурщицѣ, жертвѣ экономическаго гнета“, и т. д. Иногда широкая гуманность замысла придавала силу и колоритность его поэмамъ,

какъ, напр., поэмѣ „Казиміръ Великій",—нѣмецкій переводъ г. Фидлера хорошо передаетъ грустную поэтичность этой поэмы. Иной разъ только онъ своевольно вносилъ диссонансъ въ гражданскія настроенія. Такъ, напр., въ стихотвореніи „На улицахъ Парижа" онъ оплакиваетъ жертву народной ярости—невинную, случайно захваченную и казненную дѣвушку. Переводъ этого стихотворенія сдѣланъ г. Фидлеромъ слишкомъ схематично. Сохраняя общее настроеніе оригинала, г. Фидлеръ не передаетъ, однако, нѣжныхъ оттѣнковъ въ описаніи жертвы. Конецъ стихотворенія у Полонскаго построенъ на контрастѣ кровожадности толпы и безпомощности дѣвушки-цвѣтка: „Страшной ненависти буря—Дымнымъ залпомъ разразилась,—И въ крови въ могилу, въ мусоръ—Какъ цвѣтокъ она свалилась.—Солнце встало надъ Парижемъ—И ясна была погода,—Лишь грозой носился пьяный—Крикъ: Да здравствуетъ свобода!" Въ переводѣ г. Фидлера стерты краски (Und es knatterte die Salve,—Und der Rauch flog hin und wieder... Und in eine Kehrichtgrube—Sank sie blutig leblos nieder... Die Pariser Strassen strahlen—In das Lenzessonne Weben,—Und die trunknen Rufe gelten:—Hoch die Freiheit! Sie soll leben!). Ни ярости толпы, ни сравненія съ цвѣткомъ, нѣтъ въ нѣмецкомъ текстѣ, а trunknen значитъ „опьяненный", а не „пьяный".

Чѣмъ болѣе старился Полонскій, тѣмъ шире становилась его отзывчивость, тѣмъ ревнивѣе онъ заботился о сохраненіи близости съ общимъ теченіемъ жизни. Не было того литературнаго юбилея, русскаго или иностраннаго, къ которому не было бы пріурочено стихотвореніе Полонскаго. Шиллеръ, Шекспиръ воспѣты имъ въ столѣтнія годовщины ихъ памяти, и большинство русскихъ національныхъ событій отмѣчены кратко или пространно въ его поэзіи. Но въ то же время Полонскій не переставалъ никогда пѣть свое—т.-е. то, что внѣ событій времени, что на глубинѣ вѣчныхъ началъ бытія. Онъ едва ли самъ дѣлалъ различіе между „своимъ" и „постороннимъ", и съ легкостью по-дѣтски простой и мудрой души переходилъ отъ стихотворныхъ описаній и разговоровъ „въ гостяхъ" къ сказкамъ о Царь-Дѣвицѣ, которая, „вторичнымъ поцѣлуемъ, заградивъ ему уста",—откроетъ передъ нимъ „тайный теремъ красоты", и къ грезамъ о „звѣздистой ткани міра", о музыкѣ, которая „изъ вѣчности вдругъ раздалась и въ безконечность полилась", о томъ, „какъ сливаются вѣчность и мигъ". Это философская поэзія не по мысли, а по чувству. Говоря о природѣ и о неразгаданныхъ тайнахъ, поэтъ „не мыслилъ, а любилъ"; стихомъ „загадочно прекраснымъ" онъ пѣлъ лишь для того, кто „готовъ страданья принимать безъ словъ", и, привѣтствуя весну, онъ тянулся-тянулся, „какъ лучъ, въ одну струну",—боясь, что сердце оборвется.

Космическая поэзія Полонскаго и ея неожиданныя глубины и

откровенія звучали долго диссонансомъ въ русской поэзіи, занятой животрепещущими интересами дня. Откликаясь на волненія своихъ современниковъ, Полонскій оставался чуждъ имъ въ томъ, что̀ глубже всего таилось въ его задумчивой, вопрошающей міръ и жизнь душѣ. Но долгая, сравнительно, жизнь Полонскаго принесла ему то рѣдкое утѣшеніе, что разладъ съ вступающимъ въ жизнь молодымъ литературнымъ поколѣніемъ не увеличивался съ годами, какъ это часто бываетъ со старѣющими писателями, а напротивъ того, все болѣе сглаживался. Поэтъ умеръ не забытый, а понятый и цѣнимый болѣе, чѣмъ въ прежніе, молодые и бодрые годы. Творчество Полонскаго стало роднымъ и понятнымъ именно современникамъ его старости. Онъ умеръ не старымъ, а возродившимся поэтомъ, къ которому примыкаетъ,—идя только гораздо дальше, чѣмъ онъ,—смѣняющее его поколѣніе. Въ то время, какъ другіе поэты должны обыкновенно ждать, чтобы прошли годы, прежде чѣмъ исторія произнесетъ имъ безпристрастный приговоръ, Полонскій нашелъ самую вѣрную оцѣнку среди тѣхъ, которые его хоронили, и останется жить въ русской поэзіи тѣми своими качествами и красотами, которыя подмѣчаетъ и чувствуетъ въ немъ именно наше время.

Въ чемъ же заключается эта особенность поэзіи Полонскаго? Какимъ образомъ поэтъ съ дѣтской душой, чуждый разсудочности и сознательной работы мысли, отразилъ глубокое міросозерцаніе и каждымъ изъ своихъ лучшихъ стиховъ напоминалъ о скрытомъ смыслѣ явленій и зрѣлищъ жизни? Отгадка кажущагося противорѣчія, т.-е. того, что въ поэзіи Полонскаго отсутствуетъ сознательная работа мысли, но велика безсознательная мудрость,—весьма простая. Полонскій, какъ истинный поэтъ, не думалъ, а провидѣлъ тайны міра и выражалъ то, что̀ тѣснилось въ его душѣ такъ, какъ оно зарождалось. Не пытаясь рѣшать недоумѣнія разумомъ, не стремясь познать больше, чѣмъ знаетъ и таитъ въ себѣ природа, онъ только изливалъ свою изумленную душу въ такихъ же вопросахъ безъ отвѣта и въ такомъ же примиреніи съ таинственностью и неразгаданностью міра, какъ это дѣлаетъ вся природа, полная загадокъ, которымъ нѣтъ разрѣшенія.

Въ этомъ—обаяніе философской поэзіи Полонскаго, въ этомъ—источникъ его мудрости,—стихійной, а не разсудочной, созданной не трезвымъ логическимъ умомъ, а стихійно-пытливой душой: онъ вопрошаетъ природу и жизнь, его тревожный духъ не знаетъ предѣловъ—все и малое, и великое изумляетъ его, во всемъ онъ ясно видитъ чудо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, странно безмятежный среди тревожныхъ запросовъ души, онъ глубоко примиренъ съ необходимостью тайны, съ тѣмъ, что отвѣтовъ нѣтъ и не можетъ быть. Можно справедливо упрекать Полонскаго, какъ это часто дѣлала критика, въ томъ, что онъ—плохой

мыслитель, и что самостоятельныхъ философскихъ идей нѣтъ въ его поэзіи,—но логической, сознательной силы ума для стихійной поэзіи, можетъ быть, и не нужно. Тѣмъ Полонскій и дорогъ намъ, что, не будучи глубокимъ по уму, онъ во многихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, —мудръ, и что, не создавъ никакой метафизической теоріи, онъ выразилъ, однако, въ своей поэзіи новую, свою мудрость и отразилъ ее такъ, какъ отражаетъ природа—бездумно, но просто и глубоко, понятно для духовнаго взора человѣка. Не будь этой мудрости въ поэтѣ, и всѣ его пѣсни о природѣ, вся наивная фантастичность его полу-дѣтскихъ сказочныхъ поэмъ, вся его лирика, то смѣлая и страстная въ пѣсняхъ торжествующей любви, то какъ бы заледенѣвшая отъ близости смерти, то погребающая любовь къ женщинѣ въ любви къ пробудившейся для созерцанія природѣ, не будила бы въ насъ столь глубокаго отклика, не казалась бы символическимъ отраженіемъ того, что не укладывается въ слова и мысли жизненнаго обихода. Вся поэзія Полонскаго озарена изнутри тихимъ свѣтомъ этой мудрости. Полонскій создалъ свое настроеніе, не похожее на отношеніе къ міру никакого другого поэта. У него всегда звучитъ высшая примиренность съ тѣмъ, что будетъ и что должно быть. Если ему хочется объяснить, чѣмъ и для чего живетъ природа и почему ей нуженъ человѣкъ, у него рождаются въ душѣ лишь дѣтскіе отвѣты, лишь тихая вѣра въ чудеса, и въ эти моменты онъ создаетъ дѣтскія стихотворенія необычайной прозрачности. Нужно, дѣйствительно, чувствовать братскую любовь солнца и мѣсяца, чтобы такъ близко и такъ просто объединить дѣтскую душу и душу природы, какъ это сдѣлалъ Полонскій въ своемъ стихотвореніи „Солнце и мѣсяцъ“ (переводъ этого стихотворенія—одинъ изъ наиболѣе удачныхъ въ сборникѣ г. Фидлера). Нужно дѣтской душой вѣрить въ нянины чудеса, ждать Царь-дѣвицу, нужно въ самомъ дѣлѣ любить край родной, „какъ векша—сумракъ бора“, чтобы такъ отразить власть чудеснаго надъ душой въ тотъ мигъ, когда душа чувствуетъ себя въ силахъ постигнуть тайну бытія. Міръ чудесъ, въ которомъ живетъ и довѣрчивая душа ребенка, и вѣковая народная мудрость — единственный источникъ поэта, когда онъ ощущаетъ потребность утверждать, вѣрить и объяснять.

Но въ мірѣ чудеснаго, дающаго на все отвѣты, Полонскій живетъ лишь частью своей души, сохранившей дѣтскую пытливость. На большей глубинѣ лежитъ другое основное настроеніе поэзіи Полонскаго—его примиренность. Все, что Полонскій написалъ лучшаго, проникнуто странной вопросительностью тона. Ко всему, къ природѣ, къ человѣку, къ своей собственной душѣ съ ея противорѣчивыми желаніями и чувствами онъ подходитъ съ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ. Жизнь тянется для него „какъ непонятный сонъ, въ которомъ все чудесно“, и на все душа проситъ отвѣта. „И зачѣмъ тамъ въ степи пыль стол-

бами встаетъ? И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?—Оттого-ль разлилась, что весна началась?"—„Спроси",—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„О чемъ шумитъ потокъ,—Иль шепчетъ полевой цвѣтокъ,—Спроси, о чемъ такъ тяжко—Гремитъ изъ тучъ, затмившихъ свѣтъ,—А лѣсъ, охваченный дождемъ,—О чемъ шумитъ ему въ отвѣтъ?"

И тѣ же вопросы будитъ въ немъ непонятная жизнь его собственной души.—„Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?"—вопрошаетъ онъ въ одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ своихъ стихотвореній (странно, что оно не переведено въ сборникѣ г. Фидлера), все дальше и дальше проникая своими неумолчными вопросами въ тайны скрытыхъ чувствъ. „Отчего-жъ былого счастья мнѣ теперь ничуть не жаль,—Отчего былая радость безотрадна какъ печаль, — Отчего печаль былая такъ свѣжа и такъ ярка?—Непонятное блаженство,—Непонятная тоска!"

Среди этихъ безконечныхъ вопросовъ и вѣчныхъ недоумѣній, казалось бы, мракъ долженъ былъ наполнить душу Полонскаго и пріобщить его къ тѣмъ ноющимъ поэтамъ, которыхъ русская дѣйствительность создавала съ особой щедростью. Но вотъ въ чемъ сказалась сила Полонскаго, и въ чемъ залогъ его глубокаго значенія для поэзіи: когда недоумѣнія и вопросы, страданія и сомнѣнія направлены на явленія внѣшней жизни, они ведутъ къ житейскому пессимизму; питаясь ими, душа не крѣпнетъ, а падаетъ, отдаваясь во власть земного, преходящаго страданія; когда же, какъ у Полонскаго, душа вопрошаетъ не о внѣшнемъ и случайномъ, а о вѣчномъ и безвыходно таинственномъ, тогда въ глубинѣ сомнѣній для души открывается свѣтъ. Полонскій провидитъ этотъ внутренній духовный свѣтъ въ удивительномъ стихотвореніи „Сны", въ которомъ отразился разладъ поэта съ внѣшней жизнью. Лежа одинъ, безъ огня, въ комнатѣ, гдѣ затворены душныя ставни, онъ съ грустью спрашиваетъ себя: „Когда-то закатится солнце, когда-то проснется душа?"—и отвѣчаетъ самъ себѣ, просыпаясь отъ сна, гдѣ онъ видѣлъ себя въ толпѣ людей: „Проснулся—затворены ставни,—Одинъ я лежу безъ огня,—Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,—Ни яркаго бѣлаго дня".

Не жаль потому, что озарилъ его духовный свѣтъ, и въ душѣ началось пониманіе тайны. Онъ понялъ, что вопросы, которыми полна душа, должны оставаться безъ отвѣта, и что нужно отдаться во власть непонимаемой тайнѣ. „Громъ и шумъ, корабль качаетъ,—море темное кипитъ,—вѣтеръ парусъ обнимаетъ—И въ снастяхъ свиститъ. Помрачился сводъ небесный,—И ввѣряясь кораблю,—Я дремлю въ каютѣ тѣсной,—Закачало. Сплю... Просыпаюсь—что̀ случилось?—Руль оторванъ, черезъ носъ—Вдоль волна перекатилась—Унесенъ матросъ. Что̀-же дальше. Ну, что̀ будетъ!—Въ руки Бога отдаюсь.—Если смерть меня разбудитъ,—Я не здѣсь проснусь". Послѣднее четверостишіе по

освобожденности духа отъ воли случая, по тишинѣ и простотѣ, невольно вызываетъ сравненіе съ одной изъ лучшихъ строфъ Верлэна: „Je suis un berceau—Qu'une main balance—Au fond d'un caveau.—Silence, Silence!“

Странное это совпаденіе—почти тожественность настроенія у двухъ поэтовъ разныхъ странъ. Есть, очевидно, „духъ времени“, и въ немъ слились невѣдомые одинъ другому поэты, порвавшіе оба съ пессимизмомъ своихъ современниковъ и стремившіеся оба найти таинственное созвучіе всѣхъ противорѣчивыхъ голосовъ природы, человѣческой и божественной.

Примиренный съ величайшей грозной тайной міра — смертью,— поэтъ съ тѣмъ же свѣтлымъ смиреніемъ все пріемлетъ, во всемъ находитъ божественную необходимость. Въ любви онъ благословляетъ страданія и измѣну, которую она несетъ съ собой. Поэту не нужно исполненій и разрѣшеній; онъ понимаетъ, что великій, слитный аккордъ бытія включаетъ въ себя и земное, и неземное, и что нельзя искать исхода въ одномъ земномъ, въ томъ, что̀ есть лишь часть великаго цѣлаго. Поэтъ живетъ согласной жизнью со всѣми стихіями и чувствуетъ соотношенія души человѣка съ таинственностью природы. Въ этомъ согласованіи—трагическій мотивъ его тихой и свѣтлой поэзіи. Какъ страшна ему кажется иногда дѣвушка, пришедшая послушать соловья—страшнѣе лѣса, куда она явилась („Всѣхъ сказочныхъ чудесъ, повѣрь, она страшнѣе“). Иногда же, напротивъ того, красота ночи мучительнѣе влечетъ его къ себѣ, чѣмъ любимая женщина. Онъ уходитъ въ просторъ полей и говоритъ возлюбленной: „Не жди, я въ эту ночь къ соблазнамъ ровнодушенъ,—я въ эту ночь къ тебѣ не буду ревновать“.

Все—одинаковая тайна—природа, человѣкъ и чувства, ихъ связывающія. Полонскій въ лучшихъ своихъ стихахъ счастливъ тѣмъ, что ее чувствуетъ, и понимаетъ необходимость мириться съ ней, какъ съ единственнымъ залогомъ высшаго созвучія. Онъ все благословляетъ. Прекраснымъ заключительнымъ аккордомъ всей его поэзіи звучитъ короткое стихотвореніе, отразившее наиболѣе полно основной тонъ его души—смиренной, проникновенной и полной созвучій. Это стихотвореніе, начинающееся словами: „Я-ль первый отойду изъ міра въ вѣчность, ты ли...“—и кончающееся примиренными словами: „Но... Ты скажи, что я не проклиналъ,—А я скажу, что ты благословляла“.

Основные мотивы поэзіи Полонскаго, пѣвца слитной жизни природы и человѣка, нѣмецкіе читатели могутъ теперь несомнѣнно уяснить себѣ изъ переводовъ г. Фидлера, передающихъ образцы всѣхъ настроеній поэта.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1906.

Новые типы, создаваемые новыми условіями.—Группировка партій, не исключающая возможность временного союза. — „Средняя позиція“ и „расположившіеся на ней люди“.—Мнимая панацея.—Военные суды и смертная казнь.—Законъ и циркуляръ.—Тревожныя вѣсти.—Д. Л. Мордовцевъ и П. Г. Мироновъ †.

Приближается минута, когда выступитъ на сцену первое въ Россіи государственное представительное собраніе. Выдвинетъ ли оно людей, вокругъ которыхъ могли бы сложиться политическія группы—и окажутся ли на лицо условія, благопріятныя для прочной и правильной организаціи такихъ группъ? Многое зависитъ, конечно, отъ системы выборовъ, до сихъ поръ еще окончательно не установленной, отъ обстановки, при которой они состоятся. И теперь, однако, нѣтъ недостатка въ данныхъ, подсказывающихъ вѣроятный отвѣтъ на поставленные нами вопросы.

Не было въ русской государственной жизни шага впередъ, которому не противопоставлялось бы возраженіе, основанное на „отсутствіи людей“—и не было случая, когда это возраженіе оправдывалось бы на самомъ дѣлѣ. Для реформъ крестьянской, земской, судебной отыскивались безъ труда подходящіе исполнители—и если иногда слишкомъ скоро рѣдѣли ихъ ряды, то причина этому коренилась въ неустойчивости шедшихъ сверху теченій. Новое положеніе создавало или, лучше сказать, обнаруживало, выводило на свѣтъ новыя дарованія. О чемъ можно было только догадываться, слушая въ московскихъ салонахъ пламенныя инвективы Герцена или тонкую діалектику Хомякова, то стало очевидно для всѣхъ, когда распахнулись двери суда и рядомъ съ бумажнымъ производствомъ отведено было мѣсто живому слову: русскому человѣку дана способность говорить убѣдительно и свободно. Рядомъ съ судебнымъ краснорѣчіемъ вырабатывалось и практическое, дѣловое, въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ. Оно меньше блистало и гремѣло, меньше обращало на себя вниманія, вслѣдствіе бо́льшей обыденности и бо́льшей, повидимому, ограниченности своихъ темъ; но его воспитательная роль была велика уже потому, что въ русло земской жизни просачивалась, несмотря на всѣ плотины, весьма замѣтная, по временамъ, политическая струйка. Съ областью политики соприкасались—за исключеніемъ „мертваго сезона“, наступившаго въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ

и окончившагося лишь недавно—и судебныя, въ особенности защитительныя рѣчи. На почвѣ, такимъ образомъ подготовленной, не могло не расцвѣсть и политическое краснорѣчіе. Арена для него, узкая по числу слушателей, но не по свойству обсуждаемыхъ вопросовъ, открылась еще раньше созыва государственной думы. Кому пришлось присутствовать на съѣздахъ, собиравшихся прошлой осенью и нынѣшней весною, тотъ знаетъ, что у насъ уже теперь есть политическіе ораторы, различные по характеру таланта, но одинаково выдающіеся по его размѣрамъ. Никого не называя, попробуемъ намѣтить главныя формы, въ которыя облекается новая у насъ разновидность ораторскаго искусства.

Много лѣтъ тому назадъ, разбирая первый сборникъ рѣчей А. Ѳ. Кони, мы пытались установить, въ чемъ заключаются характерныя черты русскаго судебнаго краснорѣчія. Главную его силу мы видѣли въ простотѣ—той самой простотѣ, которою запечатлѣны лучшія произведенія русской литературы. „Русскій судебный ораторъ, наиболѣе близкій къ идеалу русскаго судебнаго краснорѣчія",—говорили мы дальше,—„не становится на ходули, не надѣваетъ на себя трагическую маску, не гоняется за эффектами, не высоко цѣнитъ громкія, трескучія фразы. Онъ больше бесѣдуетъ, чѣмъ декламируетъ или вѣщаетъ, обращается больше къ здравому смыслу, чѣмъ къ воображенію; ему случается, конечно, апеллировать къ чувству, но не къ чувствительности. Онъ не чуждается украшеній рѣчи, но не въ нихъ ищетъ и находитъ главный источникъ силы. Онъ не нарушаетъ безъ надобности уваженія къ чужой личности, щадитъ, по возможности, даже своихъ противниковъ, ни въ чемъ существенномъ, однако, не уступая и не отступая. Само собою разумѣется, что разница въ темпераментѣ, въ направленіи, въ свойствѣ дарованій всегда будетъ сказываться въ судебномъ краснорѣчіи, какъ и въ другихъ видахъ творчества—но мы и не думаемъ подводить судебную рѣчь подъ дѣйствіе неподвижныхъ, для всѣхъ и всегда одинаковыхъ правилъ. Въ предѣлахъ, только-что указанныхъ, возможно величайшее разнообразіе пріемовъ; къ одному и тому же идеалу можно идти самыми различными путями". Все это примѣнимо почти буквально къ зарождающемуся у насъ политическому краснорѣчію. Лучшимъ его представителямъ чужда напыщенность, чужда искусственность и претенціозность. Обдуманность рѣчи не обращается у нихъ въ разсчитанность; они идутъ прямо къ цѣли, не злоупотребляя вступленіями и отступленіями, не занимая слушателей собственной особой, не подготовляя такъ называемыхъ effets de la fin, не подводя свою аргументацію подъ правила музыкальнаго crescendo или rinforzando. Черты сходства и здѣсь, однако, не исключаютъ глубокихъ различій. Главная сила одного изъ орато-

ровъ заключается, напримѣръ, въ невозмутимомъ спокойствіи, за которымъ скорѣе угадывается, чѣмъ слышится страстность. Онъ мастерски владѣетъ ироніей, быстро схватываетъ и ярко освѣщаетъ слабыя стороны оспариваемыхъ имъ мнѣній, искусно доводитъ ихъ до того пункта, на которомъ они должны пасть сами собою. Почти не повышая и не измѣняя тона, онъ дѣйствуетъ на слушателей строго логическою цѣпью доводовъ, предвидѣніемъ возраженій, яснымъ пониманіемъ настроенія, которое онъ хочетъ поддержать и усилить. Въ его рѣчахъ чувствуется соединеніе большой практической опытности съ обширнымъ теоретическимъ знаніемъ: земская работа воспитала въ немъ дѣловитость, привычку всесторонне изучать спорные вопросы и не преувеличивать значенія формы—чтеніе и размышленіе приготовили его къ вступленію на болѣе широкую дорогу... Другой ораторъ обладаетъ темпераментомъ народнаго трибуна. Могучій голосъ, пылъ, сначала сдерживаемый, потомъ прорывающійся наружу, негодованіе при видѣ торжествующаго зла или попраннаго права, несокрушимая вѣра въ близость лучшаго будущаго—все это даетъ ему, по крайней мѣрѣ на время, настоящую власть надъ аудиторіей. Ему недостаетъ, пока, умѣнья остановиться, когда сказано все существенное: упорно стремясь къ побѣдѣ, но все еще не увѣренный въ ней, онъ впадаетъ иногда въ повторенія, ослабляющія впечатлѣніе. Какъ бы то ни было, и теперь уже онъ—опасный противникъ и драгоцѣнный союзникъ. Еще сильнѣе, быть можетъ, дѣйствуетъ на слушателей третій ораторъ, говорящій рѣдко и мало. Его особенность—необыкновенная задушевность рѣчи, красивой, изящной, скорѣе спокойной, чѣмъ бурной, но всегда поразительно сильной. Убѣждая, онъ увлекаетъ— и нужно сдѣлать большое усиліе надъ собою, чтобы не согласиться съ тѣмъ или другимъ его аргументомъ. Ни у кого мы не встрѣчали такихъ удачныхъ сравненій; онъ не разсыпаетъ ихъ щедрой рукой, ихъ у него немного, но каждое изъ нихъ сообщаетъ его рѣчи какой-то поэтическій колоритъ, неотразимо симпатичный... Насколько руководство партіей зависитъ отъ ораторскаго таланта, оно по силамъ для всѣхъ тѣхъ, о комъ мы до сихъ поръ говорили, да и не для нихъ однихъ: мы исчерпали далеко не весь матеріалъ, данный нашими наблюденіями, и привели лишь нѣсколько примѣровъ, особенно врѣзавшихся въ память. Довольно высокимъ, далѣе, можно назвать и средній уровень ораторскаго искусства, обнаружившагося въ нашихъ первыхъ политическихъ собраніяхъ: справляться съ словомъ умѣло громадное большинство. Правда, участниками собраній были почти исключительно общественные дѣятели, прошедшіе черезъ школу земскаго или городского самоуправленія; но если имъ удалось быстро и легко приспособиться къ новымъ условіямъ, то нѣтъ причины опа-

саться, что слишкомъ долгимъ и труднымъ будетъ періодъ ученичества для выступающихъ впервые на поприще публичной жизни.

Умѣнье владѣть словомъ—далеко не единственное требованіе, которому должны удовлетворять руководители политическаго собранія: необходима еще организаторская способность, выражающаяся, прежде всего, въ выборѣ и подготовкѣ почвы, на которой можетъ и должно состояться объединеніе партіи или группы. Отдѣлять важное отъ неважнаго, главное отъ второстепеннаго, настоятельно спѣшное отъ допускающаго отсрочку; предупреждать несогласованность дѣйствій и разбросанность усилій; вò-время заключать союзы и вò-время отъ нихъ отказываться—все это входитъ въ составъ своеобразной тактики, совершенствующейся, конечно, путемъ продолжительнаго опыта, но слагающейся уже на зарѣ политической жизни. У насъ она несомнѣнно существуетъ и даже имѣетъ свою исторію. Ея начатки восходятъ къ небольшимъ земскимъ съѣздамъ, собиравшимся, въ неопредѣленные сроки, еще въ началѣ девятидесятыхъ годовъ. Во второй половинѣ того же десятилѣтія дѣлается попытка устроить періодическія собранія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ — попытка, разбившаяся о противодѣйствіе администраціи. Въ 1902-мъ году, въ эпоху наибольшаго недовѣрія къ земству и ко всѣмъ формамъ общественной самодѣятельности, происходитъ новый съѣздъ земскихъ дѣятелей, вызывающій гоненіе на его участниковъ, но создающій общеземское бюро, въ составъ котораго входятъ главные носители земской идеи. Какъ только подходитъ благопріятная минута, это бюро выступаетъ съ широко задуманной программой, которую и принимаетъ ноябрьскій съѣздъ 1904-го года. Разногласіе, происшедшее по одному—важнѣйшему—пункту программы, приводитъ къ распаденію группы, составлявшей до тѣхъ поръ одно цѣлое. Между недавними союзниками остается, однако, много точекъ соприкосновенія, серьезныхъ и важныхъ. Возникаетъ вопросъ, что̀ возьметъ верхъ въ критическую минуту: общее, соединяющее — или частное, влекущее въ разныя стороны. Новымъ усложненіемъ является разногласіе относительно избирательной системы, обнаруживающееся на апрѣльскомъ съѣздѣ. Критическій моментъ настаетъ весьма скоро: въ половинѣ мая совершаются событія, обостряющія до крайности и внѣшній, и внутренній кризисъ. Больше чѣмъ когда-либо становится желательнымъ единодушный откликъ на нихъ со стороны общественныхъ организацій. Такой откликъ былъ данъ [1]—и это значительно поднимаетъ наши надежды на будущее. Чтобы сдѣлать его возможнымъ, нужна была, во-первыхъ, подготовительная работа немногихъ лицъ, испол-

[1]) См. петицію, приведенную выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи".

ненная быстро и умѣло; нужно было, во-вторыхъ, такое настроеніе массы, которое благопріятствовало бы взаимнымъ уступкамъ. Оба условія, къ счастію, оказались на лицо: удачно намѣченный путь привелъ къ единогласному рѣшенію. Есть, слѣдовательно, основаніе думать, что и на другомъ, болѣе широкомъ поприщѣ у насъ явятся и полководцы, способные начертать планъ кампаніи, и войска, готовыя его исполнить... Подчеркнемъ еще одну симпатичную черту, обрисовавшуюся съ достаточною яркостью: уваженіе къ чужому убѣжденію, къ личности противника. Въ самый разгаръ преній, выраженія, недопустимыя въ корректномъ спорѣ, встрѣчались весьма рѣдко, а знаки неодобренія, прерывавшіе оратора, прекращались при первомъ внушеніи предсѣдателя... Мы не скрываемъ отъ себя, что не такъ легко будетъ достигнуть подобныхъ результатовъ въ собраніи гораздо болѣе многочисленномъ и разношерстномъ, гдѣ очутятся лицомъ къ лицу уже не оттѣнки мнѣній, а рѣзко противоположные взгляды; но характеръ первыхъ шаговъ не можетъ остаться безъ вліянія на послѣдующіе, какова бы ни была ихъ обстановка.

Готовность дѣйствовать заодно, когда этого требуетъ данная комбинація обстоятельствъ, не исключаетъ, конечно, обособленія группъ, расходящихся между собою въ выборѣ окончательныхъ цѣлей или хотя бы средствъ къ ихъ достиженію. Какъ только открывается просторъ для сколько-нибудь свободной политической жизни, различіе направленій, въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ существовавшее и раньше, получаетъ наглядное выраженіе въ занятіи различныхъ „позицій"—крайнихъ и средней, или, лучше сказать, *среднихъ*, потому что разстояніе между крайностями велико, переходныхъ ступеней много. Всякая позиція имѣетъ свои удобства и свои неудобства. Положеніе тѣхъ, кто занимаетъ одну изъ среднихъ позицій, усложняется необходимостью вести борьбу „на два фронта"—не только съ исконными противниками, но и съ недавними союзниками. Не отступая передъ этой необходимостью, мы помнимъ, что послѣдніе во многомъ, очень многомъ близки намъ и теперь, въ особенности тамъ, гдѣ наше разногласіе не имѣетъ принципіальнаго характера.

„Расположившимся на средней позиціи" — въ томъ числѣ „Вѣстнику Европы"—посвящена хроника внутренней жизни въ майской книжкѣ „Русскаго Богатства". Имъ ставится въ вину, между прочимъ, готовность „удовлетвориться выборами, хотя бы послѣдніе были произведены при отсутствіи свободы слова и собраній". „Рано затѣвать выборы"—читаемъ мы дальше. „Народу нужны не выборы, не представители; ему нужна свобода... Для успѣха выборовъ (по системѣ

всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія) нужно время для предвыборной агитаціи—но мы ждали такъ долго, что жалѣть на это времени не приходится". Да, защитники „средней позиціи" стояли и стоятъ за скорѣйшее производство выборовъ; но въ томъ же смыслѣ высказался и послѣдній общеземскій съѣздъ, при восторженномъ одобреніи. общества и печати. Приверженцы и противники „четырехчленной формулы" сошлись на томъ, что необходимо, необходимо именно теперь избраніе представителей, какъ условіе наступленія свободы. Обстоятельства не таковы, чтобы можно было длить ad infinitum предвыборную агитацію. Что для полнаго успѣха выборовъ нужна свобода печати, союзовъ, собраній — это всегда признавали и „расположившіеся на средней позиціи"; но гдѣ же ручательство въ томъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — или лѣтъ — эта свобода будетъ осуществлена въ должной мѣрѣ? Ожидать ея прихода, не приступая къ выборамъ, не значило ли бы вращаться въ заколдованномъ кругѣ? И наоборотъ, не слѣдуетъ ли думать, что созывъ представителей, ставъ совершившимся фактомъ, принесетъ съ собою желанныя блага?.. Хроникеръ „Русскаго Богатства" (А. В. Пѣшехоновъ) „далекъ отъ мысли, что выборы не могутъ состояться до тѣхъ поръ, пока во всей странѣ —сверху донизу—не упрочится свобода". Онъ считаетъ вполнѣ возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что „*неперевоспитанными* останутся земскіе начальники, урядники и стражники, старшины и старосты". Онъ допускаетъ, что „упрочить свободу въ низахъ народной жизни удастся не сразу", что „вырвать всѣ безчисленные корни внѣдрившагося въ нее бюрократическаго древа"—дѣло упорной работы не одного, быть можетъ, представительнаго собранія; „но вверху свобода должна быть признана теперь же, ибо пока высится и гордо красуется своею кроною бюрократическій стволъ, къ корнямъ нельзя будетъ и приступиться". Намъ кажется, что въ настоящую минуту „признаніемъ свободы сверху" будетъ именно созывъ народныхъ представителей, за которымъ неизбѣжно послѣдуетъ „перевоспитаніе" властей.

До чего можетъ доходить вѣра въ всемогущество излюбленнаго принципа—объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія слова нашего противника: „я ни на минуту не усомнился бы высказаться за всеобщую и прямую подачу голосовъ, даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ завѣдомо было извѣстно, что выборы окажутся неудачными. Пусть народъ не съумѣетъ выбрать наиболѣе отвѣчающихъ его интересамъ программъ, пусть онъ не найдетъ достойныхъ для проведенія ихъ депутатовъ, пусть разобьются голоса, пусть въ представительное собраніе явятся ретроградные элементы—и все-таки для дѣла народной свободы будетъ сдѣлано несравненно больше, чѣмъ при самыхъ удач-

ныхъ выборахъ по той или иной компромиссной системѣ. Въ сознаніи народа запечатлѣется и уже никогда не изгладится, что ему дана была власть рѣшить государственные вопросы такъ или иначе. Если онъ потомъ убѣдится, что они рѣшены не такъ, какъ бы слѣдовало, то будетъ знать, что это его ошибка, и какъ эту ошибку поправить. Въ первыхъ же всеобщихъ и прямыхъ выборахъ родится русская демократія... Другой результатъ еще несомнѣннѣе и, быть можетъ, еще важнѣе. Призванный къ обсужденію и рѣшенію государственныхъ вопросовъ обыватель превратится въ гражданина... Тупая апатія уступитъ мѣсто живой активности, житье со дня на день смѣнитъ жизнь съ самыми широкими перспективами"... На самомъ дѣлѣ политическія ошибки сознаются не такъ скоро и исправляются не такъ легко, особенно если онѣ допущены въ переходные моменты народной жизни. Неудачно выбранное собраніе, руководимое „ретроградными элементами", можетъ создать такія преграды на пути дальнѣйшаго развитія, для устраненія которыхъ понадобятся цѣлыя десятилѣтія. Медленно и постепенно, съ другой стороны, совершается превращеніе обывателя въ гражданина. Всеобщее избирательное право, пользованіе которымъ наступаетъ одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ—вовсе не чудотворная сила, сразу обновляющая страну и расширяющая „перспективы" населенія. Оно вполнѣ совмѣстно съ политическимъ индифферентизмомъ, съ прозябаніемъ изо дня въ день, съ отсутствіемъ интереса къ задачамъ будущаго. Припомнимъ, напримѣръ, исторію всеобщей подачи голосовъ во Франціи, въ срединѣ XIX-го вѣка. Въ апрѣлѣ 1848 года она создаетъ учредительное собраніе, больше смотрящее назадъ, чѣмъ впередъ, ничего не дѣлающее для предупрежденія іюньскихъ дней, остающееся глухимъ къ голосамъ сигнализирующимъ опасность всенароднаго избранія президента республики. Въ декабрѣ того же года она даетъ болѣе пяти милліоновъ голосовъ тому кандидату на званіе президента, самое имя котораго звучитъ погребальнымъ звономъ для народной свободы. Въ маѣ 1849 года она посылаетъ въ законодательное собраніе реакціонное большинство, прокладывающее дорогу къ декабрьскому перевороту. Подтвердивъ, двумя плебисцитами, результатъ переворота, она много лѣтъ сряду почти вездѣ подчиняется безпрекословно внушеніямъ власти, рекомендующей ей такъ называемыхъ оффиціальныхъ кандидатовъ. „Ошибки", такимъ образомъ, слѣдуютъ одна за другою, а исправленіе ихъ заставляетъ себя ждать долго, очень долго. Демократія—какъ и свобода, какъ и другіе „принципы 1789 года",—оказывается торжествующею только на бумагѣ. Французскій крестьянинъ временъ второй имперіи, несмотря на всеобщее и прямое голосованіе, является гораздо больше „обывателемъ", чѣмъ „гражданиномъ";

сильнѣе „широкихъ перспективъ“ на него дѣйствуетъ, сплошь и рядомъ, обѣщаніе небольшихъ, но осязательныхъ выгодъ, напр. постройки новаго моста, новой дороги... Слишкомъ оптимистичными, въ виду такихъ указаній недавняго прошлаго, кажутся намъ ожиданія А. В. Пѣшехонова. „Мнѣ приходилось“ — говоритъ онъ — „видать людей, которыхъ впервые захватывала общественность, и я воочію видѣлъ, какъ выростала при этомъ личность“. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такія превращенія, безъ сомнѣнія, возможны—но нельзя обобщать ихъ, нельзя выводить изъ нихъ заключеніе, распространяющееся на всю народную массу.

Возможность неудачнаго, на первыхъ порахъ, примѣненія всеобщей и прямой подачи голосовъ А. В. Пѣшехоновъ допускаетъ, впрочемъ, лишь условно, „въ видахъ удобства изложенія“; на самомъ дѣлѣ онъ увѣренъ, что она—„при условіи, конечно, свободной агитаціи,—сразу дастъ достаточно благопріятные результаты и во всякомъ случаѣ лучшіе, чѣмъ при сословно-цензовой избирательной системѣ и при двухъ- или многостепенномъ голосованіи“. Основаніемъ для этой увѣренности служитъ неизбѣжная связь между политикой и экономикой. Объединить народныя массы, въ короткое время, около чисто-политической програмы было бы трудно—но онѣ и теперь „объединены своими экономическими, до извѣстной степени уже сознанными интересами. Идея очень быстро можетъ охватить тѣхъ, кто уже объединенъ чувствомъ“. Другими словами, при всеобщей и, тѣмъ болѣе, прямой подачѣ голосовъ, исходъ выборовъ можетъ быть предрѣшенъ экономическимъ знаменемъ, понятнымъ для народа, обѣщающимъ ему исполненіе его желаній. Здѣсь, по мнѣнію А. В. Пѣшехонова, главная разгадка возраженій, встрѣчаемыхъ всеобщей подачей голосовъ. Если не сами „расположившіеся на средней позиціи“, то многіе изъ тѣхъ, кто къ нимъ примыкаетъ, руководствуются, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ отстоять интересы „имущихъ классовъ“ вообще и землевладѣльцевъ въ особенности. Идеологи—говоритъ хроникеръ „Русскаго Богатства“, разумѣя въ данномъ случаѣ подъ этимъ именемъ В. Д. Кузьмина-Караваева и К. К. Арсеньева,—„идеологи важны не сами по себѣ, а по тѣмъ общественнымъ силамъ, которыя ихъ идеологіей воспользуются“. Подобно тому, какъ подъ славянофильскій стягъ, поднятый Д. Н. Шиповымъ, немедленно стали стекаться всякаго рода *истинно-русскіе люди* [1]), подъ „либеральное знамя“, вдру-

---

[1]) Расходясь съ Д. Н. Шиповымъ по главному пункту политической програмы, мы должны, однако, сказать въ его защиту, что „истинно-русскіе люди“, въ специфическомъ смыслѣ этого слова, группируются не подъ его „стягомъ“, а подъ фирмой „монархической партіи“ или, въ лучшемъ случаѣ, „союза русскихъ людей“.

женное „идеологами“, „начали уже собираться помѣщики... Замѣтимъ, прежде всего, что „идеологи“, которыхъ имѣетъ въ виду А. В. Пѣшехоновъ, возставали и возстаютъ лишь противъ *немедленнаго* примѣненія всеобщей подачи голосовъ, не только допуская, но даже отстаивая обращеніе къ ней въ ближайшемъ будущемъ, т.-е. именно тогда, когда, по всей вѣроятности, настанетъ очередь экономическихъ реформъ. Первому собранію народныхъ представителей придется, быть можетъ, ограничиться установленіемъ главныхъ началъ новаго государственнаго строя; все остальное выпадетъ на долю послѣдующихъ собраній, выбранныхъ уже на основаніи постояннаго, а не временнаго избирательнаго закона. Предположимъ, однако, что наиболѣе жгучій, наиболѣе важный для народной массы экономическій вопросъ будетъ поставленъ вслѣдъ за созывомъ народныхъ представителей. Можно ли ручаться за то, что въ собраніи, выбранномъ всеобщей подачей голосовъ, онъ получитъ разрѣшеніе наиболѣе правильное, наиболѣе согласное съ интересами крестьянства? Нѣтъ, по той простой причинѣ, что избиратели едва ли будутъ предоставлены самимъ себѣ, предвыборная агитація едва ли уравновѣситъ собою силу традиціонныхъ вліяній. И здѣсь достаточнымъ подтвержденіемъ нашихъ сомнѣній служатъ безспорные историческіе факты. Много ли сдѣлали для французскаго народа первыя собранія, избранныя всеобщей подачей голосовъ?.. Съ другой стороны, не въ земской ли средѣ, какъ это видно изъ резолюцій второго апрѣльскаго съѣзда [1]), нашелъ сочувствіе длинный рядъ крупныхъ экономическихъ преобразованій? Хроникеръ „Русскаго Богатства“ обвиняетъ „идеологовъ“ въ „народобоязни“; правильнѣе было бы приписать имъ *боязнь за народъ*—боязнь, что избирательная система, демократическая по своему принципу, приведетъ, въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ, къ далеко не демократическимъ результатамъ. Спѣшимъ прибавить, что еще бо́льшія опасенія внушаетъ намъ избирательный порядокъ, проектируемый, судя по слухамъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ мы видѣли силу, способную противостоять внѣшнему давленію; ничего подобнаго не представляютъ собою уполномоченные отъ избирательныхъ съѣздовъ, созванныхъ на основаніи земскаго положенія 1864-го года.

Въ послѣднее время повторяется довольно часто изъятіе уголовныхъ дѣлъ изъ общаго порядка судопроизводства, съ преданіемъ обвиняемыхъ военному суду, по законамъ военнаго времени. Цѣль, въ подобныхъ случаяхъ, всегда преслѣдуется одна и та же: возможность

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ іюньской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

присужденія къ смертной казни, внѣ сравнительно тѣсныхъ предѣловъ, въ которые она заключена нашимъ общимъ законодательствомъ. Позволяемъ себѣ повторить сказанное нами, много лѣтъ тому назадъ, по аналогичному поводу [1]. „Отступленіе отъ обычной подсудности и обычныхъ процессуальныхъ правилъ неизбѣжно заключаетъ въ себѣ элементъ случайности, несовмѣстимый съ требованіями справедливости и права. Преступленія одинаковаго свойства, совершенныя при одинаковыхъ условіяхъ, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на основаніи одинаковыхъ началъ, заранѣе установленныхъ и заранѣе всѣмъ извѣстныхъ. По законодательству всѣхъ культурныхъ странъ, уголовный законъ, усугубляющій наказаніе, не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія. Почему? Именно потому, что никто не долженъ нести за свои дѣйствія отвѣтственность въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ та, которую онъ могъ и обязанъ былъ предвидѣть. Если уголовная кара, назначенная закономъ за то или другое преступленіе, признается недостаточно тяжкой, ничто не мѣшаетъ измѣнить законъ, сдѣлать его болѣе строгимъ, но лишь *на будущее время* и для *всѣхъ* преступныхъ дѣяній извѣстнаго рода. Можно находить, что единственное наказаніе, соотвѣтствующее заранѣе обдуманному убійству (при отсутствіи уменьшающихъ вину обстоятельствъ)—смертная казнь [2]; но тогда нужно открыто послѣдовать примѣру большинства западно-европейскихъ государствъ и прямо включить смертную казнь въ разрядъ наказаній, назначаемыхъ за убійство... Цѣлый рядъ писателей, еще съ половины XVIII-го вѣка, прославлялъ мудрость и гуманность русскаго законодательства, исключившаго смертную казнь изъ числа наказаній за обыкновенныя (не-политическія) преступленія. До шестидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія эти похвалы находили печальное опроверженіе въ фактическомъ существованіи у насъ смертной казни, и притомъ квалифицированной—медленной, мучительной: наказаніе кнутомъ, плетьми, шпицрутенами оканчивалось, сплошь и рядомъ, смертью наказуемыхъ или наказанныхъ. Теперь такимъ же опроверженіемъ является смертная казнь, опредѣляемая приговорами военно-окружныхъ судовъ... Общій судъ, разсматривающій дѣло объ убійствѣ, ничѣмъ не стѣсненъ въ признаніи обстоятельствъ, уменьшающихъ вину. Въ иномъ положеніи оказывается военно-окружной судъ, вся raison d'être котораго—въ дѣлахъ, вообще ему неподвѣдомственныхъ—заключается именно въ томъ, что онъ, и только онъ одинъ, въ правѣ присудить обвиняемаго къ смерти. Постановить другой приговоръ, болѣе мягкій—значитъ какъ бы признать, что не было осно-

[1] См. „Общественную Хронику“ въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1894 г.

[2] Мы тогда же оговорились, что не раздѣляемъ этого мнѣнія.

ванія къ передачѣ дѣла на разсмотрѣніе военнаго суда". Всѣ эти соображенія вполнѣ примѣнимы къ дѣламъ Дейча, Маньковскаго и другимъ, производившимся въ военномъ судѣ и окончившимся смертными приговорами (пока, кажется, еще неисполненными). Въ одномъ изъ нихъ обрисовалась съ особенною ясностью самая ужасная сторона смертной казни: возможность ошибки, ничѣмъ непоправимой. Когда Маньковскій, судившійся за покушеніе на убійство двинскаго полиціймейстера, былъ присужденъ къ смерти, защитники его (присяжные повѣренные Беренштамъ и Козловскій и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Эліашевъ) подали предсѣдателю военно-окружного суда слѣдующее заявленіе: „намъ съ непреложностью извѣстно, что по этому дѣлу никто изъ привлеченныхъ къ отвѣту ни въ коемъ отношеніи не причастенъ къ преступленію. Мы получили неопровержимыя доказательства тому. Мы тщетно со всею силою убѣжденія заявляли на судѣ о невиновности Маньковскаго, но послѣдовалъ смертный приговоръ. Долженъ быть казненъ совершенно невинный человѣкъ, должно совершиться ужасное, непоправимое зло. Призракъ этого не даетъ намъ покоя, и мы еще разъ заявляемъ вамъ, что Маньковскій невиновенъ. Мы клянемся и нашей честью, клянемся всѣмъ, что есть святого, что Маньковскій — жертва судебной ошибки". Такія слова, идущія отъ такихъ людей, предполагаютъ глубокое убѣжденіе, основанное на неотразимо вѣскихъ данныхъ. Неужели они прозвучатъ понапрасну?.. Непогрѣшимостью военно-окружной судъ обладаетъ, быть можетъ, въ еще меньшей степени, чѣмъ другіе суды. Намъ памятны случаи ошибокъ, допущенныхъ имъ именно по дѣламъ, окончившимся смертными приговорами. Одна изъ нихъ, юридическая, стоила жизни Максиму Дмитріеву, присужденному къ смерти съ явнымъ нарушеніемъ закона и казненному въ Иркутскѣ, въ 1891 г. Другая ошибка — фактическая, т.-е. именно такая, какая, по словамъ защитниковъ, допущена въ дѣлѣ Маньковскаго. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ казненъ, по приговору омскаго военно-окружного суда, нѣкто Шуклинъ, ошибочно принятый за Лосева, обвинявшагося въ убійствѣ двухъ конвойныхъ солдатъ. Въ 1896 г. было установлено тожество съ этимъ Лосевымъ бродяги-Барончука, совершившаго цѣлый рядъ преступленій; Шуклинъ, слѣдовательно, оказался ни въ чемъ невиновнымъ... И что же, приводятъ ли, по крайней мѣрѣ, смертные приговоры къ своей ближайшей цѣли—производятъ ли они устрашающее дѣйствіе, предупреждая, тѣмъ самымъ, повтореніе аналогичныхъ преступленій? Утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ рѣшаются только „Московскія Вѣдомости". Всѣмъ памятно, по ихъ словамъ, „что широкое примѣненіе военныхъ судовъ (читай: смертной казни) въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ на долгіе годы заста-

вило замолкнуть гнусныхъ убійцъ. Почему же теперь результаты должны быть другіе?" Память измѣняетъ московской газетѣ: въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ смертныхъ приговоровъ, произносимыхъ военными судами, было меньше, чѣмъ въ концѣ семидесятыхъ, и пониженіе числа политическихъ преступленій зависѣло не отъ усиленія репрессіи. Нѣтъ надобности, притомъ, заглядывать далеко въ прошлое: опытъ послѣднихъ лѣтъ удостовѣряетъ, что непосредственно за исполненіемъ смертныхъ приговоровъ слѣдуетъ иногда обостреніе той специальной преступности, противъ которой они были направлены.

Положеніемъ комитета министровъ, Высочайше утвержденнымъ 17-го минувшаго апрѣля, министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями предоставлено принять мѣры къ отмѣнѣ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ права старообрядцевъ и сектантовъ на службу государственную и общественную. Смыслъ этого постановленія не допускаетъ никакихъ сомнѣній: всѣ стѣсненія, основанныя на административныхъ распоряженіяхъ, безусловно подлежатъ отмѣнѣ; министрамъ и, тѣмъ болѣе, мѣстнымъ властямъ отведена роль чисто исполнительная, безъ права разсуждать о характерѣ и достоинствѣ отмѣняемыхъ правилъ. Чтобы еще больше убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить приведенныя выше слова положенія 17-го апрѣля съ послѣднимъ пунктомъ положенія 1-го мая, также относящимся къ отмѣнѣ стѣснительныхъ административныхъ распоряженій (по предмету употребленія мѣстныхъ языковъ), но уполномочивающимъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями представлять, въ законодательномъ порядкѣ, объ утвержденіи тѣхъ распоряженій, примѣненіе которыхъ и впредь они признаютъ необходимымъ. Мы имѣли уже случай объяснить, какъ опасно, какъ нецѣлесообразно подобное полномочіе [1]), несмотря на то, что оно дано только министрамъ, и окончательное рѣшеніе возбуждаемыхъ имъ вопросовъ ввѣрено государственному совѣту. Что же сказать, затѣмъ, объ аналогичномъ полномочіи, предоставляемомъ, *вопреки закону, мѣстнымъ властямъ*?... „Если по ввѣренной вамъ губерніи"— гласитъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ на имя губернаторовъ и градоначальниковъ [2]),—„были изданы какія-либо правила, ограничивающія старообрядцевъ и сектантовъ въ правахъ на службу государственную и общественную, то эти правила должны прекратить свое дѣйствіе, *если только вы, въ виду соображеній особливой важ-*

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ іюньской книжкѣ нашего журнала, стр. 775.
[2]) См. № 158 „Русскихъ Вѣдомостей".

ности, не признаете необходимымъ сохранить ихъ въ симъ и на будущее время". Итакъ, примѣненіе Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ ограничивается оговоркой, вовсе въ немъ не заключающейся и прямо противорѣчащей его буквальному смыслу— и примѣненіе этой оговорки поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія градоначальника или губернатора! Трудно представить себѣ болѣе яркое доказательство тому, до какой степени необходимо водвореніе у насъ истинной законности—и до какой степени оно невозможно безъ коренной перемѣны въ нашемъ государственномъ строѣ... По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей", тѣмъ же циркуляромъ *всякое совращеніе* изъ православія причисляется къ дѣяніямъ, подлежащимъ уголовной карѣ. Если таково, дѣйствительно, мнѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, то нельзя, конечно, не пожалѣть объ ошибкахъ, въ которыя оно вовлечетъ особенно усердныхъ администраторовъ—но опасными эти ошибки будутъ только до тѣхъ поръ, пока не введено въ дѣйствіе новое уголовное уложеніе. Слишкомъ ясны тѣ его статьи (82—84), въ силу которыхъ совращеніе признается преступленіемъ лишь тогда, когда оно учинено преступными средствами (злоупотребленіе властью, принужденіе, обольщеніе обѣщаніемъ выгодъ, обманъ, насиліе, наказуемая угроза).

Въ эту минуту, когда мы заканчиваемъ нашу хронику, о чрезвычайныхъ событіяхъ, совершившихся, около половины іюня, въ Лодзи и въ Одессѣ, все еще не появилось въ печати ни оффиціальныхъ, ни неоффиціальныхъ сообщеній. О важности ихъ свидѣтельствуетъ объявленіе военнаго положенія; о свойствѣ ихъ и причинахъ можно только догадываться по отрывочнымъ, неполнымъ свѣдѣніямъ, заимствуемымъ, бо̀льшею частью, изъ иностранныхъ газетъ. Совершенно непонятно, съ какою цѣлью поддерживается искусственная тайна, оставляющая мѣсто для самыхъ невѣроятныхъ слуховъ. Когда, наконецъ, будетъ положенъ конецъ стѣсненіямъ, отъ которыхъ гораздо больше еще, чѣмъ печать, страдаетъ русское общество?

Скончавшійся на дняхъ Д. Л. Мордовцевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ писателей, которымъ жизнь дается сравнительно легко и успѣхъ, не блестящій, но прочный, не измѣняетъ ни на одномъ изъ избираемыхъ ими поприщъ. Начавъ съ историческихъ изслѣдованій, сразу обратившихъ на себя общее вниманіе, онъ нѣсколько лѣтъ сряду писалъ публицистическія статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ" (редакціи Некрасова и Салтыкова), а въ послѣднія два или три десятилѣтія выпустилъ въ свѣтъ множество беллетри-

стическихъ и полу-беллетристическихъ произведеній. Горячо преданный интересамъ малорусскаго языка и малорусской литературы, онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Н. И. Костомарова, которому посвятилъ очень любопытныя воспоминанія. Въ нашемъ журналѣ онъ напечаталъ, кромѣ критической статьи о книгѣ Щебальскаго: „Начало и характеръ Пугачовщины“ (1866, 1), описаніе путешествія по Испаніи (1884, 1—3) и историческую повѣсть „Тимошъ“ (1889, 11—12).

Въ лицѣ П. Г. Миронова наша присяжная адвокатура потеряла даровитаго юриста и краснорѣчиваго оратора, всегда готоваго поддержать своимъ словомъ правое дѣло и вступиться за слабыхъ, обиженныхъ и угнетенныхъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Дмитріевъ-Мамонтовъ, В. А. Указатель дѣйствующихъ въ Имперіи акціонерныхъ предпріятій и торговыхъ домовъ. Изд. 2-е. Т. I и II. Спб. 905. Стр. 1609 и 785, CIV.

Мы имѣли случай (февр. 1903 г.) указать на важное значеніе этого изданія, при первомъ появленіи его въ свѣтъ, по почину статистическаго отдѣла министерства финансовъ: для однихъ, это—справочная книга, для изслѣдователя экономической жизни Россіи—богатый матеріалъ, собранный по оффиціальнымъ даннымъ. Въ новое изданіе включены вновь подробныя свѣдѣнія о составѣ акціонерныхъ предпріятій, съ описаніемъ имущества, находящагося въ вѣдѣніи и эксплоатаціи обществъ, товариществъ и компаній; къ этому присоединены свѣдѣнія о торговыхъ домахъ по всей имперіи. Ростъ промышленныхъ предпріятій и торговыхъ домовъ въ послѣдніе 10—12 лѣтъ выражается слѣдующими крупными данными: въ 1892 г. акціонерныхъ предпріятій было свыше 600, а въ настоящее число ихъ приближается къ 1.019; число торговыхъ домовъ, дѣйствовавшихъ лѣтъ тому назадъ, было около 1.500.

Ежегодникъ Министерства Финансовъ. Выпускъ 1904 года. Спб. 905.

Новый выпускъ, хотя и составленъ по общему плану этого изданія, принятому начиная съ 1898 г., но, тѣмъ не менѣе, онъ существенно дополненъ весьма важными свѣдѣніями, не входившими въ предыдущіе выпуски, а именно, въ немъ впервые помѣщаются таблицы по отдѣламъ: „Населеніе и территорія", въ 89 губерніяхъ и областяхъ, на основаніи всеобщей переписи 1897 года; „Государственное хозяйство", „Кредитъ и Банки" и „Промышленность". Весьма важны также свѣдѣнія за 1885—1891 г.г. о переселеніи крестьянъ 50 губерній въ Сибирь и обратно, а также данныя объ арендованіи крестьянами вненадѣльныхъ земель и о сдачѣ ими въ аренду земель надѣльныхъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи. Свѣдѣнія о земскихъ доходахъ и расходахъ собраны непосредственно по опроснымъ вѣдомостямъ отъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ: изъ 359 управъ 34-хъ земскихъ губерній на этотъ разъ не доставили отвѣтовъ только пять: четыре уѣздныхъ и одна губернская—харьковская.

Бѣлозерскій, П. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. II. Семнадцатое столѣтіе. 5-ое изд. Спб. 905. Ц. 2 р.

Полное изданіе состоитъ собственно изъ двухъ томовъ: томъ первый обнимаетъ дѣянія семи столѣтій, X-XVI, и содержитъ въ себѣ: „Господство дома св. Владиміра"; второй томъ озаглавленъ: „Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II", и состоитъ изъ двухъ выпусковъ. Настоящій, первый выпускъ ограничивается XVII-мъ вѣкомъ, отъ избранія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича до паденія царевны Софіи и начала самостоятельной дѣятельности Петра I. Такимъ образомъ, въ этомъ выпускѣ помѣщены біографіи царей Михаила, Алексѣя и Ѳеодора, митрополита Петра Могилы, патріарха Никона, гетмана Хмельницкаго, Степана Разина и др.

Чернышевскій, Н. Г. Сочиненія. (Статьи по крестьянскому вопросу). Спб. 905. Ц. 2 р.

Въ составъ этого изданія вошли многочисленныя статьи и замѣтки Н. Г. Чернышевскаго, помѣщенныя имъ въ „Современникѣ" за три года, 1857—59 г.г., которые можно назвать канунемъ великой эпохи освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Во главѣ сборника такихъ статей поставленъ разборъ замѣчательнаго въ свое время труда Гакстгаузена, подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи",—и критика статей, помѣщенныхъ въ „Экономическомъ Указателѣ" того времени, „О общинной собственности", съ соображеніями относительно „Новыхъ условій сельскаго быта".

Анаховъ, Э. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Какъ Англія считается представительницей мѣстнаго развитія самоуправленія, децентрализаціи, такъ Франція представляется страною, гдѣ централизація нашла себѣ, можно сказать, почти полное воплощеніе: департаментские имѣютъ полномочныхъ органовъ, и самое исполненіе дѣлъ находится въ рукахъ государственной администраціи—префектовъ. Такое положеніе вещей, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ,—возможно и терпимо только лишь потому, что исполнительная власть во Франціи подлежитъ критикѣ и контролю общества. Задача автора и состоитъ именно въ томъ, чтобы показать, какимъ путемъ могла во Франціи возникнуть такая строгая административная централизація, и какимъ образомъ, несмотря ни на что, и во Франціи все-таки успѣшно пробивается прямо противоположное начало—децентрализація.

Головачевъ, П. Сибирь: Природа — Люди — Жизнь. Со многими рисунками и двумя картами. 2-е изд. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Цѣлью автора послужило желаніе дать въ широкихъ очертаніяхъ картину природы, общественной жизни на нашей далекой окраинѣ, и притомъ на основаніи болѣе авторитетныхъ и провѣренныхъ данныхъ. О богатствѣ матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, можно судить по приложенному къ книгѣ указателю книгъ, брошюръ и статей, появлявшихся въ періодической печати, о Сибири. Изданіе иллюстрировано массою рисунковъ, наглядно комментирующихъ и дополняющихъ текстъ. За достоинство труда ручается то, что московскимъ университетомъ первое его изданіе удостоено полной преміи сенатора Д. А. Ровинскаго.

Саккетти, Л. Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Т. I. Спб. 905. Ц. 2 р.

При скудости литературы избраннаго авторомъ предмета, его трудъ является весьма кстати; задачу же труда составило — общедоступное изложеніе всего, что относится къ главнымъ эстетическимъ проблемамъ, и что подтверждается достовѣрными фактами и объясняется авторомъ въ то же время наглядными примѣрами; при этомъ авторъ старается избирать только то, что наименѣе спорно.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1905 г.

(Сороковой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	[illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	[illegible]

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ" Н. П. Карбасникова.

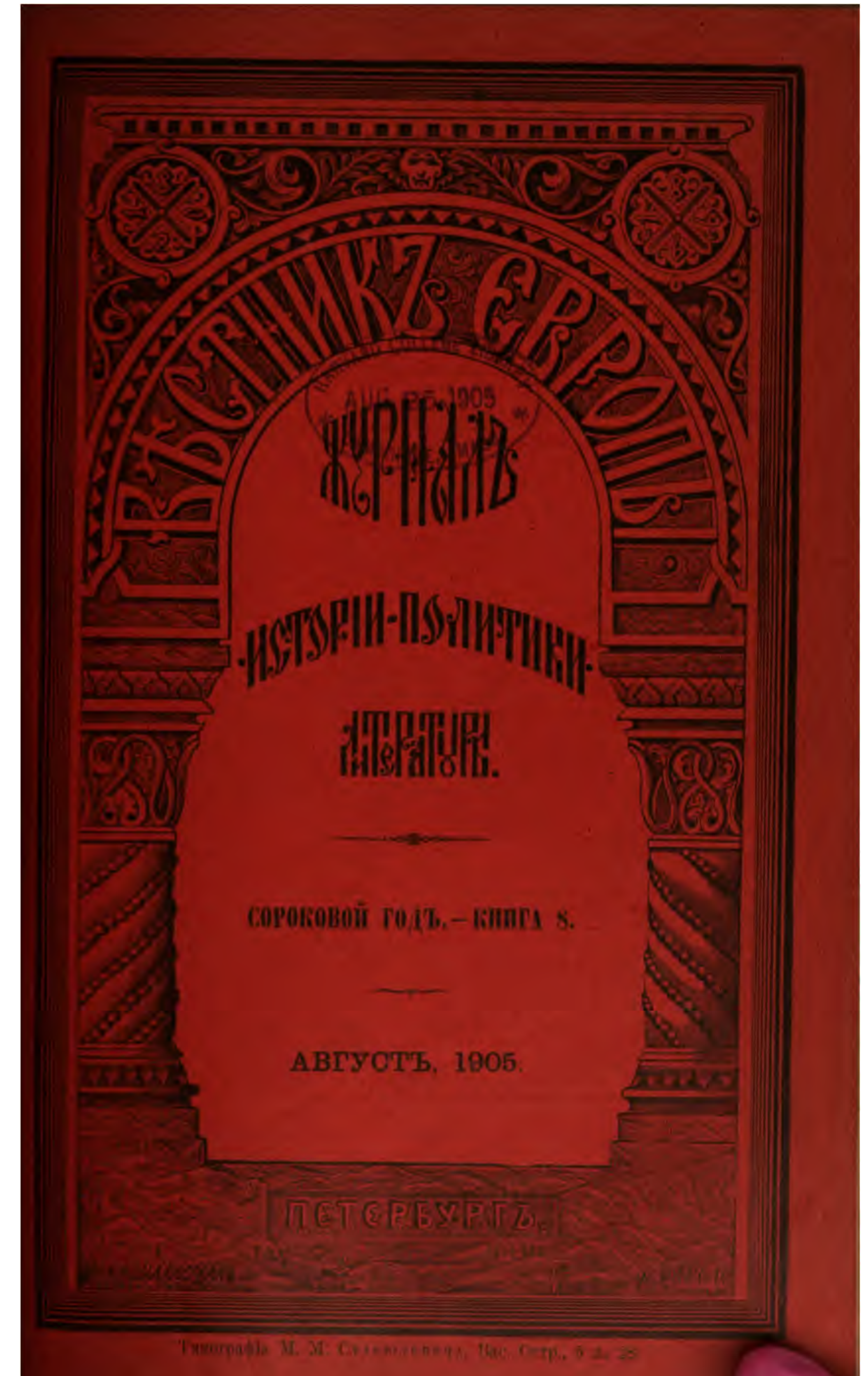
Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* [illegible] (NB) [illegible] — 2) *Перемѣна адреса* [illegible] 1 руб. [illegible] 40 коп. — 3) *Жалобы* [illegible] — 4) [illegible] 14 коп. [illegible]

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

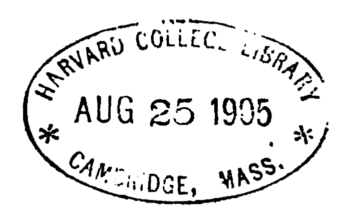
ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.
СОРОКОВОЙ ГОДЪ.—КНИГА 8.
АВГУСТЪ, 1905.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІИ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРОВЪ, ПЕРЕПИСКИ, ПУТЕШЕСТВІЙ, ПОЛИТИКИ, ФИЛОСОФІИ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1905.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1905-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНѢ 1877-78 ГОДОВЪ.

1877-ой годъ.

III *).

9—20 декабря.

9 декабря.—Сегодня четвертый день снѣжной бури. Снѣгъ по колѣно и 8° мороза. Въ кибиткѣ нашей все время термометръ стоитъ на 0 днемъ, а по ночамъ и утрамъ—3° мороза. Тѣмъ не менѣе, приходится все время усиленно писать.

Но нѣтъ худа безъ добра. Быть можетъ, благодаря этой адской погодѣ, удалось окончательно отклонить Великаго Князя отъ намѣренія переѣхать въ Орханію и далѣе вслѣдъ за войсками Гурко. Слава Богу: вчера онъ объявилъ, что переѣдетъ въ Сельви. Дивизіону л.-гв. казачьяго его величества полка уже приказано идти впередъ, въ Ловчу.

...ра Государю послана слѣдующая телеграмма:

...рко и Радецкій доносятъ, что снѣгъ завалилъ всѣ дороги и ...инки. Мятели съ морозомъ продолжаются третій день.

*) ...выше: іюль, стр. 43.

Нѣтъ никакой возможности двигаться. Здѣсь буря съ мятелью. Снѣгу навалило выше колѣна. Движеніе обозовъ остановилось. Дай Богъ, чтобы поскорѣе эта непогода кончилась".

Сегодня вечеромъ послана Государю же слѣдующая телеграмма: „Вьюга прекратилась, но вездѣ снѣгъ выше колѣнъ и большой морозъ. Войска на Шипкѣ и на горѣ св. Николая сильно страдаютъ. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ возможности наступленія. У меня въ палаткѣ менѣе 5°. За обѣдомъ сегодня вода и вина замерзли. Варку можемъ дѣлать только разъ въ день. Отогрѣваемся чаемъ. Войска веселы и даже поютъ, чтобы хоть этимъ согрѣться. Болѣзненность пока небольшая, кромѣ 24-й дивизіи на Шипкѣ, гдѣ до тысячи больныхъ въ каждомъ полку".

Выступленіе Скобелева отложено до завтра, по причинѣ адской погоды. Переходъ въ наступленіе войскъ Гурко назначенъ на 11-е.

Сегодня, вскорѣ послѣ обѣда, Великій Князь послалъ за мной и удержалъ до вечера, отпустивъ лишь послѣ чаю. Это уже 4-й день подъ рядъ проходитъ такимъ образомъ: сперва читаю ему вслухъ полученныя въ теченіе дня реляціи, затѣмъ составляю и отправляю его депеши, и, наконецъ, идутъ просто разговоры. Сегодня Великій Князь вспоминалъ, какъ объявилъ мнѣ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, что беретъ меня съ собой, и спрашивалъ, какое впечатлѣніе произвело это тогда на мою жену. Я отвѣчалъ, что разлука съ семьей, конечно, не легка, но что мы оба все-таки предпочитаемъ, чтобы мнѣ быть на войнѣ, чѣмъ оставаться дома: вполнѣ сознаемъ, что для военнаго не быть на войнѣ—значитъ чувствовать себя обойденнымъ, ненужнымъ. Но, конечно, было бы лицемѣріемъ съ моей стороны, еслибы я вздумалъ увѣрять, что радъ затяжкѣ войны. Напротивъ, я буду искренно радоваться ея окончанію, но только со славою. А на это теперь надѣяться можно.

Великій Князь вздохнулъ и сказалъ: „Дай Богъ! Я дольше тебя терплю: ты всего восьмой мѣсяцъ въ разлукѣ съ семьей, а я—тринадцатый!"

10 декабря.—11° мороза. Чудный, ясный, сверкающій день. Много интересныхъ телеграммъ.

Полученныя:

1) Отъ Стюарта изъ Бухареста: Фельдманъ (нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ) телеграфируетъ отъ 9-го декабря, что Сулейманъ-паша получилъ приказаніе отвести всю свою армію въ Румелію, оставивъ въ крѣпостяхъ только самые необходимые

гарнизоны. Онъ уже прибылъ въ Константинополь для участія въ военномъ совѣтѣ, который разрабатываетъ новый планъ дѣйствій. Реуфъ-паша назначенъ военнымъ министромъ.

2) Первая телеграмма Государя изъ Петербурга, отъ 11 ч. 30 м. сегодняшняго утра:

„Только-что воротился совершенно благополучно. Пріемъ самый восторженный. Всѣхъ нашелъ здоровыми. Ожидаю съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій. Да поможетъ намъ Богъ довершить святое дѣло".

3) Отъ Радецкаго съ Шипки отъ 12 ч. 55 м. сего дня, шифрованная, на имя Непокойчицкаго:

„Движеніе на деревню Шипку прямо по дорогѣ [1]) я считаю дѣйствіемъ совершенно безразсуднымъ, потому что спускъ къ Шипкѣ укрѣплялся турками съ начала августа и, по свѣдѣніямъ, весьма хорошо, съ перекрестною обороною во многихъ мѣстахъ. Поэтому, при настоящихъ непроходимыхъ снѣгахъ возможно овладѣть деревней Шипкой и долиною Тунджи движеніемъ нашего отряда отъ Тетевеня и Арабъ-Конака по Тунджѣ. Тогда турки должны будутъ уйти отсюда безъ выстрѣла и, вслѣдствіе этого, я буду дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій Его Высочества. Для полученія приказаній командирую начальника штаба генерала Дмитровскаго".

4) Отъ Гурко изъ Осикова, отъ 9-го декабря:

„Снѣгу выпало очень много: на горахъ болѣе аршина, въ Орханійской долинѣ полъ-аршина. Сегодня третій день стоятъ морозы. Сегодня въ Орханійской долинѣ около 4°, а въ горахъ около 10°. Санитарное состояніе съ каждымъ днемъ ухудшается. Въ псковскомъ полку 6-го и 7-го декабря заболѣло 340 человѣкъ, но это самая большая болѣзненность. Среднимъ числомъ заболѣваетъ около 50 человѣкъ, въ полкахъ же, расположенныхъ по квартирамъ, значительно менѣе. На позиціяхъ стоитъ $6^1/_2$ полковъ; по квартирамъ 5. Произвожу по возможности чаще смѣну. Положеніе очень тяжелое. Движеніе будетъ очень трудное, но съ Божьею помощью надѣюсь преодолѣть трудности. Теперь разрабатываю дорогу. Непріятель стоитъ и ничего не предпринимаетъ, весьма сильно укрѣпившись на своей позиціи. Подкрѣпленія къ туркамъ прибываютъ мало-по-малу. Теперь у Арабъ-Конака, кажется, около 40 баталіоновъ, у Лютикова и Златицы около 10 въ каждомъ пунктѣ, всего же около 60 ба-

[1]) Такого движенія никто и не предлагалъ. Предположено движеніе въ обходъ турецкихъ шипкинскихъ позицій съ обоихъ фланговъ.

таліоновъ, но всѣ далеко неполные; самое большее по 400 человѣкъ въ таборѣ, а есть таборы около 150 человѣкъ. Болѣе всего боюсь тумановъ и продовольствія. Всѣ заготовленные мною насчетъ страны склады въ Радомирцахъ, для трехъ прибывающихъ дивизій. Теперь у меня осталось 10.000 пудовъ сухарей, нагруженныхъ на повозки въ видѣ неприкосновеннаго запаса. Во Врачешѣ, въ складѣ, около 20.000 пудовъ муки, которая перепекается въ хлѣбъ въ устроенныхъ печахъ. Дальнѣйшаго запаса нѣтъ и не предвидится, дневной же расходъ — около 3.400 пудовъ. Теперь уменьшилъ дачу сухарей до 1 фунта; дней черезъ 10 не будетъ хлѣба. Крайне нуждаюсь въ перевозочныхъ средствахъ. Доставка скота весьма затруднительна. Жду прихода войскъ, чтобы перейти въ наступленіе, но прибытіе ихъ крайне затрудняется. Не знаю, когда подтянутся. Вся дорога ужасная и гололедица. Думаю, что раньше 13—14 декабря не буду въ состояніи двинуться: главное прошу спирту, чаю, сахару. Необходимо открыть въ Яблоницѣ 1 или 2 подвижныхъ госпиталя. 9-го декабря, 9 ч. вечера. Генералъ-адъютантъ Гурко".

5) Получена телеграмма князя Милана, что 7-го декабря сербы овладѣли съ боя проходомъ св. Николая и его укрѣпленіями: потери еще неизвѣстны. 8-го декабря сербы обошли турецкую позицію у Бабиной-главы и, принудивъ этимъ турокъ отступить, заняли эту позицію. Того же числа, послѣ упорнаго боя, сербы взяли укрѣпленія у Чичины, у моста на Моравѣ, южнѣе Ниша. Турецкія сообщенія между Нишемъ и Лесковацомъ, который еще южнѣе, прерваны.

Объ этомъ немедленно донесено Государю, а князьямъ сербскому и румынскому посланы слѣдующія телеграммы:

Belgrad, à suivre.

Prince Milan de Serbie.

„Félicite de tout coeur avec bon et beau commencement. Remerciez sincèrement de ma part vos vaillantes troupes. Souhaite succès ultérieurs. Que Dieu nous protége".

Bucarest.

Prince Charles de Roumanie.

„Comme tu sais, les Serbes ont occupés le défilé de Saint-Nicolas. Je te prie donner ordre immédiat à Garalamba, qu'il transmet à Arnoldi [1]) cette nouvelle afin qu'il entre en communication avec les Serbes, ainsi que tes troupes, qui marchent vers Viddin et Belgradschik".

---

[1]) Командиръ 2-й бригады 4-й кавалер. дивизіи.

Получена телеграмма нашего посланника изъ Аѳинъ, содержаніе которой экстренно передано Цесаревичу, Гурко и Радецкому слѣдующими телеграммами (подчеркнутыя слова—зашифрованы мною).

Осиково. Генералу Гурко вслѣдъ.

Шипка. Генералу Радецкому.

„Отъ посланника нашего изъ Аѳинъ получено свѣдѣніе, что Мехметъ-Али, прибывъ въ Константинополь, объявилъ, что Турціи остается одно: *вступить въ мирные переговоры непосредственно съ Россіей*, ибо всякое *вооруженное сопротивленіе дѣлается невозможнымъ*. Сулейманъ также прибылъ въ Константинополь. При такихъ обстоятельствахъ считаю совершенно необходимымъ *ускорить наступленіе сколь возможно, дабы усилить давленіе на Турцію. Не теряйте времени*".

Брестовацъ.

Наслѣднику Цесаревичу.

Первая часть депеши—та же. Добавленіе: „Въ виду этого, я приказалъ *Гурко и Радецкому поспѣшить наступленіемъ, дабы усилить давленіе на Турцію*. Тебѣ же необходимо *слѣдить за непріятелемъ* возможно *бдительнѣе*. Сообщи мнѣ, какъ полагаешь вслѣдствіе этого распорядиться. Гдѣ Тотлебенъ?"

11 декабря.—Ясный, тихій морозный день: 12°. Морозы и глубокіе снѣга неожиданно связали намъ руки, только-что развязанныя паденіемъ Плевны. Дороги еще непроходимы, двигаться впередъ нельзя, а стоять на мѣстѣ—тоже скверно. Въ горахъ войскамъ столь тяжко, какъ было во времена суворовскаго похода черезъ Альпы. Если морозы затянутся, то надо или идти впередъ, или отходить назадъ.

Конечно, мы рѣшились на первое. Въ рѣшеніи наступать Великій Князь вполнѣ сходится съ Гурко, но расходится съ Радецкимъ, который предпочитаетъ ждать, пока Гурко, переваливъ черезъ Балканы, выйдетъ въ тылъ Шипкинской позиціи турокъ. Съ цѣлью убѣдить Великаго Князя согласиться съ его мнѣніемъ, Радецкій прислалъ своего начальника штаба Дмитровскаго, который и прибылъ сегодня. Но на этомъ пунктѣ Великаго Князя переубѣдить нельзя: онъ рѣшился твердо и ни за что не уступитъ, тѣмъ болѣе, что заручился Высочайшимъ одобреніемъ этого плана. Конечно, зимній переходъ черезъ Балканы—дѣло трудное и рискованное, но когда же и рисковать, какъ не теперь, пока турки еще подавлены плевненскою катастрофою. Допустивъ даже возможность неудачи, мы попадемъ лишь въ вы-

жидательное положеніе, которое намъ и безъ того пришлось бы принять, еслибы мы не рискнули наступать. А въ случаѣ удачи— конецъ войнѣ!

Морозы и снѣга, пріостановившіе переходъ въ наступленіе, задержали и нашъ предположенный переѣздъ въ Сельви на неопредѣленное время. Всѣ, начиная съ Великаго Князя, мечтають поскорѣе выбраться отсюда. У насъ въ кибиткѣ становится довольно скверно. И не столь непріятенъ холодъ, сколько необходимость сидѣть цѣлый день при свѣчахъ. Уже съ 3-го декабря нельзя открывать тюндюкъ (отверстіе въ вершинѣ кибитки). Выходя на воздухъ, надо зажмуривать глаза, чтобы свѣтъ и снѣгъ не ослѣпляли. Снѣгу навалило такую пропасть, что идешь почти по поясъ между снѣжными валами, гдѣ прочищено; а гдѣ нѣтъ— утопаешь въ снѣгу.

Сегодня окончилъ составленіе перваго всеподданнѣйшаго отчета Государю (въ его присутствіи отчетовъ не составлялось) и вечеромъ читалъ его Великому Князю въ присутствіи Непокойчицкаго. Оба остались чрезвычайно довольны. Великій Князь сказалъ: „Отлично написано. Ты мнѣ дѣлаешь громадное облегченіе, я прежде писалъ эти письма самъ, а Михаилъ Николаевичъ и теперь ихъ пишетъ са̀мъ, собственноручно. Ну, да ему хорошо писать въ Тифлисѣ, а я здѣсь такъ зябну, что и перо едва въ рукахъ держу. Большое тебѣ спасибо".

Непокойчицкій пригласилъ меня переписывать отчетъ набѣло у него въ хатѣ, такъ какъ у насъ въ кибиткѣ черезчуръ холодно. Дѣйствительно, выше 4° тепла не бываетъ, а вечеромъ, ночью и рано утромъ—ниже 0 и до 3° мороза.

Я сегодня же воспользовался этимъ приглашеніемъ и послѣ чая съ закускою у Великаго Князя пошелъ къ Непокойчицкому и началъ переписывать отчетъ, чѣмъ и занимался до 12 часовъ ночи.

Пока сидѣлъ у Великаго Князя, была получена телеграмма Государя отъ 4 час. 50 мин. сегодняшняго дня:

„Дай Богъ, чтобы погода позволила, наконецъ, продолжать движеніе. Радуюсь первымъ успѣхамъ сербовъ. Твоихъ нашелъ здоровыми".

Государю сегодня было донесено:

„Съ 5-го декабря все тихо и столкновеній съ непріятелемъ нигдѣ не было. Вездѣ глубокій снѣгъ, морозъ, на Дунаѣ у Зимницы показался ледъ. Дороги труднопроходимы, особенно въ горахъ. На восточномъ фронтѣ замѣчено, что турки вездѣ отступили на правый берегъ Лома: въ оставшихся лагеряхъ замѣтно лишь весьма небольшое движеніе. Цесаревичъ сообщилъ, что составляется соображеніе для движенія впередъ вслѣдъ за турками".

12 декабря.—Дмитровскій имѣлъ продолжительную аудіенцію у Великаго Князя, который, конечно, остался непреклоненъ и отдалъ ему положительное приказаніе: немедленно приступить къ расчисткѣ обходныхъ путей и вообще ко всѣмъ подготовительнымъ распоряженіямъ для наступленія, которое должно быть начато около 20-го декабря.

Дмитровскій, упорно отстаивая взглядъ своего корпуснаго командира, настойчиво доказывалъ Великому Князю необходимость обождать, пока Гурко не совершитъ переходъ черезъ Балканы и не выйдетъ въ тылъ Шипкѣ. Указывалъ на крайнюю рискованность наступленія, на трудность обходнаго движенія по горнымъ тропинкамъ, заваленнымъ снѣгомъ. Великій Князь стоялъ на своемъ. Возражая противъ доказательствъ трудности обходнаго движенія, онъ между прочимъ сослался на отзывъ генеральнаго штаба полковника Соболева (правитель канцеляріи князя Черкасскаго по гражданскому управленію), что онъ самъ ѣздилъ по лѣвому обходному пути и удостовѣряетъ, что это путь широкій и вовсе не трудный. Дмитровскій напомнилъ Великому Князю, что Соболевъ ѣздилъ тамъ лѣтомъ и безъ непріятеля, а теперь зима и всѣ пути или преграждены, или наблюдаются турками. Великій Князь отвѣтилъ, что, по словамъ Соболева, онъ и теперь берется проѣхать. Дмитровскій разсердился. „Если Соболевъ это говоритъ, такъ пускай онъ это и докажетъ. Пришлите его къ намъ, ваше высочество: пусть онъ ведетъ колонну по этой дорогѣ". Великій Князь согласился и приказалъ Соболеву собираться ѣхать на Шипку въ распоряженіе Радецкаго.

Дмитровскій тоже возвращается на Шипку, или сегодня же, или завтра утромъ.

Прелестная черта характера Великаго Князя: никогда не сердится и не обижается, когда ему возражаютъ. Дмитровскій, прямой, честный и чуждый всякой дипломатіи человѣкъ, отстаивалъ свои убѣжденія и спорилъ рѣзко, иногда даже грубо. Великій Князь нисколько не сердился, несмотря на то, что оспаривалась его завѣтная, прочно въ немъ засѣвшая, мысль. Рѣдко съ какимъ начальникомъ, даже изъ простыхъ смертныхъ, можно говорить такъ прямо, просто и откровенно, какъ съ нимъ.

Отъ князя Карла изъ Турну-Магурели получена телеграмма, что 10-го декабря занята румынами безъ боя Арчеръ-Паланка, очищенная турками. Отъ князя Милана сербскаго—что Тимокскій отрядъ занялъ безъ боя Адліе, а моравскій отрядъ—Мраморъ. Турки отступили.

Государю сегодня донесено:

„Въ отрядѣ Цесаревича 11-го декабря были перестрѣлки съ турками у нашихъ разъѣздовъ, ходившихъ къ Нисовой и Соленику, которые оказались занятыми непріятелемъ, хотя и гораздо слабѣе прежняго. У Батинскаго моста показался мелкій ледъ. У Браилова ледоходъ начался такъ неожиданно и сильно, что мостъ былъ сорванъ и 21 плотъ снесло на три версты. Пароходъ нашъ засѣлъ во льду и не могъ подойти къ мосту до прекращенія ледохода. Великій князь Алексѣй доноситъ при этомъ, что сообщеніе у Браилова не можетъ быть въ настоящую минуту возстановлено.

„11-го декабря, при ясной погодѣ, турки сильно бомбардировали фортъ св. Николая на Шипкѣ, но наши потерпѣли лишь ничтожныя потери. Сегодня на Шипкѣ опять мятель при сильномъ морозѣ.

„Сербы окружили Нишъ и, будучи атакованы къ сѣверу отъ него турками, отбили атаку. Турки оставили на мѣстѣ 70 тѣлъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ Государь уѣхалъ, у Великаго Князя упразднены завтраки и обѣдаемъ гораздо раньше, между 2—3 часами. По вечерамъ Великій Князь развлекается тѣмъ, что устраиваетъ въ своей кибиткѣ, на походной складной плитѣ, домашнюю стряпню къ ужину. Въ этомъ развлеченіи главная роль принадлежитъ Скобелеву-отцу, великому человѣку на малыя дѣла: недаромъ ему дано мѣткое прозвище: „сынъ знаменитаго отца и отецъ знаменитаго сына“. Это прозвище, такъ сказать, Высочайше утвержденнаго образца: самъ Государь призналъ его необыкновенную мѣткость и много смѣялся, когда услышалъ его въ первый разъ.

Скобелевъ-отецъ сегодня великолѣпно приготовилъ вареннаго судака къ ужину.

Сегодня Великій Князь получилъ изъ Москвы письмо, которое вечеромъ было прочитано мною вслухъ и очень всѣхъ насмѣшило. Привожу его съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

„Его Инпиравовскому Высочеству Великому Князю Главнокомандующему Николаю Николаивичю.

Писмо.

„Отъ прикащика бань В Москве у болшова каменава Моста Крестянина Андрея Ивлива Сослужащими.

Милай И низабвенной Нашъ батюшка благодетиль Николая Николаивичь Мы Сечясъ получили Отъ вашеи Милости чресъ Московскихъ ведомостеи редактора Каткова Телеграму О взятіи Плевны и Асмана Пашы. Мы Срадостию Прочитали На томъ

мѣсти гдѣ Милостию божыю имели щястия васъ Встречять 1875 года 12 Сентября Въ 10-ть чясовъ Вечира На томъ Самомъ Подъезди Наружы Собнаженными головами И прочитавшы Кричяли Отрадости какъ Я И сомнои все Служащии даже И женщины ура.

„Втакомъ Случяи Спишымъ Поздравить Ваше Иипираторское Высочиство Николаи Николаивичь Съ блистателнои Победои А то унасъ Обвашемъ здаровьи было Сомнително. Но Теперичя Слава Господу богу Наша Ожыдания Оправдались. Молимъ Мы Объ васъ ивашыхъ Подвижникахъ Господа бога чтоба Онъ вамъ послалъ быть Здаровымъ И нивридимымъ И покорать Врага Какъ Госпоть Послалъ С. Вел: Мучинику И победоносцу Георгию Покорать Змея Подногами Такъ жа И вамъ Пошли Господи одержать Победи И Возвратитца Здаровымъ И нивридимымъ Внашу Матушку Москву. А мы Все помолимся Московскимъ Угодникамъ. Ваше Иипираторское Высочество Извинитя насъ Что Мы Осмелились вамъ Написать Писмо Мы очинь рады и низнаемъ какъ васъ благодарить Приподаимъ къ вашымъ стапамъ Преданныя Вашы Служытели И прикащикъ Каменовскихъ бань крестянинъ Андрей Ивливъ".

Великій Князь приказалъ мнѣ составить отвѣтную телеграмму, которая и была немедленно отправлена. Вотъ она:

„Москва. Бани у большого каменнаго моста. Крестьянину Андрею Іевлеву со служащими.

„Спасибо тебѣ и твоимъ товарищамъ за поздравительное письмо и за добрыя ваши пожеланія. Помолитесь святымъ московскимъ угодникамъ, чтобы Богъ помогъ намъ довести святое дѣло до конца.—Николай".

Отчетъ я переписалъ, но Великій Князь не захотѣлъ подписывать его сегодня, а велѣлъ дать къ подписи завтра вечеромъ, ибо курьеръ поѣдетъ только 14-го утромъ. И дѣйствительно: за цѣлыя сутки можетъ явиться необходимость что-нибудь и прибавить.

13 декабря.—Сегодня Государю донесено:

„Князь Рейссъ телеграфируетъ черезъ Берлинъ, что въ Константинополь привезены и водворены въ Сераскеріатѣ наши плѣнные офицеры: сѣвскаго полка штабсъ-капитанъ Сучковъ; орловскаго полка: командиръ полковникъ Клевезаль, штабсъ-капитаны Домбровскій и Розовъ, подпоручики Сотскій и Ласкевичъ. Всѣ ранены: состояніе здоровья удовлетворительно.

„Румыны заняли 10-го декабря Арцеръ-Паланку, которую турки очистили безъ боя, и начали укрѣплять ее.

„9-й корпусъ прибылъ по назначенію 11-го декабря.

„На восточномъ фронтѣ дивизіонъ чугуевскихъ уланъ съ 2 орудіями, посланный на развѣдку, встрѣтилъ у Сида турецкій транспортъ, захватилъ 100 лошадей, 400 быковъ и 600 барановъ, изрубилъ 26 чел., взялъ въ плѣнъ 18, а остальное прикрытіе преслѣдовалъ почти до Аяслара. 2 улана ранены, 1 офицеръ и 2 улана контужены.

„Развѣдками обнаружено, что Иванъ-Чифликъ занятъ лишь небольшимъ отрядомъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и взвода кавалеріи. Въ Соленикскомъ лагерѣ непріятельскихъ войскъ также немного. По дорогѣ на Османбазаръ турки занимаютъ небольшими отрядами Чабанъ, Куруджеренъ и Джумалу.

„Въ прочихъ мѣстахъ новаго ничего нѣтъ. Морозы продолжаются: рукава Дуная у Журжевскаго берега замерзли. Въ Орханійской долинѣ морозъ дошелъ вчера до 18°, а въ горахъ больше 20°. Плѣнные, которые уже всѣ отсюда отправлены, массами умираютъ по дорогѣ отъ холода. Помочь столь бѣдственному положенію ихъ не могу: морозы наступили внезапно и захватили плѣнныхъ уже въ слѣдованіи. По точному счету, численность взятой въ плѣнъ арміи Османа оказалась 44.000, не считая убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ день боя 28-го ноября. Теперь еще осталось въ Плевнѣ 3.600 раненыхъ и больныхъ турокъ на нашемъ попеченіи".

Отъ Государя вечеромъ полученъ слѣдующій отвѣтъ изъ Петербурга, отъ 2 ч. 50 м. пополудни:

„Крайне сожалѣю о продолжающихся морозахъ и мятеляхъ, мѣшающихъ движенію войскъ. Съ сегодняшнимъ курьеромъ не имѣлъ возможности тебѣ написать: онъ везетъ тебѣ, Сашѣ и Владиміру письма императора Вильгельма съ крестами „pour le mérite". Вчерашняя церемонія удалась вполнѣ. Вмѣсто умершаго Леонова [1]) полагалъ бы назначить Ежена [2]). Завтра, если погода позволитъ, полагаю сдѣлать смотръ всѣмъ войскамъ передъ колонною" (Александровскою).

Сегодня вечеромъ Великій Князь подписалъ 1-й отчетъ Государю; завтра утромъ отправится курьеръ. Привожу отчетъ дословно, по сохранившейся у меня одного черновой [3]).

---

[1]) Командиръ 2-й бригады 2-й гвард. кав. дивизіи.

[2]) Т.-е. князя Евгенія Максиміліановича Романовскаго. Предположеніе это не состоялось по неизвѣстной мнѣ причинѣ: Князь остался состоять въ распоряженіи е. и. в. главнокомандующаго.

[3]) Всѣ остальные отчеты, мною составленные и собственноручно переписанные, будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ ниже: черновыя этихъ отчетовъ въ дѣла не по-

Его Императорскому Величеству
Главнокомандующаго дѣйствующею арміею—рапортъ.

„Въ письмѣ моемъ вашему величеству отъ 7-го сего декабря [1]) я уже представилъ общій очеркъ всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя сдѣланы мною для исполненія утвержденнаго Вашимъ Величествомъ плана дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Въ настоящемъ рапортѣ я имѣю въ виду представить Вашему Величеству общій систематическій сводъ всего, что̀ произошло со дня паденія Плевны по 10-е декабря включительно.

„Съ расформированіемъ плевненскаго отряда обложенія и съ образованіемъ восточнаго, центральнаго и западнаго отрядовъ и общаго резерва арміи—потребовалось совершить значительныя передвиженія войскъ.

„28-го ноября пала Плевна, съ Османомъ-пашей и его арміей. 1-го декабря отрядъ обложенія былъ уже расформированъ и въ тотъ же день 4-й корпусъ, назначенный на усиленіе рущукскаго отряда, переименованнаго въ восточный,—былъ двинутъ на присоединеніе къ нему двумя колоннами: правая, изъ войскъ 30 пѣхотной дивизіи съ 9-мъ гусарскимъ кіевскимъ полкомъ—на Тырновъ; лѣвая, въ составѣ 2-й пѣхотной дивизіи (включенной въ составъ 4-го корпуса вмѣсто 16-й пѣх. дивизіи, получившей особое назначеніе), съ 9 драгунскимъ казанскимъ полкомъ и донскою № 2 батареею—на Косово. Обѣ колонны прибыли къ 9 декабря и расположились: правая—въ Тырновѣ, гдѣ останется впредь до особаго распоряженія; лѣвая—въ Дольнемъ-монастырѣ, Гельбунарѣ и Бешбунарѣ. Штабъ корпуса—при 30-й пѣхотной дивизіи.

„Такимъ образомъ, прежде всего былъ усиленъ нашъ восточный отрядъ въ томъ вниманіи, что противъ него стоитъ наименѣе разстроенная турецкая армія Сулеймана-паши.

„Почти въ то же время были двинуты и войска, назначенныя на усиленіе западнаго отряда. Но такъ какъ съ этимъ отрядомъ существуетъ только одно хорошее сообщеніе—Софійское шоссе, то войска, посланныя на подкрѣпленіе генералъ-адъютанту Гурко, поневолѣ пришлось двинуть въ одной колоннѣ, вслѣдствіе чего, конечно, подкрѣпленія не могутъ подойти къ нему такъ скоро, какъ это было бы желательно. 3-я гвард. пѣх. дивизія выступила изъ-подъ Плевны 2-го и прибыла 7-го декабря ко Врачешу; 9-й же корпусъ, или, точнѣе, 31-я пѣхотная

падали, а сохранились у меня, ибо писаны на̀скоро, сокращенными полусловами и кромѣ меня самого—никто этихъ черновыхъ и разобрать не можетъ.

[1]) Письмо это было собственноручное, и я его содержанія не знаю.

дивизія, 1-я бригада 5-й пѣх. дивизіи и донской № 34 полкъ выступили 4-го и 5-го декабря и должны были прибыть въ Орханіи 9-го и 10-го декабря. Что касается до 2-й бригады 5-й пѣх. дивизіи, то она образуетъ особый отрядъ, который 11-го сосредоточится во Врацѣ и будетъ служить для обезпеченія праваго фланга отряда генералъ-адъютанта Гурко, находясь, конечно, въ полномъ его распоряженіи.

„Такимъ образомъ, къ 12-му декабря къ генералъ-адъютанту Гурко подойдутъ всѣ назначенныя въ его распоряженіе подкрѣпленія, и тогда западный отрядъ можетъ перейти въ наступленіе. Но, какъ доноситъ генералъ-адъютантъ Гурко, онъ едва ли будетъ въ состояніи начать рѣшительныя дѣйствія ранѣе 13-го или 14-го декабря, ибо глубокій снѣгъ, заваливпшій всѣ дороги, морозъ и гололедица представятъ огромныя препятствія.

„Могу лишь сказать, что генералъ-адъютантъ Гурко принимаетъ самыя энергическія мѣры для ускоренія возможности наступленія, такъ какъ положеніе его войскъ, занимающихъ позиціи въ горахъ—почти невыносимо. Только половина его войскъ расположена въ резервѣ по квартирамъ: другая половина бивакируетъ въ горахъ, на морозѣ, по колѣна въ снѣгу. Если температура смягчается, то морозъ смѣняется пронизывающею сыростью, дождями и такими сильными туманами, что въ пяти шагахъ ничего не видно. Счастье еще, что при такихъ условіяхъ болѣзненность меньше, чѣмъ можно было бы опасаться: среднимъ числомъ заболѣваетъ около 50 чел. въ каждомъ полку, изъ числа стоящихъ на позиціяхъ. Только въ псковскомъ пѣхотномъ полку въ теченіе двухъ дней (6-го и 7-го декабря) заболѣло 340 чел. Въ полкахъ, расположенныхъ по квартирамъ, болѣзненность значительно менѣе.

„Въ настоящее время, какъ извѣстно Вашему Величеству, въ составѣ западнаго отряда находятся части войскъ 3-й пѣх. дивизіи, притянутыя изъ Ловчи и Трояна. Эти войска, по прибытіи подкрѣпленій, должны быть стянуты къ лѣвому флангу отряда, съ тѣмъ, чтобы по первому востребованію можно было бы направить ихъ, вмѣстѣ съ кавказскою казачьею и сводною донскою (21 и 26 полки) бригадами,—на Златицу, Карлово и далѣе на Казанлыкъ. Тогда и остальныя части 3-й пѣх. дивизіи будутъ спущены съ горъ и мало-по-малу вся дивизія соберется на походѣ и подойдетъ къ Казанлыку уже въ полномъ составѣ. Само собою разумѣется, что этотъ маршъ будетъ согласованъ съ наступленіемъ изъ центра, отъ Габрова, такъ чтобы 3-я пѣх. дивизія примкнула къ нашимъ войскамъ, которыя будутъ спускаться съ Шипки.

Кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Арнольди остался въ прежнемъ составѣ: 4-й уланскій харьковскій и 4-й гусарскій маріупольскій полки, 8-я конная батарея и румынская бригада Рошіоровъ съ конною батареею. Назначеніе его осталось прежнее: держать связь между румынскими войсками, занимающими Рахово и Ломъ-Паланку и западнымъ отрядомъ, наблюдая дорогу на Берковацъ. Очищеніе этого важнаго пункта турками и занятіе его нашими войсками много облегчило задачу этого отряда. Теперь, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій сербами, я приказалъ генералъ-маіору Арнольди войти немедленно съ ними въ связь и постоянно поддерживать ее.

„Румынскія войска, какъ извѣстно вашему величеству, получили по взятіи Плевны разныя второстепенныя назначенія. 1-я, 2-я и 3-я дивизіи назначены для операцій противъ Акъ-Паланки, а 4-я дивизія—для конвоированія плѣнныхъ турокъ, съ тѣмъ, чтобы по сдачѣ ихъ въ вѣдѣніе генералъ-адъютанта Дрентельна смѣнить наши войска, занимающія нынѣ Калярашъ, Ольтеницу и Журжево. Эти послѣднія, освободившись, будутъ направлены на присоединеніе къ своимъ частямъ, а именно:

„Изъ Каляраша: 96-й пѣх. омскій полкъ съ двумя батареями—на Шипку; 1-й гусарскій сумскій полкъ съ 1-ю конною батареею—въ общій резервъ арміи, туда, гдѣ онъ къ тому времени будетъ расположенъ.

„Донской № 40 полкъ останется въ Калярашѣ.

„Изъ Ольтеницы и Журжева: 2-я бригада 32-й пѣх. дивизіи съ двумя батареями и 2-я бригада 11-й кавалер. дивизіи—въ составъ своего 11-го корпуса.

„Князь Карлъ предполагаетъ поставить на смѣну этимъ войскамъ 4 баталіона съ 2-мя батареями въ Журжевѣ, столько же въ Калярашѣ и одинъ баталіонъ съ батареею въ Ольтеницѣ; три полка калярашей по берегу Дуная отъ Журжева до Каляраша. Я нахожу, однако, это число войскъ недостаточнымъ, какъ по числу частей, такъ и по слабости ихъ состава, въ особенности въ виду возможности замерзанія Дуная. Поэтому я намѣренъ предложить князю Карлу усилить журжевскій отрядъ еще 4-мя баталіонами.

„Въ распоряженіе румынскихъ военныхъ властей передана также крѣпость Никополь, причемъ, однако, тамъ оставлены нашъ этапный начальникъ и наше гражданское управленіе. Послѣднее вводится также и въ Раховѣ, Ломъ-Паланкѣ, Врацѣ и прочихъ вновь занятыхъ пунктахъ видинскаго пашалыка.

„Въ Плевнѣ учреждено также наше военно-этапное и гражданское управленіе: гарнизонъ города составитъ одинъ резервный баталіонъ, который я приказалъ туда направить. Этапная линія, шедшая прежде отъ Карагача-болгарскаго къ Дольному Дубняку черезъ Порадимъ, Боготъ, Ральево и Медованъ—теперь сокращена и идетъ прямо на Плевну, минуя послѣдніе четыре пункта. Отъ Дольнаго Дубняка она устраивается черезъ Телишъ, Горный Луковецъ, Блажницу, Яблоницу и Осиково до Орханія включительно.

„Я не сказалъ ничего о времени, когда румынскія войска смѣнятъ наши на лѣвомъ берегу Дуная. Опредѣлить это пока еще нельзя, такъ какъ на смѣну назначена та румынская дивизія, которая конвоируетъ плѣнныхъ.

Когда будетъ окончено это хлопотливое дѣло—совсѣмъ невозможно сказать, ибо оно находится въ полной зависимости отъ состоянія погоды и дорогъ. Отсюда плѣнные уже всѣ отправлены: первою выступила партія (9.000 чел., при 2-хъ пашахъ, 25 штабъ-и 200 оберъ-офицерахъ) тѣхъ плѣнныхъ, которые были выдѣлены мною для румынской арміи. Затѣмъ ежедневно выступало по 3.000 чел. съ соотвѣтствующимъ числомъ офицеровъ и слѣдуетъ черезъ Бресляницу, Никополь, Турну, Пятру, Александрію и Фратешти на Бухарестъ, откуда плѣнные уже отправляются далѣе по желѣзной дорогѣ, по распоряженію генералъ-адъютанта Дрентельна. Но слѣдованіе плѣнныхъ по этому маршруту страшно замедляется морозомъ и снѣжными завалами на дорогахъ. Непривычные къ суровому климату и истощенные недостаточнымъ продовольствіемъ и усиленными трудами во время обложенія, турки заболѣваютъ, замерзаютъ и умираютъ массами по пути; а тѣ, которые здоровы, едва двигаются. Приходится давать имъ частые отдыхи и дневки противъ маршрута, вслѣдствіе чего задерживаются и позади идущія партіи. Но это мало спасаетъ несчастныхъ турокъ отъ гибели. Мы нашли возможность, несмотря на множество затрудненій, съ самаго начала кормить всю массу плѣнныхъ и призрѣть брошенныхъ на произволъ судьбы и найденныхъ нами въ Плевнѣ раненыхъ и больныхъ: но размѣстить ихъ всѣхъ не было никакой возможности. Пришлось оставить ихъ на бивакѣ. Между тѣмъ вдругъ наступили холода, выпалъ глубокій снѣгъ, и эти несчастные, и прежде дрожавшіе отъ холоду въ своихъ лохмотьяхъ, босые, начали умирать массами. Тѣ, которые съ наступленіемъ морозовъ еще не были отправлены, были кое-какъ помѣщены вмѣстѣ съ нашими солдатами въ землянкахъ гренадерскаго корпуса; но тѣ,

которыхъ морозъ захватилъ въ пути—сильно пострадали. Я безсиленъ противъ этого и могу лишь пожалѣть, что Османъ-паша не внялъ въ свое время моему предложенію капитулировать, которое я сдѣлалъ ему единственно въ видахъ человѣколюбія.

„Численность плѣнной Плевненской арміи оказалась не въ 40.000, какъ было опредѣлено первоначально, а въ 44.000 слишкомъ. Число орудій и знаменъ до сихъ поръ еще не приведено въ извѣстность окончательно, такъ какъ большая часть орудій была закопана, а знамена или спрятаны, или сожжены. До сихъ поръ найдено 88 орудій, а знаменъ, кромѣ тѣхъ двухъ, о которыхъ Вашему Величеству уже извѣстно (одно, зеленое, взято рядовымъ астраханскаго гренадерскаго полка Ждановымъ съ бою; другое, красное, взято въ обозѣ адъютантомъ командира 4-го корпуса, Пинкорнелли),—найдено 2 зеленыхъ, 3 красныхъ и сверхъ того 2 значка. Знамена эти при семъ повергаются къ стопамъ Вашего Величества.

„Обращаюсь теперь къ *центральному отряду*, ядро котораго составляетъ 8-й корпусъ, 4-я стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе и первые три полка 24-й пѣхотной дивизіи. Всѣ эти войска уже сосредоточены на Шипкѣ и въ Габровѣ. Только елецкій полкъ съ двумя батареями (пѣшею и горною) попрежнему занимаетъ Хаинкіойскій перевалъ.

„Эти силы я признаю недостаточными для того, чтобы сбросить турокъ съ горныхъ позицій, занимаемыхъ ими вокругъ Шипки. Между тѣмъ необходимо сдѣлать это возможно скорѣе, такъ какъ положеніе войскъ, занимающихъ Шипку, крайне тяжелое. Морозъ, метели, снѣгъ выше колѣнъ; рѣзкіе вѣтры, препятствующіе разводить костры, чтобы обогрѣться; однимъ словомъ, трудно представить себѣ все то, что̀ уже вынесъ и продолжаетъ выносить Шипкинскій отрядъ. Достаточно вспомнить, что еще въ началѣ сентября мѣстные жители считали невозможнымъ, чтобы наши войска могли остаться на Шипкѣ даже осенью. Между тѣмъ не только прошла осень, но и наступила зима, а генералъ-лейтенантъ Радецкій попрежнему стоитъ на своемъ посту, столь прославленномъ предыдущею геройскою обороною. Но эта стойкость и обходится намъ очень дорого: уменьшенія болѣзненности нельзя достичь никакими мѣрами. Особенно велика убыль въ полкахъ 24-й пѣхотной дивизіи, гдѣ болѣе $^1/_3$ всего состава людей постоянно находится въ лазаретахъ. Только спускъ на южную сторону Балканъ можетъ пріостановить дальнѣйшее таяніе отряда.

„Я сдѣлалъ все, что̀ могъ для *подготовки* перехода въ на-

ступленіе. Но при всемъ моемъ желаніи его ускорить, не могу даже приблизительно сказать, когда онъ состоится. Все зависитъ отъ погоды и состоянія дорогъ. Генералъ-лейтенантъ Радецкій рѣшительно заявляетъ, что теперь всѣ пути черезъ Балканы такъ завалены снѣгомъ, что движеніе по нимъ немыслимо. Одно, что̀ при этихъ обстоятельствахъ я могу сдѣлать, это сосредоточить войска такимъ образомъ, чтобы можно было двинуться впередъ немедленно, какъ только состояніе дорогъ позволитъ. Съ этою цѣлью я уже двинулъ въ Сельви особый, нарочно для этого сформированный мною отрядъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2, состоящій изъ 16-й пѣхотной дивизіи, 3-й стрѣлковой бригады, 4-го сапернаго баталіона и донского № 9 полка: всего 17 баталіоновъ, 6 сотенъ и 48 орудій (при этомъ одна 4-хъ фунт. батарея 16-й артилл. бригады замѣнена скорострѣльною батареею). Отрядъ этотъ выступилъ изъ-подъ Плевны 9 и 10 декабря и долженъ прибыть въ Сельви 13 и 14 декабря. Тамъ онъ будетъ ожидать моихъ приказаній насчетъ дальнѣйшаго движенія, уже за Балканы.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, для того, чтобы по возможности сократить число войскъ восточнаго отряда, охраняющихъ нашу коммуникаціонную линію, и увеличить число войскъ, которое я хочу двинуть за Балканы, я приказалъ обратить Тырновъ въ обширный укрѣпленный лагерь, для защиты котораго можно было бы обойтись двумя пѣхотными дивизіями. Этотъ самъ по себѣ весьма важный пунктъ имѣетъ теперь еще особое значеніе, какъ обширный складъ всякаго рода запасовъ, ибо тамъ, а также въ Габровѣ, Сельви и Ловчѣ собирается, по заблаговременному моему распоряженію, 20-дневный запасъ для 11-ти пѣхотныхъ и 4-хъ кавалерійскихъ дивизій. Прочное укрѣпленіе Тырнова дастъ мнѣ возможность обойтись меньшимъ числомъ войскъ для охраненія коммуникаціонной линіи. Но и помимо этого, я думаю, что если подтвердятся приходящія ко мнѣ съ разныхъ сторонъ извѣстія о томъ, что армія Сулеймана отступаетъ за Балканы, оставляя въ четыреугольникѣ крѣпостей лишь одни гарнизоны— то можно будетъ тронуть, вслѣдъ за непріятелемъ, большую часть восточнаго отряда, оставивъ лишь необходимое число войскъ для наблюденія за крѣпостями.

„Я бы и теперь уже сдѣлалъ это, въ виду полнаго согласія идущихъ со всевозможныхъ сторонъ показаній насчетъ того, что турки переносятъ свою оборону за Балканы и поставили себѣ теперь главною цѣлью—затруднить наше дебушированіе въ Румелію и прикрыть Адріанополь. Но, во-первыхъ, я ожидаю

еще, что скажетъ по этому поводу его императорское высочество начальникъ восточнаго отряда, мнѣніе котораго я запросилъ; а во-вторыхъ, морозъ и непроходимость дорогъ связываютъ мнѣ руки. Я принужденъ самъ попрежнему оставаться въ Боготѣ, такъ какъ не вижу цѣли куда-либо переѣзжать прежде, чѣмъ откроется возможность движенія впередъ черезъ горы, такъ какъ всякое мое передвиженіе обнаружитъ мои намѣренія. Общій резервъ пока тоже здѣсь. Гренадерскій корпусъ вокругъ Дольнаго Дубняка, а кавалерію (1-й драгунскій, 1-й и 9-й уланскіе и донской № 7 полкъ съ 7-ю конною батареею), въ видахъ облегченія довольствія лошадей, я приказалъ размѣстить по квартирамъ между Ловчею, Трояномъ и Турскимъ Изворомъ. Донской № 4 полкъ содержитъ пока летучую почту между главною квартирою и отрядами: генералъ-адъютанта Гурко и генералъ-маіора Арнольди.

„Въ общемъ, положеніе мое можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ: стратегическое положеніе, съ паденіемъ Плевны, даетъ мнѣ полный перевѣсъ въ силахъ надъ непріятелемъ, но наступившая въ то же время строгая и снѣжная зима съ мятелями отняла у меня всякую возможность этимъ воспользоваться. Теперь я нахожусь опять въ полной зависимости отъ стихійныхъ силъ, какъ это было уже въ промежутокъ времени между 12 апрѣля и началомъ іюня, но съ тою лишь разницею, что тогда неблагопріятныя вліянія природы только парализовали мои дѣйствія, а теперь они, сверхъ того, вредно вліяютъ на здоровье арміи. Къ этому нужно еще прибавить, что, кромѣ увеличенія болѣзненности, затрудненій въ подвозѣ и невозможности движенія черезъ горы безъ колоссальныхъ работъ (которыя уже производятся) по прокладкѣ путей, предстоитъ еще одно грозное затрудненіе: ранній ледоходъ на Дунаѣ, который сдѣлаетъ наши сообщенія съ Румыніей весьма хрупкими и ненадежными.

„Выводъ изъ настоящаго положенія тотъ, что мнѣ едва ли удастся помѣшать весьма вѣроятному сосредоточенію турецкихъ войскъ за Балканами и спуститься съ горъ прежде, чѣмъ они успѣютъ собраться и устроиться на южномъ ихъ склонѣ. Для непріятеля снѣжные завалы въ горныхъ проходахъ не имѣютъ такого значенія, какъ для насъ, ибо онъ можетъ совершенно спокойно расчищать себѣ пути на Сливно и Котелъ, вполнѣ ему принадлежащіе. Мы же можемъ воспользоваться лишь обходными проселками и тропинками, такъ какъ главные выходы изъ Балканъ (Твардица, Хаинкіой, Шипка, Златица, Арабъ-Конакъ) вездѣ заперты непріятелемъ.

„Будемъ надѣяться, что съ помощью Божіей намъ удастся преодолѣть и всѣ эти затрудненія, какъ удалось уже, благодаря несравненному мужеству и терпѣнію славной арміи вашего величества, преодолѣть массу другихъ затрудненій.

„Въ заключеніе представляю Вашему Величеству общій перечень военныхъ дѣйствій, съ 28 ноября по 10 декабря включительно.

1) *Въ восточномъ отрядѣ.* 29 ноября, въ 4 часа пополудни, турки начали переправляться большими силами черезъ р. Ломъ у дер. Красной и къ вечеру уже переправили болѣе 30 таборовъ, а 30 ноября утромъ атаковали нашъ 12-й корпусъ болѣе, чѣмъ 60-ю таборами. Общій ходъ боя, окончившагося блистательнымъ отраженіемъ турецкой атаки, а также наши потери въ этомъ бою уже извѣстны вашему величеству. Подробную реляцію я представлю немедленно по полученіи отъ его императорскаго высочества начальника восточнаго отряда.

„Послѣ этого на всемъ восточномъ фронтѣ нашемъ наступило полное затишье и, кромѣ ничтожныхъ и непродолжительныхъ аванпостныхъ перестрѣлокъ, никакихъ дѣйствій не было. Разъѣздами обнаружено, что турки оставили свои передовыя позиціи на среднемъ теченіи Лома, смѣнили свои войска, во многихъ пунктахъ, вооруженными жителями и—по показаніямъ болгаръ—стягиваются къ Балканамъ. То же самое замѣчено и передовыми отрядами 11-го корпуса. Первымъ признакомъ было поспѣшное очищеніе турками Елены 2-го декабря, причемъ они даже бросили запасы галетъ и оставили телеграфную линію между Еленою и Бебровымъ. Передовыя войска наши немедленно двинулись вслѣдъ за непріятелемъ и, занявъ 3 декабря позиціи впереди Елены и Златарицы, выдвинули авангарды къ Беброву, Буйновцу и Бѣщи-Малѣ. Пожаръ въ Еленѣ, которая была зажжена непріятелемъ, войска наши успѣли потушить: сгорѣло только 40 домовъ. Но зато Беброво найдено совершенно разореннымъ: турки буквально не оставили камня на камнѣ въ этомъ несчастномъ мѣстечкѣ. Преслѣдованіе турокъ продолжалось только до Ахмедли, которое и понынѣ занято непріятельскимъ отрядомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Командующій 11-мъ корпусомъ приказалъ ограничиться однимъ лишь наблюденіемъ за этимъ отрядомъ, такъ какъ выбивать его оттуда безцѣльно. Во время преслѣдованія мы потеряли 12 чел., въ томъ числѣ тяжело раненъ нарвскаго гусарскаго полка поручикъ Апушкинъ.

„Такимъ образомъ, несчастное Еленинское дѣло 22-го ноября не имѣло никакихъ послѣдствій. Туркамъ, впрочемъ, трудно было бы развить пріобрѣтенный ими частный успѣхъ, такъ какъ немедленно по полученіи извѣстія о дѣлѣ 22-го ноября, были сдѣланы всѣ распоряженія для того, чтобы преградить имъ дальнѣйшій путь на Тырновъ. И дѣйствительно, благодаря обдуманному расположенію войскъ, черезъ два дня послѣ дѣла, у Яковцевъ и Златарицы было уже сосредоточено 31 баталіонъ и 12 эскадроновъ: два полка 9-й пѣхотной дивизіи, три полка 11-й пѣхотной дивизіи, вся 26-я пѣхотная дивизія, 4-я стрѣлковая бригада, 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи и драгунскій военнаго ордена полкъ. Кромѣ того, вся 1-я пѣхотная дивизія была собрана въ Чаиркіоѣ и Копривицѣ, въ полной готовности: или идти къ Тырнову, или ударить черезъ Кесарево во флангъ туркамъ, еслибы они вздумали продолжать наступленіе.

„Тѣмъ не менѣе, Еленинское дѣло составляетъ весьма прискорбный эпизодъ. Не говоря уже о понесенныхъ нами большихъ потеряхъ и о потерѣ 11-ти орудій, дѣло это раздуто Сулейманомъ-пашей въ большое сраженіе и не могло не поднять духъ невѣжественной и фанатической мусульманской массы, вліяніе которой въ Константинополѣ такъ чувствительно отражается на настроеніи султана и его правительства. Я еще не могу разъяснить вашему величеству причины, по которымъ дѣло 22-го ноября выпало столь несчастливо для насъ, ибо не имѣю подробной реляціи. Для всесторонняго разъясненія дѣла я приказалъ, чтобы, независимо отъ общей реляціи, мнѣ были представлены подробныя донесенія о дѣйствіяхъ каждой отдѣльной части прямо отъ командировъ этихъ частей. Всѣ эти донесенія я представлю Вашему Величеству съ моимъ заключеніемъ.

„2) *Въ центральномъ отрядѣ*, на Шипкѣ, была 3-го и 4-го декабря ружейная и артиллерійская перестрѣлка, во время которой у насъ ранено 20 нижнихъ чиновъ. Послѣ 4-го декабря на Шипкѣ было все тихо.

„3) *Въ Западномъ отрядѣ*, съ 28-го ноября по 10-е декабря, произошло лишь одно столкновеніе съ непріятелемъ, а именно: 30-го ноября турки, получивъ въ Златицѣ подкрѣпленія, атаковали отрядъ свиты вашего величества генералъ-маіора Брока, занимавшій позиціи у дер. Челопецъ и Клиссакіой, на дорогахъ въ Златицу изъ Софіи и Этрополя. Бой продолжался съ утра до сумерекъ и вечеромъ турки утвердились на высотахъ, командующихъ вышеупомянутыми нашими позиціями, вслѣдствіе чего генералъ Брокъ приказалъ ихъ очистить. Дальнѣйшихъ подроб-

ностей объ этой стычкѣ еще нѣтъ и послѣ этого никакихъ новыхъ столкновеній съ турками не было.

„3-го декабря турецкій отрядъ, занимавшій Берковацъ, послѣ слабыхъ попытокъ пройти къ Кутловацу, повторенныхъ три раза (30-го ноября, 1-го и 2-го декабря) и отраженныхъ одними харьковскими уланами,—совсѣмъ очистилъ Берковацъ, оставивъ тамъ одно орудіе. Этотъ важный пунктъ занятъ нынѣ харьковскимъ уланскимъ полкомъ съ 4 орудіями, а передовые отряды наши проникли уже въ Клиссуру и заняли брошенное турецкое укрѣпленіе впереди нея.

„Сопоставляя время очищенія Берковаца съ паденіемъ Плевны, можно безошибочно заключить, что въ виду послѣдняго событія турки окончательно отказались отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій въ Западной Болгаріи, тѣмъ болѣе, что сербы уже открыли военныя дѣйствія. Какъ они разовьются дальше—сказать трудно; но по крайней мѣрѣ начало, о которомъ я уже телеграфировалъ Вашему Величеству, было весьма удачное.—Николай.—Боготъ, 13-го декабря 1877 года".

14 декабря.—Ночью Великій Князь получилъ слѣдующую телеграмму Гурко изъ Орханіи отъ 9 часовъ вчерашняго утра:

„Сейчасъ выступаю за Балканы тремя колоннами: одною на гору Умургачъ и Жиляву; другою на Чурьякъ, Потопъ, Елешницу; третьей изъ Этрополя на Бабу-гору и Буново. Надѣюсь утромъ 14-го декабря быть въ долинѣ Софіи и въ Мирковѣ. Да поможетъ намъ Богъ".

Великій Князь, какъ только всталъ, сейчасъ же прошелъ самъ къ Непокойчицкому и потребовалъ туда же и меня. До самаго обѣда я просидѣлъ тамъ, составляя и шифруя депеши. При этомъ случаѣ узналъ секретъ, который давно чувствовалъ по разнымъ намекамъ и недомолвкамъ въ нѣкоторыхъ прежнихъ депешахъ Государю и Наслѣднику, но только не зналъ, въ чемъ секретъ заключается. Теперь все выяснилось, но мнѣ приказано молчать, ибо никто въ главной квартирѣ, кромѣ Великаго Князя и Непокойчицкаго, объ этомъ и не подозрѣваетъ. Оказывается, что между Государемъ и Великимъ Княземъ, передъ отъѣздомъ Его Величества въ Петербургъ, условлено: если Гурко удастся перевалить черезъ Балканы, то Цесаревичъ сдаетъ начальство надъ восточнымъ отрядомъ Тотлебену и ѣдетъ принимать начальство надъ западнымъ отрядомъ, а Гурко дѣлается его начальникомъ штаба. Великій Князь Владиміръ Александровичъ сдаетъ 12-й корпусъ его настоящему командиру Ванновскому, ѣдетъ вмѣстѣ съ Цесаревичемъ въ западный отрядъ и вступаетъ

въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ. Князь Имеретинскій дѣлается начальникомъ штаба восточнаго отряда Тотлебена. Вотъ, слѣдовательно, истинная причина, почему оба они сидятъ въ штабѣ Цесаревича безъ всякаго дѣла.

Гурко объ этомъ ничего не знаетъ. Едва ли эта комбинація будетъ пріятнымъ для него сюрпризомъ. Хотя и лестно быть начальникомъ штаба у своего будущаго Государя, но обратиться въ подначальное лицо изъ полководца, да еще немедленно по совершеніи блистательнаго, труднаго подвига—едва ли можетъ кому-нибудь доставить удовольствіе, особенно такому самостоятельному и самолюбивому человѣку, какъ Гурко: онъ будетъ кровно обиженъ. Онъ даже и не годится въ начальники штаба и не выдержитъ этого положенія: характеръ слишкомъ независимый, крутой и строптивый.

Въ случаѣ—чего Боже сохрани—переходъ черезъ Балканы не удастся, Наслѣдникъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ возвратятся въ Петербургъ, такъ что начальство надъ восточнымъ отрядомъ во всякомъ случаѣ перейдетъ къ Тотлебену.

Вотъ тѣ депеши, которыя составлены и отправлены сегодня вслѣдствіе полученія телеграммы Гурко. Подчеркнутыя слова—зашифрованы.

1) Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу [1]).

„*Отъѣздъ твой и* Владиміра *въ Питеръ* теперь *немыслимъ. Гвардія* двинулась *вчера впередъ*. Если Богъ благословитъ, *она сегодня* будетъ *за Балканами*. Поэтому прошу тебя еще *выждать на мѣстѣ* моего *увѣдомленія о результатахъ ея движенія*. Если будетъ *удача*, то увѣдомлю и тогда *твой пріѣздъ къ ней* будетъ *полезенъ и поручу* въ такомъ случаѣ *твоей командѣ*, имѣя *Гурко начальникомъ штаба*, всѣ войска *западнаго отряда*. Объ этомъ *условился я съ папа* до его *отъѣзда*, о чемъ, какъ я вижу, *онъ съ тобою говорилъ*. Обо всемъ этомъ сообщаю только лично для тебя и прошу никому объ этомъ не говорить, и равно *не давай знать объ этомъ и папа*". Николай.

2) Шипка. Генералу Радецкому.

„*Гурко двинулся* вчера *тремя колоннами на перевалы черезъ Балканы* и полагалъ быть сегодня *въ долинѣ Софіи. Готовьтесь*: Великій Князь скажетъ вамъ, *когда тронуться*. Наши вошли въ связь съ сербами". Непокойчицкій.

3) Тырновъ. Генералу Деллингсгаузену [2]).

---

[1]) Эту телеграмму Великій Князь составилъ самъ и приказалъ мнѣ только зашифровать.

[2]) Текстъ этой шифрованной депеши у меня не сохранился; записано только ея содержаніе.

Сообщено то же самое, съ прибавленіемъ, что если наступленіе Гурко будетъ удачно, то около 20-го декабря перейдетъ въ наступленіе и Радецкій; а для отвлеченія силъ и вниманія турокъ онъ, Деллингсгаузенъ, долженъ произвести демонстраціи на Ханнкіой, Твардицу, Ахмедли и по Османъ-Базарской дорогѣ. Для этого онъ можетъ располагать и 30-ю пѣхотною дивизіею, но преимущественно по Османъ-Базарской дорогѣ. Посему приготовиться и ожидать приказаній.

Получивъ сегодня же утромъ депешу Цесаревича о предположенныхъ имъ наступательныхъ дѣйствіяхъ (текста этой депеши у меня не сохранилось), Великій Князь отвѣчалъ ему:

4) Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу.

„Предположенное *движеніе*, какъ *общее наступленіе*, кажется мнѣ *преждевременнымъ*, и притомъ *колонна отъ Кацелева* на *Огарчинъ*, *Еникіой и Карахасанкіой* не будетъ ли слишкомъ *уединена*. Полагалъ бы пока *занять* только *сильными авангардами главнѣйшіе пункты по Лому и Кара-Лому*, *отъ нихъ выслать подвижныя колонны для рекогносцировки* и затѣмъ, на основаніи *добытыхъ свѣдѣній*, точно и опредѣленно поставить *цѣль для наступленія массою*. Повторяю, что *наступленіе съ праваго фланга 13-го корпуса* болѣе соотвѣтствуетъ *общему плану*. За этимъ *флангомъ* и нужно будетъ *держать главные резервы*. Сообразно съ этимъ и сдѣлай распоряженіе, о результатѣ котораго сообщи мнѣ“. Николай.

Сегодня же получены свѣдѣнія [1]) о расположеніи сербскихъ войскъ.

Несмотря на сомнительную достовѣрность свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ мало-авторитетнаго источника и переданныхъ столь юнымъ и неопытнымъ офицеромъ (корнетъ Галлъ произведенъ въ офицеры въ нынѣшнемъ году), Великій Князь донесъ все это телеграммою Государю и сообщилъ князю Карлу: послѣднему не только для свѣдѣнія, но и для распоряженій.

5) Bucarest. Prince Charles de Roumanie.

„Les Serbes sont devant Pirot et leurs avant-postes à Tchuprovo et vers Bélémir. Mes troupes sont déjà en communication avec eux. J'ai prié Cernat [2]) d'envoyer une de ses brigades de cavalerie avec une batterie vers Belgradtchick pour tenir les communications avec nous et les Serbes. Je te prie en même temps de faire tes dispositions pour cerner Widdin et

---

[1]) Отъ ординарца Великаго Князя, корнета Галла, вернувшагося изъ Бѣлемира.

[2]) Телеграмма эта послана Чернату, въ Ломъ-Паланку, Непокойчицкимъ.

Belgradtchick. Les Serbes sont de ce coté à Adlié, où j'ai donné ordre qu'ils restent". Nicolas.

Если удастся сбросить турокъ съ Шипки, то всѣ войска Радецкаго, сосредоточившись у Казанлыка, будутъ ожидать прибытія гренадерскаго корпуса и резервной кавалеріи для дальнѣйшаго наступленія по указанію главнокомандующаго.

Вечеръ провелъ у Великаго Князя, читалъ ему вслухъ иностранныя газеты.

15 декабря.—Сегодня получено отъ генералъ-адъютанта Аркаса изъ Севастополя радостное извѣстіе о взятіи и приводѣ вчера въ Севастополь флигель-адъютантомъ Барановымъ турецкаго парохода „Мерсина" съ цѣлымъ таборомъ анатолійскаго низама (1 штабъ-офицеръ, 10 оберъ-офицеровъ и 700 нижнихъ чиновъ); на пароходѣ, кромѣ того, найдена весьма важная переписка Мухтара-паши. Это извѣстіе немедленно было сообщено всѣмъ начальникамъ отрядовъ для объявленія по войскамъ.

Радецкій сообщилъ, что болѣзненность въ 24-й пѣхотной дивизіи увеличилась до чрезвычайности: въ красноярскомъ пѣхотномъ полку осталось налицо всего 397 нижнихъ чиновъ. Поэтому онъ принужденъ отправить всю дивизію на поправку въ Сельви. Для защиты шипкинской позиціи остается только 14-я пѣхотная дивизія и брянскій пѣхотный полкъ. 16-я пѣхотная дивизія подходитъ сегодня изъ Сельви къ Габрову. Поповъ (адъютантъ Великаго Князя, капитанъ л.-гв. сапернаго баталіона), посланный укрѣплять Тырновъ, телеграфировалъ сегодня, что шереметская позиція выбрана окончательно и укрѣпленія намѣчены Байковымъ (подполковникъ генеральнаго штаба). По окончаніи укрѣпленій Тырновъ будетъ недоступенъ со стороны Османъ-Базара. Работа идетъ крайне вяло по винѣ болгаръ. Посему, въ виду возведенія редута на 16 орудій, необходимо прислать для работъ баталіонъ саперъ и полкъ пѣхоты.

Вечеромъ узналъ о полученіи слѣдующей телеграммы Государя отъ 14-го декабря 2 ч. 20 м. дня: „Весьма радъ, что девятый корпусъ прибылъ по назначенію. Надѣюсь, что морозы не помѣшаютъ дальнѣйшему движенію. Только-что воротился со смотра передъ Александровскою колонною: всѣ войска представились въ отличномъ видѣ и въ особенности кирасиры. Погода весьма пріятная, термометръ на замерзаніи и снѣгу очень мало".

Всѣ эти дни по вечерамъ сижу подолгу у Великаго Князя: составляю и шифрую телеграммы, ужинаю, пью чай, читаю ему вслухъ реляціи и иностранныя газеты. Третьяго дня произвелъ

большой фуроръ, прочитавъ ему à livre ouvert, прямо въ русскомъ переводѣ, безъ запинокъ и шероховатостей, передовую статью вѣнской газеты „Die Presse". У Великаго Князя стоитъ на столѣ круглая коробка съ шеколадными конфектами, которыми онъ меня всегда угощаетъ послѣ чтенія. Артамонову (штабъ-офицеру надъ вожатыми) онъ даетъ по конфектѣ за каждое пріятное извѣстіе.

16 декабря, пятница. — Вернувшись вчера отъ Великаго Князя въ свою кибитку, я проработалъ до половины второго ночи. Только что легъ спать, какъ за мной пришелъ камердинеръ Великаго Князя. Поспѣшилъ къ нему. Онъ только-что получилъ огромную шифрованную депешу изъ Вѣны отъ нашего военнаго агента Фельдмана. Я просидѣлъ у Великаго Князя за дешифровкою до 5½ часовъ утра. Когда дѣло стало подходить къ концу, Великій Князь послалъ за Непокойчицкимъ и Левицкимъ и велѣлъ мнѣ прочесть разобранную депешу вслухъ. Послѣ этого Непокойчицкій увелъ меня къ себѣ—составлять и шифровать извлеченія изъ этой депеши для Цесаревича и Радецкаго. За этою работою я просидѣлъ до 7 ч. утра, затѣмъ проспалъ полураздѣтымъ часа три и опять засѣлъ за работу на цѣлый день.

Подлинная депеша Фельдмана у меня не сохранилась: привожу лишь текстъ того извлеченія изъ нея, которое было сообщено телеграммами Цесаревичу и Радецкому (зашифрованы были только подчеркнутыя слова):

„Турки рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы *облегчить* сколь возможно *условія* будущаго *мира* и *преградить* намъ *путь къ Царьграду*. Для этого *укрѣпляются* три *позиціи*: между *Софіею и Филиппополемъ*, въ *Адріанополѣ* и передъ *Царьградомъ*. Въ *Адріанополѣ* организуютъ *резервную армію*, преимущественно изъ *рекрутъ*. *Кадрами* ея служатъ: *войска*, привозимыя изъ *Варны моремъ* черезъ *Царьградъ*, которыхъ отправлено уже въ *Адріанополь восемь тысячъ*, и войска, собираемыя изъ разныхъ мѣстъ *Эпира и Өессаліи*. Всего собрано пока въ *Адріанополѣ тридцать* таборовъ. Общую численность тамошней арміи хотятъ довести до *ста пятидесяти* тысячъ. Организуетъ ее и руководитъ инженерными работами *Сулейманъ*. Чтобы дать ему время окончить это дѣло, всѣмъ прочимъ приказано *задерживать насъ* возможно *долѣе*. *Шипку* будто бы хотятъ *оставить*, *бросивъ* въ случаѣ крайности даже *артиллерію*. *Софію* также. Въ *Шумлѣ* и *Рущукѣ* войскъ *мало*, въ *провіантѣ* и *боевыхъ запасахъ* вездѣ *недостатокъ*".

„*Циммерману* приказано послать *сильный отрядъ* для рекогносцировки и по возможности для *разрушенія желѣзной дороги Рущукъ-Варна*".

Отъ Гурко извѣстій нѣтъ.

Сегодня вдругъ стала оттепель, а послѣ 6 часовъ вечера поднялся сильный вѣтеръ.

17 декабря, суббота. — Циммерманъ (к-ръ 14-го корпуса) отвѣтилъ на посланную ему вчера телеграмму, шифромъ, что „вчера 16-го декабря посланъ мною значительный кавалерійскій отрядъ къ Базарджику. По всѣмъ прежнимъ извѣстіямъ, Базарджикъ сильно укрѣпленъ и занятъ 15.000, о чемъ я доносилъ, одной кавалеріи, поддержанной 4-мя полками пѣхоты. Очень трудно и рискованно двинуться по рущукской дорогѣ Варна-Шумла, оставивъ у себя въ тылу Базарджикъ. Отъ насъ до линіи варненской желѣзной дороги около 140 верстъ, лѣсистая мѣстность, за Базарджикомъ крайне пересѣченная. Сулейманъ прибылъ въ Константинополь еще 8-го декабря. По свѣдѣніямъ, турки рѣшили: держаться въ оборонительномъ положеніи на линіи Рущукъ-Варна-Силистрія и въ Базарджикѣ, а излишекъ своихъ войскъ, отъ 10 до 20 тысячъ, отправить къ Адріанополю. Движеніе этихъ войскъ, кажется, уже оканчивается. Согласно вашего приказанія буду приготовлять отрядъ и ожидать прибытія нарочнаго, о которомъ изволите упоминать".

Что̀ именно телеграфировалъ Великій Князь Циммерману и о какомъ нарочномъ идетъ рѣчь—я не знаю.

Сегодня получена телеграмма Гурко: послѣ неимовѣрно-труднаго похода черезъ снѣжныя горы по обледенѣлымъ тропинкамъ, при жестокомъ морозѣ и вьюгѣ, таща на своихъ плечахъ 9-ти фунтовыя орудія, пролагая новыя дороги, авангардъ западнаго отряда овладѣлъ выходами изъ Балканъ между Арабъ-Конакомъ и Софіей, а кавалерія стала уже на Софійскомъ шоссе. Благодаря тому, что непріятель былъ захваченъ врасплохъ, мы потеряли при дебушированіи изъ горъ только 5 человѣкъ ранеными: 2-хъ въ преображенскомъ полку и 3-хъ въ кавказской казачьей бригадѣ. Насколько труденъ переходъ черезъ Балканы въ настоящее время, видно изъ того, что отъ Врачеша до Негошева, Елешницы и Жилявы пришлось идти почти три дня.

Это радостное извѣстіе было немедленно сообщено Государю и циркулярно.

Сегодня же получена телеграмма изъ Николаева отъ генералъ-адъютанта Аркаса: „въ ночь на 16-е декабря минные катера,

посланные съ парохода „Константинъ", атаковали на батумскомъ рейдѣ трехмачтовый турецкій броненосецъ. Пущенная съ катера „Чесма" самодвижущаяся мина Уайтхеда, ударивши въ середину судна, взорвалась подъ трубой; другая, пущенная съ катера „Синопъ", взорвалась противъ гротмачты. Поднявшаяся тревога, стрѣльба и высланная погоня заставили катера отступить и скрыться въ Поти и къ Сухуму. Затѣмъ „Константинъ", забравъ свои катера, отправился въ Севастополь. Послѣдствія произведеннаго взрыва неизвѣстны. Убитыхъ и раненыхъ нѣтъ".

Почти одновременно получена слѣдующая телеграмма Государя отъ 9 ч. вечера 16-го декабря:

„Новый молодецкій подвигъ нашихъ моряковъ меня очень порадовалъ. Надѣюсь, что погода у васъ наконецъ поправится и что можно будетъ продолжать наступательныя дѣйствія. Я немного простудился и чувствую лихорадку".

Съ Шипки Радецкій телеграфировалъ сегодня въ 6½ ч. вечера: „со вчерашняго вечера здѣсь сильная мятель при морозѣ 15 градусовъ. Войска смѣняются сколь возможно чаще.

18 декабря, воскресенье.—Получена отвѣтная телеграмма Государя отъ 11 ч. 20 м. сегодняшняго утра: „Радуемся овладѣнію выходомъ въ Софійскую долину. Кажется, можно надѣяться, что Арабъ-Конакъ будетъ брошенъ и войска будутъ менѣе страдать отъ холода въ долинѣ. Я все еще не совсѣмъ отдѣлался отъ лихорадки".

Поглощенъ составленіемъ отчета Государю. Великій Князь предполагалъ завтра выѣхать въ Ловчу и оттуда на Шипку, но сегодня вечеромъ это отмѣнено, вслѣдствіе полученія телеграммы Радецкаго, что раньше 24-го онъ никакъ не можетъ начать наступленіе. Теперь предположено выждать 24-го. Я доволенъ. Какъ ни скверно здѣсь, но по крайней мѣрѣ всѣ дѣла идутъ безъ задержки. Стоитъ только намъ тронуться, весь механизмъ управленія надолго расклеится, ибо разъ начнется кочевка,—не скоро кончится. Необходимо выждать хоть до тѣхъ поръ, пока не окончится переходъ Гурко за Балканы. Надо надѣяться, что, несмотря на колоссальныя трудности, это смѣлое предпріятіе завершится удачно.

Вернулся изъ Петербурга адъютантъ Великаго Князя Орловъ. Говоритъ, что переѣздъ по Болгаріи и Румыніи—нѣчто ужасное. На обыкновенныхъ дорогахъ невылазная грязь, невообразимая неурядица, отсутствіе лошадей и ямщиковъ. На станціяхъ приходится ждать иногда по нѣскольку сутокъ; 15—20-верстный

перегонъ надо ѣхать цѣлый день, а иногда приходится и заночевать въ полѣ. На желѣзныхъ дорогахъ безпрестанныя задержки, остановки, сходъ съ рельсовъ, пропажа вещей. Такъ, напримѣръ, тотъ багажный вагонъ, въ которомъ ѣхали вещи Орлова, былъ неизвѣстно почему отцѣпленъ въ Яссахъ (какъ оказалось впослѣдствіи), и если найденъ впослѣдствіи, то только благодаря тому, что въ этомъ же вагонѣ были вещи инженера путей сообщенія Струве.

Предстоящее намъ путешествіе будетъ тоже не безъ приключеній, по теперешнему времени года. Съ обозомъ почти навѣрняка не увидимся, если пойдемъ безостановочно впередъ.

Слава Богу, что кончится житье въ кибиткѣ и будемъ ночевать въ домахъ. Надоѣла кибитка. Теперь чуть не черезъ день если не буря, то сильный вѣтеръ: вслѣдствіе этого въ кибиткѣ почти такъ же холодно, какъ и на воздухѣ. Импровизированную печку (вѣрнѣе—углубленіе въ землѣ) топимъ почти безпрерывно и все-таки въ кибиткѣ морозъ: днемъ отъ 1—2^0, а ночью и подъ утро до—4^0. Кромѣ того, за невозможностью открыть тюндюкъ (верхнее отверстіе) приходится цѣлый день работать при свѣчахъ. Выйдешь на воздухъ—глаза слѣпитъ отъ постояннаго сидѣнья въ полупотьмахъ.

Если переходъ Гурко и Радецкаго черезъ Балканы удастся, то, вѣроятно, будемъ встрѣчать новый годъ или на Балканахъ, или за Балканами. Если турки не запросятъ мира—пойдемъ на Адріанополь. Такъ какъ онъ сильно укрѣпленъ, то Великій Князь полагаетъ тамъ не задерживаться, а оставить передъ нимъ наблюдательный отрядъ и идти прямо на Демотику. Это предположеніе содержится въ большой тайнѣ.

Но какъ мы будемъ продовольствовать армію и снабжать ее боевыми припасами, когда очутимся за Балканами; какъ устроимъ тамъ санитарную часть—это вопросъ, о которомъ никто не задумывается. Великъ Богъ земли русской—вывезетъ!

Дай Богъ поскорѣе окончить войну. Политическія обстоятельства сложились столь благопріятно для насъ, что такая обстановка едва ли повторится. Случай доканать Турцію—единственный. Но я сильно сомнѣваюсь въ умѣньи использовать его до конца и порѣшить Восточный вопросъ окончательно. Если удастся добиться образованія изъ Болгаріи вассальнаго государства, усиленія Сербіи и Черногоріи и нѣкотораго территоріальнаго приращенія для насъ—то и слава Богу. Полное уничтоженіе Парижскаго трактата—само собой. Бо̀льшаго результата мы не сможемъ добиться. Легко стереть Турцію съ карты Европы,

сидя въ дипломатическомъ и редакціонномъ кабинетѣ, а на дѣлѣ—мудрено.

У насъ здѣсь новая забава: телефонъ. Онъ попалъ сюда случайно. Нѣкто генералъ-маіоръ Адамовичъ выписалъ себѣ ящикъ вина. Привезли ящикъ. Раскупорилъ, видитъ какія-то трубки, похожія на стетоскопы, и отсылаетъ ящикъ къ военно-медицинскому инспектору. Въ то время, когда онъ съ недоумѣніемъ разсматривалъ странную посылку, къ нему случайно зашелъ начальникъ полевого телеграфа Г. М. Шталь, опозналъ въ загадочной посылкѣ телефонный аппаратъ и забралъ его къ себѣ. Тотчасъ же телефонъ былъ установленъ между походною телеграфною станціею и кибиткою Великаго Князя, на разстояніи около версты. Два дня забавлялись переговорами по телефону съ телеграфною станціей, а затѣмъ рѣшили попробовать соединиться съ Порадимомъ. Опять удалось: за 15 верстъ можно переговариваться и узнавать голосъ говорящаго. Но надо говорить очень выразительно и раздѣльно, иначе ничего не разберешь. Весь инструментъ простъ, легокъ, укладистъ и почти никакихъ приспособленій не требуетъ: можно пользоваться обыкновенною телеграфною проволокою. Шталь говоритъ, что можно переговариваться на разстояніи до 60-ти верстъ. Но нельзя сомнѣваться въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи этого интереснѣйшаго изобрѣтенія, которому, конечно, предстоитъ великая будущность.

19 декабря.—Сегодня получены и донесены Государю по телеграфу слѣдующія извѣстія:

1) „16-го декабря сербы заняли Пиротъ. Подробности этого молодецкаго дѣла слѣдующія. По занятіи Бабиной-Главы и взятіи съ боя прохода св. Николая, былъ двинутъ сильный развѣдочный отрядъ къ укрѣпленному лагерю Будиндолъ, прикрывающему Пиротъ съ сѣвера. Лагерь этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ укрѣпленій, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Нишавы между деревнями Станечна, Нишоръ и Сопотъ. Такъ какъ лагерь оказался сильно занятымъ и почти неприступнымъ съ фронта, то рѣшено было сперва атаковать Акъ-Паланку, а потомъ уже Пиротъ. 12-го началось наступленіе: правая колонна атаковала и взяла Акъ-Паланку, а лѣвая производила въ этотъ день канонаду и демонстративныя атаки противъ Будиндола, для отвлеченія вниманія непріятеля. Общій резервъ оставался на Бабиной-Главѣ. 14-го декабря правая колонна, усиленная частью резерва, двинулась отъ Акъ-Паланки къ Пироту. 15-го въ 8 часовъ утра

она атаковала лѣвый флангъ турецкой позиціи и въ 4 часа пополудни овладѣла Блатой и Бѣлявой, гдѣ и переночевала. Лѣвая колонна, съ первымъ выстрѣломъ правой колонны, двинулась въ атаку съ фронта, взяла Станечну и вошла съ правою колонною въ связь. 16-го декабря, съ разсвѣтомъ, бой возобновился по всей линіи. Правая колонна въ 11 часовъ утра уже вступила въ Пиротъ, встрѣченная жителями съ духовенствомъ во главѣ. Лѣвая же колонна сломила упорное сопротивленіе турокъ лишь тогда, когда они узнали, что у нихъ въ тылу занятъ Пиротъ. Потери: болѣе 50-ти убитыхъ и около 150-ти раненыхъ. Турки, которыхъ было 6 таборовъ, понесли большія потери: вся позиція усѣяна ихъ трупами. Сербы взяли 23 орудія, въ томъ числѣ 4 крупповскихъ".

2) „Генералъ Криденеръ доноситъ отъ 18-го декабря, что 17-го турки очистили Лютиково, которое и занято нашими войсками. Противъ турецкихъ позицій Арабъ-Конакъ и Шандорникъ наши войска занимаютъ: съ сѣвера перевалъ Баба-Конакъ; съ юго-востока Бабу-гору и обходятъ правый флангъ турокъ; съ юго-запада занимаютъ пространство между Даушкіой, Елешницей и Софійскимъ шоссе. Погода перемѣнно отвратительная: морозъ, мятель, глубокіе снѣга. Люди молодцами".

3) „Получилъ еще донесеніе отъ Гурко изъ Чурьяка отъ часу дня 17-го декабря, что турки стоятъ на своихъ позиціяхъ и что сообщенія ихъ съ Софіей совершенно прерваны. Это донесеніе болѣе старое, чѣмъ донесеніе Криденера, которое я уже тебѣ сообщилъ. Цесаревичъ телеграфировалъ сегодня, что у него 18-го декабря все было тихо, только въ центрѣ была безвредная перестрѣлка разъѣздовъ. Снѣга такъ много, что лошади едва двигаются. Ледоходъ продолжается; вчера около полудня даже пароходъ у Батина долженъ былъ прекратить рейсы. Вода спадаетъ. Надо ожидать, что ледъ на Дунаѣ скоро станетъ".

17-го декабря до 5-ти часовъ вечера была перестрѣлка между Журжевымъ и Рущукомъ".

20 декабря.—Вчера я прочелъ Великому Князю, а ночью и сегодня утромъ переписалъ и представилъ къ подписи слѣдующее донесеніе Государю [1]), изъ Богота.

„Настоящее мое донесеніе начну съ того, что̀ сосредоточиваетъ на себѣ теперь мое почти исключительное вниманіе: съ дѣйствій западнаго отряда генералъ-адъютанта Гурко.

---

[1]) Отправлено сегодня же съ фельдъегеремъ капитаномъ Фельшемъ.

„Авангарды этого отряда перешли 16-го декабря Балканы. Подробности этого молодецкаго марша мнѣ еще неизвѣстны, но я могу представить вашему величеству довольно полный очеркъ всѣхъ подготовительныхъ распоряженій, сдѣланныхъ генералъ-адъютантомъ Гурко.

10-го декабря онъ раздѣлилъ ввѣренныя ему войска на шесть отрядовъ. Эти шесть отрядовъ сформированы вновь. Кромѣ нихъ еще три прежнихъ. Всего 78½ баталіоновъ, 47 эскадроновъ и сотенъ, 160 орудій.

Въ первыхъ четырехъ отрядахъ было приказано взять только по одному зарядному ящику на орудіе, выбравъ для сего самыхъ лучшихъ лошадей. Людямъ приказано выдать сухарный запасъ по разсчету 1 фунтъ на человѣка въ день, на время съ 13—18 декабря включительно, и водки по три чарки на каждаго. Мясную порцію увеличить; порціонному скоту слѣдовать за войсками. Всѣ обозы и парки, какъ артиллерійскіе, такъ и интендантскіе, были собраны къ вечеру 12-го декабря къ д. Правецъ подъ начальствомъ командира л.-гв. жандармскаго эскадрона полковника Шевича. Всѣ батареи, не вошедшія въ составъ отрядовъ, къ тому же времени собраны у д. Лажени и построены по-батарейно въ нѣсколько линій такимъ образомъ, чтобы всякая батарея, въ какой бы она линіи ни стояла, могла по первому требованію выѣхать безъ всякой помѣхи. Начальство надъ этимъ артиллерійскимъ резервомъ ввѣрено одному изъ батарейныхъ командировъ.

Дороги для движенія войскъ были разработаны, насколько возможно, заблаговременно и для охраненія дорогъ разставлены въ разныхъ мѣстахъ команды саперъ подъ начальствомъ офицеровъ.

13-го декабря генералъ-адъютантъ Гурко началъ свое трудное движеніе въ обходъ турецкой позиціи у Арабъ-Конака. Цѣль движенія—выйти въ Софійскую долину и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать турецкимъ войскамъ, расположеннымъ у Арабъ-Конака, путь отступленія на Софію. Подробности движенія лучше всего видны изъ прилагаемой при семъ диспозиціи, отданной генералъ-адъютантомъ Гурко на 13 декабря.

16-го декабря утромъ головы колоннъ, очевидно, уже овладѣли южными выходами изъ Балканъ, ибо въ 6 часовъ пополудни 16-го декабря генералъ-адъютантъ Гурко отправилъ мнѣ изъ д. Чурьякъ (до Осикова съ вѣстовымъ, а оттуда по телеграфу) слѣдующее донесеніе:

„Выходъ въ долину Софіи открытъ. Я занимаю теперь Нѣгошево, Елешницу и Жиляву. Моя главная квартира въ Чурьякѣ.

Три баталіона стоятъ надъ Даушкіоемъ. Кавказская казачья бригада и астраханскій драгунскій полкъ занимаютъ шоссе между Стольникомъ и Бугаровымъ. Овладѣніе выходами въ долину сопровождалось небольшимъ дѣломъ, причемъ мы потеряли 5 чел. ранеными (2 л.-гв. преображенскаго полка, 3 кавказской бригады). Колонна Г. М. Дандевиля заняла Бабу-гору и выходитъ въ тылъ Шандорнику. Екатеринославскій драгунскій полкъ съ двумя сотнями казаковъ долженъ былъ занять Буново и Мирково. Генералъ Брокъ опять занялъ Челопецъ. Движеніе войскъ встрѣчаетъ невообразимыя трудности: подъемъ орудій на перевалы представляетъ гигантскую работу. Колонны соберутся не ранѣе 17-го декабря вечеромъ, такъ что окончательный выходъ въ долину послѣдуетъ не ранѣе 18-го декабря. Турки были захвачены врасплохъ. Кавказская бригада отбила два транспорта съ сѣномъ и боевыми припасами".

Это было первое полученною мною донесеніе, такъ какъ всѣ приготовленія свои къ походу генералъ-адъютантъ Гурко держалъ въ строжайшей тайнѣ.

Имѣя въ виду тѣ невѣроятныя трудности, съ которыми сопряженъ въ настоящее время переходъ черезъ горы, по заваленнымъ снѣгомъ и обледенѣлымъ дорогамъ, я сильно опасался, что предположенный переходъ черезъ Балканы будетъ, пожалуй, совсѣмъ невозможенъ. Но, слава Богу, начало сдѣлано: желѣзная воля и образцовая распорядительность генералъ-адъютанта Гурко и безпримѣрное мужество, терпѣніе и усердіе войскъ преодолѣли препятствія такъ же, какъ славные предки наши во времена Суворова. Разъ, что начало сдѣлано, я начинаю надѣяться, что и прочимъ войскамъ западнаго отряда удастся спуститься въ Софійскую долину и заставить турокъ очистить позиціи у Арабъ-Конака и Шандорника.

Въ виду этого я, немедленно по полученіи телеграммы Гурко 19-го декабря, сдѣлалъ всѣ распоряженія для перехода черезъ Балканы и на Шипкѣ. 3-й стрѣлковой бригадѣ, находящейся пока еще въ Ловчѣ, я приказалъ двинуться 18-го декабря въ распоряженіе генерала Радецкаго. Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й съ 16-ю пѣх. дивизіей находится въ настоящее время въ Габровѣ, но уже получилъ приказаніе придвинуться 18-го декабря къ Зеленому-Древу и Топлишу. Движеніе войскъ генерала Радецкаго я предполагаю начать, во всякомъ случаѣ, 24-го декабря. Въ общихъ чертахъ предположено совершить движеніе слѣдующимъ образомъ:

Правая колонна генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го пойдетъ отъ Зеленаго-Древа на Иметли.

Лѣвая колонна генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго пойдетъ отъ Травны на Крестецъ, Сельцо и Янину, выславъ прикрывающій боковой отрядъ къ Маглышу.

Обѣ колонны, достигнувъ Иметли и Янины, двинутся въ обходъ обоихъ фланговъ туровъ, на д. Шипку или на г. Казанлыкъ. Движеніе начнется не ранѣе 24-го декабря, если позволитъ погода. Но во всякомъ случаѣ войска могутъ взять съ собой только горную артиллерію.

Три полка 24-й пѣх. дивизіи отправлены пока на поправку въ г. Сельви, такъ какъ число больныхъ въ этой дивизіи, попавшей прямо въ неслыханно-тяжелыя условія шипкинской службы, не успѣвъ втянуться въ эти условія помаленьку, дошло до огромной цифры.

Для облегченія обхода шипкинской позиціи я приказалъ генералу барону Деллингсгаузену произвести, одновременно съ этимъ обходомъ, демонстраціи на Ахмедли, Твардицу и Хаинкіой, условившись съ Радецкимъ относительно времени ихъ производства. Для усиленія демонстрацій я предоставилъ генералъ-лейтенанту Деллингсгаузену право привлечь къ нимъ и 30-ю пѣхотную дивизію, но преимущественно на Османъ-Базарской дорогѣ.

24-го же декабря я предполагаю перевести мою главную квартиру изъ Богота въ Ловчу и оттуда черезъ Сельви въ Габрово; въ послѣднемъ пунктѣ разсчитываю быть 29-го или 30-го декабря. Вмѣстѣ со мною пойдетъ, четырьмя эшелонами, весь гренадерскій корпусъ, который 30-го или 31-го декабря соберется въ Габрово и Сельви. Съ головнымъ эшелономъ гренадерскаго корпуса идетъ 1-й лейбъ-драгунскій московскій вашего величества полкъ и донской № 1 полкъ. 1-й и 9-й уланскіе полки соберутся 30-го или 31-го декабря въ Сельви, но далѣе не пойдутъ впередъ безъ особаго моего приказанія [1]).

Дальнѣйшее движеніе гренадерскаго корпуса и мое будетъ вполнѣ зависѣть отъ хода дѣлъ: если Богъ поможетъ выжить туровъ съ Шипки и благополучно перевалить черезъ Балканы, то я вмѣстѣ съ гренадерскимъ корпусомъ пойду вслѣдъ за отрядомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго, займу выгодную позицію и выжду, пока подойдутъ войска западнаго отряда, которыя хочу направить отъ Софіи на Филиппополь. Буду стараться облегчить ему это движеніе. Если удастся овладѣть Филиппополемъ, то,

---

[1]) Въ настоящее время резервная кавалерія расположена слѣдующимъ образомъ: 1-й драгунскій полкъ — Хирва; 1-й уланскій — Демяново; 1-й донской казачій—Чадырлы; 9-й уланскій—Акинджиляръ; 1-я конная батарея и парки дивизіи—Рава.

устроивъ и обезпечивъ свой тылъ, я двинусь со всѣми силами по направленію къ Адріанополю.

Не могу, однако, скрыть отъ Вашего Величества, что, какъ операція перехода черезъ Балканы, такъ и дальнѣйшее наступленіе будетъ сопряжено съ колоссальными затрудненіями. Каждый шагъ впередъ придется расчищать отъ снѣга и гололедицы; бивакированіе въ горахъ есть не отдыхъ, а страданіе для войскъ. А когда удастся перевалить черезъ горы, то невозможно ручаться за поддержаніе правильнаго сообщенія съ тыломъ: оно будетъ вполнѣ зависѣть отъ каприза погоды. Уже теперь я съ арміей почти отрѣзанъ отъ сообщеній съ имперіей вслѣдствіе ледохода на Дунаѣ [1]), а тогда на сообщеніяхъ моихъ явится еще вторая преграда—Балканы. Подвозъ продовольствія и боевыхъ запасовъ будетъ и крайне затруднителенъ, и неправиленъ.

Но, несмотря на это, я только и думаю о томъ, какъ бы поскорѣе Богъ помогъ перебраться за Балканы, ибо хотя впереди можетъ придтись и очень круто, но стоять на мѣстѣ—еще хуже. Средства края почти совершенно истощены: продовольствіе по сю сторону Балканъ можетъ быть основано только на подвозѣ, а подвозъ крайне труденъ. Продукты же, не поддающіеся дальней перевозкѣ, какъ сѣно и фуражъ, почти совсѣмъ на исходѣ. Въ особенности трудно въ этомъ отношеніи войскамъ отряда цесаревича. Мѣстность, въ которой онъ находится, вообще была очень бѣдна фуражемъ съ самаго начала, а теперь—отрядъ положительно бѣдствуетъ. Подвезти трудно, купить негдѣ. Цесаревичу уже пришлось приказать выдать въ войска неприкосновенный запасъ ячменя, сѣна и конскихъ консервовъ изъ Бѣловскаго склада.

Я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для экстреннаго подвоза въ восточный отрядъ этихъ запасовъ, но не могу быть увѣреннымъ, что они прибудутъ своевременно, ибо это вполнѣ зависитъ отъ состоянія переправы и дорогъ.

О состояніи дорогъ я уже писалъ Вашему Величеству. Могу лишь прибавить, что онѣ почти непроходимы вездѣ, а не только въ горахъ. Ужасное состояніе дорогъ, въ связи съ разореннымъ положеніемъ восточной части Болгаріи, которая теперь обращается въ совершенную пустыню уходящими изъ нея въ Дели-

[1]) 10 декабря начался ледоходъ; 11-го былъ сорванъ мостъ у Браилова; 14-го разведены мосты у Систова и Батина и переправа совершенно прекратилась. При этомъ систовскіе мосты потерпѣли такія поврежденія, что придется впослѣдствіи, на первое время, изъ двухъ мостовъ оставить одинъ. Вода спадаетъ; надо ожидать, что ледъ на Дунаѣ скоро станетъ.

Орманскіе лѣса мусульманскими жителями—заставило меня призадуматься надъ предположеннымъ мною наступательнымъ движеніемъ восточнаго отряда. Какъ извѣстно Вашему Величеству, я хотѣлъ, чтобы отрядъ этотъ, одновременно съ движеніемъ войскъ генералъ-лейтенанта Радецкаго за Балканы, занялъ линію рѣкъ Лома и Кара-Лома и, утвердившись на ней, выслалъ впередъ подвижныя колонны. Сообразно съ этимъ, его императорское высочество начальникъ отряда представилъ мнѣ свои соображенія. Но, получивъ отъ него рядъ донесеній о совершенной непроходимости дорогъ, о крайнемъ недостаткѣ фуража, о сожженіи деревень уходящимъ мусульманскимъ населеніемъ—я пришелъ къ заключенію, что, пожалуй, благоразумнѣе будетъ отказаться отъ этого движенія. Помѣшать турецкимъ войскамъ уходить за Балканы и сосредоточивать войска для защиты Адріанополя мы не могли и не можемъ. Они уходятъ не по обыкновеннымъ дорогамъ, а переѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ въ Варну, оттуда моремъ въ Константинополь и затѣмъ опять по желѣзной дорогѣ до Адріанополя. Поэтому безцѣльно занимать пустое, разоренное и выжженное пространство: только увеличатся продовольственныя затрудненія и напрасно утомятся войска. Я полагаю, что лучше ихъ поберечь теперь, чтобы потомъ можно было двинуть возможно дальше за Балканы. Въ этомъ смыслѣ я телеграфировалъ цесаревичу, который и пріостановилъ сдѣланныя уже имъ распоряженія для движенія впередъ.

Но чтобы не допустить турокъ спокойно пользоваться рущукско-варнскою желѣзною дорогою для перевозки войскъ, я приказалъ направить отряды для разрушенія ея въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Отъ восточнаго отряда должны быть отправлены только команды охотниковъ для разрушенія ея въ двухъ мѣстахъ: между Рущукомъ и Разградомъ и между Разградомъ и Шумлой. Генералу же Циммерману я велѣлъ выдвинуть для этой цѣли впередъ всю кавалерію и для поддержки ея—отъ 3—4 пѣхотныхъ полковъ. Генералъ Циммерманъ выслалъ кавалерійскій отрядъ къ Базарджику еще 16-го декабря. По имѣющимся у него извѣстіямъ, Базарджикъ сильно укрѣпленъ и занятъ 15.000-мъ отрядомъ. Поэтому онъ полагаетъ, что пройти мимо Базарджика до варна-шумлинской желѣзной дороги чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что мѣстность за Базарджикомъ крайне лѣсистая и пересѣченная. По его же свѣдѣніямъ, турки отправили изъ четыреугольника крѣпостей черезъ Варну моремъ въ Константинополь и оттуда въ Адріанополь только отъ 10 — 20.000, остальныя

же войска оставили въ Рущукѣ, Силистріи, Базарджикѣ и Варнѣ, рѣшивъ держаться въ Восточной Болгаріи въ оборонительномъ положеніи.

Мнѣ остается лишь сказать о кавалерійскомъ отрядѣ генералъ-маіора Арнольди. Отрядъ этотъ вошелъ въ связь съ сербами еще 9-го декабря у Бѣлемира. Получивъ объ этомъ извѣстіе, я приказалъ генералъ-маіору Арнольди выдвинуть 4-й гусарскій маріупольскій полкъ (безъ артиллеріи) отъ Бѣлемира къ Пироту съ тѣмъ, чтобы онъ наступалъ оттуда къ Софіи вмѣстѣ съ передовыми сербскими войсками; а 4-й уланскій харьковскій полкъ, съ 8-ю конною батареею, въ случаѣ оставленія турками Гинчъ-пасса, двинуть отъ Берковаца черезъ этотъ проходъ въ Софійскую долину и приказать ему войти въ связь какъ съ сербами, такъ и съ войсками генералъ-адъютанта Гурко. Для содержанія же связи съ сербами въ сторонѣ Бѣлградчика я просилъ князя Карла выставить бригаду румынской кавалеріи.

Долженъ сказать, что лишь нужда заставляетъ меня обратиться къ содѣйствію румынской кавалеріи. Хотя она и несетъ службу чрезвычайно аккуратно и усердно, но смотритъ на Болгарію не какъ на освобождаемую, а какъ на завоевываемую страну; до меня уже не разъ доходили жалобы на нарушеніе румынами права собственности.

Кромѣ занятія авангардомъ западнаго отряда выходовъ въ Софійскую долину, военныхъ дѣйствій въ промежутокъ времени между 11—17 декабря не происходило; были лишь незначительныя перестрѣлки между разъѣздами на восточномъ фронтѣ. Самымъ выдающимся было дѣло 12-го декабря у Сида и Аяслара, въ которомъ полковникъ Полторацкій съ дивизіономъ чугуевскихъ уланъ и двумя орудіями 18-й конной батареи настигъ турецкій транспортъ, отбилъ скотъ и, разбивъ на-голову прикрытіе, разсѣялъ его, изрубивъ 26 чел. и взявъ 18 чел. въ плѣнъ. Въ этомъ дѣлѣ 1 офицеръ и 2 улана были контужены и 2 улана ранены.

16-го декабря охотники якутскаго пѣхотнаго полка сожгли 18 крайнихъ домовъ деревни Чаталъ-дере (южнѣе Джулуна), изъ которой вооруженные жители постоянно стрѣляютъ по нашимъ разъѣздамъ. При этомъ у насъ 2 нижнихъ чина ранено и 1 пропалъ безъ вѣсти.

Златицкое дѣло 30-го ноября, о которомъ я упоминалъ въ предыдущемъ моемъ донесеніи, оказалось лишь ничтожною перестрѣлкою, хотя и продолжавшеюся цѣлый день, но съ большого разстоянія и безъ всякаго результата. Мы потеряли въ этой

перестрѣлкѣ 2 чел. убитыми и 13 ранеными. Генералъ Брокъ очистилъ, однако, послѣ этого дѣла д. Челопецъ и занялъ ее вновь лишь съ началомъ перехода черезъ горы прочихъ частей западнаго отряда.

Дѣло подъ Еленой 22-го ноября, какъ оказывается изъ общей и частныхъ реляцій, при семъ представляемыхъ, имѣло столь несчастный для насъ исходъ лишь вслѣдствіе нѣсколько неразсчетливой стойкости войскъ, слишкомъ долго и упорно защищавшихъ передовыя позиціи, не имѣвшія для насъ особаго значенія. Отступленіе, неизбѣжное при подавляющемъ перевѣсѣ атаковавшаго насъ непріятеля, было начато слишкомъ поздно и привело поэтому къ столь чувствительной потерѣ въ офицерахъ, нижнихъ чинахъ и орудіяхъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать нѣсколько словъ о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ союзниковъ.

Румынскія войска, занявъ Арцеръ-Паланку, взяли на себя всѣ операціи противъ Бѣлградчика и Виддина; для скорѣйшаго обложенія сего послѣдняго приняты всѣ мѣры.

Сербы превзошли всѣ мои ожиданія. Перейдя 3-го и 4-го декабря границу, они въ продолженіе двухъ недѣль достигли весьма серьезныхъ результатовъ. 7-го декабря они взяли съ бою проходъ св. Николая; 8-го обошли турецкую позицію у Бабиной Главы и, принудивъ этимъ турокъ отступить, заняли эту позицію; въ тотъ же день взяли съ бою укрѣпленія у Чичины южнѣе Ниша, прервавъ его сообщеніе съ Лесковацемъ. 9-го вошли въ связь съ нашими войсками по дорогѣ изъ Бѣлградчика на Берковацъ, у Бѣлемира. Заняли Мраморъ и Адліе, откуда турки отступили безъ боя. У Адліе вошли въ связь съ румынами, дѣйствовавшими противъ Бѣлградчика. Будучи атакованы сѣвернѣе Ниша турками, отбили атаку съ большимъ урономъ. 11-го декабря атаковали Куршумле, выбили оттуда гарнизонъ, состоявшій изъ 200 чел. низама и 2.000 арнаутовъ и башибузуковъ и овладѣли этимъ пунктомъ, взявъ лагерь, оружіе, боевые припасы и лошадей. 12-го декабря взяли, послѣ восьмичасового боя, Акъ-Паланку и отбросили турокъ на Лесковацъ, овладѣвъ при этомъ тремя орудіями. 16-го декабря взяли Пиротъ и въ немъ 23 орудія.

Достойно замѣчанія, что оба послѣдніе пункта были взяты благодаря остроумно-составленному, заранѣе-обдуманному плану и точному, искусному его исполненію. Атака на Акъ-Паланку была произведена раньше атаки на Пиротъ потому, что по предварительной рекогносцировкѣ укрѣпленій послѣдняго оказа-

лось, что взять ихъ съ фронта чрезвычайно трудно. Поэтому было рѣшено сперва овладѣть Акъ-Паланкой, а потомъ уже направить оттуда главный ударъ на лѣвый флангъ пиротской позиціи, наименѣе защищенный природою и укрѣпленіями. Овладѣвъ Акъ-Паланкою при помощи искуснаго обходнаго движенія, исполненнаго подъ покровомъ тумана, сербы двинулись оттуда къ Пироту 14-го декабря. Колонна, стоявшая противъ Пирота со стороны Бабиной-Главы, между тѣмъ, все время обманывала турокъ канонадою и ложными атаками съ фронта. 15-го декабря подошла правая колонна отъ Акъ-Паланки и овладѣла деревнями Блатой и Бѣлявой, на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи. Между тѣмъ, лѣвая колонна, атаковавъ съ фронта, взяла д. Станечну. 16-го декабря Пиротъ былъ взятъ, причемъ лѣвая колонна заняла городъ въ тылу непріятеля и этимъ заставила его поспѣшно отступать. Теперь сербы могутъ выполнить задачу, данную имъ мною въ началѣ войны: оставивъ отрядъ для наблюденія за Нишемъ, идти на Софію, на соединеніе съ нашими войсками".

М. Газенкампфъ.

ДВОРЯНСТВО

и

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

Мы имѣли уже случай, говоря о дворянскомъ землевладѣніи [1]), высказать, что хотя дворянское землевладѣніе и не находится въ столь безвыходномъ положеніи, какъ это утверждаютъ пессимисты, но все же, по разнымъ причинамъ, а не только вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, ему пришлось перенести довольно тяжелый кризисъ, послѣдствія котораго продолжаютъ проявляться по настоящее время.

При такомъ положеніи дѣла правительство рѣшилось въ последнее время, вслѣдствіе ходатайства дворянскихъ обществъ, придти имъ на помощь еще рядомъ мѣропріятій, которыя и остается разсмотрѣть.

Вопросъ о кредитѣ продолжаетъ играть первостепенную роль въ потребностяхъ дворянскаго землевладѣнія. Относительно долгосрочнаго ипотечнаго кредита уже дарованныя дворянству льготы достигли, какъ мы видѣли, послѣднихъ предѣловъ возможнаго, при данныхъ условіяхъ рынка.

Затѣмъ остается краткосрочный соло-вексельный кредитъ, относительно котораго оказалось возможнымъ допустить еще рядъ облегченій, соотвѣтственно желаніямъ дворянства.

Въ дополненіе къ этому, состоялось, по почину самого дворянства, изданіе положенія о дворянскихъ кассахъ, имѣющихъ назначеніемъ оказывать дворянамъ-землевладѣльцамъ помощь въ

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы", 1904 г., мартъ, 5 стр.

исправномъ внесеніи слѣдующихъ банкамъ, за заложенныя имѣнія, платежей, въ такіе моменты, когда вслѣдствіе какихъ-либо исключительныхъ затрудненій землевладѣльцы оказывались бы временно лишенными возможности своевременно исполнить лежащія на нихъ срочныя обязательства.

Въ другой области дворянамъ оказано воспособленіе по образованію дворянскаго юношества, учрежденіемъ спеціальныхъ дворянскихъ корпусовъ и дарованіемъ пособій на устройство интернатовъ.

Наконецъ, по желанію дворянства выработано положеніе о временныхъ заповѣдныхъ имѣніяхъ, измѣнены условія пріобрѣтенія права дворянства и подвергнуто пересмотру все положеніе о дворянскихъ учрежденіяхъ, въ видахъ бо̀льшаго приспособленія ихъ къ главной цѣли поддержанія дворянства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена спеціальная канцелярія для дѣлопроизводства по дворянскимъ дѣламъ.

I.

Соло-вексельный кредитъ.

Въ 1883 г., какъ уже выше указано, дворянамъ-землевладѣльцамъ было предоставлено пользованіе краткосрочнымъ кредитомъ, подъ соло-векселя, изъ государственнаго банка.

Кромѣ долгосрочнаго кредита, землевладѣлецъ можетъ нуждаться еще въ средствахъ оборотныхъ для уплаты рабочимъ, на покупку сѣмянъ и на тому подобные расходы, которые должны возвращаться въ теченіе болѣе краткаго срока и которые потому называются оборотными.

Несомнѣнно, эти средства могутъ быть добыты и путемъ ипотечнаго кредита и притомъ болѣе дешевымъ образомъ, если изъ полученной ипотечной ссуды землевладѣлецъ отдѣлитъ часть въ оборотный капиталъ, который и будетъ дѣйствовать изъ года въ годъ, постоянно потребляясь и постоянно возстановляясь. Такъ поставлено дѣло на западѣ, гдѣ совершенно не существуетъ соло-вексельнаго земельнаго кредита. Но тамъ ипотечная задолженность не превышаетъ 50% стоимости имѣнія, у насъ же *нормальною* задолженность опредѣляется въ 60%, а фактически большинство имѣній заложены въ несравненно высшемъ размѣрѣ. Если, кромѣ того, принять въ соображеніе, что оцѣнка

имѣній у насъ въ значительной мѣрѣ была сдѣлана при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, то нельзя не признать, что послѣ всего того, что̀ уже сдѣлано для облегченія пользованія долгосрочнымъ кредитомъ, выдача дополнительныхъ ипотечныхъ ссудъ для образованія оборотныхъ капиталовъ представлялась совершенно невозможною. При такихъ условіяхъ именно тѣ землевладѣльцы, которые наиболѣе нуждались въ оборотныхъ средствахъ, не имѣли возможности добыть таковыя путемъ ипотечнаго кредита.

Для удовлетворенія этой послѣдней потребности и введена была у насъ въ 1883 г. соло-вексельная операція.

Съ самаго начала ея открытія въ средѣ дворянства стали высказываться жалобы на стѣснительность нѣкоторыхъ постановленій, которыми была обставлена эта операція, но особенное неудовольствіе въ средѣ дворянъ-заемщиковъ было вызвано изданіемъ правилъ 1896 года.

До 1896 г. оборотный кредитъ назначался безсрочно, по правиламъ же 1896 г. для соло-векселей былъ установленъ максимальный годовой срокъ, по истеченіи котораго открытый землевладѣльцу кредитъ подвергался пересмотру, причемъ разрѣшеніе продленія прежняго кредита на дальнѣйшій годъ должно было обусловливаться, такъ называемымъ, правильнымъ пользованіемъ кредита, т.-е. такимъ его использованіемъ, при которомъ частныя позаимствованія покрывались соотвѣтственными частными уплатами, и притомъ полученныя средства дѣйствительно употреблялись на предназначенный предметъ; кромѣ того, должно было быть принимаемо въ соображеніе: продолжаетъ ли состояніе имѣнія обезпечивать размѣръ открытаго кредита. Въ противномъ случаѣ кредитъ подвергался постепенному сокращенію. Затѣмъ пріемъ векселей долженъ былъ прекращаться уже при первой публикаціи, а при второй — кредитъ подвергался окончательному закрытію.

Всѣ эти распоряженія, какъ мы видѣли, дворянство считало крайне стѣснительными для себя. Такъ какъ результаты сельско-хозяйственнаго оборота проявляются обыкновенно только на слѣдующій годъ, то оборотный сельско-хозяйственный кредитъ, по мнѣнію дворянства, долженъ бы простираться по крайней мѣрѣ на пятнадцати-мѣсячный срокъ; затѣмъ, сообразно съ условіями сельскаго хозяйства, не дающаго большого дохода, и оборотный кредитъ для него долженъ бы быть кредитомъ дешевымъ.

Постановленія правилъ 1896 года не отвѣчали, по мнѣнію дворянъ-землевладѣльцевъ, ни тому, ни другому требованію—

кредитъ оказывался и слишкомъ краткосрочнымъ, и слишкомъ дорогимъ; ссуда въ 2.000 руб. обходилась, если принять въ соображеніе всѣ расходы, соединенные съ открытіемъ кредита, въ $8^1/_2$, а ссуда въ 1.000 руб.—въ 11% и т. д.

Утвержденіе, что первоначальныя постановленія соло-вексельной операціи соотвѣтствовали потребностямъ заемщиковъ, потомъ же послѣдовали разныя стѣсненія, не вполнѣ было согласно съ дѣйствительностью. При учрежденіи соло-вексельной операціи совершенно не имѣлось въ виду допущенія ни долгосрочнаго кредита, ни переписки векселей. Въ первональныхъ правилахъ было постановлено, что кредитующіяся лица обязаны соблюдать срочность уплаты и производить таковую наличными деньгами, а не перепиской векселей. Въ послѣдующее время были дѣйствительно изданы разныя дополнительныя правила, но эти правила обусловливались необходимостью соблюденія вышеозначеннаго главнаго основанія и сохраненія за соло-вексельнымъ кредитомъ характера краткосрочности, т.-е. кредита, предназначаемаго исключительно для оборотныхъ операцій, и были вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что съ самаго начала переписка векселей, принципіально не допускаемая, стала все болѣе и болѣе внѣдряться и, наконецъ, сдѣлалась явленіемъ почти общимъ. Выданныя деньги не возвращались въ банкъ, а между тѣмъ сумма кредитовъ росла все сильнѣе и сильнѣе. Съ 3,8 милліоновъ рублей при началѣ операціи въ 1884 г. затрата банка возросла въ 1895 г. до 59 милліоновъ, съ остаткомъ къ концу года, какъ выше показано, до 27 милліоновъ. При такомъ положеніи дѣла, въ виду невозможности иммобилизаціи столь значительной суммы въ долгосрочную и трудно-реализуемую затрату, банкъ старался, не стѣсняя чрезмѣрно заемщиковъ, реализовать постепенно долги по соло-векселямъ, превратившимся фактически въ долги долгосрочные; только въ тѣхъ случаяхъ, когда подобная реализація оказывалась невозможною, банкъ приступалъ къ ликвидаціи ссуды. Никакихъ рѣзкихъ мѣръ при этомъ принимаемо не было, не требовалось внезапнаго погашенія выданныхъ ссудъ и не приступалось къ продажѣ заложенныхъ въ банкѣ имѣній. Банкъ ограничивался требованіемъ частичнаго десятипроцентнаго погашенія долга при замѣнѣ срочныхъ векселей, т.-е., другими словами, устанавливалась десятилѣтняя разсрочка долга для лицъ, которыя не были въ состояніи подчиниться требованіямъ новыхъ правилъ. Но и это требованіе касалось только случаевъ неправильнаго пользованія кредитомъ. При правильномъ же пользованіи ссудами сокращеніе кредита предусматривалось только для исключительныхъ случаевъ.

При опредѣленіи размѣра роста по необходимости приходилось сообразоваться съ рыночнымъ процентомъ. Сообразно съ этимъ въ самомъ началѣ ростъ по соло-вексельной операціи былъ установленъ въ 6% и затѣмъ пониженъ до 5 и $4^1/_2$%. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ крайне сильное развитіе соло-вексельной операціи, при значительномъ паденіи кассовой наличности банка, вызвало въ 1895 г. необходимость повышенія процента, который былъ доведенъ до $6^1/_2$. По минованіи же стѣсненія рынка процентъ былъ опять пониженъ до 6 и $5^1/_2$.

Не слѣдуетъ терять изъ виду, что въ дѣлѣ кредита необходимо сообразоваться не только съ потребностью кредитующихся, но и съ источниками, изъ коихъ почерпаются средства для кредитованія. Получая средства отъ вкладчиковъ, кредитное учрежденіе, играющее роль посредника, принуждено сообразоваться относительно размѣра, срочности и роста ссудъ съ количествомъ поступающихъ вкладовъ и съ рыночнымъ процентомъ. Помѣщеніе на долгіе сроки суммъ, принятыхъ въ видѣ краткосрочныхъ вкладовъ, представляло бы коренное нарушеніе основъ банковаго дѣла и повело бы къ подрыву всякой гарантіи банковой состоятельности. Заемщики большею частію не хотятъ себѣ усвоить этой точки зрѣнія. Ипотечный кредитъ можетъ быть долгосрочнымъ, потому что средства для него обрѣтаются путемъ выпуска долгосрочныхъ долговыхъ обязательствъ; но въ совершенно другомъ положеніи находится соло-вексельный кредитъ, питаемый средствами банковой кассы, наличность которой постоянно измѣняется. Замѣчаніе, что соло-вексельный кредитъ не чисто личный кредитъ, потому что онъ обезпечивается стоимостью самого имѣнія, не измѣняетъ сущности дѣла. Банку необходимъ реально-краткосрочный портфель, т.-е. такой, который дѣйствительно можно реализовать въ краткій срокъ. Между тѣмъ путемъ продажи имѣній,—уже не говоря о томъ, что банкъ совершенно не приступалъ къ этому средству по соло-вексельной операціи,—занятыя суммы не могли бы быть возвращены въ срокъ. Оставаясь на почвѣ правильнаго веденія дѣла и не теряя изъ вида, что главная задача банка—обезпеченіе правильнаго денежнаго обращенія, банкъ не могъ допускать превращенія соло-вексельныхъ ссудъ въ долгосрочныя обязательства съ ипотечнымъ характеромъ. Точно также и размѣръ кредитованія подъ соло-векселя долженъ былъ зависѣть отъ размѣра прилива капиталовъ на денежный рынокъ, а высота процента кредитованія—отъ рыночнаго процента. Вотъ почему банкъ не имѣлъ возможности принимать прежде всего въ соображеніе

стѣснительность хозяйственнаго положенія лицъ, нуждающихся въ кредитѣ, а долженъ былъ сообразоваться съ условіями капитальнаго рынка.

При такихъ условіяхъ, въ видахъ удовлетворенія вышеуказанныхъ дворянскихъ ходатайствъ, пришлось ограничиться нижеизложенными облегченіями въ существовавшихъ соло-вексельныхъ правилахъ, какъ не противорѣчащихъ по самому существу основной задачѣ государственнаго банка.

Относительно продленія срока векселей. По дѣйствовавшимъ правиламъ кредиты въ сущности назначались безсрочно; требовалось только, чтобы каждое позаимствованіе покрывалось въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двѣнадцати-мѣсячнаго срока. При невозможности допущенія болѣе продолжительнаго срока по соло-векселямъ, въ видахъ облегченія постановлено, что кредитъ можетъ оставаться неизмѣннымъ въ томъ случаѣ, когда совокупность взятыхъ въ теченіе года кредитовъ покрывалась ежегодными доходами имѣнія. Что же касается переписки старыхъ векселей, было признано возможнымъ считать оплату срочныхъ векселей деньгами обязательною только въ томъ случаѣ, когда заемщикъ изъявлялъ желаніе сохранить дарованный ему кредитъ на прежнихъ основаніяхъ, съ допущеніемъ притомъ одной трехмѣсячной отсрочки безъ частичнаго погашенія долга, и оплаты срочныхъ векселей на счетъ могущаго быть остатка кредита. Невозможность же уплаты векселя деньгами должна затѣмъ вести къ сокращенію кредита [1]).

Относительно *размѣра задолженности* признано возможнымъ поднять таковую съ 60 до 75%, съ непринятіемъ въ разсчетъ одного полугодового платежа; касательно же опредѣленія *размѣра оборотнаго капитала*—исчислять его не на десятину всякой земли, а на десятину пашни, съ нѣкоторымъ увеличеніемъ числа особыхъ отраслей сельскаго хозяйства, принимаемыхъ при этомъ разсчетѣ въ дополнительное соображеніе, за исключеніемъ молочнаго хозяйства, какъ составляющаго естественную принадлежность всякаго сельскаго хозяйства.

Записки дворянства содержали жалобы на *составъ учетнаго комитета* банка, который былъ призванъ къ разбору степени состоятельности заемщика. Комитетъ этотъ состоялъ изъ 8 купцовъ и 4 землевладѣльцевъ, такъ что по числу голосовъ за купцами всегда оставалось большинство. Вслѣдствіе того, по мнѣ-

---

[1]) При нормальномъ же пользованіи кредитомъ, сокращеніе его, которое допускалось въ исключительныхъ случаяхъ, впредь уже не будетъ имѣть мѣста.

нію дворянства, купцамъ предоставлялась возможность, во-первыхъ, влiять на опредѣленіе стоимости дворянскихъ имѣній, а затѣмъ и знакомиться съ положеніемъ дѣлъ кредитующихся дворянъ. При такихъ условіяхъ купцы, желавшіе пріобрѣсть дворянское имущество, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ владѣльца, могли, затрудняя выдачу ему дополнительнаго кредита, принудить владѣльца къ отчужденію недвижимости по низкой цѣнѣ. Если же это предположеніе на практикѣ и не осуществлялось, то все же землевладѣлецъ, находящійся въ зависимости отъ купца, часто могъ быть принужденъ продавать ему хлѣбъ по невыгодной для него цѣнѣ, потому что купецъ, пользуясь своими свѣдѣніями о положеніи продавца, могъ производить на него давленіе.

Въ видахъ удовлетворенія въ этомъ отношеніи желаній дворянства, постановлено, что учетный комитетъ для соло-вексельной операціи будетъ впредь составляться исключительно изъ свѣдущихъ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, съ совершеннымъ устраненіемъ изъ него купеческаго элемента.

Что касается *размѣра роста*, то въ виду, хотя бы и неосновательныхъ, сѣтованій на бо̀льшую дешевизну коммерческаго кредита, признано возможнымъ постановить общимъ правиломъ, что высшій процентъ по соло-вексельной операціи не долженъ превышать существующаго въ данное время размѣра учетнаго процента для шести-мѣсячныхъ торговыхъ векселей. *Контроль* за употребленіемъ полученныхъ подъ соло-векселя денегъ также вызывалъ неоднократно неудовольствіе заемщиковъ. По мнѣнію дворянъ-землевладѣльцевъ, пользовавшихся соло-вексельнымъ кредитомъ, не слѣдовало терять изъ вида, что соло-вексельный кредитъ есть кредитъ оборотный, а не меліоративный. При послѣднемъ естественно и правильно слѣдить за тѣмъ, чтобы кредитуемыя деньги употреблялись дѣйствительно на то улучшеніе, на которое онѣ испрашивались; но при оборотномъ кредитѣ слѣдовало бы только наблюдать за своевременной уплатой по векселямъ, предоставляя заемщику распоряжаться по своему усмотрѣнію полученными суммами. Такъ какъ у купца при учетѣ векселя не спрашивается на что̀ онъ употребитъ ссужаемыя ему деньги, то справедливо ли подвергать контролю употребленіе дворянами полученныхъ ими по векселю денегъ подъ угрозою сокращенія или даже совершеннаго закрытія кредита за несоотвѣтствіе въ способѣ употребленія ихъ съ указанными правилами. Затѣмъ, самый процесъ контроля представлялся стѣснительнымъ и непріятнымъ для землевладѣльца по своей формѣ. Онъ производился коман-

дируемыми для того чиновниками банка, которымъ приходилось показывать всѣ подробности хозяйства, подчинять ихъ оцѣнкѣ всѣ дѣйствія хозяина, доказывать имъ, что деньги употреблены правильно и т. д., причемъ точность и вѣрность собранныхъ чиновниками свѣдѣній трудно подчинялась повѣркѣ. Все это ставило нуждавшагося въ краткосрочномъ кредитѣ землевладѣльца въ крайне тяжелое положеніе.

По дѣйствовавшимъ правиламъ соло-вексельныя ссуды должны были дѣйствительно имѣть предметный характеръ, т.-е. точно опредѣленное назначеніе. Въ этихъ видахъ производился до открытія кредита осмотръ имѣнія, съ цѣлью опредѣленія размѣра потребности въ оборотномъ капиталѣ; затѣмъ при разрѣшеніи каждой ссуды обсуждался вопросъ о необходимости ея для хозяйства, наконецъ, по временамъ производился еще осмотръ имѣнія для постояннаго наблюденія за экономическимъ его положеніемъ и за правильностью употребленія разрѣшенной ссуды.

Въ виду сѣтованія дворянства на стѣснительность подобнаго порядка допущены слѣдующія въ немъ измѣненія.

Признано возможнымъ не входить въ обсужденіе назначенія каждой отдѣльной ссуды съ тѣмъ, чтобы ограничиваться наблюденіемъ за общимъ положеніемъ хозяйства заемщика; такимъ образомъ заемщику предоставлена возможность пользоваться полученными деньгами по своему усмотрѣнію. При этомъ постановлено, что поводомъ къ сокращенію кредита при его пересмотрѣ можетъ служить только малая подвижность въ позаимствованіяхъ изъ открытаго кредита, т.-е. исчерпываніе его полностью или въ значительномъ размѣрѣ.

Нормальнымъ пользованіемъ кредита нельзя не признавать такое пользованіе, при которомъ въ каждый моментъ изъ него берется столько, сколько нужно для даннаго оборота, причемъ по окончаніи оборота вексель уплачивается, потомъ вновь берется ссуда и т. д. Когда же съ самаго начала выбирается весь кредитъ и остается не возвращеннымъ до послѣдняго срока, то это служитъ доказательствомъ, что деньги взяты не на потребности оборота.

Такимъ образомъ, совершенно устраненъ меліоративный характеръ ссуды, и за нею сохраненъ только характеръ кредита оборотнаго.

Наконецъ, относительно *осмотра* имѣнія признано возможнымъ совершенно отказаться отъ предварительнаго осмотра во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ испрашиваемаго кредита не превышаетъ 10% имѣющейся въ банкѣ оцѣнки имѣнія, при

одновременномъ ограниченіи нормы кредита десятью рублями на десятину посѣва; такимъ образомъ, можно сказать, что при испрошеніи нормальнаго кредита уже не будетъ требоваться предварительнаго осмотра имѣнія, каковое будетъ имѣть мѣсто только тогда, когда заемщикъ пожелаетъ воспользоваться кредитомъ въ высшемъ размѣрѣ. Что же касается послѣдующихъ осмотровъ, то и таковые будутъ производиться только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно—когда вовсе не имѣется свѣдѣній о положеніи хозяйства или хотя и имѣются свѣдѣнія, но неблагопріятныя.

Въ дополненіе ко всему вышеизложенному, признано было еще возможнымъ устранить разныя формальности, на стѣсненія которыми жаловались землевладѣльцы, а именно—тройная публикація недоимщиковъ замѣнена однократною, съ соотвѣтственнымъ сокращеніемъ расходовъ на публикацію и со взысканіемъ платы за нее при самой выдачѣ ссуды, отмѣнено веденіе особыхъ списковъ неисправныхъ заемщиковъ, разрѣшено вносить слѣдующіе банку платежи не только въ банкъ, но и въ мѣстныя казначейства и т. п.

Затѣмъ неоднократно возникалъ вопросъ, насколько землевладѣльцы, пользующіеся *торговымъ кредитомъ*, могутъ единовременно пользоваться и соло-вексельнымъ кредитомъ?

По постановленіямъ уставовъ коммерческихъ банковъ, послѣднимъ предоставлено учитывать только основанные на торговыхъ сдѣлкахъ векселя. Само собою разумѣется, что и въ распоряженіи землевладѣльцевъ могутъ находиться такіе векселя, поскольку они продаютъ произведенія своего хозяйства въ кредитъ. Равнымъ образомъ землевладѣльцы могутъ извлекать извѣстную пользу также и изъ того кредита, который банки, на точномъ основаніи своихъ уставовъ, предоставляютъ торговцамъ для учета векселей, выданныхъ землевладѣльцами. Должно ли пользованіе такимъ чисто коммерческимъ кредитомъ служить поводомъ къ сокращенію соло-вексельнаго кредита? Въ интересахъ землевладѣльцевъ этотъ вопросъ разрѣшенъ такимъ образомъ, что сокращеніе торговыхъ кредитовъ будетъ впредь происходить только въ томъ случаѣ, когда торговый кредитъ открытъ на нужды предпріятія, обороты котораго будутъ приняты въ разсчетъ при опредѣленіи размѣра соло-вексельнаго кредита.

Не ограничиваясь вышеизложенными облегченіями, возникла мысль, въ видахъ еще болѣе широкаго удовлетворенія потребности и землевладѣльцевъ въ оборотномъ кредитѣ,—воспользоваться для означенной цѣли содѣйствіемъ акціонерныхъ банковъ

и обществъ взаимнаго кредита. Въ пользу привлеченія послѣднихъ къ оказанію краткосрочнаго землевладѣльческаго кредита говорило то соображеніе, что частнымъ банкамъ, въ особенности же основаннымъ на началахъ взаимности, болѣе чѣмъ государственному банку доступна оцѣнка кредитоспособности заемщиковъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ они безпрепятственно могутъ производить взысканія съ послѣднихъ, не стѣсняясь такими обстоятельствами, съ которыми иногда приходится считаться правительственному кредитному учрежденію. Въ силу этихъ соображеній въ 1898 г. былъ изданъ законъ о разрѣшеніи означеннымъ кредитнымъ учрежденіямъ выдавать ссуды подъ соло-векселя, обезпеченные сельско-хозяйственными имѣніями. Хотя значительное число банковъ вслѣдствіе того изъявили желаніе производить такія ссудныя операціи, послѣднія не получили, однако, до сего времени значительнаго развитія. По начало 1902 года было выдано такихъ ссудъ подъ соло-векселя всего лишь на сумму около двухъ милліоновъ рублей.

Въ средѣ дворянства возбуждался, кромѣ того, вопросъ объ организаціи краткосрочнаго сельско-хозяйственнаго кредита самимъ дворянствомъ путемъ землевладѣльческихъ товариществъ, связанныхъ круговымъ другъ за друга ручательствомъ, которыя бы стали дѣйствовать сначала при помощи государственнаго банка и затѣмъ самостоятельно на собственныя средства. Возможность практическаго осуществленія такого предположенія возбудила, однако, серьезныя сомнѣнія въ средѣ самого дворянства. Многіе члены дворянства указывали на то, что круговая отвѣтственность членовъ подобныхъ товариществъ могла бы имѣть значеніе въ томъ лишь случаѣ, если бы въ составъ товарищества вошли состоятельные землевладѣльцы, могущіе представлять серьезную гарантію исправности долговыхъ платежей; а такъ какъ подобныя лица всегда могутъ найти кредитъ и внѣ проектируемыхъ товариществъ, то можно было сомнѣваться, чтобы они согласились принять на себя рискъ отвѣтственности по обязательствамъ другихъ менѣе кредитоспособныхъ землевладѣльцевъ. Затѣмъ нельзя было не принять въ соображеніе, что и означенныя товарищества могли бы дѣйствовать только въ зависимости отъ условій денежнаго рынка, какъ и другіе банки. Вслѣдствіе того этотъ проектъ не получилъ осуществленія и все ограничилось въ средѣ дворянства учрежденіемъ дворянскихъ кассъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Вышеприведенныя постановленія, предоставляющія нѣкоторыя льготы соло-вексельнымъ заемщикамъ, имѣли главною цѣлью урегулировать соло-вексельную операцію и постепенно ликвидировать тѣ кредиты, которые получили характеръ неподвижности, безъ особаго стѣсненія для заемщиковъ. Поэтому примѣненіе новыхъ правилъ естественно должно было повести къ сокращенію соло-вексельной операціи. Многіе заемщики приступили къ ликвидаціи своихъ долговъ, испросивъ для этого установленную новыми правилами разсрочку или же получивъ средства для уплаты путемъ перезалога имѣній въ земельныхъ банкахъ. На ряду съ этимъ уменьшилось и число вновь открываемыхъ соло-вексельныхъ кредитовъ, частью вслѣдствіе точнаго соблюденія банкомъ условія краткосрочности позаимствованій, частью вслѣдствіе отказовъ банка принимать въ залогъ имѣнія, ипотечная задолженность коихъ превышаетъ установленную норму. Въ результатѣ сокращеніе оборотовъ по соло-вексельной операціи выразилось въ пониженіи балансоваго остатка ссудъ съ 26,7 милл. руб. къ концу 1896 г. до 14,7 милл. руб. къ концу 1898 г. и 7,6 милл. руб. въ 1901 году.

Затѣмъ при учрежденіи особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности соло-вексельная операція была включена въ программу занятій совѣщанія и подверглась въ его средѣ новому обсужденію. По этому случаю нѣкоторыми мѣстными комитетами были вновь выражены различныя пожеланія, отчасти аналогичныя съ прежде высказанными пожеланіями дворянства, отчасти заключавшія въ себѣ новыя ходатайства.

По разсмотрѣніи этихъ ходатайствъ особое совѣщаніе пришло къ заключенію о возможности допущенія еще нижеслѣдующихъ дальнѣйшихъ облегченій въ постановкѣ соло-вексельной операціи, а именно, признано возможнымъ: разрѣшить обмѣнъ соло-векселей безъ частичнаго погашенія въ предѣлахъ 12-мѣсячнаго срока, а въ случаѣ постигшихъ имѣніе заемщика особыхъ бѣдствій—и за предѣлами этого срока; повысить размѣръ кредита, открываемаго безъ предварительнаго осмотра имѣнія съ 5 до 10% (а по незаложеннымъ имѣніямъ—до 20%) опредѣленной учетнымъ комитетомъ стоимости имѣнія и съ 7 до 10 рублей на десятину обрабатываемой пахотной земли; опредѣлять нормы кредита по отношенію къ оборотному капиталу возможно ближе къ дѣйствительной надобности въ расходахъ по имѣнію, не стѣсняясь существующими нормами, особенно для имѣній мало заложенныхъ; принимать въ разсчетъ, при опредѣленіи размѣра оборотнаго капитала, расходы на спеціальныя отрасли хозяйства и

производства; не признавать сокращеніе хозяйства или обнаруженное его разстройство обязательнымъ поводомъ къ уменьшенію или закрытію кредита и, наконецъ, увеличить компетенцію мѣстныхъ учрежденій государственнаго банка по открытію соло-вексельныхъ кредитовъ.

II.

Губернскія дворянскія кассы взаимопомощи.

Въ нѣкоторыхъ дворянскихъ обществахъ на собственныя средства были образованы дворянскія кассы для выдачи ссудъ дворянамъ землевладѣльцамъ, находящимся случайно въ затруднительныхъ обстоятельствахъ,—на уплату процентовъ по лежащимъ на ихъ имѣніяхъ долгамъ. Затѣмъ въ 1897 году, при обсужденіи предположеній о мѣрахъ къ облегченію положенія заемщиковъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, возникалъ вопросъ о введеніи въ отношенія дворянскаго банка къ своимъ заемщикамъ попечительнаго начала, осуществляемаго при посредствѣ мѣстныхъ сословныхъ дворянскихъ учрежденій, на подобіе дворянскихъ кассъ взаимопомощи, уже существовавшихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

Но для того, чтобы подобныя учрежденія взаимопомощи могли получить широкое распространеніе, представлялось необходимымъ оказаніе имъ нѣкотораго вспомоществованія.

Поэтому, естественно возникалъ вопросъ — не слѣдуетъ ли выдавать дворянскимъ обществамъ пособіе изъ государственнаго казначейства въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ приступать самостоятельно къ устройству подобныхъ кассъ, съ ассигнованіемъ нѣкотораго капитала изъ собственныхъ средствъ.

Цѣлесообразность подобнаго мѣропріятія вызывала, однако, нѣкоторыя существенныя сомнѣнія.

Съ разныхъ сторонъ высказывалось мнѣніе, что охраненіе дворянскаго землевладѣнія едва ли можетъ быть достигнуто означеннымъ путемъ. Въ области поземельнаго кредита предоставленіе заемщикамъ слишкомъ широкихъ льготъ вообще рѣдко приноситъ дѣйствительную помощь, въ особенности когда задолженность дошла уже до крайнихъ предѣловъ. Выдача на покрытіе просроченныхъ взносовъ ссудъ возвыситъ послѣдующій размѣръ годовыхъ платежей—источникомъ же для покрытія ихъ останутся тѣ же доходы отъ имѣнія, которые благодаря такой отсрочкѣ едва-ли сдѣлаются значительнѣе. Предположенный над-

зоръ дворянской кассы за имѣніемъ также не сдѣлаетъ его болѣе доходнымъ. Выданныя ссуды лягутъ лишь новымъ бременемъ на имѣніе и въ конечномъ результатѣ придется все же обратиться къ принудительной его продажѣ и только при еще худшихъ условіяхъ.

Съ другой стороны, въ защиту предполагаемаго мѣропріятія высказывалось, что затруднительное положеніе дворянина можетъ быть временное, вызванное исключительными, случайными неблагопріятными обстоятельствами; въ такой моментъ дополнительное пособіе, которое при обыкновенныхъ условіяхъ было бы совершенно безполезно, можетъ оказать дѣйствительную пользу и спасти землевладѣльца отъ разоренія. Невнесенный въ срокъ платежъ по обременяющему имѣніе долгу увеличиваетъ задолженность на соотвѣтствующую сумму, и пополненіе этого платежа, на счетъ полученной изъ кассы ссуды, не измѣнитъ общаго размѣра задолженности по имѣнію. Несомнѣнно могутъ быть случаи, когда пособіе изъ дворянской кассы не будетъ въ состояніи отвратить катастрофу, но отъ управленія кассы всегда будетъ зависѣть разрѣшать выдачу пособія въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда ссуда дѣйствительно можетъ предотвратить отчужденіе имѣнія, которое безъ такого пособія не могло бы быть сохранено за владѣльцемъ.

Одно то, что въ нѣкоторыхъ дворянскихъ обществахъ уже существуютъ подобныя кассы, доказываетъ, что могутъ быть случаи, когда онѣ будутъ приносить дѣйствительную пользу.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній состоялось постановленіе о факультативномъ учрежденіи губернскихъ дворянскихъ кассъ взаимопомощи. Главнѣйшія статьи означеннаго положенія заключаются въ слѣдующемъ.

Губернскія дворянскія кассы могутъ быть учреждаемы по постановленіямъ губернскаго дворянскаго собранія. На составленіе основного капитала кассы обращается дворянская складка, установляемая губернскимъ собраніемъ, и разныя другія отчисленія и пожертвованія. Кромѣ того, въ теченіе десяти лѣтъ на образованіе капитала кассы имѣетъ производиться ежегодное пособіе изъ казны, въ размѣрѣ дѣйствительно поступившей за истекшій годъ дворянской складки, а въ самый моментъ образованія кассы ассигнуется изъ государственнаго казначейства нѣкоторая единовременная сумма, по непосредственному усмотрѣнію Е. И. В. Кассы выдаютъ потомственнымъ дворянамъ ссуды на производство срочныхъ платежей по займамъ, заключеннымъ подъ залогъ находящихся въ губерніи имѣній. Ссуды

эти съ своей стороны обезпечиваются залогомъ соотвѣтственныхъ имѣній или поручительствомъ двухъ благонадежныхъ лицъ изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ губерніи, причемъ общая задолженность имѣнія, вмѣстѣ съ ссудою изъ кассы, не должна превышать 90% его оцѣнки. Кромѣ того, кассамъ предоставляется выдавать дворянамъ землевладѣльцамъ еще ссуды по случаю разнаго рода бѣдственныхъ событій въ хозяйствѣ имѣнія. Эти послѣднія ссуды подлежатъ возврату по истеченіи годового срока со дня ихъ полученія, но въ виду особо уважительныхъ причинъ возвратъ можетъ быть отсроченъ до двухъ лѣтъ.

При выдачѣ ссуды касса или устанавляетъ надзоръ за имѣніемъ, обезпечивающимъ ссуду, или принимаетъ имѣніе въ свое завѣдываніе впредь до погашенія долга кассѣ. Касса можетъ, однако, по своему усмотрѣнію,—напр., въ случаѣ успѣшнаго возстановленія доходности имѣнія,—передать его обратно заемщику и ранѣе наступленія означеннаго срока. При накопленіи, напротивъ того, недоимки до суммы, превышающей два срочные платежа, касса приступаетъ къ досрочному взысканію долга.

По ходатайству заемщика дворянскаго банка, имѣніе коего назначено въ продажу съ торговъ, кассѣ предоставляется оставить такое имѣніе за собою, войдя предварительно въ соглашеніе какъ съ держателями частныхъ закладныхъ, такъ и съ другими кредиторами владѣльца, требованія которыхъ обезпечены запрещеніемъ на имѣніи, о порядкѣ разсчета съ ними.

Лежащій на имѣніи долгъ дворянскому банку при этомъ переводится на кассу.

Кассѣ предоставляется кромѣ того оставлять за собою также имѣнія, заложенныя у нея, если торгъ на продажу не состоится или высшею предложенною цѣною долгъ кассѣ не будетъ покрываться.

Имѣніе, оставленное за кассой, должно быть продано не позже пяти лѣтъ со дня поступленія его во владѣніе кассы. При этомъ, въ случаѣ продажи по вольной цѣнѣ преимущественное право на покупку предоставляется въ порядкѣ постепенности прежнему владѣльцу имѣнія и его нисходящимъ родственникамъ. Касса не обязана, однако, входить въ сношеніе съ прежнимъ владѣльцемъ и его нисходящими. Означенныя лица въ случаѣ желанія выкупить имѣніе обязаны сами предварить о томъ кассу, которая, съ своей стороны, сообщаетъ имъ свѣдѣніе о покупной цѣнѣ, а въ случаѣ продажи съ торговъ—извѣщеніе еще и о днѣ торга.

При переходѣ заложеннаго въ кассѣ имѣнія къ новому вла-

дѣльцу переводъ долга кассы на послѣдняго зависитъ во всѣхъ случаяхъ отъ усмотрѣнія кассы, кромѣ случаевъ перехода имѣнія съ публичныхъ торговъ или по наслѣдству, когда долгъ переводится на новаго владѣльца и помимо согласія кассы. При этомъ если лицо, на которое переведенъ долгъ, лежащій на имѣніи, не принадлежитъ къ числу потомственныхъ дворянъ губерніи, то оно обязано во всѣхъ случаяхъ, кромѣ наслѣдованія по закону, погасить весь долгъ въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня акта укрѣпленія на имѣніе или со дня вступленія во владѣніе по завѣщанію.

III.

Пособіе на воспитаніе и образованіе дворянскаго юношества.

Въ 1899 году было постановлено оказывать пособіе дворянскимъ обществамъ на устройство и содержаніе пансіоновъ-пріютовъ для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства изъ сыновей потомственныхъ дворянъ. Въ этихъ видахъ было рѣшено выдавать дворянскимъ обществамъ на расходы по содержанію такихъ пансіоновъ единовременныя пособія изъ государственнаго казначейства въ полномъ размѣрѣ на устройство такихъ пансіоновъ и ежегодныя пособія въ суммахъ, недостающихъ для покрытія издержекъ по ихъ содержанію, сверхъ расходовъ, принятыхъ на себя дворянствомъ, но не болѣе половины означенныхъ издержекъ.

Соотвѣтственно съ этимъ постановленіемъ было израсходовано на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства въ 1900 г. —2.000.000 р., въ 1901 г.—1.000.000 р. и въ 1902 г. тоже 1.000.000 р. Кромѣ того, на государственное казначейство были еще возложены расходы по образованію 415 безплатныхъ вакансій для сыновей потомственныхъ дворянъ въ двухъ новыхъ кадетскихъ корпусахъ, всего 186.750 р. въ годъ, и нѣкоторая сумма по учрежденію дворянскихъ сословныхъ стипендій въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства.

Одновременно съ этимъ, тульскимъ предводителемъ дворянства была возбуждена мысль о желательномъ учрежденіи на соединенныя средства дворянства и государственнаго казначейства сословныхъ закрытыхъ школъ особаго типа, предназначенныхъ къ подготовленію сыновей недостаточныхъ потомственныхъ дво-

рянъ для поступленія въ окружныя юнкерскія училища. Школы эти предполагались въ составѣ трехгодичныхъ классовъ съ элементарнымъ курсомъ образованія.

По мнѣнію тульскаго предводителя дворянства, учрежденіе проектируемыхъ школъ являлось единственнымъ способомъ вернуть значительную часть дворянства къ военной службѣ въ офицерскихъ чинахъ, издавна составлявшей призваніе нашего высшаго сословія. До введенія всеобщей воинской повинности доступъ въ корпусъ офицеровъ былъ широко открытъ сыновьямъ потомственныхъ дворянъ путемъ службы въ юнкерскомъ званіи. Уставъ 1874-го года лишилъ дворянство этого преимущества. Учрежденный тогда, взамѣнъ юнкеровъ, институтъ вольноопредѣляющихся оказался менѣе доступнымъ дворянину, жителю деревни, нежели любому разночинцу, проживающему въ городѣ. Конечно, экзаменъ для поступленія вольноопредѣляющимся, приравненный къ курсу уѣздныхъ училищъ, не могъ считаться труднымъ, но, тѣмъ не менѣе, это все же былъ экзаменъ, требовавшій извѣстныхъ познаній, а пріобрѣсти ихъ довольно значительному числу дворянскаго юношества было далеко не легко. Въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ, именно въ тѣхъ, гдѣ дворянство наиболѣе старинное и, такъ сказать, наиболѣе предъ государствомъ заслуженное, по отзыву предводителя дворянства имѣлось не мало дворянскихъ семей, нерѣдко высокаго рода, но впослѣдствіи обѣднѣвшихъ и проживавшихъ на незначительныхъ клочкахъ земли, ничтожная доходность коихъ лишила собственниковъ этихъ земель возможности давать какое бы то ни было, даже элементарное, образованіе своимъ сыновьямъ, а тѣмъ болѣе приготовлять послѣднихъ къ испытанію по программѣ вольноопредѣляющихся второго разряда. Въ одной тульской губерніи, по отзыву предводителя дворянства, такихъ, въ сущности обнищавшихъ дворянскихъ семей насчитывалось до 500. Затѣмъ, по его же утвержденію, во всѣхъ безъ исключенія внутреннихъ губерніяхъ много такихъ коренныхъ многосемейныхъ дворянъ, которые, при условіи крайняго напряженія своихъ имущественныхъ средствъ, могутъ давать среднее образованіе только одному изъ своихъ сыновей, на воспитаніе же всѣхъ остальныхъ не въ состояніи удѣлить ничего изъ своего скуднаго бюджета.

Для молодыхъ людей обѣихъ указанныхъ категорій, число которыхъ въ общей совокупности, безъ сомнѣнія, весьма значительно, учрежденіе предполагаемыхъ школъ было бы, по мнѣнію предводителя дворянства, истиннымъ благодѣяніемъ, ибо открывало бы имъ доступъ къ служебной дѣятельности, обезпечивающей без-

бѣдное существованіе и отвѣчающей сословнымъ традиціямъ той среды, въ которой они принадлежатъ по рожденію. Подобная мѣра была бы не безполезна и въ общемъ государственномъ смыслѣ, такъ какъ существованіе ея способствовало бы увеличенію числа потомственныхъ дворянъ въ составѣ офицеровъ нашей арміи.

Предположеніе тульскаго предводителя дворянства встрѣтило сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ. Но такъ какъ не въ одной только тульской губерніи имѣлись недостаточныя дворянскія семьи, потребностямъ коихъ въ подготовительномъ образованіи для ихъ сыновей могли бы служить проектируемыя школы, то было признано цѣлесообразнымъ не ограничивать означенную мѣру одною тульскою губерніей и предоставить каждому дворянскому обществу право ходатайствовать объ учрежденіи на вышеуказанныхъ основаніяхъ необходимаго числа такихъ школъ въ предѣлахъ губерніи.

Одновременно съ признаніемъ желательности усиленія дворянскаго элемента въ корпусѣ офицеровъ и принятія съ этою цѣлью соотвѣтствующихъ мѣръ, относительно самой постановки вопроса была, однако, выяснена необходимость существенныхъ измѣненій въ проектируемыхъ правилахъ. Военное вѣдомство стремится къ возвышенію уровня образованія въ средѣ офицеровъ; между тѣмъ, вышеозначенныя школы, въ томъ видѣ, какъ онѣ проектировались, едва ли отвѣчали указанной потребности. Даже въ случаѣ безпрепятственнаго прохожденія воспитанниками школы послѣдующаго курса окружныхъ юнкерскихъ училищъ, такая школа способствовала бы лишь приливу въ корпусъ офицеровъ такихъ лицъ, которыя не имѣли бы среднеобразовательнаго ценза. При соображеніи курса школы съ тѣми требованіями, которыя предъявляются лицамъ, желающимъ подвергнуться существующему конкурсному испытанію для поступленія въ юнкерское училище, нельзя было не усмотрѣть, что требованія эти превышаютъ познанія, которыя могли бы быть пріобрѣтаемы молодыми людьми въ проектировавшихся школахъ. Въ теченіе трехлѣтняго курса научныя свѣдѣнія, требуемыя для вступленія въ юнкерскія училища, не могли бы быть усвоены юношами, не получившими никакой подготовки, а такихъ молодыхъ людей и предполагалось именно принимать въ эти школы. Вслѣдствіе вышеизложеннаго было признано необходимымъ учреждать проектируемыя школы не съ трехлѣтнимъ, а съ пятилѣтнимъ курсомъ, съ соотвѣтственнымъ тому расширеніемъ учебной программы.

Школы предположено открывать по ходатайству дворянства отдѣльныхъ губерній по возможности внѣ городовъ, въ деревенской обстановкѣ, въ усадьбахъ, имѣющихъ разныя угодья, какъ садъ, рощу, рѣку и т. п. Составъ воспитанниковъ каждой школы признано необходимымъ опредѣлить въ 120 человѣкъ интерновъ. Въ виду того, что въ каждой губерніи проживаетъ нѣкоторое число дворянъ, достаточно обезпеченныхъ въ средствахъ жизни, предположено включить въ то число по десяти своекоштныхъ воспитанниковъ съ платою по двѣсти рублей въ годъ. Доходъ отъ нихъ долженъ возмѣщать въ нѣкоторой мѣрѣ расходъ на содержаніе школы.

На устройство каждой школы предположено ассигновать до 150.000 р. изъ государственнаго казначейства, а на содержаніе школы ежегодно сумму въ размѣрѣ отъ половины до трехъ четвертей исчисленныхъ по штату расходовъ, съ тѣмъ, чтобы остальную половину или четверть означеннаго расхода принимало на себя дворянство. Выборъ кандидатовъ предположено предоставить дворянству губерніи, по ходатайству котораго школа будетъ открыта. Представителей дворянства положено, кромѣ того, привлекать непосредственно къ дѣлу въ качествѣ членовъ педагогическаго и хозяйственнаго комитетовъ школы.

Дворянскія кадетскія школы должны будутъ находиться въ вѣдѣніи военнаго министерства.

IV.

Временно-заповѣдныя имѣнія.

Обязательный раздѣлъ родовыхъ дворянскихъ имѣній между всѣми членами семейства, установляемый нашимъ закономъ о наслѣдствѣ, несомнѣнно ведетъ къ дробленію дворянскихъ имѣній и къ измельчанію дворянской собственности.

Устраненіе неблагопріятныхъ для дворянскаго сословія послѣдствій указаннаго закона могло бы быть достигнуто измѣненіемъ самаго закона, въ смыслѣ предоставленія дворянамъ-землевладѣльцамъ права путемъ завѣщанія передавать свои родовыя имѣнія одному изъ своихъ наслѣдниковъ. Тѣмъ самымъ могло бы быть устранено дробленіе дворянскихъ имѣній ниже извѣстнаго предѣла, ведущаго большею частью, съ теченіемъ времени, къ принудительному отчужденію имѣнія и потому къ убыли дворянскаго землевладѣнія.

Вмѣсто предположенія о подобномъ коренномъ преобразованіи нашего законодательства о наслѣдствѣ, въ средѣ дворянства возникла мысль о допущеніи образованія мелкихъ временно-заповѣдныхъ имѣній—нераздѣльныхъ и неотчуждаемыхъ.

Поводомъ къ тому послужилъ между прочимъ примѣръ того, что̀ въ этомъ отношеніи происходитъ съ нѣкотораго времени въ другихъ государствахъ.

Съ разныхъ сторонъ и между прочимъ въ запискѣ рязанскаго дворянства указывалось на то, что уже въ другихъ странахъ, вслѣдствіе сознанія важности интересовъ землевладѣльческаго класса, поземельное законодательство пошло по пути противодѣйствія крайнему измельчанію имѣній. Упадокъ сельско-хозяйственной промышленности и хищническая обработка земли стали обращать на себя вниманіе законодателя. Ранѣе всего этотъ вопросъ получилъ разрѣшеніе въ Сѣверной Америкѣ изданіемъ закона Homestead-law; замѣчательно, что мотивомъ этого закона послужила не экономическая сторона вопроса, а сознаніе необходимости охранить семью путемъ цѣлостной передачи домашняго очага изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существовалъ также законъ равнаго раздѣла земель по наслѣдству, но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ освобождалъ наслѣдника отъ всякой отвѣтственности за долги наслѣдодателя, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ могъ пользоваться только личнымъ кредитомъ. Отмѣна этого послѣдняго постановленія повела къ ужасному кризису, до того, что множество землевладѣльцевъ въ разныхъ штатахъ побросали свои владѣнія и направились въ Техасъ на новыя земли. Желая прикрѣпить переселенцевъ къ землѣ и предупредить на будущее время повтореніе того землевладѣльческаго погрома, который проявился въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ, правительство Техаса издало извѣстный Homestead-exemption-law, по которому каждая усадьба становилась принадлежностью всей семьи и обращалась въ такое имущество, котораго никто не можетъ быть лишенъ. На основаніи этого закона каждому землевладѣльцу предоставляется упрощеннымъ формальнымъ порядкомъ, простою записью въ поземельную книгу, объявить свою усадьбу въ опредѣленномъ размѣрѣ, съ домомъ и инвентаремъ, имуществомъ нераздѣльнымъ и не подлежащимъ никакому взысканію. Соотвѣтственный законъ съ незначительными измѣненіями былъ введенъ впослѣдствіи и въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ. Затѣмъ въ Европѣ положеніе о нераздѣльности крестьянскихъ участковъ существуетъ въ Ганноверѣ, подобное же положеніе о нераздѣльности какъ крестьянскихъ,

такъ и дворянскихъ имѣній существуетъ въ Вестфаліи, аналогичный законъ о мелкой собственности—въ Австріи и т. д.

Причины, вызвавшія подобныя постановленія въ другихъ странахъ, съ тою же силою дѣйствуютъ и у насъ. Такъ, напр., извѣстный сельско-хозяйственный писатель Шатиловъ, утверждая, что среднепомѣстное дворянство является до сихъ поръ по преимуществу проводителемъ сельско-хозяйственной культуры въ странѣ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что если эта дѣятельность не даетъ еще вполнѣ вѣскихъ результатовъ, то причина къ тому кроется въ необходимости дробить имѣнія между наслѣдниками.

Такимъ образомъ представлялось цѣлесообразнымъ и намъ вступить на этотъ путь, что̀ и подало мысль объ образованіи временно-заповѣдныхъ имѣній, недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ.

Существующій законъ признаетъ учрежденіе безсрочныхъ заповѣдныхъ имѣній, но только для владѣній весьма значительныхъ размѣровъ. По этой причинѣ до сихъ поръ законъ о заповѣдности находилъ примѣненіе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Со времени изданія закона о заповѣдности, въ 1845 году, по настоящее время всего учреждено только шестьдесятъ заповѣдныхъ имѣній.

Между тѣмъ дворянская собственность средняго типа значительно превышаетъ у насъ группу большихъ землевладѣльцевъ; притомъ же дворяне-землевладѣльцы средняго размѣра обыкновенно тѣснѣе связаны съ землею и съ мѣстными интересами, чѣмъ большіе землевладѣльцы. Можно было поэтому предположить, что въ этой средѣ найдется не мало лицъ, которыя путемъ заповѣдности пожелаютъ сохранить имѣніе въ цѣлости въ своемъ родѣ.

Незначительное развитіе у насъ начала заповѣдности объяснялось, однако, не только тѣмъ, что законъ ставилъ слишкомъ большія требованія относительно размѣровъ имѣнія, могущаго быть обращеннымъ въ заповѣдное, но еще и тѣмъ, что учрежденіе заповѣдности имѣнія предполагается закономъ на вѣчное время, между тѣмъ какъ послѣднее условіе совершенно не свойственно начинаніямъ частно-гражданскаго характера. Въ Англіи, гдѣ маіоратныя имѣнія весьма распространены, не существуетъ заповѣдности, обязательной для всего нисходящаго потомства учредителя.

Вотъ почему и возникла мысль одновременно съ допущеніемъ заповѣдности для менѣе значительныхъ имѣній ограничить ея обязательный срокъ ближайшими поколѣніями.

Несмотря на несомнѣнныя неудобства существующаго по-

рядка, возникали, однако, сомнѣнія относительно достижимости полезныхъ для дворянства результатовъ отъ предполагаемой мѣры. Указывалось, что заповѣдность не согласуется ни съ историческимъ ходомъ нашего законодательства, имѣющаго цѣлью обезпеченіе всѣхъ членовъ семьи, ни съ нравами нашего общества, ослабляя прочность семейныхъ узъ и возбуждая въ семьѣ раздоры со стороны обездоленныхъ ея членовъ; что владѣлецъ заповѣднаго имѣнія, лишенный кредита, вмѣстѣ съ тѣмъ лишается и возможности вводить какія-либо усовершенствованія въ своемъ хозяйствѣ и т. п.

Не отрицая нѣкоторой доли справедливости вышеизложенныхъ соображеній, имъ нельзя было придавать, однако, слишкомъ большого значенія.

Нашъ законъ о наслѣдствѣ стремится, дѣйствительно, къ обезпеченію всѣхъ членовъ семьи, но насколько онъ достигаетъ желаемой цѣли?

Въ сущности онъ ведетъ часто къ совершенно противоположному результату. Вызывая безконечное дробленіе родовыхъ имѣній, онъ тѣмъ самымъ ведетъ только къ разоренію всей семьи, такъ что окончательно ни одинъ изъ ея членовъ не оказывается обезпеченнымъ. Между тѣмъ, при заповѣдности имѣнія глава семейства остается въ обезпеченномъ положеніи и можетъ всегда въ нѣкоторой мѣрѣ оказывать поддержку всѣмъ членамъ семьи. Значеніе заповѣдности не ограничивается устраненіемъ крайняго дробленія дворянскихъ родовыхъ имѣній, но, удерживая въ семьѣ и родѣ дворянскія имѣнія, она можетъ обезпечивать всѣмъ членамъ семьи пріютъ въ родовомъ гнѣздѣ. Это именно и можетъ служить къ укрѣпленію какъ семейныхъ связей, такъ и связей дворянъ съ землею, удерживая ихъ на мѣстахъ; преемственная же принадлежность поземельной собственности упрочиваетъ пріобрѣтаемое нѣсколькими поколѣніями довѣріе окружающаго сельскаго населенія и вліяніе на мѣстное общество. Наконецъ, обязательное обезпеченіе въ нѣкоторой мѣрѣ вдовы и другихъ членовъ семействъ могло бы быть спеціально оговорено.

Что же касается стѣсненія, которому подвергается владѣлецъ заповѣднаго имѣнія въ пользованіи кредитомъ, то этого стѣсненія отвергать нельзя, но ничѣмъ не ограниченная возможность пользоваться кредитомъ едва ли составляетъ преимущество для владѣльцевъ мелкихъ имѣній. При существующемъ дробленіи имѣній возможность залога ведетъ обыкновенно, въ конечномъ результатѣ, къ отчужденію имѣнія и къ конечному разоренію владѣльца. Притомъ же, владѣлецъ заповѣднаго

имѣнія не лишается возможности пользоваться кредитомъ, хотя и въ крайне умѣренномъ размѣрѣ.

Въ виду всего этого мнѣніе правительства склонилось въ пользу удовлетворенія ходатайства дворянства объ изданіи закона о временной заповѣдности. Затѣмъ оставалось только ближе опредѣлить вопросы: о размѣрахъ временно-заповѣдныхъ имѣній, о границахъ, въ которыхъ имъ можетъ быть предоставлено пользованіе кредитомъ, и о способѣ обезпеченія не наслѣдующихъ членовъ семейства.

Относительно *низшаго размѣра* имѣній, которыя могутъ быть обращаемы во временно-заповѣдныя, было признано возможнымъ остановиться на размѣрѣ одного дворянскаго ценза, т.-е. стоимости не менѣе 15.000 рублей, но за исключеніемъ лежащихъ на имѣніи долговъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оказались бы имѣнія, которыя не въ состояніи выдержать заповѣдности. Что же касается высшаго предѣла, то было признано цѣлесообразнымъ установить его въ 10.000 дес., размѣръ, составляющій въ настоящее время низшій предѣлъ имѣній, которыя могутъ быть обращаемы въ вѣчно заповѣдныя, такъ какъ не полагалось упразднять закона о послѣднихъ.

По вопросу о границахъ, въ которыхъ владѣльцамъ временно-заповѣдныхъ имѣній можетъ быть предоставлено пользованіе *кредитомъ*, было принято въ соображеніе, что по основной мысли заповѣдности имѣніе вовсе не можетъ быть обременяемо долгами и можетъ отвѣчать только за тѣ ипотечные долги, которыми имѣніе было обременено еще до объявленія его заповѣднымъ. Могутъ быть, однако, случаи, когда владѣлецъ такого имѣнія, не располагая личнымъ кредитомъ, будетъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, если онъ будетъ лишенъ всякой возможности пользоваться какимъ-либо кредитомъ подъ обезпеченіе имѣніемъ. Въ виду этого соображенія признано возможнымъ разрѣшить владѣльцамъ временно-заповѣдныхъ имѣній, въ особыхъ случаяхъ, съ согласія мѣстныхъ предводителей и депутатовъ дворянства, получать изъ государственнаго банка на льготныхъ основаніяхъ ссуды, не превышающія сложности двухгодового чистаго дохода имѣнія или 8% его стоимости, съ нѣкоторымъ послабленіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ временной неисправности владѣльца въ платежахъ, принятіемъ имѣнія на нѣкоторое время въ опеку и т. п.

Съ другой стороны, было признано необходимымъ установить нѣкоторое обезпеченіе въ интересѣ какъ могущихъ быть кредиторовъ учредителя заповѣднаго имѣнія, такъ и разныхъ мелкихъ

обиходныхъ долговъ, могущихъ оставаться послѣ всякаго владѣльца такими имѣніями.

Учрежденіе временной заповѣдности въ имѣніи существенно измѣняетъ его кредитное положеніе. До учрежденія заповѣдности всякое взысканіе по долгамъ владѣльца могло быть обращено на имѣніе, капитальная цѣнность котораго являлась основаніемъ кредита. Съ учрежденіемъ заповѣдности имѣніе уже не можетъ быть обращаемо въ продажу даже за долговыя обязательства, которыя были заключены учредителями до образованія заповѣдности, за исключеніемъ лишь случаевъ залога имѣнія. Такимъ образомъ, личные кредиторы учредителя временно-заповѣднаго имѣнія, вступившіе съ нимъ въ обязательство, до учрежденія заповѣдности, какъ не огражденные залогомъ имѣнія, были бы поставлены въ невозможность получить удовлетвореніе по своимъ требованіямъ. Подобное положеніе дѣла могло бы даже подать поводъ недобросовѣстнымъ землевладѣльцамъ обращать свое имѣніе въ заповѣдное, чтобы такимъ путемъ уклониться отъ обязанности удовлетворять кредиторовъ. Въ видахъ устраненія подобныхъ злоупотребленій было признано необходимымъ допустить принудительное отчужденіе за долги, заключенные до учрежденія заповѣдности.

По существу заповѣдности, наслѣдники, вступая во владѣніе имуществомъ, не отвѣчаютъ за личные долги, оставшіеся неуплаченными отъ прежняго владѣльца. Въ этомъ отношеніи допущено, однако, исключеніе: 1) для долговъ по счетамъ за издержки по послѣдней болѣзни и погребенію прежняго владѣльца; 2) по содержанію семейства въ послѣднее полугодіе его жизни; 3) по счетамъ за сдѣланныя имъ въ теченіе послѣдняго полугодія починки, поправки и постройки въ имѣніи; 4) по неуплаченному за послѣдніе шесть мѣсяцевъ служителямъ жалованью.

Наконецъ, касательно отвѣтственности владѣльца временно заповѣднаго имѣнія по собственнымъ долгамъ признано необходимымъ предоставить кредитору право, въ случаѣ невозможности покрыть свои претензіи изъ другого имущества владѣльца или изъ доходовъ имѣнія, требовать учрежденія надъ имѣніемъ администраціи. Обращаясь, наконецъ, къ вопросу объ обезпеченіи и наслѣдниковъ послѣ смерти владѣльца временно-заповѣднаго имѣнія, необходимо различить два случая: обезпеченія наслѣдниковъ послѣ учредителя временно-заповѣднаго имѣнія и обезпеченіе наслѣдниковъ послѣдующаго владѣльца такимъ имѣніемъ.

Въ первомъ случаѣ этотъ вопросъ совершенно устранялся бы при согласіи всѣхъ будущихъ наслѣдниковъ на превращеніе ро-

дового имѣнія во временно-заповѣдное, или въ случаѣ обезпеченія ихъ изъ другого имущества учредителя.

Принимая, однако, въ соображеніе, что вновь созидаемый видъ заповѣдности состоитъ въ обезпеченіи сохраненія дворянскихъ имѣній неотчуждаемыми и нераздробляемыми въ рядѣ поколѣній, не только въ интересѣ отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, но и въ видахъ государственной пользы, связанной съ существованіемъ дворянскаго землевладѣнія, нельзя не имѣть въ виду, что подобная задача невыполнима безъ нѣкотораго матеріальнаго ущерба для членовъ семьи, устраняемыхъ въ каждомъ поколѣніи отъ наслѣдованія имѣніемъ, обращаемымъ во временно-заповѣдное. Вотъ почему признано возможнымъ постановить слѣдующее: въ случаяхъ отсутствія согласія всѣхъ будущихъ наслѣдниковъ или невозможности обезпеченія остальныхъ изъ другого имущества—если стоимость имѣнія превышаетъ 25.000 р., разрѣшается превращать имѣніе въ заповѣдное при условіи обезпеченія участи каждаго изъ прочихъ наслѣдниковъ учредителя, соразмѣрно законнымъ ихъ долямъ, такъ чтобы превышеніе наслѣдственной доли получающаго временно заповѣдное имѣніе составляло не болѣе 25.000 р.; если же общая стоимость имѣнія менѣе 25.000 р. (сверхъ банковаго долга), то заповѣдность можетъ быть учреждаема безъ всякаго обезпеченія ненаслѣдующихъ въ такомъ имѣніи членовъ семьи учредителя.

Что же касается наслѣдниковъ владѣльца существующаго заповѣднаго имѣнія, то ихъ положеніе оказывается уже предопредѣленнымъ. Не имѣя возможности распоряжаться заповѣднымъ имѣніемъ для раздѣла наслѣдства, владѣлецъ могъ бы принять только другія доступныя для него мѣры, въ смыслѣ капитализаціи части доходовъ, чтобы не оставить остальныхъ дѣтей въ положеніи полной необезпеченности. Въ случаѣ же смерти владѣльца, не сдѣлавшаго никакого распоряженія въ этомъ отношеніи, признано возможнымъ постановить, чтобы въ имѣніяхъ, превышающихъ стоимость 100.000 р., былъ составляемъ особый капиталъ, для раздѣла между остальными дѣтьми и равняющійся двухлѣтнему съ имѣнія чистому доходу. Владѣльцу же имѣнія стоимостью отъ 25 до 100 тыс. руб. предоставляется право (но не обязанность) возлагать на своего наслѣдника по имѣнію такое обязательство относительно дѣтей, не наслѣдующихъ послѣ него.

Для образованія означеннаго капитала имѣніе можетъ быть закладываемо, но съ тѣмъ, чтобы сумма всѣхъ долговъ на имѣніи не превышала 33% его стоимости.

Относительно вдовы владѣльца заповѣднымъ имуществомъ было бы несправедливо оставлять ее безъ всякаго обезпеченія, а потому признано необходимымъ предоставить вдовѣ какъ учредителя, такъ и всякаго послѣдующаго владѣльца заповѣднымъ имѣніемъ, какая бы ни была стоимость послѣдняго, право на полученіе по смерть или по вступленіи ея въ новое замужество одной шестой части чистаго дохода съ имѣнія.

Если владѣтель имѣнія—лицо женскаго пола, то указанныя права переходятъ къ мужу покойной и ея дѣтямъ.

Выборъ наслѣдника предоставленъ учредителю, но при наличности прямыхъ нисходящихъ потомковъ не допускается назначеніе наслѣдника изъ числа боковыхъ родственниковъ, и мужское потомство предпочитается женскому.

Учредителю и послѣдующимъ владѣльцамъ, не имѣющимъ нисходящаго потомства, предоставлено право завѣщать имѣніе въ пожизненное владѣніе женѣ.

Затѣмъ еще постановлено, что при переходѣ временно-заповѣднаго имѣнія по наслѣдству, оно освобождается отъ взиманія пошлинъ, установленныхъ съ имуществъ переходящихъ безмезднымъ способомъ и, наконецъ, что свойство временно-заповѣднаго имѣнія можетъ быть уничтожено не ранѣе двухъ слѣдующихъ за учредителемъ поколѣній духовнымъ завѣщаніемъ лица унаслѣдовавшаго имѣнія отъ перваго за учредителемъ владѣльца.

V.

Наслѣдственно (вѣчно)-заповѣдныя имѣнія.

Параллельно съ образованіемъ временно-заповѣдныхъ имѣній сохраняетъ силу и основной законъ о наслѣдственныхъ заповѣдныхъ имѣніяхъ.

Высшій размѣръ, который былъ принятъ для временно-заповѣдныхъ имѣній—10.000 десятинъ—совпадалъ съ низшимъ размѣромъ, существовавшимъ для наслѣдственно заповѣдныхъ имѣній.

По этому поводу возникъ вопросъ—не слѣдуетъ ли понизить низшій размѣръ наслѣдственныхъ имѣній.

При такомъ пониженіи оказалась бы цѣлая группа имѣній, которыя по размѣру своему стали бы подходить подъ требованія закона какъ временной, такъ и вѣчной заповѣдности. Съ этимъ не только не связывалось бы никакого неудобства, но, напро-

тивъ того, такое совмѣстное существованіе двухъ типовъ имѣній давало бы возможность землевладѣльцамъ, сообразно съ ихъ желаніями и семейными условіями, обращать свое имѣніе въ ту или другую форму заповѣдности.

И при настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ средняго дворянскаго землевладѣнія положеніе отдѣльныхъ хозяевъ представляется далеко не одинаковымъ. Въ числѣ среднепомѣстныхъ владѣній есть многія, которыя или вовсе не заложены, или заложены въ небольшой соразмѣрно съ ихъ стоимостью суммѣ. Они заключаютъ въ себѣ элементы наибольшей сельско-хозяйственной устойчивости, и владѣльцы ихъ находятся въ наилучшихъ условіяхъ мѣстнаго быта. Сохраненію подобныхъ помѣстій отъ раздробленія и перехода во владѣніе лица другого сословія нельзя было не придавать существеннаго значенія. Собственники означенныхъ имѣній не нуждаются въ особыхъ облегченіяхъ, а поэтому допускаемые для временно-заповѣдныхъ имѣній льготныя правила по уплатѣ банковыхъ долговъ не могли бы ихъ привлечь къ обращенію своихъ помѣстій во временно-заповѣдныя. Можно даже предполагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль объ отмѣнѣ заповѣдности въ третьемъ поколѣніи могла бы отвратить владѣльцевъ такихъ имѣній отъ превращенія ихъ во временно-заповѣдныя. Поэтому казалось цѣлесообразнымъ предоставить владѣльцамъ имѣній означенной категоріи право устанавлять для нихъ наслѣдственную заповѣдность.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ соображеній постановлено понизить низшій размѣръ имѣній, которыя могутъ быть обращаемы въ наслѣдственно-заповѣдныя до 5.000 десятинъ или до размѣра имѣній, приносящихъ не менѣе 6.000 рублей дохода.

VI.

Расширеніе права выкупа родовыхъ имѣній.

Одновременно съ вопросомъ о временной заповѣдности былъ возбужденъ вопросъ о расширеніи права выкупа родовыхъ имѣній, о чемъ были заявлены пожеланія въ нѣкоторыхъ дворянскихъ запискахъ.

По закону выкупъ родовыхъ населенныхъ имѣній предоставляется дворянамъ безъ всякаго ограниченія; что же касается до ненаселенныхъ имѣній, то право выкупа ихъ допускается только при условіи принадлежности продавца и покупателя къ одному сословію.

До освобожденія крестьянъ земельныя имущества находились почти исключительно въ рукахъ дворянъ, которые одни только могли владѣть населенными имѣніями. Въ собственность лицъ другихъ сословій могли поступать только ненаселенныя имѣнія. Но такъ какъ и послѣднія входили большею частью въ составъ родовыхъ дворянскихъ имѣній, то примѣненіе и къ нимъ права выкупа лишило бы лицъ другихъ сословій почти всякой возможности сохранить за собою пріобрѣтенныя ими земли. По этой причинѣ относительно ненаселенныхъ земель и было ограничено право выкупа принадлежностью продавца и покупателя къ одному сословію.

Съ отмѣною крѣпостного права все это измѣнилось, — всѣ имѣнія получили характеръ ненаселенныхъ земель. При такихъ условіяхъ вышеуказанное ограничительное условіе, теряя разумное основаніе, становится только препятствіемъ для дворянъ выкупать свои родовыя имѣнія, перешедшія въ руки лицъ другихъ сословій. Вотъ почему и былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ существующаго ограниченія.

Цѣлесообразность расширенія права выкупа вызывала однако немаловажныя сомнѣнія.

Съ одной стороны, въ общемъ количествѣ сдѣлокъ на недвижимыя имѣнія выкупъ родовыхъ имѣній имѣетъ лишь ничтожное значеніе и потому не можетъ содѣйствовать въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ сохраненію за дворянами ихъ недвижимаго имущества; а съ другой стороны, всякое расширеніе существующаго права выкупа распространило бы связанныя съ нимъ неудобства на бо̀льшій кругъ лицъ, являющихся покупателями дворянскихъ имѣній. Въ конечномъ результатѣ это отразилось бы неблагопріятно и на интересахъ самого дворянства. Съ развитіемъ промышленности и экономическихъ оборотовъ неудобства права выкупа должны постоянно возрастать. Земли мобилизируются и образуютъ новыя сельско-хозяйственныя и промышленныя единицы, въ составъ которыхъ входятъ нерѣдко угодья, пріобрѣтенныя въ разное время отъ разныхъ лицъ по отдѣльнымъ актамъ, причемъ могутъ оказаться и участки бывшіе родовые. Выкупъ такихъ участковъ могъ бы разрушить хозяйственное или промышленное значеніе имѣнія и обезцѣнить остающіяся части имѣнія. Лицо, выкупающее родовое имѣніе, обязано по закону уплатить сверхъ цѣны имѣнія и крѣпостныхъ пошлинъ издержки, употребленныя настоящимъ владѣльцемъ на поддержаніе и улучшеніе имѣнія, расходы же по хозяйственному обзаведенію не подлежатъ возврату; между тѣмъ пріобрѣтенный вла-

дѣльцемъ живой и мертвый инвентарь можетъ оказаться для него совершенно ненужнымъ. Что же касается средствъ, употребленныхъ владѣльцемъ на улучшеніе имѣнія, то опредѣлить ихъ съ точностью будетъ всегда крайне трудно.

При такихъ условіяхъ едва ли нашлось бы значительное число лицъ, которыя рѣшились бы употребить свои капиталы на покупку имѣній, могущихъ подлежать выкупу. Распространеніе права выкупа на родовыя имѣнія, отчужденныя лицамъ не дворянскаго происхожденія, неизбѣжно повело бы, поэтому, къ сокращенію числа покупщиковъ дворянскихъ имѣній. Тѣ же лица, которыя все же рѣшились бы пріобрѣтать подобныя имѣнія, озаботились бы огражденіемъ себя отъ возможнаго выкупа, посредствомъ означенія въ купчихъ крѣпостяхъ увеличенной цѣны имѣнія. Оба эти послѣдствія отразились бы неблагопріятно на интересахъ дворянъ-продавцовъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, а также принимая въ соображеніе, что этотъ вопросъ затрогиваетъ не только интересы дворянъ, но и другихъ сословій, и потому требуетъ предварительно всесторонняго разсмотрѣнія въ связи съ общимъ вопросомъ о родовыхъ имуществахъ—признано было умѣстнымъ передать этотъ вопросъ предварительно на разсмотрѣніе коммиссіи для составленія гражданскаго уложенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, однако, возможнымъ допустить освобожденіе отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ сдѣлки по выкупу родовыхъ имѣній, въ виду того, что подобное облегченіе не повлечетъ за собою увеличенія числа выкупныхъ сдѣлокъ.

Ѳ. Тернеръ.

„ВѢРНЫЙ ПУТЬ“

РАЗСКАЗЪ.

I.

Выпускные воспитанники одного изъ духовныхъ учебныхъ заведеній смущены и взволнованы до послѣдней степени.

Жили они до сихъ поръ въ полной дружбѣ и согласіи; одинъ другому помогали, другъ за друга стояли и „сора изъ избы никогда не выносили“.

И вдругъ недавно стали они замѣчать, что среди нихъ завелся какой-то наушникъ, который все переноситъ начальству: и что̀ они дѣлаютъ, и куда ходятъ по праздникамъ, и съ кѣмъ знакомство ведутъ, и даже что̀ говорятъ между собой.

Отправятся ли, напримѣръ, семинаристы вечеркомъ поплясать куда-нибудь,—никто объ этомъ, кажется, не знаетъ, а смотришь, у танцоровъ тотчасъ же уменьшаются отмѣтки въ поведеніи.

Получитъ ли кто-нибудь интересную брошюрку или письмо отъ бывшаго товарища, перешедшаго въ университетъ, и черезъ нѣсколько часовъ и то и другое отбирается.

Случится ли кому въ разговорѣ съ товарищами рѣзко отозваться о своемъ ближайшемъ начальствѣ, и на другое же утро отецъ-ректоръ непремѣнно подзоветъ увлекшагося юнца и, внушительно покачивая клобукомъ, скажетъ:

— А вамъ, господинъ Петровъ, получше бы слѣдовало помнить слова апостола: „повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ“.

— Что за притча?—ворчитъ про себя получившій замѣчаніе:—говорилъ вчера только при Васильевѣ и Лапидевскомъ, а сегодня ужъ и этому извѣстно.

Долго не могли семинаристы понять, какимъ образомъ доходятъ до инспекціи ихъ маленькія тайны.

Пробовали слѣдить, не подслушиваетъ ли кто; наблюдали за классными и спальными служителями, но ничего подозрительнаго съ этой стороны не замѣчалось.

Прислуживавшіе семинаристамъ запасные ефрейторы и вахмистры видимо вовсе не интересовались бесѣдами своихъ „господъ".

Подметя кое-какъ полъ и наскоро перемывъ посуду, они спѣшили на любимую „приворотную" скамеечку, гдѣ, лихо покручивая усы, доказывали мѣстнымъ горничнымъ и кухаркамъ, что побѣдоносное всероссійское воинство несокрушимо и „кого хошь раскатаетъ, только бы приказъ вышелъ".

Ожидать шпіонства отъ этихъ недалекихъ, самодовольныхъ людишекъ было смѣшно и нелѣпо.

Корень зла таился, очевидно, не здѣсь.

— Но гдѣ же, гдѣ? — ломали голову возмущенные семинаристы.

Крѣпкія товарищескія традиціи, издавна установившіяся въ семинаріяхъ, не допускали даже и мысли, что предателемъ можетъ быть кто-либо изъ своихъ же однокурсниковъ.

Донести, „сфискалить" на товарища, да еще въ старшемъ, выпускномъ классѣ, казалось невозможнымъ.

Пойти на такую низость могъ какой-либо „приготовишка" уѣзднаго училища, но не взрослые „кандидаты священства", которымъ въ большинствѣ уже порядочно перевалило за двадцать лѣтъ.

Младшіе воспитанники въ спальню выпускныхъ и тѣмъ болѣе въ классъ почти никогда не допускались.

Инспектора, его помощниковъ и надзирателей остерегались какъ огня, и вступали съ ними только въ самые необходимые разговоры.

При такихъ условіяхъ, казалось бы, все должно было оставаться „шито-крыто", а между тѣмъ всякое неосторожное слово, каждый самый незначительный проступокъ воспитанника немедленно же достигали ушей начальства и вызывали болѣе или менѣе строгую кару.

Долго и упорно боролись семинаристы съ наушничествомъ, но такъ бы, вѣроятно, никогда и не открыли неуловимаго фискала, еслибы, наконецъ, не пришелъ имъ на помощь всесильный случай.

II.

Василій Өедоровичъ Аннинскій,—лучшій ученикъ шестого класса,—вернулся какъ-то изъ отпуска довольно поздно.

Когда онъ вошелъ въ спальню, всѣ уже спали.

Аннинскій присѣлъ на свою кровать, покрытую сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, и сталъ тихонько раздѣваться, стараясь не потревожить спящихъ.

Какъ ни старался молодой семинаристъ быть осторожнымъ, однако, стаскивая еще не разносившіеся сапоги, онъ сильно ударился ногою о ночной столикъ и разбудилъ лежавшаго рядомъ товарища.

— Өедорычъ! это ты?—соннымъ голосомъ спросилъ разбуженный, не открывая глазъ.

— Я, голубчикъ, я. Прости, что тебя обезпокоилъ. Сапоги проклятые: еле-еле снялъ.

— Ну, не бѣда: успѣю еще выспаться. Который теперь часъ?

— Половина второго.

— Ого! Ты сейчасъ только пришелъ?

— Да, минутъ десять назадъ.

— А Шурка Ильинскій? Вы вѣдь, кажется, вмѣстѣ уходили?

— Шурка, должно быть, сзади идетъ. Я съ нимъ сегодня разссорился.

— Ну?! Изъ-за чего?

— Какъ же, помилуй! Знаетъ, что я совсѣмъ не могу пить, и чуть не насильно влилъ мнѣ въ ротъ двѣ рюмки водки.

— Вѣроятно, онъ и самъ-то шибко пьянъ?

— Конечно. Едва ноги передвигаетъ. Будь онъ трезвъ, съ нимъ бы вѣдь еще можно сговориться, а пьяный онъ, самъ знаешь, никакихъ резоновъ не принимаетъ: „пей“, да все тутъ. Однако, прощай, голубчикъ! Я хочу поскорѣй заснуть; голова очень кружится и тошнить начинаетъ.

— Покойной ночи!

Аннинскій залѣзъ подъ одѣяло и крѣпко закрылъ глаза. Сонъ, однако, бѣжалъ отъ него. Его товарищъ снова уже сладко храпѣлъ, а онъ все еще безпокойно вертѣлся съ боку на бокъ. Иногда онъ совсѣмъ уже начиналъ забываться; дыханіе становилось ровнѣй, сознаніе затемнялось... Еще нѣсколько секундъ, и онъ вступилъ бы въ царство сновидѣній. Но непривычное къ алкоголю сердце вдругъ принималось усиленно биться, и онъ мгновенно просыпался весь въ холодномъ поту.

Въ концѣ концовъ Василій Ѳедоровичъ потерялъ всякую надежду заснуть и лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами. Голова его тяжела была какъ свинецъ. Въ ушахъ шумѣло. Въ пересохшемъ рту ощущался отвратительный вкусъ виннаго перегара.

Не легче было и на душѣ.

„Вотъ дернула нелегкая нажраться,—мысленно казнилъ себя молодой человѣкъ,—и ради чего? Удовольствія ни малѣйшаго: въ желудкѣ скверно, на сердцѣ тоже нехорошо,—точно больной. Да и завтра, пожалуй, будетъ не лучше, послѣ безсонной-то ночи. А на первомъ урокѣ какъ разъ церковная исторія, а потомъ догматическое богословіе,—предметы все серьезные. Вотъ нарвусь на единицу, въ шестомъ-то классѣ, такъ и будетъ ладно: придется вмѣсто академіи въ дьячки идти. Ахъ, гадость, гадость!“

Часы пробили два, три, четыре... Аннинскій все еще не спалъ.

„Однако, мнѣ необходимо заснуть, во что бы то ни стало,—не на шутку взволновался онъ, когда рѣзкій ударъ возвѣстилъ половину пятаго:—если я не вздремну хоть полчаса, я завтра расхвораюсь въ самомъ дѣлѣ. Сходить развѣ холодной водой помыться? Говорятъ, отъ безсонницы это очень помогаетъ“.

Василій Ѳедоровичъ началъ уже искать рукою висѣвшее въ головахъ полотенце, какъ вдругъ вниманіе его привлечено было очень страннымъ явленіемъ.

Помѣщавшійся насупротивъ него семинаристъ, доселѣ, повидимому, крѣпко спавшій, неожиданно поднялся и, осторожно ступая, сталъ поочереди обходить всѣ кровати, заглядывая въ лица спящихъ.

— Что съ нимъ такое? Лунатикъ онъ, что ли? — съ недоумѣніемъ подумалъ Аннинскій и инстинктивно закрылъ глаза, когда обходившій наклонился надъ его постелью.

Убѣдившись, что всѣ товарищи покоятся мертвымъ сномъ, „лунатикъ“ накинулъ на плечи сюртукъ, остальныя части костюма взялъ подъ мышку и тихо вышелъ за дверь.

— Куда это онъ пошелъ?—еще болѣе удивился Василій Ѳедоровичъ, съ любопытствомъ наблюдавшій за ушедшимъ:—если хочетъ зубрить, такъ классы еще не открыты. Въ уборную, можетъ быть? Но зачѣмъ же онъ взялъ тогда съ собой галстукъ, жилетъ и брюки? Странно что-то. А, впрочемъ, я сейчасъ узнаю: пойду мыться и посмотрю.

Аннинскій проворно вскочилъ съ постели, обулся и, захвативъ полотенце, направился въ уборную.

III.

Уборная была пуста.

Не видно было ни души и на длинномъ корридорѣ, тянущемся между спальнями. Только на ступеняхъ широкой лѣстницы, ведущей въ квартиру ректора, глухо раздавались чьи-то осторожные шаги.

— Вотъ удивленье-то! И здѣсь никого,—развелъ руками Аннинскій:—куда-жъ онъ въ самомъ дѣлѣ могъ уйти? Неужто на свиданье съ кѣмъ-нибудь? Да нѣтъ: гдѣ ему, такому вахлаку. Да и наружность тоже нескладная: глазки крошечные, скулы какъ у татарина, на подбородкѣ всегда щетина. Кто на такого-то польстится? Ну, однако, задумываться надъ этимъ не стоитъ: спрошу завтра прямо, и вся недолга.

Намочивъ голову и вытеревъ грудь и спину мокрымъ полотенцемъ, Василій Өедоровичъ возвратился въ спальню и снова легъ въ постель. Освѣженное тѣло его подергивалось пріятнымъ ознобомъ. Его сильно клонило ко сну, но мысль объ ушедшемъ товарищѣ ни на минуту не покидала его.

— Если онъ не въ уборной, не въ классѣ и не на свиданіи, то гдѣ же онъ, наконецъ? Выйти ночью изъ этого зданія нельзя никуда: выходныя двери всѣ заперты, и ключи у дежурнаго служителя, который ходитъ снаружи и не выпуститъ никого. Внутри же зданія—только спальни, классы, помѣщенія прислуги и квартира ректора. Ба! Да ужъ не къ нему ли онъ пошелъ? Въ такую-то пору? Невѣроятно. Да и зачѣмъ?

И вдругъ молодого человѣка осѣнила идея, которая разомъ стряхнула съ него надвигавшійся сонъ.

— А что̀, если онъ ходитъ къ ректору наушничать? Знаетъ же черезъ кого-нибудь начальство каждый нашъ шагъ. И развѣ это ужъ такъ невозможно? Ректоръ вѣдь самъ похвалялся, что встаетъ всегда въ четыре часа утра.

Аннинскому невольно стали припоминаться нѣкоторые странные случаи изъ жизни подозрительнаго товарища.

Вспомнилъ онъ, какъ впервые посѣтилъ семинарію новый преосвященный, только-что пріѣхавшій на епархію.

Владыка прибылъ очень рано, когда воспитанники присутствовали еще на утренней молитвѣ.

Ради такого выходящаго изъ ряда событія моленіе Господу Богу было прервано. Вмѣсто обычныхъ молитвословій ангелу

и пр. дорогого гостя встрѣтили въ дверяхъ рекреаціоннаго зала входнымъ „Достойно".

Совершивъ отпустъ и выслушавъ громовое „Исполлàэти дэспота", исполненное четырьмя слишкомъ сотнями голосовъ, преосвященный началъ благословлять подходящихъ одинъ за другимъ воспитанниковъ.

По установившемуся обычаю, первыми принимали благословеніе младшіе классы.

Владыка быстро осѣнялъ подходившихъ нѣжною, бѣлою рукою и, не говоря ни слова, подавалъ ее для поцѣлуя.

Приблизился, наконецъ, и выпускной курсъ.

Преосвященный взглянулъ черезъ плечо на стоящаго сзади ректора и, медленно растягивая слова, сказалъ:

— А покажите-ка мнѣ вашего лучшаго ученика?

Аннинскій и другой воспитанникъ, шедшіе первыми въ классѣ, быстро оправили сюртуки и приготовились предстать предъ владычнія очи. Они ожидали только знака своего начальника, но отецъ-ректоръ выискивалъ глазами кого-то другого.

Замѣтивъ въ заднемъ ряду низенькаго семинариста съ крошечными, безцвѣтными глазками и широкими татарскими скулами, онъ радостно закивалъ ему головой и произнесъ тонкимъ фальцетомъ, который почему-то всегда являлся у него въ присутствіи начальства:

— Господинъ Миролюбовъ! пожалуйте сюда!

Окликнутый вышелъ, изумительно тонко изображая всей своей невзрачной фигурой полное смиреніе и почтеніе.

— Вотъ, ваше высокопреосвященство, нашъ примѣрный ученикъ!—сказалъ„ подобострастно склонившись, ректоръ.

Архіерей истово благословилъ Миролюбова, и когда тотъ цѣловалъ ему руку, слегка коснулся губами его головы. Однако, выраженіе лица „примѣрнаго ученика", должно быть, показалось епископу недостаточно интеллигентнымъ, и онъ съ легкимъ сомнѣніемъ въ голосѣ спросилъ:

— И учится хорошо? Способенъ?

Ректоръ чуть замѣтно съёжился и взглянулъ на инспектора.

Тотъ понялъ этотъ взглядъ и, ни минуты не задумываясь, густымъ, „протодіаконскимъ" басомъ гаркнулъ:

— Совершенно удовлетворительно, ваше высокопреосвященство, совершенно удовлетворительно.

— Хвалю, хвалю,—милостиво произнесъ владыка и ласково потрепалъ Миролюбова по плечу:—старайтесь, работайте, а мы будемъ имѣть васъ въ виду.

Семинаристы въ недоумѣніи даже рты поразѣвали.

Они знали, что Миролюбовъ—самая бездарная посредственность, что онъ еле-еле переходитъ изъ класса въ классъ и окончитъ курсъ, вѣроятно, послѣднимъ. Знали они, что и нравственные устои Миролюбова недостаточно тверды, что онъ—золъ, завистливъ, жаденъ, склоненъ къ сплетнямъ и ханжеству. Они отлично понимали, что и для властей семинарскихъ все это—не тайна, и вдругъ такой отрицательныхъ качествъ субъектъ ставится имъ „примѣромъ".

Что-то странное и ни съ чѣмъ несообразное!

„А... теперь я все это прекрасно понимаю,—думалъ Аннинскій, лежа на постели:—онъ наушничалъ, переносилъ о насъ все ректору, вотъ и оказался примѣрнымъ. Тутъ просто была услуга за услугу".

Вспомнился ему и другой случай, бывшій совсѣмъ ужъ недавно.

Въ числѣ семинарскихъ педагоговъ былъ нѣкто Александръ Александровичъ Металловъ, преподававшій въ старшихъ классахъ греческій языкъ.

Металловъ носилъ ученую степень магистра и лѣтъ уже десять считался „восходящей звѣздой" богословской науки, но въ сущности былъ человѣкъ ограниченный и бездарный.

Онъ достигъ магистерства благодаря лишь своей изумительной усидчивости и трудолюбію и, главнымъ образомъ, поддержкѣ профессора-рецензента, съ дочерью котораго онъ былъ помолвленъ еще на послѣднемъ академическомъ курсѣ.

Добродушный старецъ, безумно любившій свою „дѣвчурку", переработалъ самъ всю диссертацію будущаго зятя и далъ объ авторѣ восторженный отзывъ, назвавъ его между прочимъ „будущимъ свѣтиломъ".

Заручившись такой аттестаціей, Александръ Александровичъ рискнулъ просить каѳедры въ родной академіи, но противъ этого энергично возсталъ ректоръ, извѣстный своею прямотой и неподкупностью, и въ высшемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія одною безталантностью стало меньше.

Скрѣпя сердце, Металловъ примирился съ неудачей и взялъ мѣсто преподавателя греческаго языка въ семинаріи.

Профессорскій отзывъ и здѣсь сослужилъ ему службу: его встрѣтили съ большимъ почетомъ, какъ человѣка выдающагося по способностямъ, и голосъ его сразу же пріобрѣлъ значительный вѣсъ въ семинарскихъ дѣлахъ.

Наученный горькимъ опытомъ, Металловъ принялъ, однако, и другія мѣры, чтобы еще болѣе упрочить свое положеніе.

Такъ, ректоръ былъ у него воспріемникомъ всѣхъ пятерыхъ дѣтей.

Инспекторъ состоялъ духовникомъ его жены, а для помощниковъ инспектора, надзирателей и остального учебнаго персонала Металловъ ежемѣсячно устраивалъ званые обѣды, кончавшіеся обыкновенно далеко за полночь.

Благодаря такимъ пріемамъ, Александръ Александровичъ пользовался полнымъ расположеніемъ всей семинарской корпораціи и въ особенности ректора, который при всякомъ удобномъ случаѣ выпрашивалъ своему любезному куманьку чинокъ или орденочекъ.

Не любили Металлова одни лишь семинаристы.

Его черствость, сухое, безцвѣтное преподаваніе и недостатокъ снисходительности къ питомцамъ возстановляли противъ него даже самыхъ тихихъ и безобидныхъ скромниковъ.

Особенно ненавидѣли его воспитанники за полное неумѣнье сообразоваться съ силами учениковъ.

Двѣ-три страницы перевода изъ какого-нибудь тяжеловѣснаго „Шестоднева“ Василія Великаго или „Пастыря“ Ерма были у него самымъ обычнымъ урокомъ.

Когда же преподавателю хотѣлось поскорѣе дочитать какую-нибудь главу, число страницъ увеличивалось до пяти и даже десяти.

— Помилуйте, Александръ Александровичъ,—пробовали въ началѣ возражать семинаристы:—намъ этого не приготовить; вѣдь у насъ, кромѣ вашего, еще четыре урока каждый день, надо же и ихъ подучить.

На подобныя заявленія Металловъ отвѣчалъ обыкновенно тѣмъ, что на другой день обязательно спрашивалъ всѣхъ „протестантовъ“ и выставлялъ имъ въ классномъ журналѣ по жирной единицѣ, хотя бы они и довольно порядочно знали урокъ.

Такія своеобразныя мѣры привели, разумѣется, къ тому, что воспитанники перестали вступать съ преподавателемъ въ откровенныя объясненія и рѣшили прибѣгнуть къ обману.

Наблюдательная молодежь очень скоро подмѣтила, что ихъ „грекъ“ мнитъ себя великимъ знатокомъ своего предмета и при всякомъ удобномъ случаѣ любитъ пускаться въ пространныя филологическія разъясненія.

Цѣлыми часами, напримѣръ, могъ онъ толковать о значеніи приставки „де“ или объ отличіи аориста отъ прошедшаго-совершеннаго.

Этою слабостью Металлова очень остроумно и воспользовались семинаристы.

Когда данная Александромъ Александровичемъ работа казалась имъ черезчуръ обременительной, они условливались готовить только половину ея, треть или и того еще меньше. Затѣмъ лучшіе ученики старательно выискивали нѣсколько „заковыристыхъ“ мѣстъ, на которыхъ можно было остановить вниманіе преподавателя и съ легкимъ сердцемъ приступали къ другимъ занятіямъ.

Начинался урокъ Александра Александровича.

Воспитанники переводили, дѣлали грамматическій и стилистическій разборъ, приводили комментаріи,—однимъ словомъ, все шло, какъ по маслу.

Но вотъ достигали, наконецъ, одного изъ намѣченныхъ мѣстъ. Скрытая въ немъ филологическая тонкость большею частью ускользала отъ вниманія Металлова.

Тогда вставалъ кто-либо изъ „первачей“ и съ самымъ невиннымъ видомъ задавалъ вопросъ:

— Александръ Александровичъ! А почему здѣсь поставленъ родительный падежъ? Вѣдь по правилу слѣдовало бы, кажется, дательный съ предлогомъ?

Этого было вполнѣ достаточно, чтобы Металловъ пустился въ пространнѣйшія объясненія.

Онъ начиналъ толковать своимъ питомцамъ, что извѣстныя имъ правила грамматики составлены по лучшимъ писателямъ „золотого вѣка“ и не могутъ примѣняться въ полномъ объемѣ къ изучаемому автору, жившему уже во времена упадка греческой литературы; что употребленіе предлога отняло бы тотъ оттѣнокъ настойчиваго запрещенія, который имѣлъ въ виду придать въ данномъ случаѣ авторъ; что, наконецъ, благородное ухо грековъ, не выносившее сліянія такихъ-то и такихъ-то звуковъ, требуетъ непремѣннаго исключенія предлога.

Самоуслаждаясь обширностью своихъ познаній, преподаватель разливался соловьемъ, а воспитанники украдкой поглядывали на часы и тихонько посмѣивались, радуясь, что до конца урока уже остается лишь нѣсколько минутъ.

Александръ Александровичъ былъ очень доволенъ любознательностью своихъ учениковъ и приписывалъ это своему умѣлому преподаванію.

— Всякій даже самый сухой предметъ можно сдѣлать интереснымъ для изученія,—ораторствовалъ онъ въ учительской комнатѣ, съ чувствомъ собственнаго превосходства поглядывая на товарищей:—зависитъ это исключительно отъ талантливости руководителя. Возьмите, напримѣръ, мой предметъ. Что можетъ быть

скучнѣе, безжизненнѣе давно исчезнувшаго „мертваго“ языка? А посмотрите, какъ живо интересуются имъ мои ученики.

Долго бы водила такъ за носъ самоувѣреннаго, но недалекаго наставника плутоватая молодежь, еслибы не тотъ же предатель-наушникъ.

Однажды утромъ Металловъ явился на урокъ видимо чѣмъ-то взволнованный и разсерженный.

Не дождавшись окончанія молитвы, онъ вскочилъ на каѳедру и сразу же принялся спрашивать заданный урокъ.

Вопреки обыкновенію, онъ совсѣмъ не останавливался на излюбленномъ синтаксическомъ разборѣ и быстро переводилъ страницу за страницей.

Чтобы какъ-нибудь остановить его, семинаристы попробовали задать нѣсколько „недоумѣнныхъ“ вопросовъ.

— Прошу не задерживать меня пустяками,—сказалъ, отмахнувшись рукой, Металловъ и продолжалъ переводъ.

Изумленные такимъ необычнымъ ходомъ занятій, воспитанники стали боязливо переглядываться. Они видѣли, что на этотъ разъ Металловъ доберется до неприготовленной ими части урока, и положительно не знали, что̀ предпринять.

И дѣйствительно, Александръ Александровичъ скоро дошелъ до того мѣста, на которомъ условились съ вечера остановиться семинаристы, и съ ехиднымъ торжествомъ посмотрѣлъ на своихъ питомцевъ.

Словно готовясь къ интересному зрѣлищу, онъ оправилъ толстыя золотыя очки, поудобнѣе усѣлся и, заглянувъ мелькомъ въ журналъ, небрежно сказалъ:

— Господинъ Молчановъ! Продолжайте!

Медленно, точно преодолѣвая большія затрудненія, поднялся вызванный и обвелъ своихъ товарищей жалобнымъ, растеряннымъ взглядомъ.

Семинаристы поняли эту безмолвную просьбу и тотчасъ же выступили на защиту своего однокашника.

Не успѣлъ еще Молчановъ взяться за книжку, какъ помѣщавшійся рядомъ съ нимъ Аннинскій вышелъ изъ-за скамейки и, обращаясь къ преподавателю, сказалъ:

— Александръ Александровичъ! Мы далѣе не готовились.

— Почему?—съ дѣланнымъ удивленіемъ спросилъ тотъ.

— У насъ на сегодня было дано очень много работы: по догматикѣ шесть страницъ, по обличительному богословію столько же, по исторіи церкви проповѣдь къ завтрашнему дню; да вдобавокъ еще вчера долго на спѣвкѣ продержали.

— Ну, меня это не касается. Урокъ былъ заданъ,—значитъ, долженъ быть и приготовленъ.

— Да если не было возможности.

— Прошу васъ сѣсть: я все равно не приму никакихъ отговорокъ.

Аннинскій передернулъ плечомъ и возвратился на мѣсто.

Вмѣстѣ съ нимъ грузно опустился на скамью и Молчановъ.

— А вы зачѣмъ же усѣлись?—вновь обратился къ послѣднему Металловъ:—я, кажется, просилъ васъ продолжать переводъ?

— Да вѣдь вамъ уже сказали, что мы далѣе урока не знаемъ,—грубымъ басомъ отвѣчалъ добродушный, но не особенно благовоспитанный Молчановъ.

— Извольте быть вѣжливѣе!—вспылилъ „грекъ":—я полагалъ, что Аннинскій отказывается только за себя.

— Нѣтъ, мы всѣ не готовились,—дружнымъ хоромъ прервали его семинаристы.

— А! вотъ что?! У васъ, значитъ, стачка. Въ такомъ случаѣ я буду спрашивать каждаго пятаго человѣка, и кто не отвѣтитъ, получитъ по нулю.

Металловъ взялъ перо, попробовалъ конецъ его на ногтѣ и, обмакнувъ въ чернильницу, началъ выкликать фамиліи учениковъ, имѣвшихъ несчастіе стоять въ концѣ пятковъ:

— Господинъ Аннинскій!

— Я не готовился, Александръ Александровичъ!

— Извольте садиться!

Противъ имени лучшаго ученика зачернѣлся жирный нуль.

— Господинъ Быстровъ!

— Я тоже не знаю!

— Извольте садиться!

Новый нуль украсилъ страницы класснаго журнала.

Перебравъ еще нѣсколько воспитанниковъ, Александръ Александровичъ дошелъ, наконецъ, до Миролюбова, стоявшаго по списку тридцать пятымъ.

— Господинъ Миролюбовъ!

Вызванный вскочилъ, какъ ужаленный пчелою, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на преподавателя.

Металловъ тоже поднялъ на него глаза и, словно что-то вспомнивъ, слегка замялся и сконфуженно забормоталъ:

— А впрочемъ... извините... виноватъ... я больше спрашивать не буду. Извольте садиться!

— Ну, счастливъ твой Богъ, —говорили товарищи Миро-

любову по окончаніи урока:—видно, за тебя какая-нибудь бабушка угодниковъ умолила.

Семинаристы сочли тогда это происшествіе съ Миролюбовымъ простою случайностью, но Аннинскій видѣлъ теперь въ немъ нѣчто совсѣмъ другое.

— Просто выдалъ онъ насъ Металлову, вотъ тотъ его и не спросилъ. Сначала, было, забылъ, а потомъ поправился. Это ясно, какъ Божій день. Впрочемъ, завтра все это разслѣдуемъ хорошенько...

Чтобы не слышать начинающагося съ разсвѣтомъ стука ломовыхъ экипажей, ежедневно тянущихся мимо семинаріи на желѣзную дорогу, Аннинскій закрылъ голову подушкой и сладко, наконецъ, задремалъ...

IV.

Рѣзкій звонъ колокольчика разбудилъ семинаристовъ ровно въ семь часовъ утра.

Нѣсколько игновеній въ спальнѣ царила мертвая тишина. Видно было, что разнѣженнымъ сномъ воспитанникамъ не хочется разставаться съ теплой постелью, и они очень не прочь бы поспать еще часокъ-другой.

Потомъ кое-гдѣ зашевелились, и послышались звуки, сопровождающіе обыкновенно пробужденіе большого количества людей: кто кашлялъ, кто сморкался, кто оглушительно зѣвалъ; трещали кости отъ потяготы, скрипѣли кровати, звонко хлопали въ воздухѣ встряхиваемыя принадлежности костюмовъ.

Аннинскій проснулся съ первымъ ударомъ колокольчика и, слегка пріоткрывъ глаза, посмотрѣлъ на Миролюбова.

Послѣдній спалъ, повидимому, крѣпчайшимъ сномъ.

— Будетъ дрыхнуть-то!—дернулъ его за плечо спавшій по сосѣдству Молчановъ:—невѣсты всѣ ворота заплевали.

Миролюбовъ поднялъ голову и усиленно сталъ протирать глаза.

„Что, онъ притворяется или въ самомъ дѣлѣ такъ крѣпко спалъ?“—подумалъ Аннинскій.

Во время умыванія, за утренней молитвой и чаемъ и въ получасовой промежутокъ до перваго урока Аннинскій внимательно слѣдилъ за Миролюбовымъ, но ничто не оправдывало его подозрѣній.

„Неужели я ошибся?“—мелькало въ головѣ молодого человѣка, въ душѣ искренно желавшаго впасть въ такую ошибку.

Въ девять часовъ новый звонокъ возвѣстилъ начало уроковъ.

Едва успѣли воспитанники занять свои мѣста, какъ дверь шестого класса легонько пріоткрылась, и чей-то гнусливый голосъ крикнулъ:

— Господа Ильинскій и Аннинскій! Пожалуйте сюда!

— Ректоръ!—шепнулъ по дорогѣ Аннинскій товарищу.

— Влопались!—уныло отвѣчалъ ему тотъ.

Ректоръ ожидалъ ихъ въ концѣ корридора, ставъ спиной къ широкому окну.

Это былъ высокій, плотный архимандритъ, въ черной шелковой рясѣ, съ дорогимъ, украшеннымъ брилліантами крестомъ на груди. Его круглое обрамленное жиденькою бородкою лицо и пухлыя руки отличались той мертвенно-блѣдной полнотой, которую можно встрѣтить лишь у страдающихъ водянкою да кой у кого изъ монаховъ, ведущихъ сидячую жизнь. Острые, каріе глаза, прикрытые темными очками, безпрестанно перебѣгали съ одного предмета на другой, обличая хитрую и скрытную натуру.

Молодые люди подошли подъ благословеніе и молча остановились предъ начальникомъ. Яркій свѣтъ изъ окна ударялъ имъ прямо въ глаза, и они слегка жмурились.

Нѣкоторое время ректоръ безмолвно разсматривалъ ихъ, словно бы видѣлъ впервые. Потомъ, покачивая по привычкѣ головой и прибавляя чрезъ каждыя три-четыре слова „да-да“, онъ заговорилъ наставительнымъ тономъ:

— Я не зналъ, господа, что вы пьете... да-да! Это очень-очень нехорошо... да-да! Наше духовенство чаще всего упрекаютъ въ нетрезвости... да-да! И намъ внушаютъ, чтобы мы воспитывали въ васъ... да-да! отвращеніе къ вину... да-да! А вы, съ позволенія сказать, напиваетесь, какъ сапожники... да-да! Сколько вы вчера выпили, Аннинскій?

Спрошенный хотѣлъ-было чистосердечно признаться, но его предупредилъ Ильинскій.

— Да мы совсѣмъ и не пили, отецъ-ректоръ!—сказалъ онъ.

— Лжете, лжете... да-да! я по глазамъ вижу, что лжете... да-да! Видите, вы на меня не можете смотрѣть: это, значитъ, совѣсть не чиста... да-да! совѣсть!

— Просто намъ свѣтъ бьетъ въ глаза,—отпарировалъ Ильинскій:—станьте на наше мѣсто, такъ и вы прищуритесь!

— Неправда, неправда... да-да! Запирательство васъ не спасетъ... да-да! Чѣмъ вы докажете, что вчера были трезвы?

— Помилуйте, отецъ-ректоръ, какъ мы можемъ доказать? Но вѣдь и вы ничѣмъ не можете теперь удостовѣрить, что мы

вчера были пьяны,—отвѣчалъ находчивый Ильинскій:—это надо было разбирать вчерашній день.

Пораженный такою строгою логичностью отвѣта, ректоръ разсердился и, крѣпко стиснувъ зубы, прошипѣлъ:

— Пошли на мѣсто, безстыжіе лгуны!

— А я, Шура, думалъ-было во всемъ признаться,—сказалъ Аннинскій Ильинскому, входя въ классъ.

— И былъ бы дуракъ,—отрѣзалъ тотъ:—еслибы ты сознался, тебя вытурили бы изъ семинаріи, а теперь много, что два праздника въ отпускъ не пустятъ, да по поведенію балла два сбавятъ. Но любопытно мнѣ, откуда онъ пронюхалъ, что мы съ тобой вчера гульнули. Дорого бы я далъ, чтобъ это узнать.

— А я, кажется, нашелъ разгадку. Это дѣло Миролюбова; кромѣ него некому.

И Аннинскій разсказалъ товарищу о ночной продѣлкѣ Миролюбова и о всѣхъ своихъ подозрѣніяхъ.

Выслушавъ разсказчика, Шурка съ сердцемъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Конечно, это—онъ, жаба египетская! Сегодня же изобью мерзавца до полусмерти.

— Полно, полно, успокойся! — удержалъ расходившагося юношу болѣе разсудительный товарищъ:—надо сначала уличить его предъ всѣми, а тамъ ужъ видно будетъ, что̀ предпринять.

— Но какъ ты поймаешь такого мошенника? Видишь, какая онъ хитрая бестія.

— Ну, можетъ быть, что-нибудь и придумаемъ. Пословица говоритъ: „утро вечера мудренѣе". Подождемъ-ка лучше до завтра.

V.

На другой день, послѣ обѣда, Ильинскій, Аннинскій, Молчановъ и Быстровъ долго гуляли по семинарскому саду и горячо о чемъ-то спорили.

А вечеромъ всѣ четверо принялись за очень странное занятіе: они рѣзали на мелкіе кусочки листы разноцвѣтной бумаги и аккуратно ссыпали ихъ въ сумочку.

— Что̀ это вы дѣлаете?—полюбопытствовалъ Миролюбовъ.

— Калейдоскопъ хотимъ смастерить,—отвѣчалъ за всѣхъ Ильинскій.

— Вишь ты, малютки какія!—усмѣхнулся Миролюбовъ.

Товарищи промолчали.

Когда обрѣзковъ было заготовлено достаточное количество, вся компанія отправилась въ лазаретъ.

— И что вы по ночамъ шляетесь!—съ сильнымъ не русскимъ акцентомъ закричалъ на нихъ старенькій фельдшеръ:— мало вамъ было дня? Нѣтъ отъ васъ покоя ни минуты.

Молодые люди нисколько, однако, не смутились такимъ пріемомъ. Они отлично знали, что у этого стараго крикуна подъ сварливою внѣшнею оболочкою таится доброе, отзывчивое сердце, готовое на всякую услугу для „милыхъ дитятокъ".

Всѣ они не разъ лежали въ лазаретѣ и видѣли, какъ этотъ вѣчно брюзжащій и ругающій воспитанниковъ старикъ не спалъ иногда напролетъ цѣлыя ночи, ухаживая за наиболѣе слабыми больными. Какъ нѣжная мать, онъ ловко оправлялъ у нихъ подушки, подавалъ питье, осторожно растиралъ наболѣвшія части, и въ это же самое время ругательски ругалъ своихъ паціентовъ. Поэтому-то къ брани фельдшера всѣ давно привыкли, и никто уже не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія.

Такъ же отнеслись къ ней и вошедшіе семинаристы.

— Помилуйте, Тимоѳей Павлычъ,—забасилъ Молчановъ:— какъ же я могъ раньше придти, если у меня сейчасъ только заболѣла шея?

— И что же у васъ такое?

— Да вотъ головы не поворотить, и сильно колетъ въ это мѣсто.

Молчановъ ткнулъ пальцемъ за лѣвое ухо.

Тимоѳей Павлычъ очень внимательно осмотрѣлъ и прощупалъ указанную область.

— О, дьяволы! На вѣтру стоите, реуматизмы и получаете. Натритесь вотъ этимъ на ночь!

Фельдшеръ подалъ маленькую деревянную коробочку съ мазью.

— А у васъ что̀?

— Да рука что-то зудитъ,—отвернулъ рукавъ Аннинскій.

— Пхэ! ничего еще незамѣтно. Помажьте вотъ цинковой мазью! А вы что?

— Поморозился немножко, Тимоѳей Павлычъ! — показалъ Ильинскій на свое до-красна натертое ухо.

— О, дураки, балбесы! Да вы живой человѣкъ или мертвый? Не слыхалъ, что уши мерзнутъ! Нате вотъ гусинаго сала. А вы что̀?

— Руки вотъ отъ холода трескаются, Тимоѳей Павлычъ!— смиренно отвѣчалъ Быстровъ.

— Нате вазелину.

Поблагодаривъ фельдшера, семинаристы выбѣжали изъ лазарета и со смѣхомъ сложили всѣ мази въ общую банку, которую взялъ къ себѣ Молчановъ.

За вечернею молитвою ни Аннинскій, ни Ильинскій не присутствовали. Они пришли въ спальню, когда всѣ уже лежали въ постеляхъ.

— Гдѣ вы были?—спросилъ Миролюбовъ, когда они проходили мимо его кровати.

— Ходили къ служителямъ, опохмелиться послѣ вчерашняго.

Поговоривъ съ полчаса, воспитанники мало-по-малу стали засыпать.

Когда въ спальнѣ все замолкло, Молчановъ опустилъ потихоньку руку подъ кровать Миролюбова, взялъ его сапоги и, подержавъ ихъ нѣсколько времени у себя подъ одѣяломъ, такъ же осторожно поставилъ на мѣсто. Потомъ перекрестился нѣсколько разъ на чуть виднѣвшійся на стѣнѣ образъ, плотнѣе закутался и сладко захрапѣлъ.

VI.

— Господа! Погодите вставать!—громко кричалъ Ильинскій на слѣдующее утро, когда раздался первый звонокъ.

— Почему это?—спросило нѣсколько голосовъ.

— Потому, господа, что мы поймаемъ сегодня фискала, который наушничаетъ на насъ начальству.

Еслибы надъ воспитанниками началъ рушиться потолокъ, то это не произвело бы, вѣроятно, такого дѣйствія, какъ сказанныя Ильинскимъ слова.

Почти всѣ мгновенно сѣли на постеляхъ.

— Какъ? Что̀ такое? Объясни!—загудѣло кругомъ.

— Извольте, извольте, господа!

Ильинскій подробно передалъ товарищамъ, какъ они съ Аннинскимъ дошли до мысли, что предателемъ-наушникомъ является кто-нибудь изъ своихъ одноклассниковъ.

— Мы имѣли очень основательныя подозрѣнія на одно лицо, но не хотѣли выдавать его, не провѣривъ нашихъ предположеній, — сказалъ онъ:—и вотъ вчера мы добыли у Тимоѳея Павловича нѣсколько лекарствъ, въ составъ которыхъ входитъ сало или вазелинъ, и намазали ими подошвы сапогъ подозрѣваемаго субъекта. А у входовъ въ квартиры ректора и инспектора незамѣтно насыпали кусочковъ мелко нарѣзанной бумаги.

И вотъ, если этотъ господинъ ходилъ къ кому-нибудь изъ нихъ ночью, то вы сейчасъ увидите это сами. Пусть каждый покажетъ свои сапоги! Вотъ мои,—извольте смотрѣть!

Ильинскій, взявъ за каблуки, высоко поднялъ надъ головою свою обувь.

— А вотъ и мои!.. А вотъ и мои!..—засуетились воспитанники, спѣша показать товарищамъ чистыя подошвы.

Только Миролюбовъ лежалъ спокойно и, повидимому, равнодушно смотрѣлъ на происходящее.

— А ты что же не показываешь сапогъ?—обратился къ нему Молчановъ.

— Что я, дуракъ, что ли?—грубо огрызнулся спрошенный:—вы, можетъ быть, нарочно прилѣпили мнѣ бумажекъ, чтобы натравить на меня товарищей.

— Нѣтъ, ты покажи!—настаивалъ Молчановъ.

— Убирайся къ чорту! Не стану я потакать вашимъ глупостямъ. Обуюсь вотъ, да и въ самомъ дѣлѣ пойду къ ректору и разскажу, что̀ вы тутъ продѣлываете.

И Миролюбовъ дѣйствительно протянулъ-было руку къ своимъ сапогамъ.

— Нѣтъ, ты погоди, погоди!—ухватили его Аннинскій и Ильинскій:—ты покажи сначала подошвы, а потомъ и иди хоть къ дьяволу. Правда вѣдь, господа!

— Да, да!—закричали семинаристы:—ты обязанъ показать.

— Никто меня не можетъ заставить,—продолжалъ упорствовать Миролюбовъ:—не хочу и не покажу. А будете насильничать,—честное слово, нажалуюсь начальству.

— Что на него смотрѣть!—крикнулъ Ильинскій:—Молчановъ! бери у него сапоги!

Ловкимъ движеніемъ Молчановъ вырвалъ у Миролюбова обувь и повернулъ ее подошвами къ товарищамъ: толстыя, двойныя подметки сплошь были усѣяны прилипшими кусочками разноцвѣтной бумаги...

VII.

Послѣ этого приключенія Миролюбовъ переселился на житье въ лазаретъ.

Ему отвели рядомъ съ аптекой крошечную каморочку, которая предназначалась для остро-заразныхъ больныхъ и почти всегда стояла пустою.

— Вотъ гдѣ у меня ваша чума сидитъ!—шутилъ Тимоѳей Павлычъ, проходя съ воспитанниками мимо стеклянныхъ дверей этой палатки.

Въ этомъ-то помѣщеніи и прожилъ Миролюбовъ все остальное время до окончанія курса.

Никто изъ товарищей съ нимъ не говорилъ, не здоровался, не вступалъ ни въ какія сношенія, но онъ очень мало обращалъ на это вниманія.

Своимъ практическимъ умомъ онъ отлично понималъ, что товарищескія узы рѣдко продолжаются за предѣлами школы.

„Друзья! Товарищи!—мысленно разсуждалъ онъ:—а выйдутъ изъ семинаріи—за первое же мѣсто передерутся, какъ собаки изъ-за кости. Небось, одинъ другому по чувству товарищества не уступитъ“.

Выпускные экзамены Миролюбовъ сдалъ очень плохо. По нѣкоторымъ предметамъ онъ даже вовсе не могъ отвѣчать, но такъ какъ предсѣдателями экзаменаціонныхъ коммиссій были неизмѣнно ректоръ или инспекторъ, то ему всегда ставили удовлетворительныя отмѣтки.

Получивъ свидѣтельство объ окончаніи курса, Миролюбовъ началъ пріискивать себѣ занятіе.

Какъ выпущенному изъ семинаріи послѣднимъ, ему, конечно, трудно было бы найти хорошее мѣсто, еслибы не помогли прежнія негласныя заслуги предъ отцомъ-ректоромъ.

Выполняя давно уже обдуманный планъ, Миролюбовъ сталъ проситься учителемъ въ церковно-приходскую школу.

Предсѣдателемъ епархіальнаго училищнаго совѣта, который единолично распоряжался раздачей учительскихъ должностей, былъ какъ-разъ семинарскій ректоръ.

Къ нему-то и прибѣгнулъ „съ всепокорнѣйшей“ просьбой Миролюбовъ.

— Есть, есть у меня для васъ мѣстечко,—ласково потрепалъ по плечу просителя ректоръ:—многіе точатъ на него зубы,—да-да! Между прочимъ и ваши товарищи: Быстровъ и Ильинскій... да-да! но я нахожу болѣе справедливымъ... да-да!.. отдать его вамъ. По моему глубокому убѣжденію... да-да!.. вы болѣе подходите по своимъ нравственнымъ качествамъ для нашихъ цѣлей, чѣмъ тѣ... да-да!

И Миролюбовъ тутъ же былъ зачисленъ учителемъ въ богатѣйшее пригородное село Заболотье, гдѣ учащіе пользовались и прекрасной квартирой, и довольно высокимъ содержаніемъ, сравнительно съ остальными нищенствующими собратьями.

VIII.

Миролюбовъ пріѣхалъ въ Заболотье задолго до начала занятій, чтобы „принюхаться“, какъ онъ говорилъ, „къ мѣстному житью-бытью“.

На другой же день по пріѣздѣ онъ пригласилъ завѣдующаго школою отца Павла Казанскаго отслужить молебенъ, по окончаніи котораго очень ловко втиснулъ ему въ руку три рубля.

— Да не надо бы, Иванъ Петровичъ!—попробовалъ отказаться священникъ, искоса взглядывая на новенькую бумажку:—вы сами еще вновѣ, во всемъ, поди, нуждаетесь...

— Полноте, батюшка, что вы! — горячо запротестовалъ Миролюбовъ:—я человѣкъ молодой, одинокій; вина не пью, табаку не курю, въ карты не играю,—на что мнѣ деньги. А у васъ вонъ семья-то, кажется, девять душъ. Всѣхъ надо одѣть, накормить, обучить. Я по своему родителю знаю, какъ это тяжело. Насъ было всего шесть человѣкъ, да и то папенька-то бился, ой-ой какъ!

— Правда, Иванъ Петровичъ, воистину правда! Спасибо, что вы все это понимаете!—вздохнулъ отецъ Павелъ, принимая, наконецъ, кредитку, и про себя подумалъ:—какой прекрасный молодой человѣкъ! Обстоятельный, разсудительный, не чета нынѣшнимъ вертунамъ.

Съ этихъ поръ Миролюбовъ сталъ у Казанскаго своимъ человѣкомъ.

Батюшка бесѣдовалъ съ нимъ, какъ съ равнымъ, расписывалъ своихъ прихожанъ и сосѣдей и открывалъ даже нѣкоторыя сокровенныя тайны, вплоть до точной цифры своихъ доходовъ.

Расположивъ къ себѣ отца Павла, Миролюбовъ, однако, не удовольствовался этимъ.

Обзаведясь самоваромъ и чайной посудой, онъ сталъ по вечерамъ приглашать „попить чайку“ и мужичковъ, выбирая при этомъ наиболѣе простодушныхъ и болтливыхъ.

Благодушествуя за китайской травкой, говорливые крестьяне скоро посвятили Ивана Петровича во всѣ мѣстныя дѣла-дѣлишки.

Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ времени Миролюбовъ узналъ уже, что „батюшка отецъ Павелъ—человѣкъ ничего себѣ, но маленько слабоватъ“, дьяконъ Арсеній Барсовъ—„задира отъявленный и сутяга“, а псаломщикъ Семенъ Рождественскій „парень добрѣющій, но до винца жадёнъ, а во хмелю буёнъ“.

Узналъ онъ кое-что и про мѣстнаго воротилу и церковнаго старосту Андрея Михайловича Шарамыгина.

Опоражнивая стаканъ за стаканомъ, разговорчивые мужички повѣдали, хоть и съ нѣкоторой опаской, что староста—„купецъ здравный“, съ причтомъ „не ладитъ“ и любитъ вообще тѣхъ, „которые, значитъ, съ язычкомъ“.

Благодаря этимъ бесѣдамъ, Миролюбову вскорѣ была извѣстна вся подноготная тѣхъ лицъ, съ которыми ему предстояло жить и работать, и онъ очень ловко воспользовался этимъ.

IX.

Занятія въ школѣ Миролюбовъ началъ, какъ и подобаетъ, молебномъ „въ наученіе отроковъ“.

Помолившись Господу Богу о ниспосланіи „силы и премудрости къ познанію преподаваемыхъ ученій“, причтъ перешелъ въ помѣщеніе учителя, гдѣ была уже приготовлена обильная выпивка и закуска.

Усадивъ дорогихъ гостей, Иванъ Петровичъ особенно усердно принялся угощать псаломщика, и дѣйствовалъ такъ успѣшно, что черезъ какихъ-нибудь полчаса сильно подгулявшій Рождественскій крѣпко обнималъ радушнаго хозяина и называлъ его „Ваней“ и „единственнымъ другомъ“.

На слѣдующее утро въ Заболотской школѣ начались уроки.

Новый учитель повелъ дѣло довольно своеобразно.

Учебною частью онъ занимался очень мало. Русское чтеніе и письмо, ариѳметика и объяснительныя бесѣды стояли у него на заднемъ планѣ. Онъ налегалъ преимущественно на церковное пѣніе и славянскій языкъ.

Но самое главное вниманіе Ивана Петровича обращено было на воспитаніе учениковъ „въ духѣ исконныхъ завѣтовъ земли русской“.

Его питомцы за версту ломали шапку предъ всякой фуражкой съ кокардой, по пяти разъ на дню подбѣгали къ отцу Павлу „за благословеніемъ“ и каждый праздникъ приходили за восемь-девять верстъ въ церковь, хотя нерѣдко морозили при этомъ носы и уши и горько-прегорько плакали.

„Полезная“ дѣятельность Ивана Петровича скоро была замѣчена и оцѣнена по достоинству.

— Славнаго намъ Богъ учителя послалъ,—говорилъ добродушный отецъ Павелъ епархіальному наблюдателю, изможден-

ному городскому протоіерею, давно уже ничего не читавшему „за недосугомъ“.

Тотъ утвердительно помычалъ ему въ отвѣтъ, и недѣли черезъ двѣ заболотскому учителю „за отлично-усердную и примѣрно-полезную дѣятельность“ преподано было „благословеніе“, подкрѣпленное нѣсколькими новыми полуимперіалами.

Къ концу учебнаго года воспитанники Миролюбова еле-еле разбирали русскую печать, съ грѣхомъ пополамъ считали цѣлыми десятками до сотни и попрежнему были убѣждены, что громъ происходитъ отъ колесницы пророка Иліи.

Зато они бойко читали за всенощнымъ „шестопсалміе“ и „каѳизмы“, пѣли „Господи воззвахъ“ на „греческіе“, „знаменные“ и „кіевскіе“ распѣвы, а во время храмового праздника исполнили „за причастнымъ“ даже громогласный концертъ Бортнянскаго: „Сей день, его же сотвори Господь“.

Но особенно отличился Иванъ Петровичъ на экзаменѣ своей школы.

Испытывать познанія заболотскихъ школьниковъ явилась цѣлая коммиссія.

Во главѣ ея стоялъ попечитель школы, отставной кавалеристъ, Ѳедоръ Ивановичъ Губаревъ, по общему мнѣнію, „опоздавшій родиться“ ровно на полтора столѣтія.

Въ качествѣ представителя земства приглашенъ былъ учитель мѣстнаго министерскаго училища Ѳедотъ Алексѣичъ Евсѣевъ, изъ окончившихъ учительскій институтъ крестьянъ.

Уѣздное отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта отрядило своего почетнаго члена Андрея Михайловича Шарамыгина, явившагося на экзаменъ въ „благотворительномъ“ мундирѣ, украшенномъ девятью золотыми и серебряными медалями, пятью знаками различныхъ обществъ и какимъ-то иностраннымъ орденкомъ.

Присутствовалъ, конечно, и отецъ Павелъ Казанскій, состоявшій законоучителемъ и завѣдующимъ школой.

Экзаменъ былъ назначенъ въ девять часовъ утра, но коммиссія собралась только около одиннадцати и, испивъ предварительно у Миролюбова чайку съ любезно-присланной Шарамыгинымъ „свинь-шампанью“, приступила къ испытанію.

Вызванные ученики очень обстоятельно разсказали, какъ Каинъ убилъ Авеля, а Ной насадилъ виноградникъ; передали кое-что объ Іосифѣ и женѣ Пентефрія; о Кисовыхъ ослицахъ и прегрѣшеніи Давида, и изъ всего этого вывели назидательныя заключенія.

Все это сильно отзывалось чѣмъ-то дѣланнымъ, натянутымъ, фальшивымъ.

Видно было, что экзаменующіеся повторяютъ лишь заученныя слова законоучителя, сами плохо понимая ихъ смыслъ.

Но въ общемъ всѣ отвѣчали бойко, и „испытатели" щедрою рукою сыпали имъ пятерки.

Вслѣдъ за священной исторіей приступили къ испытанію по славянскому языку.

И тутъ заболотскіе школьники не ударили въ грязь лицомъ. Читали довольно бѣгло, увѣренно разбирались въ разныхъ „титлахъ", „словотитлахъ", „каморахъ" и „варіяхъ" и быстро отыскивали указанные главы и стихи.

Маленькая заминка произошла только тогда, когда Ѳедотъ Алексѣичъ вздумалъ спросить:

— А что значатъ эти слова: „еродіево жилище предводительствуетъ ими"?

— Позвольте-съ! — энергично выступилъ на защиту своихъ питомцевъ Миролюбовъ, — вы, очевидно, совсѣмъ незнакомы съ нашими программами. Мы обязаны переводить только простѣйшія слова и выраженія.

— Да я совсѣмъ и не требовалъ перевода, — возразилъ Евсѣевъ,—я только поинтересовался узнать, понимаютъ ли они прочитанное?

— Это въ программу не входитъ.

— Но, помилуйте, здравый смыслъ подсказываетъ это. Къ чему читать, если не понимаешь?

— Ну, объ этомъ разсуждать не наше дѣло. Мы должны исполнять требованія программы,—и вся недолга.

Евсѣевъ пожалъ плечами и замолкъ.

Андрей Михайлычъ, недолюбливавшій независимо державшагося учителя, насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Чтò, братъ, съѣлъ грибъ?—казалось, говорили его мутные, заплывшіе жиромъ глазки: — туда же, спорить лѣзетъ съ умными людьми.

Отецъ Павелъ тоже взглянулъ съ торжествомъ на попечителя, словно бы желая сказать:

— Каковъ паренёкъ-то? Золото, а не учитель.

Когда маленькое недоразумѣніе было исчерпано, принялись за русскій языкъ и счисленіе.

Здѣсь дѣла пошли хуже.

Зная недостаточную подготовку своихъ учениковъ, Миролюбовъ заблаговременно назначилъ каждому изъ нихъ отдѣльный отрывокъ для чтенія и задачу, которые они должны были выучить „на зубокъ".

Благодаря такому пріему, отвѣты обѣщали быть блестящими, но все испортилъ неугомонный Евсѣевъ.

Когда экзаменующійся мальчуганъ, звонко постукивая мѣломъ, окончилъ задолбленныя выкладки и хотѣлъ уже идти на мѣсто, Ѳедотъ Алексѣичъ вдругъ остановилъ его вопросомъ:

— Футъ проволоки стоитъ три копѣйки. Сколько стоитъ аршинъ?

Огорошенный „незнакомой“ задачей, школьникъ долго стоялъ съ открытымъ ртомъ и, какъ ни подсказывалъ Миролюбовъ, рѣшить ее не могъ.

Другіе ученики оказались не лучше и на всѣ вопросы Евсѣева только усиленно хлопали глазами.

Чтобы поправить испорченное впечатлѣніе, Иванъ Петровичъ предложилъ перейти къ экзамену по церковному пѣнію.

Въ этомъ испытаніи руководящую роль принялъ на себя Шарамыгинъ.

— А-а-а-м-мо-о-гутъ они,—началъ онъ, сильно заикаясь на первыхъ слогахъ,—симоновскую херувимскую изобразить?

— Съ удовольствіемъ, Андрей Михайловичъ, съ удовольствіемъ, — почтительно поклонился ему Миролюбовъ и, ударивъ камертономъ по тыльной сторонѣ ладони, задалъ тонъ.

Херувимскую спѣли гладко.

„Почетный членъ“ слушалъ, зажмуривъ отъ удовольствія глазки, умильно вздыхалъ и покачивалъ въ тактъ головою, причемъ его многочисленныя регаліи мягко позванивали.

— А-а-а-т-те-е-переча нельзя ли турчаниновскій задостойникъ?

Пропѣли и „задостойникъ“.

Шарамыгинъ расчувствовался, вытащилъ изъ бокового кармана объемистый бумажникъ, долго рылся въ немъ и подалъ, наконецъ, учителю трехрублевую бумажку.

— Бла-а-дарю! В-великое, можно сказать, удовольствіе доставили. Примите эфто отъ моихъ щедротъ!

— Благодарите, ребятки, благодѣтеля!—мигнулъ Иванъ Петровичъ своимъ питомцамъ.

И вымуштрованная стая дружно запищала:

— Покорнѣйше благодаримъ васъ, батюшка Андрей Михайловичъ, за ваши милости!

— Смотрите, какія вѣжливыя стали дѣти!—шепнулъ отецъ Павелъ Губареву.

— Да, доброе вліяніе много значитъ!—отвѣчалъ тотъ:—бывало, идешь по улицѣ, ни одинъ тебѣ мерзавецъ поклониться

не хочетъ, точно свой братъ-сиволапъ идетъ. А теперь смотрю, чуть не за сотню шаговъ шапочки снимаютъ.

Экзаменъ окончился.

Выславъ дѣтей „погулять“, принялись обсуждать, кто изъ нихъ достоинъ получить свидѣтельство объ окончаніи курса.

Губаревъ, отецъ Павелъ, Шарамыгинъ и Миролюбовъ находили, что аттестаты слѣдуетъ выдать всѣмъ подвергавшимся испытанію.

Евсѣевъ былъ другого мнѣнія.

— Помилуйте, — говорилъ онъ, — да они читать по-русски порядкомъ не умѣютъ, въ простѣйшей задачкѣ разобраться не могутъ, а въ воззрѣніяхъ на явленія природы такъ же темны, какъ и ихъ отцы. Признавать ихъ окончившими начальную школу—прямая насмѣшка надъ народнымъ образованіемъ, которое мы призваны насадить въ невѣжественныхъ массахъ.

— Вы стоите на неправильной точкѣ зрѣнія,— съ ехидной улыбочкой возразилъ Миролюбовъ,—нашему народу не надо образованія. Ему нужна простая грамотность и религіозно-нравственное воспитаніе. Этого желаетъ самъ народъ. И ваша школа, отвращающая его отъ вѣры, не соотвѣтствуетъ его желаніямъ.

— Простите!—рѣзко оборвалъ учителя Евсѣевъ,—я самъ—крестьянинъ и лучше васъ знаю, чего хочетъ нашъ народъ. Но откуда вы взяли, что наша школа отвлекаетъ народъ отъ вѣры? Мы всѣ—люди болѣе или менѣе вѣрующіе и знаемъ, какое незамѣнимое утѣшеніе приноситъ иногда человѣку вѣра. Но развѣ вѣра и образованіе исключаютъ другъ друга?

— Знаемъ мы вашу вѣру, — иронически засмѣялся Миролюбовъ:—про нее можно выразиться словами Некрасова: „безъ церковнаго пѣнья, безъ ладана, безъ всего, чѣмъ могила крѣпка“. Нѣтъ, не этого ищетъ народъ. Ему нужна вѣра, въ которой онъ исторически родился и выросъ, и съ Божьей помощью проживетъ еще долгіе дни. И кто думаетъ иначе, тотъ не другъ, а врагъ русскаго народа.

Послѣднія слова Иванъ Петровичъ подчеркнулъ и выразительно посмотрѣлъ на остальныхъ членовъ коммиссіи.

Ѳедотъ Алексѣичъ вновь пожалъ плечами и прикусилъ языкъ.

Всѣ ученики заболотской школы получили свидѣтельства объ окончаніи курса, а о поступкѣ Миролюбова доведено было „до свѣдѣнія“ начальства, которое постановило „имѣть его въ виду“, какъ полезнаго дѣятеля и преданнѣйшаго борца за „коренные устои“.

X.

Приголубленный учителемъ псаломщикъ Рождественскій зачастилъ къ своему „единственному другу“.

Дня не проходило, чтобы Семенъ Ильичъ не заглянулъ вечеркомъ въ школу.

Приходилъ онъ всегда полупьяненькій, а временами и въ довольно сильныхъ „градусахъ“, но Иванъ Петровичъ встрѣчалъ его съ неизмѣннымъ радушіемъ и тотчасъ же посылалъ за водкой.

И, сидя за бутылкой „смирновки“, или „поповки“, псаломщикъ плакалъ горючими слезами и жаловался на свою горькую долю.

Что̀ онъ, въ сущности, такое? Несчастная парія, которой всѣ помыкаютъ.

Его не слушается даже церковный сторожъ Кучуга, такой же пьянчужка, какъ и онъ самъ.

Развѣ не обидно ему, что какой-нибудь кулакъ Андрей Шарамыгинъ говоритъ ему „ты“, а отецъ Павелъ въ глаза называетъ „болваномъ“?

Вотъ, напримѣръ, и сегодня онъ нѣсколько опоздалъ подать батюшкѣ ризу, а тотъ и закричалъ на него на весь алтарь:

— Что-жъ, болванъ, стоишь? Подавай облачаться!

А вѣдь онъ тоже учился въ семинаріи и учился хорошо. Думалъ даже въ академію идти, да, по несчастію, въ пятомъ уже классѣ попался въ пьянствѣ и съ позоромъ былъ выгнанъ вонъ.

Миролюбовъ слушалъ эту пьяную болтовню внимательно и сочувственно покачивалъ головою.

А временами, какъ будто невзначай, произносилъ:

— Ну, ужъ я бы, Сеня, не стерпѣлъ этого на твоемъ мѣстѣ: такъ бы прямо въ морду и далъ.

— И я дамъ. Ты думаешь, не дамъ? Вотъ сейчасъ пойду и дамъ.

И въ пьяномъ азартѣ Рождественскій отправлялся къ священнику и хоть не осмѣливался „дать ему въ морду“, но грубилъ и бранился до неприличія.

— Совсѣмъ у меня нынче дьячекъ отъ рукъ отбился,— сказалъ однажды отецъ Павелъ Миролюбову, зашедшему къ нему „побесѣдовать“: — бывало, пьяный хоть прятался отъ меня. А теперь, какъ напьется, такъ и лѣзетъ сюда. Ругается, сквернословитъ, того и жду, что еще драться начнетъ.

— Очень уже вы, батюшка, добры, — вкрадчиво замѣтилъ Иванъ Петровичъ, — столько времени терпите около себя этакаго негодяя. И хоть бы псаломщикъ-то былъ порядочный, дѣло свое зналъ, а то вѣдь никуда не годится: ни пѣть, ни читать, ни вамъ прислужить. Смотрю я какъ-то, подаетъ онъ вамъ кадило. Гдѣ бы у пастыря руку при этомъ поцѣловать, а онъ сунулъ, да и вонъ изъ алтаря. Нѣтъ, я и самъ готовился священникомъ быть, а когда въ семинаріи прислуживалъ священнику, всегда ему руку лобызалъ.

— Такъ то вы, Иванъ Петровичъ, человѣкъ умный, разсудительный. Гдѣ такихъ-то псаломщиковъ найдешь?

— Ну, отчего же; найдутся охотники. Вѣдь у васъ, поди, въ годъ рублей восемьсотъ на его долю придется?

— Всю тысячу кладите. Да земля еще, да квартира, да разные сборы натурой: петровщина, тамъ, христовщина, осенщина.

— Вотъ видите ли! На такихъ условіяхъ всякій согласится.

— Ну, положимъ, не всякій. Взять къ примѣру, вы первый не согласились бы.

— Я? Отчего же? Съ удовольствіемъ.

— Хе, хе, хе! Шутникъ вы, Иванъ Петровичъ! На виду у начальства стоите, а пойдете въ дьячки. Вамъ и въ священническомъ мѣстѣ не откажутъ.

— А почему же и дьячкомъ не послужить? Святой Іоаннъ Златоустъ и получше насъ былъ, да тоже начиналъ свою службу церкви чтецомъ, пѣвцомъ и свѣщеносцемъ.

— Такъ-то такъ. Говорятъ-то это многіе, а какъ до дѣла коснется, такъ сейчасъ и на попятный.

— Ну, я не изъ такихъ. Сказалъ — пойду, и пошелъ бы.

— Голубчикъ, Иванъ Петровичъ! Да позвольте же въ такомъ случаѣ поймать васъ на словѣ. Проситесь ко мнѣ на мѣсто Рождественскаго!

— Благодарю васъ, дорогой батюшка! — тщетно выжимая на глаза слезу, проговорилъ учитель и, наклонившись, поцѣловалъ руку священника.

— Но какъ же Семенъ Ильичъ-то? Вѣдь онъ пока состоитъ еще на службѣ.

— Объ этомъ забота не ваша. Мѣсто освободится скоро. Согласны его занять?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

— Значитъ, по рукамъ?

— По рукамъ!

Батюшка протянулъ Миролюбову руку, которую тотъ еще

нѣсколько разъ облобызалъ, и сдѣлка, рѣшавшая участь заболотскаго псаломщика, была заключена.

XI.

Отецъ Павелъ принялся за „выкуриванье“ Рождественскаго очень горячо.

Въ тотъ же вечеръ онъ отправилъ чрезъ благочиннаго „репортъ“ въ консисторію, въ которомъ писалъ, что подвѣдомственный ему псаломщикъ пьетъ мертвую чашу, обязанностей своихъ не исполняетъ, грубитъ и грозится даже нанести ему оскорбленіе дѣйствіемъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого въ Заболотье внезапно пріѣхалъ помощникъ благочиннаго, отецъ Антоній Лавровскій, и приступилъ къ производству слѣдствія по дѣлу „о нетрезвомъ поведеніи псаломщика Рождественскаго и о неповиновеніи онаго своему священнику“.

Спрошенный Семенъ Ильичъ не отрицалъ, что онъ частенько „выпиваетъ“, но въ неисправности по службѣ и въ угрозахъ священнику не признавался.

Слѣдователь произвелъ такъ называемый въ консисторскомъ дѣлопроизводствѣ „большой повальный обыскъ“, т.-е. опросилъ всѣхъ окрестныхъ домохозяевъ, но и тутъ ничего существеннаго не выяснилось.

Мужички показали, что Рождественскій дѣйствительно „винцо попиваетъ“, но „къ службѣ Господней усерденъ“, а грубилъ ли когда священнику, про то они „доподлинно неизвѣстны“.

Тогда по просьбѣ отца Павла допрошенъ былъ учитель Миролюбовъ, и дѣло сразу же измѣнилось не въ пользу Семена Ильича.

„Единственный другъ“ Рождественскаго, приведенный къ присягѣ, показалъ, что псаломщикъ почти каждый день является къ нему въ безобразно-пьяномъ видѣ, настойчиво требуетъ себѣ вина и всячески поноситъ при этомъ священника, обѣщаясь „дать ему въ морду“; что нѣсколько разъ, несмотря на удерживанья, онъ убѣгалъ къ отцу Казанскому съ явнымъ намѣреніемъ оскорбить послѣдняго дѣйствіемъ, и хотя ему, Миролюбову, въ точности неизвѣстно, приводились ли эти замыслы въ исполненіе, но онъ всякій разъ слышалъ въ домѣ батюшки отчаянные крики.

Невеселыми красками обрисовалъ Иванъ Петровичъ и служебную дѣятельность псаломщика.

По его словамъ, Рождественскій не помогалъ, а мѣшалъ отцу Павлу, безпрестанно вызывалъ его на замѣчанія и тѣмъ смущалъ молитвенное настроеніе прихожанъ.

„Если бы не мои школьники, да не два-три мужичка, такъ батюшкѣ, пожалуй, и литургію служить бы не съ кѣмъ было“, закончилъ свои показанія Миролюбовъ.

Получивъ такое полное подтвержденіе донесенію священника, слѣдователь уѣхалъ, а еще черезъ двѣ недѣли благочинный прислалъ отцу Павлу консисторскій указъ, которымъ псаломщикъ Рождественскій отрѣшался отъ мѣста, съ отдачею на полгода въ монастырь „на черныя работы“ и съ правомъ пріискать себѣ „по отбытіи сего срока“ другое псаломщическое мѣсто.

На другой же день по полученіи этого указа Иванъ Петровичъ отправился къ викарному епископу, завѣдывавшему назначеніемъ низшихъ членовъ причта, и спустя еще дня три вернулся назадъ уже псаломщикомъ Тихвинской церкви села Заболотья.

XII.

По странной случайности, первый визитъ новаго „псалмопѣвца“ былъ не къ облагодѣтельствовавшему его отцу Павлу, а къ мѣстному благочинному, протоіерею Михаилу Ивановичу Соловьеву.

Иванъ Петровичъ поѣхалъ къ нему прежде другихъ въ виду будто бы необходимости „предъявить“ указъ объ опредѣленіи на мѣсто.

Протоіерей Соловьевъ состоялъ настоятелемъ собора въ сосѣднемъ уѣздномъ городкѣ и жилъ отъ Заболотья верстахъ въ двадцати.

Низенькаго роста, съ густыми, бѣлыми, какъ ленъ, курчавыми волосами и такою же бородкою, съ пухлыми, покрытыми нѣжнымъ румянцемъ щечками и кругленькимъ брюшкомъ, отецъ-благочинный былъ еще очень бодръ и подвиженъ для своихъ семидесяти лѣтъ.

Онъ велъ жизнь вообще очень скромную и умѣренную, но изрѣдка, „въ пріятной компаніи“, не отказывался и отъ лишней рюмочки, и могъ безъ всякаго вреда для здоровья просидѣть ночь напролетъ за зеленымъ столомъ.

Какъ человѣкъ, Михаилъ Ивановичъ былъ очень добръ и снисходителенъ къ чужимъ недостаткамъ, но когда было нужно, умѣлъ и постоять за своихъ подчиненныхъ.

Онъ держался правила, что „свой своему поневолѣ братъ“, и при всѣхъ столкновеніяхъ духовенства съ „мірянами“ неизмѣнно принималъ сторону первыхъ.

А такъ какъ, въ довершеніе всего, отецъ Михаилъ былъ еще великій хлѣбосолъ и не скупъ на представленія къ наградамъ, то всѣ его сослуживцы и подначальные относились къ нему любовно и охотно прощали кой-какія слабости.

Самой главной изъ этихъ слабостей отца протоіерея была его чрезмѣрная заботливость о своихъ близкихъ.

Около бездѣтнаго, давно овдовѣвшаго благочиннаго всегда проживалъ десятокъ всякихъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, которыхъ онъ заботливо пристраивалъ во ввѣренномъ ему округѣ.

Въ концѣ концовъ почти всѣ священнослужительскія мѣста въ благочиніи протоіерея Соловьева были заняты его родными и двоюродными племянниками, крестниками и мужьями его безчисленныхъ внучекъ.

Когда въ день двадцатипятилѣтія благочиннической дѣятельности подвѣдомственное духовенство поднесло отцу Михаилу свою фотографическую карточку, онъ посмотрѣлъ на нее, добродушно засмѣялся и сказалъ:

— Хорошіе мои! Да гдѣ-жъ тутъ мои подчиненные? Вѣдь это все мои милые родственнички.

Ивана Петровича благочинный встрѣтилъ особенно привѣтливо.

Миролюбовъ обязанъ былъ этимъ отчасти усиленнымъ похваламъ отца Павла, до небесъ превозносившаго „полезнаго“ учителя, главнымъ же образомъ тому, что Михаилъ Ивановичъ видѣлъ въ немъ подходящаго жениха своей внучатной племянницѣ, восемнадцатилѣтней Зиночкѣ, которую давно бы пора ужъ пристроить за хорошаго человѣка.

Взглянувъ мелькомъ на поданный Миролюбовымъ указъ, протоіерей потащилъ гостя въ уютную столовую, гдѣ за ярко блестящимъ самоваромъ сидѣла миловидная Зиночка, просто, но со вкусомъ одѣтая и причесанная.

Представивъ молодыхъ людей другъ другу, отецъ Михаилъ приказалъ подать закуску, водочки и принялся обстоятельно разспрашивать новаго знакомца.

— Вашего папеньку-то не Петромъ ли Сергѣичемъ звать?— прежде всего полюбопытствовалъ онъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ:—Вы, значитъ, выходите Сергѣя Аркадьича внучекъ? Такъ, такъ! хорошій былъ человѣкъ, царство ему небесное! Мы съ нимъ вмѣстѣ въ бурсѣ учились. Одно время онъ

даже моимъ аудиторомъ былъ. Требовательный былъ юноша, а справедливый,—пожаловаться нельзя. Выпоролъ онъ однажды меня за лѣность,—здорово выпоролъ,—но я не обижаюсь. Подѣломъ вору и мука! Ха-ха-ха!

Благочинный звонко разсмѣялся, причемъ кругленькое личико его все засвѣтилось весельемъ. Изъ-подъ густыхъ, коротко подстриженныхъ усовъ, изъ каждой морщинки около глазъ такъ и брызгалъ живой, заразительный смѣхъ. Трудно было удержаться отъ улыбки, глядя на этого благодушно смѣющагося старичка.

Припомнивъ еще кой-какія приключенія изъ былой бурсацкой жизни и вдоволь нахохотавшись, отецъ Михаилъ поинтересовался узнать, доволенъ ли Иванъ Петровичъ своимъ положеніемъ и какіе планы строитъ въ будущемъ? Миролюбовѣ очень степенно отвѣчалъ, что въ его годы трудно устроиться лучше, и онъ можетъ только благодарить Господа Бога и свое начальство за незаслуженныя милости, а о дальнѣйшемъ онъ не думаетъ: будетъ жить, какъ Богъ велитъ.

— Превосходно, сударь мой, разсуждаете,—одобрительно кивнулъ головой протоіерей:—во всемъ надлежитъ располагаться на Бога. Но иногда и немножко поразмыслить о своей судьбѣ тоже не мѣшаетъ. Вѣдь вотъ захотите, поди, обзавестись домкомъ, семейкой? Тутъ надо очень и очень подумать. Или, можетъ быть, весь вѣкъ разсчитываете холостякомъ скоротать?

— Что вы? Помилуйте!—скромно потупилъ глазки псаломщикъ:—хоть мнѣ и рановато помышлять о женитьбѣ, но ужъ какое житье безсемейному? Ни уютнаго угла у тебя нѣтъ, ни ласки, ни привѣта, словно живешь, какъ въ чужой квартирѣ.

— Правильно судите. А сколько, смѣю спросить, вамъ лѣтъ?

— Да вотъ уже двадцать седьмой идетъ.

— Такъ чего-жъ еще откладывать? Женитесь, Иванъ Петровичъ, скорѣй женитесь! Я даже, какъ благочинный, приказываю вамъ. Ха-ха-ха!

— Радъ бы, ваше высокопреподобіе, сейчасъ исполнить приказаніе, да двѣ причины не позволяютъ.

— Позвольте узнать: какія?

— Во-первыхъ, невѣсты нѣтъ...

— Ну, это пустяки. Въ этомъ ужъ вы на меня, старика, положитесь: я вамъ такую кралю сосватаю, что пальчики оближете.

— Премного благодаренъ, отецъ благочинный! Но мнѣ не хотѣлось бы вступать въ бракъ, пока я только еще въ должности псаломщика.

— Почему же? Мѣсто у васъ, слава Богу, хорошее: средствъ прокормить семью хватитъ.

— Такъ-то такъ, но все же мнѣ во многомъ придется отказывать женѣ и дѣтишкамъ. А мнѣ хотѣлось бы, чтобы они жили въ полномъ довольствѣ. Поэтому-то я и рѣшилъ жениться только тогда, когда получу хорошее священническое мѣсто.

Съ послѣдними словами Миролюбовъ пристально посмотрѣлъ въ глаза благочинному, какъ бы желая сказать:

— Понимаешь?

Умудренный долгимъ житейскимъ опытомъ, старецъ сразу же понялъ этотъ выразительный взглядъ.

— И за этимъ дѣло не станетъ,—весело засмѣялся отецъ Михаилъ и дружески похлопалъ гостя по плечу:—присматривайте только мѣстечко по сердцу, а ужъ невѣсту и все остальное я вамъ устрою. Авось вспомните когда-нибудь отца благочиннаго!

Новые знакомцы остались вполнѣ довольны другъ другомъ.

— Вотъ, Зиночка, и женишокъ тебѣ, слава Богу, навертывается. Парень, какъ видится, ходовой, но смирный. Нравится онъ тебѣ?

Молодая дѣвушка промолчала. Ей стыдно было сказать дѣду, что въ сладкихъ дѣвичьихъ снахъ ей грезится совсѣмъ другой избранникъ сердца, нисколько не похожій на плюгаваго, скуластаго, заросшаго по самые глаза бородою заболотскаго псаломщика.

М. Ө. Лубинскій.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО

въ

РОССІИ

Окончаніе.

XI *).

Еще въ 1884-мъ году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ испрошенъ для оказанія помощи переселенцамъ денежный кредитъ, въ размѣрѣ 40.000 руб., и въ главные пункты движенія и остановокъ въ пути переселенцевъ, расположенные частью при переходѣ черезъ Уралъ, частью за Ураломъ, по трактамъ Сибири, въ города: Екатеринбургъ, Златоустъ, Оренбургъ, Тобольскъ и Томскъ,—командированы особые чиновники. Пункты эти были избраны сообразно опредѣлившемуся въ 80-хъ годахъ главному направленію переселенческаго движенія въ Сибирь. Изъ нихъ вскорѣ, за проведеніемъ уральской желѣзной дороги до Тюмени, екатеринбургскій пунктъ былъ закрытъ, а тобольскій переведенъ въ Тюмень.

Однако и въ описываемое время правительство продолжало выказывать замѣтную нерѣшительность въ направленіи пересе-

*) См. выше: іюль, стр. 139.

ленческаго дѣла, обусловливавшуюся, главнымъ образомъ, опасеніемъ массоваго передвиженія крестьянъ. Вслѣдствіе этого, оно не только не рѣшается на установленіе болѣе широкихъ основаній въ дѣлѣ выдачи разрѣшеній на переселеніе, но, наоборотъ, въ слѣдующемъ, 1885 г., сочло нужнымъ даже уменьшить до 20.000 руб. кредитъ, отпускавшійся на воспособленіе переселенцамъ, опредѣливъ размѣръ его по дѣйствительному расходованію, произведенному въ предшествовавшемъ году. Кредитъ этотъ, ежегодно возобновляемый, оставался неизмѣннымъ до самаго конца десятилѣтія. Послѣдствіемъ такой нерѣшительности и также того обстоятельства, что сибирскіе переселенцы оказались внѣ дѣйствія временныхъ правилъ 10 іюля 1881 г., явилось положеніе, сходное съ существовавшимъ въ два предъидущія десятилѣтія, при которомъ самостоятельный уходъ крестьянъ на новыя мѣста нисколько не уменьшился, выражаясь иногда въ самомъ невыгодномъ соотношеніи съ „законнымъ" переселеніемъ. Въ началѣ разсматриваемаго десятилѣтія общіе размѣры переселенческаго движенія на востокъ опредѣлялись ежегодно до 40.000 душъ, между тѣмъ съ 1881 года по 1884 число семей, получившихъ разрѣшеніе на переселеніе, насчитывалось только 975. Къ тому же многія изъ этихъ семей не воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ переселенія и остались на родинѣ. Нѣкоторыя облегченія въ дѣлѣ оффиціальнаго разрѣшенія переселеній замѣчаются лишь съ средины 80-хъ годовъ, когда состоялось Высочайшее повелѣніе 17 мая 1884 г. и образованъ былъ въ Западной Сибири, на основаніи закона 22 января 1885 г., особый отрядъ межевыхъ чиновъ съ спеціальной цѣлью нарѣзки и отвода земли переселенцамъ.

Разработка основного переселенческаго закона на началахъ, указанныхъ этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, была возложена на особую коммиссію, образованную, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве, изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ.

Исходя изъ представленія о главнѣйшемъ направленіи переселенческаго движенія на казенныя земли Европейской Россіи и Сибири и на земли частныхъ владѣльцевъ, коммиссія проектировала рядъ правилъ для перехода и устройства переселенцевъ на означенныхъ земляхъ. По отношенію къ казеннымъ землямъ она находила, что установленный закономъ 10 іюля 1881 г. порядокъ распредѣленія ихъ между нуждающимися лицами представляетъ значительныя неудобства, такъ какъ отводъ ихъ

опредѣляется фактомъ не разстроеннаго имущественнаго состоянія крестьянъ, а своевременнаго возбужденія ходатайствъ о переселеніи, вслѣдствіе чего наиболѣе нуждающіеся въ землѣ, но неосвѣдомленные о существованіи нераспубликованнаго закона могутъ совсѣмъ лишиться возможности улучшить свое положеніе путемъ перехода на новыя мѣста. Поэтому было предположено установить порядокъ избранія лицъ, подлежащихъ переселенію, „самою центральною администраціею“, и съ этою цѣлью требовать отъ губернаторовъ самыхъ подробныхъ свѣдѣній „о всѣхъ селеніяхъ, откуда выселеніе части крестьянъ можетъ представляться необходимымъ“. Согласно означеннымъ свѣдѣніямъ предстояло опредѣлить, по проекту, въ каждомъ данномъ году мѣста будущаго водворенія переселенцевъ и установить постепенность перехода ихъ, назначая къ выселенію изъ обществъ такое число лицъ, чтобы остающіяся въ прежнемъ мѣстѣ могли существовать на отведенныхъ для общества надѣлахъ. Къ переселенію допускались только желающіе. Если число ихъ оказывалось превышающимъ предположенное къ выселенію, то производился выборъ по жребію. При этомъ получившимъ разрѣшеніе предоставлялось отправлять ходоковъ для предварительнаго осмотра назначенныхъ подъ водвореніе земель.

Въ видахъ прочнаго водворенія и устройства крестьянъ на новыхъ мѣстахъ, коммиссія признавала желательнымъ разрѣшать переселеніе *исключительно* лицамъ, ведущимъ хозяйство на своихъ или арендованныхъ земляхъ и находящимъ въ земледѣліи главный источникъ къ существованію. Подобное ограниченіе не предполагалось, однако, распространять на тѣ части безземельнаго населенія, по отношенію къ которымъ уже послѣдовали правительственныя распоряженія о признаніи за ними права на надѣлъ казенной земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія находила возможнымъ допускать переселеніе изъ обществъ, владѣющихъ недоброкачественными надѣлами, но лишь въ такомъ количествѣ душъ, чтобы оставшіяся угодья не оказались совсѣмъ заброшенными. Наконецъ, было высказано соображеніе о предпочтительномъ выборѣ переселенцевъ изъ лицъ, „еще не окончательно разорившихся“, такъ какъ такимъ путемъ, независимо отъ скорѣйшаго устройства на новыхъ мѣстахъ, „можетъ быть достигнута и другая цѣль — съ небольшими средствами произвести переселеніе возможно бóльшаго количества людей“.

Въ основаніе переселенія на казенныя земли Европейской Россіи коммиссіею положена была мысль о сбереженіи этихъ земель для наиболѣе нуждающихся крестьянъ. Участки проекти-

ровалось нарѣзать по числу наличныхъ мужского пола душъ, съ отводомъ надѣла въ предѣлахъ Европейской Россіи не болѣе высшаго или указного по мѣстности и во всякомъ случаѣ не свыше 8 дес. на душу, а въ Сибири, впредь до окончательнаго установленія нормъ надѣловъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, но не свыше 15 дес. Земли предполагалось предоставлять въ общинное владѣніе, съ правомъ замѣны его подворнымъ, и съ обложеніемъ этихъ земель оброчною податью, исчисляемою сообразно доходамъ, которые получались казною до водворенія на нихъ переселенцевъ.

При передвиженіи и устройствѣ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, коммиссія полагала предоставить имъ довольно значительныя льготы, особенно водворяющимся на казенныхъ земляхъ Европейской Россіи. Эти послѣдніе, по проекту, освобождались въ теченіе первыхъ 3-хъ лѣтъ по водвореніи отъ всѣхъ казенныхъ податей и повинностей, и въ теченіе 3-хъ послѣдующихъ— отъ платежа половины ихъ. Лица, состоящія въ призывномъ возрастѣ, въ первые три года, со времени прибытія на новыя мѣста, пользовались льготою отъ воинской повинности, зачисляясь прямо въ запасъ, а призываемые въ послѣдующіе три года получали отсрочку въ исполненіи означенной повинности до окончанія 6-лѣтняго льготнаго срока. При передвиженіи переселенцамъ предоставлялось право на удешевленный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и на освобожденіе отъ сборовъ за переправы и за проѣздъ по шоссе и мостамъ. На мѣстахъ водворенія имъ отпускался, съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, потребный для возведенія построекъ матеріалъ изъ казенныхъ лѣсовъ и дозволялось получать ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе полей, наравнѣ съ мѣстными крестьянами и до перечисленія къ мѣстамъ новой осѣдлости. Наконецъ, въ случаѣ несостоятельности, переселявшіеся получали заимообразныя ссуды на передвиженіе и устройство на новыхъ мѣстахъ, въ размѣрѣ не свыше 200 рублей на семью. Опредѣленіе размѣра этихъ ссудъ, срока и порядка уплаты ихъ возлагалось на министерство внутреннихъ дѣлъ.

Надѣлы, оставшіеся за выходомъ крестьянъ, поступали въ общества, на которыя переводились всѣ числящіяся на переселенцахъ недоимки. При неудовлетворительныхъ качествахъ надѣловъ или по другимъ причинамъ, когда подобный переводъ недоимокъ и текущихъ платежей не могъ бы быть допущенъ „безъ явнаго ущерба для крестьянъ“, отъ крестьянскихъ учрежденій зависѣло возбуждать ходатайства о соотвѣтственномъ пониженіи платежей и сложеніи недоимокъ.

Значительно меньшими льготами пользовались, по проекту, переселенцы, водворявшіеся на казенныхъ земляхъ Западной Сибири. Для нихъ, какъ болѣе состоятельныхъ, льготы были приравнены къ установленнымъ для поселяющихся на частновладѣльческихъ земляхъ и притомъ предоставлялись лишь въ томъ случаѣ, если они шли на участки, заранѣе отведенные по ихъ ходатайству еще до выхода съ родины, и соблюли при этомъ выходѣ всѣ требованія закона.

При переселеніи на частно-владѣльческія земли коммиссія предполагала оказывать содѣйствіе только лицамъ, водворяющимся „на земляхъ, купленныхъ въ собственность или заарендованныхъ съ правомъ выкупа ихъ по желанію арендатора". Въ обоихъ случаяхъ, независимо отъ выдачи ссудъ изъ крестьянскаго банка на пріобрѣтеніе земель, признавалось цѣлесообразнымъ поселяющихся въ той же или смежной губерніи освобождать отъ уплаты казенныхъ сборовъ на два года, а въ болѣе отдаленныхъ на три, считая со дня перечисленія, и въ теченіе того же срока давать отсрочку въ исполненіи воинской повинности. При передвиженіи переселенцы пользовались, по проекту, тѣми же облегченіями, какія допускались для устраивающихся на казенныхъ земляхъ Европейской Россіи. На мѣстахъ водворенія имъ предоставлялось образовывать изъ себя отдѣльныя сельскія общества или приписываться къ волостямъ, въ предѣлахъ которыхъ они проживали, безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ. При выходѣ съ родины переселенцы могли требовать принятія ихъ надѣловъ обществами, но безъ перечисленія на эти общества недоимокъ. Послѣднія они уплачивали сами или просили о переводѣ ихъ долговъ по мѣсту новаго водворенія. Подобный переводъ допускался, однако, лишь при условіи, что пріобрѣтаемая земля способна выдержать всѣ причитающіеся съ переселенцевъ платежи и переводимую недоимку. При несоотвѣтствіи выкупныхъ платежей съ доходностью оставляемаго надѣла, выходящіе члены обязывались уплатить обществу капитализированную изъ 6% разницу между означенными платежами и доходностью, которая въ такомъ случаѣ опредѣлялась губернскимъ присутствіемъ.

Приведенныя льготы и преимущества коммиссія не признавала возможнымъ распространить на переселенцевъ, устраивающихся на частновладѣльческихъ земляхъ на простомъ арендномъ правѣ. Однако, считая вопросъ о прочномъ водвореніи ихъ весьма существеннымъ, она полагала установить за правило, чтобы договоры объ арендѣ земель были письменные, обязательно свидѣтельствовались въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, и

если не имѣлось въ виду выкупа земли, заключались на сроки не свыше 12-ти лѣтъ. При несоблюденіи означенныхъ условій, когда будетъ доказана 3-лѣтняя давность арендованія переселенцами земли, съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдлости, и установлено отсутствіе заявленій со стороны владѣльца о выселеніи ихъ, какъ самовольно водворившихся, предполагалось весь занятый участокъ считать предоставленнымъ крестьянамъ съ правомъ выкупа его и съ опредѣленіемъ стоимости и порядка взноса выкупной суммы губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, если не послѣдуетъ по этому предмету полюбовнаго соглашенія сторонъ.

Для организаціи переселеній на указанныхъ основаніяхъ коммиссія предполагала образовать при земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ особое совѣщаніе изъ представителей министерствъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, подъ предсѣдательствомъ управляющаго названнымъ отдѣломъ. Къ обязанностямъ этого совѣщанія относилось, по проекту, общее руководительство переселенческимъ дѣломъ и предварительное обсужденіе мѣръ, вызываемыхъ развитіемъ его; разъясненіе сомнѣній и недоразумѣній, встрѣченныхъ на мѣстахъ, и распоряженіе денежными суммами, отпускаемыми на надобности дѣла; разрѣшеніе переселеній и распредѣленіе назначаемыхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ земель между переселенцами; собраніе свѣдѣній о годныхъ для поселенія казенныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ и распространеніе этихъ свѣдѣній, въ случаѣ надобности, на мѣстахъ.

Общее наблюденіе за правильнымъ ходомъ переселенческаго дѣла на мѣстахъ возлагалось на губернаторовъ. Губернскимъ присутствіямъ и совѣтамъ, съ участіемъ предсѣдателя казенной палаты и управляющаго государственными имуществами, поручалось наблюденіе за дѣйствіями уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій, распоряженіе отпускаемыми суммами и собраніе и сообщеніе нуждающимся лицамъ и учрежденіямъ всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, касающихся переселенія. На уѣздныя крестьянскія учрежденія возлагалось въ мѣстахъ выселенія: сообщеніе желающимъ переселиться свѣдѣній о свободныхъ земляхъ и объ условіяхъ водворенія на нихъ, и снабженіе ихъ, при окончательномъ выходѣ, свидѣтельствами на льготный проѣздъ до мѣстъ назначенія; въ мѣстахъ водворенія: наблюденіе за устройствомъ переселенцевъ и ближайшее попеченіе о нуждахъ ихъ; собраніе свѣдѣній о земляхъ и объ условіяхъ покупки и арендованія ихъ; посредничество между переселенцами и собственниками земель,

при заключеніи договоровъ и условій, и свидѣтельствованіе послѣднихъ; приведеніе въ извѣстность ранѣе состоявшихся переселеній и содѣйствіе къ окончательному устройству и перечисленію переселенцевъ по мѣсту новаго жительства.

Проектируя указанную организацію, коммиссія признала желательнымъ командировать „въ тѣ губерніи, въ которыя преимущественно направляется переселеніе", особыхъ лицъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, спеціальнымъ назначеніемъ которыхъ являлось бы содѣйствіе мѣстнымъ учрежденіямъ въ завѣдываніи переселенческимъ дѣломъ путемъ какъ личнаго участія въ засѣданіяхъ этихъ учрежденій, такъ и непосредственной дѣятельности на мѣстахъ. Полезность подобной мѣры оправдывалась бы, по мнѣнію коммиссіи, и необходимостью поддерживать постоянную связь между дѣятельностью названныхъ учрежденій и центральнымъ управленіемъ.

При обсужденіи вопроса о средствахъ, потребныхъ на нужды переселенческаго дѣла, коммиссія высказала, что разрѣшеніе подобнаго вопроса должно всецѣло зависѣть отъ денежныхъ суммъ, которыя будутъ отпускаемы изъ государственнаго казначейства, но, считая нужнымъ опредѣлить хотя приблизительно размѣры ассигнованій, необходимыхъ для осуществленія составленныхъ ею предположеній, она полагала, что „съ отпускомъ трехсотъ тысячъ рублей дѣло переселенія могло бы получить уже довольно правильную постановку". Основаніемъ къ такому разсчету послужили соображенія о возможномъ числѣ переселенцевъ, которые будутъ нуждаться въ оказаніи денежной помощи, и о примѣрныхъ расходахъ, вызываемыхъ веденіемъ переселенческаго дѣла въ десяти губерніяхъ, въ которыхъ проектировалось водвореніе крестьянъ. Согласно такимъ разсчетамъ, коммиссія полагала необходимымъ отпустить до 200 тысячъ рублей на выдачу пособій нуждающимся переселенцамъ и до 100 тысячъ рублей на расходы учрежденій, завѣдывающихъ переселеніемъ, и на содержаніе чиновниковъ, командированныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ заключеніе, коммиссія усматривала, что въ губерніяхъ и областяхъ Сибири проживаетъ по паспортамъ и инымъ документамъ или безъ всякихъ видовъ значительное число переселенцевъ, продолжающихъ числиться членами обществъ, изъ которыхъ они ушли, и не разсчитывающихъ совсѣмъ возвращаться на родину. Въ виду этого она признавала необходимымъ упрочить ихъ положеніе на новыхъ мѣстахъ и проектировала для всѣхъ лицъ, не имѣющихъ установленныхъ видовъ, обязательную,

а для имѣющихъ таковые виды добровольную приписку къ волостямъ по мѣсту настоящаго ихъ жительства, безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ, и съ переводомъ, а въ случаѣ надобности, и съ разсрочкою недоимокъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ платежахъ. Подобную же мѣру она предполагала распространить и на переселенцевъ оренбургской и уфимской губерніи, но имѣя въ виду близость этихъ губерній къ мѣстамъ выселенія и возможность частыхъ случаевъ возвращенія крестьянъ на родину, коммиссія находила болѣе цѣлесообразнымъ, въ огражденіе правъ волости по пріему новыхъ членовъ, примѣнить мѣру приписки только къ переселенцамъ, купившимъ въ собственность участки земли, или заарендовавшимъ землю съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдлости. Всѣ распоряженія по дѣламъ о перечисленіи переселенцевъ предполагалось возложить на мѣстныя крестьянскія учрежденія.

XII.

Работы коммиссіи были закончены въ 1885 году и препровождены на заключеніе министровъ государственныхъ имуществъ и финансовъ. Въ отзывахъ своихъ названные министры представили нѣкоторыя замѣчанія по отдѣльнымъ частямъ проекта, касающіяся, главнымъ образомъ, порядка разрѣшенія переселеній, предположенныхъ льготъ для переселяющихся и правилъ водворенія на частновладѣльческихъ земляхъ. По мнѣнію статсъ-секретаря Островскаго, къ которому присоединился и министръ финансовъ, экономическія потребности крестьянскаго населенія представляются крайне разнообразными, и опредѣленіе мѣстностей, изъ которыхъ предстояло бы разрѣшать переселеніе, на основаніи однихъ только спѣшно собранныхъ администраціею свѣдѣній, явилось бы совершенно произвольнымъ и породило бы „массу прискорбныхъ недоразумѣній. Благосостояніе крестьянъ въ каждомъ частномъ случаѣ обусловливается множествомъ мѣстныхъ особенностей, предвидѣть и усмотрѣть которыя, при отсутствіи точныхъ и систематическихъ изслѣдованій, не представляется возможнымъ и установленіе какихъ-либо нормъ въ этомъ отношеніи „имѣло бы характеръ произвольнаго распоряженія". Поэтому министръ государственныхъ имуществъ, не находя возможнымъ предоставить выборъ переселенцевъ администраціи, полагалъ въ дѣлѣ разрѣшенія переселеній сохранить порядокъ, установленный временными правилами 10-го іюля 1881 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ссылаясь на недостаточное количество свободныхъ казенныхъ земель во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и на возможность ближайшаго устройства нуждающихся крестьянъ преимущественно въ Западной Сибири, онъ находилъ цѣлесообразнымъ допустить при переселеніи туда, какъ въ удаленный край, болѣе широкія льготы, сохранивъ для разселяющихся въ предѣлахъ Европейской Россіи лишь право на облегченія при передвиженіи и на полученіе въ исключительныхъ случаяхъ пособій на домоустройство. Съ своей стороны, Н. Хр. Бунге высказался также за предоставленіе сибирскимъ переселенцамъ всѣхъ предположенныхъ коммиссіею льготъ и пособій, но, впредь до указаній опыта, безъ опредѣленія высшаго размѣра послѣднихъ. По вопросу о переселеніи на частновладѣльческія земли министръ государственныхъ имуществъ, раздѣляя мысль о необходимости обезпечить переселенцамъ прочное устройство на этихъ земляхъ, находилъ, однако, проектируемыя правила односторонними и не ограждающими интересы владѣльцевъ отъ возможнаго отказа крестьянъ выкупить заарендованные ими участки, особенно по истощеніи ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для переселяющихся на частныя земли, какъ лицъ болѣе состоятельныхъ, онъ не признавалъ справедливымъ установлять какія-либо льготы, а полагалъ ограничиться исключительно широкимъ содѣйствіемъ крестьянскаго банка къ пріобрѣтенію владѣльческихъ земель. Поэтому составленный коммиссіею проектъ подлежалъ, по его мнѣнію, пересмотру и затѣмъ уже внесенію на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

Согласно указаннымъ замѣчаніямъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были вновь составлены проекты правилъ: a) о переселеніи земледѣльческаго населенія на казенныя земли и b) о порядкѣ перечисленія переселенцевъ, водворившихся въ прежнее время въ губерніяхъ тобольской, томской, оренбургской и уфимской. Предположенія же о переселеніи на частновладѣльческія земли признано было необходимымъ обратить къ дальнѣйшей разработкѣ въ направленіи, указанномъ статсъ-секретаремъ Островскимъ.

По полученіи отзывовъ на вышеозначенные проекты отъ министровъ государственныхъ имуществъ и финансовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ разработкѣ представленія по этому предмету въ государственный совѣтъ. При этомъ графъ Толстой, находя, что разрѣшеніе на переселеніе предполагается давать сообразно съ ходомъ межевыхъ работъ по образованію переселенческихъ участковъ, и усматривая вмѣстѣ съ тѣмъ, что

проектируемыя правила предоставляютъ крестьянамъ, переселяющимся съ разрѣшенія правительства, довольно широкія льготы, склонился къ мысли объ обнародованіи этихъ правилъ, такъ какъ разъясненіе крестьянамъ сущности установленныхъ условій и порядка переселенія будетъ въ значительной степени способствовать ослабленію безпорядочнаго самовольнаго перехода крестьянъ на новыя мѣста и побудитъ лицъ, стремящихся къ такому переходу, быть осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и предпочитать ради собственныхъ выгодъ законный путь переселенія незаконному. Къ такому убѣжденію привело его также сознаніе, что большинство крестьянскаго населенія оказалось освѣдомленнымъ о существованіи правилъ 10-го іюля, хотя они и не были обнародованы установленнымъ порядкомъ. Поэтому министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ, что сохраненіе въ тайнѣ законоположеній, относящихся къ такимъ явленіямъ народной жизни, какъ переселеніе, рѣдко достигаетъ своей цѣли, а скорѣе приводитъ къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ: неполное и неточное знакомство съ дѣйствующими правилами вызываетъ среди населенія всегда преувеличенные слухи и толки о значеніи этихъ правилъ, чѣмъ и объясняется, по его мнѣнію, усиливающееся за послѣднее время стремленіе крестьянъ къ выселенію.

Составленные на приведенныхъ основаніяхъ, выработанныхъ коммиссіею фонъ-Плеве, проекты правилъ съ частными измѣненіями и исправленіями, внесенными отдѣльными министрами, были представлены министромъ внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ. При обсужденіи означеннаго представленія соединенные департаменты законовъ и государственной экономіи высказали, что новый проектъ закона о переселеніяхъ вызванъ дѣйствительными потребностями народной жизни, такъ какъ „прогрессивный, изъ года въ годъ, приростъ массы сельскихъ обывателей, въ связи съ замѣчаемымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общимъ малоземельемъ, заставляетъ правительство не закрывать возможности переселенія, какъ единственнаго средства къ уменьшенію крайней густоты населенія и къ поправленію хозяйственнаго быта тѣхъ крестьянскихъ семействъ, которымъ, за недостаткомъ земли, угрожаетъ безъисходная нищета. Сюда же присоединяется предпринятое, въ политическихъ видахъ, заселеніе отдаленныхъ или бѣдныхъ русскимъ элементомъ окраинъ государства“. Тѣмъ не менѣе, указывая на доступность арендованія для крестьянъ внѣнадѣльныхъ земель, вслѣдствіе замѣчаемаго въ послѣднее время соотвѣтствія арендной платы съ доходностью этихъ земель, и ссылаясь на

дѣятельность крестьянскаго банка, „до послѣдней доступной степени“ облегчающаго пріобрѣтеніе частныхъ имѣній и тѣмъ устраняющаго тяжелыя экономическія послѣдствія малоземелья, они находили, что въ обстоятельствахъ, вызывавшихъ переходъ крестьянъ на новыя мѣста, произошли существенныя перемѣны и „потребность въ переселеніяхъ, столь живо и настоятельно ощущавшаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, значительно сократилась противъ прежняго“. По этимъ основаніямъ соединенные департаменты считали, что „на правительствѣ лежитъ обязанность скорѣе сдерживать переселеніе, нежели поощрять его, посредствомъ оказываемаго переселенцамъ содѣйствія въ разныхъ видахъ“. Наряду съ этимъ, во избѣжаніе возможнаго зарожденія среди населенія преувеличенныхъ толковъ и неосновательныхъ ожиданій, надлежало, по мнѣнію департаментовъ, придать означеннымъ правиламъ „болѣе скромную постановку, ограничась изданіемъ постановленій, опредѣляющихъ собственно порядокъ заселенія свободныхъ казенныхъ земель, въ случаяхъ, когда то будетъ правительствомъ признано полезнымъ или необходимымъ“.

Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, признавъ переработанные соединенными департаментами проекты узаконеній отвѣчающими цѣли, обратилъ вниманіе на слѣдующее. Усматривая, что проекты совсѣмъ не касаются крестьянъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 10 іюля 1881 года положенія комитета министровъ, и находя въ то же время число ихъ весьма значительнымъ, онъ полагалъ распространить и на эту часть переселенцевъ дѣйствіе правилъ объ образованіи сельскихъ обществъ и волостей изъ переселенческихъ поселковъ. Независимо отъ того, онъ считалъ своевременнымъ, въ интересахъ заселенія окраинъ и устройства крестьянъ, направляющихся за предѣлы предусматриваемаго проектомъ района, возбудить вопросъ о разработкѣ подлежащими вѣдомствами предположеній о переселеніи въ Закавказье, Туркестанскій край и Закаспійскую область. Наконецъ, ссылаясь на указанія опыта, что „огромное большинство переселенцевъ приступаетъ къ осуществленію задуманнаго предпріятія съ денежными средствами весьма ограниченными“ и вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ „терпятъ въ пути голодъ и вообще испытываютъ крайнюю нужду“, общее собраніе государственнаго совѣта находило цѣлесообразнымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министрами государственныхъ имуществъ и финансовъ, разрѣ-

шать въ заслуживающихъ уваженія случаяхъ выдачу переселяющимся денежныхъ пособій на прокормленіе во время слѣдованія ихъ къ мѣстамъ новаго водворенія.

Подвергнутыя затѣмъ нѣкоторымъ редакціоннымъ измѣненіямъ, заключенія соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи Высочайше утверждены 13 іюля 1889 года.

XIII.

Сущность получившихъ такимъ образомъ силу закона и донынѣ дѣйствующихъ „правилъ о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли и о порядкѣ перечисленія лицъ означенныхъ сословій, переселившихся въ прежнее время", заключается въ слѣдующемъ. Переселеніе допускается безъ увольнительныхъ отъ обществъ приговоровъ, но не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Лица, предпринявшія переселеніе безъ такого разрѣшенія, возвращаются въ мѣста ихъ приписки распоряженіями административныхъ властей. Разрѣшеніе на переселеніе дается только въ случаяхъ, когда причины, вызвавшія ходатайство о переселеніи, признаны будутъ заслуживающими уваженія и притомъ имѣются свободные участки казенной земли, предназначенной для водворенія переселенцевъ. Просьбы о переселеніи подаются по мѣсту приписки на имя губернатора и представляются послѣднимъ съ заключеніемъ губернскихъ присутствій и свѣдѣніями объ имущественномъ и хозяйственномъ положеніи просителей въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ этихъ просьбахъ дозволяется указывать мѣстности, куда крестьяне желали бы переселиться, но удовлетвореніе такихъ заявленій зависитъ отъ усмотрѣнія правительства.

Для водворенія переселенцевъ министру государственныхъ имуществъ предоставляется образовывать въ губерніяхъ Европейской Россіи, въ Западной Сибири и степныхъ областяхъ особые участки изъ казенныхъ земель, которые отводятся переселенцамъ, по числу наличнаго мужского населенія, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по соображеніи съ условіями земледѣлія и производительностью почвы въ данной мѣстности. Казенныя земли въ Европейской Россіи отводятся первоначально во временное арендное пользованіе, на сроки отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ, а по истеченіи таковыхъ могутъ быть оставляемы за переселенцами на основаніяхъ, одинаковыхъ съ бывшими государственными

крестьянами. Въ предѣлахъ Азіатской Россіи земли предоставляются прямо въ безсрочное пользованіе переселенцевъ на общихъ съ сибирскими крестьянами основаніяхъ и съ выдачею отводныхъ актовъ. Участки отводятся въ общинное или подворное владѣніе, по выбору самихъ переселенцевъ, и не могутъ быть ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами. Плата за землю опредѣляется: въ Европейской Россіи не свыше выкупныхъ платежей, безъ погасительной части, которые причитаются съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, владѣющихъ одинаковыми по качеству земельными угодьями, а въ Сибири—по соразмѣрности съ подушною за землю податью, платимою старожилами, по переложеніи ея на десятину земли. Въ степныхъ областяхъ земельный платежъ опредѣляется особыми положеніями.

Въ каждомъ поселкѣ, состоящемъ не менѣе какъ изъ 40 наличныхъ душъ мужского пола, образуется отдѣльное сельское общество, въ составъ котораго позднѣйшіе переселенцы входятъ безъ пріемныхъ приговоровъ, пока участокъ не заполнится соотвѣтствующимъ числомъ душъ. Вновь возникающія общества входятъ въ составъ существующихъ волостей или образуютъ отдѣльныя. Всѣ обязанности по введенію въ новыхъ поселеніяхъ общественнаго или волостного устройства возлагаются на крестьянскія учрежденія, а въ степныхъ областяхъ—на областныя правленія.

Переселенцамъ предоставляются слѣдующія льготы. Лица, изъятыя отъ платежа подушной подати, не облагаются ею и при перечисленіи въ мѣстности, гдѣ эта подать существуетъ. Переселенцы освобождаются отъ всякаго рода казенныхъ сборовъ и арендныхъ платежей за отведенныя земли въ Европейской Россіи на два года, а въ Азіатской на три, считая со дня водворенія. Въ послѣдующіе затѣмъ три года упомянутые сборы и платежи взимаются въ половинномъ размѣрѣ. Лицамъ, достигшимъ въ годъ переселенія призывного возраста, исполненіе воинской повинности отсрочивается въ Европейской Россіи на два года, а въ остальныхъ мѣстностяхъ на три. Невыкупленные окончательно надѣлы переселенцевъ остаются въ составѣ земель ихъ прежнихъ обществъ и на эти общества переводятся лежащіе на оставляемыхъ надѣлахъ выкупные платежи и всѣ недоимки, которыя числились за выбывающими членами обществъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ и въ продовольственныхъ ссудахъ. Долги по этимъ послѣднимъ, въ размѣрѣ, не превышающемъ $1^{1}/_{2}$ четвертей хлѣба на ревизскую душу переселяющихся, слагаются со счетовъ обществъ. По прибытіи

на мѣсто водворенія, переселенцы пользуются правомъ полученія ссудъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей, не ожидая окончательнаго перечисленія, на общихъ съ старожилами основаніяхъ. Наконецъ, согласно VII отдѣлу закона, не распубликованному во всеобщее свѣдѣніе, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предоставлено, по взаимному ихъ соглашенію, разрѣшать, въ случаѣ надобности, выдачу путевыхъ пособій переселенцамъ и денежныхъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе, пріобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, а также производить отпускъ необходимаго для возведенія усадебныхъ построекъ лѣсного матеріала безвозмездно или за попенныя деньги.

Независимо отъ того, особый III-й отдѣлъ предусматриваетъ порядокъ устройства лицъ, самовольно переселившихся въ прежнее время, и требуетъ обязательнаго перечисленія по мѣсту новаго жительства всѣхъ переселенцевъ, прибывшихъ до изданія закона въ губерніи оренбургскую, уфимскую, самарскую, въ Западную Сибирь и степныя области, предоставляя лицамъ, водворившимся по пріемнымъ приговорамъ въ существующихъ сельскихъ обществамъ, причислиться къ таковымъ, а проживающимъ въ городахъ, селеніяхъ или хуторахъ на арендуемыхъ и купленныхъ земляхъ приписаться къ городамъ или волостямъ, среди которыхъ они поселились, безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ и съ правомъ образованія отдѣльныхъ обществъ, если въ возникшемъ поселкѣ насчитывается не менѣе 40 наличныхъ душъ мужского пола. Дѣла о такомъ перечисленіи исполняются крестьянскими учрежденіями, которыя озабочиваются истребованіемъ съ мѣстъ приписки переселенцевъ увольнительныхъ на нихъ свидѣтельствъ. Выдача послѣднихъ для обществъ является обязательною. Всѣ состоящія на перечисляемыхъ недоимки по прежнимъ обществамъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ и въ продовольственныхъ запасахъ переводятся по мѣсту новаго водворенія переселенцевъ на личную ихъ отвѣтственность. Уплата означенныхъ недоимокъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, можетъ быть разсрочена на три года, сообразно съ платежными средствами перечисляемыхъ.

Наряду съ этимъ законъ 13 іюля 1889 г. не оставляетъ также безъ правительственнаго надзора переселенцевъ во время слѣдованія ихъ къ мѣсту назначенія. Съ этою цѣлью — „для ближайшаго наблюденія за движеніемъ переселенцевъ, оказанія имъ необходимаго содѣйствія во время слѣдованія къ мѣстамъ новаго водворенія и регистраціи переселеній“ — учреждены при

земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ шесть должностей чиновниковъ особыхъ порученій. Вмѣстѣ съ тѣмъ закономъ предусмотрѣно закрытіе существовавшей въ Сызрани переселенческой конторы.

Въ заключеніе нераспубликованная часть закона содержитъ указанія относительно необходимости выясненія вопроса о возможномъ направленіи колонизаціи изъ внутреннихъ губерній на казенныя земли Закавказскаго края и средне-азіатскихъ владѣній и объ основаніяхъ водворенія на нихъ переселенцевъ. Въ этихъ видахъ, согласно отдѣламъ VIII и IX, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и военному предоставлено войти въ обсужденіе означеннаго вопроса, первому по Закавказью, а второму — по Туркестанскому краю и Закаспійской области.

XIV.

Пока шла разработка основного закона, переселенческое движеніе не прекращалось, безостановочно развиваясь и усиливаясь съ каждымъ годомъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ движеніе это начинаетъ принимать преимущественно зауральское направленіе, совершаясь по тремъ главнымъ трактамъ: черезъ Тюмень, Оренбургъ и Златоустъ. Изъ означенныхъ пунктовъ г.г. Тюмень и Оренбургъ, какъ связанные рѣчными и желѣзнодорожными путями сообщенія съ мѣстами выхода и водворенія переселенцевъ, являлись главными магистральными воротами, черезъ которыя проходила переселенческая волна. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ, по проведеніи уральской желѣзной дороги, особенно возросло движеніе на Тюмень и черезъ этотъ пунктъ проходило до 75% всего числа переселявшихся въ Сибирь.

Мѣстами выхода переселенцевъ служили почти всѣ губерніи Европейской Россіи, за исключеніемъ промышленныхъ центральныхъ и промысловыхъ сѣверныхъ; но преимущественно въ движеніи участвовали земледѣльческія губерніи средней черноземной полосы Россіи и малороссійскія, за ними ближайшія къ Уралу сѣверо-восточныя и наконецъ сѣверо-западныя и расположенныя по средней Волгѣ. Въ ряду этихъ губерній особенно выдѣлялась курская, изъ которой въ концѣ десятилѣтія, т.-е. въ годы наиболѣе усиленнаго движенія, прослѣдовало свыше 35% всѣхъ переселенцевъ. По размѣрамъ переселеніе восьмидесятыхъ годовъ представляется несравненно болѣе крупнымъ противъ происходившаго въ предшествовавшее десятилѣтіе. За одинъ Уралъ въ

девятилѣтній періодъ времени (съ 1881 по 1889 г.), относительно котораго имѣются болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, прошло свыше 210.000 душъ обоего пола. Но, помимо зауральскаго, переселеніе попрежнему продолжало идти въ губерніи бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторства: оренбургскую, уфимскую и самарскую. Хотя точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ этого движенія, направлявшагося различными трактами, не имѣется, но данныя опроса сызранской переселенческой конторы свидѣтельствуютъ, что въ названныхъ губерніяхъ за указанный періодъ времени поселилось свыше 100.000 душъ пришлаго населенія. Еще болѣе сильное движеніе наблюдалось на территорію сѣвернаго Кавказа, гдѣ въ одной Кубанской области осѣло до 300.000 душъ переселенцевъ, въ качествѣ, главнымъ образомъ, арендаторовъ войсковыхъ казачьихъ земель. Если также имѣть въ виду происходившее одновременно переселеніе въ южныя губерніи Европейской Россіи и Туркестанъ, затѣмъ предпринятую правительствомъ отправку переселенцевъ моремъ на дальній востокъ и передвиженіе крестьянъ на арендованныя и купленныя съ содѣйствіемъ крестьянскаго поземельнаго банка земли, то можно полагать, что общіе размѣры переселенческаго движенія за все десятилѣтіе выразятся въ цифрѣ не менѣе 800.000 душъ обоего пола. Изъ этого числа, судя по свѣдѣніямъ о сибирскомъ переселеніи, развѣ только третья, четвертая часть направлялась въ законномъ оффиціальномъ порядкѣ, остальные 65 — 75% шли самостоятельно.

Изъ сибирскихъ переселенцевъ большинство двигалось въ томскую губернію, преимущественно на земли кабинета Его Величества; во всѣ прочія губерніи и области Азіатской Россіи прослѣдовало менѣе половины всего числа ихъ, именно до 40%, которые распредѣлялись главнымъ образомъ между губерніями тобольской и енисейской и областями акмолинской и тургайской; сравнительно меньшая часть направлялась въ области семипалатинскую, семирѣченскую и амурскую. Пріуральскіе переселенцы мѣстомъ для водворенія избирали предпочтительно оренбургскую и уфимскую губерніи и только нѣкоторые направлялись въ предѣлы самарской губерніи.

Съ родины переселенцы подымались въ путь обыкновенно при наступленіи весны и лишь немногіе изъ нихъ предпочитали для передвиженія зимнее время. Съ открытіемъ навигаціи почти каждый пароходъ, слѣдовавшій по Волгѣ, увозилъ въ далекую Сибирь цѣлыя партіи семей и каждый поѣздъ оренбургской желѣзной дороги доставлялъ въ Пріуралье десятки, сотни выход-

цевъ изъ внутреннихъ губерній. Направлявшіеся на Тюмень сибирскіе переселенцы, въ ожиданіи навигаціи по рѣкамъ Западной Сибири, вынуждены были дѣлать продолжительныя остановки въ Тюмени и въ недѣлю—двѣ ихъ скоплялось тамъ до 10.000—15.000 душъ. Отсюда пароходами они плыли далѣе къ Томску, Павлодару, Омску или, по примѣру двигавшихся отъ Оренбурга, направлялись сухопутными трактами. Если путь по Волгѣ и Камѣ совершался сравнительно скоро и удобно, то путь по рѣкамъ Западной Сибири, при несовершенствѣ и недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, представлялся крайне тягостнымъ. Скученные въ трюмахъ товарныхъ баржъ иногда по нѣскольку сотъ человѣкъ и лишенные всякаго попеченія и надзора, переселенцы слѣдовали до Томска въ теченіе 12 — 18 сутокъ. При такомъ продолжительномъ пути у многихъ изъ нихъ истощались не только всѣ взятые на дорогу пищевые запасы, но и средства для пріобрѣтенія ихъ; при этомъ на значительномъ протяженіи водныхъ путей, особенно по р. Оби, пароходы останавливались нерѣдко въ безлюдныхъ мѣстностяхъ, гдѣ пріобрѣсть что-либо даже состоятельнымъ переселенцамъ не было никакой возможности. Послѣдствія такихъ условій передвиженія не могли не отражаться гибельно на состояніи здоровья переселенцевъ, и среди нихъ, а особенно дѣтей, быстро развивались тяжелыя заболѣванія, которыя вызывали усиленную смертность, доходившую до 4%.

До Тюмени переселенцы успѣвали прибывать еще съ нѣкоторыми, хотя и не всегда достаточными запасами средствъ, но до Томска, по крайней мѣрѣ, 25 — 30% изъ нихъ достигало въ положеніи, близко граничащемъ къ нищетѣ. Бороться съ этою нищетою было затруднительно, и всѣ мѣры, принимавшіяся въ этомъ направленіи, оканчивались въ лучшемъ случаѣ изысканіемъ какихъ-либо способовъ къ дальнѣйшей отправкѣ прибывшихъ къ мѣстамъ водворенія. Но скромныя средства, которыя отпускались казною въ распоряженіе переселенческихъ чиновниковъ, являлись часто недостаточными даже для удовлетворенія этой неотложной потребности. На такіе пункты наиболѣе сильнаго скопленія, какъ Тюмень, Томскъ, Оренбургъ, ежегодный отпускъ денежныхъ суммъ рѣдко превышалъ 5.000—7.000 руб. и, при возраставшемъ наплывѣ переселенцевъ и необходимости одновременно производить траты на врачебно-продовольственную помощь, въ пособіе на дальнѣйшій путь нуждающимся выдавалось иногда лишь по нѣскольку рублей. Вслѣдствіе этого многія семьи вынуждены были слѣдовать пѣшкомъ, разсчитывая на подаянія или заработки въ попутныхъ селеніяхъ, а значительная

часть ихъ была отправляема изъ Томска на наемныхъ подводахъ съ вѣса, какъ кладь. О бѣдственномъ положеніи неимущихъ переселенцевъ не переставали свидѣтельствовать переселенческіе чиновники. Въ 1888 г. томскій чиновникъ сообщалъ, что происходившее въ этомъ году чрезмѣрное „движеніе явилось почти неожиданнымъ и поставило въ немалое затрудненіе лицъ, обязанныхъ оказывать возможное удовлетвореніе переселенческимъ нуждамъ въ пути и на новыхъ мѣстахъ. Средства получались тѣ же, а переселенцевъ явилось въ три раза болѣе. Послѣдніе оказались въ критическомъ положеніи. Большую часть ихъ пришлось отправить на наемныхъ подводахъ съ выдачею пособій на продовольствіе иногда отъ 2 до 5 руб. на семью въ 8—10 душъ и при разстояніи до мѣста слѣдованія въ 500 верстъ. Конечные результаты такихъ пособій не замедлили сказаться: многіе переселенцы, особенно изъ амурскихъ, вернулись назадъ, многіе остались въ пути, а иные хотя и достигли мѣстъ водворенія, но оказались еще въ худшемъ положеніи: жить съ семьею подъ открытымъ небомъ безъ хлѣба, теплой одежды и безъ надежды на скорое устройство своего быта“. Министерство внутреннихъ дѣлъ, освѣдомленное о такомъ неудовлетворительномъ положеніи дѣла, ограничивалось только указаніемъ „соблюдать возможную экономію и бережливость“ въ дѣлѣ расходованія отпускаемыхъ суммъ. При указанной, болѣе чѣмъ недостаточной, помощи со стороны правительства, съ дѣломъ оказанія поддержки и содѣйствія переселенцамъ стали выступать благотворительные комитеты, открывавшіеся въ разное время по почину мѣстной администраціи и обществъ. Такіе комитеты возникли въ г. Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ, Читѣ и Петербургѣ. Равнымъ образомъ, на помощь переселенцамъ приходили нѣкоторыя частныя лица и редакціи повременныхъ изданій, производившія сборъ пожертвованій на нужды переселенческаго дѣла.

XV.

Скромная помощь правительства и еще болѣе скромная— частной благотворительности достигали развѣ того, что переселенцы, по прибытіи на пункты, гдѣ была организована эта помощь, могли разсчитывать на безплатный пріютъ въ баракахъ, медицинскую помощь, даровое продовольствіе и, въ случаѣ полной нищеты, на скудное снаряженіе въ дальнѣйшій путь. О дальнѣйшей же судьбѣ, постигавшей переселенцевъ въ пути и на

новыхъ мѣстахъ, куда многіе прибывали нерѣдко безъ всякихъ средствъ, предоставлялось заботиться имъ самимъ. Поэтому неимущіе, по прибытіи на мѣсто назначенія, вынуждены были обращаться прежде всего не къ устройству хозяйства, а къ изысканію средствъ для своего пропитанія. Такими средствами служили, главнымъ образомъ, заработки у мѣстныхъ крестьянъ, на которые и устремлялось большинство необезпеченныхъ новоселовъ. Часто заработки эти доставляли только пропитаніе семьѣ и не давали никакихъ сбереженій, съ помощью которыхъ представлялось бы возможнымъ завести собственное хозяйство, и конечнымъ удѣломъ такихъ лицъ становилось продолжительное безхозяйное положеніе. Въ 1886 г. переселенческій чиновникъ, командированный въ Златоустъ, сообщалъ, что „уфимская губернія даетъ массу пришлаго населенія, совсѣмъ нигдѣ не пристроившагося и проживающаго въ селеніяхъ мѣстныхъ крестьянъ въ качествѣ батраковъ, поденщиковъ, кустарей, существующихъ различными мѣстными заработками. Обслѣдованіе златоустовскаго уѣзда на мѣстѣ показало, что во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ селахъ и деревняхъ такое населеніе считается цѣлыми десятками семей и достигаетъ въ нѣкоторыхъ до 50—70 семей на селеніе. Застигнутые въ дорогѣ случайнымъ несчастіемъ или истощеніемъ путевыхъ средствъ и встрѣчая препятствіе къ дальнѣйшему передвиженію, переселенцы оставались въ попутныхъ селеніяхъ, пока не представлялось возможности слѣдовать далѣе къ мѣсту первоначальнаго назначенія и пріобрѣсти тамъ болѣе или менѣе прочную осѣдлость. Но нерѣдко всѣ усилія ихъ поправить хозяйство и двинуться далѣе съ запасомъ необходимыхъ средствъ кончались ничѣмъ, и они, проведя цѣлые годы безхозяйной и бездомовой жизни, теряли способность и силы къ обзаведенію самостоятельнымъ хозяйствомъ и обращались навсегда въ безземельныхъ бобылей, пролетаріевъ въ чуждомъ имъ обществѣ. Положеніе такихъ переселенцевъ или, по мѣстному выраженію, „странних людей“ не представляетъ ничего утѣшительнаго. Они составляютъ какой-то отбросъ въ пріютившемъ ихъ обществѣ и лишены всякихъ гражданскихъ и юридическихъ правъ. Имъ не дозволяется ставить отдѣльные дома на землѣ общества, не дозволяется приписываться къ нему и снимать общественную землю. Экономическая маломочность ихъ такова, что они не въ состояніи даже арендовать дешевыя башкирскія земли и принуждены во время страды наниматься въ чужія работы или уходить въ батраки. Въ послѣднемъ случаѣ работникъ живетъ отдѣльно отъ семьи и на получаемую плату содержитъ

семью, снимая для нея гдѣ-нибудь на окраинѣ села квартиру, въ видѣ простой „скотской задню шки". Кустари и ремесленники находятся въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, и многіе изъ нихъ поселяются въ зажиточныхъ селеніяхъ крестьянъ государственныхъ спеціально ради занятія извѣстными промыслами. Въ отношеніяхъ указаннаго неприписного населенія къ старожиламъ и обратно нельзя не замѣтить нѣкоторой натянутости. Старожилы скорѣе терпятъ такихъ „странниихъ людей" и смотрятъ на нихъ, какъ на необходимую въ страдную пору дешевую рабочую силу; „странніе же люди", сознавая свое безсиліе когда-либо выйти изъ настоящаго положенія и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ, съ глухою завистью относятся къ этимъ „богачамъ", живущимъ въ довольствѣ, и видятъ въ нихъ какъ бы даже причину своей нищеты". Переселенческимъ чиновникомъ въ Оренбургѣ указывалось въ 1888 году, что многіе изъ выходцевъ, „прибывъ на новыя мѣста жительства и истративъ всѣ свои средства, занимаются поденными работами въ городахъ, богатыхъ селеніяхъ и станицахъ. Насколько значительно число этихъ переселенцевъ, можно судить изъ того, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обратилось за единовременными пособіями свыше 660 семействъ, проживающихъ въ г. Оренбургѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что у нихъ, за исключеніемъ ветхой одежды, положительно ничего нѣтъ".

Въ иныхъ, лучшихъ случаяхъ заработки переселенцевъ носили характеръ отработковъ за купленный у старожиловъ хозяйственный инвентарь. При такомъ способѣ обзаведенія каждый пріобрѣтаемый предметъ оплачивался почти вдвое противъ его дѣйствительной стоимости, и нерѣдко вся семья, включая и подростковъ, принимала участіе въ подобныхъ отработкахъ, чтобы оборудовать свое хозяйство въ возможно скоромъ времени. Большинство малоимущихъ переселенцевъ, приходившихъ на новыя мѣста и особенно въ Сибирь и не потерявшихъ энергіи и надежды на самостоятельное устройство, испытывали эту общую участь задолженности и непосильныхъ отработковъ старожиламъ. Весьма немногіе изъ нихъ въ первый же годъ, по приходѣ, успѣвали приступить къ собственному хозяйству, засѣвая $1/4$—$1/2$ десятины земли озимымъ хлѣбомъ. Остальные ожидали весны, разсчитывая зимою поправиться къ посѣву хлѣбовъ. Но проходила зима, полная лишеній для переселенческой семьи, находившей пріютъ гдѣ-нибудь въ сырой землянкѣ или на задворкахъ старожильскихъ строеній, а весною новыя нужды и новыя

просьбы къ старожиламъ—ссудить лошадью, хлѣбомъ, зерномъ, бороною. Описывая положеніе основаннаго близь Томска Сухорѣченскаго поселка, томскій переселенческій чиновникъ въ 1888 г. сообщалъ: „несмотря на давнее отъ одного до двухъ лѣтъ поселеніе нѣкоторыхъ въ участкѣ, изъ 39 домохозяевъ 14 не имѣли своихъ избъ, 9 составляли разрядъ безлошадныхъ, а 15 успѣли завести только по одной лошади, что совершенно недостаточно для успѣшнаго веденія хозяйства въ Сибири. Посѣвы производились самые ничтожные, почти недостаточные для собственнаго продовольствія. Изъ 1.590 десятинъ обработано подъ пашню и засѣяно лишь 59 десятинъ на всѣ 39 дворовъ, отчего 22 семьи должны были кормиться покупнымъ хлѣбомъ большую часть зимы и не имѣть собственнаго зерна къ посѣву яровыхъ хлѣбовъ. Сторонніе заработки, при всей ихъ ничтожности, служили единственнымъ средствомъ къ существованію: 24 семьи высылали своихъ работниковъ для такихъ заработковъ на сторонѣ, а заработки эти сводились почти исключительно къ отработкамъ у мѣстныхъ крестьянъ и заимщиковъ за приторгованныя у нихъ старыя избы, муку, хлѣбное зерно, лошадей и т. п. Отработки эти составляютъ для переселенцевъ тотъ же родъ подневольнаго, кабальнаго труда, оплачиваемаго вдвое дешевле противъ вольнаго найма. При зимней рабочей платѣ въ 20 коп. за пудъ хлѣба переселенецъ долженъ отработать 4 — 5 дней и этотъ пудъ ему такимъ образомъ обходится въ 80 коп.—1 руб., т.-е. вдвое противъ базарныхъ цѣнъ въ Томскѣ, имѣвшихъ мѣсто въ 1887 году". Только черезъ 3 — 5 лѣтъ неимущіе переселенцы, при благопріятныхъ условіяхъ, начинали оправляться отъ пережитой нужды и могли считать дальнѣйшее хозяйство свое упроченнымъ.

Помимо матеріальныхъ лишеній, положеніе переселенцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ Западной Сибири, отягощалось еще особыми спеціальными причинами, которыя являлись плодомъ чисто-административныхъ недоразумѣній. Поселяясь на земляхъ, отводившихся въ арендное пользованіе, переселенцы, по контрактамъ съ казною, облагались особою оброчною податью, которая, будучи переложена на землю, исчислялась по совокупности подушной и оброчной податей, уплачивавшихся старожилами данной мѣстности. Платежъ этотъ являлся единственнымъ въ казну, пока новоселы не были перечислены; съ момента же перечисленія они зачислялись въ податной окладъ въ полномъ объемѣ, взимавшемся съ сибирскихъ старожиловъ, т.-е. съ включеніемъ въ него подушной и оброчной подати, и въ то же время

не освобождались отъ уплаты установленной за землю оброчной подати. Такимъ образомъ переселенцы должны были нести двойное обложеніе въ казну и испытывать въ этомъ отношеніи несравненно худшее положеніе противъ сибирскихъ старожиловъ и лицъ, поселявшихся въ сосѣднемъ Алтайскомъ округѣ или въ енисейской губерніи, гдѣ земли отводились прямо въ надѣлъ новоселамъ. Порядокъ этотъ существовалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока въ 1888 году не послѣдовала отмѣна его и переселенцы, съ зачисленіемъ въ окладъ податей, не стали освобождаться отъ платежа оброка.

Равнымъ образомъ, вопреки принятому повсемѣстно въ Сибири порядку допускать водвореніе переселенцевъ на избранныхъ ими лично или черезъ ходоковъ участкахъ земли, для поселявшихся на казенныхъ земляхъ Западной Сибири съ 1886—1887 гг. установлено было совершенно обратное начало предварительнаго предназначенія участковъ, когда таковые предоставлялись безъ всякаго соображенія съ желаніемъ новоселовъ занять ихъ или даже предварительно удостовѣриться въ пригодности ихъ для себя. Подобное начало проводилось на мѣстѣ иногда столь строго, что многіе не допускались къ поселенію даже на сосѣднемъ съ разрѣшеннымъ участкѣ. При такихъ условіяхъ переселенцамъ, разочаровавшимся въ качествахъ предназначенныхъ земель, оставалось или возвращаться обратно на родину, или уходить въ мѣстности, гдѣ подобнаго порядка не существовало. Такой уходъ съ предназначенныхъ мѣстъ являлся обычнымъ въ тобольской и томской губерніяхъ и, хотя онъ влекъ за собою нежелательныя послѣдствія потерь, связанныхъ съ дальнѣйшими поисками подходящихъ земель, тѣмъ не менѣе переселенцы предпочитали его перспективѣ вѣчно оставаться на участкѣ, который они нашли неудобнымъ для себя. Такимъ образомъ, выработавшійся практикой и признанный наиболѣе цѣлесообразнымъ порядокъ поселенія на свободныхъ земляхъ Сибири, по собственному выбору переселенцевъ, какъ обезпечивавшій имъ возможность скорѣйшаго устройства на новыхъ мѣстахъ, мѣрами административными былъ замѣненъ другимъ для водворявшихся съ разрѣшенія правительства на казенныхъ земляхъ, и вслѣдствіе этого переселенцы эти были поставлены въ условія, которыхъ не знали даже самовольно-пришедшіе, такъ какъ послѣдніе нерѣдко занимали тѣ же казенные участки по своему усмотрѣнію и, въ концѣ концовъ, добивались разрѣшенія оставить ихъ за собой.

XVI.

Вообще въ дѣлѣ устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ въ 80-хъ годахъ замѣчается примѣненіе началъ, которыя представлялись нерѣдко не только не согласованными между собою, но даже совершенно противорѣчащими другъ другу. Хотя по дѣйствующимъ правиламъ самостоятельные переселенцы лишены были права на отводъ казенной и кабинетской земли, но обстоятельства, вызываемыя чрезмѣрнымъ наплывомъ ихъ и невозможностью принять какія-либо мѣры противъ такого наплыва, вынуждали чиновъ межевыхъ отрядовъ, заготовлявшихъ переселенческіе участки, прилагать одинаковыя заботы къ устройству и такихъ переселенцевъ. Оправданіемъ къ этому служило еще и отсутствіе объединяющихъ началъ, которыми должны были руководствоваться правительственныя учрежденія и лица при разрѣшеніи ходатайствъ о переселеніи и отводѣ земли для поселяющихся. Достаточно указать на то, что на огромной заселяемой территоріи, простиравшейся отъ рѣки Волги до Охотскаго моря и отъ береговъ Мурмана и Новой Земли до границъ Персіи въ отношеніи переселенія дѣйствовали совершенно различныя правила и распоряженія, частью устарѣвшія, частью почти совсѣмъ неизвѣстныя, разобраться въ которыхъ было затруднительно не только для переселенцевъ, но даже для руководившей дѣйствіями ихъ мѣстной власти.

Если не считать южно-уссурійскаго переселенія, направлявшагося въ особомъ порядкѣ моремъ, амурскіе переселенцы, слѣдовавшіе сухопутными трактами, и алтайскіе подчинялись дѣйствію особыхъ спеціальныхъ узаконеній 26-го марта 1861 года и 25-го апрѣля 1865 года, которыя допускали переселеніе крестьянъ путемъ непосредственныхъ сношеній администраціи внутреннихъ губерній Россіи съ главнымъ начальствомъ Приамурскаго края и Алтайскаго округа. Но на практикѣ порядокъ такого разрѣшенія, требуемый закономъ, замѣнялся въ названныхъ мѣстностяхъ большею частью признаніемъ совершившагося факта переселенія.

Къ территоріи иркутскаго генералъ-губернаторства или, ближайшимъ образомъ, енисейской губерніи, куда преимущественно направлялось движеніе переселенцевъ, въ порядкѣ разрѣшенія и отвода имъ земли до самаго конца десятилѣтія примѣнялся уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ. Но за прекращеніемъ дѣйствія этого устава и отсутствіемъ другихъ замѣ-

няющихъ его правилъ, мѣстныя казенныя палаты, завѣдывавшія казенными землями, вынуждены были снисходительно относиться къ устройству самовольныхъ выходцевъ, требуя отъ нихъ выполненія лишь двухъ условій, чтобы избранный участокъ былъ вымежеванъ изъ владѣнія сибирскихъ старожиловъ и чтобы площадь его была не менѣе предусматриваемой ст. 26-ой устава, т.-е. 4.000 десятинъ.

Отчасти этимъ же уставомъ руководствовались и земельныя управленія Западной Сибири, при устройствѣ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ, пока частные случаи примѣненія временныхъ правилъ 10-го іюля 1881 года не повели въ срединѣ 80-хъ годовъ къ распространенію дѣйствія этихъ правилъ на всѣхъ лицъ, водворявшихся на означенныхъ земляхъ, и кореннымъ образомъ не измѣнили практиковавшійся дотолѣ порядокъ отвода земли новоселамъ. Установленіе и точное проведеніе этого порядка на мѣстахъ водворенія явилось для множества семей, уже занявшихъ казенныя земли, совершенно неожиданнымъ. Большинство изъ нихъ оказалось невыполнившимъ указанія закона и пришедшимъ безъ предварительнаго разрѣшенія на переселеніе, вслѣдствіе чего требованіе объ обязательномъ выполненіи законнаго порядка переселенія, предъявленное даже къ лицамъ, успѣвшимъ окончательно поселиться и обзавестись хозяйствомъ, поставило многихъ въ безвыходное положеніе и побудило, за затруднительностью и часто невозможностью возбуждать ходатайства о переселеніи съ мѣстъ прежняго жительства, уходить съ участковъ.

Далѣе, въ губерніяхъ бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторства дѣйствовали два законоположенія—26-го января 1876 г. и 10-го іюля 1881 года, изъ которыхъ первое, допуская устройство на казенныхъ земляхъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ,—„прибывшихъ туда изъ другихъ губерній", и требуя для осуществленія этого устройства только факта такого прибытія, тѣмъ самымъ находилось какъ бы въ прямомъ противорѣчіи съ позднѣйшимъ закономъ, допускавшимъ переселеніе и водвореніе на казенныхъ земляхъ въ названныхъ губерніяхъ лишь съ предварительнаго разрѣшенія правительства. На ряду съ тѣмъ и въ порядкѣ отвода земли, предусматриваемомъ обоими законоположеніями, замѣчалось такое же несоотвѣтствіе принятыхъ основаній. Въ то время, какъ по закону 1876 года свободныя казенныя земли нарѣзались на ревизскія души и отводились прямо въ надѣлъ переселенцамъ, на основаніи временныхъ правилъ

онѣ поступали въ арендное пользованіе и исчислялись по наличному составу душъ мужского пола.

Наконецъ отдѣльною территоріею въ колонизаціонномъ отношеніи стояли степныя области и область тургайская. Хотя движеніе крестьянъ въ эти области постоянно увеличивалось и принимало съ годами все болѣе замѣтные размѣры, тѣмъ не менѣе онѣ являлись какъ бы изъятыми изъ вѣдѣнія всѣхъ законовъ и распоряженій правительства о переселеніи, и лицамъ, стремившимся поселиться въ нихъ, не оставалось другого выбора, какъ слѣдовать „самовольно" и устраиваться на свой рискъ и страхъ путемъ приписки къ городамъ или водворенія на арендованныхъ киргизскихъ земляхъ.

Что касается затѣмъ Кавказа и Туркестана, то никакихъ опредѣленныхъ правилъ о переселеніи на казенныя земли названныхъ окраинъ не существовало и переселенцы направлялись туда самостоятельно или устраивались по особымъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшеніямъ правительства.

Все изложенное выше о существовавшемъ порядкѣ переселенія въ 80-хъ годахъ свидѣтельствуетъ, насколько затруднительно было для мѣстной власти, не только въ губерніяхъ выселенія, но и въ губерніяхъ водворенія, слѣдовать разнорѣчивымъ указаніямъ закона и согласовать ихъ съ установившеюся практикою дѣла. Поэтому, обращая прежде всего вниманіе на фактъ наплыва переселенцевъ, администрація заселяемыхъ мѣстностей всѣ старанія направляла главнымъ образомъ къ тому, чтобы устроить ихъ на новыхъ мѣстахъ, и находила излишнимъ входить въ обсужденіе правъ ихъ на такое устройство. Такимъ образомъ, „самовольное" переселеніе фактически было узаконяемо мѣстною властью, и этотъ порядокъ узаконенія существовалъ повсемѣстно въ Сибири, не исключая и степныхъ областей.

XVII.

При наплывѣ переселенцевъ, Сибирь оказалась совершенно неподготовленною въ межевомъ отношеніи для пріема цѣлыхъ десятковъ тысячъ новыхъ насельниковъ. Въ большинствѣ ея областей и губерній точнаго межеванія земель не было, а производилась лишь въ разное время военно-топографическая съемка на планъ мѣстностей. Хотя съ начала 40-хъ годовъ въ Западной и отчасти Восточной Сибири приступлено было къ послѣдовательному межеванію казенныхъ земель, но работы эти ве-

лись медленно и не подвергались исправленію въ связи съ измѣненіями, которыя происходили въ земельной картѣ Сибири, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія и наплыва пришлаго. Поэтому планы мѣстностей, обойденныхъ межеваніемъ, представляли въ большинствѣ случаевъ матеріалъ крайне устарѣвшій и совершенно непригодный для руководства. На ряду съ этимъ сформированный въ Западной Сибири для образованія переселенческихъ участковъ отрядъ межевыхъ чиновъ являлся малочисленнымъ и не въ состояніи былъ удовлетворять возраставшему спросу на землю, который всегда опережалъ работы по вымежеванію участковъ. При такихъ условіяхъ, съ цѣлью скорѣйшаго устройства переселенцевъ, межевые чины вынуждены были спѣшно и торопливо производить частичное вымежеваніе земель изъ казенныхъ дачъ, иногда безъ должнаго соображенія съ количествомъ и качествомъ содержавшихся въ нихъ угодій, или указывать на такія изъ этихъ дачъ, которыя значились когда-то свободными по планамъ 50-хъ, 60-хъ годовъ. Дачи же эти нерѣдко оказывались непригодными для веденія сельскаго хозяйства, сданными въ аренду или самовольно занятыми мѣстными крестьянами, съ устройствомъ тамъ цѣлой сѣти хуторовъ и заимокъ. Вслѣдствіе этого при водвореніи между переселенцами и старожилами возникали всегда крупныя недоразумѣнія и споры, которые нерѣдко оканчивались недопущеніемъ новоселовъ до пользованія указанною для поселенія землею, и послѣдніе вынуждены были уходить съ назначеннаго мѣста или же ожидать нарушенія аренднаго контракта или разрѣшенія споровъ и недоразумѣній прибывшими межевщиками. Ожиданія же эти, за медленностью переписки и отсутствіемъ межевыхъ чиновъ на мѣстѣ, тянулись иногда по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ и лишали прибывшихъ возможности не только приступить къ хозяйству, но и остановить произволъ арендаторовъ, которые разоряли оставляемый участокъ.

Не лучшее положеніе ожидало переселенцевъ и въ Алтайскомъ округѣ, гдѣ планы межеванія земель были еще болѣе старыми, чѣмъ въ прочихъ мѣстностяхъ Западной Сибири, относясь къ началу столѣтія, и гдѣ штатъ межевыхъ чиновъ, состоявшій при главномъ управленіи округа и съ 1884 г. начавшій производить работы по обмежеванію переселенческихъ участковъ, также не соотвѣтствовалъ потребностямъ дѣла. Въ числѣ другихъ заселяемыхъ районовъ Сибири округъ этотъ уже давно славился печальною извѣстностью, вслѣдствіе постоянныхъ земельныхъ неурядицъ, происходившихъ среди мѣстнаго населенія

и особенно обострившихся при усиленномъ наплывѣ переселенцевъ. Отъ тяжелыхъ послѣдствій неустройства спасало послѣднихъ только то обстоятельство, что въ степной сѣверо-западной окраинѣ этого округа находились обширныя пространства пустовавшихъ земель, изъ которыхъ безъ особыхъ затрудненій и отводились участки подъ поселеніе.

Еще менѣе обезпеченными представлялись интересы переселенцевъ при устройствѣ на свободныхъ земляхъ въ другихъ мѣстностяхъ Зауралья, какъ въ Восточной Сибири и на Амурѣ, гдѣ спеціальныхъ межевыхъ отрядовъ совсѣмъ не существовало, а въ распоряженіи мѣстныхъ земельныхъ управленій или замѣнявшихъ ихъ казенныхъ палатъ состояли небольшіе штаты землемѣровъ, которые при случаѣ и нарѣзали землю для переселяющихся. Нарѣзка эта производилась обыкновенно на основаніи выдававшихся чинами земской полиціи удостовѣреній о свободности земельнаго участка или чаще всего заявленій о томъ самихъ же переселенцевъ. При такихъ условіяхъ отвода участковъ послѣднимъ приходилось ожидать иногда по году и болѣе, но при томъ облегчающемъ условіи, что имъ не воспрещалось занятіе и пользованіе землею впредь до вымежеванія ея. Такой порядокъ, при обиліи пустовавшихъ земель, устранялъ для многихъ переселенцевъ затрудненія, связанныя съ необходимостью водворенія и устройства на новыхъ мѣстахъ.

Если въ поименованныхъ мѣстностяхъ работы по обмежеванію переселенческихъ участковъ носили столь неудовлетворительный характеръ, то въ степныхъ областяхъ, гдѣ земледѣльческая колонизація начала-было развиваться уже въ 70-хъ годахъ, отчасти по почину самого же правительства, къ этому присоединился еще составившійся у областной администраціи взглядъ на вредъ вообще русской колонизаціи для кочевого киргизскаго населенія. Въ виду этого, послѣ совершившагося признанія нѣкоторыхъ самовольно образованныхъ поселеній въ краѣ, рѣшено было не только прекратить всякую нарѣзку участковъ подъ водвореніе переселенцевъ, но и принять рядъ строгихъ мѣръ для предотвращенія дальнѣйшаго поселенія въ степяхъ и даже для выселенія самовольно прибывшихъ семей.

Переселеніе въ смежную тургайскую область, какъ не регламентированное никакими правилами и распоряженіями правительства, предоставлено было всецѣло естественному теченію вещей и совершалось безъ всякаго надзора и вѣдома административной власти. Переселенцы шли, образовывали многочисленные хутора и заимки, группируясь иногда въ значительныя отдѣль-

ныя поселенія, и такое водвореніе въ области обусловливалось только однимъ соглашеніемъ съ кочевниками объ арендѣ земель. Новыя поселенія состояли бо̀льшею частью изъ случайно собравшихся семей и не имѣли никакого оффиціально признаннаго внутренняго устройства и управленія.

XVIII.

Кромѣ водворенія на свободныхъ земляхъ, другою распространенною формою устройства переселенцевъ въ Сибири являлась приписка къ мѣстнымъ многоземельнымъ обществамъ. До средины 80-хъ годовъ къ подобному способу устройства прибѣгала большая часть новоселовъ, почти до $^4/_5$ числа ихъ, уплачивая за право приписки извѣстную вступную плату. Вначалѣ небольшая плата эта съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ непрекращавшагося наплыва переселенцевъ, значительно возросла и достигла мѣстами, особенно въ Алтайскомъ округѣ, до 50—75 руб. съ души. Обстоятельство это, въ связи съ уменьшеніемъ площади свободныхъ общественныхъ земель и съ предпринятою заготовкою спеціальныхъ переселенческихъ участковъ, значительно повліяло на измѣненіе установившагося способа устройства переселенцевъ, и большинство изъ нихъ мѣстами для поселенія стало избирать свободныя земли. Однако и послѣ этого приселеніе къ обществамъ, главнымъ образомъ, алтайскихъ крестьянъ представлялось въ глазахъ многихъ болѣе удобнымъ, такъ какъ не требовало ближайшаго вмѣшательства правительственной власти, и поэтому нерѣдко предпочиталось передъ водвореніемъ на свободныхъ участкахъ. Къ этому склоняло иныхъ еще сознаніе, что они попадутъ не „на пустое мѣсто“ и могутъ пріобрѣсть въ пользованіе лучшія угодья, чѣмъ нарѣзавшіяся изъ свободныхъ земель. Послѣдствія, однако, не всегда оправдывали подобные разсчеты новоселовъ, и многіе изъ нихъ, особенно не располагавшіе достаточными средствами, скоро убѣждались въ роковой, непоправимой ошибкѣ. Договоры о вступной платѣ съ обществомъ сопровождались обыкновенно выдачею задатка съ одной стороны и позволеніемъ строиться и обзаводиться съ другой, при этомъ вопросъ о пріемномъ приговорѣ отлагался большею частью до уплаты всей договоренной суммы, которую переселенцы надѣялись скопить путемъ заработковъ. Пользуясь разрѣшеніемъ, они немедленно приступали къ постройкамъ, постепенно приводили ихъ къ концу, уплачивали затѣмъ всю догово-

ренную сумму, но обезпечить себѣ правовое положеніе у общества не могли. Выдача пріемнаго приговора отлагалась послѣднимъ подъ разными предлогами, и въ ожиданіи этой выдачи часто проходило неопредѣленное время, пока, наконецъ, новоселы не убѣждались, что общество совсѣмъ не желаетъ принимать ихъ, пользуясь ими только какъ доходною статьею и обязывая ихъ къ выполненію всѣхъ повинностей, наравнѣ съ своими членами, и къ уплатѣ аренды за занятую подъ посѣвъ и строенія землю. Прикрываясь закономъ, предоставляющимъ въ дѣлѣ пріема новыхъ членовъ руководствоваться собственнымъ усмотрѣніемъ, общество, въ концѣ концовъ, отрекалось и отъ данныхъ новоселамъ обѣщаній и отъ самаго факта полученія съ нихъ условленной платы, чѣмъ поставляло ихъ въ самое безвыходное положеніе. Многочисленныя просьбы и жалобы, поступавшія отъ алтайскихъ переселенцевъ на подобныя злоупотребленія сельскихъ обществъ, свидѣтельствуютъ, насколько значителенъ былъ кругъ лицъ, обманувшихся въ разсчетахъ на устройство путемъ приписки къ обществамъ. Къ концу 80-хъ годовъ въ Алтайскомъ округѣ такихъ безправныхъ, неустроенныхъ переселенцевъ среди мѣстнаго населенія насчитывалось свыше 100.000 душъ.

XIX.

Порядокъ переселенія и устройства крестьянъ въ пріуральскихъ губерніяхъ почти ничѣмъ не отличался отъ установившагося въ предшествовавшее десятилѣтіе, нося ту же безпорядочную случайную форму. Причиною этому служилъ, несомнѣнно, недостатокъ свободныхъ казенныхъ земель, предназначавшихся подъ водвореніе переселенцевъ, и въ связи съ этимъ затруднительность пріобрѣтенія частновладѣльческихъ земель черезъ посредство крестьянскаго банка. Переселенцы направлялись преимущественно въ оренбургскую и уфимскую губерніи, гдѣ запасъ свободныхъ участковъ представлялся совершенно ничтожнымъ и допускалъ возможность устройства развѣ единичныхъ семей. Главная площадь казенныхъ земель расположена была въ предѣлахъ самарской губерніи, но здѣсь, на основаніи правилъ 10 іюля 1881 г., устроилось по 1887 г. всего до 5.000 душъ мужского пола. Новоселы избѣгали степныхъ, нерѣдко безводныхъ участковъ, нарѣзавшихся въ южныхъ уѣздахъ означенной губерніи, и предпочитали поэтому поселяться въ вышеназванныхъ губерніяхъ, устраиваясь на частновладѣльческихъ и

башкирскихъ земляхъ, или водворяясь въ обществахъ старожиловъ и въ казачьихъ станицахъ. Съ положеніемъ пріуральскихъ переселенцевъ обстоятельно знакомятъ свѣдѣнія, собранныя по этому предмету переселенческимъ чиновникомъ въ оренбургской губерніи. Къ началу 1888 г. на территоріи ея проживало водворившагося въ разное время пришлаго населенія до 110.000 душъ обоего пола. Изъ нихъ прочно устроенными въ поземельномъ отношеніи могли считаться только 9% лицъ, купившихъ въ собственность земли преимущественно на имѣвшіяся у нихъ личныя средства (до 6%). Остальные 91% собственной земли не имѣли и проживали большею частью отдѣльными хуторами на заарендованныхъ земляхъ (53%) или въ селеніяхъ крестьянъ и казачьихъ станицахъ, въ которыхъ занимались съемкою общественныхъ земель подъ хлѣбопашество, торговлею, промыслами или временными случайными работами. Почти до 70% переселенцевъ не было перечислено по мѣсту новаго жительства, изъ остальныхъ же часть была приписана къ волостямъ безъ земли, а другая, вдвое бо̀льшая—къ городамъ.

Отсутствіе свѣдѣній о переселенческомъ движеніи, направлявшемся въ другія заселяемыя мѣстности, какъ въ Закавказье, Туркестанъ и прочія губерніи Европейской Россіи, не позволяетъ въ точности судить о размѣрѣ этого движенія и о порядкѣ устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Хотя Закавказье начало заселяться русскими еще съ 30—40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, но заселеніе это носило болѣе штрафной характеръ. Русскія поселенія въ краѣ образовывались изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ и главнымъ образомъ изъ сектантовъ, ссылавшихся сюда изъ внутреннихъ губерній и водворявшихся на казенныхъ земляхъ. Остальные выходцы изъ Россіи были предоставляемы собственнымъ силамъ и разумѣнію, и поэтому, за неотводомъ казенной земли, устраивались большею частью въ городахъ, гдѣ проживали различными заработками. Обстоятельство это, несомнѣнно, служило причиною, что Закавказье, какъ заселяемая мѣстность, совершенно не привлекало къ себѣ русскаго населенія. Далѣе, въ южныхъ губерніяхъ Россіи: таврической, херсонской, екатеринославской, а также въ юго-восточной саратовской, были открыты для заселенія небольшіе запасы свободныхъ казенныхъ земель, на которыхъ, съ разрѣшенія правительства, устроилось по 1887 г. безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ около 4.500 душъ мужского пола. Несомнѣнно, однако, приведеннымъ числомъ переселенцевъ не обнималось все движеніе, какое замѣчалось какъ въ названныя, такъ и въ прочія

губерніи Россіи, и не ограничивалось ихъ устройство только путемъ водворенія на казенныхъ земляхъ, особенно послѣ учрежденія крестьянскаго банка, съ содѣйствіемъ котораго, какъ извѣстно, многіе стали устраиваться на купленныхъ земляхъ и ради этого переселяться изъ мѣстъ своей прежней приписки.

XX.

Слѣдуя на новыя мѣста, особенно въ далекую Сибирь, большинство переселенцевъ смутно представляло ту дѣйствительность, какая ихъ ожидала. Многіе даже не знали, куда собственно они направлялись: шли на „Мамуръ-рѣку“, на „Китайскій клинъ“, въ „Бѣловодье“, но какія мѣстности разумѣлись подъ этими названіями, гдѣ онѣ расположены и какими путями достигнуть ихъ, переселенцы часто не могли сказать. Лишь немногіе изъ нихъ посылали предварительно ходоковъ, остальные направлялись по письмамъ родныхъ или знакомыхъ, а чаще всего по слухамъ. Слухи же эти являлись обыкновенно самыми сбивчивыми, неясными и изображавшими жизнь на новыхъ мѣстахъ въ столь заманчивыхъ краскахъ, что невольно увлекали воображеніе крестьянъ. На основаніи этихъ слуховъ нерѣдко иные представляли Сибирь страною теплою, изобилующею фруктовыми садами, цѣннымъ звѣремъ и рыбою и имѣющею всюду прекрасныя сѣнокосныя и лѣсныя угодья, тучную черноземную почву, съ которой получались необыкновенные урожаи, обезпечивавшіе почти въ одинъ день труда существованіе земледѣльца на цѣлый годъ. Точно также среди крестьянъ передавалось, что переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ даются деньги и устроенныя казною готовыя хозяйства, усадьба, строенія, скотъ, необходимый хозяйственный инвентарь и даже вся домашняя утварь. Въ пересказахъ о новыхъ мѣстахъ иные простирали свои вымыслы до устройства переселенческихъ избъ особыми военными полками, до изготовленія казною кваса для водворяющихся, до предоставленія имъ такой земли, съ которой получается самъ собою урожай хлѣбомъ и ватой и т. п. При такихъ условіяхъ совершенно понятнымъ становится то разочарованіе, какое постигало переселенцевъ, когда они, вмѣсто подобныхъ вымысловъ, встрѣчали суровую сибирскую дѣйствительность. Разочарованіе это, въ связи съ испытываемою нуждою, безцѣльными скитаніями въ поискахъ за воображаемыми благодатными мѣстами и тяжелыми неудачами, приводили нерѣдко къ тому, что новоселы толпами возвращались назадъ на родину.

Если прямое движеніе за Уралъ направлялось преимущественно на Тюмень, то обратное, напротивъ, выбирало сухопутные тракты, гдѣ, за отсутствіемъ средствъ на передвиженіе, представлялось возможнымъ слѣдовать своею подводою или пѣшкомъ и разсчитывать на подаянія придорожныхъ селянъ. Такимъ трактомъ для обратнаго передвиженія служилъ обыкновенно путь на Оренбургъ, который предпочитался еще по причинѣ его относительно южнаго положенія, дозволявшаго переселенцамъ двигаться до глухой поздней осени. Сообразно прямому движенію, размѣры обратнаго переселенія изъ Сибири представлялись довольно значительными и въ концѣ 80-хъ годовъ достигали въ среднемъ до 3—4 тыс. душъ ежегодно или до 12% всего прямого движенія переселенцевъ.

Такимъ образомъ, 12% всѣхъ переселяющихся Сибирь удаляла изъ себя, какъ лицъ, не нашедшихъ устройства на обширной территоріи ея. Какой при этомъ процентъ былъ тѣхъ, которые, растративъ все, не имѣли даже возможности двинуться назадъ и обрекали себя на вѣчное положеніе бобылей и батраковъ у сибирскихъ крестьянъ, на снисканіе дневного пропитанія путемъ случайныхъ заработковъ въ городахъ и селеніяхъ, на постоянную перекочевку изъ общества въ общество въ тайной надеждѣ пристроиться гдѣ-нибудь болѣе прочно,—свѣдѣній о томъ не имѣется, но несомнѣнно, процентъ этотъ долженъ быть несравненно выше указаннаго. Кромѣ Сибири обратное переселеніе шло и съ Кавказа, и изъ оренбургскаго края, но точныя цифры его неизвѣстны. Надо думать, однако, судя по числу переселявшихся и отсутствію свободныхъ земель подъ водвореніе, размѣры обратнаго выселенія изъ названныхъ мѣстностей были не менѣе значительны.

XXI.

Въ такомъ положеніи находилось переселенческое дѣло, когда послѣдовало изданіе закона 13 іюля 1889 г., которымъ имѣлось въ виду замѣнить всѣ существовавшія доселѣ правила о переселеніи въ предусматриваемыя имъ мѣстности. Представляя изъ себя полный сводъ постановленій, законъ этотъ и понынѣ остается основнымъ въ дѣлѣ переселенія на казенныя земли и только для Сибири послѣ учрежденія комитета Сибирской желѣзной дороги дополненъ рядомъ развивающихъ его узаконеній и распоряженій.

Первоначально законъ примѣнялся только къ нѣкоторымъ

многоземельнымъ губерніямъ Европейской Россіи, въ Западной Сибири и степнымъ областямъ, но вскорѣ признано было необходимымъ распространить дѣйствіе его и на нѣкоторыя другія мѣстности, куда направлялось переселеніе или гдѣ требовалось принятіе мѣръ для его упорядоченія. Съ этою цѣлью въ ближайшій періодъ времени изданъ былъ рядъ отдѣльныхъ узаконеній, изъ которыхъ важнѣйшими являются 25 марта 1891 г. и 20 апрѣля 1892 года Первымъ изъ этихъ указовъ дѣйствіе правилъ о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли распространено было на области Уральскую и Тургайскую, а вторымъ—на губерніи енисейскую и иркутскую; при этомъ указанныя области въ отношеніи отвода казенныхъ земель переселенцамъ и предоставляемыхъ имъ льготъ приравнены были къ степнымъ областямъ, а губерніи Восточной Сибири—къ губерніямъ томской и тобольской. Законъ 20 апрѣля касается вмѣстѣ съ тѣмъ и вопроса о перечисленіи переселенцевъ, ранѣе водворившихся въ губерніяхъ енисейской и иркутской, и опредѣляетъ порядокъ отвода имъ казенныхъ земель, требуя, чтобы отводъ производился на прежнемъ основаніи по распоряженію мѣстныхъ властей. Этимъ же закономъ предусмотрѣно затѣмъ учрежденіе при иркутскомъ генералъ-губернаторѣ должности чиновника особыхъ порученій по переселенческимъ дѣламъ.

Если примѣненіе правилъ 13 іюля 1889 г. къ енисейской и иркутской губ., вслѣдствіе обилія расположенныхъ въ нихъ свободныхъ казенныхъ земель и водворенія значительнаго числа нуждавшихся въ устройствѣ своего быта переселенцевъ, представлялось своевременнымъ и необходимымъ, то нельзя того же сказать про области Уральскую и Тургайскую, гдѣ свободныхъ казенныхъ земель, вымежеванныхъ изъ владѣній киргизовъ, совершенно не имѣлось. Поэтому фактически переселеніе въ названныя области и послѣ состоявшагося Высочайшаго повелѣнія 25 марта 1891 г. не могло получить правильнаго разрѣшенія и все значеніе закона свелось лишь къ устройству ранѣе водворившихся переселенцевъ, въ порядкѣ отдѣла III правилъ 13 іюля.

Значеніе остальныхъ узаконеній носило болѣе частный характеръ и выражалось преимущественно въ развитіи нѣкоторыхъ основныхъ положеній закона 13 іюля. Такъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 11 мая 1890 г. и 27 апрѣля 1891 г. положеній комитета министровъ, отдѣлъ III означеннаго закона былъ распространенъ на нѣкоторыхъ лицъ, поселившихся въ

предѣлахъ Европейской Россіи, а именно: 1) на переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ въ прежнее время на казенныхъ земляхъ вятской губерніи, и 2) на самовольно осѣвшихъ въ уинской казенной дачѣ, пермской губерніи. Случаи, вызвавшіе изданіе этихъ спеціальныхъ законовъ, указывали на возможность возникновенія ихъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи и на необходимость принятія подобныхъ же мѣръ къ устройству водворившихся въ нихъ переселенцевъ; поэтому, во избѣжаніе изданія каждый разъ особыхъ указовъ, тѣмъ же закономъ 27 апрѣля 1891 года предоставлено было министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а при неокончательномъ разрѣшеніи вопроса о поземельномъ устройствѣ, также по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, право примѣнять отдѣлъ III правилъ 13 іюля, при перечисленіи лицъ, поселившихся въ прежнее время на казенныхъ земляхъ въ мѣстностяхъ, которыя означенными правилами не предусмотрѣны. Въ связи съ этимъ для облегченія способовъ скорѣйшаго и прочнаго устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и устраненія зависимости этого устройства отъ факта прибытія ихъ изъ тѣхъ или иныхъ мѣстностей, Высочайше утвержденнымъ 8 ноября 1893 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта дѣйствіе постановленій, изложенныхъ въ отдѣлѣ III, распространено было на лицъ сельскаго состоянія и мѣщанъ, которыя, проживая въ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ примѣнялся законъ 13 іюля 1889 г., переселились до изданія его изъ однихъ уѣздовъ или волостей въ другіе.

XXI.

При разсмотрѣніи правилъ 13 іюля и изданныхъ въ развитіе ихъ позднѣйшихъ узаконеній нельзя не убѣдиться, что новый законъ объединялъ дѣйствовавшія ранѣе постановленія по переселенію и распространялся лишь на тѣ мѣстности, гдѣ существовали запасы свободныхъ казенныхъ земель, и гдѣ имѣлось въ виду именно заселеніе этихъ земель. Такимъ образомъ, являясь основнымъ въ дѣлѣ переселенія и распространяясь на обширную территорію отъ восточныхъ губерній Европейской Россіи до границъ Приамурскаго генералъ-губернаторства, означенный законъ отнюдь не обнималъ всѣхъ случаевъ переселенія и способовъ устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и не охватывалъ всей территоріи имперіи. Внѣ дѣйствія этого

закона оставались многоразличные случаи перехода крестьянъ на новыя мѣста путемъ, напр., водворенія въ старожильскихъ обществахъ или на купленныхъ съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка земляхъ; точно такъ же въ территоріальномъ отношеніи отъ дѣйствія закона были изъяты всѣ прочія, кромѣ упомянутыхъ въ немъ, мѣстности имперіи, для которыхъ остались въ силѣ изданныя въ разное время спеціальныя узаконенія о переселеніи или которыя были совсѣмъ обойдены вниманіемъ законодателя въ этомъ отношеніи, какъ Кавказъ, Туркестанъ, центральныя и западныя губерніи Европейской Россіи и пр. Если не считать правительственныхъ мѣръ, принимавшихся къ развитію промышленной колонизаціи на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи и установленныхъ съ этой цѣлью въ 70-хъ и 80-хъ годахъ особыхъ правилъ для водворенія и упроченія русскихъ промышленниковъ на Новой Землѣ и на Мурманскомъ берегу, архангельской губерніи, правильная болѣе или менѣе организація переселенія земледѣльческаго населенія существовала по особымъ законоположеніямъ еще на казенныя земли Амурской и Приморской области, на земли кабинета Его Величества и до извѣстной степени на земли казачьихъ войскъ.

Отдаленность Приамурскаго края и государственная важность заселенія его еще въ концѣ 50-хъ годовъ заставила обратить на себя особое вниманіе правительства и обставить переселеніе туда возможно льготными условіями, хотя и безъ пособій со стороны казны. Предполагавшаяся-было вначалѣ организація широкой матеріальной помощи переселенцамъ не осуществилась, вслѣдствіе возникшаго соображенія, что нѣтъ особо побудительныхъ причинъ стремиться къ скорѣйшему заселенію края, земли котораго должны послужить запасомъ для будущаго, и поэтому взамѣнъ денежныхъ пособій рѣшено было установить самыя широкія льготы для переселяющихся на свой счетъ. Согласно Высочайше утвержденному 26 марта 1861 г. Положенію сибирскаго комитета, переселеніе въ Амурскую и Приморскую области разрѣшалось „всѣмъ вообще желающимъ какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ“, получившимъ узаконенныя свидѣтельства на переселеніе и представившимъ ихъ по мѣсту приписки. Земля для переселенцевъ отводилась въ общинное, при составѣ общества не менѣе пятнадцати семействъ, или подворное владѣніе, по разсчету въ томъ и другомъ случаѣ не свыше 100 дес. на семью. Въ теченіе 20-ти лѣтъ земля состояла въ безплатномъ пользованіи, а затѣмъ облагалась оброчною и поземельною податью. Участки безплатнаго пользованія переселенцы обязывались обработать въ

теченіе 5-ти лѣтъ; въ противномъ случаѣ правительство могло отобрать ихъ въ необработанной части въ свое распоряженіе. Желающіе могли выкупить свой участокъ въ собственность, съ уплатою по 3 рубля за десятину и съ правомъ распоряженія по своему усмотрѣнію, на общемъ законномъ основаніи, кромѣ лицъ, поселившихся по р. Уссури. Послѣднимъ земля предоставлялась въ вѣчное пользованіе. Переселенцы освобождались отъ рекрутской повинности на десять наборовъ и отъ платежа подушной подати навсегда.

При отводѣ земель соблюдались слѣдующія правила. Правительство ежегодно назначало извѣстныя пространства земель для отвода переселенцамъ и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ по этому предмету публиковало для общаго свѣдѣнія. Участки отводились „желающимъ безъ всякаго затрудненія, по ихъ собственному избранію"; при этомъ преимущество отдавалось лицамъ, прежде другихъ изъявившимъ желаніе пріобрѣсть землю въ пользованіе или въ собственность. На пользованіе землею выдавались особыя свидѣтельства, а на полную собственность—„данныя", совершаемыя, въ теченіе 20-ти лѣтъ по изданіи правилъ, безъ взиманія пошлинъ.

Приведенныя правила сохраняютъ свою силу и до настоящаго времени. Позднѣйшими узаконеніями 26 января 1882 г. и 18 іюня 1892 г. въ нихъ внесены были лишь нѣкоторыя измѣненія, въ смыслѣ прекращенія дѣйствія ихъ въ отношеніи иностранцевъ и освобожденія переселенцевъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по водвореніи отъ земскихъ повинностей.

Установленіе широкихъ льготъ для переселяющихся вызвало вначалѣ довольно замѣтное движеніе крестьянъ на Амуръ, которое не прекращалось въ теченіе всего десятилѣтія, слѣдовавшаго за изданіемъ закона. Затѣмъ остановившееся было въ 70-хъ годахъ, вслѣдствіе отклоненія главнаго движенія въ Оренбургскій край, сухопутное переселеніе на Дальній Востокъ вновь усилилось въ 80-хъ годахъ, когда прослѣдовало на Амуръ до 10.000 душъ обоего пола. Отдаленность края и затруднительность передвиженія сильно вліяли на сокращеніе размѣровъ переселенческаго движенія и приблизительно такое же число лицъ, направлявшихся въ край, вынуждено было отказаться отъ первоначальнаго намѣренія и устроиться въ попутныхъ губерніяхъ и областяхъ Сибири. Амурскіе переселенцы осѣдали преимущественно въ низменной равнинѣ, расположенной между притоками Амура—Зеей и Буреей, гдѣ и устраивались на свободныхъ земляхъ, избирая участки по своему усмотрѣнію. Хотя

правилами 1861 г. въ обязанность мѣстной администраціи вмѣнялось ежегодно образовывать участки для переселенцевъ, тѣмъ не менѣе требованіе это, за недостаткомъ межевыхъ силъ, почти совсѣмъ не выполнялось и водворявшіеся въ пріисканіи мѣстъ новаго жительства руководствовались чаще всего собственнымъ выборомъ. Относительная зажиточность приходившихъ въ край, въ связи съ благопріятными естественными и экономическими условіями его, выражавшимися въ плодородіи почвы, высокихъ цѣнахъ на продукты сельскаго хозяйства и большомъ спросѣ на рабочія руки, имѣли своимъ послѣдствіемъ, что переселенцы въ скоромъ времени по водвореніи достигали такого хозяйственнаго благосостоянія, какого почти не встрѣчалось въ другихъ мѣстностяхъ Сибири.

Незначительные въ общемъ размѣры переселенія для такого обширнаго края и, наряду съ этимъ, замѣчавшееся временами ослабленіе движенія и предпринятая одновременно колонизація китайскими выходцами мѣстностей, прилегающихъ къ русскимъ владѣніямъ, побудили правительство принять болѣе рѣшительныя мѣры къ заселенію важнѣйшаго по стратегическому значенію Южно-Уссурійскаго края.

Выработанныя въ особой коммиссіи изъ представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ и лицъ, непосредственно ознакомленныхъ съ положеніемъ переселенческаго дѣла въ Уссурійскомъ краѣ, предположенія по этому предмету были внесены на уваженіе государственнаго совѣта и удостоены 1 іюня 1882 г. Высочайшаго утвержденія.

Изданными правилами „объ организаціи переселеній въ Южно-Уссурійскій край“ опредѣлено было ассигновать въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ 2.400 рублей на посылку ходоковъ на Дальній Востокъ и затѣмъ постановлено, начиная съ 1883 г., отправлять моремъ въ названный край по 250 семей, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по перевозкѣ, устройству переселенцевъ на мѣстахъ водворенія и по снабженію ихъ продовольствіемъ и земледѣльческими орудіями безвозвратно на счетъ казны. Съ этою цѣлью назначено было отпускать ежегодно по 323.200 рублей и сверхъ того единовременно ассигновано 70.000 рублей на устройство во Владивостокѣ переселенческихъ бараковъ. Выборъ переселенцевъ возложенъ былъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, а отправка ихъ на одесскаго генералъ-губернатора. Для пріема, дальнѣйшаго направленія и устройства переселенцевъ на мѣстахъ учреждено было въ Южно-Уссурійскомъ краѣ особое переселенческое управленіе.

Предпринятый опытъ отправки переселенцевъ побудилъ нѣкоторыхъ крестьянъ къ передвиженію на Дальній Востокъ моремъ на свой счетъ. Обстоятельство это въ связи съ чрезмѣрно отяготительнымъ расходомъ на организацію казеннокоштнаго переселенія повело къ изданію новаго закона 12-го мая 1887 г., по которому перевозка на средства казны допущена лишь въ случаѣ особой нужды, для небольшихъ переселенческихъ партій. Вообще же установлено переселеніе морскимъ путемъ на собственный счетъ переселяющихся, съ предоставленіемъ имъ льготъ, дарованныхъ для сухопутныхъ переселенцевъ Приамурскаго края. Наиболѣе нуждающимся опредѣлено было выдавать ссуды на домообзаведеніе не свыше 600 р. на семью, срокомъ на 33 года съ погашеніемъ ежегодными взносами 6% съ числящагося долга. Для указанной цѣли въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ постановлено отпускать ежегодно по 128.200 рублей, причемъ изъ этихъ суммъ должны были производиться также расходы на удовлетвореніе всѣхъ прочихъ нуждъ, вызываемыхъ южно-уссурійскимъ переселеніемъ.

Основаніемъ для выработки спеціальныхъ правилъ по переселенію въ Алтайскій округъ послужилъ фактъ, съ одной стороны, замѣчавшагося поселенія крестьянъ на земляхъ округа, съ другой—желаніе привлечь населеніе съ цѣлью доставленія заводамъ наибольшаго числа наемныхъ рабочихъ рукъ. Высочайше утвержденныя 30-го іюля 1865 г. правила о переселеніи въ Алтайскій округъ, продолжающія дѣйствовать до настоящаго времени, предусматриваютъ водвореніе государственныхъ крестьянъ на заводскихъ земляхъ округа какъ въ существующихъ обществахъ, съ согласія послѣднихъ, такъ и на свободныхъ участкахъ, по предварительномъ осмотрѣ ихъ избранными изъ среды переселяющихся лицами. Въ томъ и другомъ случаѣ для узаконенія водворенія требовалось разрѣшеніе алтайскаго горнаго правленія. При водвореніи на свободныхъ участкахъ въ надѣлъ отводилось по 15 дес. на душу удобной земли съ обложеніемъ въ доходъ кабинета оброкомъ, въ размѣрѣ 6 р. съ души, каковой былъ установленъ для бывшихъ приписныхъ крестьянъ. Примѣнительно къ порядку поселенія и устройства на удѣльныхъ земляхъ, къ которымъ были приравнены земли Алтайскаго округа, никакихъ пособій и льготъ для переселяющихся не было установлено и они уплачивали оброкъ тотчасъ же по причисленіи къ мѣсту новаго жительства. Только на постройку усадебъ отпускался безплатно лѣсъ поселяющимся и выдавалось топливо въ потребномъ количествѣ, наравнѣ съ мѣстными крестьянами.

Особыя правила переселенія и особый порядокъ устройства переселенцевъ установленъ былъ для войсковыхъ казачьихъ земель или, ближайшимъ образомъ, для территоріи кубанскаго казачьяго войска, куда преимущественно направлялись выходцы изъ Россіи, слѣдовавшіе на Кавказъ. Преобладающею группою среди такихъ выходцевъ являлись крестьяне и мѣщане, т.-е. тѣ именно лица, которыя стремились „на Кубань" съ исключительною цѣлью осѣсть на землѣ и заняться земледѣліемъ, представляя собою такимъ образомъ обычный типъ переселенцевъ-пахарей. Переселеніе въ Кубанскую область шло преимущественно изъ ближайшихъ къ Кавказу губерній: воронежской, курской, харьковской и полтавской, но также нерѣдко и изъ центральныхъ великороссійскихъ и даже прибалтійскихъ. Временами оно принимало весьма значительные размѣры, достигая 50—60 тыс. душъ въ годъ, изъ которыхъ до 80% осѣдало на войсковой территоріи въ станицахъ и селеніяхъ области. Такой ростъ пришлаго населенія имѣлъ своимъ послѣдствіемъ, что въ началѣ 90-хъ годовъ переселенцы или такъ называемые „иногородніе", водворившіеся на казачьихъ земляхъ, составляли по отношенію собственно къ станичному населенію до 40%, все же число ихъ опредѣлялось свыше 600 т. душъ обоего пола.

Начало водворенію переселенцевъ среди казаковъ положило Высочайше утвержденное, 10-го мая 1862 г., „Положеніе о заселеніи предгорій западной части Кавказскаго хребта кубанскими казаками и другими переселенцами изъ Россіи", которымъ, на ряду съ переселеніемъ нѣкоторой части названныхъ казаковъ на передовыя линіи, предусматривалась продажа крѣпостнымъ порядкомъ съ разрѣшенія войскового правленія ихъ усадебъ въ старыхъ обществахъ „не только лицамъ казачьяго сословія, но и лицамъ къ этому сословію не принадлежащимъ". На такихъ же основаніяхъ разрѣшалось „продавать подъ строенія" сады и пустопорожнія мѣста. Лица невойскового сословія, получившія черезъ покупку усадебъ и пустопорожнихъ мѣстъ право осѣдлости въ кубанскомъ войскѣ, обязывались „за находящуюся подъ ихъ усадьбами землю, остававшуюся войсковою собственностью, вносить ежегодно извѣстную „посаженную плату". Уплата этого налога никогда не прекращалась, и неисправные во взносѣ его подвергались взысканіямъ за недоимки на общихъ основаніяхъ. Отъ другихъ повинностей иногородніе освобождались, кромѣ взносовъ за право торговли „и повинностей по состоянію ихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ". Пріобрѣтенныя усадьбы могли продаваться иногородними по ихъ усмотрѣнію „другимъ

себѣ подобнымъ или лицамъ казачьяго сословія". Право владѣнія усадьбою соединялось для иногороднихъ съ правомъ пользованія общимъ выгономъ наравнѣ съ прочими жителями для собственнаго домашняго скота и обязывало ихъ подчиняться „мѣстному войсковому начальству на основаніи общихъ законовъ". Это частное узаконеніе, касавшееся сначала одной Кубанской области, согласно Высочайшему повелѣнію 29-го апрѣля 1868 г., распространено было, съ незначительными измѣненіями, на всѣ войсковыя территоріи и пріобрѣло такимъ образомъ форму общаго для всѣхъ казачьихъ земель закона. Положеніями объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ 13-го мая 1870 г. и 3-го іюня 1891 г. на иногороднихъ, проживавшихъ въ селеніяхъ станичныхъ обществъ и имѣвшихъ тамъ дома или другую недвижимость, возложена была обязанность нести, наравнѣ съ казаками, общія земскія повинности, „съ постоянною осѣдлостью сопряженныя", и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ предоставлено право участія въ поселковыхъ и станичныхъ сходахъ, черезъ „выборныхъ по одному изъ каждыхъ десяти дворовъ" „при обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ, по существу своему касающихся до лицъ неказачьяго сословія". Предоставленныя первоначально права иногороднимъ на свободное возведеніе и продажу домовъ и строеній въ руки лицъ невойскового сословія были позднѣйшими узаконеніями (29-го апр. 1868 г. и 13-го мая 1883 г.) ограничены требованіемъ согласія на то „мѣстнаго войскового начальства или станичнаго общества, по принадлежности".

Таковы по закону, который дѣйствуетъ и понынѣ, права и обязанности переселенцевъ, водворившихся на войсковыхъ территоріяхъ. Все ихъ значеніе сводится, главнымъ образомъ, только къ праву владѣнія усадьбою и пользованія общимъ выгономъ и затѣмъ къ обязанности уплачивать посаженный налогъ и отбывать нѣкоторыя земскія повинности. Законъ не предусматриваетъ ни порядка переселенія на войсковыя земли, ни перечисленія иногороднихъ по мѣсту новаго жительства, ни устройства ихъ въ административно-общественномъ отношеніи. Это пришлые люди, живущіе по паспортамъ, и чуждые коренному казачьему населенію. Самое право участія ихъ въ станичномъ управленіи ничтожно и неопредѣленно, такъ какъ въ законѣ не содержится указаній ни на существо дѣлъ, въ разсмотрѣніи которыхъ они принимаютъ участіе, ни на порядокъ приведенія ихъ въ исполненіе.

Такимъ образомъ, хотя законодательство въ вопросѣ объ

устройствѣ переселенцевъ на войсковыхъ земляхъ внесло нѣкоторую регламентацію, тѣмъ не менѣе регламентація эта, какъ видно изъ вышеприведеннаго, явилась крайне неполною и неопредѣляющею порядка всего устройства переселенцевъ. Вслѣдствіе этого и въ виду столь тѣсныхъ правъ, отведенныхъ закономъ поселяющимся на казачьихъ земляхъ, послѣдніе въ Кубанской области были поставлены въ довольно тяжелыя хозяйственно-экономическія условія жизни. Дѣйствительность показала, что предоставленное переселенцамъ право участія въ сходахъ на дѣлѣ не всегда осуществлялось, такъ какъ они во многихъ станицахъ совсѣмъ устранялись отъ такого участія. Требованіе о выполненіи земскихъ повинностей и о согласіи станичныхъ обществъ на возведеніе новыхъ зданій, продажу и ремонтъ ихъ, при недостаткѣ контроля, создавало почву для различныхъ злоупотребленій со стороны обществъ, допускавшихъ мѣстами крайне неравномѣрное распредѣленіе означенныхъ повинностей и незаконные поборы, при разрѣшеніи строиться, ремонтировать и продавать зданія. Станичный судъ при разборѣ дѣлъ, возникающихъ между казаками и иногородними, проявлялъ завѣдомое пристрастіе къ своимъ, почему переселенцы старались избѣгать его, предпочитая обращаться въ высшія судебныя инстанціи. Вначалѣ небольшая посаженная плата съ теченіемъ времени постепенно возрастала и достигла мѣстами наивысшей предѣльной нормы 5 коп. за кв. саж., что являлось крайне обременительнымъ для скромнаго бюджета новоселовъ. Взысканіе этой платы производилось строго и несвоевременный взносъ ея влекъ нерѣдко продажу строеній, угрожая малоимущимъ семьямъ разореніемъ, а въ лучшемъ случаѣ приводило къ накопленію недоимокъ, исчислявшихся иногда въ чрезмѣрныхъ суммахъ. Предоставленное иногороднимъ право пользованія общимъ выгономъ замѣнялось въ нѣкоторыхъ станицахъ отводомъ отдѣльнаго,—преднамѣренно-худого,—пастбища, что поставляло ихъ въ необходимость пользоваться казачьимъ выгономъ и платить за выпасъ всего скота. Наряду съ этимъ, переселенцы, какъ чуждый, неустроенный элементъ въ краѣ, не несущій повинностей на общественныя надобности, не пріобщены были къ пользованію тѣми необходимыми благами общественной жизни, которыми пользовался мѣстный коренной житель. При недородахъ, они лишены были продовольственной помощи; образованіе и медицинская помощь являлись почти недоступными для нихъ, такъ какъ предоставлялись за плату, притомъ высокую и лишь въ случаѣ, когда въ школѣ или больницѣ оставались свободныя мѣста.

Такое положеніе вещей не могло не привести въ концѣ концовъ къ тому, что въ области, съ наплывомъ переселенцевъ, создались двѣ почти совершенно обособленныя группы населенія: одна—сильная своею внутреннею организаціею и своими правами хозяевъ-вотчинниковъ земли, другая — неорганизованная, экономически зависимая и почти безправная. Сознаніе этого неравенства, поддерживавшееся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ мѣстными порядками, отразилось нежелательно и на взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ группъ, вызвавъ въ первой убѣжденіе въ естественномъ превосходствѣ ея и въ особомъ покровительствѣ со стороны закона, а въ другой—глухое озлобленіе и ненависть, доходящія временами до крупныхъ недоразумѣній и даже кровавыхъ схватокъ.

XXII.

Новая постановка переселенческаго дѣла, вызванная изданіемъ закона 13-го іюля, побудила министерство внутреннихъ дѣлъ въ томъ же 1889 г. озаботиться увеличеніемъ кредита, отпускавшагося на воспособленіе переселенцамъ. Въ представленіи по этому предмету министерство высказывало, что испрашиваемыя на веденіе переселенческаго дѣла денежныя средства назначаются на два главные предмета расходовъ: собственно на воспособленіе переселенцамъ и на усиленіе канцелярскихъ средствъ лицъ и учрежденій, на обязанности коихъ отнесено исполненіе установленныхъ правилъ о переселеніи. За предшествовавшее время въ распоряженіе министерства отпускался крайне ограниченный кредитъ, въ размѣрѣ 20 тыс. руб. ежегодно, который предназначался главнымъ образомъ на расходы по оказанію содѣйствія при передвиженіи переселенцевъ, т.-е. по предоставленію имъ тѣхъ или иныхъ способовъ довести предпринятое переселеніе до намѣченной цѣли. Только за удовлетвореніемъ путевыхъ надобностей, наиболѣе нуждающіеся изъ переселенцевъ могли разсчитывать на полученіе домообзаводственныхъ ссудъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда отъ кредита въ 20 тыс. предвидѣлись остатки. Но съ увеличеніемъ въ послѣднее время размѣровъ движенія, когда число переселяющихся достигло свыше 10 тыс. семей ежегодно, неизбѣжно должны были возрасти и расходы по воспособленію переселенцамъ въ пути и, напр., въ 1889 г. отъ кредита въ 20 тыс. руб. не только не оказалось никакихъ остатковъ, но даже потребовалось ассигнованіе дополнительныхъ суммъ. При такихъ усло-

віяхъ, по мнѣнію министерства, разсчитывать на предусматриваемую закономъ 13-го іюля выдачу въ потребныхъ случаяхъ ссудъ переселенцамъ на первоначальное обзаведеніе и пріобрѣтеніе сельско-хозяйственныхъ орудій не представлялось бы возможнымъ и настоитъ надобность въ ассигнованіи на этотъ предметъ особаго дополнительнаго кредита, размѣръ котораго, по примѣрному разсчету, долженъ быть не ниже 60 тыс. руб. въ годъ, чтобы при предполагаемой предѣльной нормѣ ссудъ въ 120 р. на семью удовлетворить домообзаводственныя нужды по крайней мѣрѣ 1/20 части проходящихъ переселенцевъ.

По вопросу объ усиленіи канцелярскихъ средствъ лицъ и учрежденій, вѣдающихъ переселенческое дѣло, министерство, ссылаясь на значительное обремененіе земскаго отдѣла и мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій, особенно въ губерніяхъ водворенія, перепискою по дѣламъ о переселеніи, высказало, что обстоятельство это въ связи съ недостаточностью штатовъ этихъ учрежденій можетъ служить препятствіемъ успѣшному выполненію возлагаемыхъ на нихъ новыхъ сложныхъ обязанностей по разрѣшенію переселенія, выдачѣ ссудъ водворяющимся, по устройству и перечисленію лицъ, ранѣе поселившихся, и вслѣдствіе этого полагало усилить дѣлопроизводство названныхъ учрежденій путемъ отпуска особыхъ денежныхъ средствъ.

Приведенныя соображенія министерства были представлены на уваженіе государственнаго совѣта и 14 декабря 1889 г. удостоены Высочайшаго утвержденія. Согласно состоявшемуся указу, въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ разрѣшено было отпускать на расходы по воспособленію переселенцамъ по 80.000 руб. и на усиленіе канцелярскихъ средствъ земскаго отдѣла и мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій, вѣдающихъ переселенческое дѣло, по 15.000 ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ, считая съ 1890 г.

Въ виду этого, исполняя постановленія закона 13 іюля 1889 года министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствами финансовъ и государственныхъ имуществъ, выработало особыя правила о порядкѣ выдачи домообзаводственныхъ ссудъ переселенцамъ. Согласно этимъ правиламъ, ссуды на первоначальное домообзаведеніе выдавались наиболѣе нуждающимся семьямъ переселенцевъ, водворяемыхъ, съ разрѣшенія подлежащихъ министерствъ, на казенныхъ земляхъ, преимущественно въ Западной Сибири и степныхъ областяхъ. Выдача ссудъ, въ размѣрѣ дѣйствительной надобности, но не свыше 200 руб. на семью, разрѣшалась министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ по представленіямъ губернскихъ и областныхъ начальствъ, которыя въ этихъ представленіяхъ давали обстоятельныя свѣдѣнія о семейномъ и имущественномъ положеніи переселенцевъ, ходатайствовавшихъ о ссудѣ, и о времени ихъ водворенія на казенной землѣ. О каждой выданной ссудѣ сообщалось въ мѣстную казенную палату для зачисленія долга въ недоимку и наблюденія за своевременнымъ ея погашеніемъ. Погашеніе производилось на основаніяхъ, принятыхъ для южно-уссурійскихъ переселенцевъ, т.-е. въ теченіе 28 лѣтъ, слѣдовавшихъ послѣ 5-лѣтней льготы, ежегодными взносами 6% отъ занятой суммы. Уплата выданныхъ ссудъ обезпечивалась всѣмъ достояніемъ заемщиковъ, которымъ до полнаго возмѣщенія долга воспрещалось отчуждать возведенныя на казенной землѣ постройки.

Изложенныя правила приведены были въ дѣйствіе въ 1891 г. и въ главнѣйшихъ основаніяхъ по настоящее время примѣняются въ предѣлахъ Европейской Россіи.

Независимо отъ этого, въ видахъ единообразнаго примѣненія закона 13 іюля во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ, къ которымъ онъ относился, министерство внутреннихъ дѣлъ въ томъ же 1890 году цѣлымъ рядомъ циркулярныхъ разъясненій преподало указанія мѣстной администраціи о порядкѣ этого примѣненія, причемъ особенное вниманіе обратило на необходимость въ мѣстахъ выхода крестьянъ всесторонняго ознакомленія населенія съ существомъ новаго закона для предупрежденія „превратнаго толкованія его, въ смыслѣ поощренія переселенческаго движенія“. Съ этою цѣлью требовалось, чтобы просителямъ были разъясняемы всѣ условія переселенія, льготы, предоставляемыя переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ, сообщалось направленіе пути до избранной мѣстности съ указаніемъ продолжительности и стоимости его, а лицамъ неимущимъ и просящимъ о переселеніи въ Сибирь давались свѣдѣнія объ участкахъ, ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства. При поступленіи прошеній о переселеніи крестьянскимъ учрежденіямъ вмѣнялось въ обязанность безотлагательно собирать свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи просителей и въ заключеніяхъ своихъ о числѣ душъ и семей, признаваемыхъ подлежащими переселенію изъ обществъ, которыя находятся въ „экономически стѣсненномъ положеніи“ и владѣютъ землею сообща, руководствоваться соображеніемъ, чтобы надѣлъ оставшихся, увеличенный землями переселяющихся, не превышалъ высшаго или указнаго по мѣстности надѣла, опредѣленнаго положеніями 19 февраля 1861 г. Вмѣстѣ съ

тѣмъ названнымъ учрежденіямъ, а также должностнымъ лицамъ волостного и сельскаго общественнаго управленія поручалось наблюдать, чтобы просители не приступали къ распродажѣ своего имущества и не трогались въ путь впредь до полученія разрѣшенія на переселеніе и до сношенія съ подлежащимъ управленіемъ государственными имуществами относительно заготовки участковъ для водворенія ихъ. Наконецъ, установлено было, чтобы каждая переселенческая партія снабжалась особымъ маршрутомъ съ указаніемъ городовъ, лежащихъ по пути слѣдованія къ мѣстамъ назначенія, и каждой семьѣ сверхъ того выдавалось проходное свидѣтельство съ обозначеніемъ въ немъ семейнаго состава, на предметъ удостовѣренія въ правахъ ея на предоставляемыя закономъ льготы и облегченія. По прибытіи къ мѣстамъ водворенія свидѣтельство это предъявлялось чинамъ министерства государственныхъ имуществъ для указанія въ натурѣ и для отвода предназначенныхъ участковъ, а за отсутствіемъ означенныхъ чиновъ всѣ необходимыя мѣры содѣйствія въ этомъ отношеніи должны были приниматься мѣстными крестьянскими учрежденіями или переселенческими чиновниками, а въ степныхъ областяхъ полиціей. Въ мѣстахъ приписки проходное свидѣтельство оставалось на рукахъ переселенцевъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, послѣ чего оно отбиралось, и семья, не ушедшая съ родины въ положенный срокъ, считалась невоспользовавшеюся предоставленнымъ ей правомъ на переселеніе, о чемъ и сообщалось подлежащему управленію государственными имуществами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для содѣйствія „правильному устройству" пришлаго населенія на новыхъ мѣстахъ, администраціи въ губерніяхъ водворенія указывалось на необходимость возможно скорѣйшей организаціи общественнаго управленія въ поселкахъ, образуемыхъ переселенцами, и принятія съ этою цѣлью необходимыхъ мѣръ къ перечисленію послѣднихъ, а равно и всѣхъ прочихъ лицъ, переселившихся до изданія закона и числившихся по разнымъ причинамъ въ составѣ прежнихъ обществъ.

Одновременно съ этимъ, для облегченія способовъ передвиженія переселенцевъ, министерство внутреннихъ дѣлъ вошло въ сношеніе съ министерствомъ финансовъ по вопросу объ установленіи для переселяющихся съ надлежащаго разрѣшенія удешевленнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Вслѣдствіе этого на общемъ тарифномъ съѣздѣ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ былъ выработанъ льготный переселенческій тарифъ, который и введенъ въ дѣйствіе съ осени 1890 г. Порядокъ пользованія означеннымъ тарифомъ установлялся слѣдующій. Право удеше-

вленнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ предоставлялось всѣмъ семьямъ, получившимъ разрѣшеніе на переселеніе какъ въ мѣстности, предусматриваемыя закономъ 13 іюля 1889 г., такъ въ Южно-Уссурійскій край и въ Алтайскій округъ, а также всѣмъ лицамъ крестьянскаго сословія, которыя съ вѣдома и разрѣшенія начальства переселялись на новыя мѣста или перечислялись въ другія общества, на основаніи и съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ положеніями о сельскомъ состояніи. Изъ указанныхъ переселенцевъ льготою при передвиженіи по желѣзнымъ дорогамъ пользовались не только направлявшіеся впередъ, но и возвращавшіеся обратно на родину, если еще не состоялось причисленія ихъ къ мѣстамъ водворенія. Свидѣтельства на проѣздъ по удешевленному тарифу выдавались, при выходѣ съ родины, волостными правленіями, а лицамъ не крестьянскаго сословія—мѣстною полиціею; обратные же переселенцы получали эти свидѣтельства отъ переселенческихъ чиновниковъ или отъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

XXIII.

Хотя послѣдовавшее за изданіемъ новыхъ правилъ увеличеніе кредита и существо самихъ правилъ въ связи съ мѣрами, направленными къ облегченію способовъ передвиженія и устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ давали сравнительно широкую постановку всему переселенческому дѣлу, тѣмъ не менѣе правительство и послѣ того продолжаетъ съ особою осторожностью относиться къ переселенію крестьянъ и, по возможности, сдерживать размѣры его. Отношеніе его къ переселенію характеризуется особенно въ издававшихся въ разное время руководственныхъ распоряженіяхъ, которыми выражалось неоднократно, что правила 13 іюля никакъ не могутъ быть толкуемы „въ смыслѣ поощренія переселенческаго движенія“, а „имѣютъ цѣлью упорядочить переселенческое движеніе и предупредить самовольное переселеніе крестьянъ“. Несомнѣнно, подобная осторожность для мѣстной администраціи имѣла руководящее значеніе, и она, съ своей стороны, принимала дѣятельныя мѣры къ удержанію крестьянъ на старинѣ. Послѣдствіемъ этого явилось, что въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1889 г. и по 1891, всѣхъ разрѣшеній на переселеніе было выдано лишь 17.289 семьямъ, т.-е. даже менѣе, чѣмъ въ два предшествовавшіе года, когда дѣйствовали временныя правила 10 іюля 1881 г., и, та-

кимъ образомъ, большинству крестьянъ вновь пришлось двигаться въ далекую Сибирь въ надеждѣ только на случай и на свои собственныя силы.

Постигшее Россію въ 1891 — 1892 г. бѣдствіе неурожая вызвало среди населенія особенно сильное стремленіе къ переселенію. Въ одинъ 1892 г. размѣры переселенческаго движенія за Уралъ достигли небывалой цифры 95.187 душъ, и такое движеніе создано было преимущественно „самовольными" переселенцами. Такимъ образомъ, цѣль упорядоченія переселенія, которую преслѣдовалъ законъ 13 іюля 1889 г., осталась недостигнутою. Самовольные переселенцы, не получая правительственной помощи ни въ пути, ни въ мѣстахъ водворенія и не имѣя права поселенія на казенныхъ земляхъ, оказались въ тяжелыхъ условіяхъ. Бѣдственное положеніе ихъ обратило на себя вниманіе высшей власти, и изъ остаточныхъ суммъ бывшаго особаго комитета было ассигновано въ 1893 г. на санитарно-продовольственную помощь переселенцамъ въ губерніяхъ оренбургской, тобольской, енисейской и степныхъ областяхъ 67.600 руб., не считая, сверхъ того, особыхъ суммъ, израсходованныхъ для той же цѣли въ томской губерніи. Такая матеріальная помощь дѣлу устройства врачебно-продовольственныхъ пунктовъ въ мѣстахъ скопленія и остановокъ переселенцевъ не могла не отразиться на положеніи ихъ и значительно повліяла на уменьшеніе развившейся среди нихъ сильной заболѣваемости и смертности.

При чрезмѣрномъ наплывѣ „самовольныхъ" переселенцевъ, предписанное закономъ 1889 г. принудительное возвращеніе ихъ изъ Сибири было бы сопряжено, несомнѣнно, съ большими затрудненіями и расходами какъ для правительства и самихъ переселенцевъ, такъ и для прежнихъ ихъ обществъ, особенно, если послѣднія уже произвели всѣ хозяйственные разсчеты по землѣ и имуществу ушедшихъ. Въ виду этого, находя совершенно невозможнымъ, по бѣдственному положенію переселившихся, прибѣгать къ подобной принудительной мѣрѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшими докладами 23 апрѣля и 22 октября 1892 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на отводъ казенной земли въ Западной Сибири всѣмъ лицамъ сельскаго состоянія и мѣщанамъ, прибывшимъ безъ установленнаго разрѣшенія въ томскую и тобольскую губерніи въ теченіе 1892 г. и ранѣе, „съ предоставленіемъ имъ льготъ, установленныхъ закономъ 13 іюля 1889 г.".

Одновременно съ тѣмъ былъ обнаруженъ недостатокъ участковъ, заготовленныхъ для отвода переселенцамъ, какъ на казенныхъ земляхъ наиболѣе заселяемыхъ мѣстностей, такъ и на

земляхъ Алтайскаго округа. Вслѣдствіе этого министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствами императорскаго двора и удѣловъ и государственныхъ имуществъ, признало необходимымъ временно пріостановить дальнѣйшую выдачу разрѣшеній на переселеніе, о чемъ сообщило губернаторамъ циркуляромъ отъ 6 мая 1892 года. Считаясь съ фактомъ неослабѣвавшаго въ послѣднее время „самовольнаго“ ухода крестьянъ, въ циркулярѣ этомъ министерство существенное вниманіе обратило на необходимость принятія мѣръ противъ такого ухода, требуя установить неослабное наблюденіе и строжайшій надзоръ за выдачею срочныхъ паспортовъ на отлучку, подъ прикрытіемъ которыхъ совершалось обыкновенно все недозволенное закономъ переселенческое движеніе. Съ этою же цѣлью оно рекомендовало не останавливаться передъ обратною высылкою на родину самовольно ушедшихъ лицъ и обязывало особенно тщательно наблюдать „за находящимися въ предѣлахъ каждой губерніи путями слѣдованія и пунктами скопленія переселенцевъ“, дабы къ мѣрѣ этой, какъ тяжелой и разорительной для самихъ возвращаемыхъ, такъ и для сельскихъ обществъ, на которыя упадаютъ издержки по этапной отправкѣ ихъ членовъ, прибѣгать, по возможности, въ мѣстахъ, ближайшихъ къ ихъ осѣдлости. Означеннымъ циркуляромъ сверхъ того министерство увѣдомляло о закрытіи дальнѣйшаго доступа къ переселенію на свободныя казенныя земли самарской, саратовской, оренбургской и уфимской губерній, на томъ основаніи, что земли эти предполагалось предоставлять исключительно нуждающимся мѣстнымъ крестьянамъ и лицамъ, уже прибывшимъ въ означенныя губерніи и получившимъ установленное разрѣшеніе.

Такимъ образомъ, приведеннымъ распоряженіемъ переселеніе на свободныя земли фактически почти совершенно прекращалось, кромѣ направлявшагося моремъ на Дальній Востокъ. Исключеніе было допущено только для лицъ, уже получившихъ разрѣшеніе, но при условіи, если они „отъ продажи имущества могутъ выручить вполнѣ достаточныя средства для переселенія“. Допускался затѣмъ переходъ изъ прежнихъ обществъ для перечисляющихся въ многоземельныя общества и водворяющихся на пріобрѣтаемыхъ въ собственность или заарендованныхъ частновладѣльческихъ земляхъ, но не прежде, какъ послѣ выполненія ими всѣхъ указанныхъ въ законѣ требованій относительно увольненія изъ прежнихъ обществъ и представленія достаточныхъ доказательствъ состоявшейся покупки или аренды земли.

Однако, указанная мѣра, клонившаяся отчасти къ полной

пріостановкѣ переселенія, отчасти къ стѣсненію выхода крестьянъ изъ мѣстъ приписки, не принесла существенной пользы и не остановила движенія. Въ тотъ же 1892 г. въ Сибирь прошло 95.000 душъ, а въ послѣдующіе полтора года, когда запрещеніе еще продолжало дѣйствовать, свыше 100.000 душъ. Хотя подтвердительными циркулярами министерство настаивало на безусловномъ выполненіи требованія о недопущеніи переселенія, тѣмъ не менѣе оно само сознавало тщетность принимавшихся мѣръ и въ тѣхъ же циркулярахъ заявляло, „что, несмотря на сдѣланныя распоряженія о временной пріостановкѣ переселенческаго движенія, въ Западную Сибирь не переставали прибывать по краткосрочнымъ паспортамъ и безъ всякихъ документовъ семьи самовольныхъ переселенцевъ, распродавшихъ предварительно все принадлежащее имъ на родинѣ имущество“.

Въ такомъ почти враждебномъ отношеніи правительства къ переселенію и въ попыткахъ скорѣе сдержать его, чѣмъ поставить въ нормальныя условія, которыя отвѣчали бы потребностямъ населенія, проходитъ почти вся исторія послѣднихъ бюрократическихъ мѣропріятій, касавшихся переселенія, пока предпринятое сооруженіе Сибирской желѣзной дороги не побудило взглянуть на дѣло болѣе широко и интересы населенія внутренней Россіи связать съ интересами малолюдныхъ окраинныхъ мѣстностей, по которымъ долженъ былъ пролегать сибирскій путь. Замѣтный поворотъ въ переселенческой политикѣ и во всей постановкѣ этого дѣла послѣдовалъ съ конца 1892 года, когда журналомъ особаго совѣщанія о сооруженіи Сибирской желѣзной дороги, удостоеннымъ 10 декабря 1892 года Высочайшаго утвержденія, было постановлено предназначить особый 14-милліонный фондъ „на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою Сибирской желѣзной дороги и имѣющія цѣлью какъ облегченіе сей постройки, такъ и содѣйствіе заселенію и промышленному развитію прилегающихъ къ дорогѣ мѣстностей“.

А. Чарушинъ.

„ТЕРАКОЯ“

или

„ДЕРЕВЕНСКАЯ ШКОЛА“

ЯПОНСКАЯ ДРАМА.

Японская драма „Теракоя“ составляетъ собственно главный актъ обширной исторической драмы, извѣстной подъ заглавіемъ „Зеркало преподаннаго канцлеромъ Сугавара искусства чистописанія“. Она составлена четырьмя авторами, именно знаменитѣйшимъ въ Японіи драматургомъ Такедо Ицумо († 1740) и тремя его товарищами, имена которыхъ не сохранились. Драма цѣликомъ ставится очень рѣдко; чаще заимствуется только этотъ одинъ главный актъ „Теракоя“, который до сихъ поръ пользуется у японской публики громаднымъ успѣхомъ. По поводу впечатлѣнія, которое „Теракоя“ производитъ на зрителей, профессоръ токійскаго университета д-ръ К. Флоренцъ пишетъ: „При хорошо распредѣленныхъ роляхъ „Теракоя“ производитъ на публику потрясающее впечатлѣніе; когда же въ главныхъ роляхъ (Матсуо и Генсо) выступаютъ знаменитые японскіе артисты Данюра и Кикугора, то представленіе является наиболѣе потрясающимъ изъ всего, чтò когда-либо показывалось со сценъ всего міра. Въ публикѣ не остается человѣка, который бы не

плакалъ, и даже европейцы выходятъ изъ театра глубоко потрясенные“ [1]).

Укажемъ вкратцѣ содержаніе и значеніе этой драмы.

Около конца IX-го вѣка въ Кіото, при императорскомъ дворѣ, жилъ знаменитый японскій поэтъ и каллиграфъ Сугавара Мичисане, второй канцлеръ государства. Ширатайо, арендаторъ одного изъ помѣстій Мичисане, всегда пользовался благосклонностью своего господина и тщательно оберегалъ три любимыхъ имъ заповѣдныхъ дерева: вишню, сливу и сосну. Въ одинъ прекрасный день Ширатайо сдѣлался отцомъ тройни. Такое событіе, согласно тогдашнимъ вѣрованіямъ, считалось особенно счастливымъ предзнаменованіемъ для всей страны. Поэтому Мичисане сдѣлался воспріемникомъ новорожденныхъ трехъ сыновей своего вассала Ширатайо, причемъ далъ имъ имена по своимъ любимымъ деревьямъ: Умео (вишня), Сакурамару (слива) и Матсуо (сосна). Выросши, двое изъ юношей поступили на службу къ Мичисане и были имъ возведены въ рыцарское званіе (самураи), третій же, Матсуо, поступилъ на службу къ первому канцлеру Фуйнвара Токигира (или Шигейи).

Черезъ нѣкоторое время первый канцлеръ, снѣдаемый честолюбіемъ, составилъ заговоръ противъ императора съ цѣлью занять его мѣсто, но честный и вѣрный Мичисане разрушилъ его планы. Съ тѣхъ поръ между обоими вельможами возникла непримиримая вражда. Лукавому Шигейи удалось оклеветать передъ императоромъ своего противника и добиться его изгнанія на островъ Кіусіу. Семья и приверженцы Мичисане были разсѣяны по всей странѣ. Шигейи этимъ не удовлетворился и, боясь мести со стороны потомковъ изгнаннаго противника, рѣшился истребить ихъ окончательно. Но Генсо, бывшій вассалъ и самурай Мичисане, скрылъ у себя младшаго сына своего суверена, Кванъ-Шусаи и, удалившись съ нимъ въ маленькую, глухую деревушку Серіо, сталъ всѣмъ выдавать его за собственнаго сына. Здѣсь онъ открылъ частную деревенскую школу (Теракоя), гдѣ преподавалъ крестьянскимъ дѣтямъ правила китайской письменности, которыя преподалъ ему нѣкогда самъ Мичисане. Эта школа—мѣсто дѣйствія предлагаемой драмы.

Изъ трехъ сыновей 70-лѣтняго къ тому времени Ширатайо, Умео послѣдовалъ за своимъ сувереномъ въ изгнаніе, Сакурамару погибъ, защищая дѣло своего покровителя, а Матсуо

---

[1]) „Japanische Dramen“ v. Prof. Dr K. Florenz, Tokio. Verl. Hasegawa. Предисловіе.

остался на службѣ у Шигейи, непримиримаго врага своего благодѣтеля. Поведеніе Матсуо чрезвычайно огорчило Мичисане и онъ излилъ свою печаль по этому поводу въ ставшемъ потомъ популярнымъ слѣдующемъ четверостишіи:

„За мной моя слива умчалась,
А вишня насохла по мнѣ.
Ужели одной лишь соснѣ
Измѣна удѣломъ досталась?“

Однако Матсуо только наружно, по долгу ленной присяги, былъ на сторонѣ Шигейи, и доказалъ это тѣмъ, что собственнаго сына Котаро принесъ въ жертву за Кванъ-Шусаи, когда мѣстопребываніе послѣдняго было открыто и ему угрожала гибель. Самому Матсуо поручено было канцлеромъ доставить голову Шусаи посланнымъ Шигейи и удостовѣрить подлинность этой головы. Матсуо устроилъ такъ, что вмѣсто головы Шусаи была отрублена и выдана голова его собственнаго сына. Этотъ трагическій эпизодъ и служитъ содержаніемъ драмы „Теракоя“.

Самъ Мичисане умеръ въ слѣдующемъ году (903). Послѣ его смерти, его противника и приверженцевъ его постигло много неудачъ и несчастій, которыя суевѣрный народъ приписалъ мстящему духу покойнаго канцлера. Послѣдній былъ причисленъ къ богамъ, и его стали чтить подъ именемъ Теньсойи— „бога каллиграфіи“. Въ честь его по всей странѣ воздвигнуты многочисленные храмы Шинто.

Мы воспользовались нѣмецкимъ переводомъ, который, по словамъ проф. Флоренца, можно назвать почти подстрочнымъ. Намъ кажется, что и для русскихъ читателей эта драма представляетъ немалый интересъ, какъ наиболѣе характерный образчикъ японской драматургіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГЕНСО—вассалъ и ученикъ изгнаннаго канцлера Сугавара Мичисане, деревенскій учитель.

ТОНАМИ—его жена.

МАТСУО—вассалъ канцлера Токигиры.

ШИО—его жена.

КОТАРО—ихъ сынъ, 8 лѣтъ.

ГЕМБА—камергеръ на службѣ у Токигиры.

КВАНЪ-ШУСАИ—сынъ изгнаннаго канцлера, 8 лѣтъ.

МАТЬ ШУСАИ.

САНСУКЕ—слуга Матсуо.

СЕМЬ УЧЕНИКОВЪ—крестьянскіе мальчики въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ.

МЯМЛЯ—одинъ изъ учениковъ, 15-лѣтній глупый парень.

Вооруженная стража; крестьяне.

Мѣсто дѣйствія: классная комната въ домѣ Генсо, въ глухой деревушкѣ Серіо.
Время дѣйствія: 902-й годъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШУСАИ, ученики, между ними МЯМЛЯ.

Ученики, вмѣстѣ съ Шусаи, сидятъ на корточкахъ передъ небольшими пюпитрами, на которыхъ разложены тетради и коробочки съ тушью. Около каждаго пюпитра—ящикъ для книгъ. Дѣти упражняются въ писаніи китайскихъ и японскихъ письменъ. Частые перерывы въ работѣ и шумъ. У большинства лица и руки вымазаны тушью.

Мямля—*(къ остальнымъ).*

Эй, вы, дурачье! Чего сидите и зубрите, когда учителя нѣтъ дома? Глядите: я бонзу нарисовалъ,—лысаго бонзу.
(Смѣхъ, шумъ, нѣкоторые подымаются съ мѣстъ).

Шусаи—*(продолжая усердно писать).*

Ты бы занялся чѣмъ-нибудь болѣе путнымъ, чѣмъ этой пачкотней! Самый большой въ классѣ, а не умѣешь написать простого знака. Стыдился бы!

Мямля.

Эхъ ты, паинька! Посмотрите-ка на мальчика-пай, на бѣлоносаго...

Первый мальчикъ—*(бьетъ сзади Мямлю линейкой по головѣ).*

Не смѣй ругаться! Не то...

Мямля—*(реветъ).*

Ой, ой! Онъ меня побилъ!—*(льетъ первому мальчику на голову тушь).*

Второй мальчикъ.

У, длинноногій лошакъ! Старше всѣхъ, а какъ только его тронешь, такъ и воетъ!

Третій мальчикъ.

Вздуй-ка его хорошенько,—чего онъ пасть-то разинулъ! *(Нѣсколько мальчиковъ направляются къ Мямлѣ съ линейками. Всѣ вскочили съ мѣстъ. Сильный шумъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

ТОНАМИ и прежніе.

Тонами—*(изъ сосѣдней комнаты).*

Вы, лодыри! Опять разодрались!—*(входитъ).* Не шумѣть. По мѣстамъ и принимайтесь за работу. Учитель сейчасъ придетъ. Если прилежно позайметесь, будете свободны послѣ обѣда.

Нѣсколько голосовъ.

Вотъ это хорошо! Давайте писать, ребята! *(Всѣ усердно принимаются за работу, пишутъ и читаютъ вполголоса по складамъ: и-ро-га-ни-го-ге-то).*

ЯВЛЕНІЕ III.

ШІО, КОТАРО, САНСУКЕ и прежніе

Сансуке—*(пріотворяя дверь).*

Можно войти?

Тонами.

Пожалуйста, войдите. *(*Шіо *входитъ, ведя за руку своего сына* Котаро. *За ними* Сансуке *несетъ пюпитръ, ящикъ для книгъ и два пакета).*

Шіо.

Съ вашего разрѣшенія—*(обоюдныя привѣтствія).* Нынче поутру я послала спросить, приметъ ли господинъ Генсо моего

сына въ ученіе. Господинъ Генсо любезно согласился. Поэтому я привела мальчика. Вотъ онъ.

Тонами.

Такъ это вашъ сынъ? Очень пріятно! Какое прелестное дитя!

Шіо.

Вы очень любезны. Надѣюсь, что онъ вамъ не причинитъ много хлопотъ. Мы всего нѣсколько дней живемъ въ этой деревнѣ, какъ разъ въ противоположномъ концѣ. Къ моему удовольствію, я слышала, что и у васъ есть сынокъ точно такого же возраста, какъ и мой. Его здѣсь нѣтъ?

Тонами.

Онъ здѣсь.—*(Къ Шусаи)*. Подойди, милый мой, поклонись этой дамѣ—*(Шусаи подходитъ и низко кланяется)*. Это сынъ и наслѣдникъ Генсо.

Шіо—*(испытующимъ взглядомъ сравниваетъ лицо Шусаи и своего сына)*.

У васъ чудный мальчикъ, госпожа Генсо. Но я не вижу вашего супруга: его нѣтъ дома?

Тонами.

Да, къ сожалѣнію. Онъ съ утра приглашенъ къ старшинѣ на совѣщаніе и парадный обѣдъ, и такъ какъ это довольно далеко отсюда, то онъ, вѣроятно, не скоро вернется. Но если вы желаете его видѣть,—я могу за нимъ послать.

Шіо.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не безпокойтесь. Мнѣ еще нужно сходить въ сосѣднее село по дѣлу и, пока я схожу туда и обратно, вашъ супругъ, вѣроятно, успѣетъ вернуться. Сансуке! Принеси вещи сюда.—*(Сансуке передаетъ ей оба пакета. Одинъ, завернутый въ бѣлую бумагу, Шіо вѣжливо кладетъ передъ Тонами)*. Эту мелочь прошу васъ благосклонно принять на память о сегодняшнемъ днѣ.

Тонами—*(съ глубокимъ поклономъ)*.

Слишкомъ много вниманія,—право, слишкомъ много...

Шю.

Стоитъ ли объ этомъ говорить!.. А этотъ свертокъ—*(передаетъ второй пакетъ)* для вашихъ питомцевъ.

Тонами.

Очень, очень вамъ благодарна за вашу любезность. Мой мужъ почтетъ себя крайне обязаннымъ...

Шю.

Затѣмъ я съ вами попрощаюсь. Поручаю мое дитя вашимъ заботамъ—*(къ Котаро)*. Будь послушенъ, мой милый мальчикъ! Я только схожу въ сосѣднее село и скоро вернусь.

Котаро.

Ахъ, мама, не покидай меня одного! Возьми меня съ собой—*(хватается за рукавъ матери)*.

Шю—*(освобождаясь отъ него)*.

Какой же ты трусишка! Не стыдно ли тебѣ, Котаро?—*(Къ Тонами)*. Видите, настоящій маменькинъ сынокъ.—*(Ласкаетъ его)*. Ты мое славное, послушное дитя. Оставайся здѣсь и держись молодцомъ. Я скоро вернусь.

(Уходитъ вмѣстѣ съ Сансуке. *Въ дверяхъ оборачивается и смотритъ на* Котаро *страдальчески-нѣжнымъ взглядомъ. Уходитъ, закрывши за собою дверь, потомъ возвращается).*

Простите, я васъ опять безпокою. Должно быть, я забыла здѣсь свой вѣеръ.—*(Всѣ ищутъ вѣеръ).*

Тонами—*(спустя минуту).*

Но вѣдь вѣеръ у васъ въ рукахъ...

Шю—*(смущенно).*

Ахъ, правда, какъ я разсѣянна!—*(Уходя, снова бросаетъ на сына долгій, печальный взглядъ).*

Тонами—*(ласково къ Котаро).*

Поди сюда, не грусти такъ, мой милый мальчикъ. Иди, поиграй съ моимъ сыномъ...—*(Подводитъ его къ Шусаи и всячески старается развлечь и успокоить).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГЕНСО, ТОНАМИ, ШУСАИ, КОТАРО, ученики.

(Генсо входитъ блѣдный и озабоченный. Останавливается въ дверяхъ и смотритъ на учениковъ пристальнымъ взглядомъ, не замѣчая присутствія Котаро).

Генсо — *(про себя, съ отвращеніемъ).*

Мужицкія лица—обыкновенныя мужицкія головы —никуда не годный бурьянъ...

(Генсо садится, тупо смотря передъ собой. Тонами наблюдаетъ его сперва удивленно, потомъ съ тревогой и садится противъ него).

Тонами — *(послѣ краткаго молчанія).*

Вы такъ блѣдны, супругъ мой, такъ печальны
И странныя изъ вашихъ устъ слова
Исходятъ... Что̀ случилось? Отчего
Вы на дѣтей неласково глядите?
Вотъ посмотрите, новаго питомца
Къ намъ привели сегодня... Приласкайте
Его.—Котаро, подойди сюда
Поближе къ намъ и поклонись учтиво.

Котаро—*(подходитъ и низко кланяется).*

Привѣтъ вамъ, мой наставникъ. Буду вамъ
Я преданъ и послушенъ.

Генсо — *(мелькомъ взглянувъ на него).*

Хорошо.
Иди на мѣсто.

(Вглядѣвшись, удивленно смотритъ то на него, то на Шусаи. Лицо его проясняется. Про себя).

Странно, очень странно!
Вѣдь это ученикъ, котораго сегодня
Къ намъ привели... Конечно. Подойди-ка
Сюда поближе, посмотри въ лицо мнѣ.
Какой прекрасный мальчикъ—и воспитанъ,

Какъ видно, хорошо!—Не правда ли,
Тонами?

Тонами.

Безъ сомнѣнья. Очень рада,
Что сразу вамъ понравился питомецъ
И съ вашего чела согналъ слѣды
Печальной думы. Благородный мальчикъ!
Когда пришелъ онъ съ матерью сюда...

Генсо—*(въ тревогѣ).*

Мать? Гдѣ она?

Тонами.

Она ушла недавно,
Спѣша по дѣлу важному въ село,
Но обѣщалась возвратиться снова
И, вѣрно, скоро будетъ.

Генсо.

Скоро будетъ!..
Чтò я хотѣлъ сказать?—Да,—важнымъ дѣломъ
Я озабоченъ. Отпусти дѣтей,—
Пусть поиграютъ, какъ и чѣмъ хотятъ,
Тамъ въ комнатѣ сосѣдней,—но безъ шуму
И шалостей—я важнымъ дѣломъ занятъ.
Сложите, дѣти, книги и ступайте:
Сегодня вы свободны отъ занятій.

(Дѣти оживленно встаютъ, складываютъ принадлежности въ уголъ и вслѣдъ за Тонами шумно уходятъ въ среднюю дверь. Черезъ нѣкоторое время Тонами возвращается и, убѣдившись, что никто ихъ не подслушиваетъ, садится противъ мужа).

ЯВЛЕНІЕ V.

ГЕНСО и ТОНАМИ.

Тонами.

Вы снова мрачны, мой супругъ,—опять
Погружены въ печальное раздумье!
Съ тѣхъ поръ, какъ вы сюда вошли, угрюмый
И блѣдный, на дѣтей глядя со злобой,—
Предчувствіемъ ужаснымъ я томлюсь!

Потомъ вы испытующе и долго
Глядѣли на Котаро...
(Генсо въ изнеможеніи опускаетъ голову).
Что̀ случилось?
Супругъ мой, что̀ случилось? Говорите,
Я заклинаю васъ!

ГЕНСО.

Несчастье насъ
Неотвратимое постигло! Тайна,
Что̀ бережно и свято мы хранили
Такъ много лѣтъ,—предательски открыта!
Открыто, что скрываемъ суверена
Мы молодого тайно у себя,
Его за сына выдавая,—что давно
У насъ живетъ онъ. Канцлеръ Токигира
Объ этомъ извѣщенъ и жаждетъ крови
Послѣдняго потомка Сугавары,
Чьей мести онъ боится неизбѣжной.

ТОНАМИ.

Предчувствіемъ давно томилось сердце!
Какъ вы узнали это?

ГЕНСО.

Лишь сегодня
У старшины на праздничномъ обѣдѣ.
Ловушкой было торжество—и честь
Оказана мнѣ съ умысломъ коварнымъ,—
Чтобы завлечь нежданно въ западню
И времени не дать мнѣ для побѣга.
Тамъ старый Гемба, канцлера подручникъ,
Въ сопровожденьи челяди своей,
Вдругъ подошелъ ко мнѣ съ такою рѣчью:
„Намъ все извѣстно, Генсо! Признавайся,
Что мальчикъ тотъ, котораго за сына
Ты лживо выдавалъ,—тебѣ не сынъ!
Безстыдный, смѣешь канцлера врага
Ты укрывать! Такъ выслушай приказъ,
Съ которымъ я пришелъ сюда. Сегодня,
Чрезъ два часа, ты долженъ намъ доставить
Отрубленную голову Шусаи,—
Иначе мы придемъ къ тебѣ и сами

Ее возьмемъ!—Тебѣ же,—помни это!—
Гнѣвъ канцлера грозитъ неумолимый!“
Такъ онъ сказалъ.—О, какъ хотѣлось мнѣ
Меча ударомъ гнусный ротъ зажать!
Но я себя сдержалъ: умѣстна хитрость
Насилію въ отвѣтъ гораздо больше,
Чѣмъ честная борьба! Въ душѣ свой гнѣвъ
Я подавилъ и, видъ принявъ покорный,
Просилъ мнѣ время дать приказъ исполнить.
Вблизи стоялъ Матсуо.—Онъ одинъ
Лицо Шусаи знаетъ—и приказъ
Поэтому имѣетъ—прослѣдить,
Чтобъ голову я подлинную выдалъ.
Коварный песъ! Какъ скоро позабылъ онъ
Благодѣянья всѣ, которыми когда-то
Онъ прежнимъ господиномъ былъ осыпанъ?
Негодный, подло измѣнилъ отцу онъ,
Чтобъ измѣнить предательски и сыну!
Едва живой, влачащій еле ноги
И кости хилыя въ тѣлесной оболочкѣ,
Онъ все еще имѣетъ силъ довольно,
Чтобъ измѣнять и мертвымъ, и живущимъ...

Теперь нашъ домъ обложенъ. О побѣгѣ
Нельзя и думать. Намъ одно осталось:
Взамѣнъ Шусаи головы—другую—
Похожую—представить мы должны!
Ужъ думаю я, идя сюда, нельзя ли
Кого-нибудь изъ нихъ,—питомцевъ нашихъ,—
За суверена въ жертву принести.
Но кто смѣшаетъ грубыя ихъ лица
Съ лицомъ Шусаи благородно-нѣжнымъ?
Такъ я пришелъ сюда, въ душѣ тая
Мученья ада: мнѣ казалось—больше
Намъ помощи ужъ неоткуда ждать.
И вдругъ увидѣлъ новаго питомца...
Не правда ли, вѣдь до замѣны полной
Похожъ онъ на Шусаи? О, Тонами,
То указанье свыше. Сами боги
Спасти желаютъ молодого князя
И замѣстителя ему послали!
Злой духъ его намъ отдалъ въ руки. Пусть

Погибнетъ онъ. Мы голову его
Посланникамъ вручимъ взамѣнъ Шусаи!
Потомъ бѣжимъ отсюда. Поспѣшимъ
Границу за собой оставить. Тамъ,
Въ странѣ Каваши, молодому князю
И намъ бояться некого...

Тонами.

Ужасно!
Принуждены невинную пролить
Мы кровь едва расцвѣтшаго ребенка!
Но нѣтъ священнѣе на свѣтѣ долга,
Чѣмъ вѣрность господину,—еслибъ даже
Пришлось намъ въ жертву цѣлый міръ принесть!
Но если жертва будетъ безполезна?
Что̀, если кровь невинную прольемъ мы
Напрасно и безъ нужды? Вы сказали,
Что самъ Матсуо посланъ распознать
Лицо Шусаи,—онъ обманъ сумѣетъ
Открыть.

Генсо.

Тѣмъ хуже для него: онъ этимъ
Себѣ подпишетъ смертный приговоръ!
Слѣдить за нимъ внимательно я буду
И наготовѣ мечъ въ рукѣ держать!
Когда иного выхода не будетъ,—
Ударомъ уложу его на мѣстѣ,
Потомъ, какъ тигръ, на остальныхъ я брошусь
И выгоню ихъ вонъ, или погибну,
Чтобъ господина въ міръ иной и лучшій
Сопровождать, какъ преданный слуга!
Но вѣрю я, что планъ удастся. Дѣти
Похожи другъ на друга, какъ два брата,
А если между ними есть различья,
То смерть сотретъ ихъ... Больше я боюсь
Прихода матери! Вернуться можетъ
Она не во̀-время и, шумъ поднявъ,
Побѣгу помѣшать... Тогда должна
Погибнуть и она!

Тонами.

Какое горе!

Ее занять могу я разговоромъ,
Отвлечь попробую...

Генсо.

Нѣтъ, нѣтъ! Напрасно!
Отъ поселянъ она узнать успѣла
Навѣрное о томъ, что̀ здѣсь творится
И сына будетъ требовать отъ насъ!
Но нами слишкомъ много ужъ на карту
Поставлено,—мы рисковать не можемъ,—
И ежели не во̀-время придетъ
Она, то больше не уйдетъ отсюда!

Тонами.

Такъ дьяволами быть намъ суждено!
(*Плачетъ*). О, мать несчастная! Въ недобрый часъ
Тебя твой злобный геній къ намъ направилъ,
Чтобъ въ руки намъ довѣрчиво отдать
Свое сокровище... Ему мы сами
Должны бы замѣнить отца и мать—
И сдѣлались его мы палачами!

(Рыдаетъ, закрывшисъ рукавомъ. Съ улицы доносится шумъ приближающихся голосовъ. Кто-то снаружи отодвигаетъ дверь. Виденъ передній дворъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

(Гемба *входитъ; за нимъ—въ закрытомъ паланкинѣ—несутъ* Матсуо. *Во дворѣ видна толпа крестьянъ, которые униженно кланяются обоимъ вельможамъ. Прежніе*).

Нѣкоторые крестьяне.

Ахъ, высокородные господа, будьте милостивы! Наши дѣти тоже тамъ. Сжальтесь!..

1-ый крестьянинъ.

Мой сынокъ только теперь началъ писать. Ахъ, отпустите его!

2-ой крестьянинъ.

Тамъ мой внучекъ! Если ненарокомъ отрубите ему голову, то опять живымъ не сдѣлаете. Отдайте мнѣ его, благородный рыцарь!

3-ій крестьянинъ.

Пожалуйста, присмотритесь хорошенько. Мой мальчикъ точно такого же возраста, какъ и молодой господинъ. Ради неба, пустите меня,—я его возьму оттуда.

Многіе.

Впустите насъ, благородные рыцари!

Гемба.

Прочь, противная сволочь! Вы шумите, какъ навозныя мухи! Убирайтесь! Вашему глупому и грязному отродью ничего не сдѣлается! Забирайте своихъ щенятъ и уходите прочь! (*Отворачивается и громко смѣется*).—Это дурачье воображаетъ, что глупыя мужицкія рожи можно смѣшать съ лицомъ самурая. Хи, хи, хи!

Матсуо—(*выходитъ изъ паланкина и идетъ къ двери, опираясь на свой длинный мечъ*).

Не отпускайте ихъ такъ поспѣшно, Гемба. Отвѣтственность лежитъ на мнѣ, такъ какъ только я знаю мальчика въ лицо. Легко можетъ случиться, что одинъ изъ этихъ крестьянъ участвуетъ въ заговорѣ и выдастъ Шусаи за своего сына. (*Къ крестьянамъ*). Успокойтесь, добрые люди. Вызывайте вашихъ ребятъ по именамъ. Я хочу на нихъ посмотрѣть, а затѣмъ ихъ вамъ выдадутъ.

(Всѣ *въ одинъ голосъ выкликаютъ разныя имена*).

Матсуо.

Зовите по очереди.

1-ый крестьянинъ.

Хòма! Хòма!

Генсо—(*стоитъ у задней двери и вызываетъ мальчиковъ, выкликая тѣ же имена, что и крестьяне*).

Хòма, иди сюда!

Хòма—(*выходитъ*).

Здѣсь!

Матсуо—*(осматривая его).*

Онъ здорово запачкалъ себѣ лицо тушью. Но если вы его и умоете,—бѣлымъ не сдѣлаете. Пропустите его: это не тотъ.
(Первый крестьянинъ беретъ мальчика за руку и уводитъ).

2-ой крестьянинъ.

Ивама здѣсь? Ивама!

Ивама—*(выходитъ).*

Да, дѣдушка, я здѣсь!

Матсуо.

Веселый паренекъ. Круглый и свѣжій, какъ будто сейчасъ только вылупился изъ яйца. Маршъ!
(2-й крестьянинъ беретъ мальчика на плечи и уходитъ).

3-ій крестьянинъ.

Дитятко, мой милый мальчикъ!

Мямля.

Здѣсь! Понеси меня на спинѣ, папка! Хочу на спинѣ!—*(Реветъ).*

3-ій крестьянинъ.

Ну, ладно! Только не плачь!

Гемба.

Относительно этого лошака врядъ ли потребуется ваше мнѣніе, Матсуо. Вотъ кто дѣйствительно похожъ на принца! Ха, ха, ха! А старикъ-таки посадилъ верзилу къ себѣ на плечи и уходитъ словно кошка, которой удалось стащить кусокъ сушеной рыбы.

4-ый крестьянинъ.

Такусанъ, Такусанъ! Ради неба, не смѣшайте его съ господиномъ Шусаи. Онъ красивый мальчикъ, господинъ рыцарь.
(Такусанъ пытается проскользнуть, но Матсуо крѣпко удерживаетъ его).

Матсуо.

Стой, паренекъ, стой! Развѣ совѣсть у тебя не чиста? Дай-ка хорошенько на тебя посмотрѣть. Лицо, какъ дыня, бѣлъ—ого! (*Присматривается къ нему*).—Фу, запачканъ! Бѣги во всѣ лопатки! *(Даетъ ему подзатыльникъ).*

Гемба—*(нетерпѣливо)*.

Зовите, Генсо, всѣхъ остальныхъ сразу. Послѣ того, что я видѣлъ, я бы самъ взялся опредѣлить настоящаго. На картофельномъ полѣ растетъ только картофель.

(Генсо *зоветъ трехъ остальныхъ.* Матсуо *и* Гемба *мелькомъ осматриваютъ ихъ и отпускаютъ. Крестьяне уходятъ. Выдвижная дверь закрывается.* Гемба *и* Матсуо *садятся противъ* Генсо).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГЕМБА, МАТСУО, ГЕНСО, ГОНАМИ.

Гемба.

Теперь приступимъ къ дѣлу. Генсо, ты
Намъ клятву далъ Шусаи обезглавить.
Чего-жъ ты медлишь? Къ дѣлу!

Генсо—*(спокойно)*.

Вы хотите,
Чтобъ сына суверена приволокъ
Я къ вамъ за шиворотъ, какъ собачонку,
И голову ему свернулъ?—Постойте
И дайте дѣло сдѣлать не спѣша!
(Поднимается, чтобы уйти въ заднюю дверь).

Матсуо.

Минуту подожди!—*(испытующе смотритъ на Генсо)*.
Напрасно ты
Пытался-бъ обмануть насъ и съ Шусаи
Тайкомъ бѣжать. Обложенъ стражей домъ
И даже мышь не убѣжитъ отсюда!
Не думай также голову Шусая
Другою замѣнить, въ надеждѣ праздной,
Что смерть, какъ ночь, различья уничтожитъ.
Повѣрь, что не обманешь насъ. Тебѣ,
Быть можетъ, пожалѣть придется,
Но слишкомъ поздно...

Генсо—*(сдержанно)*.

Лишнія заботы
Тебѣ сберечь не лучше-ль для себя?
Не безпокойся, принесу сюда

Я подлинную голову. Повѣрь,
Что даже твой потухшій взоръ
Ее тотчасъ узнаетъ...

Гемба—(*нетерпѣливо*).

Словъ довольно!
Скорѣй, скорѣе къ дѣлу!

(Генсо *беретъ отъ* Гемба *деревянную коробку для отрубленной головы и уходитъ въ заднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Прежніе, кромѣ ГЕНСО.

(Тонами *въ ужасѣ прислушивается.* Матсуо *испытующе осматриваетъ комнату и сосчитываетъ пульты и ящики дѣтей*).

Матсуо.

Очень странно!
Ихъ семеро вѣдь было, чертенятъ,
Которыхъ мы недавно отпустили,
А пультовъ тамъ въ углу я вижу восемь.
(Къ Тонами). Не объясните-ль намъ, чей это пультъ? (*указываетъ на пультъ Котаро*).

Тонами—(*въ тревогѣ*).

Питомца новаго... Ахъ, что за вздоръ
Болтаю я... Нѣтъ новаго питомца
У насъ... То Кванъ-Шусаи пульты. Клянусь,
Повѣрьте...

Матсуо.

Хорошо! Оставимъ это.
Однако, Генсо что-то слишкомъ долго
Не возвращается. Мнѣ ожиданье
Невыносимо: утомленъ я очень.

(*За сценой слышенъ стукъ падающаго тѣла.* Матсуо *чуть замѣтно вздрагиваетъ.* Тонами *хочетъ броситься въ сосѣднюю комнату, но замираетъ на мѣстѣ.* Генсо *входитъ и ставитъ закрытую коробку къ ногамъ* Матсуо).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе и ГЕНСО.

Генсо.

Приказъ исполненъ вашъ. Вотъ голова!
Вглядитесь, господинъ Матсуомаро,
Внимательно, чтобъ не было ошибки...

(Садится въ сторонѣ и слѣдитъ за Матсуо, положивъ руку на мечъ).

Матсуо.

Теперь прошу вниманья!

(Къ стражѣ, которая по знаку Гембы *вошла въ комнату).*

Станьте тамъ!

(Указываетъ на мѣсто, за спиной Генсо).

И стерегите зорко ихъ обоихъ.

(Придвигаетъ къ себѣ коробку и съ закрытыми глазами снимаетъ крышку. Потомъ, словно пробуждаясь отъ сна, медленно раскрываетъ глаза, смотритъ на отрубленную голову и слегка касается ея рукой. По лицу его пробѣгаетъ выраженіе страданія. Окружающіе въ мучительномъ напряженіи. Послѣ паузы, въ стоическомъ спокойствіи).

Да, Кванъ-Шусаи это голова,
Безъ всякаго сомнѣнья...

(Закрываетъ коробку, Генсо и Тонами *облегченно вздыхаютъ и обмѣниваются быстрымъ взглядомъ).*

Гемба—*(встаетъ).*

Наконецъ-то!
Прекрасно вы держались, Генсо! Ваше
Заслуживаетъ поведенье похвалы!
Достойны были смерти вы за то,
Что укрывали канцлера врага.
Вы сами добровольно, безъ приказа
Уже давно должны были свершить,
Что сдѣлали теперь по принужденью.
Но вы вину загладили свою,
И я прощаю васъ. Пойдемте вмѣстѣ,
Любезнѣйшій Матсуо. Поспѣшимъ
Мы канцлеру почтительно принесть
Имъ ожидаемую радостную вѣсть.

Матсуо.

Да, торопитесь канцлеру скорѣй
Пріятное извѣстіе доставить.
Меня-жъ увольте: боленъ я, повѣрьте,
Гораздо больше, чѣмъ по мнѣ замѣтно.
Прошу васъ, извинитесь за меня
Предъ канцлеромъ...

Гемба.

Извольте! Какъ угодно!
Домой идите съ миромъ. Вы свой долгъ
Исполнили.

(Беретъ коробку и уходитъ вмѣстѣ со стражей. Вслѣдъ за нимъ уходитъ Матсуо, тяжело опираясь на мечъ, и садится въ паланкинъ. Его уносятъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

ГЕНСО и ТОНАМИ.

(Нѣкоторое время сидятъ неподвижно, смотря во слѣдъ уходящимъ. Потомъ Генсо *запираетъ дверь.* Тонами *мгновенно складываетъ руки и склоняется до земли. Пауза).*

Генсо.

Благодареніе Буддѣ!
Хвала богамъ! Небесъ благоволенье
Снискали намъ сегодня господина
Высокія заслуги и дѣла,
И поразили слѣпотой невольной
Глазъ дьявола, бѣдой намъ угрожавшій!
Жена, мы спасены! Нашъ князь спасенъ!
Да здравствуетъ Шусаи!

Тонами.

Какъ во снѣ,
Едва я вѣрить смѣю избавленью!
Да, канцлера духъ свѣтлый и священный
Взоръ помутилъ Матсуо,—или жертва
Сама намъ добрымъ геніемъ была,—
Но камень придорожный за алмазъ

Они сочли въ невольномъ ослѣпленьи...
Отъ всей души богамъ благодаренье!
(Стучатся въ дверь. Генсо и Тонами *вздрагиваютъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

ШІО (сначала снаружи). Прежніе.

Шіо—*(снаружи).*

Отворите! Это я, мать вашего новаго воспитанника. Впустите меня!

Тонами—*(тихо).*

Ради неба, Генсо, это мать! Мы погибли. Что̀ дѣлать? Что̀ ей сказать?

Шіо.

Отворите же, отворите! *(сильно стучитъ въ дверь).*

Генсо—*(къ Тонами).*

Молчи, глупая женщина! Развѣ я этого не предвидѣлъ? Тише! И съ этой справимся. Такъ или иначе. *(Рѣзкимъ движеніемъ отстраняетъ Тонами, отворяетъ дверь и впускаетъ Шіо).*

Шіо—*(взволнованная).*

Ахъ, это вы, господинъ Тенебе Генсо, уважаемый учитель? Я сегодня привела къ вамъ своего мальчика,—гдѣ онъ? Надѣюсь, что онъ вамъ не въ тягость.

Генсо.

Нисколько. Онъ тамъ, въ задней комнатѣ, играетъ съ дѣтьми. Вы хотите его видѣть? Хотите проводить домой?

Шіо.

Да, да,—я хочу его взять съ собой.

Генсо.

Въ такомъ случаѣ, пойдемте. Прошу васъ, пройдите впередъ!
(Шіо *направляется къ двери;* Генсо *слѣдуетъ за нею и пытается ударить ее мечемъ. Она оборачивается и, увернувшись отъ удара, бросается къ пультамъ, хватаетъ ящикъ своего сына и имъ отражаетъ второй ударъ Генсо).*

Шю.

Чтò вы дѣлаете? Остановитесь!

Генсо (*еще разъ пытается ударить*).

Къ дьяволу!

(*Ударъ разбиваетъ пультъ, изъ котораго выпадаетъ бѣлый саванъ, куски бумаги съ написанными на нихъ молитвами, похоронный флагъ и др. принадлежности погребенія*).

Генсо—(*пораженный*).

Чортъ! Чтò это такое? (*опускаетъ мечъ*). Чтò это значитъ?

Шю—(*рыдая, падаетъ на колѣни.*)

О, господинъ, я заклинаю васъ, скажите: мой сынъ палъ жертвой? Жертвой за своего юнаго господина Кванъ-Шусаи? Заклинаю васъ, скажите мнѣ правду!

Генсо.

Вы сказали—жертва... вашъ сынъ—жертва!
Развѣ вы намѣренно?.. Вы его нарочно...

Шю.

О, мой милый ребенокъ! Да, онъ принесенъ въ жертву, добровольно принесенъ, чтобы спасти жизнь суверена. Иначе, къ чему бы этотъ саванъ, эти молитвы, этотъ флагъ съ надписью: „Наму амида бутеу"?

Генсо.

Женщина, вы приводите меня въ ужасъ!
Ничего понять не могу: кто вы? Кто вашъ мужъ?

(*Стучатъ въ дверь. Матсуо входитъ, запираетъ за собою дверь и торжественно опускается на землю*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе и МАТСУО.

Матсуо—(*цитируетъ строфы, сочиненныя канцлеромъ Мичисане* [1]).

„За мной моя слива умчалась,
А вишня изсохла по мнѣ.

[1]) См. предисловіе.

Ужели одной лишь соснѣ
Измѣна удѣломъ досталась?“
(Къ Шіо*).*—Жена! Благую вѣсть я приношу:
Котаро нашъ за господина умеръ!
(Шіо, *рыдая, бросается ницъ на землю).*
Подруга вѣрная и добрая моя!
О, мать несчастная! Излей въ слезахъ
Души святую скорбь... Простите, Генсо,
Намъ малодушія порывъ: сердца
Родителей свои права имѣютъ...

Генсо—*(удивленный и тронутый).*

Не знаю, наяву или во снѣ
Васъ вижу я... Матсуо, вы ли это,—
Мой кровный врагъ и Токигиры
Вѣрнѣйшій рабъ и преданный вассалъ?
Не вы-ль навѣки узы разорвали,
Связавшія васъ съ домомъ Мичисане?
И сами вы теперь родного сына...

Матсуо.

Мнѣ ваше удивленіе понятно!
О, жребій безпощадный и суровый,
Меня на путь неправедный толкнувшій!
Я сдѣлался вассаломъ господина,
Который все жестоко попиралъ,
Что̀ я любилъ, что̀ было съ колыбели
Священно мнѣ и дорого: семью,
Законнаго правителя, всѣхъ близкихъ
Моихъ дарившаго благодѣяньемъ,—
Отца и братьевъ... О, какъ тяжело
Упреки было слышать мнѣ въ измѣнѣ,
Звучавшіе кругомъ, со всѣхъ сторонъ!
Но измѣнить не могъ я ничего
Иначе, какъ нарушивъ клятвы святость!
И я въ страданьяхъ изнывалъ, что были,
Быть можетъ, за грѣхи мои возмездьемъ,
Содѣянныя въ жизни доземной...

Сносить не могъ я общаго презрѣнья
И совѣсти укоровъ. Чтобъ уйти

Отъ службы ненавистной, притворился
Больнымъ я, объ отставкѣ умоляя.
И вотъ нежданно вѣсть распространилась,
Что у себя вы молодого князя
Скрываете. Тотчасъ же Токигира,
Побѣгъ его предупредить желая,
Отдалъ приказъ: немедленно врага
Схватить и обезглавить, а ему
Отрубленную голову представить.
Мнѣ, знавшему въ лицо Шусаи, онъ
Велѣлъ при казни быть, чтобъ головы
Я подлинность ему удостовѣрилъ.
Условіемъ отставки эта служба—
Увы!—была поставлена... И вотъ
При васъ сегодня я свой долгъ исполнилъ.
Хвала богамъ, что дали мнѣ возможность
Вину мою давнишнюю загладить
И преступленіе страданьемъ искупить!
Я зналъ, я былъ увѣренъ, что старанья
Возможныя употребите вы,
Чтобъ отрока высокаго спасти!
Но что̀ могли вы сдѣлать, Генсо? Путь
Къ побѣгу прегражденъ былъ сильной стражей
И обмануть дозоръ не удалось бы...
Тогда постигъ душою я, что время
Мое пришло! Принявъ рѣшенье, быстро
И подкрѣпленъ жены моей совѣтомъ,—
Несчастной, преданной и храброй Шіо,—
Я сына къ вамъ послалъ, богамъ
Его отдавъ, какъ жертву искупленья.
Когда-жъ пришелъ я, чтобъ итогъ подвесть,—
Я пульты сталъ считать... одинъ былъ лишній...
И понялъ я, что здѣсь Котаро мой,
У васъ... и что̀ мнѣ предстоитъ...
„Ужели одной лишь соснѣ
Измѣна удѣломъ досталась?"
Звукъ этихъ словъ преслѣдовалъ меня,
Гдѣ-бъ ни былъ я, куда-бъ ни обращался!
Казалось, самый воздухъ мнѣ шепталъ
Съ укоромъ: „Ты предатель!.. Ты предатель!"...
Нѣтъ словъ, чтобъ передать, какъ я страдалъ,
Какую муку я въ душѣ носилъ!

Когда-бъ я сына не имѣлъ, со славой
Теперь погибшаго во искупленье
Моихъ грѣховъ,—я поношеньемъ вѣчнымъ
Для міра былъ бы,—я и весь мой родъ!
Мой милый сынъ! Спаситель нашей чести!

Шіо.

Спаситель нашей чести! Это слово
Пусть будетъ чистымъ жертвоприношеньемъ
Ребенка памяти святой. Да осѣнитъ
Оно его за гранью жизни свѣтлымъ
Сіяніемъ... Какъ больно было мнѣ
Его покинуть, уходя отсюда,—
Оставить въ пасти смерти... Горе мнѣ!
О, дайте мертвое обнять мнѣ тѣло!
Въ послѣдній разъ прижать къ груди мнѣ дайте
Мое дитя... Увы! въ послѣдній разъ!

Тонами—(*приближаясь къ Шіо*).

Родимая! Отъ глубины души
Я съ вами ваше горе раздѣляю
Безмѣрное. Когда я вспоминаю
Слова, которыя вашъ сынъ покойный
Къ учителю съ мольбою обращалъ:
„Привѣтъ вамъ, мой наставникъ! Буду вамъ
Я преданъ и послушенъ!“—
Душу мнѣ
Смертельный холодъ леденитъ! Чужая
Вѣдь я ему! Что-жъ чувствовать должна
Родная мать?

Матсуо.

Подруга дорогая,
Своимъ тяжелымъ горемъ овладѣй!
Должно снести съ безропотнымъ смиреньемъ
Ниспосланное небомъ испытанье!
Онъ зналъ, мой добрый Генсо, что идетъ
Сюда на смерть,—я самъ ему сказалъ.
И этотъ отрокъ, нѣжный, какъ былинка,—
Но духомъ самурай неустрашимый,—
Пошелъ по доброй волѣ на закланье!
Скажите, какъ онъ умеръ? О пощадѣ
Молилъ ли онъ?

Генсо.

Онъ умеръ, какъ герой!
И зрѣлый мужъ, испытанный въ бояхъ,
Смѣлѣе въ очи смерти не глядѣлъ бы!
Когда я вынулъ мечъ и грозно въ ухо
Ему шепнулъ, что умереть онъ долженъ
Сейчасъ, на этомъ мѣстѣ,—онъ покорно,
Спокойно и съ улыбкой на устахъ
Подставилъ шею мнѣ, чтобы смертельный
Принять ударъ!

Матсуо.

О, храброе дитя!
Мой вѣрный, добрый сынъ! Такой же смертью
Палъ доблестный мой братъ за господина,
Присягѣ вѣрный. Радостно ихъ будетъ
За гранью жизни свѣтлое свиданье,
И велика награда... (*Рыдаетъ*) Мнѣ простите,
Не въ силахъ больше сдерживать я слезъ...
(*Плачетъ; всѣ рыдаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

КВАНЪ-ШУСАИ входитъ; вскорѣ за нимъ его мать. Прежніе.

Шусаи.

Ужель изъ-за меня такъ много горя?
Зачѣмъ же раньше вы мнѣ не сказали,
Что палачамъ я нуженъ? Никогда
Не допустилъ бы я, чтобъ за меня
Кого-нибудь убили! Сколько горя!
Какой позоръ!

(*Плачетъ, закрывшись рукавомъ. Всѣ продолжаютъ рыдать.* Матсуо *идетъ къ двери и подаетъ знакъ наружу. Потомъ возвращается*).

Матсуо.

Мой юный господинъ!
Я къ вамъ пришелъ съ подаркомъ драгоцѣннымъ:
Взгляните!

(*Показываетъ на дверь. Вносятъ закрытый паланкинъ, изъ котораго выходитъ мать* Шусаи).

ШУСАИ.

Мама! Дорогая мама!

МАТЬ ШУСАИ.

Мой сынъ! Мой сынъ!

ГЕНСО—(*послѣ паузы, радостно изумленный*).

Чтò вижу я? Глазамъ
Своимъ не вѣрю. Госпожа моя,
Вы-ль это? О, какое счастье! Всюду
Мы васъ давно искали, но найти
Васъ не могли. Казалось, навсегда
Исчезли вы. О, гдѣ же, гдѣ вы были?

МАТСУО.

Я разскажу вамъ все въ словахъ немногихъ.
Когда тиранъ жестокій истребленьемъ
Сталъ дому Сугавары угрожать,
Я тайно въ Сагу госпожу отправилъ.
Когда же сталъ пріютъ врагамъ извѣстенъ,
Я въ одѣяньи нищаго монаха
Пробрался самъ туда и госпожу
Сюда привезъ. Но здѣсь ей оставаться
Нельзя. Поэтому къ отъѣзду, Генсо,
Скорѣе приготовьтесь: поспѣшимъ
Границу перейти. Въ странѣ Каваши
Насъ встрѣтитъ дочь высокой госпожи,
Которая въ тревогѣ ждетъ и брата,
И мать. Такъ соберитесь: промедленье
Малѣйшее намъ гибелью грозитъ!

А мы, жена, послѣдній долгъ прощальный
Родительскій ребенку отдадимъ:
Свершимъ обрядъ надъ тѣломъ погребальный
И жертвоприношенья совершимъ!

(ТОНАМИ *приноситъ завернутый въ саванъ трупъ.* МАТСУО *и* ШІО *снимаютъ верхнее платье, подъ которымъ оказывается бѣлое траурное одѣяніе*).

ГЕНСО.

Матсуо, нѣтъ! Мы быть должны безъ сердца,

Чтобъ вамъ однимъ, родителямъ, согбеннымъ
Подъ тяжестью неслыханнаго горя,
Заботы объ усопшемъ предоставить!
Жена и я...

МАТСУО.

Позвольте, Генсо, мнѣ
Все сдѣлать до конца. (*Значительно*). Я хороню
Теперь не сына своего, а князя!..

(*Беретъ трупъ и уноситъ его. Остальные съ громкими рыданіями слѣдуютъ за нимъ.*)

ЗАНАВѢСЪ.

П. МЕЖЕРИЧЕРЪ.

ГАБРІЕЛЬ ТАРДЪ

и

ЕГО СОЦІОЛОГИЧЕСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА

Въ маѣ 1904 года умеръ въ Парижѣ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ мыслителей нашего времени, талантливый новаторъ въ области соціологіи—Габріель Тардъ. Смерть его прошла у насъ почти незамѣченной, несмотря на то, что важнѣйшія его сочиненія переведены на русскій языкъ, и можно было бы думать, что большая часть его идей должна представлять особый интересъ и особое значеніе также и для нашей публики. Основной его задачей было доказательство значенія личности въ созиданіи общественныхъ формъ и общественнаго прогресса, а его основной антипатіей была та сторона ученій нѣкоторыхъ соціологовъ, которая отрицала это значеніе, считая прогрессъ автоматическимъ процессомъ, независимымъ отъ мысли и воли человѣка. Эти же идеи и антипатіи лежали въ основѣ нашей „субъективной соціологіи", которая пользовалась у насъ популярностью не безъ причины. Эта популярность коренилась въ глубокой потребности общества сбросить съ себя историческія путы русской инертности, которыя всегда заставляли насъ ожидать всякихъ благъ откуда угодно, но только не отъ усилій *личной* и общественной дѣятельности. Субъективная соціологія стремилась пробудить въ русскомъ человѣкѣ вѣру въ личныя усилія и энергію. И вотъ, казалось, что намъ долженъ быть дорогъ Тардъ, работавшій для той же задачи. Въ широкой публикѣ онъ былъ извѣстенъ преимущественно, если не исключительно, какъ авторъ

теоріи подражанія и психологіи толпы, а между тѣмъ, его важнѣйшія заслуги лежатъ далеко не въ этомъ.

Принимая все это во вниманіе, я думаю, что будетъ весьма не лишнимъ дать читателямъ обзоръ основныхъ и особенно оригинальныхъ идей этого мыслителя.

Начнемъ съ нѣсколькихъ біографическихъ и библіографическихъ данныхъ.

Тардъ родился въ 1843 г. и началъ свою общественную карьеру службой по судебному вѣдомству въ небольшомъ городкѣ Сарла (Sarlat). Здѣсь, уединенно, путемъ лишь обширнаго и многосторонняго чтенія, онъ настолько изучилъ философію и общественныя науки, что въ 1880 г. выступилъ въ одномъ изъ лучшихъ французскихъ философскихъ журналовъ, „Revue Philosophique", съ весьма оригинальной статьей: „Вѣрованія и идеи, возможность ихъ измѣренія". Какъ увидимъ дальше, основная мысль этой статьи, выраженная въ самомъ заглавіи, была впослѣдствіи краеугольнымъ камнемъ всей его системы, со стороны ея притязаній на строго научный методъ.

За этой статьей послѣдовалъ рядъ другихъ, обратившій вниманіе спеціалистовъ на молодого ученаго. Онъ былъ приглашенъ въ Парижъ на должность директора статистическаго бюро въ министерствѣ юстиціи, а въ концѣ 1899 г. мы видимъ его профессоромъ новой исторіи въ „Collège de France", послѣ чего, черезъ два года, онъ избранъ членомъ Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Капитальнѣйшими изъ его произведеній можно считать: „Законы подражанія" (Les lois d'imitation), „Соціальные законы" (Les lois sociales) и „Соціальную логику" (La logique sociale); остальныя его сочиненія представляются развитіемъ и примѣненіемъ къ различнымъ областямъ науки основныхъ принциповъ, изложенныхъ и обоснованныхъ въ этихъ капитальныхъ работахъ. Всѣ три переведены на русскій языкъ. Послѣднее изъ нихъ вышло у насъ въ 1901 г., то-есть, черезъ шесть лѣтъ послѣ появленія его во Франціи [1]). За два года до выхода въ свѣтъ „Соціальной логики", Тардъ напечаталъ работу, вызвавшую подражанія, „La foule criminelle". Особенно живой интересъ представляетъ его позднѣйшее сочиненіе, вышедшее въ 1901 г., „Толпа и мнѣніе" (La foule et l'opinion), въ которомъ опредѣляется различіе толпы и ея настроеній отъ того, что извѣстно

[1]) Отдѣльныя главы его были изложены мною ранѣе въ русскихъ журналахъ тотчасъ по ихъ появленіи въ „Revue Philosophique", а двѣ главы (8-я о политической экономіи и 9-я—объ искусствѣ) выпущены тогда же отдѣльными брошюрами.

подъ названіемъ общественнаго мнѣнія, и указывается благодѣтельное значеніе этого послѣдняго, когда оно развилось.

Изъ нѣсколькихъ юридическихъ сочиненій Тарда, отличающихся оригинальностью какъ исходныхъ точекъ, такъ и выводовъ, слѣдуетъ упомянуть „Преобразованія права" (Les transformation du droit), имѣющее характеръ не столько юридическій, какъ философско-историческій: трансформаціи права разсматриваются въ немъ, какъ доказательства односторонности и ошибочности теорій тѣхъ эволюціонистовъ, которые считаютъ эволюцію всѣхъ общественныхъ формъ единымъ прямолинейнымъ процессомъ.

Наконецъ, сочиненіе „Соціальные законы" представляетъ гносеологическое и методологическое обоснованіе теорій Тарда. Это сочиненіе вышло у насъ въ двухъ переводахъ, изъ которыхъ послѣдній помѣщенъ въ сборникѣ „Соціальные этюды", изданіе Павленкова, куда вошли также: „Толпа и публика", „Преступность толпы" и „Трансформація власти".

Мое изложеніе я поведу не по каждому изъ сочиненій Тарда въ отдѣльности, а по логической связи его важнѣйшихъ основныхъ идей, такъ, чтобы читатель увидѣлъ ихъ общую картину въ ея цѣломъ. Начну съ теоріи подражанія.

I.

Теорія подражанія.

Подражаніе есть связующее начало или цементъ общества. Во-первыхъ, оно связываетъ его съ прошлымъ; вѣдь мы подражаемъ предкамъ, пріобрѣтая съ дѣтства и повторяя ихъ языкъ, понятія, вѣрованія, знанія, искусство, мораль, право, религію и т. п. Во-вторыхъ, мы подражаемъ современникамъ или ихъ группамъ, безъ чего не было бы общественнаго „единства" въ данную эпоху. Наконецъ, въ-третьихъ, подражаніе является важнѣйшимъ факторомъ прогресса, такъ какъ изобрѣтенія или новшества всякаго рода, начиная съ техническихъ и кончая идейными, религіозными и т. п., распространяются, главнымъ образомъ, путемъ подражанія. т.-е. повторенія извѣстнаго дѣйствія или мысли, или образца безчисленнымъ количествомъ лицъ. „Если мы живемъ соціальной жизнью, — говоритъ Тардъ, — то во всемъ, что бы мы ни говорили, что бы мы ни дѣлали и что бы ни думали, мы каждый моментъ подражаемъ кому-нибудь". Исклю-

нами „пара мозговъ", изъ которыхъ одинъ дѣйствуетъ на другой, а послѣдній воспринимаетъ это дѣйствіе. Такое взаимодѣйствіе пары мозговъ есть элементарный фактъ соціальной психологіи. Всѣ остальныя формы дальнѣйшаго процесса распространенія лучей подражанія будутъ лишь повтореніями и сложными сочетаніями этого элементарнаго факта, который при дальнѣйшемъ его изслѣдованіи сводится на еще болѣе элементарныя единицы, доступныя уже количественному измѣренію. Здѣсь-то и выступаетъ та мысль Тарда, которую онъ развилъ въ самой первой работѣ— „Вѣрованія и идеи, возможность ихъ измѣренія". Прогрессъ всѣхъ наукъ состоялъ именно въ постепенномъ приближеніи къ открытію такого элементарнаго факта, повторяющагося правильно во всѣхъ явленіяхъ (тяготѣніе въ астрономіи, клѣточка въ біологіи, вибраціи и волны въ физикѣ), давая наукамъ возможность перейти къ законамъ количественнымъ, вмѣсто качественныхъ, къ законамъ и обобщеніямъ точнымъ [1]), вмѣсто смутныхъ и ошибочныхъ идей, какія отыскивала первобытная мысль, а затѣмъ и метафизика.

Подражаніе въ сущности и есть *повтореніе*, но именно та форма повторенія, которая свойственна только соціальной жизни [2]).

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ „Соціальныхъ законовъ", изданномъ Павленковымъ, вкралась важная ошибка въ этомъ мѣстѣ. Тамъ говорится: „на мѣсто туманныхъ количественныхъ противоположеній были поставлены качественныя точныя и мѣрныя". Въ подлинникѣ какъ-разъ наоборотъ: „на мѣсто туманныхъ качественныхъ (qualitatives) были поставлены точныя и мѣрныя количественныя (quantitatives)". Впрочемъ, кромѣ этого недосмотра, переводъ очень хорошъ.

[2]) Когда извѣстный психологъ Балдуинъ замѣтилъ, что подражаніе не есть фактъ только соціальный, что оно имѣетъ мѣсто и въ психологической индивидуальной жизни, напримѣръ, въ томъ, что мы повторяемъ, какъ бы подражая себѣ самимъ, извѣстные наши поступки или идеи и чувствованія, образуя изъ нихъ привычки, которыя въ свою очередь являются для насъ источниками повторенія или самоподражанія, — Тардъ замѣтилъ на это слѣдующее: онъ ничего не имѣетъ противъ обобщенія соціальнаго факта подражанія съ „повторностью" въ психологіи и біологіи. Онъ готовъ идти даже дальше и обобщить подражаніе съ „повтореніями" въ области физическихъ и неорганическихъ явленій, какъ, напримѣръ, повтореніе всѣми планетами движеній по эллипсу, повтореній атомами эѳира свѣтовыхъ движеній (свѣтовыя волны), или частицами воздуха—движеній звуковыхъ волнъ и т. д. Ему, какъ соціологу, важно было изслѣдовать этотъ законъ повторяемости въ области соціальныхъ явленій, гдѣ онъ проявляется, *какъ подражаніе*; профессору Балдуину тотъ же законъ былъ интересенъ, какъ психологу, въ области психическихъ и біологическихъ явленій, какъ *привычка*, *наслѣдственность* и т. п. Другое возраженіе (сдѣланное американскимъ соціологомъ Гиддинсомъ), состоящее въ томъ, что подражаніе выходитъ за предѣлы общества, такъ какъ подражать другъ другу могутъ два общества, враждующія другъ съ другомъ, и даже во вредъ одно другому (перенимая, напримѣръ, военныя изобрѣтенія, пріемы и хитрости), по мнѣнію Тарда, не есть возра-

Именно оно-то, а не національность, не религія, не языкъ являются цементомъ, связующимъ общества, такъ какъ мы видимъ нерѣдко, что государство объединено, несмотря на то, что входящіе въ него члены различны и по національности, и по языку, и по религіямъ; не менѣе ошибочны теоріи, видящія въ обществѣ продуктъ договора, услуги или, наоборотъ, принужденія: мы видимъ общеніе между людьми безъ договора, видимъ общественныя группы, не только не оказывающія услугъ другъ другу, но и вредящія другъ другу (конкурренты); наконецъ, множество отношеній между членами общества держится не на принужденіи, не на отношеніи подчиненнаго къ начальнику или хозяина къ работнику, или педагога, дѣйствующаго принужденіемъ, къ ученику, подчиняющемуся ради страха. Многіе соціологи отрицаютъ за личнымъ почином всякую творческую роль въ учрежденіяхъ и общественныхъ дѣлахъ, объясняя единство идей, вѣрованій, обычаевъ, и права въ обществѣ принудительнымъ дѣйствіемъ коллективнаго цѣлаго на индивидуумъ. Но авторы такихъ теорій не объясняютъ того, *какъ же образовалась сама эта коллективная сила*, то-есть, коллективное единство требованій и принужденій,—какъ создалась эта общая ассимиляція? „Отвѣтить на этотъ вопросъ,—говоритъ Тардъ,—можно, только доведя анализъ до того пункта, до котораго довелъ его я,—до отношеній между двумя умами, до отраженія однимъ изъ нихъ другого. Только на этой почвѣ можно будетъ объяснить себѣ это общеніе умовъ, эти частныя единогласія, эти заговоры сердецъ, которые, разъ создавшись и установившись, черезъ традицію и подражаніе предкамъ, оказываютъ уже *затѣмъ* столь часто тираническое, но еще чаще спасительное вліяніе на индивидуумъ". „Ребенокъ,—говоритъ онъ (въ примѣчаніи къ этому отрывку),—который всегда обращается къ другимъ лицамъ, какъ цвѣтокъ къ солнцу,—испытываетъ на себѣ *притягательную силу* родной среды гораздо больше, чѣмъ *принужденіе*".

И вотъ, именно „это отношеніе и долженъ изучать соціологъ, какъ астрономъ изучаетъ зависимость между двумя массами, притягивающими и притягиваемыми. Здѣсь онъ долженъ искать формулъ нѣсколькихъ простыхъ законовъ, вѣрныхъ всегда и

женіе. Самъ Гиддинсъ въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что военныя заимствованія націй другъ у друга ведутъ въ грядущемъ къ невозможности войнъ, а потому являются факторами возрастающаго *обобществленія самихъ націй*, ихъ единенія и сочетанія въ болѣе крупные общественные союзы. Значитъ, и въ этомъ случаѣ подражаніе является факторомъ соціальнымъ.

вездѣ, и подмѣчаемыхъ нами въ кажущемся хаосѣ исторіи и человѣческой жизни".

„Эта концепція,—поясняетъ Тардъ,—въ общемъ почти совершенно противоположна концепціи прямолинейныхъ эволюціонистовъ: они объясняютъ малое большимъ, подробности общимъ, видя въ прогрессѣ что-то въ родѣ *принужденія со стороны „закона эволюціи"*, благодаря которому явленія общаго должны воспроизводиться и повторяться извѣстнымъ образомъ, въ извѣстномъ порядкѣ. Я же объясняю *общее* и массовое совокупностью *мелкихъ* элементарныхъ дѣйствій".

Мы видѣли, что элементарнымъ фактомъ соціальной жизни Тардъ считаетъ вліяніе двухъ мозговъ другъ на друга. Но анализъ идетъ дальше: это вліяніе, какъ и *вся психическая жизнь индивидуума, опредѣляется двумя общими для всѣхъ „элементарными психическими силами"*: „желаніемъ" и „увѣренностью" (или „вѣрой"). Напримѣръ, именно увѣренность и желаніе даютъ возможность свести всѣ явленія общества на измѣримыя количественно единицы: такъ, статистика рыночныхъ цѣнъ, биржевыхъ повышеній и пониженій, статистика браковъ, рожденій, преступленій и т. д. возможны только потому, что подъ всѣми этими явленіями, столь разнообразными, лежитъ нѣчто единое, однородное (вѣдь сумма можетъ быть составлена только изъ однородныхъ величинъ или единицъ). И вотъ, напримѣръ, статистика браковъ указываетъ намъ на *сумму желаній* въ обществѣ даннаго времени избрать извѣстный образъ жизни и *сумму увѣренности* въ добрыхъ его результатахъ; статистика биржи или рыночныхъ цѣнъ показываетъ на *сумму желаній* (потребностей) общества въ различнаго рода предметахъ и цѣнностяхъ и *сумму довѣрія* къ нимъ; статистика преступленій говоритъ намъ о *суммѣ желаній*, осуществляемыхъ преступленіемъ, и о *степени вѣры* народа въ возможность удовлетворить этимъ желаніямъ законнымъ путемъ и т. д.

Но кромѣ этого общаго элемента, открываемаго статистикой, она намъ открываетъ и другое: *одновременное присутствіе во многихъ умахъ и воляхъ однихъ и тѣхъ же увѣренностей и одинаковыхъ желаній*. Какъ объяснить эту согласованность воль и умовъ? О принужденіи тутъ не можетъ быть рѣчи. Коллективное принужденіе ничего не объясняетъ, какъ мы уже видѣли, потому что само требуетъ объясненія своего единства. Быть можетъ, объясненія нужно искать въ географическихъ условіяхъ и наслѣдственности? Но и эти условія, и наслѣдственность могутъ закладывать въ насъ только *общія побужденія*, т.-е. воз-

можности. Самое же *осуществленіе возможностей* способно быть безконечно разнообразнымъ. Чтò же сводитъ эти возможности къ одной опредѣленной точкѣ? Въ первобытномъ обществѣ это былъ *примѣръ* или *указаніе* перваго иниціатора; въ наше время — примѣры или указанія, идущія или отъ современниковъ, или отъ этихъ забытыхъ первыхъ иниціаторовъ. Ребенокъ начинаетъ говорить и дѣйствовать такъ, какъ говорятъ и дѣйствуютъ его близкіе — „онъ“ или „она“; „онъ“ и „она“ сами начинали съ того же. Позднѣе это „онъ“ или „она“ переходитъ въ „они“ или „другіе“, но это тоже — „онъ“ и „она“, только усложненные и перепутанные, суммированные и потому смутные. Чтò такое, напримѣръ, общественное мнѣніе, играющее такую важную роль въ нашемъ поведеніи, какъ не такое суммированное и смутное сплетеніе безчисленныхъ „онъ“ и „она“, которымъ мы стремимся подражать потому, что „вѣримъ“ въ цѣлесообразность всего, исходящаго отъ „многихъ“, или отъ „высшихъ слоевъ“, или потому, что „желаемъ“ избѣжать косыхъ взглядовъ и улыбокъ, или, наконецъ, просто потому, что „привыкли“ поступать, какъ всѣ, то-есть, повторять, воспроизводить то, чтò дѣлаютъ или думаютъ другіе, большинство или меньшинство. Подражаніе можетъ имѣть два вида или характера: *логическій*, когда оно вытекаетъ изъ внутренней потребности. Если же оно не имѣетъ отношенія къ потребности внутренней, то его слѣдуетъ называть *экстра-логическимъ* (внѣ-логическимъ). Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно не лишено извѣстной логичности, извѣстной связи съ какой-нибудь потребностью: напр., когда члены низшей касты или сословія усвоиваютъ себѣ какія-нибудь формы жизни отъ высшихъ, когда рабъ подражаетъ господину и т. п., мотивомъ являются соображенія, опирающіяся на увѣренность, что все, исходящее отъ высшихъ классовъ, должно обладать особымъ достоинствомъ и цѣнностью.

Вотъ почему *соціологія не только невозможна безъ психологіи, но до извѣстной степени она есть, въ сущности, только соціальная психологія*. Уже Джонъ Стюартъ Милль, въ концѣ своей „Логики“, разсматривалъ соціологію, какъ прикладную психологію; по этому поводу Тардъ замѣчаетъ: „Къ сожалѣнію, психологія, къ которой онъ обращался, чтобы получить ключъ къ пониманію соціальныхъ явленій, есть чисто индивидуальная психологія, которая изучаетъ внутреннія состоянія впечатлѣній и образовъ, имѣющія мѣсто въ одномъ и томъ же мозгу, и которая считаетъ возможнымъ все объяснить въ этой области законами ассоціацій этихъ внутреннихъ элементовъ... Между тѣмъ, искать элементарнаго

соціальнаго факта нужно никоимъ образомъ не въ той психологіи, которая заключается въ предѣлахъ одного мозга (интра-церебральная или внутри-мозговая психологія), но прежде всего въ психологіи, основанной на отношеніи нѣсколькихъ умовъ (интеръ-церебральной или междумозговой), изучающей сознательныя отношенія нѣсколькихъ умовъ и прежде всего двухъ". Изобрѣтя этотъ новый терминъ, Тардъ доказываетъ неудобства прежняго („соціальная психологія"). Этотъ послѣдній какъ бы предполагаетъ существованіе въ обществѣ *особаго мозга или сознанія* и связанъ съ теоріей „общества-организма", которую Тардъ считаетъ однимъ изъ тѣхъ обобщеній, какими наука въ своемъ неразвитомъ состояніи стремилась не въ одной соціологіи, но и во всѣхъ областяхъ знанія открыть повторяемость (то-есть, законы) явленій, прибѣгая къ поверхностнымъ аналогіямъ и даже аллегоріямъ. Показавъ, что общество не имѣетъ существенныхъ элементовъ, которые позволили бы установить аналогію между нимъ и организмомъ, Тардъ устанавливаетъ новую аналогію, которую считаетъ единственно правильной и плодотворной для дальнѣйшихъ изслѣдованій: *аналогію между обществомъ и головнымъ мозгомъ.* Именно вторая глава „Соціальной логики" и начинается съ установленія этой аналогіи. Мы видѣли, что въ индивидуальномъ мозгу, путемъ сочетаній и столкновенія идей, впечатлѣній, ощущеній и желаній, происходятъ процессы, которые изучаются индивидуальной психологіей и составляютъ ея предметъ. Этотъ процессъ сводится большинствомъ психо-физіологовъ на взаимодѣйствіе мозговыхъ клѣточекъ, которое распадается на два отдѣла—познавательный или умственный и волевой. Элементарными психологическими единицами перваго отдѣла являются единицы „увѣренности" или „вѣры", понимаемой Тардомъ своеобразно: тутъ дѣло идетъ не о религіозной вѣрѣ, а объ увѣренности въ какомъ-нибудь положеніи, въ какомъ-нибудь сужденіи, которое мы составляемъ или принимаемъ. Различныя впечатлѣнія, получаемыя нами, какъ и различные выводы, которые мы дѣлаемъ изъ нихъ, сопровождаются большей или меньшей нашей увѣренностью („вѣрой") въ нихъ.

Насколько въ теоретической или умственной области нашей психики играетъ роль эта „вѣра", настолько въ волевой области играетъ роль „желаніе", составляющее элементарный фактъ или единицу этой послѣдней. Подъ желаніемъ тутъ понимается энергія, проявляемая нами въ какихъ-нибудь психическихъ стремленіяхъ или даже чисто умственныхъ „алканіяхъ", а подъ „вѣ-

рой"—энергія умственнаго возбужденія, воспріятія, соподчиненія воспріятій другъ другу, энергія ихъ координаціи и т. п. Съ точки зрѣнія современной „энергетики" (примѣненія научной теоріи энергіи къ психической дѣятельности) это есть „два вида одной и той же психической энергіи, появляющіеся подъ различной окраской. Они образуютъ въ мозгу непрерывный потокъ, омывающій два склона нашей психической жизни — умственный и волевой". Иногда этотъ потокъ раздѣляется или разбрасывается, иногда сосредоточивается. Онъ передается въ индивидуальномъ мозгу отъ одного впечатлѣнія другому, отъ одной клѣтки другой. Изъ единицъ вѣрованія слагаются „силлогизмы логическіе", въ которыхъ степень увѣренности въ главной посылкѣ или общемъ утвержденіи передается второй посылкѣ или частному случаю, откуда слѣдуетъ и соотвѣтствующій выводъ. Желаніе же создаетъ силлогизмы „телеологическіе", гдѣ главной или большой посылкой является сознаваемое или безсознательное и подразумѣваемое желаніе или цѣль, а остальныя части силлогизма образуются изъ *средствъ*, служащихъ къ достиженію этой цѣли или желанія. Такъ, я желаю быть здоровымъ; для этого представляется нѣсколько средствъ, напр., отправиться къ врачу (къ которому-нибудь изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ врачей), или вести гигіеническій образъ жизни, и т. п. Очевидно, что выборъ между средствами будетъ зависѣть отъ количества вѣры, какую я придаю тому или иному средству, тому или иному врачу и т. д.

Такова въ главныхъ чертахъ индивидуальная работа мозга и ея „единицъ энергіи", т.-е. вѣры и желанія. Но потокъ, слагающійся изъ этихъ энергій, выступаетъ за предѣлы индивидуальнаго мозга. То, что въ индивидуальномъ мозгу происходило между клѣточками мозга, между его впечатлѣніями, то повторяется теперь между клѣточками общества, образуя интеръ-мозговую психологію и логику. Въ этой послѣдней работаютъ тѣ же единицы энергіи—желаніе и вѣра, сталкиваясь, интерферируя, борясь, побѣждая, сливаясь, усиливая или уничтожая другъ друга. Аналогія общества съ мозгомъ даетъ соціологіи только нѣкоторое руководящее начало, но затѣмъ процессы интеръцеребральной психологіи (и логики) изучаются на общественныхъ явленіяхъ, конечно, независимо отъ индивидуальной психологіи, такъ какъ именно въ общественныхъ явленіяхъ мы имѣемъ процессы между элементами общества болѣе извѣстные намъ *въ опытѣ*, чѣмъ процессы между клѣтками мозга, представляющіе только *гипотезы*. Если эти гипотезы помогаютъ

намъ разобраться въ сложныхъ явленіяхъ соціологіи, то, наоборотъ, общественная психологія можетъ служить дѣйствительно эмпирическимъ подтвержденіемъ нѣкоторыхъ гипотезъ индивидуальной психологіи. Мы, напримѣръ, наглядно видимъ, что путемъ подражанія (повторенія) сохраняются въ обществѣ идеи, образцы поведенія, обычаи, нравы, пріемы мышленія и т. п. Мы видимъ, что они могутъ составить такія прочныя привычки, съ которыми впослѣдствіи трудно бороться. Но не видимъ ли мы въ этихъ фактахъ того, что̀ въ индивидуальной психологіи извѣстно подъ именемъ памяти? И не получаетъ ли такимъ образомъ память самаго яснаго и нагляднаго объясненія въ соціальныхъ явленіяхъ повторенія или подражанія? Точно также сочетанія и столкновенія между ощущеніями, образами и идеями въ индивидуальномъ мозгу, объясняемыя гипотетически взаимодѣйствіемъ клѣточекъ мозга, не получаютъ ли нагляднаго подтвержденія въ столкновеніяхъ и взаимодѣйствіяхъ идей и желаній разныхъ индивидуумовъ въ обществѣ? Итакъ, соціальная психологія можетъ дать не мало руководящихъ нитей индивидуальной психологіи. Психологическое наблюденіе обладаетъ свойствами, не только отличающими его отъ наблюденій физическихъ явленій міра, но и ставящими его выше, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, этихъ послѣднихъ: ощущенія или воспріятія, получаемыя нами отъ существъ подобныхъ намъ, то-есть, чувствующихъ и мыслящихъ, переносятъ насъ во внутреннее состояніе, въ чувства, мысли и желанія этихъ объектовъ, передаваемыя нашему воспріятію ихъ словами, мимикой и пр.

То, что̀ можетъ быть передано отъ одного субъекта другому, не есть ощущеніе, такъ какъ ощущенія у людей не тождественны: напр., дальтонику нельзя передать ощущенія краснаго цвѣта. Въ ощущеніяхъ нѣтъ той единой общей сущности, которая могла бы сообщаться. Передаются и сообщаются *понятія, желанія, сужденія и намѣренія*, благодаря чему люди и могутъ чувствовать себя болѣе подобными другъ другу и едиными.

Закончивъ эту главу вышеприведенной мыслью Тарда, что подражаніе аналогично соціальной памяти, перейдемъ къ гносеологическому и методологическому обоснованію имъ своей системы въ „Соціальныхъ законахъ“.

III.

Оригинальный методъ.

Тардъ, какъ уже было упомянуто выше, старается здѣсь доказать, что всѣ положительныя науки шли тѣмъ самымъ путемъ и пришли къ тѣмъ самымъ основнымъ результатамъ, которые намѣчаются и въ соціологіи, построенной по его плану. Для доказательства этого положенія онъ даетъ краткую и своеобразную исторію наукъ, съ которой необходимо познакомиться, хоти бы въ самомъ сжатомъ видѣ.

Прежде всего онъ старается доказать, что развитіе знаній шло путемъ діаметрально противоположнымъ развитію міра вó всѣхъ его областяхъ (тому развитію, которое предполагается современной наукой и ея гипотезами). Наука была какъ бы „обращеннымъ зеркаломъ" дѣйствительности. Въ этой послѣдней повсюду началось съ образованія простѣйшихъ элементовъ, которые затѣмъ своими сочетаніями и усложненіями образовывали сложныя тѣла и формы: началось съ атомовъ, молекулъ, протоплазмы, клѣтокъ, простѣйшихъ организмовъ и пр., въ области неорганическихъ и біологическихъ эволюцій, а въ области соціологической,—съ безсвязнаго сочетанія индивидуумовъ. Все это хаотическое состояніе элементовъ мало-по-малу организовалось, координировалось въ физическія и астрономическія сложныя тѣла, въ системы, въ живые организмы, въ колоніи и общества и т. д. Наука же, наоборотъ, начала съ обширныхъ массъ и обобщеній, лишь мало-по-малу переходя къ открытію болѣе частныхъ обобщеній или законовъ, пока черезъ тысячи ошибочныхъ попытокъ не пришла къ открытію безконечно малыхъ, безчисленныхъ элементовъ, которыми и объяснила уже правильно и точно массовыя и огромныя явленія.

Въ этомъ многовѣковомъ процессѣ она сперва, отдѣльно въ каждой области явленій, искала ихъ сходства, — т.-е. того, позволяло ихъ обобщать (и въ то же время различать). Иными что словами, она искала того, что въ нихъ повторялось. Такимъ образомъ создались первыя „понятія" первобытнаго человѣка, а позднѣе открытія повтореній дали „законы", ибо что такое законъ науки, какъ не признаніе того, что данное явленіе или нѣсколько явленій будутъ повторяться безконечно при извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстной послѣдовательности или связи?

Но повтореніе указываетъ только на самую элементарную причину явленій, на простое воспроизведеніе его въ безконечномъ числѣ копій или варіантовъ (воспроизведеніе колебаній и волнъ, или—предка потомкомъ, или жизненнаго цикла Ивана или Петра милліонами другихъ Ивановъ или Семеновъ). Но наукѣ важно было узнать и причины развитія, вообще измѣненій впередъ или назадъ, смерти и уничтоженія, роста и совершенствованія, борьбы и ея результатовъ, гибельныхъ или полезныхъ. И вотъ, представилась вторая сторона явленій—ихъ дисгармонія, столкновенія, однимъ словомъ—противоположенія. Уже результатомъ изслѣдованія противоположеній явились правильныя открытія въ области третьей задачи науки, а именно открытія *гармоній*, *синтезовъ*, *примиреній*, однимъ словомъ, въ области взаимнаго приспособленія явленій. Эта третья задача могла уже разрѣшить вопросы о созиданіи новаго, о творческихъ процессахъ природы (о развитіи или эволюціи явленій). Разсмотримъ это ближе.

IV.

Повторность явленій.

Начнемъ съ астрономіи. Сперва подмѣтили періодичность движеній солнца, луны, звѣздъ, и приписали эту „повторность" движенію всего небеснаго свода. Но рядомъ съ этимъ обобщеніемъ, охватившимъ сразу все, началось открытіе „различій" въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ, которое повело къ открытію новыхъ повторностей не столь всеобъемлющихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыхъ различій между ними: выдѣлили движенія солнца отъ движеній луны и неподвижныхъ звѣздъ, а эти послѣднія отличили отъ планетъ, затѣмъ открыли сходство между самимъ солнцемъ и неподвижными звѣздами, а рядомъ съ этимъ и различія въ этихъ послѣднихъ. Замѣтили сходство орбитъ, направленія движеній, хотя находили тутъ же и различія (напримѣръ, у кометъ); затѣмъ, мало-по-малу открывали, что и нѣкоторыя изъ этихъ различій входятъ въ общее правило. И такъ шло дѣло до закона Ньютона, который показалъ, что, несмотря на безконечное различіе свѣтилъ, всѣ ихъ движенія опредѣляются повторяемостью одного и того же факта: тяготѣнія пропорціональнаго массамъ и обратно-пропорціональнаго квадратамъ разстояній. Спектральный анализъ привелъ къ выводу, что и въ химическомъ отношеніи небесныя тѣла повторяютъ другъ

друга, а установившаяся еще ранѣе гипотеза образованія міровъ изъ туманностей заставляла предположить повторенія и въ самомъ образованіи свѣтилъ и ихъ системъ; когда же въ физикѣ явилась гипотеза, сводящая всѣ физическія силы (а въ томъ числѣ и тяготѣніе) на удары, толчки или вибраціи атомовъ, повторяющіеся безконечно и регулярно, то процессъ развитія науки пришелъ къ своему завершенію, совершивъ путь отъ обширныхъ повторностей къ безконечно малымъ, отъ немногихъ въ безконечно безчисленнымъ. Этому заключительному процессу соотвѣтствовали и въ математикѣ открытія Лейбница и Ньютона, выдвинувшія впередъ „безконечно-малое". Итакъ, „астрономія, начавъ съ небольшого числа гигантскихъ и видимыхъ повтореній, перешла къ безчисленному множеству малыхъ, дѣйствительныхъ и элементарныхъ подобій и повтореній, которыя дали объясненіе первымъ".

Тѣмъ же процессомъ шла наука о живыхъ существахъ, біологія: сперва были замѣчены обширныя массовыя подобія и различія (отдѣленіе растеній отъ животныхъ, затѣмъ типовъ въ области растительной и животной). Но эти подобія и различія часто были иллюзіями, такъ какъ основывались на внѣшнихъ, поверхностныхъ признакахъ: напр., уподобляли растенія чуждыхъ другъ другу видовъ, находя смутное сходство въ листвѣ и наружномъ видѣ. И, наоборотъ, видѣли пропасть между растеніями одного семейства, найдя несходства въ очертаніяхъ или ростѣ и т. п. Ботаника сдѣлала большой шагъ впередъ, когда узнали, что во внѣшнихъ признакахъ есть извѣстная соподчиненность, что наиболѣе важные,—то-есть, наиболѣе повторяющіеся,—признаки, сопровождаемые цѣлымъ рядомъ другихъ подобій, не только не бросаются въ глаза, а наоборотъ, наиболѣе скрыты, мелки, утончены (напримѣръ, сѣмянодоли, ихъ число и т. д.). Біологія кончила, затѣмъ, объединеніемъ міра растительнаго и животнаго, но это стало возможнымъ тогда, когда „клѣточная" (целлюлярная) теорія доказала, что безконечно повторяющійся элементъ, какъ у животныхъ, такъ и у растеній, есть клѣточка, и что элементарное жизненное явленіе состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ безконечномъ повтореніи каждою клѣточкой процессовъ питанія, дѣятельности, роста, размноженія, причемъ все это унаслѣдовано клѣткой, и она только вѣрно передаетъ потомству (т.-е. повторяетъ) то, что сама унаслѣдовала, какъ традицію. Эта сообразованность съ предыдущими формами, называемая то привычкою, то наслѣдственностью, есть біологическая (жизненная) форма „повторяемости", какъ волнообразное дви-

женіе (или вообще періодическое движеніе, напримѣръ, эллиптическое) есть физическая форма повторяемости, а наше человѣческое „подражаніе“ есть соціальная ея форма.

Итакъ, въ біологіи процессъ ея развитія приближается къ завершенію опять-таки въ тотъ моментъ, когда обширныя и смутныя, немногія подобія, по большей части мнимыя, замѣняются безчисленнымъ множествомъ безконечно малыхъ и очень точныхъ подобій, которыя одни только даютъ смыслъ первымъ. А въ то же время идетъ и раскрытіе истинныхъ различій совершенно тѣмъ же путемъ: такъ, напр., по внѣшности есть ли что-нибудь болѣе подобное, какъ два зародыша или два яичка, а на самомъ дѣлѣ можно ли найти что-нибудь болѣе различное по содержанію? Когда теоріи Ламарка и Дарвина блестящимъ образомъ объяснили происхожденіе, развитіе и родство видовъ животнаго и растительнаго царствъ, то все же ключъ къ этому объясненію лежалъ, въ концѣ концовъ, въ свойствахъ зародыша или яйца, такъ какъ послѣднее носило въ себѣ различія и вообще свойства, передающіяся наслѣдственно и подбирающіяся. Самое разнообразіе свойствъ, надъ которыми долженъ орудовать подборъ, есть оригинальность, нѣкоторая особенность (такъ сказать, „изобрѣтательность“) первоначальнаго зародыша или яичка, давшаго начало новой разновидности или виду.

И тотъ же процессъ развитія въ открытіи повторяемости явленій (отъ общихъ, грубыхъ, невѣрныхъ и мнимыхъ, къ безконечно малымъ, точнымъ и безчисленнымъ) пережила соціологія. Ощупью дѣлается одно изъ первыхъ обобщеній о циклическомъ періодѣ, который, по мнѣнію Платона, повторяетъ черезъ извѣстные промежутки времени всѣ событія соціальнаго и естественнаго міра въ прежнемъ порядкѣ. Аристотель подмѣчаетъ уже менѣе химерическія повторенія въ нѣкоторыхъ деталяхъ, иногда вѣрныя, но всегда неясныя и не подлежащія провѣркѣ: такова его идея о послѣдовательности формъ правленія. Вико возвращается, хотя и съ меньшей фантастичностью, къ древнимъ цикламъ (ricorsi), а Монтескьё говоритъ о сходствѣ цивилизацій, возникающихъ при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ; Шатобріанъ проводитъ пространную параллель между революціями французской и англійской, основанную,—какъ и обобщеніе Монтескьё,—на самыхъ поверхностныхъ и натянутыхъ сближеніяхъ. Другіе строили безплодныя аналогіи, напримѣръ, находя сходства между „геніемъ“ пуническимъ и „геніемъ“ англійскимъ, между Англіей и Римомъ. Дальнѣйшій образчикъ такихъ массовыхъ обобщеній мы видимъ въ знаменитой тріадѣ Гегеля и, на-

конецъ, въ теоріяхъ новѣйшихъ эволюціонистовъ-спенсеріанцевъ. Эти послѣдніе,—говоритъ Тардъ,—имѣли смѣлость дать общіе законы для образованія и преобразованій правовыхъ отношеній, семьи и собственности, языковъ, религіи и торговли, изящныхъ искусствъ и пр., законы, приговаривающіе общества вѣчно брести, въ своемъ поступательномъ движеніи, по однимъ и тѣмъ же тропинкамъ „послѣдовательныхъ стадій", предначертанныхъ совершенно произвольно и различныхъ для каждой теоріи. Въ частности, у Спенсера весь міръ сложился изъ постепеннаго разростанія *различій* (дифференціацій) элементовъ сперва простыхъ и *однородныхъ*; увеличеніе различій или разнородности сопровождалось соподчиненностью (интеграціей). Самое же возникновеніе различій, по Спенсеру, произошло отъ того, что, несмотря на почти абсолютную однородность первичныхъ элементовъ, они все же не были абсолютно однородны и, кромѣ того, самое мѣсто, которое занималъ каждый изъ нихъ въ цѣломъ агрегатѣ, было не одинаково (одни лежали на поверхности, другіе въ центрѣ или глубинѣ агрегата). Въ результатѣ должно было получиться то, что силы, дѣйствовавшія извнѣ на агрегатъ, не могли, конечно, дѣйствовать абсолютно одинаково на всѣ его элементы: самое различіе разстояній, различіе положенія элемента внутри или снаружи должны были измѣнять дѣйствіе одной и той же силы. Въ результатѣ должны были появиться образованія различій между элементами, которыя все возрастали благодаря той же причинѣ и т. д.

Тардъ возражаетъ именно противъ этого пункта теоріи Спенсера. Онъ доказываетъ, что внѣшнія силы, хотя и могли иначе группировать элементы первичные тѣмъ способомъ, какой указанъ Спенсеромъ, однако одного этого недостаточно, чтобы образовались не одни количественныя различія, но и качественныя: какую новую группировку ни придавайте однородному веществу (напримѣръ, водороду, кислороду, кучѣ пуль или ядеръ и т. п.), получатся только количественныя различія, но не качественныя. Для полученія различій качественныхъ необходимо, чтобы соединяемые элементы были болѣе или менѣе разнородны: такъ, химическіе элементы, чтобы дать вещество, обладающее новыми свойствами, т.-е., отличающимися отъ свойствъ этихъ элементовъ, должны быть различны (кислородъ и водородъ). Цѣлымъ рядомъ подобныхъ соображеній Тардъ приходитъ къ гипотезѣ, состоящей въ томъ, что элементы, составлявшіе *первичныя массы, должны были обладать разнородностью, какъ бы извѣстной ин-*

дивидуальностью изначала [1]), а тѣ однообразія, какія мы замѣчаемъ въ природѣ и обществѣ теперь, явились сами результатомъ соподчиненія, кооперированія, сотрудничества этихъ разнородныхъ элементовъ, такъ сказать, сгладившихъ ихъ индивидуальныя особенности, приспособившія ихъ другъ къ другу, подобно камнямъ на днѣ моря. Тардъ выражаетъ эту мысль въ заключительной главѣ „Соціальныхъ законовъ" такъ: „Является непонятнымъ, какимъ образомъ, при гипотезѣ однородности вещества, которое отъ вѣчности подчинено нивеллирующей и координирующей дисциплинѣ законовъ, открываемыхъ наукой, могла бы существовать такая вселенная, какъ наша, съ поразительнымъ разнообразіемъ ея явленій, происшедшихъ спонтанно и непреднамѣренно. Что можетъ зародиться изъ совершенно подобныхъ и совершенно урегулированныхъ началъ, кромѣ міра вѣчно и необъятно безразличнаго (plat)?.. Моя теорія представляетъ вселенную какъ осуществленіе *множества элементарныхъ виртуальностей*, изъ которыхъ каждая своеобразна и стремится отстоять свою своеобразность или особенность. Значитъ, каждая несетъ въ себѣ свою особую вселенную въ возможности (какъ бы въ проектѣ). Безконечно огромное число этихъ „проектовъ" не развивается, а теряется. И именно между этими конкуррирующими „мечтами", между соперничающими „программами" (міра) завязывается великая борьба за жизнь, борьба гораздо бо́льшая, чѣмъ между живыми существами,—борьба, устраняющая менѣе приспособленныхъ. Такимъ образомъ, подпочва міра явленій и его чудесъ такъ же богата различіями, какъ и внѣшній верхній слой реальностей, но только различія эти совсѣмъ иного рода" [2]).

---

[1]) Я не нашелъ въ сочиненіяхъ Тарда ни одной ссылки на знаменитое сочиненіе Альфреда Уоллеса „Естественный подборъ". Этотъ геніальный біологъ, создавшій, одновременно съ Дарвиномъ и независимо отъ него, совершенно одинаковую теорію эволюціи, начинаетъ свою книгу именно съ доказательства, что для естественнаго подбора полезныхъ качествъ было необходимо безконечное разнообразіе первичныхъ элементовъ, то-есть, присутствіе у нихъ самыхъ различныхъ свойствъ: подбирались затѣмъ свойства нужныя для данной среды, а остальныя отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть. Далѣе онъ доказываетъ, что иначе и не могло быть по самому свойству вещества, которое естественно,—благодаря игрѣ природныхъ силъ,—даетъ и должно давать безконечное разнообразіе (нѣтъ двухъ капель воды абсолютно подобныхъ, нѣтъ двухъ звѣздочекъ снѣга или морознаго узора на окнѣ, которыя не представляли бы, при ближайшемъ изслѣдованіи, чрезвычайнаго разнообразія).

[2]) Необходимо добавить, что Тардъ замѣчаетъ тутъ же: „Впрочемъ, эта наброcанная мимоходомъ „метафизика" не имѣетъ большого значенія по отношенію къ

Здѣсь не мѣшаетъ, кстати, сказать нѣсколько словъ объ его общей теоріи прогресса, которую онъ опредѣленно и особенно ярко выяснилъ въ сочиненіи „Les transformations du droit“ и въ предисловіи къ „La logique sociale“. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій онъ доказываетъ, что идея спенсеріанцевъ о постепенномъ механическомъ саморазвитіи соціальныхъ формъ въ одномъ и томъ же направленіи не оправдывается фактами ни естественно-научными, ни соціально-историческими. Прогрессъ или, говоря его терминомъ, трансформація не представляетъ единства, такъ что было бы вѣрнѣе говорить во множественномъ числѣ: „трансформаціи“, какъ онъ и озаглавилъ свою книгу. Надо пояснить, что онъ борется въ этомъ сочиненіи не съ самими „изслѣдователями“ исторіи и археологіи права. Наоборотъ, онъ ставитъ высоко работы лингвистовъ, изслѣдователей миѳовъ, а также такія работы, какъ Мэна и другихъ, раскрывшихъ намъ прошедшее развитіе права египтянъ, ассиріянъ, семитовъ, германцевъ, славянъ и пр. Не эти изслѣдованія породили скороспѣлую школу съ торопливыми объясненіями, имѣющими только по внѣшности научный характеръ, а именно то, что, къ несчастію,—говоритъ онъ,—исторія и археологія всего менѣе озабочиваютъ послѣдователей Спенсера, работающихъ въ области права: они, примѣняя къ ней какую-нибудь общую формулу эволюціи,—этотъ магическій ключъ отъ всей вселенной,—считаютъ объясненіемъ то, что есть лишь чистое и простое примѣненіе“. Переходя затѣмъ къ злоупотребленію этой школой нѣсколькими мало провѣренными данными относительно дикарей, онъ продолжаетъ: „безъ малѣйшей тѣни доказательствъ,—если не считать доказательствами поверхностныхъ наблюденій,—эволюціонисты добились полнаго довѣрія къ апріорной идеѣ, что примитивное общественное состояніе (или точка отправленія предполагаемаго прогресса) одинаково у всѣхъ дикарей. Между тѣмъ, нѣтъ возможности закрывать глаза на глубокія несходства, представляемыя теперешними дикарями, даже самыми низшими: словесные корни, грамматическіе обороты ихъ языковъ, ихъ обряды и вѣрованія, зародыши ихъ деспотическаго или патріархальнаго управленія, ихъ мирные или воинственные нравы,—то кроткіе, то кровожадные, то честные, то развращенные,—ихъ музыкальныя мелодіи, зародыши ихъ живописи—различны

всему, что изложено выше (въ книгѣ „Соціальные законы“); я сказалъ объ этой гипотезѣ только въ скобкахъ и замѣчу, что если даже ее отбросить, то болѣе солидныя и позитивныя размышленія, содержащіяся въ моей книгѣ, останутся въ своей силѣ“.

вполнѣ и во всемъ". Если же эволюціонисты замѣчають эти несходства, то они ихъ объясняютъ *различными ступенями развитія;* наоборотъ, сходства объявляютъ продуктами самостоятельнаго и спонтаннаго развитія, не дѣлая ни малѣйшей попытки провѣрить, не образовались ли иногда [1]) эти сходства путемъ столкновеній и заимствованій, такъ что вовсе не обязаны „пресловутой формулѣ единой и необходимой эволюціи". Нѣсколько далѣе Тардъ говоритъ, что цѣль его книги — „набросать или указать основныя черты эволюціи права, понимаемой, какъ высшая и сложная работа соціальной логики". То-есть, не самое понятіе эволюціи отвергаетъ онъ, а приписываемое эволюціи механическое, спонтанное, всюду одинаковое и вездѣ неизбѣжное теченіе. „Поглощенные своей idée fixe,—говоритъ онъ,—эволюціонисты должны неизбѣжно, подъ ея вліяніемъ, во-1-хъ, преувеличивать число и значеніе случаевъ совпаденія явленій права въ разныхъ мѣстахъ; во-2-хъ, они должны относить эти сходства,—вѣрныя или ошибочныя,—къ спонтанному процессу эволюціи, не пытаясь объяснить нѣкоторую законную часть ихъ подражаніемъ и заимствованіемъ".

Мы не будемъ приводить здѣсь тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя выставляетъ Тардъ въ защиту своего положенія, разбирая сперва трансформаціи уголовнаго права, затѣмъ процессуальной стороны, далѣе—юридическаго положенія личности,—въ томъ числѣ различныя формы семьи, брака,—въ концѣ концовъ права собственности и права по обязательствамъ. Какъ и во всѣхъ своихъ работахъ, онъ проявляетъ здѣсь обширную начитанность въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія и особенно въ юридической. Между прочимъ, въ III-й главѣ (Régime des Personnes), онъ набрасываетъ очеркъ происхожденія и развитія дворянства, представляющій блестящій образчикъ полноты и въ то же время сжатости. Общій выводъ изъ всего матеріала, собраннаго имъ, тотъ, что *жизнь человѣка пробуетъ всѣ пути, какіе только можно вообразить себѣ; поэтому разнообразіе эволюцій почти безконечно.* Если мы видимъ и однообразія, то они обязаны, главнымъ образомъ, подражаніямъ, сперва въ предѣлахъ племени, а затѣмъ и внѣ его.

Въ частности изслѣдованіе эволюціи собственности приводитъ Тарда къ выводу, что „двѣ основныя причины заставляли режимъ собственности измѣняться (все равно—была ли то соб-

[1]) Тардъ не отрицаетъ возможности появленія сходствъ и помимо подражанія, подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій, но такъ какъ одинаковыя совершенно условія рѣдки, то такіе случаи—исключеніе, а не правило.

ственность коллективная или личная): 1) прогрессъ изобрѣтеній и 2) прогрессъ подражательности среди людей"... „Пропорція и характеръ этихъ двухъ причинъ обусловливали разнообразіе формъ собственности"... „Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго,— спрашиваетъ онъ въ заключеніе,—необходимость всеобщей однообразной эволюціи собственности? *Да, но лишь по мѣрѣ того, насколько необходимо расширеніе соціальныхъ группъ въ силу закона подражательности, и насколько прогрессъ изобрѣтательности усиливается въ извѣстномъ направленіи, смутно опредѣляющемся потребностями организма и законами человѣческаго ума въ борьбѣ съ внѣшними силами*".

Итакъ, по теоріи Тарда, „правовая, религіозная, политическая, экономическая, художественная и моральная эволюціи представляютъ не одинъ путь, а цѣлую сѣть путей со множествомъ скрещиваній". Доказать это помогли тѣ „настоящіе работники соціологіи", къ которымъ Тардъ причисляетъ, какъ я уже сказалъ, изслѣдователей древняго права, многихъ лингвистовъ, нѣкоторыхъ экономистовъ... Правда, когда эти изслѣдователи пытались дѣлать обобщенія изъ открываемыхъ ими болѣе детальныхъ и истинныхъ подобій, возводя свои обобщенія въ „законы", послѣдніе были весьма несовершенны; но это зависѣло отъ торопливости выводовъ, сдѣланныхъ раньше того момента, когда удалось выдѣлить изъ массы частичныхъ истинъ заключающуюся въ нихъ общую истину, то-есть, „элементарный соціальный фактъ", который соціологія искала ощупью,—фактъ, отысканный теперь,—по мнѣнію Тарда,—имъ самимъ, и безъ котораго невозможенъ расцвѣтъ этой науки.

Перейдемъ теперь ко второй сторонѣ явленій, открываемой науками,—къ противоположенію.

V.

Противоположеніе.

Начнемъ съ опредѣленія того, что̀ Тардъ называетъ противоположеніемъ. Обыкновенно это слово употребляется въ смыслѣ максимума различія двухъ вещей или положеній, но это невѣрно: на самомъ дѣлѣ, „противоположеніе есть особый видъ повторенія двухъ подобныхъ вещей, способныхъ уничтожить другъ друга взаимно, въ силу этого самаго подобія". Противоположенія всегда образуютъ пары, которыя противополагаются не какъ существа или группы существъ, а какъ *стремленія* или силы.

Значитъ, всякое дѣйствительное противоположеніе предполагаетъ соотношеніе между *двумя* силами, *двумя* стремленіями или направленіями.

Прогрессъ науки, при опредѣленіи противоположеній, состоялъ въ томъ, что *кажущіяся* противоположенія постепенно обнаруживались и замѣнялись болѣе скрытыми и дѣйствительными. Такъ, сперва казались противоположностями земля и небо, день и ночь, затѣмъ болѣе глубокія и дѣйствительныя, но еще смутно понимаемыя, почти всегда субъективныя и поверхностныя, напримѣръ, зенитъ и надиръ, четыре главныхъ пункта свѣта; соединенные по два: сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, зима и лѣто, весна и осень, утро и вечеръ и т. п. Хотя эти противоположенія и сохранились отчасти въ наукѣ, но они утратили теперь свое прежнее значеніе: напримѣръ, для насъ западъ есть просто средство оріентироваться (по полярной звѣздѣ), а для первобытнаго человѣка, это—мѣсто посмертнаго блаженства, пребыванія душъ. Фазы луны для первобытной мысли соединялись съ различными воображаемыми серьезными послѣдствіями и т. п. Открытіе эллиптическаго, параболическаго или гиперболическаго свойства кривыхъ, описываемыхъ небесными тѣлами, показало симметрію двухъ половинъ каждой изъ этихъ кривыхъ, попеременное увеличеніе и уменьшеніе ихъ эллиптичности, ихъ возмущенія, которыя суть не что иное, какъ повторенія тѣхъ же кривыхъ въ предѣлахъ одной и той же системы, и т. д. Все это привело къ открытію общей и вѣчной астрономической антитезы, служащей основаніемъ всему остальному: это — равенство силы притяженія, которому подвержена каждая единица массы или молекула, съ той силой притяженія, которую она сама проявляетъ. Наилучшая иллюстрація къ міровому противоположенію есть законъ механики, что дѣйствіе равно и противоположно противодѣйствію.

Подобно астрономіи, физика и химія начали съ псевдоконтрастовъ: четыре стихіи — вода и огонь, земля и воздухъ и приписываемыя имъ врожденныя антипатіи, пустота и наполненность; болѣе здравыя понятія противополагаютъ уже кислоты и основанія, полярности электричества и свѣта. Область противоположеній, какъ мы видимъ, становится шире и глубже, и неясныя качественныя противоположенія замѣняются количественными, поддающимися точному опредѣленію.

Ритмичность этихъ противоположеній сообщаетъ имъ еще бо́льшую точность: таковъ, напримѣръ, законъ Менделѣева, гдѣ группы химическихъ элементовъ образуютъ ряды какъ бы чередующихся и повторяющихся гаммъ, клавіатуру, въ которой из-

рѣдка недостаетъ тамъ и самъ какой-нибудь клавиши, хотя и эти недостающія клавиши постепенно отыскиваются.

Но чѣмъ больше и точнѣе опредѣлялись истинныя противоположенія, симметричности и ритмы, тѣмъ яснѣе выступали несимметричности и аритмичности, повсюду находимыя въ природѣ: возьмемъ хотя бы картину звѣзднаго неба или млечнаго пути. Послѣднія изслѣдованія открыли даже диссимметріи въ кристаллахъ, казавшихся идеалами геометрической правильности. Если сравнить новѣйшее представленіе о вселенной (съ этой точки зрѣнія) съ представленіемъ древнихъ, когда до такой степени вѣрили въ симметрію и неизбѣжное противоположеніе всѣхъ явленій, что придумали даже противоположную землѣ планету (антихтонъ), то не трудно понять, какъ недалеки отъ древнихъ недоразумѣній и тѣ новѣйшія теоріи эволюціи, которыя стремятся втиснуть вселенную,—со всѣмъ ея разнообразіемъ безконечныхъ способовъ или путей развитія,—въ рамку одного ритмическаго процесса,—напримѣръ, постепенно возрастающихъ *различій* (дифференціацій), смѣняющихъ и дополняющихъ другъ друга. Такіе процессы несомнѣнно существуютъ, но они со своей правильностью представляютъ уже плоды другихъ процессовъ, плоды противоположеній, *приспособившихся уже другъ къ другу*, гармонизированныхъ,—какъ увидимъ далѣе при изложеніи третьяго изъ ключей науки,—„приспособленія“.

А теперь возвратимся къ „противоположенію“.

Развитіе понятій о немъ шло и въ біологіи тѣмъ же процессомъ, какой мы сейчасъ видѣли въ астрономіи: и здѣсь сначала замѣтили внѣшнія и поверхностныя противоположенія,—напримѣръ, симметричность животныхъ организмовъ. Однако, по мѣрѣ развитія науки, даже эта очевидная симметричность была отброшена: не только среди низшихъ животныхъ оказались организмы не симметричные, но даже головной мозгъ человѣка, при болѣе глубокомъ его изслѣдованіи, представилъ картину локализацій, напримѣръ, центровъ рѣчи, расположенныхъ въ одномъ полушаріи и отсутствующихъ въ другомъ. Точно такъ же древнія противоположенія,—напримѣръ, растеній ядовитыхъ и неядовитыхъ, животныхъ чистыхъ и нечистыхъ, возводившіяся въ законъ объективный (иногда даже религіозный), оказались чисто-субъективными противоположеніями, не имѣющими никакого объективнаго значенія. Древняя патологія противополагала здоровье и болѣзнь, какъ нѣчто объективное (откуда возникла и гомеопатія); теперь въ патологическихъ явленіяхъ видятъ только отклоненіе, а не противоположность нормальнымъ. Старость счита-

лась у древнихъ процессомъ возвращенія къ дѣтству,—то-есть, явленіемъ ритмичнымъ; новѣйшія открытія, хотя бы Мечникова, а еще болѣе открытіе эмбріологической повторяемости (въ зародышѣ) типовъ развитія показали, что древній взглядъ былъ иллюзіей. Исчезло и сравнительно недавнее убѣжденіе о противоположности растеній и животныхъ, и т. д.

Но рядомъ съ этимъ открывались дѣйствительныя противоположенія, и они оказывались всѣ безконечно малыми и въ то же время безчисленными: таково, напримѣръ, окисленіе и раскисленіе каждой клѣточки, накопленіе и расходованіе силы. И, одновременно съ этими истинными противоположеніями, открывались новыя диссимметріи; мы уже упомянули о диссимметріи головного мозга: она обнаружилась только при углубленіи изслѣдованій въ элементы организма, то-есть, въ мозговыя клѣтки. Не будемъ приводить другихъ примѣровъ изъ біологіи и перейдемъ къ соціологическимъ противоположеніямъ.

Миѳологію можно считать до извѣстной степени древнѣйшей соціологіей. И вотъ, мы видимъ, что она объясняла общественныя явленія фантастической и гигантской борьбой между богами добрыми и злыми, покровителями свѣта и тьмы (Ормуздъ и Ариманъ), героями и чудовищами, демонами и ангелами. Метафизика продолжала создавать столь же фантастическія противоположенія: у Гегеля народы являются выразителями взаимно противоположныхъ и борящихся идей,—у Кузена Греція противополагается Востоку; позднѣе Востокъ противополагается Западу, какъ воплощеніе неподвижности, что̀ теперь фактически опровергла Японія. Наконецъ, экономисты видѣли весь смыслъ экономическихъ явленій въ противоположеніяхъ конкурренціи, въ борьбѣ классовыхъ интересовъ. Нельзя отрицать этихъ противоположеній, но открытіе ихъ было шагомъ къ обнаруженію тѣхъ элементарныхъ и количественно безконечныхъ противоположеній, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ остальныхъ, а именно—конкурренцію „увѣренностей" (вѣръ) и „желаній", о которыхъ мы говорили выше.

„Если распространить, путемъ обобщенія, эту борьбу,—говоритъ Тардъ,—на всѣ формы соціальной жизни—лингвистическую, религіозную, политическую, художественную, моральную и промышленную, то окажется, что настоящее элементарное, соціальное противоположеніе надо искать въ *каждомъ* соціальномъ индивидуумѣ, когда онъ колеблется принять или отвергнуть представляющійся ему новый образецъ, новое выраженіе, новый обычай, новую идею или художественную школу или поступокъ. Это колебаніе, эта маленькая борьба, которая воспро-

изводится въ милліонахъ экземпляровъ, въ каждый данный моментъ жизни народа, это и есть *безконечно малое противоположеніе*, безконечно плодотворное въ исторіи. Введеніе его въ соціологію произведетъ въ ней глубокій переворотъ".

Выше было уже сказано, что на противоположенія Тардъ смотритъ, какъ на переходныя состоянія къ приспособленію или гармоніи явленій. Поэтому противоположенія являются какъ бы средними частями силлогизма, и въ этомъ-то заключается ихъ важное практическое значеніе.

Прежде всего необходимо замѣтить, что съ раскрытіемъ тѣхъ элементарныхъ противоположеній, о которыхъ говорилось сейчасъ, обнаружились и скрытыя, не замѣченныя до сихъ поръ диссимметріи и асимметріи. Одной изъ важнѣйшихъ является „необратимость" нѣкоторыхъ процессовъ соціальной жизни, тогда какъ прежде всѣ ея процессы казались „обратимыми", то-есть способными повторяться, возвращаться. Такъ, напримѣръ, у научныхъ и промышленныхъ открытій нѣтъ обратнаго направленія; точно такъ же особенности генія какого-нибудь индивидуума представляютъ необратимый соціальный фактъ. Но такъ какъ то, что называли прежде „геніемъ народа" или языка, или религіи, есть лишь коллективное и сокращенное выраженіе этихъ индивидуальныхъ особенностей, то эти соціальные факты не обратимы, или, говоря проще, они не имѣютъ своихъ симметричныхъ противоположеній, въ которыя могли бы переходить ритмически, чтобы появиться снова. Далѣе такія противоположенія, какъ расовыя, или противоположенія двухъ религій (христіанства и ислама), двухъ семействъ языковъ, двухъ формъ правленія (монархіи и республики), будутъ вѣрны только отчасти, то-есть, когда мы будемъ разсматривать тѣ ихъ стороны, которыми онѣ въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе преходящихъ обстоятельствахъ,—однѣ утверждаютъ, въ то время, какъ другія отрицаютъ одну и ту же идею, или однѣ стремятся, а другія противодѣйствуютъ одной и той же цѣли. Но если эти контрасты считать чѣмъ-то существеннымъ, абсолютнымъ, врожденнымъ, то подобный взглядъ есть химера.

Ранѣе мы уже сказали, что противоположеніе не есть крайняя степень противоположности, а особый видъ „повторенія" двухъ подобныхъ вещей, способныхъ взаимно уничтожать другъ друга въ силу ихъ подобія, и что дѣйствительныя противоположенія предполагаютъ отношеніе между двумя силами, стремленіями, направленіями. Но явленія, въ которыхъ эти силы обнаруживаются, могутъ быть двухъ родовъ: если, напримѣръ, противоположеніе состоитъ въ повышеніи или паденіи курса на биржѣ

или числа преступленій извѣстнаго сорта и т. д., то въ этомъ случаѣ противоположенія будутъ только количественными. Какъ легко замѣтить, такія противоположенія имѣютъ мѣсто между фазами „однородными" какого-нибудь процесса. Но если фазы процесса разнородны, какъ, напримѣръ, въ процессѣ эволюціи, когда новая фаза даетъ измѣненное, новое явленіе, то противоположеніе будетъ качественное. Прежняя наука находила преимущественно качественныя противоположенія, образцы которыхъ мы видѣли сейчасъ. Новѣйшая наука, наоборотъ, сводитъ или стремится свести качественные контрасты къ количественнымъ, поддающимся точному статистическому выраженію. Но важнѣе ихъ всѣхъ является различеніе еще одного контраста, которое Тардъ называетъ противоположеніемъ по знаку (плюсу или минусу), контраста между „положительнымъ" и „отрицательнымъ" или діаметральныя противоположенія, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ количественными степенями (больше или меньше) или пониженіями и повышеніями, выражаемыми статистически (пониженія и повышенія курса, спроса и предложенія, числа браковъ и т. п.). Для соціальной логики это различіе весьма важно въ томъ отношеніи, что процессы, при помощи которыхъ возрастаетъ или падаетъ какое-нибудь общественное „желаніе" или „увѣренность", принадлежатъ къ совершенно другой категоріи процессовъ, чѣмъ процессы, обусловленные діаметральными противоположеніями (желаніемъ и отвращеніемъ, вѣрою въ идею и полнымъ отрицаніемъ ея и т. п.). Даже въ обыденномъ языкѣ эти „элементарныя единицы" (желаніе и вѣра) имѣютъ спеціальные термины для выраженія положительнаго или отрицательнаго своего значенія (желаніе—отвращеніе, вѣра—отрицаніе), почему ихъ и можно сравнивать, въ этомъ отношеніи, съ объективными количествами, съ механическими силами, находящимися на одной прямой и направленными въ противоположныя стороны. Подобно тому, какъ пространство представляетъ безграничное поле для совмѣщенія безчисленнаго множества „паръ направленій", противоположныхъ другъ другу, и наше сознаніе устроено такъ, что допускаетъ по отношенію къ одному и тому же предмету массу утвержденій, противопоставляемыхъ отрицаніямъ, и множество желаній, противопоставляемыхъ отвращеніямъ. „Безъ этого двойного свойства вселенная не знала бы борьбы и противорѣчія, и вся трагическая сторона судьбы была бы невозможна и даже невообразима".

Опредѣливъ три сорта противоположеній (ряда, степени и знака), необходимо отмѣтить, что всѣ они могутъ имѣть мѣсто или въ одномъ и томъ же существѣ (будетъ ли то молекула или

цѣлый организмъ, или человѣческое „я“), или же въ двухъ разныхъ существахъ (въ двухъ молекулахъ, въ двухъ организмахъ, двухъ „я“, т.-е. человѣческихъ сознаніяхъ). Кромѣ того, противоположенія могутъ быть *одновременными*, и тогда будетъ *столкновеніе*, *борьба*, *равновѣсіе* или *разрушеніе* и *потеря силы;* могутъ они быть *послѣдовательными*, и въ этомъ случаѣ получится *чередованіе*, *ритмъ*. Такъ какъ противоположенія „ряда“ и „степени“ (напримѣръ, новая форма, явившаяся плодомъ эволюціи, увеличеніе или уменьшеніе быстроты движущагося тѣла) могутъ быть въ отдѣльномъ предметѣ или умѣ только послѣдовательными, то очевидно, что „одновременныя“ противоположенія возможны здѣсь только въ противоположеніяхъ „діаметральныхъ“ (напримѣръ, одно и то же тѣло не можетъ двигаться одновременно и быстрѣе и медленнѣе, не можетъ сразу подниматься и падать, отцвѣтать и расцвѣтать, но на него могутъ *одновременно* дѣйствовать двѣ силы въ противоположномъ направленіи, что приводитъ къ равновѣсію, часто выражающемуся въ симметріи, напримѣръ, кристалловъ; или, другой примѣръ: любовь мужчины къ женщинѣ не можетъ въ одинъ и тотъ же моментъ времени возрастать и падать, но извѣстны трагическіе случаи, вытекавшіе изъ одновременнаго существованія въ одномъ умѣ и любви и отвращенія [1]) или ненависти къ женщинѣ (Отелло, Гамлетъ въ его отношеніяхъ къ Офеліи и матери). Совершенно иное мы видимъ въ двухъ различныхъ умахъ (то-есть, въ интеръ-мозговой психологіи): всѣ три ряда противоположеній могутъ быть здѣсь и одновременными, и послѣдовательными вмѣстѣ. Такъ честолюбіе или вѣра могутъ у одного усиливаться въ то время, какъ у другого они ослабляются; въ одномъ и томъ же умѣ такое усиленіе или ослабленіе возможно только попеременно, какъ и ускореніе движенія или его замедленіе у одного и того же тѣла; между тѣмъ, въ отношеніяхъ двухъ тѣлъ, напримѣръ, двухъ планетъ, возможно, конечно, замедленіе одного одновременно съ ускореніемъ другого. Не входя въ дальнѣйшія подробности этихъ различій между противоположеніями трехъ родовъ, замѣтимъ только, что противоположенія могутъ быть или внѣшними, когда они происходитъ между двумя или болѣе умами, или они могутъ быть внутренними, когда происходятъ въ одномъ и томъ же умѣ. Важно въ этомъ положеніи для соціологіи то,

---

[1]) Одновременное нахожденіе въ одномъ и томъ же умѣ двухъ *діаметрально противоположныхъ направленій* возможно и въ области вѣры: напримѣръ, вѣра въ какой-нибудь религіозный догматъ или обрядъ можетъ парализоваться проникновеніемъ въ тотъ же умъ отрицательнаго отношенія къ нему общества; новая идея, вызывающая умственное согласіе, парализуется предразсудкомъ среды и т. п.

что *ни одно внѣшнее противоположеніе не можетъ явиться безъ существованія противоположеній внутреннихъ:* эти послѣднія являются существеннымъ условіемъ первыхъ. Это относится ко всѣмъ родамъ противоположеній. Возьмемъ противоположенія „ряда" (качественныя противоположенія развитія): если какая-нибудь группа людей идетъ въ своемъ развитіи, положимъ, отъ идеализма къ позитивизму, тогда какъ другая наоборотъ, то это противоположеніе „ряда" въ группахъ можетъ имѣть мѣсто только потому, что каждый отдѣльный умъ въ той и другой группѣ можетъ идти въ томъ или иномъ направленіи. Возьмемъ противоположеніе „степени" (усиленія или ослабленія—увѣренности и желаній): если въ одной группѣ вѣра въ какіе-нибудь догматы или общественныя формы растетъ въ то время, какъ въ другой группѣ она ослабляется, то, очевидно, это возможно только потому, что каждый изъ членовъ обѣихъ группъ можетъ испытывать, подъ вліяніемъ условій, о которыхъ рѣчь будетъ особо, ослабленіе или усиленіе этой вѣры. Совершенно тѣмъ же путемъ доказывается и индивидуальная почва групповыхъ желаній. И тѣмъ же путемъ можно показать, что противоположенія знака (діаметральныя противоположенія), напримѣръ, когда двѣ противныя партіи, политическія или религіозныя, съ одной стороны отрицаютъ, а съ другой — защищаютъ какое-нибудь положеніе, возможны лишь потому, что каждый индивидуумъ можетъ перейти отъ положенія къ отрицанію и обратно. Внѣшняя борьба возможна только тогда, когда кончились внутреннія колебанія въ индивидуумѣ. Однако этого еще недостаточно, чтобы началась борьба: необходимо, чтобы индивидуумъ или группа, придя къ рѣшенію, знали, что есть другой или другіе индивидуумы, пришедшіе къ противоположному рѣшенію, стоящему на дорогѣ у перваго и мѣшающему (напримѣръ, въ промышленности борьба за желаніе пріобрѣсти или продать одинъ и тотъ же продуктъ, или—въ идеяхъ, борьба за утвержденія и вѣрованія, которымъ противорѣчатъ другія идеи или вѣрованія).

Однако, и колебанія индивидуума могутъ стать соціальными, когда они становятся извѣстными окружающимъ и вызываютъ въ нихъ также колебанія и сомнѣнія, вмѣсто прежней увѣренности.

Тутъ возникаетъ вопросъ, имѣющій чрезвычайно важное практическое значеніе: чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе, той ли сомнительной тишинѣ, которая царитъ въ обществѣ съ колеблющимися и неувѣренными въ существенныхъ истинахъ индивидуумами, или борьбѣ, явившейся результатомъ противоположныхъ, но увѣренныхъ рѣшеній? Съ этимъ труднымъ вопросомъ связанъ другой—о преимуществахъ въ отношеніяхъ международныхъ войны

или плохого мира, образчикомъ котораго является даже не миръ вооруженный, а полная неопредѣленность и неустойчивость отношеній между двумя націями, не рѣшившими внутри себя этихъ отношеній. Несомнѣнно, что личныя сомнѣнія и колебанія отнимаютъ у человѣка волю дѣйствовать рѣшительно и энергически преслѣдовать свои цѣли. Въ общей суммѣ соціальной „вѣры", а стало быть и силы всякаго рода, является, конечно, огромное пониженіе, и общество, охваченное сомнѣніями и скептицизмомъ, представляетъ нѣчто больное и безсильное, сравнительно съ обществомъ, гдѣ хотя и происходитъ борьба между партіями, но каждый знаетъ, что̀ ему дѣлать, что̀ защищать. При существованіи въ обществѣ свободы слова и печати представляется выходъ въ возможности болѣе прочныхъ примиреній, гармоній или синтезовъ между борящимися идеями и желаніями, такъ какъ возрастаетъ возможность узнать основанія чужихъ мнѣній и намѣреній, приспособиться къ нимъ или приспособить ихъ къ своимъ вѣрованіямъ, чтобы затѣмъ подняться къ новому высшему противорѣчію и новой высшей гармоніи. Дѣло не въ томъ, чтобы не было борьбы. Нѣтъ, борьба есть одно изъ условій творчества, тогда какъ миръ, полный сомнѣній, есть источникъ застоя. Дѣло въ томъ, чтобы новыя формы борьбы были все мягче и человѣчнѣе. И этотъ прогрессъ самой борьбы постоянно совершается, по мѣрѣ примиренія рѣзкихъ противорѣчій и открытія, надъ этими примиренными противорѣчіями, новыхъ, болѣе мягкихъ. Борьба началась, какъ и все, безчисленными мелкими противорѣчіями: враждовала каждая деревня, а внутри ея чуть не каждая семья, пока цѣлымъ рядомъ примиреній этихъ противорѣчій, примиреній иногда страшно кровавыхъ, не приходили къ менѣе обостренной и менѣе постоянной борьбѣ обширныхъ группъ. Такъ какъ возникновеніе гармоній тѣмъ возможнѣе, чѣмъ легче пониманіе другъ друга, т.-е., чѣмъ свободнѣе слово, то ясно, что страшна борьба темная, не могущая выясниться при свѣтѣ дня, а потому затягивающаяся безъ конца и принимающая самыя ужасныя формы.

За исключеніемъ этихъ случаевъ, борьба, какъ мы сказали, развиваетъ все болѣе мягкія формы, и совершается это двумя путями, тѣсно связанными другъ съ другомъ: во-1-хъ, объединеніемъ единицъ въ группы, затѣмъ мелкихъ группъ въ большія и т. д. Сравните, напр., борьбу множества мелкихъ религіозныхъ сектъ съ борьбой нѣсколькихъ великихъ религій, образовавшихся путемъ аггрегаціи мелкихъ сектъ. Во-2-хъ, умиротвореніе происходитъ въ самомъ чувствѣ (и идеяхъ). Оно происходитъ уже по тому одному, что большія группы,—какъ

доказываетъ и Спенсеръ, — не могутъ имѣть той жгучей ненависти другъ къ другу, какая существуетъ между близкими сосѣдями, гдѣ вражда принимаетъ почти личный характеръ. Война переживаетъ, какъ и все, свою эволюцію, и ея формы обѣщаютъ ея совершенное превращеніе. Вотъ что говоритъ объ этомъ Тардъ:

„Факты относительно войны шли въ порядкѣ постепеннаго замиренія мелкихъ группъ, которое совершалось уже однимъ тѣмъ, что онѣ сливались въ все бо̀льшія группы при посредствѣ той же войны: „Войны, продолжаясь, расширяли поле мира“. Послѣ ряда завоеваній всѣ великія имперіи міра переживали нѣкоторый періодъ отдыха и мечтали о всемірномъ умиротвореніи, какъ конечной цѣли самихъ войнъ, начинаемыхъ ими. Но обаятельный предѣлъ, какъ только онъ казался достигнутымъ, снова и снова отодвигался, потому что „міръ оказывался больше, чѣмъ думали“, то-есть, возникали новые, дотолѣ невѣдомые или презираемые за мнимую слабость сосѣди, быть можетъ и дѣйствительно слабые до поры до времени, но которые неожиданно оказывались смѣлыми и сильными противниками: война возникала опять, иногда не только неожиданная, но и не желаемая. Однако, эти случаи не могутъ возникать безконечно: земной шаръ не безконеченъ, а знакомство съ сосѣдями становится все полнѣе и точнѣе у культурныхъ народовъ. Какъ показалъ Левъ Мечниковъ, цивилизація была сперва „рѣчной“, то-есть устанавливала мирныя сношенія сначала по большимъ рѣкамъ, затѣмъ она стала расширяться на моря (вокругъ Средиземнаго моря), а въ наше время объединеніе идетъ и на океанахъ, то-есть, мирныя отношенія приближаются къ своей окончательной формѣ „планетныхъ“, охватывающихъ всю землю. Въ этой постепенности право смѣняло силу, и теперешнее международное право не есть уже результатъ договора между двумя или тремя націями, а охватываетъ, дѣйствительно, весь почти земной шаръ.

Ослабленіе и даже прекращеніе войны не уничтожитъ, конечно, борьбы, но эта послѣдняя принимаетъ новыя и смягченныя формы. Одна изъ этихъ формъ, извѣстная подъ именемъ *конкурренціи*, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ подтверждаетъ своей исторіей мысль о постепенномъ смягченіи и примиреніи борьбы не только вообще, но и въ каждой вновь появляющейся формѣ ея. И мало этого: развитіе идетъ и здѣсь путемъ примиренія сперва мелкихъ противоположеній, а уже на почвѣ возникающихъ отсюда мелкихъ гармоній строются новыя, болѣе широкія противоположенія, идущія въ свою очередь къ

установленію еще болѣе широкихъ и общихъ гармоній (приспособленій). Промышленное противоположеніе возможно: 1) между потребителями (желающими купить одну и ту же вещь); 2) продавцами (одной и той же вещи) и 3) потребителями и продавцами (первые желаютъ купить дешевле, вторые продать дороже). Но изъ этого ясно, что это противоположеніе есть явленіе временное, *не* необходимое. Конкурренція между потребителями возможна тогда, когда спросъ на продуктъ больше, чѣмъ его предложеніе. Конкурренція между продавцами есть результатъ перепроизводства. Наконецъ, противоположеніе желаній—продать дороже и купить дешевле—всегда приходитъ къ примиренію на какой-нибудь цѣнѣ, способной удовлетворить обѣ стороны. Первыя противоположенія всѣхъ трехъ родовъ начинаются на маленькихъ мѣстныхъ рынкахъ, въ маленькихъ личныхъ производствахъ и обмѣнахъ. Цѣны на продукты въ это время еще опредѣляются мѣстными условіями, и отношеніями. Но мало-помалу, съ обобществленіемъ производствъ, посредствомъ ихъ централизаціи на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ, цѣны устанавливаются для болѣе широкихъ районовъ. Конкурренція между продавцами заставляетъ ихъ понижать цѣны или искать способовъ удешевленія производства, и выгоды, получаемыя и отъ того и отъ другого потребителями, уравновѣшиваютъ невыгоды производителей. Но эти послѣдніе ищутъ способовъ къ ихъ уравновѣшенію и другимъ путемъ: образуются союзы промышленниковъ, синдикаты, тресты, т.-е. монополизированіе союзниками—производства, сбыта и установленія цѣнъ. Но противъ этой ассоціаціи является ассоціація потребителей, возникаютъ потребительныя товарищества, коопераціи, союзы и производительные и потребительные. Еще ранѣе города и націи стремятся гармонизировать всѣ эти противоположенія установленіемъ цѣнъ (на хлѣбъ, мясо), ввозныхъ и вывозныхъ тарифовъ, и т. д. Еще одинъ видъ противоположенія — *предложеніе труда* и *покупка труда*, обостряющіяся въ тяжелый соціальный вопросъ, начинаютъ искать примиренія въ союзахъ рабочихъ (trade-unions), въ забастовкахъ, сопротивляющихся пониженію заработной платы. Наконецъ, путемъ всѣхъ этихъ ассоціацій, сперва мелкихъ, затѣмъ разрастающихся до явленія національнаго и даже международнаго, выясняется въ умахъ идея, написанная на знамени эпохи, *идея всеобщей ассоціаціи интересовъ*.

Есть и еще другая форма соціальной борьбы, это—споръ, но уже не споръ съ пролитіемъ крови, какъ война, и не съ разрушеніемъ благосостояній, какъ промышленная борьба, а споръ *словесный*. Чтобы былъ возможенъ споръ между двумя индиви-

думами (а съ этого и начинается его эволюція), необходимо, чтобы каждый изъ нихъ покончилъ тотъ внутренній споръ, который происходилъ въ его мозгу, и пришелъ къ выводу противоположному съ выводомъ другого. Затѣмъ единичные споры могутъ становиться спорами группъ, сектъ, направленій—политическихъ, научныхъ, философскихъ,—могутъ принимать форму печатнаго или письменнаго спора, но во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо, чтобы сперва онъ былъ оконченъ хотя относительнымъ и временнымъ согласіемъ каждаго изъ членовъ одной группы съ другими членами той же группы. Сперва эти группы малы, затѣмъ постепенно расширяются: возьмите исторію какой-нибудь міровой религіи, напр., католицизма, охватившаго милліоны умовъ послѣ вѣковой внутренней борьбы и споровъ: пренія въ первое время были горячія, доходившія до кровопролитій; затѣмъ шло раздѣленіе или соглашеніе болѣе обширныхъ массъ на какомъ-нибудь „кредо“, причемъ новая борьба была болѣе экстенсивной, но менѣе интенсивной. Хотя это достигалось не сразу, однако, споры рѣшались уже не такъ, какъ прежде,—не войной, а соборами мѣстными, національными, наконецъ — вселенскими. Наука и философія внесли затѣмъ вѣротерпимость.

Можно прослѣдить тотъ же процессъ въ образованіи и объединеніи языковъ, въ борьбѣ между діалектами, провинціализмами и т. п., въ борьбѣ юридической, объединявшей мѣстныя правовыя обычныя нормы въ національныя и, наконецъ,—универсальныя. Тотъ же процессъ происходилъ и въ научномъ объединеніи, и въ искусствѣ, и вездѣ какая-нибудь идея, пріемъ, открытіе созрѣваютъ въ индивидуальномъ мозгу путемъ указаннымъ выше, то-есть столкновеніемъ двухъ идей [1]). Затѣмъ, это столкновеніе приходитъ къ одному изъ трехъ возможныхъ результатовъ: новая идея или усиливаетъ старую, или побѣждаетъ ее, становясь на ея мѣсто, или обѣ идеи, приспособляясь другъ къ другу, даютъ третью, новую (изобрѣтеніе). Четвертый результатъ—сомнѣніе, скептицизмъ, т.-е. ослабленіе вѣры въ прежнюю идею безъ вѣры въ

[1]) Эта „двойственность“ сталкивающихся идей, которую надо понимать въ томъ смыслѣ, что каждая изъ двухъ сталкивающихся идей сама является продуктомъ столкновенія двухъ же идей и т. д., но уже продуктомъ объединеннымъ, т.-е. единой идеей,—имѣла мѣсто даже въ эволюціи языка: Тардъ ссылается на Бреаля, который приходитъ къ слѣдующему выводу на основаніи обширныхъ изслѣдованій: „какъ бы ни было длинно слово составное, въ немъ не можетъ быть болѣе двухъ понятій. И это правило не произвольно, а основано на свойствѣ нашего ума, соединяющаго всегда мысли попарно“. Графическая схема эволюціи словъ, данная Джемсомъ Дарместеромъ, не опровергаетъ этого вывода, но мы не будемъ вдаваться въ обсужденіе этого вопроса.

новую, не есть еще конечный результатъ, а состояніе колебанія. Такой результатъ сопровождается уменьшеніемъ энергіи индивидуума. Иногда индивидуумъ не только не теряетъ вѣры въ свою идею, а еще противодѣйствуетъ посторонней идеѣ, какъ препятствующей его идеѣ или вѣрованію, за цѣлость которыхъ онъ начинаетъ тревожиться. Эта тревога за цѣлостность своего прошлаго взгляда можетъ заражать и другихъ, и вообще въ ней кроется возможность того душевнаго состоянія, которое называется *фанатизмомъ*. Новая партія всегда состоитъ изъ группы людей, которые одни за другими или по примѣру другихъ приняли идею или рѣшеніе, противоположное тому, которое до тѣхъ поръ господствовало въ ихъ средѣ и которымъ они сами были проникнуты. По мѣрѣ своего распространенія, этотъ новый догматизмъ становится сильнѣе, нетерпимѣе и возбуждаетъ противъ себя коалицію изъ тѣхъ, кто остался вѣрнымъ традиціи или же, наоборотъ, нетерпимость вызывается въ средѣ новой партіи нетерпимостью и преслѣдованіемъ со стороны старой, и на почвѣ всего этого возникаютъ два противоположныхъ *фанатизма*. Но и они въ современномъ обществѣ принимаютъ все болѣе мягкую форму.

Мы можемъ закончить обзоръ „противоположенія" болѣе точнымъ указаніемъ на взаимное отношеніе между тремя сторонами явленій, открываемыми наукой, т.-е., между повторяемостью, противоположеніемъ и приспособленіемъ: приспособленія, какъ мы видѣли, являются примиреніемъ противоположенія, а противоположенія слѣдуютъ за повторяемостью явленій. Значитъ, противоположеніе является,—хотя и не всегда,—посредникомъ между повторяемостью и приспособленіемъ. Оно есть нѣчто въ родѣ средняго члена силлогизма. Причина этого порядка понятна: чтобы явилось противоположеніе, интерференція, споръ, столкновеніе, необходимо существованіе множества повторностей одновременныхъ или послѣдовательныхъ. Онѣ же могутъ или сочетаться между собою безъ борьбы, напримѣръ, усиливая другъ друга, или когда онѣ противополагаются другъ другу, возникаетъ борьба и, наконецъ, взаимное приспособленіе. Этимъ послѣднимъ мы теперь и займемся.

Л. Е. Оболенскій.

ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ

РОМАНЪ.

Flammen. Roman von Wilhelm Hegeler. Berlin, 1905.

Окончаніе.

IV *).

Какъ утреннее солнце взошла любовь въ сердце Грабауса, и все освѣтилось для него новымъ, чудеснымъ свѣтомъ; все казалось ему теперь яснымъ и естественнымъ и все же необычайнымъ, чудеснымъ. Еслибы какой-нибудь другъ, угадавшій его тайну, сталъ бы дѣлать ему упреки, онъ бы съ полной искренностью отвѣтилъ: „Развѣ можетъ быть дурнымъ то, что̀ дѣлаетъ меня лучшимъ, болѣе сильнымъ, отважнымъ и внутренно богатымъ? Что̀ можетъ быть грѣшнаго въ любви, которая усиливаетъ во мнѣ любовь ко всѣмъ людямъ, которая вырываетъ меня изъ будничной пошлости и окрыляетъ меня, влечетъ меня къ высшимъ, чистымъ цѣлямъ?“ Онъ, женатый человѣкъ, полюбилъ жену другого. Она никогда не будетъ принадлежать ему. Но развѣ онъ этого желаетъ? Онъ любилъ Марію такъ чисто и свято, точно она была его сестра или мать. Онъ ничего не желалъ и ни на что не надѣялся, а былъ счастливъ надеждой видѣться съ Маріей-Луизой отъ времени до времени. Онъ испытывалъ

*) См. выше: іюль, стр. 185 и слѣд.

глубокую радость уже тогда, когда образъ ея возникалъ предъ его духовнымъ взоромъ, когда онъ сидѣлъ у себя за работой и вспоминалъ ее, какой она была на вечерѣ въ рейхстагѣ, или когда онъ повторялъ ея слова и мысленно велъ съ ней задушевныя бесѣды.

Ея свѣтлый образъ носился передъ его взоромъ, озаряя всѣхъ близкихъ ей. Онъ полюбилъ Вольфа за то, что тотъ—ея братъ, и все болѣе привязывался къ майору, чувствуя къ нему симпатію и большое уваженіе. И если иногда въ сердцѣ его шевелилось чувство зависти или желаніе, то это не была настоящая зависть и настоящее желаніе. Онъ завидовалъ, какъ завидуютъ сказочнымъ существамъ, желалъ, какъ желаютъ летать—тѣмъ чувствомъ, которое теряетъ свое жало отъ сознанія недостижимости. Пока чувство счастья еще преобладало надъ всѣмъ другимъ, и любовь его походила на свѣтлую утреннюю зарю, а не на палящій полдневный зной.

Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ снова видѣлся съ Маріей-Луизой въ Веймарѣ, образъ ея рисовался ему инымъ. Онъ видѣлъ ее сидящей при свѣтѣ лампы; легкій румянецъ покрываетъ ея щеки при разговорѣ, глаза ея загораются и она ходитъ по высокимъ комнатамъ своей легкой воздушной походкой, точно ее поднимаютъ сильныя крылья молодости. Рядомъ съ ней ему представлялся майоръ, блѣдный, съ глазами, окруженными безчисленными мелкими морщинками. Какъ онъ ни старался пересилить себя и улыбаться, все же онъ производилъ впечатлѣніе больного, уставшаго, слабаго человѣка. А затѣмъ шуринъ, сидящій въ темномъ углу какъ съежившійся лѣсной звѣрь, ворчливый, наводящій жуткое чувство тупого ужаса.

Грабаусъ представлялъ себѣ теперь Марію-Луизу именно въ этой обстановкѣ, и на него нападалъ минутами бѣшеный страхъ. Онъ мысленно подходилъ къ ней, бралъ ее за руку и молилъ ее бѣжать съ нимъ, чтобы не погибнуть въ обстановкѣ, въ которой она не могла быть счастливой. Онъ самъ сталъ бояться остроты своей жалости къ Маріи-Луизѣ. А нетерпѣливое желаніе скорѣе видѣть ее разгоралось все сильнѣе. Онъ уже не велъ съ ней въ воображеніи тихихъ бесѣдъ, а предлагалъ ей тысячу вопросовъ о ея судьбѣ, съ мукой и страхомъ ожидая отвѣта.

Въ этомъ тревожномъ состояніи духа онъ получилъ приглашеніе, которое въ другое время пренебрежительно отвергнулъ бы, но теперь принялъ почти не задумавшись. Его просили повторить въ Веймарѣ свои каникулярныя лекціи о классической нѣмецкой

литературѣ. Предложеніе исходило отъ директрисъ многочисленныхъ веймарскихъ пансіоновъ для молодыхъ дѣвицъ. Гонораръ предлагался очень незначительный, и Грабаусу пришлось долго спорить съ женой: по ея мнѣнію, онъ легче могъ бы заработать большую сумму денегъ литературной работой. О настоящей причинѣ его согласія она не догадывалась, а думала, что ему пріятно читать предъ аудиторіей хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ. Онъ оставилъ ее при ея мнѣніи и настоялъ на своемъ.

То, чего онъ втайнѣ желалъ и на что едва смѣлъ надѣяться, осуществилось: Марія-Луиза выразила желаніе присутствовать на его лекціяхъ. Онъ ѣздилъ каждую субботу въ Веймаръ, проводилъ вечеръ послѣ лекціи у Платеновъ, и по просьбѣ майора часто оставался у нихъ до слѣдующаго дня. Доктора Платена онъ почти никогда не встрѣчалъ, или же они встрѣчались какъ день и ночь, т.-е. когда одинъ приходилъ, другой уходилъ.

Тревога, нападавшая на Грабауса въ одиночествѣ, исчезала, когда онъ былъ подлѣ Маріи-Луизы. Ея спокойный тонъ и внутренняя ясность успокаивали его и давали ему безмятежное счастье.

Въ это время Грабаусъ получилъ письмо отъ гехеймрата Вольбольда, который вызывалъ его для переговоровъ въ Берлинъ. За нѣсколько дней до его отъѣзда онъ возвращался вечеромъ послѣ лекціи домой съ Маріей-Луизой. Шелъ густой снѣгъ и Грабаусъ съ восхищеніемъ наблюдалъ какъ бѣлые хлопья падали то на свѣтлыя кудри Маріи-Луизы, то на ея рѣсницы, то даже на ея алыя губы, гдѣ снѣгъ тотчасъ же таялъ. Обративъ вниманіе на ея молчаливый видъ, онъ спросилъ ее, наконецъ, не случилось ли у нея какой-нибудь непріятности?

— Я очень озабочена моимъ братомъ, — отвѣтила она. — Я получила отъ него странное письмо. Если хотите, я вамъ его покажу потомъ.

— Что же онъ пишетъ? — озабоченно спросилъ Грабаусъ.

— Сразу не разобраться въ этомъ письмѣ, — отвѣтила она съ легкой улыбкой. — Одно я только поняла: онъ влюбился въ какую-то актрису.

Въ первую минуту Грабаусъ чуть не расхохотался, но, сдержавшись, осторожно спросилъ:

— Что же въ этомъ дурного?

— Онъ мнѣ писалъ, что хочетъ жениться на ней.

Грабаусъ остановился отъ изумленія.

— Жениться? — переспросилъ онъ. — Это навѣрное шутка.

— Прочтите письмо, и вы увидите, что Вольфъ далеко не шутитъ.

Придя домой, Марія-Луиза дала ему письмо. Сама она пошла въ спальню къ майору, къ которому пришелъ врачъ для массажа, и Грабаусъ остался одинъ.

Письмо Вольфа было очень длинное и дышало молодой любовью. Видно было, что онъ пережилъ душевную бурю, и теперь счастливъ, но озабоченъ огромной отвѣтственностью своего рѣшенія. Въ письмѣ чувствовался искренній, задушевный, но совершенно безпомощный человѣкъ. Онъ писалъ о сестрѣ и зятѣ, о своихъ мысляхъ за послѣдніе годы, о своемъ будущемъ, о Нитцше, Эмерсонѣ, Карлейлѣ, Бебелѣ, но въ сущности занятъ былъ только своей любовью.

Грабаусу сдѣлалось грустно, когда онъ дочиталъ письмо. За послѣднія недѣли онъ видѣлся съ Вольфомъ почти ежедневно; они говорили обо всемъ, что̀ занимало ихъ мысли, а между тѣмъ, почти ничего не знали другъ о другѣ.

Когда Марія-Луиза вернулась, Грабаусъ сказалъ ей:

— Въ немъ говоритъ большая молодость. Но это юноша, которымъ вы, какъ сестра, должны гордиться.

— Чѣмъ же эта исторія кончится? Вѣдь немыслимо, чтобы онъ женился на ней.

— Онъ это самъ пойметъ современемъ. И вы видите, страсть не убила его довѣрія къ вамъ. Онъ предоставляетъ вамъ право рѣшать. Онъ пишетъ: „Я поступлю такъ, какъ ты считаешь нужнымъ“.

— Но я боюсь, что онъ не станетъ слушать моихъ доводовъ—я вѣдь буду разсуждать трезво и благоразумно.

— Позвольте мнѣ съ нимъ переговорить,—возразилъ Грабаусъ.—Или, знаете что: у меня явилась другая мысль: я лучше переговорю съ ней—съ актрисой.

— Развѣ вы съ ней знакомы?

— Немножко.

— Не та ли это дама, съ которой Вольфъ танцовалъ на балу въ рейхстагѣ?

Грабаусъ утвердительно кивнулъ головой.

— У него хорошій вкусъ, — съ улыбкой замѣтила Марія-Луиза. — И вы думаете, что этотъ разговоръ можетъ къ чему-нибудь привести?

— Конечно. Только она и сумѣетъ доказать ему, что бракъ между ними—полная безсмыслица, что эта любовь—счастливый моментъ его молодости, но не прочное чувство на всю жизнь.

Она очень добрая женщина и сдѣлаетъ это; да и для нея такой бракъ былъ бы несчастіемъ.

— А не лучше ли вамъ поговорить съ Вольфомъ?

— Не думаю.

— Почему?

— Вы спрашиваете почему?

Онъ отвелъ глаза отъ Маріи-Луизы, которая съ ожиданіемъ смотрѣла на него, и, полузакрывъ глаза, устремилъ ихъ на оконное стекло. Онъ глядѣлъ какъ на немъ образовывались капли влаги, быстро стекавшія потомъ внизъ.

— Люди, которые любятъ, которые дѣйствительно любятъ, —сказалъ онъ,—похожи на бочки съ взрывчатымъ веществомъ. Горе тому, кто толкнетъ ихъ. Еслибы я любилъ женщину, и кто-нибудь—мой лучшій другъ, моя сестра, или моя мать—не только сказали бы дурное слово про нее, но выказали бы малѣйшее недовѣріе, моей дружбѣ съ ними былъ бы конецъ.

— Неужели любовь дѣлаетъ слѣпымъ?

— Она дѣлаетъ легко уязвимымъ.

Онъ увидѣлъ на стеклѣ двѣ капли, которыя торопливо бѣжали внизъ, и, казалось, приближались одна къ другой. И вдругъ у него промелькнула въ головѣ быстрая, настойчивая мысль: если эти двѣ капли сольются, то и она когда-нибудь полюбитъ тебя. Онъ сталъ слѣдить съ тревогой и сердцебіеніемъ за движеніемъ капель, точно его жизнь зависѣла отъ нихъ, и проговорилъ въ то же время, какъ во снѣ:

— Еслибы вы любили, развѣ у васъ не было бы такого чувства?

— Я никогда такъ не любила и не хочу такъ любить.

— Вы никогда такъ не любили и...

Голосъ его оборвался: капли коснулись одна другой и въ ту же минуту каждая поплыла отдѣльно.

— А еслибы любовь все-таки пришла? — спросилъ онъ.— Еслибы вдругъ—черезъ ночь—она явилась?

Онъ взглянулъ на нее задыхаясь. Она глядѣла вверхъ съ нахмурившимся и слегка дрожащимъ лицомъ; въ глазахъ ея отражалось пламя свѣчей, и легкій румянецъ покрылъ ея щеки.

— Что̀ тогда?—повторилъ онъ.

— Я такъ стара, — сказала она легкимъ тономъ, какъ бы успокоивая сама себя.

— Вы такъ молоды,—возбужденно сказалъ онъ, — такъ молоды! И неужели у васъ никогда не было желанія полюбить?

Она вдругъ вздрогнула и взглянула ему въ глаза.

— Желанія? Напротивъ того, я боюсь...

Она замолчала, устрашившись слова, которое выдавало ее. И Грабаусъ съ испугомъ взглянулъ на нее, и увидѣлъ какъ румянецъ на ея щекахъ смѣнился страшной блѣдностью. Она поднялась и вышла изъ комнаты. Грабаусу показалось, что прошло много времени, прежде чѣмъ она вернулась.

— Мой мужъ отдохнулъ. Онъ сейчасъ придетъ, — сказала она непринужденнымъ тономъ.

Но послѣ этого они долго сидѣли, не произнося ни слова, и обоимъ казалось, что въ этомъ молчаніи они во всемъ признались другъ другу.

„Вы мнѣ позволили писать вамъ и прибавили съ улыбкой: если у васъ будетъ время и желаніе. Боюсь только, чтобы улыбка не смѣнилась изумленіемъ при видѣ моего длиннаго письма. Но не все ли равно? Есть вещи, которыя необходимо написать, и которыя пишутся, даже если знаешь, что онѣ не будутъ прочтены.

„Я живу въ томъ же отелѣ, который былъ мнѣ такъ дорогъ въ прежній пріѣздъ, и сижу въ той же маленькой, узкой комнаткѣ. Ко мнѣ поднимается съ улицы обычный шумъ. Это тотъ же Берлинъ. А между тѣмъ, все въ немъ стало инымъ.

„Когда я пріѣхалъ сюда два мѣсяца тому назадъ, на всемъ городѣ лежалъ какой-то таинственный блескъ, точно предчувствіе близкаго счастья. Надо мной блистала звѣзда, и я безсознательно шелъ за нею. Мнѣ было такъ радостно, и моя радость озаряла все, что̀ я видѣлъ. Но теперь, когда я знаю, что васъ здѣсь нѣтъ, все представляется мнѣ въ своемъ дѣйствительномъ видѣ. Берлинъ—какое-то страшное, бездушное чудовище. Люди стремятся здѣсь овладѣть предметами, а между тѣмъ, предметы овладѣли ими. Люди раздавлены предметами; они рабы того, что̀ сами создали. Духъ человѣка утратилъ цѣну. Его презираютъ и высмѣиваютъ, если онъ не проявляется въ осязательныхъ внѣшнихъ результатахъ. Я недавно встрѣтилъ въ одномъ обществѣ стараго пріятеля, который сдѣлался за это время директоромъ банка. Онъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать, и я принялъ приглашеніе, думая побесѣдовать съ нимъ и его женой. Но ихъ обоихъ я только вскользь увидалъ среди толпы разряженныхъ гостей. Съ внѣшней стороны все было необыкновенно пышно и изящно, но трудно себѣ представить ничтожность того, что̀ говорилось въ отдѣльныхъ группахъ, къ которымъ я подходилъ. Моей сосѣдкой за столомъ была старая дама, некрасивая, но зато и не

41*

такая пустая, какъ другія. Я спросилъ ее, всюду ли такъ бываетъ, какъ здѣсь? Она сразу меня поняла и отвѣтила: всюду. Мужчины устали, мысли ихъ заняты биржей, деньгами, дѣлами. Женщины скучаютъ, ищутъ развлеченій. Помните, мы съ вами посѣтили домъ Шиллера въ Тифуртскомъ замкѣ? Тамъ жили цари духа въ тѣсныхъ хижинахъ, а здѣсь нищіе духомъ живутъ во дворцахъ. Тамъ царили свѣтъ, блескъ и отрадное тепло, здѣсь холодно и мрачно, несмотря на электрическій свѣтъ. Въ тотъ вечеръ я истинно радовался тому, что я бѣднякъ и что, по всей вѣроятности, останусь таковымъ всю жизнь.

„Все, чѣмъ человѣкъ владѣетъ, начинаетъ имъ владѣть. Надѣньте новую шляпу, и вы станете рабой этой шляпы—побоитесь гулять подъ снѣгомъ, чтобы не попортить ее. Впрочемъ, нѣтъ, вы не такая. Вы съ царственнымъ спокойствіемъ ходили подъ дождемъ въ шелковомъ платьѣ, потому что вамъ было интересно продолжать нашъ разговоръ.

„Какъ бы мы ни умножали наше богатство, это не обогатитъ ни сердце, ни умъ новыми чувствами и новыми мыслями. Получается такое впечатлѣніе, точно мы потеряли свое „я“ и ищемъ себя во внѣшнихъ мертвыхъ предметахъ. Намъ служатъ милліоны лошадиныхъ силъ, но источники нашей внутренней силы изсякли. Гдѣ наша вѣра, наша сила воображенія, наша любовь? Мы разрушили силу, которая одухотворяетъ предметы и создаетъ вѣчныя цѣнности, неизсякаемыя радости. Наше мертвое сердце привязано къ мертвымъ предметамъ.

„Вотъ мысли, которыя тѣснились въ моей душѣ въ эти дни—долгіе, какъ дни изгнанія. На меня напалъ ужасъ; мнѣ казалось, что я кричу и никто меня не слышитъ. Способенъ ли я еще сдѣлать что-нибудь въ жизни? Нужно ли людямъ то, что̀ я могу имъ дать? Можетъ быть, я человѣкъ давно минувшей поры, или же времени, которое наступитъ уже послѣ моей смерти? Мнѣ были противны эти тысячи людей, проходившіе мимо меня на улицѣ, и все-таки я чувствовалъ, что они мнѣ нужны, что одиночество изсушитъ меня, что мнѣ нуженъ отголосокъ живыхъ душъ. Но въ тѣ часы, когда я падалъ духомъ, внутренній голосъ сказалъ мнѣ: не приходи въ отчаяніе, вѣдь въ твоей жизни явилась она. Мое чувство къ вамъ, фрау Платенъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что̀ люди называютъ страстью и любовью. Я для васъ буду всегда только другомъ. Не знаю даже, позволите ли вы мнѣ называться вашимъ другомъ. Можетъ быть, мнѣ придется скоро уѣхать далеко отъ васъ. И все же я могу сказать: съ тѣхъ поръ, какъ я васъ встрѣтилъ, для меня

началась новая жизнь. И вдали отъ васъ эта новая жизнь будетъ продолжаться. Все, что во мнѣ можетъ еще созрѣть, окрѣпнуть, все это дали мнѣ вы. Моя жизнь будетъ преисполнена силы, потому что я ее сознательно или безсознательно всегда посвящаю вамъ.

„На слѣдующій вечеръ.

„Теперь послѣ полуночи. Я все еще сижу за письменнымъ столомъ и не знаю о чемъ писать, о чемъ умолчать. Въ комнатѣ холодно, но голова вся въ огнѣ. Въ хаосѣ мыслей, одолѣвающихъ меня, самыя ясныя исчезаютъ, а тѣ, которыя остаются, пугаютъ меня. Вѣдь я сѣлъ писать вамъ о томъ, что мнѣ удалось сдѣлать въ Берлинѣ. Но я не могу теперь—откладываю на другой разъ. Спѣшу только сказать, что о вашемъ братѣ вамъ безпокоиться нечего. Затѣмъ—затѣмъ, я еще разъ былъ въ министерствѣ и долго бесѣдовалъ съ Вольбольдомъ. Университетъ будетъ основанъ и предполагается, что я буду назначенъ ректоромъ. Вольбольдъ сообщилъ это мнѣ съ видомъ Наполеона, который производитъ скромнаго офицера въ генералы. Чтобы скачокъ не былъ слишкомъ большимъ, меня хотятъ перевести—можетъ быть, уже черезъ нѣсколько недѣль—экстраординарнымъ профессоромъ въ Кенигсбергъ. Вы меня поздравляете? Радуетесь за меня? Я многое бы далъ, чтобы видѣть выраженіе вашего лица, когда вы прочтете эти строки. Что касается меня, то говорю вамъ откровенно—я далеко не радъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ эта перспектива безконечно бы меня обрадовала, но теперь я только въ ужасѣ отъ того, что не буду больше видать васъ. Это было моей единственной мыслью въ тѣ часы, когда я, не находя себѣ покоя, бѣгалъ по улицамъ.

„И какъ тогда, когда я впервые услыхалъ ваше имя, оно стало звучать въ моей душѣ: Марія-Луиза! Марія-Луиза! Это былъ точно голосъ, зовущій меня—голосъ съ берега, обращенный къ утопающему. Неужели же я снова опущусь на темное дно послѣ того, какъ едва успѣлъ прикоснуться къ вашей рукѣ? Нѣтъ, Марія-Луиза, я не могу повѣрить, что злая и безсмысленная судьба только съ тѣмъ привела меня къ вамъ, чтобы сейчасъ же снова разлучить насъ. Не можемъ же мы разойтись съ вами, какъ случайно встрѣтившіеся путешественники, которые провели нѣсколько пріятныхъ часовъ вмѣстѣ и затѣмъ, на поворотѣ пути, разстаются съ легкимъ сердцемъ. Я не могу этого допустить. Я отдалъ вамъ всю свою душу и не можетъ быть, чтобы вы не питали ко мнѣ даже простой симпатіи. И вы, Марія-Луиза, нуждаетесь во мнѣ—я это знаю. И вы несчастливы.

И въ васъ проснулась жажда счастья. Я давно это предчувствовалъ, не осмѣливаясь только думать объ этомъ. Но когда въ послѣдній вечеръ у васъ наши взоры встрѣтились, я прочелъ это въ вашихъ глазахъ. Пламя, которое пожираетъ меня, бушуетъ и въ вашей душѣ.

„О, Марія-Луиза! когда я написалъ то, чего никогда не думалъ писать, мнѣ стало легко и весело на сердцѣ. Что теперь будетъ—не знаю. Я рѣшилъ только одно: завтра я отправляюсь къ Вольбольду и употреблю всѣ усилія, чтобы остаться въ Іенѣ—подлѣ васъ. Я ничего не желаю, ни къ чему не стремлюсь, кромѣ того, чтобы видѣть васъ, чтобы вы сохранили ко мнѣ свое прежнее хорошее отношеніе. Можетъ быть, вы будете презирать меня послѣ этого письма. Можетъ быть, я дѣйствительно безумецъ. Я и этого не знаю, а только чувствую, что сердце мое бьется радостью и надеждой. Довѣрить свою душу тому, кого любишь—величайшее блаженство: оно выше всякаго благоразумія“.

Въ тотъ вечеръ, когда пришло это письмо, майоръ и его жена сидѣли вмѣстѣ въ гостиной. День былъ очень тяжелый и медленно тянулся. Дулъ безпощадный ледяной вѣтеръ, отъ котораго страданія майора усилились до нестерпимости. Больному хотѣлось стонать и кричать отъ боли, но пока около него была Марія-Луиза, онъ не испускалъ ни малѣйшей жалобы, и на ея тревожные вопросы отвѣчалъ съ кроткой улыбкой:

— Ничего, пройдетъ. Это все маленькіе укусы комара, напоминающіе нашему брату, что молодость уже прошла.

Этими словами онъ старался отшутиться отъ ея тревоги.

Пламя свѣчей въ канделябрахъ пугливо трепетало подъ напорами вѣтра; въ старинномъ каминѣ огонь то ровно стелился по низу, то вспыхивалъ, жадно охватывая сухія дрова. Только маленькая керосиновая печка у садовой двери продолжала тихо и ровно горѣть.

Майоръ съ женой мирно бесѣдовали послѣ кофе, и разговоръ между прочимъ зашелъ о Грабаусѣ. На этомъ онъ оборвался: въ душѣ Маріи-Луизы пробудились голоса, которые никогда бы не заявили о себѣ вслухъ. Она вышивала. Майоръ собирался подарить Грабаусу къ Рождеству такое же кресло, какъ свое, и жена его вышивала полосу для обивки кресла. Она выбрала старинный гобеленовый узоръ и, вышивая его блѣдными шелками, все время думала о Грабаусѣ. Она даже собственно не думала о немъ, а какъ бы видѣла его подлѣ себя: онъ си-

дѣлъ и ходилъ по комнатѣ, и когда она вспоминала его взволнованныя слова, обращенныя къ ней, сердце ея быстро и бурно билось.

Когда затихъ порывъ вѣтра, и среди наступившей тишины, при неподвижномъ свѣтѣ свѣчей и догорающемъ пламени камина вдругъ что-то зашуршало за обоями, Марія-Луиза вся вспыхнула и вздрогнула. Глядя влажными глазами на то мѣсто въ стѣнѣ, откуда раздался шорохъ, она стала прислушиваться и чего-то искать взглядомъ. У нея было такое чувство, точно слова, которыми они обмѣнялись въ вечеръ его отъѣзда — невинныя слова, но все же вдругъ освѣтившія ихъ тайну—стали живыми существами и тѣснятся вокругъ нея. Она переживала теперь то же самое, что̀ и въ тотъ вечеръ,—только чувство еще глубже проникло въ ея сердце. Ей казалось, что она погружается куда-то глубоко-глубоко, и всѣ тревожные вопросы, которые поднялись въ ней въ этотъ моментъ, исчезли передъ блаженствомъ, охватившимъ ее. За окнами опять бушевалъ вѣтеръ, опять вспыхнуло пламя въ каминѣ, но она ничего не замѣчала. Она не слышала звонка у входныхъ дверей и не видѣла остановившагося на ней взгляда ея мужа.

Съ той минуты, какъ смолкла Марія-Луиза, его лицо приняло измученное, уставшее выраженіе. Онъ уже не противился своей боли, а съ чувствомъ отдохновенія отдался ей, и нѣсколько времени лежалъ, прикрывъ глаза рукой. Потомъ, какъ бы боясь, что жена наблюдаетъ за нимъ, онъ приподнялся и взглянулъ на нее. Ему показалось, что она никогда еще не была такъ прекрасна, какъ въ эту минуту. Ее окружалъ свѣтъ, который не шелъ отъ свѣчей и не былъ отраженіемъ огня въ каминѣ. Она сидѣла тихо, едва дыша, какъ бы видя сонъ на яву, слегка раскрывъ губы, съ влажнымъ блескомъ въ глазахъ, со строгимъ выраженіемъ лица, которое, однако, какъ бы озарялось изнутри улыбкой. Она была удивительно молода и прекрасна. И съ болью, превосходящей его физическія страданія, онъ подумалъ о томъ, какой онъ рядомъ съ ней старый, больной и немощный.

Дѣвушка открыла тихо дверь и принесла газеты. Марія-Луиза поднялась, и когда майоръ протянулъ къ ней руку, она сѣла рядомъ съ нимъ.

— Какъ ты была хороша только-что, дитя. Ты думала о чемъ-нибудь прекрасномъ, не правда ли?

Она медленно перевела дыханіе и только покачала головой.

— Какъ ты себя чувствуешь, милый,—спросила она.

— Откровенно говоря, очень плохо.

— Сегодня особенно плохой день для тебя.

— Сегодня то же, что̀ вчера. Только я сегодня болѣе чувствителенъ. Болѣзнь твердо засѣла въ меня и больше не уйдетъ. Да, дорогая, нужно съ этимъ примириться — я хромой калѣка, а ты еще такъ молода.

— Зачѣмъ ты это говоришь? Ты знаешь, какъ это меня огорчаетъ.

— Выслушай меня спокойно,—сказалъ онъ, и снова взялъ ее за руку.—Я съ тобой говорилъ объ этомъ уже въ прошломъ году, послѣ первой болѣзни, и теперь повторяю. Когда тебѣ станетъ не подъ силу—не жалѣй меня.

Она вся вздрогнула отъ ужаса.

— Боже, какъ ты меня мучаешь!

Майоръ скорбно улыбнулся и сталъ ее утѣшать.

— Я не хочу тебя мучить. Я хочу только знать, что ты охотно остаешься подлѣ меня. Когда я стану тебѣ въ тягость— больные люди всегда становятся въ тягость...

— Ахъ, почему ты не хочешь меня понять. Я люблю тебя такимъ, какой ты есть. Я вѣдь тебѣ говорила, что моей первой истинной любовью былъ мой отецъ и что я была счастливѣе всего, ухаживая за нимъ. Я могу любить только тѣхъ, передъ кѣмъ я преклоняюсь. А всѣ мужчины, которыхъ я встрѣчала— всѣ...

— А что, если когда-нибудь явится другой, котораго ты полюбишь?

Она откинулась назадъ и возбужденно отвѣтила:

— А еслибы онъ и явился? Неужели бы я оставила тебя? Что̀ сталось бы съ тѣмъ, во что̀ я вѣрила, для чего жила? Куда дѣвалась бы моя честность, гордость?

— Есть чувства болѣе сильныя, чѣмъ все это.

— Не для меня. Я останусь у тебя. Вся моя жизнь въ тебѣ. Я измѣнила бы себѣ, оставивъ тебя. А теперь довольно. Тебѣ вредно много говорить.

Онъ держалъ ея руку въ своей. Они глядѣли другъ другу въ глаза, и она безмолвнымъ, испуганнымъ взоромъ снова увѣряла его въ томъ, чему онъ не могъ вѣрить и что̀ ему все-таки было такъ отрадно слушать.

За стѣнами дома продолжалась буря. Вѣтеръ врывался въ каминъ и то душилъ пламя, то вздымалъ его съ собой вверхъ. Въ комнатѣ же наступила тишина. Майоръ и Марія-Луиза замолчали, точно стыдясь страстнаго порыва, обнажившаго ихъ

души, и старались прикрыть глубокую человѣчность своихъ чувствъ будничнымъ покровомъ равнодушія. Черезъ нѣсколько времени они заговорили о спокойныхъ, обыденныхъ предметахъ.

Майору стало невыносимо лежать на диванѣ, и онъ пересѣлъ на кресло у камина. Марія-Луиза придвинула ему скамеечку, прикрыла его ноги пледомъ, затѣмъ стала читать ему вслухъ газету, и только легкая дрожь въ голосѣ выдавала пережитое ею волненіе.

Снова вошла дѣвушка и принесла вечернюю почту—много писемъ, которыя она передала майору.

— Видно, что Рождество близко,—сказалъ онъ.—Это письмо для тебя, дорогая. Онъ подвинулъ женѣ письмо.—Странно, что Бергеръ не пишетъ о нашемъ имѣніи. Ага, вотъ письмо отъ него. Посмотримъ, что̀ новаго.

Онъ разрѣзалъ конвертъ и положилъ ножикъ на столъ, чтобы Марія-Луиза могла взять его. Но она не протянула за нимъ руку, а съ блѣднымъ лицомъ смотрѣла на письмо, сразу узнавъ почеркъ на конвертѣ. Она подумала о томъ, что̀ только-что говорила мужу. Внимая бурному біенію сердца и шопоту глухихъ голосовъ, она показалась сама себѣ мрачной, ненавистной загадкой. Наконецъ она встрепенулась, разрѣзала конвертъ и начала читать съ такимъ видомъ, точно заранѣе враждебно отклоняла каждое слово письма. Прошло нѣсколько времени. Майоръ что-то высчитывалъ и записывалъ на бумажкѣ.

— Да, дитя, объ этомъ нужно подумать. Нѣсколько земельныхъ участковъ сильно поднялись въ цѣнѣ. Кажется, теперь дѣйствительно выгодно будетъ продать.

Не услышавъ ничего въ отвѣтъ, онъ обернулся и увидѣлъ, что она плачетъ. Сначала онъ испугался, думая, что въ письмѣ была какая-нибудь печальная вѣсть. Но, вглядываясь молча въ ея лицо, по которому текли слезы изъ широко раскрытыхъ глазъ, онъ увидѣлъ, что сквозь ея печаль просвѣчиваетъ еще больше, чѣмъ прежде, отблескъ скрытаго счастья. Онъ тихо окликнулъ ее, но она не слышала.

— Дитя, Марія-Луиза, что̀ съ тобой?—повторилъ онъ.

Марія-Луиза взглянула на него и очнулась. Она осушила слезы и лицо ея приняло сосредоточенное сумрачное выраженіе; она молча передала ему письмо. Онъ съ удивленіемъ взялъ его и началъ читать. Марія-Луиза перестала плакать и съ выраженіемъ муки на лицѣ глядѣла въ пространство. Только когда она слышала по шелесту бумаги, что онъ переворачиваетъ страницы, она коротко и отрывисто переводила духъ.

Наконецъ онъ кончилъ. Его рука, свѣсившаяся съ ручки кресла, держала смятую страницу. Откинувшееся назадъ лицо нельзя было разглядѣть.

— Скажи же что-нибудь,—проговорила она. Не получивъ отвѣта, она подошла и опустилась на колѣни передъ его кресломъ.—Бернгардъ, скажи хоть одно слово,—проговорила она. Онъ наклонился къ ней. У него были потухшіе глаза, на желтомъ, испещренномъ морщинками лицѣ выступилъ холодный потъ.

— Отошли ему письмо. Скажи, чтобъ онъ больше не приходилъ. Я не хочу его видѣть,—шептала она беззвучнымъ, но твердымъ голосомъ.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Дитя, дитя, развѣ можно такъ поступать?—сказалъ онъ.—Еслибы кто-нибудь другой—но другой бы и написалъ иначе. Вѣдь такъ не пишутъ—совратители.—Онъ коротко и сухо засмѣялся при этомъ словѣ.—Не будемъ же несправедливы къ нему. Пусть онъ продолжаетъ бывать. Вѣдь мы съ нимъ провели много пріятныхъ часовъ.

Его отяжелѣвшая рука гладила ея волосы. Она подняла лицо, взглянула на него широко раскрытыми глазами, точно собираясь что-то сказать. Но болѣе властная сила остановила ея порывъ.

— А теперь иди, дорогая. Перечти письмо еще разъ сама. Мнѣ хочется остаться одному. Это все-таки взволновало меня. Иди, Марія-Луиза, прошу тебя.

Онъ выпрямился и отдалъ ей письмо. Она подошла къ камину и остановилась въ нерѣшительности, точно собираясь бросить его въ огонь.

— Нѣтъ, не нужно. Повѣрь мнѣ, онъ самъ никогда не заговоритъ больше объ этомъ письмѣ. Такія слова вырываются разъ, и затѣмъ ихъ навсегда хоронятъ въ душѣ.

Онъ быстро пожалъ ей руку, и она ушла, повторивъ еще разъ: напиши ему, что я не хочу его видѣть.

Послѣ ухода жены майоръ нѣсколько времени сидѣлъ въ креслѣ, не двигаясь, съ закрытыми глазами и все время повторялъ про себя на какой-то баюкающій мотивъ: „Старый мужъ—молодая жена. Старый мужъ—молодая жена!“ Въ головѣ его носились одновременно обрывки разныхъ другихъ словъ и мыслей. Честь... честь. И это слово промелькнуло среди другихъ, хотя онъ въ эту минуту не отдавалъ себѣ отчета въ его смыслѣ.

Вошла дѣвушка, прибавила дровъ въ каминъ и молча вышла. Желтые огоньки сначала нерѣшительно набѣгали на холодныя

свѣжія полѣнья и отступались, точно недовольные предоставленной имъ пищей. Но тотчасъ же они снова жадно вытягивали горячіе языки. Раздался трескъ и дрова вспыхнули, охваченныя огнемъ, какъ красной мантіей. Майоръ пристально глядѣлъ на эту работу пожирающаго пламени. Ему представлялся въ воображеніи лѣсъ, въ которомъ эти уже распадающіяся въ пепелъ полѣнья были большими могучими деревьями, пустили глубоко въ землю корни и спорили съ вѣтрами. Но пришло пламя и пожрало ихъ, превратило въ пепелъ. И онъ подумалъ: такъ же, какъ эти деревья выросли и окрѣпли въ теченіе медленныхъ, долгихъ десятилѣтій, такъ и въ немъ, какъ и во всякомъ человѣкѣ, родились и выросли мысли и убѣжденія, пустили глубокіе корни и противились всѣмъ бурямъ. Но пришло пламя и все пожрало, все превратило въ пепелъ: вѣрность, честность, гордость—все, о чемъ говорила Марія-Луиза.

Онъ крѣпко ухватился за ручку кресла и сжалъ ее. Онъ сталъ припоминать то, въ чемъ поклялся себѣ годъ тому назадъ. Тогда, глядя на свою молодую, какъ бы окрыленную силой и красотой жену, онъ понялъ, что было бы жестокостью и святотатствомъ навсегда приковать молодое прекрасное существо къ постели больного. Онъ понялъ, что нужно предоставить ей свободу, что это болѣе священный долгъ, чѣмъ выдуманныя людьми обязанности. Все это онъ ей сказалъ и повторилъ нѣсколько разъ, какъ она ни отказывалась его слушать. Но теперь то страшное, что онъ предсказывалъ, наступило,— несчастіе обрушилось на него—и на нее. И все въ немъ возмутилось противъ неотвратимаго; его охватилъ судорожный холодъ, какъ отъ близости смерти. Онъ глядѣлъ на догорающія дрова, по которымъ бѣгали послѣдніе огоньки, слышалъ трескъ послѣднихъ искръ въ каминѣ, и въ головѣ его носились дикія картины. Онъ видѣлъ себя выпрямившимся, большимъ; онъ рветъ письмо и тотъ—другой—уходитъ съ смертельно блѣднымъ лицомъ. Или же передъ нимъ лѣсъ, засыпанный снѣгомъ. Оба они наводятъ пистолеты, тотъ падаетъ, а онъ самъ садится въ коляску. Потомъ вдругъ ему представилась Марія-Луиза съ окровавленнымъ лицомъ—потомъ онъ самъ среди лужи крови. Вокругъ него люди, оцѣпенѣвшіе отъ ужаса. Всюду кровь, кровь!

Онъ протеръ себѣ глаза, прижалъ къ нимъ руки, но кровавыя видѣнія не исчезали—казалось, что кровь лилась изъ его же глазъ. Охваченный ужасомъ передъ самимъ собой, онъ весь содрогнулся. И вдругъ на креслѣ, на которомъ онъ такъ часто сидѣлъ,—майоръ увидѣлъ Грабауса. Онъ сидѣлъ и, глядя сіяю-

щими глазами на Марію-Луизу, говорилъ тѣмъ взволнованнымъ, вѣщающимъ тономъ, который часто удивлялъ майора. Онъ опять произносилъ тѣ же длинныя, закругленныя фразы, которыя вызывали тоже удивленіе, а иногда и улыбку у майора. Онъ говорилъ такъ, какъ еслибы заговорила печатная книга. Майоръ его слушалъ, увлекался и радовался, когда вполнѣ понималъ его мысль. Но внутренно онъ улыбался и думалъ: „Какъ бы все это звучало по иному, еслибы заговорилъ какой-нибудь влюбленный офицеръ!"

И когда онъ все это себѣ такъ ясно представилъ, его охватило чувство внезапнаго облегченія. Онъ радостно вздохнулъ. Онъ точно лучше узналъ этого человѣка, чистаго и неспособнаго ни на что̀ дурное. Онъ увидѣлъ передъ собой его честное открытое лицо и понялъ, что все, что̀ онъ съ внутреннимъ испугомъ приписывалъ ему, было внѣ области возможнаго для этого человѣка. Майоръ внутренно поглядѣлъ на него съ легкимъ чувствомъ превосходства...

Когда, нѣсколько дней спустя, Грабаусъ входилъ въ свою аудиторію въ Веймарѣ, всѣ мѣста были заняты—кромѣ стула Маріи-Луизы. Медленно проходя мимо него, Грабаусъ чувствовалъ, какъ смутное чувство тревоги, охватившее его послѣ возвращенія домой, превратилось въ острую гнетущую боль. Въ то время, какъ онъ открылъ записки и сталъ собирать мысли передъ началомъ чтенія, ему стали шептать успокоительные голоса въ душѣ: „Развѣ не могло случиться, что ей что-нибудь помѣшало? Она, можетъ быть, нездорова. Но онъ не вѣрилъ этимъ голосамъ, убѣжденный, что во всемъ виновато письмо—что изъ-за него она и не пришла". Любовь къ этой женщинѣ, пробудившая въ немъ столько гордости и смѣлости, въ такой же степени сдѣлала его пугливымъ, неувѣреннымъ въ себѣ.

Онъ уже началъ лекцію, когда дверь снова открылась и вошла Марія-Луиза. Она быстрыми, рѣшительными шагами прошла на свое мѣсто. Онъ вздрогнулъ, но продолжалъ спокойно читать, отъ времени до времени только бросая взгляды въ ея сторону. Его безпокоило то, что она не снимала вуали—это казалось ему какимъ-то признакомъ размолвки между ними. Послѣ лекціи у выхода онъ подошелъ къ ней поздороваться. Она любезно протянула ему руку, спросила, когда онъ вернулся, затѣмъ прибавила, что спѣшитъ за покупками къ Рождеству и попросила зайти къ нимъ вечеромъ, говоря, что это очень обрадуетъ ея

мужа. Но Грабаусъ отклонилъ приглашеніе, говоря, что спѣшитъ домой. На слѣдующей недѣлѣ онъ былъ приглашенъ къ Платенамъ вмѣстѣ съ Вольфомъ, но ни на минуту не оставался наединѣ съ Маріей-Луизой и обмѣнялся съ ней только нѣсколькими незначительными словами.

Въ слѣдующую субботу Грабаусъ читалъ лекцію такъ спутанно и вяло, что послѣ окончанія къ нему подошла какая-то сострадательная директриса, спросила, не болитъ ли у него голова и посовѣтовала ему брать порошки аспирина. Затѣмъ одна старая учительница стала его убѣждать, что у него навѣрно продрогли ноги и въ этомъ причина его нездоровья. Она посовѣтовала ему носить пуховые чулки и сейчасъ же дала адресъ магазина, гдѣ можно купить такіе чулки. Когда къ этимъ двумъ дамамъ присоединилась еще третья, Грабаусъ поспѣшилъ спастись отъ нихъ и, быстро распрощавшись, торопливо пошелъ нагонять Марію-Луизу. Онъ сначала пошелъ направо, потомъ повернулъ налѣво, пока, наконецъ, не увидалъ на другой сторонѣ улицы Марію-Луизу—опять въ сопровожденіи дѣвушки. Онъ попросилъ позволенія пройти нѣсколько шаговъ вмѣстѣ съ ней. Она отвѣтила, что отправляется за покупками и что мужчины только мѣшаютъ при этомъ.

— Лучше пойдите къ намъ и посидите съ мужемъ. Я скоро вернусь,—сказала она.

— Я тоже отправляюсь за покупками,—отвѣтилъ Грабаусъ съ упрямой настойчивостью человѣка, который бросился въ воду и рѣшилъ или доплыть до другого берега, или утонуть.—Мнѣ двѣ директрисы посовѣтовали купить пуховые чулки, чтобы ноги не мерзли, и порошки аспирина, чтобы голова не была въ огнѣ. Я навѣрное говорилъ сегодня, какъ идіотъ—и чувствую себя идіотомъ. Впрочемъ, нѣтъ, не идіотомъ; я ужъ недѣлю точно въ горячкѣ.

— Такъ вамъ бы дѣйствительно лучше сидѣть въ теплѣ, а не бѣгать по холоду. Я съ удовольствіемъ куплю все, что̀ вамъ нужно.

— Зачѣмъ вы надо мной смѣетесь? Это некрасиво!

— Господи!—испуганно воскликнула она.—Я не смѣюсь, а говорю совершенно серьезно.

— Я боленъ—только оттого, что насъ что-то раздѣляетъ, что вы ужъ не попрежнему относитесь ко мнѣ. Я знаю, почему. Вы, конечно, правы. Но позвольте мнѣ одинъ разъ откровенно поговорить съ вами. Тогда—если вы сочтете это нужнымъ—я уйду навсегда.

Марія-Луиза продолжала идти, ничего не отвѣчая. Они прошли мимо ярко освѣщеннаго магазина и взоры ихъ встрѣтились при свѣтѣ. Ея тревожный, нерѣшительно вопрошающій взглядъ остановился на секунду на его блѣдномъ, измученномъ лицѣ и умоляющихъ глазахъ.

— Подождите минуту,—сказала она.

Она обернулась, вынула изъ кошелька деньги и бумажку со спискомъ того, что̀ нужно купить, и передала все это дѣвушкѣ. Дѣвушка направилась къ рынку, а они продолжали вдвоемъ путь въ противоположномъ направленіи.

— Благодарю васъ,—прошепталъ Грабаусъ.

Марія-Луиза слегка вздрогнула и сказала:

— Вы хотите, очевидно, поговорить со мной относительно письма, которое вы мнѣ написали. Оно вѣдь насъ разъединило. Я показала его мужу, и онъ сказалъ, что вы никогда больше не заговорите о немъ, что вы опомнитесь, и эта исторія будетъ навѣки похоронена.

— Пусть она будетъ похоронена—я согласенъ.

— Тогда все отлично. Пойдемте къ намъ. Я вамъ дамъ письмо, вы его разорвете—и пусть все будетъ по-старому. Развѣ это не самое лучшее?

— Это невозможно,—тихо отвѣтилъ онъ.—Такъ, какъ было прежде, уже больше не можетъ быть. То, что̀ прошло, не вернется. Будетъ что-нибудь новое—такъ или иначе. Когда я писалъ вамъ это письмо, я думалъ, что вы его прочтете, оставите его у себя, поймете—оправдаете меня.

— Оправдаю?

— Я долженъ былъ его написать. Я зналъ, опуская его въ ящикъ, что, можетъ быть, стану въ вашихъ глазахъ презрѣннымъ человѣкомъ, но все-таки отослалъ его. Я иначе не могъ поступить.

— Могли. Еслибы вы вняли голосу чистаго человѣка, который живетъ въ васъ, вы бы не написали его.

— Напротивъ того. Я написалъ его подъ вліяніемъ лучшаго, что̀ есть во мнѣ.

Не обращая вниманія на дорогу, они шли по тихимъ улицамъ и вышли на бельведерскую аллею. Мимо нихъ мелькали темныя фигуры, которыя съ провинціальнымъ любопытствомъ старались узнать ихъ лица. Поѣздъ городской желѣзной дороги промчался мимо нихъ, заливъ ихъ яркимъ свѣтомъ. Грабаусъ остановился. Указывая на занесенный снѣгомъ паркъ, который тянулся влѣво отъ нихъ въ бѣлой полумглѣ, онъ сказалъ:

— Пойдемъ туда. Тамъ по крайней мѣрѣ тихо.

— Я не хожу въ паркъ такъ поздно,—рѣзко отвѣтила она.—Скажите мнѣ здѣсь то, что̀ вы имѣете еще сказать мнѣ.

— Я попытаюсь. И, вѣроятно, это будетъ нашъ послѣднiй разговоръ. Я долженъ объяснить вамъ, въ какомъ настроенiи я писалъ это письмо. Тогда вы его если и не оправдаете, то во всякомъ случаѣ не такъ строго осудите. Я очень любилъ мою жену—и ставилъ ее чрезвычайно высоко. Но потомъ я убѣдился, что ошибся, что она не такая, какой она мнѣ казалась, а самая обыкновенная женщина съ мелкими интересами. И мнѣ показалось тогда, что вся моя жизнь испорчена. Я могъ заботиться о карьерѣ, но то, что̀ составляетъ цѣнность жизни, исчезло. Я потерялъ вѣру въ себя вмѣстѣ съ вѣрой въ жену. Мысли мои, быть можетъ, имѣютъ значенiе—но весь я казался себѣ ничтожнымъ. Я судилъ себя по той женщинѣ, чью любовь я завоевалъ. Въ этомъ настроенiи я встрѣтился съ вами. А теперь выслушайте терпѣливо то, что̀ я еще имѣю вамъ сказать. Вы позволяете говорить?

— Говорите,—произнесла Марiя-Луиза сдавленнымъ голосомъ.

Они опять вышли на оживленную улицу. Пройдя нѣсколько времени молча, они какъ бы по безмолвному соглашенiю свернули въ узкую, темную улицу и опять приблизились къ парку.

— Когда я увидалъ васъ въ первый разъ въ Берлинѣ, я сразу почувствовалъ, что заслужить ваше уваженiе и вашу дружбу для меня дороже всякихъ университетскихъ и государственныхъ почестей. Я почувствовалъ, что вы можете вернуть мнѣ вѣру въ себя.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на вечернее небо, на которомъ плылъ мѣсяцъ въ красноватой дымкѣ промежъ стройныхъ высокихъ тополей. Глубоко внизу виднѣлись снѣжныя поляны въ сѣроватомъ предвечернемъ свѣтѣ и переплетались верхушки деревьевъ, объятыя пламенемъ заката.

— Когда я писалъ вамъ письмо, я зналъ, что мы никогда не будемъ принадлежать другъ другу. Но я ничего не желалъ. Никакая нечистая мысль не примѣшивалась къ моей любви. Вовсе не нужно обладать счастьемъ,—нужно только знать, что оно было возможно. Достаточно знать, что не ты недостоинъ любимой женщины, а вѣчныя свѣтила не допустили твоего счастья. Если есть эта вѣра, то дѣйствительность не страшна. Потому я написалъ вамъ—я хотѣлъ имѣть право смотрѣть когда-нибудь изъ моей одинокой комнаты на такую ночь, какъ эта, и сказать

себѣ, что на далекихъ путяхъ, гдѣ безсильна судьба, гдѣ нѣтъ запретовъ, я могъ бы идти рядомъ съ вами. Вотъ въ чемъ моя вина, Марія-Луиза; простите мнѣ ее теперь.

Онъ взялъ ея руку, которая безвольно лежала въ его рукѣ.

— Я прощаю,—тихо сказала она.

— Вы не считаете меня низкимъ человѣкомъ?

Она молча покачала головой и слезы катились по ея щекамъ.

— Марія-Луиза, Марія-Луиза!—шепталъ онъ, не выпуская ея руки изъ своей.—Вотъ тамъ паркъ. Войдемъ туда. Этотъ часъ—нашъ. Тогда то, о чемъ мы мечтали, станетъ дѣйствительностью.

Она взглянула на него съ нѣмымъ вопросомъ и потомъ устремила взоръ на паркъ. Она точно его не узнавала, хотя всю свою жизнь ходила по его дорожкамъ. Теперь онъ казался какимъ-то заколдованнымъ міромъ. Такимъ огромнымъ и тихимъ она его никогда не видала.

— Пойдемъ, Марія-Луиза, пойдемъ!

Но она стояла, не двигаясь съ мѣста. Ей вспомнился далекій весенній вечеръ, когда она одна ходила по дорожкамъ парка, сама не зная, чего ей нужно, и все же медля возвращаться домой. Она тогда чуть не плакала отъ наплыва молодыхъ силъ и предчувствія близящагося расцвѣта жизни. Ея юное сердце, полное невыплаканныхъ слезъ и безмолвнаго ликованія, стремилось на встрѣчу къ кому-то невѣдомому, который долженъ придти и повести ее по сплетающимся дорожкамъ.

— Пойдемъ, Марія-Луиза! Пойдемъ!

Она слушала этотъ дрожащій шопотъ, и ей казалось, что все, чего она ждала и жаждала въ тотъ одинокій весенній вечеръ, исполнилось. Только на минуту въ головѣ ея мелькнула и сейчасъ же исчезла мысль о мрачной комнатѣ, гдѣ ее ждетъ ея одинокій мужъ. Грабаусъ увлекалъ ее впередъ, и на устахъ ея мелькала загадочная улыбка. Она сопротивлялась, но все же уступала и чувствовала все время блаженное и жуткое чувство быстраго полета внизъ, въ какую-то головокружительную бездну.

Они осторожно спускались по узкимъ землянымъ ступенькамъ внизъ на поляну. Онъ шелъ впереди, съ безпокойствомъ оглядываясь на нее. Когда она поскользнулась, онъ быстро схватилъ ее за руку.

— Идемъ же, Марія-Луиза, идемъ!

Все быстрѣе шли они съ лѣстницы. И только спустившись внизъ, они пошли медленнѣе, подъ руку, молча вступая въ окружившій ихъ новый міръ. Когда кончился кустарникъ и передъ

ихъ взорами открылась далекая снѣжная равнина съ отдѣльными группами деревьевъ, а вдали показалась высокая стѣна тополей, надъ которыми теперь сіялъ ровный серебристый свѣтъ мѣсяца, онъ остановился и сказалъ:

— Боже, какъ это прекрасно! Вѣдь мы молоды, Марія-Луиза! О, Марія-Луиза, съ тѣхъ поръ какъ я услыхалъ ваше имя, въ груди моей засѣла птичка, которая постоянно пѣла: Марія-Луиза! Марія-Луиза! и при этомъ клевала мое сердце. Это было сладостно и нестерпимо больно. И я сразу понялъ, что полюблю васъ.

Онъ остановился передъ ней, опьяненный радостью, и сказалъ возбужденнымъ тономъ:

— Снимите вуаль. Она мѣшаетъ мнѣ видѣть ваши глаза.

Онъ отвелъ отъ ея лица вуаль и осторожно заложилъ его на края шляпы. Потомъ онъ положилъ ей руки на плечи, притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ ее въ губы. Весь заиндевѣвшій отъ мороза, онъ едва почувствовалъ теплоту ея губъ. Но поднявъ потомъ голову, онъ быстро взглянулъ вверхъ, точно удивляясь, что мѣсяцъ и звѣзды продолжаютъ сіять. У него было такое чувство, точно случилось самое важное и самое невозможное—то, что давало его жизни новый блескъ и высоко поднимало его надъ всѣми другими людьми. Они безмолвно пошли дальше, сами не зная, куда идутъ, забывъ о времени въ этотъ зачарованный часъ. Она взяла его руку, обвила ею свою шею и сама обняла его. Такъ они шли, и опять она вспомнила свои дѣвичьи грезы, исполнившіяся въ этотъ часъ. Они снова остановились и онъ опять поцѣловалъ ее.

— Какое счастье цѣловать твои нѣжныя, чистыя уста!

— Они уже не чисты,—прошептала она со стономъ.

Раздался бой часовъ въ ясномъ воздухѣ. Она стала торопиться домой, но онъ увлекалъ ее все дальше и она уступала ему, не сопротивляясь его поцѣлуямъ. И только какъ послѣдній отголосокъ того, чѣмъ она была прежде, прозвучали ея слова:

— Что ты дѣлаешь со мной, Генрихъ! У меня нѣтъ больше воли. Мнѣ давно-давно пора домой.

Они подошли къ мосту и стали глядѣть въ темную воду внизу. Опять раздались изъ тишины глухіе удары башенныхъ часовъ.

— Это тотъ мостъ, по которому мы пришли сюда, Марія-Луиза. Какъ теперь все стало инымъ... Ты не раскаиваешься?

— Послушай, Генрихъ,—сказала она, взявъ его за руку.— Обѣщай мнѣ вотъ что: то, что ты мнѣ говорилъ раньше,—правда.

Ты никогда не станешь для меня ближе, чѣмъ теперь. Обѣщай, что ты этого не будешь желать.

— Обѣщаю.

— То, что произошло сегодня, будетъ похоронено. Ты никогда не напомнишь мнѣ объ этомъ—и это никогда не повторится.

— Это и не должно повториться. Это было разъ навѣки.

Она глубоко перевела дыханіе и сказала: тогда все хорошо.

Они медленно направились домой, идя подъ руку и не обращая вниманія на людей, которыхъ встрѣчали. Въ бельведерской аллеѣ, почти у самаго дома, они увидали дѣвушку съ корзинкой въ рукахъ; она быстро прошла мимо нихъ.

— Знаешь кто это?—сказала Марія-Луиза.—Это моя дѣвушка. Она меня не узнала. Она бы никогда не повѣрила, что я хожу подъ руку съ чужимъ господиномъ.

Марія-Луиза вошла въ садъ, закрыла за собой калитку, и они еще въ послѣдній разъ пожали другъ другу руки черезъ рѣшетку. Потомъ она исчезла въ домѣ, а онъ все еще какъ во снѣ пошелъ внизъ по тихой улицѣ.

Марія-Луиза только заглянула въ кабинетъ мужа, гдѣ онъ сидѣлъ и велъ съ братомъ оживленный дѣловой разговоръ. Она поздоровалась съ ними мимоходомъ и пошла въ спальню переодѣться. Дѣвушка пришла ей помочь. Явилась и старая няня, которая еще возила Марію-Луизу ребенкомъ въ колясочкѣ. Она стала снимать съ нея ботинки и пришла въ ужасъ, увидавъ ея промокшія ноги.

Марія-Луиза съ улыбкой выслушала причитанія старой преданной служанки и позволила ей обсушить и вытереть ноги. Всѣ ея мысли были поглощены воспоминаніями; она все еще чувствовала на лицѣ горячіе поцѣлуи Грабауса. Переодѣвшись, она прошла въ кабинетъ.

— Гдѣ ты такъ долго была?—спросилъ майоръ.

— Я гуляла съ докторомъ Грабаусомъ въ паркѣ.

— Вотъ это отлично. По крайней мѣрѣ хоть разъ за всю недѣлю побывала на свѣжемъ воздухѣ. А почему же онъ не зашелъ къ намъ?

— Онъ спѣшилъ домой.

— Хорошо было въ паркѣ?—спросилъ майоръ, и когда Марія-Луиза тихо отвѣтила: Дивно! докторъ Платенъ насмѣшливо взглянулъ въ ея сіяющіе глаза и проворчалъ:

— Зато завтра у тебя будетъ дивный насморкъ.

Она взглянула широко раскрытыми глазами на обоихъ

братьевъ, и вдругъ ей мучительно захотѣлось сказать:—Представьте себѣ, когда мы были въ паркѣ, Грабаусъ сталъ меня цѣловать и, повѣрили бы вы этому? я отвѣчала на его поцѣлуи!'

Она съ трудомъ сдержала свой дикій порывъ—и тогда сразу почувствовала, что жизнь ея измѣнилась: все свѣтлое и ясное потемнѣло. Она машинально пошла ужинать, а послѣ ужина занялась разборомъ покупокъ; но среди работы она вдругъ опустила руки—ей показалось, что сзади ее охватываютъ двѣ могучія руки и кто-то прижимается щекой къ ея щекѣ. Виновна ли я, или нѣтъ? Могу я честно глядѣть въ лицо мужу?—думала она.

Когда мужъ, идя спать, поцѣловалъ ее на порогѣ ея комнаты, она задержала его руку въ своей. Ей безумно хотѣлось признаться ему, но было вмѣстѣ съ тѣмъ страшно причинить ему боль. Она сдѣлала надъ собой усиліе и молча прошла къ себѣ. Лежа въ постели, она долго терзалась мыслями, ища себѣ оправданія и чувствуя, что не можетъ быть сама себѣ судьей. Потомъ опять зазвучали въ ея ушахъ нѣжныя слова Грабауса, улыбка показалась на ея губахъ, и она заснула, думая только о его любви.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней она чувствовала ужасъ передъ случившимся, ужасъ передъ собой, а въ концѣ недѣли стала безумно бояться свиданія съ Грабаусомъ. Въ субботу она проснулась съ головной болью, но все-таки явилась на лекцію. Грабаусъ пошелъ провожать ее домой послѣ лекціи, но оба они молчали всю дорогу, смущенные и слишкомъ взволнованные, чтобы вести безразличный разговоръ. Уже передъ самымъ домомъ они стали говорить свободнѣе, точно чувствуя, что имъ удалось похоронить то, что было. Только когда онъ на прощанье протянулъ ей руку, она невольно пожала ее очень крѣпко и онъ отвѣтилъ ей благодарнымъ взглядомъ. Послѣ этого свиданія Марія-Луиза вздохнула свободнѣе.

Передъ самымъ Рождествомъ пріѣхалъ на каникулы кадетъ. Съ отцомъ онъ нѣсколько стѣснялся, но съ молодой мачихой чувствовалъ себя совершенно свободно и довѣрялъ ей всѣ свои надежды, чувства, радости и огорченія. Со свойственнымъ молодости эгоизмомъ онъ всецѣло завладѣлъ Маріей-Луизой, и она была рада забыть свои чувства въ разговорахъ съ мальчикомъ. Душа ея просвѣтлѣла, и черезъ нѣсколько времени она уже могла думать о случившемся безъ ужаса и раскаянія. Оно опустилось на дно ея души и озаряло тихимъ сіяніемъ всю ея внутреннюю жизнь. Ее охватило глубокое чувство счастья; ей

казалось, что въ этотъ таинственный часъ осуществилось все, о чемъ она тосковала въ юности, что бо́льшаго нечего и желать, что она отнынѣ должна только благодарить судьбу. Никогда она не была веселѣе, нѣжнѣе, никогда болѣе заботливо не относилась къ мужу, чѣмъ въ это время. Отъ нея исходило какое-то обаяніе, которому не могъ противиться, къ своему изумленію, даже докторъ Платенъ.

Грабаусу казалось, что съ того вечера началась для него другая жизнь, въ которой онъ долженъ былъ выказать себя болѣе сильнымъ и смѣлымъ. Онъ откинулъ всякое малодушіе и сталъ работать съ такимъ чувствомъ, точно онъ призванъ разрушить старый міръ и воздвигнуть новый. Иногда, среди работы ночью, имъ овладѣвало дикое чувство радости; онъ вскакивалъ, бѣгалъ по комнатѣ, простирая руки къ кому-то невидимому, или же открывалъ настежь окно и, не чувствуя холода, глядѣлъ на засыпанный снѣгомъ садъ. И все время онъ видѣлъ передъ глазами высокую стѣну тополей, озаренныхъ серебристымъ свѣтомъ мѣсяца, и чувствовалъ прикосновеніе ея губъ, чувствовалъ ея поцѣлуй, которымъ она точно хотѣла отдать всю свою жизнь. И, вопреки его волѣ, внутренній голосъ говорилъ ему, что это еще не конецъ, что настанетъ еще нѣчто болѣе властное и болѣе прекрасное. Онъ проклиналъ этотъ голосъ, повторялъ внутренно клятву, данную ей—но подавить свою надежду не могъ.

Однажды днемъ Грабаусъ оставилъ на время работу, чтобы поиграть съ дѣтьми. Онъ вошелъ въ комнату жены. Констанція сидѣла, погруженная въ чтеніе вечерней газеты. Малютка прилежно вязала что-то и продолжала работать при появленіи отца, а мальчикъ сейчасъ же бросилъ игрушки и бросился къ отцу.

— Что̀ новаго въ газетѣ?—спросилъ онъ жену.

Констанція взглянула на него и, замѣтивъ, что у него болтается оторвавшаяся пуговица, предложила пришить ее.

— Развѣ необходимо сейчасъ?

— Какъ хочешь, но уже потомъ, пожалуйста, не вини меня,—отвѣтила она.

Грабаусъ покорно снялъ сюртукъ, отдалъ его женѣ, а самъ пошелъ въ спальню надѣть домашнюю жакетку. Когда онъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ, жена его сидѣла нахмурившись, сжавъ губы, и глаза сверкали зеленоватымъ блескомъ. Передъ нею лежали на столѣ письма.

— Что это за письма?—спросила она.

— Какія?—отвѣтилъ, ничего не подозрѣвая, Грабаусъ.—Ахъ, эти. Какъ они попали сюда? они были въ моемъ бумажникѣ.

— Очевидно, выпали оттуда. Но скажи мнѣ, пожалуйста, отъ кого они?

Грабаусъ посмотрѣлъ на дѣтей, которыя сразу почувствовали что-то неладное въ разговорѣ родителей. Констанція быстро выслала ихъ изъ комнаты, сказавъ, что скоро позоветъ ихъ обратно; но мальчикъ, прежде чѣмъ выйти, крикнулъ въ дверяхъ:

— Письма не выпали; ихъ мама вынула.

— Ты слышала, Констанція?—спросилъ Грабаусъ.

— Ну такъ что же? — отвѣтила она, пожимая плечами.— Мнѣ, конечно, любопытно было знать, чтò это за письма, которыя ты постоянно перечитываешь. Я вѣдь замѣтила, какъ ты по вечерамъ вынимаешь бумажникъ и ищешь тамъ эти письма. Мнѣ это давно показалось подозрительнымъ. Теперь я желаю знать, отъ кого эти письма.

— Отъ жены майора Платена, — отвѣтилъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

— Отъ жены майора Платена? Такъ она тебѣ тайно пишетъ письма? Это прелестно!

— Тайно? Если ты не читала ея писемъ, то это простая случайность. Письма самыя безразличныя. Прочти, если хочешь.

Быстро схвативъ письма, Констанція стала ихъ читать. Письма были дѣйствительно совершенно безразличныя. Одно Марія-Луиза написала по порученію мужа, въ другомъ рѣчь шла объ одолженной книгѣ. Но Констанція вникала въ каждую фразу, отыскивая въ ней тайный смыслъ. Наконецъ она кончила чтеніе и предложила разорвать письма. Грабаусъ хотѣлъ-было согласиться, чтобы не навлекать ни тѣни подозрѣнія на Марію-Луизу, но при видѣ насмѣшливо торжествующаго лица жены, которая, чтобы помучить его, держала листки въ рукахъ и не сразу рвала ихъ, на него напала безудержная злоба.

— Съ чего это ты вдругъ вздумала шпіонить за мной?— сказалъ онъ.—Ты осматриваешь мои карманы, лжешь, вывѣдываешь. Отдай мнѣ письма. Я ихъ разорву или сохраню—какъ пожелаю. Во всякомъ случаѣ, этимъ путемъ ты не заслужишь моего уваженія.

— Такъ вотъ оно чтò: ты ее любишь! — воскликнула Констанція.—Я такъ и знала. Вотъ почему ты ѣздишь въ Веймаръ, и почему мы должны постоянно приглашать къ себѣ ея брата. Теперь я тебя поймала. Я сижу цѣлыми вечерами одна, чиню

твое бѣлье, работаю на тебя, мучусь съ прислугой. Я просила тебя сто разъ отказать служанкѣ — но у тебя для этого слишкомъ доброе сердце. Тебѣ тяжело прогнать женщину, которая каждый вечеръ уходитъ къ своему возлюбленному. Теперь я понимаю, почему ты ей сочувствуешь... Ну, а теперь конецъ твоимъ поѣздкамъ въ Веймаръ. Я твоя жена и твой долгъ быть при мнѣ. Если я тебѣ больше не нравлюсь, то это не моя вина. Я не могу носить шелковыхъ юбокъ, какъ твоя майорша, и покупать французскіе духи. У меня двое дѣтей, и это испортило мнѣ фигуру. Но все-таки я не допущу, чтобы мой мужъ...

Грабаусъ повернулся и вышелъ изъ комнаты съ глазами, полными слезъ. Съ этого дня начались безконечныя сцены ревности. По внутренней честности, Грабаусъ признавалъ въ душѣ свою вину передъ женой и старался выказать ей удвоенное вниманіе. Но она отталкивала его со словами: — Не представляйся, иди лучше къ своей возлюбленной!

На Рождество онъ ей сдѣлалъ болѣе дорогой подарокъ, чѣмъ ему позволяли его средства. Но при видѣ плотнаго шелка на платье, она прежде всего сказала:

— Ты, кажется, хочешь этимъ задобрить меня — но я не такъ глупа.

Все же подарокъ мужа доставилъ ей удовольствіе—въ особенности при мысли о томъ, какъ ей будутъ завидовать пріятельницы.

Послѣ Рождества Грабаусъ опять сталъ правильно ѣздить въ Веймаръ на лекціи, но уже не оставался на ночь изъ боязни передъ женой. Онъ не могъ выносить ея нападокъ на Марію-Луизу, и весь дрожалъ при одномъ упоминаніи ея имени женой.

Когда ревность Констанціи нѣсколько улеглась, Грабаусъ наконецъ могъ выполнить то, что̀ считалъ настоятельнымъ долгомъ вѣжливости: онъ пригласилъ чету Платеновъ, доктора и Вольфа къ обѣду. Майору сначала мѣшала пріѣхать его болѣзнь, но когда наступили сухіе морозные дни, ему сдѣлалось лучше и обѣдъ могъ состояться. Дѣти Грабаусовъ очень волновались въ ожиданіи гостей, о которыхъ родители такъ много говорили въ ихъ присутствіи. Когда наконецъ гости пріѣхали, мальчикъ отъ смущенія повелъ себя полнѣйшимъ дикаремъ, къ ужасу своей матери; только малютка поддержала репутацію семьи своимъ благонравіемъ и учтивостью. Грабаусъ былъ, однако, очень радъ необузданности своего сынка, благодаря которому время до обѣда прошло не такъ тягостно, какъ онъ предполагалъ. Констанція отнеслась къ гостямъ съ царственной

холодностью и церемонностью, и Грабаусъ съ ужасомъ думалъ о томъ, какъ будетъ томительно во время обѣда. Но противъ ожиданія, обѣдъ сошелъ отлично. Майоръ такъ мило разговаривалъ съ хозяйкой дома, что она растаяла и почувствовала къ нему искреннюю дружбу. Но тѣмъ сильнѣе разгоралась ея ненависть къ Маріи-Луизѣ.

Послѣ обѣда мужчины ушли въ кабинетъ Грабауса курить, а обѣ дамы вернулись въ гостиную. Мальчикъ настолько примирился теперь съ новой тетей, что не сходилъ у нея съ колѣнъ и на ея приглашеніе пріѣхать къ ней отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ пріѣдетъ, если поѣдетъ отецъ.

— И мама конечно? Безъ мамы ты бы вѣдь не могъ прожить ни одного дня,—сказала съ улыбкой Марія-Луиза.

Констанція была видимо недовольна чрезмѣрными симпатіями сына къ гостьѣ. Подъ предлогомъ, что мальчикъ изомнетъ платье Маріи-Луизы, она выпроводила обоихъ дѣтей изъ гостиной. Когда они ушли, Марія-Луиза сказала:

— Какъ вы должны быть счастливы, имѣя двухъ такихъ очаровательныхъ дѣтей.

— Конечно, — сухо отвѣтила Констанція.—Я нахожу, что бездѣтный бракъ совершенно не выполняетъ своего назначенія.

Марія-Луиза вздрогнула отъ безтактности Констанціи, увѣренная, что ей самой будетъ стыдно, когда она пойметъ неумѣстность своихъ словъ. Но Констанція, повидимому, была вполнѣ довольна сказаннымъ. Развалившись въ креслѣ, она продолжала говорить тѣмъ же тономъ:

— Я бы, напримѣръ, — говорила она,—никогда не развелась съ мужемъ, что̀ бы ни случилось. Теперь разводъ въ модѣ, но я бы на него не согласилась, какъ бы мой мужъ ни добивался. Я его жена и, пока я жива, онъ принадлежитъ мнѣ. Пусть это всѣ знаютъ.

На минуту у Маріи-Луизы было желаніе сейчасъ же подняться и уйти. Она съ неподвижнымъ лицомъ поглядѣла на Констанцію, которая нѣсколько разъ кивнула головой, точно подтверждая свои слова, и потомъ сказала:

— Какъ должно быть тяжело, если приходится насильно удерживать мужа подлѣ себя.

— Это всегда такъ бываетъ.

— Не знаю, мнѣ съ такими взглядами не приходилось сталкиваться. Но оставимъ лучше этотъ разговоръ,—прибавила Марія-Луиза съ любезной улыбкой. — Я никогда не думала о томъ, что мой мужъ можетъ разлюбить меня, или я—его.

— Неужели?—проговорила Констанція, которой уже нечего было сказать.

Когда потомъ всѣ собрались къ кофе, Марія-Луиза была разговорчива и весела, точно ничего не случилось. Но внутренно она вся дрожала, и ей хотѣлось какъ можно скорѣе уйти изъ этого дома. По дорогѣ къ вокзалу майоръ пошелъ подъ руку съ женой.

— Слава Богу,—проговорила она, прижимаясь къ нему,— что мы будемъ скоро дома!

— Развѣ ты себя нехорошо чувствуешь?—озабоченно спросилъ онъ.

— Нѣтъ. У меня немножко голова болитъ, но это пройдетъ. А ты?

— Я отлично провелъ время. Нашъ другъ мнѣ все больше и больше нравится. Ну, а его жена—можетъ быть, у нея есть скрытыя достоинства.

За ними шли Грабаусъ и Вольфъ, а докторъ Платенъ и жена Грабауса замыкали шествіе. Отъ долгаго сидѣнья у доктора Платена мерзли ноги и горѣла голова и настроеніе духа было самое отчаянное. Онъ все время не принималъ участія въ разговорѣ, а теперь про себя со всѣми спорилъ и всѣхъ ругалъ. Онъ по привычкѣ заложилъ руки за спину и наклонилъ голову впередъ. Констанція, которая была нѣсколько выше его ростомъ, видѣла передъ собой только его шляпу. Ей неудержимо хотѣлось подѣлиться со своимъ спутникомъ злобой и ненавистью, накипѣвшей въ ея сердцѣ, и она все не знала какъ начать разговоръ съ молчаливымъ докторомъ. Наконецъ случай помогъ ей. Уже поблизости отъ вокзала докторъ Платенъ поскользнулся въ темнотѣ и чуть не упалъ.

— Этого еще недоставало,—проворчалъ онъ.—Ну, и освѣщеніе въ этомъ проклятомъ гнѣздѣ!

Обрадовавшись предлогу поговорить, Констанція подхватила его слова и возбужденно отвѣтила, побагровѣвъ въ лицѣ.

— Ненавистенъ мнѣ этотъ городъ. Хоть бы скорѣе Богъ унесъ насъ отсюда! Куда угодно, лишь бы подальше отъ Веймара. Вѣдь ему только тамъ и нравится—здѣсь онъ всѣмъ недоволенъ. И на меня вѣчно нападаетъ, никакъ ему не угодишь. Вы не повѣрите, до чего я измучилась.

Докторъ Платенъ никакъ не могъ понять, о чемъ собственно она говоритъ.

— Чѣмъ же вы виноваты, что Веймаръ лучше?—спросилъ онъ.—Вѣдь не вы построили это старое гнѣздо.

— Да дѣло не въ городѣ. Я говорю о томъ... Ахъ, женщина на вашемъ мѣстѣ давно бы меня поняла!

— Ну, конечно, гдѣ ужъ мнѣ быть такимъ догадливымъ, какъ женщина!

— А между тѣмъ для васъ это должно было быть ясно какъ день. Вѣдь все это происходитъ у васъ въ домѣ... Да неужели вы не понимаете? — прибавила она при видѣ застывшаго отъ изумленія лица доктора.—Одно я вамъ скажу: если между моимъ мужемъ и вашей невѣсткой это еще будетъ продолжаться—быть худу!

— Гм! — пробормоталъ докторъ Платенъ вмѣсто отвѣта, и уже до самаго вокзала, а потомъ до отхода поѣзда не проговорилъ ни слова.

На возвратномъ пути Констанція была необыкновенно мила съ мужемъ, подняла ему сама воротникъ, чтобы онъ не простудился, и на его вопросъ, какъ ей понравились Платены, стала горячо хвалить майора и жалѣть бѣдную Марію-Луизу, которая такъ завидуетъ ей, какъ матери двухъ дѣтей.—Конечно, изъ насъ двухъ я болѣе счастливая,—съ мелкой гордостью прибавила она.

Хорошее настроеніе Констанціи длилось нѣсколько дней. Она была очень довольна своимъ поступкомъ, считала, что дѣйствовала нравственно и умно, и въ то же время иногда внутренно смѣялась надъ мужемъ за то, что съиграла съ нимъ такую штуку. Она была увѣрена, что докторъ сейчасъ же поговоритъ съ братомъ, и дружбѣ ея мужа съ Маріей-Луизой будетъ положенъ конецъ.

Докторъ Платенъ былъ сильно взволнованъ словами Констанціи, причемъ съ первой же минуты не сомнѣвался въ основательности ея подозрѣній. На обратномъ пути онъ сидѣлъ противъ невѣстки, мрачно глядѣлъ на нее и только думалъ: какъ далеко собственно у нихъ зашло?

Онъ любилъ брата преданной родственной любовью. Къ женѣ его онъ долго относился отрицательно за то, что она вторглась къ нимъ въ семью, и только очень медленно примирялся съ ней и сталъ прощать ей ея красоту и молодость. Особенно хорошо сталъ онъ относиться къ ней, когда она, нѣсколько упавшая духомъ, поддалась его вліянію. Онъ сталъ дѣлиться съ нею своими мыслями и чувствами. Но когда она вернулась изъ Берлина совсѣмъ иной, оживленной и веселой, это показалось ему измѣной, и онъ все спрашивалъ себя, подъ чье вліяніе она подпала и кто ее такъ измѣнилъ. Съ первой встрѣчи съ Грабаусомъ ему все

сдѣлалось яснымъ. Онъ не сомнѣвался, что Марія-Луиза предпочитаетъ сентиментальную дружбу съ этимъ человѣкомъ, который казался ему шарлатаномъ и краснобаемъ, серьезной преданности такого старика какъ онъ. Въ сердцѣ доктора Платена зашевелилась горечь и ревность, хотя онъ въ этомъ не сознавался даже самому себѣ. Вотъ почему онъ сразу повѣрилъ словамъ Констанціи. Брату онъ все-таки ничего не сказалъ, а только рѣшилъ зорко наблюдать за невѣсткой. Ее даже начало пугать то, что куда бы она ни пошла, она непремѣнно встрѣчала его. Въ субботу онъ пришелъ за нею на лекцію и проводилъ ее и Грабауса домой.

Марія-Луизѣ такъ надоѣло это шпіонство деверя, что она почти перестала выходить изъ дому. Она больше сидѣла у окна и все глядѣла на паркъ. Она видѣла его въ самыхъ разнообразныхъ освѣщеніяхъ, въ солнечномъ свѣтѣ, или подъ сѣдымъ покровомъ тумана, или въ торжественный часъ заката. Но ни разу больше она не видѣла его при лунѣ, потому что наступили пасмурные дни и небо покрыто было тучами. Только въ воображеніи рисовалась ей стѣна высокихъ тополей, освѣщенная серебристымъ свѣтомъ луны, низкіе кусты—и они оба въ тотъ странный часъ. Она знала, что этотъ часъ не повторится, и чувствовала также, что въ этотъ часъ исполнился смыслъ ея жизни, расцвѣло ея счастье,—и вмѣстѣ съ тѣмъ вошло въ сердце неизгладимое сознаніе вины.

Когда она стояла разъ вечеромъ у окна, погруженная въ эти мысли, въ комнату вошелъ майоръ и, подойдя къ ней, спросилъ, почему она такъ грустна въ послѣднее время. Она стала говорить о томъ, какъ ей тяжело на сердцѣ и какъ ей хочется открыть ему свою душу.

— Но теперь я этого не могу сдѣлать,—тихо проговорила она.—Нельзя мѣшать горячіе уголья—можетъ вспыхнуть огонь. Дай остыть, тогда я все скажу. Это скоро настанетъ. А до тѣхъ поръ терпѣливо жди и довѣряй мнѣ.

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь на минуту терялъ довѣріе? Нѣтъ, дитя, я тебя лучше знаю, чѣмъ ты сама. Ни на что дурное ты неспособна. Повторяю тебѣ—ты свободна, я хочу только, чтобы ты была счастлива.

— Мое счастье здѣсь—у тебя,—возбужденно отвѣтила она. А теперь не спрашивай, а только держи меня и не отпускай!

Она прижалась головой къ его груди, и когда онъ обнялъ ее, ей стало такъ спокойно отъ сознанія его преданности, которая защититъ ее отъ всего грубаго и позорнаго.—Защити

меня и отъ него, и отъ меня самой, мысленно молила она мужа. — Но въ эту минуту она снова увидѣла передъ собой паркъ, залитый луннымъ свѣтомъ, и вспомнила все очарованіе того незабвеннаго часа. И опять ея бурное сердце, точно вырвавшись изъ клѣтки, полетѣло навстрѣчу веснѣ и радости. Ея слова о томъ, что все скоро остынетъ, показались ей предательствомъ: она знала, что не остынетъ ея любовь, пока въ ея сердцѣ останется хоть одна капля теплой крови. Умереть бы скорѣе,— мечтала она въ отчаяніи,—и передъ смертью сказать тебѣ, какъ я тебя люблю!..

Проходили дни, а голоса, проснувшіеся у нея въ душѣ, не умолкали, какъ она ни боролась противъ нихъ. Послѣ безсонныхъ ночей она чувствовала себя смертельно уставшей, какъ пловецъ, который въ послѣдній разъ смотритъ на далекій берегъ, прежде чѣмъ опуститься на дно.

VI.

Въ такомъ настроеніи, утомленная безсонными ночами и мучительными днями, обезсилѣвъ отъ безплодной борьбы, Марія-Луиза вышла разъ днемъ прогуляться по просьбѣ мужа, котораго тревожилъ ея больной видъ. Она безцѣльно бродила по городу, избѣгая оживленныхъ мѣстъ, и вдругъ, свернувъ на одну тихую улицу, вздрогнула, увидавъ передъ собой Грабауса. Хотя всѣ ея мысли сосредоточены были на немъ, но она была увѣрена, что онъ теперь далеко, и даже не сразу его узнала. Какъ вы сюда попали?—спросила она.

— Я пріѣзжаю сюда каждый день, надѣясь встрѣтить васъ. Сначала я стоялъ передъ вашимъ домомъ, но я встрѣтилъ тамъ доктора Платена и потому предпочелъ бродить по улицамъ. Я зналъ, что когда-нибудь да встрѣчу васъ. А теперь,—его голосъ перешелъ въ беззвучный шопотъ,—теперь мы должны поговорить.

Она ничего не отвѣтила, но слова его прозвучали въ ней какимъ-то весеннимъ ликованіемъ. Она безмолвно пошла рядомъ съ нимъ, и все вокругъ нея расплывалось, кружилось. Пройдя мимо освѣщеннаго маленькаго магазина, она вдругъ рѣшила зайти туда.

— Подождите меня здѣсь минуту,—прошептала она съ блуждающей странной улыбкой на губахъ.

Это былъ перчаточный магазинъ. Она потребовала перчатки и стала машинально примѣрять ихъ, безсознательно отвѣчая на

вопросы продавщицы, въ то время какъ душа ея была охвачена страстью, протестомъ и мукой. Она чувствовала себя во власти охватившихъ ее желаній, но въ хаосѣ чувствъ, нахлынувшихъ на нее, что-то ускользало отъ нея, будя въ ней тревогу. Подъ несмолкаемый голосъ продавщицы она вдругъ вспомнила о мужѣ. Я уйду отъ него—это и была та мысль, за которую она долго не могла ухватиться. — Онъ этого не переживетъ. Онъ не будетъ удерживать меня, не будетъ жаловаться, но, Боже, какъ могла я даже подумать объ этомъ! Никогда, никогда.

Когда она черезъ нѣсколько минутъ вышла изъ магазина, все, что̀ такъ бурно потрясало ея душу, смирилось передъ ея непреклонной волей. Точно среди представленія спустился желѣзный занавѣсъ, герметически закрывая за собой пестрый міръ сцены. Лицо ея имѣло отчужденное суровое выраженіе, когда она обратилась къ Грабаусу со словами:

— Какъ вы поживаете?

— Я васъ не видѣлъ двѣ недѣли, а вы спрашиваете, какъ я поживаю!—отвѣтилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Я ждалъ отъ васъ какихъ-нибудь извѣстій, думалъ, что въ чемъ-нибудь виноватъ и потому вы молчите, и наконецъ узналъ отъ жены, какъ она съ вами поступила. Марія-Луиза, простите меня. Вѣдь я не могу отвѣчать за жену.

— Не говорите такъ. Я виновата передъ нею и искренно раскаиваюсь.

Она остановилась, протянула ему руку и сказала коротко и быстро:

— Докторъ Грабаусъ, разойдемтесь лучше теперь, пока мы это можемъ сдѣлать мирно.

Онъ взглянулъ на нее, точно не понимая ея словъ. Ея неподвижное лицо выражало непоколебимую волю. Тогда онъ беззвучно сказалъ:

— Если такъ, то вы со мной только играли.

Она возмутилась.

— Вѣдь вы мнѣ клятвенно обѣщали никогда не вспоминать о прошломъ! Значитъ, вы лгали и нарушаете теперь клятву.

Онъ вздрогнулъ и его расширившіеся и покраснѣвшіе отъ безсонныхъ ночей глаза наполнились слезами. Онъ опустилъ голову и они молча шли по тихой пустынной улицѣ, которая вела къ дому Платеновъ. Не доходя до дому, онъ только съ умоляющимъ жестомъ попросилъ пройти дальше, до слѣдующаго угла—и она пошла съ нимъ, хотя чувствовала себя близкой къ обмороку.

— Вы правы,—тихо сказалъ онъ,—но пользоваться этимъ правомъ—безчеловѣчная жестокость съ вашей стороны. Вы не знаете, сколько я выстрадалъ за эту недѣлю.

— Послушайте, Генрихъ, мнѣ много разъ хотѣлось съ вами поговорить. Я думала, что вы сильнѣе меня, что вы мнѣ поможете. Вспомните о вашихъ дѣтяхъ, тогда вы забудете обо всемъ остальномъ.

— Я о нихъ думалъ. Но и для нихъ лучше, чтобъ я оставилъ ихъ на многіе годы, чѣмъ чтобы я сталъ ни къ чему непригоднымъ человѣкомъ. Да и зачѣмъ мнѣ оставлять ихъ? Мы будемъ бороться за наше счастье, Марія-Луиза!

Они перешли черезъ улицу и пошли по другой сторонѣ аллеи подъ тихими старыми деревьями парка, которыя простирали надъ ними свои узловатыя вѣтви.

— Бороться за такое святотатственное счастье?—тихо спросила она.

— Не за счастье, а за жизнь. Безъ васъ все, что только есть во мнѣ цѣннаго, умретъ. Если я останусь прикованнымъ къ моей женѣ на всю жизнь, я погибну. Она болѣе сильная изъ насъ двухъ и задавитъ меня. А развѣ вамъ я не нуженъ? Вы тоже плѣнница, Марія-Луиза. Мы покажемъ себя презрѣнными рабами, если не вступимъ въ борьбу съ цѣлымъ міромъ за свое право на жизнь. Позвольте мнѣ пойти къ вашему мужу и сказать ему все. Я вручу ему нашу судьбу—и повѣрьте, что онъ станетъ на мою сторону, а не на вашу.

Только тихій стонъ вырвался изъ ея груди въ отвѣтъ на его слова. Потомъ она быстро повернулась и перешла обратно черезъ улицу. Она шла глубоко по снѣгу и такъ спѣшила, что нѣсколько разъ поскользнулась. Его попытки удержать ее были напрасны.

— Пустите меня, мнѣ нужно скорѣе домой!—повторяла она.

За освѣщеннымъ окномъ дома она увидѣла смутный силуэтъ мужа, и такой хаосъ былъ въ ея душѣ, что ей одновременно хотѣлось и протянуть къ нему руки, умоляя о помощи, и повернуть назадъ, убѣжать въ тишину и мракъ парка.

У самой рѣшетки дома Грабаусъ еще удержалъ ее съ отчаянной рѣшимостью, настаивая на томъ, чтобы она позволила ему пойти теперь къ мужу. Но она съ силой вырвалась и сурово сказала:

— Если вы хотите, чтобы я сохранила хоть каплю хорошаго чувства къ вамъ, отпустите меня.

Онъ отошелъ въ сторону и пропустилъ ее. Она, не оглянув-

шись, прошла черезъ палисадникъ и вошла въ домъ. Еще въ передней ей казалось, что ее преслѣдуютъ его взгляды и его голосъ, и она быстро побѣжала по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату. Тамъ она со стономъ кинулась на постель, но потомъ опять вскочила, преслѣдуемая какимъ-то безотчетнымъ страхомъ, въ нерѣшительности постояла передъ дверью, а затѣмъ сбѣжала внизъ на улицу и оглянулась во всѣ стороны. Она сама не знала, боится ли она, что онъ сдѣлаетъ что-нибудь надъ собой, или ей хочется крикнуть ему, чтобы онъ не оставлялъ ее. Увидавъ издали какую-то фигуру, она кинулась впередъ, думая, что это Грабаусъ, но это былъ чужой человѣкъ, который удивленно снялъ шляпу и поклонился.

Въ полномъ отчаяніи она направилась къ вокзалу, но съ половины дороги повернула назадъ. Шаги ея становились все быстрѣе, а мысли все больше путались. Сама не зная какъ, она очутилась на полѣ, гдѣ ее обдувалъ со всѣхъ сторонъ холодный вѣтеръ и засыпалъ снѣгъ. Она хотѣла вернуться домой, но невыразимая тревога гнала ее дальше. Она пошла въ паркъ, бродила тамъ вдоль и поперекъ, среди кустарниковъ, по снѣжнымъ полянамъ. Она чувствовала въ груди рѣжущую боль. Ее кидало въ ознобъ и жаръ. Тревога все усиливалась. Она опустилась на скамейку и почувствовала, что въ ней поднимается что-то теплое. Растерявшись, сама не зная, что это значитъ, она выкашляла много мокроты. Дрожа отъ страха и холода, она поднялась, но едва прошла два-три шага, какъ теплая волна снова поднялась въ ней. Она поднесла платокъ къ губамъ— онъ покраснѣлъ отъ теплой крови. Тогда ее охватила радостная надежда. Я умру и освобожусь отъ всего этого ужаса!—подумала она.

Майоръ веселымъ и бодрымъ голосомъ послалъ свою жену гулять, предупреждая, что если она вернется раньше, чѣмъ сказала, онъ ее будетъ бранить. Но въ ту же минуту, какъ за ней закрылась дверь, лицо его измѣнилось, потухло и опустилось. Онъ взялъ книгу, но не могъ читать и сталъ тревожно вглядываться въ сѣрыя сумерки. Темныя тѣни надвигались изъ угловъ комнаты, и въ немъ все болѣе и болѣе усиливалось чувство печали и одиночества.

Опять въ немъ зашевелилось двойственное чувство: ему ревниво хотѣлось не отпускать отъ себя жену, и въ то же время чувство справедливости говорило ему, что преступно приковывать ея молодость къ комнатѣ больного.

Огонь въ каминѣ догоралъ, ему становилось холодно и болѣла нога, но у него не хватало энергіи позвать дѣвушку. Онъ поднялся и сталъ ходить по комнатѣ, забывая физическія страданія среди охватившей его тревоги. Мысли его уносились въ прошлое, въ мрачные годы его перваго брака: жена его была очень черствая, злая женщина. А когда сдѣлалось возможнымъ счастье съ женитьбой на Маріи-Луизѣ—пришла болѣзнь... Расхаживая взадъ и впередъ по стемнѣвшей комнатѣ, майоръ чувствовалъ, что и прошлое и будущее одинаково мрачны для него, и ему было такъ тяжело, точно никогда не было у него въ жизни свѣтлыхъ минутъ.

Пробило шесть часовъ. Марія-Луиза должна была вернуться уже четверть часа тому назадъ. Онъ позвонилъ, велѣлъ поправить огонь въ каминѣ и зажечь свѣтъ, потомъ подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу. Время проходило, тревога его росла, и онъ сталъ думать о дружбѣ жены и Грабауса. Пока Марія-Луиза была подлѣ него, онъ ясно видѣлъ, что въ ней происходитъ, и понималъ—даже помимо ея словъ—ея чувства къ другу. Но теперь, въ ея отсутствіе, на него напалъ тупой страхъ; онъ сталъ придумывать средства положить конецъ этой злополучной дружбѣ. Внутренній голосъ говорилъ ему, что насильственный разрывъ ни къ чему не приведетъ, что Марія-Луиза можетъ освободиться отъ охватившаго ее чувства только собственной волей. Но все-таки онъ рѣшилъ уѣхать съ женой, мысленно предлагалъ ей это, рѣзко убѣждалъ, возражалъ ей, даже настаивалъ на своихъ правахъ.

Внизу хлопнула входная дверь, и майоръ услышалъ шаги жены въ передней. Сознаніе ея близости сразу его успокоило. Но вмѣсто того, чтобы, какъ всегда, зайти сначала къ нему, она прямо пошла наверхъ—вѣроятно переодѣться. Черезъ нѣсколько минутъ снова раздались ея шаги, и онъ поднялся, уже улыбаясь въ ожиданіи, что она сейчасъ войдетъ. Въ эту минуту снова стукнула входная дверь.

Когда черезъ четверть часа изъ сосѣдней комнаты вошелъ докторъ Платенъ, майоръ съ такимъ разстроеннымъ, тревожнымъ лицомъ смотрѣлъ изъ окна, что въ первую минуту даже не замѣтилъ прихода брата.

— Почему ты стоишь здѣсь въ темнотѣ?—спросилъ докторъ.

Майоръ обернулся, опомнился и сказалъ:

— Мы можемъ пройдти въ гостиную, если хочешь.

Онъ послѣдовалъ за братомъ, который, по привычкѣ, сейчасъ же сѣлъ на кресло у камина, поднялъ колѣни и сталъ

тереть себѣ лобъ рукой. Вдругъ онъ поднялъ голову и спросилъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— Ты знаешь, что Марія-Луиза гуляетъ теперь съ докторомъ Грабаусомъ?

— Съ Грабаусомъ? Вотъ какъ!

Майоръ старался всѣми силами подавить обморочное чувство, которое легкимъ туманомъ застилало ему глаза. Онъ все повторялъ себѣ, что она скоро вернется и тогда все объяснится.

— Ты развѣ ничего не имѣешь противъ ихъ тайныхъ встрѣчъ?—продолжалъ спрашивать докторъ.

— Тайныхъ? До сихъ поръ мнѣ Марія-Луиза всегда говорила, когда она встрѣчала Грабауса.

— Такъ ты, можетъ быть, знаешь, что докторъ Грабаусъ въ послѣдніе дни все расхаживалъ тутъ передъ домомъ, высматривая ее?

— Не ошибаешься ли ты? Онъ вѣдь можетъ всегда зайти къ намъ. Онъ знаетъ, что ему будутъ рады.

— Вѣроятно у него есть причина не входить.—Докторъ Платенъ, весь красный въ лицѣ, вскочилъ и проговорилъ голосомъ, который отъ возбужденія превратился въ какой-то тихій шопотъ.

— Послушай, открой глаза, пока не поздно. Неужели ты ничего не видишь?

Майоръ пододвинулъ стулъ брату, самъ тоже сѣлъ и сказалъ:

— Сядь, объяснись какъ слѣдуетъ.

Но докторъ не былъ въ силахъ сдержать свое возбужденіе и продолжалъ ходить взадъ и впередъ. Майоръ продолжалъ:

— Ты совѣтуешь мнѣ открыть глаза?—но я все вижу такъ же, какъ и ты. Я отлично знаю, что Марія-Луиза дружна съ Грабаусомъ, но ничего предосудительнаго въ ихъ дружбѣ не нахожу. Или, можетъ быть, ты замѣтилъ что-нибудь, что̀ ее выставляетъ въ ложномъ свѣтѣ? Въ такомъ случаѣ, скажи. Ты вѣдь самъ знаешь, какая она безхитростная.

— Мнѣ нечего тебѣ говорить. Безсмысленно разсуждать съ человѣкомъ, который ходитъ вокругъ да около, а главнаго понять не хочетъ...

— А что̀ же по-твоему главное?

— То, что они влюблены другъ въ друга. Теперь понялъ! Меня это не касается—но...

Онъ сталъ несвязно передавать все, что̀ ему говорила жена Грабауса и что̀ онъ видѣлъ самъ. Каждый разъ, когда майоръ пытался остановить его, онъ гнѣвно возвышалъ голосъ:

— Меня вѣдь это не касается, она не моя жена. Поступай какъ знаешь.

Преодолѣвъ первое чувство острой боли, майоръ становился все спокойнѣе и внимательно наблюдалъ за братомъ. Онъ чувствовалъ, какъ тотъ страдалъ, мучаясь подозрѣніями, и видѣлъ въ этомъ трогательное проявленіе его братской привязанности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ яснѣе, чѣмъ прежде, до чего онъ внутренно сталъ чуждъ брату, какъ ихъ взгляды и чувства теперь расходятся. Ему было отрадно думать, что эта перемѣна создана въ немъ Маріей-Луизой, и онъ почувствовалъ къ ней несказанную нѣжность.

— Какъ же по-твоему я долженъ поступить? — спросилъ онъ брата, когда тотъ кончилъ.

— Это спрашиваешь ты, офицеръ?—переспросилъ докторъ.

— А если офицеръ тутъ не судья?

На минуту докторъ Платенъ весь замеръ отъ ужаса, потомъ презрительно улыбнулся.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ онъ.—Или ты долженъ поступить какъ мужчина и выгнать этого господина, или молча терпѣть все это. Третьяго исхода я не вижу.

— А между тѣмъ третій исходъ есть, только ты этого не поймешь. Еслибы понялъ, повѣрь мнѣ, ты былъ бы счастливѣе. Да, я знаю, что Марія-Луиза любитъ его, но знаю также, что она борется противъ этой любви. Зачѣмъ же насильно настаивать на томъ, чего она сама можетъ достигнуть собственной волей? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я бы говорилъ и дѣйствовалъ по-твоему, но теперь я многое понялъ и многое сдѣлалось для меня болѣе яснымъ. Я понялъ, что нѣтъ категорическихъ рѣшеній, одинаковыхъ для всѣхъ. Никто не можетъ судить объ отношеніяхъ мужа и жены. Одно я тебѣ скажу: лучшее, чему я научился отъ Маріи-Луизы, это ея доброта ко всѣмъ. Она вѣритъ въ людей, и я счастливъ, что раздѣляю ея вѣру. Какимъ бы я былъ низкимъ человѣкомъ, еслибы теперь вдругъ отказалъ въ этой вѣрѣ именно ей!

Докторъ Платенъ нѣсколько времени ничего не отвѣчалъ, а потомъ проворчалъ:

— Я знаю женщинъ лучше тебя. Всѣ онѣ эгоистки и безразсудны какъ дѣти. Но меня это не касается.

У братьевъ осталось отъ этого разговора тяжелое чувство; они поняли, что между ними невозможно никакое пониманіе,— едва ли даже возможна совмѣстная жизнь. Они молча сидѣли, думая каждый о своемъ. Когда майоръ хотѣлъ уже пойти спра-

виться о женѣ, вошла старая служанка и взволнованно сообщила, что барыня вернулась домой вся въ жару. Когда ее раздѣвали, чтобъ уложить въ постель, дѣвушка замѣтила капли крови на платьѣ и барыня сказала ей, что у нея пошла кровь горломъ. Прежде чѣмъ ее уложили въ постель, съ ней сдѣлался обморокъ.

Майоръ побѣжалъ наверхъ и подошелъ къ постели жены. Марія-Луиза улыбнулась ему и проговорила.

— Не безпокойся. Это не опасно.

Ей трудно было говорить, и майоръ поэтому не разспрашивалъ ее, а позвалъ брата, чтобы знать, что̀ дѣлать. Тотъ послалъ за льдомъ и камфорой и призвалъ еще одного врача, который и явился тотчасъ же.

Марія-Луиза была твердо увѣрена, что умретъ въ ту же ночь. Передъ нею проносились образы и звучали голоса, а она лежала въ забытьи, полная легкихъ, блаженныхъ чувствъ.

Грабаусъ вернулся домой совершенно разбитый и много дней еще провелъ въ полузабытьи, смутно обвиняя Марію-Луизу въ несерьезности ея чувствъ къ нему и еще болѣе упрекая себя за то, что онъ внесъ столько вѣры въ отношенія къ ней. Но послѣ этихъ тяжелыхъ дней онъ проснулся однажды утромъ съ чувствомъ душевнаго обновленія. Послѣ страшнаго возбужденія послѣднихъ недѣль, послѣ сомнѣній, надеждъ и страховъ, на него нашло благодѣтельное ледяное спокойствіе. Онъ рѣшилъ работать и строить дальше зданіе своей жизни. Въ немъ еще была жива бодрая вѣра въ себя, порожденная его любовью, и вмѣстѣ съ тѣмъ окрѣпла и увѣренность, что несчастная любовь не можетъ разбить его жизнь. Онъ снова засѣлъ за работу, продолжая ее съ того мѣста, на которомъ остановился нѣсколько недѣль тому назадъ, съ новой энергіей взялся за лекціи въ университетѣ и еще больше прежняго привлекалъ студентовъ глубиной духовныхъ переживаній, которая сказывалась въ его словахъ. Съ женой онъ былъ очень ровенъ, для дѣтей былъ хорошимъ, хотя и нѣсколько равнодушнымъ отцомъ. Семейная жизнь его потекла по прежнему руслу, и единственнымъ внѣшнимъ результатомъ пережитой имъ бури было то, что, къ крайнему сожалѣнію его многочисленныхъ юныхъ поклонницъ, онъ прекратилъ свои лекціи в Веймарѣ.

Онъ даже самъ удивился спокойствію, съ которымъ онъ втя нулся въ прежнюю жизнь. Только къ концу зимняго семестр онъ почувствовалъ большой упадокъ силъ и съ трудомъ мог

исполнять свои обязанности. Онъ надѣялся, что оправится во время пасхальныхъ каникулъ, но эта надежда не оправдалась. Каждый день онъ доказывалъ себѣ, что необходимо взяться за подготовленіе къ лѣтнему семестру, но никакъ не могъ не только работать, но даже прочесть какую-нибудь книгу. Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ какъ больной у окна, внутренно ругая себя за непростительную трату времени. У него мелькнула тогда надежда побѣдить свою апатію физическимъ трудомъ: вооружившись лопатой, онъ пошелъ въ огородъ работать на грядкахъ.

Черезъ заборъ съ нимъ поздоровались его сосѣди, обрадовавшіеся его появленію, и стали тотчасъ же засыпать его указаніями и совѣтами относительно необходимѣйшихъ въ данное время огородныхъ работъ. Ошеломленный ихъ словоохотливостью и настойчивостью, онъ подчинился имъ, купилъ по ихъ указанію удобреніе и сталъ копать, полоть, удобрять свой участокъ съ необыкновеннымъ усердіемъ. Но разъ среди работы онъ услышалъ вдали звуки музыки—шарманка играла мотивъ вальса. И воображеніе его сейчасъ же перенеслось въ ярко освѣщенную мраморную залу, гдѣ среди блестящей пестрой толпы Марія-Луиза была красивѣе всѣхъ. Марія-Луиза! Марія-Луиза! Ему казалось, что весь солнечный воздухъ проникнутъ звуками ея имени, что его повторяютъ всѣ распускающіеся шелестящіе листки, всѣ щебечущія птички и смѣющіяся дѣти—и эти ликующіе звуки отзывались мучительной насмѣшкой въ его истерзанной груди.

И когда прошла минута экстаза, его охватило непреодолимое отвращеніе ко всему, что онъ дѣлалъ въ эти дни, къ работѣ надъ влажной землей, къ обрабатыванію маленькаго уголка земли, куда онъ хотѣлъ спастись отъ жизненной бури. Онъ показался самъ себѣ жалкимъ прозябающимъ глупцомъ. Съ этого дня онъ пересталъ работать въ огородѣ, предоставивъ его попеченію жены; она призвала огородника и очень быстро произвела всѣ нужныя работы. Въ университетѣ начался лѣтній семестръ, и Грабаусъ только удивлялся долготерпѣнію студентовъ, слушавшихъ его безжизненныя, скучныя лекціи. Аудиторія, впрочемъ, съ каждой лекціей болѣе пустѣла и Грабаусъ чувствовалъ себя все болѣе уставшимъ и одинокимъ. Онъ совершенно ушелъ въ себя, возненавидѣлъ общество людей. Весь міръ казался ему пустымъ, и среди наступившаго мрака у него не было ни малѣйшаго утѣшенія. Воспрявъ на короткое время, онъ написалъ въ Берлинъ, дѣлая запросъ о новомъ университетѣ. Но ему отвѣтили, что пока еще ничего не рѣшено въ виду воз-

никшихъ новыхъ трудностей. О его назначеніи профессоромъ и рѣчи больше не было. Еще прежде, чѣмъ открыть письмо, онъ догадался о его содержаніи. Такъ оно и должно было случиться. Онъ даже внутренно злорадствовалъ—до того онъ потерялъ вѣру въ себя.

Марія-Луиза лежала на плетеной кушеткѣ на балконѣ въ садъ. Подъ тонкимъ шелковымъ одѣяломъ, покрывавшемъ ее до плечъ, она пугала своей неземной воздушностью. У маленькаго столика подлѣ нея сидѣлъ Вольфъ, пріѣхавшій на велосипедѣ, и съ большимъ аппетитомъ пилъ кофе съ сухарями. Онъ уговаривалъ сестру тоже съѣсть что-нибудь, но она съ улыбкой отказалась. Онъ съ тревогой посмотрѣлъ на ея блѣдное лицо, на которомъ горѣли большіе сіяющіе глаза.

— Чтò съ тобой?—спросилъ онъ ее.—Вотъ уже два мѣсяца какъ ты хвораешь и все не можешь поправиться. Чтò говоритъ докторъ?

— Онъ объясняетъ мою болѣзнь вліяніемъ весны.

— Весны?—повторилъ Вольфъ, качая головой.—И Грабаусъ говоритъ то же самое о себѣ. Однако вотъ я, напримѣръ, не хвораю весной,—даже, напротивъ того, отлично себя чувствую.

— Недоставало, чтобы еще ты заболѣлъ. Достаточно одной больной въ семьѣ.

— Я тебѣ кое-что привезъ, Марія-Луиза,—сказалъ Вольфъ и вынулъ изъ кармана фотографическіе снимки разныхъ видовъ природы.—Они не особенно художественны, но вотъ эта, напримѣръ, ничего. Я теперь очень одинокъ и утѣшаюсь велосипедомъ и фотографіей. Кстати, не знаешь ли ты, куда дѣвалась твоя карточка, которую я снималъ? Не оставилъ ли я ее у тебя?

— Нѣтъ, ты ее положилъ въ бумажникъ.

— Мнѣ тоже такъ помнится. А вечеромъ я ее вложилъ въ альбомъ. Теперь ея нѣтъ. А между тѣмъ у меня никого не было за это время, кромѣ Грабауса. Вѣдь не могъ же онъ взять карточку, не сказавши мнѣ. Онъ даже не знаетъ, согласна ли ты дать ему свою карточку. А все-таки, кромѣ него, никого у меня не было.

— Зачѣмъ бы ему брать мою карточку?

Марія-Луиза приподнялась рѣзкимъ движеніемъ, точно ей было неловко лежать, и подперла голову рукой, отвернувъ лицо отъ свѣта. Вольфъ озабоченно поглядѣлъ на нее.

— Какая ты стала нервная. И тебѣ сейчасъ бросается кров

въ голову. Это, кажется, тоже дурной знакъ. Выслушивали тебѣ сердце?

— Да меня все время только выслушиваютъ и осматриваютъ,—отвѣтила она.—Отъ этого лучше не становится.

Вольфъ подошелъ къ краю балкона и посмотрѣлъ внизъ, въ садъ. Тамъ стоялъ на низкой лѣстницѣ докторъ Платенъ и съ яростью отпиливалъ короткой пилой лишній сукъ на деревѣ. На травѣ, передъ разрытой грядкой, стоялъ на колѣнияхъ садовникъ, и оба они были такъ заняты работой, что не замѣчали стоявшаго на балконѣ.

„Странно,—подумалъ Вольфъ. — Чтò произошло между нею и Грабаусомъ? Не поссорились ли они, хотя, казалось бы, какъ ссориться съ Маріей-Луизой? Но оба такъ странно ведутъ себя, точно не хотятъ ничего слышать другъ о другѣ“.

Вольфъ по цѣлымъ недѣлямъ не видѣлся со своимъ другомъ. Еще въ февралѣ онъ зашелъ къ Грабаусу, какъ разъ тогда, когда узналъ о болѣзни сестры, и сейчасъ же разсказалъ ему объ этомъ. Но Грабаусъ такъ рѣзко оборвалъ его, что Вольфъ ушелъ, пораженный его безсердечіемъ. Съ тѣхъ поръ прошли мѣсяцы, въ теченіе которыхъ они очень мало встрѣчались.

— Ахъ да,—сказалъ Вольфъ, продолжая вслухъ свои мысли,— на прошлой недѣлѣ онъ опять ко мнѣ явился.

— Кто?

— Грабаусъ. Но я прямо испугался, взглянувъ на него. У него хуже видъ, чѣмъ у тебя. Когда я его спросилъ, не боленъ ли онъ, онъ взбѣсился, сказалъ, что только переутомленъ, и сталъ посылать къ чорту всѣхъ утверждающихъ, что онъ боленъ. Я, конечно, замолчалъ. Но, по-моему, у него какое-нибудь тайное горе, которое подтачиваетъ его силы.

Марія-Луиза прикрыла лицо рукой и лежала недвижимо; только тонкое итальянское одѣяло порывисто и быстро поднималось и опускалось на ея груди. Занятый желаніемъ понять, чтò дѣлается съ его другомъ, Вольфъ продолжалъ, не обращая вниманія на сестру:

— По-моему,—сказалъ онъ, — Грабаусъ огорченъ неудачей съ университетомъ. Ему обѣщали профессуру, но съ прошлаго года все какъ-то стоитъ на мѣстѣ. Очевидно, это его и мучитъ— другой причины вѣдь не можетъ быть. Къ тому же его преслѣдуютъ, какъ только могутъ, его коллеги. Старикъ Вульманъ назвалъ его на лекціи пустопорожнимъ краснобаемъ. А самое ужасное то, что онъ дѣйствительно упалъ духомъ. Онъ утратилъ всякую вѣру въ себя. Еслибы было возможно, онъ бы радъ былъ сдѣлаться простымъ учителемъ.

— Это онъ тебѣ сказалъ?

— Да, и я долго не могъ забыть этихъ словъ — такъ мнѣ было тяжело. Мы съ нимъ пошли гулять, и онъ едва тащился. Мы вошли въ крестьянскую избу выпить молока. Тамъ было удивительно хорошо. Передъ нами текла рѣка, въ которой возились ребятишки и плавали утки. Противъ насъ былъ фруктовый садъ, гдѣ доцвѣтали послѣднія яблони. Вокругъ все было такое сочное и зеленое. Я тогда сказалъ Грабаусу: вотъ зять Конрадъ,—Вольфъ осторожно поглядѣлъ внизъ въ садъ и продолжалъ тихимъ голосомъ,—онъ бы не замѣтилъ всѣхъ этихъ красотъ, а видѣлъ бы только вотъ то засохшее дерево, и изъ-за него забылъ бы объ остальномъ. Грабаусъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: И онъ былъ бы совершенно правъ. Весь міръ только отраженіе насъ самихъ, и еслибы я былъ докторомъ Платеномъ, и меня бы засохшее дерево больше интересовало, чѣмъ все, что̀ зеленѣетъ и цвѣтетъ вокругъ. И знаете что̀, — прибавилъ онъ,—и я такое же засохшее дерево. Я засмѣялся, думая, что онъ шутитъ. Но онъ поблѣднѣлъ и сказалъ: Если вы меня любите, то повѣрьте, что я это не зря сказалъ. Отъ другихъ я это только скрываю. Для меня все кончено, или, можетъ быть, даже ничего и не было. Теперь я знаю, что я ничего не свершилъ и въ будущемъ ничего не сдѣлаю.—Я старался его утѣшить, но онъ не слушалъ меня. Я всю ночь потомъ не могъ заснуть отъ волненія, и хотѣлъ пойти къ нему на слѣдующее утро, но почему-то не рѣшался.

— Послушай, Вольфъ,—сказала Марія-Луиза, приподнявшись на кушеткѣ съ возбужденнымъ лицомъ.—Послушай!—Она схватила руку брата и пробовала говорить, но ничего, кромѣ глухого шопота, у нея не выходило.

— Ахъ, Боже мой!—прервалъ онъ ее.—Вотъ и ты теперь взволновалась. Зачѣмъ я тебѣ все это разсказалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ты хорошо поступилъ. Только теперь сдѣлай вотъ что̀ для меня: пойди къ нему и попроси, чтобы онъ не приходилъ въ отчаяніе. Скажи ему, что ты просишь отъ моего имени. Понялъ? Какъ можетъ онъ отчаяваться? Передъ нимъ блестящая будущность, если онъ не перестанетъ стремиться впередъ. Пойми, что это было бы величайшимъ преступленіемъ. Онъ долженъ воспрянуть духомъ. Слышишь? Онъ долженъ обѣщать тебѣ это.

Она обхватила руку брата своими горячими сухими руками. Глаза ея были полны слезъ.

— Скажи ему, что я никогда не переставала вѣрить в

него. И если онъ теперь въ отчаяніи, то... скажи ему... что я только изъ любви къ нему...

Она вдругъ громко простонала и, пряча лицо подъ одѣяло, стала судорожно рыдать.

Вольфъ сидѣлъ не двигаясь, не дѣлая попытки утѣшить сестру. Онъ глядѣлъ въ пространство съ такимъ чувствомъ, точно его коснулось тяжелымъ крыломъ что-то невообразимо страшное, оставивъ въ его душѣ никогда до того не испытанный ужасъ. Такъ они молчали, занятые оба своими мыслями. Только когда въ саду раздался голосъ майора, Марія-Луиза откинула одѣяло и прижала платокъ къ глазамъ. Тѣло ея еще вздрагивало отъ рыданій. Вольфъ вскочилъ съ мѣста въ то время, какъ майоръ наклонился съ испугомъ надъ плачущей женой.

— Что съ тобой, дорогая?

Не отнимая платка отъ глазъ, Марія-Луиза протянула руку мужу и пробовала говорить, но ея дрожащія губы не могли вымолвить ни слова.

— Она очень волновалась, оставимъ ее лучше одну. Пойдемъ!—пробормоталъ Вольфъ, взявъ майора подъ руку и уводя его съ собой съ балкона.

Они спустились въ садъ, гдѣ докторъ Платенъ издали показалъ имъ пилу съ согнувшимися зубцами.

— Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ я ее купилъ, — съ бѣшенствомъ разсказывалъ онъ.—Шесть марокъ стоила эта дрянь. Ни къ чорту теперь не годно стало фабричное производство.

Майоръ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, и въ это время докторъ Платенъ взглянулъ на Вольфа.

— Ты боленъ?—спросилъ онъ.

Но Вольфъ ничего не отвѣтилъ, можетъ быть, ничего не слышалъ и прошелъ дальше. Онъ былъ оглушенъ внезапно открывшейся ему тайной сестры, которая выдала себя своимъ отчаяніемъ и своими слезами.

— Что ее такъ взволновало?—еще разъ спросилъ майоръ, положивъ руку на плечо шурина, и въ его внѣшнемъ, спокойномъ взорѣ просвѣчивала внутренняя тревота. Чтобы продлить время, Вольфъ сталъ разспрашивать о томъ, что сказалъ врачъ о состояніи Маріи-Луизы.

— Ты вѣдь знаешь врачей, — отвѣтилъ майоръ. — Чѣмъ меньше они понимаютъ болѣзнь, тѣмъ больше болтаютъ. Всѣ профессора, впрочемъ, сошлись на томъ, что ничего органическаго у нея нѣтъ. Только вотъ эта полная слабость. Она точно утратила всякую жизнеспособность. Но что же ее такъ взволновало?

Вольфъ съ минуту колебался, но какъ только онъ началъ говорить и повторилъ то, что̀ онъ сказалъ больной, ему сдѣлалось легко и свободно на душѣ. Онъ какъ бы снова чувствовалъ близость сестры и его охватила увѣренность въ томъ, что она всегда говоритъ и поступаетъ такъ, какъ должно. Они сѣли на скамейку передъ кустомъ сирени. Майоръ наклонился впередъ и сталъ чертить палочкой по песку; онъ еще продолжалъ чертить и послѣ того, какъ кончилъ Вольфъ. Потомъ онъ вдругъ выпрямился и взглянулъ на своего шурина. Взоръ его былъ безконечно скорбный.

— Такъ вотъ что̀ происходитъ съ твоимъ другомъ,—отрывисто сказалъ онъ разбитымъ голосомъ.—Пойди къ нему и скажи, чтобы онъ снова приходилъ къ намъ. Я ему буду очень радъ... и Марія-Луиза тоже... Пусть онъ придетъ ради нея, слышишь?

Вольфъ отвернулся, не будучи въ силахъ скрыть своего волненія. Майоръ хмуро посмотрѣлъ на него, точно удивляясь такому отсутствію самообладанія. Потомъ онъ коснулся сжатой дрожащей руки Вольфа и сказалъ:

— Да, милый мой, иногда трудно знать, какъ слѣдуетъ поступить... Но мы должны всѣ стараться, чтобы она меньше страдала. Нельзя знать, долго ли еще она останется съ нами.

Въ это время къ нимъ подошелъ докторъ Платенъ.

— Вы говорите о Маріи-Луизѣ? — спросилъ онъ брата.— По-моему, ее слѣдуетъ скорѣе увезти въ Давосъ или Санъ-Морисъ. Это единственное средство вылечить ее,—настойчиво прибавилъ онъ въ отвѣтъ на отрицательный жестъ брата.—Психологическія причины тутъ ни при чемъ. Напрасно ты придаешь значеніе ея словамъ.

Не отвѣчая ничего брату, майоръ обратился къ Вольфу:

— Подожди меня здѣсь, я пойду поговорить съ ней.

Съ этими словами онъ пошелъ въ домъ, а докторъ Платенъ сердито топнулъ ногой.

— Увезъ бы онъ ее скорѣе отсюда, она бы и выздоровѣла.

Уходя, онъ еще бормоталъ съ сдержанной яростью:—Одно горе съ этими бабами! Всѣ онѣ сумасшедшія.

Когда Вольфа черезъ нѣсколько времени позвали въ домъ, онъ засталъ сестру и зятя вмѣстѣ. О томъ, что̀ произошло, больше не говорилось. Марія-Луиза вскорѣ поднялась и пошла спать. А прощаясь съ Вольфомъ, майоръ сказалъ, что самъ напишетъ Грабаусу и пригласитъ его.

Это письмо Грабаусъ получилъ вечеромъ, сидя въ сумеркахъ за письменнымъ столомъ и погруженный въ безотрадныя мысли.

Дѣвушка принесла письмо и положила на столъ. Почеркъ былъ незнакомый, и Грабаусъ не торопился разрѣзать конвертъ. Онъ продолжалъ думать о своемъ и только послѣ того, какъ зажегъ лампу, взялъ письмо. Но едва онъ его прочелъ, какъ положилъ голову на столъ и зарыдалъ.

Письмо было короткое, не искусное, написанное человѣкомъ, который не привыкъ излагать на бумагѣ свои мысли и чувства. Въ его сдержанномъ тонѣ, однако, ясно чувствовалась высота его любви и его доброты, ненарушимая вѣра въ жену и полное довѣріе къ тому, кого она полюбила. И вспоминая необузданность своей страсти, Грабаусъ почувствовалъ глубокое преклоненіе передъ этимъ человѣкомъ, который любилъ свою жену больше себя.

На слѣдующій день онъ поѣхалъ въ Веймаръ. Марія-Луиза лежала на кушеткѣ, когда онъ вошелъ на балконъ. Подлѣ нея никого не было. Она протянула ему свою бѣлую узкую руку и, слабо сжимая его руку въ своей, проговорила только:

— И ты!..

Они послѣ этого долго сидѣли безмолвно, какъ бы ослѣпленные видомъ другъ друга. Имъ нужно было нѣсколько времени, чтобы прійти въ себя. И тогда каждый забылъ о собственныхъ мукахъ, видя страданія другого. Черезъ нѣсколько времени вошелъ майоръ. Грабаусъ вскочилъ и хотѣлъ ему что-то сказать, но не могъ вымолвить ни слова. Онъ только крѣпко сжалъ ему руку и почувствовалъ въ отвѣтъ теплое дружеское пожатіе. Они сѣли оба около больной, и майоръ сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— А теперь, дорогая, ты должна выздоровѣть.

— Да, я выздоровлю, обѣщаю это вамъ, — отвѣтила она, глядя на нихъ сіяющимъ взоромъ.

Что-то новое, чистое и святое началось теперь въ отношеніяхъ Маріи-Луизы и Грабауса. Они проводили долгіе часы наединѣ, но избѣгали всего, что̀ могло бы напомнить о прежнихъ порывахъ страсти. Они едва давали другъ другу руку, здороваясь и прощаясь. И не только между ними, но и между Грабаусомъ, майоромъ и Вольфомъ установились искреннія, сердечныя отношенія.

Вскорѣ наступила разлука, потому что Марія-Луиза, по настоянію врача, уѣхала съ мужемъ въ Тироль. Но прощаніе не было грустнымъ, потому что Грабаусъ обѣщалъ пріѣхать туда же черезъ нѣсколько недѣль, сейчасъ послѣ окончанія занятій въ университетѣ. Для Грабауса время тоже пролетѣло незамѣтно.

Его жизнь послѣ долгаго застоя какъ-то сразу пришла въ движеніе. Вышла въ свѣтъ его книга и, вопреки его ожиданіямъ, встрѣтила сочувственное отношеніе даже со стороны тѣхъ профессоровъ, которыхъ онъ считалъ своими врагами. И ему было особенно пріятно ихъ одобреніе, такъ какъ онъ не переставалъ высоко цѣнить ихъ, несмотря на ихъ преслѣдованія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Маріи-Луизы Грабаусъ поѣхалъ въ Берлинъ справиться о своемъ назначеніи, которое все откладывалось въ долгій ящикъ. Оказалось, что онъ пріѣхалъ какъ-разъ въ нужный моментъ. Университетъ предполагалось открыть уже къ новому году, и хотя явилось много кандидатовъ на мѣсто ректора, оно осталось за Грабаусомъ, главнымъ образомъ, благодаря успѣху его книги. Онъ уѣхалъ уже съ назначеніемъ въ карманѣ.

Въ Берлинѣ онъ опять встрѣтился съ художникомъ Гебгардомъ, который сообщилъ ему между прочимъ, что Магги Тѣнъ ушла со сцены и вышла замужъ за одного богатаго молодого человѣка. Вѣнчаніе состоялось въ концѣ февраля, во время карнавала. Разсказывая объ этомъ, Гебгардъ скептически прибавилъ:

— Это еще навѣрное не послѣдняя роль Магги. Не даромъ свадьба состоялась во время карнавала. И бракъ ея будетъ фарсомъ.

Грабаусъ пріѣхалъ въ горный отель къ Платенамъ вмѣстѣ съ Вольфомъ. Марія-Луиза и майоръ ждали ихъ внизу въ подъѣздѣ; поздоровавшись съ ними, майоръ сказалъ съ улыбкой женѣ.

— Ну, вотъ видишь, дорогая, все сошло благополучно, коляска не опрокинулась, и они пріѣхали минута въ минуту, какъ и полагалось.

— А развѣ ты безпокоилась?—спросилъ Вольфъ.

— Да, больше оттого, что очень радовалась вашему пріѣзду.

Переодѣвшись съ дороги въ своихъ маленькихъ бѣлыхъ комнаткахъ, похожихъ на монастырскія кельи, Грабаусъ и Вольфъ сошли опять на веранду, гдѣ Платены ждали ихъ къ обѣду. Они сѣли за маленькій столикъ на самой верандѣ, въ то время какъ остальное общество собралось въ сосѣдней столовой. Майоръ производилъ впечатлѣніе искренно счастливаго человѣка. Онъ тихо радовался счастью другихъ. Вольфъ былъ въ восторженномъ настроеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень голоденъ. Вначалѣ онъ отказался ѣсть, говоря, что слишкомъ переполненъ впечатлѣніями отъ дивнаго путешествія, и сталъ разсказыват

о горахъ и закатѣ солнца, который онъ видѣлъ по дорогѣ. Не всегда находя нужныя слова, онъ начиналъ усиленно трясти головой, точно надѣясь, что они оттуда выпадутъ. Но когда ему сестра почти насильно положила на тарелку кусокъ мяса, онъ, самъ того не замѣчая, сталъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ и замолкъ. Марія-Луиза заговорила тогда съ Грабаусомъ, спросила о здоровьи его жены и дѣтей, стала разсказывать о жизни въ отелѣ, описывала особенно комичныхъ гостей и потѣшала всѣхъ остроуміемъ своихъ разсказовъ. Когда мужъ сказалъ, что ей нужно беречься и не говорить такъ много, чтобы не охрипнуть, она отвѣтила съ веселымъ задоромъ: — Пустяки, сегодня я не охрипну!

Ея слегка загорѣвшія щеки горѣли, голубые глаза сверкали. Грабаусъ не могъ отвести отъ нея восхищеннаго взгляда. До чего ей шла тирольская шапочка съ перомъ и гладко обтянутая жакетка, надѣтая поверхъ шелковой блузки! Она была такая цвѣтущая, веселая, красивая,— его охватила необузданная радость при мысли, что онъ проведетъ съ нею цѣлый мѣсяцъ... Но вдругъ она кашлянула и быстро взяла что-то въ ротъ—какое-нибудь средство противъ кашля, — и опять на него напали мрачныя предчувствія. Послѣ обѣда они посидѣли всѣ вмѣстѣ еще нѣсколько времени на верандѣ. Марія-Луиза закуталась въ теплую шаль. Она съ улыбкой глядѣла на Грабауса и лицо ея было озарено тихой радостью. Ровно въ десять часовъ она пошла спать. Майоръ проводилъ ее въ ея комнату и вернулся къ Грабаусу и Вольфу. Они молча продолжали сидѣть втроемъ, занятые всѣ мыслями о Маріи-Луизѣ. „Все еще можетъ обойтись благополучно“,—думалъ майоръ. Теперь, когда его здоровье поправилось, онъ чувствовалъ себя болѣе бодрымъ и почти готовъ былъ повѣрить Маріи-Луизѣ, что она можетъ быть счастлива и спокойна только подлѣ него... Грабаусъ оперся головой на руку и глядѣлъ на майора. Онъ вдругъ съ особой ясностью почувствовалъ, что любитъ этого человѣка и преклоняется передъ нимъ больше, чѣмъ передъ кѣмъ-либо на свѣтѣ— хотя онъ и стоитъ на его пути къ счастью. Почему же онъ любитъ его? Грабаусъ взглянулъ на его бѣлые какъ снѣгъ волосы и посѣдѣвшіе усы и опять подумалъ, какъ уже не разъ: отецъ, а не мужъ. Развѣ было бы жестоко сказать ему: отдай ее мнѣ? Еслибы люди слѣдовали естественнымъ побужденіямъ, а не условнымъ правиламъ морали, я бы такъ и поступилъ, ничего не отнимая у него,—думалъ Грабаусъ. Но другой голосъ говорилъ ему—нѣтъ, нельзя... Я поступлю такъ, какъ за-

хочетъ она—какъ для нея хорошо, рѣшилъ онъ, и это рѣшеніе его успокоило. Вольфъ откинулся на стулѣ и, вспоминая веселый смѣхъ сестры, думалъ о томъ, какъ нелѣпы были его страхи, какъ все, что̀ исходитъ отъ Маріи-Луизы, всегда хорошо. Онъ отъ души радовался теперь, что эти два человѣка, которыхъ онъ такъ горячо любилъ, Грабаусъ и Марія-Луиза, опять вполнѣ примирились.

— Какъ вы нашли мою жену? — спросилъ майоръ, обращаясь къ Грабаусу.

— По-моему, она очень поправилась.

— Да, у нея теперь лучшій видъ, чѣмъ передъ болѣзнью,— радостно сказалъ Вольфъ.—У нея округлились щеки и отличный цвѣтъ лица. Катарръ легкихъ, надѣюсь, безслѣдно прошелъ.

— Такъ легко онъ не проходитъ. Но улучшеніе несомнѣнно есть. Вначалѣ все не клеилось. На нее напало такое безпокойство, что я уже думалъ, не слишкомъ ли здѣсь высоко для нея. Но уже двѣ недѣли, какъ наступилъ поворотъ къ лучшему. Она должна еще, конечно, очень беречься. Главное — избѣгать всякихъ волненій.

Грабаусъ поднялъ глаза. Эти слова какъ бы легко постучались ему въ сердце, и онъ рѣшилъ никогда не забывать ихъ.

— Какъ хорошо, что вы оба пріѣхали, — продолжалъ майоръ.—Ей вѣдь было немножко скучно среди чужихъ людей.

— И меланхолія прошла?—спросилъ Вольфъ.

— Слава Богу, прошла. Но веселость ея какая-то еще неустановившаяся. Уже нѣсколько человѣкъ, говоря со мной о Маріи-Луизѣ, называли ее: ваша солнечная жена. Это вѣрно: она солнечная, но и сама нуждается въ солнцѣ. Всѣ здѣсь къ ней льнутъ, посвящаютъ ее въ свои сердечныя и семейныя тайны, но она вѣдь открываетъ свою душу только немногимъ, близкимъ ей по духу людямъ. Поэтому я особенно радъ вашему пріѣзду. Теперь она будетъ чувствовать себя совсѣмъ какъ дома.

Вольфъ поднялъ стаканъ, предложилъ выпить за здоровье сестры, за ея выздоровленіе и за то, чтобы ей и всѣмъ имъ хорошо жилось это лѣто.

— Выпьемъ. Это ты хорошо придумалъ,—сказалъ майоръ.

— Выпьемъ за нее, потому что ея счастье—наше общее счастье,—сказалъ Грабаусъ.

Майоръ налилъ вина, и они чокнулись. Но прежде чѣмъ выпить, каждый прибавилъ про себя еще какое-нибудь горячее пожеланіе, внушенное преданной любовью. Вольфъ ей пожелалъ

здоровья, мужъ—здоровья и душевнаго покоя, а Грабаусъ думалъ всѣми силами души: не моего счастья, а твоего! Потомъ они выпили и почувствовали особый радостный подъемъ; у нихъ было чувство, точно они спасли судьбу Маріи-Луизы отъ всякихъ напастей и до нѣкоторой степени обезпечили ея счастье.

Марія-Луиза лежала въ эту минуту въ постели, еще не заснувъ, и глядѣла широко раскрытыми глазами на пламя свѣчи. Мысли быстро и спутанно носились въ ея головѣ, но въ своемъ быстромъ полетѣ кружились, какъ ночныя бабочки, все вокругъ одного — и оно все отодвигало ихъ назадъ въ мракъ. Наконецъ, какъ бы говоря въ послѣдній разъ: нѣтъ! въ отвѣтъ на горячую мольбу, она покачала отрицательно головой. По ея утомленнымъ чертамъ скользнуло выраженіе испуга, она быстро закрыла глаза, какъ бы отъ физической боли, и затушила свѣчку.

VII.

Наступившіе теперь дни были, быть можетъ, самыми счастливыми въ жизни Грабауса. Быстро и весело, какъ ясный горный потокъ, текла кровь по его жиламъ, безоблачное голубое небо разстилалось надъ его душой, и въ ней зарождались смѣлые гордые помыслы, какъ бы отражавшіе величіе горной природы вокругъ него.

Съ утра до вечера всѣ четверо были на воздухѣ. Они обѣдали не со всѣми вмѣстѣ въ низкой душной столовой, а на террасѣ, гдѣ проводили и вечеръ. Марія-Луиза сидѣла закутанная въ теплый плащъ, и часы проходили или въ молчаніи, или въ дружеской бесѣдѣ, въ то время какъ глухой шумъ ручья подъ ними и серебристое сіяніе звѣздъ надъ ними наполняли ихъ души гармоніей, въ которой сливалось темное и свѣтлое, радость и тяжелыя предчувствія.

По утрамъ они предпринимали очаровательныя прогулки, очень разнообразныя въ этой мѣстности. Майоръ занялся собираніемъ минераловъ, а Вольфъ увлекся ботаникой и сталъ собирать образцы мѣстной флоры. Они часто спорили о преимуществахъ того или другого занятія, а Грабаусъ и Марія-Луиза безпристрастно сочувствовали каждому изъ нихъ, восторгаясь и кристаллами, которые майоръ добывалъ въ скалахъ, и рѣдкостными растеніями, за которыми Вольфъ лазилъ по крутизнамъ.

Но чаще всего Луиза и Грабаусъ сидѣли вдвоемъ на камняхъ или на мягкомъ мху подъ смолистыми соснами, сквозь

которыя такъ ярко синѣло небо. Марія-Луиза просила его читать ей вслухъ его новую книгу. На его возраженіе, что книга, написанная въ четырехъ стѣнахъ, должна быть прочитана тоже въ тиши кабинета, она оживленно отвѣтила:

— Нѣтъ, именно здѣсь, гдѣ все вокругъ такъ дико и все же подчинено законамъ необходимости, я чувствую, какой источникъ жизни и свѣта таится въ вашей книгѣ.

Онъ былъ ей истинно благодаренъ за эту оцѣнку его труда; она больше обрадовала его, чѣмъ лестные отзывы профессоровъ.

Они читали также другія книги и чувствовали какъ просвѣтляется и обогащается ихъ внутренній міръ. Будущее стало для нихъ проясняться. Грабаусъ опять почувствовалъ въ себѣ силу вліять на другихъ своимъ словомъ. Иногда они сидѣли безмолвно, отдаваясь тихой радости своихъ чистыхъ чувствъ. Глядя на Марію-Луизу, Грабаусъ самъ поражался, до чего его чувство къ ней было теперь чуждо желаній, и сколько въ немъ было очарованія, какъ оно сплеталось съ красотой и спокойствіемъ сверкавшихъ вдали снѣжныхъ вершинъ. Они сидѣли часто вмѣстѣ, подъ благотворными солнечными лучами, испытывая невыразимое блаженство. Все бывшее, все грядущее казалось далекимъ, отдаленнымъ отъ нихъ, сіяющимъ голубоватымъ блескомъ горныхъ вершинъ. Безъ вопросовъ, безъ жалобъ наслаждались они счастьемъ мимолетнаго часа среди вѣчныхъ утесовъ, среди цвѣтовъ, которые расцвѣтали на одинъ день, а на завтра увядали.

Грабаусъ получилъ длинное письмо отъ жены, въ которомъ она сообщала ему подробно о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, жаловалась на строптивый характеръ ихъ сына, съ которымъ приходится очень строго обращаться, и передавала всевозможныя городскія сплетни. Письмо это сразу омрачило настроеніе Грабауса, напоминая ему о той жизни, которая ему внутренно стала совершенно чужой, но съ которой онъ былъ связанъ глубокими корнями. Къ женѣ онъ чувствовалъ теперь какой-то ужасъ, такъ какъ она напоминала ему о тяжелыхъ, унизительныхъ часахъ. И все-таки она была матерью его дѣтей, которыя принадлежали ей такъ же, какъ и ему. Его тянуло домой, къ нимъ, и въ то же время ему хотѣлось быть какъ можно дальше отъ нихъ. Любовь и сознаніе своей отвѣтственности переплетались съ отчужденностью и невыразимымъ ужасомъ.

Послѣ прекраснаго солнечнаго дня, которымъ они воспользовались для прогулки къ развалинамъ средневѣкового замка,

наступила дождливая погода. Всѣ четверо пили чай днемъ, въ комнатѣ Маріи-Луизы, а потомъ майоръ и Вольфъ поспѣшили каждый къ себѣ работать. Оба они были даже рады пасмурному дню; сидя дома, они могли привести въ порядокъ свои сокровища.

Грабаусъ и Марія-Луиза остались одни. Она была въ темномъ длинномъ платьѣ, и Грабаусъ, привыкшій за послѣднее время видѣть ее только въ короткихъ костюмахъ или свѣтлыхъ лѣтнихъ туалетахъ, на-ново восхищался величественными линіями ея стройной фигуры въ темной одеждѣ. Она ему казалась какой-то неприступной, почти чужой; когда она взглянула на него съ вопросомъ въ глазахъ, онъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно; лилъ дождь, и грустный видъ природы еще болѣе усиливалъ тяжелое чувство, вызванное въ немъ скорбно-прекраснымъ лицомъ Маріи-Луизы. Когда она спросила его, наконецъ, о чемъ онъ задумался, онъ слегка вздрогнулъ.

— О чемъ я думаю, спрашиваешь ты? Мы не отвѣтственны за свои мысли, нужно только не высказывать ихъ,—отвѣтилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ.—Мнѣ взгрустнулось отъ дождя... и отъ мыслей о будущемъ.

— Будущее твое вѣдь не печально.

Онъ ничего не отвѣтилъ и сталъ безмолвно ходить по комнатѣ. Потомъ онъ остановился, подошелъ къ ней и долго глядѣлъ на ея волосы, заложенные тяжелымъ свѣтлымъ узломъ. Вдыхая ихъ тонкій, нѣжный ароматъ, онъ страдальчески закрылъ глаза, потомъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, отошелъ къ столу и взялъ лежащій тамъ томикъ Тассо.

— Нужно давать жерновамъ зерно, а то они сами себя перетрутъ,—сказалъ онъ.—Хочешь читать?

— Читай.

Онъ началъ съ того мѣста, на которомъ они остановились наканунѣ, со сцены, въ которой Леонора Санвитале уговариваетъ принцессу отпустить поэта.

— Мнѣ въ школѣ дали совершенно превратное представленіе о Леонорѣ,—сказала Марія-Луиза,—и потомъ уже трудно отдѣлаться отъ разъ сложившагося образа. Но жизнь часто заставляетъ мѣнять представленія и мысли. Иногда мнѣ казалось, что никакъ нельзя отдѣлаться отъ извѣстныхъ представленій, а между тѣмъ жизнь ихъ разбивала. Такъ было съ моими религіозными воззрѣніями, съ нѣкоторыми литературными взглядами и, главное...

Она остановилась и посмотрѣла на него съ нѣсколько смущенной улыбкой.

— Чтò же главное?—спросилъ онъ.

— Главная перемѣна—невообразимая и несомнѣнная, это—моя любовь къ тебѣ.

Она протянула ему руку, ласково пожала его руку въ своей и потомъ тихо отстранила его.

— Читай дальше, Генрихъ.

Но онъ захлопнулъ книгу со словами:—Я не могу читать, и подошелъ къ окну; она стала подлѣ него.

— Что съ тобой? Почему ты не продолжаешь читать?

— Не могу. Я думаю о томъ, кто написалъ эту книгу, думаю о всѣхъ, кто счастливъ. Я не хочу читать. Мнѣ всѣ книги противны.

— Это ужасно! Знаешь, мнѣ положительно кажется, что твоя жизнь стала бѣднѣе съ тѣхъ поръ, какъ ты полюбилъ меня. Прежде ты былъ сильный человѣкъ, окруженный вѣрными друзьями, внутренно недоступный вліянію счастья и несчастья. А теперь ты точно оттолкнулъ отъ себя друзей, разлюбилъ книги, потерялъ силу, лишился опоры, сталъ бѣднякомъ.

— Я бѣденъ, но иначе, чѣмъ ты думаешь. Прежде, до того, какъ я зналъ тебя, жизнь моя была блѣдной тихой ночью, освѣщенной тысячью звѣздъ. А теперь взошло солнце, и куда дѣвались звѣзды—я не знаю. Я только чувствую, что прежде велъ призрачное существованіе; только увидавъ тебя, я понялъ какъ хороша жизнь. Теперь я дѣйствительно бѣденъ, потому что у меня нѣтъ того, чтò составляетъ всю цѣнность, всю радость жизни. Но съ тобой я былъ бы богатъ. Почему же этого не можетъ быть? Скажи!

Но ему вспомнилось его обѣщаніе, и онъ замолчалъ. Онъ взглянулъ на Марію-Луизу, которая стояла возлѣ него и глядѣла на него, отвернувшись отъ окна. Ея темная фигура сливалась почти съ окружающей темнотой, но тѣмъ яснѣе выступало ея блѣдное лицо, выражавшее глубокую скорбь. Онъ взялъ ее за руки и сказалъ:

— Не сердись на меня за то, что я огорчилъ тебя. Я вѣдь не хочу причинить тебѣ страданій. Я знаю, что то, о чемъ я молю, невозможно. Препятствіе заключается не въ обстоятельствахъ, не въ твоемъ мужѣ и не въ моей женѣ, а въ тебѣ самой. Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ какая ты, я тоже сталъ спокойнымъ на самомъ днѣ души, хотя на поверхности еще кипятъ желанія. Твой братъ сказалъ правду, увѣряя меня, что ты чужда желаній. Ты дѣйствительно изъ другого міра, чѣмъ я, тебѣ довольно сознавать нашу духовную близость. Я это понялъ

и понялъ какъ былъ несправедливъ, когда послѣ твоихъ словъ о томъ, что твоя душа принадлежитъ мнѣ, обвинялъ тебя... Но вѣдь ты не знаешь, что̀ происходитъ во мнѣ, какія муки я переживаю!—Ахъ, Марія-Луиза, еслибы я могъ не знать желаній, какъ ты, быть такимъ же чистымъ!

Отъ его словъ Марія-Луиза задрожала, потрясенная до глубины души. Въ ней точно проснулись насильно заглушенныя страданія, сдержанные потоки слезъ и разразились дикой бурей. Когда онъ говорилъ, и она видѣла по его словамъ, что кажется ему неземнымъ существомъ, не знающимъ мукъ горячей крови,—она вспомнила, какъ проснулась сегодня утромъ на подушкѣ, омоченной слезами, вспомнила о другихъ мрачныхъ часахъ, проведенныхъ какъ въ бреду, о томъ, какъ она ночью просыпалась отъ мучительной тоски по немъ. Ее охватило чувство страшнаго одиночества, отчаянія и слабости, съ которой ей трудно было бороться. Не слушая его, она только молила:

— Молчи, ты меня не знаешь. Еслибы ты зналъ...

Совершенно обезумѣвъ, она прижала голову къ его груди съ единственнымъ желаніемъ укрыться, успокоиться и почерпнуть силы для ожидающихъ ее снова страшныхъ ночей.

Онъ обнялъ ее, прижалъ руку къ ея груди и чувствовалъ глухой, дрожащій стукъ ея сердца. Такъ они стояли, пока въ корридорѣ не послышался стукъ захлопнувшейся двери, шумъ шаговъ и раздраженный голосъ горничной. Марія-Луиза испуганно отшатнулась, но опять бросилась къ Грабаусу и прижала свои сухія губы къ его губамъ въ нѣмомъ поцѣлуѣ, исторгнутомъ мукой. Потомъ они снова сѣли на маленькій диванъ. Она прижала къ холоднымъ кожанымъ подушкамъ свою пылающую голову, а онъ подперъ голову руками надъ раскрытымъ томомъ Тассо. Темнота окутала ихъ чувства, еще болѣе темныя, чѣмъ окружающій мракъ.

На слѣдующее утро опять засверкало солнце и разсѣялся туманъ, опять вся природа улыбалась и вчерашній день съ его дождемъ и печалью безслѣдно исчезъ. Неужели безслѣдно?—спрашивалъ себя Грабаусъ.—Неужѣли и то, что онъ вчера пережилъ, такъ же разсѣется, какъ разсѣялись тучи? Онъ закрылъ глаза, и опять ему представилось, какъ Марія-Луиза, обезсиленная невыносимой душевной мукой, выдала свои страданія, какъ онъ заглянулъ въ ея трепещущее сердце и прочелъ въ немъ ясный призывъ.—Услышь мой нѣмой крикъ, почувствуй то, противъ чего борется моя воля и что̀ сильнѣе моей воли, пойми, что я

хочу одного, чтобы ты меня спасъ, освободилъ, унесъ съ собой, хотя бы противъ моей воли, какъ свою добычу!

Всю ночь эти мысли преслѣдовали его, и теперь онъ уже не боролся со своей страстью, а искалъ въ ней поддержки. Онъ рѣшилъ сказать майору, что его жена гибнетъ отъ непосильной муки. Теперь онъ можетъ это сказать, дѣйствуя не подъ вліяніемъ дерзновенной страсти, а въ твердомъ сознаніи, что исполняетъ священный долгъ.

Утромъ при солнечномъ свѣтѣ опять проснулись въ немъ сомнѣнія, но онъ все-таки рѣшилъ, что необходимо дѣйствовать. Рѣчь шла не объ его счастьи, но о душевномъ покоѣ, здоровьи и счастьи Маріи-Луизы.

Но когда онъ, принявъ твердое рѣшеніе, сошелъ утромъ къ завтраку, къ изумленію его оказалось, что никакого разговора съ майоромъ не можетъ быть. Онъ засталъ майора и Вольфа въ переговорахъ съ хозяиномъ и двумя здоровенными проводниками. Онъ не сразу понялъ въ чемъ дѣло, но Вольфъ разъяснилъ ему, что давно предполагавшаяся горная экспедиція должна наконецъ состояться въ это самое утро. Грабаусъ и Вольфъ отправятся черезъ Шлернъ въ тирскую долину, а оттуда поднимутся на вершину Розенгартенъ. Оттуда они спустятся въ Боценъ, гдѣ и встрѣтятся съ Платенами, которымъ назначено было въ Боценѣ свиданіе съ ихъ родственниками, графомъ Боркомъ и его семьей. Вольфъ былъ въ особенномъ восторгѣ отъ предполагаемой экспедиціи: онъ получилъ письмо отъ нѣкоей госпожи Джемсъ Лаасъ, урожденной Магги Тёнъ, которая сообщала ему, что будетъ съ мужемъ въ Карерзее-отелѣ и ждетъ тамъ его посѣщенія.

Марія-Луиза, только болѣе блѣдная, чѣмъ обыкновенно, принимала дѣятельное участіе въ общемъ оживленіи, разговаривала съ проводниками и обѣщала помочь туристамъ собраться въ дорогу. Въ приготовленіяхъ прошло все утро, и Грабаусъ не успѣлъ сказать ни слова ей наединѣ. Видя его отчаяніе, она только шепнула ему:—Вѣдь мы разстаемся не надолго!

Экспедиція, въ которой Грабаусъ согласился участвовать только ради Вольфа, мало его радовала, такъ какъ всѣ его мысли были у Маріи-Луизы. Онъ обдумывалъ какъ говорить съ майоромъ, такъ какъ рѣшилъ спасти Марію-Луизу хотя бы противъ ея воли.

Грабаусъ и Вольфъ уже два дня ходили по горамъ и видѣли много величественныхъ зрѣлищъ, высокихъ утесовъ и глубокихъ пропастей. Какъ разъ передъ ихъ приходомъ произошло н-

счастіе: какой-то туристъ сорвался и упалъ въ пропасть, о чемъ проводники сообщили довольно равнодушно. Дойдя до отеля, въ которомъ они остановились на ночь, они увидѣли трупъ несчастнаго, извлеченный изъ пропасти. Оказалось, что погибшій былъ ихъ знакомый, шведскій ботаникъ, съ которымъ они встрѣтились по дорогѣ изъ Берлина въ Тироль. Въ его зажатой рукѣ былъ рѣдкій цвѣтокъ орхидеи, въ поискахъ за которымъ онъ и предпринялъ свое путешествіе въ Тироль. Грабаусъ узналъ цвѣтокъ по описаніямъ ботаника: это было невзрачное растеніе съ скромными бѣлыми лепестками и съ одуряющимъ сладкимъ запахомъ. Грабаусъ съ искренней жалостью взглянулъ въ лицо мертвецу, и почему-то ему вдругъ показалось, что есть большое сходство между нимъ и мертвецомъ.

Достигнувъ вершины Розенгартенъ и отдохнувъ тамъ, друзья приготовились спускаться въ долину, въ отель Карерзее, гдѣ рѣшено было переночевать. Грабаусу эта перспектива не особенно улыбалась, но Вольфъ радовался, какъ ребенокъ, и долго чистился, приводя себя въ порядокъ.

— Какъ я покажусь въ такомъ видѣ Магги?—жалобно говорилъ онъ, глядя на непоправимые дефекты своего туалета.— Я все еще влюбленъ въ нее,—признавался онъ Грабаусу.— Боюсь встрѣтиться съ ея мужемъ—я навѣрное поссорюсь съ нимъ. И почему я не женился на ней? Это было бы безуміемъ, но все-таки я былъ бы счастливъ. Я никогда не перестану ее любить. Она самая обаятельная женщина въ мірѣ.

— Обаятельная на минуту, но она не можетъ быть подругой на всю жизнь. Ты былъ бы глубоко разочарованъ, если сталъ бы искать въ ней глубины.

— Она только легкомысленна,—горячо возразилъ Вольфъ,— потому что такъ сложилась ея жизнь. Въ дѣйствительности же она глубокая натура. Конечно, я не умру отъ этой страсти, но счастливъ я уже не могу быть.

Слова Вольфа показались Грабаусу почти смѣшными. Быть несчастнымъ изъ-за кого-нибудь, кромѣ Маріи-Луизы, казалось ему невозможнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подумалъ, что оба они, и онъ, и Вольфъ, похожи на сумасшедшихъ, изъ которыхъ каждый во власти своей навязчивой идеи, но понимаетъ при этомъ заблужденіе другого. Можетъ быть, и онъ такъ же слѣпъ, какъ Вольфъ, и принимаетъ за вѣчное чувство краткій порывъ

страсти... Но противъ этого предположенія вся его душа возмутилась, какъ противъ величайшаго святотатства.

Когда они прибыли въ отель Карерзее, Магги, встрѣтившая ихъ въ изящномъ бѣломъ костюмѣ, разыграла цѣлую комедію радости и изумленія отъ внезапной встрѣчи. Она увлекла ихъ съ собой на террасу, усадила рядомъ съ собою за столъ и сейчасъ же стала жаловаться на свои злоключенія. Больше всего она негодовала на то, что въ переполненномъ отелѣ не оказалось отдѣльныхъ комнатъ для нея и мужа, и ей приходится быть съ нимъ въ одной комнатѣ, что сильно нарушало, по ея словамъ, и ея и его аристократическія привычки.

— Вѣдь онъ изъ очень старинной богатой семьи и страшно избалованъ,—съ гордостью сказала она.—Его отецъ судостроитель въ Гамбургѣ, страшно богатый. Но это еще не единственное несчастіе,—продолжала она.—Представьте себѣ, что по дорогѣ сюда болванъ кучеръ потерялъ всѣ мои зонтики. Теперь мой мужъ отправился разыскивать какой-нибудь зонтикъ для меня. Не могу я ходить, не защищаясь отъ солнца. Я и такъ вся загорѣла. Посмотрите,—она протянула Вольфу свою нѣжную, тонкую руку, тона слоновой кости, и онъ съ восхищеніемъ подержалъ ее въ своей рукѣ.

— Вотъ мужъ мой и пошелъ достать хоть какой-нибудь зонтикъ. Вы не представляете себѣ, какой онъ добрый, благородный человѣкъ. Онъ уже принесъ мнѣ огромныя жертвы, отказался отъ государственной службы, чтобы быть все время со мной. Онъ безгранично меня любитъ. Вотъ онъ. Джемсъ, сюда!

Изъ отеля вышелъ изящный стройный господинъ въ сѣромъ горномъ костюмѣ и съ пестрымъ деревенскимъ зонтикомъ подъ мышкой. Магги представила его своимъ друзьямъ, съ которыми онъ нѣсколько сдержанно, но вѣжливо поздоровался, и сейчасъ же набросилась на него, говоря, что онъ нарочно принесъ ей чудовищный зонтикъ, чтобъ насмѣяться надъ ней. Онъ спокойно отвѣтилъ, что деревенскіе зонтики здѣсь въ модѣ, но что если ей этотъ не нравится, то можно раздобыть другой.

— Къ тому же,—прибавилъ онъ,—я телеграфировалъ въ отель Бристоль; они сейчасъ же вышлютъ забытые зонтики и ты ихъ завтра будешь имѣть.

— Ну да, ты продолжаешь утверждать, что я ихъ тамъ оставила,—раздраженно сказала Магги.—А вѣдь я тебѣ опредѣленно сказала, что забыла ихъ въ коляскѣ. Но ты мнѣ не вѣришь, ты считаешь меня идіоткой!

— Ничуть,—отвѣтилъ онъ и хотѣлъ ласково дотронуться до ея руки. Но она рѣзко отстранила его.

— Ахъ, оставь меня!

Не высказывая неудовольствія и изумленія,—видно было, что онъ привыкъ къ такому обращенію,—Джемсъ обратился къ Вольфу и между мужчинами вскорѣ завязался общій разговоръ о новой книгѣ по исторіи права. Джемсъ, какъ и Вольфъ, былъ юристъ. Между прочимъ, они заговорили о племенныхъ особенностяхъ разныхъ народовъ.

Разговоръ этотъ весьма мало интересовалъ Магги, и она поспѣшила оборвать его: по поводу малайцевъ она вспомнила о встрѣчѣ въ Монте-Карло съ художникомъ Гергардомъ и разсказала, какъ Джемсъ чуть не вызвалъ его на дуэль за его дерзкое поведеніе съ нею. Джемсъ пробовалъ протестовать противъ навязанныхъ ему кровожадныхъ намѣреній, но спорить противъ Магги было невозможно. Наступилъ часъ табль-д'ота и Джемсъ предложилъ женѣ пойти переодѣться. Она сначала рѣшила, что не будетъ мѣнять платья, но когда послѣ перваго звонка стали появляться мужчины въ смокингахъ и дамы въ нарядныхъ туалетахъ, она обнаружила нѣкоторое безпокойство и, наконецъ, поднялась, говоря, что пойдетъ помыть руки. Мужчины пошли въ столовую, и за супомъ Джемсу передали телеграмму.

— Я такъ и зналъ,—сказалъ онъ, прочитавъ.—Зонтики нашлись въ отелѣ Бристоль. Но лучше мы этого не скажемъ моей женѣ,—прибавилъ онъ съ улыбкой.—Ей непріятно сознаваться, что она ошибалась.

Прошло около получаса, и тогда только съ противоположнаго конца комнаты появилась Магги въ пышномъ туалетѣ. Она прошла черезъ всю залу, производя такое впечатлѣніе своей эффектной внѣшностью, что всѣ даже на время перестали стучать ножами и вилками. Грабаусъ внутренно удивился, почему Магги выбрала длинный обходъ черезъ всю залу, вмѣсто того, чтобы придти черезъ ближайшую дверь.

Кофе пили на террасѣ и потомъ пошли гулять. Магги увидала, что у одной элегантной американки тоже былъ въ рукахъ деревенскій зонтикъ, и поэтому настолько примирилась со своимъ, что держала его открытымъ и въ тѣни. Она шла съ Вольфомъ позади мужа и Грабауса. Нарочно отставая отъ нихъ, она стала шептаться со своимъ спутникомъ, взяла его подъ-руку, и когда разстояніе между ними и ея мужемъ сдѣлалось достаточно большимъ, стала говорить съ Вольфомъ о счастливомъ времени ихъ любви и жаловаться на свою жизнь, на преслѣдованія со сто-

роны семьи мужа, на то, что Джемсъ слишкомъ слабоволенъ и не умѣетъ ее защитить. Она при этомъ увѣряла, что любитъ мужа, но изъ всѣхъ ея жалобъ было ясно, что ее главнымъ образомъ тяготитъ спокойная семейная жизнь и что она скучаетъ по сценѣ. Вольфъ слушалъ, не говоря ни слова, и чувствовалъ, какъ разливается въ его сердцѣ горечь разочарованія, какъ въ немъ закипаетъ ненависть къ этой женщинѣ, которая ничѣмъ не походила на ту Магги, которую онъ такъ любилъ еще часъ тому назадъ.

Грабаусъ разговаривалъ съ Джемсомъ о его будущемъ. Молодой человѣкъ хотѣлъ создать себѣ новую жизнь, но въ вид разнообразія его интересовъ выборъ становился для него особенно труднымъ, тѣмъ болѣе, что матеріальный вопросъ н игралъ никакой роли. Онъ не зналъ, сдѣлается ли адвокатомъ или выберетъ ученую карьеру. Грабауса удивило, что у нег нѣтъ никакихъ иллюзій на счетъ Магги; онъ самъ видѣлъ, чт она не можетъ жить безъ сцены и тщетно ищетъ замѣны ей превращая жизнь въ театральное представленіе.

— Я знаю, что въ концѣ концовъ она должна вернуться на сцену. Я дамъ согласіе, хотя это приведетъ меня къ пол ному разрыву съ отцомъ.

Вечеръ прошелъ очень неуютно. Магги вдругъ рѣшила ѣха на слѣдующее утро въ Боценъ вмѣстѣ со своими пріятелями, послѣ нѣкоторой борьбы Джемсъ долженъ былъ уступить е Грабаусъ и Вольфъ могли уйти въ свою комнату уже позд послѣ полуночи, и долго еще сидѣли молча. Грабаусъ н чемъ не спрашивалъ, чувствуя, какъ тяжело на душѣ у друга. Но Вольфъ самъ не вытерпѣлъ. Опустивъ голову на р онъ зарыдалъ; нервы его были такъ ослаблены утомитель ходьбой и обиліемъ разнообразныхъ ощущеній, что онъ съумѣлъ сдержаться и скрыть горечь своего разочарованія. баусъ коснулся его плеча и ласково сказалъ ему въ утѣше

— Братъ Вольфъ, судьба была милостива къ тебѣ, не исполнила твоего горячаго желанія. Ея мужъ погубилъ жизнь, а ты свободенъ и принадлежишь себѣ и своему буду

На слѣдующее утро все общество собралось въ Бо Магги привела въ движеніе весь отель своими безчислен желаніями и приказами. Она была необыкновенно мила с жемъ за завтракомъ, сама наливала ему шоколадъ и намаз булки, оправляла ему галстукъ и выказывала всяческое вниман

разсказывая между прочимъ, что они рѣшили наканунѣ поѣхать въ Остенде, что потомъ она поступитъ на сцену, такъ какъ мужъ не хочетъ лишать сцену талантливой артистки. Послѣ завтрака они сѣли вчетверомъ въ коляску, и всю дорогу до Боцена Магги неустанно тараторила. Въ Боценъ они пріѣхали около полудня и тамъ, наконецъ, разстались, такъ какъ Магги съ мужемъ остановились въ отелѣ „Бристоль", а Вольфъ съ Грабаусомъ въ „Черномъ Коршунѣ", гдѣ поселились Платены. Вольфъ обѣщалъ Магги зайти къ ней послѣ обѣда.

Пройдя къ себѣ въ номеръ, Грабаусъ сталъ съ лихорадочной поспѣшностью раскладывать вещи и переодѣваться, думая все время о томъ, какъ онъ будетъ убѣждать майора не губить Марію-Луизу. Когда онъ вышелъ изъ своей комнаты и освѣдомился у прислуги о Платенахъ, лакей провелъ его въ комнату Маріи-Луизы, говоря, что его просили пожаловать туда. Открывая дверь, Грабаусъ думалъ, однако, не о Маріи-Луизѣ, а о томъ, въ чьихъ рукахъ была его судьба.

Но майора не было въ комнатѣ. Тамъ онъ засталъ Марію-Луизу, семью графа Борке и еще одну даму—баронессу Лебенштейнъ. Марія-Луиза сообщила ему, что ея мужъ не совсѣмъ здоровъ и не можетъ выйти, и попросила его сѣсть. Къ ужасу Грабауса, вся эта компанія провела весь день съ Маріей-Луизой, не отходя отъ нея ни на минуту, и онъ долженъ былъ выслушивать безконечныя исторіи о медіумическихъ способностяхъ молодой графини и о всякаго рода спиритическихъ чудесахъ. Майоръ не явился даже къ обѣду, причемъ Марія-Луиза шепнула Грабаусу, что онъ вовсе не боленъ, а только не выноситъ общества дяди и тети. Она успокоила Грабауса надеждой, что они уѣдутъ съ семичасовымъ поѣздомъ. Но эта надежда не оправдалась. Когда Вольфъ поднялся и распрощался, говоря, что долженъ еще зайти къ знакомымъ, то графъ съ женой тоже было рѣшили, что имъ пора ѣхать, но послѣ долгихъ колебаній они остались еще до десятичасового поѣзда, и Марія-Луиза, несмотря на умоляющіе взгляды Грабауса, не сказалась уставшей, а выразила удовольствіе по поводу того, что ея родные проведутъ съ нею еще цѣлый вечеръ. Послѣдовали еще три томительныхъ часа съ разговорами объ окультизмѣ вперемежку съ сплетнями о знакомыхъ. Грабаусъ уже пересталъ принимать участіе въ разговорѣ, но Марія-Луиза была попрежнему очень мила, и даже сама разсказывала какіе-то интересные случаи изъ жизни своей бабушки. Грабаусъ подошелъ къ окну, чувствуя себя совершенно чужимъ въ этой компаніи. Онъ не обра-

тилъ вниманія на то, съ какимъ мужествомъ Марія-Луиза превозмогаетъ себя, только изрѣдка придавливая пальцемъ лѣвый високъ отъ нестерпимой головной боли. Онъ внутренно негодовалъ на нее за ея кажущуюся веселость, столь противоположную мукамъ, которыя онъ переживалъ теперь.

Когда наконецъ насталъ часъ отъѣзда, случилось нѣчто еще болѣе омрачившее его настроеніе. Графиня сказала Маріи-Луизѣ, что ни за что не позволитъ ей проводить ихъ на вокзалъ. Она выразила увѣренность, что докторъ Грабаусъ будетъ столь любезенъ и проводитъ баронессу въ ея отель, и настояла на томъ, что Марія-Луиза должна сейчасъ же лечь въ постель. Марія-Луиза послѣ нѣкотораго колебанія согласилась; она отпустила Грабауса со словами:—До свиданья. Не оставайтесь слишкомъ поздно.

Баронесса была очень разговорчива, и безъ умолку болтала до самаго отеля, не замѣтивъ даже разсѣянности своего спутника. Попрощавшись съ нею, Грабаусъ долго бродилъ по пустымъ улицамъ, то находя оправданіе для поведенія Маріи-Луизы, то страстно обвиняя ее въ равнодушіи. Онъ вернулся въ отель уже около полуночи. Весь отель погрузился въ мракъ, но, взглянувъ вверхъ, Грабаусъ увидѣлъ два ярко освѣщенныхъ окна. Это были окна комнаты Маріи-Луизы.

Онъ остановился. Какъ игрокъ, который собираетъ всѣ свои деньги и драгоцѣнности, чтобы сразу все поставить на одну карту, онъ сосредоточилъ всю силу желаній, всю мощь воображенія въ одну точку—въ желаніе, чтобы она подошла къ окну...

Онъ смотрѣлъ вверхъ съ застывшимъ отъ страстнаго желанія лицомъ, беззвучно произнося ея имя, и стоялъ нѣсколько минутъ не двигаясь, но ничто не зашевелилось за освѣщенными окнами. Тогда онъ медленно вошелъ въ отель съ опущенной головой, взялъ у швейцара ключъ и уже хотѣлъ-было подняться на лѣстницу, когда портье его окликнулъ и сказалъ, что дама изъ 19—20 номера проситъ его зайти къ ней. Грабаусъ не сразу его понялъ и переспросилъ номеръ. Убѣдившись, что его зоветъ Марія-Луиза, онъ бросился бѣжать, но еще разъ вернулся и съ радостной улыбкой всунулъ въ руку портье гульденъ.

Окрыленный радостной надеждой, Грабаусъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, постучался въ дверь Маріи-Луизы, вошелъ, взялъ ея руку, потомъ прижалъ ее къ груди и сталъ цѣловать.

— Прости мнѣ, дорогая, прости! Я вѣдь думалъ, что ты больше не хочешь меня видѣть!

— Напротивъ того, я вѣдь сказала тебѣ: Не оставайтесь слишкомъ поздно. Бо́льшаго я не могла сказать при другихъ. А ты такъ долго не приходилъ. Я уже думала, что ты совсѣмъ не придешь.

— Ты сказала: Не оставайтесь слишкомъ долго...—повторилъ онъ, припоминая.—Вѣдь это вѣрно. А я не понялъ. Ты еще сказала: до свиданья, а я не придалъ этому значенія, думалъ, что это пустая фраза. Но теперь что объ этомъ вспоминать. Ты со мной, Марія-Луиза... дорогая Марія-Луиза!—тихо сказалъ онъ, и его печальныя черты озарились счастливой улыбкой.

— Гдѣ же ты былъ?

— Я шатался самъ не знаю гдѣ—я былъ въ такомъ отчаяніи.

Не выпуская ее изъ своихъ объятій, онъ подвелъ ее къ красной плюшевой кушеткѣ и, усадивъ ее, сѣлъ рядомъ.

— Дай мнѣ посидѣть подлѣ тебя,—сказалъ онъ,—дай отдохнуть. Я такъ измучился. Мнѣ казалось, что между нами все кончено. Когда ты такъ оживленно разговаривала съ твоими родственниками, ты была мнѣ совсѣмъ чужая,—человѣкомъ изъ какого-то другого міра.

— Какой ты забавный!—отвѣтила она и съ доброй, почти материнской улыбкой поглядѣла на его лицо, на которомъ какъ-то по-дѣтски пережитая тревога смѣнилась выраженіемъ радости. Не могу я иначе говорить съ родственниками. Но для тебя я остаюсь всегда одинаковой, несмотря на сомнѣнія, которыя на тебя иногда нападаютъ.

— Почему же ты тогда, послѣ нашего послѣдняго разговора, удалила меня? Вѣдь это ты затѣяла горную экскурсію, которая разлучила насъ.

— Это было необходимо. Я тогда поддалась грусти дождливаго дня—и мнѣ нужно было успокоиться, взять себя въ руки, прежде чѣмъ снова видаться съ тобой.

— Почему ты представляешь въ такомъ видѣ твои тогдашнія слова? Ты была только откровеннѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Нѣтъ. Я была болѣзненно возбуждена. Я вовсе не была такой, какова я въ дѣйствительности.

— Объ этомъ будетъ завтра разговоръ—между мной и твоимъ мужемъ. Сегодня ужъ слишкомъ поздно. Дай мнѣ спокойно посидѣть подлѣ тебя. Ты не знаешь, какъ меня успокаиваетъ твоя близость. Безъ тебя я теряюсь, при тебѣ—все ясно.

— О чемъ ты собираешься говорить съ моимъ мужемъ?—тревожно спросила Марія-Луиза.—Что̀ ты хочешь ему сказать?

— Развѣ ты не знаешь? Не догадываешься? Я буду его просить, чтобы онъ вернулъ тебѣ свободу. Я ему скажу, что прошу этого не для себя, а для тебя. Онъ вѣдь хочетъ, чтобы ты выздоровѣла, а развѣ ты можешь такъ жить? Чтò бы доктора тебѣ ни прописывали, куда бы тебя ни посылали, все-таки ты не выживешь, несмотря ни на какое леченіе. Вѣдь нельзя разъединять два существа, сросшіяся духовно. А развѣ связь, соединяющая насъ, не болѣе тѣсна? Съ первой минуты нашей встрѣчи это было несомнѣнно для насъ обоихъ. И какъ бы ты ни боролась съ собой, ты не въ силахъ измѣнить это. Когда я тебя увидѣлъ, я вовсе не подумалъ: эта женщина мнѣ нравится, я могъ бы въ нее влюбиться, а почувствовалъ въ тебѣ близкое издавна существо, съ которымъ я только былъ въ долгой разлукѣ, какъ бываешь разлученъ съ самымъ глубокимъ, чтò есть въ самомъ себѣ. Я долго тебя искалъ. Когда же нашелъ, то во мнѣ заговорила та глубина моего собственнаго я, которая давно тебѣ принадлежала. Поэтому и кажется, что я какъ будто внутренно обѣднѣлъ. Бѣднымъ становишься послѣ всякаго перерожденія. Но эта бѣдность только начало бòльшаго богатства, какъ твоя болѣзнь—только переходъ къ здоровью... Все это такъ просто, и твой мужъ это пойметъ. Дѣло идетъ не о моемъ счастьи, не о моихъ желаніяхъ. Мы должны принадлежать другъ другу не въ силу нашей любви, а потому, что неразрывно связаны внутренней связью. Это такъ просто, такъ несомнѣнно, что противъ этого ничего нельзя возразить.

Марія-Луиза слушала его съ неподвижнымъ лицомъ, и только глаза ея блистали почти неестественно ярко на мертвенно-блѣдномъ лицѣ. Глубочайшая скорбь и высшее блаженство отражались въ ея неподвижно внимающемъ взорѣ;—казалось, что она слушаетъ не слова, которыя ей говорилъ Грабаусъ, а голоса, идущіе изъ глубины ея собственной души.

— Я тебя не отдамъ—все равно, хочешь ли ты или нѣтъ,— ибо нѣчто превышающее твою волю говоритъ, что я правъ.

Она невольнымъ движеніемъ взяла его руку, судорожно сжала ее и, обезсилѣвъ отъ нахлынувшихъ на нее чувствъ, тихо склонила голову ему на плечо и заплакала. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Потомъ она оправилась и сказала яснымъ, хотя еще дрожащимъ голосомъ:

— Генрихъ, то, о чемъ ты говоришь, никогда не будетъ. Выслушай меня — не перебивай. Я не могу оставить мужа. Еслибы даже онъ отпустилъ меня, это ничего бы не измѣнило. Я не примирилась бы съ тѣмъ, что измѣняю самой себѣ. По-

этому мы должны разстаться. Мы должны—повѣрь мнѣ,—продолжала она съ возрастающей тревогой въ голосѣ.—Нельзя строить счастья на несправедливости къ другимъ. Ты бы самъ этого не могъ себѣ простить. И ты тоже долженъ остаться съ твоей женой.

— Я съ женой ничѣмъ не связанъ. Мы съ нею совершенно чужіе люди, у которыхъ не осталось ни одного добраго чувства другъ къ другу. Къ женщинѣ, которая такъ поступила, какъ она относительно тебя, я ничего не чувствую кромѣ ненависти и ужаса.

— Не говори этого, Генрихъ. Если она сдѣлалась такой, если она поступила низко, то въ этомъ виноваты мы, я и ты. Изъ-за насъ она пережила нечеловѣческія муки, потому что ты не помогъ ей, а отвернулся отъ нея. Вернись къ ней, будь съ ней безконечно добръ. Повѣрь мнѣ, всякій человѣкъ, даже самый злой, доступенъ голосу доброты. Только страданіе, только измѣна тѣхъ, кого любишь, рождаетъ въ душѣ ненависть и злобу.

Грабаусъ смутно чувствовалъ, что въ этихъ словахъ есть что-то рѣшающее, что въ нихъ заключается, быть можетъ, непреодолимая правда. Но она такъ неожиданно сразила его, что ему хотѣлось только уйти отъ нея. Онъ вскочилъ, подбѣжалъ къ окну и, открывъ его, сталъ вдыхать ночную прохладу. Успокоившись хоть физически, онъ сказалъ тихо, не оборачиваясь.

— Ты не знаешь моей жены. Она въ десять разъ сильнѣе меня. Не я ее, а она меня можетъ одолѣть. И ты требуешь, чтобы ей я принесъ себя въ жертву!

— Не ей, а самому себѣ,—самому себѣ!

Но это было для него совершенно пустымъ звукомъ. Въ эту минуту онъ чувствовалъ только страшное, сразившее его чувство разочарованія. Онъ былъ такъ глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ, въ неотразимости всѣхъ своихъ доводовъ,—а чтò ему отвѣтила Марія-Луиза? Упоминаніе о его женѣ въ эту святую минуту казалось ему оскорбительной насмѣшкой. Онъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, жадно вдыхая ночной воздухъ, и глядѣлъ изъ окна въ пространство. До чего лучше ему было, когда онъ стоялъ внизу и смотрѣлъ вверхъ на эти окна. Тогда была мука, но была и надежда—теперь все разбито. Неужели же это конецъ? Неужели они разойдутся, и онъ вернется къ женѣ, станетъ образцовымъ мужемъ? И этого требуетъ отъ него Марія-Луиза!

Онъ обернулся къ ней, опять увидѣлъ ея нѣжный, блѣдный силуэтъ, и съ прежней силой воскресъ въ его памяти тотъ ве-

черъ, когда она открыла передъ нимъ свою душу, и онъ прочелъ въ ней мольбу спасти ее—противъ ея воли. Противъ воли! Какимъ безумнымъ соблазномъ звучали эти слова. Грабаусъ опять глубоко вдохнулъ ночной воздухъ, но онъ ему казался теперь пропитаннымъ тяжелыми одуряющими ароматами. Пламенныя желанія загорались въ немъ—желанія, которыя чужды мысли о завтрашнемъ днѣ... Онъ чувствовалъ, что долженъ спастись, долженъ уйти сейчасъ же, не взглянувъ ни разу больше на Марію-Луизу. Онъ уже направился къ двери, но не могъ устоять, и когда къ нему протянулась рука Маріи-Луизы, наполовину приподнявшейся съ кушетки, онъ бросился къ ней, упалъ передъ нею на колѣни и, обнимая и цѣлуя ее, шепталъ:

— Вѣдь ты погибнешь, погибнешь! Я не допущу этого... я спасу тебя!

Она старалась успокоить его и отстраняла его сначала слабо, потомъ настойчивѣе.

— Образумься, Генрихъ! Поговоримъ спокойно.

— Образумиться?—спросилъ онъ и откинулъ голову назадъ съ выраженіемъ страстнаго протеста на лицѣ.

— Въ такомъ случаѣ уходи. Если ты меня любишь, уходи!

— Нѣтъ, я не уйду. Я останусь. Я увлеку тебя съ собой. Ты будешь моей, наперекоръ всѣмъ — наперекоръ тебѣ самой. Ты—ты моя свѣтлая, прекрасная! Я боленъ тобой,—шепталъ онъ.—Я чувствую тебя въ моемъ сердцѣ, какъ живую муку... какъ пожирающее пламя... какъ безуміе! Я...

Онъ тихо застоналъ и опустилъ голову ей на колѣни. Она наклонилась надъ нимъ вся дрожа, въ возрастающемъ страхѣ— передъ собой, передъ своей жалостью къ нему, передъ своей слабостью. Крѣпко сжимая его руку, она все настойчивѣе молила:

— Встань, Генрихъ. Уходи! Если не хочешь, чтобы между нами все было кончено, уходи сейчасъ.

— Что?

— Уходи сейчасъ же.

— Если я уйду,—сказалъ онъ неожиданно рѣзкимъ тономъ,— то уйду навсегда.

— Генрихъ!

— Если ты хочешь, чтобы я ушелъ, то это—трусость... и жестокость,—гнѣвно проговорилъ онъ.—Я уйду, но я не вѣрю тебѣ, не вѣрю твоей любви.

— Генрихъ, не говори этого! Ты раскаешься. Не смотри на меня такими глазами. Что съ тобой? Генрихъ... возьми меня... возьми меня... только не гляди такъ!

Она обняла его за шею и прижала его къ себѣ, чтобы вывести его изъ оцѣпенѣнія. Но онъ осторожно высвободился изъ ея объятій, усадилъ ее въ уголъ кушетки, не отвѣчая на ея взглядъ, молящій о пощадѣ, вынулъ свои пальцы изъ ея рукъ и старался даже не касаться ея платья. Но ярость и злоба уже улеглись въ немъ. Онъ опомнился и съ мучительной ясностью понялъ всю неизгладимость и непростительность случившагося. Онъ безмолвно поникъ съ блѣднымъ лицомъ, не двигаясь, даже когда она прикоснулась рукой къ его головѣ. Только когда она окликнула его, онъ взглянулъ на нее съ тѣмъ же мрачнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица.

— Я вѣдь тебя люблю, Генрихъ. Вѣрь мнѣ!

— Боже мой, и я люблю тебя!—съ мукой въ голосѣ сказалъ онъ.

— Я люблю тебя больше жизни, прошептала она.—Но я не могу не помнить о немъ—онъ мнѣ довѣряетъ. У него такая твердая вѣра въ меня. Въ Бога нельзя вѣрить болѣе твердо, чѣмъ онъ въ меня.

— Забудь все, что̀ я сказалъ тебѣ,—проговорилъ онъ беззвучно и опустилъ глаза. На ея лицѣ отразилась скорбно умиленная радость, и она стала нѣжно гладить его волосы.

— Теперь уходи,—сказала она.—Но обѣщай вотъ что̀. Мы сегодня же попрощаемся. Ты долженъ уѣхать безъ меня.

— Марія-Луиза! Что̀ ты говоришь?

— Если ты будешь подлѣ меня, у меня не хватитъ силъ. Повѣрь мнѣ—тамъ, гдѣ ты, тамъ буду и я. Но оставь меня одну. Я этого не могу вынести—я умру.

— Почему, Марія-Луиза, почему?

Онъ боролся съ ней нѣмыми взглядами, читая въ ея глазахъ отчаяніе и смертельный страхъ, и наконецъ уступилъ ей. Тогда она плача поцѣловала его въ лобъ и прижалась къ его лицу своимъ.

Онъ уже стоялъ въ дверяхъ и переступилъ порогъ, какъ вдругъ опять повернулся къ ней и сказалъ:

— Марія-Луиза, мы никогда больше не увидимся.

— Нѣтъ, ты меня увидишь еще.

— Когда?

Въ эту минуту утренняя заря, показавшаяся надъ крышами насупротивъ, залила комнату нѣжнымъ потокомъ свѣта. И тѣмъ темнѣе выдѣлилась на свѣтломъ фонѣ ея темная фигура и глубокія морщины и тѣни легли на ея исхудавшее лицо. Она прошептала едва-едва слышно: Прощай, прощай!

Потомъ дверь закрылась, и онъ остался одинъ въ темномъ корридорѣ.

Коляска, которая везла Марію-Луизу и ея брата въ Кастельрутъ, медленно поднималась въ гору. Оба они сидѣли молча, лишь изрѣдка обмѣниваясь ничего не значущими замѣчаніями. Онъ присутствовалъ при прощаніи Грабауса и его сестры, и долго еще кивалъ платкомъ оставшемуся другу, который стоялъ неподвижно и безмолвно, провожая глазами отходящій поѣздъ. Вольфъ чувствовалъ приливъ гнѣва противъ сестры за ея жестокость къ Грабаусу, но когда поѣздъ двинулся и онъ взглянулъ на лицо Маріи-Луизы съ ея сухими воспаленными глазами, онъ понялъ, что̀ въ ней происходитъ. Отвернувшись отъ нея, онъ уткнулся въ уголъ вагона, и, какъ онъ ни сдерживалъ себя, слезы потекли по его щекамъ. Онъ плакалъ какъ ребенокъ— изъ нихъ всѣхъ онъ одинъ только и могъ плакать.

Всѣ мысли Маріи-Луизы были у покинутаго ею друга и теперь, когда послѣ желѣзной дороги она сѣла въ коляску. Что онъ теперь дѣлаетъ? Какъ переноситъ въ одиночествѣ свою муку? Опять въ ней мучительно заговорилъ внутренній протестъ противъ судьбы, заговорила жажда счастья, жажда жизни. Можетъ быть, мужъ ея все-таки вынесъ бы разлуку съ нею. Можетъ быть, можно было подѣйствовать на жену Генриха просьбами? И даже еслибы она оторвала его отъ семьи, развѣ она не дала бы новаго счастья взамѣнъ? Не трусость ли, не послѣдній ли отголосокъ условной морали—эта нерѣшимость съ ея стороны? Но слишкомъ ясно, смертельно-ясно она поняла безнадежность призыва молодости и страсти. Она поняла, что должна пойти по пути, который никогда не приведетъ къ торжеству любви даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Для нея уже не было дороги къ счастью. Она останется вѣрна себѣ—въ этомъ была ея судьба и ея приговоръ. Единственнымъ ея утѣшеніемъ было сознаніе, что, отпустивъ Грабауса, она тѣмъ самымъ приковала его къ себѣ на всю жизнь. Онъ никогда не забудетъ ее, не забудетъ лунную ночь въ паркѣ, и въ часы грядущихъ невзгодъ, когда всѣ утѣшенія изсякнутъ, его будетъ поддерживать воспоминаніе объ ихъ любви. Теперь онъ еще слишкомъ страдалъ, чтобы соглашаться съ нею, но потомъ онъ ее пойметъ,—пойметъ, что она вѣрила въ него, что она пожертвовала своимъ счастьемъ вѣрѣ въ его силы и что она умерла для того, чтобы его жизнь сдѣлалась болѣе высокой и прекрасной.

Ее охватило глубокое чувство радости при мысли, что вну

тренняя сила въ ней побѣдила, что она дѣйствовала совершенно свободно и преодолѣла себя. Всей своей молодой страстью, каждой каплей своей крови она стремилась къ тому, кого такъ безгранично полюбила, но она освободила себя и отъ своей любви и пошла по свободно избранному ею пути, ни передъ кѣмъ не преклоняясь, сохранивъ власть надъ самой собой. Она чувствовала побѣдное чувство воина, который идетъ въ бой съ развѣвающимся знаменемъ въ рукахъ и чувствуетъ себя закаленнымъ отъ боли ранъ, которыя можетъ нанести ему врагъ.

Погода въ горахъ испортилась еще до отъѣзда Платеновъ. Холодный сырой воздухъ проникалъ въ комнаты, внѣдрялся въ платье, проходилъ въ легкія. Однажды, когда майоръ лежалъ въ постели вслѣдствіе возобновившихся болей, у Маріи-Луизы опять пошла кровь горломъ. Она объ этомъ не разсказала и сама не безпокоилась, думая, что лопнулъ кровяной сосудъ. Но у нея осталось какое-то тревожное состояніе духа и очень мучившая ее нервность. Когда майору стало лучше, они поѣхали на Ривьеру, но тамъ Маріи-Луизѣ стало еще хуже. Все ее раздражало—и люди, и слишкомъ пышная для ея сѣверной души природа, и вся жизнь вокругъ. Она даже едва сдерживала раздраженіе противъ мужа и старалась побольше бывать одна. Ея душевная мука становилась такой нестерпимой, что она нѣсколько разъ порывалась писать Грабаусу съ просьбой пріѣхать, увезти ее куда онъ хочетъ. Но потомъ она сжигала эти письма, а тѣ, которыя она ему посылала, были очень кратки и сдержанны, и по нимъ онъ не могъ бы догадаться о ея дѣйствительномъ состояніи.

Отъ времени до времени ею опять овладѣвалъ неизъяснимый страхъ, который предшествовалъ всегда припадку кровоизліянія. Послѣ припадка ей становилось лучше, и она успокаивалась. Въ такіе часы она тоже писала письма Грабаусу, но оставляла ихъ какъ послѣдній подарокъ ему. Потомъ опять возобновлялась нервная тревога, и въ одинъ изъ такихъ періодовъ она стала умолять мужа увезти ее домой. Докторъ поддержалъ ея просьбу, въ виду безнадежности ея состоянія. Въ началѣ декабря Марія-Луиза вернулась вмѣстѣ со своимъ мужемъ въ Веймаръ.

Отправивъ жену и дѣтей въ Берлинъ къ родителямъ Констанціи на время переѣзда на новое мѣсто, Грабаусъ зашелъ

съ вокзала къ Вольфу узнать о здоровьи Маріи-Луизы. Оказалось, что Вольфъ внезапно уѣхалъ почти безъ вещей и точно не опредѣлилъ когда вернется. Грабаусу ничего не оставалось, какъ вернуться домой, гдѣ артельщики укладывали книги въ ящики. Онъ ходилъ по опустѣвшимъ комнатамъ, занятый, какъ всегда, мыслями о Маріи-Луизѣ. Эти мысли парализовали его жизненныя силы, подъ вліяніемъ ихъ онъ апатично отнесся къ повороту въ своей карьерѣ. Но онъ рѣшилъ взять себя въ руки, отогнать мысли о любимой женщинѣ, а то всякая работа на новомъ поприщѣ стала бы немыслимой.

Среди своихъ размышленій онъ услышалъ голосъ Вольфа, спрашивавшаго дома ли докторъ Грабаусъ. Онъ выскочилъ ему на встрѣчу, ввелъ его въ комнату, но, взглянувъ на него при свѣтѣ лампы, ужаснулся его виду.

— Чтò съ тобой?—почти крикнулъ онъ.—Надѣюсь, никакихъ дурныхъ вѣстей? Чтò съ твоей сестрой?

— Не пугайся, Генрихъ. Моя сестра...

Грабаусъ выпустилъ изъ рукъ лампу, которая съ шумомъ упала на полъ и разбилась. Прошло много времени, а онъ все еще не могъ выговорить ни слова.

— Она уже давно была очень тяжело больна,—разсказывалъ Вольфъ.—Смерть была для нея избавленіемъ. Я пріѣхалъ за тобой. Если хочешь еще разъ видѣть ее, поѣдемъ сейчасъ же.

По дорогѣ на вокзалъ и въ поѣздѣ Вольфъ разсказывалъ о послѣднихъ дняхъ сестры. Грабаусъ молча слушалъ, ничего не возражая.

Въ домѣ Платеновъ ихъ ввели въ большую комнату, гдѣ, кромѣ доктора Платена, было еще нѣсколько офицеровъ и дамъ, одѣтыхъ въ черное. Грабаусъ сѣлъ и сидѣлъ, не принимая участія въ разговорѣ, который велся вполголоса. Вскорѣ вошелъ майоръ. У него былъ очень измученный видъ, но онъ держался спокойно и твердо. Поздоровавшись съ дамами, онъ подалъ руку Грабаусу и потомъ провелъ всѣхъ въ комнату, гдѣ лежала покойница. Когда сняли бѣлый батистовый платокъ, прикрывавшій ея лицо, всѣ увидѣли блѣдныя нѣжныя черты, которыя, казалось, принадлежали ни мертвой, ни живой, а были какъ бы восковымъ изображеніемъ Маріи-Луизы. При всей нѣжности лицо ея казалось строгимъ и на немъ можно было прочесть: „моя душа, такъ много страдавшая, отлетѣла. Взгляните, какъ я прекрасна, когда я спокойна". Дамы подносили платочки къ глазамъ, мужчины тоже съ трудомъ удерживались отъ слезъ. Одинъ Грабаусъ стоялъ съ сухими глазами, глядя на лицо Маріи-Луизы.

Онъ молча попрощался съ майоромъ и ушелъ къ себѣ въ отель. Весь вечеръ Вольфъ не могъ добиться отъ него ни слова; молчаніе не покидало его и на слѣдующій день похоронъ.

У майора назначенъ былъ пріемъ всѣхъ членовъ семьи на слѣдующій день къ обѣду, и Грабаусъ былъ приглашенъ въ числѣ другихъ. Но, чувствуя себя не въ силахъ присутствовать на собраніи, онъ рѣшилъ пойти къ майору до обѣда. Его ввели въ пустую комнату, а майора онъ увидалъ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ Маріи-Луизы, съ глубокой скорбью поникнувъ надъ ея карточкой. Увидѣвъ посѣтителя, онъ выпрямился и лицо его сдѣлалось болѣе строгимъ. Онъ протянулъ Грабаусу свою морщинистую, но теплую и твердую руку, и когда Грабаусъ крѣпко пожалъ ее и взглянулъ въ глаза майора, все еще свѣтлые и добрые, несмотря на всю силу страданій, то его прежде всего поразило удивительное сходство этого лица съ лицомъ Маріи-Луизы. Это было не родственное сходство, какъ онъ прежде думалъ, а отраженіе ихъ духовнаго родства. И теперь только, въ этотъ неизмѣримо печальный часъ, онъ понялъ, почему Марія-Луиза, при всей своей страстной любви къ нему, не могла покинуть мужа. Грабаусу тоже хотѣлось въ эту минуту никогда не отпускать руку майора—столько доброты и тепла было въ его пожатіи. Майоръ, наконецъ, отнялъ руку и попросилъ Грабауса сѣсть. Онъ самъ тоже сѣлъ, и наступила минута, когда они оба безмолвно глядѣли другъ на друга, какъ бы видя каждый свое отраженіе въ глазахъ другого и заглядывая каждый въ глубину своей собственной души. Въ эту минуту ничто ихъ не раздѣляло — они были самыми близкими существами другъ для друга на землѣ. Когда потомъ они нарушили молчаніе, слова казались имъ лишними, но въ то же время они почувствовали, что то, что между ними произошло, неразрушимо.

— Она до конца думала о васъ,—сказалъ майоръ, когда Грабаусъ сталъ спрашивать его о послѣднемъ времени ея болѣзни.—Въ особенности памятно было ей время, когда вы въ первый разъ посѣтили насъ.

Онъ поднялся, вынулъ изъ ящика письменнаго стола пачку писемъ и передалъ Грабаусу.

— Тутъ, вѣроятно, собрано то, что она еще хотѣла вамъ сказать.

Грабаусъ поднялся, взялъ письма и протянулъ на прощанье руку майору, который еще сказалъ ему:

— Прощайте! Пишите мнѣ, какъ вамъ живется. И я вамъ желаю всего лучшаго.

Грабаусъ пошелъ въ паркъ и тамъ развязалъ пачку писемъ. На бѣлыхъ конвертахъ помѣчены были числа, относившіяся къ разнымъ временамъ. Нѣкоторымъ письмамъ было болѣе года, другія относились къ послѣднему времени. Лежавшее на самомъ верху письмо было помѣчено днемъ смерти Маріи-Луизы. Оно не было запечатано. Грабаусъ прочелъ только послѣднюю страницу:

„Мнѣ хочется въ послѣдній разъ быть нѣжной съ тобой и сказать тебѣ, какъ я тебя люблю. Ночь была очень тяжела. Но я провижу счастье, которое изгладитъ все, что̀ я выстрадала. Ты долженъ рости и стать выше всѣхъ людей. То, что̀ другихъ сковываетъ и придавливаетъ къ землѣ, должно исчезнуть передъ твоей волей. И тогда ты можешь сказать, что частицей всего этого—самой маленькой частицей—ты обязанъ мнѣ. Я была твоей счастливой звѣздой. Еслибы это все исполнилось, Генрихъ, то я готова была бы еще больше страдать за тебя“.

Въ пустынномъ паркѣ была полная тишина. Красноватый отблескъ озарялъ снѣгъ, и въ душѣ Грабауса поднялось невыразимое ощущеніе свѣта и теплоты, связанной съ умершей. И онъ чувствовалъ, что пока это будетъ въ немъ живо, онъ не перестанетъ жить и производительно трудиться—подобно тому, какъ земля не перестаетъ приносить плоды, пока ее грѣетъ солнце.

Съ нѣм. З. В.

ИСКАТЕЛИ КЛАДА

РОМАНЪ.

Dialstone Lane, by W. Jacobs. London. 1905.

I.

Мистеръ Эдуардъ Тредгольдъ сидѣлъ въ частной конторѣ нотаріуса „Тредгольдъ и сынъ“, глядя изъ окна съ проволочной шторою на Большую улицу города Бинчестера. Тредгольдъ-старшій, находившій, что работа полезна для молодежи, рано ушелъ изъ конторы, а Тредгольдъ-сынъ, раздѣляя взгляды отца, засадилъ за работу клерка, бывшаго моложе его на одинъ мѣсяцъ.

„Бинчестеръ становится все скучнѣе и скучнѣе,—подумалъ м-ръ Тредгольдъ. — За эти пять минутъ по улицѣ прошли счетомъ двое стариковъ, сумрачная нянька съ еще болѣе сумрачнымъ младенцемъ и пробѣжали три собаки... Эге! Это что̀ такое?“

Онъ положилъ перо и слѣдилъ глазами за перешедшею черезъ улицу дѣвушкою, очевидно, искавшею какой-то домъ.

„Пріѣзжая, должно быть, — рѣшилъ про себя м-ръ Тредгольдъ, — такія барышни бываютъ здѣсь только проѣздомъ и уѣзжаютъ съ первымъ же поѣздомъ... Но она направляется сюда. За какими-нибудь справками, вѣроятно?

Онъ сѣлъ за столъ и, взявъ перо, принялся съ озабоченнымъ видомъ его разсматривать. Клеркъ доложилъ о посѣти-

тельницѣ. М-ръ Тредгольдъ всталъ и вѣжливо придвинулъ ей стулъ.

— Я зашла за ключемъ отъ коттэджа въ долинѣ Солнечныхъ Часовъ, — сказала дѣвушка, не садясь, — дядя мой, капитанъ Бауэрсъ еще не пріѣхалъ, а я слышала, что вы — хозяинъ.

М-ръ Тредгольдъ поклонился и, взглянувъ на расписаніе, объяснилъ, что капитанъ, вѣроятно, пріѣдетъ со слѣдующимъ — шестичасовымъ поѣздомъ. Онъ заѣзжалъ въ понедѣльникъ узнать насчетъ мебели. Пріѣзжая, вѣроятно—миссъ Дрюиттъ?

— Да, и если вы будете такъ добры, дадите мнѣ ключъ, я пройду домой и подожду его тамъ.

М-ръ Тредгольдъ досталъ ключъ изъ ящика и, осмотрѣвъ его, пробормоталъ что-то о томъ, что замокъ плохо отпирается и потому миссъ Дрюиттъ, быть можетъ, позволитъ ему проводить ее? О, нѣтъ, это не причинитъ ему ни малѣйшаго безпокойства. Они обязаны заботиться объ удобствахъ своихъ жильцовъ...

Дорогою онъ указалъ пріѣзжей на нѣкоторыя мѣстныя достопримѣчательности и выразилъ опасеніе, что она найдетъ Бинчестеръ слишкомъ тихимъ, соннымъ городомъ, на что̀ миссъ Дрюиттъ отвѣтила, что она любитъ тишину.

Ей понравились старомодные коттэджи въ долинѣ Солнечныхъ Часовъ, крылечки изъ кирпича, узкія оконца. Остановившись у послѣдняго домика, м-ръ Тредгольдъ вложилъ ключъ въ замокъ наружной двери и безъ всякаго труда повернулъ его.

— Кажется, все въ порядкѣ, и я напрасно побезпокоила васъ,—замѣтила дѣвушка, серьезно взглянувъ на него.

М-ръ Тредгольдъ покачалъ головою и замѣтилъ, что тутъ все же нужна особая сноровка. Въ отвѣтъ на это миссъ Дрюиттъ, въ свою очередь, нѣсколько разъ открыла и закрыла дверь— безъ всякаго труда.

— Ну, вы сразу приноровились, — проговорилъ онъ невозмутимо.

— Благодарю васъ, — сказала она, давая ему понять, что онъ можетъ удалиться.

Но упрямство было одною изъ основныхъ чертъ его характера, и молодой человѣкъ, объявивъ, что онъ обѣщалъ капитану Бауэрсу наблюсти за починкою петель и крючковъ, принялся осматривать оконныя задвижки и дверныя ручки, между тѣмъ какъ она, усѣвшись въ креслѣ у камина, наблюдала за нимъ, очевидно, забавляясь на его счетъ, что̀ не могло не злить за-

ботливаго хозяина. Онъ объяснилъ, что капитанъ велѣлъ сдѣлать въ этой комнатѣ панели и выдвижные ящики, чтобы она напоминала ему каюту. Онъ зоветъ погребъ—трюмомъ, кухню—каютъ-компаніей, и устроилъ въ саду фокъ-мачту съ площадкою для вахтеннаго. Оттуда открывается чудный видъ — до самаго моря.

Миссъ Дрюиттъ почти машинально послѣдовала за нимъ въ тѣнистый старый садъ, въ концѣ котораго возвышалась мачта. М-ръ Тредгольдъ освѣдомился, довольна ли она меблировкой дома и, услышавъ данный холоднымъ тономъ утвердительный отвѣтъ, облегченно вздохнулъ. Вѣдь онъ ѣздилъ съ капитаномъ въ Толлминстеръ и помогалъ ему выбирать вещи. Больше всего имъ пришлось повозиться съ ея комнатою.

— Съ *моею* комнатою?—проговорила пораженная дѣвушка.

— Это настоящая мечта въ нѣжно алыхъ и блѣдно-зеленыхъ тонахъ,—сказалъ м-ръ Тредгольдъ скромно,—двѣ-три старинныхъ вещицы, капитанъ былъ противъ нихъ, но я настоялъ на своемъ...

— Развѣ покупка мебели также входитъ въ кругъ вашихъ занятій?—спросила она, изумленно раскрывая глаза.

— О, нѣтъ, я дѣлалъ это для развлеченія. Я выбиралъ, а капитанъ платилъ, это — совершенно новое ощущеніе. Можетъ быть, вы пожелаете взглянуть на вашу комнату? Она тамъ наверху, надъ кухнею.

Миссъ Дрюиттъ согласилась — не безъ злорадной задней мысли. Быть можетъ, все окажется никуда не годнымъ? Вскорѣ она вернулась.

— Очень хорошо,—сказала она нелюбезно, — но я рѣшительно не понимаю: изъ-за чего вамъ было хлопотать?

— Вы бы поняли, еслибы увидѣли, что̀ хотѣлъ купить капитанъ. Онъ выбралъ обои съ рисункомъ, изображавшимъ невѣдомый кустъ въ цвѣту, наверху котораго сидитъ пѣвчая птица, пожирающая мотылька. Самый простой разсчетъ подсказалъ мнѣ, что каждое утро, раскрывъ глаза, вы увидите пятьдесятъ семь совершенно одинаковыхъ пѣвчихъ птицъ, пожирающихъ пятьдесятъ семь мотыльковъ. Занавѣси же, выбранныя имъ, были краснаго цвѣта, усѣянныя маленькими желтыми тиграми...

— Выборъ дяди, безъ сомнѣнія, удовлетворилъ бы меня,—проговорила миссъ Дрюиттъ съ достоинствомъ.

Положеніе становилось натянутымъ, но тутъ къ дому подкатилъ кабріолетъ, и изъ него вышелъ пожилой господинъ съ краснымъ, загрубѣвшимъ отъ загара лицомъ, обросшимъ сѣдою

бородою. Онъ остановился съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ на порогѣ.

— Это... Да неужели это Прюденса?—проговорилъ онъ наконецъ, протягивая дѣвушкѣ руку.

— Да, дядя, это я.

Они пожали другъ другу руки, и затѣмъ капитанъ, взявъ изъ экипажа клѣтку съ попугаемъ, всю дорогу просившимъ извозчика поцѣловать его, отдалъ возницѣ деньги и снова вошелъ въ домъ, привѣтливо поздоровавшись съ Тредгольдомъ.

— Я опоздалъ на поѣздъ,—сказалъ капитанъ,—я... я надѣюсь, что тебѣ будетъ здѣсь хорошо?—обратился онъ съ тою же застѣнчивостью къ дѣвушкѣ.

— Благодарю васъ, дядя.

— Ты очень похожа на свою мать.

— Надѣюсь,—проговорила Прюденса и, подойдя къ капитану, поцѣловала его въ щеку. Въ ту же минуту она почувствовала себя въ его добродушныхъ медвѣжьихъ объятіяхъ. Лицо его просіяло.

— Чортъ меня побери, если я зналъ сначала, какого курса мнѣ съ тобою держаться! Маленькія дѣвочки — одно, а когда онѣ превратятся въ красивыхъ чинныхъ барышень—не знаешь, съ какой стороны и подойти къ нимъ. Вѣдь мы десять лѣтъ не видались.

Онъ снова поцѣловалъ ее въ лобъ и радостно подмигнулъ м-ру Тредгольду, который изъ деликатности смотрѣлъ въ окно. Затѣмъ онъ объявилъ, что нанялъ слугу,—съ нимъ меньше возни, чѣмъ со служанкою. Кажется, человѣкъ подходящій.

— Быть можетъ, онъ хитеръ и скрываетъ свои недостатки?—замѣтилъ м-ръ Тредгольдъ.

— Покуда онъ скрываетъ ихъ, не къ чему придраться,—заявилъ капитанъ, — лучшій поваръ, какого я когда-либо имѣлъ на кораблѣ, былъ бѣглый каторжникъ.

— Насколько мнѣ извѣстно, Таскеръ никогда не былъ на каторгѣ,—сказалъ Тредгольдъ,—во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что онъ не бѣжалъ оттуда: онъ слишкомъ для этого глупъ.

Въ эту минуту вошелъ нагруженный свертками тотъ, о комъ шла рѣчь; онъ застѣнчиво прошелъ на цыпочкахъ на кухню, гдѣ сейчасъ же принялся возиться съ устройствомъ на новосельѣ, а Тредгольдъ, отказавшись отъ приглашенія капитана напиться чаю, простился съ хозяевами.

— Славный малый,—сказалъ капитанъ, проводивъ его,—у него еще немножко вѣтеръ въ головѣ, но съ годами это пройдетъ.

Онъ усѣлся въ кресло и окинулъ довольнымъ взглядомъ свои владѣнія.

— Чуть ли не впервые за сорокъ пять лѣтъ мнѣ приходится жить въ собственномъ домѣ. Надѣюсь, что ты почувствуешь себя здѣсь счастливою, и ужъ не я буду виноватъ, если этого не случится.

II.

Менѣе чѣмъ въ недѣлю капитанъ Бауэрсъ окончательно устроился въ своемъ домѣ. Въ „каютъ-компаніи“ были вывѣшены „правила“, сообразно которымъ Джозефъ Таскеръ долженъ былъ распоряжаться своимъ временемъ и, боясь преступить случайно которое-нибудь изъ нихъ, онъ старательно заучивалъ ихъ по складамъ. Мѣстныя хозяйки очень интересовались дѣятельностью м-ра Таскера, но оказалось, что онъ держитъ домъ въ образцовомъ порядкѣ, что̀ капитанъ не замедлилъ приписать благодѣтельному вліянію „правилъ“. Однако, дѣло не обошлось безъ ихъ нарушенія, и это привело къ неожиданному знакомству.

Однажды послѣ полудня послышался рѣзкій стукъ въ дверь, и въ отвѣтъ на возгласъ капитана: войдите!—въ комнату вбѣжалъ взволнованный, небольшого роста человѣкъ.

— Мое имя Чокъ!—проговорилъ онъ, запыхавшись.

— Пріятель м-ра Тредгольда-отца? Я слышалъ о васъ, сэръ,—отозвался капитанъ.

Гость пропустилъ фразу мимо ушей.

— Жена моя желаетъ знать: неужели ей придется ежедневно одѣваться впотьмахъ до конца ея жизни? — продолжалъ онъ гнѣвнымъ, но дрожащимъ голосомъ.

— Одѣваться впотьмахъ?—повторилъ изумленный капитанъ.

— Съ опущенною шторою,—пояснилъ гость, нервно теребя кончики рыжеватыхъ усовъ. — Какъ бы вамъ самимъ понравилось,—продолжалъ онъ, уже смягчаясь,—еслибы на васъ навели въ упоръ подзорную трубу?

— Джозефъ!—рявкнулъ капитанъ, срываясь съ мѣста и подбѣгая къ окну, изъ котораго виднѣлась пресловутая мачта.

— Что̀ прикажете, сэръ?—спросилъ, перевѣшиваясь черезъ перила, Таскеръ, въ рукѣ у котораго оказался вышеупомянутый инструментъ.

— Что вы дѣлаете тамъ съ подзорною трубою? Какъ смѣете вы глазѣть на чужія окна?

— Я не глазѣю на окна, сэръ,—возразилъ м-ръ Таскеръ тономъ оскорбленной невинности,—мнѣ даже въ голову не могло придти ничто подобное.

— Вы наводите трубу прямо на окно спальни,—закричалъ м-ръ Чокъ, выйдя вслѣдъ за капитаномъ въ садъ,—и это уже не въ первый разъ.

— Право же нѣтъ, сэръ,—протестовалъ слуга, обращаясь къ своему барину,—я смотрѣлъ на зябликовъ, они свили себѣ гнѣздо подъ карнизомъ. Притомъ я видѣлъ, что вы всегда спускаете штору, какъ только меня увидите,—обернулся онъ уже къ посѣтителю,—и потому думалъ, что я не мѣшаю...

— Я крайне сожалѣю,—проговорилъ капитанъ и приказалъ Джозефу, все еще продолжавшему оправдываться, немедленно слѣзть и приготовить чай.

— Я готовъ вѣрить, что онъ не имѣлъ дурного умысла,—проговорилъ смягчившійся м-ръ Чокъ, между тѣмъ какъ смущенный Джозефъ ретировался.—Надѣюсь, сэръ, что я не сказалъ ничего лишняго? Жена такъ настаивала, чтобы я пошелъ къ вамъ.

— Вы были совершенно правы, и я благодарю васъ за то, что вы пришли.

— Мнѣ думается,—сказалъ м-ръ Чокъ, съ большимъ интересомъ разглядывая сооруженіе,—мнѣ думается, что оттуда долженъ быть прекрасный видъ? Нѣчто въ родѣ корабля въ саду. Оно наводитъ на мысль о полюсѣ, буряхъ, сѣверномъ сіяніи...

Пять минутъ спустя Таскеръ, выглянувъ изъ окна каютъ-компаніи, увидѣлъ м-ра Чока поднимающимся съ безконечными предосторожностями на мачту. Шляпа его была нахлобучена на глаза, и онъ крѣпко прижималъ къ себѣ телескопъ.

Когда Таскеръ вошелъ въ садъ доложить о томъ, что чай готовъ, м-ръ Чокъ все еще занималъ свой возвышенный постъ, и для находившихся внизу было ясно, что онъ опасается трудностей спуска, но слишкомъ гордъ для того, чтобы въ этомъ сознаться.

— Славный видъ отсюда!—крикнулъ капитанъ.

— И... и... прекрасный!—отозвался м-ръ Чокъ, блѣдность котораго была очень замѣтна.

Чай остывалъ и капитанъ, поднявшись, наконецъ, до платформы, предложилъ м-ру Чоку освободить его отъ телескопа, что̀ было принято съ благодарностью.

— Я... у меня затекла нога!—пробормоталъ онъ.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ спускайтесь осторожнѣе!

Благодаря соединеннымъ усиліямъ капитана и слуги, м-ру Чоку удалось благополучно стать на землю, и онъ принялъ приглашеніе на чашку чая, причемъ видъ комнаты привелъ его въ искренній восторгъ. Настоящая каюта! Можно вообразить себя на кораблѣ.

— А вы любите море?—спросилъ капитанъ.

— Очень люблю!—съ жаромъ воскликнулъ м-ръ Чокъ,—я еще мальчикомъ желалъ уйти въ море, а вмѣсто этого пришлось замѣнить отца въ его дѣлѣ, къ которому у меня никогда не лежала душа. Нѣкоторые люди любятъ домашнюю жизнь, а я всегда стремился къ приключеніямъ. Воображаю, сколько вамъ пришлось пережить ихъ, капитанъ. Эдуардъ Тредгольдъ мнѣ кое-что поразсказалъ...

— Когда проплаваешь сорокъ-пять лѣтъ—на многое насмотришься. Вѣдь это—цѣлая жизнь.

— А вотъ мнѣ пятьдесятъ-первый годъ,—мрачно проговорилъ м-ръ Чокъ,—а я только и видѣлъ на своемъ вѣку, какъ человѣкъ остановилъ взбѣсившуюся лошадь.

Когда Прюденса черезъ полчаса вошла въ комнату, она увидѣла м-ра Чока, прислушивающагося съ напряженнымъ вниманіемъ къ морскимъ разсказамъ капитана.

За этимъ визитомъ послѣдовали многіе другіе; иногда Чокъ приводилъ м-ра Тредгольда, а иногда м-ръ Тредгольдъ приводилъ его. М-ръ Чокъ освоился съ трудностями восхожденія на мачту и, взобравшись туда, осматривалъ окрестности съ видомъ путешественника, обозрѣвающаго чужую враждебную страну. Это служило обыкновенно прелюдіей къ разсказамъ капитана, переносившимъ слушателей то на поросшіе пальмами острова южнаго океана, то въ Китай или Японію. М-ръ Чокъ освоился съ морскими терминами и какъ-то разъ заявилъ, что онъ намѣренъ предпринять въ скоромъ времени морское путешествіе. Онъ еще не рѣшилъ—куда.

— Я подговариваю и вашего отца,—обратился онъ къ Тредгольду.

— Непремѣнно возьмите его съ собою,—поддакнулъ почтительный сынъ,—это принесетъ ему пользу и мнѣ—тоже.

— Да, но онъ сказалъ, что отправился бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы понадобилось поднять изъ воды затонувшее съ золотымъ грузомъ судно. Вѣдь такіе случаи бывали, капитанъ?

— Дно океана вымощено такими судами,—проговорилъ Тредгольдъ, слѣдуя за миссъ Дрюиттъ въ садъ, гдѣ она собиралась сѣять сѣмена.

М-ръ Чокъ снова закурилъ трубку; онъ смотрѣлъ въ окно, но передъ его умственнымъ взоромъ разстилались синія моря.

— Вамъ не случалось слышать о подобныхъ находкахъ, капитанъ?

— Насколько могу припомнить—нѣтъ, хотя странно, что мы подумали одновременно объ одномъ и томъ же.

— Почему—странно?—освѣдомился м-ръ Чокъ, осторожно кладя трубку на столъ.

— Да такъ!—отвѣтилъ капитанъ и отрывисто засмѣялся, между тѣмъ какъ м-ръ Чокъ завертѣлся на мѣстѣ.

— Вы знаете что-нибудь о затонувшемъ кладѣ?

— О затонувшемъ—нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, о кладѣ, зарытомъ въ землѣ?

Блѣдно-голубые глаза м-ра Чока раскрылись во всю ихъ ширину.

Капитанъ покачалъ головою. Въ сущности онъ не имѣетъ права объ этомъ говорить. Это—чужая тайна.

— Вѣдь я не спрашиваю у васъ подробностей,—настаивалъ м-ръ Чокъ,—мнѣ просто хотѣлось бы знать, въ чемъ дѣло.

— Пожалуй, не будетъ особенной бѣды, если я и скажу вамъ,—проговорилъ капитанъ послѣ долгаго раздумья,—кладъ зарытъ на одномъ изъ острововъ Тихаго океана.

— Вы видѣли его?

— Я самъ его зарылъ.

М-ръ Чокъ откинулся назадъ, пораженный священнымъ ужасомъ, между тѣмъ какъ капитанъ, улыбаясь, набилъ трубку.

— Да,—повторилъ онъ,—я самъ вырылъ яму обломкомъ весла и похоронилъ въ ней кладъ вмѣстѣ съ мертвецомъ.

Трубка едва не выпала изъ рукъ слушателя. Любопытство его не знало границъ, и, наконецъ, уступая его просьбамъ, капитанъ разсказалъ ему исторію клада. Шкуна, которою онъ командовалъ, потерпѣла крушеніе во время бури; спаслись, приставъ къ острову, только онъ самъ и пассажиръ, называвшій себя донъ-Діего, который всего больше заботился о сохраненіи бывшей на немъ сумки, наполненной драгоцѣнными камнями—алмазами, рубинами; нѣкоторые изъ нихъ были величною съ птичье яйцо. Онъ исчислялъ стоимость ихъ въ полъ-милліона. Донъ-Діего заболѣлъ и передъ смертью просилъ своего спутника похоронить вмѣстѣ съ нимъ и драгоцѣнную сумку. Капитанъ исполнилъ его желаніе и, мѣсяцъ спустя, былъ подобранъ проходившимъ мимо кораблемъ и доставленъ въ Сидней.

— И вы могли бы найти эти драгоцѣнности?—освѣдомился м-ръ Чокъ.

— Почему же нѣтъ? Я начертилъ карту острова и узналъ на кораблѣ, въ какихъ мѣстахъ онъ находится.

— Значитъ, вы могли бы найти ихъ и теперь?

— Если только островъ не убѣжалъ!—отвѣтилъ капитанъ съ отрывистымъ смѣхомъ и, выбивъ пепелъ изъ трубки, предложилъ гостю пройти по саду, но отъ продолженія разговора уклонился.

III.

М-ръ Чокъ подъ впечатлѣніемъ удивительнаго разсказа вернулся домой, какъ во снѣ. На дворѣ стояла весна, и запахъ сирени перенесъ его къ давно прошедшимъ временамъ, когда онъ былъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ и мечталъ о морскихъ путешествіяхъ. Мысли его еще были всецѣло въ прошедшемъ, и м-ссъ Чокъ, дама представительной наружности, сидѣвшая за шитьемъ у окна, окинула его проницательнымъ взглядомъ.

— Я-таки заполучила ее,—сказала она тономъ торжества.

— А!—отозвался м-ръ Чокъ.

— Сначала она не соглашалась. Она обѣщала поступить къ м-ссъ Моррисъ... М-ссъ Моррисъ слышала о ней отъ Гарриса, бакалейщика, который одинъ зналъ, что она случайно осталась безъ мѣста.

М-ръ Чокъ разсѣянно выслушалъ длинный разсказъ, который, еслибы только измѣнить имена и мѣсто дѣйствія, могъ бы сойти за разсказъ о борьбѣ между ловкимъ рыбакомъ и упорною рыбкой.

— Но вы не слушаете!—воскликнула она наконецъ,—не говорите мнѣ: нѣтъ, милая! На чемъ я остановилась?

— Ты сказала,—медленно проговорилъ м-ръ Чокъ,—что удивляешься, какъ могла приличная дѣвушка прослужить тамъ столько времени...

— Хорошо, а что̀ я говорила еще?—продолжала, прикусивъ губу, м-ссъ Чокъ.

— Что нужно вычистить весь домъ, съ чердака и до подвала...

— Превосходно! Продолжайте, пожалуйста!

— Еще ты сказала, что тебѣ жаль мужа,—закончилъ задумчиво м-ръ Чокъ.

М-ссъ Чокъ поднялась съ мѣста и встала передъ нимъ.

— Я никогда не говорила ничего подобнаго! Какъ вамъ не стыдно? Я сказала, что баринъ ея, м-ръ Уильсонъ, умеръ и семья переѣхала въ Лондонъ. Что̀ тутъ похожаго?

— Мысли мои были далеко отсюда,—сознался м-ръ Чокъ,—я думалъ о морѣ.

— Опять эти бредни!—воскликнула м-ссъ Чокъ, съ достоинствомъ выплывая изъ комнаты, и м-ръ Чокъ вернулся къ своему острову.

Съ этого дня онъ сталъ бредить морскимъ путешествіемъ, и капитанъ, сначала забавлявшійся его энтузіазмомъ, уже начиналъ сердиться, когда рѣчь заходила объ островѣ, и упорно отказывался показать карту. Исторія острова дошла и до Тредгольда, заинтересовавшагося ею, судя по частымъ его посѣщеніямъ, не менѣе самого м-ра Чока.

Вѣроятно, карта такъ бы и осталась непоказанной, еслибы Тредгольдъ не побился объ закладъ на два золотыхъ соверена, что Чоку не видать ее, какъ своихъ ушей, а миссъ Дрюиттъ, изъ чувства противорѣчія, не употребила своего вліянія на дядю въ пользу м-ра Чока. Въ одинъ прекрасный вечеръ на столѣ появилась пожелтѣвшая отъ времени и протершаяся мѣстами карта, набросанная карандашомъ. Островъ былъ овальной формы, изрѣзанный мысами и бухтами. М-ръ Чокъ уставился на нее съ благоговѣніемъ созерцающаго реликвію пилигрима и съ жадностью читалъ названія: „Мысъ Сильвіо", „Бухта Бауэрса", „Одинокая гора".

— А вотъ это, не могила ли?—освѣдомился онъ, указывая на точку въ сѣверо-восточномъ углу.

— Нѣтъ,—сказалъ капитанъ,—подробный планъ на оборотѣ.

Но вмѣсто того, чтобы перевернуть карту, онъ скаталъ ее въ трубку и бросилъ въ ящикъ стола, къ великому разочарованію м-ра Чока.

— Вы проиграли,—обратилась миссъ Дрюиттъ къ Тредгольду.

— Я знаю,—отвѣтилъ онъ съ выраженіемъ лица, которое можетъ быть лишь у разорившагося въ конецъ игрока. Сначала онъ полѣзъ рукою въ лѣвый карманъ и досталъ оттуда горсть монетъ—преимущественно мѣдныхъ, къ нимъ присоединились нѣсколько серебряныхъ монетъ изъ жилетнаго кармана, и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ мрачнаго размышленія, онъ пошарилъ въ правомъ карманѣ...

— Одиннадцать шиллинговъ, десять пенсовъ,—сосчиталъ онъ машинально.

— Пожалуйста, не безпокойтесь... Отдадите потомъ...—смутился м-ръ Чокъ.

— Да напишите вы ему чекъ!—воскликнулъ нетерпѣливо капитанъ, которому наскучила эта процедура.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше ужъ сразу расплатиться,—бормоталъ тотъ, роясь по своимъ карманамъ.—Миссъ Дрюиттъ правду сказала, что тотъ, кто бьется объ закладъ, долженъ быть готовъ къ проигрышу. Но я былъ слишкомъ самонадѣянъ, какъ оказалось.

Наступила пауза, во время которой покраснѣвшая миссъ Дрюиттъ чувствовала себя очень неловко, и неловкость эта еще усилилась, когда м-ръ Тредгольдъ, найдя въ кармамѣ нѣсколько банковыхъ билетовъ и золотыхъ монетъ, выразилъ по этому поводу свое удовольствіе. Простодушный капитанъ и м-ръ Чокъ ощутили облегченіе, а свѣтлые сѣрые глаза миссъ Дрюиттъ отлично замѣтили подозрительныя подергиванія въ углахъ рта м-ра Тредгольда, хотя она и смотрѣла черезъ его голову.

Послѣ ухода гостей капитанъ усѣлся у окна и погрузился въ задумчивость, какъ вдругъ до него явственно донесся изъ кухни шопотъ голосовъ. Послышался рѣзкій женскій смѣхъ. Капитанъ позвонилъ и спросилъ у появившагося на звонокъ Джозефа: не самъ ли онъ съ собою разговариваетъ? М-ръ Таскеръ казался сконфуженнымъ, но не отвѣчалъ. Въ то же время дверь тихо пріотворилась.

— Я не желаю этого,—проговорилъ капитанъ, — можете разговаривать съ собою въ другомъ мѣстѣ. И что за смѣхъ? Точно кашель простуженной старой бабы!

Онъ коварно улыбался въ темнотѣ, но тутъ изъ кухни снова послышался вызывающій кашель, а затѣмъ визгливый женскій голосъ затянулъ пѣсню.

— Что̀?! — загремѣлъ капитанъ съ хорошо разыграннымъ изумленіемъ, — да вы никакъ привели кого-то въ мою каютъ-компанію? Принесите-ка сюда „правила!“

М-ръ Таскеръ вылетѣлъ вонъ, а затѣмъ въ кухнѣ поднялся споръ, причемъ рѣзкій женскій голосъ звучалъ все настойчивѣе, и лицо капитана выразило недоумѣніе, когда въ комнату неожиданно влетѣла тонкая женская фигура.

— Вотъ ваши „правила!“ — воскликнула вошедшая, — но вы бы лучше зажгли лампу, а то впотьмахъ вамъ все равно ихъ не прочесть!

Негодующій взоръ капитана пропалъ во мракѣ даромъ. Онъ съ достоинствомъ зажегъ лампу и при свѣтѣ ея обнаружилъ присутствіе въ комнатѣ рыжеватой тоненькой дѣвицы, очевидно ничуть не устрашенной его величественнымъ видомъ.

— Кто вы?—спросилъ онъ рѣзко.

— Мое имя Виккерсъ. Селина Виккерсъ. Я слышала, что̀

вы говорили моему Джозефу. Можете, если желаете, повторить это мнѣ въ лицо.

— Что вы дѣлаете въ моей каютъ-компаніи?—продолжалъ капитанъ, взглядъ котораго миссъ Виккерсъ спокойно выдержала, не опуская своихъ зеленоватыхъ глазъ.

— Я пришла къ вамъ на *кухню*, — подчеркнула она,—въ гости къ моему жениху.

— Но этого нельзя, — возразилъ капитанъ съ кротостью, удивившей его самого,—одно изъ правилъ...

— Знаю ихъ вдоль и поперекъ, — нетерпѣливо прервала миссъ Виккерсъ,—не убудетъ отъ этого вашей кухни. Пожалуйста, не становитесь между мною и моимъ Джозефомъ,—я этого не допущу. Сами вы не женаты, такъ не хотите, чтобы женились и другіе люди. Почему бы мнѣ не говорить и не смѣяться? Не для показа одного мнѣ данъ отъ Бога языкъ.

— Послушайте, моя милая,—началъ-было капитанъ, но онъ былъ безсиленъ остановить новый потокъ ея рѣчей.

— Пожалуйста не называйте меня вашею милой! Слава Богу, я—не ваша милая. А еслибы вы побольше знали дѣвушекъ, вы бы поняли, что нельзя ихъ разлучать съ ихъ милыми. И ни одна дѣвушка...

Капитанъ для проформы сдѣлалъ видъ, что желаетъ позвонить въ колокольчикъ. Миссъ Виккерсъ осталась невозмутимой.

— Я рѣшила, что лучше всего объясниться съ вами на чистоту. Я всегда говорила Джозефу, что вы не такъ страшны, какъ кажетесь. Рѣшительно не понимаю: почему онъ такъ боится васъ? Одна нервность и больше ничего... Добрый вечеръ!

Она тряхнула головою и удалилась на кухню, заперевъ за собою дверь. Капитанъ Бауэрсъ, все еще ошеломленный, снова усѣлся въ креслѣ и, взглянувъ на лежавшія на столѣ „правила", усмѣхнулся себѣ въ бороду.

IV.

Скрывать про себя какую-нибудь тайну было рѣшительно не подъ силу м-ру Чоку, и намеки, дѣлаемые имъ его ближайшимъ друзьямъ—Тредгольду старшему и подрядчику, м-ру Роберту Стобеллю,—вселили въ нихъ нѣкоторое сомнѣніе относительно его умственныхъ способностей.

— Онъ забѣгаетъ ко мнѣ въ самое горячее время,—жаловался этотъ послѣдній, — говоритъ что-то несуразное о полу

милліонномъ дѣлѣ... Онъ вскакиваетъ и выскакиваетъ отъ меня изъ конторы, какъ фигурка на часахъ съ музыкой.

Кончилось тѣмъ, что м-ръ Чокъ во всемъ признался пріятелямъ, и всѣ выразили свое изумленіе по поводу образа дѣйствій капитана. Но, можетъ быть, у него нѣтъ денегъ для снаряженія экспедиціи? Не предложить ли ему долю въ предпріятіи, которое они могутъ оборудовать втроемъ, причемъ каждый внесетъ равную долю издержекъ; добыча также должна быть раздѣлена на равныя части.

— Соединить пріятное съ полезнымъ...—фантазировалъ Тредгольдъ-отецъ,—я провѣтрюсь, а Эдуарду будетъ полезно поработать одному...

— Если вы соедините пріятное съ полезнымъ, то и платить вамъ слѣдуетъ больше,—ввернулъ неумолимо практическій м-ръ Стобелль, окинувъ пріятеля сумрачнымъ взоромъ.

— Чокъ поѣдетъ удовольствія ради, — продолжалъ Тредгольдъ-отецъ.

— Значитъ и ему слѣдуетъ внести бо̀льшую долю расходовъ,—дополнилъ м-ръ Стобелль.

— Ну, это мы рѣшимъ впослѣдствіи, а пока нужно переговорить съ капитаномъ,—предложилъ нотаріусъ.

Но ожиданія союзниковъ оказались тщетными. Капитанъ остался глухъ ко всѣмъ намекамъ, а когда съ нимъ заговорили напрямикъ, пытаясь соблазнить его перспективою сдѣлаться благодѣтелемъ всего Бинчестера и богатѣйшимъ его гражданиномъ, онъ заявилъ, что не можетъ нарушить даннаго имъ слова. Карту онъ показалъ, но планъ на ея оборотной сторонѣ рѣшительно отказался показать.

— А еслибы намъ вздумалось поискать клада за нашъ собственный страхъ и счетъ, вы дали бы намъ разрѣшеніе?—дѣловито освѣдомился нотаріусъ.

— Конечно,—засмѣялся капитанъ,—охотно даю вамъ разрѣшеніе перерыть всѣ острова Тихаго океана,—ихъ, кстати, очень много, и всѣ они похожи другъ на друга. Попытайтесь!

— Вы во всякомъ случаѣ получите вашу долю!—замѣтилъ Тредгольдъ-отецъ, и компанія чокнулась за успѣхъ предпріятія. Въ эту минуту м-ръ Чокъ приложилъ палецъ къ губамъ и указалъ глазами по направленію къ двери, за которою мелькнулъ женскій силуэтъ въ большой шляпкѣ.

— Насъ подслушали... Чего добраго, состоится другая экспедиція! Вамъ бы лучше отплыть сегодня же ночью, господа!—

засмѣялся капитанъ, откидываясь назадъ въ своемъ креслѣ и окидывая общество веселымъ взглядомъ.

По уходѣ гостей капитанъ позвалъ Таскера, вторично нарушившаго дисциплину, и освѣдомился: ушла ли „та женщина"? Да? Въ такомъ случаѣ м-ръ Таскеръ, можетъ быть, объяснитъ ему: что̀, наконецъ, все это значитъ?

— Я не виноватъ, сэръ,—отвѣтилъ виновный съ тоскою,—по мнѣ, хоть бы она и не ходила.

— Какъ? Что за вздоръ вы говорите? Зачѣмъ же она ходитъ?

— Потому что ей вздумалось, сэръ, а если ужъ она заберетъ себѣ что-нибудь въ голову, не намъ съ вами помѣшать ей въ этомъ, сэръ.

— Что за вздоръ! Но вѣдь вы же пригласили ее?

— Пригласилъ? Ее незачѣмъ было и приглашать, сэръ. Сама пришла. Мы какъ-то встрѣтились недѣли три тому назадъ, и я прошелъ съ нею часть дороги, затѣмъ я увидѣлъ ее у Гарриса, бакалейщика, и она проводила меня до дому, а потомъ и повадилась сюда... Сегодня она уже и обручальное кольцо надѣла мнѣ на палецъ, и взяла съ меня первый шиллингъ для уплаты. Кольцо куплено въ разсрочку.

— На кой чортъ вы покупали кольцо, если она вамъ не нравится?—воскликнулъ капитанъ, глядя на него съ неподдѣльнымъ состраданіемъ.

— Легко вамъ говорить, сэръ!—воскликнулъ несчастный,—видать, что вы не знаете Селины. Она сама принесла кольцо. Она съ семнадцати лѣтъ всѣмъ домомъ командуетъ, недавно отца родного выгнала на улицу въ одной рубашкѣ и жилеткѣ за то, что онъ хлебнулъ малую толику. Она и трактирщиковъ такъ запугала, что ему нелегко бываетъ достать водки. Вотъ она какой сахаръ!

— Ну... скажи ей просто, что я не желаю пускать ее сюда.

— Не разъ говорилъ, сэръ, но она и ухомъ не ведетъ.

Капитанъ, сдвинувъ брови, погрузился въ раздумье, и м-ръ Таскеръ при мысли о томъ, что онъ держалъ когда-то въ повиновеніи и страхѣ свой экипажъ, безмолвно взиралъ на него въ трепетномъ ожиданіи, сквозь которое просвѣчивалъ лучъ надежды.

— Ну?—спросилъ вдругъ капитанъ, замѣтивъ его присутствіе,—чего ты ждешь?

— Я... я думалъ, сэръ, вы, можетъ быть, придумаете что-

нибудь такое, чтобы ее отвадить, сэръ. Мнѣ, видите ли, приглянулась другая дѣвица...

Капитанъ въ отвѣтъ на это заявленіе только гнѣвно сверкнулъ глазами, и м-ръ Тасверъ поспѣшилъ убраться во-свояси.

Экспедиція м-ра Чова послужила для капитана предметомъ неистощимыхъ шутокъ; онъ постоянно освѣдомлялся о томъ, какъ идутъ приготовленія, и однажды такъ вывелъ м-ра Чова изъ терпѣнія, что тотъ надулся и недѣли двѣ не показывался въ коттэджѣ, предоставивъ капитана обществу м-ра Тредгольда младшаго. Къ послѣднему капитанъ чувствовалъ большое влеченіе,—молодой человѣкъ забавлялъ его своимъ добродушнымъ юморомъ; къ сожалѣнію, миссъ Дрюиттъ не раздѣляла симпатіи дяди. Если капитанъ хвалилъ умъ и дѣловитость Эдуарда, она замѣчала, что не любитъ молодыхъ людей, ушедшихъ съ головою въ наживу.

— Я только хотѣлъ сказать, что онъ не лѣнится,—оправдывался капитанъ.

— Приходитъ сюда,—докончила миссъ Дрюиттъ:—онъ интересуется вашими разсказами...

— И кое-чѣмъ еще...—пробовалъ-было закинуть удочку капитанъ, но строгое лицо племянницы обезкуражило его.

— Чѣмъ?

— Вышкою на мачтѣ!—вывернулся капитанъ,—онъ очень любитъ лазить туда.

— Да, у нихъ съ Джовефомъ одинаковые вкусы,—спокойно замѣтила миссъ Дрюиттъ.—Вообще я нахожу, что между ними есть сходство.

— Сходство?!—воскликнулъ пораженный капитанъ:—сходство между Эдуардомъ Тредгольдомъ и Джозефомъ? Ни одной похожей черты! У тебя, душа моя, просто неладно съ глазами...

— Не думаю,—серьезно отвѣтила миссъ Дрюиттъ.

Дня два спустя м-ру Тредгольду пришлось пожать плоды этого разговора. Зайдя къ капитану и довольно долго прождавъ его, онъ собирался уже уходить, когда миссъ Дрюиттъ, наконецъ, вышла къ нему. Онъ выразилъ надежду, что капитанъ скоро вернется.

— Можетъ быть, и не скоро,—отвѣтила дѣвушка.

— Ну, я во всякомъ случаѣ радъ, что подождалъ. Я очень утомился, и отдыхъ полезенъ мнѣ. Иногда мнѣ кажется, что я слишкомъ заработался.

— Въ такомъ случаѣ я рада, что вы отдохнули,—сказала миссъ Дрюиттъ, слегка приподнявъ брови въ знакъ изумленія.

— Благодарю васъ,—сказалъ серьезно м-ръ Тредгольдъ.— Я пришелъ поговорить съ капитаномъ относительно столика временъ королевы Анны, который мнѣ случайно удалось открыть. Онъ какъ-разъ подошелъ бы для вашей комнаты. Это—настоящая рѣдкость.

— Вы очень добры,—сказала миссъ Дрюиттъ холодно,—но въ моей комнатѣ уже нѣтъ мѣста для какихъ бы то ни было вещей. Почему вы не оставите его для себя?

— У меня нѣтъ денегъ. Вы забываете, что, благодаря вашимъ стараніямъ, я проигралъ Чоку цѣлыхъ два фунта.

Возвратившійся капитанъ обрадовался, заставъ ихъ вмѣстѣ, и пригласилъ Тредгольда къ чаю, во время котораго произошла забавная сцена. При появленіи Таскера съ чаемъ капитанъ съ помощью различныхъ знаковъ и подмигиваній старался обратить вниманіе племянницы на полнѣйшее отсутствіе сходства между Таскеромъ и гостемъ. Въ концѣ концовъ замѣтившій эти маневры Тредгольдъ освѣдомился: не въ сажѣ ли у него носъ?

Уже стемнѣло, и пришлось зажечь лампу, когда за окномъ вдругъ послышался тонкій голосъ м-ра Чока, который о чемъ-то спорилъ, очевидно, съ медвѣдемъ, такъ какъ въ отвѣтъ на его доводы слышалось сердитое ворчаніе. Вслѣдъ затѣмъ въ дверь постучали, и явился м-ръ Чокъ въ сопровожденіи сумрачнаго м-ра Стобелля, молча опустившагося въ кресло. М-ръ Чокъ казался сконфуженнымъ.

— Я такъ и думалъ, что найду васъ здѣсь,—обратился онъ къ Тредгольду.

— Почему?—откликнулся тотъ съ рѣзкостью, повидимому неоправдываемою обстоятельствами.

— Ну, потому... потому что вы всегда здѣсь!—попытался тотъ объясниться, за что и былъ вознагражденъ свирѣпымъ взглядомъ.

— Стобелль хотѣлъ непремѣнно повидать васъ,—обернулся м-ръ Чокъ къ капитану,—это все по поводу острова, онъ не можетъ говорить ни о чемъ другомъ...

Капитанъ чуть не застоналъ, а Тредгольдъ попытался, но безуспѣшно, обмѣняться взглядомъ съ миссъ Дрюиттъ.

— Онъ интересуется имъ, какъ ребенокъ, котораго повели впервые смотрѣть пантомиму,—продолжалъ Чокъ, но сразу осѣлся—такъ свирѣпо было выраженіе лица Стобелля и его вытаращенные глаза.

— Вы говорили о пантомимѣ,—напомнилъ Тредгольдъ.

— Да, да... Мой другъ просто не можетъ спать по ночамъ,—подхватилъ Чокъ, умоляюще глядя на упорно молчащаго союзника.

— А онъ не пробовалъ, закрывъ глаза, считать овецъ, прыгающихъ черезъ изгородь?—сочувственно посовѣтовалъ Тредгольдъ.

— И не намѣренъ пробовать!—вдругъ разразился Стобеллъ изъ своего угла, но Чокъ поспѣшилъ заявить, что они—болѣе, чѣмъ прежде,—заняты мыслью о путешествіи, и просили бы капитана показать имъ еще разъ „для освѣженія памяти“ набросанную имъ карту. Можно взглянуть на нее?

— Нѣтъ,—сухо отрѣзалъ капитанъ.

— Не особенно пріятно отказывать друзьямъ,—заговорилъ онъ мягче, подливая виски въ стаканы гостей,—между тѣмъ я связанъ словомъ и потому предпочелъ устранить искушеніе...

— Какимъ образомъ?—освѣдомился м-ръ Чокъ.

— Я сжегъ ее,—отвѣтилъ капитанъ съ улыбкою.

— Сожгли?!—задохнулся м-ръ Чокъ:—вы сожгли карту?

— Да, вчера поутру, раскуривая трубку, я поднесъ спичку къ „Мысу Сильвіо“ и вскорѣ „Одиновая гора“ превратилась въ вулканъ!

Онъ громко расхохотался, но смѣхъ его не нашелъ отклика. Стобеллъ шумно поставилъ свой стаканъ на столъ и нахмурился.

— Ничего тутъ нѣтъ смѣшного!—проворчалъ онъ,—весь городъ могли облагодѣтельствовать!

— Ну, теперь все равно дѣла не поправишь, — развелъ руками капитанъ.—Какъ? Вы уже уходите?

— Ухожу, — мрачно проговорилъ Стобеллъ и, молча простившись, вышелъ изъ коттэджа, съ такою силою захлопнувъ входную дверь, что напугалъ проходившую мимо старушонку.

V.

Послѣ ухода посѣтителей миссъ Дрюиттъ сидѣла нѣкоторое время у себя, поглядывая неблагосклонно на нѣкоторыя рѣдкости, пріобрѣтенныя для нея дядею, благодаря навязчивости м-ра Тредгольда; затѣмъ, вспомнивъ, что она оставила внизу на каминѣ ключъ отъ часовъ, миссъ Дрюиттъ сошла въ пріемную, гдѣ застала капитана нагнувшимся надъ раскрытымъ ящикомъ бюро. Онъ съ несвойственною ему лихорадочною поспѣшностью перерывалъ бумаги и, очевидно, чего-то не находилъ.

— Пропала!—проговорилъ онъ, пораженный.

— Что̀ такое пропало?

— Карта!—воскликнулъ капитанъ, теребя свою бороду.—Я сунулъ ее прошлый разъ вотъ въ это отдѣленіе и съ тѣхъ поръ не дотрогивался до нея, а теперь ея нѣтъ и нѣтъ.

— Но вѣдь вы сожгли ее!—изумилась Прюденса.—Вы сказали, что мысъ Сильвіо превратился въ вулканъ.

— Вѣрнѣе сказать: я собирался ее сжечь, а вулканъ—это я такъ: для краснаго словца!—объяснилъ сконфуженный капитанъ, чувствуя легкій укоръ въ ея голосѣ. — Ты знаешь, Чокъ все время приставалъ ко мнѣ, и я не зналъ, какъ ему отказать...

— А можетъ быть, вы сожгли ее и забыли?

— Я навѣрно знаю, что не сжегъ!—разсердился капитанъ.— Надо спросить у Джозефа.

— Вы сказали при немъ, что сожгли ее,—остановила его миссъ Дрюиттъ.

— Правда. Но значитъ, кто-нибудь ее стащилъ. Великій Боже! А вдругъ они все же отправятся?

— Ужъ это будетъ не ваша вина,—спокойно отвѣтила миссъ Дрюиттъ.

Капитанъ продолжалъ ерошить свои волосы, покуда они не встали у него ершомъ. На лицѣ его отражались волновавшія его чувства.

— Кто-то ее стащилъ,—повторилъ онъ,—а если карта украдена, они, пожалуй, отправятся на поиски клада.

— Но, можетъ быть, ничего не найдутъ?

— Можетъ быть, и не найдутъ,—проворчалъ онъ, вставъ и зашагавъ по комнатѣ. Прюденса, пораженная внезапною мыслью, подошла къ нему.

— Эдуардъ Тредгольдъ одинъ оставался здѣсь сегодня.

— Нѣтъ! нѣтъ!—воскликнулъ капитанъ:—кто бы ни взялъ ее, это навѣрно былъ не Тредгольдъ. По всему городу уже трезвонили о ней.

— Онъ вздрогнулъ, когда вы сказали, что сожгли ее,—настаивала миссъ Дрюиттъ, — я убѣждена, что въ скоромъ времени отецъ его съ Чокомъ и Стобеллемъ отправятся въ далекое плаваніе. Покойной ночи!

Между тѣмъ союзники возвращались по домамъ разочарованные. Полъ-милліона изъ-подъ носу уплыло, по выраженію м-ра Стобелля.

Миссъ Виккерсъ, узнавъ отъ Джозефа о сожженіи карты, была такъ поражена, что даже отказалась повѣрить „своимъ собственнымъ ушамъ“.

— Почему?—освѣдомился ея нареченный.

— Потому... ну, потому, что это было бы слишкомъ глупо! Ну-ка, повторите еще разъ, какъ все это было... Ничего не разберу.

М-ръ Таскеръ покорно повторилъ, выразивъ при этомъ убѣжденіе, что все очень просто.

— Да, все, чего мы не понимаемъ, кажется простымъ!—неопредѣленно замѣтила миссъ Виккерсъ.

Она задумчиво вернулась домой и дня два-три продолжала находиться въ этомъ состояніи, къ удивленію ея семьи. Шестилѣтній Джорджъ Виккерсъ, претерпѣвъ операцію умыванія трижды въ одно утро, едва не сошелъ съ ума, между тѣмъ какъ Марта и Чарльсъ не были подвергнуты ей ни разу. Разсѣянность миссъ Виккерсъ продолжалась, однако, не долѣе трехъ дней; на четвертый она, окончивъ свой дневной трудъ, одѣлась съ необычайнымъ стараніемъ и вышла изъ дому.

М-ръ Чокъ работалъ у себя въ саду, соединяя пріятное съ полезнымъ, какъ вдругъ въ противоположномъ концѣ сада ему послышался тихій продолжительный свистъ. Онъ машинально обратилъ голову въ ту сторону и едва не выронилъ лопату, замѣтивъ возвышавшуюся надъ заборомъ женскую шляпку, показавшуюся ему странно знакомой. Взглянувъ въ другую сторону, онъ увидѣлъ у окна бывшую очевидно насторожѣ м-ссъ Чокъ.

Свистъ все усиливался, и м-ръ Чокъ, отеревъ лобъ, внезапно покрывшійся потомъ, съ удвоенною силою принялся за работу; проведя языкомъ по слегка запекшимся губамъ, онъ принялся насвистывать въ свою очередь, но этотъ пріемъ оказался неудачнымъ: таинственный свистъ усилился, и — какъ это ни странно — принялъ какой-то оттѣнокъ мольбы. Поблѣднѣвшій м-ръ Чокъ не въ силахъ былъ выносить долѣе это испытаніе.

— Ну, кажется, на сегодня будетъ!—проговорилъ онъ громко и весело, втыкая лопату въ землю и надѣвая жакетку, висѣвшую тутъ же на кустѣ. Когда онъ проходилъ мимо окна гостиной, повелительный голосъ окликнулъ его.

— Чтò, милая?—отозвался м-ръ Чокъ.

— Тамъ какой-то пріятель вызываетъ васъ свистомъ,—проговорила м-ссъ Чокъ дѣланно-спокойнымъ голосомъ.

— Свистомъ?—повторилъ м-ръ Чокъ, продолжая по мѣрѣ силъ разыгрывать роль глухого,—я думалъ, что это птица свиститъ.

— Птица? — едва не задохнулась м-ссъ Чокъ: — взгляните сюда! Вы называете *это* птицей?

М-ръ Чокъ взглянулъ и испустилъ восклицаніе изумленія.

— Вѣроятно, онъ вызываетъ кого-нибудь изъ слугъ? Я долженъ буду поговорить съ ними.

— Поговорите лучше съ нею!—произнесла м-ссъ Чокъ съ величественнымъ презрѣніемъ.

— Я этого не сдѣлаю.

— Почему?

— Потому что ты станешь меня разспрашивать и все равно не повѣришь мнѣ, что̀ бы я ни сказалъ.

— Итакъ, ты отказываешься идти?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Отказываюсь. Почему бы тебѣ не пойти самой?

М-ссъ Чокъ смотрѣла на него нѣсколько секундъ въ гнѣвномъ безмолвіи, затѣмъ, подобравъ юбки, величественно выплыла въ садъ, и м-ръ Чокъ вздохнулъ съ облегченіемъ, услышавъ, что свистъ прекратился. Но когда она возвратилась, лицо ея выражало такое негодованіе, что м-ръ Чокъ, не смѣя ее разспрашивать, окаменѣлъ на мѣстѣ.

На слѣдующій день за завтракомъ м-ру Чоку пришлось плохо. Выказывать сочувствіе м-ссъ Чокъ, сумрачно разливавшей кофе, и разыгрывать роль человѣка, ни о чемъ не догадывающагося,—было свыше его силъ. Онъ старался дѣлать какъ можно менѣе шума, разбивая яйцо, но, тѣмъ не менѣе, онъ все время чувствовалъ на себѣ ея укоризненный взглядъ, между тѣмъ какъ она демонстративно отставила отъ своего прибора поджаренный хлѣбъ и яйца.

— Ты ничего не кушаешь, моя милая,—сказалъ м-ръ Чокъ.

— Я не въ состояніи проглотить ни кусочка,—было отвѣтомъ.

Принимая изъ рукъ супруги вторую чашку кофе, м-ръ Чокъ ощутилъ угрызеніе совѣсти, а когда онъ взялъ другой кусочекъ поджареннаго хлѣба, она только вздохнула, возведя глаза къ потолку.

— Ты не похожа на себя,—замѣтилъ заботливый супругъ,—это огорчаетъ меня.

— Конечно, я не молодѣю,—согласилась м-ссъ Чокъ,—но это еще не можетъ служить извиненіемъ для вашихъ поступковъ. Вы прекрасно понимаете, что̀ я хочу сказать. Вчера, когда эта особа высвистывала васъ изъ-за забора, не сказали ли вы, что это—птица?

— Да, я сказалъ,—отвѣтилъ м-ръ Чокъ.

Лицо м-ссъ Чокъ запылало.

— Какого сорта птица?—спросила она вызывающе.

— Пѣвчая птица,—проговорилъ онъ съ попыткою на юморъ.

М-ссъ Чокъ вышла изъ комнаты.

М-ръ Чокъ грустно окончилъ завтракъ; мысли его невольно обратились къ вчерашней незнакомкѣ,—онъ даже перебралъ въ

умѣ имена бинчестерскихъ красавицъ и бросилъ мимоходомъ взглядъ въ зеркало. Послѣ завтрака онъ вздумалъ пройтись по городу и заглянулъ отъ нечего дѣлать къ Тредгольду-старшему, который, противъ обыкновенія, любезно принялъ его и объявилъ, что онъ ждетъ ихъ обоихъ со Стобеллемъ сегодня въ 8 час. вечера; Эдуарда онъ нарочно отослалъ съ порученіемъ.

Въ назначенный часъ м-ръ Чокъ входилъ въ контору; при появленіи его худощавая фигура, сидѣвшая въ большомъ креслѣ, обернулась къ нему, и онъ съ изумленіемъ узналъ выразительныя черты миссъ Селины Виккерсъ. Насупротивъ нея помѣщался м-ръ Стобелль.

— Моя новая кліентка!—отрекомендовалъ ее нотаріусъ.

— Я хотѣла потолковать съ вами вчера вечеромъ, — обратилась къ м-ру Чокъ кліентка, — я свистѣла цѣлыя десять минутъ... Удивляюсь, какъ вы не слышали!

— Что это вамъ вздумалось? — освѣдомился м-ръ Чокъ не безъ нѣкотораго разочарованія.

— Нужно было потолковать о дѣлѣ, — спокойно заявила миссъ Виккерсъ, — но я все равно обратилась къ м-ру Тредгольду по дѣлу о...

— О землѣ, съ которою связаны ея интересы, — дѣловито пояснилъ нотаріусъ.

— Объ островѣ!—докончила миссъ Виккерсъ.

— Какъ? Еще островъ?—вырвалось у м-ра Чока.

Тредгольдъ кашлянулъ.

— Моя довѣрительница не имѣетъ состоянія,—началъ-было онъ, но Стобелль прервалъ его.

— Да будетъ вамъ съ этими фокусами! Она еще не такъ станетъ ломаться.

— Но у нея есть собственность, — вмѣшался м-ръ Тредгольдъ, предупреждая возможность стычки между м-ромъ Стобеллемъ и миссъ Виккерсъ,—дѣло—деликатное, и всѣ вы должны дать сперва обѣтъ молчанія. Это—непремѣнная ея воля.

Когда м-ръ Чокъ произнесъ условную формулу, Тредгольдъ пошептался со своею довѣрительницею и затѣмъ миссъ Виккерсъ вынула изъ-за корсажа документъ, въ которомъ всѣ узнали исчезнувшую карту.

— Но вѣдь капитанъ сказалъ, что сжегъ ее!—воскликнулъ м-ръ Чокъ,—значитъ, это—другая карта?

— Возможно!—коротко отрѣзала миссъ Виккерсъ.

— Мы не можемъ не вѣрить капитану Бауэрсу, слѣдовательно, у насъ въ рукахъ дубликатъ, — холодно резюмировалъ

нотаріусъ.—Моя довѣрительница не сообщила, какимъ образомъ удалось ей пріобрѣсти его...

— И не намѣрена сообщать, — безстрастно заявила миссъ Виккерсъ.

— Достаточно того, что онъ—у насъ въ рукахъ,—продолжалъ нотаріусъ. — Итакъ, мы намѣрены снарядить экспедицію на паевыхъ началахъ: равные расходы и равныя доли.

— А какъ же относительно капитана? — освѣдомился м-ръ Чокъ.

— Онъ тоже получитъ свой пай—безъ всякихъ расходовъ съ его стороны къ тому же, — выразительно объявилъ Тредгольдъ.

— И вы получите пять тысячъ фунтовъ, Селина!—сказалъ м-ръ Стобеллъ съ благосклонною улыбкой.

Миссъ Виккерсъ обратила къ нему лицо, дышавшее чувствомъ собственнаго достоинства, и только прищурила одинъ глазъ.

— Не называйте меня Селиною, если не желаете, чтобы я звала васъ Боби.

Восклицаніе м-ра Тредгольда заглушило ругательство, сорвавшееся съ устъ м-ра Стобелля.

— Я не обращаю вниманія!—пожала плечами миссъ Виккерсъ: — сожалѣю только, что согласилась на его участіе въ дѣлѣ. Одинъ изъ писцовъ его говорилъ, что онъ—джентльменъ только вполовину, но и этой половины онъ никогда не видалъ.

М-ръ Стобеллъ, не довѣряя своему самообладанію, подошелъ къ окну и высунулся изъ него.

— Итакъ, мы, кажется, обо всемъ условились? — спросилъ м-ръ Тредгольдъ, оглядывая присутствующихъ.

— Одну секунду!—остановила его миссъ Виккерсъ:—прежде чѣмъ подпишу бумагу и отдамъ карту, я желаю получить двадцать фунтовъ.

М-ръ Тредгольдъ омрачился, м-ръ Чокъ замычалъ, а м-ръ Стобеллъ отошелъ отъ окна.

— Двадцать фунтовъ!—проворчалъ онъ.

— Двадцать фунтовъ,—повторила миссъ Виккерсъ, или четыреста шиллинговъ, если вы это предпочитаете.

М-ръ Тредгольдъ попытался поторговаться съ нею, но— напрасно.

— Таковы мои условія, — заявила миссъ Виккерсъ, — даю вамъ пять минутъ на размышленіе, м-ру Стобеллю—шесть, потому что мозги у него тяжелѣе поворачиваются.

Разумѣется, до истеченія срока условія ея были приняты, и м-ръ Тредгольдъ составилъ бумагу, а затѣмъ джентльмены, опорожнивъ свои карманы, собрали необходимую сумму, которая и была вручена миссъ Виккерсъ въ обмѣнъ за карту.

Она пожелала имъ добраго вечера, но, дойдя до двери, положила руку на дверную ручку и задумалась.

— Мнѣ кажется, я правильно поступила,—проговорила она нѣсколько нервно,—деньги эти—ничьи, и онѣ лежали безъ пользы. Вѣдь я ничего не украла...

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно произнесъ нотаріусъ.

— Теперь онѣ пойдутъ на пользу людямъ. Я отдамъ часть моихъ денегъ бѣднымъ. Надо бы приписать это въ бумагѣ.

— Мы и такъ сдѣлаемъ все по совѣсти, — успокоительно замѣтилъ м-ръ Чокъ.

Миссъ Виккерсъ милостиво улыбнулась ему.

— Вы-то сдѣлаете и м-ръ Тредгольдъ—также, а вотъ...

— Закройте дверь,—холодно прервалъ м-ръ Стобелль,—вы дѣлаете такой сквознякъ, что онъ можетъ голову снести съ плечъ.

Миссъ Виккерсъ гнѣвно окинула его взглядомъ и, не найдя достаточно сокрушительнаго отвѣта, молча скрылась, захлопнувъ за собою дверь.

Счастливые обладатели карты нагнулись надъ нею втроемъ.

— Удивительно!—говорилъ м-ръ Чокъ,—я поклялся бы передъ судомъ, что это—та самая.

— Нечего ломать надъ этимъ голову! — посовѣтовалъ м-ръ Стобелль.

— Желаніе ваше исполнилось,—проговорилъ Тредгольдъ,—а вы еще о чемъ-то разсуждаете.

— Кстати, по поводу путешествія,—вдругъ испугался м-ръ Чокъ,—какъ же намъ быть съ м-ссъ Чокъ? Вѣдь она захочетъ съ нами поѣхать?

— И м-ссъ Стобелль захочетъ, но не поѣдетъ! — заявилъ супругъ этой дамы.

М-ръ Тредгольдъ объявилъ, что дамы до послѣдней минуты ничего не должны знать, да и вообще болтать не годится. Въ среду необходимо отправиться въ Биддлькомбъ и осмотрѣться. Лучше всего пріобрѣсти небольшое, солидное парусное судно, набрать экипажъ и отплыть въ возможно скоромъ времени.

Лицо м-ръ Чока просіяло. Они заберутъ съ собою бусы, зеркала—для торговли съ дикарями. Необходимо оружіе, всевозможные инструменты... Право, это все похоже на сказку. Но только—какъ быть съ женою?

— У меня тоже есть жена, — фыркнулъ м-ръ Стоббель,— однако я не тревожусь.

— Да,—вырвалось у м-ра Чока въ порывѣ необычной откровенности, — но у меня — жена, а у м-ссъ Стобелль—мужъ. Вотъ въ чемъ разница.

М-ръ Стобелль пережевывалъ это замѣчаніе во время всего обратнаго пути и, наконецъ, пришелъ къ заключенію, что событія этого дня повредили мозги м-ра Чока.

VI.

До самой среды, покуда онъ со своими собратьями, искателями клада, не очутился на платформѣ станціи въ Биддлькомбѣ, м-ръ Чокъ находился въ состояніи восторженной мечтательности, еще болѣе подтвердившей подозрѣнія его жены. Еще сидя въ вагонѣ, онъ усиленно втягивалъ воздухъ носомъ, увѣряя, что уже чувствуетъ запахъ моря.

Для небольшого порта Биддлькомбъ оказался хорошо снабженнымъ судами, и сердце м-ра Чока усиленно билось, между тѣмъ какъ взоръ его перебѣгалъ отъ стройной шкуны къ грязнымъ угольщикамъ и миніатюрнымъ яхтамъ. Не зная, какъ приступить къ переговорамъ, они задумчиво бродили по набережной и, наконецъ, почувствовавъ аппетитъ, прослѣдовали въ гостинницу, гдѣ м-ръ Стобелль, поколебавшись въ выборѣ между ростбифомъ и бараньей котлеткой, заказалъ то и другое.

Единственнымъ кромѣ нихъ посѣтителемъ столовой былъ приземистый, краснолицый, гладко выбритый человѣкъ, потягивавшій виски за столомъ у окна. М-ръ Чокъ почуялъ въ немъ моряка и немедленно почувствовалъ къ нему симпатію, не взирая на маленькіе бѣгающіе глазки и непріятный ротъ незнакомца.

— Добрый день, джентльменъ, — сказалъ тотъ, привѣтливо кивая м-ру Чоку.

Завязался разговоръ о погодѣ; затѣмъ незнакомецъ, котораго подававшій ему виски служитель назвалъ капитаномъ Брискетомъ, освѣдомился у друзей: впервые ли они здѣсь?

— Много разъ бывали, — отвѣтилъ м-ръ Чокъ, — я очень люблю море.

Капитанъ Брискетъ кивнулъ и, взявъ свой стаканъ, подсѣлъ къ ихъ столу.

— Плохи дѣла въ Биддлькомбѣ, — сказалъ онъ,—половина судовъ не зафрахтована, да и вообще игра свѣчъ не стоитъ.

М-ръ Тредгольдъ переглянулся съ товарищами и поигралъ вилкой.

— А мы именно высматривали себѣ судно.

— Вы желаете отплыть на немъ въ качествѣ пассажировъ?

— Нѣтъ, мы желали бы пріобрѣсти его въ собственность.

Капитанъ Брискетъ, сильно заинтересованный, придвинулся еще ближе.

— Вы желаете купить новое судно?

— Да, еслибы удалось пріобрѣсти его по недорогой цѣнѣ,— объяснилъ Тредгольдъ, — мы намѣрены отправиться въ Тихій океанъ — ради удовольствія. Можетъ быть, займемся немного торговлею. Я думаю, что какую-нибудь подержанную шкуну можно купить за грошъ?

— На ловца и звѣрь бѣжитъ!—воскликнулъ капитанъ Брискетъ съ громкимъ смѣхомъ: — я знаю шкуну въ двѣсти сорокъ тоннъ, которая, какъ нельзя лучше, подошла бы вамъ. Судно почти новое и цѣлешенькое, какъ колоколъ. Вы сами примете командованіе?

— Нѣтъ, онъ не приметъ,—отвѣтилъ м-ръ Стобелль.

— Значитъ, вамъ нуженъ шкиперъ?—воскликнулъ капитанъ Брискетъ съ возрастающимъ возбужденіемъ:—не говорите мнѣ, что вы уже съ кѣмъ-нибудь порѣшили.

— Почему же нѣтъ?—проворчалъ Стобелль, продолжая рѣзать сыръ.

— Потому что, джентльмены, лучше Билля Брискета вамъ никого не найти!—воскликнулъ морякъ, стукнувъ кулакомъ по столу съ такою силою, что расплескалъ половину виски изъ своего стакана.

Это поразительное сообщеніе было, однако, принято съ такимъ недостаткомъ энтузіазма, что капитанъ Брискетъ, съ цѣлью скрыть то, что всякій другой назвалъ бы смущеніемъ, позвонилъ слугу, приказавъ ему подать полный стаканъ.

— Мы не можемъ ничего рѣшить въ пять минутъ,—проговорилъ, наконецъ, м-ръ Тредгольдъ послѣ долгой неловкой паузы,—прежде всего намъ нуженъ корабль.

— Подходящее для васъ судно стоитъ въ томъ концѣ гавани,—отвѣтилъ капитанъ Брискетъ,—пойдемте вмѣстѣ осмотрѣть его или ступайте одни. Билль Брискетъ не такой человѣкъ, чтобы напортить кому-нибудь, получитъ онъ отъ этого пользу или нѣтъ...

— Стойте,—проговорилъ м-ръ Стобелль, поднявъ руку,— сколько можетъ стоить такое судно?

— Это зависитъ,—отвѣтилъ Брискетъ,—разумѣется, если куплю я...

М-ръ Стобелль вторично поднялъ руку.

— Зависитъ отъ того: купите ли вы его для насъ, или продадите намъ отъ имени владѣльца судна?

Брискетъ вскочилъ и, къ ужасу м-ра Чока, крѣпко хлопнулъ м-ра Стобелля по спинѣ. М-ръ Стобелль, сжавъ кулакъ величиною съ баранью ногу, оттолкнулъ стулъ и приготовился встать.

— Вы—молодецъ!—воскликнулъ капитанъ Брискетъ тономъ искренняго уваженія,—вотъ что̀ вы такое, сэръ!

М-ръ Стобелль снова опустился на мѣсто и впервые на губахъ его заиграла улыбка.

— Разрѣшите мнѣ вступить въ переговоры съ Тоддомъ и дайте мнѣ одинъ фунтъ изъ каждыхъ десяти, которые я выторгую для васъ,—убѣдительно проговорилъ Брискетъ.

М-ръ Тредгольдъ взглянулъ на товарищей.

— Если мы на это согласимся,—обратился онъ къ капитану,—вамъ будетъ выгодно купить корабль во что̀ бы то ни стало. А почему мы будемъ знать: годенъ ли онъ для плаванія?

— Въ этомъ-то и суть!—засмѣялся Брискетъ:—если останетесь довольны моими рекомендаціями, вы возьмете меня въ капитаны, и здравый смыслъ подскажетъ вамъ, что я не стану рисковать моею шкурой, купивъ для васъ гнилое судно.

Расплатившись въ гостинницѣ, они вышли на улицу, и Брискетъ указалъ товарищамъ на шкуну, носившую имя „Красавицы Эмиліи“: пусть они предварительно переговорятъ со старымъ Тоддомъ, а онъ подождетъ ихъ въ гостинницѣ.

— Не предлагайте ему слишкомъ много для начала.

— Я думаю предложить ему фунтовъ сто!—сказалъ Тредгольдъ.

Капитанъ вытаращилъ глаза, но сдержался и проговорилъ серьезно:

— Нѣтъ, давайте ему семьдесятъ. Желаю успѣха.

Онъ вернулся въ гостинницу, проводивъ ихъ загадочною улыбкою, и тамъ, снова усѣвшись у окна, принялся терпѣливо ожидать ихъ возвращенія.

Прошло полчаса. Капитанъ выкурилъ одну трубку и принялся за другую. Онъ взглянулъ на часы, висѣвшіе надъ прилавкомъ, и у него мелькнула непріятная мысль, что торгъ все же, быть можетъ, состоялся безъ его участія. Но тутъ до слуха его донесся издалека шумъ, и лицо его смягчилось.

— Это что же такое?—спросилъ какой-то посѣтитель.

Просматривавшій газету хозяинъ опустилъ ее и прислушался, а затѣмъ, выразивъ мнѣніе, что это буянитъ старый Тоддъ, подошелъ къ дверямъ.

Шумъ дѣлался все слышнѣе.

— Да, это Тоддъ!—сказалъ другой посѣтитель и, поспѣшно допивъ свое пиво, также двинулся къ выходу; за нимъ послѣдовалъ съ небрежнымъ видомъ и капитанъ Брискетъ, съ тѣмъ, чтобы изъ-за спины другихъ насладиться зрѣлищемъ предстоящаго скандала.

Три его патрона, тщетно старавшіеся дѣлать видъ, что это ничуть ихъ не касается, шли серединою улицы, а за ними слѣдовалъ почтенный сѣдобородый человѣкъ, котораго всего передергивало отъ гнѣва. Подходя къ гостинницѣ, они ускорили шагъ и почти вбѣжали въ подъѣздъ, причемъ мрачный, какъ туча, Стобелль одинъ пріостановился въ дверяхъ.

— Подать ихъ сюда!—рычалъ старикъ.—Дайте мнѣ этого—съ рыжими усами, и я покажу ему!!

— Въ чемъ дѣло, м-ръ Тоддъ?—спросилъ хозяинъ, становясь въ дверяхъ и загораживая ее своею особою отъ старика, пытавшагося проникнуть въ домъ.—Чтò онъ вамъ сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ?..—повторилъ возбужденный до крайности м-ръ Тоддъ.—Онъ имѣлъ наглость... Нѣтъ! Подайте мнѣ его сюда! Я сниму съ него живого шкуру... Боится, небось?

— Чтò вы ему сдѣлали?—обратился капитанъ Брискетъ къ поблѣднѣвшему м-ру Чоку.

— Ничего,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Выйдетъ ли онъ, наконецъ?—повторялъ грозный голосъ.—Я переломаю ему всѣ ребра...

М-ръ Стобелль стоялъ въ недоумѣніи, но когда взоръ его упалъ на улыбающіяся лица согражданъ м-ра Тодда, его собственныя черты прояснились.

— Онъ—старикъ,—проговорилъ онъ медленно,—но если кто-нибудь изъ васъ пожелаетъ стать на его мѣсто, пусть онъ скажетъ одно словечко... Я готовъ раздѣлаться съ нимъ.

Въ виду того, что никто не отозвался на это приглашеніе, онъ отвернулся и, войдя въ столовую, сѣлъ рядомъ съ негодующимъ Тредгольдомъ. М-ръ Тоддъ, истощенный послѣднею вспышкою, сразу осѣлъ и, хотя не безъ сопротивленія, но дозволилъ себя увести.

— Вы предложили ему семьдесятъ фунтовъ?—обратился Брискетъ къ м-ру Чоку.

— Предложилъ,—жалобно отвѣтилъ тотъ.

— Ахъ,—сказалъ капитанъ, задумчиво глядя на него,— быть можетъ, вамъ слѣдовало дать ему восемьдесятъ. Насколько я понялъ, онъ желаетъ получить за нее восемьсотъ.

Услышавъ о такой суммѣ, м-ръ Тредгольдъ объявилъ, что онъ знать ничего не хочетъ обо всемъ дѣлѣ, но подъ вліяніемъ трубки и стакана вина мало-по-малу смягчился, и кончилось тѣмъ, что друзья оставили капитану Брискету довѣренность на пріобрѣтеніе „Красавицы Эмиліи“.

VII.

Колокола звонили къ обѣднѣ, когда м-ръ Виккерсъ вернулся съ прогулки къ завтраку. Противъ обыкновенія, кухня и общая комната были пусты, а завтракъ, за исключеніемъ хвоста отъ селедки и остатковъ чая въ чайникѣ, былъ убранъ.

— Знаю я людей,—съ горечью прошепталъ м-ръ Виккерсъ,— которые мазнули бы ее по лицу этою самою селедкою за непочтительность.

Онъ отрѣзалъ себѣ ломоть хлѣба, налилъ стаканъ остывшаго чаю и принялся за ѣду, съ удивленіемъ прислушиваясь къ стуку наверху, походившему на скрипъ новыхъ сапогъ, хотя м-ру Виккерсу, въ качествѣ умудреннаго опытомъ человѣка, и показалась подобная мысль неправдоподобной.

Дверь отворилась, и м-ръ Виккерсъ не донесъ ломоть до рта, который онъ невольно раскрылъ при появленіи юнаго Чарльса Виккерса, одѣтаго въ первый разъ въ жизни во все новое съ ногъ до головы. Отецъ не успѣлъ сдѣлать ни одного вопроса, такъ какъ вслѣдъ за Чарльсомъ появились и остальныя дѣти, также одѣтыя во все новое, а за ними—Селина.

— Что̀ это такое?—спросилъ м-ръ Виккерсъ хриплымъ отъ изумленія голосомъ.

Миссъ Виккерсъ, натягивавшая перчатку, на которой было больше пуговицъ, чѣмъ на его курткѣ, хладнокровно подняла на него глаза и пояснила:

— Это—новое платье; давно уже пора было пріодѣться.

— Новое платье?—повторилъ онъ, скандализированный,— откуда же оно взялось?

— Изъ лавки!—отвѣтила коротко миссъ Виккерсъ.

М-ръ Виккерсъ поднялся и, подойдя къ своей дочери, осмотрѣлъ ее съ такимъ же любопытствомъ, какъ онъ осмотрѣлъ бы восковую фигуру. Нѣкоторая неподвижность позы и стеклянный

взглядъ ея довершали иллюзію. Но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ выразить волновавшія его чувства, послышался скрипъ еще болѣе громкій, чѣмъ другіе, и передъ м-ромъ Виккерсомъ предстала его супруга, имѣвшая нѣсколько сконфуженный видъ. Онъ взиралъ съ гнѣвнымъ изумленіемъ на ея синее шерстяное платье и черную бархатную съ пряжками, столь возмутительно новую шляпу, что она совсѣмъ не согласовалась съ обычнымъ стилемъ прически м-ссъ Виккерсъ.

— Продолжайте! Продолжайте!—возопилъ онъ.—Не обращайте на меня вниманія! Неужели у васъ хватитъ духу пойти въ церковь?

М-ссъ Виккерсъ взглянула на свой, тоже новый, молитвенникъ и вздрогнула.

— А почему бы намъ и не идти въ церковь?—отозвалась Селина.

— Откуда у васъ деньги?

— Я скопила ихъ,—отвѣтила дочь, невольно покраснѣвъ.

— Скопила?—повторилъ онъ съ негодованіемъ.—Скопила изъ заработанныхъ мною же денегъ, изъ моего пота-крови, изъ денегъ, которыя должны были бы идти на ѣду?.. Но я этого не желаю, не желаю, слышите ли вы? У меня есть права...

— Не шумите,—прервала его дочь, наклоняясь, чтобы помочь матери разстегнуть ботинку.—Я говорила вамъ, мама, что слѣдовало взять четырнадцатый нумеръ...

— Я прежде всегда носила тринадцатый...

— Полагаю, что и для меня приготовлена новая пара и съ полъ-дюжины крахмальныхъ рубашекъ тамъ наверху?—съязвилъ м-ръ Виккерсъ..

— Конечно, вотъ вы и полюбуйтесь ими покуда,—отвѣтила почтительно дочь.

— Мое собственное потомство грабило меня годами!—продолжалъ м-ръ Виккерсъ.—Родныя дѣти вынимаютъ у меня хлѣбъ изо рта и покупаютъ себѣ сапоги...

Но никто не слушалъ его жалобъ. Миссъ Виккерсъ скомандовала: „Налѣво кругомъ!“—и отрядъ ея двинулся въ путь, причемъ глаза ея сверкали удовольствіемъ при видѣ возбуждаемой ими сенсаціи. Мгновенно воцарившееся по всей улицѣ молчаніе свидѣтельствовало о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ параднымъ „выходомъ“. Дѣти шли съ надутыми важными лицами, но поклоны и улыбки миссъ Виккерсъ, которыми она обмѣнивалась со встрѣчавшимися ей по пути знакомыми, были такъ изящны, что нѣкоторыя черезчуръ неряшливыя матроны

предпочли скрыться въ глубинѣ своихъ жилищъ, чтобы тамъ излить на свободѣ волновавшія ихъ чувства.

— Вороны въ павлиньихъ перьяхъ! — пробормоталъ м-ръ Виккерсъ вслѣдъ своему семейству.

Тѣмъ не менѣе, изумленіе сосѣдей пробудило въ немъ новое чувство—тщеславіе. Сосѣдъ въ полосатыхъ плисовыхъ штанахъ и одной подтяжкѣ перешелъ черезъ улицу и приблизился къ нему.

— Чтò это значитъ?—проговорилъ онъ, указывая пальцемъ на удаляющихся,—кто-нибудь померъ и оставилъ вамъ наслѣдство?

— Насколько мнѣ извѣстно—нѣтъ. Но почему вы спрашиваете?

— Почему? Всѣ вырядились въ обновки. Никогда не видывалъ ничего подобнаго.

М-ръ Виккерсъ взглянулъ на него съ видомъ превосходства.

— Не идти же имъ въ воскресенье въ церковь оборванцами—въ рваныхъ штанахъ и рубашкахъ?

— Да вѣдь раньше-то они ходили!

М-ръ Виккерсъ не нашелся чтò отвѣтить, и, во избѣжаніе щекотливыхъ разспросовъ, скрылся у себя, пытаясь высчитать стоимость новыхъ платьевъ и разрѣшить вопросъ о томъ: откуда взялись на нихъ деньги? Внезапно ему вспомнился м-ръ Таскеръ и тѣ безумства, на которыя способны влюбленные молодые люди. Когда-то онъ самъ тратился по глупости на будущую м-ссъ Виккерсъ, и онъ пришелъ къ заключенію, что Джозефъ еще глупѣе его.

Дойдя до такого вывода, онъ успокоился, выбилъ пепелъ изъ трубки и умылся.

— Если онъ не одолжитъ бездѣлицы своему будущему тестю, —говорилъ онъ себѣ, усердно растирая лицо грубымъ полотенцемъ,—я такъ и скажу ему, что не жениться ему на Селинѣ. Надо повидать его раньше, чѣмъ она успѣла все отъ него повытянуть.

Онъ отправился прямо въ долину Солнечныхъ Часовъ и вошелъ въ коттэджъ съ задняго крыльца, радостно улыбаясь изумленному Таскеру.

— Ты, кажется, занятъ, сынокъ?—освѣдомился онъ.

— Что вамъ нужно?—спросилъ м-ръ Таскеръ, лицо котораго раскраснѣлось отъ стряпни.

М-ръ Виккерсъ вошелъ въ кухню, заперъ за собою дверь и опустился на стулъ.

— Не тревожься, сынокъ,—проговорилъ онъ,—съ Селиною ничего не случилось.

— Что вамъ нужно?—повторилъ Таскеръ.—Кто позволилъ вамъ приходить сюда?

— Полагаю, что отецъ можетъ навѣстить своего будущаго сына,—сказалъ тотъ съ достоинствомъ,—я не желаю мѣшать тебѣ, Джозефъ, я только зашелъ сказать, какъ они всѣ принарядились. Не понимаю: откуда ты взялъ столько денегъ?

— Выжили вы, что ли, изъ ума?—спросилъ Таскеръ, старательно протирая соусникъ.—Кто принарядился?

М-ръ Викверсъ качнулъ головою и широко улыбнулся.

— Кто? Говорю тебѣ: моему родительскому сердцу пріятно было видѣть ихъ въ обновкахъ, вотъ я и зашелъ тебя поблагодарить.

— Ступайте,—воскликнулъ м-ръ Таскеръ, со стукомъ поставивъ соусникъ,—если вы не можете говорить простымъ англійскимъ языкомъ, то лучше убирайтесь вонъ. Вообще-то я не желаю васъ видѣть здѣсь, а слушать вашъ дурацкій бредъ— прямо свыше силъ моихъ.

— Слѣдовательно, не ты далъ Селинѣ денегъ на покупку новыхъ платьевъ для нея и для матери? Не ты одѣлъ малышей съ ногъ до головы?

— Да что вы, за сумасшедшаго меня считаете, что ли?— воскликнулъ Таскеръ:—съ какой стати я вздумаю одѣвать малышей? Это ваша обязанность. И Селинѣ я ничего не дарилъ, кромѣ кольца, да и то она одолжила мнѣ на него деньги. Не думаете ли вы, что я—денежный мѣшокъ?

— Ну, хорошо, хорошо, Джозефъ!—прервалъ м-ръ Викверсъ, мысленно выходя изъ себя.—Но у меня въ горлѣ пересохло отъ разговоровъ... Нѣтъ ли у васъ глоточка чего-нибудь?..

Игнорируя взглядъ тестя, устремленный на пріютившійся въ углу кухни симпатичнаго вида боченокъ, м-ръ Таскеръ нацѣдилъ и поднесъ ему стаканъ воды, изъ котораго тотъ отпилъ глотокъ. Затѣмъ онъ заговорилъ обиняками о парѣ фунтовъ, изъ которыхъ—обладай онъ ими—онъ черезъ недѣлю сдѣлалъ бы пять.

— Такъ что же вамъ мѣшаетъ!—разсѣянно спросилъ Таскеръ, занятый растопкою печи.

М-ръ Викверсъ заговорилъ опредѣленнѣе. Еслибы *онъ* былъ молодымъ человѣкомъ и ухаживалъ за дѣвицею, *онъ* никогда не отказался бы ссудить своего тестя парою фунтовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—разсѣянно проговорилъ Таскеръ, измѣряя собственною рукою температуру печи.

М-ръ Викверсу показалось, что въ немъ сейчасъ что-то лопнетъ—настолько преисполнился онъ негодованіемъ.

— Ну, такъ я вамъ скажу безъ обиняковъ, сэръ, намѣрены ли вы одолжить пару фунтовъ честному труженику и вашему будущему отцу?

М-ръ Таскеръ расхохотался, прибавивъ, что еслибы у него была за душою пара фунтовъ, онъ сдѣлалъ бы изъ нея любое, но только не это употребленіе.

М-ръ Виккерсъ всталъ и оглядѣлъ его съ невыразимымъ презрѣніемъ.

— И подобный человѣкъ желаетъ жениться на моей дочери, войти въ семью? Если я что-нибудь презираю, такъ именно скряжничество. И моя дочь, моя бѣдная дочь не знаетъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло! Но я открою ей глаза! Ты у меня подожди... Я тебѣ...

Онъ вдругъ осѣкся. Въ дверяхъ показался капитанъ Бауэрсъ.

— Что это за шумъ, Джозефъ?—освѣдомился капитанъ рѣзко.

М-ръ Таскеръ попробовалъ дать объясненіе, но такъ какъ оно существенно расходилось со взглядомъ на тотъ же предметъ м-ра Виккерса, послѣдній прервалъ его. Къ изумленію Джозефа, капитанъ терпѣливо выслушалъ его разсказъ.

— Вы купили всѣ эти вещи, Джозефъ?—спросилъ онъ, когда м-ръ Виккерсъ сдѣлалъ передышку.

— Конечно, нѣтъ, сэръ. Откуда бы у меня взялись деньги?

Капитанъ молча смотрѣлъ на него. Странное исчезновеніе карты, вслѣдъ за которымъ прекратились визиты м-ра Чока, получило неожиданную связь съ этимъ разсказомъ о свалившемся съ неба богатствѣ.

— А вы за послѣднее время ничего не *продали?*—проговорилъ онъ сурово.

— Мнѣ нечего было продать, сэръ,—отвѣтилъ Таскеръ съ искреннимъ изумленіемъ.—Мнѣ думается, что весь шумъ былъ поднятъ м-ромъ Виккерсомъ изъ-за пары сапогъ, остальное ему пригрезилось.

М-ръ Виккерсъ вздумалъ громко запротестовать, но капитанъ осадилъ его.

— Довольно! Какъ вы смѣете буянить въ моемъ домѣ? Относительно обновокъ—все вѣрно, я самъ видѣлъ ихъ на пути въ церковь,—обратился онъ къ Джозефу,—и вы, дѣйствительно, ничего объ этомъ не знаете?

Изумленіе Таскера было слишкомъ искренно для того, чтобы можно было въ немъ усомниться, и подозрѣнія капитана обратились на другой предметъ. М-ръ Виккерсъ поймалъ его взглядъ и попробовалъ улыбнуться.

— Въ горлѣ что-то пересохло, сэръ,—мягко замѣтилъ онъ.

— У насъ есть пиво, Джозефъ?—освѣдомился капитанъ:—ну, такъ я вамъ совѣтую приглядѣть за нимъ.

Разочарованный и негодующій м-ръ Виккерсъ ретировался.

VIII.

Покуда шли переговоры о покупкѣ „Красавицы Эмиліи", м-ръ Чокъ ходилъ, какъ маятникъ, между конторами м-ра Тредгольда и Стобелля, хозяева которыхъ по мѣрѣ силъ и возможности скрывались отъ него. Послушный наставленіямъ друзей, дорожившихъ сохраненіемъ приличій, онъ трижды направлялся къ капитану и трижды возвращался съ полъ-дороги. У него не хватало мужества показаться ему на глаза. Капитанъ Бауэрсъ, желавшій въ свою очередь повидать и кое-о-чемъ поразспросить его, кончилъ тѣмъ, что самъ отправился къ нему. М-ръ Чокъ вскочилъ смущенный при его входѣ и пододвинулъ ему стулъ, уже занятый рабочею корзинкою м-ссъ Чокъ. Капитанъ взялъ себѣ другой стулъ и, выслушавъ весьма безсвязное замѣчаніе о погодѣ, укоризненно покачалъ головою.

— А я думалъ, что съ вами что-нибудь случилось? Я не видѣлъ васъ болѣе мѣсяца.

— Болѣе мѣсяца?—встрепенулась м-ссъ Чокъ:—да онъ третьяго дня ходилъ къ вамъ.

— Да,—проговорилъ, запинаясь, м-ръ Чокъ,—но мнѣ въ башмакъ попалъ гвоздь, и я долженъ былъ вернуться съ полъ-дороги домой.

— Домой? Но вы были въ отсутствіи два часа тридцать пять минутъ?

— Я такъ накололъ ногу, что едва добрался до дому,—пояснилъ м-ръ Чокъ, между тѣмъ какъ капитанъ изумился столь основательному счету времени.

— Однако, вы ничего объ этомъ не сказали?—продолжала допытываться м-ссъ Чокъ.

— Не хотѣлъ тревожить тебя, мой другъ.

— Я много проигралъ, оставшись холостымъ,—замѣтилъ капитанъ,—какъ пріятно, если кто-нибудь считаетъ часы и минуты до вашего возвращенія!

Супруги не безъ подозрительности обернулись къ нему, но его чистосердечіе было очевидно.

— Очень жаль, что *вы* не женились, капитанъ Бауэрсъ,—

медленно произнесла м-ссъ Чокъ,—большинство мужчинъ предпочитаетъ скрывать правду отъ женъ...

Она закончила сентенцію выразительнымъ взглядомъ по адресу мужа, и положеніе дѣлъ сразу стало ясно для капитана. Онъ замѣтилъ, что не видитъ также ни Тредгольда, ни Стобелля.

— Они... они о васъ спрашивали,—прервалъ м-ръ Чокъ,—а какъ здоровье миссъ Дрюиттъ?

— Благодарю васъ. Я уже началъ думать, не отправились ли вы всѣ втроемъ въ дальнее плаваніе?

М-ръ Чокъ смущенно засмѣялся и замѣтилъ, что Джозефъ показался ему прошлый разъ нездоровымъ.

— Нѣтъ, Джозефъ здоровъ, и попугай также,—проговорилъ капитанъ.

— Джозефъ—славный попугай,—окончательно зарапортовался м-ръ Чокъ,—т.-е. попугай—славный малый, хочу я сказать...

— Томасъ! Что съ тобой?—воскликнула м-ссъ Чокъ.

— Джозефъ—славный малый,—поправился, овладѣвъ собою, м-ръ Чокъ,—и я думалъ часто...

Онъ не докончилъ фразы: послышался громкій звонокъ, а затѣмъ—знакомый хриплый голосъ въ прихожей, при звукѣ котораго м-ръ Чокъ, бросивъ испуганный взглядъ въ сторону капитана, безпомощно откинулся на спинку кресла.

— Капитанъ Брискетъ,—доложила горничная.

Брискетъ вошелъ бодрымъ шагомъ, съ жаромъ пожалъ руку м-ру Чоку и, раскланявшись съ м-ссъ Чокъ и гостемъ, усѣлся на вытяжку, радостно улыбаясь м-ру Чоку.

— Я съ хорошими вѣстями,—проговорилъ онъ хрипло,—наконецъ-то намъ удалось заполучить ее.

М-ссъ Чокъ насторожилась.

— Да, пришлось-таки походить вокругъ да около!—весело продолжалъ Брискетъ:—старикъ Тоддъ не хотѣлъ разставаться съ нею, но теперь все оборудовано: „Красавица Эмилія"—ваша, сэръ.

— Какая такая красавица?—грозно воскликнула м-ссъ Чокъ,—какая Эмилія? Что это за Эмилія?

Брискетъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее и растерялся.

— Молчите!—отчаянно воскликнулъ м-ръ Чокъ,—это—секретъ.

— Это секретъ!—повторилъ Брискетъ, успокоительно кивая м-ссъ Чокъ.

— Секретъ? — повторила негодующая супруга, между тѣмъ какъ м-ръ Чокъ, находясь между нею и капитаномъ Бауэрсомъ, какъ между двухъ огней, вспоминалъ христіанскихъ мучениковъ. — Какъ вы смѣете отвѣчать мнѣ такимъ образомъ?

— Я сказалъ бы тебѣ, — отвѣтилъ м-ръ Чокъ, — но это не моя тайна.

— Это не его тайна, — подтвердилъ Брискетъ.

— Ужъ это не та ли самая Эмилія, которая свистала за заборомъ? — обратилась м-ссъ Чокъ къ Брискету, который, уловивъ отчаянный взоръ своего патрона, отвѣтилъ наугадъ:

— Нѣтъ, не та, она — совсѣмъ другого сорта особа.

— Какія же у нея дѣла съ моимъ мужемъ? — спросила м-ссъ Чокъ, невольно возвышая голосъ.

— Я вотъ именно это и хочу объяснить, — отвѣтилъ Брискетъ, уставясь глазами въ полъ и отчаянно ломая себѣ голову, — м-ръ Чокъ нашелъ для нея новое мѣсто, ей... ей было нехорошо на прежнемъ, и м-ръ Чокъ по добротѣ сердечной...

Его смущалъ взглядъ м-ссъ Чокъ, смотрѣвшей на него во всѣ глаза, какъ птица на боа-констриктора.

— Но вы сказали, вы сказали мужу: красавица Эмилія — ваша!

— Сказалъ и не отрицаю, — путался Брискетъ, — я хотѣлъ этимъ сказать, что она прибудетъ сюда.

— Вотъ какъ? Она сюда прибудетъ?

— Т.-е. въ томъ случаѣ, если мать ее отпуститъ. Старая лэди прихворнула и не можетъ безъ нея обойтись.

М-ръ Чокъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ спасенію съ этой стороны. Онъ желалъ одного: скрыть истину отъ капитана Бауэрса.

Но самъ капитанъ Бауэрсъ неожиданно прервалъ молчаніе.

— Какая у нея вмѣстимость? — отрывисто проговорилъ онъ, обернувшись къ Брискету.

— Двѣсти сорокъ тоннъ! — послѣдовалъ быстрый отвѣтъ.

— „Красавица Эмилія" — судно! — сказалъ капитанъ Бауэрсъ, обращаясь къ м-ссъ Чокъ и тщетно пытаясь уловить взглядъ м-ра Чока.

— Судно? — повторила она пораженная. — Судно съ больною матерью, — судно — нуждающееся въ новомъ мѣстѣ, о которомъ хлопочетъ мой мужъ! Или и вы тоже пытаетесь выгородить его?

— Это судно, — сурово повторилъ капитанъ, — вмѣстимостью въ двѣсти сорокъ тоннъ, но, по какой-то особенной причинѣ, м-ръ Чокъ считаетъ необходимымъ это скрывать...

— Это правда, Томасъ?—спросила м-ссъ Чокъ.

— Правда, моя дорогая.

— Почему же ты плелъ всѣ эти несообразности?

— Я... хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ,—проговорилъ м-ръ Чокъ, бросивъ робкій взглядъ на капитана Бауэрса,—видишь ли, я купилъ долю въ этомъ суднѣ, намѣреваясь предпринять для удовольствія маленькое путешествіе...

— Фирма: Тредгольдъ, Стобелль и Чокъ! — отчетливо проговорилъ капитанъ Бауэрсъ.

— Я ждалъ, покуда его выкрасятъ и приведутъ въ порядокъ, но неожиданное появленіе капитана Брискета испортило сюрпризъ,—продолжалъ м-ръ Чокъ.

— Да, это я виноватъ, сударыня,—смиренно покаялся виновникъ переполоха.

Но м-ссъ Чокъ уже не слушала. Для нея каждое судно было яхтой, и она, увлекшись мыслью о путешествіи, принялась обсуждать подробности увеселительной поѣздки, причемъ въ теченіе четверти часа „Красавица Эмилія“ превратилась въ одну изъ роскошнѣйшихъ „собственныхъ“ яхтъ. Сердце у м-ра Чока упало при мысли о томъ, чтȏ скажутъ его товарищи.

Капитанъ Бауэрсъ, узнавъ болѣе, чѣмъ ожидалъ, простился. По дорогѣ онъ бросилъ долгій взглядъ на окна конторы нотаріуса. Мѣстопребываніе пропавшей карты выяснилось для него, и онъ подумалъ не безъ ужаса о готовящейся экспедиціи.

Прюденса, сидѣвшая съ книгою у окна, встрѣтила его улыбкою и сообщила, что къ нему заходилъ Эдуардъ Тредгольдъ.

— Почему же онъ не могъ подождать?—спросилъ капитанъ.

— Не знаю. Я не выходила къ нему. Я послала сказать, что у меня болитъ голова.

Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, капитанъ слегка покраснѣлъ отъ досады.

— Но, кажется, теперь тебѣ лучше?

— Да. Странно, что она сразу разболѣлась послѣ вашего ухода. Это у насъ семейное.

Къ облегченію капитана, она взялась за книгу и читала до тѣхъ поръ, покуда Джозефъ не подалъ чай. Капитанъ задумчиво пилъ чашку за чашкою и, уже покончивъ съ чаемъ и закуривъ трубку, сообщилъ о событіяхъ нынѣшняго вечера.

— Ну, вотъ! Чтȏ я вамъ говорила?—воскликнула Прюденса, глаза которой засверкали отъ негодованія.—Не говорила ли я, что они всѣ трое въ скоромъ времени отправятся въ пла-

ваніе? И послѣ этого м-ръ Тредгольдъ еще осмѣливается являться сюда!

— Онъ ничего не знаетъ объ ихъ планахъ,—протестовалъ капитанъ.

— Посмотримъ!—миссъ Дрюиттъ упрямо покачала головою.— Не безчестно ли это: отправиться на поиски клада, который запрещено было трогать?

— Можетъ быть, они и не найдутъ его,—отвѣтилъ капитанъ, окруживъ себя облакомъ дыма.

— Найдутъ. Капитанъ Брискетъ отыщетъ островъ. Остальное—пустяки.

— А можетъ и не отыскать,—изрекъ капитанъ изъ своего облака, совершенно скрывшаго его лицо.—Нѣкоторые маленькіе острова обладаютъ свойствомъ неожиданно исчезать... Явленіе чисто вулканическаго характера... Чему ты смѣешься?

— Я сейчасъ подумала,—проговорила миссъ Дрюиттъ, съ улыбкою обхвативъ руками колѣна,—я подумала: вотъ было бы странно, еслибы островъ исчезъ какъ разъ въ то время, какъ они высадятся на берегъ!

IX.

За завтракомъ м-ру Чоку было очень тяжело выслушивать восторженныя рѣчи жены по поводу предстоящаго путешествія, такъ какъ наканунѣ онъ получилъ отъ компаньоновъ строгій приказъ: объявить м-ссъ Чокъ, что ея пребываніе на шкунѣ совершенно нежелательно.

Послѣ завтрака она разослала съ полъ-дюжины записокъ и объявила, что въ пять часовъ они отправятся къ Стобеллямъ, такъ какъ ей нужно поговорить съ нимъ самимъ. Бѣдная м-ссъ Стобелль пишетъ, что онъ не желаетъ брать ее.

— Хотѣла бы я, чтобы онъ былъ *моимъ* мужемъ!—заключила она угрожающимъ тономъ.

Они застали Стобеллей за чаемъ. Дамы поцѣловались.

— Какой милый сюрпризъ! — проговорила м-съ Стобелль, усаживая гостей, причемъ м-ссъ Чокъ помѣстилась насупротивъ м-ра Стобелля.

— Ну, что, вы слышали, конечно, о поѣздкѣ?—громко начала м-ссъ Чокъ, принимая изъ рукъ хозяйки чашку чая.

— О какой поѣздкѣ?—проговорила м-ссъ Стобелль, трепетавшая передъ своимъ супругомъ.

— О поѣздкѣ на яхтѣ, разумѣется. Она принесетъ вамъ

громадную пользу и подрумянитъ немного ваши щеки, моя милая,—ласково проговорила м-ссъ Чокъ.

М-ссъ Стобелль вспыхнула. Это была маленькая, поблекшая женщина. Глаза, волосы, щеки — все въ ней словно поблекло. Носились слухи, что и самая ея любовь къ м-ру Стобеллю начинаетъ блекнуть.

— Я думаю,—началъ дипломатически м-ръ Чокъ, терзаясь мыслью, что онъ еще не исполнилъ возложеннаго на него порученія: объявить м-ссъ Чокъ ультиматумъ,—я полагаю, что м-ссъ Стобелль освоится современемъ съ морскою болѣзнью, а также съ бурями, циклонами, туманами и столкновеніями...

— Если вы перенесете ихъ, то перенесетъ и она!—сердито прервала его м-ссъ Чокъ.

— Я не понимаю, о чемъ идетъ рѣчь, — вопросилъ м-ръ Стобелль, сдвинувъ свои тяжелыя брови и принимаясь за второй ломоть хлѣба съ масломъ.

М-ссъ Чокъ объяснила, и м-ссъ Стобелль замѣтила, что, можетъ быть, дѣйствительно, поѣздка по морю принесетъ ей пользу,—она уже перепробовала много средствъ.

— М-ру Стобеллю давно слѣдовало объ этомъ подумать, душечка, но лучше поздно, чѣмъ никогда,—замѣтила м-ссъ Чокъ.

— Дѣло въ томъ,—началъ снова м-ръ Чокъ,—что еслибы море *не* оказалось полезнымъ для м-ссъ Стобелль, ей уже нельзя было бы вернуться. А безъ сомнѣнія, такая поѣздка сильно потрясетъ ея нервы.

— Нѣтъ, не потрясетъ,—изрекъ м-ръ Стобелль, отирая усы.

— Развѣ она хорошо переноситъ море?—освѣдомился м-ръ Чокъ, дивясь такому замѣчанію.

— Не знаю, но эта поѣздка не потрясетъ ея нервы: она не поѣдетъ,—заключилъ м-ръ Стобелль, передавая свою чашку.

М-ссъ Чокъ вскрикнула и обмѣнялась съ м-ссъ Стобелль взглядомъ, полнымъ огорченія, а хозяинъ, объяснивъ положеніе дѣла, принялся за ѣду.

— Развѣ вы не думаете, что поѣздка можетъ принести ей пользу?—выговорила наконецъ м-ссъ Чокъ.

— Можетъ принести, а можетъ и не принести.

— Но вѣдь можно попробовать,—настаивала м-ссъ Чокъ,—наконецъ, это избавляетъ васъ отъ массы расходовъ... Я, напримѣръ, разсчитываю запереть домъ и распустить слугъ, ихъ содержаніе такъ дорого стоитъ... А главное—подумайте объ ея здоровьи! Она такъ измѣнилась послѣ этого бронхита. Подумайте, что̀ бы вы стали дѣлать, какъ упрекать себя, еслибы съ нею

что-нибудь случилось! Вы не вернете ее, если она уйдетъ *туда*...

— Куда?—довольно невнимательно освѣдомился м-ръ Стобелль.

— Я хочу сказать: если она умретъ.

— Всѣ мы умремъ современемъ, — философски замѣтилъ супругъ,—а ей сорокъ-шесть лѣтъ.

— Исполнится въ сентябрѣ, Робертъ,—довольно рѣшительно поправила кроткая м-ссъ Стобелль.

— Не очень пріятно быть погребеннымъ въ морѣ,—замѣтилъ м-ръ Чокъ, причемъ глаза м-ссъ Стобелль расширились отъ ужаса, а м-ссъ Чокъ метнула своему мужу угрожающій взглядъ.

— Мы желаемъ ѣхать въ качествѣ троихъ веселыхъ холостяковъ,—замѣтилъ безчувственный Стобелль, открыто подмигивая Чоку.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнула, выпрямляясь, м-ссъ Чокъ.—Но вы забываете, что ѣду *я!*

— Ну, будетъ двое веселыхъ холостяковъ.

— Нѣтъ,—возразила м-ссъ Чокъ,—я не поѣду одна; если м-ссъ Стобелль не ѣдетъ, я тоже остаюсь дома.

Лицо м-ра Стобелля прояснилось, выраженіе рта смягчилось, и мрачные глаза сдѣлались почти добрыми.

— Самое лучшее мѣсто для дамъ, — проговорилъ онъ любезно,—вы можете каждый день навѣщать другъ друга, можете даже иногда и заночевать одна у другой.

Онъ взялъ кусочекъ кэка и въ припадкѣ любезности предложилъ его и м-ссъ Чокъ, но та нетерпѣливо отмахнулась, заявивъ, что она рѣшила не ѣхать безъ м-ссъ Стобелль.

— А онъ, — продолжала она, сурово кивнувъ въ сторону мужа,—не поѣдетъ безъ меня. Не отпущу его ни на шагъ!

При такомъ заявленіи Чокъ едва не лишился чувствъ, а Стобелль, сдѣлавъ страшные глаза, оперся обѣими руками на столъ.

— Мнѣ кажется...—началъ-было онъ.

— Знаю, что̀ вамъ *кажется*, но вотъ какъ оно *есть* на самомъ дѣлѣ. Если вы желаете имѣть спутникомъ моего мужа, то должны взять и меня, а если вы желаете имѣть меня, то должны взять и свою жену...

— Еще кого?—съ большою горечью спросилъ Стобелль.

— *Мой* мужъ не можетъ быть счастливъ безъ *меня*,—объявила она, игнорируя дерзкій вопросъ,—не правда ли, Томасъ?

— Нѣтъ,—поперхнулся м-ръ Чокъ.

— Мы ѣдемъ очень далеко,—сказалъ м-ръ Стобелль.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

— Въ страны, населенныя дикарями, людоѣдами...

— Они не съѣдятъ ее, — возразила м-ссъ Чокъ, оглядѣвъ хрупкую фигурку своей пріятельницы, — при васъ, по крайней мѣрѣ.

— Я не желаю подвергать ее опасности,—заговорилъ Стобелль,—да она и сама не пожелаетъ ѣхать.

— Я желаю раздѣлить съ тобою опасности, Робертъ,—отозвалась м-ссъ Стобелль.

— Скажи безъ увертокъ: хочешь ты ѣхать или нѣтъ?—скомандовалъ онъ, замѣтивъ какъ она переглянулась съ м-ссъ Чокъ.

М-ссъ Стобелль затрепетала.

— Она не желаетъ, чтобы изъ-за нея остался м-ръ Чокъ и...

— Оставь это,—прервалъ Стобелль.—Ты хочешь ѣхать?

— Да!

Съ секунду онъ глядѣлъ на нее, не вѣря своимъ ушамъ, а затѣмъ крикнулъ голосомъ, отъ котораго дрогнули и задребезжали чашки:

— Хорошо, ты поѣдешь!

Торжествующая м-ссъ Чокъ заговорила о новыхъ платьяхъ и покупкахъ для поѣздки, и взбѣшенный Стобелль, не будучи въ состояніи этого выносить, всталъ изъ-за стола, предложивъ Чоку выкурить трубку въ саду, отъ чего тотъ благоразумно уклонился во избѣжаніе жестокой нотаціи.

Нотацію ему все же пришлось выслушать на слѣдующій день по пути въ Биддлькомбъ, и только видъ заново выкрашенной шкуны и ожидавшаго ихъ у лѣстницы капитана Брискета вернулъ ему хорошее настроеніе.

— Намъ посчастливилось, джентльмены,—сказалъ капитанъ, провожая ихъ наверхъ, — видите этого человѣка?—онъ указалъ на худощаваго, сумрачнаго малаго, ожидавшаго ихъ на палубѣ:—это Питеръ Дѣккетъ. Какъ онъ управляется съ командою—описать невозможно, какъ правитъ кораблемъ—вообразить нельзя.

— Это хозяева, Питеръ, — обратился онъ къ сумрачному субъекту, который, снявъ колпакъ, прочистилъ горло и замѣтилъ, что погода прекрасная.

— Не очень разговорчивъ, но зато на дѣло—первый человѣкъ, — шепнулъ веселый Брискетъ, а теперь не угодно ли вамъ, джентльмены, осмотрѣть судно?

На бортѣ „Красавицы Эмиліи“ все оказалось въ образцовомъ порядкѣ. Взоръ м-ра Чока мгновенно пріобрѣлъ блескъ,

походка его—эластичность. Онъ носился съ бака въ каюту, изъ каюты въ камбузъ и, наконецъ, въ качествѣ человѣка, довольно напрактиковавшагося въ лазаніи на вышку, взобрался на самую верхушку гротъ-мачты, откуда привѣтствовалъ изумленныхъ друзей.

Послѣ внимательнаго осмотра джентльмены отбыли на берегъ, въ гостинницу, куда къ нимъ долженъ былъ присоединиться и капитанъ Брискетъ для обсужденія разныхъ подробностей.

Вернувшись на корабль, капитанъ Брискетъ посовѣтовалъ ожидавшему его Питеру Дёккету „поменьше болтать объ этой поѣздкѣ“ и вербовать матросовъ—предпочтительнѣе не изъ числа уроженцевъ Биддлькомба.

— Почему?—спросилъ боцманъ.

— Потому что тутъ что-то кроется, — замѣтилъ Брискетъ, понижая голосъ,—не такіе они люди,—за исключеніемъ Чока, разумѣется,—чтобы крейсировать среди островов для собственнаго удовольствія. Понялъ?

М-ръ Дёккетъ съ хитрымъ видомъ кивнулъ головою, но промолчалъ.

— Ладно. Ужъ навербуемъ экипажъ, какой полагается. Ни одного здѣшняго. Они ненадежны. Ну, а какъ же насчетъ виски, о которомъ ты такъ много толковалъ?

Съ англ. О. Ч.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1905.

Высочайшіе пріемы 18-го и 21-го іюня. — Рѣчи членовъ „отечественнаго союза": „бытовыя группы" и „преобладающій голосъ".—Основныя черты оффиціально проектируемой Государственной Думы.—Абсентеизмъ или участіе въ выборахъ?—Военное положеніе и „законный терроръ".—Законъ, охраняющій законность.—Заявленіе польскихъ націоналъ-демократическихъ группъ въ совѣтъ министровъ.

Послѣ памятнаго дня 6-го іюня въ Петергофскомъ дворцѣ состоялись еще два пріема, обратившіе на себя, хотя и въ гораздо меньшей степени, вниманіе общества. 18-го іюня с.-петербургскій и московскій губернскіе предводители дворянства, графъ В. В. Гудовичъ и кн. П. Н. Трубецкой, представили Государю Императору всеподданнѣйшую записку, подписанную 26-ю губернскими предводителями. Текстъ этой записки, къ сожалѣнію, еще не обнародованъ: извѣстно только, что авторы ея стали всецѣло на сторону земскихъ и городскихъ дѣятелей, отъ лица которыхъ говорила депутація 6-го іюня. Вмѣстѣ съ ними, губернскіе предводители указываютъ на опасность длящагося разлада страны съ правительствомъ и видятъ въ скорѣйшемъ созывѣ выборныхъ отъ народа людей единственное средство къ успокоенію Россіи. Государь Императоръ высказалъ свое сочувствіе содержанію записки губернскихъ предводителей.

Три дня спустя, 21-го іюня, Государь Императоръ изволилъ принять всеподданнѣйшій адресъ, поднесенный Ему, отъ имени „собравшихся въ Москвѣ людей всѣхъ званій и состояній", гр. П. Шереметевымъ, гр. А. Бобринскимъ, гр. Доррреромъ, г.г. Кирѣевымъ, Нарышкинымъ, Расторгуевымъ, Матросовымъ и четырьмя крестьянами. Содержаніе адреса, прочитаннаго гр. П. С. Шереметевымъ, слѣдующее:

Великій Государь!

„Настойчивое стремленіе нѣкоторой части общества поколебать исторически выработавшійся государственный укладъ и желаніе навязать странѣ чуждые нашему быту, чуждые всему складу нашего общественнаго строя способы правленія побудили насъ сплотиться воедино, насъ, исповѣдующихъ, что правильное развитіе нашихъ государственныхъ началъ, при разрывѣ съ историческимъ народнымъ прошлымъ,—немыслимо.

„Вмѣстѣ со всей русской землей мы жаждемъ уничтоженія того средостѣнія, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ понемногу созидалось и съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпло между живыми общественными силами и Самодержцемъ. Постигшія насъ на Дальнемъ Востокѣ бѣдствія обострили господствующую смуту, которая пагубно вліяетъ на ходъ военныхъ дѣйствій. Но мы вѣримъ, что съ помощью Божіей Россія, единеніемъ сыновъ своихъ, выйдетъ изъ этого испытанія безъ ущерба своего достоинства, своей чести. Путь къ умиротворенію смуты внутренней указанъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Радостнымъ благовѣстомъ откликнулся въ сердцахъ нашихъ возвѣщенный съ высоты Престола 18-го февраля сего года призывъ выборныхъ отъ населенія людей къ участію въ разработкѣ законодательныхъ предположеній.

„Драгоцѣнны для всякаго русскаго слова Вашего Величества:

„Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ".

„Государь! Вся Россія, всѣ Ваши вѣрноподданные видятъ въ словахъ этихъ залогъ обновленія и вящшаго преуспѣянія нашего отечества. Мы видимъ въ нихъ возстановленіе того древняго порядка, при которомъ, оставляя за собою полноту власти и свободу рѣшенія, Русскіе Цари благосклонно выслушивали правдивый, безкорыстный голосъ лучшихъ выборныхъ людей.

„Да будетъ голосъ этотъ и впредь вѣрнымъ выразителемъ всѣхъ нуждъ народа и, какъ встарь, да послужитъ онъ для Царя и Россіи источникомъ ихъ могущества и славы.

„Мы полагаемъ, что только избранные по отдѣльнымъ, связаннымъ между собою, бытовымъ группамъ населенія явятся вѣрными выразителями мыслей и потребностей всего народа въ его совокупности.

„Царю Самодержавному при изъявленіи Своей Монаршей Воли необходимо знать, изъ какой среды исходятъ тѣ или иныя мнѣнія и пожеланія и выслушать голосъ всѣхъ отдѣльныхъ бытовыхъ сословій.

„При производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собою слоевъ населенія нѣкоторые изъ нихъ, и даже самые многочисленные, легко могутъ быть лишены возможности высказывать предъ Вами, Государь, свои насущныя нужды. Лица, избранныя такимъ путемъ, возмнивъ себя представителями страны, явятся новой, горшей преградой между Царемъ и народомъ.

„Не допусти, Государь, чтобы между Тобой и землей воздвиглась эта новая стѣна. Непосредственно выслушай, Великій Печальникъ земли русской, нужды всѣхъ слоевъ народа Твоего, черезъ выбранныхъ ими изъ своей среды излюбленныхъ людей".

По прочтеніи адреса произнесъ рѣчь гр. А. А. Бобринскій, гласный с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія и с.-петербургской городской думы. „Не мы первые",—сказалъ онъ, между прочимъ,—„дерзнули безпокоить Ваше Величество; но теперь, когда рѣчи нѣкоторыхъ лицъ сдѣлались общимъ достояніемъ и печать приписываетъ имъ значеніе голоса всей земской и мыслящей Россіи,—намъ, такимъ же земскимъ людямъ, такъ же близко стоящимъ къ землѣ и въ не менѣе многочисленномъ составѣ, намъ, не раздѣляющимъ высказанныхъ передъ Вашимъ Величествомъ мнѣній,—грѣшно молчать.

„Государь! Земля наша велика и обильна и различныхъ мнѣній въ ней множество. Но что именно думаетъ вся Россія—этого сказать никто не можетъ, потому что Россія молчитъ, а говорятъ лишь немногіе. Мы не дерзаемъ высказаться отъ лица всей страны, но смѣемъ завѣрить Ваше Величество, что исповѣдуемъ убѣжденія множества вѣрноподданныхъ Вашихъ. Отъ ихъ имени мы прежде всего молимъ Васъ, Государь: не заключайте обиднаго для Россіи мира. Томительна, тягостна, грустна война, — но, какъ бы тяжело намъ всѣмъ ни было,—не довершайте этой чаши бѣдствій позоромъ, который страна не въ силахъ перенести.

„Ваше Величество упомянули объ ожидающихъ насъ новыхъ бѣдствіяхъ, и мы спѣшимъ откликнуться на слова Ваши и сказать: Государь! Вамъ нужны люди — берите ихъ. Еще много на Руси молодыхъ силъ, готовыхъ лечь костьми за отечество. А если ихъ не хватитъ, то на что-нибудь годны же и мы, старики, хотя бы для гарнизонной службы. До тѣхъ поръ, пока каждый изъ насъ, и младъ и старъ, не встанетъ подъ ружье, — не заключайте постыднаго мира. Вамъ нужны средства,—но обложенія насъ не страшатъ; не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ Россія свое достояніе на алтарь отечества.

„Вамъ говорили, Государь, что Русскій Царь уже не Царь дворянъ и не Царь крестьянъ,—и болѣзненно содрогнулось сердце дворянства, свято памятуя слова державныхъ предковъ Вашихъ, называвшихъ себя первыми дворянами Россіи. А что до крестьянства, то кто отважится ему сообщить, что отнынѣ Русскій Царь не его Царь?

„Нѣтъ, Государь! Вы попрежнему Царь дворянъ и Царь крестьянъ, и всѣхъ другихъ сословій, и Царь каждаго изъ насъ. Именно потому, что Царь всея Руси есть Царь каждаго и всѣхъ—Онъ является естественнымъ представителемъ всего русскаго народа. Онъ одинъ— и никто иной.

„Нынѣ, когда Вашему Величеству благоугодно увѣнчать завѣтныя пожеланія Вашихъ подданныхъ и осчастливить Россію призывомъ къ совѣту выборныхъ людей, мы просимъ Ваше Величество вызвать этихъ избранниковъ изъ освященныхъ исторіей нашей бытовыхъ группъ. Къ такимъ выборамъ Россія давно привыкла. Они представятъ вамъ лицъ опытныхъ и разумныхъ, хорошо освѣдомленныхъ объ истинныхъ нуждахъ своихъ согражданъ. Иначе, выборы выдвинутъ

разрядъ людей, которыхъ мы опасаемся и съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности. Это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы стушеваться передъ красотою слова. Такіе представители неминуемо образуютъ между Царемъ и народомъ преграду, черезъ которую голосу народа трудно будетъ восходить до Вашего Величества.

„Государь! Избавьте насъ отъ этого средостѣнія путемъ установленія выборовъ отъ бытовыхъ группъ. Тогда и только тогда Вы всегда будете слышать истинный голосъ народа Вашего, голосъ простой, быть можетъ, не краснорѣчивый, но исполненный правды и вѣрноподданнической преданности Россіи и своему Государю".

А. А. Нарышкинъ, гласный орловскаго губернскаго земскаго собранія, не осуждая общественныхъ дѣятелей, представители которыхъ были выслушаны 6-го іюня, не нашелъ возможнымъ „признать ихъ заключенія за выраженіе мнѣній цѣлой страны". Русскому государственному строю, по словамъ А. А. Нарышкина, „несвойственно представительство въ смыслѣ органа народнаго самодержавства (да въ этомъ призрачномъ понятіи уже разочаровались), ибо державныя права Руси Великой воплощаются въ лицѣ Царя. Между тѣмъ, въ самое послѣднее время распространилась тревожная молва о возможности воспринятія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ заключеній, именно объ основаніяхъ избирательнаго порядка, представляющаго опасность такого подбора выборныхъ, при коемъ собраніе являлось бы не совѣтомъ земли, какимъ были наши старые земскіе соборы, а попыткой парламентарнаго учрежденія, съ тѣми послѣдствіями, которыя и на Западѣ вызываютъ жалобы со стороны многихъ мудрѣйшихъ людей".

„Наконецъ, хотя изъ Московскаго Царства Россія стала міровою Имперіею, включившею въ себя многія разноплеменныя народности, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ свое историческое прошлое, и справедливость, безъ сомнѣнія, требуетъ предоставить имъ выражать свои мнѣнія и нужды чрезъ своихъ выборныхъ—но она должна сохранить образъ государства національнаго: преобладающій голосъ принадлежитъ въ немъ, по праву, тому народу, который создалъ великую державу и выноситъ ее изъ всякихъ бѣдъ и испытаній на своихъ плечахъ". Послѣ А. А. Нарышкина говорили еще мѣщанинъ Матросовъ и крестьянинъ Гришинъ. Государь Императоръ удостоилъ собравшихся слѣдующими словами:

„Искренно благодарю васъ всѣхъ, господа, и васъ также, братцы, за мысли и чувства, которыя привели васъ ко Мнѣ.

„Мнѣ въ особенности отрадно то, что вами руководили чувства преданности и любви къ родной старинѣ.

„Только то государство сильно и крѣпко, которое свято хранитъ завѣты прошлаго. Мы сами противъ этого погрѣшили, и Богъ за это, можетъ быть, насъ и караетъ.

„Что же касается опасеній, вами выраженныхъ,—скажу вамъ, что сама жизнь укажетъ намъ пути къ устраненію тѣхъ несовершенствъ и погрѣшностей, которыя могутъ оказаться въ такомъ новомъ и большомъ дѣлѣ, которое Я задумалъ на благо всѣхъ Моихъ подданныхъ.

„Убѣжденъ, что вы всѣ и каждый въ своемъ кругу поможете Мнѣ водворить миръ и тишину въ землѣ нашей и тѣмъ самымъ сослужите Мнѣ ту службу, которую Я отъ всѣхъ вѣрныхъ Моихъ подданныхъ ожидаю, въ чемъ Господь Богъ вамъ и да поможетъ“.

Кого представляла собою депутація 6-го іюня—это, въ главныхъ чертахъ, извѣстно широкимъ кругамъ русскаго общества, несмотря на внѣшнія препятствія, мѣшающія говорить о томъ прямо и свободно. Менѣе ясенъ источникъ полномочій, на основаніи которыхъ дѣйствовала депутація 21-го іюня. Судя по статьѣ одного изъ ея членовъ (генерала Кирѣева), напечатанной въ № 10541 „Новаго Времени“, она представляла собою „Отечественный союзъ“—но что такое этотъ союзъ, какъ великъ его составъ, каковы условія вступленія въ его среду? Гласныхъ отвѣтовъ на эти вопросы мы до сихъ поръ не встрѣчали; мы не знаемъ, чѣмъ руководствовались ораторы 21-го іюня, утверждая, что за ними стоятъ многочисленные единомышленники. Допустимъ, однако, что мнѣнія, ими выраженныя, распространены не только въ искусственно сложившейся средѣ — и посмотримъ, къ чему они стремятся, что̀ хотятъ сохранить и чего достигнуть. Имъ дорога неприкосновенность „освященныхъ исторіей нашей бытовыхъ группъ“, „отдѣльныхъ бытовыхъ сословій“; они думаютъ, что „только избранные по отдѣльнымъ, связаннымъ между собою бытовымъ группамъ населенія явятся вѣрными выразителями мнѣній всего народа въ его совокупности“. Совершенно невѣрна здѣсь уже исходная точка—отожествленіе *сословій* съ *бытовыми группами*. Чѣмъ бы ни были у насъ сословія первоначально, теперь ни одно изъ нихъ не образуетъ бытового цѣлаго; каждое сословіе, объединенное исключительно внѣшнею связью, распадается на множество бытовыхъ группъ, существенно различныхъ или даже враждебныхъ между собою. Помѣстное дворянство, рѣзко отличное отъ чиновнаго, въ свою очередь тянетъ въ разныя стороны, вырабатываетъ разныя формы жизни; съ каждымъ днемъ усиливается рознь въ средѣ крестьянства; совершенно исчезла замкнутость, обособленность городскихъ сословій. Изъ всѣхъ выборовъ, практиковавшихся до сихъ поръ, къ наименѣе удачнымъ результатамъ всегда приводили именно выборы сословные; доказательство этому можно найти на каждой стра-

ницѣ исторіи дворянства. Совершенно необъяснимо, какимъ образомъ избранники отдѣльныхъ группъ, собравшись вмѣстѣ, могутъ оказаться „выразителями мыслей всего народа въ его совокупности". Выставивъ такое положеніе, адресъ „Отечественнаго союза" спѣшитъ его разрушить: провозглашается необходимость знать, „изъ какой среды исходятъ тѣ или иныя мнѣнія и пожеланія", необходимость выслушать „голосъ всѣхъ отдѣльныхъ бытовыхъ сословій". Итакъ, важно не самое мнѣніе — важенъ его источникъ. Прислушиваться нужно не столько къ тому, *что говорится*, сколько къ тому, *кто говоритъ*? Звучать, въ собраніи выборныхъ людей, долженъ не голосъ народа, а рядъ сословныхъ голосовъ, не равносильныхъ и не равноцѣнныхъ? Не подтверждаются ли этимъ слова кн. С. Н. Трубецкого, которыя пытался опровергнуть одинъ изъ ораторовъ 21-го іюня: „сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь"?... Съ особенною ясностью желаніе поддержать сословныя рамки—и въ особенности дворянскія привиллегія—выразилось въ томъ мѣстѣ рѣчи гр. Бобринскаго, которое служило отвѣтомъ на слова кн. С. Н. Трубецкого: „русскій царь—не царь дворянъ, не царь крестьянъ или купцовъ, не царь сословій, а царь всея Руси". При этихъ словахъ,— воскликнулъ гр. Бобринскій,—„болѣзненно содрогнулось сердце дворянства, свято памятующаго, что державные предки Ваши называли себя первыми дворянами Россіи". Здѣсь съ ораторомъ разошелся даже одинъ изъ членовъ „Отечественнаго союза", г. Башмаковъ—а въ сущности и товарищъ гр. Бобринскаго по депутаціи, генералъ Кирѣевъ [1]). Послѣдній увѣряетъ, что въ фразѣ гр. Бобринскаго „нѣтъ и тѣни желанія сдѣлать изъ нашего отца-самодержца le premier gentilhomme de Russie". Какой же, однако, иной смыслъ можетъ имѣть ссылка гр. Бобринскаго на слова, „свято памятуемыя дворянствомъ"?...

Принимая на себя мало свойственную имъ роль заступниковъ народа, члены „Отечественнаго союза" утверждаютъ, что „при производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собою слоевъ населенія нѣкоторые изъ нихъ, и даже самые многочисленные, легко могутъ быть лишены возможности высказывать передъ Государемъ свои насущныя нужды". Бояться чего-либо подобнаго можно было бы развѣ въ случаѣ установленія высокаго имущественнаго ценза, какъ необходимаго условія для участія въ выборахъ: тогда масса населенія, дѣйствительно, осталась бы внѣ той привиллегированной сферы, которую во Франціи временъ Людовика-Филиппа называли „легальной страной" (pays légal). Но вѣдь меньше всего за такой цензъ стоятъ именно тѣ,

---

[1]) См. „Слово", № 192, и „Новое Время", № 10581.

которымъ возражаетъ „Отечественный союзъ": они всѣ—сторонники всеобщей подачи голосовъ, расходящіеся между собою только по вопросу о моментѣ ея введенія. Какимъ образомъ при всеобщей подачѣ голосовъ (или при временномъ ея суррогатѣ, отводящемъ достаточно мѣста голосу народа) могутъ остаться не высказанными народныя нужды—это тайна „Отечественнаго союза". Столь же непонятно и другое его опасеніе, выраженное и въ адресѣ, и въ рѣчи гр. Бобринскаго: опасеніе, что безсословные выборы создадутъ новое „средостѣніе" между Государемъ и землею, „новую горшую преграду", черезъ которую голосу народа трудно будетъ восходить до престола. „Средостѣніемъ" служила и служитъ бюрократія, косная, себялюбивая, властная, прямо заинтересованная во всеобщемъ молчаніи; не можетъ служить имъ собраніе, избираемое лишь на время, соединяющее въ себѣ самые различные оттѣнки мнѣній, не располагающее исполнительною властью, не имѣющее другой точки опоры, кромѣ сочувствія народа. И почему же безсословные выборы должны выдвинуть „разрядъ людей, съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности—людей словоохотливыхъ, краснорѣчивыхъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы стушеваться передъ красотою слова"? Если такой „разрядъ людей" и существуетъ, то гдѣ же основаніе думать, что на его сторонѣ шансы успѣха? Силу, въ политической борьбѣ, даетъ убѣжденіе, глубокое и твердое,—а что же это за убѣжденіе, которое не можетъ устоять противъ красоты слова? И развѣ краснорѣчіе составляетъ монополію одной группы, одной партіи?.. Во всѣхъ рѣчахъ, произнесенныхъ членами „Отечественнаго союза", слышится страхъ передъ противниками, передъ равными условіями боя—страхъ, заставляющій искать окоповъ, за которыми удобнѣе и безопаснѣе было бы сражаться; роль такихъ окоповъ должны сыграть сословныя перегородки. Забыто при этомъ только одно: страхъ—плохой залогъ побѣды.

Остановимся еще на одной мысли, общей, повидимому, всѣмъ представителямъ „Отечественнаго союза". Признавая за разноплеменными народностями Россіи право выражать свои мнѣнія и нужды черезъ своихъ выборныхъ, г. Нарышкинъ утверждаетъ, что „преобладающій голосъ долженъ принадлежать тому народу, который создалъ великую державу и выноситъ ее изъ всякихъ бѣдъ и испытаній на своихъ плечахъ". Безспорно, наиболѣе многочисленное изъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, должно располагать и большинствомъ голосовъ въ народномъ собраніи; но вѣдь этотъ результатъ, при сколько-нибудь правильной системѣ выборовъ, будетъ достигнутъ самъ собою. Неразумны и несправедливы были бы искусственныя мѣры, направленныя къ той же цѣли: неразумны—потому, что изъ-за нихъ неминуемо обостри-

лась бы племенная вражда; несправедливы—потому, что права гражданина обусловливаются не долей участія его предковъ въ созданіи государства, а тѣми обязанностями, которыя онъ самъ несетъ по отношенію къ государству. „Испытанія и бѣдствія", переносимыя государствомъ, ложатся одинаково на всѣ его составныя части, давнишнія и недавнія. Ничѣмъ, слѣдовательно, не оправдывалась бы попытка перенести въ новый политическій строй различіе между народностями полноправными и неполноправными, существующее въ настоящее время,—а между тѣмъ именно такую попытку рекомендуетъ г. Нарышкинъ, если только въ его словахъ, приведенныхъ выше, заключается нѣчто бóльшее, чѣмъ громкая фраза.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, работа, предпринятая на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля, закончена или близка къ окончанію. Совѣщаніе, о которомъ говорилось въ рескриптѣ, повидимому, созвано не будетъ, и обнародованія закона о Государственной Думѣ слѣдуетъ ожидать въ весьма скоромъ времени. Текстъ закона, въ его послѣдней редакціи, еще неизвѣстенъ, но общій его характеръ вытекаетъ съ достаточною ясностью изъ сообщеній, появившихся въ печати. Что Государственной Думѣ предоставляется только совѣщательный голосъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но не этимъ однимъ, повидимому, она будетъ отличаться отъ обычнаго типа народнаго представительства. Ее предполагается раздѣлить на десять отдѣловъ, изъ которыхъ каждый вѣдаетъ особую группу дѣлъ; всякій вопросъ разсматривается сначала въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ и потомъ уже поступаетъ, съ заключеніемъ отдѣла, на разсмотрѣніе общаго собранія Думы. Въ Западной Европѣ въ составѣ палатъ образуются иногда такъ называемыя бюро, между которыми члены палаты распредѣляются по жребію; но бюро не разсматриваютъ дѣлъ по существу, а ограничиваются избраніемъ членовъ въ коммиссіи, когда учрежденіе ихъ признается необходимымъ. Коммиссія, составленная изъ избранниковъ всѣхъ бюро, представляетъ собою, слѣдовательно, *все* собраніе. Отдѣлы, проектируемые гофмейстеромъ Булыгинымъ, несходны ни съ западно-европейскими бюро, ни съ западно-европейскими коммиссіями: съ бюро—потому что являются первой инстанціей для всякаго дѣла, вносимаго въ Думу, съ коммиссіями—потому что выборъ коммиссій, въ *составъ отдѣла*, предусматривается особо. Прибавимъ къ этому, что никто изъ членовъ Думы не можетъ состоять одновременно въ двухъ отдѣлахъ—и мы получимъ сумму потерь, вносимыхъ существованіемъ отдѣловъ въ дѣятельность думы. Невозможнымъ, во-первыхъ, является участіе въ коммиссіи для тѣхъ членовъ

Думы, которые, обладая необходимыми въ данномъ случаѣ свѣдѣніями и опытностью, не входятъ въ составъ избирающаго коммиссію отдѣла. Невозможно, во-вторыхъ, включеніе въ отдѣлъ, при разсмотрѣніи даннаго вопроса, наилучше знакомыхъ съ нимъ лицъ, если они состоятъ членами другого отдѣла. Еще важнѣе медленность, вносимая въ ходъ дѣла разсмотрѣніемъ его сначала въ коммиссіи отдѣла, потомъ въ отдѣлѣ, наконецъ, въ общемъ собраніи Думы. Многочисленность инстанцій уменьшаетъ, обыкновенно, степень вниманія къ дѣлу: первая инстанція можетъ успокаивать себя мыслью, что дѣло будетъ разсмотрѣно еще разъ, вторая инстанція можетъ слишкомъ довѣрчиво относиться къ тому, что̀ сдѣлано первою. Ни для кого не тайна, что въ общемъ собраніи государственнаго совѣта обсужденіе дѣла имѣетъ, бо̀льшею частью, чисто формальный характеръ, именно потому, что ему предшествуетъ разбирательство въ департаментѣ или въ соединенныхъ департаментахъ. Примѣненіе къ Государственной Думѣ порядка, столь мало оправдываемаго практикою, не можетъ быть названо счастливою мыслью составителей проекта.

Если раздѣленіе на отдѣлы установляетъ сходство между Государственной Думой и государственнымъ совѣтомъ, то многія другія черты ея устройства уподобляютъ ее присутственному мѣсту вообще. Сюда относится *назначеніе* предсѣдателя Думы и его замѣстителя, предсѣдателей отдѣловъ и ихъ замѣстителей, секретаря Думы и его товарища, секретарей отдѣловъ и ихъ помощниковъ—т.-е. введеніе бюрократическаго элемента именно туда, гдѣ онъ всего менѣе умѣстенъ. Исторія знаетъ примѣры назначенія—бо̀льшею частью неудачные —президента и вице-президентовъ палаты (назовемъ хотя бы законодательный корпусъ временъ второй имперіи), но даже тогда должности секретарей замѣщались по выбору. На секретаря Думы возлагается вдобавокъ обязанность представлять Думѣ, въ случаѣ надо̀бности, объясненія и заключенія объ отношеніи обсуждаемаго дѣла къ постановленіямъ дѣйствующаго законодательства—обязанность, вполнѣ соотвѣтствующая положенію государственнаго секретаря, но вовсе не подходящая къ призванію секретаря представительнаго собранія. Еще больше напоминаютъ собою наказъ присутственному мѣсту правила о послѣдствіяхъ неразсмотрѣнія Думою внесенныхъ на ея обсужденіе законодательныхъ предположеній. Если слушаніе дѣла два раза сряду не состоится за неприбытіемъ въ Думу положеннаго числа членовъ, то министръ, которымъ дѣло внесено, можетъ требовать перенесенія его въ государственный совѣтъ, которымъ оно разсматривается безъ заключенія Думы. Въ случаѣ замѣченной Государемъ медленности Думы, государственный совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы, и если отзыва

Думы къ этому сроку не будетъ получено, приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла, не выжидая заключенія Думы. Безъ заключенія Думы можетъ быть разсмотрѣнъ государственнымъ совѣтомъ, въ случаѣ истеченія установленныхъ сроковъ, и проектъ государственной росписи; отъ государственнаго совѣта зависитъ, когда онъ найдетъ это нужнымъ, возвратить дѣло Думѣ для пересмотра и дополнительнаго заключенія. Все это было бы немыслимо, еслибы Государственная Дума разсматривалась какъ то, чѣмъ она должна быть—какъ народное собраніе, призванное къ дѣятельному участію въ государственной жизни.

Съ большою ясностью подчиненное положеніе, отводимое Государственной Думѣ, отражается и въ постановленіяхъ о пространствѣ ея власти (послѣднее слово такъ мало соотвѣтствуетъ содержанію проекта, что звучитъ почти иронически) и о порядкѣ производства подвѣдомственныхъ ей дѣлъ. Государственной Думѣ вмѣняется въ обязанность не удаляться отъ существа дѣлъ, ей предоставленныхъ, и основывать свои заключенія на сужденіяхъ положительныхъ. Нелегко понять, почему основаніемъ для заключеній Думы не могутъ служить сужденія отрицательныя; нелегко понять также, какимъ образомъ Государственной Думѣ можетъ быть возбранено обсужденіе общихъ вопросовъ, хотя бы и не связанныхъ непосредственно и прямо съ существомъ слушаемаго дѣла.

Особенно опаснымъ вышеприведенное правило становится въ виду другихъ статей проекта, опредѣляющихъ степень власти предсѣдателя Думы. Разсужденія, удаляющіяся отъ вопроса и существа дѣла, обращаются къ нему предсѣдателемъ, который, при повтореніи такихъ отступленій, прекращаетъ самое разсужденіе и переходитъ къ предмету послѣдующему. Уклоненіемъ отъ существа дѣла слишкомъ легко можетъ быть признана всякая попытка обобщенія вопроса, въ особенности если она основана на „отрицательныхъ сужденіяхъ“,—и результатомъ такого признанія можетъ явиться не только стѣсненіе свободы отдѣльнаго оратора, но и совершенное прекращеніе преній по данному вопросу... Предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ Думы, которое предсѣдатель найдетъ несогласнымъ съ законами или выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства Думы, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію; члены Думы, недовольные такимъ рѣшеніемъ предсѣдателя, имѣютъ право... изложить о томъ свое мнѣніе письменно и пріобщить его къ журналу засѣданія. Государственная Дума ставится, такимъ образомъ, на одинъ уровень съ земскимъ собраніемъ или городской думой, хотя положеніе ея въ государственномъ строѣ совершенно иное: земскія собранія и городскія думы—учрежденія подзаконныя, между тѣмъ какъ Государственная Дума уча-

ствуетъ въ законодательной дѣятельности. Земскіе и городскіе гласные могутъ, притомъ, обжаловать дѣйствія своего предсѣдателя правительствующему сенату—а мыслима ли жалоба на предсѣдателя Государственной Думы? Неужели, наконецъ, предсѣдательскимъ veto могутъ быть остановлены даже такія предложенія или заявленія, которыя исходятъ отъ большинства Думы?

До крайности сложны и нецѣлесообразны условія, которыми проектъ обставляетъ пользованіе двумя правами, предоставляемыми Государственной Думѣ: правомъ законодательной иниціативы и правомъ запроса министрамъ. Для того, чтобы получить дальнѣйшій ходъ, предложеніе объ изданіи новаго закона или объ отмѣнѣ или измѣненіи закона дѣйствующаго, идущее отъ членовъ Думы (въ числѣ не менѣе тридцати), должно — при несогласіи подлежащаго министра — быть одобрено большинствомъ двухъ третей голосовъ какъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ Думы, такъ и въ общемъ ея собраніи. *Дальнѣйшій ходъ* означаетъ, въ данномъ случаѣ, не разсмотрѣніе законопроекта на общемъ основаніи, а только рѣшеніе вопроса, слѣдуетъ ли приступить къ предположенной законодательной мѣрѣ. Въ случаѣ утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса, составленіе законопроекта возлагается не на его иниціаторовъ, не на коммиссію или отдѣлъ Государственной Думы, а на подлежащаго министра, хотя бы онъ и являлся передъ тѣмъ принципіальнымъ противникомъ перемѣны. Нетрудно представить себѣ, во что обратится, при дѣйствіи подобныхъ правилъ, законодательная иниціатива Государственной Думы... Не лучше поставлено и право запроса или, говоря языкомъ проекта, право просить о сообщеніи свѣдѣній министрами и главноуправляющими. Для предъявленія такой просьбы достаточно простого большинства голосовъ въ общемъ собраніи Думы; но если министръ не найдетъ возможнымъ сообщить просимыя свѣдѣнія, то единственнымъ результатомъ отказа является представленіе о томъ на Высочайшее благовоззрѣніе. Для того, чтобы такое представленіе могло состояться, необходимо, притомъ, согласіе большинства двухъ третей голосовъ Государственной Думы.

Государственному совѣту проектъ гофмейстера Булыгина отводитъ роль верхней палаты, облеченной, притомъ—какъ мы видѣли выше,—нѣкоторыми начальственными правами по отношенію къ нижней. Къ этой роли онъ не приготовленъ ни своимъ прошедшимъ, ни настоящимъ. Состоя почти исключительно изъ должностныхъ лицъ, завершающихъ въ немъ свою служебную карьеру, онъ не имѣетъ ни той независимости, ни той энергіи, ни той разносторонней освѣдомленности, безъ которыхъ немыслимо прочное, реальное значеніе верхней палаты. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить цѣлый

рядъ послѣднихъ назначеній въ государственный совѣтъ, упадавшихъ преимущественно на сторонниковъ, активныхъ или пассивныхъ, прежняго режима. Безъ значительныхъ измѣненій въ своемъ составѣ государственный совѣтъ не могъ бы занять, съ пользой для дѣла, даже такого положенія, какое принадлежитъ учрежденіямъ этого имени въ Западной Европѣ (гдѣ они принимаютъ участіе въ предварительной разработкѣ законопроектовъ). Въ основаніи верхнихъ палатъ, если онѣ не имѣютъ чисто выборнаго характера, лежитъ обыкновенно та или другая комбинація наслѣдственности, выборнаго начала, служебнаго права [1]) и назначенія, причемъ послѣднее обусловлено, бо̀льшею частью, принадлежностью назначаемаго къ одной изъ категорій, установленныхъ закономъ. Ничего подобнаго нашъ государственный совѣтъ собою не представляетъ. Между тѣмъ, движеніе законопроекта останавливается, по мысли гофмейстера Булыгина, только въ такомъ случаѣ, если противъ него выскажется большинство голосовъ и въ Государственной Думѣ, и въ государственномъ совѣтѣ. Другими словами, для того, чтобы онъ могъ стать закономъ, достаточно одобренія его государственнымъ совѣтомъ. Понятно, во что обращается народное представительство, если его несогласіе уравновѣшивается согласіемъ бюрократическаго учрежденія, всегда склоннаго къ солидарности съ администраціей... Еще болѣе ограничены права Государственной Думы въ дѣлахъ финансовыхъ: она не можетъ возбуждать вопросовъ объ увеличеніи испрашиваемыхъ вѣдомствами кредитовъ или объ исключеніи изъ смѣтъ расходовъ, внесенныхъ на основаніи дѣйствующихъ законоположеній, штатовъ и Высочайшихъ повелѣній, а равно утвержденныхъ въ установленномъ порядкѣ предѣльныхъ бюджетовъ военнаго и морского вѣдомствъ. Сверхсмѣтные кредиты могутъ быть испрашиваемы внѣ законодательнаго порядка, т.-е. совершенно помимо Думы; для министра финансовъ обязательно только доведеніе до свѣдѣнія Думы объ основаніяхъ ихъ и причинахъ, *за исключеніемъ ассигнованій, подлежащихъ тайнѣ*.

Гласность занятій Государственной Думы сведена къ минимуму. Публичность засѣданій устранена вовсе. Представители печати *могутъ быть* допускаемы предсѣдателемъ Думы, съ тѣмъ, чтобы сообщенія ихъ оглашались не иначе, какъ съ его разрѣшенія. Отъ усмотрѣнія предсѣдателя зависитъ, притомъ, сдѣлать засѣданіе совершенно закрытымъ, т.-е. устранить всякое сообщеніе о немъ въ печати. Что

[1]) Подъ служебнымъ правомъ мы понимаемъ занятіе такой должности, которая сама по себѣ открываетъ доступъ въ верхнюю палату (члены палаты ex officio).

означаетъ совокупность этихъ правилъ—понятно само собою. Гласность въ политической жизни—то же самое, что воздухъ въ жизни физической; безъ нея все глохнетъ, тускнѣетъ, увядаетъ. Искусственная тишина благопріятствуетъ сдѣлкамъ съ совѣстью, гибкости убѣжденій; въ лучшемъ случаѣ она понижаетъ энергію, уменьшаетъ силу работы, противодѣйствуетъ подъему духа. Какимъ образомъ, притомъ, избиратели могутъ судить о дѣятельности избираемыхъ, если о ней доходятъ до нихъ только скудныя, неполныя, оффиціально профильтрованныя свѣдѣнія? Чѣмъ меньше достовѣрныхъ сообщеній, тѣмъ шире просторъ для слуховъ и догадокъ, тѣмъ больше вѣроятность ошибочныхъ сужденій, тяжело отзывающихся не только на отдѣльныхъ лицахъ, но и на самомъ правительствѣ. Если даже видѣть въ Думѣ только посредствующее звено между властью и страною, то и въ такомъ случаѣ необходима широкая гласность думскихъ засѣданій, какъ ручательство въ томъ, что голосъ Думы—дѣйствительно голосъ народа.

До крайности сложна избирательная система, вводимая проектомъ. Скопированная съ порядковъ, установленныхъ для земскихъ и городскихъ выборовъ, она оставляетъ внѣ права цѣлые классы населенія—и вмѣстѣ съ тѣмъ не примыкаетъ къ чему-либо существующему, могущему послужить прочной точкой опоры для вновь созидаемаго порядка. Ни изъ чего не видно, однако, чтобы она имѣла только временный характеръ; срокъ полномочій Думы назначается пятилѣтній, безъ всякой оговорки относительно первыхъ выборовъ. Когда мы предлагали воспользоваться, на первый только разъ, губернскими земскими собраніями и городскими думами, въ усиленномъ, дополненномъ составѣ, мы видѣли въ этомъ переходную мѣру, осуществимую легко и быстро, обезпечивающую, въ значительной степени, независимость и сознательность выборовъ; мы думали, что избранное такимъ образомъ представительное собраніе ограничится проведеніемъ постояннаго избирательнаго закона и нѣкоторыхъ другихъ, наиболѣе необходимыхъ реформъ—и затѣмъ уступитъ мѣсто другому, построенному на широкой основѣ всеобщаго голосованія. Со времени обнародованія Высочайшаго рескрипта, обѣщавшаго народное представительство, прошло почти полгода — и какіе полгода! Къ длинному ряду внѣшнихъ неудачъ присоединились еще двѣ, самыя тяжкія (Мукденъ, Цусима); внутренняя неурядица достигла своего апогея. Что могло быть достаточнымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, то въ настоящую минуту безсильно удовлетворить и самыя скромныя требованія... Мы продолжаемъ стоять за двухстепенные выборы, но отъ нихъ слишкомъ далека многостепенность, на которой построенъ проектъ гофмейстера

Булыгина [1]). И это еще не все: каждой категоріи избирателей предоставляется избирать выборщиковъ только изъ своей среды (между тѣмъ какъ при дѣйствіи земскаго положенія 1864-го года крестьяне имѣли право выбирать гласныхъ изъ числа избирателей другихъ категорій). Ограничена и свобода выборщиковъ всѣхъ степеней: они могутъ выбирать только лицъ, вмѣстѣ съ ними состоящихъ выборщиками. Крупному землевладѣнію отведено такое привиллегированное мѣсто, котораго оно не имѣло по положенію 1864-го года, не имѣетъ даже и по дѣйствующему земскому положенію: лица, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, въ десять или еще болѣе разъ превышающимъ общую цензовую норму, образуютъ въ составѣ съѣзда уѣздныхъ избирателей особое присутствіе, и число выборщиковъ, избираемыхъ съѣздомъ, распредѣляется между съѣздомъ и особымъ присутствіемъ пропорціонально размѣрамъ имуществъ, принадлежащихъ прибывшимъ избирателямъ... Повѣрка правильности выборовъ возлагается на особыя уѣздныя и губернскія коммиссіи, на половину составленныя изъ назначенныхъ должностныхъ лицъ, и только въ высшей инстанціи принадлежитъ Правительствующему Сенату. Все это вмѣстѣ взятое устраняетъ возможность ожидать, что Государственная Дума, образованная согласно проекту гофмейстера Булыгина, окажется на высотѣ своего призванія и сумѣетъ преодолѣть трудности, число и важность которыхъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, достигая уже теперь колоссальныхъ размѣровъ.

Пока проектъ гофмейстера Булыгина не вступилъ въ силу, еще не поздно сдѣлать попытку къ устраненію главныхъ его недостатковъ. Еще возможно, возвращаясь къ первоначальному плану, передать проектъ на разсмотрѣніе совѣщанія, въ которомъ участвовали бы, съ рѣшающимъ голосомъ, представители земствъ и городовъ; это успокоило бы общество и послужило бы гарантіей того, что представительныя учрежденія и избирательный законъ будутъ, дѣйствительно, соотвѣтствовать нуждамъ страны. „Призывать народно-общественныя силы къ законодательной работѣ",—совершенно правильно замѣчаетъ кн. С. Н. Трубецкой [2]), — „и отстранять ихъ отъ участія въ самомъ важномъ изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ—не есть ли это противорѣчіе"?.. Предположимъ, однако, что разсмотрѣнный нами проектъ будетъ вве-

---

[1]) Для крестьянъ устанавливаются четырехстепенные выборы (сельскій сходъ избираетъ членовъ волостного схода, волостной сходъ посылаетъ выборщиковъ въ уѣздное избирательное собраніе, это послѣднее посылаетъ выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе, которое, наконецъ, выбираетъ членовъ Государственной Думы), для остальныхъ избирателей (кромѣ живущихъ въ большихъ городахъ)—трехстепенные.

[2]) См. № 186 „Русскихъ Вѣдомостей".

денъ въ дѣйствіе безъ дальнѣйшей повѣрки и безъ существенныхъ измѣненій; что дѣлать тогда? Этотъ вопросъ, первостепенная важность котораго не требуетъ доказательствъ, ставится уже теперь въ разныхъ общественныхъ сферахъ. Мы узнаемъ изъ „Руси“ (№ 154), что онъ обсуждался, въ первыхъ числахъ іюля, въ собраніи „делегатовъ объединенныхъ профессій“. Значительное большинство собранія признало невозможнымъ участіе въ Государственной Думѣ, если она будетъ образована по проекту гофмейстера Булыгина или по всякому другому, „не основанному на принципѣ равнаго и тайнаго избирательнаго права для всего взрослаго населенія безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія“. Торжество этого взгляда въ широкихъ кругахъ общества мы считали бы настоящимъ несчастіемъ для Россіи. Постараемся доказать нашу мысль, насколько это возможно при настоящихъ цензурныхъ и другихъ условіяхъ.

Какъ понимать отказъ отъ участія въ Государственной Думѣ? Означаетъ ли онъ только уклоненіе отъ баллотировки въ члены думы, или, кромѣ того, воздержаніе отъ подачи голоса при выборахъ? Очевидно, и то, и другое: непослѣдовательно было бы идти на выборы, устранивъ, предварительно, возможность кандидатуры своихъ единомышленниковъ. Чтобы имѣть внушительное демонстративное значеніе, отказъ отъ участія въ выборахъ долженъ быть массовой, т.-е. обнимать собою весьма значительное число избирателей. Для этого, въ свою очередь, необходима сильная организація, многихъ могущая подчинить себѣ или увлечь за собою. Въ Италіи систематическій абсентеизмъ клерикаловъ, вызванный уничтоженіемъ свѣтской власти папы, обусловливался могущественнымъ вліяніемъ католическаго духовенства. Въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствахъ соціалъ-демократы много лѣтъ сряду исполняли партійный лозунгъ—не пользоваться избирательнымъ правомъ въ томъ крайне-несовершенномъ видѣ, въ какомъ его опредѣляютъ мѣстныя конституціи. И тамъ, и тутъ существовала дисциплина, благодаря которой могло быть достигнуто единодушіе; и тамъ, и тутъ, впрочемъ, возникли или возникаютъ сомнѣнія въ цѣлесообразности такого образа дѣйствія. Нѣмецкіе соціалъ-демократы стали являться на выборы въ ландтаги; къ аналогичной эволюціи готовятся, повидимому, и итальянскіе клерикалы. И это понятно: обструкція, во всѣхъ своихъ видахъ, слишкомъ рѣдко приводитъ къ цѣли—и рѣже всего именно тамъ, гдѣ къ ней призываются не группы депутатовъ, а массы избирателей. Какіе же шансы успѣха политика уклоненія отъ выборовъ имѣла бы въ Россіи, гдѣ партійныя организаціи находятся еще въ зародышѣ, гдѣ нѣтъ условій ни для авторитетныхъ mots d'ordre, ни для быстраго и повсемѣстнаго ихъ распространенія? Попытка осуществить такую политику привела бы,

по всей вѣроятности, только къ тому, что въ средѣ Государственной Думы побѣда легко, почти безъ бою досталась бы сторонникамъ стараго режима. Возникла бы возможность утверждать, что такой исходъ дѣла выражаетъ собою желанія страны; получилась бы организованная сила, которую можно было бы съ нѣкоторымъ — конечно, чисто формальнымъ — основаніемъ противопоставлять требованію коренной реформы. Совершенно иныхъ результатовъ можно ожидать отъ общаго активнаго участія въ выборахъ. Какъ бы неудовлетворительна ни была избирательная система, она можетъ дать немалое число людей, готовыхъ идти все дальше и дальше по дорогѣ преобразованій. Для этого нужны дружныя усилія всѣхъ противниковъ тьмы и застоя, нуженъ временный союзъ, подобный тому, благодаря которому могла состояться депутація 6-го іюня. Если на сторонѣ союза окажется большинство, онъ можетъ настоять на немедленномъ осуществленіи всѣхъ видовъ свободы, безъ которыхъ немыслима правильная политическая жизнь; онъ можетъ ярко выставить на видъ несостоятельность устоевъ, на которыхъ построено представительство, недостаточность правъ, за нимъ признанныхъ. Если сторонники прогрессивнаго движенія останутся въ безнадежномъ меньшинствѣ, тогда, но только тогда, можетъ быть поднятъ вопросъ объ отказѣ отъ дальнѣйшаго участія въ непоправимо испорченномъ дѣлѣ... Что сознаніе несовершенствъ избирательной системы совмѣстимо съ работой въ представительномъ собраніи, выбранномъ на основаніи этой системы — доказательства этому можно найти на каждой страницѣ западно-европейской исторіи: достаточно напомнить, что во французской палатѣ депутатовъ временъ Людовика-Филиппа, построенной на довольно высокомъ имущественномъ цензѣ, засѣдали и дѣйствовали такіе приверженцы всеобщей подачи голосовъ, какъ Гарнье-Пажесъ (старшій) и Ледрю-Ролленъ. Столь же несомнѣнно и то, что въ средѣ собранія, представляющаго собою лишь меньшинство страны, возможна стойкая, мужественная борьба за право (примѣръ — эпоха конфликта между Бисмаркомъ и прусской палатой депутатовъ). Нѣчто подобное мы видѣли и у насъ: какъ ни испорчены были земскія учрежденія положеніемъ 1890-го года, лучшіе земскіе люди не уклонились отъ участія въ земствѣ, благодаря чему оно оказалось способнымъ сыграть выдающуюся роль въ событіяхъ послѣдняго времени.

Что отказъ отъ участія въ выборахъ, какъ бы несовершенна ни была ихъ организація, былъ бы крупнѣйшей политической ошибкой— въ этомъ можно убѣдиться еще другимъ путемъ—знакомствомъ съ мнѣніями реакціонной печати. Несмотря на рескриптъ 18-го февраля, несмотря на рѣчь 6-го іюня, она продолжаетъ возставать даже противъ земскаго собора — этой скромнѣйшей, безобиднѣйшей формы

общенія съ землею: *современное* его введеніе было бы, по ея словамъ, „легкомысленнѣйшимъ и опаснѣйшимъ экспериментомъ“ [1]). Одна мысль о народномъ представительствѣ, какъ бы оно ни было устроено, наполняетъ ужасомъ сердца поклонниковъ безмолвія, безправія и привиллегій. И это понятно: порядокъ вещей, для нихъ выгодный и пріятный, не можетъ устоять противъ перваго напора правильной общественной организаціи. „Нужна сильная единоличная власть, а не палата представителей“,—повторяютъ, вслѣдъ за „Московскими Вѣдомостями“ и другими газетами того же оттѣнка, и такъ называемые „истинно-русскіе люди“, въ родѣ кн. Щербатова и гг. Самариныхъ. Въ болѣе безцеремонныхъ рѣчахъ „сильную единоличную власть“ замѣняетъ „диктатура“—„общая всероссійская военная диктатура“,—а въ послѣднее время пущенъ въ ходъ еще болѣе выразительный терминъ: „законный терроръ“. Это—терминъ настолько зловѣщій, что его испугались сами авторы его и поспѣшили примѣнить къ нему тотъ пріемъ, который у нѣмцевъ называется „Wegexpliciren“: въ примѣръ „законнаго террора“ они стали приводить судьбу убійцъ императора Александра II-го [2]). Для всякаго ясно, однако, что не къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ случаямъ смертной казни приложимо понятіе о „законномъ террорѣ“. Смертные приговоры исполняются, отъ времени до времени, въ бо̀льшей части западно-европейскихъ государствъ,—но никто не говоритъ по этому поводу о *террорѣ*; смертные приговоры постановлялись и исполнялись, въ послѣднее время, и у насъ,—но „Московскимъ Вѣдомостямъ“ этого мало, и онѣ проповѣдуютъ „законный терроръ“ какъ нѣчто иное и, конечно, гораздо бо̀льшее. Что такое терроръ вообще? Какъ видно и изъ самаго смысла слова, и изъ его исторіи, это—попытка возбудить ужасъ, возбудить его цѣлымъ рядомъ чрезвычайныхъ мѣръ, никого и ничего не щадящихъ. Терроръ исключаетъ возможность подробнаго изслѣдованія вины, исключаетъ даже необходимость вины, какъ условія для кары; для него достаточно *подозрѣнія*—подозрѣнія даже не въ образѣ дѣйствій, а въ образѣ мыслей. Къ этому террору и взываетъ, на него и разсчитываетъ газета, постоянно, систематически смѣшивающая понятія объ оппозиціи и революціи, о разномысліи и насиліи. Недаромъ же и въ той статьѣ, гдѣ прозвучали мрачныя слова: *законный терроръ*, идетъ рѣчь о „совмѣстной работѣ интеллигенціи съ революціонерами“, объ услугахъ, оказываемыхъ „легальной прессой“ „политическимъ боевымъ организаціямъ“... Къ чему привело бы даже неполное, даже кратковременное торжество необузданныхъ, дикихъ

[1]) См. № 188 „Московскихъ Вѣдомостей“.
[2]) См. №№ 181 и 186 „Московскихъ Вѣдомостей“.

пожеланій—это не требуетъ поясненій. За всякимъ терроромъ, законнымъ или незаконнымъ, неминуемо слѣдуетъ реакція, уничтожающая достигнутые имъ—больше повидимому, чѣмъ на самомъ дѣлѣ—результаты и подготовляющая почву для новыхъ усложненій... Нужно отдать справедливость редактору „Гражданина“: отдѣляясь—какъ и по вопросу о войнѣ или мирѣ—отъ своихъ обычныхъ союзниковъ, онъ не требуетъ ни террора, ни диктатуры. Послѣднюю, по его мнѣнію, съ успѣхомъ можетъ замѣнить кабинетъ министровъ (съ первымъ министромъ во главѣ), отвѣтственный передъ Государемъ, Думой, государственнымъ совѣтомъ и сенатомъ. Что̀ это—признакъ времени или запоздалое раскаяніе?

Далекимъ, конечно, отъ „законнаго террора“, но напоминающимъ его нѣкоторыми своими сторонами, является военное положеніе, провозглашенное недавно въ Лодзи, Одессѣ, Севастополѣ, Николаевѣ, Тифлисѣ, Баку и эриванской губерніи. Это, если мы не ошибаемся, первый случай примѣненія закона 1892-го года, имѣвшаго въ виду, по всей вѣроятности, исключительно или преимущественно обстоятельства военнаго времени. Аналогію между послѣдними и внутренней смутой можно находить, съ бо̀льшей или меньшей натяжкой, лишь тогда, когда смута достигаетъ или только-что достигала своего апогея, когда для усмиренія ея прибѣгаютъ или только-что прибѣгали къ военной силѣ. Къ этому заключенію приводитъ простой перечень чрезвычайныхъ полномочій, вытекающихъ изъ военнаго положенія [1]). Они обнимаютъ собою, между прочимъ, право закрывать очередныя собранія сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій, закрывать учебныя заведенія, пріостанавливать періодическія изданія, высылать въ другія губерніи, налагать секвестръ на недвижимое и арестъ на движимое имущество, удалять отъ должности служащихъ (до четвертаго класса включительно), передавать цѣлыя категоріи уголовныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе военнаго суда. „Стоитъ только представить себѣ“,—говоритъ „Право“,—„какое глубокое потрясеніе установленнаго общимъ закономъ порядка вносятъ правила о военномъ положеніи, чтобы убѣдиться въ томъ, что они легко могутъ обратиться въ весьма могущественное средство усиленія недовольства и изъ способа предупрежденія и прекращенія волненій и безпорядковъ стать новымъ поводомъ для нихъ“. Совершенно раздѣляя это мнѣніе, мы надѣемся, что военному положенію суждено просуществовать недолго, очень недолго. Весьма характерно, что и въ Лодзи, и въ Одессѣ ходатайство объ его отмѣнѣ

---

[1]) См. интересную параллель между усиленной охраной, чрезвычайной охраной и военнымъ положеніемъ въ № 26 „Права“.

было заявлено депутаціями гражданъ почти непосредственно вслѣдъ за прекращеніемъ уличныхъ безпорядковъ.

Военное положеніе равносильно пріостановкѣ дѣйствія законовъ; между тѣмъ, со времени изданія указа 12-го декабря 1904-го года на очереди стоитъ охрана полной силы закона. Къ этой цѣли направлено, между прочимъ, Высочайше утвержденное 6-го іюня мнѣніе государственнаго совѣта „объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ". Нѣкоторыя статьи этого закона изложены такъ, что могутъ остаться безъ измѣненія и при новомъ государственномъ строѣ. Сюда относится въ особенности статья первая, въ силу которой „изданіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также измѣненіе, дополненіе, пріостановленіе дѣйствія, отмѣна и преподаваемое Высочайшею властью изъясненіе истиннаго разума законовъ и означенныхъ правилъ происходятъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ основными государственными законами". Съ введеніемъ народнаго представительства измѣнятся основные законы, измѣнится устанавляемый ими законодательный порядокъ, но неизмѣннымъ можетъ и долженъ остаться принципъ, выраженный въ вышеприведенныхъ словахъ—принципъ, несовмѣстный съ замѣной или отмѣной закона путемъ изданія „временныхъ правилъ", или именныхъ Высочайшихъ указовъ, или разъясненій, на самомъ дѣлѣ равносильныхъ новому закону. Въ этомъ отношеніи законъ 6-го іюня значительно превосходитъ положеніе комитета министровъ, послужившее для него исходной точкой [1]). Комитетъ министровъ признавалъ силу закона за Высочайшими указами, собственноручно подписанными Государемъ; въ мнѣніи государственнаго совѣта о нихъ не упоминается вовсе. Комитетъ министровъ оставлялъ безъ измѣненія ст. 55-ю основныхъ законовъ, по которой „дополненія и изъясненія закона, установляющія токмо образъ его исполненія или опредѣляющія истинный его разумъ, могутъ быть излагаемы по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, въ видѣ указовъ, объявляемыхъ мѣстами и лицами, отъ верховной власти къ тому уполномоченными". Мнѣніе государственнаго совѣта создаетъ новую редакцію ст. 55-ой, гласящую такъ: „образъ исполненія законовъ можетъ быть устанавливаемъ Высочайшими повелѣніями, издаваемыми въ порядкѣ верховнаго управленія". Нельзя, слѣдовательно, дополнять законъ Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся внѣ за-

---

[1]) Подробный разборъ этого положенія см. въ общественной хроникѣ февральской книжки нашего журнала.

конодательнаго порядка, нельзя и опредѣлять этимъ путемъ истинный разумъ закона; самый образъ исполненія закона не можетъ быть установляемъ *словеснымъ* Высочайшимъ повелѣніемъ. Сенату новый законъ вмѣняетъ въ обязанность не разрѣшать обнародованія законодательныхъ постановленій, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ правиламъ основныхъ государственныхъ законовъ... Есть, однако, въ законѣ 6-го іюня двѣ статьи (5-ая и 6-ая), въ значительной степени ослабляющія его дѣйствіе: онѣ сохраняютъ за министрами право принимать, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, чрезвычайныя мѣры, хотя бы въ нихъ заключались постановленія, не предусмотрѣнныя закономъ. Коррективъ этого экстраординарнаго права—обязанность министра представить, до истеченія полугода, объ узаконеніи чрезвычайной мѣры, хотя бы только на время или только для опредѣленной мѣстности—до крайности недостаточенъ; предоставленіе министрамъ, de facto, законодательной власти ничѣмъ и ни въ какомъ случаѣ оправдано быть не можетъ... Спѣшимъ прибавить, что и другія постановленія закона 6-го іюня, вполнѣ удовлетворительныя сами по себѣ, получатъ реальную силу только тогда, когда совершится коренная перемѣна нашего государственнаго строя. Сенату законъ 6-го іюня предоставляетъ роль аналогичную съ тою, которую во Франціи, при старомъ порядкѣ, играли парламенты; но вѣдь отвергнутые парламентомъ эдикты все-таки, сплошь и рядомъ, заносились въ его регистры. Право отказа въ обнародованіи закона, принадлежащее хотя бы и высоко поставленному присутственному мѣсту, достаточной гарантіи законности ни въ какомъ случаѣ не представляетъ.

Мѣсяцъ тому назадъ мы высказали убѣжденіе, что положеніемъ комитета министровъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ стѣсненій, тяготѣвшихъ до сихъ поръ надъ губерніями царства польскаго, никто удовлетворенъ не будетъ. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Въ газетѣ „Русь“ (№ 156) оглашена замѣчательная записка, поданная въ совѣтъ министровъ многочисленными [1]) представителями польской націоналъ-демократической партіи (скорѣе умѣренной, чѣмъ крайней). „Постановленія комитета министровъ“—читаемъ мы въ этой запискѣ,—„вводя лишь кажущіяся измѣненія или льготы, не измѣняютъ существенно систему управленія краемъ, но напротивъ, систему эту укрѣпляютъ и узаконяютъ... Постановленія комитета произвели впечатлѣніе пренебреженія къ народу и были поняты, какъ объявленіе краю, что

---

[1]) Подписей на запискѣ болѣе 350, но многія изъ нихъ даны отъ имени цѣлыхъ группъ.

онъ не долженъ ожидать отъ бюрократіи какого бы то ни было измѣненія условій своего быта, что онъ долженъ покинуть всякую надежду на возможность нормальныхъ отношеній путемъ возстановленія слѣдуемыхъ ему по справедливости національныхъ и гражданскихъ правъ". Указавъ на солидарность образованныхъ слоевъ польскаго общества съ крестьянами, на невозможность, при настоящемъ положеніи вещей, примирительнаго вліянія на рабочихъ, авторы записки продолжаютъ: „мы самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуемъ противъ системы, стремящейся къ обрусѣнію царства польскаго... Мы еще разъ положительно заявляемъ, что для установленія нормальныхъ отношеній поляковъ къ Россіи крайне необходимо предоставить нашему краю законодательную и административную автономію; признать польскій языкъ оффиціальнымъ во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго управленія и въ судѣ, а равно языкомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края; предоставить мѣстному элементу управленіе царствомъ польскимъ и обезпечить за населеніемъ гражданскую свободу. Не намъ рѣшать вопросъ объ интересахъ русскаго государства и русскаго народа. Но мы не можемъ повѣрить, чтобы эти интересы требовали сохраненія такого режима, который не достигъ ни одной изъ своихъ цѣлей и который, напротивъ, вызвалъ столь опасныя и плачевныя не только для насъ послѣдствія. Исполняя свой долгъ по отношенію къ нашей совѣсти и къ нашему народу, мы констатируемъ, что пренебреженіе нуждами царства польскаго и отказъ намъ въ правахъ и учрежденіяхъ, которыя составляютъ необходимость для нашего національнаго и культурнаго развитія, неминуемо должны вызвать усиленіе борьбы поляковъ съ дѣйствующимъ режимомъ и увеличеніе силы анархіи. Мы за все это не беремъ на себя отвѣтственности". Величайшей ошибкой было бы отрицать или умалять серьезность вопросовъ, возбуждаемыхъ этимъ заявленіемъ.

ЗЕМСКАЯ МЕДИЦИНА.

Вопросы о способѣ и характерѣ управленія, о системѣ завѣдыванія дѣлами, предоставленными вѣдѣнію мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, всегда имѣютъ значеніе и интересъ; въ нѣкоторые же моменты общественной жизни они привлекаютъ особое вниманіе и представляются, безспорно, весьма важными. Одинъ изъ такихъ моментовъ переживаемъ мы въ настоящее время. Съ различныхъ сторонъ и по разнымъ побужденіямъ раздаются замѣчанія, то благожелательныя, то противныя, относительно какъ общаго порядка, такъ и отдѣльныхъ частныхъ недостатковъ въ постановкѣ земской дѣятельности. Мы не намѣрены касаться этого серьезнаго вопроса во всей его широтѣ и предполагаемъ ограничиться частью его, именно той, которая относится къ земской медицинской дѣятельности. Поступить такъ понуждаетъ насъ какъ то обстоятельство, что медицинская дѣятельность получила въ земствѣ особенно широкое развитіе, такъ и то, что она, вѣроятно въ силу этого, вызываетъ наиболѣе частыя и наиболѣе суровыя замѣчанія.

Послѣ введенія земскихъ учрежденій попеченіе о народномъ здоровьѣ было вполнѣ предоставлено на ихъ усмотрѣніе. Положеніе 1864 г. смотрѣло на нихъ, какъ на самоуправляющіеся общественные союзы, которые въ областяхъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію, могли устраиваться самостоятельно, добывать средства путемъ самообложенія въ предѣлахъ, очерченныхъ закономъ, организовывать и вести дѣло согласно со своими взглядами, запросами населенія и условіями мѣста и времени. Въ дѣлѣ устройства медицинской помощи имъ ничего не вмѣнялось въ прямую обязанность: оно являлось лишь ихъ правомъ, но не повинностью. Несмотря на это, подъ вліяніемъ запросовъ населенія и требованій жизни земства съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности занялись обезпеченіемъ населенія медицинской помощью. Какъ поставить дѣло, въ какомъ направленіи вести его—эти вопросы сразу стали передъ земскими представителями, не имѣвшими не только готовыхъ образцовъ для своей дѣятельности, но и достаточнаго матеріала, чтобы разобраться въ нарождавшихся совершенно новыхъ задачахъ. Въ земскихъ собраніяхъ, на врачебныхъ съѣздахъ того времени мы часто встрѣчаемся съ опредѣленными и настойчивыми указаніями на необходимость санитарнаго направленія медицины преимущественно передъ лечебными. Изъ иныхъ преній и заявленій даже можно заключить, что многіе тогдашніе земскіе дѣя-

тели склонны были считать, что въ задачи общественныхъ учрежденій должны входить лишь оздоровительныя мѣры общаго значенія и что удовлетвореніе запросовъ на леченіе, какъ нуждъ индивидуальнаго характера, можетъ быть предоставлено частнымъ усиліямъ. Несмотря на такого рода взгляды и стремленія, развитіе земской медицины въ дѣйствительности пошло въ иномъ направленіи: санитарныя мѣропріятія и до сего времени находятся въ зачаточномъ состояніи, лечебныя же учрежденія разрослись въ сильной степени и достигли значительнаго совершенства.

Теперь иной разъ предъявляютъ упреки по адресу врачей за такое одностороннее развитіе земской медицины. Въ этомъ упрекѣ, конечно, не совсѣмъ понятно, почему врачи были заинтересованы въ развитіи ея въ лечебномъ, а не санитарномъ направленіи, такъ какъ и въ послѣднемъ случаѣ дѣло безъ нихъ все равно не обошлось бы. Но сдѣланный врачамъ упрекъ не имѣетъ подъ собой и фактическаго основанія: если мы обратимся къ врачебнымъ съѣздамъ, то врядъ ли найдемъ много такихъ, на которыхъ не затрогивались бы вопросы о санитарныхъ мѣропріятіяхъ и организаціи; если же мы отъ съѣздовъ перейдемъ къ земскимъ собраніямъ, то увидимъ, что ходатайства врачей по этой части остаются безъ разсмотрѣнія, или отклоняются, или, въ лучшемъ случаѣ, но одобряются лишь въ принципѣ,—до осуществленія ихъ дѣло не доходитъ. Разыскивать виновныхъ въ данномъ случаѣ было бы, впрочемъ, не цѣлесообразной работой: очевидно, причины несоотвѣтствія общихъ стремленій съ дѣйствительнымъ направленіемъ въ развитіи дѣла должны быть серьезными и корениться довольно глубоко въ общихъ условіяхъ и не могутъ быть приписаны личнымъ хотѣніямъ той или иной группы земско-медицинскихъ дѣятелей.

Причины перевѣса терапевтическаго направленія медицины надъ санитарнымъ обусловливаются сложностью и крайнимъ разнообразіемъ санитарныхъ факторовъ, кроющихся глубоко въ сильно запутанныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Уяснить степень вліянія ихъ очень нелегко, тѣмъ болѣе, что матеріалъ, необходимый для сужденія, большею частью совершенно отсутствуетъ и приходится заниматься организаціей его собиранія и обработкой. Относительно же собственно санитарныхъ мѣропріятій оказалось, что часть ихъ сталкивается съ явленіями соціальнаго культурно-экономическаго характера или требуетъ большихъ техническихъ работъ, другая же мелочная, относящаяся преимущественно къ функціямъ санитарной полиціи и домашняго обихода, нуждается для успѣшнаго примѣненія въ поддержкѣ самого населенія, въ пониманіи ихъ и сочувствіи имъ съ его стороны;—иначе, при несоотвѣтствіи проводимыхъ стремленій и мѣръ сознанію населенія

нельзя ожидать сколько-нибудь значительнаго успѣха. Все это и создало ту стѣну, о которую разбивались санитарныя стремленія врачей и земцевъ: санитарная сторона жизни не могла развиваться сколько-нибудь значительно, разъ другія стороны той же жизни, являющіяся между прочимъ санитарными факторами, стояли почти безъ движенія. Этотъ застой въ развитіи общества и есть главная причина застоя санитаріи.

Какъ бы то ни было, развитіе земской медицины пошло въ направленіи, такъ сказать, наименьшаго сопротивленія: лечебная сторона дѣла проще, понятнѣй, результаты здѣсь наглядны и доступны не только отвлеченному мышлѣнію, но и непосредственному впечатлѣнію. Санитарные разговоры оставались разговорами, теряя интересъ новизны, больницы же, врачебные участки все умножались, количество медицинскаго персонала, медицинскій бюджетъ все разрастались и разрастались.

Въ началѣ жизни земскихъ учрежденій, когда на весь уѣздъ приходилось по одному, много по два врача съ нѣсколькими фельдшерами, и по одной расположенной въ городѣ больницѣ, перешедшей отъ приказа общественнаго призрѣнія, съ ея скуднымъ бюджетомъ и примитивнымъ устройствомъ, — хозяйственное завѣдываніе и управленіе медицинской частью не представляло для управы никакого затрудненія и могло вестись непосредственно ея собственными руками, подъ личнымъ наблюденіемъ. Тогда и вопросъ о системѣ управленія и веденія хозяйства не имѣлъ значенія, да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ могъ бы быть поставленъ, выдвинулся не сразу, такъ какъ своихъ взглядовъ новорожденное земство еще не имѣло, потребностей не опредѣлило, а практика существовавшихъ въ то время больницъ представляла единственный образецъ завѣдыванія, основанный на приказной системѣ: традиціонный смотритель, распоряжавшійся всѣмъ хозяйствомъ на основаніи мелочныхъ расписаній, въ которыя насильственно вгонялась жизнь съ ея не всегда показными требованіями, перешелъ къ земству въ наслѣдство отъ приказа общественнаго призрѣнія.

Но съ теченіемъ времени, съ накопленіемъ у земства своего опыта и съ возникновеніемъ больничекъ по селеніямъ, непригодность такой системы управленія обнаруживалась все ярче и ярче. Земство, по сущности своей чуждое всякому шаблону и способное прислушиваться къ требованіямъ живой дѣйствительности, не могло вскорѣ же не подмѣтить нецѣлесообразности порядка, при которомъ болѣе или менѣе сложная больничная жизнь во всѣхъ ея мелочныхъ проявленіяхъ устанавливается за глаза, изъ центра, безъ участія лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ этой жизни; оно не могло признать правильнымъ

положеніе вещей, при которомъ блюстителемъ больничнаго режима и разныхъ предписаній является смотритель, какъ главный приказчикъ управы, а врачъ, отвѣтственный за успѣшность леченія, являющійся въ глазахъ больныхъ и всего населенія главнымъ виновникомъ всѣхъ больничныхъ непорядковъ, оказывается безъ вліянія на обстановку, въ которой призванъ работать, и вынужденъ, имѣя дѣло съ назойливыми, иногда неотвратимыми запросами живой дѣйствительности и опредѣленными показаніями болѣзни, сообразоваться не съ ними, а съ разными „кисельными" порціями, положенными по расписанію, и прочими шаблонами. Не могло земство не встрѣтиться на этой почвѣ и съ цѣлымъ рядомъ осложненій; не могло оно, наконецъ, признать эту систему пригодной для маленькихъ сельскихъ лечебницъ; чуткое къ разнаго рода непроизводительнымъ тратамъ и чуждое синекуръ, оно плохо мирилось съ должностью смотрителя въ нихъ и стало устраивать свои больницы безъ нея, поручая все хозяйственное и административное завѣдываніе врачу.

Проведеніе всѣхъ распоряженій по больничному хозяйству черезъ управу, испрашиваніе ея разрѣшенія на каждую мелочь, выходящую изъ штатныхъ расписаній, разсчетливымъ земствомъ также не могло быть одобрено: помимо огромнаго, иногда прямо невозможнаго промедленія и бумажной волокиты, помимо тормаза для текущихъ потребностей, это представляется нерѣдко прямо убыточнымъ: по мѣстнымъ условіямъ многое часто можно пріобрѣтать съ значительной выгодой, на мѣстѣ или поблизости, а не въ уѣздномъ городѣ, и потому сосредоточивать все веденіе хозяйства непремѣнно въ управѣ оказывается явно непрактичнымъ.

Такимъ образомъ, практика дѣла, повседневныя требованія обнаруживали несостоятельность приказной системы управленія. Недостаточность ея сказалась и въ другомъ отношеніи. Земство на первыхъ же порахъ своей дѣятельности столкнулось съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ организаціоннаго характера: гдѣ, какъ и какія больницы надо открывать; нужны ли онѣ для народа; возможно ли лечить внѣ больницъ; какая система подачи медицинской помощи цѣлесообразнѣе —стаціонарная или разъѣздная; каково значеніе фельдшеризма; какъ удешевить выписку лекарствъ и т. д., и т. д., — все это требовало разрѣшенія. Дѣйствительность ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ не давала готовыхъ отвѣтовъ на эти вопросы; не указывала ничего подходящаго ни университетская наука, ни западно-европейскій опытъ. Лишенныя готовыхъ образцовъ и опредѣленныхъ указаній, земства вынуждены были искать разрѣшенія своихъ вопросовъ собственными силами. Но для этого необходимы были спеціальныя свѣдѣнія, знаніе техники дѣла, для этого нужны были опыты и внимательныя наблю-

денія за нуждами населенія и его отношеніемъ къ новымъ учрежденіямъ. Тутъ могли помочь земцамъ лишь врачи, какъ специалисты и непосредственные наблюдатели народной жизни, какъ исполнители земско-медицинскихъ начинаній. Сама жизнь, необходимость удовлетворенія нарождающихся требованій привела земцевъ къ сближенію съ врачами, заставила ихъ взглянуть на послѣднихъ не какъ на приказчиковъ по медицинской части, а какъ на сотрудниковъ, участвующихъ въ разрѣшеніи нелегкихъ вопросовъ по постановкѣ новаго дѣла. Такимъ образомъ, силою вещей земство приведено было отъ системы приказа, которой не могло остаться мѣста тамъ, гдѣ хотя и было кому приказывать, но неизвѣстно было, что̀ приказывать,—къ системѣ сотрудничества съ врачами, къ необходимости выясненія всѣхъ принципіальныхъ вопросовъ, сомнѣній, недоразумѣній, къ необходимости объединенія отдѣльныхъ частныхъ мнѣній и установленія взаимнаго контроля съ помощью различныхъ совѣщаній при управѣ.

При приказной системѣ всезнающій, вседержащій центръ, хотя бы то была и выборная управа, не оставляетъ мѣста для критики, душитъ всякую иниціативу со стороны своихъ подчиненныхъ, заглушаетъ ихъ житейскія наблюденія. При системѣ сотрудничества земцевъ съ врачами силы послѣднихъ, ихъ жизненный опытъ, умъ и знанія утилизируются на пользу дѣла въ сильной степени, возможность критики лучше уясняетъ дѣло, предохраняетъ отъ ошибокъ или своевременно исправляетъ ихъ; свобода иниціативы воодушевляетъ сотрудниковъ, споспѣшествуетъ развитію дѣла.

Очевидно, системы эти рѣзко различаются другъ отъ друга, какъ основанныя на совершенно иныхъ, часто діаметрально противоположныхъ началахъ. Іерархическое подчиненіе, монополизація права иниціативы и критическаго анализа исключительно за командующимъ центромъ, несостоятельное положеніе подчиненныхъ, обусловливающее необходимость регламентаціи дѣла бумажными предписаніями и рядомъ прочно установленныхъ, неподатливыхъ шаблоновъ, и приводящее къ отчужденію дѣйствительности и живыхъ потребностей отъ „устроителей“ жизни, все это — conditio sine qua non приказной системы, представляется своего рода китами, на которыхъ зиждется бюрократическое міросозерцаніе. Новая же система сотрудничества со служащими не только не руководствуется этими началами, но по самой сущности своей совершенно отвергаетъ ихъ, какъ смертоносныя для себя.

Вотъ эти-то двѣ противоположныя системы завѣдыванія земско-медицинскимъ дѣломъ, по мѣрѣ его развитія и усложненія, и выступали передъ земствомъ все рѣзче и опредѣленнѣе: — одна система, сложившаяся въ иныхъ условіяхъ и не приноровленная къ новымъ

требованіямъ, но старая, привычная, и со всѣхъ сторонъ представляющая готовые образцы и примѣры; и другая—новая, не имѣющая за собой тысячелѣтней давности и всеобщаго распространенія, не вполнѣ опредѣлившаяся въ своихъ частностяхъ, но болѣе эластичная и лучше отвѣчающая условіямъ времени.

Земство, какъ учрежденіе, имѣющее дѣло съ запросами живыхъ людей, отвѣтственное передъ населеніемъ не только на бумагѣ, естественно не могло удовлетвориться устарѣвшими, не отвѣчающими потребности, пріемами управленія и все болѣе и болѣе склонялось къ новой системѣ, дѣлая это даже не всегда охотно, иногда скрѣпя сердце, понуждаемое къ тому силою вещей и интересами дѣла. Естественно также и то, что оно не могло сразу и вполнѣ разстаться съ приказной системой, сдѣлавшейся какъ бы нашею прирожденною привычкой, укореняемой всѣмъ укладомъ жизни. Поэтому въ практикѣ земствъ ни та, ни другая система не господствуютъ исключительно, не встрѣчаются въ своемъ чистомъ видѣ. Большею частью мы находимъ смѣсь тѣхъ и другихъ началъ въ различномъ сочетаніи, иногда видимъ сознательную борьбу между ними, иногда безсознательное столкновеніе. Особой выдержки и послѣдовательности въ этомъ отношеніи отъ земства трудно и ожидать, такъ какъ политика ихъ является не результатомъ теоретическихъ умозаключеній, а порожденіемъ пестрой, повседневной жизни. Но несмотря на такую спутанность руководящихъ принциповъ управленія въ средѣ земскихъ учрежденій, группировку ихъ въ указанныя двѣ системы и борьбу между ними нельзя не подмѣтить.

По мѣрѣ усложненія земской жизни и бо̀льшаго запроса на новую систему, по мѣрѣ развитія и болѣе рѣзкаго опредѣленія послѣдней, она стала привлекать къ себѣ большое вниманіе и въ отношеніи теоретической оцѣнки ея пригодности. Что поклонники бюрократическаго строя не могли ее одобрить и ополчились на нее, это понятно само собою: тутъ исходныя точки зрѣнія, тутъ критеріи совершенно разные. Но и искренніе приверженцы земскихъ началъ во имя этихъ началъ и якобы въ защиту отъ бюрократическихъ тенденцій выдвигаютъ порою противъ новой системы рядъ возраженій.

Такое отношеніе, повидимому, прежде всего обусловливается тѣмъ, что стряхнуть съ себя ветхаго человѣка, освободиться отъ привычекъ, въѣвшихся въ плоть и въ кровь, даже тогда, когда привычки эти мѣшаютъ, очень нелегко. Затѣмъ это можетъ быть своего рода атавизмомъ, и иной разъ сквозь новые пріемы могутъ вдругъ прорываться былыя, но уже оставленныя привычки. Наконецъ, на такое отношеніе, безъ сомнѣнія, вліяетъ и недостаточная осмотрительность въ обобщеніяхъ и поверхностный или не вполнѣ точный анализъ

обсуждаемыхъ явленій. Разбирая рѣчи общественныхъ дѣятелей, ополчавшихся противъ новой системы, прослѣживая ихъ черезъ всѣ высказанные аргументы до исходныхъ точекъ, нерѣдко приходится съ удивленіемъ заключать, что атака противъ призрака бюрократизма ведется съ позицій самаго чистаго, настоящаго бюрократизма, иногда съ самыхъ твердынь его. Останавливаться на всѣхъ дѣлаемыхъ возраженіяхъ въ этомъ отношеніи—не входитъ въ мой планъ [1]). Укажу лишь два-три.

Возражаютъ противъ законности сотрудничества врачей въ устроительствѣ земской медицины, противъ правильности ихъ активнаго участія въ управленіи ею: это должно быть безраздѣльной функціей избранниковъ плательщиковъ налоговъ, имѣющихъ право голоса, и потому привлеченіе къ этого рода дѣятельности врачей, не привязанныхъ къ мѣстности, лично не заинтересованныхъ въ земскихъ финансахъ, является со стороны земскихъ дѣятелей до нѣкоторой степени самоотреченіемъ, умаленіемъ своихъ безспорныхъ правъ; такой порядокъ неправиленъ по существу и не находитъ себѣ обоснованія въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ.

Заявляющихъ это слѣдуетъ, однако, спросить, о чемъ они говорятъ? Вѣдь рѣчь въ данномъ случаѣ можетъ идти о сотрудничествѣ врачей исключительно въ работахъ исполнительнаго характера и въ разработкѣ вопросовъ въ ихъ подготовительной стадіи; законодательныхъ же функцій земскихъ представителей это сотрудничество не касается нигдѣ. Направленіе всей медицинской дѣятельности, разрѣшеніе всѣхъ существенныхъ вопросовъ ея, высшій контроль надъ нею, опредѣленіе бюджета, все это—никѣмъ не оспариваемое, безраздѣльное право земскихъ собраній.

Такимъ образомъ, смыслъ возраженій, дѣлаемыхъ противъ сотрудничества врачей, долженъ быть ограниченъ, и сами возраженія могутъ быть направлены въ болѣе узкую и скромную область исполнительныхъ и подготовительныхъ мѣропріятій. Здѣсь возраженія находятъ себѣ фактическое основаніе, не являются бомбардировкой пустого мѣста, но насколько они цѣлесообразны, насколько отвѣчаютъ интересамъ дѣла—это мы отчасти уже видѣли. Да и справедливы ли они?

Относительно законности разсматриваемаго порядка, т.-е. веденія дѣла черезъ совѣщательные органы, при активномъ участіи врачей и допущенія извѣстной самостоятельности послѣднихъ въ сферѣ исполнительной, не только въ спеціальной области, но и въ отноше-

---

[1]) Отчасти это сдѣлано мною въ иномъ мѣстѣ (см. ст. „Что такое земскій бюрократизмъ“ въ журн. Пирогов. общ. за 1904 г., № 1—2).

ніи хозяйственнаго и административнаго завѣдыванія,—нѣтъ основаній для возраженій. Пока земскія учрежденія представляютъ собою хотя бы нѣкоторый обликъ самоуправляющихся союзовъ, пока имъ самимъ закономъ отдаются извѣстныя области не только въ ближайшее завѣдываніе, но даже на полное ихъ усмотрѣніе, то, конечно, невозможно отрицать за ними права выбирать систему веденія дѣла по своему усмотрѣнію. Прибѣгнутъ ли они къ подрядному или хозяйственному способу постройки и содержанія больницъ, пригласятъ ли для выполненія своихъ порученій приказчиковъ, создадутъ ли іерархическій строй съ инспекторами или остановятся на коллегіальномъ веденіи дѣла, на сотрудничествѣ съ исполнителями его,—все это вполнѣ дѣло усмотрѣнія самихъ земскихъ учрежденій, вопросы ихъ внутренняго распорядка. Здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о цѣлесообразности той или другой системы, но не о ея законченности. Убѣжденные бюрократы, конечно, не могутъ не только одобрить такого порядка (такого безпорядка, скажутъ они), но, пожалуй, даже и понять его: все, что не предусмотрѣно опредѣленнымъ параграфомъ того или другого расписанія, просто не находитъ себѣ мѣста въ ихъ міросозерцаніи, и всякій самостоятельный поступокъ, хотя бы не выходящій изъ предѣловъ законоположеній, не нарушающій ничьихъ интересовъ и самъ по себѣ цѣлесообразный, не укладывается на Прокрустово ложе ихъ зашнурованныхъ понятій и, не находя тамъ мѣста, долженъ быть отсѣченъ, какъ *незаконный*. Но по закону-то извѣстная самостоятельность земскихъ учрежденій несомнѣнно еще существуетъ, устраиваться въ предѣлахъ ихъ вѣдѣнія по-своему—ихъ законное право, и потому, пока что, является незаконнымъ—возражать противъ этого права.—Возраженія бюрократовъ въ данномъ случаѣ все-таки понятны: для нихъ это въ порядкѣ вещей. Несравненно труднѣе понять однородныя возраженія со стороны друзей общественной самодѣятельности. Они, не теряя почвы подъ ногами, могли бы, если находятъ это нужнымъ, доказывать непригодность неодобряемаго ими порядка, указывать его противорѣчія или несоотвѣтствіе основнымъ положеніямъ самоуправленія, если они таковыя усматриваютъ, но взывать къ закону по поводу того, что самимъ закономъ предоставлено на ихъ усмотрѣніе, это значитъ—самихъ себя вязать, вступать въ область самоограниченій.

Говорятъ иной разъ, что система сотрудничества съ ея совѣщаніями связываетъ руки земцамъ, подавляетъ ихъ иниціативу, отталкиваетъ лучшихъ людей отъ земскаго дѣла.

Здѣсь совершенно непонятно, какимъ образомъ при болѣе оживленной дѣятельности можетъ вянуть иниціатива отдѣльныхъ участниковъ ея: прибавленіе горючаго матеріала въ свѣтильникъ, конечно,

не загасить его пламени. Абсолютное значеніе отдѣльныхъ дѣятелей вслѣдствіе этого, разумѣется, не убавится и самое большее уменьшится нѣсколько ихъ относительное вліяніе: раньше они въ дѣлѣ иниціативы царили безраздѣльно и исключительно одни, при новомъ же порядкѣ наряду съ ними появляются еще другіе иниціаторы; но это можетъ быть неудобно лишь съ точки зрѣнія тщеславія, а не въ интересахъ дѣла.

Что же касается до *лучшихъ* людей, то этотъ эпитетъ до такой степени субъективенъ, что едва ли можетъ имѣть какую бы то ни было цѣну: лица, исповѣдующія бюрократическіе принципы, не знающія ничего святѣе іерархическаго подчиненія, разумѣется, признаютъ за лучшихъ людей тѣхъ, которые уходятъ отъ порядка, не благопріятствующаго исповѣданію ихъ религіи; а лица иного толка такихъ бѣглецовъ, пожалуй, и не признаютъ за лучшихъ людей.

Нѣкоторые сѣтуютъ на то, что врачи забрали такъ много власти, что сами земцы не знаютъ, что̀ имъ дѣлать, какъ избавиться отъ ихъ вліянія. Сѣтованія эти явно преувеличены. Въ самомъ дѣлѣ, получается вѣдь нѣчто невѣроятное: безправная кучка врачей, третируемыхъ какъ элементъ посторонній, мало свѣдущій въ мѣстныхъ интересахъ, чуждый населенію, подчиняетъ себѣ многочисленныхъ представителей общества, въ рукахъ которыхъ она всецѣло находится и которые обладаютъ извѣстными правами и самостоятельностью,—подчиняетъ ихъ вопреки желанію, противъ ихъ воли. Повѣрить этимъ сѣтованіямъ значило бы приписать врачамъ какую-то сказочную силу;—это значило бы, сверхъ того, быть ужъ слишкомъ низкаго мнѣнія о представителяхъ населенія, съ черезчуръ большимъ пренебреженіемъ отнестись къ ихъ качествамъ. Ни того, ни другого сдѣлать нельзя, съ какимъ бы почтеніемъ ни относились мы къ талантамъ врачей и какими бы пессимистами ни были въ отношеніи способностей нашихъ общественныхъ дѣятелей. Очевидно, дѣло проще: врачи въ нашемъ скудномъ интеллигентными силами обществѣ представляютъ замѣтную величину, ихъ мнѣніямъ затеряться негдѣ и не въ чемъ, и они принимаются не въ силу навязыванія, а въ силу ихъ необходимости, въ силу нужды въ нихъ. Сѣтовать на это могутъ лишь приверженцы бюрократическаго строя, изъ общественныхъ же дѣятелей развѣ лица слишкомъ слабонервныя, не выносящія возраженій и совѣтовъ.

Въ виду того, что въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи обѣ системы завѣдыванія земскимъ дѣломъ примѣняются не въ одинаковой мѣрѣ, было бы весьма важно для выясненія интересующаго насъ вопроса произвести сравненіе положенія дѣла въ губерніяхъ, являющихся представительницами различныхъ системъ. Конечно, для нашей цѣли

пришлось бы отрѣшиться отъ предвзятыхъ мнѣній и расцѣнивать достигнутые земствомъ результаты, внѣ зависимости отъ личныхъ симпатій или антипатій къ той или иной системѣ, исключительно съ фактической стороны.

Сравненія состоянія медицинской помощи въ различныхъ мѣстностяхъ дѣлались не разъ, и въ результатѣ ихъ было довольно прочно установлено, что въ неземскихъ губерніяхъ съ царящею тамъ исключительно бюрократической системой управленія она поставлена очень неудовлетворительно и много хуже, чѣмъ въ земскихъ; что изъ числа послѣднихъ она шире и лучше устроена тамъ, гдѣ развиваютъ свою дѣятельность съѣзды врачей, санитарные совѣты и прочія совѣщанія; что обращеніе къ ихъ помощи и всюду приводило обычно къ оживленію и улучшенію дѣла; что много впереди всѣхъ остальныхъ земствъ по постановкѣ медицинской помощи населенію и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи стоитъ московская губернія, гдѣ система сотрудничества врачей достигла наибольшаго развитія.

Несмотря на эти общеизвѣстные факты и достаточно установившееся мнѣніе, возраженія противъ цѣлесообразности принятой тамъ системы являлись возможными, потому что имѣвшіяся сравненія положенія дѣла въ различныхъ мѣстностяхъ производились случайно, по частнымъ поводамъ, и бывали не всесторонними, а частичными. Въ такихъ случаяхъ всегда остается почва для возраженій. Поэтому для выясненія вопроса было бы весьма цѣнно подробное, всестороннее освѣщеніе фактическаго положенія дѣла въ разныхъ мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи можно было возлагать большую надежду на предпринимавшіяся въ послѣдніе годы ревизіи земскихъ учрежденій. Къ сожалѣнію, однако, извѣстный рапортъ тайнаго совѣтника Н. А. Зиновьева о результатѣ ревизіи московскаго земства показалъ, что постановка ревизіи,—вѣроятно, въ связи съ ея цѣлью и задачами,—была особая, немогущая помочь намъ уяснить разсматриваемый вопросъ. Для нашей цѣли важно было бы точное и подробное выясненіе фактическаго положенія дѣла, важны цифры и факты. Рапортъ же въ этомъ отношеніи не могъ удовлетворить насъ: въ немъ приводятся лишь нѣсколько самыхъ общихъ цифровыхъ данныхъ о числѣ больницъ, расходахъ и пр., по которымъ можно судить только о томъ, что медицинская помощь въ московской губерніи достигла такого развитія, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, но это не ново; болѣе же подробно познакомиться съ тамошнимъ положеніемъ дѣла съ фактической стороны по рапорту нельзя: въ немъ, по крайней мѣрѣ въ опубликованной части его, нѣтъ для этого данныхъ.

Мы узнаемъ лишь, что въ нѣкоторыхъ лечебницахъ найдены коекакіе непорядки и недостатки. Но въ этомъ врядъ ли можно было

сомнѣваться: разъ мы имѣемъ дѣло съ десятками и даже сотнями учрежденій, то, конечно, всегда можемъ отмѣтить въ ихъ положеніи и дѣятельности нѣсколько частныхъ изъяновъ. Важно не то, что эти изъяны существуютъ, важно знать, насколько они часты. Въ рапортѣ же въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся лишь съ намеками, безсильными убѣдить въ неслучайности отмѣчаемаго явленія,—но не съ цифрами, способными доказать его характерность. Вѣдь врядъ ли, напримѣръ, отсутствіе кухни можетъ считаться характернымъ явленіемъ для московскихъ больницъ, и обнаружено, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ, какъ временное явленіе, быть можетъ, по случаю ремонта или еще какой причинѣ.

Но и отмѣченные недостатки утрачиваютъ для нашей цѣли свое значеніе, да и безотносительно къ ней теряютъ много, такъ какъ рапортъ, указывая ихъ, вовсе не выясняетъ условій, въ которыхъ они обнаружены. Между тѣмъ для оцѣнки системы веденія дѣла нельзя наблюдаемыя явленія разсматривать, такъ сказать, внѣ условій мѣста и времени. Важно узнать исторію ихъ, равно какъ и всю обстановку земской дѣятельности; необходимо принять въ соображенія тѣ препятствія, затрудненія, съ которыми приходилось при этомъ считаться. Для оцѣнки системы важно знать не только то, что̀ сдѣлано, но и то, чего не сдѣлано по постороннимъ, независящимъ отъ системы обстоятельствамъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Отсутствіе особаго помѣщенія для прислуги—несомнѣнно значительный непорядокъ въ благоустройствѣ больницы, но какъ къ нему слѣдуетъ отнестись, въ какой степени повинно въ немъ земство со своей системой завѣдыванія, да и повинно ли,—это рѣшить можно лишь сообразуясь съ условіями даннаго случая: для большой, вновь сооружаемой больницы этотъ недостатокъ можетъ быть достаточнымъ для обвиненія, но, вѣроятно, мы окажемся много снисходительнѣе, если встрѣтимъ его въ маленькой больничкѣ, построенной 30 лѣтъ тому назадъ, когда о такой роскоши нигдѣ еще и не думали. Да и почему отсутствуютъ помѣщенія для прислуги и наблюдается рядъ другихъ подобныхъ же недостатковъ въ больницахъ?

Намъ извѣстно, напр., земство московской губ. (да, конечно, не оно одно въ такомъ положеніи), гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на санитарныхъ совѣтахъ передъ земскими собраніями устанавливается рядъ необходимыхъ улучшеній больницъ, но каждый годъ при сведеніи смѣты большая часть ихъ вычеркивается за невозможностью втиснуть ихъ въ предѣлы дозволеннаго увеличенія расходовъ. Знаемъ мы и другія губерніи съ слабо развитой врачебной помощью, гдѣ, однако, намѣреніе земства открыть новые врачебные участки и при-

гласить нѣсколько фельдшерицъ - акушерокъ встрѣчало губернаторское veto.

Если подобные казусы, въ которыхъ земство неповинно, случаются сплошь и рядомъ относительно существенныхъ сторонъ медицинскаго дѣла, то относительно второстепенныхъ и третьестепенныхъ улучшеній осложненій встрѣчается еще больше.

Далѣе, весьма существеннымъ непорядкомъ для больницы, особенно для заразныхъ отдѣленій, являются неоштукатуренныя деревянныя стѣны. Но опять-таки, при какихъ обстоятельствахъ отмѣчаемъ мы этотъ недостатокъ? Быть можетъ, въ новомъ, только-что выстроенномъ зданіи, которое вслѣдствіе неизбѣжной осадки первые года и штукатурить-то нельзя? Тогда можно будетъ говорить только о существенныхъ неудобствахъ этого непорядка, но никакъ не безхозяйственности земства или врачей.

Точно также, не зная подробностей, нельзя сознательно отнестись къ несоотвѣтствію дѣйствительныхъ расходовъ смѣтнымъ предположеніямъ при различныхъ постройкахъ: если при такихъ сравненіяхъ мы возьмемъ первоначальную смѣту, не предвидѣвшую состоявшагося впослѣдствіи расширенія больницы и разнаго рода новыхъ сооруженій, то, конечно, между такой смѣтой и стоимостью всѣхъ построекъ во всей ихъ совокупности получится большая разница, но поставить ее насчетъ безхозяйственности строителей, конечно, нельзя. Такъ, напр., психіатрическая Покровская лечебница московскаго земства за 10—12 лѣтъ своего существованія сильно обстроилась, прикупила землю, обзавелась обширными полями орошенія, расширила водоснабженіе, выстроила прекрасное помѣщеніе для прислуги, которая первые годы ютилась кое-какъ, и т. д.; естественно, что первоначальная смѣта получится здѣсь много скромнѣй дѣйствительной стоимости полнаго устройства лѣчебницы по болѣе широкому плану, но это обстоятельство, если угодно, можно поставить въ вину широкимъ замашкамъ больницы, но не ея безхозяйственности.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть всю необходимость расцѣнивать явленія въ связи съ сопровождающими ихъ условіями. Рапортъ Н. А. Зиновьева задавался, повидимому, иными цѣлями, чѣмъ тѣ, которыя интересуютъ насъ, и то, что мы желали бы разслѣдовать, что требуетъ для насъ провѣрки или доказательства, для него—аксіома, положенная въ основу его сужденій. Намъ цифрами и фактами хотѣлось бы убѣдиться, какая система управленія лучше—бюрократическая или новая, земская; рапортъ расцѣниваетъ земскую дѣятельность на основаніи бюрократическихъ принциповъ. Точнѣе: на основаніи этихъ принциповъ онъ разбираетъ не столько дѣятельность, сколько *пріемы* дѣятельности земства, практиковавшаго пре-

имущественно иную систему, и приходитъ въ результатѣ къ суровымъ заключеніямъ. Иначе и быть не могло.

Такимъ образомъ, московская ревизія для нашей цѣли опредѣленія относительнаго достоинства различныхъ системъ земскаго управленія не дала того, что̀ могла бы дать при иной постановкѣ. Мы еще ранѣе видѣли, что приказная и новая земская система во многомъ противоположны, и знали, что послѣдняя не можетъ получить одобренія съ точки зрѣнія первой. Рапортъ въ этомъ отношеніи новаго ничего не даетъ. Что въ широко развитомъ дѣлѣ всегда можно найти частичные недостатки, это тоже общеизвѣстно и не мѣняетъ общаго положенія дѣла. Что въ московской губерніи организація медицинской помощи развита такъ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, это, хотя и въ общихъ чертахъ и цифрахъ, рапортъ подтверждаетъ, но и это давно уже извѣстно. Такимъ образомъ, въ отношеніи оцѣнки разбираемыхъ системъ мы оказываемся въ прежнемъ положеніи, при прежнихъ заключеніяхъ. А заключенія эти сводятся къ тому, что приказная система не соотвѣтствуетъ современному положенію развившагося дѣла и не удовлетворяетъ земства, почему они силою вещей вынуждаются примѣнять новую систему, которая, какъ свидѣтельствуютъ о томъ *факты*, даетъ вполнѣ удовлетворительные результаты.

Сергѣй Игумновъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1905.

Переговоры о мирѣ.—Новые представители нашей дипломатіи: Н. В. Муравьевъ и С. Ю. Витте.—Вопросъ объ окончаніи войны и о возможныхъ условіяхъ мира.—Воинственныя консервативно-патріотическія заявленія.—Международная дѣятельность Вильгельма II.—Внутреннія дѣла въ Англіи и во Франціи.

Вопросъ о мирѣ между Россіею и Японіею оффиціально поставленъ правительствами обѣихъ державъ и въ скоромъ времени долженъ уже получить свое разрѣшеніе въ ту или другую сторону. Посредничество президента Соединенныхъ Штатовъ увѣнчалось на этотъ разъ успѣхомъ, и самые переговоры о мирѣ будутъ вестись на американской почвѣ, въ небольшомъ городѣ Портсмутѣ, въ штатѣ Нью-Гемпширъ, вдали отъ шумныхъ политическихъ центровъ и отъ всякихъ постороннихъ вліяній, въ тихой провинціальной обстановкѣ, располагающей къ миролюбію.

Представителями Японіи являются лучшіе ея дипломаты, съ барономъ Комура во главѣ; съ нашей стороны выборъ былъ болѣе затруднителенъ, такъ какъ наше дипломатическое вѣдомство достаточно ясно обнаружило несостоятельность своего высшаго персонала во время печальныхъ событій, приведшихъ къ войнѣ и сопутствовавшихъ ея неудачному ходу. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній главнымъ русскимъ уполномоченнымъ былъ первоначально назначенъ Н. В. Муравьевъ, незадолго передъ тѣмъ промѣнявшій постъ министра юстиціи на болѣе спокойное мѣсто посла при итальянскомъ дворѣ,—человѣкъ несомнѣнно талантливый, умѣющій приспособляться къ обстоятельствамъ, но лишенный необходимой опытности въ искусствѣ международной дипломатіи и притомъ мало знакомый съ сложными политическими вопросами, касающимися Дальняго Востока. Будучи еще министромъ юстиціи, въ февралѣ 1904 года, Н. В. Муравьевъ, въ качествѣ предсѣдателя третейскаго суда въ Гаагѣ по дѣлу Венецуэлы, высказалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о международномъ правѣ по поводу образа дѣйствій Японіи, и эти замѣчанія послужили матеріаломъ для формальнаго протеста японскаго правительства. Н. В. Муравьевъ раздѣлялъ тогда твердое убѣжденіе, что Японія затѣяла войну безъ всякихъ законныхъ основаній и что она будетъ достойно наказана за свою дерзкую рѣшимость воевать съ Россійскою имперіею. „Старинная поговорка—„если хочешь мира, го-

товься къ войнѣ"—не потеряла еще, какъ видно, своего строгаго значенія. Можно стремиться къ миру всѣми силами души,—говорилъ тогда Н. В. Муравьевъ,—можно неустанно работать для этой цѣли съ полною искренностью и усердіемъ, и тѣмъ не менѣе нельзя считать себя огражденнымъ отъ враждебнаго вызова и неожиданнаго нападенія. Можно горячо желать сохраненія мира и въ то же время быть вынужденнымъ принять войну для законной самообороны, во имя чести и достоинства отечества. Въ этомъ прискорбномъ конфликтѣ между сердцемъ и долгомъ остается только высшее утѣшеніе—искренняя и безусловная вѣра въ справедливость Провидѣнія, опредѣляющаго судьбы народовъ и битвъ: оно съумѣетъ отличить доброе право отъ честолюбивыхъ притязаній, спокойную рѣшимость, непоколебимую твердость—отъ воинственнаго порыва, слѣпой и страстной горячности. Но когда пройдетъ буря, столкнувшая въ кровавой встрѣчѣ два теченія—европейское и азіатское,—ибо все проходитъ здѣсь на землѣ—тогда, мы глубоко вѣримъ въ это, разсѣются тучи, омрачившія нашъ горизонтъ, и вновь появится возрождающее спокойствіе, которое еще съ бо̀льшимъ блескомъ освѣтитъ благодѣянія мирнаго развитія". Н. В. Муравьевъ, конечно, не зналъ, что представители русской власти на Дальнемъ Востокѣ, вопреки оффиціальному миролюбію дипломатіи, дѣйствовали вызывающимъ образомъ относительно Японіи, и что „доброе право", непоколебимая твердость и спокойная рѣшимость въ возникшемъ спорѣ находятся не на нашей сторонѣ; онъ не могъ также предвидѣть, что Провидѣніе обратитъ свое покровительство всецѣло на азіатскихъ противниковъ Россіи и освѣтитъ новымъ блескомъ отвергнутыя у насъ преимущества разумнаго прогресса передъ принудительнымъ застоемъ и бюрократическимъ самомнѣніемъ. Японія предъявила тогда „энергическій формальный протестъ" противъ неблагопріятныхъ сужденій о ней русскаго суперъ-арбитра въ международномъ третейскомъ судѣ и потребовала занесенія этого протеста въ протоколы постояннаго международнаго трибунала въ Гаагѣ, что̀ и было исполнено.

Съ тѣхъ поръ совершилось столько крупныхъ событій, что этотъ инцидентъ могъ быть забытъ даже самими участниками его, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, принятіе Н. В. Муравьевымъ предложенной ему роли представителя Россіи для мирныхъ переговоровъ съ Японіею; но, безъ сомнѣнія, онъ вспомнилъ потомъ о неудобствѣ и неловкости своего личнаго положенія передъ уполномоченными азіатскихъ „побѣдителей", и состоявшееся уже назначеніе было взято назадъ. Вмѣсто него назначенъ былъ единственный выдающійся правительственный дѣятель, какимъ располагаетъ бюрократическая Россія,—предсѣдатель комитета министровъ, С. Ю. Витте, пріобрѣвшій, можно сказать, міровую

извѣстность своимъ десятилѣтнимъ управленіемъ русскими государственными финансами и доказавшій не только гибкость своего ума, но и необыкновенную энергію и настойчивость въ проведеніи цѣлаго ряда сложныхъ мѣропріятій и нововведеній, направленныхъ къ наружному блестящему подъему крупной промышленности и къ колоссальному увеличенію государственнаго бюджета, въ ущербъ огромному большинству народа. С. Ю. Витте вышелъ не изъ рядовъ бюрократіи, и оттого личныя дарованія и качества его сохранили еще нѣкоторую свѣжесть и производительность; онъ обладаетъ способностью иниціативы и организаторскаго творчества, свободенъ отъ духа рутины и умѣетъ поддерживать свои самостоятельные взгляды независимо отъ могущественныхъ господствующихъ вліяній, съ которыми, впрочемъ, вступалъ по временамъ въ компромиссы для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Болѣе авторитетнаго и характернаго оффиціальнаго представителя мы не могли противопоставить японскимъ уполномоченнымъ, и съ этой точки зрѣнія сдѣланный выборъ долженъ быть признанъ не только удачнымъ, но и единственно возможнымъ. С. Ю. Витте близко знакомъ съ дѣлами Дальняго Востока и съ разнообразными интересами, связанными съ положеніемъ Россіи у Тихаго океана; не будучи дипломатомъ по профессіи, онъ не придаетъ значенія условнымъ формуламъ и шаблоннымъ фразамъ, а трезво оцѣниваетъ событія, какъ реальный политикъ, привыкшій считаться съ фактами и извлекать изъ нихъ извѣстные практическіе выводы. Говорятъ, что онъ въ свое время возставалъ противъ увлеченій нашихъ манчжурскихъ и корейскихъ предпринимателей, хотя косвенно далъ толчокъ ихъ аппетитамъ разорительною постройкою желѣзныхъ дорогъ на китайской территоріи и сооруженіемъ ненужнаго города Дальняго; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ противникомъ войны и не компрометтировалъ себя предварительными заявленіями о предстоящихъ побѣдахъ. Понятно, поэтому, что назначеніе его было встрѣчено сочувственно въ Европѣ и въ Америкѣ, а также въ Японіи; повсюду оно было понято какъ доказательство серьезнаго желанія Россіи положить конецъ дальнѣйшему кровопролитію и заключить прочный миръ. Если заключеніе мира вообще возможно при данныхъ обстоятельствахъ, то оно будетъ достигнуто статсъ-секретаремъ С. Ю. Витте; если же ему не удастся устроить сносное соглашеніе, то оно, значитъ, вообще неосуществимо въ настоящій моментъ. Притомъ никто другой не могъ бы добиться лучшихъ, т.-е. менѣе тягостныхъ, условій мира. Таково, по крайней мѣрѣ, преобладающее мнѣніе за границей и отчасти и у насъ. Но можно ли въ самомъ дѣлѣ разсчитывать на скорый миръ? Находятся ли обѣ стороны въ настроеніи, соотвѣтствующемъ дѣйствительному миролюбію?

Къ сожалѣнію, многіе признаки заставляютъ сомнѣваться въ возможности скораго и прочнаго мира. Какъ и во внутренней политикѣ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ замѣчается у насъ какая-то двойственность, упорное нежеланіе прямо смотрѣть въ лицо фактамъ. Подобно тому, какъ рядомъ съ оффиціальнымъ обѣщаніемъ „правильнаго" народнаго представительства идетъ дѣятельная оффиціальная же работа для низведенія этого представительства къ нулю и поддерживается усердная оффиціозная борьба противъ Высочайшихъ указовъ и заявленій относительно крупныхъ внутреннихъ преобразованій,—такъ и въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ оффиціально заявленное рѣшеніе правительства сопровождается оффиціозными увѣреніями и комментаріями противоположнаго свойства. Замѣчательно, что тѣ же элементы, которые откровенно возстаютъ противъ возвѣщенныхъ необходимыхъ реформъ государственнаго строя, протестуютъ и противъ намѣренія покончить съ войною и ведутъ усиленную агитацію противъ дипломатической миссіи, возложенной на С. Ю. Витте. Люди, приходящіе въ ужасъ при мысли объ уничтоженіи старыхъ внутреннихъ непорядковъ, беззаконій и хищеній, волнуются также при мысли о наступленіи мира, который неизбѣжно долженъ будетъ привести къ кореннымъ перемѣнамъ въ нашей внутренней политической жизни. Разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что противники внутренняго умиротворенія суть въ то же время противники внѣшняго мира, что сторонники постоянной внутренней войны упорно стоятъ за продолженіе международнаго кровопролитія, и что эта приверженность къ кровопролитію внутри и извнѣ выдается за отличительный признакъ патріотизма. Но между внутренними и внѣшними дѣлами существуетъ то важное различіе, что первыя зависятъ отъ насъ однихъ, а вторыя ставятъ насъ въ извѣстныя обязательныя отношенія къ чужимъ государствамъ и народамъ; внутри Россіи мы можемъ, если намъ это нравится, преслѣдовать одновременно самыя противоположныя цѣли, стремиться къ упроченію авторитета власти и устраивать или поощрять хроническую анархію возбужденіемъ всеобщаго недовольства, допускать оффиціозныя воззванія къ насиліямъ и беззаконіямъ и признавать преступленіемъ распространеніе мирныхъ прогрессивныхъ или реформаторскихъ идей, объявлять извѣстный режимъ негоднымъ, нуждающимся въ усовершенствованіи, и въ то же время принимать суровыя мѣры противъ требованій переустройства этого режима,—но въ международныхъ предпріатіяхъ и намѣреніяхъ мы все-таки должны имѣть въ виду заграничное общественное мнѣніе и избѣгать слишкомъ явныхъ противорѣчій, способныхъ внушить иностранцамъ мысль объ отсутствіи у насъ какой бы то ни было сознательной политики. С. Ю. Витте посланъ вести переговоры о мирѣ, а

между тѣмъ всегдашніе единомышленники правящихъ сферъ, обычные выразители желательныхъ послѣднимъ взглядовъ, патріоты, умѣющіе угадывать или предвосхищать закулисныя желанія этихъ сферъ, настойчиво высказываются за дальнѣйшее веденіе войны и противъ возможнаго теперь „обиднаго" или „унизительнаго" мира. Публичныя заявленія такого рода со стороны отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ, пользующихся или желающихъ пользоваться репутаціею безусловной благонамѣренности, производятъ странное впечатлѣніе. Въ этихъ заявленіяхъ выражается или младенческое непониманіе совершившихся событій, или глубокая умышленная неискренность. Очевидно, для Россіи обидно, унизительно, позорно было терпѣть отъ Японіи непрерывныя пораженія въ теченіе полутора года; но какъ устранить теперь этотъ огромный безспорный фактъ,—какъ вычеркнуть его изъ нашей исторіи?

Если ходъ войны по разнымъ причинамъ оказался для насъ постыднымъ, то и мирныя условія не могутъ быть для насъ безобидны: это ясно, какъ Божій день. Почему же „патріоты" какъ будто не видятъ и не чувствуютъ позора этой войны, а заранѣе относятъ его цѣликомъ къ будущему миру? Они не могутъ надѣяться на то, что дальнѣйшія военныя дѣйствія вернутъ намъ прежнее положеніе на Дальнемъ Востокѣ, ибо уничтоженный флотъ не воскреснетъ вновь, а безъ флота никакіе успѣхи въ Манчжуріи не помогутъ намъ ни завладѣть обратно Портъ-Артуромъ, ни отстоять Сахалинъ. Графъ А. А. Бобринскій, въ недавней своей рѣчи [1]), отъ имени „множества вѣрноподданныхъ" просилъ прежде всего „не заключать обиднаго для Россіи мира". „Еще много на Руси молодыхъ силъ,—говорилъ онъ,—готовыхъ лечь костьми за отечество... До тѣхъ поръ пока каждый изъ насъ, и младъ и старъ, не встанетъ подъ ружье,—не заключайте постыднаго мира. Вамъ нужны средства,—но обложенія насъ не страшатъ: не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ Россія свое достояніе на алтарь отечества". Для того, чтобы предлагать такія героическія средства, какъ всѣмъ, и старымъ и молодымъ, встать подъ ружье и лечь костьми за отечество, нужно было бы по меньшей мѣрѣ, чтобы непріятель забрался въ предѣлы Европейской Россіи и угрожалъ ея центру; теперь же, когда японцы сражаются противъ насъ еще на китайской территоріи и у Тихаго океана, эти преувеличенныя громкія фразы кажутся смѣшными. Никто не сомнѣвается въ готовности русскихъ людей „лечь костьми" для защиты отечества отъ дѣйствительной и явной опасности; но трудно ожидать такой всеобщей готовности къ самопожертвованію изъ-за „каторжнаго" острова

[1]) См. выше, Внутреннее обозрѣніе.

Сахалина и даже изъ-за Владивостока, особенно при безцѣльности подобнаго самопожертвованія за неимѣніемъ флота. Въ одномъ только пунктѣ заявленіе графа Бобринскаго представляетъ практическій интересъ—въ словахъ о готовности дать нужныя средства на продолженіе войны и подвергнуться для этого какимъ угодно обложеніямъ: желаніе принести матеріальныя жертвы на нужды государства весьма существенно и цѣнно, когда оно исходитъ отъ такихъ представителей крупнаго землевладѣнія и капитала, какъ гр. Бобринскій, гр. Шереметевъ, г. Нарышкинъ и другіе,—и этимъ заявленіемъ необходимо было бы воспользоваться въ интересахъ государственнаго казначейства. Было бы только справедливостью поймать заявителей на словѣ и обложить всѣхъ сторонниковъ войны крупными денежными платежами на военные расходы, соотвѣтственно ихъ имущественному положенію; жаль только, что вслѣдъ затѣмъ самъ гр. Бобринскій спѣшитъ эту добровольную повинность жертвъ переложить на всю Россію, т.-е. на народъ, который „не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ свое достояніе на алтарь отечества". Народъ подавленъ обязательными платежами и повинностями, и о новомъ чрезвычайномъ или „добровольномъ" обложеніи его не можетъ быть и рѣчи; облагать себя могутъ только богатые высшіе классы, и сдѣлать починъ въ этомъ отношеніи обязаны именно тѣ изъ ихъ среды, которые стоятъ за войну. Говорить о рѣшимости другихъ людей, или вообще народа, „лечь костьми" и отдать свое достояніе, не предлагая ничего отъ себя лично, или отъ своей группы или сословія,—это слишкомъ дешевый способъ доказывать свой патріотизмъ; такихъ охотниковъ быть щедрыми и самоотверженными на чужой счетъ появилось у насъ слишкомъ много въ послѣднее время. Недавно курское дворянство также заявляло въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ о готовности лечь костьми и отдать свое достояніе, чтобы не допустить заключенія позорнаго мира,—но оно не предложило при этомъ ни малѣйшей доли своихъ доходовъ на военныя издержки и ни одной роты добровольцевъ для подкрѣпленія дѣйствующей арміи. Даже духовенство, которое по своему призванію и назначенію должно было бы всегда проповѣдовать миролюбіе, присоединяется къ этимъ воинственнымъ требованіямъ и манифестаціямъ отъ имени народа; такъ, между прочимъ, „духовенство пятаго округа оренбургской епархіи и уѣзда" умоляетъ „устами 38-ми тысячнаго населенія не заключать позорнаго для Россіи мира, готовые положить животъ свой за родного Царя и многострадальную Русь". Какимъ образомъ мѣстное духовенство говоритъ „устами 38-ми-тысячнаго населенія"—непонятно. Или, быть можетъ, наоборотъ, населеніе говоритъ устами своего духовенства? Нельзя также понять, въ какомъ смыслѣ и въ какой формѣ можетъ принести пользу воен-

ному дѣлу патріотическое желаніе „духовенства пятаго округа оренбургской епархіи и уѣзда“ положить свой животъ за отечество. Но мѣстное духовенство не стало бы, конечно, выступать со своими заявленіями, еслибы оно не было увѣрено въ благовременности ихъ съ точки зрѣнія начальства, и съ этой стороны подобныя демонстраціи не лишены значенія.

Несравненно болѣе важны протесты противъ мира, исходящіе отъ дѣйствующей арміи, которой вообще несвойственно — и не должно быть свойственно—вмѣшиваться въ политику. „Извѣстія агентскихъ телеграммъ о начатыхъ мирныхъ переговорахъ — сказано во всеподданнѣйшей депешѣ главнокомандующаго отъ 18 или 17 іюня — отозвались глубокимъ горемъ на всѣхъ чинахъ манчжурскихъ армій отъ старшаго генерала до послѣдняго нижняго чина“. „Глубоко вѣруя, что никакія неудачи, понесенныя до сихъ поръ на сушѣ и на морѣ, не въ силахъ сломить твердой рѣшимости въ будущихъ бояхъ довести борьбу до благопріятнаго для Россіи конца“, всѣ чины манчжурскихъ армій выражаютъ „несокрушимую готовность и горячее желаніе, не щадя живота своего, послужить еще дорогой родинѣ до послѣдней капли крови“. Безъ сомнѣнія, это авторитетное свидѣтельство о бодромъ, довѣрчивомъ къ будущему, патріотическомъ настроеніи манчжурскихъ армій является весьма серьезнымъ фактомъ, долженствующимъ убѣдить Японію, что мы вовсе еще не расположены сложить оружіе, что у насъ есть еще возможность и рѣшимость воевать и что нельзя поэтому разсчитывать на принятіе нами унизительныхъ условій мира; но въ телеграммѣ генерала Леневича, независимо отъ этой ясной политической цѣли, выражено нѣчто бóльшее — „глубокое горе“ по поводу самой мысли о начатыхъ мирныхъ переговорахъ, каковы бы ни были условія предстоящаго мира. Отсюда можно было бы заключить, что на театрѣ войны имѣются вѣскія данныя для надежды на успѣхъ въ будущихъ бояхъ и что этому желанному успѣху могутъ помѣшать переговоры о мирѣ; но, какъ извѣстно, пока еще не заключено перемиріе, и едва ли оно будетъ заключено въ скоромъ времени, а мирные переговоры, по всей вѣроятности, затянутся надолго, особенно если такая затяжка окажется желательною для успѣшнаго окончанія предположенныхъ военныхъ операцій. Ничто поэтому не препятствуетъ нашимъ войскамъ воспользоваться благопріятными шансами и нанести пораженіе непріятелю, подобно тому, какъ начатые переговоры о мирѣ не помѣшали японцамъ занять въ концѣ іюня Сахалинъ и дѣлать серьезныя приготовленія къ осадѣ Владивостока. Однако, мы не видимъ признаковъ общаго наступленія съ нашей стороны и не замѣчаемъ также ничего такого, чтò предвѣщало бы рѣшительный переходъ иниціативы въ руки нашихъ полководцевъ. Извѣстія съ театра войны неизмѣнно

носятъ прежній характеръ: или „въ арміи нѣтъ перемѣнъ" и „все спокойно", когда ничего не предпринимаютъ японцы, или же наши отдѣльные отряды передвигаются къ югу, оттѣсняютъ японскія заставы, берутъ штурмомъ какіе-то окопы и затѣмъ, на слѣдующій день, направляются обратно къ сѣверу, когда „стали подходить значительныя японскія подкрѣпленія" (телеграмма изъ Гадзяданя, отъ 16 іюля, и мн. др.). Насколько можно судить по отзывамъ газетныхъ военныхъ спеціалистовъ, положеніе манчжурскихъ армій значительно улучшилось за послѣдніе мѣсяцы, и нашимъ войскамъ не грозитъ уже катастрофа, въ родѣ Мукденской; но, съ другой стороны, было бы слишкомъ легкомысленно предположить, что осторожные и предусмотрительные японцы сидѣли все это время сложа руки и не приняли соотвѣтственныхъ внушительныхъ мѣръ. Допустимъ даже, что въ новомъ генеральномъ сраженіи, послѣ страшнаго кровопролитія, намъ удалось бы не только отстоять наши позиціи, но и оттѣснить войска маршала Ойямы на нѣкоторое пространство къ югу, для чего пришлось бы брать штурмомъ цѣлый рядъ сильно укрѣпленныхъ линій; но послѣ такого необычайнаго напряженія силъ мы все-таки оставались бы въ тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ относительно подвоза подкрѣпленій, боевыхъ принадлежностей и провіанта, какъ и до сихъ поръ, а непріятель попрежнему пользовался бы удобствомъ близкихъ морскихъ сообщеній, при содѣйствіи своего могущественнаго флота. Очень можетъ быть, что военные дѣятели чувствуютъ неодолимую потребность хотя бы въ одной значительной побѣдѣ, чтобы доставить войскамъ и самимъ себѣ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе; но противникъ пока еще ничѣмъ не доказалъ свое намѣреніе отступить отъ усвоенной имъ системы дѣйствій или отказаться отъ многочисленныхъ преимуществъ, которыя понынѣ обезпечивали имъ успѣхъ. Въ отдѣльныхъ корпусахъ нашей дѣйствующей арміи числится, напр., около 89% неграмотныхъ, тогда какъ „японскіе солдаты *всѣ грамотны*, свободно читаютъ топографическія карты, умѣютъ начертить на бумагѣ схему и пр.", чего не умѣютъ дѣлать у насъ и многіе офицеры. Въ японской арміи командиры и генералы назначаются и повышаются исключительно въ зависимости отъ своихъ испытанныхъ на дѣлѣ личныхъ качествъ, способностей и дарованій, а у насъ замѣщеніе военныхъ должностей, въ томъ числѣ и высшихъ, опредѣляется, главнымъ образомъ, протекціею и связями. Никакія внезапныя геройскія усилія не устранятъ и не ослабятъ этихъ органическихъ недостатковъ нашей арміи сравнительно съ японскою, и никакія дальнѣйшія кровавыя жертвы не приведутъ къ благопріятному для Россіи окончанію войны, пока остаются въ силѣ коренныя черты и особенности существующаго у насъ режима. Эта печальная истина

вошла уже въ сознаніе всего мыслящаго русскаго общества, какъ ни стараются отогнать и затемнить ее упорные защитники сословно-бюрократическаго фаворитизма и принудительнаго народнаго невѣжества. Скорѣйшій миръ необходимъ намъ именно для того, чтобы покончить съ старыми порядками, угрожающими не только внутреннему развитію нашихъ народныхъ силъ, но и всему положенію Россіи, какъ великой культурной державы. Несчастная война не можетъ ставиться въ укоръ ни русскому народу, ни русскому обществу; она есть всецѣло продуктъ устарѣлой системы безконтрольнаго бюрократическаго самовластія, и если съ нею связанъ позоръ, то этотъ позоръ не коснется обновленной Россіи, призванной къ возрожденію и процвѣтанію на новыхъ истинно-народныхъ началахъ. Миръ, подготовленный рядомъ неслыханныхъ пораженій, останется позорнымъ только для безраздѣльно господствовавшей у насъ бюрократіи, а никакъ не для самой Россіи и ея народа, вопреки противоположнымъ увѣреніямъ нашихъ мнимыхъ патріотовъ.

Нѣкоторые публицисты находятъ цѣлесообразнымъ и остроумнымъ примѣнять въ международныхъ отношеніяхъ ту самую тактику, которая съ давнихъ поръ соблюдается въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, — тактику систематическихъ замалчиваній, недомолвокъ и благонамѣренныхъ извращеній. Если относительно извѣстныхъ предметовъ устанавливается всеобщее молчаніе, то многимъ кажется, что эти предметы мало-по-малу перестанутъ для насъ существовать и, пожалуй, не будутъ замѣчены даже посторонними лицами. Стоитъ только, напримѣръ, игнорировать или отрицать непріятные факты, хотя бы общеизвѣстные и общедоступные, и постоянно освѣщать событія въ такомъ видѣ, какъ будто этихъ фактовъ вовсе не было, и намъ будетъ представляться, что въ самомъ дѣлѣ это фальшивое освѣщеніе ограждаетъ насъ отъ неудобной правды и принимается на вѣру даже свѣдущими иностранцами. Теперь принято у насъ напускать на себя трогательную наивность въ вопросѣ объ условіяхъ мира, чтобы воздѣйствовать надлежащимъ образомъ на коварныхъ японцевъ и ихъ заграничныхъ друзей. Наши патріоты готовы отказаться отъ Портъ-Артура и даже отъ Манчжуріи и Кореи; но они настаиваютъ на необходимости во что бы то ни стало сохранить Сахалинъ, оцѣненный кѣмъ-то въ двадцать милліардовъ рублей. Фельетонистъ „Новаго Времени“ краснорѣчиво убѣждаетъ публику, что намъ гораздо выгоднѣе уплатить непріятелю денежную контрибуцію, чѣмъ отдавать этотъ драгоцѣнный островъ съ его нетронутыми или запущенными нами природными богатствами; еще ранѣе та же газета глубокомысленно объясняла своимъ читателямъ, что японцы, очевидно, рѣшили временно занять Сахалинъ, съ цѣлью имѣть въ рукахъ залогъ для обез-

печенія болѣе выгодныхъ условій мира. Всякій охотно согласится съ тѣми доводами, которые приводятся или могутъ быть приведены въ пользу сохраненія Сахалина, въ виду важности его для всего нашего тихоокеанскаго побережья; но какъ поступить, если японцы некстати вспомнятъ бисмарковскій принципъ „beati possidentes", или Макъ-Магоновское „j'y suis, j'y reste", и въ отвѣтъ на всѣ наши основательные резоны скажутъ намъ просто: „придите и возьмите"? Для избѣжанія такой непріятной случайности наши газетные патріоты дѣлаютъ видъ, что ничего подобнаго случиться не можетъ, ибо въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о временной военной оккупаціи, которая должна будетъ прекратиться сама собою при рѣшительномъ нашемъ несогласіи отдать Сахалинъ японцамъ. Миръ съ потерею территоріи не былъ бы достойнымъ и безобиднымъ миромъ, и противъ такого мира заранѣе возстаютъ всѣ благомыслящіе патріоты. „Ни пяди русской земли, ни рубля контрибуціи",—какъ заявляетъ хабаровская городская дума, которая больше всего безпокоится о „престижѣ великой Россіи". Къ несчастью, Сахалинъ не находится уже въ нашей фактической власти, и слѣдовательно, часть русской территоріи можетъ быть присвоена японцами самовольно, безъ всякихъ съ нашей стороны уступокъ и даже независимо отъ мирнаго соглашенія. Безполезно закрывать глаза на факты. О почетномъ мирѣ можно было думать только до паденія Портъ-Артура; безобидный миръ былъ возможенъ еще передъ Мукденомъ; миръ безъ территоріальныхъ утратъ былъ намъ доступенъ до Цусимы, а разгромъ нашего послѣдняго флота при Цусимѣ долженъ былъ неминуемо повлечь за собою потерю Сахалина. Противъ этой безпощадной логики событій не помогутъ пустыя патріотическія фразы.

Мы можемъ не заключать никакого мира; но что̀ выиграемъ мы отъ дальнѣйшаго военнаго положенія? Наши войска будутъ стоять въ Манчжуріи на стражѣ противъ армій Ойямы, а тѣмъ временемъ японскій флотъ будетъ осаждать Владивостокъ и блокировать наши берега; Сахалинъ превратится въ японскую провинцію, и противъ всего этого мы останемся совершенно безсильными. Путемъ мирныхъ переговоровъ мы, конечно, не вернемъ того, что̀ попало уже въ японскія руки; но требованіе денежной контрибуціи могло бы быть предъявлено намъ только послѣ занятія японцами окрестностей Владивостока или какихъ-либо другихъ пунктовъ нашего побережья. Поэтому, чѣмъ скорѣе будетъ заключено перемиріе, тѣмъ легче будетъ добиться болѣе благопріятныхъ условій мира; всякое промедленіе можетъ принести намъ непоправимый ущербъ, какъ это ясно доказалъ намъ опытъ, начиная съ Лаояна. Настойчивые возгласы въ пользу продолженія войны, если они не вызываются эгоистическими моти-

вами, имѣютъ своимъ источникомъ чувство, а не разсудокъ; когда же дѣло идетъ о политикѣ великаго государства, то обязательно руководствоваться только сознательнымъ разсчетомъ, основаннымъ на ясномъ пониманіи національныхъ интересовъ.

Прочный миръ былъ бы достигнутъ на Дальнемъ Востокѣ, еслибы искусственно поднятая вражда между Россіею и Японіею уступила мѣсто добрымъ сосѣдскимъ отношеніямъ, которыя современемъ послужили бы основою для дружбы и союза. Великою заслугою С. Ю. Витте была бы подготовка почвы для будущаго взаимнаго сближенія двухъ державъ, вовлеченныхъ въ жестокую войну помимо воли и желанія народовъ. Серьезное сближеніе съ Японіею избавило бы насъ отъ разорительныхъ военныхъ заботъ въ восточной Азіи и позволило бы намъ, съ одной стороны, сосредоточиться на дѣлахъ внутренняго развитія, а съ другой—удѣлить нѣкоторую долю вниманія международнымъ интересамъ и отношеніямъ въ предѣлахъ Европы.

Императоръ Вильгельмъ II обнаруживаетъ особенную предпріимчивость и подвижность въ области европейской международной политики съ тѣхъ поръ, какъ Франція сдѣлалась фактически одинокою въ Европѣ. Онъ какъ будто торопится устраивать или подготовлять новыя политическія комбинаціи, наиболѣе выгодныя для Германіи. Прежде всего онъ наглядно показалъ французамъ, что ихъ сдѣлки съ Англіею не имѣютъ никакого значенія безъ нѣмецкаго согласія, и не только французы, но и англичане вынуждены были согласиться съ этимъ взглядомъ по отношенію къ Марокко. Свиданіе двухъ императоровъ въ Финскомъ заливѣ, у Бьерке, 11 іюля, еще болѣе встревожило общественное мнѣніе, такъ какъ послѣ неудачнаго исхода японской войны Россія могла легко поддаться одностороннему германскому вліянію. Вильгельмъ II, разумѣется, всего менѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы Россія благополучно вышла изъ своихъ нынѣшнихъ затрудненій и заняла опять прежнее мѣсто въ ряду первоклассныхъ великихъ державъ; поэтому и авторитетные совѣты его могли имѣть характеръ нежелательный ни для насъ, ни для соперниковъ Германіи. Въ иностранной печати высказывалось множество предположеній и догадокъ относительно цѣли и предмета новѣйшихъ усилій Вильгельма II: одни утверждаютъ, что германскій императоръ стремится взять русскую политику подъ свое благосклонное руководство и направить ее на путь новыхъ приключеній, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ; другіе думаютъ, что онъ хочетъ окончательно отклонить насъ отъ союза съ Франціею и привлечь къ участію въ своихъ спеціальныхъ планахъ, направленныхъ противъ Англіи; третьи, и между

прочимъ „Berliner Tageblatt", увѣряютъ, что дѣло идетъ только о финансовыхъ комбинаціяхъ, которыя должны помочь Россіи добыть средства на расплату за японскую войну, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ къ закрѣпленію экономической зависимости Россіи отъ Германіи.

Само собою разумѣется, что эти догадки не имѣютъ подъ собою реальной почвы и только отражаютъ господствующее настроеніе. Представляется вполнѣ естественнымъ, что Вильгельмъ II могъ соблазниться возможностью повліять въ своемъ духѣ и на внутреннія наши дѣла, подобно тому какъ дѣдъ его, Вильгельмъ I, не отказывалъ въ своихъ совѣтахъ по поводу предпринимавшихся у насъ реформъ государственнаго строя, четверть вѣка тому назадъ. Въ 1880 году Вильгельмъ I писалъ императору Александру II, что созывъ народныхъ представителей будетъ, несомнѣнно, полезенъ для государства, но что „необходимо избѣгать подводныхъ камней при дарованіи конституціи"; для этого онъ совѣтовалъ не устанавливать ценза при выборахъ въ парламентъ, держаться системы двухъ палатъ, предоставить парламенту участіе въ законодательной власти безъ прямого вліянія на управленіе страною и на выборъ министровъ, не допускать вмѣшательства парламента во внѣшнюю политику, о которой правительство дѣлало бы сообщенія по собственной иниціативѣ; оставлять въ силѣ послѣдній бюджетъ, если новый не утвержденъ въ теченіе парламентской сессіи; соблюдать принципъ равноправности вѣроисповѣданій и т. п. Не мѣшаетъ вспомнить, что, давая эти указанія, престарѣлый германскій императоръ имѣлъ въ виду испытанныя имъ трудности въ періодъ борьбы Бисмарка съ прусскимъ парламентомъ и, слѣдовательно, былъ расположенъ скорѣе отрицать, чѣмъ признавать пользу народнаго представительства съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Вильгельмъ II чувствуетъ менѣе неудобствъ отъ парламентскаго управленія, чѣмъ его дѣдъ; будучи автократомъ по натурѣ и темпераменту, онъ, однако, отлично уживается съ имперскимъ сеймомъ, избираемымъ всеобщею подачею голосовъ, и находитъ вполнѣ естественнымъ и законнымъ, что представители соціалъ-демократіи возражаютъ въ парламентѣ противъ его личныхъ взглядовъ и открыто противодѣйствуютъ осуществленію нѣкоторыхъ его излюбленныхъ проектовъ, такъ какъ это противодѣйствіе можетъ оказаться полезнымъ для страны. Въ Пруссіи и Германіи „польза государства" есть высшій руководящій принципъ какъ для общества и парламента, такъ и для правительства и династіи; тамъ государственная и правительственная власть не противопоставляется народу какъ самостоятельная, независимая сила, и потому не возникаетъ и не можетъ возникать конфликтовъ между пользою страны и интересами власти.

Вильгельмъ II едва ли давалъ бы намъ плохіе совѣты, еслибы слѣдовалъ внушеніямъ безпристрастія и личнаго опыта; но нужно опасаться даже хорошихъ его совѣтовъ по внѣшней и внутренней политикѣ, такъ какъ онъ слишкомъ глубоко проникнутъ сознаніемъ, что каждый его шагъ долженъ служить исключительно къ пользѣ и величію Германіи, — а интересы Германіи или, вѣрнѣе, германскаго правительства далеко не совпадаютъ съ интересами и стремленіями Россіи.

Въ Англіи принята парламентомъ важная законодательная мѣра, установляющая извѣстныя ограниченія и контроль относительно иноземной иммиграціи. Съ давнихъ поръ британскія владѣнія находились въ томъ счастливомъ положеніи, что могли служить надежнымъ и желаннымъ убѣжищемъ для иностранцевъ, преслѣдуемыхъ у себя на родинѣ по политическимъ и религіознымъ причинамъ; представители всѣхъ угнетенныхъ націй свободно встрѣчались и дѣйствовали въ Англіи, гдѣ въ то же время имѣли спокойный пріютъ члены удаленныхъ изъ разныхъ странъ династій и бывшія коронованныя особы. Англійское право убѣжища было всѣмъ одинаково доступно и для всѣхъ одинаково драгоцѣнно: имъ въ равной мѣрѣ пользовались французскіе эмигранты временъ имперіи, Викторъ Гюго, Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ и многіе другіе, какъ потомъ и самъ гонитель ихъ, Наполеонъ III и императрица Евгенія, а впослѣдствіи генералъ Буланже, — итальянскіе патріоты, въ родѣ Маццини, рядомъ съ нѣмецкими соціалистами, Марксомъ и Энгельсомъ, всевозможные изгнанники, знаменитые дѣятели и простые рабочіе. Британская территорія была обѣтованною землею для всѣхъ жертвъ стараго режима, существовавшаго еще въ извѣстныхъ государствахъ Европы; въ англійскихъ колоніяхъ, въ Канадѣ, водворились и наши духоборы, вытѣсненные изъ отечества религіозными преслѣдованіями. Поэтому извѣстіе объ ограниченіи доступа иностранныхъ пришельцевъ въ предѣлы Англіи, возбудило повсюду непріятное чувство; многимъ казалось, что англичане готовы отречься отъ историческихъ традицій, связанныхъ съ правомъ убѣжища, и примыкаютъ уже къ общимъ шаблоннымъ взглядамъ узкаго эгоистическаго націонализма.

Пренія въ палатѣ общинъ по поводу правительственнаго законопроекта объ иммиграціи совершенно устранили возможность тѣхъ одностороннихъ толкованій и опасеній, которыя вызывались имъ среди передовыхъ либеральныхъ партій на материкѣ Европы и въ самой Англіи. Первый министръ, Бальфуръ, прямо заявилъ, что новый за-

конъ направленъ исключительно противъ наплыва бѣдняковъ и неспособныхъ къ труду, которые въ послѣдніе годы массами прибывали въ Лондонъ и другіе города, гдѣ становились тяжелымъ бременемъ для мѣстныхъ общинъ; эта цѣль законопроекта ясно выразилась и въ отдѣльныхъ его постановленіяхъ. Во-первыхъ, не всѣ иноземные переселенцы подлежатъ контролю, а только тѣ, которые прибываютъ на особыхъ эмигрантскихъ пароходахъ, въ количествѣ не менѣе двадцати на каждомъ, притомъ въ качествѣ палубныхъ пассажировъ; во-вторыхъ, самый контроль установленъ только въ восьми главныхъ портахъ, гдѣ обыкновенно останавливаются эти пароходы,—такъ что въ другихъ пунктахъ и для отдѣльныхъ иностранцевъ доступъ остается свободнымъ. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, по предложенію сэра Чарльза Дилька, включенъ въ законъ особый параграфъ, по которому даже неимущій, лишенный обезпеченнаго заработка, иностранецъ допускается въ предѣлы Англіи, если онъ докажетъ, что вынужденъ былъ удалиться изъ отечества по политическимъ или религіознымъ причинамъ. Въ такомъ видѣ законъ, послѣ продолжительныхъ и весьма интересныхъ преній, принятъ въ палатѣ общинъ, 19 іюля (нов. ст.), большинствомъ 193 противъ 103 голосовъ.

Французская палата депутатовъ, въ ночномъ засѣданіи 5 іюля, покончила съ законопроектомъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, одобривъ его большинствомъ 341 противъ 233 голосовъ. Первый параграфъ этого закона гласитъ: „Республика обезпечиваетъ свободу совѣсти. Она гарантируетъ свободное отправленіе религіозныхъ культовъ единственно съ тѣми ограниченіями, какія установлены въ интересахъ общественнаго порядка". Послѣ того какъ законъ будетъ принятъ сенатомъ и обнародованъ президентомъ республики, начиная съ 1 января слѣдующаго затѣмъ года, изъ государственнаго бюджета Франціи, какъ и изъ бюджетовъ департаментскихъ и городскихъ, исчезнутъ статьи расходовъ на духовенство и церковныя нужды разныхъ исповѣданій. Французскіе прогрессисты придаютъ громадное практическое значеніе этой крупной реформѣ и ожидаютъ отъ нея великихъ благотворныхъ послѣдствій для республики; они обыкновенно упускаютъ при этомъ изъ виду тотъ безспорный фактъ, что римско-католическая церковь, при традиціонныхъ особенностяхъ своей организаціи и по своему общему духу, всегда и повсюду выигрываетъ отъ свободы дѣйствій. Матеріальная зависимость отъ республиканскаго правительства и стѣснительный контроль надъ духовенствомъ, въ силу конкордата, ставили римскую церковь во Франціи

въ подчиненное положеніе и налагали на нее обязательства, которыя нынѣ отпадаютъ; а противъ односторонняго владычества ея надъ умами населенія французскіе прогрессисты почти ничего не сдѣлали, или сдѣлали еще слишкомъ мало. Бороться противъ духовной силы можно только духовнымъ оружіемъ, распространеніемъ образованія въ народныхъ массахъ, и нельзя отрицать, что эта сторона передовыхъ французскихъ программъ до сихъ поръ не выходитъ еще изъ области словесныхъ пожеланій. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о значеніи новаго закона, когда онъ будетъ обсуждаться во французскомъ сенатѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1905 г.

I.

— Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, князь Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель (статьи и матеріалы). Составили: В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Съ 3 геліогравюрами. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1905.

Трудная и неблагодарная задача лежитъ передъ историкомъ нашей эпохи, берущимся изображать судьбы недавняго прошлаго. Нельзя требовать отъ него спокойнаго, широкаго и цѣлостнаго обозрѣнія жизни ушедшихъ поколѣній, жившихъ и боровшихся во имя тѣхъ стремленій и идеаловъ, которые еще не успѣли воплотиться въ жизнь и принести съ собой заключенныя въ нихъ блага. Если истинный историкъ, какъ бы объективенъ онъ ни былъ,—всегда гражданинъ, то въ данномъ случаѣ гражданскій элементъ его натуры не можетъ не проявляться въ немъ съ особой силой, не можетъ не сосредоточивать его вниманія на тѣхъ преимущественно сторонахъ народной жизни, которыя для него служатъ предметомъ его гражданскихъ стремленій, опредѣляютъ складъ его политическихъ убѣжденій и соціально-этическихъ взглядовъ. Увѣренность въ торжествѣ своихъ идеаловъ невольно заставляетъ историка обращаться именно къ тѣмъ явленіямъ исторической жизни, изъ которыхъ, путемъ долгой, упорной работы поколѣній, складывалось то умственное теченіе, среди котораго формулировались его господствующія идеи. Идеи свободы всегда служили вѣнцомъ благороднѣйшаго историческаго воодушевленія; раскрытіе тѣхъ условій, при которыхъ зарождались и развивались эти идеи,

всегда было дѣломъ высокой научной любознательности и общественнаго интереса, поскольку оно касалось выясненія роли великихъ личностей, глубокихъ истинъ, возвышенныхъ стремленій, философскихъ и художественныхъ пріобрѣтеній. Но, съ другой стороны, историку недавней эпохи приходится слишкомъ много вниманія удѣлять такимъ предметамъ, которые въ другихъ странахъ и при другихъ культурныхъ условіяхъ сами по себѣ далеко не заслуживаютъ такого вниманія. Таковы, напримѣръ, попытки русскихъ историковъ выяснить значеніе той великой борьбы наростающаго общественнаго самосознанія съ препятствіями, создававшимися выразителями внѣшняго господства и грубой физической силы, которая шагъ за шагомъ приводила къ торжеству освободительныхъ идеаловъ. Неизбѣжно выдвигаемый при этомъ на первый планъ политическій элементъ, далеко превышающій цѣли спеціальныхъ изслѣдованій, не можетъ не отражаться неблагопріятно на другихъ сторонахъ культурной и умственной жизни, надолго оставляемыхъ въ тѣни. Такъ, русскому историку недавней эпохи слишкомъ много, къ сожалѣнію, приходится имѣть дѣла съ отрицательными сторонами административной дѣятельности, слишкомъ много говорить объ администраціи, выясняя ея во многихъ случаяхъ незавидную роль, въ смыслѣ противодѣйствія законнѣйшимъ стремленіямъ народа и общества на пути мирнаго культурнаго и умственнаго развитія. Счастливы тѣ страны, гдѣ люди могутъ свободно заниматься наукой, искусствомъ, безпристрастнымъ изученіемъ старины, гдѣ о правительствѣ можно говорить не больше, чѣмъ о санитарномъ состояніи городовъ, гдѣ соціальная и экономическая борьба не ставитъ внѣшнихъ затрудненій благородному соревнованію таланта и ума... У насъ этой возможности не существуетъ, или, вѣрнѣе, она еще не осуществилась,—и политическій элементъ въ повѣствованіи о недавнихъ событіяхъ составляетъ неизбѣжную, хотя и крайне неблагодарную вообще, но важную для переживаемаго момента обязанность историка.

Въ цѣляхъ обоснованія современнаго міросозерцанія на исторической подкладкѣ важно знать общіе различнымъ эпохамъ признаки общественныхъ движеній. Эта мысль руководила прежде всего составителями перваго тома настоящей книги. „Сильное движеніе, охватившее въ настоящее время все русское общество,—говорится въ предисловіи,—естественно вызываетъ интересъ къ изученію аналогическихъ явленій въ нашемъ прошломъ. Къ сожалѣнію, существующая историческая литература недостаточна для удовлетворенія назрѣвшей потребности"... „Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью облегчить читателямъ знакомство съ исторіею общественныхъ идей въ первой половинѣ XIX столѣтія. Планъ изданія состоитъ въ томъ, чтобы давать

наиболѣе важныя произведенія, принадлежащія перу видныхъ участниковъ общественнаго движенія, а также матеріалы, изображающіе ихъ жизнь въ связи съ этимъ движеніемъ, и снабжать печатаемые матеріалы руководящими статьями въ видѣ біографическихъ очерковъ или характеристикъ избранныхъ лицъ".

Въ книгѣ напечатаны произведенія декабристовъ М. А. Фонъ-Визина, кн. Е. П. Оболенскаго и бар. В. Я. Штейнгеля. Многое изъ помѣщеннаго здѣсь уже знакомо русскому читателю то по историческимъ журналамъ, то по заграничнымъ изданіямъ. Собрать и издать этотъ матеріалъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ—почтенная задача, которую и поставилъ себѣ небольшой кружокъ историковъ. Если относительно бар. Штейнгеля работа сосредоточилась преимущественно на собираніи матеріала, то записки Фонъ-Визина и Оболенскаго явились въ существенно дополненномъ видѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, изданіе такой книги не обошлось безъ цензурнаго стѣсненія. „Къ сожалѣнію,—читаемъ въ предисловіи,—и въ нашемъ изданіи одинъ небольшой эпизодъ въ запискахъ М. А. Фонъ-Визина пришлось исключить по цензурнымъ соображеніямъ"... Цѣнность сборника, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ предисловія, не только для широкой публики, но и для спеціалистовъ, весьма увеличивается тѣмъ, что заграничныя изданія записокъ Фонъ-Визина и кн. Оболенскаго въ настоящее время совершенно распроданы. Запискамъ декабристовъ предшествуютъ обстоятельные біографическіе очерки, составленные В. И. Семевскимъ (о Фонъ-Визинѣ), г. В. Богучарскимъ (объ Оболенскомъ), В. И. Семевскимъ (о Штейнгелѣ). Записки Штейнгеля напечатаны здѣсь въ двухъ редакціяхъ. Первая (главы I—III) появилась первоначально въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ"; вторая редакція появляется въ печати впервые. Она примѣчательна тѣмъ, что посвящена преимущественно эпизоду 14-го декабря, дѣйствіямъ слѣдственной коммиссіи и суда, т.-е. тѣмъ событіямъ, о которыхъ въ соотвѣтствующей главѣ первой редакціи говорится очень кратко. Вторая редакція является, такимъ образомъ, дополнительной частью „записокъ".

Интересная личность Фонъ-Визина, его умъ и разносторонне развитое міросозерцаніе, разнообразныя событія его жизни—все это привлекаетъ къ нему вниманіе и независимо отъ его политической роли. Онъ былъ членомъ „тайнаго" общества, не вѣрившаго въ возможность дарованія конституціи верховною властью и ставившаго своею задачей достиженіе политической свободы путемъ революціоннымъ. Въ своихъ запискахъ Фонъ-Визинъ ссылается на „одного политическаго писателя", который—„видитъ въ самомъ бытіи въ Россіи тайнаго политическаго общества несомнѣнный признакъ, что и русскіе не вовсе чужды стремленіямъ къ свободнымъ политическимъ институціямъ". Онъ

(продолжаетъ Фонъ-Визинъ) говоритъ о жертвахъ, принесенныхъ самовластію: „Сколько ни старались обезобразить и исказить событія, но самый ясный и простѣйшій смыслъ его и значеніе—то, что и въ Россіи нашлись патріоты, которые съ полнымъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ видовъ личной корысти и выгодъ касты, или собственнаго положенія въ обществѣ, пожертвовали собою, чтобы своему отечеству, цѣлой странѣ пріобрѣсти институціи, обезпечивающія свободу, благоденствіе и достоинство всѣмъ и каждому. Память такой благодушной жертвы не погибнетъ даже и тогда, когда время изгладитъ несчастія и скорби стольких семействъ. Исторія же начертаетъ на своихъ скрижаляхъ имена пострадавшихъ патріотовъ, а также жестокости и неправосудіе русскаго правительства, принесшаго ихъ въ жертву своему деспотизму за то, что они стремились обуздать его".

Біографъ такъ характеризуетъ Фонъ-Визина, какъ писателя и политическаго мыслителя: „Изученіе его статей приводитъ къ выводу, что онъ совершенно не измѣнилъ тѣмъ идеаламъ, которымъ желалъ послужить, сдѣлавшись членомъ тайнаго общества. Главною цѣлью тѣхъ тайныхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ былъ — Союза Спасенія, Союза Благоденствія и Сѣвернаго Общества — было желаніе добиться преобразованія политическаго устройства Россіи. Въ главномъ историческомъ трудѣ Фонъ-Визина красною нитью проходитъ желаніе показать, что даже въ до-петровской Руси существовали учрежденія, дававшія народу возможность непосредственно или черезъ своихъ представителей участвовать въ законодательствѣ или управленіи государствомъ, а послѣ Петра Великаго отъ времени до времени обнаруживалось стремленіе къ политическимъ реформамъ. Отмѣтимъ также взглядъ Фонъ-Визина на нашъ политическій строй въ его статьѣ „О подражаніи русскихъ европейцамъ". — „Хотя въ Россіи образъ правленія, — говоритъ авторъ, — остался тотъ же, что былъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ или при Петрѣ, — мы и теперь живемъ подъ тѣмъ же неограниченнымъ самодержавіемъ; однако, какой деспотъ позволитъ себѣ и сотую долю тѣхъ жестокостей и неистовствъ, какія совершали безнаказанно оба эти государя. Павелъ I тиранствовалъ, правда, 4 года, но извѣстно, чѣмъ это кончилось, и какъ онъ дорого поплатился за свою тираннію". Указавъ на то, что „изъ всѣхъ русскихъ государей Екатерина II и Александръ I болѣе всѣхъ дорожили мнѣніемъ Европы", и потому въ ихъ царствованіе совершилось много полезныхъ, славныхъ и блистательныхъ дѣяній, Фонъ-Визинъ продолжаетъ: „*стыда ради европейскаго* и самодержавіе, надѣвая личину свободолюбія и патріотизма, удерживаетъ их отъ многихъ насильственныхъ дѣйствій и иногда полагаетъ предѣлы собственному произволу и прихоти".

Напечатанныя въ упоминаемой книгѣ „Записки М. А. Фонъ-Ви-

зина", представляющія собою, какъ извѣстно, дополненный личными воспоминаніями автора разборъ книги „Esneaux и Chennechot" („Histoire de Russie", Paris, 1835), помѣщены здѣсь въ редакціи, дополненной изъ сличенія печатныхъ редакцій съ копіей подлинной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Главнаго Архива. Сочиненіе Фонъ-Визина представляетъ собой обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи. Задаваясь цѣлью представить такое обозрѣніе, авторъ исходилъ изъ того основного взгляда, что, какъ это выразила г-жа Сталь, въ жизни народовъ свободѣ во всѣхъ ея видахъ (политической, гражданской, личной) неоспоримо принадлежитъ законное право давности передъ самовластіемъ (c'est le despotisme qui est nouveau, et la liberté qui est ancienne). „Эта мысль геніальной писательницы,—говоритъ Фонъ-Визинъ,—вѣрна относительно европейскаго человѣчества, и подтверждается древнею и даже среднею исторіей Россіи, которая только въ новѣйшія времена, съ Петра Великаго, сдѣлалась классическою почвою самодержавія". Въ дальнѣйшемъ авторъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на проектѣ конституціи, составленномъ Сперанскимъ, и приводитъ, въ числѣ прочихъ, слѣдующія положенія:

„Правительство не можетъ почитаться законнымъ, если оно не основано на общей волѣ народа".

„Источникъ власти пребываетъ всегда въ народѣ, въ самой странѣ".

„Всякое правительство существуетъ только въ силу извѣстныхъ условій и только тогда законно, если свято исполняетъ эти условія".

„Основные государственные законы должны быть дѣломъ націи и выраженіемъ ея воли".

„Основные государственные законы необходимо ограничиваютъ верховную власть".

„Деспотическая власть могла только приличествовать младенчеству гражданскихъ обществъ".

„Народъ необходимо долженъ участвовать въ законодательствѣ чрезъ избранныхъ имъ представителей".

„Всякій долженъ судиться равными ему".

„Не упоминая о другихъ институціяхъ, что значитъ самое русское дворянство, когда и лицо благородное, и его собственность, и его честь зависятъ не отъ закона, а отъ произвола" неограниченнаго правителя? „Самый законъ не зависитъ ли отъ его воли? Не онъ ли издаетъ его и провозглашаетъ? Право собственности есть только право, терпимое верховною властью".

Личность другого декабриста—кн. Е. П. Оболенскаго—также весьма замѣчательна. „Дѣловитый, основательный умъ, — какъ его характеризуетъ въ своей автобіографіи А. Д. Боровковъ, — твердый, рѣшительный характеръ, неутомимая дѣятельность въ достиженіи предпо-

ложенной цѣли — вотъ свойства Оболенскаго". Для характеристики послѣдняго приведемъ и дальнѣйшія строки отзыва Боровкова: „Онъ былъ въ числѣ учредителей Сѣвернаго Общества и ревностнымъ членомъ Думы. Сочиненіе его въ духѣ общества, объ обязанностяхъ гражданина, служило оселкомъ для испытанія къ принятію въ члены, смотря по впечатлѣнію, какое производило оно на слушателя. Оболенскій былъ самымъ усерднымъ сподвижникомъ предпріятія и главнымъ, послѣ Рылѣева, виновникомъ мятежа въ Петербургѣ".

Сосланный наравнѣ съ другими участниками заговора въ Сибирь, въ Нерчинскъ, Оболенскій оставилъ, въ письмѣ къ А. В. Протасьеву, описаніе своей жизни на каторгѣ. „Прибывъ туда (Нерчинскъ),—пишетъ Оболенскій,—послали насъ въ острогъ или, лучше сказать, въ тюрьму, въ которой подѣланы были для каждаго клѣтки въ два аршина длины и въ полтора ширины. Насъ выпускали изъ клѣтокъ, какъ звѣрей, на работу, на обѣдъ и ужинъ и опять запирали. Работа была подъ землей на 70 и болѣе саженъ. Урочныя наши работы были наравнѣ со всѣми каторжными въ заводѣ, отъ которыхъ мы отличались единственно тѣмъ, что насъ держали послѣ работы въ клѣткахъ, а они всѣ пользуются свободою, исключая тѣхъ, кои впадаютъ послѣ ссылки на заводы въ преступленія, за которыя ихъ наказываютъ и сажаютъ на извѣстное время въ тюрьму. Не стану тебѣ описывать, любезный другъ, подземное царство, которое ты можешь узнать отъ всякаго, бывшаго въ горныхъ заводахъ... Но ты можешь себѣ представить, каково намъ было въ тюрьмѣ, если работа въ горѣ была для насъ временемъ пріятнѣйшимъ, нежели заключеніе домашнее. Дни праздничные были для насъ точно днями наказанія: въ душной клѣткѣ, гдѣ едва можно повернуться, милліонъ клоповъ и разной гадины осыпали тебя съ головы до ногъ и не давали покоя. Присоедини къ тому грубое обращеніе начальства, которое, привыкши обращаться съ каторжными, поставляло себѣ обязательностью насъ осыпать ругательствами, называя насъ всѣми ругательными именами. Къ тому же долженъ тебѣ сказать, что къ намъ приставленъ былъ отъ иркутскаго губернатора квартальный, который долженъ былъ смотрѣть за нами, а отъ горнаго начальства офицеръ горный, которому также поручено было смотрѣть за нами. Горное начальство боялось донесеній квартальнаго, и потому строгость умножало; квартальный же боялся горныхъ, и, такимъ образомъ, насъ окружали двѣ непріязненныя силы, которыя старались только увеличить наши тягости. Съ февраля мѣсяца на насъ надѣли желѣза, а съ весной насъ велѣно употреблять только на работы надъ землею, что̀, по ихъ мнѣнію, значило облегченіе въ работѣ, а по нашему—увеличеніе тягости работы, которая подъ землею легче. Впрочемъ, ко всему можно при-

выкнуть, исключая того, что оскорбляетъ человѣческое достоинство. Въ семъ послѣднемъ мы, дѣйствительно, получили облегченіе, потому что начальникъ заводовъ (Бурнашовъ) рѣже началъ насъ посѣщать, и потому мы уже не слышали слова слишкомъ оскорбительныя. Къ тому же присутствіе нашихъ истинныхъ ангеловъ-хранителей, княгинь Трубецкой и Волконской, доставляло намъ и отраду, и утѣшеніе"...

Но ни тяжкій трудъ, ни изнурительныя условія жизни не могли сломить желѣзную натуру Оболенскаго. Въ 1839 году онъ былъ перечисленъ въ ссыльно-поселенцы и жилъ сначала въ Туринскѣ, а потомъ въ Ялуторовскѣ, тобольской губерніи. Тамъ, по словамъ его біографа, онъ провелъ въ изгнаніи еще семнадцать лѣтъ жизни, прилагая усилія къ тому, чтобы не дать себя заѣсть тоскѣ, и стараясь по возможности быть полезнымъ окружавшимъ его людямъ. По манифесту 1856 года. Оболенскій возвратился въ Россію, гдѣ и прожилъ до 1865 г.

Его записки, помимо чисто фактическихъ данныхъ, производятъ глубокое впечатлѣніе своей задушевностью, искренностью, простотой. Непоколебимая убѣжденность въ своей правотѣ, восторжествовавшая въ концѣ испытанія надъ вполнѣ понятными колебаніями въ моментъ созрѣванія заговора, соединялась въ его изложеніи съ горячей любовью къ товарищамъ по изгнанію и къ людямъ вообще. Оканчивая свои записки въ Ялуторовскѣ въ 1856 году, Оболенскій находилъ высшую отраду въ томъ сознаніи, что общее дѣло, которому служили декабристы, не увѣнчавшись счастливымъ исходомъ, наложило неизгладимую нравственную печать на каждаго изъ членовъ „Союза Благоденствія". Она выразилась прежде всего въ томъ взаимномъ уваженіи, въ томъ нравственномъ чувствѣ, которое одушевляло товарищей въ ихъ постоянныхъ и близкихъ отношеніяхъ между собой. Это взаимное уваженіе,—пишетъ прежній блестящій баловень свѣта,—было основано не на свѣтскихъ приличіяхъ, не на правилахъ свѣтскаго воспитанія,—„но на стремленіи каждаго ко всему, что носитъ печать истины и правды. Юноши, бывшіе тутъ, возмужали подъ вліяніемъ этого общаго нравственнаго направленія и сохранили впослѣдствіи тотъ же самый неизмѣнный характеръ. Разсѣянные по всѣмъ краямъ Сибири, каждый сохранилъ свое личное достоинство и пріобрѣлъ уваженіе тѣхъ, съ коими онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ". Такова была нравственная атмосфера, въ которой эти люди совершали свой подвигъ самоотверженія и нравственнаго долга. Въ своихъ запискахъ Оболенскій останавливается на знакомствѣ съ Рылѣевымъ, на различныхъ моментахъ событія 14-го декабря, на слѣдственной

коммиссіи и судѣ и, съ особой обстоятельностью, на первомъ періодѣ своей жизни въ Сибири.

Не мало интересныхъ данныхъ, какъ для характеристики событій, такъ и личности автора, заключаютъ въ себѣ и записки бар. Штейнгеля, а также письма его къ имп. Николаю Павловичу. „Всемилостивѣйшій Государь! — пишетъ изъ своего заточенія въ Петропавловской крѣпости Штейнгель:—сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества, или вѣдавшихъ про оное, сколько бы многихъ по сему преслѣдованію ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ тѣ же идеи и чувствованія. Россія такъ уже просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ уже газеты; а въ газетахъ пишутъ, что̀ говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ. Не первая ли мысль, почему мы не можемъ разсуждать о нашихъ правахъ и собственности? — родится въ головѣ каждаго. Большая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны душевно принадлежать къ желателямъ конституціоннаго правленія: ибо свобода тисненія сопряжена съ личною ихъ выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ, всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные и образовались тамъ; всѣ тѣ, кои служили въ гвардіи и теперь служатъ, не того ли же образа мыслей? Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ, не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышащими свободою, кто не цитировалъ басни Дениса Давыдова: „Голова и ноги“!

„Можетъ быть, въ числѣ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе окружать особу вашу, есть таковые. О, Государь! чтобы истребить корень свободомыслія, нѣтъ другого средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе. Но если сіе невозможно, то останется одно — препобѣдить сердца милосердіемъ и увлечь умы рѣшительными явными пріемами къ будущему благоденствію государства“...

Записки Штейнгеля замѣчательны, между прочимъ, яркой картиной суда и казни декабристовъ; г. П. Щеголевъ сопроводилъ ихъ рядомъ интересныхъ примѣчаній.

Внѣшность изданія превосходна; къ сожалѣнію, цѣна его нѣсколько высока.

II.

— Записки И. Д. Якушкина. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва. 1905.

Недавно вышло первое изданіе этой книги и уже успѣло все разойтись,—это достаточно показываетъ тотъ интересъ, съ какимъ она была встрѣчена широкими кругами нашей читающей публики. Цен-

зурный запретъ, долгіе годы тяготѣвшій надъ записками И. Д. Якушкина, выдающаяся личность автора и характеръ событій, изображенныхъ въ его повѣствованіи—все это, безъ сомнѣнія, должно было содѣйствовать успѣху книги. Но едва ли не бо́льшее значеніе она имѣла въ томъ отношеніи, что появленіе ея совпало съ тѣмъ моментомъ особой политической любознательности, которая стремится осмыслить настоящее примѣрами недавняго прошлаго, когда причины, порождавшія аналогичныя общественныя явленія еще не успѣли отойти въ исторію, и становится возможнымъ на основаніи изученія извѣстнаго ряда историческихъ процессовъ сознательно отнестись къ тѣмъ или другимъ теченіямъ, изъ которыхъ складывается современная жизнь, и даже намѣтить симптоматически пути и формы ближайшаго развитія. Событіе 14-го декабря, столь заманчивое для историка своимъ драматизмомъ, богатствомъ характеровъ и исторической обстановки, еще болѣе знаменательно для изслѣдователя нашей общественности съ точки зрѣнія развитія идеаловъ общественнаго блага, во имя которыхъ совершалась и совершается упорная борьба, сопровождаемая безконечнымъ рядомъ подвиговъ героическаго самопожертвованія, невѣроятныхъ страданій и несокрушимаго идеализма.

Среди различныхъ матеріаловъ, освѣщающихъ эпоху, въ которой произошла кровавая драма, извѣстная подъ именемъ заговора декабристовъ, записки Якушкина занимаютъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Въ неполномъ видѣ „Записки“ (первыя двѣ части) были изданы А. И. Герценомъ въ Лондонѣ въ 1862 г. и затѣмъ были перепечатаны въ Лейпцигѣ, въ 1874 г.; третья часть была помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 г. Настоящее изданіе соединяетъ всѣ три части, къ сожалѣнію, съ пропусками, впрочемъ незначительными—въ общей сложности около десяти строкъ. Простой, объективный разсказъ, съ стремленіемъ къ фактической сторонѣ изложенія, строгое отношеніе къ себѣ—все это производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что читатель невольно испытываетъ на себѣ вліяніе личности автора „Записокъ“, исполненной энергіи, искренности, благородства. Въ авторѣ чувствуется сильная воля и упругая, развитая серьезнымъ трудомъ мысль; извѣстные факты его біографіи, неоднократно приводившіеся въ нашей печати, свидѣтельствуютъ о томъ, что Якушкинъ былъ въ то же время и человѣкомъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, доброй и даже нѣжной души. Родившись въ 1793 г. и получивъ разностороннее образованіе у лучшихъ въ свое время профессоровъ университета, Якушкинъ поступилъ въ военную службу и участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, причемъ пробылъ цѣлый годъ въ Германіи и нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Это пребываніе заграницей не могло не оказать на

Якушкина, какъ и на многихъ его товарищей, самаго рѣшительнаго вліянія, которое сказалось въ первые же дни по возвращеніи на родину. Контрастъ между русскою дѣйствительностью и тѣми формами жизни, съ которыми молодые образованные офицеры познакомились на Западѣ, былъ слишкомъ великъ, чтобы не отдаться въ ихъ душѣ больнымъ чувствомъ возмущенія и обиды. О первыхъ признакахъ этого чувства можно судить, напримѣръ, по такому незначительному на первый взглядъ факту. Изъ Франціи Якушкинъ вернулся моремъ и высадился вмѣстѣ съ своей войсковой частью у Ораніенбаума. Здѣсь воины слушали благодарственный молебенъ. Въ это время, по обыкновенію, вокругъ выстроенныхъ войскъ собралась толпа народа, и Якушкинъ, можетъ быть впервые, здѣсь обратилъ вниманіе на то, какъ полиція, отстраняя толпу, „нещадно била народъ". „Это произвело на насъ,—сдержанно замѣчаетъ онъ,—первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество". Пристально всматриваясь съ тѣхъ поръ въ черты русской общественной и политической жизни, Якушкинъ ощутилъ въ своей душѣ горячій и непреодолимый протестъ противъ ея темныхъ и жестокихъ сторонъ, особенно же противъ крѣпостного права и самовластія. Въ 1818 году онъ вышелъ въ отставку, жилъ въ деревнѣ, пытался освободить крестьянъ и вступилъ въ тайное общество, за участіе въ которомъ былъ арестованъ въ 1826 году, судимъ и приговоренъ къ смертной казни, съ замѣной послѣдней двадцатью годами каторги. По отбытіи каторги (по уменьшенному сроку) Якушкинъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей былъ поселенъ въ Ялуторовскѣ, гдѣ оказалъ живое содѣйствіе развитію образованія среди мѣстнаго населенія, основавъ два училища для дѣтей обоего пола съ преподаваніемъ по Ланкастерской системѣ и съ довольно широкой программой; впрочемъ, весь кружокъ декабристовъ оставилъ по себѣ неизгладимую добрую память и въ этомъ городѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Въ 1856 году Якушкину было разрѣшено вернуться въ Россію, но здоровье его было уже надорвано, и въ слѣдующемъ году онъ скончался. Таковы вкратцѣ внѣшнія рамки его жизни.

Записки его начинаются изображеніемъ того важнаго перелома въ политической жизни Россіи, который наступилъ послѣ освободительной войны. Затѣмъ Якушкинъ подробно останавливается на различныхъ моментахъ въ образованіи и развитіи тайнаго общества, причемъ мѣтко и опредѣленно выясняетъ его преобладающе-политическій характеръ. Съ нѣкоторыми перерывами и пропусками, которые обусловливались отсутствіемъ Якушкина въ Петербургѣ, излагается исторія сношеній съ различными лицами по поводу ихъ участія въ тайномъ обществѣ и слѣдуетъ чистосердечная и подчасъ трогательная

исповѣдь того, что онъ испыталъ, пережилъ и перечувствовалъ подъ слѣдствіемъ во время пребыванія въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ Петропавловской крѣпости и позже, въ тюрьмѣ въ Финляндіи и, наконецъ, на каторгѣ, въ Нерчинскѣ. Разсказъ ведется живо и отчетливо, попутно дѣлаются мѣткія характеристики разныхъ лицъ, съ которыми авторъ приходилъ въ соприкосновеніе; любопытны замѣчанія о свиданіи съ Пушкинымъ, сцена съ императоромъ Николаемъ, описаніе казни пяти декабристовъ. Но особенно живо рисуется увлекающійся, горячій нравъ Якушкина въ томъ мѣстѣ „Записокъ", гдѣ онъ говоритъ о своей готовности пожертвовать собой и взять на себя выполненіе задуманнаго ими плана.

Много было наивнаго, безразсудно-порывистаго въ первыхъ дѣйствіяхъ того небольшого въ началѣ общества, которое поставило служеніе идеаламъ народнаго и общественнаго блага неизбѣжной задачей личнаго существованія своихъ членовъ, но уже скоро созданное ими умственное возбужденіе приняло болѣе сознательныя, а затѣмъ и реальныя формы и привело къ первой побѣдѣ, на половинѣ пути между ними и нашимъ временемъ, — къ великой освободительной эпохѣ.

III.

— Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Переводъ со второго изданія Л. Жбанкова. Спб. 1905.

Книга Антона Менгера весьма полезна для русскаго читателя, интересующагося соціальными вопросами и лишеннаго возможности изучить громадную и еще мало систематизированную соціалистическую литературу. Въ сжатомъ видѣ авторъ даетъ „практическія предложенія соціализма въ дѣлѣ преобразованія нашего общества". Положительный элементъ этихъ „предложеній", конечно, идетъ параллельно съ рѣзкой критикой существующаго общественнаго строя и выражается въ уясненіи и указаніи путей, какимъ образомъ можетъ быть обезпечено участіе широкихъ массъ народа въ соціалистическомъ движеніи. Автору представляется необходимымъ болѣе детально, чѣмъ прежде, „въ настоящее время, когда соціалистическое міросозерцаніе постепенно приближается къ своему осуществленію", выяснить положительныя организаторскія стороны соціализма.

Предлагая общую схему историческаго развитія главнѣйшихъ соціалистическихъ ученій по сочиненіямъ ихъ важнѣйшихъ представителей, авторъ дѣлитъ свою книгу на четыре части. Въ первой онъ даетъ общую характеристику понятій „государство и право"; во второй

разсматриваетъ формы экономической и семейной жизни въ народномъ рабочемъ государствѣ; въ третьей книгѣ излагаются принципы организаціи народнаго рабочаго государства; наконецъ, книга четвертая посвящена факторамъ перехода къ народному рабочему государству. По словамъ автора, его книга должна познакомить господствующіе и образованные классы европейскихъ странъ „съ кругомъ соціалистическихъ идей, которыя никогда еще не излагались съ такой полнотой. Какъ ученіе, по преимуществу, критическое, соціализмъ неизбѣжно вызоветъ возраженія со стороны широкихъ общественныхъ круговъ, ибо немногія изъ правилъ житейской мудрости пользуются такою общепризнанностью, какъ старая поговорка, гласящая, что критика легка, созиданіе лучшаго трудно. Разумѣется, рѣшительную безспорность соціалистическій идеалъ пріобрѣтетъ только вслѣдствіе полнаго осуществленія его въ одномъ изъ великихъ современныхъ культурныхъ государствъ. Но, до извѣстной степени, этой цѣли можно достигнуть и теоретическимъ путемъ, и мы претендуемъ на это, поскольку въ основу нашихъ построеній мы кладемъ только тѣ побудительныя причины человѣческихъ поступковъ, которыя дѣйствуютъ уже въ настоящее время, поскольку, далѣе, мы признаемъ только объективныя понятія права и государства и рекомендуемъ только тѣ средства политическаго и соціальнаго преобразованія, которыя уже испытаны всемірно-исторической практикой".

Въ главѣ объ общихъ принципахъ введенія народнаго рабочаго государства Менгеръ останавливается на вопросѣ о средствахъ для достиженія того правового строя этого государства, который опредѣляется сущностью соціалистическаго движенія. Авторъ останавливается на коренномъ вопросѣ: лежитъ ли путь къ народному рабочему государству черезъ реформу или черезъ революцію? Занимая среднюю позицію между Сенъ-Симономъ и Фурье, съ одной стороны, и Лассалемъ, Марксомъ и Энгельсомъ, съ другой, авторъ опровергаетъ обычное возраженіе, что святость и неприкосновенность существующаго правопорядка запрещаетъ нарушать правильно пріобрѣтенныя права насильственнымъ образомъ. „Не трудно видѣть,—замѣчаетъ онъ, — полную несостоятельность подобныхъ возраженій, ибо господствующія фамиліи и партіи никогда не затруднялись въ рѣшительныя минуты нарушать даже и наилучше пріобрѣтенныя права, разъ дѣло шло объ утвержденіи или упроченіи ихъ господства". Однако, авторъ признаетъ революціонный способъ достиженія народнаго блага нецѣлесообразнымъ. Онъ, несомнѣнно, содѣйствуетъ быстрому перемѣщенію политической власти изъ рукъ одной котеріи къ другой, но не задѣваетъ глубоко потока народной жизни, тогда какъ введеніе рабочаго государства приводитъ къ переустройству всего уклада

жизни, полагая въ основаніе нравственное возрожденіе человѣчества. „Я думаю, — говоритъ Менгеръ, — что подобное возрожденіе можетъ быть только результатомъ продолжительнаго воспитанія народа. Внезапное соціалистическое законодательство такъ же мало можетъ достичь своей цѣли, какъ и законъ, предписывающій всѣмъ гражданамъ сдѣлаться, начиная съ опредѣленнаго времени, мудрыми и добродѣтельными".

Особенное положительное значеніе имѣютъ обстоятельныя указанія литературы предмета, приводимыя въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ въ примѣчаніяхъ [1]).

IV.

— На сибирскія темы. Подъ редакціей М. Н. Соболева. Спб. 1905.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ отмѣчаемъ появленіе этой книги. Помимо прекрасной благотворительной цѣли (сборникъ изданъ въ пользу томскихъ воскресныхъ школъ и Гоголевскаго народнаго дома), онъ интересенъ и по своему содержанію, и еще болѣе по тому духу общественности и сочувствія ко всему идущему навстрѣчу просвѣщенію и свободѣ, который является объединяющимъ началомъ ряда различныхъ по темамъ статей. Редакторъ, М. Н. Соболевъ, объясняетъ во введеніи, какимъ образомъ создалась эта книга. Года два назадъ преподаватели томскихъ воскресныхъ школъ задумали ознаменовать двадцатипятилѣтіе со времени основанія послѣднихъ и остановились на предположеніи издать литературный сборникъ. Особая коммиссія обратилась къ писателямъ, такъ или иначе связаннымъ съ Сибирью, съ просьбой принять участіе въ задуманномъ изданіи. Съ понятнымъ сочувствіемъ откликнулись многіе писатели на этотъ призывъ; къ статьямъ, присланнымъ ими, было присоединено нѣсколько статей, посвященныхъ памяти Ядринцева (первоначально онѣ предназначались для неосуществившагося „Сборника памяти Ядринцева"),—и такимъ образомъ составилась книга, достойная вниманія во многихъ отношеніяхъ. „Скоро исполнится двадцать-пять лѣтъ,—читаемъ въ предисловіи,—какъ безкорыстно работаетъ группа лицъ въ томскихъ воскресныхъ школахъ, черезъ которыя за четверть вѣка прошло свыше 9.000 человѣкъ учащихся, взрослыхъ и малолѣтнихъ. Въ настоящее время томскія воскресныя школы водворились въ Гоголевскомъ народномъ домѣ, въ учрежденіи, созданномъ пожертвованіями частныхъ лицъ и томскаго городского самоуправленія. Издавая „Сборникъ", воскресныя школы не только полагаютъ отмѣтить имъ свой двадцатипятилѣтній юбилей, но и надѣются получить отъ продажи изданія нѣ-

[1]) О книгѣ Менгера см. также въ „Новостяхъ иностр. литературы".

которую матеріальную поддержку на оборудованіе своего помѣщенія и на свои образовательныя нужды".

Памяти Ядринцева посвятили въ высшей степени сочувственныя теплыя строки С. Н. Южаковъ и Н. К. Михайловскій. Онѣ рисуютъ покойнаго публициста личностью въ высокой степени цѣльною, самоотверженно любившею свою родную Сибирь, полною неугасимой вѣры въ лучшее будущее своей родины и Россіи вообще. Михайловскій опредѣляетъ патріотизмъ Ядринцева, какъ не только высоко гуманный и сознательный, но и „дѣйственный", увлекавшій его на активную работу во имя своихъ идеаловъ. Идеи справедливости и человѣчности были руководящими началами этой „дѣйственности". Въ доказательство этого Михайловскій приводитъ слова Ядринцева, къ которымъ было бы не лишнее прислушаться и въ настоящее время. Они относились собственно къ инородцамъ Сибири, но въ нихъ выразилась вся физіономія писателя со всѣмъ складомъ его общечеловѣческихъ и политическихъ убѣжденій. „Мы не можемъ,—писалъ Ядринцевъ,—относиться безучастно къ судьбѣ инородцевъ и къ инородческому вопросу въ Россіи и Сибири. Нельзя допустить, чтобы рядомъ съ благосостояніемъ одной расы ухудшалось положеніе такихъ же людей, живущихъ рядомъ; невыгодно имѣть среди развивающейся культуры, въ странѣ, тронутой этой культурой, пустыни дикарей, обреченныхъ на бѣдственное состояніе; несправедливо, давая просвѣщеніе одной части населенія, исключать другую. Наконецъ, невозможно допускать въ краѣ, гдѣ усваивается цивилизація и просвѣщеніе, какое-либо униженіе, рабство и эксплуатацію человѣческой личности". Въ сборникѣ помѣщено и нѣсколько стихотвореній самого Ядринцева. Онъ не былъ поэтомъ, но отъ стихотвореній его вѣетъ тою же любовью къ родному краю, милой и нѣжной задумчивостью, искренностью тихаго и грустнаго чувства.

Въ статьѣ „Оскудѣніе Западной Сибири" г. П. Голубевъ останавливается на фактахъ и причинахъ отсталости западной половины Сибири сравнительно съ восточной, причемъ ставитъ эту отсталость въ связи съ условіями общаго характера. По мнѣнію автора, громадную роль въ этомъ отношеніи сыграло проведеніе желѣзной дороги, усилившей окраины насчетъ центра. „При существующихъ въ Россіи условіяхъ необезпеченности крестьянъ въ правовомъ отношеніи, при ихъ малоземельи и отсутствіи кредита, когда другія сословія пользуются имъ въ изобиліи, при чрезмѣрномъ податномъ обложеніи ихъ, желѣзныя дороги, будучи сами по себѣ могучимъ средствомъ передвиженія, имѣютъ для крестьянскаго хозяйства скорѣе значеніе отрицательное, чѣмъ положительное". Этотъ выводъ авторъ дѣлаетъ на основаніи разсмотрѣнія историко-статистическихъ данныхъ за извѣст-

ный періодъ лѣтъ о поступленіи по сибирскимъ губерніямъ разныхъ сборовъ въ казну (за право торговли и промысловъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и податныхъ). Мѣстнымъ изученіямъ посвящены статьи гг. Кауфмана, Щербины, Лаппо, Соболева („Задачи экономической политики въ Сибири"). Авторъ послѣдней статьи, разсмотрѣвъ условія добывающей и обрабатывающей промышленности въ Сибири, приходитъ къ выводу, что эта страна должна въ своихъ собственныхъ выгодахъ на долгіе годы ограничиться ролью земледѣльческой колоніи; поэтому экономически-нецѣлесообразно насаждать и поощрять въ ней промышленность обрабатывающую. Г. Оглоблину принадлежитъ очеркъ о старцѣ Авраміи Венгерскомъ, одномъ изъ дѣятелей сибирскаго раскола. Кромѣ указанныхъ статей, въ сборникѣ находимъ нѣсколько разсказовъ, историческихъ воспоминаній (Г. Н. Потанина, И. П. Бѣлоконскаго), стихотвореніе г. Тана, замѣтки. Внѣшняя сторона изданія производитъ пріятное впечатлѣніе.

V.

Изъ украинской старины. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ. 1905.

Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ (1902) проф. Сумцовымъ былъ изданъ сборникъ статей подъ заглавіемъ „Очерки народнаго быта", заключавшій въ себѣ его наблюденія во время этнографической экскурсіи въ Ахтырскомъ и Лебедянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи. Въ настоящее время авторъ пріурочиваетъ свой сборникъ къ XIII археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. Въ этомъ сборникѣ авторъ соединилъ двѣнадцать статей, направленныхъ преимущественно на опредѣленіе бытовой старины Малороссіи, на основаніи украинскихъ писателей. Нѣкоторыя статьи появляются здѣсь впервые, другія перепечатаны изъ прежнихъ изданій, въ переработкѣ или съ дополненіями. Нѣкоторыя статьи мѣстнаго, харьковскаго, интереса снабжены рисунками.

Въ статьѣ „Къ исторіи Украинской иконописи" авторъ подчеркиваетъ важность опредѣленія и изученія южно-русскаго, въ общемъ мало извѣстнаго иконописнаго творчества. „Въ то время,—говоритъ онъ,—когда сѣверно-русскіе иконописные пріемы обстоятельно изучаются и выдающіеся памятники иконописи московской, владимірской, новгородской въ значительной степени уже собраны и изслѣдованы, иконопись южно-русская, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ въ тѣни, мало обслѣдована, и образцы ея разбросаны въ мало извѣстныхъ и трудно доступныхъ общественныхъ и частныхъ музеяхъ или

въ сельскихъ церквахъ, иногда въ забросѣ въ притворѣ или гдѣ-нибудь въ темномъ углу. А между тѣмъ остатки южно-русской иконописи заслуживаютъ полнаго вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія,— этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе, что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Цареграда, южно-русскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, къ „маткѣ своей Малой Россіи" онъ въ свои иконописныя попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII стол. стали проникать западно-европейскія художественныя вліянія, преимущественно итальянскіе мотивы, въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное, въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ, южно-русскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти не только удовлетворяли религіозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы на духовную потребу гордой шляхты".

Авторъ приводитъ цѣлый рядъ любопытныхъ явленій изъ области южно-русской иконописи, иллюстрируя свои описанія отчетливо выполненными снимками; особенно интересна иллюстрація акаѳиста Богородицы, представляющая собою попытку осмыслить пестрое и недостаточно вразумительное содержаніе акаѳистнаго текста. Въ статьѣ „Бытовая старина въ „Энеидѣ" И. П. Котляревскаго" авторъ даетъ этнографическій и археологическій комментарій къ тѣмъ положеніямъ и опредѣленіямъ Котляревскаго, которыя уже прочно установились въ литературѣ. Изъ остальныхъ статей, носящихъ по преимуществу этнографическій характеръ, отмѣтимъ работы о Квиткѣ, Шевченкѣ, Манжурѣ и др. Значеніе Квитки-Основьяненка представляется автору въ слѣдующихъ чертахъ: „Можно сказать, что Квитка былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ малорусскихъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь. Онъ не издавалъ своихъ записей въ видѣ сырого этнографическаго матеріала; научное значеніе такихъ записей въ то время не было сознано, и изданіе ихъ въ свѣтъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Такія затрудненія Квитка обходилъ, придавая своимъ этнографическимъ матеріаламъ литературную обработку и выпуская ихъ въ рамкѣ романической фабулы"... „Кое-что изъ того, что̀ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ было этнографично, теперь представляется устарѣлымъ, служитъ матеріаломъ для исторіи быта и культуры; но многое еще сохраняетъ бытовое значеніе и представляется

характернымъ для малорусскаго народа и въ настоящемъ положеніи его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія".

Опредѣленіе въ художественной литературѣ чертъ этнографическихъ, вообще бытовыхъ, должно занять, несомнѣнно, видное мѣсто въ предстоящей разработкѣ соотношеній народнаго творчества съ художественной литературой и дастъ цѣнные выводы историко-бытового характера. Въ этомъ смыслѣ книга г. Сумцова, подобно его многочисленнымъ прежнимъ работамъ, прокладываетъ дорогу въ область, сравнительно еще мало изслѣдованную, что̀ и опредѣляетъ ея основное значеніе, въ связи съ тѣми пріемами и методами изслѣдованія, которые составляютъ отличительную особенность этого писателя.

VI.

Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1905 г. Книга VI. Спб. 1905.

Большая часть этой книжки занята повѣстью г. А. Куприна „Поединокъ", которая справедливо обратила на себя вниманіе и публики, и критики. Она представляетъ собой во многихъ отношеніяхъ выдающееся явленіе, интересное не только съ точки зрѣнія фабулы и особенностей художественнаго выполненія, но и по глубокой жизненности своего идейнаго содержанія, по своему соотвѣтствію съ заботами и потребностями переживаемой нами минуты. Живой и общественно чуткій темпераментъ писателя ставитъ въ его дарованіи публицистическій элементъ на первый планъ, подчиняя ему пріемы объективно-художественнаго изображенія: этимъ объясняются достоинства и недостатки произведенія—возбужденіе горячей общественной мысли, чувство негодованія и возмущенія по поводу совершающихся на нашихъ глазахъ зла и неправды, пламенныя рѣчи героевъ, необъяснимыя изъ развитія драматическаго элемента въ романѣ, растянутость, эскизность въ обрисовкѣ многихъ сценъ и характеровъ; общее впечатлѣніе—яркая, жизненная правда, захватывающая своимъ содержаніемъ все вниманіе читателя, живая, превосходная фотографія дѣйствительности съ тѣмъ отличіемъ, что она представляетъ собою не бездушное отраженіе того, что̀ существуетъ на свѣтѣ, но согрѣтое искреннимъ призывомъ автора къ жизни и борьбѣ съ ея темными сторонами.

Изображается въ повѣсти захолустная офицерская среда, проникнутая искусственной атмосферой преувеличеннаго понятія о своемъ званіи, насилія и грубости, съ одной стороны, и униженія, мелочныхъ оскорбленій, умственнаго убожества, съ другой. Будничная жизнь ка-

плетъ день за днемъ среди сѣрыхъ казарменныхъ стѣнъ, пьянаго угара въ офицерскомъ собраніи, среди мелкихъ интригъ и сплетенъ, грубаго разгула, циничныхъ разговоровъ, жалкаго тщеславія и пустоты. Историческія традиціи военной службы, традиціи кровавыхъ войнъ, дикаго разгула, рыцарскихъ добродѣтелей и дворцовыхъ переворотовъ выродились въ жалкое армейское прозябаніе по глухимъ городишкамъ, еврейскимъ мѣстечкамъ, превратившись въ одно формальное, для большинства ненавистное несеніе служебныхъ обязанностей, въ которомъ нѣтъ и тѣни прежняго соотвѣтствія съ духомъ времени и условіями общественной организаціи. Эта, пережившая самоё себя военная атмосфера служитъ содержаніемъ повѣсти г. Куприна, знакомаго, новидимому, съ военнымъ бытомъ до мельчайшихъ подробностей. Сюжетъ повѣсти незатѣйливъ. Молодой, симпатичный юноша Ромашовъ выходитъ въ офицеры по какому-то недоразумѣнію: онъ слишкомъ мягокъ и слабъ душою, чтобы безъ внутренней борьбы свыкнуться съ грубой дѣйствительностью; онъ слишкомъ чутокъ и честенъ, чтобы сразу покончить со всѣми молодыми порывами своей души, но не настолько силенъ и развитъ, чтобы противопоставить свою волю разлагающему вліянію среды. Въ прошломъ у него—наполовину потерянные годы въ корпусѣ и военномъ училищѣ, въ будущемъ—смутныя надежды на самообразованіе и мечты объ академіи, въ настоящемъ передъ нимъ одинъ путь—ненавистная служба, безденежье, провинціальная тина, душевная пустота. Женщины его берутъ, какъ ребенка, товарищи его не уважаютъ, потому что онъ нѣженъ, слабохарактеренъ, не служака, нѣчто неопредѣлившееся, неоформленное. Онъ гордо, по-дѣтски, мечтаетъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, а самъ инстинктивно ищетъ участія и ласки. Поманила его одна изъ полковыхъ дамъ, и Ромашовъ очутился ея любовникомъ; поманила другая, красивѣе, сильнѣе, и Ромашовъ со всею искренностью, на которую былъ способенъ, отдалъ ей свое чувство, не огненно-страстное, но сердечное, простое, готовое на жертвы. Авторъ разсказываетъ, какъ изъ-за одной изъ такихъ дамъ, не любившей, какъ водится, мужа, произошла ссора, повлекшая къ нелѣпой дракѣ и поединку, по приговору офицерскаго суда чести. Обстановка всего дѣла не заслуживаетъ того, чтобы на ней подробно останавливаться въ коротенькой замѣткѣ: здѣсь, какъ въ большинствѣ скандальныхъ полковыхъ исторій, есть налицо и подлость, и интрига, и недоброжелательство, и жестокость, и грубое издѣвательство надъ правосудіемъ, стоившее, во имя нелѣпыхъ понятій о чести, жизни совсѣмъ еще молодому человѣку. Судъ офицеровъ, среди которыхъ, если вѣрить автору повѣсти, есть и шулера, и утайщики солдатскихъ денегъ, и отъявленные пропойцы, и тупые, совсѣмъ невѣжественные люди, призванъ рѣшать вопросъ

жизни и смерти, не имѣя ни средствъ, ни желанія изслѣдовать глубину человѣческой души, взвѣсить всѣ нравственные мотивы и найти въ нихъ то оздоровляющее начало, присутствіе котораго парализуетъ всякую мысль о насиліи и смерти. Отжившее, средневѣковое понятіе о рыцарской чести превратилось въ жалкій лоскутъ, который люди хотятъ сдѣлать бѣлымъ, моя не всегда чистыми руками въ мутной водѣ. Со всѣмъ строемъ вывѣтрившейся формалистики, ненужныхъ жестокостей, напрасныхъ страданій, съ переустройствомъ всей военной организаціи на болѣе раціональныхъ началахъ, и это потерявшее свой смыслъ право располагать жизнью другого должно исчезнуть, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, должно замѣниться болѣе здравымъ, справедливымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ возникающимъ среди людей проявленіямъ низменныхъ сторонъ ихъ природы—вражды, мстительности и злобы. Таково заключеніе, выносимое читателемъ изъ повѣсти г. Куприна. На развитіи разсужденій этого порядка нельзя не остановиться болѣе подробно. Авторъ вкладываетъ ихъ, въ отвлеченной формѣ, въ уста весьма искусственно сочиненной фигуры—офицера Назанскаго, алкоголика, неудачника. Отрезвляясь отъ хмельного угара, Назанскій плыветъ въ лодкѣ съ Ромашовымъ и проводитъ параллель между тѣмъ, какъ прекрасна жизнь сама по себѣ, и тѣмъ, во что превращаютъ ее люди. По его словамъ, въ жизни нѣтъ ничего лучшаго радости бытія. По его мнѣнію, никто въ мірѣ не вѣритъ въ загробную жизнь. „Оттого всѣ страшатся смерти, но малодушные дураки обманываютъ себя перспективами лучезарныхъ садовъ и сладкаго пѣнія кастратовъ, а сильные—молча перешагиваютъ грань необходимости"... „О, радость, о, божественная красота жизни", восторгается Назанскій, и восторгъ этотъ пріобрѣтаетъ особый, таинственный смыслъ: ихъ бесѣда происходитъ наканунѣ поединка Ромашова. „Смотрите: голубое небо, вечернее солнце, тихая вода—вѣдь дрожишь отъ восторга, когда на нихъ смотришь—вонъ тамъ, далеко, вѣтряныя мельницы машутъ крыльями, зеленая, кроткая травка, вода у берега—розовая, розовая отъ заката. Ахъ, какъ все чудесно, какъ все нѣжно и счастливо!" Отъ этой идилліи Назанскій переходитъ къ характеристикѣ офицерской жизни, и картины одна другой безотраднѣе создаются его возбужденной рѣчью: „Поглядите-ка вы на нашихъ офицеровъ,—говоритъ онъ.—О, я не говорю про гвардейцевъ, которые танцуютъ на балахъ, говорятъ по-французски и живутъ на содержаніи у своихъ родителей и законныхъ женъ. Нѣтъ, подумайте вы о насъ, несчастныхъ армеутахъ, объ армейской пѣхотѣ, объ этомъ главномъ ядрѣ славнаго русскаго войска. Вѣдь все это заваль, рвань, отбросы. Въ лучшемъ случаѣ—сыновья искалѣченныхъ капитановъ. Въ большинствѣ же—убоявшіеся премудрости гимназисты, реалисты,

даже неокончившіе семинаристы. Я вамъ приведу въ примѣръ нашъ полкъ. Кто у насъ служитъ хорошо и долго? Бѣдняки, обремененные семьями, нищіе, готовые на всякую уступку, на всякую жестокость, даже на убійство, на воровство солдатскихъ копѣекъ,—и все это изъ-за своего горшка щей. Ему приказываютъ: стрѣляй, и онъ стрѣляетъ,—кого? за что? можетъ быть, понапрасну?—ему все равно, онъ не разсуждаетъ. Онъ знаетъ, что дома пищатъ его замурзанные рахитическія дѣти, и онъ безсмысленно, какъ дятелъ, выпуча глаза, долбитъ одно слово: „присяга"! Все, что есть талантливаго, способнаго,—спивается. У насъ семьдесятъ пять процентовъ офицерскаго состава больны сифилисомъ. Одинъ счастливецъ—и это разъ въ пять лѣтъ—поступаетъ въ академію, его провожаютъ съ ненавистью. Болѣе прилизанные и съ протекціей неизмѣнно уходятъ въ жандармы или мечтаютъ о мѣстѣ полицейскаго пристава въ большомъ городѣ. Дворяне и тѣ, кто хотя съ маленькимъ состояніемъ,—идутъ въ земскіе начальники. Положимъ, остаются люди чуткіе, съ сердцемъ, но что они дѣлаютъ? Для нихъ служба—это сплошное отвращеніе, обуза, ненавидимое ярмо. Всякій старается выдумать себѣ какой-нибудь побочный интересъ, который его поглощаетъ безъ остатка. Одинъ занимается коллекціонерствомъ, многіе ждутъ не дождутся вечера, когда можно сѣсть дома у лампы, взять иголку и вышивать по канвѣ крестиками какой-нибудь паршивенькій ненужный коверчикъ или выпиливать лобзикомъ ажурную рамку для собственнаго портрета. На службѣ они мечтаютъ объ этомъ, какъ о тайной сладостной радости. Карты, хвастливый спортъ въ обладаніи женщинами—объ этомъ я ужъ не говорю. Всего гнуснѣе служебное честолюбіе, мелкое, жестокое честолюбіе. Это Осадчій и компанія, выбивающая зубы и глаза своимъ солдатамъ. Знаете ли, при мнѣ Арчаковскій такъ билъ своего денщика, что я насилу отнялъ его. Потомъ кровь оказалась не только на стѣнахъ, но и на потолкѣ. А чѣмъ это кончилось, хотите ли знать? Тѣмъ, что денщикъ побѣжалъ жаловаться ротному командиру, а ротный командиръ послалъ его съ запиской къ фельдфебелю, а фельдфебель еще полчаса билъ его по синему, опухшему, кровавому лицу. Этотъ солдатъ дважды заявлялъ жалобу на инспекторскомъ смотру, но безъ всякаго результата"...

Война отжила свое время, думается Назанскому,—время хмельной радости, кровавой и доблестной утѣхи. Военная служба для солдата—насильственная тягота, а не веселое и хищное ремесло. Начальники изъ грозныхъ и обожаемыхъ атамановъ превратились въ чиновниковъ, влачащихъ жалкое существованіе за нищенское жалованье. „Ихъ доблесть—подмоченная доблесть. И воинская дисциплина—дисциплина за страхъ—соприкасается съ обоюдною ненавистью. Красивые фазаны

облиняли. Только одинъ подобный примѣръ я знаю въ исторіи человѣчества. Это монашество. Начало его было смиренно, красиво и трогательно. Можетъ быть,—почемъ знать—оно было вызвано міровой необходимостью? Но прошли столѣтія, и что же мы видимъ? Сотни тысячъ бездѣльниковъ, развращенныхъ, здоровенныхъ лоботрясовъ, ненавидимыхъ даже тѣми, кто въ нихъ имѣетъ время отъ времени духовную потребность. И все это прикрыто внѣшней формой, шарлатанскими знаками касты, смѣшными вывѣтрившимися обрядами. Нѣтъ, я не напрасно заговорилъ о монахахъ, и я радъ, что мое сравненіе логично. Подумайте только, какъ много общаго. Тамъ—раса и кадило, здѣсь—мундиръ и гремящее оружіе; тамъ—смиреніе, лицемѣрные вздохи, слащавая рѣчь, здѣсь—наигранное мужество, гордая честь, которая все время вращаетъ глазами: „а вдругъ меня кто-нибудь обидитъ?"—выпяченныя груди, вывороченные локти, поднятыя плечи. Но и тѣ и другіе живутъ паразитами и знаютъ, вѣдь знаютъ это глубоко въ душѣ, но боятся познать это разумомъ и, главное, животомъ. И они подобны жирнымъ вшамъ, которыя тѣмъ сильнѣе отъѣдаются на чужомъ тѣлѣ, чѣмъ оно больше разлагается".

Рѣчь Назанскаго переходитъ въ пророческій тонъ. Онъ говоритъ о времени наступленія великихъ разочарованій и страшной переоцѣнки, говоритъ о точныхъ и неумолимыхъ законахъ „генія человѣчества", по которымъ вѣковое рабство кончится ужаснымъ распаденіемъ, и чѣмъ громаднѣе было насиліе, тѣмъ кровавѣе будетъ расправа. Представителей насилія, угнетенія личности, произвола перестанутъ уважать, а *преданный* имъ солдатъ откажется повиноваться. „И это будетъ не за то, что мы били въ кровь людей, лишенныхъ возможности защищаться, и не за то, что намъ, во имя чести мундира, проходило безнаказаннымъ оскорбленіе женщинъ, и не за то, что мы, опьянѣвъ, рубили въ кабакахъ въ окрошку всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, и не за то также, что мы, начальственные дармоѣды, покрывали во всѣхъ странахъ и на всѣхъ поляхъ сраженій позоромъ русское оружіе, а наши же солдаты выгоняли насъ изъ кукурузы штыками. Конечно, и за то и за это, но есть у насъ болѣе страшная и уже теперь непоправимая вина.—Это то, что мы—слѣпы и глухи ко всему. Давно уже, гдѣ-то вдали отъ нашихъ грязныхъ, вонючихъ стоянокъ, совершается огромная новая, свѣтозарная жизнь. Появились новые смѣлые, гордые люди, загораются въ умахъ пламенныя свободныя мысли. Какъ въ послѣднемъ дѣйствіи мелодрамы, рушатся старыя башни и подземелья, и изъ-за нихъ уже видится ослѣпительное сіяніе. А мы, надувшись, какъ индѣйскіе пѣтухи, только хлопаемъ глазами и надменно болбочемъ: „что? гдѣ? молчать! Бунтъ! Застрѣлю!" И вотъ этого-то

индюшачьяго презрѣнія къ свободѣ человѣческаго духа намъ не простятъ—вовѣки вѣковъ“.

Сквозь общія, подчасъ утопическія разсужденія о новой божественной вѣрѣ, которая пребудетъ безсмертной до конца міра, что̀, казалось бы, не очень вяжется съ высказывавшимися выше матеріалистическими взглядами на жизнь и неотступнымъ страхомъ смерти,—у Назанскаго, а вѣрнѣе у автора, проступаетъ непреоборимая ненависть къ тому насилію и угнетенію, которое заключилось въ форму спеціальныхъ признаковъ и привиллегій офицерскаго сословія. Но рядомъ съ прекрасными и вполнѣ основательными разсужденіями, которыя не могутъ не вызвать желанія распространить мысли автора и вширь, и вглубь, у него встрѣчаются и положенія нѣсколько рискованныя и увлеченія, особенно тамъ, гдѣ авторъ не можетъ освободиться отъ вліянія Максима Горькаго. Допуская возможность паденія до босячества, до пропойства, Назанскій у г. Куприна идеализируетъ эти два родственныя состоянія и, забывъ свои разсужденія о человѣкѣ, царѣ міра и богѣ всего живущаго, находитъ жизнь любого бродяжки полнѣе и интереснѣе, чѣмъ жизнь какихъ-нибудь захудалыхъ армейскихъ служакъ. „Ходишь по землѣ—туда-сюда, видишь города, деревни, знакомишься со множествомъ странныхъ, безпечныхъ, насмѣшливыхъ людей, смотришь, нюхаешь, слышишь, спишь на росистой травѣ, мерзнешь на морозѣ, ни къ чему не привязанъ, никого не боишься, обожаешь свободную жизнь всѣми частицами души... Эхъ, какъ люди вообще мало понимаютъ! Не все ли равно: ѣсть воблу или сѣдло дикой козы съ трюфелями, напиваться водкой или шампанскимъ, умереть подъ балдахиномъ или въ полицейскомъ участкѣ. Все это детали, маленькія неудобства, быстро проходящія привычки. Онѣ только затѣняютъ, обезцѣниваютъ самый главный и громадный смыслъ жизни“.

Пора оставить это ребяческое превознесеніе босячества, какъ состоянія, въ которомъ смыслъ жизни находитъ лучшіе способы своего осуществленія. Онъ — въ человѣкѣ, въ его внутреннемъ отношеніи ко всему, съ чѣмъ соприкасается его душа и тѣло. Можно быть офицеромъ, статистикомъ, писателемъ и постигать этотъ смыслъ или не постигать его, точно также, можно жить въ тепломъ, уютномъ домѣ и прозябать въ сырости и холодѣ—и нисколько не быть ближе или дальше отъ того, что̀ является осмысленіемъ и одухотвореніемъ жизненнаго процесса. Ходить и смотрѣть, какъ люди живутъ свѣтло и обильно, а самому въ то же время голодать или мерзнуть—это еще мало для сколько-нибудь удовлетворительной философіи жизни; гораздо убѣдительнѣе та философія, которая не даетъ повода къ возможности оправданія зла, но учитъ, что у всѣхъ людей должны быть

надежные пріюты отъ стужи и голода, и не должно быть на землѣ босяковъ, какъ не должно быть офицеровъ въ родѣ капитана Сливы, не должно быть монаховъ, всякаго рода тунеядцевъ и хищниковъ.

Но это отступленіе. Вдохновенныя рѣчи Назанскаго пропали для Ромашова даромъ: на слѣдующее утро онъ былъ убитъ, и что сталось съ его „учителемъ жизни", читатель не знаетъ. Вѣроятно, онъ окончательно спился, не сумѣвъ выйти изъ заколдованнаго круга, или, въ лучшемъ случаѣ, осуществивъ въ босячествѣ свое стихійное тяготѣніе къ свободѣ. Не знаетъ и не порывается знать читатель и того, что сталось съ женой Николаева—Шурочкой, которая влюбила въ себя Ромашова и, вопреки настояніямъ Назанскаго, послала его на вѣрную смерть. Шурочка менѣе всего загадка, „енигмъ", какъ выражается одинъ изъ офицеровъ повѣсти: сильная и умная, она борется, черезъ посредство мужа, котораго не любитъ, за призракъ своей власти и обаянія въ обществѣ, въ которое войдетъ полноправнымъ членомъ, когда мужъ, при ея помощи, осилитъ академію генеральнаго штаба и пріобрѣтетъ связанныя съ этимъ блага, а если мужу и не повезетъ, она не задумается разбить и его жизнь и пойдетъ обычной дорогой, слишкомъ просторной для тѣхъ, кто руководится тщеславіемъ и неразборчивъ на средства. „Я надругаюсь надъ собой, но сгорю въ одинъ мигъ и ярко, какъ фейерверкъ",—говоритъ она Ромашову, заставляя его принять дуэль, чтобы не испортить карьеру мужа.—Нѣтъ, она не сгоритъ, она слишкомъ для этого разсчетлива и холодна. Она блуждающимъ огонькомъ пробѣжитъ въ жизни сама для себя, обжигая на пути и ни въ комъ не зажигая божественной искры, той любви къ жизни и людямъ, которая есть свѣтъ и тепло, и радость. Этотъ типъ, опредѣленный, ясный, у автора очерченъ удачно.

Много въ повѣсти Куприна мастерскихъ описаній, живыхъ сценъ, написанныхъ жизненно и тепло. Вся вообще повѣсть проникнута горячимъ и возвышеннымъ протестомъ противъ всего, что стѣсняетъ и дѣлаетъ жизнь низменной и мутной. Но еслибы рука художника болѣе властно прошлась по страницамъ горячей проповѣди и протеста, она, вѣроятно, сгладила бы нѣкоторыя неровности, смягчила бы два-три ненужно-грубыхъ эффекта, отвлеченнымъ разсужденіямъ подыскала бы конкретно-жизненныя формы,—тогда преобладаніе публицистическаго элемента не было бы такъ замѣтно, и читатель еще съ бо́льшимъ правомъ могъ бы привѣтствовать въ лицѣ г. Куприна выдающееся художественное дарованіе, отъ котораго хотѣлось бы ожидать еще многаго.

VII.

— С. Подъячевъ. Митарства. 1. Московскій работный домъ.—2. По этапу. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 1905.

Въ послѣднее время все чаще и чаще появляются книги, о которыхъ можно сказать, что онѣ—сама жизнь. Независимо отъ степени художественнаго дарованія, служащаго такъ или иначе объектомъ эстетическаго наслажденія читателя, содержаніе такихъ книгъ настолько бьетъ своей реальной, неподкрашенной правдой, что сколько-нибудь живой человѣкъ не можетъ не задуматься надъ самымъ фактомъ жизни, поразившимъ его воображеніе или чувство. Широкая жизнь заговорила о себѣ въ изящной литературѣ, заговорила всѣми способами сильной, выразительной, грубой и жестокой, трогательной и нѣжной народной рѣчи, повѣяла жестокой болью и безысходной скорбью беззащитнаго, безпріютнаго люда, страстно жаждущаго свободы и томящагося въ убожествѣ и темнотѣ. И оставаться равнодушнымъ къ голосамъ людей, доносящимся изъ глубинъ народнаго горя до раззолоченныхъ палатъ и дворцовъ, значитъ не просто быть черствымъ и глухимъ къ страданіямъ равныхъ себѣ, но и быть причастнымъ къ преступленію, если эти голоса достигаютъ тѣхъ, въ чьей власти вскрыть язвы и организовать борьбу съ ужасными сторонами жизни.

И самые закоренѣлые формалисты, столь привычные къ суровой практикѣ люди не остаются равнодушны, когда со страницъ книги, нервами и кровью написанной, ударитъ имъ въ глаза правда, созданная ихъ нерадивыми, жесткими руками. Одинъ изъ такихъ случаевъ, пока, къ сожалѣнію, рѣдкихъ, разсказанъ въ этой книгѣ. Разсказалъ ея авторъ о томъ, что̀ такое представлялъ московскій работный домъ, задуманный, вѣроятно, съ благою цѣлью пріютить, обогрѣть, накормить голодный и холодный людъ, стекающійся въ Москву изъ неурожайныхъ деревень и гибнущій въ ней безъ работы. И многіе годы существовалъ этотъ домъ, и общественная совѣсть была спокойна; всѣ знали, что есть заботливая рука, пекущаяся объ этихъ сотняхъ и тысячахъ живыхъ рабочихъ рукъ, искавшихъ и не находившихъ себѣ дѣла. Есть, стало быть, помощь несчастнымъ и слабымъ, есть живая, дѣятельная организація, которая приводитъ въ движеніе эти сильныя, мозолистыя руки и заставляетъ создавать полезную, культурную работу, столь нужную нашей родинѣ. И тысячи людей проходили черезъ это учрежденіе и исчезали въ пространство, и обыватель уже не интересовался ихъ судьбой, успокаиваясь на

мысли о почтенно выполненномъ долгѣ. И тѣмъ ужаснѣе предстала предъ нимъ картина, когда оказалось, что благодѣтельно задуманный работный домъ—горше тюрьмы, что беззащитныхъ и безпріютныхъ людей держатъ тамъ хуже собакъ, заставляютъ голодать, развиваютъ пороки и болѣзни, всячески унижаютъ и оскорбляютъ. Чего, чего не вытерпѣлъ авторъ (ведущій разсказъ отъ своего лица), когда, наголодавшись и измучившись въ поискахъ работы, онъ заявилъ желаніе поступить въ работный домъ! Положительно морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, когда подумаешь, что всѣ эти безсмысленныя жестокости и издѣвательства совершаются подъ видомъ благодѣянія, и что учрежденія, облекающія свою дѣятельность въ возвышенныя формы общественнаго служенія, на дѣлѣ подчасъ проявляютъ то же формальное, казенное отношеніе, въ которомъ и тѣни нѣтъ живой, любовной заботы о человѣкѣ.

Предлагая вниманію читателей очерки С. П. Подъячева, издатели сочли нужнымъ подчеркнуть ихъ конкретно - публицистическое значеніе. Появленіе нѣсколько лѣтъ назадъ гнетуще-тяжелыхъ картинъ изъ жизни работнаго дома всколыхнуло многихъ (особенно въ Москвѣ), а въ московской городской думѣ вызвало рядъ тревожныхъ запросовъ со стороны гласныхъ и затѣмъ ревизію. Московская администрація, въ свою очередь, проявила начальственную заботливость въ области, яко бы отъ нея непосредственно независящей, и тоже сдѣлала запросъ городскому самоуправленію относительно порядковъ въ подвѣдомственномъ ему учрежденіи.

Дума, какъ разсказано объ этомъ въ предисловіи, не могла оставить безъ отвѣта эти запросы. Въ „Извѣстіяхъ московской городской думы“ появилась статья, представляющая „какъ бы отвѣтъ“ на очерки г. Подъячева. Признавая, что повѣствованіе г. Подъячева „носитъ печать тяжелаго личнаго настроенія“, авторъ полуоффиціальной статьи не можетъ отказать ему въ томъ, что отдѣльныя описанія отличаются полной правдивостью; все это такъ бывало, а коечто и до сихъ поръ такъ бываетъ въ работномъ домѣ“.

„Лучшей стороной этого отвѣта является то,—какъ справедливо замѣчаютъ издатели,—что указанія автора уже приняты во вниманіе. Такимъ образомъ, кое - что изъ фактическихъ условій рисуемаго г. Подъячевымъ быта отошло уже или отойдетъ вскорѣ въ область прошлаго. Но главный интересъ очерковъ, разумѣется, не въ этихъ чисто внѣшнихъ чертахъ. Многое въ этой тяжелой картинѣ коренится гораздо глубже тѣхъ условій, которыя въ состояніи измѣнить городская управа, а живая и страдающая „на днѣ“ городской жизни человѣческая душа, правдиво отраженная авторомъ, сохранитъ свое значеніе при всякихъ условіяхъ“.

Очерки г. Подъячева отличаются и чисто-литературными достоинствами—изобразительностью, силою и мѣткостью языка, а второй очеркъ („По этапу")—и типичностью. Передавая свои впечатлѣнія о средѣ людей, дошедшихъ до крайней степени обезличенія и нравственнаго паденія, авторъ умѣетъ находить въ нихъ искорки человѣчности и добрыхъ чувствъ, которыхъ не могли вытравить ни лишеніе свободы, ни голодъ, ни позоръ, и, читая, что̀ долженъ испытывать человѣкъ, отправляемый административнымъ путемъ по этапу, читатель съ невольнымъ ужасомъ спрашиваетъ себя: неужели все это совершается и въ настоящее время? А между тѣмъ вотъ что̀ мы читаемъ въ предисловіи: „Второй очеркъ перваго тома даетъ картины и впечатлѣнія этаповъ, т.-е. учрежденія, порядки котораго уже не зависятъ отъ городского самоуправленія. Много ли они отличаются отъ порядковъ работнаго дома (и въ какую сторону)—читатель увидитъ при чтеніи. Нужно только прибавить, что ни о какой тревогѣ, ни о какихъ запросахъ съ чьей бы то ни было стороны, а также ни о какихъ улучшеніяхъ по поводу этого второго очерка С. П. Подъячева мы не слыхали. Такимъ образомъ, если разсказы нашего автора повліяли отчасти на извлеченіе сучка въ глазу городского самоуправленія, то относительно бревна административно-этапныхъ порядковъ онъ далеко не былъ такъ же счастливъ"...

Вотъ почему мы желаемъ очеркамъ г. Подъячева самаго широкаго распространенія, при которомъ коллективная общественная мысль скорѣе обратитъ вниманіе на этотъ больной вопросъ нашего дурно-организованнаго быта и разрѣшитъ его прежде, нежели задумается надъ нимъ чье-либо не только участливое, но и вліятельное сердце.—Евг. Л.

VIII.

— Ежегодникъ министерства финансовъ. Выпускъ 1904 года. Спб. 1905.

Сводныя ежегодныя изданія статистическихъ свѣдѣній о различныхъ сторонахъ экономической жизни составляютъ обычное явленіе въ передовыхъ государствахъ. У насъ такіе ежегодники издаются министерствомъ финансовъ. Первоначально они обнимали области жизни, находившіяся въ вѣдѣніи этого министерства. Теперь программа ихъ значительно расширилась и, кромѣ свѣдѣній о государственныхъ, земскихъ и городскихъ финансахъ, о дѣятельности банковъ и биржъ, своднаго баланса акціонерныхъ предпріятій, о состояніи фабрично-заводской промышленности и внѣшней торговли, въ ежегодникѣ даются свѣдѣнія о путяхъ сообщенія и перевозкѣ товаровъ, объ уро-

жаяхъ хлѣбовъ, о лѣсахъ и казенномъ лѣсномъ хозяйствѣ, о почтѣ и телеграфахъ, излагаются законодательные акты въ экономической и финансовой области, а въ нѣкоторыхъ выпускахъ помѣщаются свѣдѣнія, не имѣющія періодическаго характера. Въ послѣднемъ, подлежащемъ нашему разсмотрѣнію выпускѣ „Ежегодника" къ числу такихъ свѣдѣній относятся, напр., свѣдѣнія о населеніи по переписи 1897 г., о распредѣленіи земель между собственниками Европейской Россіи въ 1900 г., о переселеніи крестьянъ въ Сибирь за 1885—1901 гг., объ арендованіи въ 1901 г. крестьянами внѣнадѣльныхъ земель и о сдачѣ ими въ аренду земель надѣльныхъ, впервые разработанныя отдѣломъ промышленности министерства финансовъ по особой программѣ свѣдѣнія о фабрично-заводской промышленности, статистическія свѣдѣнія по дополнительному и промысловому налогу за 1899—1902 гг. „Ежегодникъ" заключаетъ около тысячи страницъ убористой печати. Большая часть его свѣдѣній пріурочена къ губерніямъ, городскіе финансы приводятся для каждаго города, банковые для каждаго банка, сводные балансы для каждаго отдѣльнаго предпріятія и т. д. По поводу недостатковъ этого изданія мы выскажемъ здѣсь слѣдующія замѣчанія.

Въ Сборникѣ не имѣется никакихъ объясненій къ таблицамъ, и читателю приходится строить догадки о содержаніи нѣкоторыхъ рубрикъ съ недостаточно опредѣленными обозначеніями и о томъ, почему по одному предмету свѣдѣнія относятся къ 1903 г., по другому—къ 1902 г., а по третьему—къ 1901 г. Нѣкоторыя свѣдѣнія заимствуются изъ источниковъ, гдѣ они не имѣли характера исчерпывающаго, а, будучи перенесены въ „Ежегодникъ" безъ объясненія, они способны лишь ввести читателя въ заблужденіе. Сказанное относится къ таблицѣ объ арендѣ крестьянами внѣнадѣльныхъ земель и о сдачѣ въ аренду земель надѣльныхъ, собранныхъ въ 1901 г. департаментомъ окладныхъ сборовъ не для учета площади обращающихся въ крестьянской арендѣ земель, а для выясненія нѣкоторыхъ сторонъ арендныхъ отношеній. Крестьянскія аренды рисуются этими свѣдѣніями въ крайне уменьшенномъ размѣрѣ. Составители „Ежегодника" недостаточно знакомы съ изданіями, откуда они извлекали свѣдѣнія, и производили эти извлеченія подчасъ крайне небрежно, вслѣдствіе чего заголовки нѣкоторыхъ графъ способны совершенно спутать лицъ, пользующихся таблицами. Такъ, на страницѣ 509-й для каждой желѣзной дороги и для всей сѣти даются свѣдѣнія о количествѣ товаровъ малой скорости подъ рубриками: отправлено, прибыло, транзитъ, итого перевезено. Въ дѣйствительности же рубрика „отправлено" означаетъ отправленіе лишь на чужія дороги; отправленіе же на станціи своей дороги соединено съ прибытіемъ съ чужихъ дорогъ въ графѣ „прибыло", и дѣйствительное отправленіе дороги остается неизвѣст-

нымъ. Въ итогѣ же для всей сѣти такая путаница приводитъ къ слѣдующей несообразности. Всѣ дороги въ 1901 г. отправили будто бы 1.703 милл. пуд., а получили 3.829 милл. пуд. или на 2.126 милл. пуд. болѣе. Откуда же, спрашивается, взялись эти 2.126 милл. пуд.? Несвѣдущему читателю естественно предположить, что такую массу грузовъ русскія желѣзныя дороги получаютъ съ дорогъ иностранныхъ. Дѣло же просто объясняется тѣмъ, что большая часть отправленія каждой дороги не вошла, по выше объясненнымъ причинамъ, въ счетъ; вслѣдствіе этого обстоятельства разсматриваемое нами изданіе не даетъ свѣдѣній о главнѣйшемъ въ экономическомъ отношеніи фактѣ желѣзнодорожной статистики—о количествѣ перевозимыхъ по рельсовой сѣти товаровъ. Между тѣмъ, ежегодно издающаяся „Сводная статистика перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ“ представляетъ возможность показать не только общую сумму перевозимыхъ по рельсовой сѣти грузовъ, но и распредѣленіе ея по различнымъ категоріямъ товаровъ. Вмѣсто этихъ свѣдѣній, представляющихъ интересъ для каждаго экономиста, въ „Ежегодникѣ“ приводятся такія спеціальныя показанія, какъ число паровозовъ и вагоновъ, ихъ пробѣгъ, потребленіе топлива и т. п. для каждой дороги отдѣльно, за каковыми свѣдѣніями спеціально интересующееся этими вопросами лицо обратится, безъ сомнѣнія, не къ „Ежегоднику министерства финансовъ“, а къ соотвѣтствующимъ изданіямъ министерства путей сообщенія. Вообще говоря, пора бы уже признать, что разнаго рода статистическія изданія требуютъ руководства спеціалиста, и ихъ нельзя, поэтому, отдавать подъ надзоръ того или другого, свободнаго въ данный моментъ, чиновника. Особенно это надлежитъ имѣть въ виду правительственнымъ учрежденіямъ, публикаціи которыхъ въ нѣкоторыхъ слояхъ пользуются особымъ авторитетомъ.

Въ общемъ журналѣ мы не можемъ долго останавливаться на такомъ спеціальномъ предметѣ, какъ статистическій ежегодникъ. Поэтому, закончимъ нашу замѣтку указаніемъ на одинъ интересный отдѣлъ „Ежегодника“, служащій какъ бы отвѣтомъ на раздававшіяся въ послѣдніе годы пожеланія, чтобы статистическій отдѣлъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ издавалъ ежегодно сводныя свѣдѣнія объ обмѣнѣ грузами между различными районами. Полуотвѣтомъ на это пожеланіе являются таблицы въ „Ежегодникѣ министерства финансовъ“, въ которыхъ для нѣкоторыхъ грузовъ показывается количество, отправленное и полученное желѣзнодорожными станціями каждой губерніи, съ подраздѣленіемъ ихъ на грузы, назначенные въ сѣверные и южные порты и на западную сухопутную границу, или полученные съ этихъ районовъ. Только для этихъ 34-хъ грузовъ въ „Ежегодникѣ“ имѣются и свѣдѣнія объ общемъ количествѣ ихъ, отправленномъ русскими желѣзными дорогами за время съ 1892 года по 1901 г.

IX.

— Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Этотъ сборникъ статей составленъ и изданъ учениками и почитателями И. А. Стебута, въ честь исполнившагося пятидесятилѣтія дѣятельности его на поприщѣ научной, общественной и частной агрономіи. Въ сборникъ вошло около двадцати статей, большая часть которыхъ имѣетъ не узко-спеціальный, а обще-экономическій интересъ. Несмотря на различные предметы этихъ статей, онѣ, такъ сказать, объединяются идеей о сельско-хозяйственныхъ районахъ и порайонномъ хозяйствѣ. Идея эта выдвинута въ сборникѣ на первый планъ какъ по важности ея для нашего отечества, такъ и по близости ея къ научной и практической дѣятельности юбиляра, развивавшаго вопросъ о порайонномъ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ „въ многочисленныхъ бесѣдахъ и въ своихъ сочиненіяхъ“. Важность согласованія сельско-хозяйственной дѣятельности съ условіями и особенностями мѣстности не подлежитъ сомнѣнію, но для того, чтобы созданіе соотвѣтствующихъ типовъ хозяйствъ совершалось сознательно и систематически, нужно, чтобы эти особенности были выяснены, и подведены имъ итоги. Осуществленіе этого требуетъ разносторонняго изученія страны. И лишь послѣ того, какъ Россія будетъ разбита на районы съ точки зрѣнія климатолога, почвовѣда, экономиста и т. д., можно будетъ „путемъ мирнаго процесса сопоставленій и комбинацій опредѣлить и разграничить истинные или раціональные районы“. Разрѣшеніе этого вопроса есть дѣло еще очень отдаленнаго будущаго; въ настоящемъ же, по словамъ проф. Фортунатова, „мы не располагаемъ средствами для того, чтобы точно опредѣлить относительную важность отдѣльныхъ признаковъ, которыми характеризуется сельскохозяйственное положеніе различныхъ мѣстностей“ (стр. 19). Прямо или косвенно касаются вопроса о сельско-хозяйственныхъ районахъ особенно статья Д. И. Рихтера, о сдѣланныхъ уже попыткахъ раздѣленія Россіи на районы по естественно-историческимъ и экономическимъ признакамъ, статья П. И. Броунова, о географическихъ районахъ Россіи, А. Ѳ. Фортунатова, о районахъ яровыхъ посѣвовъ, Г. Н. Высоцкаго, о типахъ мѣстопроизрастаній, Г. И. Танфильева, о районахъ черноморскаго побережья Кавказа, А. П. Мертваго, о государственной политикѣ, какъ факторѣ въ созданіи районовъ хозяйства, А. Н. Челинцева, о районахъ, какъ стадіяхъ развитія сельскаго хозяйства, и самая длинная статья сборника—сравнительная характеристика пшеничныхъ районовъ Россіи, Аргентины и Соединенныхъ

Штатовъ Сѣверной Америки. Болѣе мелкія или спеціальныя статьи сборника мы не называемъ. Помимо значенія въ смыслѣ выясненія особенностей различныхъ районовъ Россіи, нѣкоторыя статьи разсматриваемаго изданія представляютъ интересъ и въ другихъ отношеніяхъ. Работа г. Клингена заключаетъ разсчеты о сравнительномъ положеніи хозяйства и рабочаго класса въ пшеничныхъ районахъ Россіи, Америки и Аргентины. Чтобы судить о томъ, какъ рѣзко различаются эти страны въ отношеніи общественныхъ условій сельско-хозяйственной дѣятельности при сравнительномъ сходствѣ въ условіяхъ естественныхъ, достаточно сказать, что заработная плата въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ превышаетъ въ четыре раза заработную плату русскаго сельско-хозяйственнаго рабочаго, и что, несмотря на это различіе, пудъ пшеницы въ Америкѣ обходится гораздо дешевле (38,5 коп.), чѣмъ въ Россіи (48—60 коп.). Особенно дорого (если считать по рыночнымъ цѣнамъ труда) обходится добываніе хлѣба русскому крестьянину, и если въ счетъ расходовъ положить ренту, то окажется, что послѣдній работаетъ въ убытокъ. Очень интересны разсчеты г. Клингена относительно производительности труда русскаго и американскаго рабочаго и покупательной силы ихъ заработковъ. Одинъ рабочій день, затраченный на земледѣліе, въ восточномъ районѣ Россіи приноситъ 1,86 пудовъ пшеницы, въ южной Россіи—2,7 пуд., а въ Америкѣ—14,7 пуд. или въ 6—8 разъ болѣе. Сопоставляя заработки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и фермеровъ въ Америкѣ и Россіи съ цѣнами на различные предметы, авторъ приходитъ къ заключенію, что дневной заработокъ американскаго рабочаго даетъ ему возможность пріобрѣсти въ семь разъ болѣе товаровъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ рабочій за свой заработокъ въ южной Россіи, и въ четырнадцать разъ болѣе рабочаго восточной Россіи. „Это равносильно тому, что въ Америкѣ одинъ рабочій потребляетъ прямо и косвенно столько же, сколько въ Россіи потребляютъ двѣ семьи по шести душъ каждая",—говоритъ авторъ. Въ дѣйствительности, потребленіе русскаго, сравнительно, еще ниже, потому что его семья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число неработающихъ ея членовъ больше.

Въ своей небольшой замѣткѣ г. Мертваго пытается показать, что въ Московскомъ государствѣ сельское хозяйство „развивалось планомѣрно, въ зависимости отъ основныхъ факторовъ районности", и ясно уже намѣчались различные сельско-хозяйственные районы, хотя правительство этого времени не принимало спеціальныхъ мѣръ для того, чтобы поднять хозяйство той или другой области. Въ петербургскій же періодъ русской исторіи происходитъ нѣчто обратное. Начиная, впрочемъ, еще съ Алексѣя Михайловича и „кончая текущими днями, каждое пятидесятилѣтіе происходитъ съ правильностью хода разъ

заведенной бюрократической машины оборотъ цѣлаго ряда однѣхъ и тѣхъ же заботъ о сельскомъ хозяйствѣ, одна уже періодичность которыхъ указываетъ на ихъ безрезультатность". Достаточно указать, что подмосковные, напр., уѣзды, въ XVI вѣкѣ отличавшіеся развитіемъ пашень и луговъ и бѣдностью лѣсами, занимавшими здѣсь менѣе 10% площади, въ наше время пришли въ такое состояніе, что лѣсамъ принадлежитъ 40% ихъ пространства. „Едва ли найдется еще страна, гдѣ населенію, окружающему такой потребительный центръ, какъ Москва, приходилось бы выращивать древесину вмѣсто продуктовъ питанія человѣка!"—говоритъ авторъ. Причину сказаннаго А. П. Мертваго видитъ въ отсутствіи у насъ устойчивой и опредѣленной государственной политики и развитія общественности въ населеніи. „Населеніе, лишенное общественности, совершенно отучалось государственно мыслить; бюрократія же, направляющая государственную политику, вслѣдствіе обширности территоріи страны и быстро растущей сложности интересовъ ея обитателей, не можетъ охватить умомъ всѣхъ послѣдствій, проводимыхъ изъ центра мѣропріятій".

Въ статьѣ г. Челинцева на примѣрѣ трехъ уѣздовъ черноземнаго района, сходныхъ по естественнымъ и экономическимъ условіямъ, но различающихся по густотѣ населенія, авторъ показываетъ, какъ это различіе отразилось на интенсивности сельскаго хозяйства. Эта тема подробнѣе, впрочемъ, трактуется авторомъ въ „Саратовской Земской Недѣлѣ" (1905, № 3).

X.

— П. П. Мельгуновъ. Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII вв. Съ картою. Посмертное изданіе. Москва. 1905.

Экономическая исторія Россіи разработана очень недостаточно, и это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что экономическая жизнь складывается изъ мелкихъ фактовъ и событій, неподлежащихъ правильной и всеобщей регистраціи, правильному и систематическому регулированію власти. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія имѣются лишь о древней торговлѣ Россіи, по крайней мѣрѣ, о торговлѣ ея съ иностранными государствами, такъ какъ эта торговля происходила на виду, велась организованно, служила источникомъ крупныхъ доходовъ для отдѣльныхъ лицъ и правительствъ, и различные ея моменты отмѣчались правительственными актами, и лѣтописями и записками наблюдателей. Исторіи нашей торговли, преимущественно внѣшней, посвященъ и разсматриваемый трудъ покойнаго П. П. Мельгунова, со-

ставившійся изъ лекцій, читанныхъ имъ въ московской практической Академіи коммерческихъ наукъ. Согласно заголовку очерковъ, они обнимаютъ время до конца XVIII вѣка; но въ дѣйствительности XVIII вѣкъ изложенъ въ нихъ настолько поверхностно, что трудъ покойнаго автора лучше считать охватывающимъ русскую торговлю въ періодъ удѣльно-вѣчевого и московскаго періодовъ. Это время описано въ „Очеркахъ" очень живо и интересно, причемъ авторъ не разсматриваетъ свой предметъ изолированно, а ставитъ судьбы торговли въ связь съ общимъ развитіемъ государственной жизни и, пожалуй, слишкомъ много останавливается на причинахъ, обусловившихъ то, а не иное направленіе послѣдней.

Подобно тому, какъ это было въ другихъ странахъ, первоначально торговля русскихъ была, главнымъ образомъ, внѣшней. Всеобщность этого факта въ исторіи торговли объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе неустройства сухопутныхъ сообщеній, передвиженіе товаровъ внутри страны на первоначальныхъ ступеняхъ исторіи представляется крайне затруднительнымъ, а по причинѣ господства натуральнаго хозяйства въ широкомъ развитіи обмѣна товаровъ не чувствуется и надобности. Торговля же внѣшняя, гдѣ она развивается, происходитъ преимущественно по воднымъ, удобнымъ для сообщенія путямъ. Въ силу указанныхъ причинъ внѣшняя торговля развивается главнымъ образомъ, въ тѣхъ странахъ, которыя прилежатъ къ морямъ; но въ нашей странѣ живой обмѣнъ товарами съ чужими землями развился въ такое время, когда она еще не имѣла морскихъ выходовъ. Произошло это потому, что поселившіеся въ бассейнахъ Двины, Днѣпра и Оки славяне оказались въ центрѣ торговыхъ сношеній, завязанныхъ болѣе цивилизованными и предпріимчивыми народами (норманнами и арабами), на пути „изъ варягъ въ греки" (по рѣкѣ Днѣпру) и въ области торговли болгаръ съ арабами (путь по рѣкѣ Волгѣ). Возможность вести живыя торговыя (первоначально наполовину и военныя) сношенія съ богатыми и развитыми народами Востока и Запада и получать оттуда предметы комфорта, военной и государственной необходимости—должна была оказывать сильное вліяніе на историческое развитіе русскихъ славянъ. Вліяніе это обусловливалось не только непосредственнымъ столкновеніемъ съ живой и болѣе высокой культурой, но и тѣмъ, что развитіе торговли поддерживало въ славянахъ стремленіе къ распространенію своего вліянія на сѣверъ и сѣверовостокъ, къ добычѣ оттуда пушного звѣря, серебра, тюленьяго жира и моржевой кости, которые жадно искались иностранными купцами Временный расцвѣтъ Кіевскаго княжества основанъ былъ, главнымъ образомъ, на живыхъ торговыхъ связяхъ его съ Византіей, и послѣ того, какъ вслѣдствіе нашествія изъ Азіи новыхъ полчищъ кочевни-

ковъ торговый путь въ Византію черезъ южныя степи былъ порванъ—Кіевъ утратилъ былое значеніе. Центръ политической жизни русскихъ славянъ переносится послѣ того на сѣверъ, въ Новгородъ, достаточно удаленный отъ степи для того, чтобы не подвергаться ея враждебному воздѣйствію. „Степь и поле всегда выступали для русскихъ враждебно: поле мѣшаетъ цивилизаціи, и едва начинается русская исторія, какъ начинается и кровавая борьба лука съ плугомъ" (стр. 54). Печенѣги, половцы, татары смѣняютъ другъ друга и послѣдовательными ударами забиваютъ южную Русь.

Кіевъ лежалъ въ средней части воднаго пути „изъ варягъ въ греки"; въ сѣверной части этого пути находился Новгородъ, вступившій, благодаря этому, въ непосредственныя торговыя сношенія съ Балтійскимъ моремъ, съ Швеціей и Даніей. Сѣверное направленіе русской торговли съ Западомъ не могло не оживиться съ утратою южнаго пути, особенно, когда на балтійскомъ побережьи утвердились нѣмцы и образовали сильный ганзейскій союзъ. Русская торговля съ Европой имѣла, однако, пассивный характеръ, такъ какъ организованные ганзейцы старались не допускать новгородцевъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ мѣстами сбыта поставляемыхъ ими товаровъ. Это, однако, не мѣшало Новгороду богатѣть, подыматься и играть видную роль во внутренней исторіи русскихъ славянъ. Роль эта, однако, какъ и роль Кіева, была временной и приближался моментъ, когда Новгороду предстояло уступить первенство младшему члену русской семьи—княжеству суздальскому. Въ данномъ случаѣ это обусловливалось неумѣніемъ Новгорода объединить русскихъ славянъ. Первоначальная исторія суздальскаго княжества тоже тѣсно была связана съ судьбами внѣшней торговли, которая велась имъ преимущественно въ юго-восточномъ направленіи. Почти прерванная татарскимъ нашествіемъ торговля русскихъ славянъ съ закаспійскими странами скоро опять оживилась, потому что татары сами проявляли большую склонность къ торговлѣ и были настолько цивилизованы, что понимали выгоды обмѣна собираемой ими съ покоренныхъ народовъ дани сырыми произведеніями и деньгами на разнообразныя произведенія богатаго и цивилизованнаго востока. Суздальская Русь воспользовалась этимъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и торговлей съ востокомъ стали заниматься не только простые купцы, но и бояре, князь и митрополитъ. Эти близкія торговыя связи съ востокомъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ непосредственнаго территоріальнаго сосѣдства татаръ и частаго общенія съ ними, отразились не только на экономической сторонѣ быта суздальской Руси, но и на общемъ складѣ ея жизни. А такъ какъ суздальская Русь явилась организаторомъ русскаго государства, то ясный восточный отпечатокъ оказался и на этомъ послѣднемъ.

Иностранная торговля Новгорода, съ присоединеніемъ послѣдняго къ Москвѣ, была уничтожена насильственно, а иностранные купцы и ихъ товары были отправлены въ Москву. Впрочемъ, внѣшняя торговля Новгорода должна была пасть и въ силу причинъ болѣе общаго характера, такъ какъ съ открытіемъ новаго морского пути въ Индію Ганза теряла прежнее значеніе. Объединеніе Руси и развитіе города Москвы, становившагося все болѣе и болѣе крупнымъ центромъ съ многочисленнымъ населеніемъ, богатымъ царскимъ дворомъ и его приближенными, способствовало значительному развитію промышленности и торговли района, тяготѣвшаго къ Москвѣ. При устроеніи новаго государства чувствовалась вмѣстѣ съ тѣмъ больше и больше необходимость тѣснаго общенія съ просвѣщеннымъ Западомъ. Между тѣмъ прежній ближайшій путь этого общенія—черезъ Балтійское море—былъ порванъ, а возстановленіе его—вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ Ливоніи и Литвѣ — было затруднительно. Въ это время, весьма кстати, англичанами былъ открытъ морской путь изъ Европы въ Бѣлое море, и царь Іоаннъ IV, путемъ всевозможныхъ торговыхъ льготъ, поспѣшилъ обратить его въ путь постоянныхъ торговыхъ сношеній съ Западомъ. Онъ игралъ эту роль въ теченіе полутора столѣтія, пока Петръ Великій не завоевалъ побережій Балтійскаго моря, пробилъ здѣсь окно въ Европу и мѣрами насилія возстановилъ старое, западное направленіе нашихъ сношеній съ послѣднею. Это направленіе внѣшней торговли долго было господствующимъ. Съ распространеніемъ границъ Россійской Имперіи до береговъ Чернаго моря, съ Балтійскимъ моремъ стало соперничать это послѣднее, а затѣмъ и западная сухопутная граница. Въ настоящее время торговля Россіи съ Западомъ распредѣляется приблизительно поровну между этими тремя направленіями.

XI.

— Н. Карышевъ. Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ. Москва. 1905.

Въ названной книжкѣ изложены лекціи, читанныя недавно умершимъ Н. А. Карышевымъ въ 1901—3 годахъ въ Русской высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ и въ московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ,—лекціи, имѣвшія цѣлью „ознакомить слушателей съ литературнымъ споромъ о размѣрахъ землевладѣнія“, или, говоря болѣе точно, съ вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ законы капиталистическаго развитія индустріи, въ силу которыхъ мелкое производство неизбѣжно вытѣсняется крупнымъ, приложимы къ области

сельскаго хозяйства. Горячіе споры по этому вопросу возникли, благодаря категорическому утвержденію марксистовъ, что земледѣліе подчиняется одинаковымъ законамъ съ фабрично-заводской промышленностью и въ отношеніи перехода отъ мелкой къ крупной формѣ производства испытываетъ одинаковую съ нею судьбу. Это рѣшительное утвержденіе, впрочемъ, постепенно смягчается болѣе и болѣе, а извѣстное сочиненіе Каутскаго въ защиту воззрѣній марксизма на аграрный вопросъ одинъ изъ русскихъ писателей (г. Черновъ) называетъ даже капитуляціей по многимъ пунктамъ передъ критикой (Карышевъ, стр. 10). Карышевъ въ своей книжкѣ излагаетъ мнѣнія не многихъ авторовъ. Со стороны марксизма фигурируетъ, преимущественно, Каутскій, съ противной стороны, главнымъ образомъ, Гертцъ, Булгаковъ, Черновъ и Каблуковъ. Изъ этого перечисленія читатель можетъ усмотрѣть, что Карышевъ не задавался цѣлью исчерпать литературу предмета. Его задачей было скорѣе ознакомить читателя съ новѣйшими спорами по аграрному вопросу, да и здѣсь онъ цитируетъ далеко не всѣхъ авторовъ, участвовавшихъ въ спорѣ (упущенъ, напр., г. Масловъ). Карышевъ начинаетъ свои лекціи съ разсмотрѣнія вопроса объ особенностяхъ приложенія капитализма къ земледѣлію, затѣмъ излагаетъ аргументы, говорящіе противъ крупнаго хозяйства и за него, противъ мелкаго хозяйства и за него. Въ маленькой главѣ, слѣдующей за этой аргументаціей pro и contra, покойный писатель подводитъ ей „итоги". Это подъитоживаніе заключается собственно въ развитіи мысли г. Чернова, что общественное сельско-хозяйственное производство „развертываетъ передъ нами безконечно растущую цѣпь выгодъ и преимуществъ, но капиталистическая форма этого обобществленія не даетъ многимъ изъ нихъ проявиться" (стр. 53). Въ самомъ дѣлѣ, возраженія противъ крупной формы сельскаго хозяйства направлены въ сущности „не противъ техники крупнаго производства, а противъ капиталистической формы крупныхъ предпріятій". А доводами въ пользу мелкаго хозяйства защищаются главнымъ образомъ „не преимущества мелкой культуры, а именно то, изъ чего складывается некапиталистическій характеръ этого типа хозяйства". Если это вѣрно, то данный вопросъ допускаетъ примиреніе въ созданіи формы хозяйства, соединяющей преимущества того и другого рода. Иначе мы не выйдемъ изъ такого невѣроятнаго противорѣчія: технически-сильное крупное хозяйство (подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій В. В.) опускается, дробится, а технически-слабое, мелкое, имѣющее органическіе крупные пороки, развивается и оказывается болѣе устойчивымъ въ борьбѣ съ конкурренціей". Для устраненія этого противорѣчія, „отражающагося на сокращеніи производства страны, необходима

такая хозяйственная форма, которая избѣгала бы недостатковъ, связанныхъ съ приложеніемъ капитализма къ крупному хозяйству (малая производительность наемнаго труда, недостатокъ рабочихъ, непосильная конкурренція съ заокеанскимъ продуктомъ", и т. д.), избѣгала бы основныхъ пороковъ мелкаго хозяйства (черезполосицы, дробленія, изолированности); вручила бы рабочему орудіе его производства (землю) и сохранила бы всѣ техническія преимущества крупнаго хозяйства". Къ разрѣшенію такой задачи жизнь подходитъ примѣненіемъ къ сельскому хозяйству кооперацiи, разсмотрѣнію которой и посвящена послѣдняя глава книжки Карышева.

Кооперація очень постепенно выполняетъ свою историческую миссію объединенія мелкихъ владѣній въ систему крупнаго производства, и, слѣдуя Гертцу, авторъ такимъ образомъ характеризуетъ послѣдовательныя фазы кооперативнаго развитія—„отъ самыхъ малыхъ связей между отдѣльными хозяевами до полнаго ихъ соединенія". Сначала земледѣльцы устраиваютъ кредитныя учрежденія, оставляющія ихъ вполнѣ свободными въ хозяйственной дѣятельности; затѣмъ они соединяются для коммиссіонныхъ операцій по продажѣ и покупкѣ „по предложенію и за счетъ" отдѣльныхъ хозяевъ. Эти союзы становятся болѣе и болѣе постоянными и осложняются сперва ограниченною, а затѣмъ неограниченною отвѣтственностью членовъ. Затѣмъ наблюдаются ограниченія индивидуальной свободы хозяевъ. Члены союза обязываются покупать нужные имъ предметы и продавать свои продукты черезъ посредство товарищества. Условія выгодной продажи требуютъ однородности и хорошаго качества товаровъ, и вотъ кооперація начинаетъ захватывать производительную дѣятельность своихъ членовъ съ цѣлью осуществленія этихъ условій. Это совершается въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Сельскіе хозяева соединяются въ товарищества для работы паровымъ плугомъ, для пользованія молотилкой и т. п., возникаютъ товарищескіе заводы для улучшенія или дальнѣйшей переработки продуктовъ хозяйства членовъ общества; сельскіе хозяева начинаютъ подчиняться указаніямъ инструкторовъ въ отношеніи кормленія и содержанія скота для того, чтобы доставляемое ими на кооперативный заводъ молоко удовлетворяло опредѣленнымъ требованіямъ качества; руководство инструкторовъ понемногу распространяется на бóльшее и бóльшее число моментовъ сельско-хозяйственнаго производства, пока,—какъ, напр., въ кооперативномъ виноделіи Германіи,—инструкторы не обращаются въ полныхъ распорядителей техники производства даннаго продукта, поступающаго затѣмъ для дальнѣйшей обработки на кооперативный заводъ. Этимъ путемъ разрозненные мелкіе хозяева постепенно утрачиваютъ черты своего индивидуализма и пріобрѣтаютъ, выражаясь марксистскимъ жаргономъ,

„коллективистическій черепъ", обезпечивающій устойчивость общественнаго производства, членами котораго они сдѣлались. Такимъ образомъ, наряду съ капиталистической эволюціей промышленности отъ мелкой къ крупной формѣ совершается развитіе общественнаго производства не капиталистическимъ путемъ. Значеніе коопераціи въ этомъ процессѣ давно признано, напр., бельгійскими соціалистами.—В. В.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Благодушная, Софія. — Какъ онъ пошелъ въ народъ. Повѣсть изъ жизни русскаго заграничнаго духовенства. Т. I. Спб. 905. Стр. 645. Ц. 2 р.

Браунсъ, Р., д-ръ.—Царство минераловъ. Вып. 6-й. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 905. Ц. 2 р. 75 к.

Буткевичъ, А. — Самоучитель пчеловодства. Общедоступное руководство для пчеловодовъ-практиковъ. Со 100 рисунками. М. 906. Стр. 418. Ц. 1 р. 25 к.

Вандаль, Альбертъ. — Возвышеніе Бонапарта. I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III-го года. Переводъ съ XI французскаго изданія З. Н. Журавской. Спб. 905. Стр. 616. Ц. 2 р.

Горленко, В.—Отблески. Замѣтки по словесности и искусству. Спб. 905. Стр. 236+4. Ц. 75 к.

Гредескулъ, Н. А., проф. Имп. Харьковскаго Университета. — Марксизмъ и идеализмъ. Публичная лекція. Изданіе второе. Изданіе книжнаго магазина П. А. Брейтигама въ Харьковѣ. 905. Стр. 43. Б. ц.

Лаппо, Д. Е.—Преступленія и наказанія по степному праву сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ (Минусинскіе татары). Красноярскъ. 905. Стр. 57.

Лассаль, Фердинандъ.—Письма къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣч. Ф. Меринга. Перев. В. Шанина, подъ ред. А. Финна. Спб. 905. Стр. 374 Цѣна 1 р. 50 к.

Левитовъ, И.—Желтороссія, какъ буферная колонія. Докладъ въ Обществѣ для содѣйствія русской промышл. и торговли. Спб. 905. Стр. 120. Ц. 75 к.

Менгеръ, Антонъ.—Новое ученіе о государствѣ. (Образовательная библіотека, серія VI, № 7 и 8). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 905. Стр. 320. Ц. 1 р.

— Новое ученіе о государствѣ. Разрѣшенный авторомъ перев. съ нѣмец. подъ редакціей Б. Кистяковскаго. Изд. С. Скирмунта. Спб. 905. Стр. 357. Цѣна 1 рубль.

Минскій, Н. М. — Религія будущаго. Философскіе разговоры. Спб. 905. Изд. М. В. Пирожкова. Стр. 302. Ц. 2 р.

Педашенко, А. Д.—Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1901 годъ. (М. З. и Г. И. Отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Спб. 905. Стр. 203.

Потанина, А.—Дорджи, бурятскій мальчикъ. Съ 10 рисунками. Изданіе „Посредника". М. 905. Стр. 75. Ц. 15 к. — Разсказы о бурятахъ, ихъ вѣрѣ и обычаяхъ. Съ 14 рисунками. Изданіе „Посредника". М. 905. Стр. 60. Ц. 12 к.

Рамзевичъ, Н. К.—Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. Спб. 905. Стр. 425. Съ приложеніями. Ц. 2 р.

Сальниковъ, А.—Современныя русскія поэтессы. Спб. 905. Стр. 80. Ц. 70 к.

Спенсеръ, Гербертъ.—Размышленія (Reflections). Глава изъ автобіографіи. Переводъ съ англійскаго Г. Г. Оршанскаго. Изд. кн. маг. Брейтигама въ Харьковѣ. М. 905. Стр. 66. Ц. 40 к.

Сѣверный, Н.—Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 905. Стр. 286. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н.—Афоризмы и избранныя мысли, собранные Л. П. Никифоровымъ. Вып. I. Изд. „Посредника". Стр. 88. Ц. 30 к.

Tugan-Baranowsky, D-r Michael. Theoretische Grundlagen des Marxismus. Lpz. 905. Стр. 238. Ц. 5 мар.

— Бесѣды объ окружающихъ явленіяхъ, для учащихся въ сельскихъ школахъ. Ч. I. Воздухъ и вода. Съ 39 рис. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 905. Стр. 86. Ц. 25 к.

— Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. София, 905. In 4°. Стр. 72. Ц. 1.10 фр.

— Народный университетъ въ г. Томскѣ. Томскъ, 905. Стр. 12, in 16°.

— Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель. (Статьи и матеріалы). Составили: В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Съ 3 геліогравюрами. Спб. 905. Стр. 495. In 4°. Ц. 5 р.

— О писателяхъ. Разсказы очевидцевъ о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и др., собранные и записанные Алексѣемъ Мошинымъ. Спб. 905. Стр. 23. Цѣна 20 к.

— Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1902 годъ. Спб. 905.

— Открытое письмо г.г. членамъ отъ промышленности въ коммиссіи статсъ-секретаря В. Н. Коковцева по рабочему вопросу. 905.

— Отчетъ С.-Петербургской пожарной команды за 1904 годъ. I. Спб. 905. Стр. 38. Съ 4 планами.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1904 г., представленный Директоромъ Музеевъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія. М. 905.

— Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ общимъ руков. П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, подъ редакціею В. П. Семенова. Т. IX. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 905. Стр. 620. Ц. 3 р. 75 к.

— Тексты конституцій. I. Прусская конституція. Перев. М. Іоффе, подъ ред. и съ предисл. проф. И. Лучицкаго. Стр. 28. II. Испанская конституція. Перев. Н. И. Лучицкаго, подъ ред. и съ предисл. проф. И. Лучицкаго. Стр. 32. Кіевъ. 905. Изд. газ. „Кіевскіе Отклики". Ц. по 5 к.

— Труды Коммиссіи, созванной по порученію чрезвычайнаго Казанскаго губернскаго собранія дворянства 12 марта 1905 г., по вопросу о народномъ представительствѣ. Казань. 905. Стр. 106+21+19+5+4+14+10+4+6+10+7+ +6+6+3+4+3+2+4+13.

— Труды Полтавской ученой архивной коммиссіи. Подъ ред. В. И. Василенка, Л. В. Падалки и И. Фр. Павловскаго. Вып. I. Полтава. 905. Стр. IX+214+137. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Anton Menger. Neue Staatslehre. 2 Aufl. Jena. 1904. Стр. 254.

Въ наукѣ объ обществѣ принято противопоставлять современный строй народной жизни, называемый „буржуазнымъ", новому будущему строю, именуемому „соціалистическимъ" въ широкомъ смыслѣ слова. Съ легкой руки К. Маркса, терминъ „буржуазный" употребляется по отношенію ко всякому, кто является противникомъ или критикомъ предполагаемаго въ будущемъ соціальнаго строя. Отличительная особенность многихъ изъ этихъ мыслителей—не столько въ томъ, что они умышленно превозносятъ положительныя стороны существующаго порядка вещей, сколько въ недостаткѣ творческой фантазіи, въ неспособности представить себѣ совершенно иныя начала общественной жизни. Всякій смѣлый полетъ мысли за предѣлы существующаго они стараются или вовсе не замѣчать, или тотчасъ же указывать на ихъ реальную неосуществимость. Въ послѣднемъ случаѣ обычной логической ошибкой является ignoratio principii, т.-е. возражаютъ не по существу, а противъ какой-нибудь частности. Часто въ этомъ повинны бываютъ сами творцы новыхъ системъ въ своемъ излишнемъ стремленіи къ реальности.

Передъ нами новая попытка разрѣшить соціальную проблему будущаго. Автора ея нельзя причислить къ мыслителямъ-творцамъ, смѣлымъ въ своихъ полетахъ въ безконечную высь будущаго. Нѣтъ, Антонъ Менгеръ, авторъ новаго ученія о государствѣ,—реалистъ и практикъ. Его заинтересовала практическая сторона осуществимости того общественнаго строя, который долженъ смѣнить современный. И даже больше: его занимаетъ не столько самый общественный строй, какъ его государственная форма.

Можно себѣ представить такого рода общеніе, когда образующіе его члены не будутъ нуждаться вовсе ни въ какихъ установленныхъ институтахъ, будутъ ли они на основахъ принужденія (каковы государственныя учрежденія) или на началахъ договорныхъ. Послѣднія въ концѣ концовъ также легко сводятся къ союзамъ принудительнымъ, такъ какъ всякій договоръ, поскольку онъ имѣетъ юридическую квалификацію, носитъ въ себѣ элементъ принудительной санкціи. Такой строй, называемый обыкновенно анархическимъ, не представляется Менгеру когда-нибудь осуществимымъ на землѣ, и потому

онъ на немъ ближайшимъ образомъ не останавливается; онъ лишь замѣчаетъ, что и въ этихъ крайнихъ ученіяхъ есть элементъ правды, хотя бы, напр., въ томъ, что современное общество, въ которомъ господствуютъ интересы ограниченнаго круга лицъ, не можетъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи удовлетвориться однимъ принужденіемъ. Но, съ другой стороны, авторъ глубоко убѣжденъ, что человѣчество никогда не въ состояніи будетъ обойтись безъ государства, съ его законодательствомъ, съ его властью наказывать и принуждать (стр. 15).

Коротко говоря, Менгеръ ограничиваетъ свое изслѣдованіе попыткой дать практическія указанія относительно реальной возможности новаго государственнаго строя. До сихъ поръ соціализмъ имѣлъ по преимуществу характеръ критики и отрицанія всей капиталистической буржуазной организаціи народной жизни, и лишь слегка касался положительной стороны будущаго общества. Авторъ хочетъ заполнить существующій въ этомъ отношеніи пробѣлъ въ соціалистическихъ ученіяхъ и стремится выдвинуть болѣе, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлалось, положительную сторону ученія о будущемъ государствѣ—positive, organisatorische Seite mehr als bisher auszugestalten (стр. III, Введенія).

До французской революціи вопросъ о неимущихъ всецѣло принадлежалъ компетенціи церкви. Лишь съ конца XVIII вѣка рабочіе классы, свободные отъ религіозной окраски, выступили на арену политической жизни и обнаружили свое значеніе въ государствѣ, какъ дѣйствующая, направляющая сила (als die bewegende Macht). До іюльской революціи 1830 г. движеніе рабочихъ классовъ носило характеръ чисто политическій, а съ этихъ поръ они отражаютъ въ себѣ интересы обще-соціальные. Соціализмъ представляется автору какъ такой общественный строй, въ которомъ главное мѣсто будутъ занимать общіе интересы всѣхъ трудящихся элементовъ народа, въ противоположность существующему строю, олицетворяющему частные интересы привилегированнаго меньшинства. Послѣдній создаетъ властвующее и повелѣвающее государство (herrschenden und gebietenden Staat), которое Менгеръ называетъ „индивидуалистическимъ принудительнымъ государствомъ“ (der individualistische Machtstaat). Противопоставляемый ему новый соціалистическій строй носитъ у автора названіе „общенароднаго трудового государства (der volkstümliche Arbeitsstaat).

Милитаристическое и индивидуалистическое римское государство создало расчлененіе права публичнаго и частнаго. Въ будущемъ строѣ, по Менгеру, всѣ частные интересы сольются съ общими, слѣдовательно, singulorum utilitas будетъ совершенно совпадать съ publice utilia, а потому и существующаго различенія публичнаго права отъ частнаго не будетъ существовать (стр. 76). Иллюстраціями къ этой мысли и служатъ дальнѣйшія главы о собственности, договорѣ, семьѣ

и т. д., обо всемъ томъ, что̀ въ настоящее время называется гражданскимъ правомъ. Въ слѣдующемъ же большомъ отдѣлѣ (кн. III) говорится о томъ, что̀ составляетъ предметъ современнаго публичнаго или государственнаго права, т.-е. объ управленіи и органахъ „общенароднаго трудового государства“.

Весь современный міръ гражданскихъ правоотношеній покоится на двухъ главныхъ основахъ: на частной собственности и семьѣ. Всѣ остальные частно-правовые институты привходятъ сюда въ качествѣ дополнительныхъ. Въ виду такого огромнаго значенія собственности и семьи всѣ соціалистическія ученія останавливаютъ въ особенности на нихъ свое вниманіе. Останавливается на нихъ въ подробностяхъ и Антонъ Менгеръ.

Нужно вообще замѣтить, что авторъ всюду исходитъ изъ современныхъ понятій и выраженій и нисколько не смущается ихъ весьма разнообразнымъ значеніемъ и пониманіемъ. Такъ, вмѣсто *права* собственности, что̀ имѣетъ весьма опредѣленное содержаніе на языкѣ юристовъ, онъ всюду говоритъп росто о собственности (das Eigenthum), не анализируя этого весьма растяжимаго понятія ближе; и потому заявляетъ, что собственность есть „вѣчное“ понятіе: оно никогда не исчезнетъ изъ міра соціальныхъ отношеній (стр. 79).

Несомнѣнно, такого рода афоризмами многое не разъясняется непосвященному въ юридическія тонкости и непредубѣжденному читателю. Мало также даетъ и дальнѣйшее расчлененіе объектовъ собственности по отношенію къ нимъ будущаго государства. Здѣсь Менгеръ очень приближается къ воззрѣніямъ „буржуазныхъ“ экономистовъ, въ родѣ Адольфа Вагнера. По примѣру послѣднихъ, онъ дѣлитъ вещи на уничтожаемыя при потребленіи (verbrauchbare Sachen) и на такія, которыя допускаютъ продолжительное пользованіе (benützbare Sachen). Первыя допускаютъ только исключительное господство надъ ними одного лица и потому въ будущемъ соціалистическомъ строѣ должны остаться объектомъ частной собственности. Вторыя допускаютъ въ свою очередь двоякое расчлененіе: или онѣ тоже ограничиваются исключительнымъ господствомъ надъ ними отдѣльныхъ лицъ, какъ, напр., носильное платье, или онѣ допускаютъ одновременное или послѣдовательное пользованіе со стороны многихъ лицъ; въ послѣднемъ случаѣ право частной собственности по отношенію къ нимъ должно быть ограничено, и Менгеръ устанавливаетъ для нихъ право пользованія (Benützungsrecht).

Кромѣ этихъ двухъ группъ, какъ это принято во всѣхъ учебникахъ по политической экономіи, выдѣляется третья категорія вещей—средства воспроизводства новыхъ цѣнностей (Productionsmittel). Эта категорія вещей должна стать объектомъ коллективной (государственной, по Менгеру) собственности.

Не останавливаясь на разборѣ этого рода расчлененія предметовъ собственности, спорнаго и далеко не яснаго, замѣтимъ только, что Менгеръ не удовлетворяется имъ однимъ; замѣчая, какъ трудно отдѣлить средства производства отъ предметовъ коллективнаго пользованія или плодоприносящаго имущества (fruchttragende Sachen) и допуская возможность полнаго смѣшенія всѣхъ установленныхъ имъ видовъ собственности, авторъ пренаивно разрубаетъ гордіевъ узелъ. А именно, чтобы избѣжать ошибки въ этомъ отношеніи, Менгеръ совѣтуетъ въ будущемъ государствѣ издать особую роспись, особый реестръ:—„über die benutzbaren Sachen (sowie auch über die Produktionsmittel) müssten Register angelegt werden“ (стр. 91). Это очень характерно для автора. Въ этомъ случаѣ онъ упускаетъ изъ виду, какъ колоссально могуче и неудержимо-стихійно бурлитъ и рвется потокъ экономическихъ явленій. Такая вѣра въ государство, во всемогущую силу „регистра“, рѣдко проявлялась даже у самыхъ ярыхъ защитниковъ государственной власти и ея могущества.

Такъ же мало убѣдительно, какъ вопросъ о собственности, разрѣшается авторомъ и проблема распредѣленія цѣнностей. Существующія на этотъ счетъ воззрѣнія авторъ расчленяетъ на двѣ большія группы. Первую группу составляютъ субъективныя воззрѣнія; за критерій при распредѣленіи они берутъ субъективныя особенности отдѣльной личности—возрастъ, полъ, воспитаніе и проч. Вторая группа—объективныя воззрѣнія; они стремятся къ объективному критерію при распредѣленіи, какъ, напр., опредѣленное количество труда. Авторъ послѣ обычныхъ критическихъ замѣчаній противъ каждой изъ нихъ склоняется къ признанію обоихъ критеріевъ, какъ равно необходимыхъ и дополняющихъ другъ друга. Не останавливаясь ближе на подобной попыткѣ разрѣшить проблему распредѣленія благъ, можно только замѣтить, что авторъ не избѣгъ здѣсь обычной ошибки, которая въ особенности мѣшаетъ вывести эту проблему изъ тѣхъ душныхъ и затхлыхъ подваловъ, куда ее запрятали не столько первые создатели этихъ воззрѣній, сколько черезчуръ ярые ихъ критики. Дѣйствительно, кому не пріѣлись эти банальные нападки на слабость принциповъ первыхъ коммунистовъ („каждому по его способности“, по его потребности, по количеству затраченнаго труда и т. д.). Между тѣмъ какъ если допускать государственную власть и принужденіе и въ будущемъ соціальномъ строѣ, то всѣ подобные принципы равно могли бы быть осуществимы, если не по существу, то формально, какъ это вообще находитъ себѣ мѣсто по отношенію ко всему, до чего касается государственное принужденіе. Если же хоть на минуту отрѣшиться отъ того, что общественныя отношенія въ будущемъ непремѣнно нуждаются въ государственной опекѣ, то ни одинъ изъ этихъ принциповъ не найдетъ себѣ мѣста уже по одному тому, что всѣ они

требуютъ регламентаціи, слѣдовательно, санкціи, т.-е. принужденія, въ данномъ случаѣ безразлично—организованнаго или неорганизованнаго.

Другая болѣе общая ошибка разбираемыхъ воззрѣній заключается въ томъ, что экономическія явленія разсматриваются какъ-то совершенно особнякомъ отъ міра, въ которомъ они рождаются. Если въ чисто методологическихъ цѣляхъ научныхъ изслѣдованій ту или иную область явленій выдѣляютъ изъ сложнаго окружающаго ихъ міра, то нельзя забывать, что для окончательнаго сужденія о нихъ необходимо ихъ брать во всей ихъ цѣлостности. Экономическія явленія неразрывно связаны съ міромъ общественныхъ отношеній вообще. И съ этимъ особенно важно считаться при разрѣшеніи проблемы распредѣленія, какъ соціальной категоріи по преимуществу. Мыслимо такое положеніе вещей, когда интересы питанія, жилища, размноженія и т. д., т.-е. такъ называемые матеріальные интересы найдутъ себѣ удовлетвореніе такъ же свободно, безъ принудительной власти, какъ находятъ себѣ удовлетвореніе наши потребности духовныя. И для этого не нужно вовсе не только принудительной власти, но и договоровъ. Хорошимъ примѣромъ могутъ служить всевозможные кружки землячества, колоніи соотечественниковъ, національныя общенія, создающіяся въ минуты захватывающихъ общественныхъ движеній.

Очевидно, Менгеръ дѣлаетъ ту ошибку, что по примѣру другихъ силится разрѣшить проблему распредѣленія благъ отдѣльно отъ всего соціальнаго строя. Если допускать принужденіе, какъ къ тому склоняется авторъ, то совершенно невозможно, да и безцѣльно и не интересно задумываться надъ тѣмъ, въ какой формѣ установится это принудительное распредѣленіе, такъ какъ всякому установленному порядку можно будетъ противопоставить всякій другой, и вопросъ сведется попросту къ политикѣ силъ, а слѣдовательно, распредѣленіе, какъ соціальная проблема, само собой снимается съ обсужденія.

Изъ того, что̀ образуетъ такъ называемое семейственное право, Менгеръ въ особенности останавливается на институтѣ брака. Существующія среди соціалистовъ ученія о бракѣ авторъ группируетъ на три рода. Одни требуютъ совершенно свободныхъ отношеній (Morris, J. Grave, Bebel), другіе выдвигаютъ институтъ принудительнаго государственнаго брака (идея Платона) и, наконецъ, есть сторонники полигаміи (Fourier). Относительно послѣднихъ двухъ видовъ брака авторъ высказывается категорически противъ. Принудительному государственному браку противорѣчитъ современное представленіе объ индивидуальной свободѣ; полигамія же, разрушая единобрачіе, по мнѣнію автора, ничего не даетъ взамѣнъ его положительныхъ качествъ (ihre zahlreichen Vorzüge). Поэтому Менгеръ останавливаетъ главное вниманіе на первомъ родѣ ученій объ установленіи свободныхъ отношеній на мѣсто того, что̀ на современномъ языкѣ зовется

бракомъ. Прежде всего авторъ находитъ, что разрѣшеніе этого вопроса по отношенію къ будущему строю не столь существенно для соціализма по сравненію съ другими его задачами, какими являются ограниченія частной собственности, государственная организація общественныхъ работъ, пересозданіе современнаго индивидуалистическаго принудительнаго государства въ общенародно-трудовое. Когда совершится этотъ переходъ старой формы государственнаго общенія, тогда наступитъ время и для реформъ въ области семейной жизни гражданъ. Но тѣмъ не менѣе, Менгеръ этимъ не удовлетворяется и въ дальнѣйшемъ приводитъ возраженія противъ допущенія свободныхъ отношеній на мѣсто современнаго брака. Прежде всего, по Менгеру, требованіе свободы въ половой жизни равносильно требованію свободы конкурренціи, договора и т. под. современныхъ экономическихъ институтовъ; во-вторыхъ, свобода въ половой жизни—die freie Liebe, какъ называетъ ее авторъ, представляетъ возвратъ къ прежнему некультурному состоянію общества и, наконецъ, при допущеніи ея авторъ опасается за общественную нравственность. Такимъ образомъ, Менгеръ глубокомысленно приходитъ къ тому, что будущее государство не имѣетъ основаній устранить вовсе половой инстинктъ, какъ таковой, но, съ другой стороны, его внѣшнія проявленія не должно оставить безъ ограниченій, чтобы „не дать общественной жизни принять грубо-чувственный характеръ“ (стр. 133). Т.-е. оперируя современными понятіями и явленіями, не желая (или не въ силахъ) дать на мѣсто ихъ что-нибудь дѣйствительно новое, авторъ идетъ даже дальше: ограничиваетъ весь сложный институтъ брака половыми отношеніями и требуетъ по отношенію къ нимъ полицейской регламентаціи.

Мы встрѣчаемся здѣсь съ обычнымъ для автора пріемомъ. Не создавая ничего новаго, онъ произвольно ограничиваетъ сложное явленіе какой-нибудь одной, подчасъ совершенно для него не характерной стороной и затѣмъ предлагаетъ рѣшеніе, какъ будто задача автора произвести реформу въ одномъ изъ элементовъ современной государственности, сохранивъ, однако, полную неприкосновенность послѣдней.

Въ подобной ошибкѣ повиненъ и не одинъ разбираемый авторъ. Это общая методологическая ошибка подобныхъ сужденій: рисуя себѣ идеальное будущее, они не могутъ отвлечься отъ существующаго міра понятій и явленій и свою задачу думаютъ ограничить тѣмъ или инымъ видомъ *частнаго приспособленія* безъ переоцѣнки *основныхъ* цѣнностей. Если современный институтъ брака—церковнаго или гражданскаго, въ данномъ случаѣ безразлично—есть плоть отъ плоти всего современнаго общественнаго строя, то только отринувъ послѣдній, можно подойти къ радикально новому разрѣшенію поставленной проблемы.

Самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ разбираемой книги даетъ толчекъ

къ слѣдующей весьма цѣнной мысли: переходъ отъ современнаго міропониманія къ будущему будетъ не менѣе радикаленъ, чѣмъ случившійся переходъ античнаго міровоззрѣнія въ христіанскій. Эту мысль можно продолжить: какъ христіанство особенно рѣзко отличалось отъ язычества въ первое свое время, когда исходило почти непосредственно изъ устъ Христа, такъ радикально отлично должно быть новое пониманіе будущаго міра отъ современнаго міропониманія. Съ другой стороны, теоретики ближайшаго будущаго, къ каковымъ относится Менгеръ, дѣлаютъ то же, что̀ случилось съ христіанскою церковью: чтобы скорѣе стать болѣе осуществимой и привлечь къ себѣ полчища язычниковъ, она поступилась самыми существенными сторонами христіанскаго ученія, какъ наиболѣе отдѣлявшими ее отъ окружающей языческой дѣйствительности.

Пріемъ часто встрѣчающійся въ жизни: люди идутъ на уступки для того, чтобы привлечь себѣ сторонниковъ или осуществить свои мысли, и не замѣчаютъ, что при этомъ многое изъ того, что̀ они представляли себѣ до попытки реализаціи своихъ идеаловъ, уже измѣнилось или вовсе исчезло. Такова обыкновенная участь опортунизма, будь то въ теоріи, будь то въ практической жизни.

Не останавливаясь на другихъ вопросахъ гражданскаго права, какъ-то: на кредитныхъ обязательствахъ, частномъ договорѣ, на наслѣдованіи, институтѣ незаконныхъ дѣтей, родительской власти и т. д.—на вопросахъ, которые въ будущемъ государствѣ, по Менгеру, всѣ цѣликомъ войдутъ въ сферу компетенціи правительственной власти,—перейдемъ къ тому, что̀ собственно составляетъ предметъ современной государственной науки.

Заглавіе книги — „новое ученіе о государствѣ" — не совсѣмъ соотвѣтствуетъ содержанію. То, что̀ составляетъ въ собственномъ смыслѣ ученіе о государствѣ, т.-е. ученіе о государственной организаціи и управленіи, занимаетъ, какъ то видно изъ предыдущаго, только незначительную часть всей книги. На первый взглядъ, авторъ выходитъ за предѣлы обычнаго ученія о государствѣ и пытается охватить весь будущій соціальный строй. Но, съ другой стороны, послѣдній представляется ему возможнымъ исключительно въ формѣ государственнаго, т.-е. по существу принудительнаго общенія.

Менгеръ различаетъ четыре вида соціализма: интернаціональный, государственный (Staatssozialismus), соціализмъ въ формѣ договорныхъ союзовъ (Gruppensozialismus) и, наконецъ, общинный соціализмъ—Gemeindesozialismus, на которомъ и останавливается авторъ.

Задача будущаго государства должна быть прежде всего направлена на то, чтобы общину (Gemeinde) сдѣлать носительницей собственности и хозяйства (Trägerin des Eigenthums und der Wirtschaft). Соціалистическая община, по мнѣнію автора, есть первая ступень къ тому

далекому будущему, когда весь родъ человѣческій сольется въ одинъ братскій союзъ безъ политическихъ и экономическихъ противорѣчій.

Община должна взять на себя осуществленіе только хозяйственныхъ функцій будущаго государства, безъ политическаго верховенства (Souverenität) и законодательной власти—иначе авторъ опасается возврата къ средневѣковому расщепленному государству (Rückfall in die mittelalterliche Zersplitterung des Staates). Въ небольшихъ общинахъ съ населеніемъ не болѣе двухъ тысячъ душъ производство и распредѣленіе будутъ сосредоточены непосредственно въ рукахъ самихъ членовъ общины. Лишь болѣе населенные пункты, каковы, напр., современные крупные города (Riesenstädte), когда въ нихъ создастся новый соціальный порядокъ, будутъ нуждаться въ посредствующихъ органахъ. Для этого подобныя обширныя общины разобьются на особые округа, а среди этихъ послѣднихъ образуются рабочія группы (Arbeitergruppen) по профессіямъ. Отъ бывшаго цехового устройства эти группы будутъ отличаться своимъ публичнымъ характеромъ.

Само собой разумѣется, члены соціалистической общины будутъ совершенно свободны въ выходѣ изъ нея. Но, съ другой стороны, авторъ считаетъ необходимымъ установить нѣкотораго рода формальную принадлежность къ ней (Gemeindegehörigkeit). Тотъ, кто не состоитъ членомъ общины, для изысканія себѣ средствъ къ существованію, долженъ вступить въ болѣе обширный союзъ: окружный (Bezirk), провинціальный (Provinz) или государственный. Этимъ само собой ограничивается современная свобода передвиженія, необходимая для рабочихъ массъ исключительно при современныхъ условіяхъ труда.

Что касается общихъ вопросовъ государственной организаціи, то изъ нихъ Менгеръ отмѣчаетъ вопросъ о цѣляхъ государства, о суверенитетѣ и, наконецъ, вопросъ о формахъ правленія. Цѣль у современнаго государства, какъ таковового, авторъ отрицаетъ. Подъ цѣлью современнаго государства всегда слѣдуетъ разумѣть стремленія отдѣльныхъ, по преимуществу господствующихъ, классовъ. Въ этомъ отношеніи въ существующемъ въ настоящее время „индивидуалистическомъ принудительномъ“ государствѣ (individualistische Machtstaat), по автору, намѣчаются четыре основныя группы интересовъ. Правитель и члены его семьи (der Fürst und seine Familie) стремятся къ власти и блеску (Macht und Glanz); интересы дворянства и высшаго духовенства (Adel und höhere Klerus) направлены къ выслугѣ и отличію (Bevorzugung). Средній классъ стоитъ во главѣ экономическаго производства и стремится къ наживѣ. Интересы его обусловлены матеріальнымъ и духовнымъ владѣніемъ (materiellen und geistigen Besitz). Наконецъ, въ современныхъ государствахъ замѣчается четвертая, самая обширная группа неимущихъ классовъ (besitzlosen Volksklassen), которые по существу совпадаютъ съ рабочимъ сословіемъ

(Arbeiterstand). Ихъ интересы направлены исключительно къ обезпеченію своего существованія (Sicherung der Existenzbedingungen). Изъ различія интересовъ возникаетъ борьба, которая и обусловливаетъ современное состояніе культурныхъ государствъ. И напрасны поэтому всѣ попытки къ достиженію всеобщаго мира. Пока не установится мира внутренняго, никогда не будетъ достигнутъ миръ внѣшній—Der Frieden nach aussen kann nur von dem Frieden im Innern ausgehen (стр. 163).

Вопросъ о суверенитетѣ авторъ сводитъ къ вопросу о фактической силѣ одного изъ двухъ элементовъ государственности: правительства и народа. Во всякомъ данномъ случаѣ вопросъ о суверенитетѣ рѣшается въ зависимости отъ того, въ чьихъ рукахъ сила—die Existenz einer höchsten tatsächlichen Macht (стр. 167). Для сужденія о народномъ верховенствѣ авторъ беретъ критеріемъ способность народа произвести выгодный для себя государственный переворотъ (das Volk ist souverän, wenn es eine erfolgreiche Revolution machen kann, S. 166). Въ этомъ смыслѣ авторъ различно относится къ англійскому и французскому народу по сравненію съ нѣмецкимъ; надъ послѣднимъ господствуетъ власть правительства и потому за нимъ авторъ не признаетъ суверенитета.

Что касается, наконецъ, вопроса о формѣ правленія въ будущемъ государствѣ, то онъ всюду разрѣшится различно. Принципіально, авторъ допускаетъ осуществленіе своего будущаго государства (volkstümliche Arbeitsstaat) и при монархическомъ правленіи, если оно откажется отъ своихъ милитаристическихъ интересовъ господствующаго меньшинства и измѣнитъ свое полицейское отношеніе къ гражданамъ. Милитаризмъ и полицейскій гнетъ современныхъ государствъ, по автору, въ особенности содѣйствовали образованію революціонныхъ соціалистическихъ партій—въ значительно большей степени, чѣмъ капиталистическая форма производства (стр. 40). Въ доказательство своей мысли авторъ приводитъ примѣръ Англіи, въ которой вовсе отсутствуетъ соціалъ-революціонная партія.

Вотъ бѣглый очеркъ содержанія новаго труда Антона Менгера. На приведенныхъ сужденіяхъ автора мы не будемъ останавливаться, такъ какъ они не столько рисуютъ картину новаго государства, сколько направлены противъ темныхъ сторонъ существующаго государственнаго строя. Какъ во всякомъ соціалистическомъ произведеніи, критическая сторона и у разбираемаго автора сильнѣе и ярче его положительныхъ построеній.

Въ заключеніе можно замѣтить, что Менгеръ относится къ тѣмъ сторонникамъ обновленія соціальнаго строя, отличительная черта которыхъ заключается въ слѣдующемъ: новаторы этой категоріи не только силятся изобразить будущее, т.-е. новое, въ формахъ настоящаго, т.-е. стараго, но и вообще черезчуръ бережно относятся къ

этому старому, приспособляясь къ нему, вмѣсто того чтобы отринуть его какъ уже отживающее. Въ современный міръ понятій и выраженій, такъ сильно обветшавшихъ и лишенныхъ жизненныхъ соковъ, трудно уже вложить новое и свѣжее содержаніе. Безполезно писать новыя заповѣди на старыхъ скрижаляхъ.—Г. Швиттау.

II.

— *Gabriele d'Annunzio.* La Fiaccola sotto il moggio. Tragedia. Milano. 1905. (Fratelli Treves, Edit.).

Европейская драма большого стиля часто разрабатываетъ въ послѣднее время античные сюжеты. Трагедія судьбы облечена въ греческомъ театрѣ въ образы вѣчной красоты, неисчерпаемаго паѳоса, и воображеніе обращается къ нимъ каждый разъ, когда вновь чувствуется присутствіе вѣчныхъ контрастовъ въ жизни человѣческой. Влеченіе къ торжеству идеала, разбивающее не только благополучіе жизни, но и самую жизнь, составляетъ для насъ, какъ и для древнихъ грековъ, основу трагической красоты жизни. Все идеалистическое искусство нашихъ дней,—а на высотахъ европейскаго художественнаго творчества синтезирующій идеализмъ побѣдилъ аналитическій реализмъ—ищетъ только отраженій трагической борьбы духа человѣческаго. Интересъ къ античной трагедіи объясняется духовной связью нашего времени съ идеальными подвигами героевъ и героинь греческой драмы, шедшихъ противъ себя во имя своей же высшей правды.

Самый фактъ возродившагося интереса къ античному театру не подлежитъ сомнѣнію. Во Франціи возобновляются съ лучшими силами представленія въ сохранившихся отъ римскихъ временъ древнихъ театрахъ—и поэты пишутъ трагедіи для этихъ театровъ. Они вносятъ въ греческіе сюжеты современное міросозерцаніе, противопоставляютъ власть событій власти духа, стремящагося къ торжеству внѣжизненныхъ идеаловъ. Въ современныхъ трагедіяхъ на античные сюжеты торжественная гармонія античнаго театра осложнена признаніемъ равноцѣнности правды духа и правды жизни; герои древнихъ драмъ становятся въ современной разработкѣ болѣе сложными, нежели цѣльными, болѣе чуткими, нежели непреклонными; у нихъ больше оттѣнковъ чувствованій и переживаній, но они столь же трагичны въ своей судьбѣ, управляемой и правдой духа, и правдой земныхъ желаній. Таковы современныя переработки античныхъ темъ у Жюля Буа въ „Ипполитѣ“, у Катюля Мендеса въ „Медеѣ“—и главнымъ образомъ въ наиболѣе интересной и своеобразной драмѣ на античную тему—въ „Электрѣ“ Гуго фонъ-Гофмансталя. Тамъ чистая дѣва Эври-

пида превращена въ изумительное сочетаніе стихійно-животной силы инстинкта мести съ христіанской чистотой святыхъ помысловъ.

Габріэле д'Аннунціо имѣетъ болѣе, чѣмъ кто-либо, право на разработку античныхъ темъ. Онъ самъ выросъ на классической почвѣ и чрезвычайно чутко воспринимаетъ обаяніе классической старины. Въ его творчествѣ звучатъ отголоски языческой красоты, въ которой онъ видитъ завѣтъ жизнерадостности—т.-е. одной изъ силъ, управляющихъ волей современнаго человѣка. Другая сила—жажда духовной святости, равноцѣнная и равносильная первой. Д'Аннунціо даже не философствуетъ, а именно чувствуетъ эмоціонально, какъ художникъ, жизнь какъ контрастъ и трагическую внутреннюю борьбу того, что̀ онъ называетъ „il piacere", и тоски о высокой жизни духа, не знающей унижающихъ мукъ пресыщенія. Тѣмъ д'Аннунціо и современенъ, что онъ воплощаетъ въ своемъ творчествѣ и то и другое начало въ образахъ и эмоціяхъ, отвѣчающихъ правдѣ нашихъ дней. Вся его лирика, проникнутая подлинной ненасытной жадностью ощущеній и южной страстностью, а также романы, посвященные анализу страстей, возсоздаютъ „культъ наслажденій" съ его экстазомъ и его провалами. А драмы д'Аннунціо возсоздаютъ идеалистическіе порывы духа. Въ нихъ—также какъ въ символическихъ романахъ послѣднихъ лѣтъ—д'Аннунціо изображаетъ трагедію избранныхъ высокихъ натуръ, жаждущихъ духовныхъ подвиговъ, жаждущихъ проявить вложенныя въ нихъ силы. Въ романахъ—въ „Vergine delle Rocche" и въ „Fuoco"—прославленъ идеалъ эстетизма и ницшеанства, культъ личности. Въ драмахъ идеализмъ болѣе глубокій, болѣе связанный съ подвигами во имя отвлеченной святыни добра—въ духѣ античной драмы; драмы д'Аннунціо поэтому—самое благородное и прекрасное въ его творчествѣ. Начиная съ „Джіоконды", потомъ въ „Мертвомъ городѣ", въ „Франческѣ да-Римини" и въ другихъ небольшихъ и большихъ драмахъ, кончая „Дочерью Іоріо", несмотря на различіе сюжетовъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, рисующихъ людей разной среды, д'Аннунціо пишетъ драмы судьбы, въ которыхъ сильные духомъ герои и героини воплощаютъ каждый и каждая трагическую правду своей души, отражающую правду борющихся началъ жизни.

Новая драма д'Аннунціо, „La Fiaccola sotto il moggio" еще болѣе, чѣмъ прежнія, примыкаетъ къ идеалистическому характеру античной драмы. Д'Аннунціо задался въ послѣднее время стремленіемъ создать въ Италіи античный театръ съ обновленнымъ національнымъ содержаніемъ, но приближающійся къ греческому главнымъ образомъ высотой замысловъ, отраженіемъ въ идеальныхъ образахъ коренного трагизма жизни. Другими словами, онъ хочетъ замѣнить реалистическую и психологическую драму, царящую на современной сценѣ, драмой идеалистической. Къ этому типу подходитъ и новѣйшая драма д'Ан-

нунціо „La Fiaccolo sotto il moggio“. Это греческая „Электра“, перенесенная на итальянскую почву, воплощенная въ событіяхъ почти современной жизни. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XIX-го вѣка, но рамки дѣйствія схематично намѣчены только въ большихъ линіяхъ, исключающихъ всякій реалистическій характеръ фабулы лицъ. Какъ въ греческой трагедіи, у д'Аннунціо все сведено къ напряженному столкновенію судьбы и индивидуальной воли. Для воплощенія правды синтетической, т.-е. сводящей смыслъ явленій къ идеямъ, въ нихъ воплощеннымъ, нужна отрѣшенность отъ правды аналитической, разбирающей мотивы дѣйствій и чувствъ. Эта отрѣшенность и придаетъ драмѣ д'Аннунціо характеръ греческой трагедіи, соединяющей схематическую простоту съ паѳосомъ героическихъ переживаній.

Образъ Электры привлекаетъ уже второго современнаго поэта. Въ этой „чистой мстительницѣ“ чувствуется особенная близость къ нашему пониманію высшаго трагизма, какъ сочетанія крайняго напряженія активной воли съ крайнимъ отрѣшеніемъ отъ страстей, т.-е. съ святостью помысловъ. Искупленіе должно быть связано съ безкорыстностью подвига: — только въ чистой дѣвѣ можетъ возстать мстительница за свершенное не ею преступленіе. Эта идея, лежащая въ основѣ героическаго образа Электры, объединяетъ языческую идею рока съ христіанскимъ идеаломъ чистоты и самоотреченія. Сложность Электры, какъ воплощенія волевого начала, возстающаго на судьбу, берущаго на себя власть возмездія, и, съ другой стороны, чистоты и самоотверженности во имя торжества справедливости, и привлекаетъ современныхъ поэтовъ въ образѣ греческой героини. Гофмансталь возсоздаетъ въ своей драмѣ Электру среди тѣхъ же событій, какія разсказаны въ греческомъ миѳѣ, а д'Аннунціо совершенно измѣняетъ фабулу, создаетъ свой миѳъ, но чтобы еще болѣе подчеркнуть близость своей героини, Джиліолы, къ древней Электрѣ, — сходство и безъ того очевидно—приводитъ цитату изъ греческой Электры, какъ эпиграфъ къ своей драмѣ.

Событія, разыгрывающіяся въ „Fiaccola sotto il moggio“, перенесены въ Италію новаго времени, но вполнѣ напоминаютъ судьбу дома Атридовъ по тяготѣющему надъ дѣйствующими лицами драмы неотразимому року. Въ драмѣ д'Аннунціо представленъ старинный падающій родъ Сангро. Семья живетъ въ огромномъ замкѣ—„въ домѣ изъ ста комнатъ“, и одна изъ вѣрныхъ служанокъ семьи восклицаетъ съ тоской: „О, этотъ домъ, кто построилъ его такимъ огромнымъ? почему въ немъ столько дверей? Сколькимъ печалямъ онъ хочетъ дать пріютъ?“ Этотъ старинный, нѣкогда цвѣтущій домъ близокъ къ полному паденію. Въ немъ рушатся стѣны, падаютъ разваливающіяся статуи изъ нишъ, высыхаютъ фонтаны—и слышится неустанный стукъ рабочихъ, сколачивающихъ подпоры для стѣнъ. Въ ночь, когда происходитъ дѣйствіе

драмы, въ канунъ Троицы, они собираются работать ночью при свѣтѣ факеловъ, чтобы спасти домъ отъ разрушенія. И не только стѣны дома разрушены, но и семья, живущая въ нихъ, близка къ полной гибели. Старая бабушка, донна Альдегрина, оплакивающая судьбу своей семьи, и самый младшій отпрыскъ стариннаго рода, семнадцатилѣтній Симонетто, умирающій отъ прирожденной истощенности силъ и безкровія, воплощаютъ собой проклятіе рока на семьѣ. Въ жизни доживающей свой вѣкъ бабушки это проклятіе началось, и молодой невинный внукъ послѣдняя жертва. Донна Альдегрина похоронила двухъ мужей, и два сына отъ перваго и второго брака умножаютъ ея скорбь своими распрями. Трагедія происходитъ въ домѣ младшаго изъ сыновей, Теобальдо Сангро. На домѣ Сангро тяготѣетъ ужасъ разрушенія. Кромѣ жалобъ на судьбу полноправныхъ членовъ семьи, слышатся еще наверху стоны сумасшедшей сестры хозяина, запертой тамъ братомъ и неустанно мечущейся въ своей тоскѣ. Получается атмосфера безумія и проклятія—и въ ней разыгрывается трагическое дѣйствіе, лежащее въ основѣ фабулы. Весь мракъ въ семьѣ Сангро связанъ съ преступленіемъ, свершеннымъ за годъ до того. День Троицы, къ которому пріурочено дѣйствіе, годовщина этого преступленія. Годъ тому назадъ умерла страшной смертью жена Теобальдо, — на нее упала крышка сундука, надъ которымъ она наклонилась. Но дочь умершей, Джиліола, а можетъ быть и старая бабушка, знаютъ, что несчастіе было не дѣломъ судьбы, а дѣломъ преступныхъ рукъ, что убійца погибшей—бывшая служанка Ангиція, на которой Теобальдо женился, овдовѣвъ. Джиліола цѣлый годъ послѣ смерти матери не могла говорить, ни на кого не глядѣла, а только бродила по безчисленнымъ комнатамъ дома, со своей одинокой трагической думой. Теперь она снова вернулась къ общенію со своими—но только для того, чтобы выполнить рѣшеніе, созрѣвшее въ ея душѣ. Старый домъ падаетъ. Работники должны торопиться и работать ночью при факелахъ для того, чтобы все сразу не рухнуло. И Джиліола тоже придетъ съ факеломъ свѣтить рабочимъ въ эту ночь. У нея есть „факелъ, спрятанный подъ спудомъ“. Этимъ факеломъ она будетъ освѣщать ночную работу, чтобы среди разрушенія спасти то, что̀ ей дороже всего — одну гробницу. Гробница матери останется не тронутой — въ этомъ она даетъ обѣтъ.

Джиліола, освѣщающая своимъ факеломъ мрачную атмосферу дома, раскрывающая преступленіе и мстящая за мать, и является центромъ трагедіи. Она, какъ совѣсть, заглядываетъ въ глаза тѣмъ, кого подозрѣваетъ, и правда открывается ея чистому взору. Она долго таила въ душѣ подозрѣнія, не рѣшаясь твердо взглянуть въ глаза отцу, страдая отъ смущеннаго виноватаго взгляда, которымъ онъ смотритъ на нее. Она только ограждаетъ брата, юнаго Симонетто, отъ злыхъ

умысловъ бывшей служанки, которая примѣшиваетъ вредныя снадобья въ лекарства мальчика. Она беретъ мальчика къ себѣ въ комнату и посылаетъ за родственницей, чтобы та увезла его изъ дома отца и мачихи. Сама же она направляетъ всю свою волю на исполненіе обѣта, на месть за мать (въ противоположность мести за отца греческой Электры). Ея первое дѣло—взглянуть прямо въ глаза отцу, побѣдивъ въ себѣ жалость, и спросить его о томъ, какъ въ дѣйствительности погибла ея мать. Теобальдо уклоняется отъ отвѣта, — ему самому слишкомъ неясна роль „женщины изъ Лукки", той, на которой онъ женился, въ смерти первой жены. Но Джиліола повторяетъ въ присутствіи отца уже не вопросы, а прямыя обвиненія въ лицо самой Ангиціи — причемъ упорно зоветъ мачиху служанкой. Ангиція отвѣчаетъ вызывающимъ образомъ падчерицѣ и подтверждаетъ ея обвиненія. Ее покрываетъ соучастіе ея теперешняго мужа, и она смѣло говоритъ правду, тѣша свою злобу издѣвательствомъ надъ Джиліолой. Теобальдо тщетно кричитъ, что Ангиція клевещетъ на себя изъ злобы,— и дочь его, и онъ самъ понимаютъ, что правда выяснилась и что нужно исполнить долгъ мести. Трагическій конфликтъ драмы заключается въ томъ, что есть два мстителя. Вопросъ въ томъ, который изъ нихъ имѣетъ право кары за совершенное злодѣяніе — невинная дочь или раскаявшійся, убѣдившійся въ преступленіи и понявшій свою великую, хотя и не сознательную, вину мужъ. И Теобальдо, и Джиліола готовятся къ совершенію мести, и въ томъ, какъ они готовятся къ священному для нихъ долгу, что̀ переживаютъ до роковой минуты, и воплощается идея драмы. Теобальдо жаждетъ очиститься, искупить познанную вину, сбросить бремя съ души — и готовъ взять на себя самое трудное, лишь бы успокоить душу. Одна изъ самыхъ патетическихъ и дѣйствительно глубокихъ по изображенію безсилія человѣческихъ мукъ сценъ въ драмѣ д'Аннунціо – сцена Теобальдо съ матерью, когда онъ въ своемъ душевномъ отчаяніи молитъ ее о помощи: „Ты, давшая мнѣ эту бѣдную душу",—говоритъ онъ,—„помоги мнѣ оживить ее, разбившуюся на куски. Подумай, тотъ день, когда ты родила меня, уже для меня ничто — онъ не далъ мнѣ спасенія. Но день, когда я обращаюсь къ тебѣ съ мольбой, спасетъ меня для вѣчности, если ты мнѣ поможешь"... И мать не можетъ ему помочь—не можетъ спасти его отъ сознанія совершеннаго преступленія. „Нѣтъ скорби",— восклицаетъ она,—„равной той, которую испытываетъ мать, не будучи въ состояніи утѣшить свое дитя". Помощь, которую Теобальдо ждетъ отъ матери, заключается въ томъ, чтобы она убѣдила его въ правдѣ, которую онъ малодушно скрываетъ отъ себя, чтобы она ему сказала: „то, что̀ невозможно, свершилось". Но мать отъ него же узнаетъ истину, которую онъ хотѣлъ бы узнать отъ нея, и въ этомъ странномъ и скорбномъ общеніи душъ у Теобальдо зрѣетъ рѣшеніе: „если ты

меня спасешь, побѣдивъ во мнѣ отчаяніе",—говоритъ онъ матери,—то я сдѣлаю самое трудное для моего малодушія и моей низкой страсти,—я свершу невообразимое, свершу то, чего никто не ожидаетъ"...

Джиліола же думаетъ не о собственномъ спасеніи, не объ искупленіи своей вины—она безкорыстная, праведная мстительница—и спасеніе падающаго дома могло бы изойти только отъ нея. Право мести, которое она вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ и своимъ священнымъ долгомъ, она искупаетъ тѣмъ, что заранѣе обрекаетъ себя на смерть. Сначала нанести себѣ смертельный ударъ, и затѣмъ, до наступленія смерти, отмстить за мать, убить убійцу. Мысль объ этомъ ее долго преслѣдуетъ, прежде чѣмъ она принимаетъ рѣшеніе. „Почему тысячи мыслей вмѣстѣ,—спрашиваетъ она съ горестью донну Альдегрину, свою бабушку,—не такъ тяжелы, какъ одна мысль, когда она единственная, исключающая всѣ остальныя?" Рѣшивъ исполнить долгъ мести въ ночь годовщины смерти матери, приготовившись освѣщать своимъ факеломъ мракъ замка, Джиліола находитъ и средство быть увѣренной въ своей смерти, прежде чѣмъ идти исполнять долгъ. Въ замкѣ есть еще одно постороннее лицо—старый заклинатель змѣй. Онъ отецъ Ангиціи и пришелъ къ ней, узнавъ о ея замужествѣ съ знатнымъ синьоромъ. Но Ангиція не хочетъ признать отца въ бѣдномъ крестьянинѣ и прогоняетъ его, бросая въ него камни. Израненнаго, измученнаго злобой дочери старика со змѣями утѣшаетъ Джиліола. Она обмываетъ и перевязываетъ его раны, разспрашиваетъ его, и изъ наивныхъ разсказовъ старика еще болѣе убѣждается въ преступности своей мачихи. Утѣшенный Джиліолой старикъ отдаетъ ей подарки, которые приготовилъ дочери, и довѣрчиво говоритъ съ ней. Эта сцена принадлежитъ, какъ и сцена между Теобальдо и матерью, къ лучшимъ въ драмѣ. Въ ней д'Аннунціо очень умѣло пользуется народнымъ элементомъ, поэзіей народныхъ повѣрій и народной мудрости, которую онъ влагаетъ въ образныя и задушевныя рѣчи старика. Джиліола ласкова со старикомъ еще по особой причинѣ: она выспрашиваетъ его о змѣяхъ, которыхъ онъ носитъ при себѣ, и узнаетъ, которыя изъ нихъ ядовиты и какъ дѣйствуетъ ихъ укусъ. Она уговариваетъ старика оставить ей мѣшокъ со змѣями, „мѣшочекъ великой смерти", перевязанный зеленымъ шнуркомъ. Она говоритъ, что хочетъ попугать брата и пошутить надъ нимъ. Старикъ не успѣваетъ отвѣтить, какъ входитъ Ангиція, и Джиліола быстро прячетъ мѣшокъ. Прежде чѣмъ исполнить свое намѣреніе, она еще говоритъ съ братомъ и разсказываетъ ему тайну смерти ихъ матери, наполняя и сердце мальчика пламенной жаждой мести. Затѣмъ она подготовляетъ во всемъ домѣ ожиданіе возмездія за совершенное преступленіе — напоминаетъ всѣмъ о подробностяхъ того же часа за годъ передъ тѣмъ, т.-е. когда

совершалось кровавое дѣло. Симонетто боленъ послѣ объясненій сестры; у него горячка, и онъ все зоветъ сестру. Но она посылаетъ къ нему старую кормилицу, и сама остается, чтобы исполнить свой обѣтъ. Въ ея обращеніи къ умершей матери за благословеніемъ отражается весь героизмъ высоко настроенной души. Она молитъ мать укрѣпить въ ея душѣ „призваніе къ смерти", которое дастъ ей силу для подвига. Она призываетъ муки смерти, чтобы въ нихъ тѣснѣе слиться съ мученической смертью матери, и съ мольбой о томъ, чтобы ей дано было „быть снова единымъ съ тобою, мать, какъ тогда, когда ты носила меня въ чревѣ, въ священной тишинѣ", опускаетъ руки въ мѣшокъ со змѣями. Жертва принесена—но она оказывается напрасной. Когда Джиліола идетъ къ Ангиціи, она находитъ ее на кровати уже мертвой. Ее убилъ Теобальдо. „Ея кровь на мнѣ, — говоритъ Теобальдо.—Я отмстилъ за тебя". Но Джиліола въ смертельномъ ужасѣ: „Тебѣ нельзя было это сдѣлать! — восклицаетъ она, обращаясь къ отцу.—Обѣтъ дала только я. Жертва за жертву. Ты отнялъ у меня мое священное право".—„Для того, чтобы ты не оскверняла своихъ рукъ, я это сдѣлалъ за тебя, дочь моя", — объясняетъ Теобальдо, но Джиліола уничтожаетъ значеніе его подвига словами: „Твоя рука недостаточно чиста для этой жертвы... своимъ поступкомъ ты только запечаталъ уста, обвиняющія тебя". Джиліола умираетъ—но не свѣтлой смертью. Она раньше приказала зажечь всѣ факелы, чтобы ознаменовать торжествомъ искупительную жертву — и хотѣла сама держать до послѣдней минуты зажженный факелъ въ рукѣ — тотъ, который „былъ долго подъ спудомъ" и исполнилъ наконецъ свое назначеніе, освѣтилъ мракъ, т.-е. побѣдилъ зло. Но трагедія Джиліолы въ томъ, что ея подвигъ остался тщетнымъ. „Затушите факелы!—скорбно приказываетъ она. — Да будетъ мракъ, да будетъ мракъ надъ тѣмъ, кто не свершилъ обѣта. Затушите свѣтъ и вы всѣ, — говоритъ она рабочимъ, подходящимъ къ замку съ зажженными факелами. — Я не могу держать передъ вами мой факелъ. Все было напрасно". Съ послѣдними словами прощанія, обращенными къ своимъ, она умираетъ — и отецъ ея тоже падаетъ на землю, умирая. Такъ заканчивается драма, въ центрѣ которой стоитъ модернизованная Электра. Для Джиліолы долгъ мести связанъ съ искупительной жертвой; спасительный подвигъ—только подвигъ безкорыстной любви,—когда долгъ любви къ другимъ становится проявленіемъ высшей любви къ себѣ, когда единая любовь производитъ сліяніе культа личности и культа міра.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1905.

Наступающій учебный годъ.—Статьи В. И. Вернадскаго и кн. Е. Н. Трубецкого.— Вольный университетъ и высшая русская школа въ Парижѣ.—Нежеланье и неумѣнье понять значеніе переживаемой нами минуты.—Дворянство и крестьянство.—Земскіе начальники.—Надвигающаяся опасность голода.—Свобода печати и право собраній.

Черезъ нѣсколько недѣль долженъ начаться новый учебный годъ. Начнется ли онъ на самомъ дѣлѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? Увѣренности въ этомъ быть не можетъ. Профессорскими коллегіями сдѣлано все отъ нихъ зависящее, чтобы положить конецъ явной, вопіющей аномаліи; но правительственная власть все еще не сказала рѣшающаго, освобождающаго слова. Настоящее положеніе вопроса обрисовано съ особенною яркостью въ статьяхъ профессора В. И. Вернадскаго: „Ближайшія задачи академической жизни" („Право", № 24) и „Три забастовки" („Русскія Вѣдомости", № 179). Уже въ самомъ началѣ 1905-го года совѣты почти всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній выставили одинаковую программу академической дѣятельности, одинаково отвергли полицейскія мѣры борьбы съ студенческими безпорядками. Частный профессорскій съѣздъ, состоявшійся въ февралѣ мѣсяцѣ, призналъ невозможнымъ чтеніе лекцій, веденіе практическихъ занятій и производство экзаменовъ при условіи примѣненія репрессій и насилія. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ пришелъ къ заключенію, что хотя провести въ жизнь новый уставъ высшихъ учебныхъ заведеній, основанный на принципахъ академической автономіи и свободы, можетъ, съ успѣхомъ, только народное представительство, но для сохраненія высшей школы въ нынѣшнее тревожное время необходимо немедленно дать совѣтамъ, съ ректоромъ во главѣ, право самостоятельнаго завѣдыванія учебными заведеніями. Это можетъ быть достигнуто путемъ временныхъ полномочій, цѣлесообразность которыхъ сначала подвергалась сомнѣнію, но въ концѣ концовъ признана съѣздомъ. Побѣжденнымъ оказалось и предубѣжденіе противъ *оффиціальнаго* профессорскаго съѣзда, созывъ котораго со стороны профессоровъ теперь препятствій не встрѣтитъ. „Начало единенію и солидарности положено"—такъ заканчивается первая статья В. И. Вернадскаго; „отъ насъ зависитъ его дальнѣйшее развитіе. Единеніе необходимо для благородной страны, для самаго существованія академическихъ организацій".

Итакъ, среди профессоровъ существуетъ полная готовность спо-

собствовать возобновленію занятій, въ той обстановкѣ, которая одна только обезпечиваетъ ихъ правильное, нормальное теченіе. Можно ли сказать то же самое объ учебной администраціи? До сихъ поръ, какъ видно изъ второй статьи В. И. Вернадскаго, она только отклоняла предложенія, шедшія отъ совѣтовъ,—и выразила намѣреніе удалить всѣхъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, если не прекратится, въ наступающемъ академическомъ году, студенческая забастовка. „Эта неслыханная въ исторіи цивилизованныхъ странъ угроза произвела", по словамъ В. И. Вернадскаго, „впечатлѣніе, обратное тому, какое, повидимому, ожидалось ея авторами. Она не испугала, но глубоко оскорбила. Она казалась невѣроятной. Однако, вскорѣ въ заграничной печати появились извѣстія о томъ, что русское правительство ведетъ переговоры съ нѣкоторыми нѣмецкими учеными, которыми желаетъ замѣнить непокорныхъ русскихъ профессоровъ". Переговоры эти окончились, повидимому, полной неудачей. Между тѣмъ, началось „очищеніе" учебнаго персонала: въ Одессѣ удалены, безъ объясненія причинъ, приватъ-доценты Орженцкій и Тарасевичъ, въ Казани — приватъ-доцентъ Парфентьевъ... Что же будетъ дальше? „Есть",—говоритъ В. И. Вернадскій,—„два, и *только два* выхода. Или надо возобновить жизнь созданныхъ вѣковою государственною работой правительственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, или создать новыя. Для перваго выхода, достигнувъ нѣкотораго спокойствія въ странѣ путемъ созыва народныхъ представителей, надо измѣнить сепаратнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ порядокъ управленія учебными заведеніями, давъ совѣтамъ особыя полномочія, гарантирующія школу отъ полицейскаго режима, и созвать профессорскій и преподавательскій съѣздъ передъ началомъ занятій, для совмѣстнаго рѣшенія вопроса о веденіи преподаванія въ переживаемое смутное время. Если бы, почему бы то ни было, это оказалось невозможнымъ, то придется идти другимъ путемъ. Оставивъ старыя, надо создать новыя учебныя заведенія—вольные университеты, вольныя высшія школы, не связанныя программами, не зависящія отъ казенныхъ средствъ, дающія широкую возможность академической творческой дѣятельности. Какъ ни труденъ этотъ путь и сколько ни связано съ нимъ затратъ и преградъ, — иного выхода не остается, если многіе профессора будутъ изгнаны изъ государственныхъ школъ, а эти послѣднія закрыты или изувѣчены. Нельзя оставить молодежь безъ образованія, и силы ученыхъ людей русскаго народа не могутъ безнаказанно для блага страны долго оставаться безъ употребленія".

Мысль о вольномъ университетѣ, пущенная въ обращеніе, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгеромъ, все больше и больше, повидимому,

пріобрѣтаетъ у насъ право гражданства. Чрезвычайно энергично защищаетъ ее, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 145), профессоръ кн. Е. Н. Трубецкой. Указавъ на то, что въ существующихъ университетахъ могутъ остаться, при извѣстныхъ условіяхъ, только „благонамѣренные" профессора и „благонадежные" студенты, кн. Трубецкой восклицаетъ: „Неужели русское общество допуститъ, чтобы цвѣтъ нашей профессуры удалился окончательно отъ педагогической дѣятельности? Неужели оно примирится съ тѣмъ, что девять десятыхъ нашей учащейся молодежи останутся безъ высшаго образованія? Если насъ пугаетъ перспектива грядущей варваризаціи страны, если мы не хотимъ *надолго*, быть можетъ, разстаться съ просвѣщеніемъ, то мы должны немедленно подумать о созданіи вольнаго университета. Иного выбора намъ нѣтъ. Мы не знаемъ, какъ долго продлится борьба за обновленіе нашего государственнаго строя; поэтому было бы легкомысленнымъ надѣяться на скорое наступленіе у насъ тѣхъ условій, при которыхъ въ Россіи станетъ возможнымъ университетъ правительственный... Возможно, что устройство вольнаго университета будетъ разрѣшено правительствомъ. Разъ оно само оказалось не въ состояніи обезпечить странѣ высшаго образованія, оно, быть можетъ, не дерзнетъ воспрепятствовать общественнымъ усиліямъ, направленнымъ къ этой цѣли. Въ случаѣ невозможности добиться разрѣшенія, придется такъ или иначе создать вольный университетъ „явочнымъ порядкомъ" въ Россіи или за границей. Въ случаѣ закрытія высшихъ учебныхъ заведеній ближайшей осенью это окажется необходимымъ, какія бы жертвы и усилія для того ни потребовались".

Что созданіе въ Россіи вольнаго университета и вообще вольной высшей школы не принадлежитъ къ числу несбыточныхъ мечтаній— нагляднымъ доказательствомъ этому служитъ русская высшая школа въ Парижѣ, закончившая недавно четвертый годъ своего существованія. Привлекая множество слушателей, она даетъ имъ рядъ разнообразныхъ знаній, преимущественно въ области наукъ политическихъ и соціальныхъ. Въ лекторахъ, постоянныхъ и временныхъ, русскихъ и иностранныхъ, она не чувствуетъ недостатка. Не стѣсненная неподвижными рамками, она захватываетъ въ кругъ преподаванія все то, что въ данную минуту составляетъ предметъ наибольшаго интереса. Главной ея опорой служитъ неутомимая дѣятельность М. М. Ковалевскаго, для котораго такъ долго была недоступна каѳедра въ Россіи. Ему помогаютъ П. Н. Милюковъ, П. Н. Виноградовъ, А. С. Трачевскій, Ю. С. Гамбаровъ, также разставшіеся, помимо воли, съ русскими университетами. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что такая же свободная группировка силъ оказалась бы возможной, при отсутствіи внѣшнихъ препятствій, и на русской почвѣ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы легко было примириться съ крушеніемъ, хотя бы вре-

меннымъ, тѣхъ формъ, въ которыя облечено у насъ теперь высшее образованіе. Не даромъ же вездѣ на континентѣ Европы главную тяжесть расходовъ по содержанію высшихъ школъ несетъ на себѣ государство. Только ему посильны тѣ постоянно растущія затраты, которыхъ требуетъ высшее образованіе, въ особенности техническое, спеціальное; только имъ или съ его помощью могутъ быть устроены и содержимы тѣ лабораторіи, кабинеты, коллекціи, приспособленія всякаго рода, значеніе которыхъ для высшей школы увеличивается съ каждымъ годомъ. Трудно даже вообразить себѣ такое положеніе вещей, при которомъ пустовали бы громадныя зданія, отвѣчающія всѣмъ требованіямъ науки—и рядомъ съ ними тѣснились бы въ какихъ-нибудь углахъ, лишенныя необходимыхъ пособій, толпы молодежи, жаждущей знанія. Невозможно допустить, чтобы на встрѣчу подобной аномаліи добровольно пошло государство, заинтересованное не только косвенно, но и прямо, въ развитіи высшаго образованія, въ усвоеніи его широкими общественными кругами. Мы надѣемся и вѣримъ, что изъ двухъ альтернативъ, которыя ставитъ В. И. Вернадскій, осуществится первая, а не вторая. Путь репрессій, съ помощью которыхъ предполагалось возстановить и поддержать порядокъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пройденъ до конца—и не привелъ къ цѣли; остается только поворотъ на другую дорогу... Пускай возникнетъ у насъ вольная высшая школа,—это будетъ во всякомъ случаѣ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей умственной жизни; но пускай она явится не *замѣной*, а *дополненіемъ* государственной школы.

Какъ ни ясны признаки надвигающагося кризиса, какъ ни очевидна невозможность предотвратить его поворотомъ назадъ, стояніемъ на мѣстѣ или даже нерѣшительнымъ движеніемъ впередъ,—все еще раздаются голоса, настойчиво рекомендующіе одно изъ этихъ рѣшеній. Особеннымъ упорствомъ отличается, какъ и слѣдовало ожидать, реакціонная печать. Не останавливаясь подробно на ея много разъ опровергнутыхъ аргументахъ, укажемъ только два пріема, къ которымъ она охотно прибѣгаетъ. Первый изъ нихъ—возвеличеніе прошлаго, достигаемое путемъ его извращенія. Великодушно отказываясь—до поры до времени—отъ только-что предложенной ею всероссійской военной диктатуры, московская реакціонная газета выражаетъ готовность удовольствоваться такимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который „рѣшился бы строго, неуклонно и послѣдовательно примѣнять законы, ограждающіе порядокъ въ государствѣ". Прототипъ такого министра она видитъ въ гр. Д. А. Толстомъ, „режимъ котораго сразу оздоровилъ Россію" и поднялъ ее на небывалый до тѣхъ поръ уровень всемірной славы. И это говорится

теперь, когда съ такою поразительною яркостью обрисовывается несостоятельность всего созданнаго гр. Толстымъ—теперь, когда оффиціально осуждены „излишнія стѣсненія печати", сочтены дни земскихъ начальниковъ, предрѣшена безсословность и самостоятельность земства, признана необходимость освобожденія школы, на всѣхъ ступеняхъ ея, отъ узъ, въ которыя ее заковала политика гр. Толстого! Несправедливо, конечно, было бы утверждать, что гр. Толстой—единственный виновникъ всѣхъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ Россія; но что при немъ и въ значительной мѣрѣ благодаря ему они обострились и проникли до самой глубины организма—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Могущественною, въ концѣ прошлаго вѣка, Россія казалась,—но только казалась. Повторялся тотъ оптическій обманъ, который въ еще гораздо большей степени существовалъ при Николаѣ I-мъ—и разсѣялся, какъ и тогда, при свѣтѣ перваго серьезнаго испытанія, принесеннаго внѣшнею войною.

Второй излюбленный пріемъ реакціонной прессы—извращеніе настоящаго, принимающее иногда по-истинѣ чудовищныя формы. Ограничимся однимъ примѣромъ, особенно характернымъ. Къ числу мѣропріятій, „совершенно чуждыхъ желаніямъ русскаго народа и даже ему противныхъ", „Московскія Вѣдомости" (№ 191) относятъ... законъ о свободѣ совѣсти, „въ которомъ никто въ Россіи не ощущалъ надобности, кромѣ газетчиковъ, давно, какъ извѣстно, свободныхъ отъ совѣсти". Итакъ, въ законѣ о свободѣ совѣсти „не ощущали надобности" ни милліоны раскольниковъ и сектантовъ, ни десятки или сотни тысячъ „упорствовавшихъ" уніатовъ, плохо обращенныхъ протестантовъ, по недоразумѣнію крестившихся магометанъ! Не слишкомъ ли далеко заходитъ здѣсь забвеніе правила о „знаніи мѣры"? „Въ Россіи",—читаемъ мы дальше,—„никогда не было религіознаго гоненія, и православный людъ всегда мирно уживался бокъ-о-бокъ даже съ магометанами и евреями". Но развѣ указъ 17-го апрѣля имѣлъ цѣлью оградить свободу совѣсти отъ посягательствъ со стороны „православнаго люда"? Развѣ самое изданіе его не доказываетъ съ достаточною ясностью, что до тѣхъ поръ имѣли мѣсто „гоненія за вѣру", въ видѣ стѣсненій, праволишеній, административныхъ и даже уголовныхъ каръ?.. Въ концѣ концовъ московская газета открываетъ еще одну категорію лицъ, которымъ былъ нуженъ законъ о свободѣ совѣсти: это—„крамольники", усматривающіе въ немъ „средство ослабить основы русской государственности". Кому же неизвѣстно, однако, что уменьшеніе поводовъ къ неудовольствію, существующихъ въ средѣ народа, ведетъ не къ ослабленію, а наоборотъ, къ усиленію государства?

Отъ злостнаго нежеланія видѣть перейдемъ къ наивному непониманію дѣйствительности. Образцомъ его можетъ служить статья графа А. А. Голенищева-Кутузова: „Гласъ народа—гласъ Божій", появившаяся не-

давно въ „Новомъ Времени“ (№ 10548). Совершенно справедливо осуждая чисто-бюрократическій способъ составленія закона о Государственной Думѣ, авторъ полагаетъ, что простымъ и вполнѣ удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса былъ бы немедленный созывъ земскаго собора, т.-е. „излюбленныхъ людей отъ коренной Россіи, отъ всего сидящаго на землѣ, трудящагося и производящаго ея населенія, отъ крестьянъ, городскихъ сословій, купцовъ, дворянъ, духовенства и представителей русской науки и русскаго слова“. Выборъ членовъ собора слѣдовало бы, „не мудрствуя лукаво“, предоставить дворянскимъ и купеческимъ собраніямъ, городскимъ думамъ, епархіальнымъ съѣздамъ, университетамъ и академіямъ непосредственно, а волостнымъ сходамъ—черезъ избранныхъ ими выборщиковъ. Замѣтимъ, что рѣчь идетъ только о „коренной Россіи“, т.-е. оставляются въ сторонѣ всѣ окраины (цѣлая треть населенія государства),—и ни слова не говорится о земскихъ собраніяхъ, т.-е. именно о главныхъ центрахъ политическаго опыта и политической жизни. Но и помимо этого, можно ли думать, что теперь, въ виду всего совершившагося въ теченіе послѣдняго полугодія, для успокоенія страны было бы достаточно „простого“ средства, предлагаемаго гр. Голенищевымъ-Кутузовымъ? Можно ли вѣрить, что не возникло бы никакихъ недоумѣній ни относительно состава собора (т.-е. распредѣленія и численности различныхъ его элементовъ), ни относительно его правъ и способа дѣйствій, ни относительно условій, ограждающихъ его самостоятельность, его живую связь съ народомъ, ни относительно значенія его рѣшеній? Нѣтъ, время „простыхъ средствъ“ давно уже миновало, и не такимъ слабымъ орудіемъ, какъ сословный земскій соборъ, можетъ быть разсѣченъ гордіевъ узелъ, запутывающійся все больше и больше.

Въ какую бы область русской жизни мы ни заглянули, вездѣ одинаково бросается въ глаза серьезность совершившейся и совершающейся перемѣны. Давно ли, напримѣръ, дворянскія собранія служили, за немногими исключеніями, оплотами рутины, и губернскіе предводители, не замыкающіеся въ узкую рамку сословныхъ интересовъ, оказывались чуть не притчей во языцѣхъ? И что же мы видимъ въ настоящее время? Ярославское чрезвычайное дворянское собраніе высказывается за безсословность выборовъ въ Государственную Думу, за отвѣтственность министровъ передъ Думой, за законодательную иниціативу Думы, за представленіе Государю только тѣхъ законопроектовъ, которые приняты Думой, за всѣ виды свободы, требуемые общественнымъ мнѣніемъ. Двадцать пять губернскихъ предводителей признаютъ себя солидарными съ земскими и городскими дѣятелями, участвовавшими въ депутаціи 6-го іюня [1]). „Московскія Вѣдомости“ стараются умалить

[1]) См. выше: „Внутреннее Обозрѣніе“.

важность этого факта, указывая на то, что въ составъ совѣщанія, уполномоченными котораго являлись кн. П. Н. Трубецкой и гр. В. В. Гудовичъ, входили три предводителя изъ прибалтійскихъ губерній, два—изъ кавказскихъ, четыре—изъ западныхъ (гдѣ нѣтъ дворянскихъ выборовъ) и два замѣстителя предводителей; „настоящихъ" предводителей было, такимъ образомъ, только четырнадцать. И эта послѣдняя цифра, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, можетъ быть названа весьма крупной; но далеко не лишены значенія и всѣ остальныя. Весьма знаменательно, что къ русскимъ предводителямъ примкнули остзейскіе, всегда отличавшіеся своимъ консерватизмомъ; свойственный имъ практическій смыслъ подсказалъ имъ, очевидно, на чьей сторонѣ будущее. Участіе кавказскихъ предводителей свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно новыя теченія распространены на окраинахъ имперіи. Въ западныхъ губерніяхъ со дня на день можно ожидать возобновленія дворянскихъ выборовъ; позволительно думать, поэтому, что нынѣшніе, назначенные предводители, присоединяясь къ лѣвому крылу своихъ выборныхъ коллегъ, дѣйствовали согласно съ настроеніемъ своихъ будущихъ избирателей... Нѣтъ, никакимъ комментаріямъ не удастся поколебать значеніе и смыслъ дворянской депутаціи 18 іюня.

Обратимся теперь къ противоположному концу старой сословной лѣстницы—къ крестьянству. До сихъ поръ приходится слышать увѣренія, что крестьяне дорожатъ своимъ настоящимъ положеніемъ, какъ источникомъ правъ и привиллегій (!), что не отъ крестьянъ идетъ стремленіе къ равноправности, направленное, между прочимъ, противъ института земскихъ начальниковъ. Къ безчисленнымъ фактамъ, давно уже опровергающимъ этотъ взглядъ, присоединился недавно еще одинъ, особенно вѣскій. Въ черниговское губернское совѣщаніе по крестьянскому вопросу были призваны выборные отъ сельскихъ обществъ, чтобы дать заключеніе о законопроектахъ, составленныхъ, въ управленіе В. К. Плеве, редакціонною коммиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ губернатора, настойчиво убѣждало выборныхъ одобрить главныя основанія проектовъ, но встрѣтило съ ихъ стороны упорное противодѣйствіе. Когда одинъ изъ членовъ совѣщанія предложилъ перейти къ разсмотрѣнію проектовъ по статьямъ, не допуская критики ихъ съ общей точки зрѣнія, выборные пришли къ убѣжденію, что нельзя обсуждать по частямъ то, что вполнѣ негодно, и разошлись, заявивъ, что крестьянамъ необходимо полное объединеніе со всѣми остальными русскими гражданами. Изъ *пятидесяти* выборныхъ осталось всего *пять*, да и тѣ заявили о совершенной непригодности проектированныхъ законовъ [1]). Не трудно понять, какой подъемъ духа былъ необходимъ

[1]) См. №№ 181 и 190 „Русскихъ Вѣдомостей".

для достиженія такого результата. Открытыя возраженія начальству недешево, до сихъ поръ, обходились крестьянамъ и встрѣчались до крайности рѣдко; самая ихъ необычность исключаетъ всякое сомнѣніе въ ихъ искренности... Въ менѣе рельефныхъ формахъ черниговскій протестъ повторяется въ разныхъ концахъ Россіи, часто, несмотря на множество преградъ, доходя до свѣдѣнія совѣта министровъ. Нужно очень много смѣлости, чтобы повторять, въ виду такихъ фактовъ, старую басню о мужичкѣ, добровольно несущемъ свое иго и дорожащемъ своимъ безправіемъ.

Болѣе чѣмъ когда-либо фальшивой нотой гимнъ въ честь земскихъ начальниковъ, пропѣтый „Московскими Вѣдомостями" (№ 185), прозвучалъ именно теперь, когда, повидимому, многимъ мѣстностямъ Россіи опять предстоитъ голодный годъ. Трудно допустить, чтобы борьба съ послѣдствіями неурожая была ввѣрена учрежденію, всегда умѣвшему только отрицать или умалять значеніе народнаго бѣдствія— была ввѣрена ему въ столь тяжелую минуту, среди опасностей всякаго рода. Еще недавно было сообщено въ печати, что крестьянское населеніе тимскаго уѣзда (курской губерніи) осталось, въ голодный годъ, безъ продовольственныхъ ссудъ и подверглось даже выколачиванью недоимокъ, только потому, что земскіе начальники этого уѣзда не пожелали разрѣшить волостнымъ сходамъ оффиціально засвидѣтельствовать продовольственную нужду. Неужели возможнымъ окажется повтореніе подобныхъ случаевъ? Не всѣ же уѣздные съѣзды окажутся обладающими такимъ гражданскимъ мужествомъ, какое проявилъ тираспольскій съѣздъ (херсонской губерніи), признавъ, что ему не подъ силу сложныя обязанности, связанныя съ продовольственнымъ дѣломъ—обязанности, которыя можетъ выполнить какъ слѣдуетъ лишь земство, близко стоящее къ народу и пользующееся довѣріемъ общества... Къ традиціямъ земскихъ начальниковъ, выработаннымъ въ голодные годы, принадлежитъ недовѣріе къ частной помощи, которую они, par ordre и по собственному побужденію, всячески ограничивали и стѣсняли. А между тѣмъ, потребность въ такой помощи чувствуется уже теперь; къ ней обращается, напримѣръ, богородицкій (тульской губерніи) уѣздный предводитель дворянства, гр. В. А. Бобринскій, такъ много сдѣлавшій для населенія въ неурожайныя годины прошлаго десятилѣтія [1]). Нужно надѣяться, что на этотъ разъ ему не придется встрѣтить такого противодѣйствія со стороны администраціи, какое онъ испыталъ въ 1898-мъ году.

Въ той сплошной аномаліи, какую представляетъ собою институтъ земскихъ начальниковъ, менѣе всего нормальна судебная ихъ власть,

[1]) См. въ „Вѣстникѣ Европы" 1893 г., № 2, статью: „Въ неурожайныхъ мѣстностяхъ", а также „Внутреннія Обозрѣнія" въ №№ 1 и 3 за тотъ же годъ и въ № 5 за 1898 г.

съ особымъ усердіемъ отстаиваемая реакціонною печатью. Это усердіе понятно: надъ судебною властью земскихъ начальниковъ произнесенъ уже смертный приговоръ, и нужны отчаянныя усилія, чтобы предупредить или по крайней мѣрѣ отсрочить его исполненіе. Третій пунктъ Высочайшаго указа 12-го декабря предрѣшилъ „охраненіе равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ сословій" и „внесеніе должнаго единства въ устройство судебной части"; тѣмъ же указомъ повелѣно „привести законы о крестьянахъ въ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи", чтобы обезпечить за крестьянами „положеніе полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей". Согласно съ этими указаніями, министръ юстиціи призналъ необходимымъ совершенно упразднить или кореннымъ образомъ преобразовать волостной судъ, передать судебную власть земскихъ начальниковъ органамъ общей юстиціи и отмѣнить карательныя полномочія, предоставленныя административной власти. Предположеніямъ этимъ данъ дальнѣйшій ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Можно, слѣдовательно, ожидать, что въ скоромъ времени будетъ возстановленъ въ полной силѣ одинъ изъ основныхъ принциповъ судебной реформы—раздѣленіе властей административной и судебной. Не помѣшаетъ этому ни плачъ, ни скрежетъ зубовный: этого требуетъ не только справедливость, но и самая элементарная государственная мудрость.

Проектъ, поставившій существованіе газетъ и журналовъ въ зависимость отъ единоличнаго усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, сдѣлался закономъ, даже безъ оговорки о временномъ его характерѣ. Разбирая его подробно (въ іюньскомъ внутреннемъ обозрѣніи), мы старались показать, какъ недостаточна, въ сущности, гарантія, заключающаяся въ предоставленіи рѣшающаго слова правительствующему сенату. Пріостановка періодическаго изданія будетъ равносильна, въ большинствѣ случаевъ, совершенному его прекращенію. Закономъ 23-го мая юридическое положеніе печати измѣнено, такимъ образомъ, скорѣе къ худшему, чѣмъ къ лучшему. Далеко не блестяще, въ настоящую минуту, и фактическое ея положеніе. Предостереженія, запрещенія розничной продажи слѣдуютъ одно за другимъ. Іюньская и іюльская книжки „Русской Мысли" задержаны цензурой. „Слово" пріостановлено на мѣсяцъ, „Новости"—на два мѣсяца, за нарушеніе циркуляровъ, основанныхъ на ст. 140-й уст. о ценз. и печ. Всѣ или почти всѣ независимыя газеты, не обреченныя, пока, на временное безмолвіе, висятъ на волоскѣ и ежеминутно, помимо обычныхъ каръ, могутъ испытать на себѣ дѣйствіе новаго закона. Ненормальность такого положенія вещей усугубляется съ одной стороны условіями, при которыхъ мы живемъ, съ другой — оффиціально предпринятымъ

пересмотромъ узаконеній о печати. Больше, чѣмъ когда-либо, важенъ теперь каждый свободный голосъ. Слишкомъ тяжело молчать, когда кругомъ кипитъ небывалое движеніе и назрѣваетъ коренная перемѣна. Ломка или творчество, и если творчество, то въ какомъ направленіи, въ какомъ духѣ—вотъ вопросъ, въ разрѣшеніи котораго должны принимать участіе всѣ наличныя общественныя силы. Произвольными случайными мѣрами строгости предупредить или остановить въ настоящее время ничего нельзя... Трудно понять, почему, послѣ немногихъ попытокъ, оставлена мысль о судебномъ преслѣдованіи проступковъ печати; еще труднѣе объяснить себѣ, почему не только не принимаются въ разсчетъ, но прямо игнорируются работы совѣщанія о печати, учрежденнаго въ силу указа 12-го декабря 1904-го года. Отстаивать статью 140-ю, въ томъ смыслѣ, какой усвоила ей многолѣтняя цензурная практика, не рѣшились даже тѣ члены совѣщанія, которые незадолго до того держали въ своихъ рукахъ судьбы печати; послѣдовательно ли, затѣмъ, попрежнему обращать эту статью въ орудіе для обереганія тайны, не оправдываемой явной необходимостью—тайны, вдобавокъ, совершенно прозрачной, въ главныхъ своихъ чертахъ всѣмъ извѣстной? Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, уполномоченные котораго были недавно приняты и выслушаны Государемъ Императоромъ, не принадлежитъ, очевидно, къ числу тѣхъ фактовъ, оглашеніе или обсужденіе которыхъ представляетъ собою—говоря словами мотивовъ къ ст. 140-ой—„опасную по своимъ послѣдствіямъ нескромность"...

Еще хуже, чѣмъ столичной печати, живется, конечно, печати провинціальной. Вотъ, напримѣръ, что̀ сообщаетъ корреспондентъ „Сына Отечества" о мытарствахъ, которымъ только-что подвергался „Тамбовскій Голосъ": „ни слова нельзя говорить объ аграрномъ движеніи въ губерніи, о малоземельѣ крестьянъ, о дѣлахъ духовнаго вѣдомства, о безправномъ положеніи крестьянъ, объ объединеніи какихъ-либо общественныхъ группъ, о крупныхъ земскихъ недоимщикахъ, каковыми въ губерніи являются дворяне, объ искѣ городской управы къ архіерейскому дому, захватившему часть городской земли, о новомъ консервативномъ составѣ губернской земской управы, объ архаичности мѣщанской управы, о скверной постановкѣ дѣла въ желѣзнодорожной больницѣ, объ установленіи хозяевами-парикмахерами праздничнаго отдыха для служащихъ и проч. и проч. Всѣ событія мѣстной жизни даже въ простомъ фактическомъ изложеніи, находящія себѣ освѣщеніе въ столичныхъ газетахъ, не пропускаются въ „Тамбовскомъ Голосѣ". Сплошь и рядомъ газета принуждена совсѣмъ выходить безъ отдѣловъ: „Война", „Общія извѣстія", „Печать", „По Россіи", „Библіографія", „Общественное самоуправленіе" и проч. Дѣло дошло до того, что „Тамбовскому Голосу" воспрещаются даже перепечатки

(дословныя, безъ комментаріевъ) изъ оффиціальныхъ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей"; такъ, не разрѣшена была перепечатка прокламаціи „Солдатская памятка", взятая изъ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" съ тѣми же вступительными замѣчаніями. Для „Тамбовскаго Голоса" не былъ разрѣшенъ фельетонъ Мих. Яковлева „Вагонъ калѣкъ", черезъ нѣсколько дней (26-го іюня) появившійся въ отдѣлѣ корреспонденцій „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" съ весьма незначительными сокращеніями и безъ всякихъ измѣненій". Понятно, что при такихъ условіяхъ издавать газету слишкомъ трудно: выходъ въ свѣтъ „Тамбовскаго Голоса" временно пріостановленъ, и Тамбовъ опять остался при однѣхъ оффиціальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Когда же, наконецъ, перестанутъ быть возможными подобныя явленія?

Съ такою же, по временамъ обостряющеюся строгостью, какъ и къ печати, администрація относится, въ послѣднее время, къ общественнымъ собраніямъ. Противъ нихъ пускаются въ ходъ устарѣвшія, отжившія постановленія устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, на самомъ дѣлѣ, вдобавокъ, вовсе къ нимъ непримѣнимыя. Ст. 116-я устава (основанная на екатерининскомъ уставѣ о благочиніи) запрещаетъ всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ городѣ общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства; ст. 118-я запрещаетъ противозаконныя сообщества, подводя подъ это понятіе, между прочимъ, всѣ преслѣдующіе вредную цѣль сборища, собранія, сходки, товарищества, кружки, артели, подъ какимъ бы наименованіемъ они ни существовали, разъ что они образовались или дѣйствуютъ по соглашенію нѣсколькихъ лицъ; ст. 111-я запрещаетъ сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія, общей тишинѣ и спокойствію противныхъ. Первыя двѣ статьи относятся, собственно говоря, не къ *собраніямъ*, въ спеціальномъ, юридическомъ смыслѣ этого слова, а къ *обществамъ*, т.-е. къ систематически устроеннымъ, сплоченнымъ, не временнымъ и не случайнымъ организаціямъ, объединеннымъ общностью цѣли и средствъ, подчиняющимся извѣстному, заранѣе установленному порядку, извѣстной дисциплинѣ. Въ ст. 116-й терминъ *собраніе*, какъ видно изъ прибавленныхъ къ нему словъ: *или иное подобное*, употребленъ какъ синонимъ общества, товарищества, братства; въ ст. 118-й *собранія*, *сборища*, *сходки* являются разновидностями противозаконныхъ *сообществъ*, въ такомъ только случаѣ подходящими подъ дѣйствіе запретительнаго правила, если они образовались или дѣйствуютъ *по соглашенію*, т.-е. представляютъ собою настоящее *общество*. Для примѣненія ст. 118-ой необходимо, сверхъ того, установить наличность *вредной цѣли*. Что касается до ст. 111-ой, то хотя она имѣетъ въ виду именно *собранія*, но лишь такія, которыя нарушаютъ общественную тишину

и спокойствіе; къ собраніямъ мирнымъ, благоустроеннымъ, происходящимъ въ закрытомъ помѣщеніи, извнѣ совершенно незамѣтнымъ, она безусловно неприложима. Не могутъ ли собранія, однако, быть закрываемы или запрещаемы на основаніи болѣе недавняго закона— на основаніи положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прил. I къ ст. 1, прим. 2, уст. о предупр. и прес. прест., изд. 1890 г.)? Ст. 16-ая этого положенія предоставляетъ генералъ-губернаторамъ, а въ мѣстностяхъ, имъ не подчиненныхъ—губернаторамъ и градоначальникамъ, воспрещать тамъ, гдѣ существуетъ усиленная охрана, всякія народныя, общественныя и даже частныя собранія; но такое воспрещеніе, по буквальному смыслу статьи, можетъ быть только *общее*, а не частное, не пріуроченное къ отдѣльному случаю... Допустимъ, впрочемъ, что то или иное изъ приведенныхъ нами постановленій даетъ администраціи законный поводъ къ запрещенію собраній, хотя бы и не угрожающихъ общественной тишинѣ и не преслѣдующихъ вредной цѣли: остается еще другой вопросъ, не менѣе важный—вопросъ о *цѣлесообразности* подобныхъ запрещеній. Менѣе всего опасны, въ смутное время, именно тѣ собранія, которыя не окружаютъ себя тайной, не скрываютъ ни своего состава, ни предмета своихъ сужденій—тѣ собранія, участники которыхъ привыкли къ сдержанности, къ самообладанію, къ правильному, спокойному обмѣну мыслей. Безъ собраній нельзя будетъ обойтись, когда наступитъ избирательный періодъ; къ чему же стѣснять ихъ теперь, когда уже поставлены на очередь всѣ вопросы, разрѣшить которые должно будетъ народное представительство? Не пора ли посмотрѣть прямо въ глаза близкому, неотвратимому будущему, и не медлить больше созданіемъ новыхъ, гармонирующихъ съ нимъ условій?

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль—Августъ, 1905.

Книга седьмая. — Іюль. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Генрикъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Перев. А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. Москва, 1905. Стр. 691. Ц. 2 р.

Въ этотъ томъ вошли три произведенія Ибсена —„Перъ Гюнтъ", „Союзъ молодежи" и „Кесарь и Галилеянинъ". По силѣ и глубинѣ замысла, по красотѣ и поэтичности формы, „Перъ Гюнтъ" занимаетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ первыхъ мѣстъ въ богатомъ и разностороннемъ художественномъ репертуарѣ Ибсена. Поэзія старинныхъ норвежскихъ сказокъ переплетается здѣсь съ образами и идеями культурной жизни; самому герою этой драматической поэмы приданы черты, дѣлающія его какъ бы воплощеніемъ норвежской націи. Ближе къ современности—„Союзъ молодежи", ѣдкая политическая сатира, направленная противъ мелочности и фальши обычной борьбы партій. Наконецъ, „Кесарь и Галилеянинъ"—замѣчательная попытка изобразить роковой историческій моментъ поворота отъ язычества къ христіанству, въ видѣ „міровой драмы", гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является императоръ Юліанъ. Это — наиболѣе крупное по объему сочиненіе Ибсена, состоящее изъ двухъ частей, по пяти дѣйствій въ каждой. Вступительныя статьи и примѣчанія переводчиковъ, по обыкновенію, разсказываютъ исторію и значеніе отдѣльныхъ пьесъ, причемъ приводятся также отзывы выдающихся литературныхъ критиковъ. О достоинствахъ русскаго перевода нѣтъ уже надобности говорить: въ этомъ отношеніи репутація П. Г. и г-жи А. В. Ганзенъ установилась вполнѣ прочно и заслуженно.

Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ Н. Сѣверный. Спб. 1905. Стр. 280. Ц. 1 р.

Книга г. Н. Сѣвернаго заключаетъ въ себѣ популярный, очень толково составленный обзоръ историческаго развитія государственныхъ и общественныхъ формъ главнѣйшихъ культурныхъ націй, съ краткимъ изложеніемъ основъ ихъ современнаго конституціоннаго строя и съ объясненіемъ встрѣчающихся при этомъ иностранныхъ терминовъ. Книга, очевидно, предназначена для широкаго круга читателей, живо интересующихся въ настоящее время вопросами подобнаго рода, но не имѣющихъ возможности пользоваться существующею у насъ литературою предмета, вслѣдствіе малой доступности ея для огромнаго большинства публики. Очерки г. Н. Сѣвернаго свободны отъ излишняго балласта и написаны простымъ общепонятнымъ языкомъ. Книга распадается на четыре отдѣла, по государствамъ, къ которымъ относятся сообщаемыя свѣдѣнія, — объ Англіи, Франціи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Сергѣй Шарановъ. Опытъ русской политической программы. Москва, 1905.

Въ брошюрѣ, напечатанной первоначально въ 1900 году въ Берлинѣ,—которую самъ авторъ называетъ „изслѣдованіемъ", — разсказывается сказка объ удивительномъ идеалѣ правителя, готовомъ сойти на землю и облагодѣтельствовать народъ тотчасъ же послѣ принятія великаго реформаторскаго плана, придуманнаго г. Сергѣемъ Шарановымъ. Авторъ ручается за то, что нарисованный имъ образъ свободенъ отъ обычныхъ человѣческихъ свойствъ и слабостей, отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, закулисныхъ совѣтовъ и интригъ, и будетъ всегда блестѣть ровнымъ свѣтомъ высшей правды и мудрости; — и это наивнѣйшее видѣніе серьезно кладется г. Шарановымъ въ основу цѣлаго ряда коренныхъ политическихъ преобразованій, которыя будто бы представляютъ собою „русскую политическую программу". Едва ли кто повѣритъ жизненности подобныхъ видѣній и подобныхъ программъ.

Г. П. Сазоновъ. Народное представительство безъ народа. Спб. 1905. Стр. 64. Ц. 30 к.

Г. Сазоновъ принадлежитъ къ числу тѣхъ друзей народа, которые съ наибольшею горячностью защищаютъ его отъ будущихъ опасностей и притязаній либерализма, парламентаризма и т. п.,—какъ будто другихъ, болѣе реальныхъ и ближнихъ враговъ и угнетателей не было и нѣтъ у крестьянства. Авторъ приписываетъ нѣкоторымъ земскимъ дѣятелямъ, особенно гг. Шипову и Головину, какіе-то „крѣпостническіе" замыслы, на томъ основаніи, что они не предвидятъ скораго активнаго участія народныхъ массъ въ политической жизни и отводятъ крестьянству слишкомъ мало мѣста въ будущемъ народномъ представительствѣ; но въ своей рѣзкой односторонней полемикѣ противъ земцевъ онъ упустилъ изъ виду, что другіе, несравненно болѣе вліятельные составители проектовъ, быть можетъ, вовсе не думаютъ допускать какое бы то ни было участіе народа въ представительствѣ помимо властныхъ указаній и принудительной опеки мѣстной администраціи. Оттого и вся брошюра г. Сазонова производитъ какое-то странное впечатлѣніе.

Постоянно нейтральныя государства. Юридическое изслѣдованіе барона Б. Э. Нольде. Спб. 1905. Стр. 618. Ц. 3 р. 50 к.

Въ этомъ изслѣдованіи подробно разбираются международно-юридическіе вопросы, связанные съ институтомъ постояннаго нейтралитета, какой установленъ трактатами относительно Швейцаріи, Бельгіи и государства Конго. Пользуясь не только всею специальною литературою предмета, но и громадною массою архивнаго матеріала, авторъ съ необыкновенною обстоятельностью освѣщаетъ различныя стороны того любопытнаго явленія, которое заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ принципіальное отрицаніе войны, какъ традиціоннаго способа разрѣшенія международныхъ столкновеній. Если отдѣльныя государства могутъ лишаться права воевать, оставаясь вполнѣ независимыми и самостоятельными, то не трудно представить себѣ распространеніе этого ограниченія на всѣ культурныя державы, входящія въ составъ международнаго общенія. Съ обычною осторожностью ученаго изслѣдователя, баронъ Нольде указываетъ на возможность такого именно будущаго хода развитія въ области международныхъ отношеній,— хотя политическая практика, къ сожалѣнію, еще очень далека отъ надлежащаго признанія идеи права, какъ руководящаго принципа въ жизни народовъ и государствъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1905 г.
(Сороковой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	[illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса; при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

